

Генрих Бёмер

ИЕЗУИТЫ

Генри Чарлз Ли

ИНКВИЗИЦИЯ

Происхождение
и устройство

ПОЛИГОН • АСТ
Санкт-Петербург • Москва
MCMXCIX

ББК 63.3
Б 45

Бемер Г.

Б 45 Иезуиты. Бемер Г.; Инквизиция. Ли Г.Ч. –
С.-Петербург, ООО “Издательство ПОЛИГОН”,
1999. – 1248 с.

ISBN 5-89173-044-8

По мере того, как наше знакомство с прошлым становится все более глубоким и осмысленным, в обществе появляется все больший интерес к истории религиозных верований, учений и учреждений. Среди слабо освещенных вопросов в нашей литературе на первое место следует поставить историю ордена Иезуитов и инквизиции. Восполняя этот пробел, читателям предлагается книга, составленная из работы германского исследователя Генриха Бёмера «Иезуиты» и труда известного американского историка Генри Чарлза Ли «История инквизиции в средние века».

ББК 63.3

ISBN 5-89173-044-8   © ООО “Издательство ПОЛИГОН”

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже вошло в поговорку утверждение, что история повторяется дважды: один раз – в виде трагедии, а другой раз – в виде фарса. Однако если переложить это утверждение в отношении ордена Иезуитов, то окажется, что в данном случае история повторилась дважды в виде трагедии: один раз в XVI–XIX вв., а другой раз в 1917–1991 гг.

Эта мысль невольно возникает у читателя после знакомства с работой профессора Марбургского университета Генриха Бёмера «Иезуиты», изданной в России в 1913 году в переводе Н.Попова. В отличие от большинства изданий на эту тему книга Г.Бёмера представляет собой краткий, но объективный, строго научный очерк почти трехвековой истории Общества Иисуса (лат. «Societas Jesu»), в котором описывается происхождение этого объединения, и отмечаются все важнейшие этапы, через которые прошло его развитие. Автор не закрывает глаза на отрицательные стороны деятельности иезуитов, но в то же время старается защитить их от несправедливых нападок.

Введение к этой книге, написанное Габриэлем Моно, можно рассматривать как отдельный труд на данную тему, так как оно представляет собой достаточно обширный анализ источников и исследований по истории иезуитов, которые имелись к началу XX века. Г.Моно также является автором перевода «Иезуитов» на французский язык и большинства примечаний к изданию 1911 года, которые полностью приводятся и в настоящем издании.

Другим произведением, включенным в сборник, является книга «Инквизиция. Происхождение и устройство», которая является частью 3-х томного труда знаменитого американского историка Ген-

ри Чарлза Ли «История инквизиции в средние века», вышедшая на русском языке в 1911 году в переводе А.В.Башкирова, под редакцией С.Г.Лозинского. Перевод этой книги выполнен не с английского, а с французского издания 1901-1902 гг., в который вошли некоторые дополнения и изменения, внесенные автором. Этой работе также присущи объективное отношение к предмету изложения и обширное использование архивного материала.

Эти два произведения включены в единый сборник не случайно. Во-первых, не вызывает сомнений исключительная научная ценность данных исследований; во-вторых, они органично дополняют друг друга и объясняют причины, условия и методы формирования абсолютной власти, в данном случае на примере Римской католической церкви – власти папы римского; в-третьих, авторов невозможно обвинить в приверженности к коммунистической идеологии, так как в то время, когда были изданы на русском языке эти книги, ее еще не существовало в государственном масштабе.

Однако, как уже отмечалось выше, при знакомстве с этими произведениями невольно возникают ассоциации с нашим совсем недавним прошлым. Как в классической драме, достаточно лишь заменить время действия, место действия и основные персонажи. Методы, или, если угодно, технологии достижения транснациональной, «надгосударственной» абсолютной власти остались неизменными, изменились лишь некоторые приемы, и то благодаря новым техническим возможностям. Конкретных примеров подобного сходства можно привести великое множество, столь же похожи и причины падений этих «надгосударственных» империй, причем сходства настолько очевидны и «красноречивы», что называть их простыми совпадениями было бы откровенно нелепо.

При подготовке данного издания мы сознательно ограничились минимальным количеством комментариев в виде сносок с пометками в связи с тем, чтобы предоставить читателю возможность составить свое мнение об этой стороне истории человеческих отношений, самому определить или опровергнуть аналогии и противоречия и сделать свои выводы из прочитанного. Что касается стиля изложения материала, орфографии и пунктуации, то мы также сознательно ограничились минимальной редактурой текста и предоставили читателям возможность насладиться прекрасным русским языком начала XX века, который, увы, уже сильно изменился и, к сожалению, не в лучшую сторону.

*Ротонда Св. Мартина.
Вьшеград. Прага. Конец XI в.*

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Изучение истории иезуитского ордена представляет собой не только академический интерес. Общество Иисуса, возникшее в середине XVI столетия и почти сразу занявшее место передового борца в борьбе католицизма с протестантизмом, продолжает и поныне играть значительную роль в жизни католической церкви. Поскольку, несмотря на целый ряд нанесенных ей ударов, последняя все еще является весьма реальной силой в интеллектуальной и общественной жизни Западной Европы, постольку остаются реальной силой и иезуиты. Поэтому понятно, что Общество Иисуса породило обширную литературу и что большинство посвященных ему сочинений носит резко партийный характер. В этом отношении предлагаемая русским читателям работа профессора Марбургского университета Г. Бёмера, выдержавшая к 1913 году в Германии три, а во Франции два издания, представляет собой исключение. Бёмер дает краткий, но объективный, строго научный очерк почти четырехвековой истории Общества Иисуса, в котором он описывает его происхождение и отмечает все важнейшие этапы, через которые прошло его развитие. Автор не закрывает глаза на все отрицательные стороны деятельности иезуитов, но в то же время старается защитить их от несправедливых нападок.

Вскоре после своего выхода в свет книга Бёмера вышла и на французском языке в переводе Габриэля Моно, написавшего к ней обширное введение и примечания, которые мы прилагаем и к нашему переводу.

8 июля 1913 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Занятый другими делами, я не смог коренным образом переработать эту небольшую книгу и использовать весь богатый материал, который я собрал в течение последних лет во Франции и Испании. Кое-что новое по рассматриваемым в этой книге вопросам читатель найдет в моих исследованиях «О Лойоле, тайных иезуитах, иезуитском учении, о тираноубийстве, так называемой иезуитской морали». К сожалению, я не мог остановиться здесь и на разборе полемических сочинений, направленных против моей книги, отца Tacchi Venturi S. J., I. Gesuiti и E. Rosa S. J. Roma, 1910 г., которые я рекомендую вниманию читателей. Вообще, я должен просить читателей не быть слишком требовательными к моему непритязательному сочинению, не ставить автору в вину небольших ошибок и недочетов, которые совершенно неизбежны при анализе столь огромного материала, и не усматривать в этом проявления дурных намерений.

Совершенно очевидно, что при ознакомлении с настоящим материалом читатель обратит внимание на то обстоятельство, что моя оценка деятельности иезуитов все более и более склоняется в пользу ордена. Я думаю, мне поверят, что такая эволюция моих воззрений является простым результатом моего более детального ознакомления с подробностями. Я честно стараюсь рассматривать вещи такими, какими они являются в действительности, и не позволяю себя смущать ни пасквилями, большей частью анонимными, которые время от времени доставляет мне почта, ни искренними попытками изменить мое мнение, с которыми иногда ко мне обращаются.

В 1911 году в Версале я встретился с Габриэлем Моно, который перевел мою книгу на французский язык, и мы решили напе-

чатать при случае избранные отрывки из многочисленных, зачастую весьма неординарных писем, которые поступали в наш адрес. Но, к моему искреннему сожалению, Габриэль Моно скончался, и я не знаю, смогу ли я один исполнить наш план. Все же я хотел бы сообщить тем читателям, которые так ревностно старались установить мое происхождение, что я не являюсь ни ограниченным и фанатичным ультрамонтанцем, как пыталась доказать «Ewangelische Freiheit» Баумгартена, ни приверженцем старокаатолического направления, как решила одна консервативная газета, ни семитом или филосемитом, как утверждали некоторые поразительно остроумные люди, ссылаясь на мои замечания о расе. Кто я такой, пусть читатель решает сам.

*Бонн на Рейне,
19 апреля 1912 г.*

Генрих Бёмер

ОБ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА ИИСУСА

По мере того как знакомство с прошлым становится более глубоким и осмысленным, историки начинают отводить все больше места изучению религиозных верований, учений и учреждений. Их влияние сказывалось уже на первых стадиях общественного развития, и с течением веков оно только росло, особенно у народов, которые подпали под власть христианства. Но историческое изучение религиозных феноменов еще очень мало подвинулось вперед. Это зависит не только от того, что опасение затронуть убеждения и предрассудки людей мешает многим историкам приступать к изучению этих вопросов с полной откровенностью, но и от тех затруднений, которые кроются в самом изучении религий.

Религиозные факты так тесно связаны со всем умственным и нравственным развитием и вообще со всеми проявлениями общественной жизни народов, что точное определение их природы и области действия является очень трудной задачей. Кроме того, воображение и субъективные создания чувства и ума занимают в религии очень важное место; благодаря этому мы лишь с трудом можем понять, какую роль играла религия в формировании мыслей и чувств других лю-

дей, и все документы, касающиеся религиозных сюжетов, полны легенд, химерических изобретений и всевозможных извращений, которые может дать уму и чувству только мистическая экзальтация. Наконец, религии всегда были ареной столкновения противоречивых слепых страстей, слепых потому, что их объекты совершенно ускользали от научного наблюдения и от рациональных доказательств и, с другой стороны, всегда были связаны с весьма существенными духовными и светскими интересами, здесь, на земле, и духовными – в потустороннем мире. Книги на религиозные темы всегда преисполнены или защитными или обвинительными речами; они исходят или от верующих, или от противников, нападающих на них. Объективные, беспристрастные свидетельства встречаются редко. Очень часто добровольная тайна окутывает в истории религий то, что было бы особенно важно знать. Поэтому в истории религий очень много вопросов, мало или плохо изученных.

Среди этих слабо освещенных вопросов на первое место следует поставить историю Общества Иисуса. С середины XVI века и до начала XX века оно играло такую роль в судьбах многих стран, значение которой трудно преувеличить, и, однако, большинство исторических работ далеко не отвели ему должного места.

Начиная с Тридентского собора Общество Иисуса, так сказать, отождествило свои судьбы с судьбами папства; оно хотело одновременно служить ему, защищать его и управлять им; и вместе с тем оно обрзовало как бы церковь в церкви со своим генералом – папой, провинциалами – митрополитами, со своим духовенством, своими храмами, коллегиями, университетами, своими миссионерскими станциями, почти повсеместно не подлежащими контролю со стороны всех чуждых ему властей, духовных и свет-

ских. Оно вызывало безграничную преданность и удивление, равно как и беспредельную зависть и ненависть даже в самом католическом мире, даже среди белого и черного духовенства. О нем почти никогда не говорили спокойно и беспристрастно. Нет ничего более трудного, чем точно исследовать его историю. Работы, написанные самими иезуитами, почти все без исключения представляют из себя сочинения, проникнутые резко апологетической тенденцией; кроме того, общество, возглавляемое самостоятельным правительством, которое было замешано во всех крупных вопросах мировой политики, никогда не выражало ни малейшего желания осведомлять безразличные или враждебные ему общественные круги о своих предприятиях и намерениях. Оно более чем какое-либо другое правительство скрывало свои государственные архивы от нескромных взглядов, и никто из лиц, не принадлежащих к обществу, не знает даже, где они находятся.

Лишь совсем недавно общество решилось изложить свою историю с момента возникновения на основании хранящихся в архивах документов. Оно начинает с изложения истории иезуитов каждой страны в отдельности. Германские страны были поручены отцу Дуру, Испания – отцу Астрену, Франция – отцу Фукере, Италия – отцу Вентури. Этот план не лишен определенных недостатков, так как единство и централизация управления являются основными чертами ордена. Но такой подход имеет определенное преимущество в том, что он облегчает коллективную работу и, разделяя огромный и сложный материал, позволяет лучше осветить его. Впрочем, нам обещают, что впоследствии появится история правительства Общества Иисуса, которая увенчает собой все предприятие и установит связь между всеми местными исто-

риями. Лишь в ней мы найдем историю самого общества.

Уже появившиеся части этого обширного издания освещают орден в самом выгодном свете. Но историки лишь тогда почувствуют полную уверенность, когда они сами будут допущены к работе в архивах общества и смогут проверить исследования отцов: история иезуитов не только извращена вследствие предвзятости точек зрения их противников и их апологетов; она более чем какая-либо другая история изобилует измышлениями, легендами и подделками; историческая достоверность сознательно извращалась иезуитами с целью оправдать себя или нанести вред своим противникам, чтобы успешнее бороться с ними. Нет ничего труднее, чем разобраться в этой груде противоречивых свидетельств, исходящих от заинтересованных сторон. Почти все противники ордена, писавшие в XIX веке, пользовались «Выдержками из утверждений» («Extraits des assertions»), опубликованными по постановлению парижского парламента в 1762 году, не дав себе труда изучить изданные иезуитами «Ответы на утверждения», в которых отцы указывают на сотни совершенно ложных утверждений, имевшихся в «Выдержках».

Что касается общих работ об иезуитах, то французская читающая публика вынуждена обращаться или к восьмитомной «Истории ордена Иисуса» Кретино-Жоли, которая представляет собой полемическое и апологетическое сочинение, лишенное всякой критики и полное неясностей и ошибок, или к переведенной Маршалом книге Губера «Орден иезуитов, его устройство, доктрина, деятельность и история». Перевод сделан со значительными пропусками и большим количеством ошибок; сам же подлинник, надо отметить, точнее и яснее книги Кретино-Жоли,

но проникнут крайней враждебностью к иезуитам. Поэтому мы думаем, что окажем услугу французским читателям, желающим быстро и беспристрастно ознакомиться с историей Общества Иисуса, если переведем книгу профессора Боннского университета Бёмера, который, отмечая все ошибки и прегрешения, которые справедливо ставят в вину иезуитам, вместе с тем отдает должное величеству их работы, возвышенным намерениям основателей ордена, героическим добродетелям, проявленным иезуитами.

Если враждебные ордену историки склонны судить о нем по собраниям текстов и желчным памфлетам членов парижского парламента и янсенистов¹ XVIII века, широкая публика судит о нем по бессмертному памфлету Паскаля «*Provinciales*», по полемическим произведениям, появившимся против иезуитов в 1843–1845 годах, и особенно по работам Мишле² и Кине³, не давая себе труда прочесть опровержений иезуитов, которые, за исключением красноречивой, но малодоказательной брошюры отца де Равиньяна «*L'existence et l'Institut des Jésuites*» и интересного, но неискусно составленного памфлета отца Каура

---

¹ Янсенизм – течение в католицизме, начало которому положил нидерландский богослов XVII в. Янсений (Jansénius). Воспринял некоторые черты кальвинизма (в догмате о предопределении). Янсенисты резко выступали против иезуитов. Распространился главным образом во Франции (центр – Пор-Руаяль) (потерял значение к сер. XVIII в.). Осужден папством. – *Прим. ред.*

² Мишле (Michelet) Жюль (1798 – 1874), французский историк романтического направления. Главные сочинения: «История Франции» (до 1789 г.), «История Французской революции». – *Прим. ред.*

³ Кине (Quinet) Эдгар (1803 – 1875) – французский поэт, историк и философ, внесший значительный вклад в развитие традиций либерализма во Франции. – *Прим. ред.*

Кардинал Флёри.

Гравюра работы И. Дрезэ с портрета кисти Гуацинта Риго (Cahour) «Des Jésuites poer un Jésuite», имеют лишь весьма посредственную ценность.

Если мы теперь хладнокровно перечитаем знаменитые лекции Мишле и Кине, читанные ими в Коллеж-де-Франс в 1843 году, мы лишь с трудом поймем вызванное ими возбуждение и то восторженное удивление, с которым они были встречены не только журналистами и либеральным студенчеством, но и таки-

ми людьми, как Кювилье Флёри, Сен-Марк Жирарден, Теофиль Готье, Мериме, Понжервиль, Леон Фоше, Шерюель, Валле де Веривиль и др. Тон обоих курсов не отличался особенной страстностью; оба профессора тщательно избегали всего, что как-то могло походить на стремление к сенсации, и, в частности, едва коснулись вопроса о казуистике¹. Оба они (Мишле очень обще и поверхностно, Кине более методически и опираясь на тексты) развивали обвинение, всегда предъявлявшееся иезуитам, в том, что они учат механическому благочестию, подчиняя душу духовной гимнастике, в сфере морали подменяют развитие индивидуальной совести подчинением внешнему руководству и букве мнений казуистов, сводят всю нравственность и все воспитание к одной добродетели, к рабскому повиновению. Таким образом, они представляли мировоззрение иезуитов в виде доктрины смерти, в противоположность возвышенной духовной жизни средневековья и духу свободы Ренессанса. В этих положениях, большей частью верных, не было ничего поразительного, ничего сенсационного потому, что общество всегда видело в духе методической регламентации и безусловного преклонения перед авторитетом свою оригинальность и свое превосходство.

К несчастью, Кине и Мишле заметили только это в деятельности Общества Иисуса и решили, что единственной целью, которой оно руководилось в своей деятельности, было порабощение душ и распространение собственного могущества, забыв в высшей

---

¹ Казуистика – рассмотрение отдельных случаев в их связи с общими принципами (права, морали и т. д.). В теологии (особенно в католицизме) – учение о степени греха применительно к различным обстоятельствам. – *Прим. ред.*

степени меткое замечание Вольтера, о котором должен помнить всякий не расположенный к иезуитам исследователь их истории: «Ни одна секта, ни одно общество никогда не имели и не могут иметь сознательного намерения портить людей»¹. В частности, Кине пытается доказать, ссылаясь на тексты, что иезуиты из опасения открыть дверь философской мысли и вследствие чисто формального понимания благочестия дошли до того, что исключили из своего преподавания даже мысль о Боге. Он доходит даже до утверждения, что они преподавали атеистическую науку, атеистическую метафизику. Но на что он опирается? Прежде всего на то, что в «Конституциях» Лойолы имя Бога встречается лишь изредка и что в них говорится только о должностях и должностных лицах.

Огромный том «Конституций», определяющий всю организацию ордена с такой детальностью и точностью, что в дальнейшем в ней ничего ни разу не пришлось изменить, не мог, естественно, содержать на каждой странице благочестивые излияния; однако достаточно просмотреть его, чтобы убедиться в том, до какой степени он проникнут мыслью о служении Богу и Иисусу Христу. Если мы прочитаем VI часть, об обязанностях членов ордена, мы увидим, что на каждой странице речь идет о славе Бога, Его благости, о повиновении Ему. Утверждать, что имя Бога скрывалось от людей, которых приучали всюду, в частных письмах, в книгах, на зданиях, выставлать девиз А. М. D. G. (*Ad Majorem Dei Gloriam*)², значит выставлать поистине чудовищный парадокс.

Но более всего Кине нападает на преподавательскую деятельность иезуитов; он утверждает, что они не по-

---

¹ Siècle de Louis XIV, ch. XXXVIII: Du Jansénisme.

² «Во имя великой славы Господа!» – *Прим. ред.*

зволяли говорить о Боге на занятиях по философии, и цитирует 2-е правило курса философии в «*Ratio Studiorum*»: *Quaestiones de Deo... praetereantur*. К сожалению, это место вырвано из контекста. В действительности в указанном месте говорится: «*In metaphisica quaestiones de Deo et intelligentiis quae omnino aut magnopere pendent ex veritatibus divina fide traditis praetereantur*», что может означать лишь: «В метафизике следует обходить вопросы о Боге и духах¹, так как они полностью или в большей части зависят от истин, переданных нам верой». Тем не менее VII и XII книги «Метафизики» Аристотеля объяснялись; рекомендовалось лишь избегать всего, что в этой области так или иначе затрагивает веру. Так как иезуит после трехлетнего курса философии должен пройти четырехлетний курс теологии, то его учителей никак нельзя заподозрить в нежелании говорить ему о Боге. Впрочем, иезуиты были вполне правы потому, что цель их состояла не в том, чтобы готовить философов, а в том, чтобы готовить проповедников, преподавателей, духовников и помешать им погрязнуть в вопросах чистой метафизики. Они рекомендуют, к великому негодованию Кине, останавливаться на вопросе бытия не более трех или четырех дней. Этот совет полон мудрости. Наконец, Кине, совершенно ошибочно, переводит место в курсе логики, где рекомендуется «ничего не говорить *de praedicamento substantiae*», то есть «ничего не говорить об идее субстанции», между тем как «*Ratio studiorum*» требует лишь, чтобы при изучении категорий (*praedicamenta*) Аристотеля оставлялась в стороне

---

¹ Выражение «*intelligentiae*» обозначало на языке схоластики «чистых духов», т. е. «ангелов». Полагали, что Аристотель знал об их существовании.

субстанция, которая, с точки зрения авторов «Ratio», существенно отличается от других категорий.

Все цитаты Кине, все данные им переводы обнаруживают предвзятую точку зрения, исходя из которой он цитировал и интерпретировал тексты. Анализируя «Духовные упражнения», он негодует на то, что Лойола предписывает: «*ut paria anhelituum et vocum interstitia observet*»; он переводит *anhelituum* словом «вздохи» и интерпретирует это так: «Человек обязан вздыхать, плакать и стонать по приказанию». Игнатий просто предписывает соблюдать в общей молитве одинаковые промежутки между вдохами и словами, чтобы можно было хорошо продумать значение последних. Это по-детски наивно, но не содержит в себе ничего дурного.

В другом месте Кине обвиняет Лойолу в том, что он играет в мученичество и героизм, симулирует умерщвление плоти, учит лицемерному фарисейству, потому что Игнатий советует своим ученикам: «*quare flagellis potissimum utemur de funiculis minutis, quae exteriores affligunt partes, non autem adeo interiores, ut valetitudinem adversam causare possint*». Кине переводит: «Мы должны использовать тоненькие бечевки, которые ранят кожу, слегка поражая лишь внешние части...» Кине позабыл, что сам он, встретив в другом месте слово *affligunt*, перевел его не как «слегка поражая», а как «нанося мучения», и что *funiculi* не бечевки, а веревки. Если бы он дал себе труд прочитать в совокупности все предписания Лойолы относительно поста, бдения, укрощения плоти и бичевания, он бы увидел, что все они проникнуты одним и тем же духом. Эти предписания очень серьезны, даже суровы, но Игнатий всегда заботится о том, чтобы не перейти границ и не повредить здоровью. Он основывает орден людей действия, не орден созерцателей и аскетов.

«Не следует, – говорит он в I главе III части «Конституций», – истощать себя бдением, воздержанием и другими ограничениями, которые обычно вредят и мешают развиваться высшим добродетелям». Это не хитрость, не лицемерие, а мудрость.

Мишле был осторожнее Кине и меньше цитировал тексты; но позднее, когда он в своей истории реформации снова обращается к иезуитам, он надеется раздавить орден одной неопровержимой цитатой. «Каковы пределы повиновения в этом военном ордене в мирном платье?» – задает вопрос Мишле. Это очень важный пункт, и здесь бискайский капитан был действительно оригинален. Основатели более ранних духовно-рыцарских орденов говорили: «Вплоть до смерти»; Лойола идет дальше и говорит: «Вплоть до греха». Греха искупимого? Нет. Он идет еще дальше. Повиновение, по мнению Лойолы, включает в себе готовность совершить смертный грех. «*Visum est nobis in Domino nullas constitutiones posse obligationem ad peccatum mortale vel veniale inducere, nisi superior (in nomine I.-C. vel in virtute obedientiae) iuberet*» – «Ни одно правило не может заставить совершить смертный грех, если не прикажет старший». Следовательно, если последний прикажет, нужно грешить, нужно совершить даже смертный грех. Это утверждение оказалось ново, смело и очень чревато последствиями.

Не один только Мишле приписывал этот ужас Игнатию Лойоле. Арнольд в своей обвинительной речи против иезуитов (1594), Вольф в своей «Истории иезуитов» (1792), Ланге в своей «Истории баварских иезуитов» (1816), Ранке в первом издании «Истории римских пап», Гейссер и Дройзен в своих «Историях реформации», Филиппсон в «Истории восточной Европы в эпоху Филиппа II» и в «Религиозной контр-

революции» и В. Шарбонел в своей брошюре «Мусульманское происхождение иезуитов» (1899) поняли V главу VI части «Конституции» так же, как Мишле. Однако они должны были бы знать, что это чудовищное заблуждение неоднократно опровергалось начиная с 1824 года, в частности Гизелером в его «Истории церкви», известной и Мишле, и Ранке во втором издании его книги¹. Для них достаточно было бы вспомнить, что в I главе той же VI части Игнатий сказал: «Проникнемся убеждением, что все справедливо, если его приказывает исполнить старший. Слепо повинаясь, откинем все мысли и чувства, противные его приказаниям, всякий раз, когда в них нельзя найти чего-либо греховного»².

Возможно ли, что в такой глубоко продуманной работе, как «Конституции», Игнатий так решительно выступил против своего собственного мнения? Правда, V глава VI части, хотя и не содержит приписываемого ей скандального смысла, принадлежит к числу тех глав, в которых дух свободы и кротости смягчает суровость правил послушания. Заглавие главы гласит: «*Quod constitutiones peccati obligationem non inducunt*», что значит: «О том, что конституции не требуют повиновения под угрозой греха». Цель главы – объявить, что обязательны лишь обеты бедности, целомудрия и повиновения и обет, подчиняющий общество верховенству папы, что только их неисполнение влечет за собой грех, что вообще же невыполнение конституций не составляет греха, за исключе-

---

¹ Во французском переводе «Конституций», изданном в 1843 году, Гарнье, несомненно известный Мишле, вместе с латинским текстом приводит и точный перевод этого отрывка.

² Мишле в своем курсе цитировал это место, не упомянув, однако, о заключающемся в нем ограничении.

нием тех случаев, когда старший повелевает исполнить какое-нибудь содержащееся в них требование именем Иисуса Христа или в силу долга повиновения потому, что желательно, чтобы иезуиты соблюдали конституции не из страха перед грехом, а из любви к совершенству¹. Именно эта не только безупречная, но даже трогательная глава и дала повод предъявить иезуитам самое тяжкое обвинение. Это тем более нелепо, что на основании аутентичных текстов весьма легко доказать, что было чрезмерным,

---

¹ Цитата и перевод этого весьма существенного места:

«*Visum est nobis in Domino, excepto expresse voto, quo Societas Summo Pontifici... tenetur, ac tribus aliis essentialibus Paupertatis, Castitatis et Obedientiae, nullas Constitutiones, Declarationes vel Ordinem ullum vivendi, posse obligationem ad peccatum mortale vel veniale inducere; nisi superior ea in Nomine Domini nostri I.-C., vel in virtute obedientiae iuberet, quod in rebus vel personis illis, in quibus iudicabitur, quod ad particulare unius cuiusque, vel ad universale bonum multum conveniet, fieri poterit; ut loco timoris offensae succedat amor et desiderium omnis perfectionis, et ut maior gloria et laus Christi creatoris, ac Domini nostri consequatur.*»

«Мы решили в Господе, что за исключением определенного обета, которым общество связано с верховным первосвященником, и трех остальных основных обетов, бедности, целомудрия и повиновения, ни одна конституция, ни одна декларация, ни одно правило не может быть обязательно к исполнению под угрозой греха, смертного или искупимого; разве только старший не прикажет соблюдать их (т. е. конституции) во имя Господа нашего Иисуса Христа или во имя обета повиновения, когда он сочтет это выгодным в интересах или частного блага каждого отдельного лица или в интересах общего блага; чтобы место страха перед грехом заняли любовь и стремление к полному совершенству, и чтобы воспоследовала наибольшая слава и похвала для Христа, Творца и Господа нашего».

Мишле, цитируя текст, пропускает это место, которое относится только к конституциям, декларациям и правилам.

даже возмутительным в иезуитской концепции повиновения. В то время как св. Григорий Великий советовал подчиненным подчиняться не более, чем следует, из опасения, как бы они, стараясь повиноваться людям более, чем нужно, не стали бы чтить даже их недостатки (*Corpus juris canonici*, XXIX, 7, cap. 57), Игнатий, по словам Маффеи (*Vita Ignacii*, III, с. 7), говорил, что повинующийся человек должен принести в жертву своему старшему свои суждения и свою волю.

В своем известном письме к португальским иезуитам Игнатий дает такое же предписание и заявляет, что подчиненные должны считать, что старший над ними не может заблуждаться и иметь обычные человеческие слабости. В записках, продиктованных перед смертью отцу Иоанну Филиппу Витти, он предписывает повиноваться приказаниям старшего даже в том случае, когда в приказании содержится нечто греховное, если только грех не очевиден. Если же он очевиден, следует отрешиться от собственного суждения и положиться на решение двух или трех авторитетных лиц. Наконец, в дополнениях к «Конституциям» (примечание и §2 31-й главы III части) Игнатий советует старшим для испытания новициев давать им приказ на совершение преступных по видимости деяний, соизмеряя, впрочем, испытания с силами каждого отдельного новicia. Можно легко себе представить опасности подобного воспитания.

Приведенные выше примеры показывают, в какие заблуждения можно впасть, если без всякой критики доверяться книгам, написанным об иезуитах. Я должен прибавить, что подобные же предосторожности следует принимать и при чтении ответов иезуитов своим обвинителям. Историческая правда в них часто извращается или совершенно отвергается без малейших угрызений совести.

Во всяком случае, в манере Мишле, Кине и многих других противников ордена, пытающихся изложить и дать оценку действиям и учениям иезуитов, по моему мнению, более всего заслуживает критики то обстоятельство, что они трактуют о них вне всякой связи с породившей их средой и с объясняющими их условиями. Слишком часто забывают, что Общество Иисуса существует уже в течение почти четырех веков, что оно насчитывало миллионы членов, что оно действовало в самые различные времена и в самых различных странах; что, если его организационная структура в известной мере всегда оставалась одной и той же, ордену все-таки пришлось испытать немало изменения и превратностей судьбы, и что, следовательно, нельзя давать оценок, которые бы охватывали сразу всех его членов, все его действия, все периоды его истории.

Одним из мотивов, побудивших нас перевести книгу Бёмера, заключается в том, что он лучше, чем это обычно делается, отметил перемены, которые пришлось испытать Обществу Иисуса. Мы, однако, попытаемся сейчас рассмотреть несколько подробнее ряд вопросов, на которых он не имел времени остановиться.

МЕСТО ОБЩЕСТВА ИИСУСА В ИСТОРИИ РЕФОРМАЦИИ

Чтобы понять природу и роль Общества Иисуса, необходимо обратиться к его генезису и определить то место, которое оно занимает в истории Реформации, и те исторические причины, которые его породили. Горячие апологеты Общества Иисуса, равно как и его красноречивые изобличители, говорят о нем, как будто бы это общество занимало в истории цер-

кви в своем роде единственное, исключительное место, как будто оно было Провидением для одних, дьяволом для других и совершенно изменило направление, в котором развивался католицизм. Если мы дадим себе труд внимательно изучить развитие христианской церкви в средние века, ее упадок в XIV и XV веках, двойное движение протестантской реформации и католической реформации, которая преобразовала и спасла церковь в XVI веке, мы увидим в возникновении Общества Иисуса естественный результат всей предшествующей церковной и религиозной эволюции; мы легко поймем значительную, даже преобладающую роль, которую оно стало играть в реформированной католической церкви; для нас станет ясным, каким образом католицизм и иезуитство с течением времени постепенно идентифицировались, несмотря на то что в XVIII веке общество должно было на некоторое время прекратить свою открытую деятельность по приговору самой папской власти.

Западная христианская церковь достигла апогея своего могущества в XIII столетии, в тот момент, когда разрушившаяся держава Гогенштауфенов пала к ногам папской власти; когда капетингская монархия тесно сблизилась со святым престолом; когда Византийская империя рушилась под ударами западных христиан; когда к блестяще расцветшему монашеству XII века прибавились два новых ордена, францисканцы и доминиканцы, которые явились новыми источниками мистики и дали церкви целые армии проповедников и миссионеров; когда, наконец, на всех проявлениях духовной и общественной жизни легла печать религии.

Правила рыцарства накладывали религиозный отпечаток на военную организацию и жизнь феодализ-

ма; с другой стороны, религиозные братства были тесно связаны с организацией цехов и всей городской жизнью. Все искусства: архитектура, скульптура, живопись на стенах и на стекле, мозаика – находили свое приложение главным образом в церковных зданиях. Университеты были полупереховными учреждениями и получали свои привилегии от папы. Философия была служанкой теологии, а эпическая поэзия, составлявшая духовную пищу феодального общества, развивалась вокруг монастырских святынь и на дорогах паломников.

Это глубоко христианское общество, неутомимо борющееся за поддержание единства веры и распространение христианской церкви при помощи крестовых походов против неверных, еретиков и раскольников; это общество, в котором папская власть, начиная с середины XI века, благодаря деятельности целого ряда великих первосвященников, заставила признать свой верховный авторитет и монархов, и епископов, а также очистило духовенство, тем не менее открывало широкое поле для проявления личной инициативы, самобытности и свободы.

Католическая церковь в каждой отдельной стране имела свое собственное лицо; галликанская церковь не являлась рабской копией английской или немецкой церковью. Каждый монашеский орден имел свои особенные сферы и приемы деятельности; схоластическая философия бралась с большой смелостью за разработку всех проблем и порождала различные школы, иногда даже враждебные друг к другу, как, например, номинализм и реализм. Религиозное искусство отнюдь не замыкалось в условные формы, подобно византийскому, а, напротив, постоянно черпало новые силы из изучения природы, из тех впечатлений, которые давали жизнь и история, из мира

фантазии и воображения; наконец, в светском обществе свободно развивались государственные учреждения, искусство, литература, совершенно не собираясь тем самым подрывать религиозного единства. Преданный сын церкви, Людовик Святой умел защищать права светской власти от притязаний духовенства и даже самого папства.

Однако идеал христианского общества, в котором бы церковь гармонично обнимала все разнообразие государств и общественных группировок, свободно живущих, развивающихся и борющихся между собой, мог быть только поставлен, но не реализован. Он не успел даже еще возникнуть, как ему были нанесены удары, оставившие после себя неизлечимые раны.

Светское общество, когда пришло к осознанию своих сил, начало все более и более освобождаться от влияния церкви; оно не только вступило в борьбу с церковью, но и заявило свои притязания на господство над ней. В то же время в церковь проникли и все пороки того времени. Правление Бонифация VIII, этого высокомерного папы, который думал, что власть святого престола утверждена навеки, было началом непоправимого упадка. Вслед за ним вскоре последовал гвиньонский плен, затем великий раскол Западной церкви и, наконец, после недолговременного подъема, нравственное и религиозное падение папства. Папы, начиная с Сикста VI и кончая Климентом VII, вели себя, скорее, как светские государи, нежели как духовные вожди христианского мира.

Рост могущества королей и светских князей происходил всюду, за исключением, может быть, Испании, за счет снижения авторитета церкви. Свобода мысли всюду породила ереси, даже в университетах и в духовенстве. Возрождение древней литературы и расцвет пластических искусств, рост богатства

*Процессиональное шествие Карла V и папы Климента VII
после коронования в Болонье (24 февраля 1530 г.).*

*Изображение, заимствованное из большой современной гравюры
на меди, исполненной Николаем Гогенбургом, как очевидцем этого
торжества, и посвященной «августейшему и непобедимому
императору Карлу V»*

и роскоши, придворная жизнь и жизнь в замках создали совершенно новые, почти языческие концепции человеческого счастья и деятельности. Но, с другой стороны, всюду в недрах этого общества, которое осталось по своей сущности христианским, особенно среди здоровой части университетов и духовенства, стал раздаваться все более громкий и настойчивый призыв к реформе церкви, в отношении ее руководителей и членов. Эта потребность, это стремление к реформе особенно сильно стали проявляться в среде западного христианства тогда, когда затянувшийся раскол начал грозить гибелью самому единству католической церкви. В первой половине XV столетия на Констанцском и Базельском соборах партия реформ верила, что церковь сможет своими силами реорганизовать себя, опираясь на авторитет вселенских соборов, подобно тому, как она за тысячу лет до того оказалась в состоянии построить свое здание на четырех первых великих соборах в Никее, Константинополе, Эфесе и Халкедоне.

На двух великих собраниях христианского мира, в Констанце и Базеле, обнаружились две противоположные тенденции: одни, и к ним, по крайней мере в Констанце, принадлежали наиболее выдающиеся, как по своим знаниям, так и по личному характеру, деятели церкви, хотели, чтобы церковь в лице представлявших ее соборов взяла в собственные руки управление церковью, сама регулировала догматы и свой внутренний строй, оставляя папе лишь роль общего администратора и верховного судьи; другие, напротив, — таково было мнение пап и большинства членов римской курии — видели в соборном режиме лишь гибель авторитарного принципа, на котором покоилась католическая церковь, и прямой шаг к системе, превращавшей католическую церковь в федерацию национальных

церквей, из которых каждая стала бы вести самостоятельную жизнь – то есть привела бы к системе, которая опрокинула бы несокрушимое единство церкви, символизированное в хитоне без швов Христа. Они утверждали, что если собор имеет полное право положить конец расколу и восстановить единство власти избранием единого папы, то, совершив это, он уже ничего не сможет предпринять помимо папы, и что инициатива проведения реформ принадлежит папе и священной коллегии.

После завершения Констанцского собора обе тенденции получили свое выражение в ряде актов, которые должны были, по замыслу их авторов, восстановить порядок в церкви. Наиболее пылкие сторонники реформы, видя, что папа и кардиналы заботятся не столько о реформе церкви, сколько о поддержании собственного авторитета, стремились при помощи отдельных для каждой страны законов, так называемых «прагматических санкций», организовать с согласия светских властей национальные церкви, защищенные своими конституциями от злоупотреблений курии, между тем как папа старался путем договоров с теми же светскими властями, конкордатов, сохранить свою власть над всей церковной иерархией и получаемыми им доходами, отказываясь в пользу светских властей от части этой власти и этих доходов.

Неудачный исход Базельского собора, беспорядочность его прений, вызванный им новый раскол дискредитировали соборный режим; но в то же время, несмотря на все усилия пап, вполне достойных занимаемого ими места, как Мартин V, Евгений IV, Николай V, Пий II, папская власть проявила полную неспособность бороться с теми злоупотреблениями, от которых так давно уже страдала церковь.

Поэтому движение в пользу реформы продолжалось; оно стало проявляться с большей силой потому, что ничто не могло направить его в определенное русло или умерить. С одной стороны, оно часто носило осторожный и благотворный характер, принимая вид реформ, самостоятельно предпринимавшихся монашескими орденами, как, например, «братьями общей жизни», или легатами римской курии, как, например, Николаем Кузанским, то с другой стороны, оно вызывало и в университетских кругах, и среди других монашеских орденов почти революционные стремления, новаторские желания, которые ставили, как некогда при Уиклифе и Яне Гусе, под сомнение всю иерархическую организацию церкви, ее традиционные порядки, иногда даже догматы.

Испуганное папство, одинаково бессильное как в проведении реформ, так и в подавлении движения, думало только о том, как бы сохранить свой авторитет, доходы и привилегии. После правления Пия II папство попало более чем на полвека в руки первосвященников, которые, за исключением Адриана VI, все являлись скорее итальянскими князьями, нежели вождями церкви, и стремились лишь к тому, чтобы сформировать себе в Италии светскую державу, которая позволила бы ему на равных вести переговоры со светскими государями и заключать с ними трактаты, при помощи которых оно думало обеспечить устойчивость традиционного здания церкви. Этим оно только увеличило злоупотребления и пороки, которыми было заражено, сделало лишь более настойчивыми требования христианского сознания, более смелыми и опасными нападения новаторов на разрушающееся здание церкви. Можно сказать, что в начале XVI века все действительно благородные и благочестивые элементы церкви и духовенства

отчаялись в том, чтобы папство когда-либо смогло уничтожить злоупотребления, надеялись лишь на внезапное пробуждение совести, на реформу церкви изнутри и искали опоры для своих стремлений в традициях старых монашеских орденов, в учениях отцов церкви, особенно в произведениях блаженного Августина, наконец, в Священном Писании Ветхого и Нового Заветов, изучение которого усилилось, благодаря гуманистическому движению.

Но когда движение в пользу реформы в результате деятельности Лютера в Германии, Цвингли и Фареля в Швейцарии, Лефевра д'Этапль и Кальвина во Франции привело к полному отрицанию всех церковных авторитетов, к крушению единства церкви, к разрушению тех организмов, которые были до тех пор орудиями религиозной жизни, церковной иерархии и монашеских орденов, к отвержению таинств, бывших сверхъестественными источниками божественной благодати; когда увидели, что все элементы беспорядка, существовавшие тогда в обществе, – дворяне, восставшие против центральной власти, крестьяне, поднявшиеся против своих сеньоров, гуманисты, которые настолько отделились от христианской веры и добродетелей, идут рука об руку с этими реформаторами, основывавшими бесчисленные секты и устанавливавшими вместо единой, универсальной церкви множество изолированных и часто враждебных друг другу церквей, то в партии реформы произошел страшный раскол. Все те, кто правильно оценивал идеалы благочестия, веры, добрых дел, продолжавшие существовать, несмотря на все злоупотребления, в лоне старой церковной организации, кто пришел в ужас от дерзости и насилия новаторов, кто отказывался испробовать режим свободы и, особенно, разрушить единство церкви, бывшее, так сказать, печатью ее божественного

происхождения, снова с жаром отчаяния примкнули к традиции. Они не переставали стремиться к искоренению злоупотреблений, к реформе нравов, не переставали требовать от духовенства большей нравственности, образованности и большей преданности своим религиозным обязанностям, но вместе с тем они чувствовали, что для того, чтобы сохранить единство католической церкви, необходимо не только отказаться от всех попыток ввести новшества в церковные порядки и культ, упростить догматы, уменьшить авторитет иерархии и папства, но, напротив, следует еще более усилить узы церковной дисциплины, еще тверже формулировать догматы, сделать еще более торжественными формы культа, еще более абсолютным авторитет иерархии и папы и даже примириться с дальнейшим существованием многих зол среди высших церковных сфер и особенно в самом центре христианства, в Риме, потому что злоупотребления неизбежны при любом правительстве, которое нуждается в деньгах и светской власти, чтобы спасти неоценимые блага единства и вернуть католицизму, защищенному от споров, колебаний и беспорядка беспокойной и ищущей новизны мысли, его прежнее могущество в сфере религиозной и общественной деятельности. Но для того, чтобы осуществить эту задачу, папская власть должна была первая приступить к ее исполнению, должна была сама взять в свои руки дело реформы, чтобы быть достойной того высшего авторитета, который приписывался ей.

Это было достигнуто лишь с большим трудом. Потребовались усилия не только благочестивых и бескорыстных людей, желавших вернуть католической церкви ее первоначальную добродетель, но и светских правителей, сначала Карла V, потом Филиппа II, считавших себя защитниками единства церкви.

Папа Павел III.

Гравюра работы А. Далько по картине Тициана

Испания, где церковь и государство жили в тесной связи, оказала в этом отношении наиболее благотворное влияние. Орден иезуитов возник как раз вовремя, чтобы стать в христианском мире самым сильным орудием системы безусловного повиновения святому престолу и безграничной преданности бесспорно установленным догматам, которые восторжествовали

на Тридентском соборе. К счастью, и во главе папства как раз в этот момент, в середине XVI века, стояли два человека, Павел III и Пий IV, понявшие положение, сумевшие заставить римскую курию и себя принести необходимые жертвы и доведшие до конца трудную работу Тридентского собора, которая тянулась в течение почти двадцати лет, встречая на своем пути бесчисленные затруднения.

Как следует из этого краткого обзора, Общество Иисуса, которое Игнатий Лойола вовсе не предназначал для выполнения этой задачи и которое первоначально представляло собой лишь общество миссионеров, было в силу сложившихся обстоятельств вынуждено оказать могущественное содействие работе Тридентского собора и стать во всем мире наиболее искусным, наиболее убежденным агентом папской власти, защищенной с этого времени от всяких нападков и контроля. Его миссия состояла в том, чтобы распространить католицизм во всем мире и принудить все христианское общество к слепому повиновению декретам Тридентского собора.

Общество Иисуса появилось очень вовремя; оно отвечало настоящей внутренней потребности церкви; его роль была навязана ему самими обстоятельствами. Можно спорить о том, явилось ли благом это окончательное утверждение духовного самодержавия папской власти, не превратило ли оно церковь в замкнутую корпорацию, застывшую в неподвижной доктрине, в ограде которой с этого момента уже не было места для движения мысли, для самостоятельной умственной работы, являющейся жизненным нервом человеческого разума. Неудивительно, что даже такая католическая страна, как Франция, которая претендовала на известную независимость по отношению к святому престолу и в действительности пользовалась ею, отказалась признать

постановления Тридентского собора и относилась с недоверием к деятельности иезуитов; но нельзя упрекать иезуитов за то, что они сделали.

Нельзя утверждать, что иезуиты поработили и исказили церковь. Они в гораздо большей степени явились ее представителями, нежели деятели того преобразования, которое испытала церковь во второй половине XVI века под давлением обстоятельств, поставивших под сомнение само существование Церкви. Они были наиболее полным, наиболее интенсивным, наиболее сконцентрированным выражением духа католицизма, и им обязан последний большей частью своих побед и своему возрождению.

Со времен Тридентского собора нельзя уже отделять иезуитов от церкви; их осуждения и крушение совпали с глубоким упадком церкви и были одним из его следствий. Они вновь появились и восстановили свою силу в XIX столетии вместе с возрождением католической веры и частичной реставрацией могущества церкви. Несомненно, для церкви было великим счастьем то, что они не одержали окончательной победы, что в самой церкви они нашли противников потому, что их авторитарный, склонный к формализму и враждебный всякому проявлению свободной мысли дух задушил бы в церкви всякую жизнь. Лишь благодаря тому, что в недрах церкви действовали и боролись между собой разнообразные силы, она сохранила некоторую гибкость и разнообразие жизни, которые позволили ей, несмотря на все, принять участие в мировом движении и эволюции современной мысли. Однако католическая церковь остается верной традициям Тридентского собора лишь в той мере, поскольку она остается верной традициям иезуитства и дух иезуитского ордена является наиболее крепкой опорой церкви. Я говорю это, не имея в виду ни апо-

логии, ни критики. Одни могут найти здесь повод порицать церковь и иезуитов, другие – повод хвалить. Мы, со своей стороны, не хотим ни критиковать, ни хвалить, мы стремимся лишь объяснять.

Для того чтобы человеческое общество могло жить и развиваться, необходимы две вещи – правило и свобода, необходимо счастливое равновесие между элементами устойчивости и элементами движения, между традицией и прогрессом. Правило, лишённое противовеса, порождает единообразие и смерть; свобода без сдерживающего фактора ведет к беспорядку, который также содержит в себе зародыш смерти. В момент возникновения ордена Иисуса церковь с полным основанием могла приходить в ужас от того беспорядка, который внесли возрождение и протестантская Реформация в унаследованное от прошлого социальное и религиозное здание. Общество Иисуса отвечало условиям правила и порядка, которые тогда казались самой насущной потребностью христианского общества; но несомненно, что оно совершенно не оставляло места движению, прогрессу, свободе и что теперь, по прошествии четырех веков, иезуиты не изменились и остались верными стражами решений Тридентского собора. Удивительное постоянство, благодаря которому они в XVIII веке предпочли временную смерть всякому изменению и благодаря которому в критические эпохи, как, например, во время Великой французской революции, все иезуиты, почти без исключения, остались верными своим верованиям и правилам. Ни у одного ордена не было так мало еретиков и перебежчиков.

Но если иезуитскому ордену удалось заставить современное общество принять свои концепции порядка и правила, можно спросить себя, действительно ли были подавлены и разрушены всякая самодея-

тельность, всякая оригинальность и свобода, все те силы, которые дают жизнь литературе, искусству, мысли? К счастью, иезуитизм был лишь одним из элементов современного общества. Он исполнял свою роль, не имея возможности помешать другим силам действовать рядом с ним.

Этой ролью он был обязан в большей мере тем условиям, при которых он возник и которые его породили, чем неоспоримому гению его славы.

Нет более поразительного примера, подтверждающего бессознательный и невольный характер деятельности великих людей, чем история Лютера и Лойолы. Прежде всего, при сопоставлении их деятельности мы сталкиваемся с парадоксом, что Лютер, апостол несвободной воли, в конце концов оказался проповедником учения свободы и индивидуализма. Человек, зависевший лишь от одного Бога, в действительности стал зависеть только от своей совести. Игнатий Лойола и иезуиты, взывавшие к свободе воли, заставляли ее принимать лишь правила, предписываемые старшими, которым эта свободная воля добровольно принесла себя в жертву. Но в деятельности Лютера и Лойолы мы имеем еще другой, не менее поразительный параллелизм. Лютер хотел лишь реформировать церковь; он в течение всей своей жизни приходил в ужас от груд тех развалин, которые вырастали вокруг него; он создал враждебную католицизму церковь, продолжая считать себя добрым католиком. До середины XVI века и даже на Тридентском соборе лютеране мечтали о примирении с католической церковью. Святой Игнатий, представленный при входе в центральный неф собора св. Петра в Риме в виде колоссальной статуи, где этот герой церкви попирает ногами чудовище ереси, сначала собирался посвятить себя подвигам индивидуального аскетизма и благочестия, затем думал основать небольшую общину братьев для проповеди

*Изображение Лютера в 38-летнем возрасте в одежде
августинского ордена.*

Гравюра работы Луки Карнаха, 1521 г.

христианства среди неверных мусульман. Только события, не зависевшие от него, заставили его создать ту обширную организацию преподавания, проповеди и духовного руководства, которая положила предел развитию протестантства и оказала могущественное содействие работе Тридентского собора.

Ничто лучше не характеризует различные стороны реформаторского движения, чем три великие личности, создавшие это движение, хотя они сами этого не предвидели и не хотели.

Представителем и главой Реформации и протестантского раскола в первой половине XVI века был Мартин Лютер.

Игнатий Лойола появился в середине века, чтобы стать анти-Лютером и вернуть римской церкви, которая всюду была подорвана и которой всюду грозила гибель, силы, необходимые для того, чтобы бороться с лютеранством и отвоевать обратно часть захваченных им территорий. Благодаря ему и его ученикам смогла осуществиться католическая Реформация и католицизм смог разбросать по всему земному шару огромную сеть своих миссий.

Как раз в то время, когда Игнатий Лойола завершал свое дело¹, Кальвин превратил Женеву в сильнейший очаг протестантской пропаганды и создал церковное учение и организацию, наиболее пригод-

---

¹ Игнатий Лойола основывает свой орден 15 августа 1534 года, в том же году, когда Кальвин начинает писать свои «Христианские институты»; с 1540 года, когда появилась первая булла папы Павла III об Обществе Иисуса, и по 1558 год, когда были окончательно утверждены конституции, два года спустя после смерти Лойолы, деятельность иезуитов успела проявиться во всех своих формах: в проповеди, преподавании, заботе о душах, миссиях; как раз в этот промежуток времени Кальвин проводит Реформацию в Женеве, организует церковь, коллегию и академию.

ные для того, чтобы придать протестантизму новую силу и распространение. Если Лойола был анти-Лютером, то в Кальвине можно видеть анти-Лойолу.

Эти три человека, которые являются в истории человеческой мысли и культуры представителями наиболее противоположных тенденций и учений, имеют, однако, точки соприкосновения и могут быть сравнимы и соотносимы. Все они не только самоотверженно посвятили свои жизни защите того, что считали религиозной истиной, борьбе против заблуждения и зла и спасения душ, но и прошли через сходные нравственные кризисы. В их деятельности и характерах можно найти аналогии, которые в то же время позволяют сильнее чувствовать их различия.

На первый взгляд кажется, что нет ни одной общей черты в характерах и жизни Лютера и Лойолы. Правда, оба они, стремясь осуществить свои задачи, опирались на светские власти. Оба сделали уступки политической необходимости, и лютеранство, так же как иезуитство, благоприятствовало развитию абсолютизма государей. Но нельзя представить себе большей противоположности сосредоточенной, рассудительной, дисциплинированной, надменной, непоколебимой и уверенной в себе натуре Лойолы, чем экспансивная, не знающая ни в чем меры, подвижная натура Лютера, постоянно переходящего от крайнего отчаяния к чрезмерной радости, вечно мучимого угрызениями совести.

Однако исходная точка призвания Лойолы также имеет много аналогий с исходной точкой призвания Лютера. Как у того, так и у другого направление мысли, религиозной веры и всей жизни определил нравственный кризис, трагическое ощущение греха. Ничто не похоже так на душевное состояние Лютера в первое время его пребывания в августинском монас-

тыре в Эрфурте, как состояние души Лойолы во время его уединения в Манрезе. Оба горячо отдаются посту, укрощению плоти, покаянию, повторным исповедям, проводят дни и ночи в молитве, не достигая успокоения совести. Но на этом сходство заканчивается. Они приходят к душевному покою совершенно различными путями. Лютер, молодость которого была чиста и который, являясь на исповедь с воплем: «Мой грех, мой грех!», часто не знал, в чем он должен каяться, остается проникнутым сознанием своего ничтожества и отсутствием своего нравственного достоинства, сознанием бессилия человека самому делать добро; но чтение Библии и трудов отцов церкви, апостола Павла и блаженного Августина, открывают ему путь к спасению. «Праведный должен жить верой» – эти слова становятся для него ключом к решению всех сомнений, успокоением от всех душевных мук. С этого момента он стал искать прощения своих грехов не в отпущении, произносимом священником. Он стал искать его только у Бога, Господа Иисуса, который с этого времени становится его единственным Судьей.

Игнатий Лойола после напрасных попыток обрести мир при помощи общих и частных исповедей и непрерывного покаяния освобождает себя от угрызений совести мыслью, что угрызения, терзавшие его несмотря на повторные отпущения, являются внушениями дьявола. Он убеждает себя в ценности духовной благодати, сообщаемой священниками, и получает уверенность в спасении в результате видений, в которых истины веры предстают перед ним в чувственных формах. Таким образом, между тем как Лютер освобождается от своих сомнений и угрызений совести путем совершенно духовной и совершенно индивидуалистической концепции религиозной

Иоанн Кальвин.

Анонимная гравюра

жизни, отдавшись воле Божией и вере в Иисуса Христа, отказавшись от всякого посредничества церкви и священника, Лойола превращает свои религиозные идеи в чувственные реальности и всецело отдается руководству церкви. Один устремляется навстречу революционным волнениям; порывы его мысли и темперамент приведут его к таким шагам, смелость которых часто будет впоследствии ужасать его самого; другой отдает свою дисциплинированную страсть, свой чувственный мистицизм, свой методический фанатизм на службу непреложного учения и бесспорного авторитета, которые исключают всякую возможность каких-либо колебаний, сомнений, сожалений.

Личная вера Кальвина и его богословское учение не обязаны своим происхождением моральному кризису и терзаниям совести. Он порвал с католической традицией путем размышления и научных занятий, путем критики и изучения истории. Первоначально он кажется нам последователем эразмовского гуманизма, и если его теология с самого начала принимает резко отрицательную позицию по отношению к католицизму и принимает характер оригинальной догматики, что впоследствии заставит его пойти гораздо дальше эразмовского евангелизма, то, по-видимому, его более увлекает строгость его логического и юридического ума, нежели предвзятая идея вызвать религиозную революцию.

Если кризис веры у изобретательного мистика, каким был Лойола, не имеет ничего общего с кризисом резонирующего и морализирующего интеллектуалиста Кальвина, то в развитии их гения и в эволюции их деятельности существуют поразительно сходные черты. Ни у того ни у другого в тот момент, когда они решили посвятить свою жизнь поиску и отстаиванию религиозной истины, не было сомнений относительно тех задач, которые они брали на себя. Игнатий Лойола, покинув Манрезу, чтобы отправиться за мученическим венцом к неверным Палестины, думает лишь о личном спасении. Создавая 15 августа 1534 года первое ядро своего общества, он опять-таки думал лишь об основании союза молодых людей, посвятивших себя миссии среди мусульман. Трудности, вставшие на пути осуществления этого предприятия, и ознакомление с заслугами, оказанными религии новыми итальянскими орденами, театинцами, сомасками и др., заставили его преобразовать Общество Иисуса в общество священников, посвятивших себя внутренней миссии и делам благотворительности.

Когда он отдал свое общество на службу папству и когда папа Павел III даровал ему в 1540 и 1543 годах свое покровительство, Общество Иисуса стало быстро развиваться как орден проповедников, духовников, преподавателей, наконец, как защитников веры против ереси. По мере развития призвания Лойолы, в нем стал проявляться настоящий административный, творческий и организаторский гений. Под его руководством множились всякого рода учреждения: благотворительные, учебные, пропагандистские. Он дал им уставы и систему управления, которым суждено было пережить его и остаться неизменными в течение нескольких веков. Через 22 года орден, основанный Лойолой в 1534 году с шестью товарищами и имевший девять лет спустя лишь около шестидесяти членов, насчитывал их уже тысячами в своих двенадцати провинциях.

Точно так же и Кальвин в тот день, когда Фарель заставил его, угрожая Божьим проклятием, отказаться от жизни кабинетного человека, гуманиста и богослова, взять в свои руки руководство церковью в Женеве и стать вместе с ним во главе обширной организации проповеди, пропаганды и борьбы, не подзревал в себе наличия делового и организаторского гения, который ему предстояло проявить впоследствии. Ему также суждено было стать творцом, творцом школ, церквей и даже политических учреждений, творцом, который должен был завершить свое дело, несмотря на все препятствия, с ясностью ума и твердостью воли, исключавшими всякую возможность какого-либо колебания или раскаяния. Подобно Лойоле, Кальвин увидел в преподавании основу своего религиозного здания; он основал в Женеве коллегия и академию подобно тому, как Лойола основал римскую и германскую коллегии; и, что особенно заме-

чительно, оба взяли за образец большой педагогический институт, созданный при страсбургской гимназии лютеранином Иоанном Штурмом.

Сходные черты в характерах и эволюции двух великих людей, двух великих организаторов, какими были Кальвин и Лойола, не только не сглаживают, но еще более резко подчеркивают различия в их духе и деятельности. Игнатий Лойола, испуганный нравственными, церковными и политическими беспорядками, которые явились результатом происшедшего в его время потрясения авторитарного принципа, основал все свое учение на одном принципе, на одной добродетели – повиновении. Он защищал идею свободы воли, но требовал, чтобы человек пользовался этой свободой только для того, чтобы принести ее в жертву религиозному авторитету. Кальвин, отрицая свободу воли и отдавая человека всецело в руки Бога, в действительности освободил его от всякого авторитета, кроме авторитета его собственной совести; поэтому он возвел искренность и отвращение ко лжи в добродетель, имя которой не упоминается иезуитами ни в их конституциях, ни в их программах воспитания, в основную добродетель, на которой он строит всю свою мораль и педагогику.

Поэтому, в то время как Лойола, подчиняя волю всех в ордене, в церкви, в государстве самому строгому монархическому принципу, превратил иезуитов в апостолов и защитников абсолютизма, Кальвин, несмотря на всю свою приверженность к авторитету, заложив разум и совесть в основу своего учения, а выборы в основу всех своих политических и религиозных учреждений, сделал из кальвинизма могущественный источник республиканских и демократических идей мира. Успехи Лойолы были неизмеримо более быстрыми и обширными, чем успехи Кальвина потому, что

он сразу же нашел в лице католической церкви, папской власти и католических государств твердую основу для своей деятельности и могущественных союзников. Кальвин, не имея опоры на светские власти, изолированный в небольшом городе с 20 000 жителей, окруженном и угрожаемом тремя страшными политическими силами, Савойей, Испанией и Францией, вынужденный даже в этом маленьком городе вечно бороться с ожесточенными противниками, а иногда даже с собственными друзьями, отказывавшийся от каких бы то ни было компромиссов с миром, не имел в своем распоряжении никаких иных средств влияния, кроме силы своего слова, своего учения, своей веры. Иезуиты проникали в дворы в качестве проповедников, они всюду захватывали в свои руки такую область, как воспитание молодежи, опираясь на благосклонное отношение правительств; они оказывали на народ огромное влияние своими исключительными привилегиями, которые превращали их в распределителей духовной благодати и миссионеров папы. Кальвин не имел других средств пропаганды, кроме подготовки в Женеве проповедников и мучеников.

Позже иезуиты смогут с полным правом праздновать в 1814 году столетний юбилей восстановления своего ордена папой Пием VII; они могут гордиться тем, что реставрировали в XVI веке могущество католической церкви, вдохнули в нее свой дух и сохранили ее неизменной в течение трех столетий в том виде, в каком она конституировалась под их влиянием на Тридентском соборе. В свою очередь, женевский юбилей 1909 года явился манифестацией могущества кальвинистского духа, того сияния, которым осветило весь мир дело Кальвина, бывшее не только фактом религиозного и нравственного прогресса, но и фактом интеллектуального и политического прогресса.

Если мы сравним место, занимаемое иезуитами в интеллектуальной истории человечества после смерти Лойолы, с тем местом, которое занимала кальвинистская традиция; если сравним в истории культуры роль государств, находившихся под влиянием иезуитов, с ролью тех государств, в которых царил кальвинизм; если только сопоставим то, что сделала для развития наук академия Кальвина, с тем, что сделали все иезуитские университеты, взятые вместе, мы получим надежный критерий для решения вопроса, на чьей стороне находились наиболее деятельные и наиболее богатые зародыши жизни и прогресса.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ ИЕЗУИТОВ

Нет ни одного факта в деятельности Общества Иисуса, который не вызвал бы самой резкой и часто самой незаслуженной критики. Упражнения святого Игнатия, конституции, миссии в Азии и в Америке, преподавание иезуитов, их казуистика, их деятельность в качестве духовников, проповедников, руководителей душ, писателей, строителей церквей – словом, все, что они сделали, было подвергнуто самому подозрительному рассмотрению и вызвало самые суровые оценки. Несмотря на свою краткость, книга Бёмера, как нам кажется, все же дает по самым основным вопросам, в частности по вопросам, касающимся деятельности святого Игнатия, о борьбе с ересью, о роли, сыгранной иезуитами в деле развития школьного образования, интеллектуальной жизни и искусстве, о миссиях в Парагвае, по меньшей мере, элементы справедливой оценки. К вышесказанному хотелось бы добавить лишь несколько замечаний по трем вопросам: по вопросу о методах, применявшихся иезуитами в их азиатских миссиях и так называе-

мых малабарских и китайских обрядах, о казуистике и морали иезуитов, о тайной политике ордена.

Малабарские и китайские обряды

В течение всего XVII и первой половины XVIII века иезуиты вели долгую борьбу с папством, с целью получить разрешение сделать в Индии и Китае некоторые уступки национальным обычаям, нападать на которые или игнорировать которые было нельзя, не отказавшись от всякой надежды на сколько-нибудь серьезное влияние в этих регионах. Вопрос о китайских и малабарских обрядах можно оценивать с двух диаметрально противоположных точек зрения в зависимости от того, стать ли на точку зрения строгого проведения христианских учений и идей, как это делало папство, или же на точку зрения возможности основать в Китае и Индии могущественные и процветающие христианские общины, как это делали иезуиты. Нет сомнения, что папы были совершенно правы, полагая, что разрешение приносить жертвы Конфуцию и предкам, вывешивать в храмах данные императором дощечки с надписью «King Tien» – «Поклоняйтесь небу», под тем предлогом, что в священных книгах китайцев «небо является синонимом того, кто правит на небе», и прятать за ними настоящие христианские формулы, в известной степени равносильно отрицанию христианства. Не менее очевидно, что папы имели полное право возмущаться тем, что иезуиты выдавали себя за кающихся браманов, отказывались от всякого соприкосновения с париями¹, чтобы иметь общение лишь с чле-

---

¹ Пария (тамилск.) – представитель одной из «неприкасаемых» каст в Южной Индии, человек, родители которого принадлежат к разным кастам; иносказательно (в европейских языках) – отверженный, бесправный человек. – *Прим. ред.*

нами высших каст, видоизменяли обряды крещения, скрывали имя и образ креста, позволяли женщинам носить свадебное украшение (тали), на котором было вырезано изображение идола, и т. д. Но не менее ясно и то, что иезуиты благодаря этим уступкам достигли в очень короткое время невероятных успехов и, что особенно важно, приобрели в среде князей и правящих классов в Индии и в Китае влияние, которое могло бы привести к огромным последствиям, если бы оно не встретило никаких препятствий.

Весьма вероятно, что эти успехи вызвали зависть у соперничающих с иезуитами миссионеров, которые донесли на них святому престолу, подробно описав приемы иезуитов, которые возмущали их совесть. Наконец, несомненно, что изданные Римом запрещения уничтожили все плоды деятельности христианских миссий, уже сильно скомпрометированных внутренними раздорами между миссионерами различных орденов. Можно думать, что христианство китайских иезуитов, перемешанное с конфуцианством и культом предков, не отличалось строгой ортодоксальностью и что религиозные представления неофитов¹ радикально не изменялись; но дело, предпринятое иезуитами, должно было оказать культуре в целом совершенно неожиданные услуги, облегчая проникновение в Китай идей, наук и искусства Запада и устанавливая между двумя наиболее отдаленными друг от друга, но вместе с тем и наиболее совершенными формами культуры связь взаимной симпатии и понимания.

Иезуиты, так решительно отмежевывавшиеся во всех других местах от всего, что не было католицизмом

---

¹ Неофит (от греч. neophytos – новообращенный) – новый приверженец какой-либо религии. – *Прим. ред.*

и традицией римской церкви, испытывали в Китае настоящее влечение к этой культуре, в которой традиции играли такую большую роль. Они видели в древности китайской мудрости и обрядов знак их божественности происхождения; они, как, например, отец Ле Конт в его «Новых мемуарах о современном состоянии Китая», с несомненной искренностью изображали Конфуция в виде вдохновленного Богом святого и считали, что китайцы получили своего рода откровение, сделавшее из религии мудрецов и императоров религию, идентичную христианству, так как они поклонялись тому же Богу, повелителю неба и земли.

Гораздо труднее было для иезуитов и католической церкви не войти в конфронтацию с малабарскими обрядами. Китайские обряды были, в сущности, довольно невинны, так как почитание Конфуция и предков не содержало в себе языческих представлений, даже с точки зрения чистого конфуцианства исключало их и принадлежало к числу гражданских действий, как объявил по просьбе иезуитов император Канг-хи. Малабарские обряды, напротив, находились в прямом противоречии с самим духом христианства, которое не допускает никаких различий между верующими в отношении религиозных таинств. Мысль о том, что священник может отказать умирающему парию в причастии, протянуть ему остию на конце палки или положить ее у его двери, должна была внушить чувство ужаса и действительно внушала его. Нужны были необычайно реалистический ум иезуитов, их стремление покорить церкви мира всеми средствами, их убеждение в необходимости «стать всем для всех», чтобы принять те компромиссы, на которые пошли Роберт де Нобили и его преемники. Впрочем, это были в высшей степени за-

мечательные люди: они вели то жизнь факиров¹, переносивших все лишения, то жизнь знатных сеньоров, окруженных восточной помпой, и настолько овладели языками Индии, что могли сочинять на туземных языках поэмы, песнопения, благочестивые, богословские и философские книги. Впрочем, если существовали иезуиты-браманы, как Роберт де Нобили, Дон Жуан де Бритто и Констанций Бресчи, то были и иезуиты-парии, как Эмануэль Лопец, жившие среди париев, всегда полуголые, ходившие в лохмотьях и которых не приветствовали даже их братья-браманы, когда тех проносили мимо на паланкинах.

Впрочем, трудность вопроса достаточно четко проясняется, если принять во внимание те колебания, которые характеризуют отношения папы и церковных властей в отношении китайских и малабарских обрядов. Первое осуждение китайских обрядов папской властью имело место лишь в 1645 году. Виновниками этого осуждения были францисканцы и доминиканцы, появившиеся в Китае соответственно в 1631 и 1633 годах и изгнанные оттуда мандаринами в 1637 году. Инквизиция и Иннокентий X поверили всем обвинениям, предъявленным иезуитам доминиканцем Ж.-Б. Моралесом. Но в 1656 году святая инквизиция декретом, одобренным папой Александром VII, разрешила проведение церемоний в честь Конфуция и предков, а это и было важным. В 1669 году дело против иезуитов было возобновлено по инициативе другого доминиканца, отца Иоанна Поланко, и новый декрет инквизиции, утвержденный Климентом IX, подтвердил оба

---

¹ Факир (араб.; букв. – бедняк) – странствующий дервиш. В Индии, кроме того, общинный слуга, реже – фокусник, дрессировщик, знахарь (в последнем значении слово «факир» получило распространение в Европе). – *Прим. ред.*

противоречащих друг другу декрета, 1645 и 1568 годов, и приказал соблюдать их в зависимости от обстоятельств, что было равносильно предоставлению миссионерам полной свободы действий. После преследований 1664 – 1665 годов иезуиты, высланные в Кантон совместно с одним францисканцем и тремя доминиканцами, определили в 42 параграфах правила апостольства в соответствии с декретом 1656 года, а 26 января 1668 года избрали патроном миссий святого Иосифа.

Но это перемирие продолжалось недолго. Доминиканец отец Наваррет, возвратившись из Китая, издал в 1676 и 1679 годах двухтомное сочинение, в котором крайне резко осудил китайские обряды. Спор принял еще более резкий характер с прибытием в Китай французских миссионеров, посланных туда Обществом чужеземных миссий и проникнутых более чем вековой враждебностью французского духовенства к иезуитам. По требованию апостольского викария Фу-киена Шарля Мегро после непрерывного одиннадцатилетнего разбирательства в Риме святая инквизиция и Климент XI 20 ноября 1704 года в конце концов осудили всю практику иезуитов, за исключением употребления термина Тьен-чу (Господин неба) для обозначения Бога, хотя и не отменили декрета от 20 марта 1656 года. Иезуиты, не желая того, скомпрометировали свое дело, добившись 20 ноября 1700 года от императора Кат-Хи заявления, в котором свидетельствовался чисто гражданский характер воздаваемых Конфуцию и предкам почестей. Враги иезуитов стали утверждать, что они противопоставили авторитету папы авторитет китайского императора.

Миссия, порученная Климентом XI антиохийскому патриарху Майяру де Турнону (Ch. Th. Maillard de

Tournon), прелату весьма образованному, но резкому, неумелому и мало осведомленному в положении вещей на Дальнем Востоке, окончательно все испортила.

4 декабря 1705 года, сразу после его приезда в Пекин, император объявил, что все миссионеры, не получившие от него диплома (niao), разрешающего им проповедовать при условии соблюдения национальных обычаев, будут изгнаны. 25 января 1706 года легат ответил на это посланием, в котором под угрозой отлучения запрещались всякие жертвоприношения Конфуцию и предкам. Разгневанный император велел отправить легата в Макао, где он был взят под строгую стражу португальцами, обвинившими его в узурпации прав патриарха в Гоа. Несмотря на просьбы не только иезуитов, но и других миссионеров, принявших niao, Климент XI остался непреклонен, более того, он даровал в 1707 году Турнону кардинальскую шапку (что, как говорил Вольтер, своим единственным последствием имело лишь то, что он умер в 1710 году в звании кардинала)¹, утвердил 25 сентября 1710 года послание Турнона и издал 19 марта 1715 года торжественную конституцию против китайских обрядов. Большинство миссионеров подчинилось, но девять главных судов империи категорически запретили исповедание христианской религии. Испуганный Климент XI послал в 1720 году нового легата, Амвросия Меццабарбу, который издал

---

¹ Кине (Les Uesuites, p. 206, lecon IV) говорит: «Чтобы подавить это христианство без креста, был послан француз, кардинал Турнон. Едва успел он приехать, как Общество Иисуса бросило его в тюрьму. Он умер в ней от горя и внезапного потрясения». Турнон не был французом, не был и кардиналом; заключили его в тюрьму не иезуиты. Он умер пять лет спустя после этого, — слишком большой срок для смерти от неожиданного потрясения.

24 ноября 1721 года «восемь разрешений», которые снова дозволили совершать «китайские обряды».

Враги иезуитов, особенно монсиньор Мегро, продолжали бороться против них в Риме, и Климент XII, несмотря на противоположное мнение пекинских епископов – францисканцев, запретил 25 сентября 1735 года пользоваться «разрешениями» Меццабарбы. Наконец, 11 июня 1742 года Бенедикт XIV положил конец спору буллой «Ex quo», восстановившей запрещения 1704 и 1715 годов. Идолопоклоннические обряды, которые терпели иезуиты, были отменены, но в то же время христианским миссиям был нанесен смертельный удар. Несмотря на благосклонность, которой продолжали пользоваться при пекинском дворе отдельные иезуиты в качестве ученых, ремесленников и художников, вся история имела печальный итог, который описан в письме отца Галлерштейна от 6 октября 1743 года его брату: «Вы, конечно, спросите, какое впечатление произвела здесь новая конституция папы Бенедикта XIV о китайских обрядах. Я отвечаю: то, которое она должна была произвести. Мы ее приняли, поклялись исполнить и соблюдаем. И действительно, теперь уже нет стольких затруднений, так как эти китайские христиане свелись почти исключительно к беднякам, которые едва могут обеспечить себе пищу и жилище и совершенно не в состоянии приносить жертвы и дары предкам»¹.

Судьба малабарских обрядов была та же, что и судьба китайских. Хотя декреты 1645 и 1669 годов были направлены также против них, иезуитские миссии в Индии начали беспокоить лишь после того, как легат Турнон на пути в Китай опубликовал 23 июня

---

¹ Цитата из великолепной статьи отца Букепа «Chinois (rites)» в «Dictionnaire de Theologie cathollque».

1704 года в Пондишери послание, категорически осуждающее малабарские обряды и снисходительное отношение иезуитов к системе каст. Реакция, с которой иезуиты подчинились этому посланию, вызвала ряд вмешательств со стороны папской власти с целью принудить их к повиновению (декрет святой инквизиции 1706 г., послание Климента XI 1712 г., Бенедикта XIII – 1727 г., булла¹ Климента XII – 1734 г., булла 1739 г.). Наконец, Бенедикт XIV буллой «*Solicitudo omnium*» в 1745 году категорически воспретил малабарские обряды и допустил лишь две категории миссионеров – одну для индусов, принадлежащих к кастам, другую для париев, напомнив, впрочем, о евангельском учении о равенстве всех людей перед Богом. Несмотря на эту уступку, декрет Бенедикта XIV 1745 года нанес смертельный удар миссиям в Индии, подобно тому как его же декрет 1742 года погубил китайские миссии.

Казуистика и мораль иезуитов

Собственно говоря, не следовало бы вовсе говорить о «морали иезуитов»². В этой области они совершенно не оригинальны. Если речь идет о теоретической морали, то их мораль та же, что и мораль

---

¹ Булла (лат. *bull*a – шарик; ср.-век. лат. – печать, документ с печатью) – в средние века круглая металлическая печать, обычно скреплявшая папский, императорский, королевский акты, а также название самих актов. – *Прим. ред.*

² А. Молинье настолько ясно осветил этот вопрос в своем введении к «*Provinciales*» Паскаля, что мы могли бы ограничиться тем, чтобы отослать к нему наших читателей. Но мы все же решили изложить здесь нашу точку зрения, так как она не вполне совпадает со всеми его взглядами.

церкви, десятисловия, Евангелия, общей человеческой совести. Если они и оригинальны в этой области, то лишь в том отношении, что приписали одной добродетели, повиновению, чрезмерное и совершенно непропорциональное значение, которое грозит в их воспитательной системе повредить развитию других добродетелей и даже самой совести. Но когда говорят о «морали иезуитов», как Пауль Берт, который именно так озаглавил перевод учебника отца Гюри, внося в эти слова негативный оттенок, то полагают, что иезуиты систематически занижали ценность и строгость повелений нравственных законов для того, чтобы сделать из осуждаемых моралью поступков если и не добродетели, то действия, дозволенные или непредосудительные. Понимаемое в этом смысле выражение «мораль иезуитов» не точно и не справедливо. В самом деле, можно привести целый ряд соображений, которые значительно уменьшают вину иезуитов в вопросах практической морали.

Прежде всего, казуистика не является изобретением иезуитов и не составляет их исключительного достояния. Она возникла в XIII веке и развивалась вместе с системой исповеди. Иезуиты, которые в качестве духовников играли неизмеримо более важную роль, чем другие ордены, вполне естественно являются авторами огромного количества сборников «нравственного богословия» (обычное обозначение этих произведений); но не они одни писали их. Среди них имеются ригористы¹ и снисходительные, или

---

¹ Ригоризм (франц. *rigorisme*, от лат. *rigor* – твердость, строгость) – строгое проведение какого-либо принципа в действии, поведении и мысли, исключаяющее какие-либо компромиссы, учет других принципов, отличных от исходного, и т. п. Нередко является своеобразным выражением этического формализма. – *Прим. ред.*

«лаксисты»; но существуют казуисты-лаксисты, которые, как, например, Альфонс де Лигори, не принадлежат к ордену иезуитов. Успех, достигнутый казуистами-иезуитами во всей церковной практике, в преподавании всех семинарий, ясно доказывает, что эти доктрины не являются их исключительным достоянием; что система, сущность которой состоит в том, чтобы детальнейшим образом разрешить все сомнения в делах веры, чтобы заранее определить решения для всех случаев, чтобы снова подчинить грешника руководству священника, облегчая ему прощение содеянных грехов, неотделима от самого института исповеди. Если иезуиты чаще всего склонялись к «снисходительности», то это, как говорит Паскаль, «объясняется тем, что они достаточно хорошо думали о себе, чтобы знать, что для блага церкви полезно и даже как бы необходимо, чтобы они всюду распространили свое влияние и руководили человеческой совестью».

Иезуиты написали наиболее известные из своих книг в эпоху, когда нравы были очень распущены и грубы, когда необходимо было возвратить в русло церкви массы людей, которые оставались вне ее. С этой целью они раскрыли, насколько возможно шире, ворота церкви. Нужно принять во внимание и то обстоятельство, что большинство известных иезуитских казуистов были испанцы. Они и внесли в свою работу ту страстную любовь к тонкостям, которая составляет одну из отличительных черт испанского характера. В ожесточенности их «*distinguo*» испанцев увлекало какое-то болезненное головокружение. Фламандцы и немцы тяжеловесно пошли к ним на выучку, между тем как более хладнокровные, простые и прямые французы проявили очень мало желания заниматься казуистикой.

То обстоятельство, что как раз наиболее знаменитые из казуистов-лаксистов, Эскобар, Бузенбаум, Лигори, вели совершенно безупречную в нравственном отношении жизнь и посвящали себя благотворительности и благочестивым упражнениям, ясно показывает, что эксцессы «лаксизма» ни в коем случае не служат доказательством нравственной распушенности и благосклонного отношения ко злу. Можно сказать, что Санчес написал свою знаменитую и ученую книгу «*De sancto matrimonio*», эту «Илиаду распутства», как назвал ее Антонио Фузи в 1619 году, у подножия креста.

Когда говорят об этих пользующихся дурной славой книгах, слишком часто забывают, что они представляют из себя вовсе не сборники советов морального порядка, предназначенные для верующих, а книги, предназначенные для того, чтобы помочь духовникам в их щекотливой работе. Иезуиты не доверяли нравственным суждениям кающихся; но они не питали большого доверия и к рассудку духовников. Они хотели все предвидеть заранее и оставить как можно меньше места индивидуальным и случайным суждениям. Некоторые критики забывают или стараются забыть, что, когда казуисты объявляют тот или иной сам по себе предосудительный поступок дозволенным или искупимым, они вовсе не выдают его за достойный похвалы, а лишь стараются определить, в какой мере он предполагает дурное намерение и при каких условиях он может быть отпущен.

Кроме того, предполагая, что эти работы обращены к верующим, а не к духовникам, нередко придают известным выражениям не то значение, которое они имеют в действительности. Так, например, произошло со словами «направление воли». Сам Паскаль говорит о казуистах так, как будто они разре-

шали христианам совершать преступления при условии, что, совершая их, они направляют свою волю не к совершаемому преступлению, а к законному или честному результату, к которому приведет преступление. На самом деле все это обстоит совершенно не так. Речь идет всегда о уже совершенном поступке.

Духовник обязан удостовериться, в какой мере те или иные преступления или проступки были последствиями сознательного желания, и не были ли они результатом часто необдуманного порыва, мотивы которого могли быть невинными или даже похвальными. Речь идет не только о случаях законной защиты, когда дело само по себе очевидно. Кто, в самом деле, будь то духовник или простой честный человек, осудит Сиды¹ за то, что он вызвал дона Гормаса? В то время, когда писали иезуиты, вопрос о «направлении воли» возникал чаще всего применительно к дуэли; но он ставится еще во многих других случаях и для нас. Наши суждения о «лжи» не связаны ли всегда с тем «намерением», которое преследует лицо, говорящее ложь?

Наконец, не является ли большим лицемерием слишком строгое отношение к иезуитам за «двусмысленности» и «умственные» или «молчаливые оговорки»? Конечно, в своих книгах они оправдывают или извиняют такие «двусмысленности» и «молчаливые оговорки», которые вызывают в нас глубокое возмущение. Но если это и так, то не правда ли, что в тысячах случаев мы пользуемся двусмысленностями или молчаливыми оговорками не только со спокойной совестью, но и с со-

---

¹ Сид Кампеадор (Cid Campeador) (наст. имя – Родриго Диас де Бивар, Diaz de Bivar) (между 1026 и 1043 – 1099) – испанский рыцарь, прославившийся подвигами в Реконкисте. Воспет в «Песне о моем Сиде» (XII в.), в трагедии П. Корнеля «Сид». – *Прим. ред.*

знанием, что этим выполняем нравственный долг? Нет ли большого лицемерия и в том негодовании, с которым говорят о тираноборческой доктрине Марианы¹ многие свободомыслящие республиканцы, заставляющие детей восхищаться Брутом и Кассием, и многие роялисты, преклоняющиеся перед Шарлоттой Корде²? «De rege» Марианы и, в частности, его теория тираноубийства заключают в себе смешные казуистические «distinguo», но то обстоятельство, что иезуит в книге, официально посвященной воспитанию молодого государя, говорит этому последнему, что, если он окажется тираном для своего народа, он может быть убит законным образом, несомненно, заслуживает скорее нашу симпатию, чем порицание.

Если беспристрастно рассмотреть работу, совершенную иезуитами в сфере моральной психологии, оставив в стороне несколько шокирующих нас решений, вымышленных на досуге случаев, мы увидим, что установленные ими правила в целом совпадают с моралью честных людей в самом широком смысле этого слова и что иезуиты внесли много своего в дело развития психологии и морали. Правда, чувствуешь некоторую неловкость при виде, как во имя религии и под названием «нравственное богословие» излагаются уступки и оправдания, которые жизнь заставляет вносить в оценку человеческих действий. Предпочитаешь, чтобы ученый-богослов, говоря о морали, утверждал предписания

---

¹ Мариана (Mariana) Хуан (1536 – 1624), испанский историк, иезуит, профессор в университете Толедо (с 1574 г.). Доказывал, что притесненный народ имеет право восстать и убить тирана (1599 г.). Главный труд – «История Испании». – *Прим. ред.*

² Корде (Корде д'Армон) (Corday d'Armont) Шарлотта (1768 – 1793), французская дворянка. Проникла в дом к Ж. П. Марату и заколола его кинжалом. Казнена. – *Прим. ред.*

Божественного закона во всей их чистоте, оракулы совести во всей категоричности их императива и представлял стечению обстоятельств и людям заботу о смягчении их строгости; но трибунал исповеди должен считаться с этими случайностями, и казуисты поставили перед собой иллюзорную задачу предвидеть все.

Соглашаясь со всем этим, мы должны, однако, признать, что янсенисты и сама папская власть (Урбан VIII, напр., осудивший отца Бони в 1640 и 1643 гг.; Иннокентий XI в 1679 г.) осудили не без основания безнравственные положения некоторых казуистов. Их книги предназначались для духовников; но не грозили ли эти безнравственные положения внести известную распущенность в личную нравственность иезуитов, привить им привычку закрывать глаза на собственные предосудительные поступки, которые могли иметь удачные последствия? Не должна ли была крайняя снисходительность, проявляемая духовником, поддерживать среди верующих мысль, что благочестивых дел и таинств вполне достаточно для выполнения обязанностей христианина? Наконец, не могли ли эти методы, которыми пользовались не только при исповеди, но и в духовном руководительстве, затемнять в умах строгое понимание нравственных правил? Я думаю, что история Общества Иисуса позволяет ответить на эти вопросы утвердительно. Уже Лойола излагал в 1547 году Поланко эти опасные правила примирения с моралью, «ввиду наибольшего блага». «Желать, – писал он ему, – давать советы государям, которые, естественно, всегда стараются узнать, кто желает им добра, а кто нет, для блага их совести или государства, значит хотеть все испортить... Если ты хочешь немедленно исправить герцога (Козимо Медичи) или герцогиню, ты разрушишь все замышляемое тобой дело... Ты должен действовать так, как им угод-

но, потому, что ты намереваешься собрать большие духовные плоды в народе». В XVIII веке, опираясь на те же принципы, отец Аннат и иезуиты поддерживали мошенников против епископа Николая Павильона потому, что последний был янсенистом. Когда отец Гарнет был обвинен в соучастии в пороховом заговоре, он отрицал свою виновность, но вместе с тем с весьма странным мужеством развивал перед судом теорию дозволенной лжи, в частности лжи перед судьей, который заранее знает, что не может рассчитывать на искренность обвиняемого. «Ответы на утверждения» поддерживают то же учение, и иезуиты восхваляли отца Гарнета за то, что он отстаивал право обвиняемого не говорить правды судье на том основании, что лишь на последнем лежит обязанность найти доказательство виновности.

Недоверие иезуитов к совести отдельного индивидуума и даже к суждениям духовника заставило их одобрить и пропагандировать учение, которое, несмотря на защиту отца де Равиньяна и других ученых-теологов, остается совершенно неприемлемым, пробабилизм. Согласно этому учению, в том случае, когда возникают сомнения относительно дозволенности или недозволенности того или иного поступка, можно сослаться на мнение теологов, причем, если они высказывают различные мнения, разрешается выбирать из них то, которое предпочитаешь, хотя бы оно было наименее *probabilis*, т. е. такое, которое можно было бы менее всего одобрить. Генерал Тирс Гонзалес пытался бороться с этим учением, но едва не навлек на себя недовольство всего ордена. Если бы пробабилизм утверждал, что из различных мнений мы должны следовать тому, которое одобряет наша совесть, он стал бы для нас приемлемым. Но в действительности он, скорее, является способом оправдать в собственных глазах поведение, доз-

воленность которого кажется сомнительной, лишь бы только можно было прикрыться внешним авторитетом. Мы сталкиваемся здесь со слабой стороной всей нравственной доктрины и всей педагогической системы иезуитов, состоящей в замене голоса совести авторитетом текста, вышедшим из-под пера того или иного теолога.

Опасности, к которым приводит чрезмерная снисходительность, проповедуемая иезуитами, неоднократно указывались авторитетными деятелями. Здесь рядом с Урбаном VIII и Иннокентием XI стоит Боссюэ¹, который, восхищаясь иезуитами, вместе с тем упрекал их в том, что они «кладут подушки под локти грешников» и который говорил об «отбросах казуистов»; и особенно Бурдалу², наиболее знаменитый из членов ордена, который говорил, обращаясь как будто к верующим, а на самом деле – к некоторым казуистам: «Я знаю, что если каждый из нас будет слушаться только самого себя, то не найдется ни одного человека, который бы стал считать себя вправе освободить себя от исполнения наиболее обязательных велений Божественного закона. Я знаю, например, что закон, запрещающий захват имущества своего ближнего и повелевающий возратить ему захваченное, окажется уничтоженным, если обратиться за советом к политикам, которые, несомненно, решат его в пользу честолюбия и корыстолюбия. Я знаю, что закон, запрещающий месть, не найдет себе применения, если самым даже очевидным проявлениям мести давать

---

¹ Боссюэ (Bossuet) Жак Бенинь (1627 – 1704), французский писатель, епископ. Рассматривал историю как осуществление воли провидения, отстаивал идею божественного происхождения абсолютной власти монарха. Идеолог галликанства.

² Бурдалу (Bourdaloue) Луи (1632 – 1704), французский священник и религиозный писатель.

название правосудия, если каждый, оправдывая нанесенные им самим обиды, будет добиваться должного, по его мнению, удовлетворения нанесенных ему обид, отказываясь пойти на какие-либо уступки. Я знаю, что закон о воздержании и посте, который вскоре будет опубликован церковью, превратится в пустой звук, если каждый, служа идолу своего здоровья, захочет считаться только со слабостью своего здоровья или, лучше сказать, со своей изнеженностью».

Политика иезуитов и «*Monita secreta*»

Среди многочисленных обвинений, выставлявшихся против Общества Иисуса, одним из наиболее тяжких и чаще всего повторяющихся было обвинение в том, что оно постоянно скрывает под покровом тайны не только от мира, но и от членов самого ордена акты своей политики и их мотивы, что наряду с известными и открыто признанными правилами и законами оно имеет секретные правила, в которые главы ордена посвящают лишь самых надежных из своих сторонников и в которых содержатся глубинная мысль и дух ордена. Среди этих тайных правил наиболее известными являются те, которые были опубликованы в 1614 году под названием «*Monita privata Societatis Iesu*» и которые получили широкую известность под именем «*Monita secreta*».

Герман Мюллер, остроумно защищающий в своей книге «*Les origines de la Compagnie de Jesus*» парадоксальное утверждение, что Игнатий Лойола скопировал форму организации своих учреждений с мусульманских братств, и не сомневается в том, что тайное правительство и секретные правила заимствованы у этих братств, которые действительно требуют от своих членов соблюдения тайны как по отно-

шению к посторонним, так и между собой, в том смысле, что они осведомлены о правилах своего ордена в зависимости от степени своего посвящения.

Желая доказать правильность своей точки зрения, Герман Мюллер утверждает, что иезуиты очень неохотно выпустили в свет два тома «*Institutum Societatis Iesu*», напечатанных для внутреннего пользования в 1757 году в Праге, и что они проявили крайнее нежелание отдать в печать свои «Конституции». Это утверждение является преувеличением, если не явным заблуждением. «Конституции» впервые были напечатаны в Риме в 1558 – 1559 годах; затем вновь вышли в свет в двух изданиях в 1570 году и еще раз в 1577 году; в 1583 году было выпущено еще два издания; в 1606 году еще три издания. Правда, эти издания не были пущены в продажу и были предназначены для распространения исключительно среди членов ордена. Только в 1635 году Меурсий пустил в продажу в Антверпене издание «*Corpus institutorum Societatis Iesu*»; с этого момента, можно сказать, «Конституции» ордена были действительно опубликованы. Однако широкое распространение они получили лишь в XVIII веке, когда «*Corpus*» Меурсия был переиздан в Антверпене в 1702 году, в Праге в 1705 и 1757 годах. Последнее издание было выпущено в 1773 – 1774 годах, во время официального роспуска ордена.

Несомненно, что иезуиты с самого начала заняли в церкви и среди монашеских орденов обособленное и привилегированное положение, позволявшее им утверждать, что они не входят в состав ни белого, ни монашеского духовенства, что они – не монахи и не священники, а члены Общества Иисуса; поэтому они считали целесообразным в интересах своего ордена окружать себя известной тайной. Они видели в тайне, существовавшей не только для лиц, посторонних ордену,

но в известной мере и для его собственных членов, средство увеличить сложившиеся в обществе представления об ордене и благодаря этому усилить его влияние; внутри же самого общества эта тайна являлась средством усилить желание новичиев быть все более и более посвященными во все детали его организации.

В первой главе «деклараций» сказано, что новичиев не следует знакомить со всеми «Конституциями» в целом, а нужно сообщать им лишь резюме тех, которые касаются их непосредственно. В последнем параграфе X части «Конституции» сказано также, что каждый член ордена должен знать ту часть «Конституций», которая его касается. В XXXVIII главе «Regulae communes» мы читаем, что посторонние лица могут быть ознакомляемы с «Конституциями» лишь по непосредственному указанию старших. Изучая в настоящее время совокупность документов, которые образуют так называемые «Institutum Societatus Iesu», то есть «Духовные упражнения», «Ratio Studiorum», «Конституции св. Игнатия» и следующие за ними «декларации», «Examen generalis», «Regulae communes et privatae», далее декреты 18 генеральных конгрегаций¹, ордонансы² генералов³, наконец, апостольские привилегии, мы с трудом

---

¹ Конгрегации (от лат. congregatio – соединение) в католической церкви. В данном случае – религиозные организации, руководимые монашескими орденами, в которые входят наряду со священнослужителями и миряне. – *Прим. ред.*

² Ордонансы (франц. ordonnances, от ordonner – приказывать) – в данном случае правовые акты высших должностных лиц ордена. – *Прим. ред.*

³ Следует отметить, что многие авторы, писавшие об иезуитах, усматривали в титуле «генерал», который был дан главе ордена, военное значение. Настоящий титул – praepositus generalis, тот же самый, что и у глав других орденов. «Генерал» есть лишь сокращение, не несущее в себе никакого военного значения.

*Медаль Григория XIII,
выбитая в память о Варфоломеевской ночи.*

можем понять, почему общество стремилось не допускать широкого ознакомления с документами, которыми оно могло только гордиться. Может быть, к этому его вынудило не только отмеченное нами выше чувство, но и нежелание выставлять на публичное обсуждение документы, которые свидетельствовали об его исключительном положении и которые могли усилить зависть и недоброжелательность к ордену.

Как бы то ни было, неоспоримым является тот факт, что вплоть до середины XVII века повсеместно раздавались жалобы на невозможность ознакомиться с «Конституциями». Паоло Сарпи в письме к Лешассерию от 14 августа 1612 года рассказывает, что он не смог достать издания 1606 года, напечатанного римской коллегией. Когда в 1621 году парламент потребовал у иезуитов их «Конституции», они отказались сообщить их. Иезуиты, сильные благодаря папским привилегиям, которые делали их неподсудными со стороны любой власти, за исключением папской, считали долгом чести не допускать, чтобы какая-либо власть, светская или церковная, вмешивалась в управление орденом и обсуждала его статуты. Действительно, папы, начиная с Павла III и кончая Григорием XIV, то есть с 1540 по 1591 год, предоставили иезуитам почти неограниченные права в сфе-

ре проповеди, исповеди, отпущения грехов, преподавания, освобождение от всяких денежных повинностей и светской и духовной юрисдикции, независимость от светских и даже духовных властей; ибо, хотя иезуиты и должны были испрашивать у епископов разрешение проповедовать, исповедовать и учить, они могли создавать особые братства из дворян, должностных лиц, студентов, солдат, которые зависели только от них.

Сколько раз светское духовенство жаловалось на то, что иезуиты отняли у него всю паству! Эти огромные права ордена были сосредоточены в руках генерала. Святой престол одобрил в 1540 году конституции Игнатия и в 1558 году конституции, представленные Ленецом вместе с декларациями Игнатия. Но булла Павла III 1543 года и булла Григория XIII 1584 года разрешили генералу и избранным им священникам ордена составлять статуты и конституции, которые он сочтет нужными, и вносить в них дополнения и изменения. Григорий XIV увенчал привилегии ордена своей буллой 28 июня 1591 года, которая окончательно поставила иезуитов в совершенно исключительное положение в церкви. Он подтвердил чисто монархическую природу управления орденом, «*monarchicam et in definitionibus unius superioris arbitrio contentam*». Он подтвердил все предшествовавшие конституции, статуты, декреты, привилегии, изъятия, передал генералу все полномочия в отношении назначения должностных лиц, повышения, снятия с должности и все вопросы, связанные с юрисдикцией. Кроме того, он пригрозил отлучением всем светским и духовным лицам, священникам и членам религиозных орденов, которые позволяют себе нападки в адрес Общества Иисуса, подрывающие его репутацию, или пытаются изменить его статуты. Григорий XIV запретил даже самим иезуитам испраши-

вать себе привилегии, противные статутам, и заранее аннулировал те из них, которые они смогли бы получить от святого престола и папских легатов. Он разрешил генералу собственной властью отзывать иезуитов, посланных папой, и объявил, что привилегии иезуитов не могут быть отменены или уменьшены никаким папским декретом, если он не будет направлен специально против них.

Эта страшная власть генерала, которая, казалось, делала из Общества Иисуса церковь в церкви, не была, как это часто утверждают, бесконтрольной властью, потому что генерал, который не имел права издавать ни одного закона без участия генеральной конгрегации, имел возле себя адмонитора и четырех ассистентов, назначенных генеральной конгрегацией, которой было поручено избирать его самого, а эти ассистенты могли в случае, если генерал плохо исполнял свои обязанности, созвать собрание для суда над ним. Тем не менее правительство общества было монархией, монархией абсолютной и сильно централизованной, которая вовсе не была обязана ставить в известность членов общества о мотивах своих решений и даже с самими решениями. Поэтому не следует удивляться тому, что некоторые члены общества, проникнутые духом независимости, как, например, часть испанских иезуитов, пытались в конце XVI века ограничить абсолютную власть генерала. Знаменитый Мариана, один из вождей этого заговора, в X главе своей книги «О недугах Общества Иисуса», опубликованной через несколько лет после смерти автора, назвал эту монархию «источником всех беспорядков и неудовольствий, которые мы испытываем ежедневно». «Монархия губит нас не потому, что она монархия, а потому, что она недостаточно ограничена. Она – бешеный кабан, который опустошает все, по чему проходит».

Все управление орденом, сосредоточенное в руках небольшого числа лиц, которое должно было заниматься столь многочисленными и важными делами, было вынуждено скрывать свою деятельность и даже окружать ее тайной. Отец Миранда, провинциал Кастилии, став ассистентом Испании в Риме, в 1736 году писал: «До того как я попал в Рим, где меня посвятили во все тайны, я не знал, что представляет из себя наше общество. Внутреннее управление нашего ордена требует специального изучения; в нем ничего не понимают даже провинциалы. Чтобы иметь о нем даже слабое представление, нужно быть облеченным теми функциями, которые я исполняю».

Слова Миранды относились также к актам сложной системы административного управления обществом, но мрачно настроенные умы, склонные к критике этого правительства, столь же таинственного, как и правительство Венеции, воображали, что оно тайно выковывает бесчисленные секретные законы. «Законов общества, – говорит Мариана в XIX главе, – появилось такое бесчисленное количество, что не только нельзя все их соблюдать, но даже невозможно знать их... Кроме правил и конституций существуют еще декреты конгрегаций, визитации и особенно ордонансы из Рима, где они, как я утверждаю, исчисляются тысячами – число совершенно непомерное». Это место Марианы опровергает само себя. Документы, перечисляемые им сначала, представляют собой официальные акты, в которых нет решительно никакой тайны и которые были известны всем иезуитам, которым по роду занятий предписывалось знать их. Что касается ордонансов из Рима, то они представляли собой нечто иное: это были административные указы, предназначенные для решения вопросов частного и местного значения, и совершенно не носили характера законов.

Однако светские и духовные власти, раздраженные тем, что у них отнимали юрисдикцию над орденом, при всяком удобном случае охотно выставляли против него обвинения в том, что он создал целое тайное законодательство. Иоанн Палафокс, епископ Аменополя, а потом Осмы, писал в 1654 году папе Иннокентию X: «Существует ли какой-нибудь другой орден, который хранит в тайне свои собственные конституции, скрывает от посторонних взглядов свои привилегии и учреждения и облакает какой-то таинственностью все, что относится к его администрации? Есть много иезуитов, даже профессов, которые не знают конституций, привилегий и учреждений ордена, в состав которого они входят». Палафокс был, может быть, святым, но, подобно многим святым, он не отличался особенной рассудительностью и уравновешенностью; ему приходилось бороться с иезуитами, которые были не святыми, а людьми дела, и не терпели, чтобы кто-либо препятствовал осуществлению их планов. Палафокс чрезвычайно преувеличивал значение системы, в силу которой иезуиты лишь постепенно ознакомились с законами общества. Нет никакого основания думать, как это делает Герман Мюллер, что иезуиты, публикуя свои конституции, скрыли часть их и что они имели тайные правила, известные только посвященным. Правительство с абсолютной монархической властью, столь твердо конституированное, как правительство иезуитов, совершенно не нуждалось в этом потому, что оно законно обладало властью принимать все необходимые для блага ордена меры, не предавая их гласности и не оправдывая их каким бы то ни было образом. Неизменность первоначальных конституций была той основой, на которой строилась организация ордена. Он предпочел скорее погибнуть, чем внести в них какие-либо

изменения. В этом заключается объяснение всех заслуг, успехов и завоеваний Общества в той же мере, как и причина всех его недостатков и нападков, которые оно вызвало против себя.

Иезуиты поступили бы крайне неблагоразумно, если бы лишили эти конституции их прекрасного единства и необыкновенной внутренней целостности. Они поступили бы еще более неблагоразумно, если бы стали сообщать даже очень небольшому числу посвященных правила, противоречащие принципам, сформулированным святым Игнатием.

В X части «Конституций» мы находим общие принципы, «при помощи которых может быть сохранено и увеличено благосостояние общества». Здесь устанавливается, прежде всего, цель Общества, которая состоит в служении Христу, в его прославлении и в спасении душ; далее напоминаются благочестивые упражнения и добродетели, которым должны следовать члены ордена. Установив эти общие положения, Игнатий формулирует специальные обязанности своих учеников, то, что должно отличать их от членов других орденов. Не говорится ни о специальном костюме, ни об исключительном образе жизни, ни об особых благочестивых и аскетических упражнениях. Иезуиты должны выполнять свои задачи, живя в мире, будучи образованными, интеллигентными, здоровыми людьми. Единственное отречение, которое от них требуется, это отречение от всякой личной выгоды. Все должно быть подчинено Обществу, церкви и Богу.

Новые члены Общества Иисуса прежде всего должны были приобрести солидные познания и умение передавать их другим людям при помощи речей и уроков. Далее, они должны научиться управлять людьми. Коллегии и университеты должны находить-

ся под руководством лиц, которые не будут искать личной выгоды и сумеют выявить талантливых людей, чтобы сделать из них профессоров и коадьюторов. Иезуиты не должны получать никакого жалованья за услуги, которые они оказывают в качестве профессоров и священников; они должны отказаться от всяких доходов и собственности. Они не должны стремиться ни к каким церковным должностям. Они могут принимать их только в том случае, если их обязывает к этому повиновение.

Нужно быть крайне суровым при приеме новициев, схоластиков и особенно профессоров. Необходимо, чтобы старших с младшими связывала самая настоящая гармония и чтобы к повиновению младших добавлялся надзор над старшими. Всеобщая субординация должна поддерживаться, опираясь на милосердие и взаимную любовь. Необходима умеренность в духовном и физическом труде; нужно решительно избегать всяких эксцессов ригоризма и распушенности, а также — и это основной пункт, на котором настаивают декларации, — заботиться о том, чтобы привлечь на свою сторону возможно большее число людей с направленной в хорошую сторону волей, даже если они чужие; делать все, чтобы обеспечить себе благосклонность святого престола, государей, вельмож, могущественных людей, добрая или злая воля которых может принести пользу или вред. Нужно молиться о могущественных людях, не расположенных к Обществу, и стараться привлечь их на свою сторону; при этом Общество никогда не должно вмешиваться в раздоры, которые возникают среди христианских государей и сеньоров. Нужно с умеренностью пользоваться милостями святого престола и искренне стремиться только лишь к спасению душ. Наконец, любопытная черта, последним предписани-

ем является забота о здоровье; предписывается помещать дома Общества в здоровых местностях. Каждый должен стараться соблюдать конституции и знать ту часть их, которая касается его.

Эти мудрые и умеренные предписания, представляющие собой резкий контраст с суровыми правилами старых орденов, удивительно приспособлены к Обществу, которое должно было жить в мире, вмешиваться в его дела с целью руководить им и поддерживать в нем веру, религиозные добродетели и особенно подчинение церкви; к Обществу, которое было основано не для того, чтобы подавать пример сверхчеловеческих добродетелей, а для того, чтобы проповедовать, учить, исповедовать, руководить, повелевать. Если иезуитам часто ставилось в вину то, что они вступали в союз с человеческими слабостями и что им были свойственны недостатки, от которых редко бывают свободны те, кто хочет повелевать,— нетерпимость, скрытность, склонность к интригам и гордость, то следует заметить, что их противники всегда отдавали должное обычной чистоте их нравов и твердости их веры. Д'Аламбер в своем памфлете об уничтожении Общества Иисуса и Вольтер в статье «*Jesuites*» в «*Dictionnaire philosophique*» видят в гордости единственный тяжкий недостаток, который можно им поставить в упрек, тот недостаток, который стал действительной причиной их гибели.

Почему же иезуиты, организованные в армию, преданную всемогущему вождю, могли испытывать потребность в тайных и развратных правилах, представлявших собой целую систему интриг, которые совершенно не нужно было кодифицировать для тех, кто хотел бы применить их на деле, и которые бы лишь возмутили и отдалили от ордена массу честных

людей, входивших в его состав? Нужно, повторяю, при рассмотрении этих вопросов всегда иметь в виду критическое правило Вольтера: «Ни одна секта, ни одно общество никогда не имели формального намерения развращать людей».

Однако это намерение приписывали иезуитам; доказательства в пользу его существования думали найти в «*Monita secreta*», которые будто бы содержат в себе руководящие указания для поведения и политики иезуитов.

Однако достаточно раскрыть «*Monita*» и прочитать их без предубеждения, чтобы убедиться в том, что они представляют собой не собрание предписаний, которыми пользовались иезуиты, а сатиру на недостатки и пороки, которые можно было поставить им в упрек. Это картина тех приемов, которыми, как утверждали некоторые историки, иезуиты пользовались для того, чтобы сокрушить врагов Общества, в частности исключенных из него членов; интриг, при помощи которых иезуиты приобретали милость государей, подкапывались под другие ордена и церковные власти, обогащались за счет государств, частных лиц и особенно за счет вдов. Как можно серьезно относиться, например, к следующим выражениям: «Рост богатств общества является началом золотого века» или: «Наши основывают коллегии только в богатых городах потому, что целью нашего общества является подражание Господу нашему Иисусу Христу, который чаще всего останавливался в Иерусалиме и лишь проездом бывал в менее значительных поселениях» (I, 7). «У вдов следует всегда извлекать столько денег, сколько окажется возможным». Как можно утверждать, чтобы иезуитам когда-либо давались содержащиеся в «*Monita*» инструкции о том, каким способом следует мешать вдовам снова всту-

пать в брак и заставлять их отказываться от своего имущества в пользу общества.

Главы VI, VII и VIII являются самыми остроумными в «Monita». В них легко можно найти темы для превосходных комических сцен. Так, например, в главе VI, 8 и 9, сказано: «Вдове следует уяснить себе все преимущества и все неудобства ее состояния, связанные с браком, особенно повторным. Можно также время от времени ловко предлагать ей такие партии, к которым, как хорошо известно, она чувствует отвращение; если же окажется, что кто-нибудь ей нравится, то нужно представить ей его дурную нравственность, чтобы в конце концов она чувствовала лишь отвращение ко вторичному браку». VII, 7: «Если существует твердая уверенность, что они (т. е. вдовы) всегда верны Обществу, можно разрешить им с умеренностью и без скандала то, чего они требуют для удовлетворения своей чувственности».

«Monita» представляют из себя компедиум всех пороков, всех достойных порицания приемов, которые ставились в упрек некоторым членам Общества Иисуса, в которых их обвиняли папы, епископы и даже генералы ордена. Кажется, что некоторые главы инспирированы памфлетом Марианы. Не вызывает сомнения то, что некоторые иезуиты пользовались подобными приемами. Они легко могли явиться результатом той роли, которую иезуиты играли в своей огромной деятельности среди богатых классов, необходимости находить дарителей для того, чтобы поддерживать бесплатные школы и миссионерские предприятия, а также результатом тех советов благоразумия и ловкости, иногда чересчур мирских, которые давали сами Игнатий и Ленец.

Можно сблизить некоторые параграфы «Monita» с рядом параграфов «Конституций» и показать, что

первые являются преувеличением или, скорее, карикатурой вторых. Иезуиты, наиболее решительно протестовавшие против «Monita», как, например, Гретсер, признают, что они были написаны лицом, хорошо осведомленным о нравах, царивших в ордене, и склонны приписывать их какому-нибудь иезуиту-ренегату. Поэтому за ними можно признать известную документальную ценность, поскольку они являются сатирическим изображением недостатков Общества, главным образом тех ловких приемов, которыми оно часто пользовалось, чтобы увеличить свои богатства.

Глава IX, трактующая об увеличении доходов коллегий, и глава X, в которой говорится о суровости дисциплины Общества и о тех способах, при помощи которых следует освобождаться от стеснительных членов, являются наиболее интересными во всей книге. Параграф 16 IX книги представляет собой один из самых великолепных примеров сатиры. «Если жены жалуются на пороки и дурной характер своих мужей, то им нужно посоветовать взять у мужей тайно некоторую сумму денег и пожертвовать ее Богу с целью искупить прегрешения мужей и обеспечить им Божье милосердие». У казуистов можно найти ряд мнений, которые могут быть сходны с этим предписанием. Они прощают жену, которая похитила у мужа деньги, чтобы на них заказать мессу за спасение его души. Правда, одно дело – прощать какой-либо поступок и другое дело – советовать его совершить, но между тем и другим – наклонная плоскость.

Как бы то ни было, если мы даже допустим, что иезуиты могли совершать предосудительные поступки, которые рекомендуются «Monita», эти советы находятся в полном противоречии со всеми инструкци-

ями генеральных конгрегаций и генералов ордена. В частности, «*Instructio pro confessoriiis principum*», данная Аквавивой¹ в 1602 году, после пятой генеральной конгрегации, строго предписывает духовникам держаться в стороне от политических дел и не принимать никаких милостей и даров. Всегда ли соблюдались эти предписания – это другой вопрос; было бы слишком смело давать на него положительный ответ. Но можно ли допустить, чтобы Аквавива (которому приписывали «*Monita*») или какой-нибудь другой генерал мог тайно советовать в письменных инструкциях то, что он открыто осуждал? Автор «*Monita*» попытался заранее ответить на это возражение, изложив для себя эти главы и предписав ознакомлять с ними лишь некоторых профессов, не как с произведением, написанным другим лицом, а как с плодом собственного опыта, и что если эти инструкции попадут в руки посторонних людей, то следует отвергать утверждение, что они являются выражением чувств Общества, и противопоставлять им опубликованные инструкции и правила Общества.

Поверить в то, что «*Monita secreta*» являются аутентичными инструкциями вождей ордена, заставило многих историков то обстоятельство, что, как утверждали, рукописи «*Monita*» были найдены в библиотеках ордена. Даже если бы это утверждение соответствовало истине, то его ни в коем случае нельзя рассматривать как убедительное доказательство, так как подобная сатира могла быть сочинена в шутку каким-нибудь иезуитом и сохранена в руко-

---

¹ Аквавива (Aduaviva) Клавдио (1543 – 1615), пятый генерал ордена иезуитов (1581 г.), под наблюдением которого составлено руководство, положенное в основу иезуитского школьного образования. – *Прим. ред.*

писи другими¹. Но нет более темного вопроса, чем вопрос о том, где найдена была первая рукопись – «Monita».

Первое издание вышло в свет в 1614 году под заглавием «Monita secreta Societatis Jesu. Notobrigae, 1612»². Название города не могли идентифицировать, и оно, по-видимому, выдуманно. Несомненно, что ложна и дата издания. Работа появилась лишь в 1614 году, и притом в Кракове. Журнал иезуитского дома профессов святой Варвары в Кракове говорит: «Prodiit eodem mense [Augusto] famosus ille contra societatem libellus, cum illo titulo: M. P. S. I. Auctor eius suppresserat nomen, sed. brevi certo constitit a D. Hieronymo Zahorowski fuisse scriptum»³.

Иезуит Захоровский был исключен из ордена в 1613 году и в июле 1615 года был выдан краковским

---

¹ В «Revue Historique», т. XVIII, с. 340, напечатана поэма на превосходном латинском языке «Vindiciae Loyolidum», рукопись которой была найдена в иезуитской коллегии Сент-Омера; она представляет собой апологию цареубийства вообще, в частности – заговора против португальского короля Иосифа, и оправдание иезуитов Малагриды, Александра и Матоса, которых обвиняли в подстрекательстве. Эта поэма, где все монашеские ордены втоптаны в грязь и где иезуиты превозносятся за все преступления, которые ставились им в вину, может быть лишь памфлетом, направленным против них, или остроумной шуткой какого-нибудь иезуита. Она известна лишь по единственной рукописи, найденной в одной из иезуитских коллегий. Имеется ли основание видеть в ней серьезное произведение и улику?

² См. по этому вопросу работу Дура «Jesuiten Fabeln», глава V, где этот вопрос выяснен окончательно, а также работу d'A. Brou «Les Jesuites de la legende», глава IX.

³ «Scriptores rerum Polonicarum» (XIV, 125) утверждали, впрочем совершенно бездоказательно (ср. Duhr, loccit.), что иезуиты пытались купить молчание Захоровского.

епископом Тилицким. Книга была осуждена управляющим диоцезом¹ Липским 20 августа 1616 года, и Липский в своем приговоре говорит, что она появилась два года тому назад и, прежде чем была напечатана, распространялась в рукописи. Если бы дата 1612 года была верна, не было бы никаких оснований скрывать ее, тем более что как решение Липского, так и решение римской инквизиции от 28 декабря 1616 года не упоминают о Захоровском, против которого не имелось улик. Во всяком случае, нельзя ничего привести в оправдание легенды, будто бы «Monita» были найдены в рукописи при разграблении саксонцами иезуитской коллегии в Праге и будто бы эта рукопись и послужила оригиналом для издания 1612 года.

Знаменитый мюнхенский профессор старокатолик Фридрих, заявивший в своем «Журнале ватиканского собора», что он «посвятил всю свою жизнь борьбе с курией и иезуитами», поддерживает это положение в своих «Очерках по истории иезуитского ордена». Он даже говорит, что нашел подтверждение своего мнения в инструкции, данной иезуиту Фореру, когда ему поручили в 1634 году ответить на «Anatomia Societatis Jesu seu probatio spiritus Jesuitarum» Гаспара Шоппа или Сциоппия, который напечатал в этой работе новое издание «Monita» под заглавием «Monita Secreta S. I.», впоследствии так и закрепившимся за этим произведением.

Этот разбойник пера, родившийся 27 мая 1576 года в Неймаркте (Верхний Пфальц), хороший латинист и филолог, отрекшись от протестантизма в 1598 году в Риме, принялся с неутомимым жаром сочинять ядовитые памфлеты, под своим именем и под различ-

---

¹ Диоцез (лат. *diocesis*) – административная единица. – *Прим. ред.*

ными псевдонимами, сначала против немецких протестантов и короля английского Иакова I, а потом против иезуитов, кардиналов, папы и особенно против Скалигера. В предисловии к своему изданию «Monita» Шопп рассказывает, что Христиан Брауншвейгский во время грабежа иезуитской коллегии в Падеборне нашел там «Monita» и передал их капуцинам¹; «то же самое, по свидетельству людей, заслуживающих полного доверия, произошло и в коллегии иезуитов в Праге». Фридрих полагает, что инструкция, данная Фореру, когда он должен был по просьбе своего ордена написать ответ Шоппу под заглавием «Anatomia Anatomiae societatis Jesu seu Antanatomia» (Innsbruck, 1634), подтверждает это утверждение. Но истина заключается в обратном. Предметом инструкции было намерение опровергнуть утверждение Шоппа, что рукопись «Monita» будто бы была найдена в иезуитской коллегии в Праге в 1611 году. Но она могла быть найдена не в 1611 году, на который, как полагает Фридрих, приходится разграбление коллегии саксонцами, а в 1631 году, когда действительно произошло это разграбление; следовательно, значительно позже первого издания «Monita». Таким образом, если даже рукопись была действительно найдена в 1631 году, то это ничего не говорит нам о происхождении текста, опубликованного Захоровским. Далее, инструкция сообщает нам, что за два месяца до прибытия саксонцев в эту коллегию было прислано два экземпляра «Monita», один – государем, покровительствовавшим Обществу, второй –

---

¹ Капуцины (от итал. саррусцио – капюшон) – члены католического монашеского ордена, основанного в 1525 году в Италии (как ветвь ордена францисканцев), с 1619 года действовал как самостоятельный орден. – *Прим. ред.*

Qui regis imperio divites orbe Britannos,   Qui pacis ecclesiam, qui   Qui qui scribit arceas
 Rex int virorum fortitudo,   Fortis scholae doctores,
 Qui terroris int filius nominis hos res   Atq; inter vates pangs pia carmina fœdera
 Premit, quietis appetens;   Jungis decet laurum

Иаков I, король английский.

Гравюра работы Криспена де Паса

другом ордена; оба текста отличались друг от друга: один был короче, другой длиннее. Во всяком случае, коллегия была совершенно неповинна в существовании этих рукописей. Все доводы Фридриха,

имеющие целью доказать, что первое издание «Monita» было сделано на основании рукописи, найденной в иезуитской коллегии в Праге, грешат в самой своей основе.

Если бы первое издание было напечатано врагом иезуитов по рукописи, которая была найдена при подобных обстоятельствах, то издатель, несомненно, упомянул бы об этом. Но он хранил молчание о происхождении сочинения. Оба издания, следовавшие за первым, одно без даты, под названием «*Aurea monita religiosissimae Societatis Iesu, ed. a Theophilo Eulalio. Placentia*»; другое 1618 года «*Arcana monita religiosissimae Societatus Iesu*», также ничего не говорят о происхождении текста. Первые три сочинения, направленные против «Monita» и выдававшие их за гнусный памфлет, — Бембо, «*Monita salutaria data anonymo auctori scripti nuper editi, cui falso titulus inditus Monita privata S. I.*» (1615 г.); Адам Таннер, «*Apologia contra Monita privata*» (1618 г.); Яков Гретцер (или Гречер), «*Contra famosum libellum cuius in scripto est Monita privata S. I. libri III apologetici*» (Ингольштадт, 1618 г.) — также совершенно умалчивают о происхождении изданной в 1614 году рукописи.

Истина, которая вытекает из всех этих фактов, состоит, по-видимому, в том, что «Monita» принадлежит к той литературе памфлетов, направленных за и против иезуитов, которая была так многочисленна в Германии в период, предшествовавший Тридцатилетней войне, когда иезуиты вели в этой стране пламенную пропаганду и когда они добивались от императора эдикта о реституции, который был наконец опубликован в 1629 году и положил начало войне. Эта литература хорошо изучена Рихардом Кребсом в его небольшой работе «*Die Politische Publizistik der Jesuiten*». Гизелер в своей «Истории церкви» цити-

рует целый ряд памфлетов, написанных против иезуитов в период с 1696 по 1710 год, совершенно в духе «Monita», из которых некоторые были составлены бывшими иезуитами.

С тех пор было выпущено множество новых изданий и переводов «Monita» в Голландии, Германии, Франции и Англии. Выдумывались самые разнообразные небылицы об их происхождении: то утверждали, что их нашли в иезуитской колонии в Антверпене; то говорили, что они были получены от путешественника, вернувшегося из Индии, который достал их у иезуитов, живших на Дальнем Востоке. В XVIII веке их переработали; из эпилога сделали предисловие, переставили главы, добавили главу XVII о способах достижения обществом дальнейших успехов. В этом виде работа переиздается в конце XIX века, и в этом же виде мы находим ее в книге Карла Тенри о святом Игнатии *Liberii Candidi Tuba magna mirum clangens sonum ad Clementem XI etc., de necessitate reformandi Societatem Iesu*» (Страсбург, 1713 г.). Он считал тогда «Monita» аутентичным произведением, но в 1715 году, при втором издании своей книги, он проявил достаточно здравого смысла, чтобы признать свою ошибку, и в новом сочинении «*Tuba altera majorem sonum clagens*» он говорит, что «если сердце может быть развращено, то ум не настолько слеп и глуп, чтобы предписывать способы совершать преступления. Человек хочет быть плохим, но он всегда желает казаться хорошим».

Парижское издание 1761 года, на обложке которого стоит Падерборн, воспроизводит издание 1713 года, которому следовали и позднейшие издатели. Авторы, поддерживавшие аутентичность «Monita», – Грессе (*Graesse*) в своей «Сокровищнице редких книг», т. V, 575, Гахард в «*Analecta Belgica*», Филипсон в «Исто-

рии Западной Европы в эпоху Филиппа II» и в «Религиозной контрреволюции в XVII веке», Шарль Совестр в своем издании «Monita» 1864 года – придавали большое значение тому обстоятельству, что рукописи «Monita» были найдены в домах иезуитов.

Совестр утверждает, что он сверил свой текст с рукописью, принадлежавшей отцу Бротье, последнему библиотекарю клермонской коллегии (Louis-le-Grand) в Париже перед революцией, но он не говорит, где находится эта рукопись. Гахард утверждает, что рукопись, хранящаяся в брюссельском архиве (№ 730), принадлежала рюремондской коллегии иезуитов и была найдена там во время реформы монастыря в 1773 году. Филипсон придает большое значение тому обстоятельству, что из двух рукописей «Monita», находящихся в мюнхенской библиотеке, одна была написана, вероятно, иезуитом и находилась раньше в цистерианском монастыре в Альдерсппахе, другая, написанная не иезуитом, была найдена в шкафу церкви Сен-Мишель, принадлежавшей иезуитам. Мы знаем также (ср.: Duhr, op. cit., с. 777), что «Monita» были найдены во время изгнания иезуитов в их монастырях в Сен-Себастиане (в Испании) и в Виктории (в Сицилии). Однако мы не можем придавать какого-либо значения этим фактам. Неудивительно, что иезуиты имели и хранили рукописи или печатные экземпляры сатиры, которая получила столь большую известность. Протестантские критики, внимательно изучавшие вопрос: Гизелер, Губер, Чаккерт, Ниппольд, Гарнак, – являвшиеся противниками Общества Иисуса, единогласно признают, что приписывание «Monita secreta» руководителям ордена иезуитов – не что иное, как выдумка, не выдерживающая никакой критики. По их мнению, достаточно печально, что им неоднократно пришлось с

негодованием опровергать эту выдумку и что выдающиеся историки могли принять этот памфлет за серьезное сочинение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ламартин¹ в одной из глав своих «Confidences», где он так красиво и трогательно говорит о благотворном, облагораживающем и освящающем влиянии, которое оказало на него пребывание в иезуитской коллегии в Беллей, выражается следующим образом:

«Я не люблю иезуитов. Воспитанный у них, я уже с детства умел различать дух соблазна, гордости и властолюбия, который в зависимости от обстоятельств то скрывается, то выступает наружу в их политике, который, принося каждого члена в жертву корпорации и смешивая эту корпорацию с религией, искусно ставит себя на место самого Бога и стремится предоставить устаревшей секте руководство совестью отдельных людей и универсальную монархическую власть над всей человеческой совестью. Но эти отвлеченные пороки учреждения не позволяют мне вытравить из моего сердца истину, справедливость и признательность иезуитам за те достоинства и добродетели, которые были присущи их преподаванию и учителям, которым они поручили заботу о нашем детстве. В их отношениях к миру чувствовались человеческие мотивы, в их отношениях к нам – божественные.

Их рвение было так пламенно, что разжечь его мог только сверхъестественный, божественный принцип.

---

¹ Ламартин (Lamartine) Альфонс (1790 – 1869), французский поэт-романтик и политический деятель. В период революции 1848 года член Временного правительства. – *Прим. ред.*

Их вера была искренна, их жизнь чиста и сурова; они приносили ее каждую минуту, до конца своих дней в жертву долгу и Богу. Если бы их вера была менее суеверная и менее детская, если бы их учения были менее непроницаемы для разума, этого вечного католицизма, я бы признал в людях, о которых только что говорил, учителей, наиболее достойных притронуться своими благочестивыми руками до нежной души юношества; я увидел бы в их институте школу и образец для всех преподавательских корпораций.

Вольтер, который также был их учеником, тоже воздал им должное. Во врагах гуманной философии он чтит учителей своей молодости. Как и он, я почитаю их, я преклоняюсь перед ними в их добродетелях. Правде не нужно клеветать на самую маленькую добродетель, чтобы одержать победу при помощи лжи. Это было бы иезуитством философии. Разум должен одержать победу при помощи правды».

Вместо заключения я мог бы ограничиться этой цитатой. Однако, прежде чем предоставить слово Бёмеру, я хочу точнее определить, каким мотивам следует приписать и в какой мере возможно принять критические нападки, направлявшиеся на орден иезуитов не только с XVIII века, но и с момента его возникновения. Отрицательный смысл, придаваемый самому слову «иезуит», идет не от «*Provinciales*», как это часто утверждают. «*Monita privata*» появились в 1614 году. Выражение «*Artes iesuiticae*» вошло в употребление с этой эпохи. Уже в XVI столетии в недрах самого Общества начинают раздаваться голоса, предостерегающие иезуитов от пороков, которые должны были, так же как и их добродетели и успехи, привести к их падению, — гордости, честолюбия и жадности. Вот что писал отцам будущий генерал ордена Франциск Борджиа в 1650 году: «Настанет вре-

мя, когда общество будет всецело отдаваться человеческим знаниям, совершенно оставив в стороне добродетель. В нем будет господствовать честолюбие, гордость, надменность... Если взоры наших братьев обратятся к богатым, то у них будет изобилие благ земных, но они будут совершенно лишены... благ духовных».

Генерал Аквавива в 1587 году говорил иезуитам: «Любовь к вещам мира сего и придворный дух... являются в нашем обществе опасной болезнью. Почти без нашего ведома зло постепенно проникает к нам под прекрасным предлогом приобрести симпатии государей, прелатов, вельмож и привлечь к обществу эти категории лиц для служения Богу и ближнему. Но на самом деле мы ищем всего этого ради наших собственных интересов». Некоторые папы, особенно Климент VIII, жаловались на гордость иезуитов, на их манеру проникать всюду с целью выведать семейные тайны, на их упорство в защите своих заблуждений, на их ни с чем не сравнимое самомнение. Но в то же время папы не переставали признавать и превозносить достоинства и заслуги ордена. Климент XIII засвидетельствовал иезуитам как раз в тот момент, когда они подверглись наибольшему нападению, такое уважение, авторитетность которого не могло подорвать даже осуждение Климента XVI. Столь многочисленный и могущественный орден, действовавший в течение многих лет в различных местностях, и своими недостатками, и своими добродетелями не мог не дать повода для самых противоположных оценок.

Так же обстоит дело и с оценками иезуитской морали. Упреки, направленные против иезуитов, могли быть с таким же правом адресованы и против других орденов. Они относятся к целой системе, за которую иезуиты не ответственны. Самое большее, что мож-

но сказать, это то, что масштабы их деятельности и честолюбивое стремление без конца расширять свое влияние заставили их преувеличивать тенденции, не являвшиеся их личным достоянием, и применять в своих миссиях приемы несомненно опасные, но продиктованные похвальными намерениями.

Не большее значение имеет и другой упрек. Ордену ставили в вину, что среди огромного числа иезуитов, которых он так тщательно рекрутировал и так долго и интенсивно воспитывал, он не воспитал ни одного гениального человека. «Все они, – говорит Мишле, – отличались достоинствами и образованием; некоторые из них были героями, обладавшими удивительной настойчивостью и мужеством; но, несмотря на все это, ни одного крупного таланта! Что можете вы ожидать от человека, который отдал свою душу? Это – опустошенный человек». Этот упрек был предъявлен ордену уже в XVII веке, и списки великих иезуитских философов, ученых и писателей, составленные Черутти в «Апологии иезуитов», лишь подтверждают его справедливость. Несомненно, что интеллектуальная дисциплина, которой были подчинены иезуиты, не благоприятствовала развитию оригинальных свойств ума и что в том случае, когда эта оригинальность проявлялась в ком-либо из них, его удаляли если не из ордена, то из коллегии.

Наиболее замечательный проповедник и писатель, которого дал орден Франции, Бурдалу, является выдающимся психологом и логиком, но посредственным мыслителем. На благочестивой литературе иезуитов лежит печать такой приторности и младенчества, которые отличают ее среди всех других. Я не думаю, чтобы среди всей литературы по религиозным вопросам можно было бы найти столь многословное и в то же время пустое по смыслу произведение, как

«Жизнь Иисуса Христа» отца Колериджа, в 19 томах, где жизнь Христа до рождения и после смерти занимает несколько томов. Напротив, если порабощение ума схоластической традицией учений Аристотеля и Фомы Аквинского, страх перед новизной, индивидуальной мыслью, перед философской спекуляцией и трансцендентализмом помешали возникновению всякой оригинальной философии и даже появлению какого-либо ученого с творческим умом, то сильные умы, входившие в состав Общества, вынужденные заниматься более конкретными предметами, становились часто превосходными эрудитами, археологами, нумизматами, хронологами, математиками, физиками, вызывавшими удивление своим трудолюбием и основательностью. В ограниченных пределах они проявляли даже такую твердость критической мысли, которая должна была бы поразить нас, если бы мы не приняли во внимание, что для многих из них подавление какого бы то ни было индивидуального мышления в области богословия и философии покоится на известном агностицизме и предоставляет тем самым большую свободу их мысли вне этой запретной сферы.

Нужно ли упрекать их и за то, что из их среды не вышел ни один великий художник, и ставить им в вину так называемый «иезуитский стиль»? Не их вина, что они появились в тот момент, когда все искусства находились в состоянии глубокого упадка. Не они являются изобретателями иезуитского стиля. Они получили его от Виньола¹ и его учеников. Самое большее, за что их можно упрекнуть, это то, что они внесли в

---

¹ Виньола (Vignola) (наст. фам. Бароцци, Barozzi) Джакомо да (1507 – 1573), итальянский архитектор и теоретик архитектуры («Правило пяти ордеров архитектуры», 1562 г.). – *Прим. ред.*

свои храмы тот дурной вкус, то жеманство и напыщенность, которые так портили и их литературу. Впрочем, разве это важно? Как бесплодны все эти критические нападки! Говорят, Общество Иисуса не создало ни великих мыслителей, ни великих художников, ни даже великих аскетов! Но разве для этого оно было основано? Оно было основано для того, чтобы создать воинство апостолов, проповедников, духовников, профессоров, полемистов, завоевателей и героев. Эти борцы за веру никогда не должны были во время битвы подвергать сомнению основные положения своей веры. Осуществило ли Общество Иисуса мысль своего основателя? На этот вопрос с уверенностью можно ответить утвердительно.

Однако что касается методов и средств выполнения этой задачи, то тут Обществу можно предъявить не один упрек. Иезуиты могли служить интересам католической веры не жертвуя светскими и интеллектуальными интересами тех стран, где они проводили свою деятельность, но всюду, где преобладало влияние иезуитов: в Австрии, в Богемии, в Польше, во всех романских странах их господство сопровождалось экономическим обеднением и духовным упадком. Какие материальные и моральные потери пришлось перенести Франции после отмены Нантского эдикта и уничтожения Пор-Рояля! Всюду, где иезуиты пользовались политическим влиянием, они приносили жизненные интересы государств в жертву интересам церкви.

Я уже сказал, что иезуитам нельзя отказывать в праве облекать свою собственную мысль в пеленки устарелой схоластики; но давало ли им это право всюду выступать противниками всякого новаторского духа и всяких исканий, преследовать Галилея и бороться с его идеями вплоть до середины XIX века,

чернить и преследовать картезианские доктрины и всякий рационалистический спиритуализм и поддерживать из-за аристотелевского предрассудка вплоть до 30-х годов XIX века учение Кондильяка¹, рискуя быть обвиненными в сенсуализме?

Я сказал, что несправедливо обвинять иезуитов в безнравственности; но им можно поставить в вину то, что они лишили нравственность животворящей и действительно освящающей ее силы, сделав центром ее тяжести не совесть, а авторитет, взяв исходной точкой воспитания не ответственность, а повиновение. Подчинив мысль текстам ученых, они подчинили текстам и нравственность и никогда не могли понять того, что в сфере нравственного воспитания главной добродетелью является искренность. Таким образом, они обесплодили формализмом как мораль, так и мысль. Они прекрасно умели воспитывать волю, но предназначали ее лишь для повиновения.

Таким образом, мы увидели, что эти тенденции иезуитства можно объяснить породившими его обстоятельствами. Но именно потому, что оно непреклонно оставалось верным тем принципам, которые вдохновляли его с самого начала, оно с течением времени все более и более входило в противоречие с духом времени.

---

¹ Кондильяк (Кондийак) (Condillac) Этьен Бонно де (1715 – 1780), французский философ. Сотрудничал в «Энциклопедии» Д. Дидро и Д'Аламбера. Один из видных теоретиков сенсуалистической теории познания («Трактат об ощущениях», 1754 г.) и один из основоположников ассоциативной психологии ощущения. Согласно теории сенсуализма, ощущения, восприятия – основа и главная форма достоверного познания. Основной принцип сенсуализма «нет ничего в разуме, чего не было бы в чувствах» противопоставляется рационализму. – *Прим. ред.*

По представлениям людей конца XIX века, воспитание заключается в том, чтобы внушить человеку чувство ответственности, научить его мыслить самостоятельно, стать человеком свободным в своих поступках и в своих мыслях, научить его пользоваться своей свободой для того, чтобы совершенствовать общество и искать истину.

Для иезуитов свобода не является ни целью, ни даже средством. По их понятиям, она представляет собой лишь начальную силу, которая имеет только временное применение; это применение состоит в том, что она должна принести саму себя в жертву авторитету. Человеку не нужно искать ни социального идеала, ни религиозной истины. И тот и другая уже даны церковью. Поэтому человеку не приходится ни отвечать за себя, ни свободно мыслить. Он должен лишь подчиняться и повиноваться; свою личную инициативу он осуществляет только в узком кругу частной, практической жизни.

Если иезуиты правы в своей вере в то, что церковь обладает словом, разрешающим все вопросы земной жизни, так же, как она обладает словом, разрешающим все вопросы жизни небесной, их точка зрения правильна; а если, наоборот, истина не дана раз навсегда, а представляет собой некие ценности, добываемые постепенно и постоянно меняющиеся с течением времени; если идеал общества находится не в прошлом, а в будущем; если достоинство человека и ценность жизни заключаются в свободе, ответственности и индивидуальном стремлении, то учение, организация и деятельность Общества Иисуса находятся в безусловном противоречии с идеалом современной нам мысли и современной нам совести.

Общество Иисуса находится в противоречии не только с идеалом современной мысли и совести, но

и с первоначальным христианским идеалом в том виде, в каком он нашел свое выражение в Евангелии и в поучениях Иисуса Христа. Учитель, «мягкий и кроткий сердцем», который освободил религию от авторитета всякого привилегированного святилища и резюмировал все свое учение в двух заповедях: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всей душой твоей и всей мыслью твоей» и «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», «Бог есть дух и поклоняющиеся ему, должны поклоняться ему в духе и правде»; который говорил: «Ваше слово да будет: «да, да», «нет, нет», а также: «Не судите, да не судимы будете», не признал бы верными истолкователями своих слов людей, которые смешали религию с бесчисленным множеством благочестивых и даже суеверных обрядов и слепым принятием непреложных догматов, которые материализовали благочестие, питая его чувственными образами, которые принизили любовь к Богу, выражая ее языком земных страстей и наслаждений, которые находили удовольствие в тонкостях и ухищрениях казуистики, которые преследовали с не знающей жалости нетерпимостью всех тех, кто думал иначе, чем они, или возбуждал их подозрение, к которым, наконец, не только враги применяли страшные пророческие слова Иисуса Христа о фарисеях, но которых обвиняли в гордости сам главы церкви и братья из других орденов.

В них с трудом можно найти простоту, чистую духовность, дух кротости, свободы, милосердия, смирения, составляющие прелесть Евангелия. Им удалось, несмотря на противодействие пап, кардиналов, епископов, монахов и членов парламентов, монополизировать имя Иисуса; но их дух настолько отличается от духа Иисуса, что тогда, когда мы произносим слово «иезуит», мы забываем, что в нем содержится

имя Иисуса. Звуки этих двух слов не вызывают в человеческом сознании одних и тех же отзвуков. Среди бесчисленного множества религиозно-философских и назидательных работ, написанных иезуитами, ни одна не может быть поставлена рядом с «Подражанием Иисусу Христу» Фомы Кемпийского и «Размышлениями» Паскаля, ни одна не может быть причислена к числу тех книг, которые составляют вечную религиозную сокровищницу человечества. Мы не можем представить себе иезуитского Фому Кемпийского или Паскаля, и этого достаточно, чтобы отметить пробелы и заблуждения в их понимании религии и благочестия. Ставя основой своего учения и своей деятельности полный отказ от воли и разума, они фатально должны ослаблять энергию и инициативу человека, ставить преграды на пути оригинальности мысли, загонять религию в устарелые и бесплодные формы и формулы, иссушать в сердце человека сами источники благочестия.

Однако это не должно помешать нам воздать должное энергии, упорству, самоотречению и героизму, с которыми иезуиты боролись за свой идеал, являющийся идеалом католической церкви со времен Тридентского собора. Зло, которое они сделали, заблуждения, которые можно поставить в упрек многим из них, являются следствием того обстоятельства, что они были верными стражами и решительными защитниками средневековых традиций, что их обязанностью было противодействовать всякой независимости мысли, быть апостолами нетерпимости, ревниво охранять все суеверия прошлого.

Вместе с тем следует отметить, что Общество Иисуса, вмешивавшееся во все стороны жизни мира, освобожденное от суровых аскетических правил, обязанное, согласно своему обету, работать над беспрес-

танным расширением своего могущества и господства, то есть могущества и господства церкви, состояло в большинстве своем из людей, достойных уважения и нередко вызывающих удивление своим характером, людей развитых и часто выдающихся по своему уму, неизменно верных тем обязанностям, которые они приняли на себя. Им в значительной степени церковь обязана своим возрождением как в XVII, так и в XIX веках. Весьма вероятно, что если бы Обществу Иисуса было суждено погибнуть, то должна была бы погибнуть и католическая церковь, по крайней мере ее специфически католические черты.

Следующий отрывок, заимствованный нами у протестантского писателя Маколея («История Англии», т. II, гл. 6), как нам кажется, весьма верно резюмирует те выводы, к которым должно привести историка беспристрастное изучение судеб Общества Иисуса.

«Ни одно религиозное общество не могло бы представить столь большого списка людей, выделившихся на самых разнообразных поприщах; ни одно общество не развило своей деятельности на столь обширном пространстве, и тем не менее ни одно не обладало столь совершенным единством чувств и деятельности. Не было ни одной страны на земном шаре, ни одного поприща практической или интеллектуальной жизни, где мы не встретили бы иезуита. Они давали советы королям. Они дешифровали латинские надписи. Они наблюдали за движением спутников Юпитера. Они выпускали в свете целые библиотеки политических, казуистических, исторических книг, трактатов по оптике, сборников алкаических од, мадригалов, катехизисов, эпиграмм, изданий отцов церкви. Воспитание молодежи почти целиком перешло в их руки, и они осуществляли его с замечательным искусством. Они как будто верно

нашли ту точку, до которой можно двигать вперед умственную культуру, не рискуя привести к умственной эмансипации. Даже их враги должны были признать, что они не имели себе равных в искусстве направлять и развивать молодые умы.

В то же время иезуиты настойчиво и с успехом разрабатывали духовное красноречие. С еще большим усердием и успехом они действовали в качестве духовников. Тайны правительств и почти всех знатных фамилий во всей католической Европе находились в руках Общества Иисуса. Они проникали из одной протестантской страны в другую самыми различными путями: под видом жизнерадостных рыцарей, простых крестьян, руководителей пекинской обсерватории; их можно было найти с заступом в руках обучающими основам земледелия парагвайских дикарей. Но где бы они ни находились, каковы бы ни были возложенные на них функции, дух их был всюду и всегда оставался одним и тем же: полная преданность общему делу, безусловное повиновение центральному правительству.

Ни один из них не выбирал своего местопребывания или своих занятий по своему усмотрению. С чувством полного подчинения иезуит представлял своим начальникам заботу решить, должен ли он жить на Северном полюсе или под экватором, должен ли он в течение всей своей жизни классифицировать драгоценные камни, сличать рукописи в Ватикане или убеждать голых варваров Южного полушария, чтобы они не поедали друг друга. Если его служба нужна была в стране, где его жизнь находилась в большей опасности, чем жизнь волка, где приютить его было преступлением, где выставленные на площадях головы и члены его братьев ясно показывали ожидавшую его судьбу, он шел навстречу своей судьбе без про-

тестов и колебаний. Когда в конце XIX века земной шар обошла ужасная и до тех пор неизвестная чума, во многих больших городах страх порвал все узы, связывавшие общество, белое духовенство покинуло свою паству и нельзя было даже ценой золота найти для себя медицинскую помощь. В это ужасное время лишь иезуиты стояли у постели больных, которых покинули епископ, священник, врач, сестра милосердия, отец и мать, склоняясь к зараженным устам, чтобы услышать слабые звуки последней исповеди, и держа до самого конца перед глазами кающегося, готового испустить дух, изображение умирающего Иисуса.

Но к удивительной энергии, бескорыстию, самоотречению, которые характеризуют это Общество, присоединяются и большие пороки. Утверждали, и не без основания, что тот же пламенный общественный дух, который делал иезуита равнодушным к благосостоянию, свободе и жизни, заставлял его относиться так же равнодушно к истине и гуманности; что он считал законным всякое средство, которое могло служить интересам религии, и что он слишком часто смешивал интересы религии с интересами своего Общества. Утверждали, что иезуиты, неизменные лишь в чувствах, которые внушал им корпоративный дух, в одних странах были самыми опасными врагами свободы, а в других — самыми опасными противниками порядка. Великие победы, которые, как хвастали иезуиты, они одержали в пользу церкви, по мнению некоторых из наиболее славных членов Общества Иисуса, были скорее кажущимися, чем реальными.

Стоит отметить, что их деятельность в области подчинения мира законам церкви отличалась удивительным внешним успехом, но они достигли его, лишь ослабляя строгость этих законов, приспособля-

вая их к мирским страстям. Вместо того чтобы стремиться поднять человеческую природу до уровня идеала, данного божественными предписаниями и примерами, они принизили этот идеал до обычного уровня человеческой природы. Они хвалились множеством неофитов, которых крестили в самых отдаленных странах Востока. Но при этом говорили, что они искусственно скрывали от многих из новообращенных факты, на которых покоится все богословие Евангелия, а другим разрешали уклоняться от преследований, поклоняясь изображениям ложных богов и читая про себя «Отче наш» и «Богородицу».

Говорили, что иезуиты применяли подобные хитрости не только в языческих странах. Неудивительно, что люди, принадлежавшие к самым различным слоям общества и особенно к высшим, осаждали исповедадьни иезуитских церквей потому, что никто не уходил из этих исповедален недовольным. Священник всегда умел найти подход к кающемуся; он всегда умел умерить свою строгость настолько, чтобы тот, кто падал на колени перед его духовным трибуналом, никогда более не почувствовал желания обращаться к доминиканцам или францисканцам. Если он имел дело с действительно благочестивой душой, он говорил с ней на святом языке отцов первоначальной церкви. Но по отношению к той очень многочисленной части человеческого рода, которая достаточно религиозна, чтобы чувствовать после совершения греха угрызения совести, но недостаточно проникнута религией, чтобы воздержаться от дурных деяний, священник-иезуит следовал совершенно иной системе: раз он не мог спасти ее от преступлений, он должен был спасти ее от угрызений совести. Каждый из них имел в своем распоряжении огромную аптеку лекарств для лечения больной совести.

В казуистических книгах, написанных иезуитами и напечатанных с одобрения старших, можно было найти утешительные учения для всех разрядов грешников. Обанкротившийся узнавал на исповеди, каким путем он может, не совершая смертного греха, утаить от кредиторов свое имущество; слуга узнавал, каким образом он может, не совершая смертного греха, убежать, захватив с собой серебро своего господина; дворяне, храбрые и щепетильные в вопросах чести, находили здесь решение вопроса о дуэли, согласное с их склонностями; обману здесь давался достаточно широкий простор, чтобы лишиться всякой ценности договоры, заключенные между людьми, и людские свидетельства.

Таким странным образом перемешивались добро и зло в характере этого знаменитого Общества, и в этой своеобразной смеси и заключалась тайна его гигантского могущества. Подобное могущество никогда не могло бы принадлежать ни чистым лицемерам, ни суровым моралистам; оно могло быть достигнуто лишь людьми, которые были искренне воодушевлены преследуемой ими великой целью, но в то же время совершенно свободны от всяких сомнений в выборе средств».

Если мы думаем, что такое изображение роли Общества Иисуса, хотя бы и преувеличенное в некоторых чертах и слишком близкое к ораторской антитезе, в своих основных линиях верно, мы можем, без сомнения, отказать иезуитам в нашей симпатии, мы можем думать, что их влияние и действие на общество и церковь было благотельно или вредно, в зависимости от того, с какой точки зрения мы будем его оценивать; но мы не сможем отказать им в своем преклонении.

Мы, Бёмер и я, приложили все усилия, чтобы спокойно и беспристрастно изложить историю иезуитов,

о которой почти всегда писали со страстностью. Может быть, мы, не желая того, оказались слишком строгими; может быть, напротив, стремясь быть справедливыми, мы погрешили излишней снисходительностью. Если это так, то мы можем легко найти себе утешение. Иезуиты слишком часто бывали жертвами оценок, полных ненависти и ничем не оправдываемых исключительных мер; их слишком много преследовали, над ними слишком часто глумились, чтобы добросовестная умеренность не была бы долгом справедливости для тех, кто говорит о них.

Г. Мано

Глава I

ОСНОВАТЕЛЬ

Игнатий Лойола, его происхождение и обращение

В марте 1515 года в Пампелуне, в Наварре, епископский судья и представитель коррегидора¹ провинции Гипускоа сильно спорили друг с другом из-за молодого рыцаря, который с последних чисел февраля ожидал суда над собой в тюрьме епископского дворца. Молодой преступник совершил вместе с одним клириком² во время веселых ночей карнавала ряд «огромных преступлений» в провинции Гипускоа, ускользнул из суровых рук коррегидора, бежал в Наварру и теперь утверждал, что он тоже клирик и, следовательно, подлежит осуждению не королевским судом, а должен отвечать за свои проступки перед более снисходительным церковным трибуналом. К несчастью, коррегидор смог доказать, что обвиняемый вел совершенно недуховную жизнь, что в течение долгих лет он носил одеяние и оружие рыцаря и длинные волосы без малейшего следа тонзуры³, «ве-

---

¹ Коррегидор – в Испании с XIV века глава светской власти в городе и районе, наделенный как административной, так и судебной властью. – *Прим. ред.*

² Клирик – церковнослужитель. – *Прим. ред.*

³ Тонзура (от лат. tonsura – стрижка) – выбритое место на макушке, знак принадлежности к католическому духовенству. – *Прим. ред.*

личиною хотя бы со свинцовую папскую печать». Поэтому коррегидор энергично требовал от духовного суда выдачи бежавшего. Церковному судье оставалось только удовлетворить это требование, и хотя у нас нет документальных данных, весьма вероятно, что заключенный был передан светскому трибуналу и подвергнут суровой каре: светский суд любил сурово наказывать проделки дворян, особенно если последние так неблагоразумно рассчитывали ускользнуть из его рук.

Конфликты между церковными и светскими судами в эту эпоху происходили нередко; молодые люди и теперь достаточно часто позволяют себе эксцессы во время ночей карнавала. Однако упомянутые выше документы особенно заслуживают изучения потому, что в них мы впервые встречаем имя, которому предстояло в будущем приобрести огромную известность.

Don Inigo Lopez de Recalde de Onaz y de Loyola¹ — таково было имя того молодого рыцаря, из-за права судить которого спорили государство и церковь; а его верным товарищем, принявшим участие в его «огромных и вероломных преступлениях», был капеллан Don Pedro de Onaz y de Loyola. Акты не говорят нам, в чем заключались эти преступления. Все же они несомненно доказывают, что дон Игнатий не был в это время святым и нисколько не стремился стать им. Впрочем, а как могли у него уже тогда появиться такие высокие стремления? Конечно, вполне возможно, что отец его, дон Бельтрам де Лойола, предназначал его одно время для духовной карьеры потому, что у дона Бельтрама было не менее тринадцати детей. Было вполне естественно, что ему могла прийти мысль доставить последнему из

---

¹ Точная дата его рождения неизвестна. Неизвестно даже, родился он в 1491 или 1495 году. — *Прим. Моно.*

своих восьми сыновей, дону Игнатию, церковный бенефиций, тем более что старший, дон Педро, был уже вполне прилично обеспечен благодаря деятельности на этом поприще.

Но если и предположить, что подобный проект когда-либо существовал, то позднее дон Бельтрам, несомненно, оставил его, так как мы встречаем дона Игнатия совсем еще молодым пажом в доме великого казначея дона Жуана Веласкеса и Квеллара в Аревало, в Кастилии. Этот дом бесспорно считался одним из наиболее выдающихся заведений придворно-рыцарского воспитания, находившегося тогда в Испании еще в стадии наивысшего расцвета, которая предшествует упадку. Но в этом доме вели слишком малоназидательный образ жизни, чтобы состоявшие здесь юные пажи могли почувствовать склонность к святой жизни. Поэтому мы не должны удивляться тому, что в 1515 году двадцатичетырехлетний дон Игнатий вел еще совершенно светский образ жизни. Теми божествами, которыми он служил всем сердцем и всей душой, были любовь и честь. Если, кроме того, он гордился своей католической верой, глубоко презирал новообращенных морисков¹ и горел желанием сразиться с неверными, и в этом не было ничего поразительного для испанского рыцаря. Конечно, у него был также свой, особенно чтимый святой, и этого святого, апостола Петра, он прославлял даже в стихах.

Ни одна черта в характере и поведении Игнатия не свидетельствовала об особенно живом интересе к религиозным вопросам. Однако уже рано было замечено, что он обладает исключительной способностью

---

¹ Мориски – мусульманское население, оставшееся на Пиренейском п-ве после падения Гранадского эмирата (1492 г.) и насильственно обращенное в христианство. – *Прим. ред.*

заставлять людей делать то, что он хочет, и вести трудные переговоры. Поэтому в семье не сомневались, что он пойдет дальше своих старших братьев, которые избрали себе военную карьеру и успели уже доблестно поддержать честь дома Лойолы на полях битвы в Южной Италии и в рядах конкистадоров Нового Света. Но пока он был еще молодым рыцарем, с массой свободного времени, без больших перспектив на какую-либо выгодную должность. Поэтому не следует удивляться, что горячая кровь Лойолы находила выход во всякого рода буйных предприятиях, что он, за неимением чего-либо лучшего, с увлечением разыгрывал из себя донжуана и совершенно бесполезно тратил время на сочинение стихов, чтение романов и на всякого рода приличествующие его сословию развлечения.

Но в мае 1521 года для этой молодой невооруженной силы наступил час испытания, когда французская армия внезапно перешла Пиренеи, оспаривая победу Карла V над восставшими кастильскими городами. Вторжение увенчалось настолько полным успехом, что испанские войска были вынуждены немедленно уйти со всей территории Наварры. Только в цитадели Пампелуны остался небольшой горнизон. Но и он был так мало расположен к решительным действиям, что на военном совете офицеры высказались за немедленную капитуляцию.

Против сдачи выступил только один; то был дон Игнатий де Лойола. «Не сдаваться, бой врукопашную» – таков был лозунг, который он поддерживал с пылким красноречием. Убедительность его слов была так велика, что безумное предложение было принято. Французский военачальник, со своей стороны, не колеблясь принял самые решительные меры. 21 мая, на заре, он приказал идти на приступ крепости. Уже

Карл V.

Гравюра на дереве (1521 г.), по рисунку Альбрехта Дюрера

одно из первых ядер пробило широкую брешь в стене, на которой ожидал врага дон Игнатий, приготовивший свою душу молитвой и покаянием; другое ядро разорвало правую ногу храброго защитника, между тем как левая нога была тяжело ранена оторвавшимися от стены камнями. Он упал, и с ним пала крепость, последняя опора Карла V в Наварре.

Великодушный победитель приказал тщательно перевязать раненого и, как только позволило его состояние, перенести его на носилках через горы в замок Лойола около Аспейции. Переезд причинил раненому большие страдания. Скоро выяснилось, что

первая перевязка была сделана плохо. Пришлось снова сломать правую ногу и исправить ее. Положение Игнатия после этой операции настолько ухудшилось, что 28 июня его причастили. Но в полночь, когда уже начинался день, посвященный святому Петру, которого больной всегда очень чтил, наступило внезапное улучшение.

Игнатий постепенно поправлялся. Кости уже начали срастаться, как вдруг он с ужасом заметил, что его правая нога стала короче левой и что на ней выше колена появилась отвратительная опухоль. По-видимому, неумелые хирурги позабыли поместить осколок кости на свое место. Игнатий немедленно решил подвергнуть себя новой ужасной операции. Опухоль срезали, и ногу в течение нескольких месяцев растягивали и растирали мазями. Однако, хотя пациент перенес все эти мучения со стойкостью индейца, желаемого результата достичь так и не удалось. Нога Игнатия не только осталась слишком короткой, но и в течение месяцев была парализована.

Вместо того чтобы снова получить возможность думать о войне и приключениях, нетерпеливый рыцарь должен был долгое время оставаться в постели и все более примиряться с печальной мыслью об отказе от рыцарской карьеры. Чтобы утешить и развлечь себя в этом печальном положении, он обратился к обычному ресурсу больных и потребовал книги, конечно такие, которые он любил: рыцарские романы, новеллы и другие занимательные сочинения. Однако в замке Лойола не было еще произведений Амадиса. Нашлись всего-навсего две книги, которые и дали больному: сборник легенд о святых (*Flos sanctorum*) и «Жизнь Христа» картезианца Лудольфа саксонского в испанском переводе Амвросия Монтесино. Игнатий с жадностью набросился на эти уве-

систые фолианты, однако скоро разочаровался и отложил их в сторону. Он предпочитал лежать неподвижно, мечтая с открытыми глазами часто в течение трех или четырех часов подряд о Жермене де Фуа, даме своего сердца. Однако скука, овладевавшая им в течение долгих дней выздоровления, снова и снова заставляла его возвращаться к этим двум книгам и все более и более погружаться в них.

Как обычно бывает, чем чаще он читал их, тем более свыкался с теми странными образами, которые они вызывали перед его глазами. Но все сильно занимавшее его воображение действовало на его душу как призыв к действию. В нем зародились новые мысли, открывшие неожиданные пути его честолюбию. «Что, – говорил он себе, – если бы ты стал таким святым, как Франциск или Доминик, и даже превзошел бы в святости Франциска и Доминика?» Однако сначала он только играл этими идеями, как незадолго перед тем играл своими любовными мечтами. Но однажды он с удивлением заметил, что они действуют на его настроение совершенно иначе: за картинами светских наслаждений быстро следовали тревога и печаль, между тем как мечты о духовном будущем порождали длительную радость.

Осознание этого факта произвело на него очень глубокое впечатление. Уже в это время он смутно разгадывал тайную причину этого различия: Бог и Сатана таинственным образом вели спор из-за его души. Из этого, сначала неопределенного, представления он скоро вывел очень важное правило поведения: отдаваться лишь тем планам, мыслям и чувствам, которые могут привести его душу в состояние длительного радостного напряжения.

Так постепенно исчезали на его горизонте обманчивые миражи мирской славы и земной любви.

В одну из бессонных ночей ему явилась Мадонна с младенцем Иисусом на руках. С этого момента исход внутренней борьбы для него был решен: Мадонна стала дамой его сердца; служение церкви сделалось его идеалом.

Весной 1522 года он навсегда покинул замок своих предков, приняв решение стать святым, как Франциск и Доминик. Ближайшей целью его был Иерусалим. По возвращении оттуда он думал вступить в картезианский монастырь в Севилье или же странствовать из одного места в другое в качестве кающегося паломника. Но хотя он и истязал себя каждую ночь, как настоящий монах, кровь предков была еще настолько сильна в нем, что он во время одного из своих путешествий чуть не вызвал на поединок мавританского рыцаря, который позволил себе непочтительно отозваться о Святой Деве. Его отвратил от этого поступка его мул, к которому он обратился за указанием, как к оракулу. Животное, которому он предоставил право решить вопрос, бессознательно свернуло с дороги, по которой поехал мавр, и тихо привезло своего всадника к самому известному из святых мест Каталонии, к Монтсеррату. Здесь Лойола принес сначала общую исповедь, продолжавшуюся целых три дня. Затем, вечером 24 марта, он тайно снял с себя свое рыцарское одеяние, надел одежду странника, велел увести своего мула, повесил свою шпагу и кинжал у алтаря Богоматери и заперся в церкви. Подражая своему герою Амадису, историю которого он прочитал в светской библии своего времени, он хотел посвятить себя в свое новое рыцарство ночным бдением.

То на коленях, то стоя он провел всю ночь перед чудотворной иконой в молитве. Утром он причастился и молча направился в Барселону. Но он остано-

вился в Манрезе и решил здесь отдохнуть несколько дней в странноприимном доме святой Люции. Однако эти несколько дней затянулись почти на целый год. В Барселоне царил чума; порт был закрыт. Торговые связи с большими приморскими итальянскими городами, которые все еще держали монополию по перевозке на Святую Землю, прервались. Опять случайность, которая повлекла за собой огромные последствия для мировой истории.

Находясь в вынужденном бездействии в Манрезе, нетерпеливый паломник немедленно предался благочестивым упражнениям и покаянию, чтобы основательно подготовиться духовными подвигами к святости, к которой он так стремился. Он не только три раза в день ходил в церковь и читал во время мессы историю Страстей, но каждый день в течение семи часов молился; он трижды в сутки бичевал себя; регулярно вставал в полночь, чтобы предаться своим благочестивым упражнениям; воздерживался в течение всей недели от мяса и вина и каждое воскресенье причащался; Игнатий не стриг своих волос и ногтей и ежедневно обходил город, прося милостыню. Эта внезапная, радикальная перемена образа жизни повергла его в состояние нервного возбуждения, благодаря которому он стал галлюцинировать наяву; в то же время у него появились мучительные сомнения относительно возможности всю жизнь предаваться этому аскетическому героизму.

Он не успел еще победить этого тревожного состояния, как его духовная жизнь потеряла равновесие. То он утрачивал всякую способность радоваться и не находил более удовлетворения ни в молитве, ни в богослужении. То, напротив, его охватывал ничем не вызванный восторг, освобождавший его от всякой печали, «как от сжимающей грудь одежды». Эта постоянная

смена настроений вызвала в нем такое беспокойство, что он обратился за советом к нескольким набожным лицам, у которых он бывал. Но даже знаменитая пророчица Беата манрезская не смогла прийти к нему на помощь. Однако ее слова «О если бы Христос явился тебе!» произвели на него очень глубокое впечатление, и позднее Игнатий видел в них доказательство того, что эта женщина совершенно исключительным образом была посвящена в тайны сверхчувственного мира; но в первое время они лишь увеличили его тревогу. Эта тревога все более и более переходила в состояние длительного отчаяния. Он был уверен, что общей исповедью в Монтсеррате навсегда покончил со своим обремененным грехами прошлым; но в первые же воскресенья, когда он снова пошел исповедоваться, ему показалось, что он забыл о части своих грехов.

Игнатий поспешил исправить упущенное. Но это не дало ему желанного примирения. По совету одного проповедника он снова принес общую исповедь. Но вместо того, чтобы исчезнуть, угрызения совести стали еще более сильными. Однако при этом он чувствовал, что они для него бесполезны и даже вредны. Он никогда серьезно не сомневался во власти духовника отпускать грехи. Именно поэтому он горячо желал, чтобы его духовник формально запретил ему снова приходить со старыми, давно уже отпущенными грехами. Действительно, таково и было решение духовника, и он пришел к нему без всяких просьб со стороны Игнатия. Но он все же не сумел понять действительного состояния души Игнатия; иначе он не приказал бы ему исповедоваться только в тех грехах, относительно которых у него не оставалось никаких сомнений. Ибо для Игнатия все было ясно и очевидно. Поэтому совет духовника только поверг его в новую душевную борьбу.

Игнатий, как он сам говорил, не находил ни в одном живом существе помощи против страшных угрызений своей совести. Его муки росли с каждым днем. Наконец, он дошел до того, что в одно воскресенье после причастия почувствовал искушение положить конец всем своим мукам, выбросившись из окна. Однако он вовремя опомнился: у него была привычка молиться около этого окна. Когда его возбуждение достигло своего апогея, Игнатий вспомнил об этом, и глубокое потрясение его души немедленно вылилось в горячую молитву: «Господи, я ничего не хочу делать, что могло бы оскорбить Тебя». В то время когда он произносил эту молитву, ему припомнился чудесный рассказ из «Житий Святых». Один святой заставил Бога услышать себя, отказываясь от какой бы то ни было пищи до тех пор, пока Бог не внял ему. Игнатий также решил испробовать это средство. В течение целой недели он ничего не ел. Но повиновение церкви настолько прочно укоренилось в его душе, что в следующее воскресенье он по приказанию духовника снова принял пищу, хотя и был далек еще от истощения. Казалось, однако, что эта странная попытка увенчалась успехом: в течение целых двух дней он не чувствовал никаких угрызений совести. Но во вторник, когда он стал на молитву, угрызения совести опять охватили его с неслыханной силой. Воспоминание об одном дурном поступке пробуждало в нем воспоминания о других прегрешениях. «Его дух влекло от одного греха к другому». Ему казалось, что ни один грех не искуплен, что нужно еще раз покаяться во всем.

За этим возбуждением последовал глубокий упадок, «отвращение к мучениям этой жизни покаяния и в то же время настоятельная потребность вырваться из нее». Но вдруг Игнатий как бы пробудился от

тяжелого сна. Он вспомнил о замечательном опыте, который он некогда получил в замке Лойола в то время, когда в его уме проносились то светские, то духовные планы на будущее. Как тогда, он и теперь пришел к выводу: мысли, смущающие и подавляющие душу, исходят от дьявола. За этим умозаключением немедленно последовало решение никогда не упоминать на исповеди о давно уже отпущенных преступлениях. С этого момента он стал чувствовать себя свободным и радостным. Борьба была закончена: наконец среди мук родился новый человек.

Впоследствии ученики Игнатия любили противопоставлять религиозную эволюцию Игнатия с религиозной эволюцией Лютера. Действительно, параллель между моральной борьбой Игнатия в келье доминиканского монастыря в Манрезе и моральной борьбой Лютера в Виттенбергском монастыре очень поучительна. Обоих ввергает в глубокое смятение в сущности одно и то же – потребность получить личную уверенность в прощении грехов. Обоим в этом душевном состоянии бессильны помочь утешения и благодать церкви. Но Игнатий не потрясен, как Лютер, до глубины души сознанием этого бессилия. Он ни на минуту не сомневается, что священник облечен властью отпускать грехи. В спокойные моменты он ясно сознает неосновательность своих мучений. Игнатий видит в них не естественное последствие своей виновности, а болезненное и ненормальное состояние, вмешательство посторонней силы, которая овладевает им против его воли. Поэтому мир возвращает ему не фраза из Священного Писания, как Лютеру, а умозаключение, что его угрызения исходят от дьявола. Это заключение с первого взгляда кажется чем-то совершенно произвольным; оно представляет собой предположение, которое принимают потому,

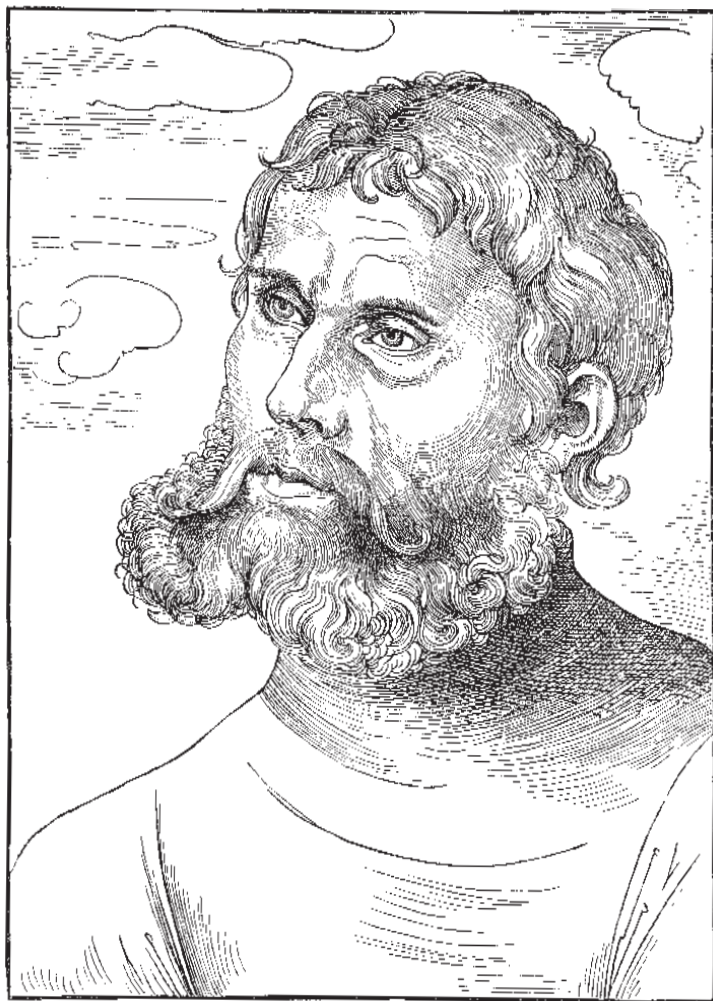
что его хотят принять, а не убеждение, которому подчиняются потому, что вынуждены подчиниться. Однако Игнатием эта мысль овладела с силой убеждения: она была лишь следствием того общего мировоззрения, в атмосфере которого он вырос.

Поэтому не следует удивляться, что и впоследствии решения и убеждения Лойолы определяет не Писание, как у Лютера, а видения и озарения. Видение заставляет его снова есть мясо; целый ряд видений раскрывает ему тайны католических догматов и заставляет его реально переживать эти догматы. Так, Троицу он созерцает в форме трехструнного клавинода; тайну создания мира – в форме чего-то неопределенного и легкого, испускающего блестящие лучи; таинственное сошествие Христа во время евхаристии¹ – в виде световых лучей, спускающихся на дары в тот момент, когда их поднимает молящийся священник; человеческую природу Христа и Деву Марию – в форме тел ослепительной белизны; сатану – в виде чего-то змеевидно сверкающего, подобно «тысячам таинственно мерцающих глаз».

Позднее эти видения иногда повторялись. Так, особенно часто до конца своей жизни он созерцал Христа в образе «чего-то большого, круглого, блестящего, как золото» или в виде «солнца»; он нередко видел также Троицу в форме «огненного шара», Святого Духа – в форме ослепительного пламени, Бога Отца и Деву Марию. Реже он слышал голоса. С ним часто случались «озарения», то есть состояния особенного возбуждения чувства и особенного просветления разума, не сопровождавшиеся видениями. Подобное озарение он испытал однажды в Манресе в то

---

¹ Евхаристия (греч. *eucharistia*) – то же, что и причастие. – *Прим ред.*

Лютер во время его пребывания в Вартбурге, где он временно жил под именем «Иёрга».

*Копия с гравюры на дереве работы Луки Кранаха, 1522 г.
«Изображение Мартина Лютера
в том виде, в каком он возвратился из Патмоса в Виттенберг,
в год от Р. Х. 1522».*

время, когда сидел погруженный в благочестивые размышления у подножия креста на берегу Кардонера, устремив глаза в глубину ущелья, где бушевала река. Много тайн веры и науки стали тогда для него сразу ясными и светлыми, и позднее он утверждал, что все его занятия не дали ему столько познаний, сколько дали ему эти несколько кратких мгновений. Однако он не мог указать, какие именно тайны раскрылись ему в этот момент. От них у Игнатия осталось лишь смутное воспоминание, чудесное впечатление, как будто в это мгновение он был «иным человеком с иным умом».

Как мы видим, эти озарения и видения в Манрезе имеют большей частью назидательное содержание. Сам Игнатий называет их «уроками катехизиса, данными самим Богом». Позднее они продолжали посещать Игнатия всякий раз, когда он чувствовал потребность в утешении или должен был принять какое-нибудь серьезное решение. Он никогда не сомневался в реальности этих откровений. Игнатий прогонял Сатану палкой так же, как бы он сделал с бешеной собакой. Он беседовал со Святым Духом, как будто бы видел его собственными глазами; он предоставлял все свои решения на одобрение Бога, Троицы, Мадонны и в момент их появления плакал от радости. В эти моменты Игнатий испытывал предвкушение небесного блаженства. Перед ним раскрывалось небо. Божество склонялось к нему в ощутимой, видимой форме, открываясь во всей своей полноте, силе, величии, милосердии. Поэтому неудивительно, что Игнатий почувствовал необходимость записать все эти видения в виде книги, наподобие древних пророков. Он идет даже гораздо дальше древних визионистов и точно отмечает дни и часы, так же детально описывает ход своих видений!

Историк не может ограничиться одним описанием этих переживаний; он должен попытаться дать им критическое объяснение. Поэтому совершенно естественно напрашивается заключение, что между чувственной формой этих откровений и даваемым им объяснением почти никогда нет никакой логической связи. Большей частью мы имеем дело со световыми явлениями, которые сами по себе допускают самые различные интерпретации. Очень часто, по-видимому, это обычная игра солнечного света, которую может уловить всякий наблюдатель. Иногда это фантастические галлюцинации, какие могут испытывать самые обыкновенные люди в моменты сильнейшего возбуждения. Во всяком случае, значение, которое придает им Игнатий, всегда является результатом произвольного выбора и всегда обусловлено тем обстоятельством, что воображение Игнатия всецело живет среди представлений католической догматики. Это отчасти раскрывает нам секрет личности Игнатия. Мы имеем дело с душой, которая еще целиком живет в атмосфере средневековых концепций, которая во всяком непредвиденном душевном движении видит воздействие добрых или злых духов и всякое необыкновенное ощущение принимает за чудо.

Перед нами мистик и визионист, но мистик и визионист совершенно особого рода, визионист, которому удалось подчинить порывы своего воображения дисциплине своей железной воли и контролю со стороны в высшей степени изощренного ума. Уже в Манрезе Игнатий не отдается слепо своим видениям и озарениям. Он определяет их ценность на основании вполне определенных критериев: 1) по действию, которое они оказывают на его душу; 2) по внешним обстоятельствам, среди которых они происходят. Если за ними следует томление или упадок сил, если

они возникают внезапно, во время ночного отдыха, или позднее, во время работы, если они, таким образом, нарушают порядок дня или жизненные планы, он рассматривает их как искушение или проявление злых духов.

На этой гипотезе он строит целую теорию о небесных и адских откровениях, о благотворных и обманчивых видениях и, опираясь на нее, с непоколебимой энергией дисциплинирует свою внутреннюю жизнь до тех пор, пока он, по его собственным словам, не стал «находить Бога, когда он его желал», то есть пока он не стал получать небесные откровения всякий раз, когда ощущал в них потребность. Как пунктуальный солдат, он в конце концов дисциплинирует и эту потребность. Позднее он стал отдаваться ей обычно лишь во время ежедневной мессы. И сама месса была подчинена определенному правилу: она должна продолжаться ровно полчаса.

Таким образом, у этого визиониста воля и ум развиты, несомненно, гораздо сильнее, чем фантазия: ум – потому, что Игнатий контролирует и критически наблюдает все движения своей духовной жизни, так что в конце концов он проникает в таинственную жизнь своего «я» вплоть до самых сокровенных его глубин; воля – потому, что он настолько безусловно властвует над своим телом, жестами, языком, что переносит тяжелейшие операции, сильнейшие боли печени и зубов, не издавая ни одного стога, что у него никогда не вырывается необдуманного слова, что каждое движение его век кажется его ученикам преднамеренным, и так же безусловно управляет он своими эмоциями и даже своими силами визиониста. Можно сказать, что он становится тем, чем хочет быть. Он творит и формирует свое «я» сознательно по определенному идеалу, так же, как художник создает из

мягкой глины статую, образ которой в неопределенных очертаниях присутствует в его воображении.

Таким образом, своеобразным даром этого визиониста является не живая и плодovitая фантазия, как у других визионистов, а совершенно необычная, даже единственная в своем роде сила воли. Люди, которые могут властвовать над своим гневом, встречаются, конечно, довольно часто; но люди, у которых вся игра чувств покорна их воле, как у Игнатия, составляют редкое исключение даже среди типичных людей воли, великих аскетов и властителей. Фантазия Игнатия, наоборот, была бедна и слаба потому, что запас образов у него скуден и мало оригинален, а видения его отличаются чрезвычайным однообразием. Но он сумел так дисциплинировать свою фантазию, что она в конце концов стала повиноваться ему и претворять в образы и переживания все, что сколько-нибудь долгое время занимало его душу. Эта черта настолько своеобразна, что едва ли можно найти что-либо подобное ей. В ней, может быть, сказывается сильнее всего та страшная власть над своим «я», в которой, бесспорно, нужно видеть высшее дарование Игнатия и вместе с тем лучшее объяснение исключительного влияния его личности на современников и позднейшие поколения.

В старину пытались объяснять характер и судьбу человека исходя из констелляции созвездий в момент его рождения; в новое время в характере человека видели часто лишь отражение окружающих условий. В последнее время нередко самым важным фактором формирования характеров считают расу или смешение рас. Так, для Х. Ст. Чемберлена оценка личности и деятельности Игнатия определяется тем, что Игнатий по своему происхождению был не «германцем», а баском и не постыдился пойти на выучку к

семитам, а именно — к магометанским дервишам. Этот певец расы полагает, что можно еще серьезно спорить о выдумке француза Мюллера, будто бы орден иезуитов представляет собой продукт мусульманского влияния на христианской почве. Но этим его расовая теория лишь отчасти доводится до абсурда.

Может быть, он прав в главном, в указании на баскское происхождение Лойолы? Действительно, Игнатий был родом из баскской провинции. Но из этого еще не следует, что он был чистокровным баском, ни даже то, что в его жилах текла баскская кровь. Лойолы принадлежали к числу самых знатных родов провинции Гипускоа. Поэтому они вполне могли быть, подобно всей североиспанской знати, вестготского, следовательно — германского происхождения. Абсолютно точных сведений относительно этого вопроса мы, во всяком случае, не имеем. Следовательно, ссылка на расу и в этом случае является *recursus ad infinitum*, попыткой объяснить X через Y, замаскированным признанием собственного неведения, которое может ввести в заблуждение относительно своей действительной ценности только дилетанта. Скорее можно было бы попытаться объяснить личность и деятельность Игнатия при помощи двух первых, более старых теорий.

Для его развития имела решающее значение констелляция, правда не созвездий, а тех великих исторических сил, которые господствуют над жизнью индивидуумов и целых народов. Он, например, не стал бы анти-Лютером, если бы не вырос в эпоху Лютера. Для развития его характера и деятельности также важна была и та среда, в которой он развился: воинственное религиозное воодушевление испанского рыцарства, строго католическая набожность его родины, средневековая мистика, еще преобладавшая в

Испании. Но объяснили ли мы при помощи этих факторов саму личность Игнатия? Нисколько! Мы определили лишь ту атмосферу, среди которой она развивалась, но отнюдь не то таинственное нечто, что выбирало, воспринимало и перерабатывало эти элементы. Ибо человек, подобно растению, воспринимает из окружающей его среды лишь то, что отвечает его природе, и поэтому он в той же мере является продуктом окружавших его условий, как и продуктом деятельности своего «я». Это таинственное нечто, это конечная образующая сила характера, в сравнении с которой все остальное является лишь оболочкой, формой, материалом, ассимилируемым личностью в ее развитии, может быть лишь описано в формах его проявления, но глубинные причины, породившие это нечто, так и остались неизвестными. В отношении Игнатия Лойолы вполне оправданно звучат слова поэта: «В глубину природы не проникает ни один сотворенный дух». Чем сильнее личность, тем таинственнее, своеобразнее, необъяснимее кажется она наблюдателю, тем сильнее чувствует он невозможность проникнуть путем анализа в глубину ее сущности, как бы строго и методически он ни вел свою работу.

Призвание учеников

Душа, воля которой так могущественна, не может долго теряться в лабиринте мистических фантазий. Она непреклонно тянется к свету потому, что не пассивное созерцание, а действие составляет элемент, в котором она свободно движется и дышит.

Уже в Манрезе Игнатий почувствовал в себе пробуждение потребности воздействовать на людей. Его первыми последователями были несколь-

ко знатных женщин и благочестивых горожан. Но как бы хорошо ни чувствовал себя Игнатий в этом кружке, он был слишком тесен, чтобы утолить охватившую его жажду деятельности. С этого момента для Лойолы было уже слишком мало отправиться в Иерусалим в качестве простого паломника. Паломничество должно было стать лишь исходным пунктом для всей работы его жизни. Он хотел посвятить все свои силы миссионерству среди магометан Святой Земли.

С этим намерением он сел на корабль в Барселоне в конце марта 1523 года. В Иерусалим он прибыл только в полдень 1 сентября после долгого путешествия, полного приключений. Его сердце было полно блаженства. Он думал, что нашел свою истинную родину, свое истинное призвание, но, к сожалению, обманулся. Высшая церковная власть Святой Земли, провинциал францисканцев, опасаясь турок, приказал ему немедленно покинуть Иерусалим вместе с остальными паломниками. Игнатий вынужден был подчиниться.

В январе 1524 года он высадился в Венеции, на пути в которую ему довелось пережить несколько морских бурь. Отсюда, пробравшись через французскую и испанскую армии, окруженный тысячами опасностей, дважды арестованный по подозрению в шпионстве, он достигнул Генуи и весной приехал морем в Барселону.

Что должен был он предпринять? Со времени внезапного отъезда из Иерусалима эта мысль постоянно терзала его, но он еще не пришел ни к какому определенному выводу. Для него было ясно лишь одно — направление, которое должна была принять его жизнь; он хотел работать на благо людей, своих братьев, отдать себя заботе о спасении их душ. Но Игнатий еще

не представлял себе, следует ли ему для этой цели вступить в один из монашеских орденов, или же он должен избрать образ жизни кающегося паломника. Но он понимал, что и в том и в другом случае для спасения душ необходима теологическая подготовка, необходимая для всех клириков. Так бедный паломник сделался бедным школьником. Этот бедный школьник за время своего девятилетнего учения (с 1526 года) превратился в старого студента. Но и в качестве студента Игнатий видел в своих занятиях не средство научиться чему-нибудь, а неизбежную переходную ступень, необходимую для того, чтобы стать чем-нибудь, видел в них средство спасти души ближних.

Уже в Барселоне, среди своих старых манрезских знакомств, он играл большую роль как духовный руководитель. Ему удалось сгруппировать вокруг себя нескольких университетских товарищей, которых он пробудил к религиозной жизни. Эти друзья образовали под его руководством при университете Алкала благочестивую ассоциацию студентов, поставившую перед собой две задачи: 1) личное освящение, 2) заботу о душах своих ближних. Первую из этих задач они думали осуществить путем строго аскетического образа жизни, путем еженедельных исповедей и причастий. Для выполнения второй задачи они организовывали собрания на частных квартирах, где Игнатий пытался морально влиять на слушателей проповедей, которые он произносил на тему о десяти заповедях. Действительно, таким образом ему удалось завоевать немало душ, главным образом среди женщин низкого положения: одиноких вдов, работниц, служанок шестнадцати–девятнадцати лет. С какой энергией Игнатий применял свой религиозный метод даже к слабому полу, показывает уже то обстоятельство, что

женские обмороки на этих собраниях происходили очень часто.

Понятно, что такая горячая пропаганда возбудила сначала внимание, а потом и подозрения инквизиторов. Уже в конце 1526 года маленькому обществу пришлось подвергнуться суровому допросу; оно должно было отказаться от особого костюма и заменить его обычной одеждой студентов. В апреле 1527 года инквизиция даже посадила Игнатия в тюрьму, намереваясь возбудить против него формальный процесс по обвинению в ереси. Следствие заинтересовалось не только странными явлениями, которые имели место среди благочестивых последователей Лойолы, но и своеобразными утверждениями обвиняемого о чудодейственной силе, которую сообщает ему его целомудрие, и его странными теориями о различии между смертными и искупимыми грехами, которые обнаруживают поразительное сходство с известными определениями иезуитских моралистов позднейшей эпохи.

Все это не давало достаточного повода, чтобы осудить Игнатия за ересь, но было вполне достаточно, чтобы запретить ему и его товарищам устраивать собрания (1 июня 1527 г.). В Саламанке, куда осенью переселилось маленькое братство, его вскоре постигла та же судьба: заключение в тюрьму, суровый допрос судей инквизиции, наконец, оправдательный приговор, однако с запрещением проведения собраний. Таким образом, Игнатий фактически был изгнан инквизицией из Испании. Он решил покинуть родину и отправиться в Париж продолжать свое образование в самом знаменитом из католических университетов. Его маленькое братство должно было вскоре последовать за ним. Но этот план потерпел крушение. Старые товарищи один за другим покинули Игнатия. Он был вынужден начать в Париже все сначала.

Первый опыт оказался не очень удачным. Правда, Игнатию удалось в течение 1528 года основать вместе с тремя испанскими студентами новое маленькое общество. Однако один из троих впал в меланхолию, двое других стали вести экзальтированную аскетическую жизнь. Очевидно, ни один из них не понял истинного смысла религиозного метода Игнатия. Эти события привели всю группу испанских студентов в сильное возбуждение. Игнатий был публично наказан кнутом в той коллегии, где он слушал лекции, как соблазнитель молодежи. В то же время на него опять донесли инквизиции, как на еретика. Казалось, что вновь для него все было потеряно. Но и на этот раз он обезоружил противников своим хладнокровием. Правда, он должен был отказаться от всякого воздействия на своих товарищей, но лично не пострадал. Этот мучительный кризис закончился вполне успешно, как и предыдущие. Игнатий оказался достаточно рассудительным, чтобы прекратить на время благочестивые попытки воздействовать на души своих сотоварищей. Со всей своей энергией он обратился к научным занятиям, которыми до этих пор совершенно пренебрегал. Его успехи были посредственными: он никогда не сделался ученым. Но все же гуманистическое образование в том виде, как оно было представлено профессорами коллегии святой Варвары, произвело на него сильное впечатление. Этот гуманизм, несколько не порывавший с католической верой, увлек его. Позднее, организуя свои ученые школы, он много содействовал распространению его по всему свету.

Между тем его планы приняли более определенную форму. Старая мечта о миссии среди магометан захватила с новой силой его жаждущую деятельности душу. Он решил снова посвятить всю свою энергию этому романтическому предприятию и прежде всего подыскать необходимых сотоварищей среди

студентов Парижского университета. Но теперь Игнатий действовал уже не с прежней стремительностью. Он долго искал и выбирал, затем использовал все средства, чтобы привлечь на свою сторону намеренных им молодых людей, и не знал ни отдыха, ни покоя до тех пор, пока все они не согласились последовать за ним.

Первым студентом, которого Игнатию удалось привлечь на свою сторону, был его товарищ по комнате и занятиям, с которым он повторял все уроки, Петр Фабер, сын бедных крестьян из Вилларетты в Савойе, натура тяжеловесная и грубая, но верная, медленно воспринимавшая, но привязывавшаяся навсегда всеми фибрами своей души к тому, что единожды уже усвоила, будь то грубые суеверия юности или вера в миссию Игнатия, тайны аристотелевской философии или тайны духовных упражнений, при помощи которых Игнатий шаг за шагом овладевал его душой. За Фабером скоро последовал и второй сожитель Игнатия, Франциск Ксавье из Пампелуны, натура также малоподатливая, но во всех остальных отношениях совершенно отличавшаяся от тяжеловесного савойца, так и сохранившего в течение всей своей жизни некоторую неподвижность: красивый молодой человек знатного происхождения, любезный, ловкий, очень живой, даровитый, но в то же время удивительно безрассудный и легкомысленный и потому неспособный надолго привязаться к какому-либо определенному занятию.

К этим первым двум рекрутам в 1532 году присоединились два молодых кастильца – Яков Ленец и Альфонс Сальмерон. Последний принадлежал к числу тех характеров, которые в течение всей своей жизни сохраняют свежесть и пыл молодости, но вместе с тем никогда не достигают полной зрелости. Ленец,

наоборот, по происхождению еврей, был юноша с умом старика, преждевременно созревший рассудительный характер, одинаково быстро ориентирующийся как в теологии, так и в дипломатии, перед победоносной логикой которого почти никто не мог устоять, впоследствии достойный преемник Игнатия в должности генерала ордена. Два последних ученика, кастилец Николай Бобадилла и португалец Симон Родригес, были гораздо менее замечательны: первый – не знающий меры в своем рвении и деятельности, несколько беспокойный сангвиник; второй – скорее флегматичный, тщеславный, всегда довольный самим собой. Оба – люди, которыми нелегко было руководить.

Обычно молодых людей легко можно воодушевить; но нужно было обладать прямо сверхъестественной притягательной силой, чтобы не только пробудить энтузиазм в шести молодых людях в отношении химерического предприятия, так мало похожих друг на друга, среди которых находился человек с таким пронизательным умом, как Ленец, но и привязать их к себе по гроб жизни.

Игнатий действительно обладал этой притягательной силой. В чем заключалась она? Конечно не в его внешнем облике и манерах. В его фигуре не было ничего импонирующего: он был худощав и невысокого роста (1 метр 58 сантиметров); его костистое лицо было скорее выразительно, чем красиво; темные глаза смотрели, казалось, скорее внутрь, чем наружу, волосы сильно редели на широком и высоком лбу. Кроме того, он несколько хромотал и поэтому, когда шел или стоял, обычно опирался на палку. Его костюм был всегда изысканно опрятен, но крайне прост. На его осанке всегда лежал отпечаток уверенности в себе и сдержанной на словах *grandezza* при-

рожденного дворянина. Игнатий никогда не смеялся и не шутил, никогда не терял своего почти торжественного спокойствия. И вместе с тем это был очень старый студент, который за семь долгих университетских лет не достиг еще ничего значительного.

Обычно положение таких старых студентов среди своих более молодых, более живых и образованных товарищей трудное. Они часто играют малопривлекательную роль комических фигур. Трудно подобрать пример, чтобы кто-нибудь из них добился в жизни чего-нибудь значительного или способствовал возбуждению энтузиазма среди молодых. Но не скрывалось ли в таком случае под этим размеренным, торжественным спокойствием пылкое, нежное сердце, способное зажечь в молодых душах чувство горячей дружбы? Мы об этом ничего не знаем. У Игнатия в зрелом возрасте никогда не было ни одного человека, которому бы он доверял, и тем более ни одного друга. Он не нуждался в друзьях. Казалось, он стоял выше симпатий и антипатий; он оценивал людей только по тому, что они делали и на что они были способны; он жил одиноко в атмосфере боязливого уважения, к которому едва ли когда-нибудь примешивалось теплое дыхание искренней, по-детски наивной привязанности.

Что же влекло так сильно молодые души к этому старому студенту? Его идеал и те чары, которыми он обладал: маленькая, совсем незаметная книга, которая, несмотря на свои небольшие размеры, принадлежит к числу книг, оказавших большое влияние на судьбу человечества, которая перепечатывалась бесчисленное количество раз и породила более 400 комментариев, основная книга иезуитов и в то же время резюме долгого внутреннего развития их учителя – «Духовные упражнения».

«Духовные упражнения»

Подобная книга имеет право на всеобщий интерес. Но тот, кто лишь бегло перелистывает ее, быстро разочаруется и отложит ее в сторону. Действительно, это не книга в обычном смысле слова; даже не благочестивая книга. Ее нужно не прочитать, а пережить. Стиль – сдержанный, насколько это только возможно; содержание заключается в инструкциях для проведения упражнений; следовательно, это регламент упражнений, не упражнений для развития тела, а упражнений для воспитания души. Что преподносит читателю этот регламент? Он обещает воспитать душу таким образом, чтобы человек стал господином своего «я» и научился регулировать свое поведение сообразно решениям своего разума. Это высокая цель, к которой все стремятся, но которую достигают очень немногие.

Последуем за руководителем упражнений в уединенную келью, которую он назначает в качестве места упражнений доверившимся ему людям. Посвящаемый должен пробыть в ней в течение четырех недель в молчаливом сосредоточении, общаясь лишь с руководителем, уйдя в самого себя, живя своими собственными воспоминаниями, мыслями, воображением.

Перед началом собственно упражнений руководитель задает ученику вопрос, который сразу же заставляет его серьезно задуматься: каково призвание человека и его место в мироздании? Ответ на этот вопрос очень возвышенный: человек существует на земле, чтобы восхвалять Бога, почитать Бога, служить Богу и спасти таким образом свою душу. Его место в мироздании отвечает этому высокому назначению: все, что движется и живет на земле, создано для него и должно служить ему орудием для осуще-

ствления его призвания. Из этого двойного утверждения логически вытекает отношение человека к мирозданию и мирским творениям. Он должен пользоваться ими лишь в той мере, в какой они могут быть ему полезными для осуществления его призвания. Напротив, в том случае, когда они затрудняют или делают невозможным свободное посвящение его существа этому призванию, он должен отказаться от пользования ими. Отсюда вытекает основное правило поведения человека в мире и по отношению к миру. Оно сформулировано в следующих словах: «Будь спокоен и бесстрастен. Пусть земные блага никогда не будут для тебя целью твоих желаний, пусть они будут лишь средством для достижения истинной цели твоей жизни. Поэтому пусть они никогда не будут для тебя предметом страстного вожделения, а просто предметом холодной оценки, которая заставит тебя искать их только в том случае, если разум признает их полезными для осуществления высшей цели и прикажет тебе воспользоваться ими в этих целях».

После этих размышлений, которые одновременно освобождают и возвышают душу, руководитель упражнений ввергает ее, уже готовую гордо вознестись на небо, в широко раскрытые пропасти ада. В полнотной тьме она созерцает ад во всем его ужасе, среди легионов падших ангелов, живых, осязаемых. Она тотчас же вспоминает о прошлом блеске этих падших духов, с содроганием думает об их грехах, с ужасом измеряет жестокость их мучений и с отчаянием обращается к самой себе, к тяжести своих собственных грехов. За этой первой ужасной картиной следует вторая: Адам и Ева, изгнанные из рая огненным мечом херувима.

Перед глазами созерцающего встает вся история первых людей: их блаженство, их грех, их жалкое поло-

жение после падения, и его охватывает стыд, горе и страх при рассмотрении собственного нравственного состояния. Появляется новая картина: созерцающий видит себя перед престолом Бога, где судят смертные и все остальные грехи. Он думает, что многие люди были ввергнуты в ад только за один из этих грехов, что бесчисленное множество несчастных должно переносить эти вечные мучения за грехи меньшие, чем совершил он сам. Вся тяжесть греха, проявляющаяся в нем испорченность, так как грех является оскорблением вечной благодати Бога, и справедливая кара в виде страшных адских мучений – все это сразу становится ясным и очевидным. Затем внутреннее возбуждение несколько смягчается новой картиной: Христос на кресте! Душа беседует с ним, как друг со своим другом, обвиняя и терзая себя, думая о том, как мало она успела до сих пор для него сделать, умоляя дать совет и помочь в будущем, пока, наконец, все душевные муки не находят себе исхода в молитве, которой он сам научил своих учеников: «Отче наш!» После этого первого полноценного испытания руководитель разрешает созерцающему отдохнуть до утра. Но как только начинает заниматься заря, он опять призывает его к работе.

Созерцающий снова видит себя перед престолом Бога; большая запись грехов открыта. Он должен отдать себе отчет в своем прошлом, и немедленно перед ним разворачивается вся его жизнь: детство, юность, зрелый возраст. Все его грехи оживают и проходят перед его взорами, – бесконечная вереница страшных привидений. Все отвратительные и злые поступки, которые, казалось, были скрыты и позабыты, встают теперь перед ним с ужасающей определенностью и пробуждают в нем сознание жалкой ничтожности его существа. «Что такое я, земляной червь, среди миллионов других смертных? Что представляю из себя я, несчастный, в сравнении с ангелами и бла-

женными духами?» Его охватывает чувство глубокого отвращения к самому себе, так что он кажется самому себе огромным нарывом, из которого непрерывно течет отвратительный гной. К этому добавляется мысль о том, что он оскорбил самого всемогущего Бога, в сравнении с которым все силы являются слабостью; всезнающего, в сравнении с которым всякое знание является незнанием; всемилостивого и всесправедливого, в сравнении с которым его существо есть только тщеславие, злоба и позор. Эта новая мысль ввергает душу созерцающего, глубоко потрясенную уже обозрением ее прошлых грехов, в такое состояние внутреннего томления, что он разражается скорбными рыданиями. Созерцающий не может понять, почему земля еще соглашается носить его и почему она еще не поглотила его, чтобы низвергнуть в глубочайшую адскую бездну. И в этот момент перед его глазами снова является образ Распятого, который своим видом так воздействует на кающегося, что тот немедленно изливается в чувстве горячей благодарности к милосердию Бога, пощадившего его до этого дня, и с жаром обещает исправиться.

Вскоре после мессы, которую созерцающий обязан слушать ежедневно, или незадолго до нее руководитель призывает его в третий раз, а в час вечерни в четвертый раз к новым упражнениям. Но эти два упражнения являются лишь повторением двух первых. В то же время он в молитвах взывает о помощи Мадонны, Христа, молит Бога о милосердии. Пятое вечернее упражнение носит другой характер. Оно начинается ужасной картиной: перед взорами созерцающего открывается ад, во всей своей величине, ширине и глубине: море пламени, в котором отчетливо видны погруженные в него души осужденных. Он слышит их жалобы, их яростные вопли, их страшные проклятия Христу и всем святым. Ужасный смрад, исходящий из

этой кипящей бездны, дым и сера почти лишают его дыхания, язык присыхает к гортани от горького серного вкуса этого зачумленного воздуха, его пальцы с ужасом ощущают жар пекла, в котором горят эти несчастные души. Созерцающий видит, слышит, чувствует запах, вкушает ад, он переживает его всеми своими чувствами во всей его материальной реальности. Но созерцающий не одинок в этом страшном адском путешествии: все время с ним рядом Христос. Он постоянно беседует с Христом, постоянно обнимает крест Христа, полный горячей благодарности за то, что до сих пор не подвергся участи осужденных без всякой заслуги со своей стороны.

Это последнее упражнение, которое приводит все силы созерцающего в особенно страшное напряжение, потрясает его до глубины души настолько, что он в конце первой недели с горячей мольбой вызывает о том, чтобы ему позволили освободиться от мучительного сознания своей греховности путем общей исповеди. Освобожденный отпущением грехов от своих внутренних мучений, чудесным образом посвежевший и подкрепленный причастием – в результате воздействия этой укрепляющей и очистительной ванны созерцающий становится подготовленным к упражнениям второй недели.

В первый же день руководитель вызывает перед его взорами прекрасную картину Святой Земли с ее городами, местечками и поселками, с ее синагогами и рынками, горами и равнинами. Но он не позволяет ему долго наслаждаться созерцанием этой картины. Появляется новая картина – ниспосланный с неба монарх, которому обязаны повиноваться все народы и все государи. Он призывает всех своих подданных к священной войне против неверных. «Кто хочет последовать за мной, тот пусть руководствуется в своей жизни

моим примером! Пусть он разделит мои труды, а вместе с ними и мою победу и счастье!» В ответ на эти слова раздаются громкие крики радости. Все следуют за ним с энтузиазмом, потому что тот, кто в такое время остался бы позади, был бы очень плохим рыцарем.

Этот король – Христос. Сам Христос желает установить свое владычество в мире и провозглашает священную войну. Кто смог бы не последовать этому призыву? Кто сразу же не почувствовал бы настойчивого желания стать его верным вассалом? Но созерцающий не может долго останавливаться на этой картине. Он внезапно возносится в самые высшие слои эфира¹.

Отсюда, паря между небом и землей, он обзревает человечество во всем многообразии рас, нравов, условий жизни: здесь мир, там война; здесь рождение, там смерть; здесь слезы, там смех. Далее этой картины беспорядка противопоставляется картина возвышенного покоя – Троица на престоле; и другая картина, от которой веет мягким утешением, – Святая Дева в своем жилище в Назарете с архангелом Гавриилом. Все эти образы как живые. Созерцающий отчетливо слышит бурные крики ненависти и проклятия людей; но он не менее отчетливо слышит и то, как Троица принимает решение об искуплении человечества, и то, как и о чем беседуют между собой Святая Дева и архангел Гавриил. Так же реально он присутствует и при рождении Господа, при поклонении волхвов, при Сретении, бегстве в Египет, путешествии двенадцатилетнего Иисуса в Иерусалим.

Но в полночь пред созерцающим возникает видение совершенно иного характера; он видит два «знамени»:

---

¹ Эфир (греч. *aither*) – в греческой мифологии верхний лучезарный слой воздуха. – *Прим. ред.*

знамя Сатаны и знамя Христа. Армия сатаны на равнинах Вавилона; в середине, на окутанном дымом и пламенем троне, — сам Сатана, страшный и грозный; вокруг него бесчисленные полчища демонов. Сатана обращается к своему народу с речью. Он посылает его губить человечество. Но рядом что за утешительное зрелище! Прелестная иерусалимская равнина, за ней — Христос, но не на троне, а среди своих учеников; в его виде нет ничего ужасного; он удивительно прекрасен и привлекателен. Христос также обращается к своим ученикам и призывает их. Но как отличны его слова от слов Сатаны! «Помогайте всем. 1) Внушайте людям склонность к бедности. 2) Пробуждайте их посвятить свою душу и тело бедности. 3) Зажгите в них горячее стремление терпеть оскорбления и презрение, потому что бедность, оскорбления и презрение составляют три ступени совершенства».

Эта картина появляется несколько раз. Ее созерцание имеет чрезвычайно важное значение: оно является непосредственной подготовкой к основному акту упражнений — выбору нового образа жизни. Чрезвычайно важно, чтобы человек сделал этот выбор правильно, отложив всякое попечение о земных делах, исходя лишь из высокого призвания человека служить Богу. Если это наконец произошло, если это решение, самое трудное из всех, принято, как того требует разум, пред лицом Бога, то цель упражнений, собственно говоря, уже достигнута: душа стала повелительницей самой себя; человек посвятил свою жизнь новой, прекрасной, вечной цели.

Однако чтобы утвердить созерцающего в принятом им решении, руководитель упражнений заставляет его пережить жизнь Христа: в течение третьей недели — его страдания, в течение четвертой — его воскресение и славу. В то же время он старается наставить его в

духе строгой церковности, заставляя его усвоить ряд правил. Созерцающий обязуется слепо повиноваться церкви, как Христовой невесте, отказавшись от всех самостоятельных суждений; не пропускать исповеди, часто причащаться, постоянно присутствовать при мессе; отстаивать все церковные учреждения: монашество, целибат¹ священников, почитание мощей, посты, индульгенции, паломничества; энергично защищать папские декреты, церковное предание, схоластическое богословие. Более того: он объявляет себя готовым следовать за церковью и в том случае, когда церковь объявляет белым то, что ему кажется черным, хотя бы его собственные чувства убеждали его в обратном². Таким образом, посвящаемый выходит из рук своего духовного руководителя не только новым человеком, который точно знает, что он должен, может и хочет делать, но и ревностным католиком.

Если созерцающий еще раз проанализирует все, что испытал в течение четырех недель, он тотчас же признает, что руководитель упражнений сумел с необыкновенным искусством тесно соединить в своем деле три вещи: 1) он заставил его пережить всю дра-

---

¹ Целибат (от лат. caelebs – неженатый) – обязательное безбрачие католического духовенства, узаконенное папой Григорием VII (XI в.). – *Прим. ред.*

² Здесь имеется в виду цитата из «Духовных упражнений», т. II, с. 417 римского издания «Institutum Societatis Iesu», 1899 года. Вот она: «Regulae aliquot servandae, ut cum orthodoxa Ecclesia vere sentiamus... Decima tertia... ut ipsi Ecclesiae catholicae omnino unanimes conformesque simus, si quid quod oculis nostris apparet album, nigrum illa esse definierit, debemus itidem quod nigrum sit pronuntiare». Эти слова могут быть понятны лишь в фигуральном смысле и означают, что в сфере догматов мы должны быть готовыми, даже вопреки очевидности, называть белым то, что церковь объявляет белым, и черным то, что она объявляет черным. – *Прим. Моно.*

му искупления мира, начиная с падения ангелов и кончая вознесением Христа, в том виде, как ее изображают католические догматы, пережить настолько сильно, что с этого момента все его чувства, все его мысли, вся его жизнь замыкаются в кругу этих образов и представлений; 2) он заставил его пережить и собственную жизнь со всеми, даже самыми тайными, прегрешениями и, таким образом, осознать все свои недостатки, пороки и грехи; 3) наконец, он дал ему возможность при помощи этих двух испытаний порвать с прошлым и начать новую жизнь. Последнее, то есть выбор нового образа жизни, и является, собственно говоря, предметом и целью упражнений. Все остальное лишь подготовка, средства, упражнения. Ибо для Игнатия недостаточно вызвать благочестивые чувства; он хочет действия – выбора новой жизненной цели, основанной на полном самообладании.

Это практическое направление и неразрывно связанная с ним подготовка, направленная к абсолютному внутреннему отождествлению с католической догматикой, далее, распределение всего материала упражнений с точки зрения определенной практической цели, наконец, методическая, старательно продуманная вплоть до мельчайших деталей дрессировка воли и воображения, – являются «изобретением» самого Игнатия. Что касается деталей, то он многому научился и многое заимствовал у более ранних мистиков¹. Но заимствованное не

---

¹ Из «Vita Christi» Лудольфа Саксонского; из «Духовного алфавита» Франциска де Оссун; из произведений двух нидерландских мистиков, Жана Маубурна и Цербольты де Цутфен, которые тщательно изучал и Лютер; из «Подражания Христу» Фомы Кемпийского, трактатов Савонаролы и т. д. Знаменитое видение двух армий было заимствовано из проповеди, неверно приписанной Бернарду Клервальскому.

осталось у него непереработанным материалом. Он вполне овладел им и настолько хорошо приспособил к своим целям, что «Упражнения» кажутся нам цельным созданием единого вдохновения.

Мировоззрение Игнатия Лойолы

Некатолики всегда находили достаточно оснований для нападок на эту маленькую книгу. По сей день Игнатию часто ставят в вину то утонченное лукавство, с которым он воздействует на воображение неопита, создавая массу видений, преследующих не назидательную, а совершенно постороннюю, практическую цель – развитие характера. Справедлив ли этот упрек? Он, как мне кажется, направлен главным образом на ту сторону книги, в которой ее оригинальность и педагогическое значение проявляются наиболее блестящим образом. Игнатий прекрасно осознавал, яснее, чем кто-либо из предшествовавших ему духовных пастырей, что лучший способ воспитать человека в соответствии с определенным идеалом и сделать его навсегда верным сторонником этого идеала состоит в том, чтобы завладеть его воображением. Этим путем «в него внедряются духи, от которых впоследствии ему будет очень трудно освободиться», духи более устойчивые, чем все принципы и самые лучшие учения, которые, не будучи вызванными, сами возрождаются часто даже много лет спустя из самых глубоких тайников души и завладевают волей с такой силой, что она вынуждена следовать их непреодолимым импульсам, совершенно уже не считаясь с мотивами и доводами, которые могли бы явиться для них помехой.

Более того, Игнатий знал, что сила воображения оказывает такое воздействие на волю только в том случае, если видения самостоятельно возникают в сознании че-

ловека, или если, в случае искусственного привнесения их извне, фантазия вынуждена воссоздавать их. Потому-то он и налагает на посвященного трудное обязательство создавать в самом себе по приказанию руководителя определенные образы без использования каких-либо внешних средств. Однако Игнатий отдавал себе отчет в том, что очень немногие люди способны самостоятельно сделать это. Поэтому он предлагает, опираясь, очевидно, на свой собственный опыт, подчинить воображение методической дрессировке: он предлагает неопиту сначала представить себе вполне реально определенную местность, затем поместить в ней образы конкретных лиц, и, наконец, если окажется нужным, проиграть целую драматическую сцену, то есть заставить говорить и действовать тех лиц, которых он видел. Но в то же время он советует не останавливаться слишком долго на композиции каждой картины потому, что он слишком хорошо знает, как легко воображение сбивает человека с правильного пути, и никогда не забывает о том, что в упражнениях важно фиксировать воображение на выразительной картине и этим способом вызвать решительное воздействие на волю.

Исходя из этой мысли, Игнатий не только старается тщательно выбирать предлагаемые им картины, но и стремится возбудить в душе неопита перед каждым упражнением при помощи подготовительных молитв вполне определенные эмоции, которые должны получить дальнейшее развитие в самих упражнениях. Желая убедиться, что эмоция, которую он хотел вызвать, произвела надлежащее воздействие, он заставляет повторять одно и то же упражнение по несколько раз.

Во всем этом проявляются великое искусство руководить душами и глубокое знание человеческой природы, которые не только не заслуживают порицания, но достойны самого восторженного удивления.

Но не представляет ли из себя эта маленькая книга нечто большее, чем шедевр мудрой педагогики? Не содержит ли она в то же время и нового идеала жизни и личности, правда не в резко отчеканенных формулах, а в виде проходящего через все произведение лейтмотива; идеала, который заслуживает быть поставленным рядом с идеалом Лютера и стоит выше идеала позднего Возрождения? Такое утверждение действительно было выставлено. Думали даже, что идеал Игнатия можно сформулировать в положении: «Развивай свое я, но не для наслаждения, а для действия!» Однако действительно ли соответствует эта заповедь убеждениям Игнатия? Он, конечно, придавал очень высокое значение развитию своих учеников. Но уже из его любимого изречения, заимствованного из первого послания к коринфянам (I, 9, 22): «Иезуит, подобно апостолу, должен стать всем для всех, чтобы приобрести сердца всех», ясно видно, что целью этого развития является не действие вообще, а вполне определенный род деятельности.

Далее, определяя идеал его жизни, мы не должны упускать из виду тот круг идей, который господствует над горизонтом сознания Игнатия и вместе с тем ограничивает его не только в упражнениях, но и везде и всегда: идейный круг католических догматов. Наконец, не следует забывать и о том, что он никогда не имел в виду полного и разностороннего развития личности, как о том мечтали Леонардо да Винчи и некоторые другие великие деятели эпохи Возрождения, и что он никогда не предоставлял доброй воле индивидуума заботы об определении размеров и характера своего умственного развития. Высшей целью, к которой он стремился, являлось не разностороннее и полное развитие индивидуальности, а закал характера. Высшая добродетель, которая порождает все остальные, для него не неуто-

лимая жажда знания, развивающая все способности человека, а самообладание; самообладание в смысле монашеского самоумерщвления, самообладание, которое переходит в самоотрицание и может заставить человека пожертвовать лучшим, что есть в его интеллекте, может заставить его убедиться в истинности обратного тому, что он видит собственными глазами. Игнатий считал это самообладание необходимой предпосылкой для плодотворной деятельности, направленной на спасение душ ближних. Умственное развитие стоит для него на втором плане и с его точки зрения всегда должно быть подчинено принципу: индивидуум должен изучать и знать только то, чего требуют интересы ордена. Таким образом, заповедь «Развивай свое я для действия» не является адекватным выражением воззрений Игнатия. Сказав: «Стань сначала господином своего я и затем принеси это я в жертву на службе церкви!», мы вернее определим его цели и задачи. Определенность, с которой Игнатий ставит эту цель монашескому идеалу, действительно представляет из себя нечто новое. Поэтому можно не без основания видеть в действии, поскольку оно является идеалом Игнатия, новый идеал; и даже теперь еще можно почувствовать заключающуюся в нем притягательную силу.

Игнатий привлекал к себе церковные круги силой своего аскетического духа; мир возрождения, видевший до того счастье и добродетель в индивидуальном наслаждении, энергией, с которой он провозглашал индивидуальное развитие в определенном направлении и в то же время предлагал индивидууму гораздо более широкое поле для деятельности – само действие. Поэтому утверждение, что быстрый и длительный успех ордена иезуитов среди образованных классов, особенно в латинских странах, обязан прежде всего его идеалу, идеалу Игнатия, вовсе не является преувеличением.

Студенческое общество 1534 года

Париж празднует Успение. В капелле святого Дионисия на Монмартре собрались Игнатий и его товарищи. Здесь никто не может помешать им: Монмартр находился тогда далеко за пределами города. Они исповедуются. Затем Фабер читает мессу. Все присутствующие произносят обет: они обещают в определенный день по окончании учения отказаться от всего своего имущества, за исключением денег, нужных на дорогу, и отправиться в Святую Землю, чтобы работать там в качестве миссионеров среди магометан. Если в течение одного года окажется невозможным выполнить этот обет или если им будет запрещено пребывание в Святой Земле, они обязываются отдать себя в распоряжение папы, который сам установит, каким путем им надлежит идти в дальнейшем для спасения своих ближних.

Вышеописанная сцена представляет собой лишь основание студенческого общества для обращения мусульман и ничего более.

Запомним это и перенесемся на мгновение в обширные величественные нефы¹ собора Святого Пет-

---

¹ Неф – вытянутое помещение, часть интерьера (обычно базилики), ограниченная с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн или столбов. – *Прим. ред.*

ра в Риме. Здесь, в левой части центрального нефа, возвышается огромная статуя святого Игнатия. Но художник изобразил Игнатия не одного. Под ногами святого извивается, издыхая, ужасное чудовище, демон ереси. Художник, очевидно, хотел изобразить Игнатия искоренителем ереси, анти-Лютером и анти-Кальвином. В этом, несомненно, он видел отличие Игнатия и его ордена от основателей других орденов, статуи которых также украшают обширное здание.

Мы проследили жизнь Игнатия с начала его сорок четвертого года, но не нашли в нем ничего, что бы позволило говорить о нем как об анти-Лютере и анти-Кальвине. Мы присутствовали при основании иезуитского ордена 15 августа 1534 года; но мы нашли здесь лишь безобидное студенческое общество, мечтающее о миссионерской деятельности среди магометан. Как примирить это со статуей в соборе Святого Петра?

Приближался день, назначенный членами общества для исполнения данного ими обета. Еще раньше, 8 января 1535 года, они собрались в Венеции, в количестве десяти человек, так как за это время к ним присоединились еще три парижских студента. В первых числах марта все они за исключением Игнатия отправились в Рим, чтобы получить от папы благословение их предприятию. Папа принял их с большой благосклонностью, но объявил им, что их миссионерский план совершенно неосуществим. Он был прав, так как собирався в ближайшем будущем заключить союз с императором и Венецианской республикой с целью устроить крестовый поход против турок. Это было большим разочарованием для девяти молодых магистров, пылких ревнителей веры. Однако Игнатия это едва ли смутило. Он много видел, многому научился и приготовился к совершенно новому роду пастырской деятельности.

Проведя в 1535 году несколько месяцев в Аспейции, недалеко от замка Лойола, куда он отправился по совету парижских врачей лечиться от тяжелой болезни желудка, и достигнув здесь больших успехов в качестве народного проповедника, законоучителя и реформатора, он прибыл в 1536 году в Венецию и вступил здесь в тесные сношения с людьми, ревностно отдававшимися делу реформы церковной жизни, не порывая, однако, с католическими догматами.

Прежде всего, он познакомился с новым орденом театинцев, обществом священников, серьезно отдававшихся выполнению пастырских обязанностей и вызвавших в Венеции всеобщее удивление своими сильными, но простыми проповедями, своей рьяной деятельностью в качестве духовников и самоотверженной работой в больницах. Впечатления, которые они произвели на Игнатия, вполне согласовывались с опытом, вынесенным им из Аспейции; он признал, что внутренняя миссия так же необходима и так же полезна, как и внешняя миссия среди магометан. Это убеждение тотчас же толкнуло его к действию.

Как только товарищи Игнатия возвратились, студенческое общество для чужеземной миссии временно превратилось в общество для внутренней миссии. Молодые парижские магистры соперничали с театинцами как в больницах, так и в исповедальнях. Летом, после посвящения в священники, они расселились в пяти городах венецианской *terra ferma*, чтобы воздействовать на народ, проповедуя под открытым небом. Успех был настолько велик, что Игнатий уже не мог более сомневаться в ближайшей задаче своего общества. Решившись, согласно данному обету, предложить папе услуги своей конгрегации, он преобразовал ее 1) в постоянную организацию и 2) в общество

священников для выполнения внутренней миссии или своего рода католическую армию спасения под верховным командованием папы, ибо он видел ее применение и на военной службе, и потому, отправляясь в начале 1537 года в Рим, он дал своему обществу название, под которым оно ведет борьбу и в наше время, – «Дружина Иисуса».

Иезуитский орден как католическая армия спасения

В Риме Игнатия ожидало горькое разочарование. Уже в Венеции он снова встретил на своем пути призрак инквизиции. Теперь, в решительный момент, этот призрак снова грозно встал перед ним: Игнатий был официально обвинен в ереси.

Правда, ему легко удалось доказать, что обвинители – только клеветники. Но нужно было личное вмешательство папы, чтобы судья закрыл дело, ограничившись простым удовлетворением за оскорбление чести, а невиновность Игнатия была выяснена публично, во время формального процесса. Казалось, Игнатий достиг наконец своей цели. Однако, когда летом 1539 года он подал на утверждение курии проект статуты Общества Иисуса, он натолкнулся на новые затруднения. Президент комиссии кардиналов, в обязанности которой входило рассмотрение статуты, отказался разрешить формирование нового ордена. Прошел почти целый год, прежде чем удалось победить его сопротивление. Дав, наконец, разрешение, он обусловил его тем, что число членов нового ордена не будет больше шестидесяти. С этим ограничением, которое было отменено в 1543 году, папа Павел III наконец 27 сентября 1540 года утвердил новый орден в известной булле, которую он, «как бы

пророчески», начал призывом к «правительству воинствующей церкви»¹.

Новому ордену нужно было дать верховного начальника. Естественно, все высказывались за Игнатия. После продолжительного сопротивления, к которому он в соответствии со средневековым обычаем считал себя обязанным, чтобы доказать свое смирение, он, наконец, по приказанию своего духовника принял избрание. 22 апреля 1541 года, следовательно, почти двадцать лет спустя после решительного момента в Пампелуне, он официально взял в свои руки, в звании генерала, управление своим орденом.

Новый орден носил название «Дружина Иисуса». Он с таким же правом мог бы называться «Дружиной папы», потому что он обязывался путем специальной клятвы верности к безусловному военному повиновению папе. Он обещал папе нести военную службу во всех территориях внутренних и внешних миссий. Однако применять эти новые вспомогательные войска на своей службе папа начал лишь в 1540 году. До этого момента орден был исключительно обществом священников для внутренней миссии, и такой характер он в значительной степени сохранял еще в течение нескольких ближайших лет. В дружину папы он превратился лишь с течением времени.

Лозунг, который орден выставил в начале своей деятельности, был обращение масс, ушедших из ограды церкви. При помощи каких средств он думал достигнуть этой цели? После импровизированной попытки проповеди Евангелия в Аспейции у Игнатия уже не было сомнений в этом вопросе. Нужно было прежде всего обеспечить себе симпатии подрастающего поколения. Поэтому иезуит в первую очередь

---

¹ Булла начиналась словами: «Regimen militantis ecclesiae».

должен быть законоучителем. Он должен воспитать в христианском учении детей народа, должен внедрить в них десять заповедей и символ веры и таким образом заставить их мыслить и жить в соответствии с учением церкви.

Ко взрослым людям иезуитам легче всего можно подойти в качестве духовников. Поэтому после законоучительства иезуит должен обратить особенное внимание на исповедь. Но народ во многих местах отвык от исповеди; часто люди уже вовсе не являются к причастию. Поэтому нужно снова привить им желание исповедоваться, а для этого иезуит никогда не должен отпускать без утешения тех немногих, кто еще приходит. На остальных можно воздействовать в этом направлении при помощи проповедей; ибо проповедь всегда является наиболее близким и удобным путем к сердцам масс.

Поэтому иезуит должен всюду усердно проповедовать и, как проповедник, он должен всегда стремиться быть понятным для народа; следовательно, он не должен переносить на кафедру догматические controверзы, а довольствоваться «обращением людей к добродетели и отвращением их от порока» и всегда помнить, что «огонь ума и глаз производит на массы гораздо большее впечатление, чем изящные речи и тщательно подобранные слова». При случае иезуит может углубить полученные результаты, заставляя неофитов принимать участие в духовных упражнениях. Но упражнения предназначены не для всех. Они пригодны только для образованных людей. Напротив, на более широкие круги действует церковная благотворительность. Поэтому иезуит должен выделяться своим рвением в делах любви к ближнему.

С практическим глазомером гения Игнатий начертил уже в статуте 1539 года программу внутренней

миссии, которая могла быть действительно выполнена, которая не требовала ничего бесполезного и которая ясно указывала наиболее действительные средства для обращения масс. Эта программа не осталась клочком бумаги, она была выполнена от начала до конца. Везде, где бы только ни выступали иезуиты, они получали известность как народные законоучители, как народные проповедники, как духовники, как руководители духовных упражнений, как организаторы церковной благотворительности. Игнатий первый подавал пример в Риме. Он учил, проповедовал, исповедовал, руководил упражнениями, но в особенно широких масштабах занимался благотворительной деятельностью. Во время голода 1538 года он показал, что может сделать в этой области. Он кормил более 300 бедных в своем собственном доме и раздавал хлеб тысячам. Позднее, в 1543 году, он создал два больших приюта для сирот. В то же время он горячо, но, к сожалению, неудачно старался основать рабочий дом для бесчисленных нищих Вечного города.

Большого успеха он добился в борьбе с проституцией. Уже в 1544 году он смог открыть дом святой Марфы, то есть убежище для замужних проституток; два года спустя ему удалось основать убежище для нравственно падших девушек. Словом, он работал ревностно и успешно во всех областях внутренней миссии и быстро приобрел всеобщую известность в Риме. Его ученики действовали в том же направлении в Риме и вне Рима. Особенно много симпатий к себе привлекали они своими неутомимыми усилиями примирять частные раздоры и возвращать братские чувства в лоне церкви. В некоторых местностях иезуиты успели внушить к себе такое доверие, что им поручали реформу распущенных женских монастырей и даже визитацию целых диоцезов. При этом они

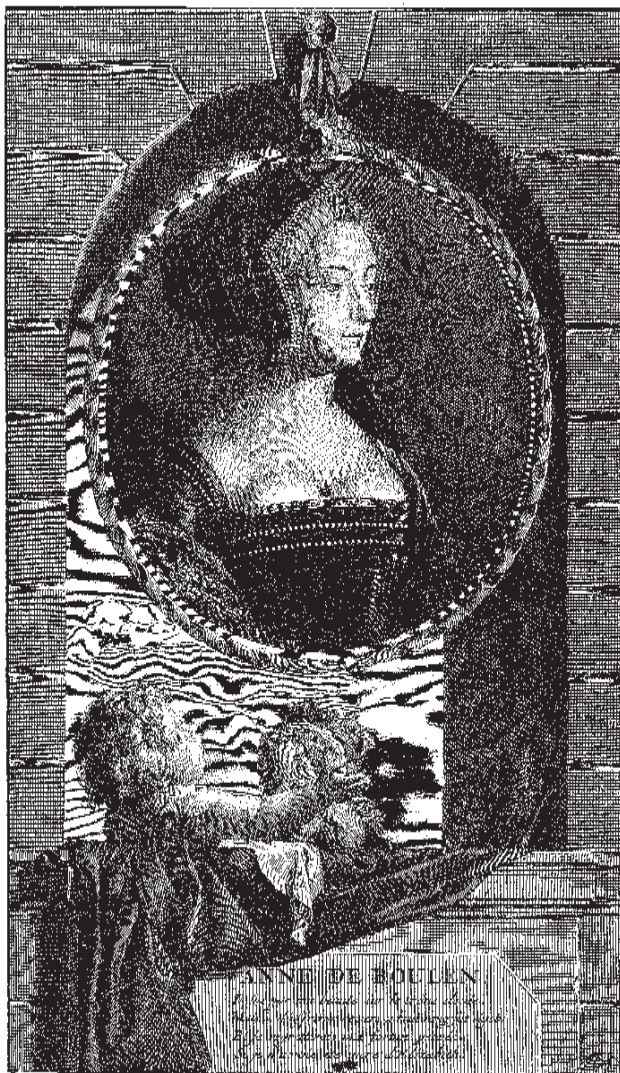
лишь в исключительных случаях оставались подолгу в одном и том же месте. Иезуиты отличались почти цыганской подвижностью; сам Игнатий держал их всегда в напряжении и обычно не позволял останавливаться надолго в каком-либо месте.

Впрочем, внутренняя миссия в это время не была единственной ареной деятельности ордена. Уже 7 апреля 1541 года Франциск Ксавье сел на корабль в Лиссабоне с двумя товарищами, чтобы отправиться проповедовать христианство в португальских колониях на Дальнем Востоке. Эта миссия начинается с собой великий завоевательный поход ордена в языческих странах. В Италии орден организовал, кроме того, миссию для обращения в христианство евреев, и Игнатий снова доказал здесь свой великий организаторский и агитаторский талант. Он не только добился от папы облегчения законного перехода евреев в христианство, но в 1543 году учредил в Риме убежище для обращенных евреев и при помощи торжественного обряда крещения успел пробудить всеобщий интерес к этому благочестивому предприятию.

Молодой орден развил настолько неутомимую и разностороннюю деятельность, что число сторонников постоянно увеличивалось. Однако в 1543 году он насчитывал не более 60 членов. Но этот небольшой отряд, тщательно подобранный, представлял собой отборное войско, каждый член которого старался осуществить на деле лозунг Игнатия «Стать всем для всех, чтобы приобрести всех». Тем не менее он никогда не был бы в состоянии братья одновременно за такое количество предприятий, если бы Игнатий не мог концентрировать свои силы в одном пункте. Он никогда и нигде не принуждал членов ордена подолгу заниматься одним и тем же делом. Сам он немедленно оставлял заведование основанными им

*Екатерина Аррагонская, первая жена Генриха VIII.
Гравюра работы Вермейлена с портрета,
выполненного Адрианом фон дер Верфтом*

*Иоанна Сеймур, третья жена Генриха VIII.
Портрет работы Гольбейна*

благотворительными учреждениями, лишь только приходил к убеждению, что их существование обеспечено, и всегда отказывался руководить новыми братствами, учрежденными его товарищами.

Таким образом, ему всегда удавалось держать свой орден в походной готовности и мобилизовать необходимые силы по первому знаку папы.

*Принцесса Анна Клевская, четвертая жена Генриха VIII.
Гравюра работы Венцеля Голларса с портрета,
выполненного Гансом Гольбейном*

Правда, Павел III пользовался услугами ордена лишь в довольно ограниченных размерах. В 1538 году он поручил Фаберу, Ленецу и потом Сальмерону читать курсы лекций в Римском университете; в 1540 году он послал Леже в Бресцию бороться с еретиками-протестантами; в 1541 году Сальмерон и Брэт (Broet) получили от него тайное поручение поднять

*Генрих VIII.
Портрет работы Ганса Гольбейна*

католиков Ирландии против их тиранического государя Генриха VIII Английского. В 1542 году он приказал Фаберу, Леже и Бобадилле сопровождать легата Мороне в Германию. В 1546 году он уполномочил Ленеца и Сальмерона выступить в качестве папских теологов на Тридентском соборе. Вот все, по крайней мере, наиболее важные поручения, данные ордену папой по собственной его инициативе. Следовательно, в эти годы орден лишь временами действовал как «дружина папы». Но он выполнял возложенные на него поручения так быстро и искусно, что уже при Павле III успел пустить глубокие корни во всех избранных им самим областях деятельности. Уже при Павле III он навсегда приобрел доверие курии.

В 1544 году, когда орден праздновал десятую годовщину своего основания, он являлся еще преимущественно обществом священников для внутренней миссии. Но в течение десятилетия 1544 – 1554 годов во второй раз произошло изменение его программы; он во второй раз изменил фронт деятельности, во второй раз превратил новые задачи в свои главные задачи. Только благодаря этой второй перемене фронта общество иезуитов окончательно приобрело формы и области своей всемирно-исторической деятельности и окончательно превратилось в «дружи́ну папы».

Деятельность ордена в 1554 году

Чтобы хорошо понять этот факт, мы должны представлять себе положение и деятельность ордена в 1554 году.

К концу 1544 года в Европе насчитывалось лишь 9 иезуитских поселений: по 2 – в Италии, Испании и Португалии, по 1 – во Франции, Германии и Нидерландах. К концу 1554 года орден имел уже 8 про-

винций. Первая, Индия, насчитывала 12 поселений, из них 2 – в Японии; вторая, Бразилия, – 5 поселений; третья, Португалия, – 5 поселений; четвертая, Кастилия, – 9 поселений; пятая, Южная Испания, – 5 поселений; шестая, Арагон, – 4 поселения; седьмая, Италия без Рима, – 11 поселений; восьмая, Сицилия, – 3 поселения. Кроме того, в непосредственном ведении генерала находились три орденских дома в Риме, коллегии в Тиволи и Вене, поселение в Турне, союзы иезуитских студентов в Лувене, Кёльне и Париже.

Таким образом, территория ордена простиралась уже тогда от японских островов до бразильского побережья. Она заключала в себе не менее 61 резиденции и 63 домов, не считая станций в Тетуане, в португальской колонии Конго и др., существование которых было еще плохо обеспечено; и развитие ордена далеко еще не было закончено. На это указывает не только то обстоятельство, что в ближайшие полтора года, прошедшие с начала 1554 года до смерти Игнатия, последовавшей 31 июля 1556 года, число провинций увеличилось до 12, число резиденций до 72, число домов и коллегий до 79, число членов до 1000, но изменился и сам характер распределения этих учреждений. В Центральной Европе и португальских колониях отдельные станции кажутся аванпостами во вражеской стране, но даже в Южной Европе в цепи станций имелись еще значительные пробелы. Тем не менее этой уже широко развернутой боевой линией руководит и командует в конечном счете единая воля, потому что все административные нити ордена сходятся в одном пункте – в кабинете генерала ордена в Риме.

Этот кабинет уже тогда походил на кабинет государя; и сам генерал уже тогда был так же могуществен, как государь. Он имел тесные взаимоотноше-

ния почти со всеми католическими дворами, получал письма, запросы, тайные сообщения почти из всех частей католического мира. Кроме того, генерал регулярно получал подробные отчеты, по крайней мере раз в три месяца, от всех резиденций ордена, находящихся в Европе, и еще чаще тайные донесения от отдельных учеников. Таким образом, его кабинет являлся одновременно и церковно-политической канцелярией, и крупным информационным бюро. Здесь лучше, чем где-либо, можно было ознакомиться с задачами и успехами деятельности ордена.

Рассмотрим сначала отчеты, приходившие от всех европейских резиденций. Во многих отношениях они не дают нам ничего нового о деятельности ордена. Иезуиты продолжают выступать в качестве законоучителей, духовников, руководителей духовных упражнений и проповедников. Однако они уже явно не придают законоучительству такого большого значения, как раньше. Зато они деятельнее выступают в роли духовников. Как духовники иезуиты уже в это время оказывают большое влияние на правящие и образованные классы. Никто лучше Игнатия не понял важности этого факта. Если он уже тогда разослал всем принадлежавшим к ордену священникам инструкцию исповеди, то им, очевидно, руководило стремление увеличить могущество ордена в исповедальне.

Иезуиты по-прежнему деятельно выступают и пользуются широкой популярностью в качестве проповедников. Они проповедуют всюду, где представляется удобный случай: в церквях и монастырях, но также и в домах призрения, тюрьмах, на галерах, на улицах и площадях. Они всегда умеют приспособиться ко вкусам своей публики, говорят ли они перед государями и вельможами, священниками и кардиналами, или же перед крестьянами и паствами, проститутками и преступниками. Ленец дал

нам блестящий пример этого красноречия, готового приспособиться ко всем обстоятельствам, в цикле речей о вексельном и торговом праве, произнесенных им в Генуе, при помощи которых он завоевал для ордена этот большой приморский город. Руководство духовными упражнениями наряду с проповедями и исповедальной играет еще и теперь большую роль.

Но в то же время иезуиты отнюдь не пренебрегают и делами благотворительности. Как раз в это время отцы основывают в Палермо дом святой Марфы и убежище для сирот; в диоцезе Гиргенти – кредитное учреждение с целью прийти на помощь задолжавшим сицилийским крестьянам; в Неаполе и других городах – братства Тела Господня, которые посвящают себя уходу за больными и примирению частных споров. И в других местах орден прилагает множество усилий к выполнению этой последней задачи. Словом, его деятельность во всех отраслях внутренней миссии все еще очень широка и оживленна.

Но достаточно, хотя бы поверхностно, перелистать отчеты, чтобы убедиться в том, что на первое место начинает выдвигаться другая задача. В Италии к концу 1554 и к началу 1555 года насчитывается 15 иезуитских гимназий, в Сицилии – 3, из которых одна с университетским курсом, в Португалии – 2, в Испании – 2, из них одна с университетским курсом, в Германии – 1; всего 23 высших учебных заведения приблизительно с 2500 учениками. В ближайшие полтора года число учебных заведений возрастает до 36, число учеников до 5700; кроме того, имеется 12 коллегий иезуитских учеников при католических университетах, где отчасти уже читают лекции иезуитские профессора (в Испании).

Таким образом, иезуит уже тогда не только законоучитель, проповедник, духовник и миссионер, но в пер-

вую очередь преподаватель средних и высших учебных заведений; орден иезуитов уже не является обществом, посвятившим себя главным образом внутренней миссии; он прежде всего – школьный орден; генерал иезуитов уже не просто руководитель общества священников для внутренней и внешней миссии, но вместе с тем и распространитель высшего образования во всей католической Европе.

Благодаря этому, наступательный фронт ордена передвинулся весьма значительно. Если при своем возникновении орден обращался главным образом к народным массам, то теперь он обращается прежде всего к высшим слоям общества. Теперь он стремится их приобрести, обратить, привлечь на свою сторону. Из этих соображений он уже тогда становится аристократическим орденом. Его ряды начинают пополняться почти исключительно из рядов аристократии, людей, облеченных властью, богатством и образованием; естественно, что в этих избранных элементах общества орден и находит главную поддержку. Своими основными успехами он обязан их расположению, а не расположению народных масс. Народ уже не желает его нигде, хотя всюду, где орден уже пустил корни, легко позволяет управлять собой.

Во всяком случае, преподавание в высших учебных заведениях является только одной из новых задач, которым орден посвящает в 1554 году свои силы. Однако были и другие. В отчетах, присланных из Италии, Испании и Франции, нередко говорится о встречах и столкновениях отцов с еретиками. В Оверни у отца Брета возникают серьезные столкновения с кальвинистами. В Вальтелине один только отец Гальванелла не уступает протестантам, составлявшим здесь большинство. В Неаполе с горячими проповедями против ереси выступает Сальмерон. В Фер-

раре отцу Лепеллетье удалось оказать давление на герцогиню Ренату феррарскую и вернуть ее из кальвинизма в лоно католической церкви.

Но еще больше о делах этого рода говорится в отчетах, присланных из Германии. В Германии отцы, очевидно, считали борьбу с ересью одной из наиболее важных своих задач. Здесь орден действовал почти исключительно как воинствующий орден. Впрочем, даже для Германии резиденцией главного военного штаба является не Вена, а Рим. В Риме уже с 1552 года Игнатий стал готовить борцов в германской коллегии, которые должны были руководить борьбой против ереси в качестве офицеров. В Риме 18 августа 1554 года, почти через двадцать лет после знаменательного дня на Монмартре, Игнатий составляет свой знаменитый план нападения на еретическую Германию, который впоследствии выполнили от пункта до пункта в союзе с иезуитами католические государи. Таким образом, Игнатий сам организовал широкомасштабную священную войну против протестантской Германии и тем подготовил все дальнейшие победы, одержанные орденом в этой стране.

Иезуиты как школьный орден

Среди многочисленных задач, предлагаемых орденом статутом 1539 года, преподавание в высших учебных заведениях даже не упоминается, а война с протестантизмом упоминается только как возможная, а не как ближайшая и непосредственная задача. Поэтому перед нами возникает вопрос: каким путем Игнатий пришел к этому расширению и видоизменению своей программы, имевшей такое большое всемирно-историческое значение? Если иезуит должен был «стать всем для всех, чтобы приобрести всех», он

должен был превосходить все круги, на которые он хотел воздействовать, не только энергией и рвением в делах веры, но и своим образованием. Никто не понял этого лучше Игнатия. Поэтому в воспитании неопитов ордена умственное развитие с самого начала занимало почти столь же важное место, как военная муштра характера и чувства.

Однако первоначально Игнатий думал, что орден должен заниматься непосредственно только этой второй задачей. Первую он предоставлял католическим университетам, которые, по его мнению, были более приспособлены для ее выполнения, нежели орден, загруженный массой других обязанностей. Поэтому уже в начале 1540-х годов мы встречаем союзы студентов-иезуитов в Париже, Падуе, Коимбре, Алкале, Валенсии. Чаще всего они живут вместе в одном доме под руководством одного или нескольких священников ордена, которые следят за их занятиями и время от времени устраивают с ними репетиции и диспуты. Но лекции слушают они вместе с другими студентами у университетских преподавателей. Эта система имела ряд неудобств. Однако Игнатий некоторое время оставался верен ей, с одной стороны, потому, что не хотел обременять своих последователей, возлагая на них еще и преподавание в высших учебных заведениях; с другой стороны потому, что, видел в этих студенческих обществах лучшее орудие пропаганды в пользу ордена. Естественно, что еще меньше он хотел брать на себя образование и воспитание посторонних. Но знания его учеников и то искусство, с которым они вели диспуты, производили настолько сильное впечатление, что он не мог полностью отказаться от этого.

Уже в 1538 году Фабер, Ленец и Сальмерон должны были по приказанию Павла III взять на себя чте-

ние лекций в Римском университете. В 1546 году наиболее могущественный покровитель ордена в Испании, герцог Гандии Франциск Борджиа, заставил французского иезуита Онфруа прочитать курс философской пропедевтики в своем университете в Гандии, а в 1547 году он добился того, что Игнатий выразил готовность заместить иезуитами все профессорские кафедры этого небольшого университета. Но здесь Игнатий скорее подчинялся необходимости, чем действовал по личному желанию.

В конце того же года городской совет Мессины предложил устроить для ордена в проектированном муниципальном университете коллегия на том условии, что генерал обяжется постоянно замещать четыре профессорские кафедры. Игнатий не мог отказаться от столь лестного предложения. Новая школа была открыта на Пасхе 1548 года с семью профессорами-иезуитами. Успех был настолько велик, что к Игнатию стали со всех сторон обращаться с просьбами дать иезуитских профессоров, и он вынужден был перестать противиться превращению своего ордена в школьный орден. Уже в 1549 году в Палермо была открыта вторая иезуитская гимназия. В то же время иезуиты начали преподавать в одном из немецких университетов – в Ингольштадте. В 1550 году была основана гимназия в Тиволи; 18 февраля 1551 года была открыта в Риме образцовая центральная школа ордена – римская коллегия; после Пасхи была освящена гимназия в Венеции, в июне школа в Вене, в июле гимназия в Ферраре, в октябре гимназия в Болонье. В 1552 году возникли коллегии во Флоренции, Неаполе, Падуе, Джуббио, Перуджии, Модене и германская коллегия в Риме; в 1553 году – коллегии в Лиссабоне, Эворе, Монреале, в 1554-м – коллегии в Кордове, Коимбре и др. В течение шести лет орден

захватил в свои руки преподавание уже во всей романской Южной Европе и стал твердой ногой в Германии. В 1554 году иезуитская школа уже сложилась, сложилась раньше, чем орден признал в качестве безусловного принципа необходимость взять в свои руки образование иезуитов.

Говорят, что прусский школьный учитель одержал победу при Садовой и обеспечил Пруссии гегемонию в Германии. С гораздо большим основанием можно было бы сказать, что всюду, где протестантизм терпел поражение, победителем был учитель-иезуит; что он обеспечил старой церкви господство во многих странах, которые уже успели полностью или частично перейти к лютеранству. Господствующие и образованные классы, воля которых решала веру народов, были вновь завоеваны католицизмом только потому, что орден получил своего рода монополию преподавания в романских странах, в Польше и во многих немецких областях. Если представить себе карту Европы XVI века с нанесенными на нее ареалами распространения религий, то мы увидим, что на ней результат тех изменений, которые произвели школьные учителя-иезуиты в Европе в 1550–1556 годах. Еще многие годы в умственной жизни католических наций можно было наблюдать влияние иезуитской школы, которая тогда пользовалась настоящей монополией в области преподавания в высших учебных заведениях.

Чем большее значение имеет этот факт, тем решительнее мы должны подчеркнуть то обстоятельство, что Игнатий сначала вовсе не думал о завоевании кафедры и решился на это лишь благодаря настояниям покровителей ордена. Тем не менее иезуитская школа безусловно его детище. И не только потому, что он наложил на нее печать своего гения, но и потому, что он провел с большой осторожностью и энер-

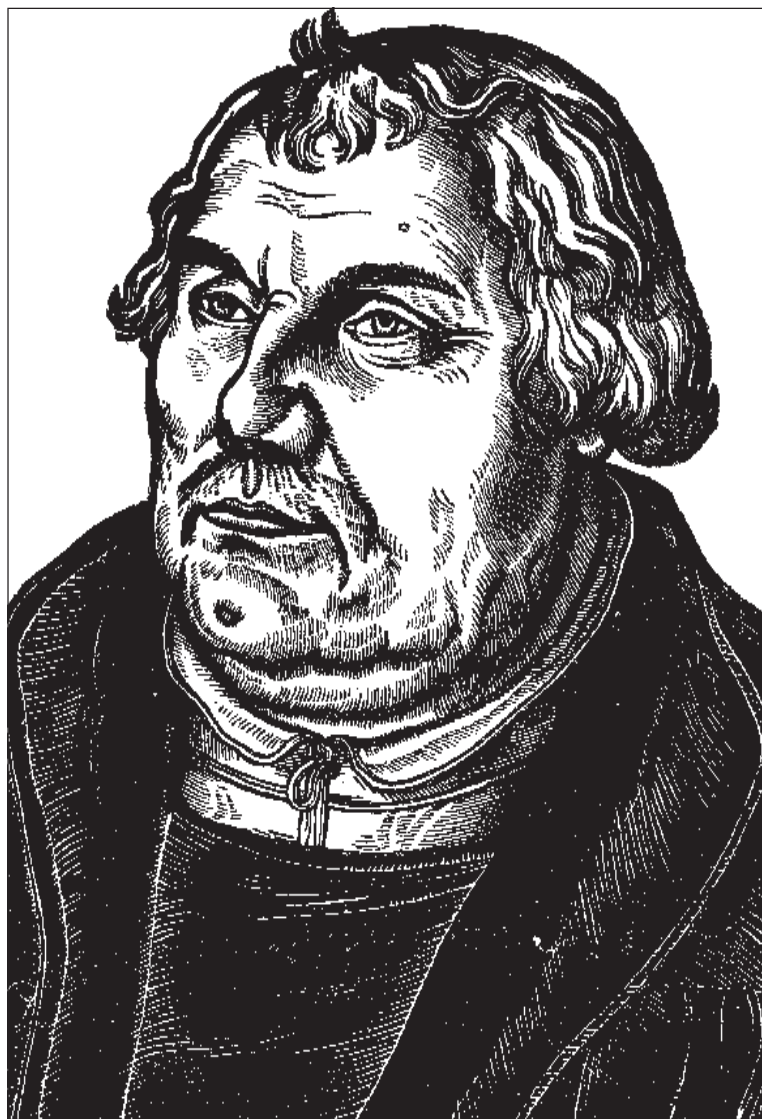
гией преобразование ордена в школьный орден, лишь только он убедился, какие плоды может принести ему это новое поле деятельности.

Иезуиты как воинствующий орден

Как Игнатий стал организатором священной войны против ереси и превратился в анти-Лютера?

Чтобы ответить на этот вопрос, возьмем сначала несколько сухих исторических дат. Летом 1540 года, еще до утверждения ордена, Клод Леже проповедует в Бресчии против еретиков, но Игнатий возложил на него это поручение не по собственной инициативе, а по приказанию папы. Начиная с 1542 года Фабер, Бобадила и Леже ведут борьбу с ересью в Германии. Но послал их сюда не Игнатий, а папский легат, епископ моденский. В следующем году Сальмерон отправляется в Модену с той же целью, но он опять-таки является по приглашению моденского епископа кардинала Мороне. В то же время Араоц борется с еретиками в Лукке; в 1544 году Ленец в Бассано. Но взяться за это дело заставляет их опять-таки личное рвение, а не определенные приказания генерала. С 1546 года Ленец и Сальмерон ведут энергичную борьбу с ересью на Тридентском соборе; и в этом случае миссию поручает им не Игнатий, а папа. В следующем году Сальмерон борется с чтением еретических книг в Болонье. Леже приглашается в Феррару, главным образом для того, чтобы вернуть в лоно католической церкви герцогиню Ренату. Но в обоих случаях инициатива исходит не от Игнатия; Леже призвал герцог Геркулес Феррарский, а Сальмерон действовал по своей личной инициативе. В 1548 году Брет обращает в Болонье «многих лютеров»; Сильвестр Ландини получает известность как

*Мартин Лютер, по рисунку Луки Кранаха.
Гравюра на дереве*

«первый борец против ереси» в Луне и Сарцане. Но и в этих двух случаях инициатива исходит не от Игнатия. В 1549 году Ландини действует в этом направлении в Кампореале, Сальмерон в Вероне, в городе и диоцезе Беллуно; но опять-таки это поручение дает им не Игнатий, а епископы этих городов.

В том же году отцы начинают преподавать в Ингольштадте, но их посылает туда не Игнатий: они приглашаются баварским герцогом Вильгельмом IV. В 1550 году иезуиты принимают участие в инквизиционных преследованиях в Мессине; но это поручение навязывает им сам инквизитор. Отцы самым энергичным образом отказываются и добиваются, по крайней мере, того, что их освобождают от участия в уголовных процессах. В 1551 году начинается их деятельность в Вене; но и сюда призывает их не Игнатий, а король Фердинанд.

Германскую коллегия в Риме основывает в 1552 году не Игнатий, а кардинал Мороне. Однако Игнатий берется с большим жаром за план Мороне. Он прилагает все усилия к тому, чтобы организовать коллегия на самых широких началах. С этого момента он видит в борьбе с ересью одну из наиболее важных задач своего ордена и берет в свои руки инициативу в этой области, как показывает большой план компании 1554 года.

Приведенные выше сухие даты весьма поучительны. Орден иезуитов, постепенно ставший школьным орденом, также постепенно превратился в воинствующий орден. Второе превращение, как и первое, явилось результатом главным образом посторонних влияний: на этот путь развитие орден направили курия, несколько епископов, баварский герцог Вильгельм IV и Фердинанд I Австрийский. По-видимому, Игнатий первоначально так же мало был склонен брать на

себя эту задачу, как и преподавание в высших учебных заведениях.

Но если он взялся за последнее лишь после мучительных колебаний, то священной войне против еретиков он отдал свою армию без всяких сомнений, даже с радостью; и как в конце концов он с энергией стал заниматься высшим преподаванием, точно так же он в конце концов взял на себя инициативу и в этой священной войне и сумел организовать ее с удивительным искусством. Таким образом, хотя он и начал свое мировое дело не как анти-Лютер, а, скорее, как католический Август Герман Франке¹, тем не менее он с течением времени стал анти-Лютером. Эта эволюция не была случайной; она была не только простым результатом ряда обусловивших ее внешних обстоятельств, но в той же мере актом собственной воли Игнатия. Ибо он не позволил обстоятельствам навязать себе эту задачу; он взялся за нее, давая себе полный отчет в том, что делал, как только она ясно предстала перед ним.

Таким образом, орден иезуитов подтверждает старую истину, что люди обычно лишь постепенно, по мере своего развития, приходят к сознанию тех задач, которые должны определить цель и направление их жизни. Так же, как общество методистских проповедников, начало которого так напоминает первые шаги иезуитов, Общество Иисуса было сперва лишь благочестивой ассоциацией студентов, затем превра-

---

¹ А. Г. Франке из Любека (1663–1727) был в конце XVII и в начале XVIII века одним из наиболее выдающихся представителей немецкого пиетизма. Он пользовался значительным влиянием в Галле как профессор и как пастор. Он оживил теологию изучением Священного Писания и своими работами по практическому благочестию. Он основал знаменитый приют для сирот и ряд школ, которые к моменту его смерти насчитывали 2200 учеников. – *Прим. Моно.*

тилось в конгрегацию священников для внешней и внутренней миссии, и наконец, начиная с 1544 года, оно постепенно стало католическим школьным и воинствующим антипротестантским орденом. Его программа во всем своем объеме была установлена лишь в 1552 году. До этого момента орден еще только складывался. Однако даже после окончательного утверждения программы образование ордена не было еще полностью закончено. Ему не хватало еще официально признанной конституции, закона, который бы регулировал его внешнюю деятельность и внутреннюю жизнь.

Конституции иезуитов

Общество студентов 1534 года еще не нуждалось в подобной конституции; оно представляло собой лишь маленький кружок лиц, объединенных общими убеждениями и общим идеалом и совершенно не считавшихся с возможностью, что их кружок, который, подобно всем организациям такого рода, покоился на принципах равенства и братства или братской любви, переживет их самих. Конгрегация священников для внутренней и внешней миссий тотчас же создала себе статут и заменила принцип равенства принципом военной иерархии, а принцип братства принципом военного подчинения. Но эта конституция была очень несовершенна и долго оставалась таковой. Только тогда, когда развитие ордена почти уже завершилось, Игнатий взялся за составление конституции в собственном смысле слова.

В 1550 году она была закончена в общих чертах; но Игнатий еще долгое время работал над улучшением своего первоначального проекта, и лишь в 1555 году познакомил со своим произведением иезуитов

Испании и Германии. Таким образом, ему не только удалось принять в расчет результаты внутреннего развития ордена, благодаря чему конституции представляют собой в одно и то же время и отражение и плод этого развития; ему удалось также приспособить организацию ордена до мельчайших деталей к той цели, для достижения которой он его создал, то есть сделать его и фактически тем, чем он должен быть по идее, – отборным отрядом, всегда готовым к битве, на службе у воинствующей церкви.

Формированию такого отборного войска он и посвящает, главным образом, первые части «Конституций», в которых изложены условия: рекрутирования членов ордена (I), отпуска их (II), подготовки (III и IV); способы, при помощи которых может быть достигнута необходимая боевая готовность, указаны преимущественно в постановлениях об организации (части V–X).

Что касается рекрутирования, то едва ли какая-нибудь другая корпорация была так разборчива и осторожна в приеме новых членов, как Общество Иисуса.

Безусловно пригодными Игнатий считает лишь лиц здоровых, в полном расцвете сил, привлекательной наружности, с хорошими умственными способностями, спокойным и энергичным характером. Богатство и благородное происхождение не является необходимым условием, но всегда – хорошая рекомендация. Условно годными признаются люди, с трудом господствующие над своими страстями, слабохарактерные, склонные к мечтательности, обнаруживающие упорную и ограниченную привязанность к своим мнениям, с посредственными умственными способностями, слабой памятью, плохим даром слова, страдающие бросающимися в глаза телесными недостатками или отличающиеся отталивающей наружностью, обремененные долгами. Совершенно непригодными признаются все те, которые

принадлежали к еретическим или раскольническим общинам или были осуждены за заблуждения в вере, далее — монахи, отшельники, люди слабоумные или склонные к слабоумию, наконец, все лица, которые по тем или иным мотивам не могут принять священнический сан. В последнюю группу отнесены все женщины.

В последнюю минуту Игнатий воспротивился образованию женского отделения ордена, конечно, не из-за канонических соображений, а потому, что он полагал, что из совместной работы с женщинами «может возникнуть лишь огонь или дым». Несмотря на то что Игнатий первыми своими успехами был обязан женщинам, он в своей старости мало уважал прекрасный пол, жестко оттолкнул своего старого друга, Изабеллу Розер, желавшую основать конгрегацию иезуиток, и придал своему обществу чисто мужской характер.

Но если даже неофит окажется вполне пригодным, он не может с уверенностью рассчитывать на спокойное пребывание в ордене потому, что в последнем безусловно царит военная система синего письма¹. Тот, кто ведет себя нехорошо или является малоспособным к работе ордена, просто исключается из него без каких-либо процессуальных формальностей. Подобные «кровопускания» повторялись в первое время довольно часто и обычно нисколько не вредили Обществу. Они поддерживали его здоровье, молодость и свежесть и с выгодой заменяли, на что вполне обоснованно указал Игнатий, все другие, более суровые дисциплинарные меры. Но вообще заботливость, с которой Общество относилось к подготовке своих членов, охраняла его от

---

¹ Синим письмом в Германии называется письмо в синем конверте, в котором находится уведомление офицеру, что он должен подать в отставку, не рассчитывая на повышение. — *Прим. Моно.*

подобных разочарований. Согласно «Конституциям», вновь принятый член поступает сначала на два года в новициат или дом испытания. Здесь новиций получает военное воспитание характера и сердца, необходимое для рыцаря Христа. Здесь он учится самоотречению и повиновению, молиться и созерцать, исповедоваться и должным образом посещать богослужение. Кроме того, если позволяют обстоятельства, он упражняется в произнесении проповеди. Однако строго следят, чтобы он не переходил границ в благочестивых упражнениях и не вредил своему здоровью умерщвлением плоти. Если он не обнаруживает никакой склонности к научным занятиям, он становится к концу первого года светским коадьютором, то есть вступает в орден в качестве как бы светского брата, и в этом звании исполняет в домах ордена разного рода обязанности низших чинов.

Если, напротив, он обнаруживает талант, то к концу второго года становится схоластиком, то есть его посылают в одну из многочисленных школ ордена, где он должен всецело отдаться научным занятиям в течение долгих лет. Сначала он проходит гимназический курс, затем на протяжении трех лет изучает философию. После этого его обычно заставляют в течение некоторого времени быть учителем. Если он обнаружил способности, его допускают к изучению богословия, которое отнимает у него, по меньшей мере, еще четыре года. Заключением и венцом второго периода занятий является рукоположение в священники.

Однако посвящение еще не дает ему права немедленно начать исполнять священнические функции. Разрешение на это он получает лишь по истечении годичного срока, после того как он, принеся три монашеских обета – бедности, целомудрия и повиновения, вступит в разряд духовных коадьюторов. Но даже в качестве духовного коадьютора он не принадлежит еще к Обще-

ству Иисуса в строгом смысле слова. В Общество он принимается лишь после допуска к профессии, то есть к торжественному принесению не только трех монашеских обетов, но и специальной присяги верности, которая связывает Общество с папой¹.

Из этой необыкновенно точно урегулированной системы подготовки само собой вытекает иерархическое расчленение ордена. Он делится на четыре класса: 1) схоластиков, то есть студентов в собственном смысле слова, потому что новиши, подвергающиеся искусству в домах ордена, еще не считаются членами общества; 2) светских коадьюторов; 3) духовных коадьюторов; 4) профессов. В известных случаях к этим четырем классам может присоединяться пятый класс «индифферентов», то есть таких членов ордена, относительно зачисления которых в тот или иной класс Общество еще не успело принять решения.

Раньше думали, что под именем «индифферентов» разумеются иезуиты в коротком платье, то есть тайные иезуиты. Но это заблуждение. Правда, при Игнатии было два случая, когда высокопоставленные лица некоторое время скрывали свое вступление в Общество, чтобы спокойно привести в порядок свои личные дела. Но тайных иезуитов, всю жизнь скрывавших свою принадлежность к ордену, никогда не существовало.

---

¹ Не следует преувеличивать важности этого четвертого обета; он состоял лишь в принятии на себя обязательства исполнять любое поручение, которое возложит папа. Все иезуиты вообще были подчинены папе уже через обет повиновения главе Общества, которое состояло на специальной службе у папства. Не нужно забывать и о том, что, если большинство профессов приносило четыре обета, то существовали профессы, принесшие только три обета и тем не менее имевшие право принимать участие в генеральных конгрегациях. — *Прим. Моно.*

Эта армия, состоящая из четырех разрядов, естественно, нуждается в крепкой местной и центральной организации. Нижнюю степень первой образуют обыкновенные поселения, резиденции и миссии; затем более крупные орденские дома, коллегии, новициаты и дома профессов. Эти поселения и дома сгруппированы в провинции, во главе которых стоят провинциалы. Наконец, провинции образуют так называемые ассистенции. Стоящие во главе этих ассистенций ассистенты являются не местными должностными лицами, а членами центрального правительства и имеют свое местопребывание в Риме. Их функции можно сравнить с функциями бывших провинциальных министров в Пруссии.

Сказав об ассистентах, мы уже назвали один из важнейших органов генерального штаба Общества. Кроме ассистентов в состав штаба входят: адмонитор, то есть приставленный орденом к генералу контролер; далее, помощники генерала, среди которых на первом месте стоят генеральный секретарь и генеральный прокуратор – министр финансов ордена. Но душой всей организации является генерал, избираемый пожизненно. Один облеченный правом повелевать, он неограниченно руководит всеми действиями ордена и выбирает всех должностных лиц ордена, за исключением ассистентов и адмонитора. Кроме того, он полновластно распоряжается всем имуществом ордена и разрешает своими приказами, имеющими силу закона, все вопросы, которые не требуют изменения конституции ордена. Как единственный представитель ордена во внешних делах, он руководит всеми переговорами с верховным военным главой, папой, и со всеми светскими державами, с которыми орден имеет отношения.

Принимая все это во внимание, мы могли бы вместе с иезуитом Марианой назвать конституцию орде-

на абсолютной монархией. Но: 1) генерал в принципе не несменяем; 2) он в принципе ответствен перед орденом; 3) в известной мере он находится под контролем общества, которое назначает ему, в лице его духовника, адмонитора, то есть контролера или советника. В этом заключалась возможность организовать власть генерала. Но Игнатию, конечно, была чужда подобная мысль: иначе он не сделал бы эту систему контроля почти иллюзорной, дав одному только генералу право созывать генеральную конгрегацию во время своего правления¹.

Фактически генерал, в силу конституций, правит орденом почти так же самовластно, как главнокомандующий командует своими войсками. Правда, это самодержавие соединяется со своего рода парламентом, генеральной конгрегацией, состоявшейся из провинциалов и известного числа депутатов от каждой провинции, которые выбирались почти исключительно среди иезуитов высшего класса, профессоров. Этот парламент, прежде всего, имеет право в случае вакантности поста генерала выбрать новое правительство, то есть избрать нового генерала, новых ассистентов и нового адмонитора. Во-вторых, он образует высшую законодательную власть ордена, и в третьих, он один может распускать поселения ордена. Но так как он может самостоятельно собираться только в случае смерти генерала, то он не составляет, подобно генеральным капитулам других орденов, противовеса власти генерала и действительно имеет в первое время очень небольшое значение. Еще менее генерал может опасаться собрания провинциальных прокураторов,

---

¹ В исключительных случаях, если генерал окажется неспособным или недостойным исполнять свои обязанности, ассистенты имеют право созвать собрание генеральной конгрегации. — *Прим. Моно.*

которое с 1581 года собирается каждые три года, так как это собрание носит исключительно осведомительный характер. Таким образом, Мариана прав в своем суждении о правительстве ордена в его первоначальном виде. Орден в том виде, как его создал Игнатий, действительно представлял собой абсолютную, самодержавную монархию.

Этот строгий абсолютизм был, конечно, лишь следствием самой природы ордена. Раз орден должен был быть всегда к услугам папы, в полной боевой готовности, он должен был подчиняться единой власти, должен был от первого человека до последнего преклоняться перед единой верховной волей, — от крайних пределов Азии до берегов Бразилии. Это единство верховной власти было легко провести в статутах, но трудно применить на практике. Игнатий старался достигнуть этого: 1) организацией письменных отношений между главой ордена и членами, 2) железной военной дисциплиной.

Уже в его время письменные сношения внутри ордена играют очень важную роль, как ни в одном из европейских государств. Уже при нем существует настоящее правительство кабинета; Игнатий не пренебрегает никакими осведомительными средствами, пользуясь даже «денунциациями», то есть тайными донесениями, как бы ни предосудительны они были с точки зрения морали. Но в его глазах дисциплина еще важнее. Принципы этой дисциплины хорошо известны: безусловная субординация и «*perinde ac cadaver*». Подчиненный должен смотреть на старшего, как на самого Христа; он должен повиноваться старшему, «как труп, который можно переворачивать во всех направлениях, как палка, которая повинуется всякому движению, как шар из воска, который можно видоизменять и растягивать во всех направлениях; как маленькое распятие, которое можно поднимать и которым можно двигать как угодно».

Излишне напоминать, что все это лишь основные принципы военной дисциплины. Однако следует заметить, что зародыш этих принципов мы можем найти в истории монашества еще задолго до Игнатия: уже древний Бенедикт Нурсийский настаивает на том, что в аббате нужно видеть наместника Христа; уже Франциск Ассизский предписывает повиновение трупа; именно у него и взял Игнатий это знаменитое сравнение. Нова у Игнатия не идея, а тон, с которым он предлагает ее. При внимательном отношении нельзя не прийти к заключению, что никто не придавал субординации и повиновению так много значения, как Игнатий. Он развил целую теорию повиновения, в которой различает три степени: 1) подчинение действия, 2) подчинение воли, 3) подчинение ума. Последняя степень является наивысшей потому, что отречение от собственных убеждений есть самая трудная жертва, которую можно требовать от человека. Но именно поэтому она и составляет отличительный признак совершенного иезуита, цель и венец долгого воспитания, которому орден подвергает своих учеников.

Раз армия должна была всегда быть в полной боевой готовности к услугам генерала, то для этого, кроме полного внутреннего единства, необходимо было, чтобы каждый отдельный член ее был совершенно свободен от всех обязательств, которые могли помешать свободе его действий. Игнатий позаботился и об этом: 1) он обеспечил иезуитам безусловную независимость от всех светских привилегий; 2) он освободил их от всех монашеских и священнических обязанностей, которые могли бы стеснить их деятельность; 3) в то же время он обеспечил им все даже самые высшие привилегии светского духовенства, а учреждениям ордена, поскольку они вели университетское преподавание, — высшие привилегии университетов.

Вследствие этого иезуит не обязан, как монахи, носить специальный костюм; он не обязан всецело отдаваться аскетизму; он не обязан, подобно членам капитулов или так называемым регулярным каноникам, петь в хоре. Таким образом, он и не монах, и не светский священник в обычном смысле слова; он представляет из себя нечто особенное. Он – совершенно независимый от какой бы то ни было посторонней власти член священнической корпорации, суверенно управляемой единым главой, который ответствен только перед папой. Таково же положение всех поселений и домов ордена. Где бы они ни находились, они являются среди государственных территорий как бы владениями иностранной державы, которая суверенно управляет ими, хотя бы по временам она и скрывала это положение из благоразумия.

Таким образом, орден образует автономный политический организм, государство с собственным правом, собственной конституцией, собственным имуществом, словом, государство наподобие древних германских государств: армию, всегда готовую к бою с девизом «*Ad Majorem Dei Gloriam*», т. е. к наибольшей славе церкви, управляемой непогрешимым папой.

Место Общества Иисуса в истории монашества

Эта организация является, конечно, своего рода шедевром, и ее создатель, несомненно, принадлежит к числу самых крупных организаторских гениев всех времен. Но отсюда не следует, чтобы она представляла собой в истории монашества нечто абсолютно новое, создание без прецедентов и образцов. Если рассматривать ее во всемирно-исторической перспективе, то она так же, как и иезуитский идеал жизни,

покажется скорее последним результатом тенденций, уже раньше существовавших и действовавших в эволюции монашества. Хотя первоначально монах думал исключительно о своем личном освящении и бежал не только от мира, но от мирской церкви и даже от других монахов, все же в монашестве скоро появилась с течением времени все усиливавшаяся тенденция к образованию конгрегаций и к более тесному сближению с жизнью церкви и мира; и в связи с этим стремление теснее спаять между собой отдельные монашеские общины с целью усилить их практическую деятельность.

Известно, что в IV веке наряду с отшельническим идеалом возникает идеал монашеского общежития. Наряду со скитами и колониями отшельников, где живут исключительно ради личного освящения, мы находим монастыри, где братская любовь признается такой же священной обязанностью, как и личное освящение. Уже тогда, особенно на Западе, возникает тенденция привлечь монахов на службу церкви, а вместе с тем и тенденция подчинить церковь, т. е. духовенство, монашеству. В лоне латинской церкви эта тенденция проявляется со все возрастающей энергией: celibат клириков, большие монашеские организации священников в средние века, как, например, регулярные августинцы, участие монахов в реформе церкви представляют собой общеизвестные результаты этого взаимодействия между монашеством и церковью, которое с течением времени все более усиливается. Но еще важнее то обстоятельство, что монашество само стремится отодвинуть аскетизм на второй план и выдвинуть на первое место дела светской, практической благотворительности и специфические церковные задачи и что оно начинает видеть свой идеал в служении церкви и миру. Уход за

больными, выкуп попавших в рабство христиан, даже постройка мостов и война с неверными начиная с XII века признаются специальными обязанностями монашеских ассоциаций. Но еще более важное значение, благодаря своему огромному влиянию, имеет апостольская проповедь Франциска Ассизского.

Совершенно не стремясь к тому, эта проповедь вызвала появление новой группы монашеских обществ, которые немедленно захватили в свои руки не только проповедь, но и все другие священнические функции и стали конкурировать со светским духовенством на его собственной земле, видя в проповеди и заботе о спасении душ призвание истинного монаха. Орден иезуитов непосредственно примыкает к этой фазе развития, представленной нищенствующими орденами. Но он идет гораздо дальше нищенствующих орденов. Аскетизм и созерцание он сохраняет лишь в качестве подготовительных упражнений; в филантропической деятельности среди мира, в служении церкви он видит истинную задачу ордена; он обязывает своих последователей вести монашеский образ жизни лишь в той мере, в какой он не стесняет и не мешает этой практической деятельности; он возвращает монашество в мир и церковь с целью заставить его всецело служить миру и церкви. Следовательно, он знаменует собой апогей и завершение той эволюционной эпохи, которая сближала монашество с церковью и миром, а вместе с тем, с известной точки зрения, апогей и завершение развития монашества на Западе.

Подобно идеалу ордена иезуитов, его организация также является до известной степени апогеем и завершением этой тысячелетней эволюции. Древние монастыри Запады первоначально развиваются в тесной связи с окружающими их церковными и политическими учреждениями; в церковном и политическом

отношении они не составляют автономных учреждений. Но по мере того, как монашество начинает принимать все большее участие в управлении церковью, оно все более приходит к сознанию своего собственного значения, все живее чувствует необходимость добиться для монастырей церковной и политической самостоятельности.

Эта тенденция встречает энергичную поддержку со стороны курии и в конце концов приводит к все более и более тесному союзу между монашеством и папством. А так как изолированные монастыри обычно не могут отстаивать свою независимость, то вскоре возникают попытки теснее связать между собой монастыри, подчиненные одному и тому же уставу. Так возникают первые конгрегации монастырей, или монашеские ордены. В этих орденах отдельные монастыри сначала еще представляют собой довольно самостоятельные организмы. Но с течением времени ордены все более и более превращаются в интернациональные и папские учреждения и вместе с тем получают все более централистическую организацию. Если конституция цистерцианцев была еще полностью аристократической и сохраняла известную долю независимости для отдельных семейств монастырей, то нищенствующие ордены имеют уже вполне единообразную и законченную организацию с постоянной центральной администрацией, избранной парламентом ордена, во главе которой стоит генерал, правда лишь с временными полномочиями.

Единообразие и централизация идут еще дальше в конституциях монашеских рыцарских орденов; в частности, появляются уже пожизненно избираемые главы орденов. Но это единообразие и централизация являются лишь робкой попыткой по сравнению с конституцией Общества Иисуса, где благодаря если не юридичес-

кому, то, по крайней мере, фактическому самодержавию генерала достигнута такая степень единообразия и централизации, которая уже не может быть превзойдена. В то время интернациональный характер Общества, так же, как и его независимость по отношению ко всем властям, за исключением одного лишь папы, обставлен такими гарантиями, какие только можно себе представить.

Таким образом, с точки зрения своей конституции Общество Иисуса также является кульминационным пунктом всей предшествующей эволюции западного монашества. После него формы монашества уже не могли развиваться дальше; они могли лишь регрессировать или распадаться. Действительно, оба эти явления имели место. Но возврат к старым формам в новейшее время далеко не имеет такого значения, как современные монашеские или квазимонашеские общества, религиозные и светские конгрегации, которые являются лишь продуктом распада старого монашества.

Таким образом, Общество Иисуса является для нас не только, в полном смысле этого слова, кульминационным пунктом в истории старого западного монашества, но и ее завершением. Оно представляет собой последний из великих орденов, созданных католической церковью. В то же время оно представляет собой орден, наиболее отклонившийся от первоначального идеала монашества, но тем не менее выразивший с наибольшей силой, как в своем идеале, так и в своей конституции, те основные тенденции, которым монашество было обязано своим развитием. Поэтому его история богаче и разнообразнее истории всех других орденов, правда, скорее его внешняя история, чем внутренняя, потому что поставленная ему задача заключалась в деятельности вне церкви. И Общество Иисуса честно выполнило эту

задачу. Оно не только добровольно поступило на службу церкви и сумело заставить мир повиноваться ей, оно стало само, как мы увидим ниже, одной из великих мировых сил.

ПОБЕДНОЕ ШЕСТВИЕ ОБЩЕСТВА ИИСУСА ПО ЕВРОПЕ

Рим, Виттенберг и Женева

Если мы взглянем с высоты птичьего полета на состояние церковных дел Европы в 1546 году, то перед нашими взорами предстанет поразительная картина. Рим, древняя религиозная столица Запада, представляет собой лишь тень своего бывшего величия. Два небольших города, имена которых за полвека до того были известны лишь в ближайшей округе, как будто захватили положение Рима в мире и привлекают к себе взоры всех в еще большей степени, чем Рим: это – Виттенберг и Женева. К 1543 году лютеранство распространилось из Виттенберга на целый ряд немецких земель: Пруссию, Курляндию, Ливонию, Эстляндию, Финляндию, Швецию, Норвегию и Данию. Балтийское море превратилось тогда в лютеранское море. В Трансильвании новое учение тоже уже стало влиятельной силой; в Венгрии евангелическая партия в 1545 году впервые созывает синод и производит смотр своим силам; в Польше в течение последних лет она развивается с такой силой и с таким постоянством, что отпадение королевства от католицизма является лишь вопросом времени.

Однако наряду с Виттенбергом в 1545 году начинает выдвигаться и Женева. Под руководством великого Кальвина Женева постепенно становится цент-

ром, который не только стоит во главе евангелических территорий Швейцарии, но и направляет все евангелическое движение Западной Европы; ибо во Франции, Фландрии и Голландии в 1545 году существуют уже сильные евангелические партии. В это же время начинается крушение старой церковной системы в Шотландии. Англия уже давно порвала с Римом и проявляет известную склонность примкнуть к Реформации и в сфере учения. Словом, почти во всей Центральной и Северной Европе появились отделившиеся от Рима церкви или возникли могущественные евангелические партии. Апеннинский и Пиренейский полуострова, где, впрочем, также существует движение в сторону протестантизма, представляют собой единственные страны, где нет ни одного симптома общенационального разрыва с папством.

Однако для католического наблюдателя столь же ужасным, как это всеобщее отпадение от Рима, должен был казаться глубокий упадок церковной жизни в некоторых странах, оставшихся верными папе. Новый дух при сохранении уважения к традиционным формам чувствовался лишь в трех местах: Риме, Венеции и Испании. В Испании после реформ конца XV века церковь процветала, как никогда. В Венецианской республике, благодаря театинцам, сомаскам и деятельности благородного епископа Гиберти из Вероны, в заботе о душах и в богослужении снова получил господство более серьезный дух.

В Риме Павел III, последний папа-гуманист и художник, оставшийся до самой своей смерти настоящим государем эпохи Возрождения, проявил достаточно ума и осторожности, призвав вскоре после своего вступления на престол в коллегия кардиналов несколько ревностных сторонников церковной реформы и показал, таким образом, что папство не враж-

Портрет-медальон Эразма Роттердамского

дебно реформаторским идеям. Важно было теперь перейти от добрых намерений к действию и всюду поставить преграды развитию протестантизма. Папство в том виде, в котором оно тогда находилось, не было в состоянии самостоятельно выполнить эту двойную задачу.

К счастью, ему не пришлось оставаться долго изолированным. Оно могло уже рассчитывать на нескольких могущественных союзников, прежде всего на дом Габсбургов, на португальский двор и на ряд менее значительные династий, во главе которых следует поставить баварских Виттельсбахов. На его стороне были также и ревнители церковной реформы в Италии, испанская церковь и, наконец, иезуитский орден. Однако из всех этих помощников оно безусловно могло положиться только на одних иезуитов.

Правда, и католические государи, и итальянские реформаторы, и испанская церковь также желали ис-

коренения протестантизма и возрождения религиозной жизни в лоне католической церкви, но в то же время они стремились к реформе папства, к ограничению его власти и его доходов. Только одно Общество Иисуса отдавало себя в распоряжение курии безусловно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в великой борьбе между католицизмом и протестантизмом папство тотчас же послало орден на передовые позиции.

В этой борьбе за власть церкви необходимо было одержать верх сразу в нескольких пунктах: во-первых, необходимо было укрепить и защитить против новаторов католические воззрения в области церковной организации и догматов; во-вторых, нужно было подготовить законодательным порядком реформу церковной организации, поскольку она была необходима с католической точки зрения. Эта двойная задача могла быть решена лишь вселенским собором, созыва которого требовали все. Далее, нужно было произвести реформу церкви в каждой из католических стран; и, наконец, нужно было вырвать из рук протестантов захваченные ими территории.

Никогда до сих пор папству не приходилось так напрягать все свои силы. То обстоятельство, что оно, хотя и не без колебаний, решилось взяться за это грандиозное предприятие, которое, казалось, было труднее, чем борьба, предпринятая некогда папой Григорием VII за господство над церковью и миром, является блестящим доказательством его жизнеспособности и силы. Правда, вступая в великую битву, оно было лучше вооружено, чем некогда Григорий VII: оно не только имело на своей стороне могущественную партию, но и располагало отборным войском, на верность и боевую готовность которого оно могло безусловно положиться: оно имело на своей стороне иезуитов.

Тридентский собор

15 марта 1545 года Павел III, уступая, наконец, просьбам императора, созвал вселенский собор в Триденте, в южном Тироле. Среди немногочисленных участников, которые постепенно собирались в старую епископскую резиденцию на Эче, насчитывалось не менее трех иезуитов, двое из которых – Ленец и Сальмерон – были посланы самим папой. Ближайшее будущее должно было показать, насколько разумно поступил папа, послав их.

Чтобы не вызвать сразу недоверия у протестантов, собор, по желанию императора, должен был сначала обсудить церковную реформу и лишь потом перейти к догматам.

Но для папы было весьма важно отложить реформу и прежде всего осудить протестантскую ересь. Собор решил пойти навстречу его желанию. Но когда начались прения о догматах, немедленно выяснилось, что ряд выдающихся членов собрания сочувствует протестантам в вопросах о Священном Писании, о первородном грехе, об оправдании верой, потому что даже в Триденте святой Августин не потерял еще своего влияния на умы. Необходимо было решительно выступить против этих опасных тенденций. Сделать это пытались многие, но никто не выполнил этой задачи с таким искусством и успехом, как иезуит Ленец.

Если Тридентский собор в первый период своих заседаний подтвердил схоластическое учение средних веков об оправдании и, таким образом, окончательно сломал мост между католиками и протестантами, то это прежде всего заслуга Ленеца. Но его роль на этом соборе стала еще значительнее в течение второй (май 1551 – апрель 1552 г.) и третьей (январь 1562 – декабрь 1563 г.) сессий собора. До начала тре-

твей сессии в Европе было еще много католиков, которые верили в возможность примирения с протестантами. На соборе эту точку зрения поддерживали две державы – Франция и Германия.

Император Фердинанд I требовал от собора весьма серьезных уступок: разрешения брака для священников, причастия под обоими видами, литургии на немецком языке, употребления народного языка в богослужении, реформы монастырей и, прежде всего, реформы папства. Французы предъявляли аналогичные требования. Таким образом, собор грозил, как опасался того папа Пий IV, стать слишком сильным лекарством для ослабевшего тела церкви. Отцы собора спорили друг с другом с таким ожесточением, что в течение десяти месяцев нельзя было устроить ни одного общего заседания.

В феврале 1563 года положение казалось настолько безвыходным, что один несколько пессимистически настроенный кардинал заявил, что власть папы неизбежно будет уничтожена. Но Рим всегда умел проявить необыкновенную ловкость. Мы уже знаем ту роль, которую сыграл в истории Игнатия кардинал Мороне. Этот преданный друг иезуитов, основатель германской коллегии в Риме, в решительный момент, когда положение дел приняло для папства самый дурной оборот, сумел, работая за спиной отцов собора, изменить сначала намерения императора, а затем при помощи искусно рассчитанных милостей привлечь на свою сторону одного за другим оппозиционных прелатов. «Ему более чем кому-либо другому обязана католическая церковь счастливым исходом собора». Но после Мороне никто на этом собрании не оказал больших услуг папству, чем Ленец.

Если папские легаты, председательствовавшие на соборе, все время должны были щадить оппозицию, он мог открыто и безбоязненно защищать требования

своего верховного командира, не поступаясь из них ни одной буквой. И он делал это. Ленец с непоколебимой логикой в речах и записках развивал догмат о папской непогрешимости, о безусловной супрематии папы над всеми епископами, о превосходстве папы над светскими властями. Несомненно, он не убедил оппозиции, но он помешал возведению ее взглядов в догматы и установил с никем не превзойденной точностью ту церковно-политическую программу, которую его орден, несмотря на временный перерыв, твердо проводил вплоть до провозглашения папской непогрешимости.

Его участие не сводилось лишь к предсказыванию будущего и не ограничивалось областью догматических вопросов. Постановления собора, касающиеся церковной реформы, также носят на себе печать его влияния и влияния его товарищей. Именно он предложил воспитывать всех священников в семинариях, где ни малейшее дуновение еретических мнений не могло бы помешать их подготовке, а его старый друг Сальмерон провел знаменитое постановление о браке, требовавшее для заключения брака присутствия приходского священника одного из вступающих в брак.

Таким образом, молодой орден наложил в известной степени свой отпечаток на прения и постановления этого великого церковного парламента. Ему суждено было еще раз оказать столь же решительное влияние на судьбы католической церкви – на Ватиканском соборе 1869–1870 годов. Здесь дух Ленеца добился окончательной победы над эпигонами оппозиции Тридентского собора.

Мрачные предчувствия папы Пия IV не оправдались. Сильное лекарство собора, сверх всякого ожидания, помогло расслабленному телу церкви. Крепко сплотившись в своем единстве, она не только приня-

лась за восстановление своего внутреннего порядка и искоренение массы старых злоупотреблений, но и смогла, полная сознания своих сил, прекрасно вооруженная, горя желанием борьбы, вступить в бой с рассеянными батальонами протестантизма. Мировой курс снова изменился. Рим опять одержал верх над Виттенбергом и даже над Женевой. «Антихрист», как его звали протестанты, напряг все свои силы, чтобы в ожесточенной войне с протестантами снова воздвигнуть свой трон, и с этой целью разослал во все стороны иезуитов, в качестве своих главных борцов.

Иезуиты в Италии, Испании и Португалии

Франция является колыбелью Общества Иисуса, но свою программу и свое устройство оно получило в Италии. Поэтому оно почувствовало почву под ногами и распространилось прежде всего в Италии. Как это произошло, мы уже рассказали. Об успехах ордена свидетельствует непрерывно растущее число коллегий (в 1680 г. их было уже 128), но еще более поразительные доказательства его роста дает история итальянской культуры XVI и XVII веков.

Если образованная Италия возвратилась к обрядам и вере церкви, если она ревностно отдалась аскетизму и миссионерству, если она снова стала сочинять благочестивые стихи и церковные гимны и прославлять с большой искренностью в картинах и статуях идеалы церкви, то не является ли это плодом того воспитания, которое получили образованные классы в школах и исповедальнях иезуитов? Можно быть различного мнения относительно его ценности, но несомненно одно: детская простота, радость, свежесть, наивная любовь к природе, которые проявляются с такой яркостью в благочестии великих наци-

ональных святых Италии и которые озаряют таким ясным светом многие произведения раннего Ренессанса, потеряны для нового поколения; последний отзвук их мы находим лишь у Филиппо Нери.

Ученики иезуитов слишком клерикальны, слишком набожны, слишком склонны к сентиментальному пафосу, чтобы сохранить эти качества. Они увлекаются чудесами и экстатическими видениями; их буквально окупают изображения ужасного умерщвления плоти и жестоких казней мучеников; им нужны в культе pompa, блеск, оперная постановка. Итальянские искусство и литература конца XVI века являются верным отражением этого перелома. Несомненно, можно назвать еще не менее славные имена. С технической точки зрения, старые художники и музыканты XIV и XV веков оставлены далеко позади.

Однако творения художников конца XVI века далеко так не захватывают и не пленяют нас, как неловкие попытки и несовершенная техника их предшественников. Их святым можно верить лишь наполовину, их великим людям нельзя безгранично отдать своего сердца, в их храмах лишь с трудом можно испытать благочестивое настроение. Ажитация, выставление напоказ, навязчивая претенциозность, характеризующие произведения этого периода, ежеминутно оскорбляют наши самые интимные чувства и вместо порыва симпатии вызывают в нас скорее чувство отвращения к тем верованиям, которые они хотят интерпретировать и прославлять.

Уже в XVI веке вполне отчетливо чувствовалось, что иноземный дух грозил завладеть душой Италии, и, называя Испанию, вполне верно определяли врага. Но Италия не была в состоянии единодушно выступить против этой испанизации жизни, обычаев, веры и мысли. То обстоятельство, что орден испанского происхождения, в котором вплоть до 1581 года

задавали тон испанцы, смог так быстро пустить корни в Италии и завладеть образованными и господствующими классами на всем полуострове, является, может быть, наиболее характерным симптомом этой испанизации. Совершенно не свойственная Италии нетерпимость, обрезавшая крылья итальянской науке в тот момент, когда последняя готова была так смело подняться ввысь, приведшая Джордано Бруно на костер, Галилея к решетке инквизиционного трибунала, является прежде всего последствием той нравственной революции, которую вызвали «испанские отцы» и их ученики.

Однако как раз в конце XVI века, в тот самый момент, когда испанизация Италии достигла своего высшего пункта, Общество Иисуса начинает постепенно становиться итальянским. С этого момента в генералы ордена обычно начинают выбираться итальянцы; им же поручают трудные предприятия. Особенно резко проявляется это в миссионерстве. Основатель иезуитской миссии в Китае, организатор миссионерской церкви в Японии, основатель великой миссии иезуитов в Мадуре (Ост-Индия), творцы иезуитского государства в Парагвае все, без исключения, итальянцы. Это в достаточной мере доказывает, что в конце XVI и в начале XVII века, во время наивысшего расцвета ордена, средоточие его сил лежит уже не в Испании, а в Италии.

Однако и в Италии орден не избежал жестоких разочарований. 14 мая 1606 года, из-за разногласий между курией и Венецианской республикой, иезуиты были изгнаны на вечные времена из Венеции, как самые верные слуги и защитники папы. Гнев и отвращение, которые они сразу внушили, были так глубоки, что эти «вечные времена» продолжались целые пятьдесят лет. Лишь в 1656 году им было разрешено снова появиться на территории республики. Но хотя

им и удалось опять основаться здесь, они уже никогда не могли достичь в государстве святого Марка того влияния, которым пользовался Ленец, когда он проповедовал в городе лагун.

Вторым отечеством нового ордена после Италии была Португалия. Почву для него расчистил здесь бывший ректор коллегии святой Варвары в Париже Говеа; затем, в 1540 году, «апостолы» ордена Ксавье и Родригес взяли весь Лиссабон как бы приступом. Уже в 1452 году здесь возникли две коллегии, первые постоянные резиденции ордена; в 1546 году число португальских схоластиков и отцов было уже так велико, что Игнатий решился сделать из Португалии самостоятельную провинцию. Но ни одна провинция не причинила иезуитам впоследствии столько забот своим неповиновением, как Португалия; ибо нигде в ордене не проявился так рано и с такой силой национальный партикуляризм, которого Игнатий вполне основательно опасался и с которым боролся, как с худшим врагом своего интернационального предприятия.

Впрочем, этот партикуляризм показывает, с какой быстротой орден акклиматизировался в Португалии. Уже при Иоанне III (1521–1557) он был самой могущественной духовной корпорацией королевства. После смерти Иоанна ордену не только поручили воспитание его еще несовершеннолетнего внука Себастиана, но он до такой степени завладел доверием монарха, что его влиянию приписывали, и не без основания, все принятые правительством меры, в частности и несчастные экспедиции против марокканского шерифа, последняя из которых стоила жизни Себастиану (4 августа 1578 года).

Даже теперь нельзя с уверенностью ответить на вопрос, содействовал ли орден соединению Португалии с Испанией. Все же он чувствовал себя весьма неплохо под испанским господством, что не помешало ему принять участие в революции 1640 года, воз-

ведшей на престол Браганцкий дом; он всеми своими силами поддержал новую династию, щедро вознаградившую его за это.

При первом короле Браганцкого дома отец Фернандес был членом государственного совета и до тех пор, пока Альфонс VI не достиг совершеннолетия, был наиболее влиятельным советником королевы-регентши Луизы. Отец де Вилле (de Ville) принимал в 1667 году деятельное участие в свержении Альфонса VI, а отец Эммануэль Фернандес был в 1677 году даже назначен депутатом кортесов новым королем Педро II в награду за оказанные орденом услуги, что вызвало протесты генерала.

Но даже если отцы не занимали никаких государственных должностей в королевстве, все же они были в Португалии могущественнее, чем в какой-либо другой стране. Они не только были духовниками всей королевской семьи, но и давали советы королю и его министрам во всех важных делах. По свидетельству одного из них, без согласия ордена нельзя было получить ни одной должности в администрации государства и церкви, так что духовенство, гранды и народ оспаривали друг у друга расположение и благосклонность иезуитов. Прибавим, что под их влиянием находилась даже международная политика государства. Никто не станет утверждать, что подобное положение вещей было полезно и хорошо для государства. И все же было бы несправедливо возлагать на иезуитов ответственность за разорение Португалии. Упадок уже начался, когда они появились в стране. Подлинной причиной этого разорения была колониальная политика, не соответствовавшая силам страны и быстро уменьшившая численность населения. Но если бы отцы даже хотели бороться с этим злом, они были бы бессильны.

Португалия сразу попала в руки ордена. Испанию пришлось завоевывать шаг за шагом. Три силы оказывали сопротивление победоносному шествию иезуитов: испанская королевская власть, высшее духовенство и доминиканцы. Первый король из дома Габсбургов, Карл V, относился к ученикам Лойолы с нескрываемым недоверием. Его сын, Филипп II, правда, уже покровительствовал им и пользовался ими в своей политике, но то обстоятельство, что иезуиты зависели от иностранца, от генерала, жившего в Риме, казалось ему нарушением его суверенных прав. Он использовал все средства, чтобы ограничить власть генерала, разбить единство ордена и подчинить испанских отцов власти испанской короны.

Еще опаснее для ордена было враждебное отношение высшего духовенства, особенно толедского архиепископа Силицео. Но и высшее духовенство, и корону отцы сумели постепенно привлечь на свою сторону. Оппозиция доминиканцев оставалась несокрушимой потому, что для них иезуиты были подозрительны не только как соперники, но и как противники в области теологии. Тем не менее общество одержало в конце концов верх и в этой маленькой войне.

В XVII веке высшие классы и двор в Испании всецело в руках ордена иезуитов. Отец Нейдгарт, бывший офицер немецкой конницы, с 1665 до 1669 года неограниченно управляет всем королевством, в качестве члена государственного совета, первого министра и великого инквизитора, правда как будто лишь для того, чтобы доказать, что искусный духовник далеко еще не искусный государственный деятель. Однако его падение, взамен которого он получил от королевсы-регентши Анны Австрийской кардинальскую шапку, вовсе не означало падения ордена. Доказательством этого может служить то, что десять лет

Император Карл V на 31-м году жизни

Филипп II, король испанский.

Портрет кисти Питера Пауля Рубенса

спустя орден владел в Испании 98 хорошо обеспеченными коллегиями и семинариями, 3 домами профессоров, 5 новициатами и 4 резиденциями.

Население Испании в эту эпоху едва достигало 5 миллионов жителей. В Испании, как и в Португалии, разорение государства совпало с ростом ордена. Можно подумать, что и здесь существует причинная связь между проникновением иезуитов и упадком государства. Но это значило бы преувеличивать могущество ордена. Могильщиками Испании были не Лойола, а Филипп II и Ришелье. Верно, однако, что Общество Иисуса вместе с церковью и другими монашескими орденами ускорило процесс дезорганизации государства; чем богаче становилось Общество, тем беднее становилась страна; она настолько обеднела, что после смерти Карла II в государственной казне не нашлось даже суммы, необходимой для оплаты за 10 000 месс, которые, по обычаю, должны были быть отслужены за спасение души усопшего монарха.

На Апеннинском и Пиренейском полуостровах господство католической церкви никогда серьезно не было поколеблено.

Небольшие кружки евангелистов, образовавшиеся в этих странах, можно было уничтожить относительно легко. Серьезные затруднения причинили своим государям одни только вальденсы. В Калабрии они в конце концов были совершенно уничтожены. В Пьемонте, напротив, несмотря на жестокие преследования, искоренить их не удалось. В обоих случаях иезуиты не принимали непосредственного участия в кровавом деле. В Калабрии, где в июне 1561 года в течение одиннадцати дней было повешено и перебито более 2000 человек и более 1600 было осуждено на тюремное заключение, иезуиты действовали лишь как миссионеры. В Пьемонте преследованиями руководил сам Пий IV. Знаменитый отец Андреа Поссевино первоначально, по-видимому, советовал герцогу савойскому лишь разрушить церкви. Но когда вальденсы подняли восстание, он сопровождал католическую армию в качестве войскового священника и рекомендо-

вал сжигать еретических пасторов, называя это святым и необходимым делом.

Иезуиты во Франции

Главной ареной исторической борьбы между католицизмом и протестантизмом была не Южная Европа, а Европа Центральная: Франция, Нидерланды, Германия и Польша. Эти страны и были главным театром военных действий Общества Иисуса. Здесь, выполняя свое воинственное предназначение, оно неустанно боролось в течение почти двух веков и одержало, несмотря на ряд серьезных поражений, свои наиболее блестящие победы.

К концу XIX века во Франции насчитывалось 700 000 протестантов на 38 миллионов католиков; в 1660 году она насчитывала 1 200 000 протестантов на 10 миллионов католиков; в 1598 году – 1 миллион протестантов на 8 миллионов католиков. В этих цифрах отражается эволюция протестантизма во Франции и в то же время важный факт внутреннего развития французского народа. Даже если бы сторонники реформы были более многочисленны, Франция едва ли бы превратилась в протестантскую страну. Но она была близка к установлению равноправия вероисповеданий. Если этого не удалось достигнуть, если, напротив, протестанты в конце концов были поставлены вне закона, то этим Франция обязана дому Гизов и монархии Бурбонов, с которыми французское духовенство и иезуиты заключили тесный союз для истребления протестантизма.

В 1540 году в Парижском университете училось несколько студентов-иезуитов. За этим скромным началом не последовало быстрого прогресса. Высшее судебное учреждение страны, парижской парламент, наиболее значительная ученая корпорация, Парижской университет, и могущественное духовенство Парижа

Генрих, герцог Гиз.

Портрет работы Чипьяни

единодушно высказались против ордена. Не в Париже, а в отдаленном пункте Оверни, в Билломе, отцы получили наконец по истечении 15 лет (1556 г.) возможность устроить постоянную резиденцию. Однако, едва завладев этой первой крепостью, они стали быстро выдвигать свои посты против кальвинистов юга и центра. В Оверни они начали вести борьбу с ересью

с такой энергией, что недоверие высшего духовенства к их силе тотчас же сменилось доверием.

Здесь Яков Ленец первый одержал победу над предрассудками сильных и образованных противников. Его искусная полемика со сторонниками реформы на религиозном диспуте в Пуаси открыла наконец ордену доступ в Париж (15 сентября 1561 г.) и дала иезуитам возможность действовать во всей Франции под покровительством закона. Орден быстро шел от одного завоевания к другому. К концу 1564 года у него было уже 10 поселений, в том числе несколько коллегий. Одна из них, клермонская коллегия в Париже, конкурировала даже с Парижским университетом. Один из ее преподавателей, знаменитый Мальдонат, имел до тысячи слушателей. Такое быстрое развитие было столько же следствием, сколько и причиной неутомимой борьбы отцов против сторонников реформы. Уже в 1559 году Эдмонд Оже (Edmond Auger) ежедневно проповедовал в Памье против ереси. Всюду, где бы он ни появлялся, в Лионе, Тулузе, Бордо, Бурже, Париже, он сотнями обращал протестантов. Казалось, никто не мог устоять перед красноречием этого французского Златоуста.

Рядом с ним с таким же успехом работали отец Пеллетье на юге и отец Поссевино на севере. Но они были лишь наиболее заметными среди странствующих иезуитских агитаторов, и их пропаганда отнюдь не сводилась к одной только проповеди. Поссевино перевел катехизис Канизия; Оже написал маленький катехизис и сам распространил его. Кроме того, что они вместе составили солдатские катехизисы для католической армии, которую сопровождали в качестве войсковых священников; и так как им самим нельзя было пользоваться светским оружием, то они объявили горячую войну гугенотам пером, пустив в ход тяжелое оружие своей эрудиции. Еще действеннее,

чем эта литературная пропаганда, была попытка отца Пеллетье организовывать католиков-мирян для сопротивления еретикам. Основанные им большие братства стали скоро, особенно на юге, одной из наиболее крепких опор католической партии и в то же время повсюду доставляли необходимые вспомогательные средства для иезуитской агитации.

Однако своего кульминационного пункта воинственная деятельность отцов достигла лишь при Генрихе III и его преемнике, в 1575 – 1594 годы. Лига, знаменитый союз для защиты католической религии, державшая в это время в напряженном состоянии всю Францию, конечно, не была создана иезуитами; но они весьма энергично содействовали ее успехам. Духовники ордена отказывали в отпущении грехов тем, кто хотел примкнуть к ней; иезуиты-проповедники разжигали фанатизм масс и побуждали их братья за оружие против еретиков и наследника престола, который также был еретиком; ученые энергично поддерживали теорию о праве подданных отказывать в повиновении государю-еретику и даже убивать его; они превозносили убийцу Генриха III как героя; иезуитские эмиссары неумолимо старались заключить союз лиги с папой и Испанией и даже собирали войска против еретиков; наконец, парижские схоластики принимали деятельное участие в обороне осажденного города против Генриха Наваррского. Они не отказались от этой агрессивной политики даже тогда, когда Генрих пришел к убеждению, что Париж стоит обедни. Пока папа не снял с него отлучения, они не признавали его королем и стойко отказывались принести ему верноподданническую присягу. Своей смелостью, последовательностью, готовностью к жертвам и энергией они превзошли всех сторонников католической партии; поэтому на них большее всего отозвался тот поворот

Смерть короля Генриха II на рыцарском турнире, происшедшем 1 июля 1559 года в предместье Св. Антуана около Бастилии в день свадьбы дочери короля Елизаветы и его сестры Маргариты.

На гравюре запечатлен трагический момент гибели короля от сильнейшего удара по голове, нанесенного ему графом Монтгомери.

Гравюра создана в 1570 году. Событие это произвело сильнейшее впечатление, так как за год было предсказано Нострадамусом

в общественном мнении, который последовал за вступлением Генриха IV в Париж.

27 декабря 1594 года молодой парижанин, по имени Жан Шастель, сделал попытку убить короля кинжалом. На пытке Шастель сознался, что он в течение трех лет учился у иезуитов и что последний раз он исповедовался у одного из своих бывших учителей, иезуита Гере.

Признания Шастеля привели весь город в невероятное возбуждение. В шесть часов вечера, через четыре часа после покушения, все иезуиты были уже арестованы. Судебный процесс не дал ни одного доказатель-

ства соучастия отцов-иезуитов. Лишь в одной из иезуитских коллегий нашли старый памфлет времен гражданской войны, в котором говорилось, что Генрих Наваррский недостойн французского трона, даже если он отречется от ереси. Памфлет не был хуже многих других манифестов лиги. Тем не менее все население Парижа поднялось, как один человек, против иезуитов, и парижский парламент охотно уступил этому взрыву общественного мнения; в день казни Шастеля, 29 декабря 1594 года, он изгнал орден из королевства.

7 января следующего года король утвердил декрет, и в тот же день был повешен несчастный автор памфлета, отец Гиньар (Guignard). Эта казнь представляла собой не что иное, как юридическое убийство. Изгнание иезуитов также не могло быть оправдано юридически. Оба эти решения продиктовало не правосудие, а бешеная и слепая ненависть. Но следует признать, что эта ненависть была одним из плодов агитации иезуитов в эпоху лиги. Опыренные фанатизмом, они были глухи даже к настойчивым предостережениям умного генерала Аквививы и возбудили легко воспламеняющуюся галльскую кровь более, чем все остальные духовные корпорации, вместе взятые. Поэтому когда разъяренный зверь внезапно набросился на своих погонщиков, то этому не следует удивляться; к тому же это было, до некоторой степени, вполне заслуженным возмездием, ибо тот, кто травит одного волка на других, должен быть готовым к тому, что зверь когда-нибудь набросится и на него самого.

Королевский эдикт был приведен в исполнение только в одной части Франции¹; на юге отцов не тревожили. На севере они сохранили много влияние-

---

¹ В округах парижского, руанского, гренобльского и реннского парламентов, которые также опубликовали постановление парижского парламента.

*Генрих IV, король Франции.
Гравюра работы И. Гольциуса*

ных друзей, и что еще важнее, отступничество и дезертирство не разрядили их рядов, несмотря на все обещания, данные прежде всего схоластикам.

Таким образом, положение ордена ни в каком случае не было отчаянным. Генерал Аквавива понял это. Вместо того чтобы отомстить королю, как ему советовали, он заботился лишь о том, чтобы приобрести его милость. Он приказал иезуитам Южной Франции немедленно принести Генриху IV присягу верности. Он поставил иезуитскую миссию в Константинополе под защиту французского посланника. Он просил короля принять под свое покровительство иезуитских миссионеров в вальденских долинах. Он даже предупредил французского посланника в Риме о заговоре против короля.

Эта предупредительная политика достигла своей цели. Уже в 1598 году французский посланник в Риме настойчиво убеждал короля терпеть иезуитов и даже призвать их обратно: по его мнению, это было бы лучшим средством обезвредить внешних врагов короля, Испанию и Савойю, успокоить католиков, разгневанных Нантским эдиктом, смягчить недоверие курии. Раз иезуиты имеют во Франции такое сильное влияние на умы, всякое благоразумное правительство должно стремиться сделать их своими друзьями и использовать в своих целях их искусство и влияние.

Удар, нанесенный иезуитам, сделал их более благоразумными. В будущем они уже не будут делать таких глупостей. Генрих IV более, чем какой-любой другой государь, был склонен прислушиваться к таким мудрым политическим советам. После долгих переговоров он в сентябре 1603 года призвал иезуитов обратно, но, конечно, на таких условиях, которые отдавали орден всецело в его руки: орден впредь не мог основывать новых коллегий и приобретать име-

ний без королевского разрешения. В иезуитские дома и коллегии во Франции должны были допускаться только французы. Орден обязывался всегда отдавать в распоряжение короля одного из своих членов, который должен был отвечать за поведение Общества.

Французские отцы должны были дать клятвенное обязательство никогда ничего не предпринимать против короля, общественного согласия и спокойствия королевства. Король стремился, совершенно открыто, национализировать орден, поскольку тот действовал во Франции, и в то же время заставить его служить на благо государства. Вполне понятно, что генерал ордена назвал данное на этих условиях разрешение вернуться скорее наказанием, чем милостью. Но он был достаточно благоразумен, чтобы согласиться на смягчение мер, направленных против иностранных иезуитов, и отказ французского правительства от предложенной клятвы. Он добился наиболее существенного: орден был снова официально признан и вступил во владение своими конфискованными ранее имениями.

Орден вскоре вновь достиг могущества и расцвета. В 1610 году он насчитывал в своих 4 французских провинциях 36 коллегий, 5 новициатов, 1 дом профессов, 1 миссию и около 1400 членов. Школы ордена имели больше учеников, чем когда-либо раньше: самая большая из них, Ла-Флешь, основанная Генрихом IV, насчитывала 1200 учеников, почти исключительно благородного происхождения. И что было важнее всего, орден занял при дворе прочное положение, потому что институт придворных иезуитов, который должен был обеспечить королю влияние на Общество Иисуса, скоро дал самому Обществу большое влияние на двор.

Уже первый придворный иезуит, отец Котон, достиг своим личным обаянием, остроумием, красноречием, а также и снисходительностью, которую он проявлял в качестве духовника к прегрешениям вечно влюбленного монарха, такого могущества, которого никогда не получал во Франции ни один священник, не занимавший официального положения. Он стал доверенным лицом короля и королевы и воспитателем дофина. Он добился широких привилегий для ордена, неоднократно побуждал короля вмешиваться в различные ситуации в интересах ордена, даже за границей, например в Венеции, и в то же время являлся тайным агентом генерала при французском дворе, что при деятельном участии ордена в «большой» политике было для него особенно выгодно.

Если Котону удалось завоевать для ордена расположение короля, то удалось ли королю, со своей стороны, национализировать орден во Франции и использовать его в интересах страны? В 1608 году Генрих готовился предпринять большую наступательную войну против двух главных католических держав – Австрии и Испании. Это глубоко обеспокоило правительство ордена и, что еще более примечательно, французских отцов-иезуитов. Отец Гонтери в Париже открыто выступал в своих проповедях против этой несправедливой войны. Другие отцы раздавали священникам памфлеты против предприятия короля; некоторые даже убеждали маршала Ла-Шатра отказаться от командования.

Лишь один иезуит безусловно высказывался за короля: это был Котон. Но в самом ордене заботы об интересах католицизма оказались значительно сильнее патриотической преданности королю. Впрочем, такими чувствами был проникнут не один только орден. Многие горячие католики разделяли эту точку

Генрих III, король Франции.
 Гравюра работы Иоганна Вьеркса

зрения. Один из этих недовольных, Франсуа Раваль-як, убил короля в тот самый момент, когда он собирался встать во главе своей армии (14 мая 1610 г.). Орден совершенно не был причастен к этому преступлению. Тем не менее оно нанесло тяжелый удар его влиянию.

Испанский иезуит Мариана, исходя из идеи народного суверенитета, высказал в 1599 году в своей книге «De Rege» положение, что государь-тиран может быть низложен и даже убит, если он окажется виновным в оскорблении религии. Кроме того, он восхвалял убийцу французского короля Генриха III Жака Клемана как славу Франции. Во времена лиги эти учения не произвели бы большого впечатления в Париже потому, что тогда вся буржуазия, за немногими исключениями, разделяла эти мнения, и даже теологической факультет университета одобрял их. Но теперь, когда жертвой этих учений во второй раз падал французский король, парижский парламент, в убеждении, что рука Равальяка была направлена иезуитами, решил подать пример строгости.

8 июня 1610 года он осудил книгу Марианы на публичное сожжение рукой палача. Этот приговор произвел огромное впечатление. Несмотря на то что генерал Аквавива поспешил осудить в самых строгих выражениях учения о законности тираноубийства, а отец Котон заявил, что только Мариана отвечает за мнения, высказанные в его книге, и добился от королевы-регентши подтверждения эдикта 1603 года в пользу иезуитов, все же большая часть народа увидела в этом приговоре осуждение всего ордена.

Появилась масса направленных против него памфлетов; кафедры опять гремели проклятиями отцам-цареубийцам; дело дошло даже до того, что иезуитам стали наносить оскорбления на улицах Парижа. К до-

Людовик XIII, король французский.
 Гравюра работы Фалька
 с картины кисти Юстуса ван Эгмонта

вершению несчастья, в самый критический момент известный иезуит отец Беллармин опубликовал работу, в которой он заявил, что считает не только не предосудительным, но и законным не тираноубийство, конечно, а низложение папой еретических государей.

Парламент поспешил наложить запрет на книгу, хотя Беллармин был кардиналом римской церкви. Словом, составилась, казалось, всеобщий заговор с целью навсегда уничтожить влияние ордена во Франции. Но на этот раз корона осталась верной ему, и благодаря этому он смог выдержать страшную грозу. Казалось даже, что эта гроза лишь смела последние препятствия, мешавшие его окончательной победе. Число орденских домов, богатства, количество учеников в школах стали с этого момента быстро расти из года в год. В 1640 году орден имел 65 коллегий, 2 академии, 2 семинарии, 9 пансионеров, 7 новициатов, 4 дома профессоров, 16 резиденций, в которых насчитывалось 2050 членов. Поколение спустя, в 1679 году: 83 коллегии, 5 семинарий и пансионеров, 8 новициатов, 5 домов профессоров, 21 резиденция и миссия и более 2500 членов. Наконец, в 1750 году: 84 коллегии, 64 других дома с более чем 4000 членов.

Эти цифры в достаточной мере показывают, какие корни пустило во Франции Общество Иисуса. Но этот результат был достигнут не без внутренней борьбы. Верное своему принципу, Общество и во Франции служило интересам великих католических держав и употребляло все свои силы, чтобы помешать сближению французского правительства с протестантскими дворами. Рупором обычно служил духовник короля. Но государственные люди знали, какое влияние оказывает духовник. Поэтому они старались вовлечь его в круг своих интересов или замещали этот важный пост преданными им людьми. Таким образом, при Лю-

Анна Австрийская, супруга Людовика XIII.

Гравюра и портрет работы Нантёйля

довике XIII духовники менялись несколько раз вместе с руководящими министрами потому, что они всецело зависели от милости Ришелье. Этот великий государственный человек наблюдал глазами Аргуса за всеми их действиями и интригами и немедленно удалял их, как только они переставали в точности следовать его инструкциям. До вступления Ришелье на пост министра орден мог быть довольным внешней политикой Франции. Военственные проекты Генриха IV были оставлены. Король вступил в брак с испанской принцессой; сестра короля вышла замуж за испанского принца. О союзах с протестантскими дворами больше уже не говорили. Но в тот самый мо-

мент, когда католические державы торжествовали свою победу в Германии, против них выступали два человека, которые, казалось, по самому своему положению должны были поддерживать дело католицизма, папа Урбан VIII и кардинал Ришелье.

Этот поворот означал крушение всех великих надежд ордена. Во Франции только один иезуит нашел в себе достаточно мужества, чтобы выступить против планов Ришелье, – духовник короля, отец Коссен (Caussin). Но его попытка потерпела крушение. Уступить должен был не Ришелье, а духовник. Мало того, Коссен был по приказанию Ришелье сослан в Ренн, как государственный преступник, и, кроме того, официально заклеен самим Ришелье в «Gasette de France» «за дурное поведение». Кардинал, преследовавший своих врагов с ожесточением великого инквизитора, готовил ту же участь другому иезуиту, духовнику савойской регентши¹. Никто не упрекнул бы орден, если бы он выступил с публичным протестом против этих насилий. Однако произошло обратное: генерал поспешил униженно уверить кардинала в преданности Общества, и последнее оправдало и одобрило во Франции политику грозного министра; оно даже давало Ришелье шпионов; мало того, оно примирилось и с тем фактом, что ученик Лойолы редактировал оба политических завещания Ришелье, в которых кардинал развивал исключительно национальную политическую программу новой Франции.

Таким образом, то, чего хотел Генрих IV, было достигнуто наследником его политики. Ришелье принудил

---

¹ Христина Французская, дочь Генриха IV, вдова Виктора Амедея I, была регентшей во время несовершеннолетия своих сыновей, Франциска Гиацинта и Карла Эмануила II, с 1637 по 1648 год. – *Прим. Моно.*

орден, душой и телом преданный интересам Испании, служить французской политике. Полное пренебрежение к церкви, которое французское правительство, начиная с Филиппа Красивого, всегда проявляло во время конфликтов между национальными интересами и интересами церкви, оказалось и на этот раз лучшей политикой для Франции.

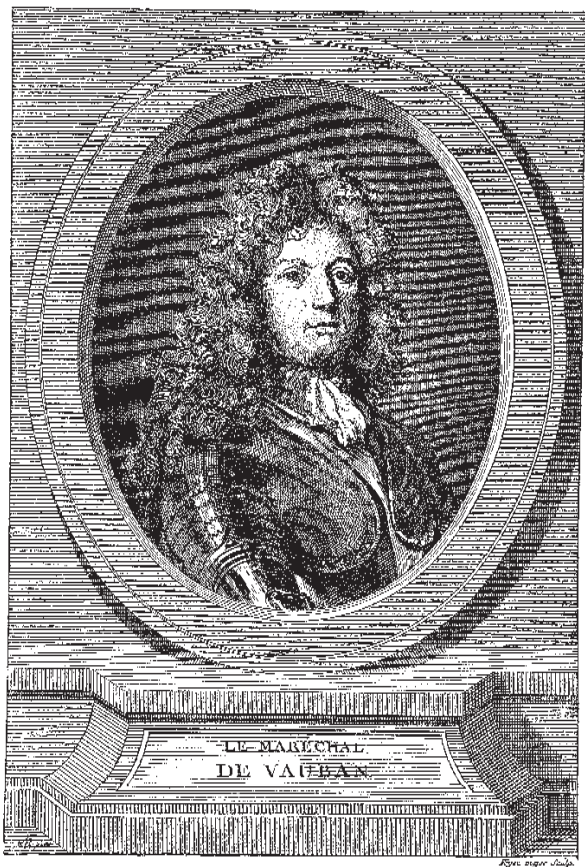
При Ришелье орден подчинялся лишь поневоле; при Людовике XIV он поддерживал французскую политику всем сердцем своим. Можно было даже подумать, что он в конце концов превратился из дружины папы в дружину короля-солнца, так велика была преданность, с которой он защищал интересы Франции не только в Германии, Англии и Португалии, но и в самом Риме. Не следует удивляться, если в этих условиях представители ордена при дворе не находили в себе достаточно мужества, чтобы положить конец скандальным связям короля с мадемуазель де Ла-Вальер и мадам де Монтеспан. Только один иезуит, проповедник Бурдалу, нашел в себе раз достаточно смелости, чтобы публично обратиться с призывом к совести его грешного величества. Такая пастырская откровенность не принадлежала к числу добродетелей королевских духовников; они оставались в своей должности, хотя и не одобряли прелюбодеяния, и орден не находил в этом ничего неприличного и спокойно оставлял их в этом двусмысленном положении. Орден не отказывался от сомнительной чести поставлять духовников откровенному прелюбодею. Он был даже предан этому королю, как никогда ни одному монарху ни раньше, ни позднее. Ибо в нем он нашел покровителя, подобного которому у него еще никогда не было во Франции.

Людовик не только выбирал среди членов иезуитского ордена духовников для себя и для всей своей

семьи, но в 1670 году он дал своему духовнику-иезуиту право предлагать кандидатов на все высшие церковные должности в королевстве. Кроме того, он встал со всей силой своего авторитета на сторону отцов в серьезных спорах, которые навсегда подорвали популярность ордена во Франции и которые позднее должны были явиться одной из причин его крушения. Наконец, во внутренних делах он следовал строго католической политике: он решил с корнем вырвать французский протестантизм, к религиозным привилегиям которого относился с уважением даже сам Ришелье.

После смерти Генриха IV иезуиты не переставали требовать исключительных законов для протестантов, не упустили ни одного случая, не пренебрегли ни одним средством, чтобы нанести удар правам так называемой «реформированной церкви». Их нельзя упрекать за полное отсутствие меры в их памфлетной полемике, потому что протестанты в своих ответах платили им той же монетой. Но даже в то суровое время нельзя было не возмущаться тем, как иезуиты силой врываются в протестантские города, непрерывно преследовали протестантов своими миссиями и религиозными диспутами, старались оторвать протестантских детей от их родителей, заставляли тайно обратившихся матерей воспитывать своих детей в католицизме, открыто обвиняли протестантов в оскорблении величества только потому, что они исповедовали иную веру, нежели король.

Еще более, чем этой беспощадной партизанской войной, иезуиты вредили протестантам своими школами и тем влиянием, которое они имели среди духовенства и при дворе. Бесплатность иезуитских школ заставила не одного отца-протестанта доверить им обучение своих детей, и последние обычно скоро

Маршал Вобан.

Гравюра работы Войеца Старшего

изменяли отцовской вере. Влияние, которым пользовались отцы при дворе, побудило многих сеньоров-протестантов перейти в католицизм. Духовенство, вскормленное доктринами иезуитов, все более и более проникалось фанатической ненавистью к свободе совести и все настоятельнее требовало от короля отмены Нантского эдикта.

Людовик долгое время мечтал о мирном воссоединении обеих церквей. Но с 1681 года он открыто выступил на путь насилия и 17 октября 1685 года исполнил наконец желание фанатиков. С этого времени в глазах Людовика и в глазах государства во Франции существовали только старые и новые католики. Французский протестантизм официально перестал существовать, но вместе с тем, как заметил маршал Вобан, Франция потеряла 400 000 жителей и 60 миллионов франков; флоты ее врагов обогатились 9000 отборных матросов, а их армия – 12 000 прекрасных солдат.

Когда короли нарушают свои обещания, они всегда находят языки и перья, которые готовы представить их вероломство в виде точного выполнения их клятв, а также руки и оружие, которые готовы превратить это вероломство в факт. Людовик XIV нашел все это, и прежде всего среди иезуитов. Возможно, что духовник короля, отец Лашез, приходил в ужас от неслыханных жестокостей, совершенных солдатами при выполнении приказаний короля. Однако он ничего не предпринимал, чтобы помешать королю нарушить свое слово; несомненно, что он одобрял его.

Возможно, что члены ордена, сопровождавшие солдат, ни разу не поощряли их жестокости, но они никогда не стыдились помогать мечу своей кропильницей, не стыдились пожинать там, где сеяли солдаты. Впрочем, серьезнее, чем это непосредственное сотрудничество, была подготовительная работа ордена: ожесточение, с которым иезуиты возбуждали правительство и общественное мнение против еретиков, непрерывные придирки по поводу мнимых нарушений Нантского эдикта протестантскими общинами, постоянно бросавшиеся протестантам обвинения в измене. Всеми этими средствами орден беспощадно подрывал положение враждебной и не-

Городская жизнь в Германии в первой половине XVI века.

В левой части картины изображены торговец со счетной машиной и писец, рядом – резчик по дереву. Справа – органист с помощником, управляющим мехами. В центре картины изображены врач и астролог, левее – мастерская живописца, ему подмастерье растирает краски. На дальнем плане – лавки с товарами, ближайшая, по-видимому, лавка золотых дел мастера. Гравюра на дереве работы Ганса Зебальда Бегама, из серии картин, на которых под 12 знаками зодиака изображен быт различных сословий и цехов.

навистой ему церкви до тех пор, пока она не стала колебаться и в конце концов пала. Таким образом, 17 октября 1685 года было для ордена днем победы, наградой за 125 лет непрерывной борьбы. Но там, где побеждал орден, военные издержки обычно приходилось платить государству, и они всегда бывали огромны.

Убыль населения, упадок национального благосостояния – вот каковы были весьма чувствительные материальные последствия победы ордена; а затем последовало и духовное обеднение, помочь которому не могла даже самая лучшая иезуитская школа. Франции пришлось тогда испытать все это, и впоследствии она сторицей отплатила ордену за это¹.

Иезуиты в Германии

Во Франции со времен Ришелье религиозные раздоры не представляли более никакой опасности ни для внутреннего спокойствия, ни для внешнего могущества королевства. В Германии религиозная борьба оказалась более живучей, чем в любом другом большом государстве цивилизованного христианского мира. Если присоединить к Германской империи австрийские земли, выделившиеся из Германского союза, то на этой территории силы католиков и протестантов, которые и до сих пор во многом относились друг к другу, как различные нации, количественно окажутся приблизительно равными. Если принять

---

¹ Бёмер говорит лишь о роли, сыгранной иезуитами при отмене Нантского эдикта. Но их участие в преследованиях янсенизма и уничтожения Пор-Рояля было, может быть, еще более заметно и ненавистно. Янсенизм более, чем кто-либо другой, содействовал крушению ордена в XVIII веке. – *Прим. Моно.*

во внимание религиозное состояние Германии в эпоху аугсбургского религиозного мира, то такое положение дел покажется нам почти необъяснимым. Не только заведомые пессимисты, но и очень рассудительные, спокойные сторонники католицизма считали дело старой церкви почти проигранным на всей территории немецких земель.

Действительно, даже в Австрии и Богемии разрыв с Римом носил настолько всеобщий характер, что протестанты могли с полным основанием надеяться достичь господства в течение нескольких десятилетий. Как случилось, что это развитие не наступило и что, напротив, нация разделилась на два стана? Уже в конце XVI века католическая партия без всяких колебаний могла ответить на этот вопрос. Она всегда признавала, что столь удачным оборотом хода событий она обязана Виттельсбахам, Габсбургам и иезуитам.

Первым иезуитом, вступившим на немецкую почву, был Петр Фабер. Он присутствовал молчаливым зрителем на религиозном споре 1540 года в Вормсе и на религиозном споре 1541 года в Регенсбурге. Но втайне он действовал настолько энергично, что в 1542 году папа Павел III послал его опять в Германию вместе с Лежэ и Бобадиллой, в качестве спутников легата Мороне. Поле деятельности для Фабера легат назначил прирейнские земли, для Лежэ и Бобадиллы – область Дуная.

Им было предписано оставаться в оборонительной позиции, объединяя католические элементы; и по крайней мере, Фабер и Лежэ полностью сумели справиться с возложенной на них задачей. Фабер основал в Кёльне союз студентов-иезуитов и 8 мая 1543 года в Майнце приобрел для Общества Иисуса человека, которого католическая церковь прославляет как вто-

рого апостола Германии¹ – Петра Каниса, или Канизия (фон дер Гондт), из Нимвегена в Голландии. В то же время Лежэ приобрел для ордена двух союзников, поддержка которых должна была обеспечить новому апостолу почти все его великие победы в Германии, – баварских Виттельсбахов и Габсбургов.

Баварские Виттельсбахи являются единственной немецкой династией, которая «никогда не запятнала своей чести сочувствием «мнимой реформе». Они с самого начала преследовали евангеликов, и их политика в империи также очень рано приняла резко антиевангелический характер. Поэтому не следует удивляться, что они первые предоставили иезуитам прочное положение на немецкой земле. Заботясь о правоверии Баварского университета в Ингольштадте, герцог Вильгельм IV обратился в 1548 году в Рим с просьбой прислать двух профессоров-иезуитов. Игнатий, обрадованный этим предложением, прислал в 1549 году трех профессоров, всех людей первой величины: Сальмерона, Лежэ и Канизия. Но несмотря на их эрудицию, изящество речи и усилия привить студентам интерес к схоластическому богословию при помощи частных собеседований и ваканционных курсов, успехи их преподавательской деятельности были весьма невелики. В то же время переговоры об основании иезуитской коллегии, которой требовал орден, не продвигались. Этого оказалось достаточно, чтобы Игнатий внезапно в 1552 году отозвал своих учеников. В этот момент он мог использовать их в других местах с гораздо большей пользой.

Действительно, перед орденом в это время открылось новое поле деятельности в Австрии. Чтобы восполнить недостаток в священниках, король Фердинанд

---

¹ Первым апостолом Германии был святой Бонифаций. – *Прим. Моно.*

в мае 1551 года открыл в Вене первую немецкую иезуитскую коллегию, главная задача которой состояла в подготовке священников. Правда, первое время новое учреждение играло лишь весьма скромную роль не только потому, что в Австрии никто не хотел изучать католическое богословие, но также и потому, что никто из профессоров и схоластиков не знал хорошо верхненемецкого языка: директор Клод Лежэ был француз; одиннадцать остальных преподавателей были родом из Нидерландов или Испании. Лишь после того, как 6 августа 1552 года умер Леже и руководство коллегией перешло в руки тридцатилетнего Канизия, в работу ордена влилась свежая струя.

Этот нидерландец был совершенно не похож на своих соотечественников, тяжеловесность которых вошла в поговорку. Он всюду быстро акклиматизировался и везде умел занимать для себя и своего ордена сильные позиции, действуя с энергией и мудростью осторожного и опытного человека. Казалось, что он хотел в Вене воплотить в жизнь любимый девиз Игнатия: «Иезуит должен быть всем для всех, чтобы приобрести всех». Он проповедовал, преподавал катехизис, руководил народными миссиями в деревнях; организовал в 1543 году четырехклассную гимназию и бесплатный пансион для бедных мальчиков; временно управлял венским диоцезом. Но вместе с тем он с жаром работал над трудом, который обессмертил его имя, – католическим катехизисом, предпринятым им в 1554 году по предложению короля Фердинанда.

Эта маленькая книга в разных видах, благодаря покровительству католических властей, скоро обрела популярность, равную популярности катехизиса Лютера. Но она заслужила этот успех своими внутренними достоинствами. Она написана ясно и популярно,

изложена изящно и, в соответствии с потребностями времени, вся построена на цитатах из Библии. Но главное достоинство этого катехизиса заключается в том, что он не содержит всякой «непосредственной полемики». Именно эта особенность и обеспечила ему в эту воинственную эпоху неоспоримое преимущество над всеми учеными полемическими книгами католической партии. В своей самой краткой форме он стал, подобно маленькому катехизису Лютера, книгой, которую читал весь народ, и потому подвергся со стороны протестантских противников таким же грубым нападкам, каким катехизис Лютера подвергался со стороны католиков.

Успех этого катехизиса много содействовал тому, что канизианцы обрели влиятельное положение во многих других немецких городах. Уже в 1555 году Канизий смог основать новую большую коллегию в Праге, во второй столице государства Фердинанда; в 1556 году в Ингольштадте открылась первая баварская коллегия; в конце того же года в Кёльне была основана первая нижнерейнская коллегия; в 1559 году открылась вторая баварская коллегия в Мюнхене; в 1562-м в Инсбруке – первая тирольская коллегия. Основателями этих учреждений были все светские люди.

В 1550-х годах немецкие епископы, за исключением одного, Оттона Трухзеса аугсбургского, относились индифферентно к новому движению, которым руководили иезуиты. Но начиная с 60-х годов орден стал получать поддержку и с их стороны. Начало положил Трир в 1560 году, за ним последовали Вюрцбург и Майнц в 1561 году, Ольмюц в 1564 году, Шпейер в 1567 году. Кроме того, аугсбургский епископ Оттон предоставил в 1563 году иезуитам свой университет в Диллингене.

Таким образом, уже в конце 1567 года отцы имели 13 хорошо обеспеченных учебных заведений, из которых 7 находились в университетских городах или имели университетские курсы. Все они имели очень большое число слушателей: в Вене у иезуитов в 1558 году было 500 учеников; в Кельне в 1558 году – 360; в 1562 году – 517; в 1567–1568 годах – 570; в Трире в 1566 году – 500; в Майнце в 1565 году – 400; в Шпейере в 1572 году – 453; в Мюнхене в 1561 году около 300. Кроме того, орден получил коллегии: в 1559 году в Тирнау, в Венгрии и в 1560 году в Лувене, в Нидерландах. Следовательно, он мог быть вполне довольным своими успехами в Германии и соседних с ней странах.

В то же время правительство ордена начало организовывать в Риме широкомасштабную религиозную борьбу. Уже в 1552 году Игнатий открыл германскую коллегию; в 1554 году он составил свой знаменитый план наступления на еретическую Германию. Но коллегия приобрела действительное значение лишь после ее реорганизации папой Григорием XIII в 1573 году, а великий план мог быть осуществлен лишь постепенно.

Пока же все бремя борьбы ложилось почти исключительно на плечи Канизия. Поэтому «новому апостолу» немцев пришлось постоянно менять места своей деятельности. Мы находим его то в Тироле, то в Нижней Германии, то в Вене, то в Кельне, то в Мюнхене, то в Оснабрюке и Гильдестейме. Всюду он развивает поразительную деятельность. Он проповедует, преподаёт катехизис, ведет диспуты с еретиками, основывает школы для бедных и латинские школы, учреждает новые станции ордена и прежде всего стремится заставить духовных князей опубликовать декреты Тридентского собора и ввести строгое католическое правление.

Первые успехи были невелики. Протестантизм был истреблен на территориях Трира, Майнца, Аугсбурга, Кёльна, Падерборна, Мюнстера, Гильдесгейма, и лишь в 1580-х годах, с помощью иезуитов, отчасти насильственным путем. Постепенно появилось то новое поколение духовных князей, наиболее известным представителем которого был воспитанник римской коллегии Юлий Эхтер фон Меспельбрунн, князь-епископ города Вюрцбурга, суровый наставник Нижней Франконии, но в то же время один из наиболее почтенных и способных князей, делавших честь Германии того времени. Канизий дожил до великих побед католического дела, но в это время он давно уже перестал стоять во главе своей провинции. Орден уже в 1569 году освободил его от возложенного на него поручения, вероятно потому, что апостол немцев был слишком предан германскому императору. Впоследствии ему только раз разрешили использовать свой великий талант для крупного дела – в 1580 году, когда иезуиты проникли в Фрейбург в Швейцарии. Он мог еще увидеть, как основанное им учреждение приобрело в Западной Швейцарии то же значение, что и люцернская коллегия в лесных кантонах. Канизий умер лишь 24 декабря 1597 года в Фрейбурге.

Каким путем отцы одержали победу над ересью в названных нами немецких странах и смежных с ними территориях, в Швейцарии и Бельгии? Какими способами они восстановили господство католической церкви не только над телами, но и над душами? Из массы примеров, которые могла бы дать нам история немецкой контрреформации, мы выберем два, которые особенно поучительны, – деятельность ордена в Баварии и Австрии.

Иезуиты в Баварии и Австро-Венгрии

Когда в марте 1550 года умер герцог Вильгельм IV, старая церковь в Баварии, казалось, также была обречена на гибель. Священники были пьяницами, игроками, лентяями, невеждами и жили большую часть в конкубинате¹, так что в их домах можно было встретить гораздо больше детей, чем книг. Каноники были скорее военными людьми, чем клириками; они были распущенны, грубы, развратны и часто не принимали даже посвящения. Монастыри представляли собой скорее кабаки, чем дома молитвы. Значительная часть знати исповедовала лютеранство. Лютеранство получило значительное распространение и в двух главных городах, Мюнхене и Штраубинге. Мелкие ремесленники и крестьяне, особенно на востоке, сделали большей частью анабаптистами², а там, где этого не случилось, они отказались почти ото всех религиозных и нравственных правил.

Епископы среди этого хаоса растерялись, были бессильны и неспособны, а часто даже и не хотели, энергично выступить против беспорядка. Такую картину рисуют нам сообщения самых достоверных свидетелей, в первую очередь инспекторов герцога. У церкви не имелось ни средств, ни людей, при помо-

---

¹ Конкубинат (лат. concubinitus, от con – вместе и cubo – лежу, сожительствую) – фактическое соительство мужчины и женщины с намерением установить брачные отношения. – *Прим. ред.*

² Анабаптисты (от греч. anabaptizo – вновь погружаю, т. е. крещу вторично) (перекрещенцы) – участники радикального сектантского движения эпохи Реформации XVI века, главным образом в Германии, Швейцарии, Нидерландах. Требовали вторичного крещения (в сознательном возрасте), отрицали церковную иерархию, осуждали богатство, призывали к введению общности имущества. – *Прим. ред.*

щи которых она могла бы возродить себя собственными силами. Напротив, среди руководящих классов легко можно было найти достаточно средств и людей, чтобы основать евангелическую баварскую церковь.

Решение этого вопроса и вместе с тем решение будущего Баварии зависело от молодого герцога Альбрехта V. В его выборе нельзя было сомневаться: сын ревностного католика Вильгельма IV и воспитанник Ингольштадта, он, как и следовало ожидать, решил раздавить протестантов, реформировать церковь на основе старой веры и для выполнения этой трудной двойной задачи пригласить к себе на помощь иезуитов. 7 июля 1556 года в Ингольштадт прибыли 8 отцов-иезуитов и 12 схоластиков.

С этого момента для Баварии началась новая эра. Яд ереси был удален. Старая церковь была обновлена. Само государство получило новый характер. Но этим обновлением Бавария была обязана чуждой крови. На новой Баварии легла печать чего-то иностранного. Политику герцогов и поведение высших классов стали определять римско-католические идеалы. Но этот новый дух охватил лишь высшие слои. Он не завоевал грубой народной души. Народ сохранил свою древнюю германскую первобытность, суровую и сильную. Тем не менее под железной дисциплиной государства и реставрированной церкви он снова стал набожно-католическим, покорным, фанатично нетерпимым ко всякой ереси. Вскоре могло показаться, что он никогда не проявлял ни малейшего желания последовать примеру других немецких народов и отказаться в повиновении Риму.

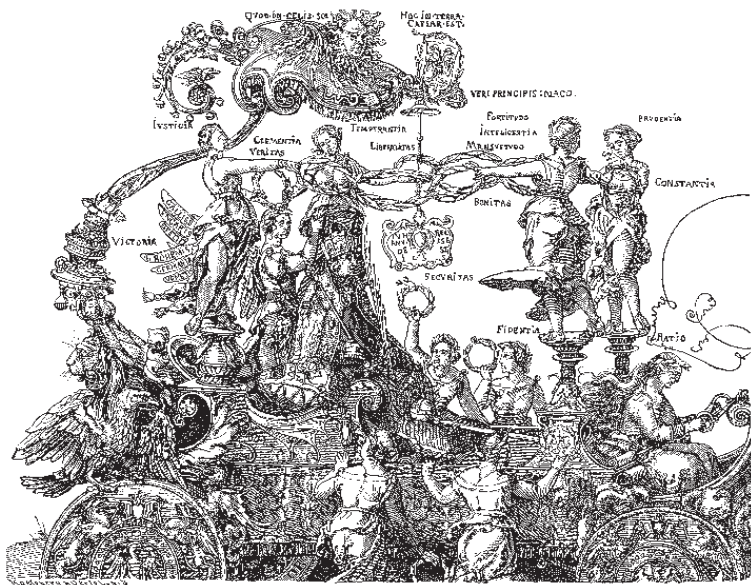
Может быть, покажется слишком смелым приписать подобное дело влиянию двух десятков иностранцев. Однако в этом случае сила находилась в обратном отношении к численности, и она могла начать

действовать здесь немедленно, не встречая никаких препятствий. Эмиссары Лойолы сразу завладели «сердцем и мозгом» маленькой страны, двором и местным университетом, и в дальнейшем сумели в течение веков искусно сохранить свое влияние. В этом заключается объяснение их успеха. Со следующего поколения Ингольштадт стал типичным немецким иезуитским городом. Еретические профессора исчезли, кафедры теологии и философии целиком попали в руки ордена. Вплоть до XVIII века кафедры права и медицины были заняты исключительно ревностными католиками.

Так как иезуиты, кроме того, открыли в городе гимназию и в 1578 году бесплатную семинарию, то вполне понятно, что Ингольштадт стал скоро считаться самым крепким оплотом иезуитов в Южной Германии. Соперничать с Ингольштадтом в этом отношении могли разве что Диллинген и Вюрцбург. Быть может, еще больше сделали отцы в своей второй баварской колонии – в Мюнхене. Они появились там в 1559 году также в качестве профессоров. Однако гораздо важнее, чем их гимназия, которая постепенно свела на нет старые классические школы и число учеников которой дошло в 1602 году до 900, чем их интернат для бедных учеников и пансион для молодых дворян, присоединенные к гимназии в 1574 и 1578 годах, была для Баварии их деятельность при дворе. Когда они явились в Мюнхен, баварский двор был не хуже и не лучше других немецких дворов; при дворе господствовала непомерная расточительность, хотя здесь и не предавались такому грубому разврату, как в других местах; герцог был добродушен, но ленив, беспечен и лишен всякого серьезного сознания своих обязанностей.

Пока был жив Альбрехт V, несмотря на усилия иезуита, придворного проповедника, все в общем ос-

***Император Максимилиан на триумфальной колеснице,
увенчанный олицетворениями добродетелей.***

Над балдахином надпись: «Quod in coelis sol – Hoc in terra Caesar est», что означает: «Что на небе солнце – то на земле император».

*Часть гравюры на дереве «Триумфальная колесница
Максимилиана» работы Альбрехта Дюрера.*

тавалось по-старому. Значительно увеличилось лишь внешнее благочестие. Но в лице сына Альбрехта, Вильгельма V, власть получил наконец государь, серьезно стремившийся стать, опираясь на советы своего духовника-иезуита, отцом своего народа, набожно преданным католицизму. Несмотря на странную снисходительность благочестивого Вильгельма к часто очень непристойным капризам его дорогого Орlando де Ласса, жизнь двора приняла серьезное и аскетическое направление, и, что было особенно важно, герцог

не только был откровенным иезуитом, но и трудолюбивым, деятельным и добросовестным работником.

Его сын и преемник Максимилиан I (1597–1651) сумел еще лучше осуществить идеал католического отца народа. Его добросовестность доходила часто до смешного, его трудолюбие не знало меры, его серьезность граничила с гипохондрией. Но именно эти черты характера создали из него великого баварского курфюрста и позволили ему дать своему маленькому государству администрацию, которая стояла выше администраций всех других немецких государств, и заложил фундамент будущей великой Баварии.

Орден мог с полным правом гордиться результатами своего воспитания, тем более что в эту эпоху скорее государи искали его поддержки, чем он искал их поддержки, и что часто он даже старался отклонить слишком заметные выражения милости в интересах своей внутренней дисциплины и своей доброй славы.

Превратив двор в монастырь, а Мюнхен в немецкий Рим и внушив герцогам глубокое сознание их нравственных обязанностей, орден продолжал постоянно подчеркивать им одну из этих обязанностей – заботу о душевном спасении их подданных, потому что эта обязанность была для иезуитов основной обязанностью католического отца народа. Неудивительно, что Вильгельм V и Максимилиан I были полностью согласны с ними в этом вопросе.

Однако примечательно то, что эту обязанность весьма отчетливо сознавал даже беспечный и ленивый Альбрехт. Как только отцы явились в Баварию, отношение Альбрехта к протестантам и склонявшимся к протестантизму сейчас же стало более суровым. Начиная с 1563 года он стал безжалостно изгонять упорствующих, немилосердно преследовать анабаптистов, как с похвалой говорит иезуит Агрикола, ог-

нем, водой и железом, и беспощадно уничтожать еретические книги и памфлеты. Тем не менее должно было сойти в могилу целое поколение, прежде чем эти преследования достигли своей цели. Еще в 1568 году моравские анабаптисты вырвали из рук герцога Вильгельма 600 жертв. Один только этот пример показывает, что изгнанные исчислялись не сотнями, а тысячами. Страшное кровопускание для такой слабо населенной страны! «Но слава Бога и спасение душ, – говорил Альбрехт V городскому совету Мюнхена, – должны быть поставлены выше всех светских интересов».

Кроме того, аугсбургский религиозный мир, безусловно, разрешал эту политику принуждения. Нельзя, конечно, оспаривать, что баварский герцог осуществлял свои права с несравненно большей строгостью, чем любой из протестантских государей, но католики могли ставить это ему лишь в похвалу. Естественно, что иезуиты не довольствовались одними лишь напыщенными восхвалениями этой политики; они поддерживали герцогов и словом и делом в этой первой большой попытке контрреформации.

Центральная канцелярия религиозных дел, наблюдавшая во всей Баварии за приведением в исполнение герцогских декретов, коллегия духовных советников (*Geistliche Ratskollegium*) обязана своим существованием в конце концов совету Канизия. Иезуиты настойчиво требовали строжайшей цензуры всех книг; они взяли в свои руки надзор за частью приходов. Однако они хотели не только искоренить протестантизм, но вернуть сердце народа традиционной вере церкви. Для достижения этой цели служили миссии, проповеди, братства Марии, ассоциации горожан, подмастерий и учеников и, в немалой степени, религиозные представления для народа, крестные ходы, процессии, палом-

ничества, культ реликвий, в которые иезуиты усиленно старались вдохнуть новую жизнь.

Тем не менее должно было сойти в могилу целое поколение людей, прежде чем им удалось завоевать доверие народных масс и низшего духовенства. Без верной поддержки герцогов иезуиты никогда не смогли бы укорениться в Баварии. Но они всегда пользовались этой поддержкой, хотя одно время при дворе в моде были театинцы, которые смогли даже построить рядом с ними свою в высшей степени безвкусную церковь. Власть иезуитов возрастала с каждым годом. В 1597 году на них был возложен надзор за всеми элементарными школами страны. Они основали новые коллегии: в 1592 году в Альттётинге и в 1618 году в Миндельгейме.

В 1621 году они в количестве пятидесяти человек отправились в только что покоренный Верхний Пфальц, чтобы вернуть папству эту полностью протестантскую страну. Они открыли новые коллегии: в 1629 году в Бурггаузене и Ландсгуте, в 1630-м в Амберге, в 1631-м в Штраубинге. Можно сказать, что все преподавание в Баварии попало в их руки. Но это не все: так как они до XVIII века почти все время были воспитателями герцогов и руководили их совестью в качестве духовников, они оказывали сильное влияние на все управление страны даже тогда, когда они не вмешивались в него непосредственно. Поэтому неудивительно, что иезуиты чувствовали себя в Баварии как у себя дома и в конце концов привыкли даже к баварскому пиву, которое первоначально очень мало пришлось им по вкусу. Ни одна немецкая территория не подпала до такой степени под их влияние; ни одна династия не осталась, несмотря на все превратности судьбы и революции, до такой степени всецело преданной им, как Виттельсбахи.

Завоевание Баварии принесло выгоды ордену и за пределами герцогства. Оно стало основой для новых завоеваний как на западе, так и на востоке и севере Германии. Вопреки постановлениям Тридентского собора, герцог баварский Эрнст, хотя он и доказал самым скандальным образом, что предпочитает юбки стихарям, получил последовательно духовные княжества Фрейсинг, Гильдесгейм, Льеж, Кёльн, Мюнстер и большие имперские аббатства Стабло и Мальмеди. Это означало для перечисленных территорий победу католической реакции¹, потому что хотя в Эрнсте не было ничего духовного, кроме титула, он тем не менее, как истинный Виттельсбах, преследовал протестантов и покровительствовал иезуитам.

С 1585 года отцы обращают часть Вестфалии, зависевшую от Кёльна; в 1586 году они появляются в Неусе и Бонне, одной из резиденций архиепископа Кёльнского; в 1587 году они открывают коллегия в Гильдесгейме, в 1588-м – в Мюнстере. Мюнстерская коллегия в 1618 году насчитывала уже 1300 учеников. Примеру Эрнста последовал князь-епископ Теодор фон Фюрстенберг в соседнем диоцезе Падерборне. Там отцы получили коллегия в 1585 году; и за основанием коллегии последовало насильственное обращение протестантов. Значительная часть Западной Германии была таким образом вновь завоевана католицизмом, благодаря Виттельсбахам и иезуитам.

Союз Виттельсбахов и иезуитов, может быть, был еще важнее для австрийских земель, чем для Западной Германии. После смерти императора Фердинанда I, наступившей 25 июля 1564 года, победа евангеликов, ка-

---

¹ С конца XVI века вплоть до начала XVIII государи баварского дома занимали одновременно несколько епископств, вопреки постановлениям Тридентского собора. – *Прим. Моно.*

залось, была лишь вопросом времени. Исследования некоторых ученых показали, что лишь одна тридцатая часть населения осталась верной католической церкви. Однако Фердинанд сделал все возможное, чтобы помешать развитию протестантизма. Но движение приняло здесь уже полностью народный характер. Дворянство и городской класс подали пример, а за ними охотно последовали и крестьяне.

Эдикты и приказы правительства, заключение в тюрьму нескольких протестантских проповедников не произвели никакого действия. Император Максимилиан почти не ставил препятствий упрочению евангеликов в доставшихся ему по наследству коронных землях – Верхней и Нижней Австрии, Богемии и Моравии. По крайней мере, дворянство получило на этих территориях полную свободу культа. Иначе было в Тироле и внутренней Австрии.

Новый государь, эрцгерцог Фердинанд, постепенно изгнал из Тироля почти всех протестантов и анабаптистов. Немногих рудокопов-евангеликов, которых он еще пощадил, изгнал из долины Нижнего Инна его преемник, гроссмейстер Тевтонского ордена Максимилиан (1595–1619). Затем над восстановлением католицизма в церковной жизни работали иезуиты Галля и Инсбрука, а также германская коллегия в Риме, коллегия в Диллингене и Ингольштадте, которые подготовили немало тирольских священников. В результате этих совместных усилий современный Тироль превратился в наиболее фанатическую крепость католической партии в находящихся под властью Габсбургов немецких странах.

Во внутренней Австрии, в Штирии, Каринтии, Крайне, эрцгерцог Карл, последний сын императора Фердинанда, нашел при вступлении на престол, по своему собственному признанию, лишь развалины старой церкви. У него самого лично не было никакой

склонности к ханжеству. Оно появилось у него лишь после того, как в 1571 году он женился на баварской принцессе Марии, молодой, энергичной женщине, стоявшей значительно выше его по силе характера и ума. Мария перенесла в грацский замок господствовавшие при мюнхенском дворе узкокатолические тенденции и дружбу к иезуитам.

Уже в 1573 году иезуиты смогли основать в Граце богато обеспеченную коллегия, чтобы конкурировать с национальной протестантской школой, и вскоре число католических исповедников в этом почти совершенно протестантском городе поднялось с 20 до 500. Но протестанты высших классов были так могущественны во внутренней Австрии, что эрцгерцог вынужден был на общем сейме 1578 года в Бруке-на-Муре даровать дворянству религиозную свободу и дать обещание терпеть протестантских проповедников и школы в Граце, Юденбурге, Лайбахе и Клагенфурте.

Папа, иезуиты, эрцгерцогиня баварская и баварские родственники Карла были раздражены этими уступками, и сам Карл чувствовал сильные угрызения совести. Уже в октябре 1579 года он обещал на проходившей в Мюнхене конференции князей нарушить данное обещание сословиям, отменить, аннулировать и уничтожить сделанные уступки, свое *tacite per indirectum*. Он начал со своего герцогского дома: даже повара-еретики должны были уступить свои места баварским коллегам, добрым католикам.

Главнейшие придворные должности были переданы итальянцам, а на церковные должности, находившиеся в распоряжении эрцгерцога, были назначены баварцы. Затем, начиная с 1581 года, евангелических проповедников стали изгонять из герцогских городов и рынков и заменять их священниками, получившими свое воспитание у иезуитов. В то же время всем де-

тям в Граце запретили посещать национальную протестантскую школу, и чтобы иметь возможность запретить им посещение школ, находящихся в других городах, иезуитская коллегия в Граце была 1 января 1585 года преобразована в университет, с вполне определенной целью – поддержать в чистоте католическое учение и искоренить ересь. Само собой разумеется, что не католикам запрещали занимать какие-либо общественные должности, но еще более сильное впечатление произвело то, что герцог начал угрожать религиозной свободе даже самой знати и что он поставил дарование прав гражданства во всех городах в зависимость от принесения католической присяги.

Карл умер 10 июля 1590 года, клятвенно обязав своих преемников под угрозой лишения их прав поддерживать католическую религию и продолжать дело контрреформации. Его сыну и преемнику Фердинанду было только двенадцать лет. Поэтому регентство было возложено сначала на эрцгерцога Эрнста, потом на эрцгерцога Максимилиана. Оба оказались не в состоянии подавить протестантское движение, которое возобновилось с новой силой. Евангелики опять захватили значительное число церквей. Их национальная школа опять приобрела цветущий вид, и Грац снова, казалось, превратился в протестантский город.

Утверждают, что на Пасхе 1596 года из всех жителей Граца только молодой герцог слушал обедню по католическому обряду. Но все немедленно изменилось, как только эрцгерцог принял в свои руки бразды правления. Он был в течение пяти лет учеником иезуитов в Ингольштадте, и его, впрочем довольно посредственный, ум не мог представить себе более высокой задачи, чем восстановление католической церкви в своих наследственных владениях. Полезно ли это было его владениям или нет, это было

для него безразлично. «Я предпочитаю, – говорил он, – царствовать скорее в разоренной, чем в проклятой стране».

В сентябре 1598 года он изгнал из Граца всех протестантских учителей и проповедников. В октябре 1599 года он приказал закрыть все евангелические церкви и часовни в княжеских городах, на рынках и в деревнях Штирии. Местечки, оказывавшие сопротивление, были приведены к покорности военными «реформационными комиссиями». Если это не помогало, жителей вынуждали покинуть родину и конфисковали десятую часть их движимого имущества.

В начале XVII века преследования начались в Коринтии и Крайне. Все же Фердинанд сначала не осмеливался приняться за дворянство. Лишь в 1628 году он принудил 800 дворян-евангеликов покинуть Австрию. Так была наконец выполнена программа, намеченная пятьдесят лет назад в Мюнхене: протестантская церковь внутренней Австрии была уничтожена, безраздельное господство католической веры было обеспечено. С внешней стороны этот «подвиг» был как будто делом государей. Но протестантское население не ошибалось, возлагая большую часть ответственности на иезуитов, особенно на грацских иезуитов; и то, что Фердинанд по окончании дела подарил грацской коллегии большое Мюльштадское поместье и затем основал новые коллегии, в 1602 году в Клагенфурте и в 1613 году в Леобене, доказало, что протестанты были правы.

В это же время католическая реакция началась в Верхней и Нижней Австрии, а также в Зальцкаммергуте. Руководителями этого благочестивого предприятия были император Рудольф II, штатгальтер эрцгерцог Эрнст и обращенный иезуитами сын венского булочника Мельхиор Клесль, занимавший с 1590 года

Бронзовый бюст императора Рудольфа II

пост директора императорской реформационной комиссии. И здесь цель всех мероприятий сводилась к тому, чтобы поставить вне закона протестантизм на всех коронных территориях, восстановить во всех приходах католических священников, реформировать школы и даже Венский университет. Не тронули только дворянство, и то лишь в первое время.

Насколько нам известно, иезуиты нигде не были замешаны в насилиях, которое совершило правительство. Они довольствовались более скромной ролью военных герольдов; кроме того, они неумоимо готовили в своих венских школах новых борцов, укрепляли католическую веру среди студентов и буржуазии при помощи мариинских братств, проповедей и исповеди, и прежде всего заботились, опираясь на свое влияние при дворе, о том, чтобы не дать остыть воинственному пылу правителей. Когда правительство заканчивало свою деятельность в какой-либо местности, они стремились возродить искреннюю веру в сердцах тех, кого насилие вернуло в лоно старой церкви; но им часто приходилось убеждаться в том, что там, где сеяли солдаты, священники ничего не могут пожать. Однако наиболее выдающиеся среди них, например тиролец Георгий Шерер, обративший Мельхиора Клесля, популярный в Вене проповедник, не смущались этими неудачами. Они знали, что настанет день, когда они одержат полную победу.

В то время как вся Австрия, за исключением высшего дворянства, снова стала католической, хотя бы только внешне и по принуждению, в чешских землях протестантизм сохранил свое господствующее положение почти в полной неприкосновенности. Все же и здесь орден захватил несколько новых важных опорных пунктов. Он основал новые коллегии в Круммау, Коммотау и Брунне. В Моравии епископы Павловский

Фридрих II после Семилетней войны.

Рисунок Даниила Ходовецкого.

(Под рисунком личная подпись Фридриха II)

и Дидрихштейн, ученики римской коллегии, в союзе с дружески расположенными к иезуитам властями, восстановили господство католицизма.

В Силезии отцам удалось основать свою первую станцию – в Бреславле. В это время вспыхнула Великая Богемская революция. Она была направлена не только против дома Габсбургов, но и против иезуитов. Одним из первых актов временного правительства было изгнание ордена и конфискация его имущества. Но уже 8 ноября 1620 года произошел великий поворот, решивший не только судьбу ордена, но и судьбы Богемии, Австрии и всей Германии¹. Власть Фридриха II, этого «короля на одну зиму», рушилась. Император Фердинанд снова стал повелителем Богемии, а за его победоносными войсками немедленно последовали иезуиты. Древний, славный Пражский университет превратился в иезуитское учреждение, цензура книг стала привилегией иезуитского ректора в Праге; контрреформация была проведена весьма энергично под руководством императорского духовника Ламормаини по плану, составленному Ламормаини и его товарищем Филиппи.

Около 30 000 семей, из них 155 из сословия господ и рыцарей, было изгнано из Богемии для вящей славы Божией. Более 80 000 крестьянских усадеб и более 8000 домов в королевских городах были очищены за период с 1620 до 1628 года от еретиков и других находившихся в них неудобных жителей. Богемия стала пустыней. Но чем более нищал и численно таял этот несчастный народ, тем больше становились богатства, численность и могущество иезуитов благодаря милостям императора и созданной им новой знати,

---

¹ См. замечания Бисмарка о битве при Белой горе, как о поворотном пункте всей немецкой истории.

быстро обогатившейся путем самых позорных хитростей и обманов. Правда, иезуиты не получили, как они надеялись, высшего надзора за всеми средними и городскими школами королевства; но даже те 20 коллегий и 11 семинарий, которыми они владели в 1679 году в Богемии и Моравии, в достаточной степени доказывают, что высшее образование и подготовка к священническому званию всецело находились в их руках. То обстоятельство, что они в это же время имели в своем распоряжении не менее семи станций и коллегий на северной границе, то есть по соседству с лютеранской Саксонией, свидетельствует об их старании защитить Богемию от еретического яда.

Однако они не только защищали Богемию от ереси, они отняли у нее ее национального святого, Яна Гуса, и взамен него наградили ее новым святым – Яном Непомуком; они не только пустили в ход все средства, чтобы добиться канонизации этого Яна, который был, скорее, несчастной жертвой, а никак не святым, но и переделали массу статуй Гуса в статуи Непомука¹. Чехи перенесли все это с тупым равнодушием. Благодаря убедительным наставлениям императорских «спасителей» и нового духовенства, получившего подготовку в иезуитских школах, они потеряли даже чувство громадности понесенных ими потерь.

Падение Богемии дало сигнал к лишению прав или изгнанию множества еще не обращенных австрийс-

---

¹ Ян Непомук, священник в Праге, брошенный по приказанию императора Венцеслава в Мольдау 16 мая 1383 года, вследствие расположения к нему пражского архиепископа, с которым тогда боролся император, действительно был канонизован в 1729 году папой Берендитом XIII, благодаря настоянию иезуитов, которые создали целую легенду о нем и превратили его в мученика за тайну исповеди – Прим. Моно.

ких протестантов. В Австрии, так же как и в Богемии, подавление протестантов было в то же время триумфом иезуитов. 2 университета, 15 коллегий, 11 семинарий, которыми владели иезуиты в 1679 году в Верхней Австрии, Тироле и внутренней Австрии, доказывают, что и в этих странах воспитание будущих священников и чиновников, а также и все руководство высшей духовной культурой превратились в монополию ордена.

В это время архиепископ Пацмани, сам бывший членом Общества Иисуса, открыл для него обширное поле деятельности в Венгрии и принялся с большим искусством за обращение мадьярского дворянства. Результатом его усилий был значительный рост католической партии и развитие иезуитских школ. Однако и в Венгрии, начиная с 1670 года, наиболее убедительными миссионерами были солдаты императора. Их действительная пропаганда в конце концов обеспечила преобладание католицизму; и это преобладание немедленно отразилось в Венгрии, как и в других местах, большим числом иезуитских поселений. В 1679 году в весьма мало населенных землях короны святого Стефана орден владел 20 резиденциями, 5 семинариями, 10 коллегиями и 1 академией.

Таким образом, во всех зависевших от немецких Габсбургов землях орден достиг около 1675 года своей цели. Протестантизм был уничтожен или, по крайней мере, лишен всех прав. Рим снова стал повелителем душ. Орден со своими 6 академиями, 55 коллегиями, 28 семинариями, 5 бесплатными пансионами утвердил на глазах у всех свое господство над всем высшим образованием и, следовательно, над всей интеллектуальной жизнью. Но этот триумф иезуитов и католицизма имел еще другой результат: Австрия сильно обеднела; изгнание тысяч немецких и чешских семей привело к

***Разграбление и разорение села
во время Тридцатилетней войны.***

*Из серии гравюр лотарингца Ж. Калло (XVII в.), озаглавленной:
«Les miseres et malheurs de la guerre»
(«Бедствия и невзгоды войны»)*

огромным потерям богатств, людей и интеллектуальных сил. В то же время Австрия оказалась исключенной из великого круга немецкой культуры, и за этим культурным отделением через двести лет неизбежно должно было последовать и политическое отделение.

Решение, принятое в 1631 году протестантскими государями Германии, ввести в условия мира изгнание иезуитов из Германии имперским законом показывает, как высоко оценивали уже тогда влияние ордена его противники. Конечно, это влияние было очень сильно, но все же не следует его преувеличивать. Возлагать на орден ответственность за Тридцатилетнюю войну значит сильно переоценивать могущество ордена; изображать в виде настоящих дьяволов отца Ламормайни и других иезуитских духовников императора и Максими-

лиана баварского значит впадать в смешное преувеличение. В действительности эти люди были ограниченными фанатиками, но они вовсе не являлись вероломными злодеями. Верно лишь, что орден всеми средствами поощрял воинственное ожесточение католической партии, всюду помогал ей энергично довести до конца контрреформацию и в союзе с папским легатом Чиги сильно мешал заключению мира, не из-за любви к войне и злобы, а из желания обеспечить католической партии возможно большие выгоды.

Неудивительно, что мир, после того как он был наконец заключен, не отвечал желаниям отцов-иезуитов. Он значительно подрывал их надежды вернуть когда-либо всю Германию католицизму и вместе с тем, отменяя право государей свободно определять вероисповедание своих подданных, лишал их возможности продолжать контрреформацию в прежнем масштабе. Но иезуиты сумели приспособиться к новым условиям: от метода массового обращения они перешли к методу обращения отдельных индивидумов. Свое искусство они направили в двух направлениях — на евангелические дворы и евангелические университеты.

В университетах, как показывает дошедшая до нас инструкция, они записывались обычно в число слушателей юридического или медицинского факультета. Иногда они пытались счастье и в качестве преподавателей языков. Но как раз среди образованной буржуазии, из рядов которой рекрутировалось большинство студентов и профессоров, они имели мало успеха. Обращения силезского поэта Иоганна Шефлера и профессора церковной истории в евангелическом Гельмштадтском университете, брауншвейгца Христиана Блюме были единственными крупными успехами иезуитов среди этих слоев населения.

Максимилиан Баварский.

Гравюра работы Килиана, ок. 1620 г.

Значительно больших результатов добились они при евангелических дворах, как показывает приведенный ниже маленький список княжеских обращений, далеко, впрочем, неполный. В католицизм перешли: из дома

*Фридрих Август Саксонский, по прозвищу «Сильный».
Портрет на эмали*

пфальских Виттельсбахов: в 1659 году пфальцграф Эдуард и его сестра Луиза Голландская; из Нассау-Оранского дома – в 1653 году Иоганн Людвиг фон Нассау-Гадамар; из Голштинского дома в 1698 году – Доротея Гедвиг фон Голштейн-Норбург; из шварцбургского дома – Августа Доротея фон Шварцбург; из вюртембергского дома – герцог Ульрих фон Штутгарт и его дочь Мария Анна в 1651 году; герцог Карл Александр в 1715 году; из бранденбургского дома – Христиан

*Генрих, граф фон Брюль, премьер-министр Саксонии
при Августе III.*

Гравюра на меди работы Г. Ф. Шмидта

Вильгельм, правитель Магдебурга; из гессенского дома – ландграф Фридрих фон Гессен-Дармштадт, умерший в 1682 году в сане кардинала и князя-епископа г. Бреслава, и ландграф Эрнст фон Гессен-Рейнфельс в 1652 году; из мекленбургского дома – правящий герцог Христиан фон Шверин в 1663 году; из брауншвейгского дома – в 1651 году Иоган Фридрих, впоследствии правящий герцог Каленберга, Геттингена и Грубенгагена; в 1709 году герцог Антон Ульрих, правящий герцог Вольфенбюттеля; наконец, из веттинского дома – в 1689 году герцог Христиан Август фон

Цейтц, впоследствии кардинал и архиепископ Рааба; в 1697 году курфюрст Август Сильный; в 1712 году кронпринц, впоследствии курфюрст Август III Саксонский.

Ни один из этих переходов в католицизм не заставил так много говорить о себе и не имел столько важных последствий, как переход саксонского курфюрста Августа III Сильного. Хорошо известно, что религиозные мотивы не играли здесь никакой роли. Менее известно, что фривольный герой галантной Саксонии в одно и то же время обещал саксонским сословиям дать своему сыну протестантское воспитание, а папе – воспитать сына в католичестве. Чрезвычайно характерно, как он сдержал эти торжественные обещания. Уже в 1711 году он окружил наследного принца католическим двором, душой которого был ловкий салонный иезуит Салерно. Затем принц должен был отправиться на 7 лет путешествовать в католические страны. Но уже 27 ноября 1712 года в Болонье сын возвратился, на радость своему благочестивому отцу, в лоно католической церкви.

Таким образом, альбертинская линия веттинского дома была окончательно приобретена католической церковью. Напротив, другие обращения князей являлись лишь эфемерными успехами ордена. Вообще, эпоха больших побед ордена закончилась в 1648 году. Он должен был быть довольным, если мог отстоять уже занятые позиции и кое-где укрепить их. Это ему и удавалось вплоть до середины XVIII столетия. Еще в 1750 году провинция Верхняя Германия насчитывала: 27 коллегий, 3 семинарии, 3 новициата, 7 резиденций и миссий и 1060 членов, среди них 496 священников; провинция Верхний Рейн: 16 коллегий, 3 семинарии, 2 новициата, 7 резиденций и миссий и 497 членов, среди них 240 священников; провинция Нижний Рейн: 17 коллегий, 2 семинарии, 2 новициата, 7 резиденций, 30 миссий, 772 члена, среди них 398 священников; провинция Австрия (с Венгрией): 31 коллегия, 3 новици-

ата, 1 дом профсоюзов, 22 резиденции, 11 миссий, 1772 члена, среди них 751 священник; провинция Богемия (включая Моравию и Силезию): 26 коллегий, 25 семинарий, 3 новициата, 1 дом профессов, 13 резиденций, 12 миссий, 1239 членов, среди них 673 священника. Общий итог для Германии, Венгрии и Немецкой Швейцарии: 117 коллегий, 32 семинарии, 13 новициатов, 2 дома профессов, 51 резиденция, 58 миссий, 5340 иезуитов, среди них 2338 священников. Около 4/7 этого количества попадает на долю габсбургских земель, остальное – на Верхний Рейн, Нижний Рейн и Баварию, то есть на области, которые впоследствии стали сильнейшими цитаделями католической партии в Германии.

Иезуиты в Польше и России

За исключением Германии, Франции и Англии ни одна страна не была так глубоко затронута реформационным движением, как Польша. В прусской Польше почти все города перешли в лютеранство. В великой Польше богемские братья создали цветущую церковь. В Малой Польше, Галиции, Литве среди дворянства возникла сильная кальвинистская партия. В Курляндии, Ливонии и Эстляндии лютеранство одержало в 1554 году окончательную победу. Верховные власти королевства не противились этому движению. Уже в 1555 году, в год аугсбургского религиозного мира, Петроковский сейм дал дворянству право организовывать по своему усмотрению богослужение в своих домах; поистине польское применение принципа: «*Cuius regio, eius religio*». В следующие годы протестанты проникли в сенат и стали занимать даже епископские кафедры. Широко распространенное движение в пользу отделения от Рима увлекло постепенно всю нацию. Польша, казалось, также была потеряна для папства.

Но уже в 1560-х годах старая церковь начала опять собираться с силами. Ученик итальянского движения в пользу церковной реформы, эмерландский епископ Станислав Гозен первый перешел от обороны к нападению и призвал в 1564 году иезуитов для борьбы с прусскими протестантами, подобно тому как некогда Конрад Мазовецкий призвал Тевтонский орден для борьбы с прусскими язычниками. Браунсберг на Пассарже был первой крепостью ордена на польской земле. Но вскоре отцы появились и в Пултуске, Вильно, Познани и прежде всего при королевском дворе: король Сигизмунд Август, бывшая надежда евангеликов, на закате своих дней превратился в друга иезуитов. Король Стефан Баторий (1573–1586) не только основал на своей родине, в княжестве Трансильвании, коллегии в Варадине, Вейссенбурге и Клаузенбурге, но и создал для ордена новые резиденции в Польском королевстве – в Риге, Дерпте, Полоцке; он возвел виленскую коллегию в ранг университета и освободил орден от всех повинностей в пользу государства.

Однако его превзошел Сигизмунд III, «король иезуитов» (1586–1632). Во время его царствования настоящим властителем двора был иезуит Петр Скарга. Друзья и ученики иезуитов заполнили сенат, епископские кафедры и суды. Вся высшая администрация стала католической. Некатолическое дворянство восстало против этой системы, но успеха не добилося. Победителем в сражении при Гуцове в 1607 году оказался король иезуитов, и хотя он не сумел хорошо использовать свою победу, католическая реакция продолжалась, не католикам по-прежнему было запрещено занимать государственные должности и все управление снова приняло строго католический характер. Королевские города, за исключением больших прусских городов, вынуждены были со временем снова стать католическими.

Всюду, где ни появлялся белый орел, он выставлял своим лозунгом католицизм. Но в Польше каждый дворянин был маленьким государем. Чтобы завоевать Польшу, нужно было прежде всего покорить дворянство. Эту проблему разрешили иезуитские школы; благодаря своей бесплатности они получили в Польше, как и везде, самую широкую популярность. В 1600 году пултусская коллегия насчитывала 400 учеников исключительно дворянского происхождения, виленская коллегия – 800 учеников, большей частью из среды литовского дворянства, калишская коллегия – 500. Пятьдесят лет спустя все преподавание в высших учебных заведениях, за немногими исключениями, находилось в руках ордена. Игнатий в буквальном смысле слова стал Praeceptor Poloniae, и Польша сделалась классической страной школьного господства ордена на Севере, как Португалия была ею на Юге.

Какое воспитание дал Польше этот наставник? Дворянство выучилось латинскому языку и превратило латынь в обиходный язык. При Сигизмунде III польские язык и литература пришли в упадок так же быстро, как они расцвели при Сигизмунде II Августе. Далее, дворянство научилось ориентироваться в богословских тонкостях. Оно пришло к убеждению, что холоп, крестьянин, является потомком Хама¹ и, как таковой, вполне законно осужден на рабство. Оно пришло также к убеждению, что еретиков не только можно, но и должно преследовать. Вообще же, оно

---

¹ Сим, Хам, Иафет – в Библии сыновья Ноя, от которых после всемирного потопа «населилась вся земля». Хам был проклят Ноем за то, что насмеялся над наготой опьяневшего отца, и обречен на рабство. Сим и Иафет, которые проявили сыновнюю почтительность и прикрыли отца одеждой, были благословлены Ноем. – *Прим. ред.*

ничему не научилось и ничего не позабыло. Под поверхностным лоском новой латинской культуры оно осталось по-прежнему глубоко невежественной, дикой, буйной аристократией с очень большим самонимением, но с очень маленьким сердцем. В иезуитских школах польское дворянство сделало только одно новое приобретение – варварский фанатизм.

Несмотря на все усилия иезуитов, некаатолики, протестанты и православные, продолжали составлять сильное меньшинство. Последних отцы пытались сначала привлечь на свою сторону путем примирительной политики: они готовы были разрешить им сохранить их особенности, если те согласятся подчиниться папе. Несколько православных епископов действительно пошли навстречу этим предложениям и, заключив в 1596 году Брестскую унию, признали папскую супрематию под именем грекоуниатов. Но большая часть православных решительно отказалась от каких бы то ни было компромиссов, образовала могущественные конфедерации для защиты унаследованной от отцов веры, основала школы и духовные академии для борьбы с происками иезуитов и пыталась вступить в союз с носителями православия, с московским и константинопольским патриархами.

Совершенно неспособное осознать серьезность положения, польское дворянство позволило увлечь себя советами иезуитов и стало принимать на Украине и Литве суровые меры, вызвавшие глубокое недовольство населения. В результате вспыхнуло великое восстание казаков 1648 года; Киев, Смоленск и казацкие области были завоеваны Россией, и с этого времени православные христиане Польши стали считать российского царя своим естественным покровителем.

С протестантами отцы-иезуиты и их ученики церемонились еще меньше. Уже в начале XVII века

иезуитские коллегии установили обычай праздновать Вознесение, разрушая протестантские церкви и грабя дома протестантов. Так, в 1606 году жертвой этого веяния, которое не встречало препятствий со стороны отцов, явилась протестантская церковь, в 1607 году – протестантское кладбище в Кракове; в 1616 году – богемская и лютеранская церкви в Познани; в 1637 году были разграблены дома протестантов в Кракове; в 1682 году – евангелическая церковь недалеко от Вильно и т. д. Наказания при этих погромах грозили лишь протестантам, если они позволяли себе защищаться.

Таким образом, протестантизм все более и более слабел, к великому удовлетворению иезуитов. Свою прежнюю силу он сохранял лишь в городах западной части королевства. Но отцы стали угрожать ему и здесь. Как и раньше, хотя и безуспешно, они пытались проникнуть в Эльбинг, Ригу и Дерпт, в XVIII веке они снова проникли в Данциг, несмотря на решительные протесты населения. С еще большей смелостью они действовали в Торне, где им удалось прочно обосноваться еще в XVII веке.

В июле 1724 года, во время одного из столкновений, которые постоянно возникали между учениками иезуитов и учениками городской протестантской школы, городской совет решил арестовать одного ученика-иезуита. Последние в отместку захватили ученика-протестанта и упорно не хотели выпустить его на свободу. Возмущенная толпа освободила мальчика, не совершив, впрочем, никаких насилий. Только после того, как в нее начали стрелять из иезуитской коллегии, она разграбила имущество и посуду коллегии и подожгла здание. Отцы искусно сумели придать этому инциденту вид государственного преступления и начать уголовное преследование. В Торн

была послана королевская комиссия, чтобы произвести расследование этого «ужасного преступления». Всем следствием руководили иезуиты; заслушивались только представлявшиеся ими свидетели.

Материал обвинения был передан высшему суду, власть которого распространялась на все королевские города. Но в него предварительно ввели 40 новых членов. Так как все эти 40 членов, без исключения, были выбраны под влиянием иезуитов, то в исходе процесса не могло быть никакого сомнения. Бургомистр Рёснер, помощник бургомистра Гейнеке и 9 горожан были приговорены к смертной казни, протестантская гимназия и протестантская церковь святой Марии были переданы католикам, а протестантская школа — закрыта. Кроме того, было выпущено постановление, что впредь городской совет должен состоять наполовину из католиков и что ни одна протестантская книга не может быть опубликована без разрешения католического епископа. Сейм утвердил эти ужасные решения, и бывший лютеранин король Август Саксонский не постыдился подтвердить большую часть смертных приговоров.

7 декабря 1724 года Рёснер и 9 горожан были обезглавлены. В то же время сейм запретил не католикам строить новые храмы. Более того, он издал в 1732 году закон, запрещающий всем не католикам быть членами сейма и занимать какие бы то ни было государственные посты. Можно было подумать, что собрание, толкаемое слепой страстью, решило бросить не католиков в объятия иностранных держав. Уже во время выборов короля в 1764 году Пруссия и Россия открыто воспользовались преследованиями не католиков в качестве предлога для вмешательства и защиты своих кандидатов. В 1768 году этот же вопрос вызвал настоящую революцию. Россия вмешалась с оружием в руках на

Иоанн IV, первый царь московский.

По древнему оригиналу из рукописной книги XVI века

стороне некатоликов и, победоносно закончив войну с Турцией, приступила в союзе с Пруссией в 1672 году к первому разделу Польши.

Ответственность за гибель Польши возлагали на иезуитов. Однако это обвинение чрезмерно. Упадок Польского государства начался еще до того, как иезуиты появились в Польше. Но, конечно, они ускорили

процесс разложения королевства. Принимая во внимание наличие миллионов православных христиан среди своих подданных, Польша более чем любое другое государство должна была строить свою внутреннюю политику на принципе полной веротерпимости.

Иезуиты не позволили сделать этого. Мало того, они самым пагубным образом заставили внешнюю политику Польши служить католическим интересам. Уже в 1581 году отец Поссевино, папский легат в Москве, всеми средствами старался побудить царя Ивана Грозного к сближению с римской церковью. Иван действительно проявил известную готовность к подобному сближению. Полный самых радостных надежд, Поссевино выступил в качестве посредника при заключении мира при Киверовой горе между Россией и Польшей, мира, выведшего Ивана из очень затруднительного положения. На это как раз и рассчитывал хитрый государь. Об обращении русских речи больше уже не было. Поссевино должен был покинуть Россию, ничего не добившись.

Два десятилетия спустя отцам-иезуитам представился новый, еще более заманчивый случай для того, чтобы захватить Россию. Беглый монах Гришка Отрепьев рассказал одному иезуиту, что он – сын царя Ивана, Дмитрий, и заявил о своей готовности подчинить Московское государство Риму, если взойдет на царский престол. Недолго думая, иезуиты взяли это дело в свои руки, ввели Отрепьева в дом сендомирского воеводы, выдавшего за него замуж свою дочь, выступили защитниками его притязаний пред лицом Сигизмунда III и папы и добились набора польского войска против царя Бориса Годунова. В награду за эти услуги Лжедмитрий отрекся в краковском доме иезуитов от веры своих отцов и обещал даровать ордену после победы над Борисом residen-

Вступление Иоанна IV Васильевича на престол.

Рисунок из рукописной «Царственной книги»

цию в Москве рядом с Кремлем. Но как раз эта благосклонность к католическим монахам и вызвала взрыв ненависти православных русских против Лже-

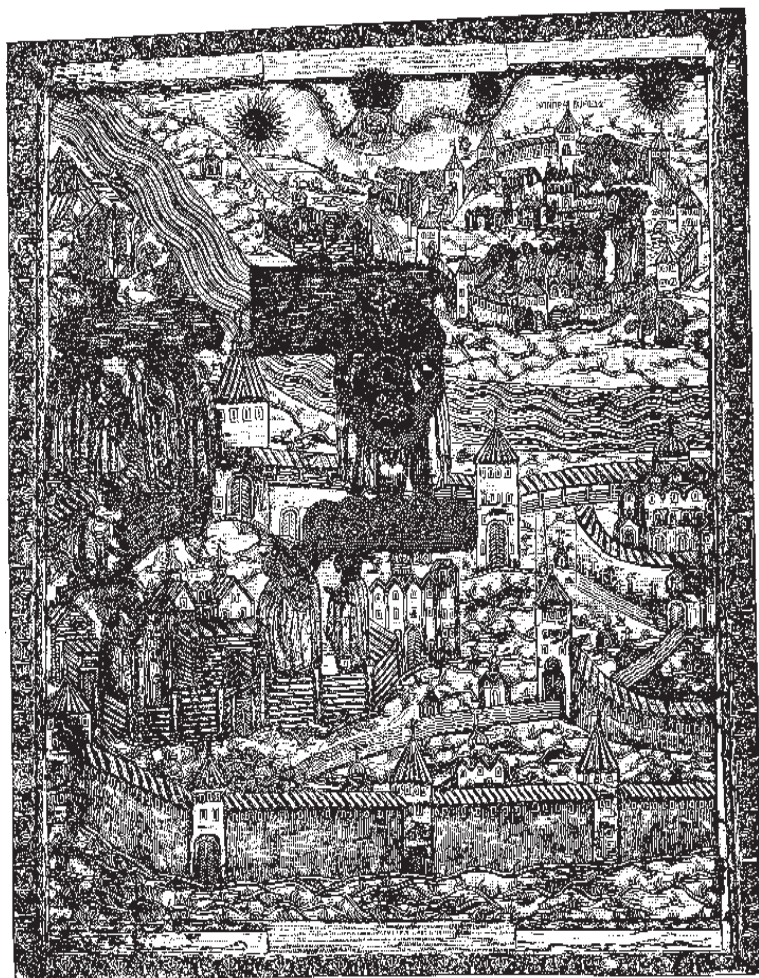

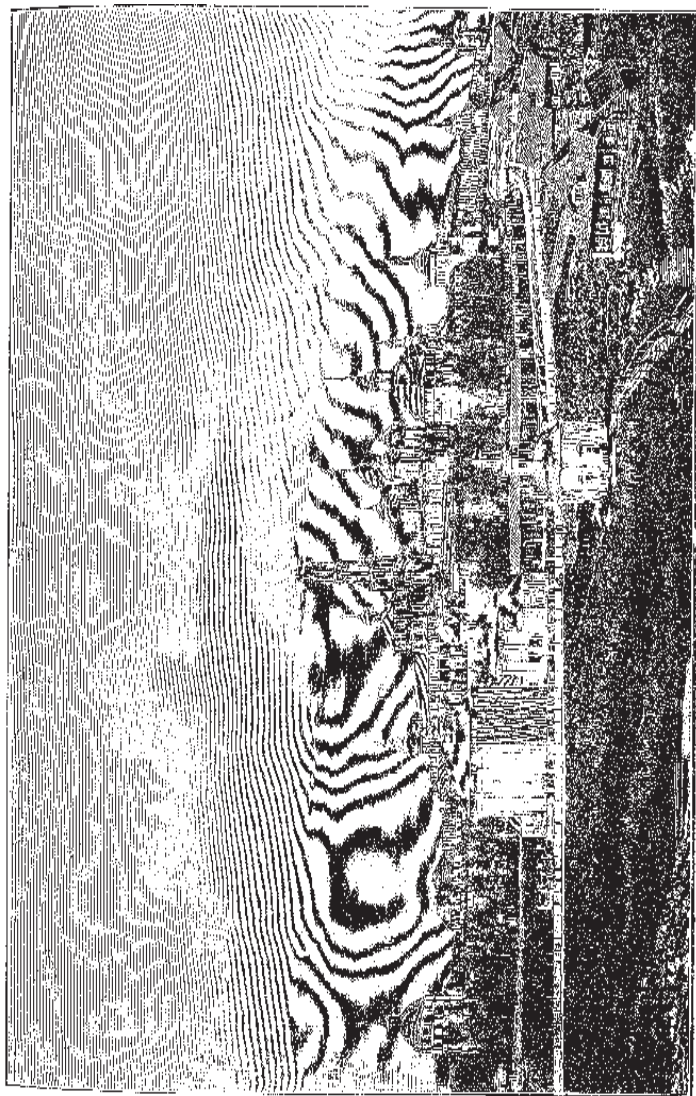
Портрет Лжедмитрия

дмитрия. 27 мая 1606 года он был убит вместе с несколькими сотнями поляков. Эта неудача дорого обошлась как полякам, так и иезуитам. Если до этого момента почти нельзя было говорить о чувстве национального самосознания русских, то теперь это чувство проявилось с огромной силой, приняв в первое время характер фанатической ненависти к римской церкви и Польше.

Древняя чудотворная икона Псково-Печерской Божьей Матери, которую во время осады Пскова Баторием носили по стенам. Доска иконы во многих местах пробита польскими пулями

Общий вид Троице-Сергиевской лавры

Союз с Австрией, который орден поддерживал всеми своими силами, и агрессивная политика Сигизмунда III против турок, также поощрявшаяся орденом, имели для Польши почти столь же печальные последствия. Словом, ни одно государство не испытало в своем развитии иезуитского влияния так сильно, как Польша, и ни в одной стране, за исключением Португалии, орден не пользовался таким могуществом. Польша имела не только «короля иезуитов», но в лице Яна Казимира и короля-иезуита, то есть государя, который стал членом ордена еще до своего вступления на престол.

Число иезуитских коллегий и академий уже в 1679 году доходило до 34; в 1750 году оно поднялось до 44; священнических семинарий в 1679 году было 3, в 1750 году – 10; число резиденций и миссий в 1679 году – 7, в 1750 году – 108; число новициатов в 1679 году – 2, в 1750 году – 5; число домов профессов в 1679 году – 3 и столько же в 1750 году. Мне неизвестно, сколько было иезуитов в Польше в 1679 году, но в 1750 году их было 2097, из них 1027 священников. Следовательно, на каждые 600 жителей приходилось по 1 иезуиту. Эти цифры говорят сами за себя. Между тем как Польша гигантскими шагами приближалась к своей гибели, число иезуитских школ и учреждений росло так быстро, что в 1750 году генерал должен был создать из Польши специальную ассистенцию.

Иезуиты в Швеции и Англии

Своими успехами в Польше, Германии и Франции Общество Иисуса было обязано поддержке сильной католической партии. В Швеции оно думало укрепить свое положение, опираясь на милость короля, склонявшегося к католицизму. Иоанн III Ваза, серьезный, образованный, склонный к мечтательности государь,

стал с 1568 года, под влиянием своей жены, польской принцессы Екатерины, все более и более удаляться от лютеранства и стремиться к сближению с Римом. В 1574 году папа Григорий XIII послал в Стокгольм польского иезуита Станислава Варшевича с целью укрепить Иоанна III в его решении. В том же году король назначил иезуита норвежца Николаи профессором в только что основанную богословскую школу.

Николаи вел себя внешне как лютеранин, но, естественно, воспользовался своим положением, чтобы вести католическую пропаганду среди молодых кандидатов на должность евангелического пастора. Вскоре он смог послать шестерых из них в Рим для завершения образования в германской коллегии. В 1578 году папа прислал в Швецию искусного отца Поссевино продолжать переговоры о возвращении страны к католицизму. Поссевино удалось без труда устранить последние сомнения короля. Иоанн не только принял причастие из рук Поссевино по католическому обряду, но и поручил воспитание своего сына Сигизмунда, будущего польского короля Сигизмунда III, двум иезуитам, которые сопровождали Поссевино. Однако он обусловил подчинение Швеции папскому престолу очень большими уступками со стороны папы: он требовал разрешения брака для священников, богослужения на народном языке и причастия под обоими видами.

Поссевино не стал даже ходатайствовать перед курией об удовлетворении этих требований. Он думал, что может полностью положиться на короля. Уверенный в победе, он во второй раз прибыл в Стокгольм не переодетым, в форменной одежде ордена. Но когда он известил Иоанна, что папа не может согласиться ни на одно из его требований, король немедленно прекратил переговоры.

GVSTAVVS ADOLPHVS D.G. REX SVEC. GOTH:
ET VAND. MAGNVS. PRINCEPS. FINLANDIE. DVX. ETC.

*Густав Адольф, король шведский.
Гравюра работы Павла Понция
с картины Антона Ван Дика*

*Христина, дочь Густава Адольфа, короля шведского.
Гравюра работы П. Танже (Tanje) с портрета Бурдона*

Иезуиты, пристроившиеся к богословской школе, должны были немедленно покинуть Швецию; воспитатели королевских детей также сочли более благоразумным уехать из страны в 1583 году. Единственной надеждой, остававшейся у ордена, был наследник трона принц Сигизмунд, ставший ревностным католиком. Но Сигизмунд не смог удержаться на троне, и в Швеции вновь воцарилось лютеранство.

Два поколения спустя орден одержал в Швеции еще одну блестящую победу. Два иезуита-профессора, которые проникли в Стокгольм под видом путешествующих итальянских дворян, убедили королеву

*Елизавета, королева английская, в большом
королевском наряде.*

*Гравюра работы Криспина де Пасса по картине
Исаака Оливье*

*Надписи на гравюре (вверху): «Бог мне помощник»; (под гербом,
кроме французского девиза, написанного по кругу): «Всегда
неизменная». (Внизу): «Елизавета, Б. М., королева Англии, Франции,
Шотландии и*

*Виргинии, усерднейшая защитница христианской веры, ныне
почивающая в Бозе»*

*Елизавета, королева английская.
Голландская гравюра*

Христину, дочь Густава Адольфа, последнюю представительницу династии Ваза, принять католичество. Но чтобы получить возможность беспрепятственно произвести смену религии, она должна была 24 июня 1654 года отречься от трона. Ее обращение было, несомненно, блестящей победой ордена, но чисто внешней; оно не имело продолжительного влияния и не дало ордену новых завоеваний.

Лондонский Тауэр

*Темница принцессы Елизаветы
(впоследствии королевы) в лондонском Тауэре*

Зато одно время Общество Иисуса могло питать вполне законные надежды вновь вернуть Англию в лоно папства.

Когда в 1558 году на престол вступила Елизавета, Ирландия была еще полностью, а Англия частично католической страной. Но уже в ближайшие годы началось энергичное искоренение католицизма. Много католиков подчинилось этим решениям, и в то же время образовалась католическая партия. Ее поддерживали папа и король испанский Филипп II; ее союзником была Мария Стюарт. Действуя путем заговоров, партия стремилась низложить Елизавету и возвести на престол Марию Стюарт.

В этой ожесточенной борьбе Общество Иисуса немедленно пришло на помощь католикам обоих островов. Уже в 1542 году Сальмерон и Брет объезди-

ли Ирландию в качестве папских миссионеров. Папа, Филипп II, и Мария Стюарт основали в Дуэ, Пон-а-Муссоне и Риме семинарии для подготовки английских, шотландских и ирландских священников. Руководство ими взяли на себя иезуиты. Они развернули в Англии энергичную католическую пропаганду.

Восстание, организованное папой в Ирландии, было подавлено незадолго до того, как иезуиты впервые высадились в Дувре в июне 1580 года. Они немедленно созвали большое собрание католиков в Сузсуэрке, недалеко от Лондона. Затем, переодевшись в разные костюмы, они начали переходить из графства в графство, из замка в замок. По вечерам они исповедовали, по утрам произносили проповеди и причащали, а затем исчезали так же таинственно, как и приходили. Уже 15 июня Елизавета объявила их вне закона. Только ежедневно меняя свое местопребывание, костюмы и имена, они могли некоторое время ускользать от рук полиции. Но именно этот романтический характер их предприятия действовал чудодейственным образом на души людей.

25 июня 1581 года оксфордские студенты были чрезвычайно поражены, получив неожиданно памфлет против национальной английской церкви. Его автором был иезуит; его напечатал другой иезуит в глубокой тайне, укрывшись в хижине Стонорского парка близ Генлей. Но кое-кто из эмиссаров папы уже попал в руки властей. 16 июня донос позволил последним схватить отца Кампиана. 1 декабря он был повешен, признанный виновным в государственной измене. Конечно, он был мучеником, но не только мучеником за веру, но и мучеником за папскую политику, грозившую жизни и власти Елизаветы.

Однако смерть Кампиана только возбудила рвение его товарищей. Персонс организовал католическую

Мария Стюарт в юности.

Гравюра с портрета кисти Клуэ.

пропаганду в самом Лондоне; отцы Гэй и Крайтон пытались в Эдинбурге склонить на свою сторону шотландского короля Иакова. Отец Гордон миссионерствовал на севере Шотландии. Между тем и в католическом, и протестантском лагерях день ото дня страсти разгорались все более и более, пока, наконец, 18 февраля 1587 года не скатилась с эшафота голова Марии Стюарт, на которую возложили ответственность за всю эту агитацию. Небывалый взрыв патриотизма, объединивший вскоре, в год Армады,

Мария Стюарт во вдовьем наряде.

Портрет работы неизвестного мастера

всю нацию, не исключая и католиков, вокруг находившегося в опасности трона Елизаветы, разрушил все замыслы иезуитов. Но орден не потерял мужества. В 1589 году была учреждена английская коллегия в Валладолиде, в 1592 году другая – в Севилье, еще другие – в Мадриде и Лиссабоне, в 1594 году коллегия была создана в Сен-Омере. Все они представляли из себя большие миссионерские дома наподобие германской и английской коллегиям в Риме.

Нидерландская медаль в память об Армаде, 1588 г.

В это время католической пропагандой в Англии тайно руководил отец Гарнетт. Вместо успеха, на который он рассчитывал, он нашел лишь трагическую смерть. После того как восшествие на престол Иакова I не принесло никаких улучшений в положении католиков, несколько фанатиков задумали при открытии парламентской сессии 1605 года взорвать короля, королевскую семью и весь парламент. Гарнетт узнал об этом безумном предприятии от одного из заговорщиков, бывшего у него на исповеди. Помешать заговору было не в его власти, но он, несомненно, и не пытался сделать этого. 3 мая 1606 года он погиб на эшафоте.

Однако его дело продолжали более 40 священников-миссионеров, и к ним постоянно присоединялись новые товарищи, вышедшие из семинарий континента, несмотря на то что 23 июня 1608 года Томас Гарнетт, а 10 мая 1615 года Джон Огильбэй заплатились жизнью за свое мужество. При Карле I та же участь постигла еще четверых иезуитов. Довольно большое количество их погибло и при республике, во время подавления ирландского восстания. Лишь при

Карл II, король Англии.

Гравюра работы Вилльямса с картины кисти Кнеллера

Карле II надежды ордена, казалось, должны были наконец осуществиться.

В 1669 году трусливый монарх обещал в тайном дуврском договоре своему покровителю и банкиру, Людовику XIV, восстановить в Англии католицизм. Но отцы-иезуиты слишком рано поверили в свой успех. Недоверие и ненависть английского народа связали королю руки. Уголовные законы, направленные против католических священников, остались в силе, но иезуиты, по крайней мере, видели, что король и наследник трона тайно перешли в католицизм и что католики массами вошли в состав армии и администрации; они смогли проникнуть во двор предполага-

Иаков II, король Англии.

Гравюра работы Дж. Смита с портрета кисти Кнеллера

евого наследника и даже устроить в его дворце тайное собрание иезуитов провинции Англии. Нации стала известной лишь часть этих событий. Но и нескольких выяснившихся фактов оказалось вполне достаточно, чтобы вызвать невероятное возбуждение. Вся Англия дрожала перед призраком Лойолы и заговором иезуитов. Отвратительный авантюрист Тит Оатс (Oates) решился использовать это настроение.

В августе 1678 года по всему Лондону распространилось с быстротой молнии известие о раскрытии большого иезуито-папистского заговора. Король понимал, что это – провокация. Но чтобы не совершать «нового путешествия за море», он вероломно выдавал всех,

Людвик XIV.

Гравюра работы Пуайльи с портрета кисти Миньяра

выдал и иезуитов. 20 июня 1679 года в Тибурне было повешено пять отцов, обвиненных в государственной измене. Это было одним из самых ужасных юридических преступлений, которые можно только представить себе, но в то же время и грозным предупреждением иезуитам – отказаться на будущее от организации всяких смут в Англии. Но они не вняли этому предупреждению, все еще надеясь на победу, и первое время имели как будто серьезные на то основания.

Вступление на престол Иакова II предвещало победу партии католического направления, душой которой были иезуиты. Новый король сам являлся их главой. Не только вопреки торжественным заявлениям тронной речи, но и вопреки всем правилам благоразумия он принялся с вошедшим в поговорку упорством своей семьи за обращение Англии в католичество. Орден помогал ему: он открыл в Савойе прекрасную коллегию, которая скоро стала насчитывать до 400 учеников. При дворе в Уайтхолле образовалась настоящая иезуитская камарилья, происков которой не одобрял даже сам папский нунций; мало того, один честолюбивый и близорукий иезуит, Эдуард Петри, которого папа не без основания отказался возвести в звание кардинала и епископа, в виде вознаграждения за эту неудачу получил место в тайном совете, то есть был назначен английским министром.

Английские иезуиты ликовали; однако не только католичка-королева, но и папа пришли в ужас от этого безумного шага короля, и даже генерал ордена, который узнал об этом лишь впоследствии, разгневался, хотя все же ничего не предпринял, чтобы заставить Петри отказаться. В качестве министра Петри играл лишь весьма второстепенную роль. Тем не менее протестантское население видело в нем душу всего правительства. Наконец, народ ответил на все акты короля Иакова II славной революцией, свержением дома

Стюартов и изгнанием всех иезуитов. Однако даже этот суровый урок не произвел на иезуитов глубокого впечатления. Вскоре они снова появились в стране в качестве священников и тайных агентов Стюартов. Но время их безвозвратно прошло. Великий поход против протестантской Англии, стоивший ордену так много крови, денег и сил, был окончательно проигран.

Славная революция означает для Западной Европы конец контрреформации. Вместе с тем она является и концом великих войн, которые вело Общество Иисуса.

Если мы еще раз окинем взглядом историю этих войн, то мы не сможем освободиться от чувства глубокого удивления перед той огромной предприимчивостью, которая их вызвала: в Европе нет ни одной страны, которую бы ученики Лойолы не попытались покорить. Не менее удивительной, чем эта предприимчивость, является та настойчивость, с которой боролась эта армия, та храбрость, с которой она бросалась в самые опасные предприятия. Действительно, она во всех отношениях была настоящим обществом воинов. Во вражеской стране она вела борьбу как солдат, которому не известны никакие угрызения совести: она нарушала всякий закон, который стеснял ее деятельность, не отступала ни перед какой хитростью, которая могла оказаться полезной, прибегала даже к насилию, если считала его нужным для дела, обычно передавая лишь исполнение его в более грубые руки.

Потери в этих войнах как у иезуитов, так и в государствах самой Европы, были огромны, результаты сравнительно ничтожны: где Общество не обеспечило себе на долгое время расположения сильных, вся его борьба осталась безрезультатной; там же, где оно победило, как во Франции, Польше и большей части Германии, следствием этой победы явилось ра-

зрение. Несомненно, при этом оно всегда стремилось к благу народов, оно боролось не в своих интересах, а для «спасения своих ближних». Но оно не знало, что «вера – вещь свободная» и не терпит принуждения. Хотя оно выступило в поход под личиной миротворца, оно дало Европе, как говорил папа Климент XIV, больше вражды, чем мира, больше несчастий, чем счастья, и к тому же не достигло того, к чему стремилось, – не искоренило протестантизма, не сломило даже его культурного превосходства.

ЗАВОЕВАНИЯ ОБЩЕСТВА ИИСУСА В ЯЗЫЧЕСКИХ СТРАНАХ

Франциск Ксавье

6 августа 1623 года Тилли разбил при Штадлоне последнюю евангелическую армию, которая еще боролась с католической партией. В этот же самый день папа Урбан VIII возвел Игнатия Лойолу в святые римской церкви. Но этого высшего отличия воинствующая церковь удостоила не одного только Игнатия. В тот день папа рекомендовал верующим почитание и другого члена Общества Иисуса – великого апостола и покорителя Южной и Восточной Азии – Франциска Яссо де Ксавье.

«В своих богах люди изображают самих себя»; в своих героях и святых они выражают сущность тех общественных организаций, которые они образуют. Если имя Игнатия является символом борьбы Общества Иисуса против ереси, то имя Ксавье есть символ его борьбы с язычеством. Общество не забыло данного им на Монмартре в день своего основания миссионерского обета. Оно всегда было миссионерским орденом в той же мере, как и орденом борьбы с протестантизмом; миссионерство первоначально даже было делом более близким его сердцу; Общество занялось им прежде всего и всегда считало его одной из своих основных задач. На пышном памятнике, который Общество Иисуса воздвигло в Гезу, в

*Портрет Иоганна фон Черкласа, графа Тилли.
Гравюра работы Амлинга, 1677 г.*

*Надпись: «Тилли, умевший побеждать себя, побеждал врагов;
И мог ли быть не страшен врагам тот, кто над собой
одерживал победу?»*

Риме, своему основателю и самому себе, оно изобразило рядом с Игнатием не только гения Религии, попирающего ногами чудовище ереси, но и гения Веры, который обращает в христианство коронованного негритянского царя. Это в одно и то же время есть и исповедание веры ордена, и его характеристика, оставшаяся верной, начиная с первых моментов развития ордена до его падения.

Когда выступил Игнатий, не только Мартин Лютер дал Центральной и Северной Европе знак для разрыва с Римом, но благодаря великим открытиям в Новом и Старом Свете перед старой церковью открылись новые территории, которые обещали вознаградить ее до некоторой степени за огромные потери, понесенные ею в Европе. Эти открытия в значительной степени были вызваны религиозным энтузиазмом. Религиозный энтузиазм сопровождал иезуитов, вдыхал в них жизнь, помог довести их до конца. При основании колониальной империи испанцев и португальцев, как в средние века, светская конкиста и конкиста духовная, завоевание и миссионерство шли с самого начала рука об руку, и если сами завоеватели слишком часто прикрывали крест, чтобы с меньшими угрызениями совести наполнять свои карманы золотом, то церковь с неутомимым рвением следила за тем, чтобы колониальные державы признавали проповедь веры своим высшим долгом, всячески содействовали ей и чтобы само государство брало в свои руки религиозную пропаганду.

На такую службу, открыто организованную государством колониальной миссии, поступил и Франциск Ксавье, когда он 7 апреля 1541 года сел в Лиссабоне на корабль с целью отправиться с португальским флотом в Ост-Индию. Он был наделен самыми чрезвычайными полномочиями. Папа назначил его своим вика-

рием для всех стран, омываемых Индийским океаном; португальский король общим указом дал его предприятию правительственную санкцию и приказал своим чиновникам оказывать ему содействие всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Несомненно, подобные привилегии могли бы быть очень опасными для миссии, если бы ее глава оказался человеком не тактичным и честолюбивым.

Но все, что делали для Ксавье, казалось недостаточным. Его благородное и симпатичное лицо, твердые и изящные манеры, пламенное красноречие, стремительная откровенность, беспощадная даже перед лицом короля и королевы, но никогда не вырождавшаяся в бестактное самодовольство, его юношеская и немного шумливая оживленность, наконец, его беспредельный энтузиазм, не преследовавший никаких личных интересов, который составлял все его существо, оставили в Лиссабоне неизгладимое впечатление.

Ему удивлялись, его невольно любили, к нему крепко привязывались с первого взгляда. Но если он, как никто, умел находить на родине покровителей, друзей и деятельных сотрудников для миссии, то был ли он призван к практической работе на самой миссионерской арене? Несомненно, у него было много качеств, оправдывавших возлагаемые на него надежды. Он был необычайно подвижен, гибок и быстр в своих решениях, восприимчив ко всем новым впечатлениям, поэтому даже иногда непостоянен, беспокоен, нетерпелив, всегда готов изменить раз принятое решение, но в то же время всегда жаждавший проникнуть в новые, неизвестные страны, смел, всегда готов действовать, увлекался всеми рискованными предприятиями именно потому, что отдавался всей душой прелести новизны, обладал способностью необыкновенно быстро приспосабливаться к совершенно

чуждой для него среде и осваиваться, правда не с языками, но с нравами и условиями жизни Дальнего Востока и Юга.

Ксавье очень быстро научился обращаться с индусами, малайцами, японцами и китайцами с такой же легкостью, как с испанцами и португальцами. К этой свежести, живости и энергии чувства и воли добавлялся и редкий практический талант. Инструкции, которые он давал своим сотрудникам, поражают своей широтой, здравым смыслом и мудростью; его попытки организовать общины обращенных, например среди рыбаков индостанского побережья, свидетельствуют о таком организаторском таланте, подобного которому трудно найти даже в истории миссий, очень богатой подобными талантами. Он не был также лишен нравственных качеств, необходимых для выпавшего на его долю призвания. Дело составляло для него все, собственная же личность – ничто; зависть, властолюбие, мелочные заботы о собственном авторитете, здоровье, личные удобства были ему совершенно чужды. Он нисколько не преувеличивал, говоря, что ему сладко нести крест Христа, и его заявление: «Я боюсь одного лишь Бога; все остальное для меня не страшно», – вовсе не было фразой.

Но можно ли на этом основании сравнивать его с апостолом Павлом и утверждать, как делают это некоторые, что он был величайшим проповедником христианства среди язычников со времен Павла? Это значило бы сильно преуменьшить заслуги апостола и дать Ксавье почетное место, на которое он никогда не претендовал. Как бы удивительна и привлекательна ни была его личность, он не является новатором в истории миссионерства. Он следует методам своих предшественников – миссионеров средних веков, и это не могло быть иначе. Он обращается не к

отдельным индивидуумам, а к массам. В частности, он сотнями крестил умирающих детей. Содержание его проповедей соответствует этим приемам. Ад со своими ужасами играет в них главную роль.

Он сам чувствует эти ужасы на Дальнем Востоке сильнее, чем где-либо в другом месте: в вулканах Молуккских островов он видит доказательство того, что резиденция Лукавого находится совсем близко от этой части земной коры, и землетрясение, которое он переживает на Маротаи в день святого Михаила Архангела, он объясняет очень просто путем предположения, что в этот день Архангел Михаил неизвергнул противодействовавших миссии адских духов в самую глубину пекла. Поэтому не следует удивляться, что он как миссионер печется больше о том, чтобы вырвать души из ада, чем о том, чтобы завоевать их для неба.

Чисто средневековый характер носит и то обстоятельство, что он в своей миссионерской деятельности нисколько не стесняется обращаться за содействием к государственной власти. Он требует, чтобы португальский король смещал и даже наказывал конфискацией имущества и продолжительным тюремным заключением тех колониальных чиновников, которые не выполняют всех желаний миссионеров в деле распространения веры. Он требует, чтобы вице-король образумил вооруженной силой враждебных христианству индусских князей, хотя с политической точки зрения им нельзя было выдвинуть ни одного упрека. Однажды он даже советует послать португальский флот крейсировать вдоль аравийского побережья, напасть на Мекку и уничтожить таким способом престиж Ислама в Южной Азии.

Было бы несколько несправедливо упрекать Ксавье за эти приемы, но нельзя также игнорировать его

слепой привязанности к средневековым воззрениям и объявлять его совершенно новым явлением среди миссионеров его церкви. Кроме того, у него, как миссионера, имеется ряд недостатков, составлявших обратную сторону его достоинств. Его мысли, слова и чувства никогда не знают меры. Лишь под непосредственным впечатлением своих неудач он ясно сознает посредственные результаты своей деятельности. Отсюда нередко удивительное противоречие между тоном его писем к Франциску Мансилле и тоном его длинных отчетов европейским товарищам, вызывавших сенсацию и привлекавших к обществу массы друзей и сторонников. И что еще хуже – он даже в качестве миссионера всегда остается верным своему рыцарскому происхождению; он вносит в миссию дух рыцарского авантюризма; у него совершенно отсутствует основная добродетель миссионера – терпение.

Могущественные и хорошо организованные религиозные общины Южной и Восточной Азии кажутся ему спелой нивой, которая лишь ждет руки жнеца. Он хочет всегда пожинать, не давая себе труда сеять. Он бродит без отдыха, переходя из одного места в другое и нигде не пуская корней. Он не изучает ни одного языка многоязычного Востока настолько основательно, чтобы действительно хорошо владеть им. Он нигде не действует долгое время и нигде не достигает прочных результатов. Он дает лишь толчки, но часто, как это было с общинами христиан святого Фомы¹, он только раздражает. Однако именно это беспокойство, это никогда не удовлетворявшееся

---

¹ Легенда говорит, что святой Фома принял мученическую кончину в Индии. Колонии сирийских христиан в Индии считали святого Фому основателем своей церкви и называли себя христианами святого Фомы. – *Прим. Моно.*

стремление к новым завоеваниям сделали из него предтечу и пионера ордена на всем пространстве миссионерской арены в Азии.

Когда 6 мая 1542 года Ксавье высадился в Гоа, он, к своему удивлению, вместо языческого города нашел здесь маленький Лиссабон, сплошь населенный христианами, европейцами и туземцами, великолепный кафедральный собор, епископа, капитул, большой францисканский монастырь, большую миссионерскую коллегия для подготовки индусов к священничеству, сильный португальский гарнизон и значительную группу португальских купцов – словом, типичную картину португальских колониальных городов от Мозамбикского пролива до Молуккских островов. Миссионеру здесь нечего было делать, но для духовного пастыря открывалось широкое поле деятельности.

Какие бы прекрасные плоды ни приносила деятельность Ксавье как духовного пастыря, его все же тянуло проявить себя в среде язычников. Поэтому в конце 1542 года он отправился к искателям жемчуга, на восток от Коморинского мыса, которые незадолго перед тем перешли под покровительство португальцев и уже нескольких тысяч из них приняли крещение от португальских священников. Таким образом, ему оставалось здесь лишь продолжать уже начатое дело. Его можно было продолжать в более возвышенном духе для блага миссии. Но Ксавье и не думал об этом. Он действовал ускоренным темпом.

В сопровождении своих тамильских переводчиков он объезжал одну деревню за другой. Когда представлялся удобный случай, он звоном своего переносного колокола созывал взрослых и детей и читал им символ веры, «Отче наш», «Богородицу», десять заповедей, которые он заблаговременно велел перевести на тамильский язык. В воскресенье он соби-

рал для этих занятий всю деревню. Когда жители хорошо усваивали катехизис и утверждали, что твердо верят в то, что говорится в двенадцати членах символа веры, он немедленно приступал к исповеди и крещению и трудился, пока его руки не опускались от усталости и не отказывался служить голос. Таким форсированным маршем были обращены и весьма удачно организованы в церковном отношении тридцать деревень: в каждом приходе был установлен священник-канак, который крестил, благословлял браки и заставлял вновь обращенных христиан петь по воскресеньям и праздничным дням символ веры. Для оплаты этих священников Ксавье получил от португальской королевы деньги из ее частной казны, которая носила название «личного чулка». По этому поводу он остроумно заметил ей, что в этих чулках ее величество скорыми шагами достигнет рая.

При помощи таких же экспедиционных приемов Ксавье обратил в 1544 году тысячи искателей жемчуга на Траванкорском берегу; но и здесь после массовых крещений он позаботился устроить школы и изыскал средства для удовлетворения духовных нужд новых христиан европейских и тамильских проповедников. Однако даже самая разумная организация не могла устранить неудобства этих массовых, чисто механических обращений. Христианство в этой области осталось вплоть до наших дней совершенно номинальным: оно несколько не разрушило местных языческих нравов и представлений.

Между тем искатели жемчуга Манаарских островов, на северном берегу Цейлона, последовавшие в 1544 году примеру людей своей касты на континенте, были большей частью перебиты королем Яфнапатом. Узнав об этом, Ксавье потребовал от вице-ко-

роля немедленного наказания «тирана»; и так как в это время нашелся претендент на трон Яфнапатама, обещавший, если его права будут признаны, принять христианство вместе со всем своим домом, то Ксавье решил покорить для христианства всю северную часть Цейлона с помощью португальского оружия.

Однако в Негапатаме, где он ожидал результатов военной экспедиции, он узнал, что португальцы отказались от предприятия. Это горькое разочарование произвело на него настолько сильное впечатление, что он покинул не только миллионы необращенных цейлонцев, но даже и сотни миллионов индусов, которые также еще не были обращены в христианство, и сел в Мадрасе на корабль, чтобы отправиться в Индокитай, так как он слышал, что туземцы Макассара на Целебесе готовы принять христианство.

В конце сентября 1545 года мы находим его уже в Малакке. Он лихорадочно работает над спасением душ как европейцев, так и туземцев, проповедует, ухаживает за больными, учит в школах и на улицах, даже в пользующихся дурной славой матросских притонах порта. Но, не получив ожидаемых известий из Макассара, он в конце 1545 года внезапно опять меняет свои планы. Вместо того чтобы отправиться на Целебес, он поехал 1 января 1546 года в Амбоину; отсюда в апреле переправился на Молуккские острова, а затем после трехмесячной проповеди Евангелия в Тернате на остров Моротай. В Амбоине и на Молуккских островах он обнаружил цветущие миссии, и даже в Моротай он встретил туземцев-христиан. Ему пришлось здесь принять участие в начатом уже деле, и его пастырская деятельность оказалась более полезной, чем миссионерская.

В июле 1547 года мы снова находим его в Малакке. Здесь у Ксавье произошла встреча, которая вне-

запно дала новое направление его мыслям. Один португальский купец познакомил его с японцем по имени Анкер, «которого терзаемая совесть заставляла искать убежища от гнева Божьего». Этот случай показался Ксавье призывом со стороны Провидения. Дав в Гоа необходимые распоряжения на время своего отсутствия, он отправился 29 апреля 1549 года в Японию вместе с Анкером и двумя другими товарищами. 15 августа он прибыл на китайской джонке в Кангошиму на острове Киу-Сиу. Перед его глазами открылся новый мир, мир дальневосточной культуры, представленный народом, интеллигентности которого он не устал удивляться. Через несколько месяцев Анкер основал маленькую общину, более чем в сто верующих, и составил на японском языке краткое изложение христианского учения.

В деле проповеди Евангелия, в собственном смысле слова, сам Ксавье оставался на втором плане потому, что он никогда так и не смог научиться хорошо говорить по-японски. Он обращал в христианство не столько словами, сколько обаянием своей внешности и манер. К тому же в конце 1550 года он был вынужден удалиться из Кангошимы вследствие враждебного отношения бонз. Он отправился сначала в Фирандо, где привлек сто прозелитов одним только чтением символа веры в переводе Анкера, затем в Ямагутши, даймио которого принял его с благосклонностью, и, наконец, в Киото, в надежде обратить самого микадо¹. Но это ему не удалось. Он должен был остаться довольным тем, что смог живым возвратиться в Ямагутши. Благосклонное отношение даймио позволило основать здесь и в Бунго новые общины.

---

¹ Микадо (япон., букв. – величественные врата) – титул императора Японии. – *Прим. ред.*

Но Япония как поле для деятельности уже не удовлетворяла более Ксавье. Верный своему девизу: «*Amplius! Amplius!*» – «Дальше! Дальше!», он мечтал теперь завоевать для христианства колыбель всей дальневосточной культуры – Китай, имя которого японцы всегда произносили с благоговением. Пробыв некоторое время в Индии, он в мае 1552 года снова попадает на Малакку, где завязывает отношения с китайскими купцами с целью изучить язык Небесной империи. Удачно использовав еще в Японии свои связи с португальским правительством и оказав здесь энергичное содействие торговым и дипломатическим сношениям между Японией и Португалией, Ксавье думал проникнуть и в Китай в качестве португальского посланника.

Но губернатор Малакки дон Альварец Сильва нисколько не желал этим экспериментом подвергать опасности выгодные торговые сношения Португалии с Китаем. Он запретил кораблю Ксавье выход из гавани. Тогда Ксавье воспользовался в первый и последний раз теми широкими полномочиями, которые он получил от папы: он предал анафеме безбожного Сильву. В качестве частного лица он приехал, наконец, в октябре 1552 года, на маленький остров Санциан, недалеко от Макао, служившего тогда порто-франко для португальско-китайской торговли. Он еще надеялся проникнуть отсюда в Китай при помощи подкупа. Но среди этих планов 2 декабря его застигла смерть. Португальские купцы нашли умирающего в жалком сарае и поспешили похоронить его в песке на берегу. Слишком внезапный конец его жизни, богатой внезапными решениями, неожиданностями, но в то же время и грандиозными стремлениями.

Иезуиты в Ост-Индии, Японии, Китае и Африке

После смерти Ксавье индийская миссия окончательно вступила на ложный путь массовых обращений. В 1560 году при коллегии в Гоа почти сто портных было занято шитьем крестильных рубашек для новообращенных христиан. Число христиан-туземцев в Гоа и его окрестностях скоро возросло до 300 000 человек. Но христианство этих новообращенных стоило не больше христианства искателей жемчуга, обращенных Ксавье. Оно не могло оказать никакой притягательной силы на языческие племена внутренних частей страны, тем более что эти новообращенные христиане принадлежали исключительно к низшим кастам. Итальянский иезуит Роберт де Нобили, с 1606 года проповедовавший Евангелие в Мадуре, в Южной Индии, решил изменить это печальное положение вещей, обращаясь уже не к партиям, а непосредственно к браманам.

С этой целью он сам превратился в синиази, или кающегося брамана. Он купил себе шапку огненно-красного цвета, покрывало, красно-желтую одежду из муслина и деревянные башмаки кающихся синиази. Затем он обрил себе голову, украсил уши огромными серьгами, выкрасил лоб желтой мазью из сандалового дерева, являющейся отличительным признаком браманов, и поселился в землянке, где жил в уединении в течение целого года, питаясь овощами и водой. Таким образом ему удалось обратить на себя внимание браманов, и те в конце концов стали посещать его. Уверив их клятвой в древней знатности римских браманов, он достиг полного успеха в своем притворстве. Под именем Татува-Подапар-Суами, то есть «обладателя 96 совершенств истинного мудреца», браманы формально признали его одним из

своих и торжественно приняли в свою касту. Но и после этого он держался очень осторожно, никого не посещал и сам показывался на людях как можно реже, словом, принимал все меры, чтобы окружить и свою личность, и свое учение обаянием тайны.

Неудивительно, что в скором времени к нему стали обращаться со все более настойчивыми просьбами открыть школу. В конце концов он решился сделать это, остерегаясь, однако, полностью приподнять завесу тайны. Он говорил на местном наречии как настоящий браман, писал работы на тамильском языке, в которых христианство, странным образом перемешанное с индусской мудростью, приняло вид совершенно индусского учения. Он составлял песнопения, настолько похожие и по своей форме, и по своему содержанию на древние гимны индусским богам, что только опытный глаз мог различить их.

Разумеется, он сохранил много языческих обычаев в культе братств, образованных из его учеников, и относился с большим уважением к кастовым предрассудкам индусов. Он никогда не соприкасался с парием, никогда не переступал порога жилища людей низших каст. Если ему нужно было причащать их, он протягивал им гостию на конце маленькой палочки или приказывал принести ее к их дому. Это чрезмерное внимание к индусским обычаям стало в конце концов шокировать европейцев. Архиепископ Гоа вызвал его (в 1618 году) на свой суд, и когда он явился в костюме кающегося, негодование, охватившее всех, даже присутствовавших иезуитов, было так велико, что архиепископ счел необходимым передать это дело на рассмотрение папскому престолу.

В Риме Нобили также встретил самое решительное сопротивление; члены ордена протестовали первыми. Дядя Нобили, кардинал Беллармин, весьма ре-

шительно настаивал, чтобы курия выступила против Нобили. Но инквизитор в Гоа защищал его с таким усердием, что папа Григорий XV решился, 31 января 1623 года, прекратить преследование и терпеть малабарские обряды впредь до более обстоятельного расследования. Нобили смог спокойно продолжать свою деятельность в обычных формах вплоть до самой смерти (1656 г.) и обучить своему методу всех братьев Южной Индии.

Казалось, успех оправдывал его. В 1576 году в Мадуре, Мараве, Карнатике и Мизоре насчитывалось уже около 250 000 индусов-католиков. Напротив, когда папа Бенедикт XIV запретил малабарские обряды, то не только немедленно приостановились обращения, но множество уже обращенных индусов тотчас же вернулось обратно к язычеству. В 1822 году аббат Дюбуа нашел на территории орденских миссий в Южной Индии всего лишь 80 000 католиков, и то, по его свидетельству, эти 80 000 католиков охотнее покинули бы христианство, чем языческие обычаи и верования, терпимые иезуитами, – поразительное доказательство конечного поражения хитроумного метода Нобили.

В то время когда Нобили выступил в Мадуре, отцы уже начали проповедь Евангелия на севере Индии, в царстве и при дворе Великого Могола. Уже в 1575 году трое из них дружелюбно приняты великим Акбаром. Но враждебное отношение мусульманских мулл заставило их немедленно покинуть страну. Другие, приглашенные вскоре после этого Акбаром, также скоро удалились, увидев, что Великий Могол, проникнутый философскими идеями, думает не о переходе в христианство, а об основании новой религии. Только в 1595 году иезуиты смогли получить прочную резиденцию в Лахоре и устроить здесь христианскую общину.

Акбар милостиво предоставил отцам полную свободу действия. Сам он старательно изучал «Жизнь Иисуса» и биографию апостола Петра, составленные для него с помощью одного магометанина на персидском языке Иеронимом Ксавье, племянником великого Франциска Ксавье, и благосклонно принял в подарок изображение Мадонны. Но дальше этого он не пошел. Только при его преемнике и сыне Джахан-Гире (1605–1627) у отцов явилась надежда завоевать для христианства и это царство. Трое из принцев царской фамилии приняли крещение в 1610 году, а сам Джахан-Гир открыто заявлял о своем намерении перейти в христианство. Правда, мотивом его обращения была слабая привязанность к магометанской вере и мысль, что став христианином, он сможет свободнее предаваться вину.

Пока же отцы-иезуиты смогли благодаря щедрости одного богатого армянина устроить в 1621 году коллегию при своей резиденции в Агре и открыть в том же году новую резиденцию в Патне. Преемник пьяного султана Шах-Джахан (1627–1658) также был очень благосклонен к иезуитам, а при его сыне Даре отцы смогли утвердиться в Мультаке и Кабуле. Но вместе с Ауренг-Дзобом (1660–1707) к власти вернулось самое узкое мусульманское правоверие, немедленно же уничтожившее все поселения и общины иезуитов.

Лучше были успехи иезуитов в Индокитае, где в лице французского отца Александра де Родеса они нашли борца, соединявшего в себе неутомимую страсть к путешествиям и завоеваниям Франциска Ксавье с гибкостью Роберта де Нобили: «С царями он беседовал о математике и физике и в то же время возвещал народу слово Божие». В Тонкине он с большим успехом воспользовался тем, что народ с давних пор привык метить детей черным крестом с целью защитить их от злых ду-

хов. В первый же год своего пребывания (1624–1625) он сумел крестить 1200 новообращенных и среди них семнадцать родственников короля. Особенно поразила его предупредительность бонз: двести этих жрецов, которые в других местах проявляли большую враждебность к миссионерам, присоединились к нему и предложили свои услуги для распространения христианства. Один из них привел к Родесу до 500 новообращенных. Благодаря этому общины росли настолько быстро, что в 1660 году в Тонкине насчитывалось уже 300 000 христиан и 386 церквей.

Еще успешнее развивалась церковь в Кохинхине. Уже до прибытия Родеса здесь работали с большим успехом отцы Бузони и Карвальо, с 1615 года. В конце XVII века в Кохинхине насчитывалось около 1400 христианских храмов. Тем не менее ни здесь, ни в Тонкине новая церковь не могла с уверенностью смотреть в будущее. Иезуитских миссионеров часто изгоняли, их церкви большей частью разрушались. Если бы им не удалось образовать туземного духовенства и даже ввести в иезуитский орден нескольких тонкинцев, они бы лишились и здесь всех плодов своего труда.

Нигде, может быть, им не пришлось испытать столь сильного разочарования, как на островах, лежащих к югу и востоку от Азии. Лишь на Филиппинских и Марианских островах они могли с 1750 года действовать свободно под покровительством Испании. В 1773 году они владели здесь 16 коллегиями; два миллиона тагалов были «подчинены закону Бога». На Молуккских островах они встретили в лице ислама настолько опасного противника, что добились лишь очень незначительных успехов. Позднее их безжалостно раздавила нисколько не стоявшая выше них колониальная миссия голландцев.

Еще хуже обстояло дело в Японии. После отъезда Ксавье руководство миссией взяли в свои руки старый мореход Торрес и светский брат Фернандес. Их работа не была безуспешной. Тем не менее в 1573 году в этой обширной империи существовало лишь 8 миссионеров и миссионерских станций. Только в следующее десятилетие дело обращения в христианство стало идти быстрее. В 1576 году была открыта первая католическая церковь в Миако на острове Нипоне. Приблизительно в это же время принял крещение король Аримы; в 1578 году то же сделал и король Бунго; в 1579 году был основан по совету иезуитов новый город, Нагасаки, специальное назначение которого было стать центром японских христиан всех частей империи. Отцы утверждали, что в Японии насчитывалось до 100 000 новообращенных. Но на эти 100 000 верующих было всего-навсего 23 миссионера.

Орден должен был как можно скорее увеличить свои силы и обеспечить новым общинам регулярную духовную поддержку. Итальянец Александр Валиньяни, явившийся в первый раз в Японию в качестве визитатора, понял и разрешил эту задачу. Он организовал миссионерские округа, основал всюду, где это было возможно, церкви и учреждения ордена, открыл японским христианам доступ в орден и этим путем более чем утроил число миссионеров. Желанный успех не заставил себя долго ждать. В 1587 году в Японии насчитывалось 240 церквей, 2 иезуитские коллегии, 30 миссионерских станций, 1 иезуитский пансион для молодых дворян, 119 отцов-миссионеров и 200 000 христиан-туземцев. Но в этом же самом 1587 году произошел переворот.

В момент своего прибытия иезуиты застали Японию в состоянии полной анархии. Микадо в Киото уже в течение долгого времени обладали лишь тенью

власти. Страна раздиралась дикими гражданскими войнами, в которых иностранцы волей-неволей должны были принимать участие. Империя фактически распалась на бесчисленное количество мелких сеньорий, отчаянно боровшихся между собой. Иезуиты извлекли большие выгоды из этой анархии и своих тесных отношений с португальскими купцами. Но скоро положение изменилось, и в весьма невыгодную для них сторону.

С 1582 года узурпатор низкого происхождения Тойтоми Гидейоши принялся с большой ловкостью и энергией за восстановление национального единства. Первоначально он позволил иезуитам мирно развивать свое дело; он надеялся даже воспользоваться их поддержкой для осуществления своих честолюбивых планов. В 1585 году он поручил провинциалу Цеглио достать ему европейские суда для войны против Китая. Но наличие среди последователей иезуитов большого числа крупных вассалов, самураев и военачальников внушила ему недоверие к ним, которое с течением времени все росло. Он легко позволил старому бонзе Акуину убедить себя в том, что иностранцы составили план передать Японию в руки португальцев, опираясь на свою партию, которая непрерывно усиливалась.

Под этим предлогом Гидейоши в 1587 году внезапно приказал вождю японских католиков Укондоно отречься от христианской веры и велел иезуитам покинуть островную империю. Иезуиты не отдавали себе отчета во всей серьезности положения. Может быть, они полагали, что превосходная организация верующих позволит им оказать сопротивление Тайкосаме, как называл себя Гидейоши. Как бы то ни было, они остались. Это неблагоразумие обошлось им очень дорого. С этого момента диктатор твердо убедился, что христиане составляют политическую опасность, и на-

чал действовать в соответствии с этим. В 1588 году он, подобно императору Диоклетиану, велел разрушить христианские церкви. Вскоре другим указом он запретил под угрозой смерти публичный культ и публичную проповедь христианства, а затем произвел массовое избиение тех, кто принимал, несмотря на указ, крещение: число загубленных им жертв за один только 1590 год определяют в 20 570 человек.

Напрасно Александр Валиньяни, явившийся к нему в 1591 году в качестве посла вице-короля Индии, пытался изменить его решение. Преследования продолжались. В конце концов «великий государь» осмелился поднять руку даже на миссионеров, которых до этого времени щадил из уважения к португальцам. В феврале 1597 года в Нагасаки по его приказанию были распяты 6 францисканцев, 3 иезуита и множество новообращенных японцев. В то же время он изгнал из Японии всех иезуитских миссионеров. Однако на этот раз Валиньяни удалось смягчить его гнев. Указ об изгнании не был приведен в исполнение. Мало того, «великий государь» снова стал относиться благосклонно к некоторым иезуитам. Но он умер 15 сентября 1598 года, не достигнув своей цели – восстановления национального единства.

Молодая японская церковь в течение этого периода мужественно вынесла огненное испытание мученичества. Десятки тысяч ее членов умерли в жестоких мучениях. Но даже в те годы, когда все церкви были закрыты и когда иезуиты могли действовать только в тайне, другие десятки тысяч японцев мужественно требовали крещения. Не было массовых отречений, которые так часто повторялись в истории церкви. Благодаря этому молодая церковь быстро оправилась в период анархии, последовавшей за смертью Тайкосамы. В 1614 году насчитывали до 600 000 японцев-христиан.

Между тем первый сёгун Токугава Иэясу снова взялся за дело Тайкосамы; он почти подавил частные войны внутри страны и реорганизовал все управление. В то же время иезуиты встретили новых опасных врагов в лице голландских и английских купцов, которые стремились захватить в свои руки японскую торговлю. Эти кальвинисты и англиканцы не постеснялись уговорить сёгуна потопить в крови японскую церковь, снова достигшую цветущего состояния. К сожалению, это им полностью удалось. С 1613 года во всей Японии опять началась истребительная война против христиан, и голландцы были достаточно умны, чтобы побудить сёгуна направить свои удары не только на массы верующих, но и на миссионеров.

Число жертв было значительно больше числа жертв, павших во время старых преследований. Оно достигло 30 000 человек за один только 1624 год; жестокость казней превзошла все, что рассказывает нам Евсевий о мучениях христиан в Египте при Максимине Дайе. Даже хладнокровные голландцы, безжалостно доносившие сёгуну о всех католических монахах и со спокойным сердцем попиравшие ногами крест, чтобы обеспечить себе свободу торговли, не могли без ужаса рассказывать об этих страшных казнях. Наконец, когда третий сёгун издал указ, обязывавший всех японцев носить на груди языческий амулет, христиане, остававшиеся еще на острове Киу-Сиу, в отчаянии взяли за оружие. Но они решились на это слишком поздно. Сёгун 12 апреля 1638 года окружил несчастных при Шимбаре и перебил 37 000 человек.

Несмотря на это, иезуиты снова пытались проникнуть на японский архипелаг. Но они не могли укрыться ни от шпионов голландской компании, ни от палачей сёгуна. После катастрофы при Шимбаре блестящая японская церковь была уничтожена. Только по сосед-

ству со старым иезуитским городом Нагасаки продолжала существовать в глубокой тайне маленькая община вплоть до самого падения сёгуната в 1869 году. Благодаря этой истребительной расправе, к великому удовлетворению Голландии, ни один португальский или испанский купец уже не оспаривал более у благородных господ Амстердама выгод японской торговли.

В Китае отцы действовали не так героически, но зато гораздо умнее. Ксавье дошел лишь до врат Небесной империи; его непосредственные преемники не пытались даже и приблизиться к ней. Только после того, как великий Александр Валиньяни взял в 1579 году в свои руки управление японской миссией, иезуиты начали работы и в Китае. Первые отцы, Михаил Руджиеро (1581) и Пацио (1582), достигли только Кантона. Но третий, Маттео Рикки, начиная с 1583 года постепенно приобрел влиятельное положение для своего ордена в главных городах империи.

Придя к вполне основательному убеждению, что все новое может проникнуть в Китай только в том случае, если его возьмут под свое покровительство богатые и культурные классы, Рикки старался, как позднее Нобили, привлечь на свою сторону образованных людей. Он изучил диалект, на котором говорил правящий класс мандаринов, ознакомился с китайской наукой и весьма удачно перемешивал свои религиозные проповеди с лекциями по экспериментальной физике и математике. Но он вскоре должен был признать, что даже при помощи математики и физики не смог найти душевной близости с китайцами, если не принял почитания Конфуция и культа предков, по крайней мере как священных государственных традиций. Решившись на это, он представил христианство как завершение конфуцианства и молчаливо признал культ предков.

Результат, на который он надеялся, не заставил себя долго ждать. Несмотря на враждебное отношение, от которого он удачно сумел избавиться, надев костюм мандарина, он смог в 1599 году заложить в Нанкине первый католический храм. Что еще важнее, ему удалось в 1601 году получить в Пекине аудиенцию у императора Ван-Ли. Рикки поднес ему шедевры механической техники, никогда еще не виданные в Китае: стенные и карманные часы. Ван-Ли был настолько очарован изобретательным иностранцем, что немедленно же согласился разрешить ему доступ ко двору, даровал ему пенсию и поручил составить большую стенную карту Китая. Рикки выполнил эту задачу с таким искусством, что император немедленно приказал выткать на шелку десять таблиц этой карты и повесить их в своей комнате.

Однако Рикки воспользовался этим случаем для того, чтобы сделать что-нибудь и для религии; он поместил на белых местах карты кресты и тексты из священного писания. Благодаря этому остроумному соединению научного преподавания с миссионерской деятельностью христианство ступило твердой ногой в Пекине. Когда 11 мая 1610 года умер Рикки, в возрасте всего-навсего пятидесяти восьми лет, но истощенный трудом, общественными обязанностями, непрерывными визитами, бесконечными обедами, на которых он должен был присутствовать в качестве знатного иностранца, в Пекине существовала не только христианская община, но даже конгрегация «детей Марии». Его сподвижники успешно продолжали дело, применяя те же методы.

В 1617 году насчитывалось уже 13 000 обращенных. Но в том же 1617 году наступила реакция. Под влиянием нанкинского мандарина Шина император издал указ, изгонявший всех иностранцев из Китая.

Жившие в Нанкине и Пекине отцы были заключены в деревянные клетки и отправлены к португальцам в Макао. Но вскоре их призвали обратно, надеясь получить при их посредстве португальских офицеров для руководства экспедицией против татар. Эта надежда, правда, не осуществилась, но тем не менее отцы вскоре стали необходимыми благодаря своим знаниям. Отец Иоанн Адам Шалль, родом из Кельна, приобрел своими написанными на китайском языке сочинениями по математике и астрономии такую известность, что был в 1644 году назначен председателем математического трибунала в Пекине¹.

Влияние, которое получил орден, находит свое выражение в росте числа общин: в 1617 году насчитывалось 5 церквей и 19 000 крещенных; в 1664 году уже 159 церквей и 257 000 крещенных, 41 резиденция Общества Иисуса. Однако в том же 1664 году произошла новая реакция: иезуиты были заключены в тюрьму, и Шалль приговорен к смерти. Когда все приготовления к казни были уже закончены,— Шалль должен был, по китайскому обычаю, быть разрезан живым на 1600 кусков,— Пекин был охвачен землетрясением и пожаром императорского дворца. Охвативший всех страх парализовал ненависть к иностранцам.

---

¹ Трибунал математиков «двор астрономических наблюдений» (К'ин-тьен-Кьен). Мой собрат Эд. Шаванн сообщил мне описание функций этого трибунала, как оно дано о. Гоангом в его «*Melanges sur l'Administration*» (№ 21 его «*Varietis Sinologique*»): «На обязанностях этого трибунала лежит: а) производить астрономические наблюдения; б) предсказывать лунные и солнечные затмения; в) составлять ежегодно календарь; d) объявлять о днях жертвоприношения императора; е) выбирать дни и часы для того, чтобы праздновать торжества, закладывать постройки, запирать в конце года правительственные печати и снова выдавать их в начале нового года. — Прим. Моно.

Шалль смог умереть мирно в 1666 году. Однако его товарищи должны были покинуть Китай без всяких стеснений. Но, несмотря на все, влияние иезуитов было настолько прочно и их партия настолько сильна, что император Канг-хи был вынужден призвать их обратно в 1669 году и приказать торжественно похоронить останки Ям-ио-Вама (Иоанна Адама Шалля). Эти необычные почести явились лишь началом целого ряда исключительных милостей.

После того как отец Вербист исправил календарь, пришедший в полное расстройство вследствие невежества придворных астрономов, император велел передать трибунал математиков на вечные времена в ведение иезуитов. Сам Вербист был назначен его председателем и в этой должности доставил обсерватории те знаменитые астрономические инструменты, которые впоследствии «завоевала» для Германии смелость немецких солдат. Кроме того, его провозгласили «великим человеком», и, по китайскому обычаю, он был возведен в дворянство со всеми своими предками. Поступив на службу к императору, он построил пушечный завод в Пекине и сопровождал императора на войну. Смерть Вербиста в 1688 году не изменила расположения Канг-хи к иезуитам. Он пользовался услугами отцов даже для дипломатических переговоров и заставлял их лечить свои болезни.

Но в это время в Китай явились в качестве миссионеров члены других религиозных орденов и ученики новой парижской миссионерской семинарии. К великому своему удивлению и возмущению, они увидели, что обращенные иезуитами китайцы приносят жертвы Конфуцию и предкам. В китайской миссии вспыхнула сильнейшая внутренняя борьба. Папа послал собственного легата, чтобы произвести расследование. Император Канг-хи 22 июня 1706 года торжественно

принял иностранца и заявил ему, что эти жертвы являются чисто гражданскими церемониями. Таким образом, император-язычник защищал перед папским послом дело иезуитов! Никогда орден не одерживал еще в Китае подобной победы.

Но нужно сказать, что заявление императора было не вполне искренним. В Китае все религиозные церемонии, поскольку они являются публичными актами, представляют собой гражданские обязанности. Легат не дал ввести себя в заблуждение и запретил так называемые китайские обряды. Кан-хи, запретивший в 1706 году всякие возражения против этих обрядов, не колебался ни минуты: он изгнал легата и распустил все иезуитские миссии. Этот несчастный конфликт, продолжавшийся еще несколько десятилетий, является началом упадка иезуитской церкви в Китае. Император Ионг-Чинг (1722–1735) запретил в стране христианство, и его преемник Кинлонг (1735–1796) не отменил указа Ионг-Чинга, хотя и терпел иезуитов в Пекине.

В то время как христианская церковь постепенно погибала, отцам разрешалось по-прежнему служить Сыну Неба в качестве архитекторов, живописцев, составителей карт, математиков. Некоторые иезуиты удержали за собой эти должности даже после уничтожения ордена: последний из них умер 12 ноября 1805 года, будучи членом трибунала математиков¹.

Трагическая судьба! То, в чем Рикки видел некогда лишь средство для достижения цели, в глазах китайцев стало единственной целью миссии: они считали отцов настолько замечательными математиками,

---

¹ В XIX столетии лазарист О. Серра заседал в этом трибунале до 1837 года; последним членом трибунала был о. Луи де Пуаво. – *Прим. Моно.*

астрономами и художниками, что с радостью шли к ним на выучку. На это указывает проникновение иезуитского стиля в китайскую художественную промышленность. Но как миссионеры они оказывали очень слабое влияние. Поэтому нужно признать, что Рикки не сумел разрешить трудную проблему о том, как христианская миссия должна вести работу в народе, обладающем столь древней собственной цивилизацией. Система, так остроумно примененная им к проповеди христианства, не смогла создать настоящей национальной китайской христианской церкви; она создала лишь смешанную христианско-китайскую религию, которой недоставало главной добродетели христианской веры – способности устоять во время преследований.

Миссия на Дальнем Востоке была наследием Франциска Ксавье. Сам основатель ордена никогда не занимался ею серьезно. Его интересовали другие духовные завоевания, и прежде всего борьба с исламом при помощи как духовного, так и светского оружия. Ибо в душе старого испанского рыцаря, выросшего в религиозной и рацарской атмосфере эпохи крестовых походов, идея миссии, естественно, была созвучна с планами крестовых походов.

Воспитывая в Риме турецких детей, Ксавье старался сделать из них миссионеров, чтобы поразить ислам в самое сердце духовным оружием, в то же время он составил обширный план, имевший целью уничтожить военные силы неверных в Средиземном море. Как старый солдат он прекрасно понимал, что для этого прежде всего необходим большой флот. Поэтому он представил в 1554 году испанскому вице-королю в Сицилии тщательно разработанный план организации морских сил. Ксавье высчитал, что испанское правительство должно было собрать, по меньшей мере, двести или трис-

та кораблей. Он не останавливался ни перед какими расходами и без всяких колебаний предложил покрыть их, обложив податью духовенство и богатые монашеские ордена. В случае сопротивления с их стороны, папа должен был принудить последних силой. К несчастью, этот план показался вице-королю слишком «безбрежным». Но религиозно-рыцарское увлечение священной войной против Магомета продолжало жить в недрах ордена даже много лет спустя после смерти основателя. Франциск Борджиа, будучи генералом ордена, энергично работал над организацией великой католической лиги, одержавшей 7 октября 1571 года лепантскую победу, так часто прославлявшуюся поэзией и искусством.

Духовная борьба против ислама оказалась еще более бесплодной, чем крестовый поход. Ни в Фецце, ни в Исфагане, ни в Ормузе, ни в Индии, ни на Молуккских островах орден не смог добиться длительных успехов. Удачнее была его деятельность среди христиан мусульманских государств и в древних христианских государствах Востока. Однако план, более всего интересовавший самого Игнатия, — попытка вернуть под власть Рима Абиссинию, закончился полной неудачей. Правда, отцу Паецу удалось в 1604 году обратить негуса Ца-Денгаля и устроить коллегию в Горгоре, в Дембре. Но Сеггед II снова изгнал всех католиков и в 1638 году приказал фанатическим монофизитским монахам жестоко замучить нескольких отцов-иезуитов.

Все попытки обратить в католичество коптов также остались бесплодными; армянская миссия в Эрзеруме тоже работала до 1686 года без всякого результата. Напротив, марониты Ливана в конце концов соединились в 1736 году с римской церковью, правда лишь после 150 лет непрерывных усилий. Отцам удалось обратить в католичество даже некоторое ко-

личество православных греков в иезуитских станциях в Константинополе, Наксосе, Негропонте, Салониках и Крыму. Но наиболее блестящим успехом была победа, одержанная ими против протестантизма: они свергли в 1638 году константинопольского патриарха Кирилла Лукариса, склонявшегося к протестантизму.

Еще усерднее орден работал на обширной миссионерской арене, которая открывалась для него в мусульманских частях черного континента, в западно-африканских владениях Португалии и в португальском Конго. Еще Ливингстон нашел здесь развалины гигантских сооружений, построенных некогда иезуитами, и племена, научившиеся у иезуитов читать и писать. Но, в общем, и здесь, среди негров, ордену пришлось сделать печальный опыт, насколько трудно христианским миссионерам одержать верх над мусульманскими дerviшами. Еще большие затруднения встретили отцы в Гвинее и Сенегамбии. Единственно верным успехом, на который они могли рассчитывать здесь, было мученичество.

Завоевание Нового Света

Необходимо отметить блестящие победы, одержанные орденом за Атлантическим океаном, в Новом Свете. И здесь орден иезуитов первоначально лишь откликнулся на призыв великих католических колониальных держав. Но вскоре он научился действовать самостоятельно и стал опережать колониальные правительства, независимо ставить, разрабатывать и решать великие проблемы цивилизации, которые ставили перед завоевателями девственные страны с их поразительными естественными богатствами и миллионами диких туземцев.

Первой державой, привлечшей орден на свою службу в Новом Свете, была опять-таки Португалия. В 1549 году она призвала иезуитов в Бразилию. Испания последовала этому примеру в 1567 году, Франция, в 1611-м. В Бразилии отцы вступили на совершенно девственную почву. В Новой Франции, современной Канаде, почва для них была уже отчасти подготовлена францисканцами-реколлектами. Наконец, в испанских колониях иезуиты нашли установленную законами и в значительной степени уже испытанную на практике систему миссионерства и колонизации.

Однако результаты действия этой системы были заметны пока лишь в старых культурных странах Америки, Мексике, Новой Гренаде, Квито, Перу. Только в этих областях в 1567 году была закончена церковная организация, по крайней мере в общих очертаниях. Язычество было здесь отчасти уже истреблено доминиканцами, францисканцами и отшельниками-августинцами.

Европейская колонизация развивалась энергично; новое распределение земельной собственности было почти закончено. Но даже в этом узком круге древних культурных стран иезуиты нашли для себя достаточно дел. Переселившаяся сюда знать, сконцентрировавшаяся, насколько это было возможно, в немногих городах, требовала так же настоятельно, как и в Европе, их услуг в качестве духовников, проповедников и воспитателей. Епископы, выбиравшиеся короной почти всегда из клириков метрополии, считали содействие отцов в подготовке колониального духовенства еще более необходимым, чем в Испании.

Высшие гражданские должностные лица колониальной администрации, которые, по испанскому обыкновению, также формировались из чиновной аристократии метрополии, чувствуя себя чуждыми этому новому

краю и его нуждам, еще чаще, чем в Европе, обращались по всем церковным и политическим делам к просвещенным советам и могущественному влиянию отцов-иезуитов. Таким образом, орден очень скоро развил очень широкую деятельность и приобрел весьма значительные богатства и влияние. Доказательством этого служат 52 коллегии, университета и семинарии, которые он основал в испанских владениях в Америке в течение первого века своей деятельности.

Впрочем, даже в этих старых культурных областях, рано уже попавших под испанское влияние, деятельность ордена не ограничивалась одним обслуживанием религиозных нужд белых. Наряду с проблемой перенесения в Новый Свет старого европейского общества со всеми его учреждениями, перед орденом вставала также проблема обращения в христианство и испанизации туземцев, а впоследствии и импортированных рабов-негров.

Впрочем, эта последняя проблема занимала орден относительно продолжительное время лишь в Новой Гренаде, где особенно процветала работорговля. Здесь, в Карфагене, в конце XVI и в начале XVII века отец Сандоваль устроил настоящую миссию для рабов. Его превзошел каталонец Петр Клавер, умерший в 1654 году. В течение тридцати девяти лет этот неутомимый друг негров посещал каждый корабль, прибывавший с грузом рабов, чтобы накормить и напоить черных детей гвинейского берега, утешить их на их родном языке и, по возможности, крестить. В течение тридцати девяти лет он обходил Карфаген и его окрестности, хижину за хижинкой, проповедуя здоровым рабам, ухаживая за больными, утешая умирающих, обучая наиболее смысленных детей ремеслу переводчика и, прежде всего, осмотрительно и строго наблюдая за тем, чтобы белые господа выполняли гуманные предписания правительства.

Не было пустой фразой то, что он в 1622 году присоединил к обетам професса обет всю жизнь служить Богу в лице рабов и когда подписался: «Петр, раб рабов навсегда». Он более чем выполнил этот обет, он принес ему в жертву свою жизнь. Тем более кажется странным, что этот столь благородный человек никогда не думал протестовать против самого института рабства. Очевидно, это выходило за пределы его кругозора.

Мысль о подобном протесте никогда не приходила в голову и другим членам ордена. Мало того, позднее орден без всяких угрызений совести обрабатывал свои плантации на Антильских островах руками купленных рабов. Это поразительно, но вполне понятно. Рабство в испанской Америке никогда не носило того грубого характера, как на виргинских плантациях. У рабов были установленные законом дни отдыха совершенно так же, как и у белых рабочих. Раб мог вступать в законный брак; нельзя было заставить его жениться против воли, стеснить его свободы в выборе жены. Нельзя было разлучить его с его женой и малолетними детьми, лишить его необходимой одежды и пищи или помешать ему выполнять его религиозные обязанности.

Церковь и государство соединяли свои усилия для того, чтобы не позволить этим предписаниям остаться мертвой буквой. Власти всегда деятельно поддерживали Петра Клавера. Поэтому не следует удивляться, что он и его преемники в своей миссионерской деятельности среди рабов принимали рабство как данный факт. При существовавших тогда условиях протест против этого института как института не только ни к чему бы не послужил, но и поставил бы под знак вопроса все успехи отцов и даже ухудшил бы положение рабов.

Однако своей главной задачей в Америке, как и в других странах, орден считал обращение в католичество туземцев. В Бразилии и Новой Франции он с самого же начала посвятил все свои силы этому делу. В колониальной империи Испании корона позднее обратилась к его содействию, но зато энергичнее. Проблема, которую предстояло ему решить, была не только миссионерской проблемой, но и очень трудной культурной проблемой, которая, по крайней мере в Испании, непрерывно занимала и церковь и государство в течение нескольких поколений. Правда, индейцы, которых орден должен был обратить в христианство, отчасти уже вышли из совершенно дикого состояния, но в общем у них еще не было ни домашних животных, ни железных орудий, ни постоянных жилищ. Это были большей частью бродячие охотники и рыболовы, а в Южной Америке почти поголовно людоеды. Эти каннибалы набрасывались на упавшего на землю врага как на какую-нибудь дичь и немедленно пожирали его. Они умели даже искусственно откармливать своих женщин, чтобы потом, в подходящее время, зарезать их.

Необходимо было сначала собрать эти бродячие орды, сделать их оседлыми, обеспечить им средства к существованию, и только сделав это, можно было сколько-нибудь серьезно подумать об обращении их в христианство. Трудное предприятие, выполнение которого возможно было только при наличии героизма, полного самоотречения и религиозного энтузиазма. Иезуиты были воодушевлены этим героизмом. Они обладали также мужеством, необходимым для разрешения трудного вопроса о туземцах, который являлся вопросом жизни или смерти для колониальных держав и который поэтому сильно волновал всех их.

Чтобы разрешить стоявшую перед ними проблему, иезуиты с самого начала усвоили себе принципы, ко-

торами руководствовался великий доминиканец Лас Казас и которые лежат в основе известных испанских законов об индейцах 1530 и 1542 годов, принятых под влиянием Лас Казаса: они самым решительным образом выступили против порабощения туземцев. Но, подобно Лас Казасу, они не остановились на этом. Иезуиты отвергли всю, без исключения, несвободную работу туземцев на белых колонистов, даже в смягченной форме испанской *Encomienda*, где рабочие были прикреплены к земле землевладельца. Они признавали только лишь систему конкисты, лишь один способ принуждения туземцев – духовную конкисту, *Conquista espiritual*, вождем которой был миссионер, единственным орудием – слово, а целью – обращение туземцев в христианство.

Эта система была изобретена не ими. Ее предложил Лас Казас еще в 1520 году; он впервые пытался применить ее в 1536 году среди индейцев Альта Вера Пац, в современной Гватемале, и добился успеха. Неизвестно, знали ли иезуиты об этой попытке. Во всяком случае, они первые систематически предприняли повсеместно духовную конкисту; они первые пустили в ход все свои силы, чтобы осуществить ее среди гуаранисов Параны и Уругвая, гуронов и ирокезов реки Святого Лаврентия, среди караيبов Венесуэлы и лайманов Нижней Калифорнии, среди чикитосов и мохосов Перу и лесных племен Северной Мексики, среди арауканцев Чили и семинолов Флориды. В конце концов они испробовали эту систему даже за пределами Америки и достигли, по крайней мере среди тагалов Филиппинских островов, значительных внешних успехов. В Америке результаты отвечали их желаниям лишь в испанских колониях. В Новой Франции духовная конкиста потерпела полное крушение. В Бразилии она добилась лишь половинчатой победы. Но Брази-

лия была первым опытом ордена. Именно здесь иезуиты ознакомились с данными индейского вопроса; здесь они нашли и его разрешение. Поэтому при изучении и оценке иезуитской конкисты в Америке исходным пунктом нужно брать Бразилию.

Когда иезуиты в количестве шести человек высадились в 1546 году в Багии, колонизация Бразилии только начиналась. Португальцами было занято лишь несколько пунктов на побережье. Не существовало еще никакой государственной организации. Церковная организация совершенно отсутствовала. Иммиграция была слаба, и иммигранты сначала набирались в значительной мере из бандитских притонов и кабаков Лиссабонского порта. Единственно ощутимым для колонии результатом прибытия этих авантюристов, матросов и ссыльных преступников было появление значительного числа метисов обо-его пола, рожденных от свободных союзов иммигрантов с женщинами из племени гуаранис.

Эта первая бразильская знать разрешала индейский вопрос по-своему, с ужасной простотой. Европейец считал само собой разумеющимся, что он может убить или обратить в рабство столько краснокожих, сколько ему покажется угодным. Иезуиты думали иначе. Они немедленно начали борьбу за свободу туземцев и без всяких колебаний принялись проповедовать Евангелие среди гуаранисов и туписов на их языке, обращать, крестить и цивилизовать их, сначала на побережье, а затем и внутри страны, куда они производили смелые экспедиции. Их мало беспокоило то обстоятельство, что та или иная индейская орда выражала иногда дружеское намерение испробовать их мясо.

Гораздо больше смущало их то, что отдельные племена благодаря непрерывным переменам мест своих стоянок быстро ускользали из-под их влияния, даже если до того они весьма охотно слушали слова и осо-

бенно музыку отцов. Первый провинциал Мануэль де Нобрега вывел из этого факта вполне верное заключение, что вся работа ордена останется бесплодной, если не удастся сделать новообращенных оседлыми. Поэтому начиная с 1558 года он стал собирать крещенных туземцев и селить их в постоянных поселках, где они должны были постоянно находиться под надзором миссионеров. Манисоба в современном штате Святого Павла была первым *Aldeamento*, первой редукой, первой миссионерской станцией, созданной орденом. Но соби- рание индейцев оказалось бы почти бесполезным, если бы иезуитам одновременно не удалось совершенно изо- лировать их от воздействия колонистов и монополизи- ровать все сношения с ними. Поэтому в ближайшие же годы они пустили в ход все влияние, которым они рас- полагали при португальском дворе, чтобы добиться не- обходимых мер. Но они не нашли в Лиссабоне ни яс- ной воли, ни твердой руки, которые были нужны для этого дела. Здесь слушали то иезуитов, то колонистов и новых феодальных сеньоров.

Наконец король Себастьян издал в 1574 году за- кон, который якобы считался с желаниями обеих сто- рон. Колонисты получали разрешение обращать в рабство индейцев, взятых в плен во время «законных войн», продавать и покупать индейцев, уже состоя- щих рабами. Иезуитам было обещано, что корона будет считать всех индейцев, живущих в миссионер- ских деревнях, людьми свободными и будет защи- щать их свободу даже за пределами миссий, если только они не будут находиться в отсутствии долъ- ше года. Но креолы и метисы мало считались с при- казаниями из Лиссабона, пока король не заставлял исполнять свою волю силой. А для этого у португаль- ского правительства не хватало ни доброй воли, ни достаточного количества солдат, ни денег.

Борьба между иезуитами и колонистами из-за индейцев продолжалась в течение XVI и XVII веков; она велась с обеих сторон с таким ожесточением, что неоднократно дело доходило до настоящих гражданских войн. Генеральной квартирой врагов иезуитов и индейцев были штат Святого Павла и штат Марангао. Метисы, или «*tamelucos*», занимавшиеся охотой на индейцев в качестве регулярного промысла, в 1640 году прогнали в конце концов иезуитов из штата Святого Павла и разрешили им в 1653 году вернуться лишь при том условии, что отцы не будут мешать своими громкими протестами их честному ремеслу.

В то время как на юге орден вынужден был подчиниться этому жестокому унижению, на севере, в штате Марангао, отец Антоний Виейра начал свою борьбу против охотников за рабами Сен-Луиса и Белема. Незадолго до этого он был придворным проповедником Лиссабонского двора и пользовался огромной известностью как юрист и дипломат. Но он без всякого сожаления покинул свое блестящее и влиятельное положение и в качестве визитатора ордена отправился обращать в католичество индейцев Северной Бразилии. Его красноречие произвело даже в провинции Марангао настолько сильное впечатление, что в 1653 году население Сен-Луиса и Белема единодушно высказалось за запрещение охоты за людьми. Но этот энтузиазм был непродолжителен. Запрещение было отменено уже в 1654 году.

Тогда Виейра отправился в Лиссабон. В Америке он добился всего, чего хотел: иезуиты получили в 1655 году духовную и светскую власть над всеми не покоренными еще индейцами области Амазонки. В то же время губернатором провинции был назначен бразилец, расположенный к Виейре. После этого мужественный иезуит мог с успехом приняться за духов-

ное покорение страны туписов и караибов. На острове Марайо, в бассейне Токантина, Шингу, Амазонки и всюду, где появлялись черные рясы, индейцы тысячами променивали свою свободу на подчинение мягкой власти иезуитов и селились деревнями под управлением отцов. Даже страшные каннибалы Цеары и Пиауги начали, благодаря мягким увещаниям Виейры и его послов, постепенно соединяться вместе и переходить к земледелию. Не нужно обладать большим умом, чтобы понять, какие выгоды обеспечивал этот успех всей провинции Марангао: нападения лесных индейцев прекратились; пограничная территория колонии открылась для колонизации; сухопутная дорога между Марангао и Пернамбуко стала с этого времени столь же свободной и безопасной, как и морская.

Однако в Марангао никак не могли примириться с запрещением охоты на человека. В 1661 году коллегии иезуитов в Сен-Луисе и Белеме были взяты приступом, иезуиты арестованы и посажены на корабли. Сам Виейра, имевший мужество броситься навстречу возмущившейся толпе, был сначала жестоко избит, затем отправлен под стражей в Сен-Луис и, наконец, осужден на вечное изгнание вместе со всеми членами ордена. В Лиссабоне изгнанник нашел много симпатий, но ни малейшего желания наказать бунтовщиков. Напротив, правительство из боязни ухудшить положение дел поспешило утвердить изгнание Виейры, уничтожить все привилегии иезуитов и закрыть глаза на возобновление охоты за людьми. Лишь в 1680 году король Педро II осмелился отменить эти скандальные меры и восстановить право иезуитов на неограниченный надзор над индейцами.

Но в Марангао не хотели подчиняться; народ восстал и в 1684 году прогнал португальских чиновников и учредил временное правительство. Лишь в 1685 году пор-

тугальцам удалось справиться с революцией и вернуть иезуитов. Но они теперь стали поступать благоразумно. Система Виейры, которая неизбежно привела бы к возникновению второго иезуитского государства на севере Бразилии, была оставлена. Отцы, конечно, могли проповедовать Евангелие, но они должны были допустить конкуренцию капуцинов, кармелитов, мерцедари-ев. Они нигде не получили неограниченной власти над деревнями миссии. Их тридцатилетняя война против плантаторов, несомненно, не закончилась поражением, как в штате Святого Павла, а привела только к половинчатой победе. Им удалось восстановить в Северной Бразилии 28 крупных миссионерских поселений, но организация этих *aldeamento* вовсе не отвечала их идеалу. Правда, закон запрещал и в Бразилии вход всем белым в эти деревни. Но практически иезуиты не могли помешать купцам, искателям золота, плантаторам селиться в непосредственной близости с ними.

Они были также выуждены доставлять государству и плантаторам в течение шести месяцев в году за обычную в данной местности плату всех работоспособных индейцев, которых те требовали. Таким образом, иезуиты не были в состоянии развивать и воспитывать индейцев в таком соответствии со своим идеалом, как в Парагвае, в области чикитосов и мохосов. Вина за это падала на португальское правительство. Оно интересовалось гораздо больше золотом и драгоценными камнями Бразилии, чем индейцами, и несколько не желало рисковать своей слабой властью, чтобы разрешить с большой затратой денег и людей индейский вопрос в соответствии с идеями иезуитов.

Испанское правительство проявило в индейском вопросе гораздо больше сознательности, серьезности и энергии. Только у него иезуиты нашли истинное понимание своего миссионерского идеала. Лишь

в обширной американской империи, подчиненной испанской короне, они смогли предпринять *conquista espiritual* так, как они ее понимали, не только не встречая со стороны правительства препятствий, но даже получая от него поддержку, развить и воплотить ее на максимально возможной территории.

Первой испанской колонией, где черные отцы получили возможность обратить в христианство краснокожих язычников, было Перу. Они первоначально довольствовались, как некогда в Индии, поспешным обращением язычников и массовыми крещениями. Этот метод лишен был всякой перспективы, и генерал Аквавива впоследствии сурово критиковал его. Но значительное число крещений произвело на испанцев настолько сильное впечатление, что епископ Тукумана обратился одновременно и к провинциалу Перу, и к провинциалу Бразилии с просьбой прислать ему иезуитских миссионеров для обращения в христианство индейцев Гран-Чако. Оба провинциала охотно откликнулись на этот призыв. Провинциал Перу прислал в 1586 году трех иезуитов; провинциал Бразилии, знаменитый апостол гуаранисов Анчета, немедленно прислал пятерых, среди них португальца Ортегу и шотландца Фильдса.

Перуанские иезуиты работали в испанских городах, лежащих внутри страны, и обращали омагов и диагитов Восточной Аргентины; Ортега и Фильдс в течение целого ряда лет объезжали огромные пространства лесов и прерий, лежащих вдоль берегов Параны-Панемы и Верхней Параны, и распространяли христианство среди гуаранисов, язык и нравы которых они успели основательно изучить в Бразилии. Эти воинственные людоеды принимали их так дружелюбно, что по истечении первого года своей миссии они смогли основать две миссионерские станции и уведо-

мить испанского губернатора Асунциона, что в Гуаи-ре 200 000 индейцев готовы принять христианство. Действительно, в течение последующих лет им удалось убедить тысячи гуаранисов принять крещение.

Но правительство ордена не дало себя ослепить этими блестящими внешними успехами. Оно напомнило в 1602 году иезуитам о незначительности результатов, достигнутых кочующей миссией в Перу. Оно потребовало, чтобы миссионеры собрали обращенных в постоянные поселения и занялись их духовным воспитанием. В то же время присланный генералом визитатор Паец предложил соединить всю территорию гуаранисов к востоку от Парагвая с территорией бразильских гуаранисов в один миссионерский округ. Это был весьма разумный план. Если бы он был принят, можно было бы избежать больших несчастий. Однако губернатор Асунциона выступил против этого плана. Он ясно понял, что соединение обеих территорий неизбежно приведет к присоединению части территории страны, лежащей к востоку от Парагвая, к Бразилии, и хотя Португалия и Испания были в это время соединены личной унией, его протест произвел в Мадриде и Риме настолько сильное впечатление, что генерал Аквавива приказал отложить этот план.

Вместо этого в 1607 году из Парагвая он сделал особую провинцию ордена, то есть из всей территории, простиравшейся от берегов Тихого океана до берегов Атлантического и от Параны-Панемы до мыса Горн. Между тем в Мадриде иезуиты с негодованием указали на незаконное поведение крупных испанских землевладельцев Ла-Платы и Параны по отношению к подвластным им индейцам и потребовали быстрого и энергичного вмешательства. На эту просьбу правительство ответило довольно неожиданной мерой. Оно

не только дало новому провинциалу Парагвая дону Диего Торрес-и-Болло широкие полномочия для образования следственной комиссии о положении туземцев, но в 1608–1609 годах решило формально передать иезуитскому ордену решение вопроса об индейцах Ла-Платы, предложив ему группировать индейцев в миссионерские округа, обращать их, брать в свои руки в этих округах всю духовную и светскую власть, и вместе с тем правительство запретило испанцам под угрозой самых суровых кар проникать в миссионерские округа.

Однако новые миссии должны были учреждаться не в *terra di paz*, владениях колонистов, а в *terra di guerra*, в еще не завоеванных и не колонизованных территориях правительства Асунциона, чтобы это нововведение не нанесло колонистам никакого ущерба. Этот королевский указ, который был доведен до иезуитов, является поворотным пунктом в истории испанской колониальной империи. *Conquista espiritual* с этого времени признается единственно законным средством цивилизации индейцев, или, что то же самое, завоевание и воспитание индейцев поручается государством исключительно религиозным орденам.

С этого времени иезуиты, а вместе с ними и члены других конгрегаций посылаются правительством во все части американской империи испанцев в качестве пионеров цивилизации и католической веры, с целью шире раздвинуть границы *terra di paz*, колонизованной территории. В испанской колониальной империи на границах занятой европейцами территории сразу же возникает линия миссии, линия выдвинутых вперед аванпостов цивилизации, которые останавливают набеги враждебных племен и в то же время начинают постепенно ассимилировать диких туземцев. Излишне доказывать всю выгоду этой системы для пра-

вительства. Но можно задать себе вопрос, заслужили ли иезуиты то неслыханное доверие, которое оказало им испанское правительство, не только приняв их систему, но и отдав ей предпочтение перед всеми другими на ее воплощение в жизнь во всех местах – в Парагвае, Перу, Венесуэле, Мексике, Калифорнии.

Ответ на этот вопрос мы найдем в истории возникновения иезуитского государства в Парагвае. В декабре 1609 года новый провинциал Парагвая послал итальянских отцов Кательдино и Мацету к гуаранисам территории Гуайра, где некогда Ортега и Фильдс крестили тысячи туземцев. Их прибытие было крайне необходимо потому, что новообращенные оставались в течение семи лет без духовной помощи. Тем не менее до 200 семей обнаружили немедленную готовность подчиниться мягкому скипетру отцов.

Так, в 1610 году была основана первая редукция или индейский город в Парагвае – Nuestra Señora de Loretto. Индейцы принимали христианство с таким рвением, что вскоре было создано три других города, и в 1620 году на одной только территории Гуайра у отцов было уже 13 больших поселений с приблизительно 100 000 краснокожих христиан. В 1610 году орден приобрел себе вторую миссионерскую область в 1200 квадратных километров – холмистую страну на правом берегу средней Параны. Здесь почтенный отец Лоренцана, один из ветеранов индейской миссии, основал в 1618 году первую редукцию Параны, San Ignazio Guazu.

Отсюда в 1620 году отцы-иезуиты проникли в страну, лежащую между Парагваем и Уругваем. Наконец, с 1624 года они начали утверждаться и на левом берегу Уругвая с целью проложить себе дорогу к морю через Уругвай. В 1630 году они владели уже 4 миссионерскими округами: Гуайрой с 13 редукциями, пра-

вым берегом средней Параны с 6 редукциями, страной «между двумя водами» и левым берегом Уругвая, которые вместе насчитывали 8 редукций.

Однако в самой старой и наиболее цветущей провинции миссии уже показался страшный враг, с которым отцам пришлось непрерывно бороться вплоть до 1676 года, — paulistas, охотники за рабами из штата Святого Павла, создававшие еще в Бразилии большие затруднения иезуитам. Редукции иезуитов показались этим свирепым метисам превосходными охотничьими территориями для их ужасного промысла, и нужно сказать правду, они умели охотиться за рабами еще лучше, чем иезуиты за душами.

В 1620 году они сделали первый набег в Гуайру, разрушили редукцию Инкарнацион и увели в рабство сотни краснокожих христиан. В 1630 году они появились снова, разрушили Сан-Антонио и увели на рабские рынки 5000 крещеных краснокожих. То же самое повторилось и в 1631 году. На этот раз были уничтожены 4 редукции, насчитывавшие 1000 семейств. Иезуиты не были в состоянии оказывать вооруженное сопротивление. Переговоры, которые они начали с властями Асунциона и Бразилии с целью добиться помощи против paulistas, оказались безрезультатными. Кто мог бы тогда обуздать этих жестоких метисов? У отцов не оставалось иного выбора, как оставить Гуайру и эмигрировать с остатками своего стада на Среднюю Парану и Уругвай.

Им действительно удалось собрать около 12 000 своих овец в Санто-Гранде-де-Гуайра и, разделив их на 4 отряда, повести на юг. Им пришлось пройти около 1200 километров, приблизительно столько же, сколько от Берлина до Рима, через страну без дорог, среди тысяч обезумевших от отчаяния дикарей, которые недавно еще были каннибалами. Неудивительно, что из

12 000 эмигрантов 8000 погибли в пути и что начальник экспедиции отец Монтойя подвергся за свое безрассудство суровому порицанию со стороны старших и братьев. Эти критики приписали необдуманному решению, продиктованному суровой необходимостью; но, если они отчасти и были правы, переход 12 000 через пустыню заслуживает вечной памяти, как ни с чем не сравнимое героическое предприятие.

К несчастью, охотники за рабами были, по крайней мере, столь же отважны и предприимчивы, как отцы-иезуиты. Начиная с 1635 года они почти ежегодно показывались на левом берегу Уругвая, разрушали и грабили новые редукции, созданные иезуитами. Если орден не хотел окончательно потерять свою новую миссионерскую область, он должен был решиться защищать ее с оружием в руках. Убедившись в этой необходимости, орден получил в 1638–1639 годах от мадридского правительства разрешение вооружить краснокожих христиан ружьями и придать им военную организацию.

С этого времени, как только показывался смертельный враг, иезуиты немедленно выступали против него в поход. Благодаря этому они достигли по крайней мере того, что внутренние редукции могли жить в мире. Но от надежды расширить территорию миссии до берега Атлантического океана пришлось отказаться. «Государство иезуитов» не вышло за пределы равнины средней Параны и Уругвая. Впрочем, эта страна занимала 180 000 квадратных километров; в ней находилось 30 индейских городов и жило около 100 000 краснокожих христиан.

Успех отцов в стране гуаранисов побудил испанское правительство доверить им *conquista espiritual* многих других индейских племен своей обширной империи. Среди этих племен находились мокобии и

абипоны на западе и юго-западе от страны гуаранисов. С 1748 года первые мало-помалу были соединены в 2 редукции, вторые в 4 редукции. Уже раньше отцы начали завоевание диких краснокожих, живших на восточном склоне Кордильеров, в областях, принадлежащих в настоящее время Чили, Западной Аргентине, Боливии, Перу и Эквадору.

Достигнутые успехи не соответствовали огромным жертвам, которые им в течение долгих лет пришлось приносить деньгами и людьми. Все же, начиная с 1692 года, им удалось постепенно сгруппировать чикитосов и самукосов Боливии в 11 редукциях. К этой миссионерской территории на юге примкнула миссия Турама, с 3 редукциями, основанная после 1748 года с целью установить сообщение между чикитосами и государством иезуитов. К северу от чикитосов отец Бараце вскоре после 1675 года начал проповедь среди мохосов: в XVIII веке здесь находилось 13 редукций.

В это же время два чеха, отцы Рихлер и Фриц, начали работу среди майнасов в местности, обильно орошаемой истоками Амазонки; здесь было создано 18 редукций. В 1652 году отцы-иезуиты начали проповедь среди караيبов бассейна Ориноко и сгруппировали часть этих страшных дикарей в 6 редукций. Но в 1682 году цветущая миссия была совершенно разрушена язычниками, и иезуиты были вынуждены предоставить эту территорию каталонским капуцинам. Однако еще в XVII веке им удалось ступить ногой в Гвиане и основать 8 редукций среди индейцев этой области. Таким образом, во всей Южной Америке границы колонизованных европейцами земель окружила цепь иезуитских колоний, правда нередко отстоявших друг от друга на довольно значительное расстояние.

Как духовные завоеватели иезуиты играли большую роль также в испанских владениях Центральной и Се-

верной Америки. Правда, во Флориде они ничего не достигли, несмотря на все свои усилия и мученичество. Но в Мексике с конца XVI века они работали с успехом и собрали диких индейцев Синалоа и Соноры в 40 поселений; после 1683 года они подчинили мало-помалу племена рыболовов Нижней Калифорнии (16 редукций) и наконец в 1718 году наяритов, живших в огромных незадолго перед тем открытых ими лесах Северной Мексики. Можно сказать, что в беспредельной испанской колониальной империи не было почти ни одного сколько-нибудь значительного индейского племени, среди которого иезуиты не испробовали бы *conquista de almas*, охоты за душами, и, по крайней мере, в течение некоторого времени не проповедовали бы Евангелия.

Но почему дикари всюду так охотно прислушивались к проповеди иезуитов, гораздо охотнее, чем к проповеди всех других миссионеров? Конечно потому, что иезуиты, работая над обращением индейцев, тщательно принимали в расчет их характер и нужды. Отправляясь на проповедь, они почти всегда брали с собой маленькие подарки. Часто они брали с собой также скрипку, флейту или даже целый маленький оркестр: они скоро поняли, что индейцы любят музыку больше всего, и умело пользовались этой склонностью, чтобы привлечь к себе грубых детей природы.

Очень часто иезуиты посылали уже обращенных индейцев в качестве пионеров к их братьям, жившим еще в лесах, чтобы описать им спокойную и обильную жизнь в иезуитских редукциях, и этим возбудить аппетиты прожорливых язычников. Но главная сила отцов заключалась в том, что они умели импонировать краснокожим и завоевать их доверие. Мужество, которое проявляли миссионеры на столбе пытки, самоотречение и любовь, с которыми они защищали

преследуемых против белых колонистов и охотников за рабами, не могли не произвести сильного впечатления. От племени к племени, от стоянки к стоянке повторяли, что краснокожим нечего бояться черных ряс, что черные рясы приносят им только помощь и дружбу, обильную пищу и великолепное платье.

Правда, начиная с XVII века иезуиты тоже несколько изменили свою систему завоевания. Они начали иногда предпринимать набеги, так называемые *entradas*, в заселенные язычниками территории, во время которых язычники и особенно дети язычников массами забирались в плен и уводились затем на расстояние нескольких дней пути от своих жилищ. Таким образом, «охота за душами» получила некоторое сходство с охотой за людьми старых охотников из штата Святого Павла. Но в лучшие времена миссии, в первую половину XVII века, отцы еще не позволяли себе употреблять этих принудительных средств при покорении душ. Тогда они не хотели даже, чтобы их сопровождали солдаты во время их часто очень опасных миссионерских экспедиций.

Государство иезуитов в Парагвае

Несравненно важнее, чем вопрос о средствах, применявшихся иезуитами в охоте за душами, является вопрос о том, к каким результатам привела их деятельность. На этот вопрос они пытались ответить в многочисленных отчетах о своей миссионерской деятельности в разных областях. Однако в качестве типичного примера достаточно взять одно из их наиболее значительных созданий, самое известное, самое могущественное, стоившее наибольших жертв, оказавшее наибольшее влияние на судьбу ордена, – так называемое иезуитское государство в Парагвае.

Географическое положение, этнографический состав и история возникновения этого государства нам уже известны. Теперь нам остается лишь бросить взгляд через его строго охраняемые входные ворота. Для этой цели присоединимся на некоторое время к храброму тирольцу отцу Антонию Сеппу, посланному в 1691 году к гуаранисам. Во время своего пребывания среди «народа Япейю» он составил в высшей степени оригинальный рассказ о своих приключениях. Сепп введет нас в государство иезуитов и покажет его нам.

1 мая 1691 года мы встречаем храброго иезуита приблизительно с 20 членами ордена в уединенном заливе Ла-Платы на расстоянии 4 часов пути на западе от Буэнос-Айреса. В этот момент он как раз садится на судно, чтобы отправиться в государство иезуитов.

Попасть туда можно только водным путем по Паране и Уругваю, и эта речная дорога доступна не всем судам вследствие наличия в ее течении большого количества подводных камней и порогов. Поэтому отцы, предпринимая свои ежегодные путешествия в Санта-Фе или Буэнос-Айрес, пользовались мелко сидящими судами, которые были похожи скорее на плоты и легко разбирались. Их можно было без труда провести через подводные камни или перенести по земле там, где встречались пороги. В заливе стоят двенадцать таких лодок; на каждой из них находится маленькая хижина, в которой могут поместиться два-три человека. Отцы могут здесь спокойно молиться, читать, писать, заниматься наукой, как в коллегии, потому что 300 индейских гребцов, которых они взяли с собой, не шутят, не поют, не кричат и не говорят. Молчаливые, как могила, они на веслах ведут вверх по течению маленькую флотилию через безмолвный девственный лес, который тянется по обоим берегам величествен-

ной реки. Проходит неделя, две, четыре; не видно ни малейшего признака человеческого жилья. Наконец как будто прекращается и сам водный путь. Бешеные пороги (Salta Oriental) заставляют отцов выйти на берег и совершить, таща с собой лодки, мучительный обход, чтобы добраться до верховьев порогов. Но в то же время эти пороги образуют барьер, замыкающий с юга государство иезуитов.

Вскоре, вечером 1 июня, путешественники замечают на левой стороне реки поселение, расположенное на возвышенности и хорошо защищенное стенами и рвом. Это – Япейю, самый южный город иезуитского государства и в это время резиденция его губернатора – «великого отца». Но когда утром 2 июня отцы-иезуиты уже готовились сойти на берег, внезапно раздался страшный шум и грохот, как будто от угрожающего нападения неприятеля. По реке идут два фрегата. Они изображают морскую битву, непрерывно обмениваясь пушечными выстрелами. В то же время на берегу вступают в сражение два эскадрона кавалерии и две роты пехоты с таким воинственным пылом, что изумленные зрители не могут поверить своим глазам и ушам. «Блестят мушкеты, бьют барабаны, звучат рожки, флейты и тромпеты», и среди всего этого все громче раздается дикий воинственный клич индейцев, которые устремляются со всех сторон, как бы вырастая из-под земли, чтобы встретить вновь прибывших, согласно индейскому обычаю. Наконец, несмотря на этот адский шум, отцы беспрепятственно сходят на берег. Их немедленно ведут в церковь под эскортом нескольких тысяч индейцев, «под радостный колокольный звон, через ряды обвитых зеленью триумфальных арок».

Здесь их ждет после долгого пути через девственный лес вдвойне привлекательная картина: огромная

площадь, осененная зеленью прекрасных пальм, окруженная со всех сторон крытыми галереями, за которыми возвышаются великолепные здания из камня и дерева. Одна сторона этой четырехугольной площади целиком занята огромной церковью, к которой примыкает иезуитская коллегия. Возле коллегии находятся обширные фабрики общины, магазины, арсенал, тюрьма, прядильная мастерская для старых женщин и для тех, которые совершили какой-нибудь проступок, аптека и больница. Напротив находится *Kabildo*, жилище и канцелярия туземного коррегидора. Далее идут разделенные на правильные квадраты жилища туземцев, большей частью простые хижины в одну комнату, сделанные из земли и кирпичей, в которых теснятся «отец, мать, сестры, братья, дети, внуки вместе с собаками, кошками, мышами, крысами и т. д.; здесь кишат тысячи сверчков и тараканов, известных в Тироле под названием швабов». Новичку скоро становится дурно от невыносимого смрада этих хижин. С гораздо большим удовольствием он посещает сады отцов, которые полны овощей, цветов, кустов, виноградной лозы, и кладбище, где растут апельсиновые и лимонные деревья и пальмы.

Отсюда посетитель выходит через одни из четырех ворот города в полевые угодья, которые составляют коллективную собственность редукции. Здесь он находит прежде всего гостиницу «*Ramada*» и разного рода промышленные заведения: кирпичные заводы, печи для обжигания извести, красильни, колокололитейные заводы, мельницы, приводимые в движение людьми и лошадьми. Немного далее он встречается шесть – восемь прекрасно ухоженных садов. Они образуют первую зону обработанной земли. Далее идут обширные поля маиса, табака, пшеницы, бобов, гороха попеременно с плантациями чая, хлопка и сахарно-

го тростника. Все эти поля содержатся в великолепном порядке. Только некоторые концы представляют весьма печальный вид: это участки, предоставленные в частное пользование туземцам. Выйдя за пределы полевых угодий, путешественник видит альменду редукции – беспредельную ширь прерий и зарослей. Здесь пасутся 500 000 голов рогатого скота, 40 000 овец и 1000 ослов и лошадей Япейю. Лишь кое-где на горизонте виднеются немногочисленные хижины; это жилища пастухов, которые служат убежищем для тех краснокожих, которым поручена охрана стад.

Уже один внешний вид этого поселения, повторяющийся с весьма небольшими отклонениями во всех редукциях Параны и Уругвая, у чикитосов, мохосов и везде, где живут отцы, ясно показывает, какова была природа социальной и экономической организации этих иезуитских колоний. Перед нами везде коммунистические общины, каждая из которых управляется патриархально, но самодержавно двумя-тремя отцами-иезуитами.

Действительно, понятие частной собственности совершенно неизвестно индейцам, населяющим в количестве 3500–8000 человек каждую из этих редукций. Единственное исключение составляет женский наряд, представляющий, впрочем, лишь очень небольшую ценность. Все, чем владеет и пользуется «христианин» – хижина, в которой он живет, поле, которое он обрабатывает, скот, который доставляет ему пищу и одежду, инструменты, при помощи которых он работает, даже единственный столовый нож, который получает каждая молодая чета, когда она основывает собственное хозяйство, все это – «Тирамбас», собственность Бога. В соответствии с этим «христианин» не может свободно располагать ни своим временем, ни своей личностью.

На попечении матери он остается лишь в возрасте грудного ребенка. Как только он научится ходить, он попадает в руки отцов и их агентов, которые стараются научить ребенка уже во время игр разного рода полезным работам. Когда ребенок подрос, его учат, если это девочка, прясть и ткать, а если это мальчик, — читать и писать, но только на языке гуаранисов, так как испанский язык строго запрещен в редукциях, чтобы помешать каким бы то ни было сношениям с испорченными креолами. Напротив, отцы весьма старательно разрабатывают язык гуаранисов. В интересах миссионерства и цивилизации они изобрели для него письменность и возвели в ранг «общепринятого языка», *lingua geral*, центральных областей Южной Америки.

Как только молодая девушка достигнет четырнадцати лет, а мальчик — шестнадцати, отцы спешат женить их из опасения, чтобы они не впали в плотский грех. Только очень веские причины позволяют отдельным лицам остаться девственниками по достижении этого возраста. Ни один из туземцев не может стать ни священником, ни монахом, ни тем более иезуитом. Высшим званием, которого может достигнуть индеец, если он обладает особенными способностями, является коррегидрат, должность коррегидора, занимая которую он делается чем-то вроде фельдфебеля при отце-губернаторе. Если индеец обнаруживает особенную способность к какому-нибудь ремеслу, его немедленно начинают старательно обучать ему. Но его будущее определяет не он сам, а отцы-иезуиты. Впрочем, индеец и не был бы в состоянии самостоятельно сделать выбора, даже если бы он имел на это право, — так мало он привык сам распоряжаться своей личностью. Ему не позволено даже по собственному желанию покидать территорию редукции, ни тем более отправляться в европейские колонии.

Он всегда находится под надзором. Фактически индеец – не свободный человек. Но в материальном отношении он, несомненно, чувствует себя счастливым при этом патриархальном режиме. Все, в чем он нуждается для поддержания своего существования, – говядина, потребляемая им в огромном количестве, парагвайский чай, введенный отцами с целью отучить население от алкоголя, соль, которой он приправляет свою пищу, одежду, которую носит, и табак, который курит, – все это он находит в изобилии и самого лучшего качества в магазинах редукции. Индеец не обременен также и работой. Воскресенье и многочисленные праздники – дни безусловного отдыха. Из рабочих дней обычно два в неделю ему даются для обработки его собственного поля. Остальные четыре дня он должен работать на «Тирамбас». Но тяжесть рабочего дня не чрезмерна, и саму работу всегда стараются сделать более приятной при помощи музыки и пения.

Утром после мессы отряды рабочих, выстроившись в правильные ряды, с пением отправляются в поле; перед ними несут священные изображения. Вечером они таким же порядком возвращаются в деревню для молитвы с четками. Отцы, разумеется, заботились об устройстве для «христиан» пристойных увеселений и развлечений. В воскресенье происходят стрельба в цель, конные скачки, футбол, военные игры или катание на лодках с концертом; в престольный праздник, продолжающийся три дня, разыгрывают комедию; на Рождество, по крайней мере, во время пребывания отца Сеппа, – «ясли» с представлением марионеток; на Пасху ставят мимическую драму Страстей Господних и т. д. Но особенно культивируют свой хор с «бесчисленным количеством теноров» и, кроме того, хорошо обученный индейско-европейский оркестр, в котором

рядом со скрипками фигурируют бамбуковые свистки, рядом с контрабасами – кастаньеты и индейские барабаны, рядом с флейтами, кларнетами, гобоями, арфами и тюрбами – странные инструменты, сделанные из хвоста броненосцев. Кроме того, почти в каждой церкви имеется орган. Отцы любят похвастаться могучими органами, которые они строят со своими христианами для всех редуций.

Таким образом, и богослужение, и работу в «христианской республике» всегда сопровождает музыка, нередко даже очень хорошая музыка. В этой глуши раздаются прекрасные старинные мелодии Нидерландов и Испании; к ним присоединяются иногда удачные композиции самих отцов-иезуитов. Многие из них, например благодушный отец Сепп, среди чикитосов сльвут еще и «известными композиторами» и довольно часто, даже каждый вечер, устраивают регулярные концерты на площади, к великой радости «христиан». Танцы или, лучше сказать, балет играют в редуциях такую же большую роль, как и музыка. Танцы, в обычном смысле слова, конечно, запрещены. Напротив, мимические движения всякого рода старательно поощряются. Почтенные отцы сами управляют ими. В этих балетах одинаково вызывает удивление и замечательная ловкость «христиан», и блестящая роскошь их костюмов.

Так беззаботно и радостно протекает жизнь краснокожих христиан. Иезуиты заботятся о них, как отцы; и, как отцы, они наказывают их за малейшие проступки. Смертная казнь неизвестна в этой счастливой стране: кнут, пост, тюрьма, выставление у позорного столба на общественной площади, публичное покаяние в церкви являются единственными наказаниями, которые грозят христианину даже за самые тяжелые преступления. Строго запрещено выдавать преступника

светским судьям. И красные дети Парагвая не знают другой власти, кроме власти своих добрых отцов. Они едва ли подозревают о существовании верховной власти испанского короля. Поголовная подать, которую номинально должен платить каждый из них, выплачивается за них отцами в качестве заработной платы; войны, в которых они участвуют, проходят под руководством отцов; монеты с изображением короля они видят только в одном случае – в день свадьбы, когда, по испанскому обычаю, жених и невеста обмениваются несколькими реалами. Они почти никогда не видят ни губернатора провинции, ни епископа, потому что и тот и другой принадлежат к числу тех белых, посещение которых настолько неприятно для отцов-иезуитов, что они всячески стараются избежать его.

Но можем ли мы на этом основании сказать, что миссия гуаранисов была настоящим государством? Не представляют ли из себя названия «христианская республика», «государство иезуитов» простые образные выражения? Точно ли выражают они сущность этого создания миссионеров? Ведь в таком случае пришлось бы считать автономными государствами и сотни других иезуитских миссий, а также миссии францисканцев, капуцинов, августинцев, потому что и они организованы таким же образом. На самом деле эти замечательные коммунистические общины не являются автономными государствами; они образуют лишь особую разновидность колоний, которую вызвало к жизни само испанское правительство и развитию которой оно содействовало в собственных интересах; колоний, искусственную изолированность которых от всех европейских поселений оно само стремилось поддерживать при помощи строгих законов и с начальниками которых оно предпочитало общаться непосредственно через головы высших должностных лиц провинции.

Христианская республика Парагвая отличается от других колоний этого рода лишь в том отношении, что монашеское правительство и связанная с ним коммунистическая система хозяйства достигли здесь большего совершенства, чем где бы то ни было. Но не говорит ли этот строгий коммунизм, по крайней мере, о политических и социальных тенденциях, которые составляют исключительную особенность Общества Иисуса? Нисколько. Во всех колониях этого рода мы находим зародыши коммунизма, и во всех них эти зародыши развились самостоятельно одинаковым путем. До принятия христианства гуаранисы не были знакомы ни с домашними животными, ни с железными орудиями, ни с оседлой жизнью, ни с частной собственностью. Они узнали это только от иезуитов.

Поэтому вполне естественно, что орден сохранил в своих руках распределение всех этих вещей, тем более что дикари не сумели бы рационально пользоваться ими. Можно только спросить себя, разумно ли поступали отцы, оставляя индейцев в состоянии вечного детства; разумно ли было превращать в постоянный институт патриархальный коммунизм, навязанный первоначально силой обстоятельств; и соответствовали ли результаты этой системы воспитания огромным жертвам, принесенным ими для обращения гуаранисов?

Первое впечатление при виде иезуитских редукций, конечно, прямо-таки поразительно: индейцы как будто вполне цивилизованы, они как будто могут делать все. Все, что потребляют в редукциях: съестные припасы, одежда, домашняя посуда, рабочие орудия, машины, мебель, церковные украшения, музыкальные инструменты, предметы культа – все изготавливается на месте самими христианами. Они умеют даже отливать пушки, колокола, полиграфический шрифт,

изготавливать часы, печатать книги, ваять статуи, писать картины.

Таким образом, совокупность редукций Параны и Уругвая составляет большой самодовлеющий экономический организм, самостоятельно производящий в принципе все, что потребляет. Только соль и железо отцы вынуждены, к своему великому сожалению, ввозить извне с большими издержками. Но чем ближе присматриваешься к этой цивилизации, тем более поражаешься ее искусственным характером. Как только «христиане» перестают получать от отцов модели и руководящие указания, они уже не в состоянии сделать ничего хорошего. Может быть, у них отсутствуют творческие способности? Нисколько. Несомненно, что в то время, когда отцы собирали их, они были бедны в смысле цивилизации, но отнюдь не неспособны к ней.

К несчастью, отцы не развили их естественных творческих дарований, и в своем нетерпеливом стремлении создать как можно скорее цивилизацию по европейскому шаблону, они выдрессировали их, превратив их в настоящие машины. Избавив индейцев от материальных забот, они лишили их и той небольшой доли инициативы, которая существовала у них раньше. Поэтому высокая культура миссий является в сущности лишь искусственным, оранжерейным продуктом, который несет в самом себе зародыш смерти. Ибо, несмотря на всю дрессировку, гуаранис остался в своей основе тем, чем был: ленивым, ограниченным, чувственным, прожорливым и грязным дикарем. Он, как утверждают сами отцы, работает лишь до тех пор, пока чувствует за собой палку надсмотрщика. Как только его предоставляют самому себе, он равнодушно позволяет жатве гнить на полях, приходит в упадок орудиям, погибать стадам.

Если за ним не смотреть во время полевых работ, случается даже, что он вдруг распрягает вола, закалывает его, разводит костер из деревянных частей плуга и вместе со своими товарищами пожирает полусырое мясо, вплоть до последнего куска. Он хорошо знает, что за свой поступок он получит 25 ударов кнута и что добрые отцы ни в коем случае не позволят ему умереть с голоду. К несчастью, его прожорливость, как показывает приведенный выше пример, так же велика, как и его лень. 7000 жителей Сан-Мигуеля ежедневно съедают 40 быков. Но слово «есть» является евфемизмом в применении к этому способу еды, так как «христиане» с такой жадностью поглощают огромные куски полусырого мяса, что «кровавый сок стекает с обоих углов их прожорливого рта».

Еще печальнее, чем этот старый каннибальский аппетит, их грубая чувственность. Отталкивающее впечатление производит слабое развитие чувств, весьма важных для общественной жизни: любви к родителям и супругам, отвращения к грубо-безнравственным поступкам, привязанности к родному дому, к очагу, к родине. Все эти чувства известны гуаранису-христианину, имеющему за собой полдюжины предков-христиан, не более чем лесному индейцу, который обращается со своей женой как с вьючным животным, хладнокровно покидает своих старых родителей в нужде или даже убивает их и чувствует себя хорошо всюду, где находит еду.

Нравственная жизнь гуараниса благодаря воспитанию иезуитов обогатилась лишь небольшим количеством новых приобретений; но они производят в этой обстановке скорее странное впечатление. Он превратился в благочестивого и суеверного католика, который всюду видит чудеса и находит удовольствие в самых

жестоких самоистязаниях; он научился повиноваться и питает, правда не очень глубокую, но зато весьма упорную, чисто детскую привязанность к добрым отцам, которые так заботливо пекутся о его благосостоянии. Этот не слишком блестящий результат в достаточной мере доказывает, что воспитательная система отцов страдала серьезными недостатками.

В чем заключались эти недостатки? Очевидно, в том, что иезуиты никогда не старались развивать в своих краснокожих детях творческие способности, потребность в активности, чувство ответственности, что они сами изобретали за своих “христиан” игры и танцы, и вообще думали за них, вместо того чтобы заставить их самих думать; словом, ограничивались чисто внешней дрессировкой дикарей, вместо того чтобы воспитывать их. Этот недостаток отчасти объясняется слишком малым числом миссионеров: учитель, которому приходится заниматься со слишком большим количеством детей, всегда будет склонен скорее дрессировать, чем воспитывать их. Но наиболее серьезная ошибка состояла в том, что отцы совершенно внешним образом поняли лежащую перед ними задачу, — ошибка, которая повторяется во всех иезуитских миссиях, — они слишком много заботились о внешних массовых успехах и почти не обращали внимания на развитие в душах действительно религиозных чувств и интеллектуальной и моральной культуры.

Но, может быть, красная раса по природе своей так безнадежно ограничена, что поверхностная дрессировка представляет собой все, что можно ожидать от нее? Это предположение в достаточной мере опровергает та высокая цивилизация, которой самостоятельно достигли когда-то некоторые народы Америки. И следует ли без всякой оговорки одобрить самое

основное положение иезуитской системы – принцип полной изоляции цивилизуемых? Не пришли ли моравские миссионеры к той же практике совершенно независимо от иезуитов? Не основывал ли Давид Цейсбергер в Москингеме чисто индейские общины, и не изолировал ли он, сколько мог, своих делаваров от всякого соприкосновения с белыми, чтобы иметь возможность воспитать их в гернгутерстве¹?

Несомненно, изоляция очень хорошая вещь в первый период воспитания дикарей. Ошибка иезуитов состояла в том, что они не позаботились по истечении известного промежутка времени заменить эту систему, великолепную в начале миссии, другим методом, более пригодным для прогресса цивилизации, в том, что они упорно оставляли своих индейцев в состоянии вечного младенчества. Однако было бы несправедливо возлагать ответственность за это на них одних. Главным виновником был их патрон – испанское правительство. Оно было настолько очаровано результатами *conquista espiritual*, что ему никогда не приходила мысль изменить эту систему. Раз индейцы миссий сохраняли мир, раз они внешним образом превращались в христиан, и раз миссии не стоили метрополии ни копейки, оно чувствовало себя вполне удовлетворенным. Лишь Александр Гумбольдт заставил испанское правительство понять, что подобным образом организованные миссии начинают препятствовать колонизации, как только они окажутся по соседству с поселениями европейцев. Но в тот мо-

---

¹ Гернгутеры – протестантская секта последователей Чешских братьев. Из саксонского города Гернгут (Herrnhut) в XVIII–XIX веках распространилась в Германии, Сев. Америке, Латвии и Эстонии. – *Прим. ред.*

мент, когда испанское правительство раскрыло глаза на это, его господство на американском континенте начало уже рушиться¹.

Новая Франция. Заключение

Существовала обширная территория, где *conquista espiritual* не только не была разрешена, но даже строго запрещалась, где правительство наилучшим способом разрешения индейского вопроса признавало смешение европейцев и индейцев, которому оно и содействовало всеми силами. Это – большая французская колония в бассейне реки Святого Лаврентия, Канада и соседние с ней территории. Как поняли здесь иезуиты свою задачу? Какие услуги оказали они здесь общей цивилизации?

Когда в 1611 году иезуиты прибыли в Канаду, в девственных лесах по берегам реки Святого Лаврентия жило еще более 200 000 индейцев. Почти все французские колонисты сосредоточились в Квебеке, и эта горстка людей состояла большей частью из гугенотов, следовательно, протестантов. Иезуиты нисколько не хотели уступать Новую Францию гугено-

---

¹ Мы не должны забывать, что почти все философы XVIII века относились к деятельности иезуитов в Парагвае с большим восторгом. Вольтер в своем «*Essai sur les Moeurs*» говорит: «Распространение христианства в Парагвае силами одних только иезуитов является в некоторых отношениях триумфом человечества». Протестант Робертсон говорит: «В Новом Свете иезуиты проявили свои таланты наиболее блестящим и наиболее полезным для счастья человечества образом. Завоеватели лишь грабили, заковывали в цепи, уничтожали туземцев Америки. Одни только иезуиты явились туда с гуманными целями». Бюффон, Монтескье, аббат Райналь говорят то же самое. Один лишь Дидро понял ошибочные и даже деморализующие стороны системы иезуитов. – *Прим. Моно.*

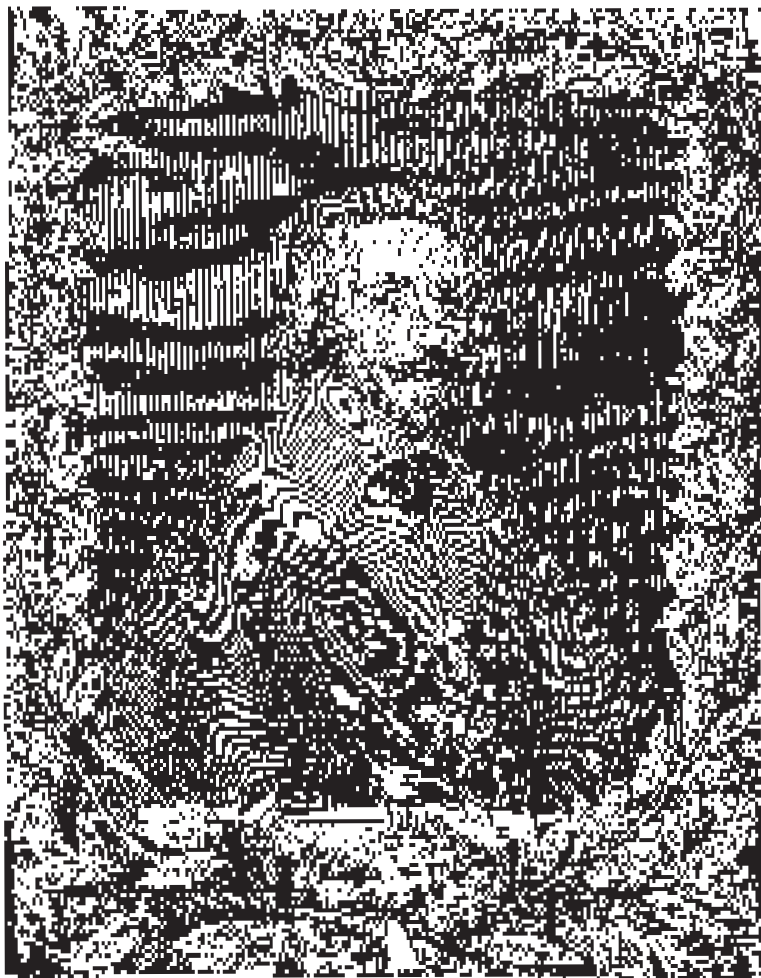

Франсуа Мари Аруэ де Вольтер

там, и в этом отношении Ришелье был вполне согласен с ними: в 1628 году он запретил евангелическое богослужение в колонии. Таким образом, Канада была отдана католической церкви и иезуитам; но вместе с тем наиболее богатая капиталами, наиболее предприимчивая, наиболее склонная к эмиграции часть французского населения была потеряна для Канады. Она стала переселяться в Пруссию, Голландию, Англию, английские колонии. Это было большой потерей для Франции, от которой она никогда уже не оправилась и за которую впоследствии поплатилась потерей Новой Франции.

Несмотря на то что иезуиты делали все возможное, чтобы привлечь в Канаду французских эмигрантов-католиков, и хотя их восторженные описания страны находили много сочувственных откликов во Франции, французская эмиграция всегда оставалась слабой. В 1663 году в Канаде было только 3200 белых, в 1763 году – 65 000, между тем как в Новой Англии, колонизация которой началась на двадцать пять лет позднее, в 1640 году было уже 24 000 белых, а в 1763 году – более 2 миллионов. Близорукая политика французского двора и иезуитов должна была получить свое возмездие в Новой Франции. Но если иезуитам не удалось превратить Канаду в большую земледельческую колонию Франции, к чему они страстно стремились, удалось ли им, по крайней мере, обратить в христианство и приобрести для католической Франции кочевые племена, издревле населявшие девственные леса Канады: гуронов, ирокезов, алгонкинов, абенакисов?

В первую очередь отцы-иезуиты обратили свои взоры к гуронам, среди которых работали уже некоторое время францисканцы-реколлекты. В апреле 1634 года из Квебека отправились три иезуита с целью проникнуть в страну гуронов у берегов озер Гурон, Онтарио, Эри. Но канадские леса были в это время совершенно непроходимы. Отцы должны были путешествовать по индейскому способу, подымаясь на лодке вверх по реке Святого Лаврентия и Оттаве. Сколько раз приходилось им при этом бросаться в воду, чтобы не дать быстрому течению унести их утлые челны, сколько раз должны были они вытаскивать свои лодки на сушу и переносить их на спинах через береговые заросли, чтобы обойти пороги! С окровавленными ногами, в лохмотьях, опухшие от укусов комаров, истощенные лишениями и усталостью, они достигли наконец стоянок гуронов.

*Кардинал Жан Арман дю Плесси, герцог Ришелье.
Гравюра работы Нантёйля с картины кисти Дю-Шампэна*

Но здесь их ждали новые разочарования. Гуроны оказались гораздо более дикими, грязными и подозрительными, чем представляли себе иезуиты; их врачи все еще были всемогущи; пребывание в темных, прокопченных дымом вигвамах, кишаших насекомыми, среди беспокойных, грязных, невоспитанных детей и полудиких собак представляло собой непрекращающееся мучение. К этому присоединялась суровая зима Канады, постоянная опасность подвергнуться внезапному нападению со стороны свирепых краснокожих, риск быть привязанным к столбу пытки, оскальпированным и медленно зажаренным на горящих углях. Чтобы при этих условиях не потерять всякого мужества, необходим был могучий энтузиазм, способный видеть во всех этих несчастьях настоящую милость, с радостным порывом стремиться к мученичеству, видеть всюду чудеса, укреплять себя видениями, считать всякую борьбу, которую приходилось выносить, за борьбу с сатаной.

Отцы Бребеф, Даниель и Даву были проникнуты этим энтузиазмом; и им удалось постепенно приобрести доверие гуронов. После шестилетней работы они собрали большое количество гуронов в постоянные поселения и основали 14 миссионерских станций вокруг форта Святой Марии у озера Гурон. Но как раз в это время, в 1641 году, вспыхнула страшная, истребительная война, начатая ирокезами против гуронов и союзных с ними французов. Иезуиты не бежали перед жестокостями этой ужасной борьбы, которая продолжалась двадцать шесть лет. Но каков был результат? Начиная с 1648 года ирокезы разрушили одну за другой все их станции, перебили всех, кто попал им в руки, замучили самым ужасным образом всех, кто носил черные рясы, которых они смогли захватить.

В марте 1649 года при взятии Сен-Луи они захватили отцов Лалемана и Бребефа. Они рассекли и прокололи им руки, вырвали ногти, выжгли раскаленными углями глаза и медленно поджаривали их на углях, пока те не умерли. У Жана Бребефа, который, несмотря на все мучения, не издавал ни одной жалобы и, привязанный к столбу, стойко продолжал проповедывать, они отрезали нос и губы, скальпировали ему голову, разрубили ноги и начали сдирать мясо на голеньях, пока, наконец, один воин, пораженный его стойкостью, не вырвал из его груди бьющееся сердце и не съел его еще теплым, чтобы увеличить свою силу кровью хабреца.

Гуроны были почти уничтожены в этой войне. Около 700 из них удалось найти убежище вблизи Квебека, остальные вошли в состав племени своих смертельных врагов. Миссия, предпринятая ценой стольких жертв, более не существовала. Тем не менее иезуиты не отказались от надежды обратить краснокожих реки Святого Лаврентия, канадских озер, Иллинойса, Огайо, Гудзона. Они переходили от одного племени к другому, хотя в течение целых недель у них не бывало другого ложа, кроме жестких скал, и другой пищи, кроме горсти индейского маиса. Даже в самый разгар войны они рисковали проникать в вигвамы ирокезов; они снова возвращались туда даже после того, как их скальпировали, отрезали им пальцы, а затем и руки, как у отца Жогеса.

Но какой жалкий результат – собрать несколько сот краснокожих в три деревни канадской миссии! Огромное большинство дикарей оставалось язычниками, и в то же время они так сильно уменьшались в числе от водки и оспы, что таяли как снег на солнце. Отцы смогли бы положить предел этому опустошению только в том случае, если бы они получили возможность по испанскому способу совершенно изо-

лизовать индейцев и сохранить их национальность, их обычаи, их язык. Но французское правительство не хотело и слушать об этом. Оно принуждало отцов переселять индейцев во французскую колонию, превращать их как можно быстрее во французов, всеми силами содействовать развитию отношений и даже бракам между краснокожими и бледнолицыми. Эта недальновидная политика, оспа, водка и томагавк ирокезов сделали безрезультатными все попытки иезуитов разрешить индейский вопрос и привели к крушению колониальной державы французов.

Если бы Франция открыла Канаду гугенотам и если бы иезуитам удалось продвинуть свои миссионерские посты в тыл английским колониям, вдоль Гудзона и Миссисипи вплоть до Мексиканского залива, тогда, может быть, Северная Америка превратилась бы не в великую метрополию диссентеров, а в передового бойца, в «Геркулеса иезуитизма». У иезуитов не было недостатка в доброй воле для этого. Об этом свидетельствуют их многочисленные отважные путешествия в лесные дебри и на озера северного континента. Они были первыми европейцами, исследовавшими северные озера и поселившимися у их берегов, они первые ясно поняли значение области канадских озер и настаивали, чтобы французское правительство завладело ими. Они одни превзошли диких лесных бродяг и умели находить стоянки самых отдаленных и свирепых индейских племен, так что у краснокожих вошло почти в привычку приветствовать приходивших к ним европейских путешественников словами: «Черные рысы были уже здесь».

Однако единственным действительно отрядным для ордена результатом всех этих усилий являются две статуи в Вашингтонском Капитолии, которые среди других на минуту привлекают к себе внимание любоз-

нательного янки: это статуи двух людей, которые первые открыли великую воду Запада, Миссисипи, и проехали по ней, — отца Маркетта и воспитанника иезуитов Луи Жолье, из Квебека. То обстоятельство, что эти памятники стоят в Вашингтонском Капитолии, показывает яснее, чем любое историческое исследование, что отцы не достигли в Северной Америке того, на что надеялись и к чему стремились: не католическая Франция, за честь и могущество которой были скальпированы, перебиты и поджарены лучшие члены ордена, а глубоко ненавистная им англосаксонская раса, с которой более ста лет они втихомолку, но ожесточенно боролись в вигвамах у Гудзона, Иллинойса и Огайо, захватила реку Святого Лаврентия, канадские озера и Миссисипи и этим обеспечила себе господство в Северной Америке.

Смелость и отвага, проявленные орденом в работе на европейской арене, не изменили ему и в языческих странах. Поразительна была и здесь широта его предприятий, удивительны то благоразумие и энергия, с которыми он работал над их осуществлением, возвышенны и достойны преклонения самоотречение и душевная сила, которые проявили его ученики в лесных дебрях и пустынях, лихорадочных болотах и зачумленных высотах, среди людоедов и коварных охотников за черепами, и доказали жалкой и часто мученической смертью. Но там, где много света, бывает и много тени. Отважность на миссионерской арене слишком часто превращается в нетерпеливую жажду завоеваний. Иезуиты стремятся достичь внешнего успеха какими угодно средствами. Там, где языческая культура кажется непобедимой, как, например, в Китае и Индии, к язычеству не только в области нравов и привычек, но и в сфере культа они относятся с такой терпимостью, что вместо хри-

стианства насаждают смешанную христианско-языческую религию. Там же, где организация языческой религии слаба, часто довольствуются внешней христианизацией. Лозунгом являются массовые обращения, массовые крещения. Внутреннее усвоение религии считают возможным возложить на позднейшее воспитательное влияние церкви.

Такое воспитательное влияние оказалось неосуществимым в Индии, Китае, Японии, самые прекрасные создания ордена быстро разрушились. Там, где оно было внезапно прервано уничтожением ордена, как в колониальных империях Испании и Португалии, христиане и миссии ордена быстро впадали в первобытное варварское состояние или совершенно деградировали, потому что отцы не догадались научить туземцев правильному пользованию свободой.

Таким образом, результаты всех этих предприятий далеко не соответствовали тем материальным средствам, крови, духовной силе и идеалистическому воодушевлению, которые затратил на них орден, но виновата в этом не только естественная дикость обращенных, не только низость и корыстолюбие белых колонистов и купцов, кровавые следы которых встречаются, конечно, достаточно часто и в истории иезуитских миссий, но и сам характер миссионерства. Иезуитское миссионерство было слишком *conquista*, иногда даже утонченной охотой за душами. Этим объясняется и огромность его непосредственных успехов, и незначительность его длительных результатов.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА ИИСУСА В АПОГЕЙ ЕГО МОГУЩЕСТВА

Первые сто лет существования Общества Иисуса

В 1640 году у Плантина в Антверпене появилась одна из тех книг, чудовищные размеры которых навоят ужас даже на самых выносливых из современных библиофилов; огромный том in folio почти в тысячу страниц, длинный, широкий, толстый и тяжелый, как большой ребенок. Однако если мы осмелимся ближе присмотреться к этому чудовищу, то мы почувствуем приятное разочарование. Эта книга великолепно напечатана, обильно украшена прекрасными гравюрами на меди и во всех отношениях является шедевром издавшей ее знаменитой типографии. Уже эта необыкновенно приятная внешность говорит нам, что мы не имеем дело с одним из многочисленных гигантских проектов учености XVII века, которые тяжело нести и еще тяжелее вынести.

Действительно, цель этой колоссальной книги скорее назидательная, чем ученая. Это не что иное, как юбилейное издание, и, как гласит нам надпись на великолепно разукрашенном титульном листе: «Imago primi saeculi Societatis Iesu», юбилейный очерк первого века существования Общества Иисуса, составленный отцами провинции Фландрия-Бельгия. На юбилейные торжества обычно не приглашают крити-

ков. Этому вполне обоснованному обычаю последовали, конечно, при составлении своего юбилейного труда и бельгийские ученые отцы-иезуиты. Но они не ограничились изгнанием критики из своего рабочего кабинета: достаточно прочесть несколько страниц описаний на классической новой латыни, несколько сот латинских, греческих и еврейских стихов, приятно прерывающих высокопарную прозу, и мы почти задохнемся от приторного запаха фимиама.

В этой книге Общество Иисуса восхваляет и возвеличивает себя с такой силой, что в сравнении с ней официальная риторика времен упадка Римской империи покажется нам скромной болтовней. Согласно этой книге Общество Иисуса ведет свое происхождение прямо от Иисуса Христа и Марии; оно сравнивает свое развитие с развитием Иисуса; оно изображает себя как орудие, созданное самим Божественным Провидением. Общество утверждает, что в его истории исполняются все пророчества Ветхого Завета и что Бог засвидетельствовал его превосходство чудесами и знамениями; оно ставит Игнатия Лойолу рядом не только с героем императорского Рима, Юлием Цезарем, но и с героем духовного Рима – апостолом Петром; оно ставит его, конечно, неизмеримо выше Цезаря и прославляет его, а вместе с ним святого Франциска Ксавье, как величайших святых и чудотворцев, властвовавших над ветрами и дождем, болезнями и смертью, обладавших властью даже останавливать, подобно Иосии у Гибсона, движение солнца. Общество гордо предъявляет для себя и своих членов право на все, что можно сказать высокого, прекрасного и необычайного о людях и человеческих делах. В этой хвастливой юбилейной работе оно воздаст себе поклонение с таким энтузиазмом, в таком триумфальном и самодовольном тоне, которые не знают себе ничего подобного.

Каким бы грубым ни казалось нам это невероятное самодовольство, приближающееся к идолопоклонству, мы все же должны попытаться понять его причины. Очевидно, мы имеем здесь дело не просто с излишними фантазии, возбужденной до состояния бреда. Этот энтузиазм опирается на факты, успехи, победы, которые могли вскружить головы даже флегматичным нидерландцам, мало склонным к преувеличениям. Если мы примем это во внимание и восстановим перед нашими взорами внешнее развитие общества в течение первого века его существования и его могущественное положение в 1640 году, мы не увидим ничего непонятного в самодовольстве ордена, хотя и должны будем признать, что «Imago» является изображением вполне в духе эпохи – мифологическим, высокопарным, напыщенным, возводящим реальные факты во всех смыслах в превосходную степень.

В 1540 году орден насчитывал лишь 10 регулярных членов и не имел собственной резиденции. В 1556 году он насчитывал уже 12 провинций, 79 домов и около 1000 членов. Через 18 лет, в 1574 году, существовало уже 17 провинций, 125 коллегий, 11 новициатов, 35 поселений и 4000 членов. Спустя поколение, в 1608 году: 31 провинция, 306 коллегий, 40 новициатов, 21 дом профессов, 65 резиденций и миссий, 10 640 членов. Восемь лет спустя, через год после смерти знаменитого генерала Аквавивы: 32 провинции, 372 коллегии, 41 новициат, 123 резиденции, 13 112 членов. Еще через десять лет, в 1626 году: 36 провинций, 2 вице-провинции, 446 коллегий, 37 семинарий, 49 новициатов, 24 дома профессов, около 230 миссий и резиденций, 16 060 членов. Наконец, в 1640 году: 35 провинций, 3 вице-провинции, 521 коллегия, 49 семинарий, 54 новициата, 24 дома профессов, около 280 резиденций и миссий, более 16 000 членов.

Однако столетняя годовщина отнюдь не является концом этого замечательного развития. В 1679 году число провинций не увеличилось, и орден имел лишь 23 дома профессов и 48 новициатов, но число коллегий возросло до 578, число семинарий до 88, число резиденций до 160, число миссий до 106 (вместо 266), число членов до 17 650, из них 7870 священников. В 1710 году было 37 провинций, 1 вице-провинция, 612 коллегий, 157 семинарий, 24 дома профессов, 59 новициатов, 340 резиденций, около 200 миссий, 19 978 членов, из них 9957 священников. Статистика 1750 года впервые указывает на небольшой упадок: 578 коллегий, 150 семинарий, 60 новициатов, 25 домов профессов, 195 резиденций, 172 миссии. Но все же орден имеет 22 126 членов, из них 10 594 священника.

Этот обзор показывает, что период наиболее замечательного прогресса приходится на правление генерала Аквавивы, с 1581 по 1615 год. Именно в эту эпоху и в последующие 10–15 лет, то есть в момент наиболее сильной контрреформации, Общество росло быстрее всего, особенно в странах Средней Европы, зараженных ересью. Сильнее всего с самого начала оно было представлено в Италии (в 1640 году оно имело здесь 116 коллегий и более 3000 членов); следующее место занимает Пиренейский полуостров (104 коллегии и значительно более 2000 членов); третье – Германия (я имею в виду территорию будущего Германского союза: 83 коллегии, около 20 семинарий и более 2000 членов); четвертое – Франция (79 коллегий, 3 семинарии, более 2000 членов); пятое – Испанские Нидерланды (39 коллегий, более 1000 членов); шестое – Польша (30 коллегий, более 1000 членов).

Из всех стран Европы пропорционально наибольшее число иезуитов приходилось на Нидерланды, так

как здесь находилось большинство крупных учреждений ордена для пропаганды в Великобритании и Ирландии. Из неевропейских областей первое место занимает Ост-Индия (19 коллегий, 2 семинарии, более 500 членов); затем идет Мексика (14 коллегий, 2 семинарии, 14 резиденций, около 400 членов); потом – Перу (11 коллегий, 3 семинарии, 3 резиденции, около 400 членов) и, наконец, Парагвай (7 коллегий, около 150 членов).

Слабее всего Общество было представлено в Африке. Прочные резиденции оно имело здесь лишь в португальских колониях Западной и Восточной Африки. Тем не менее Общество могло с некоторым правом применить к себе гордый девиз: *Omnia solis habet*. Ибо как бы велики ни были петли той сети поселений, которой орден опутал весь земной шар, солнце все-таки никогда не заходило в пределах его деятельности. Оно, как с гордостью говорит *Imago*, всегда встречало на своем пути иезуитов и их учеников, собравшихся на молитву.

Это лишь сухие статистические данные. Но эти сухие данные и мертвые цифры дают ясное представление о в высокой степени поразительном развитии, представление о том, каким образом скромное общество студентов постепенно превратилось в мировую силу, ставшую в конце концов столь же универсальной, как и церковь, в интересах которой она вела борьбу, но значительно превосходившую церковь сплоченностью и быстротой действий; в мировую силу, влияние которой чувствовалось не только во всей Европе, но и в Новом Свете, в Индии, Китае, Японии; в мировую силу, на службе у которой работали в одном и том же направлении представители почти всех национальностей и рас, итальянцы и испанцы, португальцы и французы, немцы и англича-

не, поляки и греки, арабы и японцы, тонкинцы и даже индейцы; в мировую силу, которая является как бы уменьшенным снимком с мира, снимком, которого до этого времени никогда не видела в своей среде все-ленская церковь.

У мыслящего наблюдателя, созерцающего эту картину, неизбежно возникает вопрос: каким путем завоевал орден это положение в мире и каковы были причины, позволившие ему сохранять его в течение столь долгого промежутка времени?

Ответ на этот вопрос дается отчасти уже историей победоносных войн и завоеваний Общества. Во-первых, оно боролось за великую идею – за господство папской власти и католической веры. В этой идее оно почерпнуло силы, позволившие ему возложить на себя огромные задачи; в свое лучшее время оно считало всякую жертву своим долгом, всякое страдание – своей наградой. Во-вторых, в его распоряжении была организация, позволявшая ему быстро и без труда выполнять все задачи, за которые оно бралось. В-третьих, оно умело пользоваться всеми средствами, которые могли обеспечить ему в свете вес, уважение и влияние.

Богатство иезуитов

Уже очень рано наиболее важным из средств, которыми пользовался орден, стали считать его богатство. Но, к несчастью, сам он сохранял в этом вопросе такое глубокое молчание, что в настоящее время невозможно установить историю и статистику его состояния.

Мы располагаем очень немногочисленными данными относительно состояния и доходов отдельных провинций и коллегий ордена. К несчастью, эти данные

относятся к эпохе упадка. Так, в 1760 году во Франции отцы сами оценивали свою недвижимую собственность в 58 миллионов ливров; следовательно, эта оценка не была преувеличенной. Однако французские иезуиты не считались столь богатыми и столь хорошо обеспеченными, как немецкие; но, к сожалению, последние не оставили нам подобной оценки своего состояния. Мы знаем лишь, что в момент упразднения ордена в землях австрийской короны его имения были оценены в 15,5 миллиона гульденов, что в Баварии в эту же эпоху одна только коллегия в Ингольштадте располагала более чем тремя миллионами флоринов, что 60 отцов прусской Силезии имели доход около 47 000 талеров. Думают, что в Испании орден получал со своих имений доход около 2,5 миллиона франков. В Польше ему приписывали доход почти в 3 миллиона. Доходы португальских иезуитов, если верить иезуиту Мендозе, были значительно выше, а иезуиты Италии получали, может быть, вдвое больше.

К этому нужно добавить еще доходы с обширных заморских владений ордена. Редукции Парагвая, по самому скромному расчету, стали под конец приносить ежегодно 231 000 песет (около 2 021 000 франков), а редукции чикитосов около 1750 года, как говорят, постоянно имели в своей кассе 312 500 франков. В Перу, в Новой Гренаде, в Мексике, на Антильских островах финансовое положение ордена было, по меньшей мере, очень хорошим. На одной только Мартинике у него было имений более чем на 4 миллиона франков.

Мы не сделаем слишком большой ошибки, если, приняв во внимание незначительную доходность землевладения, оценим недвижимую собственность общества в 1760 году в 1 миллиард марок на деньги конца XIX века; и эта оценка, вероятно, будет слишком низ-

кой. Эта цифра кажется чем-то сказочным. С первого взгляда мы как будто можем сравнить генерала иезуитского ордена с современными миллиардерами. Но, присмотревшись внимательнее, мы должны будем признать подобную аналогию недопустимой потому, что огромное состояние ордена отнюдь не находилось в свободном распоряжении генерала. Оно было большей частью заранее предназначено на определенные цели, так как состояло почти исключительно из вкладов в пользу различных учреждений ордена. Правление, по крайней мере, в середине XVII века получало только 1 % чистого дохода всех домов ордена. Правда, оно предъявляло притязания на новые вклады, наследства, состояния вновь поступающих членов и излишки. Но ему не всегда удавалось осуществлять эти притязания.

Таким образом, отнюдь не следует преувеличивать доходов ордена. Кроме того, из этих доходов нужно было покрывать значительные расходы, вызываемые мировой политикой ордена и отчасти миссиями. О расходах, связанных с последними, дает некоторое представление тот факт, что устройство одной только миссии у чикитосов обошлось почти в 1 миллион талеров. Из всего этого вытекает, что орден не может быть назван без всяких оговорок богатым. Конечно, некоторые дома ордена были чрезвычайно богаты, но рядом с ними существовали дома очень скромно обеспеченные или даже совершенно бедные, а именно: дома профессоров, которые согласно статутам не имели никаких определенных доходов и существовали на добровольные пожертвования.

Финансовая сила ордена состояла в том, что генералы вели суровый надзор над управлением отдельных домов, оставляли за собой известный процент их доходов и могли употреблять излишки богатых домов на поддержку бедных учреждений. Этим путем

достигалось то, что ни одно учреждение не впадало в бедность и всегда находились средства, необходимые для больших предприятий. Таким образом, главной причиной финансового превосходства ордена над всеми другими духовными конгрегациями является не богатство ордена, а великолепная организация его хозяйственного управления.

Как удалось ордену приобрести свои значительные богатства? Если верить «*Imago primi saeculi*», то нужно было бы приписать их исключительно милосердному вмешательству Божественного Провидения. Но если допросить менее заинтересованных свидетелей, то окажется, что отцы также сыграли свою роль в этом деле. В принципе общество не основывало ни одной новой коллегии, если основатель не обеспечивал достаточным образом содержания учителей и учеников. Кроме того, орден вменял в обязанность своим новичиям отказываться не позднее, чем по окончании четвертого года их послушничества, от своего имущества и всех имущественных прав, и хотя им предоставлялось право отказывать его в пользу бедных, но в большинстве случаев отказ совершался, конечно, в пользу ордена.

В одной лишь провинции Верхняя Германия орден получил таким путем за период с 1620 по 1700 год 800 000 гульденов деньгами, не считая феодалов и поместий, домов и имений, доставшихся ему за это же время. Орден великолепно умел располагать своих богатых покровителей к щедростям, и первоначально никто и не думал упрекать его за это, так как он употреблял получаемые деньги обычно на общественно полезные дела, главным образом на школы. Далее, орден часто добивался передачи ему земель заброшенных монастырей, что нередко вызывало весьма ожесточенные столкновения со старыми орденами. Нако-

нец, он старался эксплуатировать свои имения наиболее доходным образом, занимаясь не только скотоводством и земледелием, как другие монахи, но, в соответствии с успехами хозяйственного развития нового времени, также производством и торговлей.

В Мексике уже в XVII веке орден владел лучшими сахаро-рафинадными заводами и очень доходными серебряными рудниками. В Парагвае он собирал на своих плантациях великолепный чай, на который был сильный спрос на всех рынках. Здесь же в своих необъятных прериях он разводил прекрасную породу мулов. Впоследствии вывоз их в Перу достигал ежегодно 80 000 голов. У чикитосов главным предметом вывоза был воск, у мохосов – какао.

Таким образом, каждая группа редукций, даже каждая отдельная редукция имела свою тщательно продуманную специальность, так что все они могли взаимно поддерживать друг друга, никогда не конкурируя между собой на рынке. Но еще доходнее, чем плантации, скотоводство и пчеловодство, были обширные промышленные предприятия, созданные орденом в редукциях ценой огромных усилий. Подобно древним коммунистическим общинам первых времен христианства, восточным монастырям, все индейские деревни представляли собой не только замкнутые сельские общины, но также и большие фабрики, где велось крупное производство всех продуктов массового потребления, ориентированное на американские рынки, как, например, четок, восковых свечей, ковров, одеял, бумажных тканей, сбруи.

Конечно, столь деятельная и разнообразная индустрия могла существовать лишь при наличии развитой торговой организации. Передача торговли иностранцам противоречила бы всей системе отцов. Поэтому отцы сами организовали транспортировку своих товаров, на-

учились пользоваться векселями и вели свои счетные книги по всем правилам бухгалтерского искусства. Позднее это приводило многих в сильное негодование; но, по правде сказать, для негодования здесь не было серьезных причин. Если отцы не хотели смерти своих редуций, они неизбежно должны были взять торговлю в свои руки, и если из этой торговли они извлекали иногда значительную прибыль, то эта прибыль получалась, конечно, более честным путем, чем доходы, которые извлекали из колоний многие другие предприниматели. Иначе обстояло дело с торговыми предприятиями ордена вне Парагвая. Они, конечно, приносили очень большой доход, но в то же время, как мы увидим ниже, являлись внушающим беспокойство симптомом упадка старой дисциплины ордена.

Преподавание иезуитов. Искусство и литература

Как ни важны, как ни необходимы были для ордена эти обширные владения и получаемые с них богатые доходы, он тем не менее был прежде всего духовной силой и стремился прежде всего к господству над духовной жизнью народов. Мы уже знаем, в какой мере он достиг этой цели. Мы неоднократно касались вопроса, при помощи каких приемов он сделал это. Нами было уже указано, что главнейшей причиной его успехов является то обстоятельство, что ему удалось захватить позиции, позволявшие в эту эпоху руководить общественным мнением: кафедру профессора, кафедру проповедника и исповедальную.

Монашество всегда оказывало могущественное влияние на преподавание у христианских народов. С этой точки зрения орден иезуитов также является кульминационным пунктом и завершением его развития. Он был

преимущественно орденом преподавателей и ученых, самой большой школьной организацией, которая когда-либо существовала в мире, потому что две трети его учреждений были школами и четыре пятых его членов были студентами или учителями. Если бы мы хотели изобразить гений ордена, мы должны были бы представить его в виде школьного учителя, и в качестве эмблемы в руки этой фигуры должны были бы дать не азбуку и не Библию, а латинскую грамматику; ибо орден принципиально занимался лишь преподаванием в высших учебных заведениях. Только в исключительных случаях он брался за преподавание в начальных школах; обычно – лишь в миссионерских областях.

Итак, многочисленные школы ордена в Европе и в Новом Свете были главным образом средними и высшими школами. Но цели преподавания не были всюду одними и теми же. В коллегиях низшего разряда преподавали лишь классические языки, латинский и греческий. Они соответствовали приблизительно нашим гимназиям. В коллегиях среднего разряда к гимназии присоединялся философский факультет. В отличие от первых мы могли бы назвать их лицеями. В коллегиях высшего разряда присоединялся еще теологический факультет. Сам орден давал им название академий или университетов. Из того, что мы только что сказали, видно, что иезуитские университеты нельзя отождествлять с французскими или немецкими университетами начала XX века. Во-первых, они всегда были соединены с гимназией; во-вторых, они имели только два факультета: философский и теологический.

Статуты запрещали отцам преподавание медицины; юриспруденция же интересовала их лишь с точки зрения канонического права. Когда иезуитов допускали в уже существующие университеты, как это было в Вене, Ингольштадте, Праге, Фрейбурге в Брейсгау, они зани-

мали лишь кафедры философского и теологического факультетов и только в виде исключения кафедру канонического права. Но этого было вполне достаточно, чтобы подчинить их влиянию весь университет. Конечно, их власть была еще более могущественной в таких городах, как Бамберг и Фульда, где другие факультеты были позднее прямо присоединены к их академиям. На территории одной только Германской империи они владели или руководили в начале XVIII века восемнадцатью академиями или университетами, то есть у ордена было больше высших учебных заведений, чем университетов в Пруссии в конце XIX века!

Но орден занимался не только образованием юношества; он занимался также и его воспитанием. Кроме коллегий у него было большое число пансионеров для молодых дворян, довольно значительное число интернатов для бедных школьников и прежде всего, начиная с XVII века, множество семинарий для священников. Во многих католических странах в его руках находилась почти полная монополия воспитания молодежи господствующих классов, в частности монополия подготовки духовенства. Число учеников иезуитских школ было огромно. Если мы примем для каждой коллегии среднюю цифру в 300 учеников, то мы получим в 1640 году общее количество приблизительно в 150 000. Образцом для всех этих учреждений была, как мы уже сказали, римская коллегия, которая в 1580-х годах имела постоянно свыше 2000 учеников. Учебная программа, основанная на дидактическом и педагогическом опыте римской коллегии, была тщательно разработана Аквививой в *Ratio Studiorum*, или школьном указе, 1599 года, первом великом школьном законе всемирной истории, имевшем значение для целого ряда наций.

Чем объясняется невероятный успех Общества Иисуса как школьного ордена? Если верить закл

врагам иезуитских школ, гуманистическим учителям, у которых они всюду отняли их кусок хлеба, отцы были обязаны своим успехом единственной причине: они учили бесплатно. Несомненно, этот принцип сослужил им большую службу, особенно в Южной Италии, где дворянин всегда обладал некоторыми чертами лаццарони. Но, конечно, не это обстоятельство побуждало государей и города расходовать огромные суммы на содержание иезуитских школ.

Лежала ли причина их успеха в строгом католицизме отцов? Нисколько; ибо в католических странах другие ордена были не менее ортодоксальны. Нет, главной причиной их успеха было убеждение, что не существует более умелых, более опытных учителей, чем иезуиты. Справедливо ли было это убеждение? Если мы прочтем педагогические регламенты Игнатия, великий школьный указ Аквавивы и свидетельства современников об иезуитских школах, то мы должны будем ответить на этот вопрос утвердительно для XVI века и для первой половины XVII века. Мы должны будем признать за Игнатием право на тот же почетный титул в католических странах, которым Меланхтон давно уже пользовался в странах протестантских. Оба были великими педагогами своих церквей, и притом совершенно равнозначными. Ибо, собственно говоря, они не создали нового идеала образования, а лишь ввели в школы современный им образовательный идеал. Это обстоятельство объясняет нам, почему школы иезуитов и протестантские сельские и городские школы кажутся нам теперь, поскольку дело идет о педагогических принципах, до некоторой степени родными сестрами.

И в тех и в других школах главной задачей преподавателя было научить ученика говорить и писать полатыни, как на родном языке. Ни маленького протестанта, ни маленького католика особенно не затрудняли

Филипп Меланхтон.

Гравюра на меди работы Альбрехта Дюрера, 1526 г.

греческим языком. Но в то время, как протестантский школьник изучал обычно еще зачатки еврейского языка, арифметики и физической географии и получал весьма основательное религиозное образование, программа иезуитских гимназий состояла лишь в изучении классических языков. Религиозное образование, игравшее столь большую роль в протестантских школах, сводилось здесь лишь к заучиванию наизусть и краткому объяснению катехизиса. Отцы полагали, что для вверенных их заботам детей методические религиозные упражнения, регулярная молитва, регулярная исповедь, регулярное посещение мессы и воскресных служб гораздо важнее, чем преподавание религии.

Следовательно, по отношению к этому учебному предмету они стояли на чисто средневековой точке зрения.

Но это не единственное различие между протестантскими и иезуитскими школами. Протестантские школы сохраняли известную долю индивидуальной инициативы в применении общей учебной программы. В иезуитских школах стремились к возможно более полному единообразию. В протестантских школах не старались возбуждать честолюбие школьников.

Напротив, школы иезуитов пошли в этом направлении гораздо дальше того, что изобрели гуманисты. В них каждый школьник имел специального конкурента; каждый класс делился на два лагеря, которые соперничали между собой. Кроме того, раз в год происходили состязания между отдельными классами. Каждый месяц ученики писали сочинение на премию, и каждый месяц провозглашалось имя победителя. Ежегодно происходили экзамены и распределение учеников по успеваемости; и как будто всего этого было еще недостаточно, честолюбие учеников постоянно подогревалось публичными школьными церемониями, диспутами, декламацией, драматическими представлениями.

Несомненно, что отцы зашли в этом отношении слишком далеко. Но мы были бы несправедливы к ним, если бы стали утверждать, что соревнование являлось альфой и омегой их педагогики. Они придавали не меньшее значение религиозному воспитанию при помощи исповеди и особенно взаимному надзору учеников друг за другом в религиозных ассоциациях школьников, или мариинских братствах. Эти ассоциации, первая из которых возникла в 1564 году при римской коллегии, имели своей главной целью, как показывает их название, развитие религиозной жизни. Но члены их должны были, кроме того, взаимно наблюдать друг за другом и указывать на периодических со-

блениях на свои ошибки и проступки. Они являлись, таким образом, могущественным вспомогательным средством для поддержания дисциплины.

Конечно, в среде этих союзов едва ли могла возникнуть тесная дружба. Но отцы и не стремились развивать подобных склонностей. Они предпочитали пользоваться учениками для шпионства. Случалось даже, что они давали мальчику обещание простить ему его проступок, если он поймает своего товарища на том проступке, который ставится ему в вину¹. Это было серьезным педагогическим заблуждением, и в этом отношении иезуит-

---

¹ Это правило, я думаю, применялось лишь в тех случаях, когда заставляли ученика говорящим не по-латыни, а на родном языке, что первоначально запрещалось под угрозой телесного наказания. Ученика прощали, если он мог доказать, что в его проступке участвовали другие. Что касается практиковавшегося в иезуитских школах шпионства (Ламартин, расположенный к этим школам, говорит о нем в своих «Memoires inedits», с. 83, по поводу беллейской коллегии), то оно вытекало из общей системы, в силу которой все члены ордена должны были ставить друг другу на вид проступки и доносить о них старшим. Конституции (IV, 17, 7, дес. L) поручают в университетах генеральному синдик и особым синдикам делать секретные отчеты о всем, достойном замечания, не говоря уже о тех доносах, которые каждый член ордена может послать генералу или провинциалу. Мариана в своем сочинении «О недугах Общества Иисуса» подчеркнул отрицательные стороны этих «Syndicationes». В школах каждый ученик имеет своего «aemulus», которому поручено надзирать за ним, делать ему замечания и, если нужно, доносить о его проступках. В каждом классе есть претор или цензор, который должен сообщать начальнику о всем, что происходит в классе. Ученикам даже разрешается доносить о том, что они находят дурного в своих учителях. На практике эта система всеобщего взаимного надзора, которая могла привести к самым печальным последствиям, значительно смягчалась, и мы не видим, чтобы в XVII и XVIII веках ученики иезуитов очень на нее жаловались. — *Прим. Моно.*

ские школы не отличались в выгодную для себя сторону от протестантских школ.

Однако в некоторых отношениях они имели неоспоримые преимущества. В протестантских школах часто прибегали к кнуту, и в известных случаях учителя поочередно должны были собственноручно доказывать на спинах непослушных учеников свое умение бить. Конечно, кнут сохранил свое значение и в иезуитских школах, но преподаватель никогда не наказывал детей сам; он поручал экзекуцию специально назначенному для этого корректору.

В протестантских школах не придавали большого значения хорошим манерам, умению корректно и изящно держать себя в обществе. В иезуитских школах этот внешний лоск считался столь же необходимым, как и умственное развитие, и отцы сознательно старались приучить школьника к употреблению носового платка, салфетки и других приобретений культуры, отучить его от слишком простонародных привычек и оборотов речи, придать ему культурную внешность.

В некоторых странах, как, например, в Баварии, отцы в поте лица трудились над этой задачей. В протестантских интернатах школьники обычно питались очень скудно. В иезуитских интернатах и пансионатах они жили, «как молодые дворяне или дети богатых горожан». Сам Игнатий, хотя лично и соблюдал самые суровые аскетические правила, не разрешал вредного для здоровья умерщвления плоти. Случалось, что он заставлял молодых аскетов, постившихся сверх положенного, подниматься с постели и вкушать при нем пищу в наказание. Старались также не переутомлять молодежь. Никогда ученики не должны были сидеть более пяти часов в день на школьных скамьях; отцы заботились о том, чтобы обеспе-

чить им необходимые упражнения на свежем воздухе и укрепляющие здоровье гимнастические игры.

Именно поэтому не только католические, но и протестантские родители весьма охотно доверяли своих детей иезуитам. По истечении относительно короткого промежутка времени они уже радовали своих отцов той легкостью, с которой они умели говорить по-латыни, а своих матерей – опрятностью, приличными и уверенными манерами. Отцы, по-видимому, хорошо поняли то, что называлось в XVI и еще в начале XVII века «хорошим воспитанием», и умели лучше, чем кто-либо другой, привить его мужской части молодежи.

Окончив гимназический курс, молодой человек мог остаться у отцов для изучения философии и теологии. Изучая философию, он прежде всего должен был ознакомиться с Аристотелем; изучая теологию – со святым Фомой Аквинским. Само собой разумеется, что школьнику, ставшему студентом, не предлагали предаваться самостоятельному исследованию и мышлению. Иезуитский университет всегда оставался только школой; он никогда не был научным учреждением. Но нужно отметить, что и протестантские университеты не стояли на более высоком уровне. Наука разрабатывалась тогда не в университетах, а в рабочих кабинетах и лабораториях частных ученых.

Правда, будущее принадлежало протестантской школе и протестантскому университету потому, что они обладали неопенимым преимуществом, которое с точки зрения иезуитов являлось, конечно, недостатком: у них не было никакого *Ratio studiorum*, никаких обязательных учебных руководств, никаких авторитетов вроде Фомы Аквинского. Они могли свободно развиваться, свободно ставить перед собой новые культурные идеалы и, не встречая серьезных препятствий, усваи-

вать себе новые методы преподавания, между тем как иезуитская школа неизбежно должна была в несколько поколений зачахнуть, окаменеть и устареть. Когда издают законы для регламентации преподавания во всех его деталях, его убивают. Иезуиты не заметили этого вовремя, так как они вообще не были способны понять этой истины. «Они не верили в свободу» – в этом заключалось их несчастье и в области преподавания.

Общество Иисуса не было бы в состоянии выполнить своей миссии ни в качестве школьного ордена, ни в качестве воинствующего ордена, если бы оно активно не выступило в то же время и на литературном поприще. Ибо его ученикам нужны были для занятий учебные пособия, а для школьных представлений – драмы и другие художественные произведения. Орден не мог бы победить протестантизма, если бы он не попытался подорвать научную репутацию его влиятельных полемических произведений. Поэтому на литературную деятельность отцов наложили свою печать главным образом нужды школьного преподавания и потребности конфессиональной полемики.

Это замечание позволит нам отнестись не слишком строго, например, к художественным произведениям отцов-иезуитов. Драмы, написанные для школы, преследуют прежде всего педагогические цели. Поэтому мы не должны особенно удивляться, если среди бесчисленных произведений этого рода, которыми отцы приводили в восторг своих учеников и покровителей (одно лишь простое перечисление их заполнит несколько томов), мы не найдем ни одного сколько-нибудь ценного поэтического произведения. То же самое можно сказать и о многочисленных стихотворениях на латинском языке, с которыми отцы по примеру гуманистов обращались к своим братьям и покровителям. Эта неолатинская поэзия также была настоящим плодом школьного класса и всегда ос-

тавалась, несмотря на все рвение благочестивых отцов, настолько слабой и сухой, что в настоящее время никто не может найти в ней никакой прелести. Поэтому то обстоятельство, что среди всех неолатинских поэтов ордена имеется только один истинный поэт – Яков Бальде¹, отнюдь не является доказательством интеллектуальной бедности ордена; Бальде же заслуживает двойной похвалы, так как он составляет единственное исключение.

Вполне понятно также, что отцы лишь в виде исключения занимались родным языком и литературой и лишь редко создавали что-нибудь действительно выдающееся в этой области даже тогда, когда у них бывало время для этого: для интернационального ордена национальная литература никогда не могла получить такого значения, как классическая литература Рима.

Нельзя отрицать и того, что для эстетической культуры орден сделал гораздо меньше, чем большие старые ордены. Так называемый иезуитский стиль не был изобретением иезуитов, и художники ордена никогда не были великими художниками, а самое большее, как, например, влиятельный Андреа Даль-Поццо, декораторами-виртуозами. Почти все художественные произведения иезуитов дают весьма печальное представление о вкусе ордена. Ибо в орнаменте своих церквей, как и в своих драмах, отцы прежде всего стремились к банальным, поверхностным эффектам, которые не только не позволяют действительно наслаждаться их произведениями, но, напротив, расхолаживают зрителя или даже вызывают у него усмешку.

Из всего вышесказанного вытекает, что суждение об интеллектуальном значении ордена зависит прежде

---

¹ Яков Бальде (1600–1668), автор «Урании» и лирических стихотворений на латинском и немецком языках, доставивших ему славу «немецкого Горация». – *Прим. Моно.*

всего от оценки, которую мы дадим его научным произведениям. Если бы ценность произведений можно было определять по их массе, то в сфере научной деятельности иезуитский орден, бесспорно, занял бы первое место среди всех остальных монашеских орденов. Ибо производительность его ученых была иногда просто ужасающей. Но качество у них часто находится в обратной зависимости к количеству. Ни среди многочисленных выдающихся астрономов ордена, ни среди его многочисленных трудолюбивых и добросовестных историков, ни среди его бесчисленных теологов мы не найдем тех гениальных исследований, тех прокладывающих новые пути царей мысли, которые обогащают столетия сокровищницей своих мыслей.

Установив этот факт и приняв во внимание, что ни один монашеский орден ни раньше, ни после не имел в своем распоряжении такого количества ученых школ, такой массы образованных членов, мы должны будем признать, что интеллектуальное значение ордена далеко не соответствует тому неслыханному влиянию, которое он оказывал в течение веков на церковь и школу. Конечно, доминиканцы и бенедиктинцы святого Мавра создали пропорционально неизмеримо больше, чем иезуиты. Но они не умели так систематически восхвалять друг друга и заставлять свой свет светить миру, как это умели делать иезуиты. Поэтому они и не достигли такой известности.

Мораль иезуитов

Само собой разумеется, что данная оценка не содержит в себе оценки влияния ордена на духовную жизнь. Это совсем другой вопрос, и мы должны будем ответить на него совершенно иначе; ибо едва ли можно преувеличить влияние ордена на духовную

жизнь. Он настолько господствовал в течение столетий над духовным развитием католической церкви, что современная католическая система окажется для нас совершенно непонятной, если мы постоянно не будем иметь в виду, что в Риме с 1540 года рядом с белым папой действовал черный папа – генерал иезуитского ордена. Но в каком направлении проявлял орден свое влияние? Он явился могильщиком Августина и галликанства. Он, правда, не воскресил, но обеспечил окончательную победу догмату непогрешимости папы; он заставил признать догмат непорочного зачатия; он, наконец, заставил официальную церковь герметически замкнуться ото всех новых идей, противоречащих ее средневековым воззрениям и притязаниям.

Все это, конечно, не ставится ему в заслугу. Но обычно наиболее резко оценивают его необыкновенно влиятельную деятельность в области нравственного богословия. Имея в виду именно это, еще и теперь говорят об особой иезуитской морали, и из-за этой морали еще и теперь боятся, ненавидят, проклинают орден, как боялись, ненавидели и проклинали его столетия тому назад, хотя он приложил все усилия, чтобы опровергнуть направленные против него по этому поводу обвинения. Как же обстоит дело с этой моралью, которая была объектом столько нападок?

Прежде всего сами иезуиты отрицают существование особой иезуитской морали. И фактически они правы. Их теологи-моралисты не изобрели ни новой концепции нравственного закона, ни нового этико-теологического метода. Поэтому, когда говорят о морали иезуитов, обычно имеют в виду не особую этическую теорию, а ряд нравственных правил, которые будто бы практически санкционируют безнравственность; в связи с этим термину «иезуитизм» при-

дают смысл «лицемерия». Ибо характерное отличие этих правил усматривают в том, что они учат, каким образом можно нарушить закон, не прегрешая перед буквой закона.

Если, чтобы решить, справедливы ли эти обвинения, мы возьмем одно из наиболее известных руководств по нравственному богословию, написанных иезуитами, например «Compendium» испанца Эскобара, или «Medulla» вестфальца Германа Бузенбаума, которое разошлось более чем в 200 изданиях, или «Нравственную теологию» тирольца Лаймана, то мы сейчас же заметим, что в них гораздо больше говорится о безнравственных, чем о нравственных поступках. Но это еще не дает нам права осуждать их.

Авторы пишут не для мирян, а для духовников; задача их состоит не в том, чтобы изложить учение церкви о добродетели, а в том, чтобы прийти на помощь духовникам, давая им практический комментарий к уголовному праву церкви. Поэтому на эти книги необходимо смотреть прежде всего как на руководства уголовного права церкви и оценивать их именно с этой точки зрения, даже если нас поражает та обстоятельность и точность, с которой их авторы трактуют о самых безнравственных поступках.

Церковное уголовное право, трибуналом которого является исповедаल्या, подобно светскому уголовному праву, допускает часто самые различные толкования. Как в светском уголовном праве, так и здесь мнения ученых относительно характера прегрешения или ответственности грешника часто значительно расходятся; как среди еврейских законников эпохи Иисуса Христа, среди средневековых богословов мы можем различить две школы – строгую и снисходительную. Иезуиты с самого начала – с инструкции Игнатия духовникам – принадлежат к снисходитель-

ному направлению; мало того, они помогли снисходительному направлению одержать победу в католическом нравственном богословии и практике исповеди. Обычно они пускали в ход все средства, чтобы обеспечить грешнику в исповедальне, по крайней мере, признание смягчающих вину обстоятельств. Для этой цели они старались давать как можно более узкие определения понятия смертного греха и возможно более широкие – понятия искупимого или легкого греха и понятия дозволенного.

С их точки зрения, грех появляется только в том случае, если грешник вполне сознательно хотел зла. Если же его воля была направлена на зло не прямо или бессознательно, тогда нельзя его обвинить, и духовник должен отпустить ему грехи, даже если его деяние по внешним признакам кажется преступным и привело к безнравственным последствиям. Несколько примеров покажут нам, какое важное значение имели эти принципы для оценки отдельных нарушений морали.

Заповедь Господня повелевает нам: не приноси ложных клятв. Но ложная клятва имеет место лишь в том случае, когда клянущийся при произнесении клятвы сознательно употребляет такие слова, которые при любых обстоятельствах должны ввести судью в заблуждение. Употребление двусмысленных выражений, следовательно, вполне допустимо; при известных обстоятельствах допустимо даже употребление тайной оговорки (*restrictio mentalis*). Например, если один человек при самозащите убил другого, он может смело принести на суде следующую клятву: «Я не убил N. N.», думая про себя: не убил, напав на него. Если муж спросит прелюбодейку, не нарушила ли она брака, она смело может сказать: «Не нарушила», потому что брак продолжает еще существовать. Если на исповеди ей было дано отпущение

ние, она может даже поклясться в том, что на ней нет греха, думая при этом об отпущении, которое освободило ее от греха. Если муж все еще продолжает питать подозрения, она может успокоить его, заявив: «Я не совершила прелюбодеяния», думая при этом: «Прелюбодеяния, в котором я должна была бы тебе сознаться». Божья заповедь говорит: «Не убий». Но не всякий, кто убивает человека, прегрешает перед этой заповедью.

Если, например, дворянину грозят нанести пощечину или ударить палкой, он может убить своего обидчика на месте. Но только дворянин, а не плебей, потому что для плебеев в пощечине нет ничего позорящего. Если дворянин, отказавшись от дуэли, должен опасаться, что его сочтут трусом, он может спокойно принять вызов на дуэль или сам вызвать на дуэль. Если у него тем не менее появятся сомнения, он может успокоить свою совесть очень простым способом: решив, что не будет драться на дуэли, а лишь защищаться против возможных нападений. Божья заповедь говорит далее: «Не прелюбодействуй». Однако сдать дом проституткам можно, если при заключении арендного договора не будет прямо указано, что дом сдается для устройства в нем притона. Точно так же не составляет большого греха, если слуга помогает своему господину обесчестить девушку, если за отказ ему грозит дурное обращение и т. д. Можно также устроить аборт забеременевшей девушке, если ее проступок может опозорить ее или даже лицо духовного звания. Если почему-либо не воспользуются этим позволением, то во избежание большого позора можно подбросить внебрачного ребенка. Нужно лишь предварительно крестить его и принять меры, чтобы он не замерз.

Не нужно слишком строго относиться и к обещаниям жениться, при помощи которых соблазнитель

так часто овладевают девушками. Если соблазнитель благородного происхождения, а соблазненная – низкого, то первый свободен от всякой ответственности; в этом случае девушка должна была с самого начала сказать себе, что данные ей обещания не имеют никакой цены. После этого уже не покажется удивительным, что, по Эскобару, прелюбодейка может вполне законно сохранять для себя деньги, приобретенные ею незаконно в качестве платы за прелюбодеяние, и что отец Бенци считает искупимым грехом прикосновение к грудям женщины, хотя бы она была монахиней!

Наконец заповедь Божья гласит: «Не укради». Простое воровство само по себе, конечно, большой грех. Но если слуга делает больше, чем он обязан, или если у него есть какое-нибудь другое основание считать свое жалованье слишком недостаточным, он может тайно «вознаградить» себя, не совершая греха. Таким же образом бедные люди могут доставлять себе путем контрабанды небольшие количества обложенных пошлиной товаров, ибо сомнительно, можно ли считать контрабанду грехом. Во всяком случае, на контрабандисте не лежит нравственного обязательства возвращать государству ту сумму, на которую он его обманул.

После всего этого совсем не трудно избежать смертного греха. Если только пользоваться, где нужно, средствами отцов-иезуитов – двусмысленными выражениями и тайной оговоркой, можно, не отягощая своей души тяжкими грехами, совершать такие дела, которые невежественная толпа, может быть, и примет за преступления, но в которых даже самый строгий духовник не сможет обнаружить ни крупницы смертного греха. Но, конечно, для этого требуются большой ум и ученость. Ибо нет ничего труднее, чем узнать гре-

ховность какого-либо поступка. Мирянин обычно совершенно не в состоянии сделать этого. Он не может сам оценить своего нравственного состояния. Он должен предоставить это духовнику, но и последний сможет справиться с этой задачей только в том случае, если он основательно проштудировал трудную науку нравственного богословия и усердно будет обращаться за советом к ученым книгам богословов.

Авторы этих странных учений отнюдь не были безнравственными людьми, а, напротив, очень почтенными и строгими аскетами. Что же заставило их в таком случае прийти к этим парадоксам, настолько ужасным, что иезуиты сочли возможным приписать даже принцип: (добрая) цель оправдывает (дурное) средство? Конечно, не тайная склонность ко злу или даже разврату, находившая для себя безопасное удовлетворение за письменным столом, а стремление развить взятое ими в качестве предпосылки понятие греха, вплоть до последних логических последствий, на возможно более детально разработанных примерах. Но это еще не значит, что эти теории были лишь пустыми упражнениями софистической логики. Напротив, они приобрели огромное практическое значение благодаря так называемому пробабилizmu, т. е. учению, по которому тот или иной поступок является дозволенным уже в том случае, когда его можно считать не несомненно, а лишь вероятно дозволенным, когда, например, можно сослаться на авторитет сочинения по нравственному богословию.

Иезуиты не были изобретателями этого учения, но они развили его вплоть до его последних логических следствий и твердо держались за него, в то время как богословы других монашеских орденов обнаружили достаточно ума, чтобы отказаться от него или, по крайней мере, сильно ограничить его; они отстаива-

ли пробабиллизм, несмотря на то что один из их генералов, Тирс Ганзалес, всеми силами старался заставить их отказаться от него. Поэтому пробабиллизм сделался в собственном смысле слова официальной доктриной ордена¹.

В защиту своих нравственных богословов иезуиты ссылаются на пример Иисуса, который, по их мнению, уже пользовался тайной оговоркой², и прежде всего, на укоры Иисуса фарисеям, которые «возлагают на людей тяжкое и невыносимое бремя и этим закрывают для них царство небесное». Но стоит лишь сравнить их толкование заповедей с толкованием заповедей в Нагорной проповеди, и мы должны будем признать, что иезуиты следуют не за Иисусом, а за

---

¹ Чтобы точно уяснить себе правила казуистики, полезно обратиться к изданию «Provinciales» аббата Мейнара (Maynard, 1852, 2 т.), где последний пытается опровергнуть обвинения Паскаля и объяснить некоторые мнения казуистов, и особенно к изданию «Provinciales» Молинье (1891, 2 т.), где он цитирует точные тексты казуистов, которые не всегда были точно приведены и правильно поняты Паскалем, и указывает на преувеличения, допущенные Паскалем в его обвинениях, и Мейнаром в его оправданиях. Не следует забывать, что генералы Никкель и Олива так же, как XI и XII генеральные конгрегации, протестовали против нравственной распущенности некоторых казуистов, из чего видно, что нельзя возлагать на весь орден ответственности за эти эксцессы. Во всяком случае, снисходительная тенденция, лаксизм, одержала в ордене победу над ригоризмом, и представитель лаксизма Альфонс де Лигори был, благодаря влиянию иезуитов, даже канонизирован в 1839 году. – *Прим. Моно.*

² См. Евангелие от Иоанна, VII, 8–10: Иисус сказал своим братьям: «Вы пойдете на этот праздник, а я еще не пойду на этот праздник потому, что время мое еще не исполнилось... Но, когда братья его пришли, тогда и он пришел на праздник, не явно, а как бы тайно».

фарисеями, к которым относятся приведенные выше слова Иисуса.

Если непосещение мессы без уважительной причины они объявляют смертным грехом и в то же время разрешают, чтобы дети позволяли своим родителям-еретикам умирать с голоду или посылали их на костер; если в неповиновении священнику они видят смертный грех, а благородному развратнику разрешают покидать на произвол судьбы жертву своей похоти; если, согласно их учению, неплатеж церковной десятины является смертным грехом, но вместе с тем дозволяется принести ложную клятву, удачно употребив двусмысленное выражение, то все это напоминает не Евангелие, а Талмуд.

Действительно, между иезуитами и раввинами-талмудистами существует большое сходство, и не только в отдельных учениях и высокой оценке авторитета ученых-богословов, что приводит на практике к замене взвешивания голосов простым их подсчетом, но и во всей манере понимания нравственного закона и трактования отдельных нравственных проблем. Для тех и других нравственный закон является не прирожденной нашему духу нормой, а суммой внешних заповедей, которые не могут быть даже строго отделены ни в теории, ни на практике от ритуальных и правовых предписаний. Учитель морали, по мнению и тех и других, выполняет свою задачу, показывая, как может человек внешним образом исполнять эти заповеди.

Ни тех ни других нисколько не заботит, действительно ли проникся человек этими заповедями, верен ли он не только их букве, но и духу. Следовательно, и те и другие смотрят на нравственный закон совершенно так же, как юристы смотрят на государственные законы. И те и другие заботятся не о том, чтобы установить нравственность известного поступка, его внутреннее соот-

ветствие с законом, а лишь о том, чтобы установить его легальность, его внешнее соответствие с буквой закона; стремясь применить эту систему ко всей области нравственной жизни, они приходят к рассмотрению всевозможных частных случаев так, что в конце концов и этика иезуитов, и этика раввинов начинает казаться необозримым собранием отдельных вопросов, которые, подобно «казусам» юристов, допускают самые различные решения.

Деятельность иезуитов в исповедальне. Политика и благочестие

Огромная энергия, проявленная орденом в области нравственного богословия, показывает, что эта хитроумная наука имела для него гораздо большее практическое значение, чем все остальные науки. Действительно, если последние имели для него часто лишь декоративную ценность, то в нравственном богословии орден нуждался как в хлебе насущном для разрешения чрезвычайно важной для него практической задачи — для правильного руководства совестью в исповедальне.

Исповедь играла большую роль уже в средние века. Но характерно, что тогда еще не существовало исповедальни. Очевидно, тогда еще не чувствовали потребности поместить подобное сооружение в церкви. Исповедовались очень редко, большей частью только в смертных грехах, часто хором, одновременно с другими. Духовник лишь в редких случаях оказывал влияние на все жизненное поведение своих духовных чад. Только в XVI веке католик научился видеть в возможно более частой и полной исповеди свою религиозную обязанность. Только с этого времени духовник стал для каждого отдельного верую-

щего тем, чем он является или, по крайней мере, должен являться теперь: постоянным советчиком, к которому верующий должен всегда обращаться за указаниями, если он хочет твердо и со спокойной душой пройти свой жизненный путь. Поэтому только тогда была изобретена исповедальня, и только тогда она заняла в храме определенное место рядом со средневековой кафедрой и существовавшим уже более тысячи лет алтарем.

Нигде это развитие и углубление исповеди, имевшие столь важные последствия, не встретили таких ревностных покровителей, как в иезуитском ордене. Еще как руководитель небольших собраний, Игнатий придавал огромное значение как можно более частой и как можно более полной исповеди. Как основатель ордена, он не только превратил ее в личную обязанность своих учеников, но и настоятельно советовал им всюду внедрять в мирян сознание ее необходимости. Успех получился необыкновенный. Иезуитский духовник скоро стал пользоваться всюду таким же высоким авторитетом, как иезуитский профессор, и исповедальня скоро стала таким же символом могущества и деятельности ордена, как кафедра и латинская грамматика.

Как выполнял иезуитский духовник свои трудные обязанности? Если мы прочтем инструкцию Игнатия относительно исповеди и руководства по нравственному богословию, мы должны будем признать, что орден с самого начала склонялся к мягкому отношению к грешникам и что с течением времени он стал относиться к ним все снисходительнее, до тех пор пока, наконец, эта мягкость не переродилась в слабость. Дело дошло даже до того, что духовник, вопреки собственному убеждению, должен был давать отпущение грешнику, если последний мог сослаться

в пользу дозволенности совершенного им поступка на авторитет какого-нибудь богослова.

Насколько развращающе действовала подобная практика, об этом мы имеем свидетельства из среды самого ордена. Среди членов ордена никогда не было недостатка в серьезных людях, восстававших против учений известных докторов. Но орден преследовал этих неудобных критиков, как прокаженных овец. Как раз в этом пункте он оставался глух ко всяким советам. Причина ясна: успехи его в исповедальне покоились в большей степени именно на этой мудрой снисходительности. Именно она доставляла ордену одобрение и расположение великих и могущественных людей мира сего, которые и в исповедальне всегда нуждались в большей осмотрительности, чем простой народ маленьких грешников.

Средневековью еще неизвестны могущественные придворные духовники. Эта характерная фигура придворной жизни появляется лишь в новое время, но создал ее именно иезуитский орден. Это как будто позволяет нам предположить, что орден вполне определенно стремился поступить на службу ко дворам. Но на самом деле он пришел к этой должности так же, как к должности профессора: государи сами выбирали иезуитов в качестве своих духовников; в XVI веке отцы-иезуиты довольно неохотно принимали эти приглашения, хотя их начальники ничего не имели против поступления иезуитов на придворную службу. Но в конце концов орден привык к роли, за которую первоначально взялся не без колебаний. Более того, он скоро научился ценить ее, как один из важнейших источников своего могущества, потому что в ней он нашел особенно удобное средство влиять в желательном для него направлении на внутреннюю и внешнюю политику католических государств.

В XVI столетии правительство ордена не хотело и слышать о вмешательстве духовников в политику. Еще 5-я генеральная конгрегация издала в 1593 году декрет, который решительно предписывал духовникам держаться в стороне от политических дел. Но в эти времена религия и политика так тесно переплелись между собой, что выполнить эту инструкцию было совершенно невозможно. Кроме того, духовник даже не мог отказать государю, раз он требовал, в своем совете, тем более что по своей должности он был прямо обязан предостерегать его от поступков, которые могли вовлечь его в смертный грех.

Таким образом, в XVII столетии духовники не только достигли значительного политического влияния, но иногда стали занимать должности чисто политического характера. Отец Нейдгарт стал в качестве первого министра и великого инквизитора во главе испанского правительства; отец Фернандес получил место и голос в португальском государственном совете; отец Лашез и его преемники исполняли при французском дворе обязанности министра духовных дел.

Далее, если мы примем во внимание огромную роль, которую отцы играли в большой политике вне исповедальни,— отец Поссевино, как папский легат в Швеции, Польше и России, отец Петри, как английский министр, отец Вота, как доверенный советник польского короля Яна Собесского, как «делатель королей» в Польше, как посредник при возвышении Пруссии в ранг королевства,— то мы должны будем признать, что ни один орден так не интересовался политикой, не обладал таким политическим искусством и не занимался так политическими вопросами, как орден иезуитов. Библейскую заповедь, которую так часто ставят на вид духовенству, о том, чтобы поборники Христа не вмешивались в дела сего мира, орден совершенно игнорировал, но именно

Ян Собесский, король польский.

С портрета кисти Рембранта

поэтому ни один из других орденов никогда не достигал даже приблизительно такого могущества в этом мире, как Общество Иисуса.

Но какое бы важное значение ни имело для ордена привлечение на свою сторону дворов и господствующих сословий, он все же никогда не отказывался от задачи, которой он некогда посвятил все свои силы, — от внутренней миссии среди народных масс. Уже поэтому церковная кафедра всегда имела для него почти такое же значение, как профессорская кафедра и исповедальня. Но еще больше, чем путем регулярных проповедей, орден действовал на массы при помощи своих народных

миссий и своей новой организации церковных обществ. Первые являются, безусловно, одним из его наиболее важных созданий. Цель их состояла в оживлении церковной жизни в индифферентных к религии или зараженных ересью местностях. Средствами служили покаянные проповеди и упражнения.

Результаты обычно превосходили самые смелые ожидания. Но влияние этих народных миссий было лишь временным. Более глубокое и продолжительное влияние на мирян орден оказывал при помощи своих новых союзов, в которых он собирал под своим знаменем представителей всех сословий: студентов и школьников, горожан и крестьян, подмастерий и учеников, священников и даже князей. Идеальной целью этих союзов обычно было почитание Марии; практическим результатом – создание тысяч *ecclesiolae* в великой *ecclesia*, на преданность которых орден мог безусловно рассчитывать.

Преимущественно через эти союзы орден пытался воздействовать в желательном для него направлении и на народное благочестие. Правда, при этом он обнаружил весьма своеобразные вкусы. Он старался всячески развивать пеструю смесь средневековых народных верований со всеми присоединившимися к ним с течением времени элементами, процессиями, паломничествами, индульгенциями, как будто со всем этим были связаны высшие интересы религии и народного благосостояния.

Уже францисканцы придавали чрезмерное значение культу Мадонны, но иезуиты пошли в этом направлении еще дальше. Они прославляли Марию как приемную дочь Бога, ее лоно – как чистую обитель святой Троицы, ее грудь – как самую прекрасную красоту из всех красот, ее молоко – как самое сладкое из всех сладостей. Они учили, что достигнуть бла-

женство через Христа трудно, но легко через Марию. Они непрерывно открывали все новые места, посвященные Марии, описывали бесчисленные новые чудеса Богоматери, ставили ей бесчисленные алтари, статуи, изображения, составляли сотни книг в честь Царицы Небесной, посвящали ей свои собственные литературные произведения, даже свои сочинения по нравственному богословию, затрагивающие часто не совсем благочестивые вопросы.

Но из-за Мадонны они не позабывали о святых. Всюду, где еретики уничтожили культ какого-нибудь святого, они прилагали все усилия, чтобы вновь вызвать его к жизни. В некоторых местах, как, например, в Богемии, они искусно открывали и прославляли новых патронов (например, Яна Непомука) и везде, где только можно было, поощряли почитание своих собственных святых: Игнатия, Ксавье, Франциска Борджия и др.

Кроме того, в конце XVII века¹ они основали совершенно новый культ, подобного которому не встречается даже среди часто очень удивительных культов средневековья, – культ Сердца Иисуса. Об этом культе первоначально ничего не хотели знать даже в Риме, «потому что с таким же правом можно было бы сделать предметом особого почитания глаза, язык и все другие члены Иисуса». Не менее ревностно отдавались они и почитанию святого креста, икон и реликвий, число которых, разумеется, всюду увеличивалось по мере возможности реликвиями Игнатия и Ксавье, но также и такими ценными старыми реликвиями, как волосы Девы Марии, части ее покрывала и гребенки, кости невинных младенцев, гигантские кости великана Христофора и др.

---

¹ В 1697 году. Уже в 1676 году Климент XI одобрил праздник Сердца Марии. – *Прим. Моно.*

Само собой разумеется, что у новых реликвий скоро стали происходить такие же чудеса, как и у старых. Одежды святого Игнатия, а иногда и толстые тома статуты ордена помогали благополучному разрешению рожениц. Вода святого Игнатия, получаемая путем погружения реликвий или даже образков Игнатия в самую простую воду, исцеляла решительно от всех болезней и даже от нравственных недостатков, так что сострадательные отцы заготавливали ее целыми бочками. Разумеется, так же сильно действовали и реликвии Ксавье. Словом, и в этой области отцы-иезуиты одержали верх над всеми другими орденами.

Отсюда понятно, что они ничего не имели против всех, даже самых грубых, средневековых суеверий. Позднее члены ордена ставили себе в большую заслугу, что некоторые из них, Адам Таннер¹, Павел Лайман и особенно Фридрих Шпе (Spree)², имели достаточно мужества, чтобы выступить против веры в ведовство. Но при этом они обычно забывали добавить, что орден преследовал Таннера за его убеждения и что Шпе был вынужден напечатать свое знаменитое сочинение (1631 г.) анонимно и в протестантской типографии. Ибо сам орден твердо верил в ведовство и ревностно преследовал ведьм. Но помимо ведьм он верил и во все другие виды колдовства: в дурной глаз, в мази для оружия, которые заочно исцеляют раны, в четки, которые защищают от ударов и пуль, в освященные колокола, которые предохраняют

---

¹ Адам Таннер из Инсбрука (1572–1630), автор «*Astroligia sacra*». Он был осужден как еретик за то, что рекомендовал быть мягким при преследовании ведьм. – *Прим. Моно.*

² Фридрих Шпе из Кайзерверма (1591–1635). Его «*Cautio criminalis vel de processu contra sagas liber*» появилось анонимно в 1631 году в Риппельне (Гессен) – на протестантской почве. – *Прим. Моно.*

раняют от бури и непогоды, и во все другие суеверия подобного рода.

Однако могут возразить, что подобные суеверные представления в эти времена разделяли не одни иезуиты. В них верили и другие высокообразованные люди. Но иезуиты считали своим долгом всеми силами выступать в их защиту в своей литературе. Знаменитый «молот еретиков», Иаков Гретчер, оставивший после себя потомству не мене 267 сочинений, писал об этих предметах веры с таким же гневным рвением, как о святости алтаря; а он среди своих вовсе не был темным человеком, а, напротив, считался одним из самых крупных ученых светил ордена.

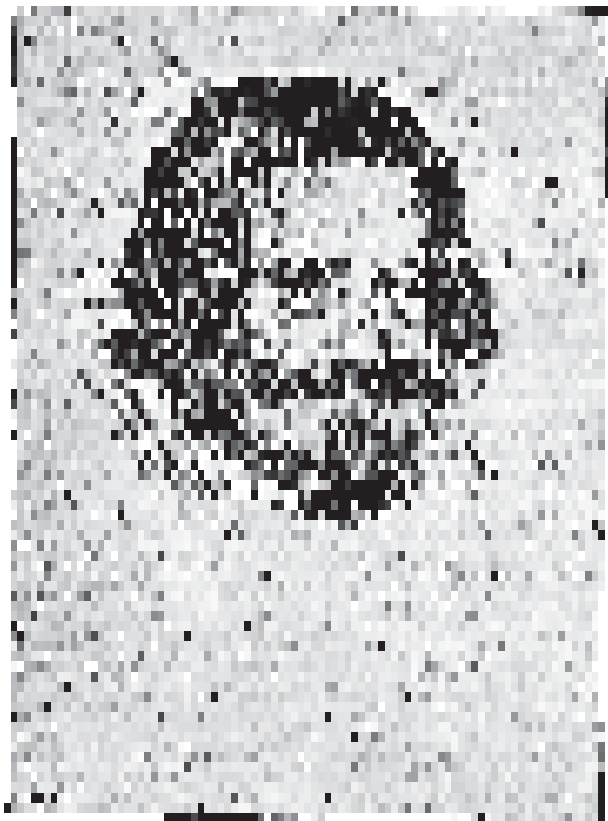
Мудрый орден искусно сумел использовать в своих интересах все чувства, которые располагают человека довериться чужому руководству, — веру и суеверие, угрызения совести и стремление освободиться от них как можно скорее, жажду чудес и откровений и страх перед всем сверхъестественным. Кроме того, он заставил служить себе все учреждения, которые даруют значение, могущество, влияние в мире: школу, церковь, государство. Наконец, он энергично взялся за все отрасли человеческой деятельности, которые могут обеспечить корпорации материальный и духовный перевес в борьбе идей и интересов: за литературу, науку, политику, торговлю, индустрию. Если мы примем все это во внимание, то огромное могущество, которым он обладал в эпоху своего расцвета, не покажется нам загадкой и тем более не покажется «чудом». Он умел брать людей за их слабые стороны и так хорошо приспосабливаться к миру, как в хорошем, так и в дурном смысле этого слова, как будто он был плотью от его плоти. Это было и его силой, и его слабостью, источником его величия и в то же время причиной его невероятно быстрого упадка, а потом и крушения.

УПАДОК, ВОЗРОЖДЕНИЕ И РЕОРГАНИЗАЦИЯ ОРДЕНА

Внутренняя борьба и упадок

Армия сохраняет боевую способность лишь до тех пор, пока ее генерал и офицеры остаются на высоте своих задач, пока войска покорно соблюдают дисциплину. Орден иезуитов представлял из себя армию, наиболее строго дисциплинированную и наиболее крепко организованную армию нового времени. В своем развитии он должен был испытать справедливость этого закона. Пока генералы и офицеры исполняли свой долг, пока дух войск оставался верным старому идеалу, орден казался почти непобедимым. После каждого поражения он снова вставал готовым к битве. Он выходил победителем даже из тяжелых внутренних кризисов, которые ему приходилось переносить. Эти внутренние кризисы только закаляли его силы потому, что каждое удачно перенесенное испытание увеличивает доверие к себе и внутреннюю связь общества, особенно если единство является таким необходимым условием его жизни, каким оно было для этой духовной армии.

Мы видели, что уже Игнатию пришлось серьезно бороться с духом национального партикуляризма португальцев. Но эта борьба была детской игрой в сравнении с той ожесточенной оппозицией, которая поднялась на том же Пиренейском полуострове про-

*Дон Гаспар де Гусман, граф Оливарец.
По офорту XVII века*

тив четвертого преемника Лойолы, ловкого и хитрого неаполитанца Клавдия Аквавивы (1581–1615).

Испанские отцы были недовольны уже тем, что в генералы ордена не был избран испанец; но их раздражение достигло крайних пределов, когда они увидели, что молодой генерал при назначении на наиболее важные посты ордена стал отдавать предпочтение молодым людям и среди них, естественно, не испан-

ским иезуитам, а главным образом неаполитанцам. В своем ожесточении они составили план, главным инициатором которого был уже упоминавшийся нами отец Мариана, ограничить верховную власть генерала над испанскими провинциями ордена, передать высшую власть в Испании генеральному викарию и отнять у генерала право назначать высших провинциальных должностных лиц.

План не был безнадежным: недовольные могли рассчитывать на могущественных союзников, в первую очередь – на испанскую инквизицию и Филиппа II. Но Аквавива путем необыкновенно искусной политики сумел привлечь на свою сторону папу Сикста V и этим нанести первый удар оппозиции. Лишь при Клименте VIII, когда Аквавивы случайно не было в Риме, недовольным удалось, при содействии испанского посла Оливареца, тайно склонить папу против генерала.

Не дав себе труда даже предварительно заслушать Аквавиву, Климент именем своего верховного авторитета немедленно назначил созыв парламента ордена – генеральной конгрегации. Но оппозиция, думавшая, что благодаря этому ее дело выиграно, жестоко обманулась в своих расчетах. Прежде всего Аквавива оказал сильное давление на выборы делегатов. Таким образом он отстранил целую группу наиболее опасных противников, в том числе и Мариану; затем на первом же заседании генеральной конгрегации, 4 ноября 1593 года, он сам внес предложение назначить комиссию для строгого расследования его управления. Этим он сразу обеспечил себе доверие большинства. Как можно было ожидать, расследование закончилось блестящим оправданием генерала. В самом деле, нельзя было доказать, что он нарушил конституции ордена. Таким образом, оппозиция оказалась разбитой уже в одном из главных вопросов. После

*Папа Сикст V предписывает построить
Ватиканскую библиотеку.
Безымянная гравюра*

этого направлять дебаты стала уже не она, а Аквавива, и это естественно привело к тому, что все предложения противников в пользу изменения конституций потерпели крушение. Искусная тактика генерала обрекла их на полное поражение. Если бы в последний момент папа не заставил орден принять некоторые из этих предложений, все усилия оппозиции оказались бы совершенно безрезультатными. Но Аквавива сумел, проявляя самое полное подчинение

папе, фактически обезвредить все внесенные по его приказанию изменения.

Таким образом, результатом этой долгой борьбы было не ограничение, а укрепление самодержавной власти генерала. В конце концов выдающийся талант Аквавивы одержал верх не только над оппозицией, но также и над Филиппом II и папой. Конечно, испанцы были крайне огорчены этой неудачей. Полный затаенной ненависти, Мариана написал, не осмелившись, впрочем, опубликовать, свой знаменитый памфлет «О недугах Общества Иисуса», в котором подверг желчной критике самодержавие генерала и господствовавшую в ордене систему доносов. Что касается испанского правительства, то оно твердо решило избавиться от столь неудобного генерала. Филипп II думал достигнуть этого, предложив Аквавиве архиепископство в Неаполе, а Филипп III составил даже план пригласить его в Испанию и здесь посадить в тюрьму. Но Аквавива был слишком хитер, чтобы попасться в сети своих противников. Он в самых вежливых выражениях отклонил их предложения и тем лишил их всякого повода открыто жаловаться на него.

Ту же необычайную мудрость генерал проявил и в великом догматическом споре, который в это время завязался в Испании между доминиканцами и иезуитами по поводу учения о благодати. Он счел необходимым не допускать этого спора на рассмотрение испанской инквизиции. Но в то же время он не хотел навлечь на себя гнева этого могущественного трибунала. Поэтому он мудро выжидал до тех пор, пока должность великого инквизитора не стала вакантной, и лишь тогда убедил папу перенести спор на рассмотрение в Рим (1597 г.).

Климент VIII назначил специальную комиссию для расследования этого вопроса. Но дебаты этой комиссии

не приводили ни к какому результату, так как ни одна сторона не хотела делать уступок. Папа лично склонялся скорее в пользу доминиканцев. Но, как только он выражал намерение высказаться в этом смысле, иезуиты начинали грозить ему требованием созыва вселенского собора. Это так испугало папу, что он предпочел молчать и не вмешиваться. Он умер 5 марта 1605 года, не разрешив спора. Комиссия прервала свои работы. Великий спор закончился ничем. Но иезуиты получили, по меньшей мере, возможность продолжать свободно развивать свое учение. Таким образом, и в этом споре авторитет их остался неподорванным, прежде всего, благодаря мудрой политике Аквавивы.

Аквавива был на долгое время последним из великих генералов ордена. Вместе с его преемником, римлянином Муцио Вителлески (1615–1645), этим мягким и склонным к компромиссам «ангелом мира», который мог лишь просить, вместо того чтобы повелевать, и увещевать, вместо того чтобы наказывать, — начинается упадок ордена. Генерал все более и более стушевывается, все более замыкается в стенах Гезу, в Риме. Он уже не управляет орденом, а лишь представляет его. Управление все более переходит в руки генерального штаба и офицеров, то есть профессов, так что в конце концов орден превращается из самодержавной монархии в многоголовую олигархию, которая ревниво борется с генералом за свои права и власть, подобно тому как некогда венецианская синьория боролась с дожами.

Эта эволюция внешним образом проявилась прежде всего в изменении положения профессов. Вместо того чтобы вести в своих домах скромную и бедную жизнь нищих монахов, как предписывали статуты, или же работать среди еретиков и язычников в качестве посланцев папы, профессы стали стремиться в

коллегии, куда статуты допускали только схоластиков и коадьюторов, не только для того, чтобы занимать там наиболее видные должности, но для того, чтобы спокойно пользоваться богатыми доходами этих учреждений. Они больше заботились о мирном наслаждении жизнью, чем о работе, и «охотно предоставляли молодым всю тяжесть реальных дел».

В нашем распоряжении имеются весьма поучительные свидетельства относительно вредного влияния этого ослабления военно-монашеского духа среди основного ядра ордена на деятельность его остальных классов. Об этом говорят не только произведения врагов иезуитов, но также декреты генеральных конгрегаций и энциклики генералов. Вместо того чтобы отказываться от своего состояния немедленно после вступления в орден, иезуиты откладывали отказ до четвертого года после своего принятия. Случалось даже, что и по истечении этого срока их приходилось настойчиво призывать к выполнению лежавшей на них обязанности, потому что они находили всякого рода предлоги для дальнейших отсрочек.

Они отписывали свое состояние не ордену, как настойчиво советовал Игнатий, а обычно одному из учреждений; и вместо того чтобы отложить после отказа всякое попечение о своем имуществе, они сохраняли за собой право управлять им. Благодаря этому они фактически продолжали оставаться собственниками, и принесенный ими обет бедности превращался в простую фикцию. Раз иезуиты могли свободно управлять собственным имуществом, ничто не мешало им брать в свои руки заведование имуществом занятых родственников, вести гражданские процессы в светских судах, ликвидировать банкротства и вмешиваться в ряд дел, которые совершенно не входят в компетенцию монаха. Игнатий строго осудил бы эти проявления в жизни ор-

дена. Но орден в своем большинстве не видел в этом ничего зазорного. Он терпел еще худшие злоупотребления. Некогда он усиленно подчеркивал полную бесплатность обучения в своих школах. Этот принцип поддерживался по-прежнему, но только на словах. Отцы, нисколько не смущаясь, принимали подарки всякий раз, когда это было возможно, — подарки настолько значительные, что о бесплатном обучении более не могло быть и речи.

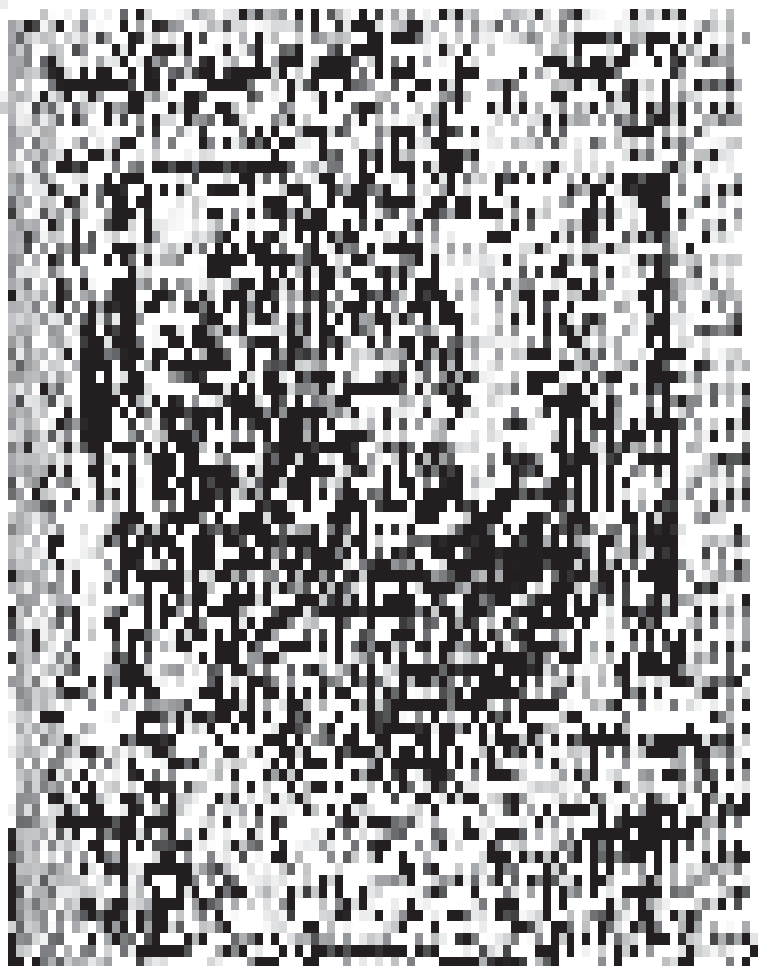
Орден умышленно искал самых богатых учеников и старался, по возможности, убедить их вступить в орден, несмотря на то что они еще не достигли возраста, предписанного статутами. Еще больше порицаний вызывала та поспешность, с которой отцы всюду бросались в торговлю и промышленность с целью увеличить свои доходы. Римская коллегия изготовляла в Мацерате огромное количество сукна и открыто продавала его даже на ярмарках. Индийские миссии вели очень доходную торговлю колониальными продуктами, а антильские, мексиканские и бразильские миссии конкурировали с ними. На Мартинике один особенно предприимчивый прокуратор мог, не встретив препятствий со стороны старших, создать обширные плантации, которые он обрабатывал руками купленных для этой цели рабов-негров совершенно так же, как это делали богатые плантаторы.

Еще зазорнее с точки зрения современников было близкое знакомство отцов с банковскими и денежными операциями. Коллегии не только вели свои собственные дела при помощи вексельных операций, но производили подобные операции для посторонних. Так, например, орденская касса в Риме производила по поручению португальского правительства выплаты португальскому посольству. Когда Август Сильный отправился в Польшу, венские отцы открыли

этому вечно нуждавшемуся в деньгах монарху кредит у варшавских иезуитов. В Китае отцы кредитовали купцов под очень высокие проценты, как говорят, за 25 %, 27 % и даже 100 %. Понятно, что орден всюду прослыл корыстолюбивым.

Вителлески замечает уже в 1617 году, что этот порок везде ставится в вину ордену. Генерал Караффа специально предостерегает прокураторов, советуя им действовать умеренно при взыскании даже самых законных долгов, дабы не навлечь на себя обвинения в корыстолюбии; генерал Никкель разослал даже большое циркулярное письмо с целью напомнить ордену об апостольской бедности. Но мирские интересы так захватили орден, что иезуиты в своем стремлении к богатству нередко относились с полным презрением к правам своих ближних. Даже такой преданный друг ордена, как польский король Ян Собесский, в виду ряда возмутительных фактов этого рода должен был написать генералу Оливе: «К моему великому сожалению, я замечаю, что добрая репутация ордена чрезвычайно страдает от того, что вы чрезмерно стремитесь увеличить свое богатство, нисколько не заботясь о правах ближних. Я считаю своим долгом обратиться к вашему преподобию с настойчивой просьбой предостеречь иезуитов от корыстолюбия и жажды власти, которые слишком заметны у иезуитов других стран. Ректора стремятся обогатить свои коллегии всеми средствами. Это их единственная забота».

Во время управления Оливы (1664–1681 гг.) эти тяжкие упреки делались иезуитам со всех сторон. Впрочем, они не производили никакого впечатления на этого сибарита, который вел самую беспечную жизнь в Гезу и в своей прекрасной албанской вилле. Но даже если бы на его месте был другой человек, он едва ли смог бы уничтожить эти злоупотребления. Он, конечно, не был

*Папа Павел IV, Караффа.
Гравюра на меди работы Николая Беатризе*

бы в состоянии заставить орден отказаться от них потому, что профессы и высшие должностные лица в Риме получили уже при Вителлески такую силу, что не потерпели бы энергичного генерала.

Генерал Госвин Никкель был вынужден в 1661 году передать управление генеральному викарию, то есть фактически был низложен, не только вследствие своего возраста, но и потому, что влиятельные члены ордена в Риме не могли перенести его властного характера¹. Тирс Гонзалес де Санталла, пытавшийся искоренить безнравственные моральные учения ордена, подвергся бы той же участи, если бы он не согласился вовремя пойти на уступки, которые противоречили его внутренним убеждениям. Таким образом, в глазах беспристрастных наблюдателей преемник Игнатия из абсолютного самодержца превратился в орудие подозрительной олигархии. То, к чему стремилась испанская оппозиция при Аквавиве, полностью осуществилось в конце XVII века. Конституция ордена фактически изменилась, несмотря на все усилия формально не изменять статуты.

Это роковое развитие, незаметное для мира, было бы невозможно, если бы в ордене сохранилась первоначальная железная дисциплина. Но, подобно тому как иезуиты успели сделать недействительным обет бедности, они уже не признавали себя обязанными к безусловной субординации, к «повиновению трупа» по отношению к генералу, чего так решительно требовал Игнатий.

---

¹ С этим утверждением Бёмера, который следует здесь Л. Ранке (Romicshe Papste, с. 89), едва ли можно согласиться. По-видимому, Никкель действительно был серьезно болен; он передал управление своих обязанностей отцу Шюффери еще прежде, чем генеральная конгрегация назначила ему в викарии о. Оливу. В 1661 году Никкелю было 77 лет; умер он в 1864 г. – *Прим.Mono.*

Если иезуиты плохо повиновались генералу, то еще менее они повиновались верховному командиру своей армии – папе. Во время столкновения Людовика XIV с Иннокентием XI французские иезуиты стали на сторону не курии, а короля. Когда французское духовенство решительно высказалось против учения о непогрешимости папы и его неограниченной власти над церковью, они отнюдь не выступали в защиту этих принципов, которые некогда защищал Ленец со всей силой своей железной логики, а, напротив, присоединились к противникам этих принципов и осмелились даже писать в защиту так называемых галликанских идей, так что в 1687 году в Риме пришлось сжечь рукой палача несколько иезуитских произведений.

Подобные проявления открытого возмущения повторялись все чаще и чаще. Когда в 1705 году папский легат Турон запретил китайским христианам культ предков и Конфуция, иезуитские миссионеры не только не подчинились, но стали вести против Турнона интриги, пока китайский император не изгнал из Небесной империи этого близорукого и нетактичного человека, который все же был папским легатом. Они поступили точно так же, когда курия торжественно запретила в 1715 и 1735 годах так называемые «китайские обряды»¹. В

---

¹ Ничто не доказывает, чтобы изгнание легата Майара де Турнона было результатом иезуитских интриг. Когда Климент XI в 1715 году торжественно осудил китайские обряды, большинство отцов подчинилось, хотя и неохотно: они знали, что это запрещение приведет к гибели китайских миссий. В 1720 году они воспользовались посылкой Меззабарбы, чтобы опять добиться терпимости к китайским обрядам. Но когда Климент XII в 1735 году и Бенедикт XIV в 1742 году безусловно запретили обряды, иезуиты примирились с этим, и некоторые из них были даже замучены во время преследования, разрушившего их работу – *Прим. Моно.*

ордене нельзя было найти и следов той безграничной и величественной в своем роде самоотверженности, которая некогда заставила Игнатия посвятить себя и своих учеников служению папскому престолу. Орден повиновался теперь только тогда, когда повиновение соответствовало его интересам. Во всех остальных случаях он вел себя по отношению к папской власти наподобие преторианцев. Лишь только папа, как, например, серьезный и энергичный Иннокентий XI, осмеливался идти наперекор его намерениям, орден немедленно проявлял готовность начать борьбу с самим папой.

На другие церковные власти и на старые монашеские ордена иезуиты обращали еще меньше внимания, чем на курию. Они, казалось, приняли за правило не допускать никаких соперников. Когда они проникали в миссионерскую территорию, где до них проповедовали Евангелие другие ордены, они боролись со своими соперниками до тех пор, пока те не уступали им своего места. Там, где, как, например, в Китае, другие ордена позволяли себе вмешиваться в сферу их деятельности, иезуиты вступали даже в союз с языческими властями, чтобы избавиться себя от этих смутьянов. Так же они поступали и с неугодными для них епископами. Не следует удивляться, что в значительной части церковных сфер и особенно среди старых орденов иезуиты возбуждали не только зависть, но также ненависть и отвращение.

Корыстолюбие и властолюбие, полное презрение к обетам и отказ от старых идеалов можно было бы еще перенести, если бы иезуиты значительностью своих услуг доказали, что церковь не может обойтись без них. Но с конца XVII века об этом уже не могло быть и речи. Действительные успехи орден делает только в области языческих миссий. Напротив, в других отраслях деятельности ордена проявляется поис-

тине печальный недостаток в талантах, и даже в иезуитских школах проявляется вызывающий беспокойство упадок.

В то время как в Западной и Центральной Европе в школьное дело всюду проникали новые идеи и новые идеалы, иезуитские школы упорно сохраняли учебные планы, составленные по Ratio Studiorum 1599 года. Они не могли отказаться даже от старой пагубной системы непрерывной смены учителей, не говоря уже о дурных педагогических приемах, заимствованных у гуманистов. Иезуитская школа не только не развивалась, она приходила в упадок. В XVIII веке невежество духовенства нигде не было так велико, как в тех странах, где учителями семинарий были иезуиты; нигде умственная деятельность не была так слаба, как в тех странах, где ордену принадлежала абсолютная монополия преподавания; нигде университеты не пали так низко, как там, где читали лекции отцы.

Дисциплина в их учебных заведениях, пользовавшаяся некогда широкой известностью, также пришла в упадок, и даже латынь их учеников уже не отличалась прежним бесспорным превосходством, хотя латынь всегда оставалась единственным предметом, который изучали во всех иезуитских коллегиях. Понятно, что австрийское, баварское и в конце концов даже испанское правительства пытались бороться с этим печальным положением вещей. К сожалению, орден не имел ни силы, ни желания приступить к радикальной реформе. С этого момента стало очевидным, что роль иезуитов как преподавателей и воспитателей пришла к своему концу. Действительную пользу в этом отношении он продолжал приносить лишь в Южной и Центральной Америке. Но, принимая во внимание невысокий уровень умственного развития населения этих стран, мы должны признать, что это не слишком большая заслуга.

Упадок ордена в конце XVII века и в начале XVIII был настолько глубоким, что Игнатий едва ли смог бы узнать свое создание. Породивший его энтузиазм угас; дисциплина, бывшая одной из основных причин его успехов, была серьезно потрясена; конституция, которой он более всего был обязан своими блестящими победами, была расстроена и уничтожена. У тех, кто судил о нем не по отдельным исключениям, а по всей его деятельности в целом, не могло уже быть сомнения в том, что час его пробил. Ибо для проведения реформы собственными силами у ордена уже не хватало благоразумия и энергии, а о принудительной реформе, навязанной ему извне, нельзя было и думать.

Падение иезуитского ордена

Ни один монашеский орден со времени своего возникновения не возбуждал таких живых симпатий и антипатий, не занимал так постоянно общественное мнения Европы, не породил столько легенд, не заставил так много писать о себе, как Общество Иисуса. Если мы просмотрим огромную массу сочинений, критическая оценка которых далеко еще не сделана, если мы прибавим к этому суждения, случайно высказанные выдающимися государственными деятелями, философами, поэтами¹ по поводу той или иной стороны деятельности ордена, то нам придется констатировать, что оценка ордена, даваемая обще-

---

¹ Среди них мы находим даже великого поэта английского Возрождения Шекспира. По поводу порохового заговора он высказал ряд едких замечаний относительно иезуитского учения о двусмысленных выражениях. Ср.: Макбет, акт II, сцену с привратником. — *Прим. Моно.*

Вильям Шекспир.

*Портрет драматурга, подаренный английской нации
в 1856 году лордом Эллесмером*

ственным мнением, с течением времени становилась все более и более негативной.

В первые годы существования Общества Иисуса даже протестанты восхваляли иезуитов как преподавателей. В среде католической церкви каждый успех его встречали с почти единодушным восхищением и радостью. Но в начале XVII века положение вещей резко меняется.

Даже в католическом лагере на орден обрушиваются с памфлетами, которые, как, например, «*Anti-Coton*» и «*Monita secreta*», по своей враждебности превосходят все, что написали против него протестанты. Прежде чем он успел оглянуться, просвещенные люди почти всюду отвернулись от него, объявив ему войну во имя цивилизации, и в конце концов орден остался изолированным. Почти всюду, даже в католических странах, его стали считать опорой обскурантизма и испорченности, почти всюду начали желать его гибели и добиваться ее всеми средствами.

Быстрее и сильнее всего поворот общественного мнения произошел во Франции. С самого начала орден имел здесь двух могущественнейших врагов: парижский парламент и Парижский университет. Оба, как мы знаем, всеми средствами старались помешать его упрочению во Франции. Оба впоследствии почти всегда были его непримиримыми противниками. Но после 1640 года к этим двум врагам присоединился еще третий – янсенисты, благочестивые отшельники Пор-Рояля, стремившиеся к углублению и возрождению религиозной жизни в духе Августина. Уже того, что янсенисты находили почитателей и приверженцев среди наиболее высокопоставленных и образованных людей, было вполне достаточно, чтобы вооружить против них иезуитов.

Как только выяснилась огромная внутренняя разница, существовавшая между иезуитами и новым благочестивым движением, отцы начали борьбу с ним и не прекращали ее до тех пор, пока не побудили курию и абсолютную монархию раздавить янсенизм без всякой пощады.

Однако эта победа обошлась им очень дорого. В 1656 году янсенист Паскаль, один из самых мощных и глубоких умов, который когда-либо порождала

Франция, выпустил сатиру на теологию и нравственное учение иезуитов, которая получила широкую известность не только благодаря своему содержанию, но и благодаря своей форме. Вся образованная Франция зачитывалась и восхищалась «Письмами провинциала». Напрасно иезуиты доказывали, что богато одаренный автор работал часто слишком поспешно и иногда неправильно истолковывал теологов-казуистов. Они не могли доказать, а это и было самым существенным, что Паскаль извратил общую тенденцию их нравственного богословия, и еще менее могли они противопоставить этому классическому шедевр французской прозы столь же утонченный, остроумный и пламенный ответ. И тогда им впервые пришлось испытать на себе истину, что во Франции смешное убивает. То, что начал Паскаль, продолжали философы XVIII века. Они возбудили против ордена ненависть и презрение образованных людей. В середине XVIII столетия орден имел во Франции только двух друзей – короля и высшее духовенство. Но эта дружба принесла ему скорее вред, чем пользу, и, что еще хуже, она исчезла при первом натиске общественного мнения.

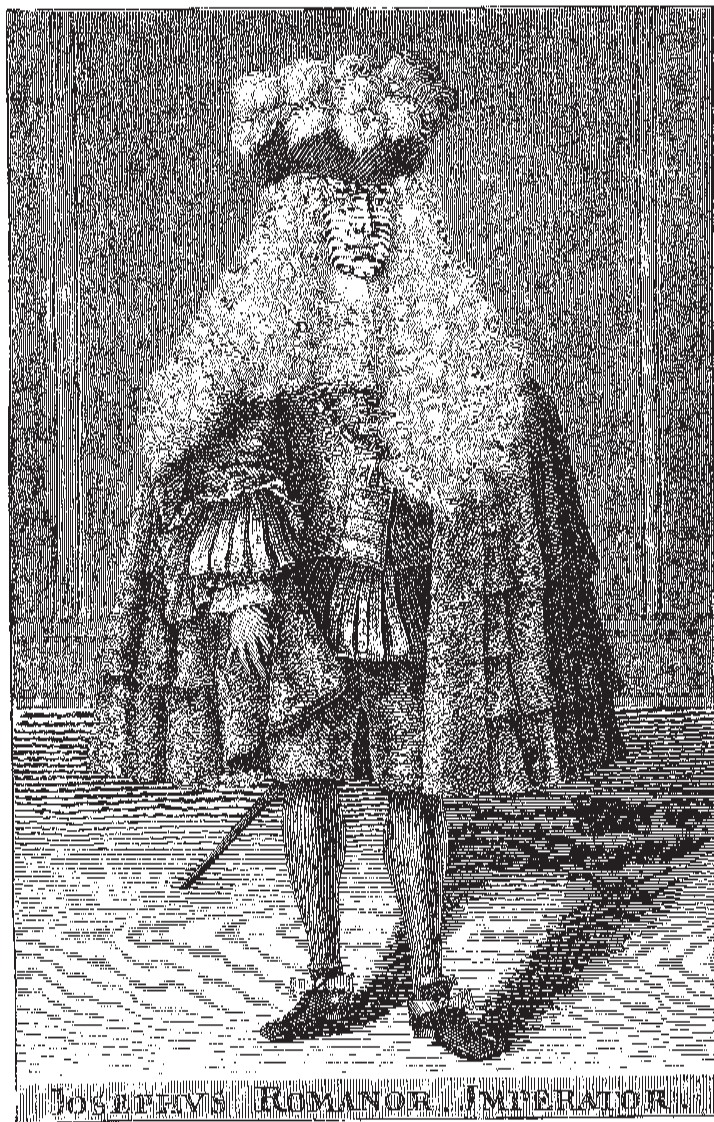
Если бы орден имел врагов только во Франции, он мог бы еще спокойно смотреть в будущее. Но тогда Франция определяла общественное мнение всей Европы. Объявление войны со стороны друзей просвещения во Франции имело значение не для одной только Франции. Оно было равносильно провозглашению войны иезуитам во всей Европе. В каком положении застала их эта война? Общество Иисуса пришло в упадок, было поколеблено до самого своего основания, лишено талантов, энтузиазма, нравственной силы! Не будучи пророком, можно было сказать с уверенностью, что оно должно было пасть, пасть без долгой

борьбы, лишь только самая могущественная и самая грубая из сил эпохи, монархическая власть, соединится против него со свободными мыслителями.

Любопытно, что катастрофа произошла ранее всего не во Франции, а в том государстве, которое общество завоевало быстрее всего и где его господство было наиболее продолжительным и наиболее полным, — в Португалии. Оно пало здесь не под ударами какого-либо старого противника, а под ударами своего бывшего ученика, на которого оно полностью полагалось и которому оно поэтому помогло прийти к власти, — Иосифа Карвальо, маркиза де Помбаль. Наконец, поводом к падению ордена послужили не те бесспорные злоупотребления своей властью, в которых он был повинен и в Португалии, а вполне законное сопротивление желанию разрушить одно из самых прекрасных его созданий — иезуитское государство в Парагвае.

15 января 1750 года, еще до вступления Помбаля в министерство, между Испанией и Португалией был заключен договор о разграничении американских владений, по которому первая из этих держав передавала Бразилии семь редуций иезуитского государства в Парагвае, расположенных на востоке от Уругвая. На основании этого договора испанское правительство приказало отцам этих редуций покинуть вместе с населявшими их 30 000 индейцев в течение одного года свои прекрасные, цветущие поселения и основать новую колонию на другом берегу реки, на испанской территории, то есть начать все заново в пустыне.

Этот приказ не только доказывал, что иезуиты теряли свое преобладающее влияние в Мадриде и Лисабоне, но показывал также, что в колониальной политике испанского правительства одержала верх система бессмысленного, грубого насилия, которая гро-

Император Иосиф I незадолго до своей кончины в традиционном испанском придворном наряде (XVIII в.)

зила худшими катастрофами для его огромной колониальной империи. Случилось то, что должны были бы предвидеть оба правительства заранее. Не только индейцы, но и некоторые отцы оказали сопротивление португальской комиссии, которой было поручено провести новые границы. Когда обе заключившие договор державы ввели в 1756 году на территорию Уругвая две небольшие армии, краснокожие христиане выступили при Сан-Жуане с оружием в руках против солдат, находившихся под командованием коррегидора Николая де ла Концепцион.

Произошла настоящая битва, в которой, как и следовало ожидать, победа досталась европейцам. Однако индейцы начали упорную партизанскую войну, от которой пострадали главным образом португальские войска. Истощенные, деморализованные, с сильно поредевшим составом, они в конце концов были вынуждены отступить, а так как оба правительства были по другим причинам недовольны условиями договора, то в 1760 году они отказались от несчастной попытки урегулировать границы, и территория уругвайской миссии была возвращена Испании.

Эти события составляют исходный пункт крушения не только иезуитского государства в Парагвае, но и самого иезуитского ордена.

Помбаль, давно уже возмущенный влиянием отцов на двор и правительство, решил уничтожить орден в Португалии. 19 сентября 1756 года он приказал изгнать всех находившихся при дворе иезуитов. Некоторое время спустя, в 1757 году, он опубликовал свой знаменитый «Краткий отчет о государстве иезуитов в Парагвае», представлявший собой, несмотря на официальную сдержанность стиля, объявление войны опасному обществу, которое осмелилось основать собственное государство вне всякого контроля свет-

ских властей и тем самым ясно обнаружило руководившие им всюду и всегда политические расчеты.

Этот манифест в форме отчета произвел огромное впечатление. Сам папа Бенедикт XIV был глубоко смущен им и под давлением грозных настояний Помбаля приказал кардиналу Салданха произвести ревизию учреждений ордена в Португалии. Эта ревизия, которая велась под давлением Помбаля, оправдала, по-видимому, самые худшие обвинения, предъявленные иезуитам, особенно поскольку дело шло о коммерческих и денежных операциях. Но как бы преувеличены ни были обвинения кардинала, они не были лишены известных оснований. И, что хуже всего, вся Португалия приняла их за правду. После того как орден был таким образом пригвожден к позорному столбу наивысшей церковной властью, Помбалью оставалось лишь нанести ему последний удар. Удобный повод дало ему таинственное покушение на короля Иосифа 3 сентября 1758 года. Но Помбаль лучше всего обрисовывает то обстоятельство, что он подготавливал свое нападение втайне в течение долгих месяцев, стремясь раздавить одновременно с орденом и дворянство, ставшее в оппозицию к его политике. 13 декабря были арестованы иезуиты Лиссабона, как соучастники покушения; 19 января 1759 года последовал арест остальных отцов и конфискация всех огромных богатств ордена; наконец, 3 сентября Помбаль издал указ, изгонявший орден из всех владений португальской монархии.

Большинство изгнанных было немедленно посажено, как сельди в бочку, на несколько торговых кораблей и отвезено в Италию, где их высадили на берег Церковной области почти без всяких средств к существованию. Но довольно значительное число Помбаль оставил в тюрьмах, чтобы отомстить им. Среди

них находился самый влиятельный и поэтому самый опасный для министра отец Малагрида. Сперва Помбаль формально обвинил этого человека в государственной измене; потом, когда обнаружилась полная несостоятельность этого обвинения, он передал его инквизиционному трибуналу в качестве еретика! В конце концов инквизиция подчинилась воле Помбаля. 20 сентября 1761 года несчастный был задушен и сожжен на торжественном аутодафе.

Помбаль был, несомненно, убежден, что иезуиты являются серьезной опасностью для государства. Но глубокое двоедушие, адское лукавство, зверская жестокость его поведения не находят себе оправдания. Жестокость хищного зверя, которая так часто является одной из характерных черт великих государственных людей, была основной чертой Помбаля. Она запятнала его память и далеко не содействовала успеху предпринятого им великого дела возрождения глубоко разложившегося государства. Он без всякой пользы создал мучеников и сам таким образом подготовил дорогу для наступившей потом реакции.

Во Франции при роспуске ордена проявили гораздо больше мягкости. Иезуиты убеждены еще теперь, что падение ордена в этой стране было результатом одного мужественного поступка. Как они утверждают, любовница Людовика XV маркиза де Помпадур, разгневанная тем, что не могла получить отпущения грехов от отца де Саси, составила вместе с министром Шуазейлем тайный заговор против иезуитов. Этот заговор – легенда. Действительной причиной падения ордена были ненависть и презрение образованных классов к отцам. Поводом было скандальное дело Лавалетта. Отец Лавалетт, в качестве прокуратора антильских миссий, реорганизовал торговлю колониальными продуктами и при поддержке некоторых

Людовик XV.

С гравюры Ж. Г. Вилля (J. G. Ville)

французских банкирских домов предпринял крупные коммерческие спекуляции на острове Мартиника. Но, подобно многим спекулянтам, он ошибся в своих расчетах и в скором времени оказался запутанным в целом ряде больших гражданских процессов. Эта авантюра характерна для духа и дисциплины ордена в середине XVIII века. Лавалетт, как потом утверждали, смог затеять свои огромные предприятия без всякого ведома старших. Но положение еще ухудшилось. Вместо того чтобы затушить скандал, заплатив долги Лавалетта (2 400 000 ливров – сумма весьма значительная для той эпохи; но у ордена на одной только Мартинике было имений более чем на 4 миллиона), старшие ордена во Франции, видя, что кредиторы не хотят удовольствоваться заупокойными обеднями в уплату за свои векселя, добились указа, переносившего в большую палату парижского парламента все процессы по делу Лавалетта, и таким образом придали скандалу самую широкую огласку. Это превратило гражданский процесс против Лавалетта в уголовный процесс против всего ордена. Ибо парламент не только присудил генерала иезуитов к уплате всех долгов Лавалетта, но и воспользовался случаем, чтобы рассмотреть конституции ордена. 8 июля 1761 года на основании этого рассмотрения он объявил, что существование ордена во Франции незаконно. Король еще раз вмешался в пользу отцов, попавших в отчаянное положение. 2 августа он приказал парламенту отложить произнесение окончательного приговора о законности конституции ордена на один год. Но это было лишь отсрочкой смертного приговора. В то время как парламент продолжал другими путями свой поход против ордена, король со своей стороны требовал, по крайней мере, пересмотра конституций. Но и генерал Рикки, и папа Климент XIII решительно отказывались

уступить в этом пункте. Папа настолько мало отдавал себе отчет в серьезности положения, что прямо объявил: «Sint ut sint, aut non sint!»¹ Для Франции это значило: non sint. 6 августа 1762 года парижский парламент издал указ о роспуске ордена. 14 июня 1763 года король объявил все состояние ордена конфискованным в пользу короны. Орден перестал существовать во Франции, проработав в ней в течение более 200 лет.

Все благоразумные люди даже в Риме поняли, что следует молча примириться с мерой, которая была встречена с восторгом всей Францией. Но папа Климент XIII не принадлежал к благоразумным людям. По выражению своего преемника, Климента XIV, он позволил генералу Рикки вырвать у себя конституцию, в которой он не только снова подтвердил все привилегии ордена, но и торжественно выступил в защиту его невинности и добродетели. Это было совершенно бесцельным вызовом не только Португалии и Франции, но также всему дому Бурбонов и общественному мнению всех романских стран. Единственным результатом конституции было жестокое унижение папского престола. В Неаполе, Сицилии, Милане, Венеции обнародование конституции было запрещено; во Франции она была во многих городах сожжена рукой палача; в Португалии всякий, кто распространял или тайно хранил ее у себя, был объявлен виновным в оскорблении величества. Но хуже всего было то, что из нескольких сот католических епископов лишь 23 выразили папе свое одобрение.

Не успела еще курия оправиться от этого удара, как в Риме получили самые тревожные известия из дру-

---

¹ «Пусть они (конституции) будут тем, что есть их суть, или пусть их совершенно не будет». Эта непоколебимая верность конституциям Лойолы и Игнатия всегда составляла силу и славу общества. — *Прим. Моно.*

гих государств, которыми правили Бурбоны. 2 апреля 1767 года в Испании почти в один и тот же час было брошено в тюрьму около 6000 иезуитов, и орден был запрещен во всех частях империи. Король Карл III отправил папе в подарок всех арестованных. Но когда несчастные захотели высадиться в Цивита-Веккия, их встретили пушечными выстрелами по просьбе их же собственного генерала, которому было достаточно португальских иезуитов. Они должны были быть довольными, что могли получить на короткое время приют на о. Корсика. В ночь с 3-го на 4 ноября таким же образом избавил себя от иезуитов король Неаполя и Сицилии; в ночь с 7-го на 8 февраля 1768 года то же сделал и герцог пармский; наконец, 23 апреля 1768 года прогнал иезуитов и мальтийский гроссмейстер. В то же время все бурбонские дворы заняли угрожающее положение по отношению к папе Клименту XIII вследствие конфликта, возникшего между курией и герцогом пармским. В июне Бурбоны заняли папские владения в Южной Франции и Южной Италии. Несколько месяцев спустя, в сентябре 1768 года, французский посланник от имени всех Бурбонов вручил папе меморандум, в котором он определенно потребовал от курии «полного и окончательного уничтожения Общества Иисуса». Португалия порвала все сношения с римским двором, а единственный оставшийся у Климента XIII друг, Мария Терезия Австрийская, не выражала ни малейшего желания поддержать его. Даже в Риме не могли уже скрывать от себя, что папство должно было или решиться предоставить орден его собственной судьбе, или отказаться от своего положения в мире.

Таково было положение дел, когда в ночь с 1-го на 2 февраля 1769 года умер Климент XIII. Вся Европа ожидала с беспокойством избрания нового папы. Никто не

Мария Терезия, римская императрица, королева венгерская и богемская, австрийская эрцгерцогиня. Гравюра работы Филиппа Андрея Килиана с портрета кисти Мартина де Мейтенса

сомневался, ни иезуиты, ни державы, что это избрание должно было решить вопрос о жизни или смерти ордена и вопрос о будущем положении папства. Заседания конклава тянулись три месяца, и в конце концов, 19 мая, папой был избран францисканец Лоренцо Ганганелли, принявший имя Климента XIV. Ганганелли не считался ни другом, ни врагом иезуитов. Но, по своему характеру настроенный примирительно, он всегда проявлял благоразумие и умеренность. Поэтому можно было ожидать, что он не остановится ни перед какими средствами, чтобы улучшить отношения папского престола с великими католическими державами, пришедшие в полное расстройство благодаря неразумной политике его предшественника. Действительно, он немедленно же решился на ту меру, которая одна только могла восстановить мир и вывести папство из затруднительного положения. 29 сентября он уведомил французского короля, а 30 ноября – мадридский и лиссабонский дворы, что намерен распустить орден. Однако прошло целых четыре года, прежде чем за этим сообщением последовал решительный шаг. Только 21 июля 1773 года он подписал знаменитое бреве «Наш Господь и Спаситель», произнесшее смертный приговор над самым могущественным из всех орденов, который когда-либо знала церковь.

Если булла, которая некогда дала ученикам Лойолы право на существование в церкви, начиналась призывом к правительству воинствующей церкви, то пап-миротворец весьма характерным образом начинает свое послание обращением к Иисусу, царю мира, который назначил своим ученикам и служителям быть вестниками мира.

Иезуитский орден, говорится далее, с самого своего возникновения сеял смуту. В подтверждение этого Климент XIV приводит многочисленные доказатель-

*Франц I (Лотарингский), супруг Марии Терезии,
коронованный германским императором во Франкфурте
4 октября 1745 г.*

ства. Но это – единственное обвинение, ясно выставленное им против ордена. О других упреках, которые делались ордену, он говорит в очень сдержанных, умеренных и дипломатических выражениях, не исследуя, справедливы они или нет. Далее он указывает, что «ор-

ден уже не может приносить обильных плодов и той пользы, которая некогда давала ему право на существование. Следовательно, орден не отвечает более потребностям времени. Поэтому, в твердом убеждении, «что, пока Общество будет существовать, будет трудно или даже невозможно восстановить мир в церкви, мы, после зрелого обсуждения, опираясь на тщательное расследование, на основании нашей апостольской власти объявляем названное выше Общество распущенным, мы его отменяем, уничтожаем, распускаем» и т. д.

Иезуиты немедленно распространили самые нелепые легенды об истории этого крайне умеренного документа, который делает величайшую честь политическому такту его автора. Согласно одной из них, Климент будто бы сказал: «Я поступил так только по принуждению». Согласно другой, он подписал послание ночью, карандашом, на одном из окон Квиринала, затем упал в глубокий обморок и весь следующий день провел в постели почти голым, все время повторяя со стонами: «Я проклят, ад – моя участь». Согласно третьей легенде, в тот момент, когда подписывал послание, он сошел с ума. Рассудок к нему возвратился только незадолго до смерти, и лишь благодаря чуду он избежал ада. Согласно четвертой легенде, он впоследствии уничтожил бреве. Приводится даже сам акт, отменявший бреве; конечно, этот акт является грубой подделкой, что вполне ясно следует из того места, где папа перед лицом всего мира называет себя недостойным преемником святого Петра.

В конце XIX века уже не защищают ни этих легенд, ни этих юридических сомнений. Довольствуются указанием на то, что послание было результатом критического положения, при котором папство не могло поступить иначе, чем оно поступило. Это совершенно

*Мария Терезия во вдовьем траурном одеянии.
Гравюра на меди работы Якова Шмуцера, с портрета
кисти дю Грейе, 1770 г.*

верно, но из этого не следует, чтобы послание не выражало действительного мнения папы об ордене. Несомненно, папа пришел к убеждению, что орден сеет смуту и вредит процветанию церкви. Эту точку зрения разделяли и некоторые кардиналы, потому что со времени Бенедикта XIV отцы имели в священной кол-

легии немало ожесточенных врагов. Поэтому неудивительно, что после долгого и добросовестного расследования вопроса курия также кинула иезуитов на произвол судьбы. 16 августа послание было сообщено римским иезуитам, и генерал Рикки был заключен в замок святого Ангела. Здесь с ним обращались мягко; но ему так и не суждено было выйти на свободу, хотя его не могли обвинить в каком-либо преступлении. 22 ноября 1775 года он умер в тюрьме жертвой той ненависти и того недоверия, которые возбудил против себя орден во всей Европе. Климент XIV сошел в могилу раньше его, 22 сентября 1774 года. Иезуитов обвиняли в том, что они отравили его. Это давно уже опровергнутая басня. Но эта басня поучительна: она показывает, что могли приписывать иезуитам в конце XVIII века не только свободные мыслители, но и кардиналы римской церкви.

Восстановление ордена

Как встретили послание о роспуске ордена иезуиты и все христиане-католики? Орден подчинился ему с покорностью лишь там, где правительства привели послание в исполнение. При этом, конечно, не было недостатка в протестах, то открытых, то анонимных, против уничтожения ордена, и особенно в самых невероятных попытках унизить и загрязнить память Климента XIV. Образованная Европа встретила уничтожение ордена с восторгом; народ почти всюду отнесся к нему безучастно. Кое-где слышались громкие жалобы монахинь и других ревностных сторонников культивируемого орденом благочестия. Но нигде, ни в Европе, ни вне ее, исполнение послания не встретило серьезного сопротивления со стороны масс. Получается впечатление, что орден везде потерял всякое доверие

Фридрих Великий.
Гравюра работы И. Ф. Баузе, 1764 г.

к себе. Общественное мнение не обнаружило никакого сочувствия к трагическому элементу его падения; оно отнеслось почти совершенно равнодушно к тем жестокостям, которые совершил Помбаль. В несправедливостях, которым подверглись в разных местах отдельные отцы, видели справедливое возмездие, или, по крайней мере, считали их необходимыми в интересах прогресса, «просвещения и добродетели».

Рим сказал свое слово. Орден официально умер. Но при этом он опять показал, с какой быстротой он умеет повиноваться приказаниям своих высших командиров. Орден действительно распустил себя лишь там, где правительства привели в исполнение брeve. Но где воля папы не имела силы, он открыто сопротивлялся папскому приказанию и без всяких затруднений становился под защиту государей-еретиков или атеистов, желая как будто даже в момент своей гибели доказать, что интересы ордена стоят для него выше клятвы верности, которая должна была по воле основателя неразрывно связывать его с папским престолом.

Оригинально, что под свою защиту против папы и просветителей орден взяли как раз наиболее прославленные государи эпохи Просвещения: прусский король Фридрих Великий и императрица Екатерина II; оба думали, что они не в состоянии обойтись без иезуитов в преподавании. Но в Пруссии благосклонность правительства продолжалась недолго. В 1776 году король по докладу епископа Гогенцоллерна фон Кульма приказал силезским отцам отказаться от имени иезуитов и называть себя впредь «священниками королевского учительского института». В 1781 году этот институт был уничтожен, а в 1786 году остатки иезуитской конгрегации в Силезии вынуждены были разойтись.

В России отцы были более счастливы. Екатерина II не только запретила опубликование папского брeve, но

Екатерина Великая.

Портрет во весь рост работы Левицкого (1782 г.), на котором Екатерина изображена в виде Фелицы

в 1782 году даже разрешила иезуитам, находившимся в бывших провинциях Польского королевства, избрать себе генерального викария и, следовательно, образовать вполне независимую монашескую конгрегацию. Император Павел, бывший вообще человеком крайне неуравновешенным, относился к иезуитам с еще большей благосклонностью; он призвал членов ордена в Петербург, возвратил им виленский университет, способствовал их миссионерской деятельности среди немецких колонистов на Волге, богато одарил полоцкий новициат, чтобы усилить прилив новых членов, наконец, не побоялся обратиться к курии с предложением одобрить неповиновение польских отцов и санкционировать дальнейшее существование ордена.

Папа Климент XIV не скрывал от этих «сынов недовверия» того, что думал об их поведении. Но уже его первый преемник, Пий VI, занял в иезуитском вопросе, судя по всем признакам, совершенно иную позицию. Он, по-видимому, тайно поощрял польских иезуитов крепко стоять на своем, хотя и заставлял официально опровергать это. В 1793 году он закрыл глаза на то, что герцог пармский вызвал из России нескольких иезуитов.

Еще большие надежды орден мог возлагать на Пия VII Чиарамонти. Было хорошо известно, что в 1773 году Пий, тогда епископ в Тиволи, лишь с крайней неохотой выполнил приказ о роспуске ордена и всегда держал бывших иезуитов в большом почете. Действительно, 7 марта 1801 года он восстановил орден в России, а 30 июля 1804 года по просьбе короля Фердинанда IV – в Неаполе и Сицилии. Эти акты формально провозгласили разрыв с политикой Климента XIV и ясно показали всему христианскому миру желание курии восстановить орден во всем его прежнем блеске.

Потребность в восстановлении ордена проявлялась с большой силой и в других местах. Еще в 1794 году Жан де Турнели основал в Бельгии общество Сердца Иисуса, преследовавшее главным образом задачи преподавания; к нему примкнуло много иезуитов. В Италии тиролоец Пакканари, визионист и честолюбивый авантюрист, выдал себя за второго Игнатия и основал в 1797 году общество Веры Иисуса с определенной целью реставрировать иезуитский орден под другим именем. Оба общества слились в 1799 году; а в 1803 году они соединились с русскими иезуитами и в течение беспокойной эпохи наполеоновского господства тайно подготавливали восстановление ордена в странах, которые незадолго перед тем, казалось, были навсегда закрыты для него.

Огромный переворот, происшедший в то время в отношениях образованных людей к идеям XVIII века, имел еще более важное значение для будущего ордена. Романтизм объявил войну рационализму, и из его недр быстро возникло современное ультрамонтанство, девизом которого было сжигать все, что тот сжигал. Увлекаемое этим течением папство решилось открыто вступить на путь прежней римской политики, который оно покинуло только поневоле. Первым проявлением этой политики было бреве «*Sollecitudo omnium*», торжественно восстановившее орден в старой церкви-метрополии ордена, Гезу в Риме (7 августа 1814 г.).

Как ни удачно был выбран момент опубликования бреве, власть идей XVIII века над умами была еще настолько велика и недоверчивое отношение правительств к ордену было еще так сильно, что иезуиты в первое время были официально восстановлены лишь в тех государствах, где произошла полная реставрация дореволюционных полуфеодальных порядков: в Церковной области, в королевстве двух Сицилий, в Мо-

дене, Парме, Сардинии и Пьемонте, в Испании и в швейцарских кантонах Валлисе и Фрейбурге. Поэтому некоторое время главной резиденцией и наиболее важным полем деятельности ордена оставалась Россия. Но здесь иезуиты скоро скомпрометировали свое положение интригами против основанного Александром I библейского общества и активной пропагандой среди войска и аристократии. В январе 1816 года генерал и все отцы были высланы из Петербурга, а в марте 1820 года все члены ордена были изгнаны из всех русских и польских областей. Затем, после смерти генерала Фаддея Бржозовского (5 февраля 1820 г.) вспыхнули резкие внутренние несогласия по поводу выбора нового генерала. Словом, положение ордена было далеко не блестящим.

Но именно этот удар, который в первый момент, казалось, грозил совершенно уничтожить орден, и явился исходным пунктом для новых побед завоеваний иезуитов. С помощью 358 изгнанных из России отцов орден смог возобновить с большой энергией свою деятельность в Италии, Франции, Англии, Америке и даже попытаться ступить ногой в Австрию. Что еще важнее, внутренняя борьба закончилась, к счастью, исключением нескольких молодых отцов, и новый генерал Алоиз Фортис (1820–1829) перенес свою резиденцию обратно в Рим. Таким образом, орден снова оказался в состоянии возобновить свои прежние отношения с курией. Германская коллегия была восстановлена еще раньше. Ордену возвратили римскую коллегию и римскую семинарию, а также заведование пансионом сирот, находящихся под опекой папы. Восстановление чисто клерикального режима в Папской области произошло, таким образом, всецело под влиянием иезуитов. В следующее десятилетие орден стал одерживать победы и за пределами Рима. Португалия открыла ему свои две-

ри в 1829 году, Бельгия – в 1831-м, Голландия – в 1832-м, Ломбардо-Венецианское королевство – с 1836-го, Тироль – в 1838-м. Даже в старых протестантских странах ему удалось снова стать твердой ногой, как, например, в Ангальт-Цетене (1830). Таким образом, орденом снова овладел его старый воинственный пыл; он снова стал рваться в бой, готовый на все жертвы; он снова обрел свою прежнюю боевую готовность и политическое искусство.

Более всего сделал для реорганизации ордена генерал Иоанн Филипп Ротган (Roothaan). Этот серьезный, холодный и непоколебимый голландец, иезуит до мозга костей, но вместе с тем способный понять нужды нового времени, в течение двадцати четырех лет (1829–1853) руководил орденом в эпоху, особенно благоприятную для развития католической церкви, с таким искусством, что со времени его генеральства римский народ стал называть генерала иезуитов черным папой. Его преемники, бельгиец отец Бекс (1853–1883), швейцарец Антон Мария Андерледи (1883–1892) и испанец Луис Мартин (1892–1906), искусно управляли наследством Ротгана и сумели установить настолько хорошие отношения с курией, что орден приобрел в центре церковной иерархии такое большое влияние, какого он никогда не имел раньше, даже в эпоху Григория XIII. Канонизация Альфонса Лигори (1839), возведение Лигори в степень учителя церкви (1871), санкционировавшие применяемые орденом методы нравственного богословия, которые, таким образом, были официально признаны образцом для этой науки; догмат о непорочном зачатии, провозглашенный единоличной властью папы (1854); великий силлабус 1864 года, предавший анафеме не только известные богословские мнения, но и ряд важнейших принципов современного государственного права; возведение в догмат учения о примате папы, о

папской непогрешимости, об универсальном епископстве папы на ватиканском соборе 1870 года; малый силлабус 4 июля 1907 года; суровые меры Ватикана против всех попыток католических ученых примирить учения и устройство церкви с духом современной культуры – вот прямые или косвенные результаты неутомимой деятельности ордена и вместе с тем характерные примеры того направления, в котором он развивал свое влияние. Эти необыкновенно блестящие успехи показывают, что с 1820 года средоточие деятельности ордена все более переносится в Рим, что орден действует на церковь уже не путем непосредственного вмешательства, а косвенно, через посредство курии.

Это не значит, что могущество ордена уменьшилось; напротив, оно стало больше, чем когда-либо раньше. То, чего некогда он мог достигнуть лишь путем трудной, раздробленной работы в тысяче отдельных пунктов, с 1820 года он стал достигать путем осторожной, целесообразной деятельности в самом сердце иерархии, ибо теперь уже нет национальных церквей, которые бы держались за свою индивидуальность и были бы в состоянии сопротивляться приказам папы, руководимого орденом; в настоящее время высшее духовенство преклонило голову перед курией; теперь церковь действительно стала тем, чем она должна была быть, по мнению величайшего иезуитского полемиста, Беллармина, – абсолютной монархией, развитие которой орден может направлять и определять, действуя в одном только месте.

Деятельность иезуитов в XIX веке

Конечно, это влиятельное положение при курии было для ордена в течение XIX века почти «единственной опорой в мире быстро текущих явлений». Когда орден возобновил свою деятельность, его старый враг, просветительная философия XVIII столетия, был еще всюду жив, а там, где он исчезал со сцены вследствие своей старческой дряхлости, его место на европейском континенте немедленно занимал его деятельный наследник – либеральная буржуазия. С этим новым беспощадным и иногда прямо фанатичным противником отцы должны были бороться, начиная с 20-х годов, в доброй половине Европы и в Америке. Всюду, где либералы одерживали победу, иезуитов изгоняли. Напротив, всякий раз, когда наступало торжество реакции, отцы спокойно возвращались обратно для защиты трона и алтаря. Так, они были изгнаны из Португалии в 1834 году, из Испании в 1820, 1835, 1868 годах, из Швейцарии в 1848-м, из Германии в 1872-м, из Франции в 1880 и 1901 годах. В Италии с 1859 года у них мало-помалу отняли все школы и дома, так что им пришлось отказаться от деятельности в предписанных статутами формах. То же произошло и в республиках Латинской Америки. В Гватемале орден был уничтожен в 1872 году, в Мексике – в 1873-м, в Бразилии – в 1874 году, в Эквадоре и Колумбии – в 1875-м, в Коста-Рике – в 1884-м. Единственными странами, где иезуиты живут в мире, являются государства, население которых в своем большинстве протестантское: Англия, Швеция, Дания, Соединенные Штаты Северной Америки. С первого взгляда этот факт кажется поразительным. Но он объясняется тем, что в этих странах отцы никогда не могли думать о захвате политического влияния. Отказаться от этого заставила их, несомненно, скорее необходимость,

чем добрая воля. В противном случае они не были бы так сдержанны и использовали бы все возможности, чтобы воздействовать в желательном для себя направлении на законодательство и администрацию, прямо ли, искусно влияя на руководящие классы, или косвенно, путем деятельной агитации среди католических масс. К этому образу действий они постоянно прибегали в республиках Латинской Америки, в Испании, Франции, Бельгии и Швейцарии. Их главной целью всегда была передача народного образования в руки церкви, или, если это было невозможно, свобода преподавания, то есть уничтожение верховенства государства в области народного образования и признание принципа, что образование и воспитание детей являются частным делом, которое касается лишь их родителей и воспитателей. Главным оружием в руках иезуитов были литература и печать, воздействие на массы при помощи народных миссий и создание религиозно-политических обществ со строго ультрамонтанской программой.

Такое религиозно-политическое общество возникло в Испании и Франции уже в 1814 году, когда иезуиты только что возобновили свою работу. Это была так называемая конгрегация¹, общество мужчин, основанное еще во время директории бывшим иезуитом Дельтой, поставившим своей целью не только весьма похвальные дела благотворительности, но и борьбу за алтарь и трон. Благодаря своим связям в высших слоях общества, конгрегация оказывала во Франции и Испании настолько большое влияние на выбор должностных лиц и на всю вообще внутреннюю политику, что даже та-

---

¹ Жофруа де Гранмезон посвятил конгрегации интересную работу, в которой он неудачно пытается доказать, что она никогда не занималась политикой и не пользовалась политическим влиянием. — *Прим. Моно.*

кие убежденные роялисты, как граф Монлозье, объявили войну иезуитам и что либеральная оппозиция стала в конце концов считать иезуитом каждого роялиста. Но после июльской революции орден всюду порвал с легитимистской реакцией. Он модернизировался. В своих произведениях он стал разрабатывать, с современной точки зрения, вопросы гражданского и государственного права и социальные проблемы, не отказываясь, впрочем, от своих старых идеалов: свободной школы, свободной церкви и безусловного господства свободной церкви над миром.

В XIX веке для достижения этой цели орден с верным практическим смыслом, который всегда составлял его характерную особенность, обратился прежде всего к газете и книге. Мало-помалу он создал не менее 25 религиозных и научных изданий на восьми различных языках. Наиболее распространенными и влиятельными являются, может быть, различные «Вестники Сердца Иисуса». Они ставят своей задачей распространение культа Сердца Иисуса. В них поэтому мы можем найти целый ряд весьма интересных данных о духе, иногда очень печальном, в котором развивается народное благочестие под влиянием ордена. Литература ордена прежде всего – боевая литература. Орден борется против «безбожной» философии, «безбожной» политической экономии, «безбожного» правоведения, «безбожной» истории, «безбожного» социализма, «безбожного» естествознания, «безбожного» богословия и т. д. Словом, в этой области он является настоящим «протестантом». Он неутомимо протестует против не-католической науки, выслеживая глазами Аргуса все слабые пункты своих противников и всегда стараясь приуменьшить или игнорировать их заслуги.

Кроме того, в XIX веке иезуиты с особенным предпочтением занимались народными миссиями; во

Франции они стали заниматься ими с 1818 года; в Германии эти миссии поощрялись, особенно в 1850-х годах, прусским правительством, относившимся к иезуитам с признательностью, как к «ангелам-истребителям революции». Своей ближайшей цели, господства церкви над школой и создания собственных свободных школ, орден достигал лишь редко и обычно не на долгое время. Свободно развивать свои школы иезуиты могли лишь в Бельгии, Англии, Соединенных Штатах и некоторых южно-американских республиках. Наибольшего могущества в этом отношении они достигли, быть может, в Соединенных Штатах. В 1896 году они владели здесь уже 23 большими учебными заведениями с 5000 учеников. Но в других странах борьба за школу чаще всего приводила к поражению ордена. Во Франции с 1818 по 1828 год он создал 12 учебных заведений, пользовавшихся большой популярностью, особенно среди легитимистского дворянства. Но в 1828 году министерство Мартиньяка закрыло их все под давлением общественного мнения. После июльской революции орден снова открыл мало-помалу 47 школ. Но в 1845 году в парламенте поднялась такая буря протестов против этой юридически недозволенной деятельности ордена, что правительство заставило отца Ротгана отозвать известное число иезуитов из Франции. В 1850 году церковь наконец получила свободу преподавания, которой она так долго требовала. Ибо даже сам старый вольтерьянец Тьер, видя распространение социалистических идей среди преподавательского персонала, сказал: «Франция может выбирать только между катехизисом и социализмом». Страх перед красным призраком сослужил ордену очень большую службу в течение всей второй империи и первого десятилетия третьей республики. Ордену удалось по-

лучить известное влияние на подготовку офицерства; таким образом, он получил возможность создать тот знаменитый союз между «мечом и кропильницей», который привел к весьма тяжелому кризису республики и дал радикалам и социалистам желанный предлог не только разорвать связь между церковью и государством, но и подчинить все религиозные конгрегации исключительному режиму. Поражение клерикалов в парламенте явилось сигналом к разгрому иезуитских школ. В 1880 году было закрыто 42 дома ордена и 23 школы и изгнано более 1400 иезуитов.

В Германии иезуиты не получили большого влияния в деле народного образования. Мария-Лаах близ Андернаха была их единственной значительной школой; впрочем, просуществовав девять лет, она была снова закрыта в 1872 году. В Австро-Венгрии иезуиты, благодаря покровительству правительства, могли развиваться более свободно, и однако, в настоящее время они имеют здесь лишь 4 коллегии, 2 семинарии для подготовки священников, 1 епископскую семинарию для мальчиков и 1 пансион; кроме того, в последнее время им удалось занять большинство кафедр теологического факультета в Инсбрукском университете. В Италии до 1848 года среднее и высшее образование находилось почти исключительно в руках иезуитов. Но после революции они снова потеряли почти все свои заведения. В Испании в 1820, 1835, 1868 годах орден испытал подобную же участь; но всякий раз, когда реакция снова торжествовала победу, он возвращал себе потерянные позиции. В Португалии он вновь утвердился в качестве школьного ордена в 1829 году, но в 1834 году был опять изгнан. В Швейцарии отцам удалось, начиная с 1814 года, основать несколько учебных заведений в кантонах Валлис,

Фрейбург, Швиц, которые привлекли большое количество учащихся. Но когда в 1845 году кантон Люцерн решил поручить им образование юношества и когда после неудачного нападения радикалов из соседних кантонов католические кантоны соединились в отдельный союз (Sonderbund), то в ноябре 1847 года в Швейцарии вспыхнула гражданская война, закончившаяся изгнанием иезуитов со всей территории союза.

Таким образом, история Общества Иисуса как школьного ордена в XIX веке представляет собой ряд тяжелых поражений. Иезуитская школа, принятая первоначально всюду с большим энтузиазмом, в настоящее время вызывает среди правящих и образованных классов страх и отвращение. Несмотря на проведенные Ротганом реформы, педагоги признают ее совершенно устарелой. Уже то обстоятельство, что в настоящее время всюду существуют хорошо поставленные высшие и средние школы, исключает для иезуитов всякую возможность играть в будущем ту роль, которую они играли до 1773 года, ибо государства и города вкладывают теперь в дело народного образования столько энергии, как ни в один из предшествующих периодов истории.

Государственная власть пренебрегала до сих пор только одной отраслью народного образования – средней женской школой. Поэтому орден напряг все силы, чтобы сохранить для церкви, по крайней мере, эту область: он всячески содействовал созданию женских конгрегаций, посвятивших себя воспитанию и образованию девушек. Наиболее известной и влиятельной была «конгрегация дам Святого Сердца» (*dames du Sacre Coeur*). Она насчитывала уже в 1880 году 105 домов с 4700 активными членами, и пользуется очень большим влиянием среди высших классов общества.

Своей работой в школе орден в значительной степени выполнял дело внутренней миссии в своей церкви. Но в то же время он по-прежнему стремился завоевывать для нее новые территории, при помощи внешних миссий среди язычников и еретиков. Взятые вместе, его успехи в этой области не были очень значительными. Подорвать протестантизм ему удалось лишь в тех кругах, где католицизм считается более аристократической религией. В Германии более всего шуму вызвало обращение герцога Фридриха-Фердинанда Ангальт-Цетенского (1825), но оно не принесло никаких выгод католицизму, потому что герцог умер без наследников уже в 1830 году.

Каково было в течение этого времени отношение ордена к тем законам, которые затрудняли или совершенно запрещали его деятельность? Подчинялся ли он им или же пытался обойти их, как раньше? Ответом на этот вопрос может служить следующий характерный пример. Во Франции орден не только не был признан, но отменившие его законы XVIII века продолжали оставаться в силе. Тем не менее он сорганизовался во Франции в виде независимой корпорации, создал две провинции, «Лион» и «Франция», приобретал имущество, словом, не обращал никакого внимания на существующие законы. «Хотя иезуитов нигде не было видно, их чувствовали всюду», – говорили в 1840-х годах. Как раз в это время иезуиты открыто заявили о своем существовании; стало известным, что в одной только провинции «Франция» у них было более 200 членов и более чем на 2 миллиона земельной собственности. Во время второй империи и первого десятилетия республики иезуитов терпели; число членов ордена дошло до 1850; но орден не был легализован; наконец,

в 1880 году закон Жюля Ферри рассеял иезуитов во все стороны¹.

Когда в Германии вспыхнул культуркамф, союзные правительства и стоявшие у власти политические партии сочли своим долгом принять против иезуитов репрессивные меры совершенно исключительного характера. Имперский закон 4 июля 1872 года в своем первом параграфе не только запрещал иезуитам всякие поселения и народные миссии, всякую религиозную и школьную деятельность, но в своем втором параграфе разрешал союзным правительствам высылать членов ордена, если они иностранцы, и воспрепятствовать им пребывание в известных округах и местностях, если они немцы. Этот второй параграф был, бесспорно, бесполезен, несправедлив и неapolитичен: бесполезен, потому что по отношению к иезуитам-иностранцам он предоставлял союзным правительствам право, которое они уже имели по отношению ко всем иностранцам; несправедлив, потому что ограничивал гражданские права немцев только потому, что они примыкали к католическому ордену; неapolитичен, потому что давал католикам право жаловаться на преследования и заключал в себе угрозу, которой всегда суждено было остаться совершенно пустой.

Чтобы серьезно использовать предоставленные им права, правительства должны были бы прежде всего организовать тайную полицию наподобие наполеоновской. Поэтому союзный совет поступил вполне правильно, отменив после нескольких повторных востумов рейхстага этот параграф 8 марта 1904 года. Отмена этой совершенно неприемлемой прибавки нисколько не изменила сущности закона. В настоя-

---

¹ Изгнание иезуитов и закрытие их домов в 1880 году продолжались недолго. Действительным фактом изгнание иезуитов стало лишь после принятия закона об ассоциациях 1901 года. — *Прим. Моно.*

щее время, как и раньше, орден не признается в Германии. Индивидуальная деятельность иезуитов, как членов ордена, остается по-прежнему неразрешенной и в случае нарушения закона всегда может быть приостановлена. Вот все, что может сделать государство. Труднее разрешить вопрос о закономерности весьма спорной меры, которая была принята во время господства католического центра в рейхстаге: я имею в виду указ прусского министра народного просвещения, который разрешил религиозные союзы учеников средних учебных заведений в прусском государстве (23 января 1904 года). Правда, опасение, что союзы католических учеников, конгрегации детей Марии, подпадут под руководство иезуитов, лишено всяких оснований, пока остается в силе первый параграф закона против иезуитов. Но можно задать себе вопрос, правильно ли, с педагогической точки зрения, разрешать союзы школьников, хотя бы они преследовали невинные и даже вполне похвальные цели.

Из всего вышесказанного вытекает, что орден иезуитов остался в XIX веке в своей сущности тем же, чем всегда был – воинствующим орденом. Он ни в чем не отступил от своих старых идеалов и прежних принципов, и тем не менее его притягательная сила несколько не пострадала. В 1909 году он насчитывал 16 159 членов, из них 7727 священников, немногим более чем в момент своего наивысшего расцвета (1625 г.). Из этого числа приходилось: на ассистенцию Францию – 3104; ассистенцию Германию – 4115, ассистенцию Испанию – 3657; ассистенцию Англию – 3250; ассистенцию Италию – 2033. То обстоятельство, что Германия и Франция, где орден легально не признан, все еще дают наиболее многочисленные контингенты и что с 8 сентября 1906 года во главе ордена в качестве генерала стоит немец Франц Ксаверий Вернц, родом из

Ротвейля в Вюртемберге, показывает, какой еще энтузиазм могут вызывать идеалы среди образованной католической молодежи этих двух стран.

Но если орден ни в чем не отступил от своего идеала и своих принципов, то все же его положение в христианском мире теперь резко отличается от того положения, которое он занимал двести лет тому назад: из всех стран, где он некогда господствовал, он может действовать свободно лишь в Австро-Венгрии, Испании и Бельгии. Правда, он получил в Британской Империи, Соединенных Штатах, Швеции и Дании некоторое возмещение за потерю других провинций. Но даже там, где он может спокойно работать, он уже не играет прежней роли. Как учащая корпорация, он занимает важное место только в Соединенных Штатах и Испании. Как миссионерский орден, он сохраняет лишь тень прежнего могущества. Его члены не заставляют также много говорить о себе как о проповедниках, духовниках, организаторах народных миссий. Зато литература и пресса получили для ордена огромное значение. Другими словами, оружие иезуитов стало более утонченным, более духовным, менее непосредственным. Тем не менее в католических странах правительства и образованные классы почти всюду настроены к ним враждебно. Между тем как в Англии и Соединенных Штатах, то есть в коренных протестантских странах, к иезуитам относятся с благосклонностью, в тех государствах, где господствует католицизм, им всегда приходится считаться с ожесточенной оппозицией либеральной буржуазии и социалистических масс, которые в этом пункте идут вместе с буржуазией. Безусловную поддержку орден встречает лишь в курии и строго католических округах. Ибо курия, хотя после смерти Льва XIII ее политическое влияние несколько и уменьшилось, руководит теперь более, чем когда-либо, всей внутренней жизнью церк-

ви. Орден может через посредство курии всегда заставить всю церковь служить его идеалам и тенденциям, и он делал это всякий раз, когда обстоятельства допускали это. Пока орден сохранил свое влияние на курию, он останется силой, с которой всем другим направлениям в церкви будет весьма трудно бороться, потому что нельзя бороться с орденом, не борясь в то же время и с папской властью; нельзя колебать его влияния, не подрывая вместе с тем и религиозного авторитета папы, который защищает и поддерживает его в настоящее время более деятельно, чем некогда благосклонность великих католических дворов.

Hæc fuit effigies quondam uenerabilis Husi,
Dum sua pro Christo membra cremanda dedit.

Na Obraz Adisra Jana Husy/
mučednyka Božjho.

Ян Гус на костре.
Гравюра 1563 г. Прага

Глава I

ЦЕРКОВЬ

В конце XII века существованию католической церкви угрожала страшная опасность, несмотря на то что события последних ста пятидесяти лет сделали ееладычицей всего христианского мира. В истории нет другого примера более полного торжества разума над грубой силой. В эпоху смут и кровавых битв гордые воины должны были склоняться перед служителями алтаря, которые не располагали никакой материальной силой, и все могущество которых основывалось на внутреннем сознании верующих. Церковь представляла абсолютную монархию. Спасение всякого верующего зависело от его повиновения церкви, от его готовности поднять оружие на ее защиту; и это верование в эпоху, когда вера руководила всеми поступками людей, породило духовный деспотизм, подчинивший все воле тех, в чьих руках он находился.

Для поддержания своего положения церковь нуждалась в централизации власти, которая постепенно и развивалась в церковной иерархии. Былой независимости епископа уже не существовало. Главенство римской кафедры было признано, и она, становясь все более требовательной и могущественной, захватила всемирную юрисдикцию и подчинила своей воле волю епископов. Справедливому и несправедливому, разумному и неразумному велению папы нужно было подчиняться, так как некому было жаловаться на наместника святого Петра.

В более узких пределах и оставаясь всегда подчиненным папе, епископ, по крайней мере в теории, также пользовался абсолютной властью. Смиренный же служитель алтаря был лишь орудием, при помощи которого папские декреты и епископские распоряжения проводились в народ, так как участь всех и каждого зависела от того, кто имел право совершать таинства или отказывать в них верующим. Ответственная за судьбу всего человеческого рода, церковь должна была иметь средства и организацию, необходимые для выполнения столь высокой задачи. Чтобы руководить совестью верующих, она создала глухую исповедь, которая в рассматриваемую нами эпоху перешла почти исключительно в руки священников. Если же это оказывалось недостаточным, чтобы удержать верующих на праведном пути, то церковь могла прибегнуть к тем духовным судам, которые были при каждой епископской кафедре. Юрисдикция этих судов была крайне неопределенна, а при желании легко могла стать почти беспредельной. Все вопросы, касающиеся веры, воспитания, брака и наследства, были, по общепризнанному мнению, прерогативой духовных судов; но в жизни человека было сравнительно мало таких вопросов, которые не затрагивали бы его совести, следовательно, не вызывали бы вмешательства духовного суда; на практике это облегчалось еще тем, что все догворы обыкновенно скреплялись клятвой.

Забота о сохранении чистоты душ вызывала постоянное наблюдение за действительными или мнимыми заблуждениями каждой отдельной овцы духовного стада, а это помимо огромного влияния, предоставляло церкви возможность вмешиваться в частную жизнь человека. И не только самый скромный священник обладал сверхъестественным могуществом, которое ставило его выше окружающих его людей, но даже лич-

ность его и имущество были неприкосновенны. Как бы ни были велики его преступления, он не был подсуден светскому суду – рука мирянина не могла коснуться его. Лицо духовного звания было подсудно только своим духовным судам, которые не могли вынести смертного приговора; кроме того, всегда можно было на решение духовного суда принести жалобу верховному судилищу Рима, а подобная апелляция часто была равносильна полной безнаказанности.

В подобном же исключительном положении находилась и недвижимость духовных лиц, которая образовалась из добровольных пожертвований многих поколений набожных мирян и занимала значительную часть наиболее плодородных земель Европы. Кроме того, связанные с этими владениями сеньориальные права включали в себя очень широкую светскую юрисдикцию, которая предоставляла их временным пользователям те же права над личностью, которыми обладали и феодальные сеньоры.

Пропасть между мирянами и духовенством стала еще шире, когда для всех служителей алтаря стал обязательным обет безбрачия. Сделавшийся почетным в половине XI столетия и ставший обязательным после упорной столетней борьбы, celibат, резко отделив священников от мирян, всецело закрепил за церковью ее обширные владения и предоставил к ее услугам бесчисленную армию служителей, честлюбивые стремления которых не выходили за пределы ее интересов. Человек, посвящавший себя служению церкви, переставал быть гражданином; он не имел ни забот, ни семейных связей; церковь была для него новым отечеством, и интересы ее были его интересами. А в качестве возмещения того, чего они лишились, служители церкви получали уверенность в завтрашнем дне и освобождались от всех мелочных

В. Каульбах. Петр Арбуэс, первый великий сарагосский инквизитор, присуждает семью еретиков к сожжению.

забот о хлебе насущном; от них требовалось лишь одно — не выходить из повиновения.

Кроме того, церковь принимала в ряды своих служителей любого человека, не интересуясь ни его происхождением, ни его социальным положением. В феодальном обществе с его классовыми перегородками возвышение и переход из одного сословия в другое были почти невозможны. Правда, и в церкви происхождение облегчало доступ к высшим должностям, но все же в ней можно было выдвинуться благодаря энергии и природным дарованиям, несмотря на низкое происхождение. Происхождение пап Урбана II и Адриана IV точно неизвестно; Александр V был из нищей семьи; Григорий VII был сын плотника; Бене-

дикт XII – сын булочника; Николай V – бедного доктора; Сикст IV – крестьянина; Урбан IV и Иоанн XXII были сыновья сапожников, а Бенедикт XI и Сикст V – сыновья пастухов. Просматривая церковные летописи, мы видим, что они полны имен людей, которые вышли из низших слоев общества и достигли высших ступеней в церковной иерархии.

Таким образом, церковь постоянно обновлялась притоком свежей крови, и в то время как скипетры и короны зачастую попадали в руки людей неспособных, слабых, династии которых вырождались, церковь черпала новые силы из неиссякаемого источника благодаря тому, что двери ее были открыты тем, кому доступ в высшие слои общества через другие сословия был недоступен. Звание священнослужителя было несменяемо; обеты, произнесенные священником, были вечны; монах, вступивший в монастырь, мог выйти из своего ордена только для вступления в орден с более строгим уставом. Итак, воинствующая церковь была как бы армией, расположившейся лагерем на христианской земле; у нее всюду были аванпосты; она была подчинена суровой дисциплине; все воины ее сражались за одну и ту же идею, были одеты в непроницаемые латы и вооружены грозным оружием, поражавшим не только тело, но и душу. Главнокомандующий подобной армии, приказания которого к тому же воспринимались как веления самого Бога от Португалии до Палестины, от Сицилии до Исландии, мог позволить себе строить и исполнять самые грандиозные и далеко идущие планы.

«Князья,– говорил Иоанн Салисберийский, – получают свою власть от церкви и суть слуги священнослужителя» .

«Самый последний священник стоит дороже любого короля»,– восклицал Гонорий Отенский; – «кня-

Продажа индульгенций

зья и народы подвластны духовенству, сияние которого выше их сияния настолько, насколько блеск солнца выше блеска луны» . А папа Иннокентий III заявлял, что власть духовная настолько выше власти светской, насколько душа выше тела; а свою власть и свое значение он ставил так высоко, что провозгласил себя наместником Христа, помазанником Бога, существом, стоящим на полдороге между Богом и человеком, низшим в сравнении с Богом, но высшим в сравнении с человеком, «тем, кто судит всех, и не судим никем» .

Все средневековые преподаватели учили, что папа был верховный владыка всей земли, что он господствовал над язычниками и неверными в равной мере, как и над христианами¹. Правда, эта столь гордо заявляв-

¹ Johann. Saresberiensis, «Polycrat.», lib. IV; cap. III. – Honor. Augustod., «Summ. Glor. de Apost.», cap. V, VIII. – Innocent. PP. III, «Regest. de Negot. Roman. Imp.» XVIII; ergo же, «Serm. de Sanctis», VII; «Serm. de Diversis», III. – Eyemrici «Direct. Inquisit.», изд., 1607 г., Venet., с. 353.

шая о себе власть была причиной многих зол, но, тем не менее, для человечества было счастьем, что в эту дикуую эпоху существовала нравственная сила, которая не давала преимуществ ни от рождения, ни по приобретении военной доблести и которая могла призывать к повиновению божеским законам королей и знатных людей даже тогда, когда призыв этот исходил из уст сына простого крестьянина. Так, например, все видели, как папа Урбан II, француз, происходивший из низших слоев общества, осмелился отлучить от церкви своего короля Филиппа I за прелюбодеяние, и на глазах всех нравственное начало и вечная правда восторжествовали в ту эпоху, когда для абсолютного монарха все считалось дозволенным.

Однако Церковь для упрочения своего господства должна была принести немало жертв. В течение долгой борьбы, которая вознесла духовную власть над светской, христианские добродетели – смирение, любовь к ближнему и самоотречение – по большей части исчезли. Основные добродетели христианского учения уже не привлекали народные массы, и поэтому их подчинение покупалось обещанием вечного спасения души, которого можно было достичь верой и повиновением, а удерживалось то страхом вечной гибели в потустороннем мире, то боязнью непосредственного преследования при жизни. Обособляясь от светского мира, церковь обеспечила себя услугами рати, всецело преданной ее делу, но зато, с другой стороны, она породила вражду между собой и народом. В реальности весь христианский мир разделился на два совершенно различных класса – на пастухов и овец; и нередко, и не без основания, приходила овцам в головы мысль, что их пасут только для того, чтобы короче стричь.

Духовная карьера сулила тщеславному человеку много житейских благ, и это обстоятельство при-

влекало в ряды служителей церкви немало способных людей, стремления которых были далеко не духовного характера. Они меньше всего заботились о спасении душ, а больше о неприкосновенности церкви, о ее привилегиях и о приумножении ее преходящих богатств. Самые высшие должности в церковной иерархии обычно занимались людьми, которые ставили мирские блага выше смиренных идеалов христианства.

Все это было неизбежно при тех условиях, в которых находилось общество в первые столетия средних веков. Нужно было быть ангелом, чтобы не злоупотреблять тем безмерным авторитетом, который приобрела себе церковь. Движение вверх по иерархической лестнице определялось обычаем, а это вызывало целый ряд злоупотреблений и благопритствовало им. Чтобы понять, почему население целыми толпами принимало схизму и ересь, вызывая, таким образом, войны, преследования и инквизицию, необходимо бросить взгляд на тех, кто являлся перед народом в качестве представителей церкви; необходимо знать, к каким последствиям — как в хорошую, так и в дурную сторону — привел духовный деспотизм, который в конце концов они направили в свою пользу. В руках людей мудрых и благочестивых этот деспотизм мог бы поднять европейскую цивилизацию на невероятную высоту; в руках же священников эгоистичных и развратных этот деспотизм мог сделаться, как это и случилось на деле, орудием повсеместного гнета, ввергавшего целые народы в пучину отчаяния.

Что касается практики избрания епископов, то нельзя сказать, чтобы она в эту эпоху основывалась на строго выработанных законах. В теории здесь еще придерживались формы избрания духовных руководителей с согласия населения епархии; но на деле избирателями являлись одни только соборные каноники,

причем необходимость утверждения результатов выборов королем, полунезависимым феодальным сензором и папой часто превращала всю процедуру в пустую формальность, и избрание зависело, смотря по обстоятельствам, или от короля, или от папы. Обоюдные кандидаты все чаще и чаще начинали обращаться с жалобами в Рим как в верховное судилище, и, таким образом, влияние святого престола постепенно возросло настолько, что во многих случаях результаты выборов зависели только от него одного.

На Латеранском соборе 1139 года Иннокентий II применил к церкви феодальную систему, объявив, что назначение на все духовные должности происходит от папы на правах ленного владения. Но какие бы правила ни применялись, нельзя было добиться того, чтобы избранные стояли выше своих избирателей. Вступая в конклав, кардиналы давали следующую клятву: «Призываю в свидетели Бога, что я избираю того, кого сочту достойным быть выбранным согласно воле Бога». Очевидно, этой клятвы было недостаточно, чтобы избранный папа явился достойным наместником Бога. Таким образом, начиная от самого скромного приходского священника и до самых высших прелатов все духовные должности могли попасть в руки людей честолюбивых, себялюбивых и суетных. Даже самые требовательные сторонники церкви должны были считать удачей, если власть оказывалась в руках не самых худших кандидатов. Петр Дамиенский, прося Григория VI утвердить результаты выборов фоссомбронского епископа знал, что на него нужно наложить епитимью раньше, чем он вступит на епископскую кафедру; но Петр доводит при этом до сведения папы, что во всей епархии нет ни одного духовного лица, который стоял бы выше него в нравственном отношении; все – эгоис-

ты, все – честолюбцы, все жаждут только повышения, не заботясь об обязанностях, связанных с ним, все горячо желают власти, но никто не думает о налагаемой ею ответственности¹.

При таких обстоятельствах почти повсеместно была распространена симония², со всем проистекающим из нее злом, которое давало себя чувствовать как на избирателях, так и на избираемых. Насколько глубоко распространилось зло, лучше всего показывает число епископов, на которых были сделаны доносы во время бесплодной борьбы, предпринятой Григорием VII и его преемниками против симонии. По свидетельству Иннокентия III, эту болезнь церкви нельзя было излечить ни паллиативными средствами, ни огнем. Петр Кантор, причисленный к лику святых, ставит в заслугу известному кардиналу Мартину, что он отказался от 20 ливров, предложенных ему папским казначеем за участие в торжественном богослужении в день Рождества Христова, так как деньги эти явно были результатом симонии и хищения.

Как неопровержимое доказательство добродетели Петра, сен-хризогонского кардинала, бывшего прежде епископом города Мо, приводится рассказ о том, что он во время только одних выборов отказался продать свой голос, несмотря на предложенные ему 500 серебряных марок.

Светские князья не менее князей духовных были склонны увеличивать свои доходы злоупотребляя своим правом санкционировать выборы. Не многие

---

¹ Gratiani P. I., «Dist.» LXII. – «Concil. Lateran.» IV, c. XXIII–XXV. – Isambert, «An ciennes lois francaises», I, 145. – P. Damiani, Lib. I, Epist. II.

² Симония – в средние века в Западной Европе продажа и покупка церковных должностей или духовного сана. – *Прим. ред.*

из них следовали примеру Филиппа Августа. К последнему, когда освободилось место настоятеля аббатства Сен-Дени, явились приор, эконо́м и келарь аббатства, и каждый, тайно от других, просил для себя вакантное место и предлагал 500 ливров; Филипп Август взял у них деньги и, как ни в чем не бывало, явился в аббатство и избрал в настоятели простого монаха, скромно стоявшего где-то в углу, причем отдал ему и те 1500 ливров, которые получил от соискателей.

На Руанском соборе 1050 года жестко критиковался пагубный обычай, когда честолюбивые люди всеми правдами и неправдами стараются собрать как можно больше денег, чтобы с их помощью получить от князя и его придворных желаемую епископскую кафедру. Но собор только отмечает зло, не предлагая против него никакого средства. Его непосредственной задачей было дело о нормандских герцогах, а в то же время французский король Генрих I на глазах у всех торговал епископскими кафедрами. Он начал свое царствование тем, что особым эдиктом запретил куплю и продажу какой-либо должности под страхом конфискации имущества и лишения бенефиции; он с гордостью заявлял, что не желает извлекать дохода из своего права утверждать выборы, так как сам он безвозмездно получил от Бога корону, и при этом безжалостно преследовал своих прелатов за симонию. Но с течением времени он смирился с установившимся до него обычаем, как это видно из следующего примера.

Некто Гелинанд, клирик низкого происхождения и человек малообразованный, нашел себе покровителей при дворе Эдуарда Исповедника, где сумел нажить огромное состояние. Оказавшись при дворе Генриха, он заключил с последним соглашение, по которому дол-

жен был получить первое освободившееся епископское место, и, таким образом, он сделался епископом в Лане. Преемник Генриха, Филипп I, был известен как самый продажный из всех своих современников, и Гелинанд купил у него, при помощи нажитых в Лане денег, кафедру епископа в Рейме. Можно бы привести бесконечный ряд подобных поступков, влияние которых на нравственную сторону церкви действовало крайне отрицательно¹.

Даже и тогда, когда повышение из одной духовной должности в другую не было следствием подкупа, результат бывал одинаково печален. Непотизм² был лишь другой формой того же подкупа. «Если бы, – говорил Петр Кантор, – все те, кто возвысился в силу своих семейных связей, были вынуждены покинуть свои места, то это вызвало бы страшный кризис в церкви».

Кроме того, постоянно оказывали влияние и другие, еще более низкие мотивы. Филипп I в наказание за свое сожительство с Бертрадой, графиней Анжуйской, был лишен права утверждать епископов,

---

¹ Innocent. PP. III, «Regest.», I, 261. – P. Cantor, «Verb. abbrev.» cap. CV. – Alex. PP. III, «Epist.», 395. – Caesar Heisterb. «Dial. Mirac. Dist.», VI, c. 5. – Concil. Rotomag. ann. 1050, c. 2. – Rodolphi Glabri Hist., lib. V, cap. 5. – Guibert. Noviogent, «De vita sue», lib. III. cap. 2. – Joann. Saresberiens, «Polycrat.», lib. VII, c. 19. – «Hist. Monast. Andaginens.», c. 81. – Ruperti Tuitensis, «Chron. S. Laurent», c. 28, 43. – «Hist. Monast. S. Laurent. Leodiens.», lib. V, c. 62, 121–3. – «Cbron. Coruel. Zanifliet», ann. 1305.

Подобный же рассказ сохранился о канцлере Рожере Сицилийском и трех кандидатах на кафедру епископа в Авельяне. – Joann. Saresberiens. 1. c.

² Непотизм (от лат. nepos, род. п. nepotis – внук, племянник) – раздача римскими папами ради укрепления своей власти доходных должностей, высших церковных званий, земель родственникам. В переносном смысле – кумовство. – *Прим. ред.*

но среди них не нашлось ни одного, кто помешал бы ему продолжать пользоваться этим правом. В 1100 году особого благоволения короля заслужил турский епископ, который не обращал никакого внимания на тяготевшее над королем отлучение; вскоре после этого епископ как бы в благодарность попросил короля, чтобы освободившаяся орлеанская кафедра была предоставлена одному молодому человеку, его любимцу. Пороки этого претендента на епископскую кафедру были известны всем; все звали его Флорой и распевали на улицах любовные песни в его адрес. Многие из духовных лиц Орлеана воспротивились назначению к ним подобного епископа, но их ложно обвинили в различных проступках и изгнали из города; тогда оставшиеся скрепя сердце исполнили волю короля и утешали себя тем, что избрание произошло в день св. Иннокентиев.

«Eligimus puerum, puerorum festa colentes,
Non nostrum morem, sed regis jussa sequentes»¹.

Правда, время от времени появлялись среди духовенства люди высоконравственные, как, например, Фульберт Шартрский, Гильдеберт Манский, Ивон Шартрский, Ланфранк, Ансельм, св. Бруно, св. Бернард, св. Норберт, но все их усилия восстановить уважение к церкви и поднять нравственность духовенства ни к чему не привели: зло пустило уже очень глубокие корни, и им оставалось только протестовать и своей личной жизнью подавать благие примеры, следовать которым охотников находилось мало. В эту эпоху грубого насилия голоса смиренных слугителей Бога

---

¹ P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. XXXVI.— «Chron. Turon.», 1097.— Ivon. Carnotens., lib. I, epp. LXVI, LXVII.

не могли быть услышаны, и высшие церковные звания раздавались людям, искушенным в интригах, или таким, воинственные наклонности которых обеспечивали безопасность их церквам и вассалам.

Воинственный характер прелатов – явление крайне интересное, и на нем стоит остановиться подробнее. Богатые аббатства и влиятельные епископства, по большей части, были уделами младших членов знатных домов. Благодаря существовавшему в ту эпоху порядку выборов, замещение этих высоких должностей происходило чаще всего из числа людей воинственного духа, нежели из числа односторонних адептов религии. Когда отлучение от церкви оказывалось не в силах усмирить воинственных вассалов или остановить набеги соседей, на сцену выступала светская власть, представляемая самим же епископом, и крестьянин, отданный на разграбление, не мог отличить разрушений, производимых феодальным бароном, от разрушений, производимых представителем Христа.

Готье, епископ страсбургский, объявил войну своим горожанам за то, что они отказались помочь ему, когда он вмешался в ссору одного вельможи с епископом мецским. Так как горожане не обратили никакого внимания на отлучение их от церкви, то епископ храбро напал на них с оружием в руках; тогда они встали под знамена Рудольфа Габсбургского, и война, опустошившая весь Эльзас, закончилась полной победой страсбургцев над епископом, а Рудольф приобрел здесь ту славу, которая обеспечила ему впоследствии императорский престол.

Хроники этой эпохи полны подобных рассказов. Прелаты и бароны одинаково были буйны, одинаково суетны, и бароны безразлично опустошали как церковные, так и светские земли. Благочестивый Гот-

фрид Бульонский незадолго до крестового похода, доставившего ему иерусалимский престол, с огнем и мечом прошел по богатым владениям аббатства Св. Трона и довел его до полной нищеты. Народ, несший на себе всю тяжесть этих столкновений, считал и баронов и прелатов в равной степени своими врагами; последние были для него даже страшнее первых, так как гнев их обрушивался не только на тело, но и на души их врагов. Таково, в частности, было положение в Германии, где прелаты были одновременно и князьями, и священнослужителями и где такой крупный монастырь, как С.-Галленское аббатство, имел светскую власть над кантонами С.-Галленом и Аппенцелем, пока им не удалось сбросить с себя это ярмо после долгой и опустошительной войны. Историк этого аббатства с гордостью вспоминает военные доблести многих аббатов. Говоря, например, об Ульрихе III, умершем в 1117 году, он замечает, что этот человек, растративший свои силы в многочисленных битвах, в смерти только нашел себе мир. Все это было неизбежным следствием соединения в одном лице феодального сеньора и христианского прелата. Правда, в Германии примеры были рельефнее, но и здесь повсюду было то же.

В 1224 году епископы Кутанса, Авранша и Лизье удалились из армии Людовика VIII в Туре, попросив короля провести предварительное расследование и установить, обязаны ли епископы Нормандии нести личную службу в королевской армии, и если это подтвердится, то они соглашались вернуться в ряды войска и уплатить штраф за свое отсутствие. В 1225 году епископ оксерский получил на один год отпуск с военной службы по состоянию здоровья, но в то же время он уплатил за это 600 ливров. В 1272 году мы видим епископов в армии Филиппа Смелого, а в 1303

и 1304 годах Филипп Красивый пригласил епископов и вообще духовных лиц принять участие в его походе во Фландрию.

Когда речь шла об их личных интересах, то епископы без всяких уговоров обнажали оружие. Героф фон Рейхерсперг грозно выступает против воинственных прелатов, ведущих несправедливые войны, нападающих на мирные города и наслаждающихся резней; причем прелаты эти избивали пленных, не щадили ни духовных, ни мирян и расходовали церковные доходы не на содержание бедных, а на содержание солдат.

Прелатом такого типа был вермский епископ Лупольд. Он так презирал человеческую жизнь, что брат его однажды обратился к нему со следующими словами: «Ваше высокопреосвященство! Мы, миряне, крайне возмущены вашим поведением. До принятия епископского сана вы хоть немного, боялись Бога, а теперь вы совсем не боитесь Его». На это епископ Лупольд ответил: «Любезный брат, когда мы оба очутимся в аду, то я, если вам угодно, поменяюсь с вами местом». Во время войн между императорами Филиппом и Отгоном IV Лупольд со своими войсками сражался за первого, и когда его солдаты колебались грабить церкви, он уверял их, что совершенно достаточно оставить в покое только кости мертвых.

Всем известна история Ричарда Английского и Филиппа де Дрё, епископа города Бовэ. Когда этот епископ, равно прославившийся как своей жестокостью, так и своим знанием военного дела, попался в плен, то он обратился с жалобой к папе Целестину III на то, что плен его является нарушением привилегий церкви. Папа не одобрил склонности епископа к бранным подвигам, но тем не менее начал хлопотать о его освобождении из плена. Тогда ко-

роль Ричард послал папе железную кольчугу епископа при вопросе, предложенном в Библии Иакову: «Посмотри, сына ли твоего эта одежда, или нет?» Папа ничего не ответил на это и взял обратно свое ходатайство. Немного позднее Феодор, маркиз монферратский, разбил и взял в плен Аймона, епископа верчельского. В это время находился в Женеве кардинал Тальяферро, папский легат Арагонии; узнав о святотатстве маркиза, он написал ему грозное послание, на которое тот ответил ему так же, как и король Ричард, причем препроводил к нему шпагу епископа, покрытую свежими еще пятнами крови. Но все же храбрый рыцарь понял, что не ему бороться против папского легата, и он не только освободил епископа, но и вернул ему ту крепость, которая вызвала войну между ними.

Еще поучительнее случай с епископом веронским, который в 1265 году был взят в плен со всей своей армией Манфредом Сицилийским. В это время папа Урбан IV энергично проповедовал крестовый поход против Манфреда, которого этот поход должен был лишить не только королевства, но и самой жизни; но тем не менее папа потребовал освобождения епископа и написал Манфреду, что если он боится Бога, то тотчас же освободит своего пленника. Ответ Манфреда был весьма почтителен, но уклончив; тогда вступивший на папский престол Климент IV добился вмешательства в это дело Иакова Арагонского, и последний оказался ловким посредником: Манфред согласился освободить епископа при условии, что он даст клятву не поднимать оружия против него. Но даже и это условие было принято епископом не без труда. Итак, высшие духовные лица заботились о полной безнаказанности подчиненных им священнослужителей, обвиняемых в насилии, и легко понять

поэтому, что прелаты мало были расположены воздерживаться от насилий и восстаний¹.

Поведение буйных епископов производило такое впечатление на современников, что у верующих сложилось убеждение, что ни один прелат не может войти в царствие небесное. Огромной популярностью пользовался рассказ о Готфриде Перронском, приоре Клерво, избранном епископом в Турнэ; когда святой Бернард и папа Евгений III уговаривали его принять

---

¹ «Chron. Senonens», lib. V, cap. XIII–XV. – «Chron. A. Trudon.», lib. V. – Fulbert. Carnotens. «Epist.», 112. – Metzleri, «De viris illustribus S. Gallens.», lib. II, cap. 28, 30, 36, 38, 39, 40, 41, 43, 45, 49, 53, 54, 56, 57, 60. – Marténe, «Ampliss Collect.», 1188–9. – Vaissete, «Hist. gén. de Languedoc», т. IV, с. 7 (изд. 1742 г.) – «Preuves des libertés de l'Eglise gallicane», II, II, 226 (Париж, 1651). – Gerhohi Reichersperg. «Exposit. in Psalm», LXIV, cap. 34. – Его же, «Lib. de Aedificio Dei», с. 5. – Caesar Heisterb. «Dial. Mirac. Dist., II, cap. 9. – Matt. Paris, «Hist. Angl.» ann. 1196. – Rog. Hovedens. an. 1197. – Benedicti, «Gesta Henrici II», ann. 1188. – Baggiolini, «Dolcino e i Patarini», p. 53 (Novara, 1638). Marténe, «Thesaur», II, 90–93, 99, 100, 150, 151, 192.

В стихотворении одного клирика XIII в. епископы описываются следующим образом:

Episcopi cornuti
Conticuere muti;
ad praedam suut parati
et indecenter coronati,
pro virga ferunt lanceam,
pro infula galeam,
Sicut fortes incedunt
et a Deo discedunt,
Ut leones feroces
et ut aquae veloces,
ut apri frendentes
exacuere dentes».

– «Carmina Burana», с. 15 (Бреславль, 1883).

избрание, он бросился лицом на землю и воскликнул: «Если вы меня гоните, то я лучше сделаюсь странствующим монахом, но быть епископом – ни за что!» На смертном одре он обещал одному из своих друзей явиться ему и рассказать о своей загробной жизни. Он сдержал свое обещание и, явившись своему другу во время молитвы, сказал, что он находится среди избранных и что святая Троица открыла ему, что если бы он принял епископский сан, то был бы среди отверженных. Петр Блуаский, передающий этот рассказ, и Петр Кантор, повторяющий его, по-видимому, глубоко верили в его непреложность, потому что упорно отказывались от епископских кафедр. Немного позднее один парижский ученый-богослов открыто заявил, что он готов поверить всему, но никогда не поверит, что когда-либо может попасть в селения праведных какой-либо германский епископ, так как все они кроме меча духовного носят еще и меч воина.

Цезарь Гейстербахский объясняет это тем, что было слишком мало людей, достойных епископского звания, и слишком много епископов, недостойных своего звания; при этом он замечает, что бедствия, которые они претерпевали, показывают, что десница Бога не участвовала в избрании их. Трудно найти более живое описание пороков и роскоши духовенства, чем то, которое оставил нам Людовик VII; но тщетно взывал он к папе Александру III, убеждая его воспользоваться триумфом над Фридрихом Барбароссой и произвести реформу церкви¹.

---

¹ P. Cantor, «Verb. abbrever.», cap. LIV. – Pet. Blesens, «Epist.» CCXI. – Caesar, Heisterb. «Dial. Mirac. Dist.», II c. 27, 28; «Dist.», VI, c. 20. – Varior. ad. Alex. PP. III. «Epist.» XXI (Migne, «Patrolog.», CC, 1379). – Pet. Blesens, «Tract. quales sant P.», II, IV.

Все свидетельства этой эпохи не оставляют никакого сомнения в том, что прелаты того времени отличались склонностью к хищению и насилию. Они были подсудны только суду Рима; но нужно было дойти до самых крайних пределов отчаяния, чтобы решиться жаловаться на них в Риме; даже и в случае подачи жалобы безнаказанность обвиняемого была более чем вероятна: во-первых, трудно было доказать виновность; во-вторых, дела тянулись бесконечно долго, и, в-третьих, всем прекрасно была известна продажность римской курии.

Правда, когда папский престол занимал энергичный и неподкупный папа, вроде Иннокентия III, то была еще некоторая надежда добиться справедливости; число судебных дел против епископов во время этого папы показывает, как широко было распространено зло и какие глубокие корни пустило оно. Но даже и при Иннокентии III волокита в делах и явное нежелание Рима выносить обвинительные приговоры епископам служили достаточным основанием, чтобы удерживать недовольных от возбуждения обвинений против епископов, так как обвинения эти легко могли кончиться печально для самих обвинителей.

Так, например, в 1198 году Жерар де Ружмон, архиепископ безансонский, был обвинен своим капитулом в клятвопреступлении, симонии и кровосмешении. Вызванные в Рим обвинители, не отказываясь от предъявленных ими обвинений, не решились, однако, подтвердить свою жалобу, и папа Иннокентий, приведя евангельский рассказ о блуднице, отпустил архиепископа с миром и ограничился тем, что дал ему совет впредь не грешить. Но поведение архиепископа не изменилось к лучшему, и в конце концов в Безансонской епархии религия стала предметом всеобщих насмешек. Жерар продолжал жить с одной из

своих родственниц, ремиремонской аббатиссой, и с другими наложницами, из которых одна была монахиней, а другая – дочерью священника; ни одной церкви не освящал он, ни одного таинства не совершал, не получив предварительно крупной платы; лихоимство архиепископа разоряло подвластное ему духовенство, которое жило беднее крестьян и презиралось своими прихожанами. Монахам и монахиням, раз они давали ему взятку, архиепископ разрешал выходить из монастыря и вступать в брак.

Наконец терпение лопнуло, и в 1211 году была сделана новая попытка удалить архиепископа. Через год удалось добиться, чтобы он подчинился *purgatio canonica*, т. е. он должен был представить двух епископов и трех аббатов, которые оправдали бы его на основании клятвенных показаний. Переговоры о характере присяги начались тотчас же и тянулись до 1214 года; наконец долготерпение горожан истощилось, они поднялись и прогнали своего архиепископа, который удалился в аббатство Бельво, где и умер в 1225 году.

Совершенно таким же прелатом был епископ Туля, Маге Лотарингский. Посвященный в 1200 году, он проявил такие хищнические наклонности, что уже через два года капитул обратился к папе Иннокентию с просьбой о его смещении, ссылаясь на то, что он довел доходы епископской кафедры с 1000 ливров до 30; но прошло целых десять лет в расследованиях и апелляциях, прерываемых всевозможными проявлениями произвола, прежде чем был смещен епископ. Епископ весь ушел в охоту, разврат и пиры; любимой его наложницей была его родная дочь, прижитая им с одной монахиней из Эпиналя, но, несмотря на все преступления, он сохранил в качестве настоятеля в С.-Диз очень богатую бенефицию. В 1217 году он заказал убийство своего преемника, Рено де Сан-

лиса, а вскоре после того его дядя Тьебо, герцог Лотарингский, случайно встретил его и убил на месте. Вероятно, обычное правосудие было бессильно против подобного человека.

Аналогично с двумя предшествующими дело епископа Ванса. Папа Целестин III временно отстранил его от должности и вызвал в Рим по обвинению в целом ряде преступлений; но епископ не обратил на это ни малейшего внимания и продолжал исполнять свои обязанности. Вступив на папский престол, Иннокентий III в 1198 году отлучил его от церкви, но и эта мера оказалась недейственной. Наконец, в 1204 году Иннокентий предписал архиепископу эмбренскому безотлагательно приступить к следствию и отрезать упорствующего епископа, если подтвердятся предъявленные ему обвинения. Но пока все это тянулось, состояние епархии стало крайне плачевным: церкви разваливались и церковные службы совершались лишь в немногих приходах.

В Нарбонне, этом главном очаге ереси, архиепископ Беранже II, побочный сын Раймунда Беранже, графа Барселонского, не жил в своей епархии и даже никогда там не бывал, предпочитая ей Арагонию, где он пользовался богатым аббатством и Леридской епископией. В Нарбонну он был назначен в 1190 году, но не видел ее до 1204 года, хотя и получал с нее огромные доходы, как законные, так и незаконные, от продажи бенефиций и епископских мест. На продаваемые им высшие церковные должности часто попадали люди самого распущенного образа жизни. Состояние провинции было ужасающе, по причине, с одной стороны, дурного поведения духовенства, а с другой – смелости еретиков и обостренности партийных раздоров.

В 1200 году Иннокентий III вызвал к себе Беранже и потребовал от него подробного отчета. Этот

вызов был повторен в 1204 году, был повторяем он и еще несколько лет подряд, но все без всякого успеха, так как архиепископ бесконечно тянул время, обращаясь к папе с жалобой на суд легата. Наконец, в 1210 году Иннокентий предписал своему легату немедленно приступить к рассмотрению дела архиепископов Нарбонны и Оша и, не давая им права на апелляцию, привести над ними в исполнение все, что следует, согласно канонам; но, несмотря на все это, Беранже был отрешен от кафедры только в 1217 году. Весьма вероятно, что он еще многие годы преспокойно делал бы свое дело, если бы папский легат, Арно Ситоский, не пожелал себе его кафедры. Мы смело можем поверить на слово одному писателю XIII века, что дела о смещении прелатов тянулись так долго и добиться удовлетворения было так трудно, что даже наиболее виновные из них жили, не боясь наказания¹.

В то время как папы закрывали глаза на самые возмутительные преступления, епископы позорили себя еще тысячами вымогательств и притеснений, которые стояли под защитой законов, так что жертвы их никоим образом не могли найти правосудия. Вот один рассказ из целого ряда подобных ему, показывающий,

---

¹ Innocent. PP. III, «Regest.», I, 277; XIV, 125; XVI, 63, 158–II, 34; VII, 84.– III, 24, VII, 75, 76; VIII, 106; IX, 66; X, 68; XIII, 88; XV, 93.– См. также: II, 236; VI, 216; X, 182, 194; XI, 142; XII, 24, 25; XV, 186, 235; XVI, 12.– Gollut, «Republique Séquanoise» (изд. Duvernoy, Arbois, 1846, с. 80).– La Porte du Théil («Notices des mss.», III, 617 и след.). – «Opusc. Tripartiti» P. II, cap. IV (Fasciculi Per expetendam et fugiendarum, II, 225, изд. 1690).

В мае 1212 года легат Арно упоминается как архиепископ Нарбонны (Innocent., PP. III, «Regest.» XV, 93, 101); но в синодике аббатства св. Жюста в Нарбонне Беранже в день своей смерти (11 августа 1213 г.) именуется еще архиепископом («Chron. de Saint-Just» . Vaissete, изд. Privat, VIII, 218).

насколько доходным считалось место епископа. Один престарелый епископ созвал своих племянников и других родственников и предложил им договориться относительно выбора ему преемника. Они остановились на одном из своих и в складчину собрали значительную сумму на покупку епископской кафедры. К несчастью, лицо, избранное епископом, умерло, не успев вступить в должность, и у постели умирающего собрались его родственники и осыпали его жестокими упреками за то, что он разорил их и что теперь они уже не могут вернуть тех денег, которые заплатили за свою часть епископской кафедры.

Св. Бернар рассказывает, что нередко на епископские кафедры назначались еще дети в возрасте, когда думают только о том, как бы вырваться из-под опеки учителей. Но эти дети быстро становятся наглыми и высокомерными, начинают торговать алтарями и выворачивать карманы верующих.

Выполняя так свои обязанности, епископы лишь следовали примеру пап, которые или сами непосредственно, или через своих агентов были благодаря своему лихоимству грозой христианских церквей. Арнольд, бывший с 1169 по 1183 год трирским архиепископом, снискал себе огромную популярность тем, что защищал население своей епархии от чрезмерных требований папских нунциев; всякий раз, когда ему сообщали о их приближении, он сам выезжал им навстречу и, богато одаривая их, добивался, чтобы они, к великой радости его собственного стада, не останавливаясь у него, проезжали прямо в соседнюю епархию.

В 1160 году тамплиеры жаловались Александру III, что все их труды в интересах Святой Земли сводятся почти на нет из-за страшного лихоимства папских легатов и нунциев, которые не довольствуются готовой квартирой и содержанием, выделяемыми им

по праву, а вымогают еще и деньги. Папа милостиво предоставил тамплиерам право сокращать аппетиты его послов, за исключением тех случаев, когда ими являлись бы кардиналы.

Еще хуже было, когда приезжал сам папа. Избранный папой в Лионе Климент V отправился оттуда в Рим через Бордо. По дороге он и его свита так беззастенчиво грабили церкви, что после их отъезда из Буржа архиепископ Эгидий оказался совершенно разоренным и был вынужден ходить ежедневно по своим каноникам и выпрашивать у них крохи из того содержания, которое отпускалось им. Пребывание папы в богатом приорстве Граммон настолько разорило монастырь, что приор, отчаявшись поправить дела, удалился на покой, а его преемник был вынужден обложить огромными налогами все приписные монастыри.

Англия, после позорного изъявления королем Иоанном покорности, была особенно изнурена папскими поборами. Все богатые бенефиции были розданы иностранцам, которые и не думали жить в них; а между тем суммы, собираемые ими ежегодно с острова, достигали солидной цифры – 70 000 марок, т. е. в три раза превышали доход церкви.

Всякий протест, всякое сопротивление подавлялось отлучением от церкви. На Лионском соборе 1245 года был подан адрес от имени английской церкви, где все злоупотребления были указаны в выражениях, правда, мало почтительных, но зато очень энергичных. Однако это ни к чему не привело. Десять лет спустя папский легат Рустан потребовал от имени Александра VI огромную субсидию; на долю одного только С.-Альбанского аббатства приходилось 6000 марок. Тогда лондонский епископ Фульк заявил, что он скорее даст себя обезглавить, а епископ ворчестерский, Вальтер, заявил, что он даст себя скорее повесить, чем

подчинится подобным вопиющим вымогательствам, но их упорство было сломлено. Были предъявлены подложные долговые обязательства, будто бы заключенные ими в итальянских банках на расходы по ведению некоторых дел, возбужденных ими перед римской курией. Чтобы признать эти долги законными, Рим не остановился даже перед угрозой отлучения от церкви. Когда линкольнский епископ Роберт Гростест увидел, что все его усилия исправить подчиненное ему духовенство не что иное, как пустые мечты, благодаря апелляциям в Рим, где виновные всегда могли откупиться, то он лично отправился к Иннокентию IV, надеясь добиться от него некоторых реформ. Не добившись ровно ничего, он перед самым папой воскликнул: «О деньги, деньги! чего только не можете вы сделать, в особенности у папского престола в Риме!»

Это злоупотребление правом апелляции в Рим началось уже давно; и уже с эпохи Карла Лысого, когда только что было установлено это право, раздаются жалобы на то, что оно деморализует духовенство. Прелаты вроде Гильдебера Мансского, которые искренне старались поднять нравственность духовенства, свидетельствовали, что все их усилия оставались тщетны, и горько жаловались на это. Но жалобы их были почти безрезультатны, хотя, правда, время от времени порядочный папа, как, например, Иннокентий III, и соглашался уничтожить свою грамоту о помиловании, так как он издал ее, не ознакомившись с подробностями дела, или давал своему прелату право безапелляционного суда. Биограф Иннокентия III воздает ему особую хвалу за то, что он отменил *proptinae*, т. е. дары или приношения, делаемые папе за получение от него грамот.

Другие папы, более коварные, старались устроить дело так, чтобы не подрывать доходов своей канце-

лярии и в то же время не требовать приношений за свои послания. Когда узурпатор Владислав заточил в 1172 году в тюрьму св. Луку, архиепископа гранского, то последний отказался прибегнуть к помощи посланий об его освобождении со стороны Александра III, сказав, что он не желает покупать свободу ценой симонии¹.

Но не одними только этими печальными сторонами своего судопроизводства римское судилище сеяло неизгладимое зло в христианских странах. В то время когда феодальные суды были строго ограничены известной территорией; в то время когда судебные функции епископов не выступали за пределы их епархий, так что всякий знал, перед кем ему предстоит держать ответ, всемирная юрисдикция Рима вполне естественно допускала всевозможные злоупотребления. Папа, в своем положении верховного судьи, мог передать, кому ему было угодно, часть своей повсеместно признанной власти; мало того, папская канцелярия не особенно разборчиво раздавала грамоты людям, которым она передоверяла судебские права папы, подтверждая в то же время, что всякое неисполнение их решения влечет за собой отлучение от церкви.

---

¹ P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 71. – S. Bernardi, «Traci. de Mor. et offic. episc.», c. VII, № 25. – «Gesta Treviror. Archiep.», cap. 92. – Prutz, «Malteser Urkunden und Regesten», Мюнхен, 1882, с. 38. – Guill. Nangiac. Contin. ann. 1305. – «Hist. Prior. Grandimont» (Marténe, «Ampliss. Coll.» IV, 122, 135–137). Matt. Paris, «Hist. Ang.», ann. 1245, 1248, 1250, 1255, 1256). – Hincmari, «Epist.» XXII, 20; – Hildberti Cenoman. «Epist.» lib. II, № 41, 47. – S. Bernardi «De consideratione», lib. I, cap. 4. – Innocent. PP. III, «Gesta», XLI. – Ero же, «Regest», I, 330; II, 265; V, 33, 34; X, 188. – Gregor. PP. IX, Bulla «Desiderantes plurimum» (Potthast, «Reg.», I, 673). – «Chron. Augustan.», ann. 1260. – Stephani Tornacens, «Epist.» 43. – Gualt. Mapes, «De nugis curialium», dist. II, cap. VII.

Если верить современным свидетельствам, эти грамоты продавались открыто всем, кто мог заплатить за них. По самым глухим углам Европы бродили люди, снабженные папскими грамотами, которыми они беззастенчиво пользовались как неотразимым оружием для вымогательства денег и достижения своих самых низменных целей.

Эти папские грамоты давали тем, кто реально или мнимо владел ими, полную свободу творить беззакония, сводить личные счета и набивать свои карманы. В довершение всего грамоты эти подделывались в больших количествах; обращаться же в Рим за справками об их подлинности было, само собой разумеется, весьма неудобно. Луций III в 1185 году приказал строго преследовать шайки поддельвателей папских грамот, которые действовали в Англии и прибыльное ремесло которых подрывало уважение к грамотам, исходившим действительно от римской курии. Целестин III упоминает о поддельвателях, которые были обнаружены в самом Риме; его преемник Иннокентий III, вступив на папский престол, обнаружил новую подобную же мастерскую, которая была завалена работой. Хотя им и были приняты все меры к закрытию этой фабрики, тем не менее торговля ложными грамотами была настолько прибыльна, что даже и этот энергичный папа не в силах был положить ей конец. До самых последних дней своей жизни он неустанно преследовал поддельвателей, но уничтожить их полностью так и не смог.

Примерно в это же время епископ Стефан открыл в своем городе Турнэ шайку поддельвателей, которые изобрели даже особый инструмент для подделки папских печатей. Но в глазах народа цена и подлинным и поддельным папским грамотам была одна

и та же: и те и другие влекли за собой одни и те же притеснения, вымогательства и насилия¹.

Таким образом, римская курия была предметом ужаса для всех, кому приходилось с ней сталкиваться. Гильдебер Мансский рисует нам служителей курии торгующими правосудием, затягивающими под тысячью пустых предлогов окончательное решение и забывающими о своих обещаниях, когда истощались средства тяжущихся. «Они понимали как камень; судили как бревно; воспалялись как огонь; они хитры как лисица; горды как вол; прожорливы как минотавр» . Столетие спустя Роберт Гростест открыто говорил Иннокентию IV и его кардиналам, что римская курия – источник всякого бесчестия и что, благодаря ей, звание священнослужителя стало позорным и бесславным во всем христианском мире. Полтора века спустя лучшие знатоки римской курии подтверждали, что в этом отношении она несколько не изменилась².

---

¹ Can. 43, extra lib. I, tit. III. – Petri Exoniens. «Summula exigendi confessionis» (Harduin, VII, 1126). – Concil. Herbipolens. ann. 1187, c. 37. – Concil. apud Campinacum, ann. 1238, c. 1, 2, 7. – Concil. apud Castrum Gonterii. ann. 1253, can. unic. – Conc. Nugariolens. ann. 1290, c. 3. – Concil. Avenionens. ann. 1326, c. 49; ann. 1337, c. 59. – Conc. Bituricens. ann. 1336, c. 5. – Conc. Vaurens. ann. 1368, c. 10, 11. – Lucii PP. III, «Epist.» 252. – «Compilat.» II, tit. IX, cap. 1, 2. – Caelestin, PP. III, «Decret» XXXVIII (Migne, CCVI, 1252). – Innocent. PP. III, «Regest.» lib. I, «Epist.» 235, 349, 405, 456, 536, 540; II, 29; III, 37; VI, 120, 233, 234; VII, 26; X, 15, 79, 93; XI, 144, 161, 275; XV, 218, 223; «Supplem.» 234. – Berger, «Reg. d'Innoc.» IV, c. LXXVI–LXXVII, № 2591, 3214, 3812, 4086. – Theiner, «Vet. Monument. Hibern. et Scotor.» № 196, c. 75. – De Reiffenberg, «Chron. de Ph. Mouskes.», I, CCXXV.

Подделыватели грамот были преданы анафеме буллой «In saena Domini», и это наказание тяготело над ними до отмены этой буллы в 1773 году.

² Fascic. Rerum Expetend. et Fugierend. II, 7, 254–255 (изд. 1690 г.).

Раз сам глава церкви подавал подобные примеры, то понятно, что и многие епископы пользовались всяким удобным случаем, чтобы стричь свою паству. Петр Кантор, свидетель, достойный полного доверия, говорит о епископах, что они были ловцы денег, а не душ и что к их услугам были тысячи хитроумных подлогов и обманов, при помощи которых они очищали карманы бедных. «У них три крючка, – говорит он, – на которые они ловят рыбу в мутной воде: во-первых, исповедник, который заботится о душах; во-вторых, диакон, архидиакон и другие духовные лица, которые блюдут интересы прелатов всеми законными и незаконными средствами; и наконец, сельский священник, при назначении которого принимается во внимание умение обирать бедных и драть с них последнюю шкуру в пользу своего господина». Часто эти должности отдавались на откуп, и право мучить и грабить народ давалось тому, кто больше заплатит.

Многочисленные рассказы и анекдоты показывают, с какой ненавистью относился народ к этим людям. Рассказывают, что один священник проигрался так, что у него осталось только пять су; обезумев от гнева, он закричал, что готов отдать последнее тому, кто научит его нанести Богу самое тяжкое оскорбление. Выигравшим признали одного из присутствовавших, который сказал священнику, что если он желает оскорбить Бога сильнее всех грешников, то пусть он сделается епископским служителем или сборщиком. «Раньше, – продолжает Петр Кантор, – хоть немного стеснялись присваивать себе имущество богатых и бедных, но теперь это делается открыто на глазах у всех посредством всевозможных подлогов и разных новых хитрых способов вымогательства». «Служители прелатов не простые пиявки, которые сосут, чтобы быть потом раздавленными; это – винный фильтр,

который доставляет прелатам добычу разбоя, а себе оставляет осадок греха»¹.

Эта вспышка честного негодования подтверждает, что главным орудием притеснений и вымогательств в руках епископов было признанное за ними право суда. Правда, немало доходов поступало и от продажи бенефиций, и от законных поборов за всевозможные документы; правда также, что многие прелаты не стеснялись извлекать нечистый доход из безнравственного поведения безбрачного духовенства, взимая с него особый налог, известный под именем *cullagium*, уплатив который священник мог спокойно жить со своей наложницей. Но несомненно, что главным источником доходов прелатов и главной причиной бедствий народа был духовный суд. Даже и в светских судах штрафы, налагаемые судом, составляли видную часть доходов феодальных сеньоров; а куда более богатая жатва была у церковных судов, в ведении которых были все дела духовные и большая часть дел светских. Так, например, по словам Петра Кантора, таинство брака сделалось предметом насмешек со стороны мирян благодаря продажности епископских ставленников, которые заключали и расторгали союзы только для того, чтобы наполнять свои карманы. Повод к расторжению брака всегда находили в арсенале запутанных законов, касающихся вопроса о степенях кровного родства.

Другим богатым источником для вымогательств было отлучение от церкви. Если какой-нибудь несчастный отказывался подчиниться незаконному требованию, его немедленно отлучали от церкви, но уже после этого он

---

¹ P. Cantor. «Verb. abbrev.» cap. 24.— Cf. Petri Blesensis «Epist.» 23; Johannes Saresberiens. «Polycrat.»; lib. VII, cap. 21; lib. VIII, cap. 17.

должен был уплатить не только то, что с него раньше незаконно требовали, но еще и штраф за снятие с него отлучения. Всякое промедление в исполнении решения духовного суда влекло за собой отлучение от церкви с целым рядом вытекающих отсюда поборов.

Если кому-либо из служителей церкви представлялось выгодным измыслить какое-нибудь кляузное дело, то пользовались любым, даже самым незначительным поводом, к вящему горю бедного народа. Когда священнику давали бенефицию, то с него брали клятву, что он зорко будет следить за всеми ошибками своих прихожан и устраивать все так, что виновные будут преследоваться и подвергаться наложению штрафов; кроме того, на него возлагалась обязанность следить, чтобы ни одна ссора, ни одна тяжба не оканчивались миром. Правда, особым декретом было объявлено, что подобные клятвы со стороны священников не имеют никакого значения, но тем не менее епископы продолжали требовать их. В качестве примера злоупотреблений такого рода приводят рассказ о том, как один мальчик, играя, нечаянно убил стрелой одного из своих товарищей. Отец убийцы был человек богатый, и были приложены все усилия не допустить примирения его с отцом убитого мальчика. Батский архидиакон Петр Блуаский, по-видимому, не ошибается, описывая епископских судей как ехидн, превосходящих по своей злобе всех змей и василисков, и называя их не кроткими пастухами овец, а злобными волками, думающими только о грабежах и разбое¹.

Продажность многих епископских судов была еще более существенной причиной бедствий народа и его

---

¹ Concil. Juliobonens. ann. 1080, c. 3, 5.— Concil. Bremens. ann. 1266. Eadmer. «Hist. Novor.» lib. IV.— Concil. Melfitan. ann. 1284, c. 5.— P. Cantor, «Verb. abbrev.» cap. 24, 79.— Innocent. PP. III, «Regest.» X, 85; XII, 37.— Petr. Blesensis «Epist.» 209.

неприязненных отношений к церкви. О характере судебных прений и о характере защиты в этих судах можно составить себе достаточно ясное представление на основании изучения реформы, предпринятой в 1231 году на Руанском соборе. На этом соборе было решено требовать от адвокатов клятву, что они не будут выкрадывать бумаги противника, не будут предъявлять фальшивых документов и не будут высказывать лжесвидетелей. Не выше адвокатов стояли и судьи. Они не останавливались ни перед каким вымогательством, чтобы очистить карманы тяжущихся до последнего гроша, а если их злоупотребления становились чересчур наглядными, то они замещали себя своими подчиненными, которые работали в их интересах.

Однажды Андресское аббатство поссорилось с монастырем в Шарру, к которому оно было приписано; последний дал знать аббатству, что он в состоянии истратить перед любым судилищем сто серебряных марок против десяти марок своего противника; и действительно, после десятилетней судебной волокиты, с трехкратной апелляцией в Рим, аббатство нажило себе огромный долг в 1400 парижских ливров, причем подробности процесса свидетельствуют о самом беззастенчивом подкупе. Папский двор и в этом служил примером для других; его известность в этом отношении сказалась в похвальном слове, посвященном папе Евгению III: ему ставят в заслугу, что он прогнал от себя одного приора, который предложил ему золотую марку, лишь бы он принял его дело к своему рассмотрению¹.

---

¹ Concil. Rotomag. ann. 1231, c. 48.— P. Cantor, «Verb. abbrev.» cap. 23.— Innocent. PP. III, «Regest.» I, 376.— «Chron. Andres. Monast.» — «Narrat. Restaur. Abbat. S. Mart. Tornacens.» cap. 113, 114.— Johann Saresberiens. «Polycrat.» lib. V, cap. 15; cf. lib. VI, cap. 24.

Другой род гнета вытекал из побуждений более возвышенных и давал лучшие результаты, но и он не менее тяжело ложился на бедный народ. Примерно в это время вошло в обычай сооружать церкви и богатые монастыри, украшенные расписными стеклами и пышной отделкой. Несомненно, эти здания были выразителями горячей веры, но еще в большей степени свидетельствовали они о тщеславии прелатов, которые руководили их постройкой. Восхищаясь этими славными памятниками, мы не должны забывать, сколько ужасных трудов и лишений стоили они рабам и крестьянам. Петр Кантор утверждает, что здания эти воздвигались на незаконные поборы с бедных, на ужасные барыши от лихвенных процентов, на доходы от обманов и подлогов, которые проделывали *quaestuarii*, т. е. продавцы индульгенций; он добавляет, что гораздо лучше было бы огромные суммы, истраченные так нерационально, израсходовать на выкуп пленных и на помощь несчастным¹.

Невозможно было надеяться, чтобы прелаты, подобные тем, которые тогда занимали церковные должности, посвящали себя действительному выполнению своих обязанностей, среди которых на первом месте стояли проповедь и распространение среди верующих основ веры и нравственности. Говорить проповеди было главной обязанностью епископа, который был единственным лицом в епархии, имевшим право проповедовать; приходский священник не был достаточно образован для этого, и церковные правила не позволяли ему выступать с проповедью без особого на то разрешения его непосредственного начальства. Но буйные и воинственные прелаты той эпохи думали совершенно о другом, да к тому же они совершенно не были подготовлены к ведению проповеди.

---

¹ P. Cantor. «Verb. abbrev.» cap. 86.

В 1031 году Лиможский собор выразил желание, чтобы Божье слово проповедовалось народу не только в кафедральных, но и в других церквях, когда Бог вдохновит на это компетентного доктора. Но церковь продолжала бездействовать до тех пор, пока распространение ереси не показало, что она поступает безрассудно, пренебрегая одним из самых действенных средств воздействия на массы. В 1209 году Авиньонский собор предписал епископам прилежней и чаще проповедовать, чем раньше; если представлялся к тому случай, то следовало поручать это дело и другим лицам, «честным и скромным». В 1215 году большой Латеранский собор признал, что епископы, отягощенные текущими делами, не имеют времени часто выступать в качестве проповедников, и потребовал от епископов, чтобы они подыскивали и содержали за свой счет людей, обязанностью которых было бы разъезжать по епархии и укреплять народ в вере как словом, так и примером. Но эти увещания были гласом вопиющего в пустыне, и поле проповеди оставалось почти всецело в руках еретиков, пока, к великому неудовольствию епископов, не начали своей деятельности монахи-проповедники.

Инквизитор трубадур Изарн прямо утверждает, что инквизиция никогда бы не распространилась, если бы появились в противовес ей хорошие проповедники, и что без помощи доминиканцев она бы никогда не достигла своей цели¹.

Низшее духовенство, в нравственном отношении, не могло стоять выше епископов. Почти все бенефиции зависели от епископов, хотя правом раздачи ду-

---

¹ Concil. Lemovicens. ann. 1031.— Conc. Avenoniens. ann. 1209, c. 1.— Conc. Lateranens. ann. 1215, c. 10.— Millot, «Hist. litt. de Troubadours, II, 61.

ховных мест нередко располагали и феодальные сеньоры; этим же правом в известных случаях пользовались и некоторые духовные общества, которые зачастую замещали освобождающиеся места людьми, избираемыми ими для этого в свои почетные члены. Но от кого бы ни зависела раздача духовных мест, на деле выходило почти одно и то же. Буквально все жалуются, что в рассматриваемую нами эпоху бенефиции или продавались открыто, или раздавались по протекции, причем способностями и нравственными качествами кандидата никто не интересовался. Даже сам св. Бернар в 1151 году хлопотал о предоставлении места приора совершенно недостойному молодому человеку, который приходился племянником его другу, оксерскому епископу; правда, после некоторого размышления он почувствовал угрызения совести и отозвал обратно свое ходатайство; это сделать ему было легче потому, что его друг, умирая, оставил своему любимому племяннику только семь церквей.

В том же году он отказал графу Тибо де Шампань в бенефиции, которую этот могущественный вельможа просил для своего сына, в то время еще ребенка; но уже сам факт обращения к св. Бернару показывает, как обычна была тогда раздача бенефиций по протекции, если они не продавались за деньги.

Правда, канонический закон содержал множество прекрасных правил, определявших степень подготовки и нравственные качества кандидатов на духовные должности; но на практике эти правила были мертвой буквой. Папа Александр III с негодованием узнал в один прекрасный день, что коventрийский епископ имел обыкновение раздавать церкви детям, не достигшим еще десятилетнего возраста; но он ограничился лишь предписанием, чтобы в этих случаях приходы поручались викариям, пока назначенное лицо не до-

стигнет известного возраста, который он определил в четырнадцать лет. Другие папы, более снисходительные, постановили, что семилетний возраст достаточен для получения простых бенефиций и пребенд.

Что касается злоупотребления при раздаче духовных должностей, то нельзя было ожидать, чтобы римская курия положила этому предел, так как она сама в самых широких масштабах злоупотребляла этим. Целая армия прихлебателей и дармоедов, жившая под ее кровом, зорко наблюдала за богатыми бенефициями по всей Европе, и папы беспрестанно писали епископам и капитулам, испрашивая места для своих друзей¹.

Подобная система, естественно, должна была вызвать злоупотребление в виде соединения в руках одного лица одновременно нескольких приходов, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тщетно папы-реформаторы и отдельные соборы издавали постановления, направленные на прекращение этого зла. Тщетно возмущенные моралисты указывали на то, что в этом есть соблазн, подрывающий престиж церкви и равно губительный как для блага душ, так и для мирских доходов церквей. Запрещенное каноническими правилами совместительство, как и все злоупотребления, было для римской курии источником дохода; последняя всегда была готова дать свое разрешение, когда владельцы нескольких церквей или приходов выражали опасение, чтобы не было вмешательства в их дела. Можно было

---

¹ S. Bernardi, «Epist.», 271, 274, 276. Can. 2, 3, extra lib. I, tit. 13.— Thomassin, «Discipl. de l'Eglise», P. IV, lib. II, cap. 38.— Gaufridi Vosiensis, «Chron.», ann. 1181.— Concil. Turon. ann. 1231, can. 16.— Concil. Lugdun. ann. 1274, c. 12.— P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 55, 60, 61.— Innocent. PP. III, «Regest.», XI, 142.— Даже Иннокентий III нередко размещал по церквам своих друзей, как это видно из его регистров.

этим пользоваться и в политических целях; так, например, в 1246 году Иннокентий IV ловко использовал разрешение совместительства, разбив тем самым грозившую ему коалицию французских дворян.

Находились даже ученые доктора богословия, которые выступали защитниками этого злоупотребления, как, например, в 1238 году канцлер Парижского университета, известный плюралист, магистр Филипп. Его судьба послужила предостережением для других. Когда он лежал на смертном одре, его друг, парижский епископ Гильом Овернский, убеждал его отказаться от всех бенефиций, за исключением одной, обещая возместить ему все убытки, если он выздоровеет. Филипп отказался последовать его совету, говоря, что ему хочется узнать, действительно ли обладание несколькими бенефициями осуждает на вечную муку. Любопытность схоластика была удовлетворена: вскоре после его смерти благочестивому епископу во время молитвы явился призрак, назвавший себя душой магистра и объявивший, что он осужден на огонь вечный¹.

---

¹ Concil. Lateran. III, ann. 1179, c. 13, 14; IV, ann. 1215, c. 29.— Innocent. PP. III, «Regest.», I, 82, 191, 471.— P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 31, 32, 34, 80.— Honor. PP. III, «Epist. ad archiep. Bituricens», ann. 1219.— Urbani PP. V, «Costit.» 1367 (Harduin. «Concil» VII, 1767).— Isambert, «Anc. Loix Franç.», I, 252.— Matt. Paris, «Hist. Angl.», ann. 1246 (изд. 1644 г., с. 483).— Wadding, «Annal. Minor.», ann. 1238, № 8.— D'Argentré, «Collect. judicior. de Nov. Error.», I, I, 143.— Из папской канцелярии при Иннокентии IV вышли в течение первых трех месяцев 1245 года 332 бумаги, из которых 1/5 заключала разрешения совместительства, выданные 65 лицам; значительная часть остальных является также указанием на обход канонических законов и свидетельствует, как умела римская курия использовать в своих интересах пороки духовенства. Из № 1631 того же официального регистра ясно видно, с какой жадностью набрасывались на бенефиции умирающего.

Набранное таким путем и находящееся под подобными влияниями духовенство, за редким исключением, не было бичом людей, подчиненных его духовному руководству. Бенефиция, купленная за деньги, являлась простым и спокойным местом, из которого следовало извлекать как можно больше доходов, не стесняясь ни лихоимства, ни всевозможных происков; прямые же обязанности христианского пастыря сводились до минимума.

Одним из наиболее частых поводов к недовольству и жалобам был вопрос о десятинном налоге. Эта тяжелая форма налога, делавшаяся просто невыносимой из-за хищничества сборщиков, уже издавна порождала смуты и мятежи; она была главным препятствием в эпоху Карла Великого к обращению в христианство саксов; она же, как мы увидим ниже, вызвала в XIII столетии кровавый крестовый поход против фризлов. Во многих местах народ так упорно отказывался платить десятинный налог, что этот отказ рассматривался как проявление ереси. Мы видим, что повсюду вопрос о платеже десятины вызывает страшные ссоры между пастырем и его паствой и порождает бесконечные тяжбы между теми, кто считал себя вправе пользоваться этим налогом. Последнее обстоятельство создало целый ряд особых канонических правил для разрешения этих споров. По словам Карлейля, в тот момент, когда вспыхнула французская революция, в судебном производстве находилось не менее 60 000 дел, вызванных спорами о десятинном налоге. Первое время доходы от десятинного налога делились на четыре части: одна шла епископу, другая – приходскому священнику, третья – на постройку церквей, четвертая – на бедность. Но в рассматриваемую нами эпоху алчность духовенства была так велика, что епископ и священник брали себе

каждый как можно больше, мало оставляя на церкви и ничего не оставляя на бедных¹.

Той части десятины, которую удавалось вырвать священнику, редко хватало ему на удовлетворение самых необходимых нужд, тем более что он часто вел разгульную жизнь и что его грабили стоявшие выше его на иерархической лестнице священнослужители. И вот создается и входит во всеобщее употребление новая форма симонии – торговля таинствами. Широкое поле для всевозможных вымогательств давала исповедь, которая сделалась в это время обязательной и превратилась в монополию священников. Правда, некоторые исповедники недорого брали за таинство покаяния и охотно отпускали грехи за цыпленка или пинту вина; но были и более требовательные.

Эйнгарт, священник в Сесте, сделал, по свидетельству одного современника, строгое внушение одному из своих прихожан, который сознался на исповеди, что во время говенья нарушил пост. Эйнгарт потребовал с него 18 денье, стоимость 18 заказных обеден о спасении его души. Другой прихожанин, исповедуясь у того же Эйнгарта, признался, что он в течение всего поста не имел сношений с женой, – но и этот подвергся такому же штрафу в 18 денье за то, что упустил случай зародить ребенка, тог-

---

¹ Clement. PP. IV, «Epist.», 456 (Martène, «Thesaur.», II, 461). – Alcuini «Epist.» 1 ad Arnon, Salisburg. (Pez, «Thesaur.», II, 1, 4). – Decreti P. II, caus. XIII. – Gratiani, «Comment. in Q.» I, cap. 1; caus. XVI, Q. I, cap. 42, 43, 45–47, 56, 57; caus. XVI, Q. VII, cap. 1–8. – Extra lib. III, tit. XXX. – Concil. Rotomag. ann. 1189, c. 23. – Concil. Wigorn. ann. 1240, c. 44, 45. – Concil. Metronens. ann. 1300. – Concil. apud Pennam Fidelem, ann. 1302, c. 1. – Conc. Maghfeldens. ann. 1332. – Conc. Londin, ann. 1342, c. 4, 5. – Concil. Nimociens. ann. 1298, c. 16. – Concil. Nicosiens. ann. 1340, c. 1. – Conc. Marciac. ann. 1326, c. 30. – Conc. Vaurens. ann. 1368, c. 68–70. – Gerhohi Reichersperg. «Lib. de Aedificio Dei», c. 46.

да как его прямая обязанность – увеличение народонаселения. Чтобы найти деньги, оба прихожанина должны были запродать на корню весь свой урожай. Случайно сошлись они на базаре и разговорились о причинах штрафа, наложенного на них духовным отцом; тогда они обратились с жалобой на него к декану и в капитул св. Патрокла, и дело получило огласку. Но такие пустяки не могли, конечно, дурно отразиться на карьере Эйнгардта.

Таким образом, каждый шаг священника должен был приносить ему определенный доход. Нередко священник отказывался венчать или хоронить, требуя уплаты денег вперед; даже сами святые тайны давались причастникам тогда, когда они приносили так называемую *oblatio*. Чтобы понять всю тяжесть этой меры, надо поставить себя на место людей той эпохи, которые все поголовно верили в пресуществление. Петр Кантор был прав, говоря, что современные ему священники были хуже Иуды Искаротского, продавшего тело Христово за тридцать сребреников; они тридцать раз на день продают Его... за один сребреник.

Кроме того, многие священники преступали правило, по которому, за исключением особо указанных случаев, нельзя было служить более одной обедни в день; желавшие соблюсти внешнюю благопристойность прибегали к остроумной выдумке: повторяя *introit*, они разделяли одну обедню на целых шесть часов и получали за каждую из них соответствующую *oblatio*¹.

---

¹ Caesar Heisterbach, «Dial. Mirac.», dist. III, cap. 40, 41. – «Hist. Monast. S. Laurent. Leodiens.», lib. V, cap. 39. – Innocent. PP. III, «Regest.», I, 220; II, 104. – P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 27– 29, 38– 40. – Grandjean, «Reg. de Benoît XI», № 975. – Concil. Lateran. IV, ann. 1215, cap. 63– 66. – Concil. Rotomag. ann. 1231, cap. 14. – Teulet, «Layettes», II, 306, № 2428. – Const. Provin. S. Edmund, Cantuar. ann. 1236, cap. 8. – Synod. Wigorn ann. 1240, cap. 16, 26, 29. – Concil. Turon. ann. 1239, cap. 4, 17.

Итак, при жизни верующего каждый шаг его подлежал оплате; но жадность духовенства не останавливалась и пред смертным ложем верующего: даже труп христианина представлял известную ценность, и вампиры ссорились из-за него между собой. Часто священник отказывал умирающему в последнем напутствии, от которого зависело спасение души его в загробном мире, если тому не давали за это что-либо из вещей умирающего, хотя бы, например, простыни с его постели. Но весьма вероятно, что последнее злоупотребление не было особенно распространено. Значительно более распространен был обычай пугать умирающих муками вечного огня, если они не оставляли своего состояния по духовному завещанию на благотворительные цели. Всем известно, что значительная часть церковного имущества была собрана именно таким путем и что жалобы на это раздавались с IX века. Уже в 811 году Карл Великий созвал по всей своей империи провинциальные соборы и предложил прелатам вопрос, могут ли они, по чистой совести, называть себя отрекшимися от мирских благ, если все их помыслы направлены только к тому, как бы разбогатеть, если все они сулят одним царство небесное, другим геенну огненную, чтобы отнять наследство у прямых наследников, которые, доведенные до нищеты, часто делаются ворами и преступниками. Шалонский собор в 813 году ответил на это каноном, запрещающим духовенству подобные вымогательства и напоминающим, что обязанность церкви помогать бедным, а не грабить их. Турский собор ответил, что он произвел расследование и не нашел никого, кто пожаловался бы на лишение наследства. Реймский собор отделался благоразумным молчанием, а Майнцский собор изъявил готовность возвратить прямым наследникам их имущество, присвоенные таким путем.

Однако действие этого вмешательства было непродолжительно; церковь продолжала приумножать свои богатства, пугая умирающих картинами Страшного Суда, а в конце концов папа Александр III в 1170 году постановил, что имеют силу только те духовные завещания, которые сделаны в присутствии приходского священника. В некоторых местностях бывали даже случаи отлучения нотариуса от церкви за то, что он составил духовное завещание в отсутствие священника, причем тело покойника лишали христианского погребения. В оправдание этих злоупотреблений ссылались на то, что эта мера имеет целью помешать еретiku оставить свое имущество другим еретикам; но если это так, то зачем же, спрашивается, это применялось и в тех странах, где никогда не было никаких ересей? Раздавались иногда жалобы также на то, что приходские священники обращали в свою личную пользу имущество, завещанное на благотворительные цели¹.

Даже и после смерти человека церковь не упускала из виду его душу и извлекала из нее выгоды. Повсеместно был распространен обычай оставлять значительные суммы, чтобы церковь своими молит-

---

¹ Synod. Andegav. ann. 1294, cap. 3.— Capit. Car. Mag. II, ann. 811, cap. 5.— Concil. Cabillon, II, ann. 813, cap. 6. — Concil. Juronens. III, ann. 813, cop. 51. — Concil. Remens. ann. 813.— Concil. Mogunt. ann. 813, cap. 6.— Can. 10, extra lib. III, tit. XXVI.— Concil. Narbonn. ann. 1227, cap. 5.— Concil. Tolos. ann. 1228, cap. 5; ann. 1229, cap. 16. — Concil. Rotomag. ann. 1231, cap. 23.— Concil. Arlatens. ann. 1234, cap. 21; ann. 1275, cap. 8.— Consist. Provin. S. Edmund. Cantuar. ann. 1236, cap. 33.— Concil. Albiens. ann. 1254, cap. 11.— Concil. Andegav. ann. 1266, 1300.— Respons. Episc. Carcassonn. ann. 1275 (Marténe, I, 1151).— Concil. Nemansiens. ann. 1284, cap. 8.— Concil. Reatinens. ann. 1309, cap. 8.— Concil. Cameracens. ann. 1317.

вами смягчала муки чистилища; не менее обычны были также приношения на помин души во время самих похорон. Результатом всего этого было то, что даже само предание тела земле было для духовенства крупным источником дохода, и поэтому причт того прихода, в котором жил и умер грешник, не упускал случая, чтобы заявить свои права на его ограбление. Иногда случалось, что какой-нибудь монастырь получал от умирающего в последние минуты его жизни согласие на то, чтобы тело его было погребено в монастыре; но это рассматривалось как серьезное нарушение прав приходской церкви и было источником многочисленных жалоб, основанных на том, что за погребение и за похоронные обедни была определенная такса. Уже в V веке папа Лев Великий в самых резких выражениях осуждал алчность монастырей, которые приглашали людей под сень своей тихой обители в надежде поживиться от их щедрот в ущерб приходского духовенства, которое являлось, таким образом, обманутым в своих законных расчетах. Вследствие этого папа Лев пошел на компромисс и издал декрет, согласно которому половина денег, приобретенных таким путем монастырем, должна была поступить в ту церковь, прихожанином которой был покойник, даже в том случае, когда он переступал монастырскую ограду только после своей смерти.

В конце концов приходские церкви объявили, что тело всякого прихожанина составляет их неотъемлемую собственность и что никто не имеет права избирать себе по своему усмотрению место погребения. Потребовалось немало папских указов, прежде чем удалось положить конец этим противозаконным требованиям; но во всех поста-

новлениях Рима за приходскими церквями признавалось право на известную часть суммы – половину, треть или четверть, – завещанной покойником на помин его души. В некоторых местностях приходская церковь предъявляла свои права на получение известной суммы после смерти всякого своего прихожанина; это вызвало даже в 1240 году особое постановление Ворчестерского собора, согласно которому в тех случаях, когда уплата по таксе ввергала вдову и сирот в нищету, церковь должна была удовлетвориться одной третью имущества умершего, оставляя две трети его семейству. В Лиссабоне все те, кто не завещал церкви своего имущества, лишались последнего напутствия; обыкновенно эта часть составляла одну треть всего имущества покойника. В других местах существовал обычай, что в пользу священника поступали носилки, на которых приносили в церковь тело покойного. В Наварре законом была определена плата за упокойную обедню: с крестьян за это брали две меры хлеба; с дворянина-рыцаря – лошадь, военные доспехи и драгоценные камни. Нередко случалось, что эту тяжелую плату вносил король из своих личных средств, как бы желая почтить память доблестного рыцаря. Каких крупных размеров достигала эта плата, видно из следующего случая: в 1372 году Карл II Наваррский уплатил настоятелю францисканского монастыря в Пампелуне 30 ливров, чтобы выкупить лошадь, боевые доспехи и другие вещи, пожертвованные в церковь во время похорон Масена Сегуина де Ба-досталя.

По мере роста и развития популярности нищенствующих орденов споры между ними и белым духовенством из-за покойников становились более

жаркими и немало возникало вызывающих соблазн процессов, о которых мы ниже будем говорить подробнее¹.

Особенно щекотливы были отношения между духовенством и мирянами в вопросах нравственного порядка. Я подробно остановился на этом в другом своем труде, поэтому здесь коснусь этого вопроса лишь вскользь. В рассматриваемую нами эпоху безбрачие духовенства было обязательным в большинстве стран, зависевших от римской церкви. Но жестоко ошиблись те, кто, вводя целибат, рассчитывал через это сделать духовенство целомудренным. Лишенный семейной обстановки, к которой инстинктивно стремится всякий человек, священник вместо законной жены заводил себе наложницу или сразу несколько любовниц. Обязанности священника и исповедника предоставляли ему в этом отношении особые преимущества. Это было настолько общеизвестно, что ни один человек, каюсь на исповеди в незаконной связи, не решался назвать имени своей возлюбленной, боясь, чтобы священник не отбил ее у него. Лишь только церкви удалось сделать целибат обязательным, как мы уже видим, что она повсюду и неустанно старает-

---

¹ Decreti II, caus. XIII, q. 2.— Can. 1— 10, Sexto lib. III, tit. XXVIII.— Anon. Zwetlens. «Hist. Rom. Pontif.», № 155 (Pez, «Thes.» I, III, 383).— «Narrat. Restaur. abbat. S. Martini Tomacens.», cap. 86— 89.— Synod. Wigorn. ann. 1240, c. 50.— Ripoll, «Bullar. Ord. Praedic.» VII, 5.— Grandjean, «Regstres de Benoit XI», № 974.— Innocent. PP. III, «Regest.» . VII, 165.— G. B. de Lagrèze, «La Navarre», t. II, 165.— Concil. Avenion. ann. 1326, c. 27; ann. 1237, c. 32.— Teulet, «Layettes», II, 305, № 24, 28.— Concil. Nimociens. ann. 1296, c. 17.— Constit. Joann. Arch. Nicosiens. ann. 1321, c. 10.— Concil. Vaurens. ann. 1368, c. 63, 64.

ся разрешить неразрешимую задачу – сохранить целомудрие своих служителей. В изучаемую нами эпоху нравственность вообще, и нравственность женщин в частности, стояла не особенно высоко, но все же священник, проповедовавший аскетизм как основной свой обет и в то же время более развратный, чем большинство мирян, не мог поднять в глазах народных масс сан священнослужителя; с другой стороны, случаи с отдельными личностями, где честь и спокойствие семьи становились жертвой сладострастия священника, естественно, вызывали ненависть против духовенства. Были между лицами духовного звания распространены и другие, еще более худшие пороки, и было это не только в монастырях, куда доступ женщинам был строго воспрещен; следует заметить, все это оставалось почти всегда безнаказанным.

Следствием обязательного безбрачия духовенства явилось ложное представление о нравственности, что было великим злом как для светского общества, так и для церкви. Раз священник не нарушал открыто церковных канонов и не вступал в законный брак, то ему все было простительно. В 1064 году один священник Оранжа был уличен в прелюбодеянии с женой своего отца, и папа Александр II, который много потрудился над введением celibата, решил, что его не следует лишать права совершать таинства, чтобы он не впал в отчаяние; этому священнику сохранили его сан и лишь перевели его, в виду немощи плоти, на худшее место. Два года спустя тот же папа милостиво сложил епитимию, наложенную на одного падуанского священника, обвиненного в кровосмешении со своей матерью; вопрос же о том, оставить или нет этого священника в духовном звании, папа передал на усмотрение местного епис-

копа. Трудно представить, как развращающе действовали подобные примеры на народные массы¹.

Но самой главной причиной деморализации духовенства и взаимной ненависти между ним и мирянами была личная неприкосновенность лиц духовного звания и их неподсудность светскому суду, что церкви удалось сделать основным положением государственного права. Действительно, в эпоху насилий было необходимо в интересах независимости и даже безопасности священников подчинить их особому специальному суду, но дурное действие этого института не замедлило сказаться в двух направлениях. С одной стороны, легкость, с которой, благодаря *purgatio canonica*, духовное лицо получало оправдание, и сравнительная незначительность наказаний в случае обвинения в сильной степени ослабляли у духовенства чувство страха перед законом. С другой стороны, надежда на относительную безнаказанность привлекала в число служителей церкви людей совершенно испорченных и порочных; не бросая своих мирских привычек, они вступали в низшие духовные должности и широко пользовались своей неподсудностью светскому суду, подрывая этим всякое уважение к духовному званию и ко всему, с ним связанному.

Заступничество Иннокентия III за шлезвигского епископа Вольдемара показывает, что церковь, опираясь на свои привилегии, выступала на защиту тех, кто менее всего нуждался в помиловании. Вольдемар был незаконный сын датского короля Канута и поднял вооруженное восстание против царствующего

---

¹ Caesar. Heisterbac. «Dial. Mirac.», dist. III, cap. 27.— P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 138.— Löwenfeld, «Epist. Pontif. Rom. Ined.», № 92, 114 (Лейпциг, 1888).— См.: Lea, «Historical Sketch of Sacerdotal Celibacy», 2-е изд., 1884.

короля Вольдемара II. Восстание было подавлено, и он был заключен в тюрьму. Иннокентий обратился к королю с просьбой освободить епископа, ссылаясь на то, что его заключение в тюрьму является нарушением привилегий церкви. Вполне понятно, что Вольдемар II задумался снова подвергнуть свое королевство бедствиям междоусобных войн. Тогда папа умерил свое требование; он удовлетворился тем, что шлезвигский епископ будет отправлен в Венгрию и уже там выпущен на свободу, причем папа ручался за него, что он не будет более поднимать восстания; но, пересмотрев дело, он перенес его в Рим. Здесь, несмотря на то что епископ был незаконнорожденным и, следовательно, не мог быть принят в духовное звание, несмотря на то что датские послы подтвердили обвинение его в клятвопреступлении, прелюбодеянии, вероотступничестве и растрате церковных денег, Иннокентий, в силу прав и преимуществ церкви, восстановил его в его епископском звании и вернул родовое имение, дав ему еще особую привилегию – избрать себе викария, если он опасается, что в Шлезвиге ему может грозить какое-либо насилие над личностью. В другой раз Иннокентий на запрос, может ли светская полиция арестовать и препроводить на епископский двор лицо духовного звания, застигнутое на месте преступления, разъяснил, что это возможно только с разрешения епископа, т. е., другими словами, невозможно никогда.

Рано ли, поздно ли, а то духовенство, которому так любезно обеспечивали возможность делать безнаказанно разные гадости, неизбежно должно было явиться в глазах народа бичом Божиим; и когда, мало-помалу, в христианских землях наступило царство закона, то вновь учрежденные правительственные суды встретили в преимуществах духовенства боль-

шую преграду, чем в притязаниях феодальных сеньоров. Дело обстояло так: если попадался какой-либо негодяй, то он прежде всего старался доказать, что он принадлежит к духовному сословию, что он носит тонзуру и что поэтому он неподсуден светскому суду; с другой стороны, ревнивое оберегание церковных прав, а быть может, также и жадность к деньгам, побуждали всегда епископских служителей поддерживать подобные заявления и требовать освобождения задержанного. Таким образом, церковь являлась ответственной за то, что масса преступников, духовных только по имени, гуляла на свободе, безнаказанно грабя мирян и делая всевозможные злодеяния¹.

Не менее возмутительные злоупотребления порождались также неприкосновенностью церковного имущества. Всякое лицо духовного звания, будь то истец или ответчик, имело право обращаться к духовному суду, а последний, конечно, всегда, даже и неподкупленный, держал его сторону, так что мирянину было почти невозможно найти правосудие в деле с духовным лицом. Некоторые лица духовного звания скупали у мирян сомнительные деловые обязательства, и духовный суд всегда удовлетворял претензии по ним. Правда, подобная скупка векселей была запрещена соборами, но она была настолько выгодным делом, что уничтожить ее было весьма нелегко.

---

¹ Stephani Tornacens. «Epist.» XII.— Innocent. PP. III, «Regest.», VI, 183; VIII, 192, 193; X. 209, 210, 215; XV, 202. О последующей судьбе Вальдемара см.: «Regest.» XI, 10, 173; XII, 63; XIII, 158; XV. 3; «Supplement», 187, 224, 228, 243. Cf. Arnold. Lubecens. VI, 1; VII, 12, 13, и Vaissete, «Hist. gen. de Languedoc, IV, 80 (изд. 1742 г.).— О неприкосновенности духовенства см.: Lea, «Studies in Church History», 2-е изд., 1883 г.

Другое злоупотребление, вызывавшее горячие селования, состояло в том, чтобы изводить несчастных мирян, привлекая их одновременно по одному и тому же делу к ответственности перед несколькими духовными судами; каждое судилище в отдельности приговаривало этих несчастных к отлучению от церкви, от чего можно было избавиться только уплатой крупного штрафа, причем приговоры эти обыкновенно выносились заочно, и судьи не считали даже нужным справляться, вручены ли сторонам повестки о явке на суд. Чтобы понять, насколько тяжело ложились на мирян накладываемые, таким образом, взыскания и наказания, мы должны помнить, что знание юридической стороны дела составляло в то время почти исключительную привилегию духовенства; обладая умом, изощренным на схоластических тонкостях, лица духовного звания всегда могли легко восторжествовать над невежеством и беспомощностью своих случайных противников¹.

Монашеские ордены были настолько многочисленны и настолько влиятельны, что и на них падает ответственность за все доброе и дурное, что творилось в церкви. Несмотря на великие услуги, оказанные ими религии и цивилизации, они особенно сильно подверглись развращающему влиянию эпохи, и их добродетели совершенно исчезли. В рассматриваемое нами столетие они постепенно добились признания их неподсудности епископскому суду и отдачи их под непосредственный контроль Рима, и это было одной из главных причин нравственного падения монастырей. Кентерберийский архиепископ Ричард горько жаловался Александру III, что исключительное положение монастырей действует развращающе на их

---

¹ Concil. apud Campiniacum ann. 1238, c. 1, 6.

внутренней строй; но эти жалобы оставались без всякого последствия, так как контроль Рима над монастырями, умаляя значение епископов, увеличивал косвенно и непосредственно авторитет святого престола, давая ему могущественных союзников в его борьбе против епископов; кроме того, это являлось новым источником доходов римской курии, если верить мальмсберийскому аббату, который открыто говорил, что он получил освобождение от подсудности суду салисберийского епископа при условии ежегодной уплаты Риму одной унции золота.

Благодаря этому в огромном большинстве случаев монастыри сделались очагами разврата и мятежей; женские монастыри походили на публичные дома, а мужские монастыри обратились в феодальные замки, и монахи воевали против своих соседей не менее свирепо, чем самые буйные бароны. Кроме того, смерть настоятеля, власть которого, само собой разумеется, не была наследственной, часто вызывала между претендентами споры, междоусобные войны и внешнее вмешательство. В подобном споре, возникшем в 1182 году, богатое С.-Тронское аббатство было осуждено мецким и льежским епископами; город и монастырь были сожжены, а жители все перебиты. Смуты тянулись до конца столетия, и когда им был временно положен конец, при условии уплаты денежного штрафа, то несчастные бароны и разоренные крепостные были доведены до полной нищеты, будучи вынуждены занять крупную сумму на оплату назначения к ним честолюбивого монаха.

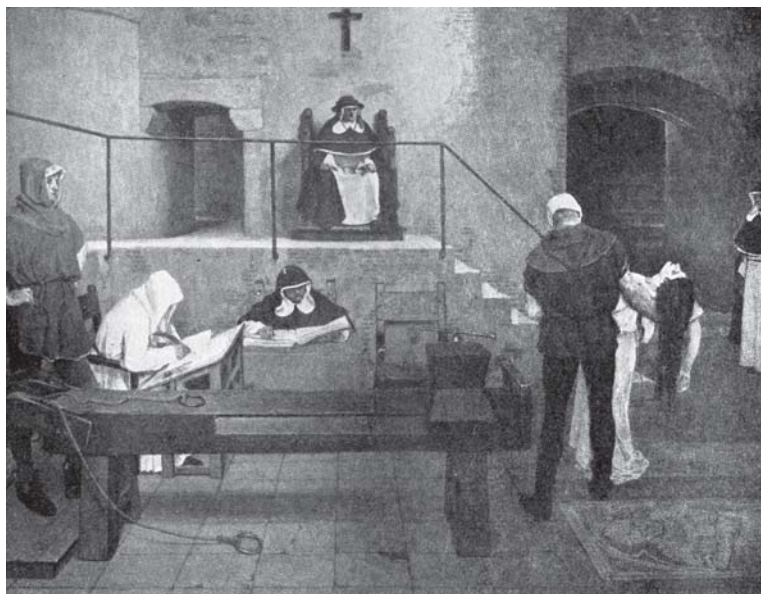
Правда, не все монастыри забыли, что их богатства создались от щедрот верующих и что это накладывало на них известные обязанности. Во время голода 1197 года аббат Гебгардт, хотя Гайстербахский монастырь и не был еще богат, кормил иногда до 1500 че-

ловек в день; еще щедрее оказался главный Геменродский монастырь, который кормил на свой счет до самой уборки хлеба всех бедных округи; в это же время один цистерцианский монастырь в Вестфалии пожертвовал все свои стада и заложил все до последней книги и до последнего церковного сосуда, чтобы кормить голодных, толпами стоявших у его ворот. Приятно при этом засвидетельствовать, что крупные издержки, производимые монастырями в подобных случаях, всегда были возмещаемы новыми приношениями верующих. Этими примерами обыкновенно пользуются, чтобы до известной степени поднять уважение к монастырям, но не надо забывать, что из монастырей исходило гораздо больше зла, чем добра¹.

Удивляться тому, что под монастырской сенью укрывалось так много дурного, мы не будем, если примем во внимание, кто давал монашеские обеты. Цезарь Гейстербахский, горячий поклонник цистерцианского ордена, признает непреложным фактом, что худшие монахи выходили из молодых людей, воспитанных в монастырях, и что часто они оказывались вероотступниками. Что же касается людей, вступивших в монастырь в более зрелом возрасте, то мотивы, побуждавшие их отречься от мира, хотя и были разнообразны, но всегда были эгоистичны; таковы, например, болезнь, бедность, рабство, грозящий позор, страх смер-

---

¹ Varior. ad Alex. PP. III, «Epist.», XCV (Migne, CC, 1457). Cf. Pet. Blesens., «Epist.» . XC.— Innocent. PP. III, «Regest.» I, 386, 476, 483, 499; V, 159; VIII, 12; IX, 209; XIII, 132; XV, 105.— Pet. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 44.— Gerhohi, «Lib. de Aedificio Dei», cap. 33; его же: «Expos. in Psalm.» LXIV, cap. 35.— «Chron. S. Trudon.», lib. III, IV, V.— «Hist. Vezeliacens.», lib. II—IV.— «Chron. Senoniens.» lib. IV, V. Caesar. Heisterbac. «Dial. Mirac.», dist. IV, cap. 65, 66.— См. также Lea: «History of celibacy» .

Инквизиция

С картины Ж. П. Лауренса

ти, боязнь ада и искание рая; конечно, от подобных монахов трудно было ждать чего-либо доброго. Цезарь Гейстербахский добавляет при этом, что часто преступники избегали заслуженного наказания, вступая в монастыри, которые становились, таким образом, как бы тюрьмами или домами предварительного заключения. В подтверждение своих слов он приводит рассказ о том, как один барон, приговоренный в 1209 году палладином Генрихом к смерти, был спасен аббатом шонауским, Даниилом, при условии, что он вступит в цистерцианский орден. Собор, бывший в 1129 году в Паленсии, прямо постановил, что всякий, кто обольстит женщину или ограбит священника, монаха, богомольца, путника или купца, должен быть изгнан или заключен в монастырь.

Немногим лучше были монахи из тех, кто под влиянием внезапного угрызения совести бросал жизнь, запятнанную преступлениями и насилиями, и удалялся в тихую обитель; эти люди были еще полны сил, и в них бушевали страсти. Хроники полны рассказов о том, как эти энергичные и беспокойные люди, не думая обуздывать свои страсти черной рясой, удивляли мир своими жестокостями и экстравагантными выходами. В 1071 году Арнуль III Фландрский напал на Монткассель, защищая свои владения от своего дяди, Роберта Фризского. Гербальд, рыцарь, убивший своего сюзерена, впал в раскаяние и отправился в Рим, где, явившись к папе Григорию VII, умолял его отсечь ему руку в искупление его вины. Григорий VII согласился и приказал своему главному повару исполнить желание рыцаря; но в то же время он тайно распорядился, что если рыцарь, увидев поднятый топор, отдернет руку, то отрубить ему ее без всякой жалости; но если кающийся не дрогнет, то объявить ему помилование. Гербальд не двинул ни одним мускулом, и папа, объявив ему, что отныне руки его принадлежат Богу, отправил его в Ключи под начало святого аббата Гуго; гордый рыцарь мирно окончил дни свои смиренным монахом. Но очень часто случалось, что эти необузданные люди, лишь только проходил первый порыв раскаяния, снова возвращались к своим старым привычкам, нарушая тем самым внутренний мир монастырей и безопасность их соседей¹.

В разношерстных толпах, ютившихся под монастырским кровом, невозможно было соблюдать основной принцип устава св. Бенедикта – общность имущества.

---

¹ Caesar. Heisterb., «Dial. Mirac.», dist. I, cap. 3, 24, 31. – Concil. Palentin. ann. 1129, cap. XII (Hard. VI, II, 2054). – «Hist. Monast. Andaginens.» . cap. 34.

Григорий Великий, в бытность свою аббатом монастыря св. Андрея, лишил последнего напутствия умирающего брата и продержал его душу 60 дней в чистилище за то, что в его одеждах нашли зашитыми три золотые монеты. Но, несмотря на это, немного позднее монахи венского монастыря св. Андрея вынуждены издать постановление, в силу которого всякий монах, пойманный в краже одежды в спальне или чаш и блюд в трапезной, изгонялся из монастыря как святотатец и вор, причем было постановлено – в случае продолжения подобных краж просить вмешательства епископа. В С.-Тронском аббатстве около 1200 года у каждого монаха был в стене сзади его места в трапезной особый шкафчик, запиравшийся на ключ, куда он по окончании еды прятал салфетку, ложку, чашку и тарелку, чтобы они не попали в руки его сотрапезников. В спальне было еще хуже. Кто мог завести себе сундук, тот каждое утро, вставая с постели, запирали в него ночное белье; те же, у кого не было сундуков, постоянно жаловались на кражу белья¹.

Печальная слава монахов омрачалась еще более из-за огромного числа *gyrovagi*, *sarabaitae* и *stertzer*, бородатых и постриженных бродяг и нищих, которые под прикрытием монашеской рясы проникали во все углы христианского мира, питаясь милостыней и обманами, торгуя поддельными реликвиями и показывая ложные чудеса. Эта язва появилась в церкви в IV веке, с основанием монашества, и продолжала давить ее. Хотя и среди этих бесприютных встречались люди святой жизни и безупречной нравственности, но тем не менее странствующие монахи повсеместно наводили ужас. Часто ловили их на месте преступления

---

¹ Gregor. PP. I, «Dialog.», IV, 55.– D'Achery, «Spicileg.», III, 382.– «Chron. S. Trudon.», lib. VI.

и тут же без всякой жалости творили над ними самосуд. В тщетной борьбе с этим злом Кёльнский собор в начале XIII века формально запретил давать кров какому бы то ни было странствующему монаху на всей на этой огромной провинции¹.

Конечно, не было никогда недостатка в серьезных попытках восстановить падающую дисциплину. Один за другим различные монастыри подвергались реформам; но вскоре разврат снова свивал в них свое гнездо. Немало было положено труда на создание новых и более строгих уставов, как, например, уставы пре-монстрантов, картезианцев и цистерцианцев, цель которых – не допускать в монастыри людей, не имеющих истинного призвания; но по мере того, как росла слава монастыря, щедрость верующих наполняла его земными благами, а с богатством приходило растление. Бывало иногда и так, что скромная пустынь, основанная несколькими отшельниками, все помыслы которых были направлены лишь к одному – снискать вечное блаженство, убить грешную плоть, уйти от мирских соблазнов, – становилась обладательницей святых мощей, чудодейственная сила которых привлекала в пустынь толпы богомольцев и больных, ищущих исцеления. Начинали поступать приношения, и тихая обитель смиренных отшельников превращалась в разукрашенный монастырь; суровые подвиги основателей отходили тогда в область предания,

---

¹ Augustin. «De Op. Monachor.», II, 3. – Cassiani, «De Coenob. Institut.», II, 3. – Hieron. «Epist.», XXXIX, CXXV, 16. – Regul. S. Benedicti, cap. 1. – S. Isidori Hispal. «De Eccles. Offic.», II, XVI, 3, 7. – Ludov. Pii, «De Reform. Eccles.», cap. 100. – Smaragd. «Comment. in Regulam S. Benedicti.», cap. 1. – Rippol, «Bull. Ord. FF. Pradic.», I, 38. – Caesar. Heisterb. «Dial. Mirac.» dist. VI, cap. 20. – Catalog. Varior. haeticor. («Bibl. Max. Patrum», изд. 1618, т. XIII с. 309).

и монастырь наполнялся толпою монахов, помышлявших не о спасении души, а о веселой жизни, монахов, нерадивых к добру и готовых на всякое зло.

Уединенно жили мудрые основатели знаменитого Граммонского приорства, пока оно не стало во главе могущественного ордена. Когда основатель и первый приор, святой Стефан Тьернский, умерший в 1124 году, начал являть чудеса, исцелив разбитого параличом рыцаря и дав зрение слепому, то его простые сердцем сподвижники испугались, что монастырь делается богатым и получит всемирную известность. Приемник св. Стефана, Петр Лиможский, предстал пред его гробницей и обратился к святому со следующими, полными упреков, словами: «О, служитель Бога! – ты указал нам путь бедности и всегда старался вести нас по нем. Теперь ты хочешь совратить нас с прямого и узкого пути, ведущего к вечному спасению, на широкую дорогу, ведущую к вечной гибели. Ты проповедовал уединение, а теперь хочешь превратить нашу пустынь в место базара и торга. Мы уже достаточно верим в твою святость, она не нуждается в подтверждении. Перестань являть чудеса, ибо этим ты лишишь нас смиренномудрия. Не ищи себе славы ценой нашего спасения; мы требуем этого от тебя, мы ожидаем этого от твоей любви к нам. Если же ты будешь поступать иначе, то мы объявляем тебе во имя данного нами тебе обета послушания, что мы выроем твои кости и бросим их в реку». Это обращение, одновременно и молитвенное и угрожающее, оказало желанное действие, и св. Стефан не творил более чудес до своей канонизации, последовавшей в 1189 году и совершенной приором Жераром с благословения папы Климента III; из того факта, что Жерар был назначен лично папой, устранившим двух других соискателей, после того как их раздоры почти совершен-

но разорили монастырь, мы видим, что страсти и мирское честолюбие проникли уже в ограду святой Граммонской обители, и проявление их в ней сказалось так же печально, как и во всех других местах¹.

Ввиду полной безуспешности отдельных усилий произвести реформу монашеских орденов, нет особой надобности приводить подлинное свидетельство преподобного Гильберта, аббата Жанблу, который в 1190 году со стыдом признается, что монашество – позор и язва, предмет непристойных насмешек и горьких упреков в устах всех христиан².

Под руками подобных священников и монахов религия, само собой разумеется, стала совершенно отличной от той, которую нам завещали Иисус Христос и апостол Павел. Рассмотрение догматов не входит в план моего исследования, но здесь необходимо вкратце указать некоторые изменения в верованиях и обрядах, чтобы лучше понять отношения между духовенством и народом и выяснить причины религиозных брожений XII и XIII веков.

Догмат оправдания посредством добрых дел – догмат, которому церковь в значительной степени обязана своим могуществом и богатством, по мере своего развития лишил религию ее духовной жизненной силы, заменив существенное в ней сухим и бездуш-

---

¹ Previs Hist. Prior. Grandimont. – Stephani Tornacensis «Epist.» 115, 152, 153, 156, 162. – В подтверждение того, что опасения приора были вполне основательны и что монастыри действительно часто напоминали собою ярмарки и базары, можно вспомнить селования собора 1233 года в Безье. Многие монастыри занимались у себя розничной продажей вина из своих виноградников и для привлечения покупателей приглашали жонглеров, актеров и публичных женщин. – Concil. Biterrens. ann. 1233, с. 23.

² Gulberti Gemblac. «Epist.» V, VI.

ным формализмом. Это не значит, что люди стали индифферентно относиться к вопросу о будущей судьбе их душ; совершенно напротив: ни в одну еще эпоху, быть может, ужасы ада, блаженство рая, постоянные козни дьявола не занимали так умы людей среди забот повседневной жизни. Но религия во многих отношениях превратилась в грубый фетишизм. Ученые богословы поучали еще, что добрые дела и подвиги благочестия могут иметь значение тогда только, когда они сопровождаются обращением сердца к добру, раскаянием, искренним желанием пойти по стопам Христа и повести лучшую жизнь; но в эпоху столь грубую и при нравах столь диких гораздо легче было беспокойному грешнику верить, что отпущение грехов можно заслужить повторением известное число раз «Отче Наш» и «Богородица», соединенных с магическим таинством покаяния. Мало того, если сам кающийся не хотел лично заниматься этим, то он мог поручить это одному из своих друзей или близких, и заслуги, приобретенные последним, переносились на него. Когда на страстной неделе целая толпа молящихся скопом исповедовалась и оптом получала отпущение грехов (проделывать это нерадивые и ленивые священники не считали за грех), то таинство покаяния превращалось в какое-то шаманское чародейство, при котором несколько не заботились о состоянии души человека¹.

Еще более выгодным для церкви и столь же гибельным по своему влиянию на веру и нравственность было сильно в то время распространенное верование, что щедрые пожертвования после смерти на

---

¹ Petri Exoniens. «Summa exigendi confess.» ann. 1287 (Harduin., VII, 1128).— Caesar. Heisterb. «Dial. Mirac.», dist. III, cap. 45.— Martène, «Ampliss. Coll.» I, 357.

сооружение монастырей или на украшение храмов могли загладить жестокости и грабежи всей долгой жизни грешника; таково же было верование, что служба в течение нескольких недель против врагов папы заглаживала все грехи того, кто поднимал крест на истребление своих же братьев христиан. Обычай давать индульгенции, давать разрешение грехов или, вернее, злоупотребление им – предмет, заслуживающий подробного изучения; здесь же мы ограничимся лишь беглым обзором ввиду того, что нам придется говорить об этом еще в дальнейшем изложении¹.

Вначале индульгенция была лишь выкупом епитимии, была заменой каким-либо богоугодным делам, например, щедрым дарам церкви, многим годам покаяния, которые кающиеся налагали на себя, чтобы искупить каждое отдельное прегрешение. В сущности, Гвидо, архиепископ миланский, прибег к помощи индульгенции уже в 1059 году, когда он, чтобы искупить свое возмущение против святого престола, наложил на себя епитимью на сто лет и откупился от нее ежегодным платежом известной суммы. Полная индульгенция, т. е. отпущение всех грехов, имеет своим прототипом обещание, данное Урбаном II на Клермонском соборе в 1095 году; чтобы поднять христианский мир на первый Крестовый поход, он объявил, что вооруженное паломничество в Святую Землю заменит епитимью за все те грехи, в которых паломники исповедуются и раскаются. Алчность, с которой было принято это предложение папы, показывает, как дорого ценили возможность освободиться от страха перед адом, не омрачая в то же время всей своей жизни строгостью покаяния. Простота этих формул исчезла в XII веке – в эпоху, когда схоластики выработали sacramентальную

---

¹ См.: Lea, «A history of confession and indulgences», 3 т. Лондон, 1896.

теорию и когда вера в чистилище стала всеобщей. В прощении греха различали отпущение вины (*culpa*) и отпущение наказания (*роена*); разрешение, данное священником, предоставляло первое и спасало от мук ада, тогда как подвиг покаяния или замена его индульгенцией предоставляли второе и выводили душу из чистилища.

Наконец, появляются умозрения Александра Гальского, принятые Альбертом Великим и св. Фомой Аквинатом; согласно этому учению, источником индульгенций является сокровищница заслуг Иисуса Христа и его святых, которые церковь могла принести Богу взамен покаяния, требуемого от грешника; полное отпущение грехов, т. е. полная индульгенция, содержит в себе довольно значительную долю этих заслуг, достаточную для того, чтобы освободить от наказания за грех, снять роена; частичное отпущение грехов, частичная индульгенция, точно определяет число дней или лет и то покаяние, заменой которого она является. Дальнейшее развитие этой теории гласило, что, черпая из этой сокровищницы, можно было ходатайствовать за души, томящиеся в чистилище, и переводить их, таким образом, в рай.

Учение это долгое время вызывало споры в школах, пока Сикст IV в 1476 году не применил его впервые на практике; после некоторых размышлений оно вскоре было принято всеми богословами. Следствием этого явилось существенное изменение, касающееся права давать индульгенции. Пока они были простым выкупом покаяния, разрешалось всякому священнику давать их кающимся у него; епископы и даже аббаты могли выпускать общие индульгенции, обращавшиеся по их провинциям. Латеранский собор 1216 года попытался положить предел все учащавшимся злоупотреблениям, полностью лишив аббатов права выпускать индульгенции и сократив в этом от-

ношении права епископов, которые отныне могли давать индульгенции на один год и только во время освящения церкви; во всех остальных случаях максимальный срок для выпускаемых ими индульгенций определялся в 40 дней.

Но когда индульгенция превратилась в плату Богу, взятую из неисчерпаемой сокровищницы заслуг Иисуса Христа, то решили, что эта сокровищница нуждается в особом казначее, каким, естественно, явился папа. Таким образом, он стал единственным человеком, наделенным правом раздавать индульгенции, что значительно увеличило его авторитет и низвело епископов до положения его доверенных. С мирской точки зрения, значение этого факта для папства было еще крупнее: теперь стало легче поднимать войска на истребление своих врагов и на расширение своих владений, так как многие тысячи воинов стекались под знамена папы, чтобы получить за участие в крестовом походе полное отпущение грехов¹.

Кроме того, под знамена папы всех привлекало то обстоятельство, что крестоносцы *ipso facto* освобождались от ответственности перед светскими судами и наравне с лицами духовного звания судились только судом духовными. Когда возбуждалось обвинение против крестоносца, духовный судья, под угрозой отлучения от церкви, вырывал его из рук светского суда, и если он уличался в каком-либо очень крупном преступлении, как, например, в убийстве, то тогда ограничивались тем,

---

¹ P. «Damiani Opusc.» V.— Concil. Clarom. ann. 1095, cap. 2.— Alex. de Ales. «Summae» P. IV, q. XXII, m. 1, art. 1, 2; m. 5, 6.— Albert. M. «in IV Sent.» dist. XX, art. 16.— S. Thom, Aquin. «in IV Sent.» dist. XX, q. III; dist. XLV, q. ad. 3; «Epist. Quodl.» II, art. 16.— Lea., «History of auricular confession and indulgences.», III, 345 и след.— Conc. Lateran. IV, cap. 60, 62. — Cap. 12, extra lib. V, tit. XXXI.

что у него отбирали крест и судили его так же снисходительно, как судили духовных. В конце концов это новое злоупотребление было признано светским судопроизводством. Понятно, как притягательно действовала эта привилегия на бесчестных искателей приключений, которых было так много в рядах папских армий. Когда в 1246 году французские крестоносцы совершили целый ряд краж, изнасилований и убийств, Людовик Святой был вынужден довести об этом до сведения Иннокентия IV, и папа в ответ написал своему легату, что нечего защищать подобных негодяев¹.

Еще более щедрыми бывали обещания пап, когда затрагивались их личное честолюбие и их личные интересы. Иннокентий IV, проповедуя после смерти Фридриха I крестовый поход против императора Конрада IV, обещал всем участникам похода более широкое отпущение грехов, чем то, которое давалось за поход в Святую Землю, и объявил, что Божественная индульгенция будет распространяться также и на отца и мать крестоносца. Если же крестоносец не хотел или не мог почему-либо исполнить данного им обета, он мог откупиться, уплатив известную сумму, сообразно со своим положением в армии. Таким путем римская курия получила немало денег, которые, как, по крайней мере, говорили, предназначались на пользу святого дела.

Эта выгодная система, развиваясь постепенно все шире, стала, наконец, применяться и в самых незначительных ссорах, которые вызывались папами как хозяевами Папской области. Если папа Александр IV с успехом применил ее против Эччирино да Романо, то в следующем столетии папа Иоанн XXII прибег к

---

¹ Concil. Turon. ann. 1236, c. 1. — Établiss. de Saint Louis, I, 84. — Berger, «Reg. d'Innocent IV», № 2230.

ней не только при объявлении войны таким грозным противникам, как Маттео Висконти и маркизу Монтефельтре, но даже и для подавления восстаний в маленьких местечках, вроде Осимо и Реканати в Анконской марке, или для умирения народа даже в самом Риме. Остроумная система, заключавшаяся в том, что отпущение грехов давалось тем, кто поступал в ряды армии крестоносцев, которые затем освобождались за деньги от службы, в конце концов показала чересчур сложной, и приобретение вечного спасения было упрощено: оно стало прямо продаваться за деньги всем желающим.

Таким путем папа Иоанн открыл верный источник для приобретения средств на покрытие издержек по своим частным войнам, продавая верующим блаженства загробного мира, причем, чтобы верующим было легче прийти на помощь церкви и спасти свою душу, он приказал епископам устроить повсюду филиальные отделения по продаже индульгенций. С грустью смотрели епископы, как денежки их прихожан пропадали в бездонном кармане наместника Петра, но тщетно пытались они помешать этому: они уже не были более независимыми, и слабые баррикады, возводимые ими, разлетались как дым¹.

Еще большим злом была рассылка по городам и весям особых продавцов индульгенций, *quaestuarii*. Иногда они носили с собой мощи, данные им за деньги на прокат какой-либо церковью или каким-либо богоугодным заведением, но чаще вся их поклажа состояла из папских и епископских грамот, уполномочивающих их

---

¹ Matt. Paris, «Hist. Angl.» ann. 1251 (с. 553, изд. 1644).— «Chron. Turon.» ann. 1226.— Joannis PP. XXII, «Regest.» IV, 73, 74, 76, 77, 95, 97, 99.— Baluze et Mansi, «Miscell.» III, 242.— Concil. Ravennat. ann. 1314, с. 20.

за определенную сумму давать отпущение грехов. И хотя эти грамоты были составлены умно и ловко, но тем не менее их можно было толковать по усмотрению, и продавцы считали себя в праве не только обещать вечное блаженство живым, но и давать освобождение осужденным, уже томящимся в преисподней. И все это можно было купить за несколько грошей. Уже в 1215 году Латеранский собор горячо восстает против подобных приемов и запрещает брать мощи из церквей; но злоупотребление было настолько прибыльно, что трудно было его искоренить. Вечно нуждаясь в деньгах, папы и епископы непрестанно раздавали подобные грамоты, и торговля индульгенциями приняла профессиональный характер, причем, естественно, лучше торговали люди более наглые. Мы полностью верим псевдо-Петру Пилихдорфскому, что «безрассудное», но выгодное дело раздачи индульгенций всем без разбора подрывало у большинства католиков даже веру в церковь. В 1261 году Майнцский собор не мог найти достаточно энергичных выражений, чтобы охарактеризовать вред, наносимый продавцами индульгенций, которые своими мошенническим проделками вызывают к себе всеобщую ненависть, которые тратят полученные ими деньги на грязные кутежи, которые обманывают верующих, а последние, под предлогом, что купили себе отпущение грехов, пренебрегают исповедью. Но все эти жалобы были тщетны, и злоупотребление продолжалось беспрепятственно, пока взрыв всеобщего негодования не нашел себе горячего выразителя в лице Лютера.

Соборы, следовавшие за Майнцским, не менее энергично отзывались об обманах и подлогах этих бродячих распространителей вечного блаженства, которые продолжали блестяще торговать до самой эпохи Реформации. Тассони прекрасно выразил народное убеждение, что торговля индульгенциями

была верным источником доходов церкви на ее расходы по выполнению ее мирских замыслов:

Le cose della guerra andavan zoppe;
I Bolognesi richiedean danari
Al Papa, ad egli rispondeva coppe,
E mandava indulgenze per gli altari¹.

Продажа индульгенций прекрасно характеризует ту отличительную черту религии средних веков, которую можно назвать жречеством. Верующий не имел никогда прямых сношений со своим Создателем и редко имел их со Святой Девой Марией и со святыми представителями пред престолом Бога. Необходимым посредником между Богом и человеком являлся священник, который выставлял себя одаренным особой сверхъестественной силой; давая причастие или отказывая в нем, он мог решать судьбу душ; отслужив обедню, он мог уменьшить или сократить томление души в чистилище; его решения в исповедальной будке определяли даже истинную тяжесть греха. Средства, которые давали ему господство над массой, — причастие, мощи, святая вода, святое миро, молитва и заклинание бесов — превратились в своего рода кумиры, одаренные особой силой, которая не зависела ни от нравственного и духовного состояния тех, кто предлагал их, ни от поведения тех, кому они предлагались. В глазах толпы обряды ре-

---

¹ Concil. Lateran IV, c. 62. — P. de Pilichdorf, «Contra Waldenses», cap. XXX. — Concil. Bitterens. ann. 1246, c. 5. — Concil. Canomanens. ann. 1248. — Concil. Burdegalens. ann. 1255, c. 2. — Concil. Vienn. ann. 1311 (Clementin. lib. V, tit. IX, c. 2). — Concil. Remens. ann. 1303. — Concil. Carnotens. ann. 1325, c. 18. — Martène, «Thesaur.», IV, 858. — Martène, «Ampliss. Coll.», VII, 197 и след. — Concil. Moguntin. ann. 1261, c. 48. — Tassoni, «La Secchia Rapita», XII, 1.

лигии были просто какими-то магическими формулами, которые какой-то таинственной силой служили духовным или телесным нуждам тех, для кого они совершались.

Тысячи рассказов и случаев из этой эпохи показывают, какие глубокие корни пустил рассматриваемый нами фетишизм в умах массы благодаря старанию тех, кому это было выгодно. Автор одной хроники XII века с благоговением рассказывает нам, как в 887 году, когда переносили в Оксер мощи св. Мартина Турского, чтобы спасти их от норманнов, двое калек из Туреня, добывавшие хорошие средства милостыней, решили как можно скорее удалиться, боясь, чтобы мощи святого не исцелили их и не лишили сладкого куска хлеба. К несчастью, они передвигались крайне медленно, так что мощи прибыли в Турень раньше, чем они вышли за пределы провинции, и, к прискорбию своему, они были исцелены.

Горячность, с которой князья и государства спорили за обладание чудодейственными мощами, насилия и обманы, к которым прибегали, чтобы достать себе новые мощи или удержать уже имевшиеся, составляют интересную страницу истории человеческого легковерия и показывают, насколько сильна была вера, что в мощах сама по себе заключается чудодейственная сила, независимо ни от преступлений, которыми обусловлено обладание ими, ни от склада ума их владельцев.

Так, например, в том случае, о котором мы только то упоминали, Ингельгер Анжуйский был вынужден, испытав все мирные средства, требовать от оксерцев выдачи останков св. Мартина вооруженной силой. В 1117 году мы видим, как некий Мартин, каноник церкви Бомињи в Бретани, выкрал мощи св. Петрока из своей собственной церкви и передал

их в С.-Мевеннское аббатство, которое вернуло их только после вмешательства в это дело Генриха II. Два года спустя после взятия Константинополя в 1206 году венецианские дожи ворвались в собор св. Софии и украли оттуда изображение Святой Девы, писанное, по преданию, евангелистом Лукой; несмотря на отлучение от церкви и запрещение, произнесенное патриархом и скрепленное папским легатом, они не выдали святой иконы. Один гронингенский купец, во время одной из своих торговых поездок, пожелал получить руку св. Иоанна Крестителя, хранившуюся в одной больнице, и он получил желаемое, подкупив любовницу сторожа, которая заставила своего возлюбленного выкрасть святую руку. По возвращении на родину, купец построил дом и заделал святыню в один из столбов. Под святым ее покровом дела его пошли блестяще, и он в скором времени страшно разбогател. Но однажды в городе вспыхнул пожар, все бросились защищать свои дома, один только наш купец остался спокоен, говоря, что его дом имеет надежную охрану. Действительно, дом не сгорел, но любопытство жителей было настолько возбуждено, что купец был вынужден признаться, какой чудодейственной силой сохранен его дом. Тогда народ силой отобрал руку святого и перенес ее в церковь, где она проявила много чудес; купец же совершенно разорился.

Подобные суеверия были грубее суеверий римлян, которые, осаждая какой-нибудь город, вызывали в свой лагерь его бога-покровителя. С другой стороны, вошедшее во всеобщее употребление ношение при себе амулетов и святых предметов вполне тождественно с подобным же явлением у язычников. Даже иконы и изображения святых и мучеников обладали таинственной силой; достаточно было, как

говорили, взглянуть на образ св. Христофора, чтобы в этот день не захворать и не умереть внезапной смертью:

Christophori sancti speciem quicumque tuetur,
Illo namque die nullo languore tenetur.

Чтобы предохранить население от болезней, часто рисовали на наружных стенах церквей огромное изображение святого. Обычай решать жребием, какого святого избрать себе покровителем, совершавшийся торжественно пред алтарем, представляет другое проявление слепого суеверия той эпохи¹.

Святые Дары пользовались особенно сильным уважением. Во время гонения еретиков, предпринятого в 1233 году в рейнских провинциях инквизитором Конрадом Марбургским, один осужденный, несмотря на все старания палачей, упорно не загорался, пока один догадливый священник не положил на дрова Святых Даров. Ясно, что чары, охранявшие еретика, были разрушены более сильными, но враждебными ему чарами, так как он тотчас же обратился в пепел.

У этих же самых еретиков был образ сатаны, который давал предсказания; однажды в комнату вошел священник и вынул из-под рясы дароносицу; тотчас же сатана признал себя побежденным и упал на землю. Немного позднее к этому же средству прибег св. Петр Мученик, чтобы обличить обман одного миланского еретика; по вызову этого человека в одной иноверческой моленной являлся черт в виде Святой Девы в сиянии и с предвечным Мла-

---

¹ Gesta Consulum Andegavens. III, 23.— Reger. Hoveden. ann. 1177.— Innocent. PP. III, «Regest.», IX, 243.— Caesar. Heisterb. «Dial. Mirac.» dist. VIII, c. 53.— Muratori «Antiq. Med. Aevi» dissert. LVIII.— Anon. Passaviens. «andv. Waldenses», cap. 5 (Mag. Bib. Pat., XIII, 301).

денцем на руках. Это явление, сильно споспешествовавшее ереси, оставалось неоспоримым, пока св. Петр не положил ему предела, явившись перед чертом со Святыми Дарами. «Если, – сказал он, – ты действительно Мать Господа, то поклонись святому телу Его». В одно мгновение ока черт исчез, оставив по себе невыносимый запах.

Освященный хлеб имел в глазах народа особую чудодейственную силу; много передавалось рассказов о том, как тяжело были наказаны желавшие сделать из него святотатственное употребление. Один священник, чтобы покорить сердце добродетельной женщины, в которую он был влюблен, сохранил у себя во рту облатку; он был наказан страшной галлюцинацией: ему стало казаться, что он распух так, что не может пройти в дверь; а когда он зарыл святую облатку у себя в саду, то из нее выросло небольшое растение, причем к кресту был пригвожден человек, из которого сочилась кровь. Одна женщина сохранила облатку, которую она должна была проглотить, и положила ее в улей, чтобы остановить появившуюся среди ее пчел эпидемию; тотчас же благочестивые насекомые выстроили вокруг улья целую часовню со стенами, окнами, крышей и колокольной, а внутри ее воздвигли алтарь, на который благоговейно положили облатку. Другая женщина, чтобы спасти свою капусту от гусениц, истолкла облатку в мельчайшие крошки и посыпала ими капусту, и ее тотчас же разбил неизлечимый паралич. Само собой разумеется, церковь отрицательно относилась к подобному идолопоклонству; но оно было прямым последствием католического учения. Особую силу приписывали и той воде, в которой священник вымыл свои руки после прикосновения к Святым Дарам; этой воде припи-

сывали сверхъестественную силу, но ею запрещали пользоваться, как связанной с колдовством¹.

Сила этих магических формул, опять повторяю, отнюдь не вытекала из набожности тех, кто к ним прибегал. В доказательство могущества св. Фомы Кентерберийского приводится рассказ об одной даме, которая при всяком удобном случае произносила его имя и даже выучила свою любимую птицу повторять: «Sancte Thoma, adjuva me!» Однажды сокол схватил и понес эту птицу; но как только проговорила она заученную фразу, так сокол упал мертвый, а она невредимо вернулась к своей госпоже.

Употребляя разные чудодейственные средства, мало думали о их святости: бывали такие священники, которые служили литургию в целях волхвования и колдовства; совершая священные обряды, они все время проклинали своих врагов и верили, что это проклятие, так или иначе, вызовет гибель помянутого ими человека. Бывали даже случаи, что служили обедню для того, чтобы сделать более действенным древний способ насылать порчу; верили, что если отслужить десять обеден над восковым изображением своего врага, то он непременно умрет в течение десяти дней².

Даже самой исповедью пользовались как магическим средством, чтобы помешать раскрытию преступления. Так как нечистая сила, естественно, знала о всех совершенных злодеяниях и могла открыть их устами одержимых ею, то поэтому часто пользо-

---

¹ Hartzheim, «Concil. German.», III, 543.— Campana, «Storia di S. Pietro Martire», lib. II, cap. 3.— Caesar. Heisterbac. «Dial. Mirac.», dist. IX, cap. 6, 8, 24, 25.

² Caesar. Heisterbac. «Dial. Mirac.», dist. X, cap. 56.— Wibaldi Abbat. Corbeiens. «Epist.», 157.— P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 29.

вались бесноватыми как сыщиками для раскрытия виновных. Но если преступник с полным сердечным раскаянием исповедовался в своем преступлении, то отпущение грехов, данное ему священником, полностью изглаживало его преступление из памяти нечистой силы. Это верование, обычное у обвиняемых, часто руководило ими при даче показаний в суде; ибо даже в том случае, если демон и раскрыл преступление, виновный мог сразу же пойти на исповедь, а затем с уверенностью предстать перед судом и потребовать нового рассмотрения дела.

Можно бы привести бесконечное число подобных примеров, но это только утомит читателя. Приведенных мною, я думаю, достаточно, чтобы показать, до какой степени упало в рассматриваемую нами эпоху христианство, основанное на язычестве и руководимое недостойным духовенством¹.

Быть может, меня упрекнут, что я сгустил краски, рисуя картину взаимных отношений между дворянством и народом. Не все папы, конечно, были такими, как Иннокентий IV и Иоанн XXII; не все епископы были жестоки и развратны; не все священники видели свое назначение только в том, чтобы грабить прихожан и соблазнять прихожанок. Во многих епископиях и аббатствах и в тысячах приходов, без сомнения, встречались убежденные прелаты и священники, которые искренне стремились исполнять дело Божие и просвещать словом евангельской истины, настолько это было возможно в атмосфере суеверия эпохи. Но все же зло более бросалось в глаза, чем добро; скромные труженики проходили

---

¹ Caesar. Heisterbac. «Dial. Mirac.», dist. III, cap. 2, 3, 6; dist. V, cap. 3.

незамеченными, тогда как гордость, жестокость, сладострастие и жадность других производили глубокое и сильное впечатление. Людям рассматриваемой эпохи, которые относились к окружающему их миру критически и которые были проникнуты более высокими стремлениями, церковь представлялась такой, какой я ее обрисовал; и мы не должны упускать из виду картину ее нравственного безобразия, если хотим понять те события, которые потрясали тогда христианский мир.

Самый достоверный свидетель положения церкви в XII веке, святой Бернар, никогда не переставал выставлять напоказ повсеместно господствовавшие в ней пороки. Когда сладострастие, прелюбодеяние и кровосмешение не возбуждали более притупившегося чувства, то спускались еще ниже по пути разврата. «Напрасно, – говорит святой Бернар, – были уничтожены небесным огнем города долины; враг рода человеческого повсюду разнес их остатки, и их проклятый пепел заразил церковь. Церковь бедна, ограблена и несчастна, все ею пренебрегают, и она как бы обескровлена. Ее дети думают не о том, чтобы одеть ее, а лишь о том, как бы ограбить ее; они не поддерживают ее, а разоряют; не поднимают, а унижают; не питают стада, а душат и поедают его; устанавливают таксу за грехи и не думают о грешнике. На кого из епископов, – восклицает он, – укажете вы мне, который не предпочитал бы очищение карманов своих духовных овец исцелению их от пороков?» Те же жалобы слышим мы и от современника святого Бернара, Пото Прумиенского. «Церковь, – пишет он в 1152 году, – быстро идет к падению, и ни одна рука не поднимается, чтобы поддержать ее; нет ни одного священника, достойного стать посредником между Богом и людьми и приблизиться к пре-

столу Всевышнего с мольбой о ниспослании небесной благодати»¹.

Папский легат, кардинал Генрих Альбанский, не менее энергично выражается в своей энциклике к папским прелатам от 1188 года. «Торжество князя мрака приближается; духовенство развратно, сладострастно, чревоугодно; священники набирают бенефиции, ходят на охоту, выхаживают соколов, играют, торгуют, враждуют друг с другом и, что хуже всего, служат примером невоздержанности, вызывая тем самым гнев Бога и соблазняя народ».

Примерно в это же время Петр Кантор называет церковь «по уши погрязшей в мирских сквернах»; по жадности своих служителей, по их небрежности к своим обязанностям она хуже общества мирян, и это грозит ей страшной опасностью. В том же духе выражается и Гильбер Жанблу. Большинство прелатов получают власть не по избранию, а в результате подкупа и расположения князей; они вступают в церковь не затем, чтобы кормить других, а чтобы кормиться самим; не затем, чтобы служить другим, а чтобы пользоваться самими услугами других; не затем, чтобы сеять, а чтобы жать; не затем, чтобы работать, а чтобы сидеть сложа руки; не затем, чтобы охранять овец от волков, а чтобы самим пожирать их с жестокостью большей, чем волчья. Св. Гильдегард в своих пророчествах противопоставляет мирян и духовенство. «Прелаты, – пишет он, – грабят церкви; их алчность поглощает все, до чего они прикасаются. Их

---

¹ Bernardi, «Serm. de Conversione», cap. 19, 20. – Ero же, «Serm. 77 in Cantica», cap. 1. – Ero же, «Serm. 33 in Cantica», cap. 16; «Tract. de moribus et offic. Epist.» cap VII, № 25, 27, 28. – «De Consid.», lib. III, cap. 4, 5. – Pothon. Prumiens. «De statu domus Dei», lib. I.

притеснения доводят нас до нищеты и, унижая их, унижают нас... Прилично ли, что люди, носящие тонзуру, командуют большим числом солдат и водят большие армии, чем миряне?.. Сообразно ли с чем-нибудь, чтобы духовное лицо было солдатом, а солдат был духовным лицом?.. Бог не заповедал нам, что одни из нас должны иметь сразу и подрясник, и плащ, а другие должны ходить голыми; нет, Он приказал, чтобы одни носили подрясник, а другие – плащ. Оставьте же плащ мирянам, столь необходимый им в миру, а духовенство пусть носит подрясник, потребный ему по сану»¹.

Одной из главных причин созыва Латеранского собора 1215 года было желание исправить недостатки духовенства. Было принято очень много канонов, направленных к искоренению главнейших злоупотреблений, но постановления собора остались мертвой буквой: злоупотребления пустили уже глубокие корни. Четыре года спустя папа Гонорий III в энциклике, обращенной ко всем прелатам христианского мира, говорит, что он до сего времени все ждал действия постановлений собора, но что, по его мнению, зло в церкви скорее растет, чем уменьшается. «Служители алтаря хуже животных, роющихся в навозе; слава их – в бесчестии, как слава Содомы. Они – ловушка и бич верных. Многие прелаты растрачивают данные им на хранение деньги и разбрасывают по публичным местам церковные средства; они дают повышения людям недостойным, расточают церковные доходы на людей дурных и превращают церкви в тайные притоны для своих родных. Монахи и мо-

---

¹ Cod. Diplom. Viennens., № 163. – P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 57, 59. – Gulberti Abbat. Gemblacens. «Epist.» 1. – S. Hildegardae, «Revelat. Vis.», X, cap. 16.

нахини нарушают обеты, разбивают цепи и делают-ся такими же презренными, как навоз. Поэтому-то и процветает ересь. Да опояшется каждый из вас своим мечом, и да не щадит он ни брата своего, ни ближайшего родственника!»

О том, какое действие оказало это язвительное воззвание, мы можем составить себе представление по описанию церкви, сделанному в 1250 году линкольнским епископом Робертом Гростестом в присутствии Иннокентия IV и его кардиналов. На подробностях не стоит останавливаться, но вывод тот, что духовенство – грязное пятно на земле, что это – антихристы и дьяволы, надевшие маску ангелов света и превращающие дом молитвы в притон воров. Когда в 1260 году пассауский инквизитор старался выяснить причины трудного искоренения ереси, он составил длинный список преступлений, обычных среди духовенства, – список, ужасный по мелочи заключающихся в нем подробностей. И если его описание верно хоть немного, то подобная церковь не могла быть ничем иным, как одновременно политическим, общественным и нравственным бичом¹.

Таковы свидетельства духовных лиц по занимающему нас вопросу. Чтобы узнать теперь, какими глазами смотрели на духовенство миряне, мы прежде всего приведем слова Гильома де Пюи-Ларанса: «Я скорее пойду в священники, чем соглашусь сделать это». Правда, с таким же презрением относились, в свою очередь, и священники к монахам; по словам Эмерика, аббата аншенского, священник никогда не вступал в общение с человеком, которого он видел

---

¹ Honor. PP. III, «Epist. ad Archiep. Bituricens. (Martène, «Coll. Ampliss.», I, 1149– 1151; «Thesaur. Anecd.», I, 875– 877). – Fascic. Rer. Expetend. et Fugient., II, 251 (изд. 1690 г.). – W. Preger, «Beiträge zur Geschichte der Waldesier», Мюнхен, 1875, с. 64– 67.

в черной рясе бенедиктинца. Но народ одинаково презирал и священников, и монахов. Вальтер фон дер Фогельвейде прекрасно выражает отношение народа ко всем духовным, начиная от папы и кончая приходским священником: «Кафедра св. Петра переживает теперь такое же время, как тогда, когда она была осквернена колдовством Герберта, этот последний приуготовил место в аду только для себя одного, а ныне правящий папа влачит туда за собой и всех христиан. Зачем медлят громы небесные? Доколе, Господи, продлится Твое долготерпение? Дело Твое обращено в ничто, слово Твое запрещено, Твой казначей крадет Твои небесные богатства, Твои слуги грабят и убивают, и хищный волк стережет Твое стадо»¹.

Не менее горячие жалобы раздаются и на другом конце Европы. Вот как, рядом со многими другими, отзывается о высоких сановниках церкви, о белом духовенстве и монахах трубадур Раймон де Корне, отвечая как эхо на жалобы поэта Вальтера: «Я вижу папу, отрешившегося от всех своих обязанностей: он хочет разбогатеть, он не заботится о бедных, которым нет даже доступа к нему. Вся цель его – собрать побольше сокровищ, заставить других служить себе, сидеть на золототканых материях. Для этого он пускается в крупную торговлю. За хорошую сумму наличными деньгами он раздает епископские кафедры своим приближенным и посылает к нам сборщиков, снабженных открытыми листами на сбор милостыни, и они продают нам отпущение грехов за меру ржи и за деньги... Не выше стоят и

---

¹ Guill. Pod. Laurent. «Chron. Proem.» – Narrat. Restaur. Abbat. S. Martini Tornacens., cap. 38. – Panniers, W. von der Vogelweide, «Sämmtliche Gedichte», № 110, с. 118; ср. № 85, 111–113.

кардиналы; повсюду говорят, что с утра до ночи ищут они, где бы заключить какую-нибудь грязную сделку. Вам угодно епископство, а вам аббатство? Так несите же скорее им побольше денег: они дадут вам в обмен на них или красную шапку, или епископский посох. Если вы не знаете ничего из того, что требуется от священника, так это не беда. Знаете ли, не знаете ли, а вы будете получать хорошие доходы. Но смотрите не торгуйтесь; платите, не жалея денег, а то как раз останетесь с носом... А что делают епископы? Они сдирают кожу с богатых настоятелей своих епархий и продают им свои грамоты, скрепленные печатями. Одному Богу известно, когда они отвыкнули от этого. Да они делают дела и похуже! За деньги они постригают первого встречного и наносят, таким образом, вред всем; не только нам, приносимым в жертву этому проходимцу, но и светским судам, которые теряют над ним всякую власть... Клянусь вам, скоро будет больше священников и монахов, чем волопасов. Все падают и подают другим дурные примеры. Эти люди друг перед другом торгуют тайнствами и обеднями. Исповедуя добрых мирян, за которыми нет ни одного греха, они налагают на них огромные епитимьи; и с миром отпускают наложниц священников... Конечно, если судить по внешним признакам, монашеские обеты тяжелы и суровы. Но приглядитесь к ним поближе: поистине, монахи живут вдвое лучше, чем жили в миру под родительским кровом. Они поступают как нищие, которые, прикрываясь лохмотьями, обманывают людей и кормятся за их счет. Вот почему так много бездельников и негодяев поступает в монастыри; вчера у них не было куска хлеба, а завтра их шутовской наряд приносит им изрядный доход, привлекаемый из тысячи фокусов, скрытых у них в меш-

ке» .Подобная религия неизбежно должна была породить ересь, подобное белое и черное духовенство должно было вызвать восстание. И можно только удивляться, что оно появилось так поздно и не было более общим¹.

---

¹ Raynouard, «Lexique Roman.», I, 464, опубликовал это «Gesta» под именем Петра Кардинала, трубадура начала XIII века. Эта ошибка, основанная на одной из двух рукописей, в которых дошло до нас это произведение, была исправлена доктором Нуле. Автором этого произведения был известный Раймон де Корне, живший в первой половине XIV века. Отрывок из этого «Gesta», приведенный нами в свободном переводе, был напечатан Бартчем в его «Chrestomathie provencale» (4-е изд., 363). Полное издание с предисловием, примечаниями и словарем вышло в 1888 году в Монпелье Нуле и Шабано («Deux manuscrits provencaux de XIV-e siècle»).

Глава II

ЕРЕСЬ

Церковь, стоявшая, как мы видели, так далеко от своего идеала и так небрежно относившаяся к своим обязанностям, очутилась почти неожиданно для себя перед новыми опасностями, грозившими подорвать в корне все ее могущество. Как раз в тот момент, когда она только что отпраздновала победу над своими светскими врагами – королями и императорами, новый страшный враг выступил против нее; этим врагом было пробуждавшееся сознание. Непроницаемый мрак невежества X века, наступивший за мимолетным блеском цивилизации эпохи Каролингов, начал рассеиваться в XI веке перед первыми лучами умственного возрождения. Это движение начинает заявлять о себе уже с начала XII века, и уже тогда можно было предвидеть его широкое развитие, которому суждено было сделать Европу родиной искусств и наук, образования и высокой культуры. Но, само собой разумеется, умственный застой не мог разрешиться без того, чтобы в то же время не родились сомнения и критика. Как только люди стали рассуждать и рассматривать вопросы, касавшиеся таким предметом, обсуждение которых было им воспрещено, они неизбежно должны были заметить печальный контраст между учением церкви и ее действиями, глубокий разлад между религией и обетами. Стало, в свою очередь, колебаться и то слепое благоговение,

с которым целый ряд поколений относился ко всему, исходившему от церкви. Сочинение, подобное труду Абеляра, «Sic et non», где беспощадно были освещены противоречия между преданием и папскими декретами, не было простым проявлением пытливого ума, предвещавшим восстание; оно угрожало церкви в будущем большими опасностями, порожденными пробуждением критической способности ума. Тщетно, по распоряжению римской курии, Грациан в своих знаменитых «Concordantia discordantium canonum» пытался доказать, что противоречия легко могли быть сглажены, что церковное право представляло не собрание беспорядочной массы канонов, вызванных необходимостью дать ответ на преходящие запросы дня, а стройный сборник духовных законов. Роковое слово было произнесено, и все усилия глоссаторов, магистров логики, докторов богословия и целой толпы теологов-схоластиков и толкователей канонического права, несмотря на всю их диалектическую ловкость, не могли вернуть человеческому разуму его былую непоколебимую и спокойную веру в божественность учения воинствующей церкви. Ряды нападающих были, правда, еще немногочисленны, их атаки были перемежающиеся, но число защитников и энергия, с которой велась защита, показывают, что в Риме прекрасно сознавали опасность: дух пытливого исследования пробудился наконец от долгого сна.

Этот дух получил могучий толчок в Толедской школе, куда отважные ученики шли как к живому источнику арабской, греческой и еврейской науки. Уже в мрачный X век папа Сильвестр II, известный под именем Герберта д'Орильяка, прославился как чародей только потому, что изучал запрещенные науки в этом центре умственного развития. В середи-

не XII века Роберт Ретинский, уступая настоятельным просьбам Петра Ключийского, на время прекратил свои занятия астрономией и геометрией и перевел Коран, чтобы дать своему покровителю возможность написать опровержение заблуждений ислама. Сочинения Аристотеля, Птолемея, Абу-Бекра, Авиценны, Аль-Фараби и позднее Аверроеса были переведены на латинский язык и с невероятным рвением переписывались по всему христианскому миру. Даже сами крестоносцы приносили с Востока кое-какие обрывки античной мысли, которые подхватывались с большим энтузиазмом. Правда, в эту эпоху наибольшим уважением среди наук пользовалась астрология, но и другие, более достойные внимания науки не были в совершенном пренебрежении, и церковь понимала, какую опасность представлял для нее зарождающийся интерес к наукам; это видно хотя бы из того, что Парижский университет неоднократно запрещал чтение произведений Аристотеля.

Еще более опасным для церкви было возрождение римского гражданского права. Было ли это возрождение вызвано открытием рукописи «Пандектов» в Амальфи, или нет, но начиная уже с середины XII века римское право с увлечением изучалось во всех научных центрах Европы. Люди, к великому своему удивлению, узнали, что есть судопроизводство, простое и справедливое, стоящее неизмеримо выше тяжелой путаницы, канонических законов и грубого феодального обычного права. Эта система основывала свой авторитет на идее непреложной справедливости, представленной Верховным Повелителем, а не на каноне или декреталии, не на словах папы или собора и даже не на текстах Священного Писания. Прозорливость св. Бернара не обманула его, когда он в 1149 году беспокоился о положении церкви и жало-

вался, что суд стал отголоском законов Юстиниана, а не законов Бога¹.

Чтобы полностью уяснить себе, какое действие производило на мысли и чувства народа это интеллектуальное развитие, мы должны представить себе общественный строй тогдашней Европы, который во многом резко отличался от современного нам. Не одни только положительные тенденции развили у людей в цивилизованных странах чувство уважения к законам и обычаям; распространение просвещения и умственный прогресс утвердили контроль разума и уменьшили губительное влияние эмоции и импульса. Но тем не менее, например во время французской революции, мы видели, что безумие легко может овладеть народом и что разум может быть заглушен страстью. Безумное царство террора может дать нам довольно точное представление о тех душевных порывах, которые проявлялись как в хорошем, так и в дурном у народов средних веков. Эти увлечения придают средневековой истории особую наглядность и освещают серые сумерки повседневной жизни вспышками благородного энтузиазма или возмутительным проявлением дикой жестокости. Мало еще привыкшее сдерживаться средневековое общество, только что вступившее в зрелый возраст, проявляло себя как во всем своем величии, так и во всей своей низости;

---

¹ Pelayo, «Heterodoxos Españoles», I, 4, 5 (Мадрид, 1880).— Petri Venerab. «Opp.», с. 650 и след. (изд. Migne).— F. Francisci Pipini, «Chron.», cap. 16.— Rigord. «De Gest. Phil. Aug.» ann. 1210.— Concil. Paris. ann. 1210.— Gregor., PP. IX, Bulla «Cum salutem», 29, апр. 1231.— S. Bernardi «De consid.», lib. I, cap. 4.— О том уважении, почти поклонении, с которым схоластика XII века относилась к Аристотелю, см. «Metalogicus» Иоанна Салисберийского, lib. II, с. 16

то оно мстило жестоко беззащитному врагу, то с радостью приносило само себя в жертву человечеству. Проявления безумных душевных движений быстро переходили из одной страны в другую, пробуждая народы от летаргического сна и толкая их на поступки героические и безумные; таковы крестовые походы, усеявшие пески Палестины костями верующих, таково самобичевание флагеллантов, таково бесцельное шатание с места на место шаек пастухов (*pastoureaux*).

Угнетенная невероятной бедностью народная масса жила под страхом скорого пришествия Антихриста, близости конца мира и Страшного Суда. И действительно, условия жизни тогдашнего общества, терзаемого постоянными войнами и давимого тяжелой пятой феодализма, были так ужасны, что у простого человека, естественно, являлась вера в близкое наступление царства Антихриста; всякое изменение общественного строя радостно приветствовалось им, так как оно могло лишь улучшить его жизнь, сделать же ее более тяжелой ничто не могло. Кроме того, в воображении всех невидимый мир рисовался миром реальным, неотразимо обаятельным и полным чудес. С одной стороны, люди чувствовали около себя злых демонов, готовых послать на них разные болезни, опустошить их тощие нивы и виноградники и совратить души их на путь вечной гибели; с другой стороны, все верили в присутствие ангелов-хранителей и святых заступников, возносящих их молитвы к престолу Всевышнего, непосредственно обращаться к которому сами они не могли. И вот среди этой-то впечатлительной массы, доступной самым крайним порывам, суеверной и медленно пробуждавшейся от умственной спячки, вспыхнула война между церковью и ересью, т. е. между силой консервативной и силой прогрессивной; долго длилась эта война, и ни та ни другая сторона не одержала в ней полной победы.

Примечательно, что ереси, поколебавшие церковь, не были на этот раз простыми умозрительными тонкостями, выдвинутыми учеными богословами, как это было в то время, когда догматы веры только еще вырабатывались; это явление предвещало ту новую цивилизацию, которая выступила на смену схоластики. Мы не встретим далее таких ученых еретиков, как Арий или Присциллиан, Несторий или Евтихий, которые своим учением, шедшим вразрез с учением церкви, вызвали громкие споры. Подобные споры не могли уже иметь места в церкви, обладавшей строгой иерархией и выработавшей стройную догматику; правда, время от времени появлялись схоластики, которые, в действительности или только внешне, расходились во взглядах с господствующим учением церкви, как, например, Беранже Турский, Абельяр, Гильбер де ла Поре, Петр Ломбардский, Фолькмар фон Триффенштейн, но они стояли одиноко, и их учение быстро подавлялось церковью. Нужно заметить еще, что, за весьма малым исключением, господствующие классы почти не принимали участия в зарождении ереси. С эпохи Римской империи церковь и государство заключили между собой союз, чтобы держать народ в повиновении; каковы бы ни были мотивы, побуждавшие государей, подобных Иоанну английскому или императору Фридриху II, отвергать притязания духовенства, они тем не менее никогда не решались касаться основных положений, на которых покоилась их собственная прерогатива. Как общее правило, можно сказать, что ересь первоначально распространилась среди массы простого народа, а уже затем ее принимали люди благородного происхождения; так было, как мы это увидим ниже, в Лангедоке и Ломбардии. Удары, поставившие существование церковной иерархии в действительную опасность, были нанесены людьми

темными, проповедовавшими между бедными и угнетенными, оскорбленными и униженными, которые чувствовали, что церковь не выполняла своего назначения, видели, что служители ее суетны, понимали, что в ее учение вкралось немало заблуждений. Подобно тому, как некогда Христос пошел со Своей проповедью к заблудшим овцам Израиля, пренебрегаемый и презируемый раввинами, так и проповедники ереси набирали себе последователей среди вечных жертв феодального общества.

Ереси, привлекавшие к себе толпы последователей, делились на два разряда; с одной стороны стоят сектанты, которые, твердо сохраняя все основные положения христианского учения, отрицали священство; с другой стороны – манихеи.

Рассматривая эти учения в их постепенной смене, мы должны понять, что всегда или почти всегда все сведения о них мы черпаем из сочинений противников ереси: за исключением нескольких незначительных вальденских трактатов и служебника катаров вся литература еретиков погибла. Мы знакомимся с их учением по дошедшей до нас обличительной литературе, главной целью которой было вызвать против еретиков народную ненависть; историю их борьбы и падения мы изучаем по сочинениям тех, кто безжалостно стер их с лица земли. Все, что я скажу в похвалу еретиков, взято мною из признаний или обвинений, исходивших из уст их смертельных врагов, и если я отвергаю некоторые взводимые на них клеветнические обвинения, то только там, где ясно видно сознательное или бессознательное преувеличение и где обвинения не имеют никакой исторической вероятности. В общем, можно аргументировать, что чувство уважения к людям, которые за свои убеждения смело шли на костер и спокойно смотрели в глаза смерти.

Мы уже видели, как низко пала в нравственном отношении средневековая церковь, и поэтому мы не можем поверить католическим противникам ереси, когда они утверждают, что масса людей выступала из лона церкви, не боясь ужасных преследований, только из одного желания свободно удовлетворять свою нравственную распущенность.

На самом же деле даже наиболее авторитетные свидетели церкви, как мы это показали выше, согласны, что причиной или, по крайней мере, оправданием появления ересей было падение нравственности среди духовенства. Один инквизитор, много потрудившийся для искоренения ереси, объясняя причины ее успеха, отмечает нравственную грязь духовенства, его невежество, его заблуждения, бессодержательность его проповедей, его презрительное отношение к таинствам и ненависть, которую питали к нему почти все верующие. Другой свидетель сообщает нам, что излюбленными аргументами еретиков были гордость, алчность и распущенность духовенства и прелатов. Все это, по словам Луки, епископа туйского, сознательно боровшегося против ереси, увеличивалось еще рассказами о ложных чудесах, которые появились благодаря церковным обрядам и слабости церковнослужителей. Но вряд ли это вполне справедливо: и без рассказов о вымышленных чудесах еретики могли для своих проповедей брать примеры из действительности, которая была крайне позорна для церкви даже по словам ее горячих защитников.

Не многие контрверсисты были так чистосердечны, как ученый автор трактата, приписываемого Петру Пилихдорфскому. Возражая еретикам, выставившим священников развратниками, ростовщиками, пьяницами, игроками, людьми, способными на всякий подлог, он восклицает: «Прекрасно! Так что же из

этого? Они все же остаются священниками, а самый худший священник дороже самого лучшего мирянина. Разве Иуда Искариотский оттого, что был апостолом, не стоял выше Нефаниила, хотя последний и был честнее его?» Инквизитор трубадур Изарн высказал общую истину, заявив, что ни один католик не мог бы быть совращен в ересь, если бы около него находился добрый пастырь¹.

Все ереси, отрицавшие священство, были направлены против злоупотреблений, при помощи которых духовенство старалось удержать за собой господство над душами верующих. Исходным пунктом всех этих ересей было заимствованное из учения Доната положение, что таинства оскверняются от прикосновения к ним порочных рук, так что, следовательно, священник, живущий в смертном грехе, не может и не должен совершать никаких таинств. Если принять во внимание общий нравственный уровень тогдашнего духовенства, то применение этого положения на практике было равносильно исключению огромного большинства священников из духовного звания; и это положение в руках еретиков было тем более могущественным орудием, что на него же опирался и сам святой престол в своей борьбе против женатого духовенства. В 1059 году на поместном соборе в Риме, под давлением папы Николая II, было постановлено, что верующие не должны присутствовать на обедне, которую служит священник, имеющий жену или наложницу. Этот канон приглашал, таким образом,

---

¹ Reinerii «Contra Waldenses», cap. 3.— Tract. de modo proced. contra haeretic. (Mss. Bibl. Nat. Coll. Doat, XXX, 185 и след.).— Lucae Tudensis, «De altera vita», lib. III, cap. 7— 10.— P. Pilichdorf, «Contra Waldenses», cap. 16.— Passaviens. Anon. (Preger, «Beitr.», 64— 67).— Raynouard, «Lexique Rom.», V, 471.

прихожан судить о поведении своих священников; но он оставался мертвой буквой, пока папа Григорий VII не подтвердил его в 1074 году и не ввел его в жизнь. Это произвело страшное смятение, так как целомудренные священники были редким исключением. Борьба, возникшая отсюда, была так горяча, что в 1077 году в Камбрэ женатые или живущие в конкубинате священники сожгли живым одного несчастного, который упорно отстаивал папские постановления. Указы Григория VII были подтверждены Иннокентием II на Реймском соборе 1031 года и на Латеранском 1139 года; Грациан включил эти указы в составленный им сборник церковных законов, в которых они сохранились и до нашего времени. Урбан II старался доказать, что это только вопрос внешнего благочиния и что таинства не теряют своей силы даже и в том случае, если они совершаются самыми порочными священниками; но было трудно убедить массы таким хитрым и тонким толкованием. Такой ученый богослов, как Герох фон Рейхерсперг, мог, конечно, оставаясь истинным католиком, утверждать, что, по его мнению, все равно, будет ли совершать обедню священник, живущий в конкубинате, или язычник; но для людей, менее твердых в вере, этот вопрос представлял неразрешимые трудности. Немного позднее Альберо, священник из Мерка, близ Кельна, учивший, что принесение бескровной жертвы, совершенное порочным или преступным священником, не имеет силы, был вынужден отречься от своих слов ввиду единогласного свидетельства отцов церкви, которые держались противоположного взгляда; тогда он создал новую теорию, по которой таинства, совершаемые недостойным священнослужителем, приносят пользу тем, кто принимает их, не зная о недостойном поведении священника; но, с другой стороны, они не

приносят пользы мертвым и тем, кто знал о дурном поведении священника. Эта теория была признана еретической. Тогда Альберо предложил доказать справедливость своего учения посредством испытания огнем, но его предложение было отвергнуто на основании того соображения, что колдовство могло бы здесь доставить торжество ложному учению.

Этот вопрос продолжал волновать церковь до 1230 года, когда папа Григорий IX положил ему конец, постановив, что, во-первых, всякий священник, впавший в смертный грех, временно отрешается от исполнения своих обязанностей в отношении лично самого себя, пока он не раскается и не получит отпущения греха; и что, во-вторых, отправляемые им службы имеют силу, так как он не отрешается от исполнения обязанностей по отношению к другим, по крайней мере в том случае, если грех его не сделался общеизвестным благодаря его признанию или судебному решению или если он настолько очевиден, что в нем нельзя сомневаться. Было, конечно, немыслимо, чтобы церковь ставила действительность таинства в зависимость от нравственности священнослужителя; но остроумное решение, принятое Григорием IX, показывает, насколько вопрос этот смущал верующих и как легко было еретикам прийти к убеждению, что в руках плохого священника не могло произойти пресуществления вина и хлеба в тело и кровь Иисуса Христа. Если даже не принимать во внимание приведенных нами выше указов Григория и Иннокентия, то все же роковым образом в глаза благочестивых и размышляющих людей бросалась поражающая несовместимость власти, предоставляемой церковью своим служителям, со всевозможными преступлениями и пороками, которыми они бесславили себя. Если признавать такой взгляд заблуждением, то это

заблуждение неизбежно должно было быть упорным. Этого взгляда еще в 1396 году держался Иоанн Вареннский, священник из Ремуа, но его заставили отречься от своего учения. Альфонс де Спина отметил в 1458 году, что это заблуждение разделяется вальденсами, виклефистами и гусситами¹.

Здесь следует упомянуть о некоторых антисацердотальных ересьх предшествующих времен; правда, они были преходящи и не имели широкого распространения, но они показывают, как легко мог простой народ возмутиться против церкви, какой заразительный энтузиазм мог пробудить у него смелый человек, выступив истолкователем общего почти всем чувства неудовлетворенности и недовольства. Около 1108 года на острове Зеланде появился проповедник, по имени Танхельм, по-видимому, монах-вероотступник, человек ловкий и изворотливый в диспутах. Он отрицал всю иерархию, начиная от папы и кончая последним священником, учил, что евхаристия осквернена прикосновением нечистых рук, и призывал к неплатежу десятины. Народ с жадностью внимал его проповедям; наполнив Фландрию ересью, он основался в Антверпене и сделал его центром своей деятельности. Этот город был в то время уже многолюдным, богатым и торговым, но тем не менее в нем был толь-

---

¹ Concil. Roman. ann. 1059, can. 3.— Lambert. Hersfeld. ann. 1074.— Gregor. PP. VII, «Epist. Extrav.», 4; «Regist.», lib. IV, ep. 20.— Concil. Remens. ann. 1131, c. 5.— Concil. Lateran. II, ann. 1139, c. 7; c. 5, 6, Decret. I, XXXII; c. 15, I, LXXXI.— Gerhohi «Dial. de different. cleri.» . Ero же, «Lib. contra duas haereses», c. 3, 6; «Dial. de Clericis saecul. et regular.».— Anon. Libell. adv. Errores Alberonis (Martène, «Ampliss. Coll.» IX, 1251— 1270).— Can. 10, extra lib. III, tit. II.— D'Argentré, «Coll. Judic. de Nov. Erroribus», I, II, 154.— Fortalicium Fidei fol. 62b (изд. 1491).

ко один священник, который, увлеченный незаконной связью с одной из своих родственниц, не имел ни охоты, ни времени к исполнению своих пастырских обязанностей; лишенное, таким образом, наставлений в католической вере население города было легкой добычей для искусителя; оно последовало за Танхельмом и оказывало ему такое благоговейное уважение, что как святыню хранило воду, в которой он мылся. Без труда собрал он небольшое войско в 3000 человек, при помощи которого захватил в свои руки власть в стране: герцог и епископ были бессильны перед ним. Про него ходило много всевозможных рассказов; рассказывали, например, что он выдавал себя за Бога, считал себя равным Иисусу Христу, вступил в брак с Девой Марией, и много тому подобного; но все эти рассказы можно отбросить как пустые выдумки напуганных священников; мало того, мы не вправе даже считать Танхельма еретиком, так как он с несколькими из своих единомышленников совершил путешествие в Рим, где ходатайствовал о разделении обширной Утрехтской епархии и присоединении части ее к Теруанской епископии. На обратном пути из Рима он и его спутники были схвачены в Кёльне и по приказанию епископа заключены в тюрьму, а в следующем году состоялся над ними суд. Одни из них оправдались при помощи испытания их правоты водой, другие же предпочли искать спасения в бегстве. Трое из последних были пойманы и сожжены живыми в Бонне, предпочтя мучительную смерть отречению от своих убеждений. Танхельму удалось благополучно и невредимо добраться до Брюгге, но тяготевшее над ним церковное проклятие лишило его ореола, и духовенство Брюгге без труда добилось его изгнания из города. Верным остался ему только Антверпен, где он продолжал учить до 1115 года, когда один ревно-

стный в своей вере священник убил его ударом палки по голове и отправил душу его в ад к отцу его – Сатане. Но смерть Танхельма не остановила распространения его учения, которое продолжало процветать, несмотря на то что епископ назначил двенадцать викариев в помощь священнику единственной в Антверпене церкви св. Михаила. Католичество окончательно было восстановлено только в 1126 году, когда заботу об этом городе взял на себя св. Норберт, строгий аскет и основатель премонстрантского ордена; он просветил город светом евангельской истины со всем пылом своего красноречия, основал в нем новые церкви и поставил в них священниками своих ревностных учеников. Самые упорные из старых еретиков не могли отказать в послушании пастырям, слова и поступки которых не расходились между собой и свидетельствовали о их любви к народу, бывшему так долго в пренебрежении. Освященные облатки, спрятанные по разным углам, были снова через пятнадцать лет принесены в церкви раскаявшимися верными сынами ее, и от ереси не осталось следа¹.

Немного позднее Эон де Этуаль выступил в Бретани с проповедью подобной же ереси, но на этот раз ересиарх был, несомненно, человек ненормальный. Родом он был из знатной фамилии и уже пользовался славой святого за свою отшельническую жизнь, когда однажды, пораженный словами коллекты: *Per EUM qui venturus est judicare vivos et mortuos*, он возомнил себя Сыном Божиим. Сумасшествие зарази-

---

¹ Hartzheim, «Concil. German.», III, 763– 766. – Meyeri «Annal. Flandriae», lib. IV, ann. 1113– 1115. – Sigeberti Gemblacens. «Contin. Valcellens.» ann. 1115. – P. Abaelardi «Introductio ad Theolog.», lib. II, cap. 4. – Trithem. «Chron. Hirsau.» ann. 1127. – «Vita S. Norberti Archiep. Magdeburg.» cap. III, № 79, 80.

тельно; и вот скоро вокруг Эона образовался кружок поклонников, с помощью которых он начал отбирать у церкви неправильно приобретенные ими богатства и раздавать их бедным. Ересь приняла такие грозные размеры, что папский легат кардинал Альберик Остийский счел себя вынужденным в 1145 году выступить против нее с проповедью в Нанте; а Гюг, архиепископ Руанский, вступил с Эоном в скучную полемику; но самым убедительным аргументом оказалась посылка против еретиков войска. Многие еретики, не пожелавшие отречься от своих заблуждений, были сожжены живыми в Алэ, а Эон на время скрылся в Аквитании. В 1148 году он явился в Шампань, где, по распоряжению реймского архиепископа Самсона, он и ученики его были схвачены и отправлены к папе Евгению III на Руанский собор. Здесь Эон так ясно доказал свое безумие, что его милостиво отдали под надзор Сюжера, аббата С.-Дени, где он умер в скором времени. Среди его учеников осталось много продолжавших верить в него, и их упорство привело их на костер¹.

Ереси, появившиеся в этот период на юге Франции, где общественные условия были особенно благоприятны для их распространения, оказались более долговечными и более опасными для церкви. Население здесь было совершенно отлично от населения

---

¹ Sigib. Gemblac. «Continuat. Gemblac.» ann. 1146.— Его же, «Continuat. Praemonstrat.» ann. 1148.— Roberti de Monte, «Chron.» ann. 1148.— Guill. de Newburg. lib. I, cap. 19.— Otton Frising. «De Gest. Frid. I», lib. I, cap. 54, 55.— Hugon. Rothomag. «Contra Haeret.», lib. III, cap. 6.— Schmidt, «Hist. des Cathares», I, 49.— Петр Кантор в своем «Verbum abbreviatum» передает, что реймский архиепископ Самсон заключил Эона в оковы и держал его до самой смерти на хлебе и воде (Migne, т. CCV, с. 595).

Северной Франции. На лигурийской и иберийской этнических основах греки, финикияне, римляне и готы оставили свой след; завоеватели же франки, явившиеся в V веке, никогда здесь не основывались прочно. Была даже и арабская примесь в этом редком смешении племен, и гражданин Нарбонны и Марселя разнился от парижанина настолько, насколько разнятся между собой французский и провансальский языки. Феодальная связь, соединявшая графа Тулузского, или маркиза Провансальского, или герцога Аквитанского с королем парижским или императором, была крайне слаба. Когда сюзеренные права на Аквитанию вместе с рукой Элеоноры перешли к Генриху II, то одновременные притязания Англии и Франции сохраняли независимость крупных феодалов юга, создавая, таким образом, соперничество, последствия которого сказались во время крестовых походов против альбигойцев.

Разница в цивилизации так же резко бросалась в глаза, как и разница расовая. Нигде в Европе образование и роскошь не достигли такого высокого развития, как на юге Франции. Дворянство с увлечением отдавалось рыцарскому служению и поэзии, и даже в городах, которые пользовались там довольно широкой свободой и были благодаря торговле очень богаты, жители могли гордиться таким высоким образованием и таким просвещением, каких не было нигде в другом месте, по крайней мере на восток от Пиренеев. Нигде в то же время в Европе духовенство не относилось так небрежно к своим обязанностям и не пользовалось таким презрением народа. Религиозные убеждения прелатов и дворян были довольно шатки, так что повсюду царила сравнительная свобода относительно вопросов веры. Ни в одной другой христианской стране евреи не пользовались такими привилегиями, как здесь; они даже могли,

наравне с христианами, владеть землей на праве франкалье; их принимали на государственную службу, и благодаря их административным способностям их охотно брали к себе на службу и прелаты, и дворяне; их сынагоги процветали, а нарбоннская еврейская школа гремела по всему Израилю. При подобных условиях даже и те, кто сохранял еще религиозные убеждения, легко могли во всякое время выступить обличителями пороков духовенства или начать подыскивать на его место что-либо, более соответствующее их стремлениям: если их что-нибудь удерживало от этого, то это или боязнь преследования, или старые предрассудки¹.

---

¹ Saige, «Les Juifs du Languedoc», P. I, ch. II; P. II, ch. II (Париж, 1881). В конце XII века Вениамин Тудельский с удивлением описывает благосостояние и высокую умственную культуру евреев в посещенных им городах Лангедока. О Нарбонне он отзывается как о держащей знамя закона, как о городе, откуда закон и уважение к нему распространяются по всем странам; там живут мудрецы и знаменитые и удивительные люди, среди которых особенно выделяется Калоним, сын великого и почтенного Феодосия, потомка по прямой линии Давида. Он держит в аренде огромные земли местных князей и не боится никого (Benj. Tudelens. «Itin. Montano interprete», Антверпен, 1575, с. 14). Так же было и в Испании, где верные жаловались, что им запрещают преследовать евреев (Lucas Tudens. «De altera vita», lib. III, cap. 3). Миссионерская деятельность среди рабов-евреев обходилась очень дорого, так как епархиальный епископ должен был уплачивать хозяину высокую плату за каждого раба, обращенного в христианство и сделавшегося, таким образом, свободным (евреи не могли иметь христиан-рабов). Евреи были, кроме того, освобождены от уплаты десятинного налога (Innocent. PP. III, «Regest.», VIII, 150; IX, 150). До самого конца XIII века мы находим еще евреев-собственников в Лангедоке. См.: Mss. Bibl. Coll. Doat, t. XXXVII, fol. 20, 146, 148, 149, 151, 152.

О независимости общин см.: Guill. de Tudèle Fauriel'я, «Introduct.», с. LV и сл., и Mazure et Hatoulet, «Fors de Béarn», с. XLIII.

Впервые проповедь антисацердотальной ереси среди столь подготовленного к ее восприятию населения раздалась здесь в 1106 году; первым проповедником был Петр Брюйсенский, родом из Эмбренской епархии. Прелаты Эмбрена, Гапа и Ди тщетно старались помешать распространению зла; в конце концов они прибегли к помощи короля, и Петр, изгнанный из страны, бежал в Гасконь, где он открыто с успехом проповедовал целых двадцать лет. Рассказывают, что однажды он, в доказательство своего презрения к предметам, почитаемым духовенством, приказал спилить множество освященных крестов, сложил их в кучу, поджег и изжарил на их углях мясо. Но с течением времени преследование возобновилось, и Петр, схваченный в 1126 году, был сожжен живым в С.-Жиле.

Его учение было полным отрицанием таинств; до известной степени оно было восстановлением учения Клавдия Туринского. Крещение детей, говорил он, бесполезно, так как вера другого не может принести пользу лицу, не могущему извлекать выгоду из своей веры, — положение весьма опасное и имевшее серьезные последствия. На том же основании совершенно излишни вклады в церкви, раздача милостыни, обедни, молитвы и другие добрые дела, совершаемые в память умерших, так как каждый будет судим по своим заслугам. Церкви бесполезны, и их следует разрушить, так как христианин не нуждается для молитвы в освященных местах; Бог внимает достойным всюду, взывают ли они к нему в церкви или в кабаке, в священном месте или на площади, пред алтарем или пред стойлом. Церковь Христова не есть собрание нагроможденных друг на друга камней, а единение и согласие верующих. Что касается креста, то глупо обращаться с молитвами к неодушевленному предмету и лучше совсем уничтожить эту эмб-

лему, напоминающую нам о жестоких страданиях Иисуса Христа.

Самым тяжким заблуждением Петра было осуждение таинства евхаристии. В эту эпоху догмат пре-существления не укрепился еще окончательно в умах верующих, и Петр в этом отношении пошел дальше Баранже Турского. «Народы! – восклицает он. – Не верьте епископам, священникам и монахам: они обманывают и здесь, совершая службу на алтаре, где по их лживым словам они фабрикуют тело Христо-во и дают его вам на спасение ваших душ. Ясно, что они лгут, ибо тело Христово было сделано только один раз Самим Христом на Тайной Вечере, предше-ствовавшей Его страстям; и оно было дано Им один раз и только Своим ученикам. С тех пор оно нико-гда не делалось, никогда не давалось»¹.

Против подобного человека не было других мер, кроме костра, но и пламя костра не уничтожило его ереси. Его последователи, петробрюсиане, продолжа-ли открыто или тайно распространять его учение, и через пять или шесть лет после его смерти преподоб-ный Петр, аббат клюнийский, считал эту ересь на-столько грозной, что посвятил ей особый трактат, которому мы и обязаны тем немногим, что знаем о ней. Этот трактат был посвящен епископам Эмбре-на, Арля, Гапа и Ди и призывал их приложить все силы к искоренению этой ереси, прибегая в случае надобности и к оружию светских владык.

На смену Петру Брюйсенскому явился новый ере-сиарх, еще более страшный. Мы мало знаем о пер-

---

¹ Jonae Aureliens. «De cultu imaginum». – Petri Venerab. «Tract. contra Petrobrusianos». – P. Abaelardi «Introductio ad theologiam», lib. II, cap. 4. – Alphonsi da Castro, «adv. Haereses», lib. III, c. 168 (изд. 1571 г.). – Fisquet, «La France pontificale», Эмбрен, с. 848.

вых шагах Генриха, монаха из Лозанны; он покинул свой монастырь при обстоятельствах, которые позднее св. Бернар поставил ему в упрек; но, быть может, это была первая вспышка его реформатского ума, жертвой которого он пал впоследствии. Затем мы находим его в Мансе, куда он явился, вероятно, в 1116 году. Здесь строгостью своей жизни он вызвал к себе почитание народа, чем и воспользовался, чтобы напасть на духовенство. Теоретическая основа учения этого периода его жизни нам мало известна; мы знаем лишь, что он отрицал почитание святых и что его проповедь производила такое впечатление, что женщины, увлеченные его речью, снимали с себя драгоценные камни и роскошные наряды и что молодые люди вступали в брак с публичными женщинами, чтобы вырвать их из когтей разврата. Проповедуя аскетизм и любовь к ближнему, Генрих так безжалостно бичевал пороки церкви, что духовенство всей епархии было бы совершенно уничтожено, если бы дворянство не встало на его защиту. Знаменитый мансский епископ Жильдебер в то время, когда Генрих выступил с проповедью, был в Риме; вернувшись, он на публичном диспуте опроверг ересь и принудил Генриха удалиться из его епархии, но не мог подвергнуть его наказанию. После этого он появляется в Пуатье и Бордо, затем мы теряем его из виду и уже встречаем пленником арльского епископа, который в 1134 году отвел его к папе Иннокентию на Пизанский собор. Здесь он был уличен в ереси и осужден в тюрьму. Спустя некоторое время его освободили и сослали в Лозанский монастырь, откуда он вышел, чтобы вступить в более строгий цистерцианский орден в Клерво. Мы не знаем, почему отказался он от своей миссии ересиарха, но мы снова встречаем его более горячим, чем прежде, последователем учения

Петра Брюсенского, отрицающим таинство евхаристии, обличающим духовенство, осуждающим десятинный налог, вклады в церкви и все другие источники церковных доходов и, наконец, утверждающим, что не следует молиться в церквях.

Ареной его деятельности был юг Франции, где тлевший еще пепел петробрюсианизма готов был снова вспыхнуть ярким пламенем. Успех его проповеди был невероятный. Св. Бернар в 1147 году с полным отчаянием описывает положение католической церкви в обширных владениях Тулузского графства: «Церкви без верных, верные без священников, священники без уважения, христиане без Христа. На церкви смотрят как на синагоги; не почитают более святилища Господа нашего и Владыки; таинства не считают святыми, праздники не празднуют, люди умирают в грехах, и души их идут на Страшный Суд, не очищенные покаянием, не укрепленные святым причастием. Малые дети Христа лишены жизни, так как им отказано в крещении. Голос одного еретика заглушает соединенные голоса апостолов и пророков, создавших все народы в лоно церкви Христовой».

Прелаты юга Франции, не будучи в состоянии остановить распространение ереси, зывали о помощи. Но дворяне оставались глухи к этому призыву, потому что они, как и весь народ, презирали духовенство и были довольны, что учение Генриха дает им предлог грабить и притеснять церковь. Был вызван папский легат Альберик, который упросил св. Бернара сопровождать его с шартрским епископом Готфридом и с другими выдающимися церковными деятелями. Св. Бернар был в это время болен; но опасность, угрожавшая церкви, пробудила его рвение, и он, не задумываясь, принял тяжелую миссию. Настроение народа со всей резкостью выразилось в приеме, ока-

занном легату в Альби; жители в насмешку встретили его на ослах и с барабанным боем, а когда он пригласил их отслушать обедню, то в церковь с трудом набралось около тридцати человек. Но если верить рассказам его учеников, успех св. Бернара был невероятный. Слава, предшествовавшая ему, росла со дня на день благодаря приписываемым ему чудесам не менее, чем благодаря его увлекательному красноречию и тонкой диалектике. Народ толпами стекался слушать его проповеди и выходил из церкви обращенным на путь истины. В Альби св. Бернар прибыл после несчастного вступления туда легата, и собор едва мог вместить толпу, собравшуюся на его проповедь. Кончая свою проповедь, святой в следующих выражениях заклинал толпу: «Покайтесь, оскверненные! Вернитесь в лоно церкви, и пусть всякий кающийся в знак своего раскаяния поднимет правую руку». И поднялись руки всех. Однажды, окончив проповедь перед несметной толпой, он уже сидел на лошади, как вдруг один закоренелый еретик, думая смутить его, остановил его и сказал: «Ваше высокопреподобие, у нашего учителя, о котором вы отзываетесь так дурно, нет такой толстой и быстрой лошади, как ваша». — «Друг мой, — возразил святой, — я не спорю с тобой. Лошадь ест и жиреет себе на пользу, так как она — животное, которому природой предназначено жить плотскою жизнью, не оскорбляя этим Бога. Но когда твой учитель, ты и я будем судимы пред престолом Всевышнего, то толщина шей наших лошадей не будет принята во внимание; каждый из нас будет судим по его собственной шее. Взгляни же на мою шею и скажи, толще ли она шеи твоего учителя, и в праве ли ты порицать меня?» С этими словами он отбросил капюшон и обнажил свою длинную, худую шею, изможденную постом и умер-

щвлением плоти; и смутились все неверующие. Правда, ему не удалось обратить на путь истины отступивших от церкви в Верфейле, где сто рыцарей отказались слушать его, но он проклял их за это, и все они, как говорят, погибли ужасной смертью.

Св. Бернар вызвал Генриха на собеседование, но еретик благоразумно уклонился, отчасти потому, что боялся своего красноречивого противника, отчасти потому, что не был уверен в своей личной безопасности. Но какая бы ни была истинная причина отказа, уклонение Генриха от вызова дискредитировало его в глазах многих дворян, дотоле ему покровительствовавших, и он даже был вынужден скрыться. Каголики подняли голову и, когда в следующем году убежище еретика было открыто, его схватили и, скованного, привели к епископу. Как, где и когда он умер, нам неизвестно, но предполагают, что он кончил дни свои в темнице¹.

С этого времени мы не встречаем упоминаний, чтобы последователи Генриха представляли определенную секту; однако, в 1151 году одна молодая девушка, чудесно вдохновленная Святой Девой Марией, обратила в эту ересь много народу, и, по всей вероятности, ересь продолжала тайно существовать в Лангедоке до появления вальденсов, с которыми и слились генрихианцы. Есть указания на то, что в разных странах, весьма удаленных одна от другой, существовали небольшие группы сектантов, примыкавших к учению Генриха; это – явное доказательство

---

¹ S. Bernardi «Epist.» 241, 242. – Gesta pontif. Cenomonens. (D. Bouquet, т. XII, 547–551, 554). – Hildeberti Cenoman. «Epist.» 23, 24. – S. Bernardi «Vit. prim.», lib. III, cap. 6; lib. VII, p. III, ad calcem; lib. VII, cap. 17. – Guill. de Podio-Laurent. cap. 1. – Alberic. Trium Font, «Chron.» ann. 1148.

того, что, несмотря на преследования, идея отрицания священства и таинства не умерла. В то время, когда св. Бернар действовал в Лангедоке, штейнфельдский приор Евервин обратился к нему с просьбой помочь ему в борьбе с вновь появившимся в Кельне еретиками; без сомнения, это были манихеи и генрихианцы, которые выдали сами себя своими постоянными спорами. Кельнские генрихианцы хвалились тем, что их учение распространено по всему христианскому миру и что у них есть свои мученики. По всей вероятности, генрихианцы же потрясли Перигор под предводительством некоего Понса, который своей строгой жизнью и внешней святостью привлек к себе много сторонников даже среди дворян, священников, монахов и монахинь. Кроме отрицания таинств эти еретики, предвзяв св. Франциска, проповедовали нищету как необходимое условие спасения, и отказывались брать деньги. Движение, возбужденное ими, оставило следы в легендах, связанных с их именем. Они горячо искали преследования и громко призывали палачей; но, несмотря на свое пламенное желание принять мученическую смерть, они не могли быть убиты, так как их повелитель Сатана освобождал их от оков и тюрьмы. Нам ничего не известно о судьбе Понса и его учеников; но их число и деятельность ясно показывают, что настроение умов было неспокойно и что повсюду более или менее чувствовалась нужда в коренной реформе¹.

Ересь Арнольда Брешианского преследовала более определенную цель. Ученик Абеяра, он был обвинен в том, что разделял заблуждения своего учителя и неправильно смотрел на крещение детей и на таинство

---

¹ Matt. Paris, «Hist. Angl.» ann. 1151.— S. Bernardi «Epist.» 472.— Hereberti Monachi «Epist.» (D. Bouquet, XII, 550– 551).

святой евхаристии. Но не в его богословских заблуждениях было дело; главная его вина в глазах церкви состояла в том, что он энергично бичевал пороки духовенства и возбуждал мирян отбирать у церкви присвоенные ею привилегии и богатства. Глубоко убежденный, что главной причиной наблюдаемого в христианстве зла был светский характер духовенства, он учил, что церковь не должна иметь ни мирских имуществ, ни права суда, что она должна только ограничиваться отправлением своих духовных обязанностей. Человек строгой нравственности, всеми уважаемый, безупречный в своей аскетической жизни, высокообразованный, богато одаренный и, вдобавок, обладавший неотразимым красноречием, он стал грозой духовенства и приобрел себе много последователей среди мирян, которые тем охотнее шли за ним, что его учение удовлетворяло их мирские стремления и в то же время отвечало их мечтам о духовной реформе. Второй Латеранский собор 1139 года попытался подавить возбужденное им брожение в городах Ломбардии; собор осудил его и запретил ему проповедь; но Арнольд отказался подчиниться этому решению, и на следующий год папа Иннокентий II, санкционируя постановления Саннского собора, подверг его тому же осуждению, какое было вынесено против Абельяра; он приказал обоих их ввергнуть в тюрьму, а сочинения их сжечь. Арнольд бежал во Францию, откуда был вынужден перебраться в Швейцарию; мы видим его действующим здесь с невероятной энергией сначала в Констанце, а потом в Цюрихе; причем св. Бернар неустанно преследует его. Если верить последнему, быстрые успехи проповеди Арнольда были поразительны, потому что «зубы его были как стрелы, а язык — как остро отточенный меч». После смерти Иннокентия Арнольд явился в Рим и, по-видимому, в 1145 или

1146 году примирился с папой Евгением III. Бесчинства и беспорядки в городе, которых не могла сломить энергия предшественников Евгения, скоро утомили этого папу так, что он покинул Рим и перебрался во Францию. Обыкновенно думают, что в этом событии Арнольд играл решающую роль. Тщетно св. Бернар писал увещания к римлянам, тщетно взывал он к императору Конраду, убеждая его силой восстановить папскую власть. Конрад в это время высокомерно принимал послов республики, которые приглашали его возложить на себя императорскую корону Италии, говоря, что их цель – восстановление императорской власти в том виде, как она была при цезарях. Вернувшись в 1148 году в Италию, Евгений в Брешии осудил Арнольда и угрожал отнятием бенефиций тем членам римского духовенства, которые продолжали стоять на его стороне. Но римляне оказались твердыми в своих убеждениях, и папа мог вступить в Рим только под условием, что разрешает жить в нем и Арнольду.

После смерти Конрада III, в 1152 году, Евгений III поторопился заручиться поддержкой нового римского императора Фридриха Барбароссы, убедив его, что Арнольд и его сторонники сговорились избрать другого императора и добиться, чтобы римская империя была таковой не только по имени, но и на деле. Фридрих полагал, что ему необходимо привлечь на свою сторону папу, чтобы сохранить корону. Забыв совершенно о непримиримой вражде между светской и духовной властью, он связал свои интересы с интересами папы; он дал ему клятвенное обещание смирить возмущившийся город и восстановить в старых границах отнятую у него область. Со своей стороны, Евгений обещал Фридриху, когда он усмирит Италию, короновать его и поражать врагов его грозным оружием отлучения от церкви.

Господство римской черни не было всегда мирным и спокойным. Было несколько мятежных восстаний, во время которых дворцы дворян и кардиналов были разграблены, а им самим нанесены оскорбления; во время народного бунта 1154 года был даже убит кардинал де Санта Пуденциана. Когда на папский престол вступил ловкий англичанин Адриан IV, то он, воспользовавшись первым удобным случаем, отлучил от церкви столицу христианского мира до тех пор, пока не будет изгнан Арнольд; это было перед Пасхой, и народ, пораженный, что ему придется встретить великий праздник без святого причастия, почти сразу покинул Арнольда, который был принужден удалиться в сельский замок одного из своих друзей. На следующий год Фридрих вступил в Рим, заключив предварительно с Адрианом условие относительно выдачи Арнольда. Покровителям последнего было предложено выдать его, и они исполнили это требование. Церковь постаралась отстранить от себя всякое нареkanie в мстительности; так как Арнольд был монах, то его, конечно, судил духовный суд, обвинивший его в ереси, а затем его передали, как осужденного еретика, в руки светской власти. Ему было обещано прощение, если он отречется от своих заблуждений, но он категорически отказался от этого, и последние минуты своей жизни провел в тихой молитве. Даже сами палачи до слез были тронуты его покорностью небесной воле, и ему оказали особую милость: его повесили, а потом уже сожгли его труп, а пепел бросили в Тибр, чтобы римляне не сохраняли его как святыню и не почитали Арнольда как мученика. Фридрих Барбаросса, говорят, скоро раскаялся, что предал этого несчастного, но уже было поздно; в непродолжительном времени ему пришлось пожалеть, что он лишился союзника, который изба-

вил бы его от унижительных поклонов перед папой Александром III¹.

Хотя непосредственное влияние Арнольда было кратковременно, но его деятельность имела большое значение как проявление чувства недовольства, которое пробуждали у передовых людей завоевательная тенденция и испорченность церкви. Арнольд потерпел неудачу в своем деле; он погиб потому, что не рассчитал точно, какие огромные силы были против него, но все же его мученическая смерть не прошла бесследно. Его учение оставило глубокие следы в умах народной массы, и его последователи в течение столетий тайно сохраняли его учение и чтили его память. Римская курия прекрасно понимала, что делала, когда бросила в Тибр пепел Арнольда; она заранее опасалась того действия, которое произвело бы на народную массу почитание праха своего народного мученика. Тайные общества арнольдистов образовались под именем «Бедных» и приняли учение, что таинства могут совершаться только руками непорочными и не оскверненными преступлением. В 1184 году арнольдисты были осуждены папой Луцием III на так называемом Веронском соборе; около 1190

---

¹ S. Bernardi «Epist.» 189, 195, 196, 243, 241.— Gualt. Mapes, «De nugis curialium», dist. I, cap. XXIV. Otton. Frisingens. «De gestis Frid. I», lib. I, cap. 27; lib. II, cap. 20.— Harduin. «Concl.», VI, II, 1224.— Martène, «Ampliss. Coll.», II, 554— 558.— Guntheri «Ligurin.», lib. III, 262— 348.— «Gesta di Federico I in Italia, descritti in versi latini da un anonimo contemporaneo», Рим, 1887, с. 31— 35.— Gerhohi Reichersperg. «De investig. Antichristi», I.— Baronii «Annal.» ann. 1148, № 38.— Jaffé, «Regest.», № 6445.— Vita Adriani PP. III (Muratori, III, 441, 442).— Saechsische Weltchronik, № 301.— Cantu, «Eretici d'Italia», I, 61— 63.— Tocco, «L'Eresia nel medio evo», с. 242, 243.— Comba, «La riforma in Italia», I, 193, 194— 199.— Bonghi, «Arnaldo da Brescia», Città di Castello, 1885

года о них упоминает Бонаккорси, и до XVI века имя их встречается в списках ересей, запрещенных целым рядом эдиктов и булл. Но есть одно доказательство того, что их забыли: знаменитый глоссатор Иоанн Андреас, умерший в 1384 году, замечает, что, по всей вероятности, эта секта получила свое имя от имени своего основателя.

Когда Петр Вальдо Лионский сделал попытку более мирным путем дать господство тем же идеям и когда его последователи образовали общину «Лионских Бедных», то их итальянские братья выразили готовность действовать сообща с новыми реформаторами. Правда, между учениями этих двух школ были некоторые различия, но они настолько незначительны, что обе школы слились, и церковь предала их вместе анафеме. Весьма близко к арнольдистам и «Лионским Бедным» стояли Umiliati; это не были еретики в полном смысле слова; это были странствующие миряне, которые, к великому соблазну духовенства, проповедовали и исповедовали¹.

Более серьезным и продолжительным по своим результатам было антисацердотальное направление,

---

¹ Lucii PP. III «Epist.», 171.— Bonacursi «Vit. Haeretic.» (d'Achery, т. I, 214, 215).— Constit. general. Erid. ann. 1200, § 5.— Ego же, Constit. Ravenn. ann. 1232.— Conrad. Urspersens ann. 1210.— Pauli Aemilii «De Reb. gestis Fran.» lib. VI (изд. 1569).— Nicolai PP. III, Bull. «Noverit Univergitas», 5 mart. 1280.— Julii PP. II, Bull. «Consueverunt», 1 mart. 1511.— Innocenti PP. III, «Regest.», II, 228.— Joann. Andreae «Gloss. super. cap. Excommunicamus» (Eymeric. «Direct. inquis.», с. 182).

Различия между французскими и итальянскими вальденсами указаны в послании последних к немецким вальденсам после собрания в Бергамо в 1218 году. Послание это было найдено Вильгельмом Прегером в Мюнхенской Королевской Библиотеке и напечатано в его труде: «Beiträge zur Gesch. der Waldesier im Mittelalter», Мюнхен, 1875.

невольным основателем которого в середине XII века явился Петр Вальдо. Это был богатый лионский купец, без особого образования, но страстно желавший познать истины Священного Писания. Для этого он приказал перевести Новый Завет, извлечения из Библии и выдержки из «Творений отцов церкви», известные под именем «Sentences». Он горячо принялся за их учение, выучил их наизусть и пришел к убеждению, что нигде в жизни не сохранилось апостольской чистоты, переданной нам в учении Иисуса Христа. Увлеченный евангельским идеалом, он предложил жене сделать выбор между движимостью и недвижимостью; она предпочла второе; тогда он распродал все свое движимое имущество; поместил двух своих дочерей в аббатство Фонтевро, а деньги раздал бедным, которые умирали тогда от голода. Передают, что после этого он пошел просить кусок хлеба к одному из своих друзей, который обещал давать ему в течение всей его жизни все необходимое для удовлетворения насущных потребностей; но жена Вальдо, узнав об этом, обратилась с жалобой к архиепископу, и он приказал ему брать хлеб только у жены. Отныне он посвятил свою жизнь проповедованию Евангелия по улицам и дорогам; к нему стекалось множество подражателей обоего пола, которых он рассылал как миссионеров по соседним городам. Они входили в дома, возвещая Евангелие людям; они проповедовали в церквях, толковали Писание на площадях и всюду находили слушателей, тем более внимательных, что духовенство, как мы видели выше, давно уже забросило дело проповеди. Следуя обычаям времени, они вскоре присвоили себе особое одеяние; причем, подражая апостолам, обулись в сандалии, откуда и получили имя *Insabbatati* или *Zaptati*, т. е. «Обутые»; сами же

себя они называли *Li Poure de Lyod*, т. е. «Лионские Бедные»¹.

---

¹ Chron. Canon. Laudun. ann. 1173 (Bouquet, XIII, 680). – Steph. de Borbone s. Bellavilla, «Lib. de VII Donis Spiritus», p. IV, tit. VII, cap. 3 (D'Argentré, «Coll. Judicior.», I, I, 85 и след.). – Richard. Cluniac. «Vit. Alex. PP. III» (Murat. III, 447). – David. Augustens. «Tract. de Paup. de Lugd.» (Martène, «Thesaur.» V, 1778). – Monetae, «adv. Cath. et Wald.», lib. V, cap. 1, § 4. – Pet. Sarnens., cap. 2. – Passav. Anon. «ap.» Gretser («Mag. Bib. Pat.», изд. 1618 г., т. XIII, с. 300). – Petri de Pilichdorf., «C. Haer. Wald.», cap. 1. – Pegnae «Comment.» 39 in Eymer. «Dir. inquis.», с. 280).

Я думаю, что никто теперь не защищает стремления вальденсов вывести свое происхождение от первых христиан через посредство леонистов и Клавдия Туринского. См.: Ed. Montet, «Hist. litt. des Vaudois», Париж, 1885, с. 32; Проф. Emil. Comba в «Riv. Christ.», июнь, 1882, с. 200–206, и «Riforma in Italia», I, 233. – Бернард Ги («Practica», Mss. Bib. Nat. Coll. Doat, т. XXX, 185 и след.), согласно свидетельству Ричарда Клунийского и Стефана Бурбона, относить первые шаги П. Вальдо к 1170 году; Ланский канон указывает на 1173 год.

Место и год смерти Вальдо неизвестны. Его французские последователи чтили его память и память его помощника Вивэ и ввели даже в свое учение утверждение, что оба они находятся в раю; но ломбардская ветвь секты допускала лишь то, что они могут быть среди избранных, если они перед смертью примирились с Богом; это различие во взглядах чуть было не вызвало раскол на собрании в Бергамо в 1218 году (W. Preger, «Beitr. zur Gesch. der Wald.», с. 58).

Литература вальденсов долгое время, под влиянием Петра Вальдо, сохраняла тенденцию заимствовать притчи у Отцов церкви. Толкование этих притч и библейских текстов отличается полным отсутствием оригинальности. Так, например, текст из «Песни Песней» (II, 15): «ловите нам лисиц, лисят, которые портят виноградники» обычно в средние века объясняли, подразумевая под лисицами еретиков, а под виноградником церковь. В папских буллах, призывающих инквизицию усилить свою деятельность, еретики часто сравниваются с лисицами, опустошающими вертоград Господа Бога. И вот вальденсы (этого примера достаточно) скромно повторяют это толкование (Montet, «Op. laud.», с. 66).

Начав поучать народ слову Божию и толковать правила религии, эти ревностные, но невежественные люди неизбежно должны были впадать в заблуждения, которые легко мог обличить любой богослов. С другой стороны, эти непризванные проповедники, призывая людей к покаянию и убеждая их стремиться к вечному спасению, понятно, не щадили пороков и преступлений духовенства. Скоро стали подниматься жалобы против новых евангелистов; Иоанн Прекраснорукий, архиепископ лионский, вызвал их к себе и запретил им проповедовать. Они ослушались и были отлучены от церкви. Тогда Петр Вальдо обратился к папе (по всей вероятности, к Александру III) с жалобой на архиепископа; папа одобрил его обет нищеты и разрешил проповедовать, если местное духовенство не будет иметь ничего против этого; первое время эта оговорка соблюдалась, но вскоре о ней забыли. “Бедные” не перестали выдвигать положения, все более и более опасные, и продолжали нападать на духовенство с возрастающей энергией. Тем не менее с церковью они не разрывали и в 1179 году были даже на Латеранском соборе, где предъявили свои толкования Священного Писания и ходатайствовали о разрешении им проповедовать. Присутствовавший при этом Готье Ман посмеялся над их невежеством и наивностью и с гордостью сказал, что ему было легко опровергнуть их положения, когда собор поручил ему исследовать их богословское учение. Он даже не чувствовал уважения к их святой нищете, к их подражанию апостолам и Христу. Позднее они просили у Рима разрешения основать орден проповедников; но Луций III отказал, ссылаясь на их сандалии, на их монашеские мантии и на то, что в их странствующих группах были и женщины, и мужчины; а

вскоре, рассерженный их упорством, он предал их анафеме на Веронском соборе 1184 года. Они не согласились отказаться от своей миссии и даже не считали себя отделившимися от церкви. Несмотря на новое отлучение на Нарбоннском соборе, они в 1190 году согласились на публичный диспут в Нарбонне, причем третейским судьей был избран Раймон де Давентер. Решение суда конечно было не в их пользу; но это собеседование крайне интересно, потому что из него видно, насколько к этому времени они удалились от учения католической церкви. Диспут вращался около следующих шести пунктов: 1) они не оказывают повиновения папе и прелатам; 2) все, не исключая и мирян, имеют право проповедовать; 3) согласно учению апостолов, Богу следует повиноваться более, чем человеку; 4) женщины могут проповедовать; 5) обедни, молитвы и милостыня на помин души не имеют никакого значения; некоторые из вальденсов, как говорят, отрицали при этом чистилище; 6) молитва, произнесенная в постели, комнате или конюшне, действительна не менее молитвы, произнесенной в церкви. Все это было, в сущности, не ересь, а восстание против духовенства; но из обличительного трактата, написанного тогда же по поручению папы Луция III Аленом де л'Иль, Doctor'ом Universalis, мы узнаем, что вальденсы способны были доводить свои принципы до крайних пределов и что они принимали некоторые учения, отличные от учений католической церкви¹.

---

¹ «Chron. Canon. Laudunens.» ann. 1177, 1178 (Bouquet, XIII, 682).— Stephani de Borbone l. c.— Richard. Cluniac., l. c.— David. Augustens., l. c.— Monetae, l. c.— Gualt. Mares, «De nugis curialium», dist. I, cap. 31.— Lucii PP. III, «Epist.», 171. — Conrad. Ursperg. ann. 1210.— Bernardi Fontis Calidi «Adv. Waldenses».

Вальденцы полагали, что следует повиноваться хорошим священникам, т. е. таким, которые ведут апостольскую жизнь, и что только эти безупречные священники имеют право вязать и разрешать грехи. Подобное учение наносило смертельный удар всему внутреннему строю церкви. И действительно, если личные заслуги, а не посвящение давали право совершать таинства и благословлять, то это мог делать и всякий простой человек, ведущий примерный образ жизни; а так как вальденсы полагали, что все они живут безупречно, то, следовательно, все они, без исключения, могли отправлять все священнические обязанности. Далее, отсюда вытекало, что богослужение и требы, совершаемые недостойными священниками, не имеют никакого значения; этот вывод французские вальденсы приняли после некоторого колебания, а итальянские – сразу, не задумываясь над ним. Учение, что исповедь перед мирянином так же действительна, как и исповедь перед священником, сильно подрывало значение таинства покаяния, хотя четвертый Латеранский собор не признавал еще, что исповедь должна быть даваема исключительно перед священнослужителем; даже сам Ален признает, что в случае отсутствия священника можно исповедоваться и перед мирянином. Затем вальденсы отрицали систему индульгенций как выдумку духовенства. Они признавали три существенных требования нравственности, которые являются отличительным признаком их секты: всякая ложь есть смертный грех; всякая клятва, даже и перед судом, запрещена; пролитие крови человеческой всегда недопустимо, даже на войне и по приговору суда. Последнее положение заключало в себе учение о непротивлении злу и умаляло опасность, которую вальденская ересь могла оказать на нравственную сторону общества. Значительно позднее, в 1217 году, один хорошо осведомленный современник

утверждал, что главные четыре заблуждения вальденсов состояли в том, что они носили сандалии, подражая апостолам, запрещали клятву и человекоубийство и учили, что всякий член их секты, ввиду того что носил сандалии, мог в случае надобности совершать таинство евхаристии¹.

Все это было вызвано наивным и искренним желанием следовать словам Спасителя и сделать Евангелие действительным руководством в повседневной жизни. Но если бы эти принципы получили всеобщее признание, они довели бы церковь до нищеты апостольских времен и уничтожили бы большинство различий между священнослужителями и мирянами. Сектанты были вдохновленные и истинные миссионеры; их ревность в поисках прозелитов была безгранична; они переходили из страны в страну, проповедуя свое учение и находя повсюду радушный прием; особенно сердечно относились к ним низшие классы, всегда готовые принять учение, которое сулило им освобождение от тирании порочного духовенства.

---

¹ Alani de Insulis «Contra Haereticos», lib. II.— Disputat. inter Cathol. et Paterni (Martène, «Thesaur.», V, 1754).— Rescript. Pauperum Lombard. 21, 22 (W. Preger, «Beitr.», 60, 61).— Eymerici «Direct. Inquis.», p. II, q. 14 (p. 278, 279).— Petri Sarnaii, «Historia Albigen.», cap. 2.— В 1321 году один мужчина и женщина, привлеченные тулузской инквизицией, отказались дать присягу; причем они причиной своего отказа выставили не только греховность присяги, но и убеждение, что мужчина, давший присягу, неминуемо захворает, а у женщины будет выкидыш («Lib. Sent. Inq. Tolosan.», изд. Limborch'a, 289).

Во время преследования пьемонтских вальденсов в конце XIV века инквизиторы, между прочим, предлагали всем еретикам вопрос о том, имеют ли, по их мнению, значение таинства, совершенные дурными священниками.— «Processus contra Valdenses» («Archivio Storico Italiano», 1865, № 39, p. 48).

Передают, что один из главных вальденских апостолов носил с собой разное платье, появляясь то в виде сапожника, то в виде цирюльника, то в виде крестьянина; возможно, что целью этих переодеваний было желание обмануть преследователей, но, с другой стороны, этот рассказ дает нам указание на то, среди каких классов общества проповедовали преимущественно вальденсы.

Число «Лионских Бедных» росло невероятно быстро по всей Европе; церковь начала серьезно беспокоиться – и не без основания, так как, по свидетельству одного древнего вальденского документа, во время Вальдо или в эпоху, следовавшую непосредственно за ним, на вальденских соборах в среднем собиралось до 700 человек.

В 1194 году, т. е. вскоре после нарбоннского собеседования, Альфонсом II Арагонским был дан сигнал к преследованию еретиков; опубликованный им по этому поводу эдикт интересен как первый (если не считать Кларендонских постановлений) пример в современном обществе издания светской властью закона против еретиков. Вальденсы и все другие, осужденные церковью, еретики были признаны государственными врагами, и им было предписано покинуть владения короля не позднее другого дня после дня Всех Святых. Всякий, кто даст им приют, кто накормит их и будет слушать их проповедь, будет судим по обвинению в государственной измене, а имущество его будет конфисковано. Всем священникам было приказано читать этот указ в церквях по воскресным дням, а всем чиновникам следить за его исполнением. Первый встречный мог безнаказанно ограбить еретика, не выехавшего через три дня после назначенного срока; всякое насилие и беззаконие в отношении его, кроме увечья и убийства, будет рас-

сматриваться не как преступление, а как поступок, сделанный в интересах короля. Жестокость этих постановлений, ставивших еретика вне закона, осуждавших его, не выслушав его объяснений, и без суда отдававших его на волю первого встречного, была через три года еще более увеличена сыном Альфонса, Петром II. На национальном соборе в Жероне в 1197 году он подтвердил указ своего отца, дополнив его костром для упорствующих еретиков. Если же какой-либо знатный сеньор отказывался изгнать из пределов своего владения этих врагов церкви, то было приказано чиновникам и всему населению епархии, без всякой ответственности за причиненные убытки, схватить его в его феодальном замке. Всякий, кто откажется принять участие в этом походе, будет подвергнут штрафу в 20 золотых монет. Наконец, все чиновники обязаны были через неделю явиться к епископу или его наместнику и принести присягу в том, что будут строго исполнять новый закон¹.

Характер этого узаконения показывает, в каком духе церковь и государство готовились выступить против умственного движения эпохи. Как бы ни были безобидны вальденсы, на них смотрели как на очень опасных врагов, как на людей, которых следует преследовать без всякой жалости. На юге Франции они были уничтожены одновременно с альбигойцами, хотя все отлично знали, что эти секты ничего общего между собой не имели. В актах инквизиции постоянно говорится «ересь и вальдесианизм», причем под ересью подразумевается катаризм, как ересь по пре-

---

¹ «Rivista Christiana», март 1887, с. 92.— Pegnae, «Comment.», 39 in Eymerici «Director.», p. 281.— Steph. de Borbone, 1. c.— Concil. Gerundens. ann. 1197 (Aguirre, V, 102, 103).— Marca Hispanica, p. 1384.

имуществу. Да и сами вальденсы считали катаров еретиками, на которых надо действовать словом убеждения, хотя преследования, которым они подвергались вместе с ними, заставляли их иногда объединяться¹.

В секте, распространенной на огромном пространстве, от Арагонии до Чехии, и состоявшей преимущественно из людей бедных и неграмотных, неизбежно должно было появиться различие в учении и во внутреннем строе, и самостоятельное развитие отдельных общин не могло идти одинаково всюду. Работы Дикгофа, Герцога и особенно Монте показали нам, что первые вальденсы отнюдь не были протестантами, в современном смысле слова, и что многие из них, несмотря на преследование, продолжали считать себя членами римской церкви, хотя в то же время неустанно указывали на ее недостатки, что приводило их сначала к расколу, а затем к ереси. У других же дух возмущения проявлялся гораздо быстрее, и вот почему нам, в пределах нашей работы, невозможно дать точную и полную картину учения вальденсов, которое так резко изменялось в пространстве времени и места.

В XIII веке, например, один инквизитор, хорошо знакомый с учением вальденсов, редактируя наказ для испытания их в вере, допускает, что они не верят, что Святые Дары суть тело и кровь Христова; и действительно, в 1332 году мы узнаем, что так смотрели на евхаристию савойские вальденсы. Но к этому же самому времени относится свидетельство Бернара Ги, что вальденсы верили в пресуществление; и Монте, на основании изучения их сочинений, доказал, что они, действитель-

---

¹ См.: «Sentences» Петра Целлы в собр.: Doat'a, XXII. – Montet, «Hist. litt. des Vaudois», 116 и след.

но, лишь позднее изменили свое мнение по этому вопросу. Инквизитор, сжегший в 1392 году на костре вальденсов Кёльна, говорит, что они отрицали пресуществление, но при этом добавляли, что если бы это чудо было возможно, то оно не совершилось бы в руках недостойного священника. Ту же неустойчивость мы видим в их учениях о чистилище, о предстательстве святых, о призывании Святой Девы и т. д. Бывший отличительной чертой этой секты при возникновении ее антисацердотальный характер, по мере ее дальнейшего развития, естественно, привел ее к отрицанию всех посредников, ставимых церковью между Богом и человеком, хотя, впрочем, развитие этого учения не было одинаково у всех вальденсов. Так, например, сожженные в 1212 году в Страсбурге вальденсы отрицали всякое различие между духовным и мирянином; а ломбардийские общины в то же время избирали себе посредников, частью пожизненных, частью временных. Французские и ломбардские вальденсы признавали в эту эпоху, что таинство евхаристии может быть совершаемо только священником, получившим посвящение; они расходились лишь в вопросе, необходимо ли при совершении этого таинства, чтобы священник был чист от смертного греха. Бернар Ги упоминает три иерархические степени у вальденсов – диакон, священник и епископ; Монте в одной рукописи 1404 года отыскал даже вальденский чин посвящения, а когда в 1467 году образовалась Община Чешских Братьев, то они обратились к вальденскому епископу Стефану с просьбой посвятить им первых епископов. Однако антисацердотальная тенденция стала настолько сильна, что различие между лицом духовным и светским в значительной степени сгладилось и «власть ключей» была совершенно отвергнута. В 1400 году Нобла Лейкцион заявляет, что со времени св. Сильвестра все папы, кардиналы,

епископы и аббаты не были в состоянии отпустить ни одного смертного греха, так как власть прощать имеет один только Бог; а раз признавали непосредственное общение души человека с Богом, то все индульгенции и так называемые дела благочестия уничтожались одним ударом. Вальденсы признавали, что вера без дел мертва, но добрые дела, говорили они, суть благочестие, раскаяние, любовь к ближнему и справедливость, а не хождение по святым местам, не механическое совершение обрядов, не сооружение церквей и не почитание святых¹.

Таким образом, вальденская система церковной организации была очень проста и стремилась к тому, чтобы стать еще более простой. Различие между

---

¹ Tract. de Paup. de Lugd. (Martène, «Thesaur.». V, 1792).— Wadding. «Annal. Minor.» ann. 1332, № 6.— Bern. Guidon. «Practica» P. V (Doat. XXX).— Montet, «Hist. litt.», с. 38, 44, 45, 89, 142.— Haupt, «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 1885, с. 551.— Pet. Coelest. (Preger, «Beiträge», 68, 69).— Kaltner, «Konrad von Marburg», 69—71.— Rescript. Paup. Lombard. § 4, 5, 17, 19, 22, 23.— Nobla Leyczon, 409—413 cp. Montet, с. 49, 50, 103, 104, 143.— Passaviens. Anon., cap. 5 («Mag. Bibl. Pat.», XIII, 300).— Disput. inter Cthar. et Paterin. (Martène, «Thesaur.» V, 1754).— David Augustens. (там же, с. 1778).— Lucae Tudens., «De altera Vita», lib. I, cap. 4—7.— Tract. de modo procedendi contra Haeret. (Doat. XXX).— Index Error. Waldens. («Mag. Bib. Pat.», XIII, 340).— P. de Pilichdorf, «Contra Waldenses», cap. 34.— Lib. Sent. Ing. Tolos., 200, 201.— Nobla Leyczon, 17—24, 387—405, 416—423.

Во всяком случае, было трудно отрешиться от старых суеверий. Вальденсы Померании в 1394 году верили, что, если человек умрет до истечения года со дня исповеди и разрешения его от грехов, душа его прямо пойдет в небо. Простая беседа со священником обеспечивала неосуждаемость в течение одного года. Известен даже один случай вклада восьми марок на помин души умершего.— Wattenbach, «Sitzungsber. der Press. Akad.», 1886, с. 51, 52.

светскими и духовными лицами было доведено до *minimum*'а. Мирянин мог исповедовать, крестить и проповедовать; в некоторых общинах в великий четверг каждый глава семьи причащал своих домашних, освящая для этого хлеб и вино и сам раздавая их. Было, впрочем, и у них правильно организованное духовенство, члены которого, известные под именем «Совершенные», или *Majorales*, поучали верующих и обращали неверующих. Они отрекались от всякой собственности и расставались со своими женами; некоторые из них с юных лет сохраняли самое строгое целомудрие. Эти священники обходили земли, исповедуя верных и привлекая новых последователей; жили они на добровольные подаяния трудящегося народа. Вальденсы Померании верили, что каждые семь лет двое из их священников возносились к вратам рая, где научались Божественной мудрости. «Совершенные» резко отличались от мирян тем, что последним разрешалось, уступая перед обстоятельствами, давать присягу, тогда как первые должны были скорее умереть, чем преступить правило, запрещающее клясться. Инквизиторы, жалуясь на то, что еретики очень ловко и хитро отражали их вопросы, признавали, что при этом они всегда думали более о спасении своих родственников и друзей, чем о самих себе¹.

Имея своей задачей восстановление евангельской простоты, религиозное учение вальденсов должно было прежде всего быть нравственным. Один несчастный на суде инквизиции в Тулузе на вопрос, чему его учили наставники, ответил: «Никогда не делать и не говорить ничего дурного; не делать другому,

---

¹ Passav. Anon., c. 5.— Bernard Guidon. «Practica P. V.».— David. Augustens. (Martène, «Thes.», V, 1786).— Steph. de Borb., 1. c.— Wattenbach, 1, c.— Lib. Sentent. Inq. Tolosan., стр. 352.

чего не хочешь себе; не лгать и не клясться». Учение, правда, простое, но которое оставляет мало желать в практической жизни. Подобный же ответ был дан целестинскому монаху Петру в 1394 году, когда он действовал среди владельцев Померании.

Гонимая церковь почти всегда сохраняет свою чистоту, и люди, которые в течение долгих и мрачных веков были вынуждены тайно и под вечным страхом костра распространять истинно-евангельское, по их мнению, учение, не могли запятнать свою высокую и святую миссию низкими пороками, в которых обвиняли их некоторые фанатики. И действительно, все преследователи, отдающие должное вальденсам, всегда признавали, что их внешний образ жизни достоин похвалы, и многие из них отмечали, насколько безупречная жизнь еретиков была выше жизни развратного католического духовенства. Один инквизитор, близко знакомый с вальденсами, описывает их в следующих выражениях: «Эти еретики отличаются нравами и языком, ибо они скромны и воздержны в речах. Они не проявляют суетности в одежде, которая всегда проста и чиста. Они никогда не пускаются в торговлю, боясь, что им придется обманывать и нарушать свое слово; они предпочитают жить личным трудом, как простые рабочие. Учителя их небогаты. Они не копят богатств, довольствуясь необходимым. Они умеренны и в пище и в питье. Они не посещают ни кабаков, ни балов, ни других каких-либо мест развлечения. Они умеют сдерживать свой гнев. Всегда найдете вы их за работой; а так как они то учат, то учатся, то у них остается мало времени на молитву. Их можно еще узнать по ясности и скромности их выражений; они избегают в разговоре шуток, пересудов, неприличных выражений, лжи и божбы. Они даже не говорят *vere* или *certe*, считая это

равносильным клятве». Таково официальное свидетельство, и ввиду его мы можем спокойно отвергнуть те рассказы, которые умышленно распространялись среди простого народа, чтобы возбудить его ненависть к вальденсам. Их обвиняли в грязных половых сношениях, тогда как в этом отношении им можно сделать один только упрек, что они, подражая первым христианам, доводили аскетизм до крайности. Вальденсы признавали, что половые сношения, даже между супругами, законны только в том случае, если имеется в виду продолжение рода. Один инквизитор открыто заявляет, что он не верит возводимым на вальденсов обвинениям в страшной распущенности, так как ему ни разу не удалось получить на этот счет ни одного свидетельства, достойного веры. Ничего подобного не находим мы и в судебных процессах против еретиков, пока инквизиторы Пьемонта и Прованса в XIV и XV веках не нашли выгодным для себя вымучивать пытками у своих несчастных жертв признания в чудовищных пороках¹.

Их упрекали еще в том, что они лицемерно скрывали свои верования, исправно посещая обедни и бы-

---

¹ Wattenbach, «Sitzungsber. der Preuss. Akad.», 1886, стр. 51.— Lib. Sentent. Inq. Tolosan., 367.— Anon. Passav., cap. 7, 8.— Refutat. Error. Waldens. «Mag. Bib. Pat.», XIII, 336.— David. August. (Martène, «Thesaurus», V, 1771— 1772).— Archivio Stotico Italiano, 1865, № 38, с. 39, 40.— Rorengo, «Memor. istoriche», Torino, 1649, с. 12.— Даже в конце XIV века в делах инквизитора, целестинского монаха Петра, действовавшего от Штирии до Померании, нет ни одного указания на безнравственное поведение вальденсов (Preger, «Beiträge», 68— 72; Wattenbach, 1, с.).

Относительно аскетического направления вальденсов, которые признавали обеты целомудрия и считали обольщение монахини равным кровосмешению, см. Montet, с. 97, 98, 108— 110. О их взглядах на пост см. там же, с. 99.

вая на исповеди; но это вполне извинительно для людей, которых постоянно гнали, на которых устраивались облавы и которые, по крайней мере в первое время, не могли другим путем получить причастия, признаваемого ими необходимым для получения вечного спасения. Смеялись над их скромной жизнью; и, действительно, это были крестьяне, работники и бедные люди, которых все презирали и которыми церковь интересовалась только тогда, когда нужно было потянуть с них денег, если они были католиками, или отправить их на костер, если они были еретиками.

Но главным преступлением вальденсов были их благоговейная любовь к Священному Писанию и ревность в обращении прозелитов. Пассауский инквизитор сообщает нам, что у них был полный перевод Библии на простонародный язык, который церковь тщетно старалась уничтожить и который они изучали с невероятным усердием. Этот инквизитор лично видел одного крестьянина, который знал наизусть всю книгу Иова; многие из вальденсов знали наизусть Евангелие, и, несмотря на всю простоту, они были опасными противниками на диспутах. А об их ревности в обращении других в свою секту тот же инквизитор рассказывает, что один вальденс в холодную зимнюю ночь переплыл Ипс в надежде совратить одного католика. Мужчины и женщины, молодые и старые, все без усталости учили и учились. После долгого трудового дня они целые ночи проводили за умственными занятиями; они не боялись проникать в больницы и утешать прокаженных; ученик, через десять дней учения, уже сам искал себе учеников. «Заучивайте, — говорили они, — по одному слову в день; в конце года вы будете знать триста слов и достигнете своей цели». Несомненно, если был когда-либо народ, боящийся Бога, то это были эти несчастные, го-

нимые и церковью, и государством, которые постоянно повторяли: «Св. Павел сказал: не лги», «св. Иоаким сказал: не клянись», «св. Петр сказал: не плати злом за зло, а добром за зло». Нобла Лейкзон в этом отношении не добавляет ничего к показаниям инквизиторов, говоря, что вальденсы шли на смерть исключительно за свою любовь к Иисусу Христу и за ревностное исполнение заповедей Бога.

Вполне понятно, что при всеобщей нравственной распушенности средних веков на аскетизм смотрели как на проявление ереси. В 1220 году одно духовное лицо из Шпейера, вступившее впоследствии в строгий францисканский орден, было присуждено к сожжению как еретик за то только, что его проповедь побудила нескольких женщин отказаться от своих украшений и начать вести скромную жизнь; своим спасением он был обязан заступничеству Конрада, впоследствии епископа в Гильдесгейме¹.

Как глубоко верили вальденсы в правоту своего учения, видно из того, что тысячи из них с радостью шли в тюрьму, на пытки и на костер, упорно отказываясь вернуться в лоно церкви, которую они считали удалившейся от истины. В моих разысканиях я наткнулся на такой случай: в 1320 году одна женщина была приговорена к ужасному наказанию как еретичка за то только, что она отказалась принять присягу; на все вопросы, касающиеся догматов веры, она отвечала как истинная католичка; но когда ей пред-

---

¹ Lib. Sentent. Inq. Tolos., c. 367.— Anon. Passav., cap. 1, 3, 7, 8.— Refutal. Error. Waldens. (Mag. Bib. Pat., XIII, 335).— David. Augustens (Martène, «Thesaur.», V, 1771, 1772, 1782, 1794).— P. de Pilichdorf, «Contra Error. Waldens.», cap. 1.— Innocent. PP. III, «Regest.», II, 141.— La Nobla Leyczon, 368—373.— Frat. Jordani Chron. («Analecta Franciscana», т. 1, с. 4. Quaracchi, 1885).

ложили спокойную жизнь под условием, что она присягнет на Евангелии, она отказалась принять на свою душу грех и предпочла пойти на костер¹.

Различные антисацердотальные секты довольно сильно отличались одна от другой; но в сравнении с теми, которые мы рассмотрели, остальные имеют очень мало значения и мало известны. Passagii или Circumcisi были жидовствующие христиане, которые стремились освободиться от римского владычества под сенью Ветхого Завета и отрицали божественность Иисуса Христа. Joseppini известны еще менее; по-видимому, они проповедовали крайний аскетизм и полное половое воздержание. Siscidentes были, вероятно, тождественны с вальденсами, от которых они отличались лишь способом совершения евхаристии. Ordibarii или Ortibenses, последователи Ортлиба Страсбургского, с успехом проповедовавшего в 1216 году, были также очень близки к вальденсам, но в то же время разделяли заблуждения того учения, о котором мы будем говорить ниже. Runcarii, по-видимому, занимали среднее положение между «Лионскими Бедными» и альбигойцами или манихеями; существование подобной секты было почти необходимо для того, чтобы создать звено между двумя главными ересями, последователи которых имели общие интересы и одинаково преследовались².

---

¹ Mss. Bib. Nat. Coll. Moreau, 1274, fol. 72

² Bonacursi, «Vit. Haereticorum» (d'Achery, I, 211, 212).— Lucii PP. III, «Epist.», 171.— Ch. Molinier, «Études sur quelques mss. des Bibliothèques d'Italie», Париж, 1887, с. 21.— Muratori, «Antiq. Diss.», LX.— Constit. General. Frid. II, ann. 1220, 85.— Lucae Tudens «De altera Vita», lib. III, cap. 3.— Anon. Passav. «C. Wald.», cap. 6.— P. de Pilichdorf «C. Wald.», с. 12.— Hoffmann, «Gesch. der Inquisition», II, 371.— Schmidt, «Hist. des Cathares», II, 284.

Молинье в своем ученом труде («Mem. de l'Acad. de Toulouse», 1888), подвергнув критическому анализу все наши сведения о Passagii, пришел к заключению, что они представляли секту катаров.

Глава III

КАТАРЫ

Религиозные движения, о которых мы только что говорили, были естественным результатом стремления возратить церкви простоту апостольских времен. Но отличительной чертой религиозного настроения этой эпохи было то, что самая горячая ненависть к Риму была основана на веровании, которое едва ли можно назвать христианским; это смешанное учение распространялось так быстро и сохранялось так упорно, несмотря на все принимаемые против него меры, что одно время оно угрожало даже самому существованию католицизма. Быть может, объяснение этого факта надо искать в том обаянии, которое производит дуализм — антагонизм вечных начал добра и зла — на умы тех, кто считает существование зла несовместимым с верховным владычеством бесконечно доброго и бесконечно могущественного Бога. Когда же к дуалистическому учению прибавляется учение о переселении душ, содержащее в себе и награды и наказания за земную жизнь человека, то легко прийти к убеждению, что найдено удовлетворительное оправдание людских страданий; и понятно, что в эпоху, когда страдания эти были почти общим уделом, как это было в XI и XII веках, люди были склонны объяснять учением дуализма происхождение зла. Но эти соображения не выясняют еще, почему манихейзм катаров, патаренов или альбигойцев не остался только умозрительной школь-

ной теорией, но сделался верой, до такой степени возбуждавшей слепой фанатизм, что верующие не отступали ни перед какой жертвой для распространения своего учения и спокойно всходили на пылающий костер. Широко распространенное и глубоко вкоренившееся убеждение, что христианство стало суетным благодаря своему сацердотализму, что оно удалилось от своего прообраза, что оно должно погибнуть, уступив место новой религии, может в значительной степени объяснить то бескорыстное рвение, которое вызвал неодализм среди людей бедных и неграмотных.

Из всех ересей, с которыми приходилось бороться церкви первых веков, ни одна не возбуждала столько опасений и такого к себе отвращения, как манихеизм. Манес так искусно соединил древнеперсидский дуализм не только с христианством, но и с гностицизмом и буддизмом, что его учение нашло себе последователей как в высших, так и в низших классах, как среди образованных людей, так и среди простых работников. Церковь инстинктивно почувствовала, что перед ней выступает новый и чрезвычайно опасный враг, и как только она получила возможность располагать поддержкой государства, она беспощадно начала преследовать манихеизм. Среди многочисленных указов императоров – и христиан, и язычников, – указов, направленных к подавлению свободы мысли, наиболее суровыми и жестокими были указы против манихеев. Преследование достигло своей цели, и после долгой борьбы в пределах империи были подавлены все внешние проявления манихеизма, но втайне это учение продолжало существовать даже и на западе империи. На востоке манихеизм также отодвинулся к границам империи, но все же продолжал сохраняться не только во внутренних провинциях, но и в самом Константинополе. Отказавшись от почитания Манеса, манихеи признали своими руково-

дителями двух других из своих ученых – Павла и Иоанна Самосатского, из которых первый дал еретикам свое имя – павликиане. Во время царствования императора Констанция, в 653 году, некто Константин разработал это учение, и оно удержалось, несмотря на ужасные преследования, встречаемые с тем же героизмом, который проявляли позднее манихеи Запада.

Оттесненные за границы империи, в земли сарацин, затем опять передвинувшиеся к границам империи, павликиане некоторое время жили независимо в горах Армении и, никому неизвестные, вели войны против Византии. В VIII и IX веках Лев Исаврянин, Михаил Куропалат, Лев Армянин и императрица-регентша Феодора тщетно старались их уничтожить; во второй половине X века Иоанн Цимисхий проявил веротерпимость и переселил огромное число их во Фракию, где они быстро размножились и показали себя одинаково способными как к мирным занятиям, так и к бранному делу. В 1115 году Алексей Комнен проводил лето в Филиппополе и вел богословские диспуты с еретиками, из которых многие, по словам его дочери, обратились в истинную религию¹. Почти непосредственно за переселением манихеев в Европу при Цимисхии мы встреча-

---

¹ Mosaic. et roman. leg. collat. tit. XV, § 3 (Hugo, 1465).– Const. 11, 12, cod. I. V.– P. Siculi «Hist. de Manichaeis».– Zonarae «Annal.», т. III, с. 126, 241, 242 (изд. 1557 г.).– Finlay «Hist. of Greece», 2-е изд., т. III, 65.

Другая манихейская секта – богомилы, имя которой славянского происхождения, – считалась средней между павликианами и катарами; но это не совсем верно, хотя они и могли иметь некоторое влияние на дуализм, смягченный отчасти этими еретиками. Их глава, Дмитрий, был живым сожжен Алексеем Комненом в 1118 году после долгих расследований. Богомилы продолжали пользоваться относительной свободой до XIII века, когда они окончательно ис-

ем на Западе новые следы ереси – доказательство того, что дух прозелитизма не ослаб у них с веками.

В своих основных положениях учение павликиан было тождественно с учением альбигойцев. Простой дуализм, или маздеизм, рассматривает вселенную как произведение творческих сил Ормузда и Аримана, причем каждый из них старается парализовать действия другого, откуда и в жизни и в природе происходит бесконечная борьба между добром и злом. Это учение объясняет причину существования зла и в то же время призывает людей прийти на помощь Ормузду, поддерживая его дело добрыми словами, добрыми помышлениями и добрыми делами. Под влиянием гностических умозрений Манес изменил это учение, отождествив добро с духом, а зло с материей; несомненно, это положение более тонкое и более философское, но оно неизбежно вело к пессимизму и крайностям аскетизма, так как душа могла выполнить свое назначение только при условии подавления и умерщвления плоти. Таким образом, в учении павликиан мы находим два равносильных начала: Бог и Сатана, из которых первый был творцом мира невидимого, духовного и вечного, а второй – мира видимого, вещественного и тленного. Иегова Ветхого Завета – это Сатана, а пророки и патриархи – его темные слуги, и поэтому надо отвергнуть все книги Ветхого Завета.

чезли. См.: Анна Комнен, кн. XV.– Georg. Cedren., «Sub ann. 20 Constant.».– Zonaras, т. III, с. 238.– Balamon, «Schol. in Nomocan.».– Tit. X, cap. 8.– Schmidt, «Hist. des Cathares», I, 13– 15; II, 265.

В середине XI века Пселл описывает другую манихейскую секту, называемую евхитской; евхиты учили, что Бог Отец управляет надзвездными сферами, управление небесами он поручил своему младшему сыну, а землй старшему. Последнего почитали под именем Сатанаки (Pselli «De oper. Daemon. dial.»).

Новый Завет является истинным Священным Писанием, но Христос не был человеком; это был призрак, фантом. Сын Бога, Он только по-видимому родился от Девы Марии, но в действительности сошел с неба, чтобы разрушить культ Сатаны. Переселение душ обеспечивает награду добрым и наказание злым. Таинства признавались не имеющими никакого значения, а священники и отцы – простыми наставниками. Таковы известные нам основные положения учения павликиан; тождество их с основными положениями учения катаров настолько очевидно, что мы не можем согласиться со Шмидтом, который выводит катаров из болгарских монастырей. Другое неопровержимое доказательство связи между катарами и манихеями представляет священное одеяние Совершенных у катаров: оно несомненно заимствовано у маздеев, у которых *Kosti* и *Sadere* были существенными частями одежды верующих¹. Те из катаров, которые носили священные одежды, были известны у инквизиторов под именем *haereticus indutus* или *vestitus* и считались посвященными во все тайны еретического учения².

---

¹ *Kosti* – полый цилиндрический пояс, сделанный из 72 сплетенных шерстинок белой шерсти и трижды охватывавший талию. *Sadere* – рубашка с длинными рукавами и маленьким карманом у ворота (J. Darmesteter, «*Zend-Avesta*», т. II, с. 243).

² P. Siculi op. cit. – Concil. Bracarense I, ann. 563. – Bleek, «*Avesta*», III, 4. – Naug, «*Essays*», 2-е изд., с. 244, 249, 286, 367.

О сходных положениях учения катаров см.: Radulf. Avdent., т. I, с. II, «*Hom.*», XIX. – Ermengaudi «*Contra Haeret.*». – Epist. Leodiens. ad Lucium PP. III (Martène, «*Ampliss Coll.*» I, 776–778). – Ecberti Schonaug. «*Serm. contra Catharos*», т. I, cap. VIII, XI. – Gregor. Episc. Fanens. «*Disput. cathol. centra haeret.*». – Monetæ «*adv. Cath.*», lib. I, cap. 1. – Arch. de l'Inquis. de Carcassone (Djat. XXXII, fol. 93). – Rainerii Saccon. «*Summa*». – Caeser. Heisterbac. «*Dial.*» dist. V, cap. 21. – Lib. Sent. Inquis. Tolos, с. 92, 93, 249

Но катаризм был верованием чисто антисацердотальным. Он отрицал весь церковный строй как нечто бесполезное; в глазах его римская церковь была синагогой Сатаны, спасение в которой было невысказано. Исходя из этого, он отрицал таинства, обеды, предстательство Девы Марии и святых, чистилище, мощи, иконы, кресты, святую воду, индульгенции и вообще все то, что, по словам священников, обеспечивало верным вечное спасение; равным образом катары осуждали десятинный налог и приношения, ко-

---

(Limborch.). – Lib. Confess. Inq. Albiens. (Mss. Bibl. Nat. fond. lat. 11, 847). – Trithem. «Chron. Hirsau.» ann. 1163.

Автор одного рукописного трактата против катаров, относящегося к концу XIII века, говорит, следуя Монэте, что возражения катаров против Ветхого Завета основывались на следующих четырех пунктах: 1) явное противоречие между Ветхим и Новым Заветом; 2) изменения в представлении Бога в Писании; 3) жестокость Бога в Писании; 4) лживость, приписываемая Богу. Приведем один пример того, как еретики доказывали истинность своего взгляда. Они приводили ст. 22 из гл. 3 Бытия. «Вот, Адам стал, как один из нас». Бог сказал это об Адаме после его грехопадения, и он должен был сказать правду или неправду. Если он сказал правду, то Адам стал подобен Богу; но Адам после своего падения сделался греховным, т. е. злом. Если Бог сказал неправду, то Он солгал; следовательно, Он согрешил, Он – зло. В опровержение этого ортодоксальный полемист ограничивается тем, что Бог в данном случае говорил иронически. Из всех рассуждений, приписываемых в этом трактате катарам, ясно видно, что они превосходно знали Писание, а употребление, которое они извлекали из своего знания, объясняет, почему церковь запрещала мирянам чтение Библии. – Arch. de l'Ing. de Carcass. Coll. Doat. XXXVI, 91.

В служебнике катаров, опубликованном Кунитцем, где приводятся цитаты из Исайи и Соломона («Beiträge zu den theolog. Wissenschaften», т. IV, 1852, с. 16, 26), откуда видно, что катары не вполне отвергали Ветхий Завет.

которые делали для духовенства прибыльным делом присвоенную ими себе заботу о спасении душ. Считая себя церковью Христовой, катары полагали, что они имеют право вязать и разрешать, данное Иисусом Христом его ученикам; *consolamentum*, или духовное крещение, смывало все грехи, но молитва не имела никакой силы, если грешник продолжал грешить.

Священное Писание катары переводили на народный язык, но в молитвах они сохранили язык латинский, и поэтому для большинства верующих молитвы были непонятны. Для отправления их крайне простого богослужения у них было особое посвященное духовенство; но быстрый рост общин и их ревность в обращении других в свою секту создали в скором времени необходимость в правильной организации и в иерархии. Катары называли себя просто «христианами»; над ними стояли избираемые из Совершенных епископ, *Filius Major*, *Filius Minor* и диакон. Всякое духовное лицо трех высших степеней имело при себе диакона, который помогал ему и в случае надобности заменял его; обязанности всех их были почти одинаковы; впрочем, главной обязанностью *Filii* было посещать членов церкви и наставлять их в вере. *Filius Major* избирался конгрегацией, а повышение его в сан епископа происходило, когда открывалась вакансия; посвящение совершалось через наложение рук, или *consolamentum*, которое заменяло крещение и было необходимым обрядом при вступлении в церковь. Так как учение, что таинства были недействительны, если совершались руками, оскверненными грехом, вызывало среди верных немало беспокойств, то часто *consolamentum* делалось два или три раза. Обыкновенно, но не повсеместно, признавали, что духовное лицо низшего сана не могло посвящать в высший сан, и поэтому во многих городах было по два епископа,

чтобы в случае смерти одного не было надобности прибегать для посвящения ему преемника к помощи *Filius Major*¹.

Ритуал катаров был суровым в своей простоте. Католическая евхаристия была заменена у них благословением хлеба, происходившим ежедневно за столом. Старейший из присутствовавших брал хлеб и вино, а остальные в это время читали молитву Господню; затем старейший со словами «Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет со всеми нами» преломлял хлеб и раздавал его присутствовавшим. Этот освященный хлеб пользовался особым уважением среди массы катаров, которые в большинстве были лишь верующие, *credentes*, и не были еще, как Совершенные, всецело присоединены к церкви. Часто они по целым годам сохраняли кусок освященного хлеба и время от времени съедали по крошке его. Перед едой и питьем катары всегда произносили молитву; если на трапезе присутствовал Совершенный, то восседавшие, перед тем как прикоснуться к пище или к питью, говорили *benedicite*, на что Совершенный отвечал: «*Diaus vos benesiga*». Ежемесячно происходила церемония исповеди, на которой присутствовали все верующие общины. *Consolamentum*, или *cossolament*, которое соединяло душу верующего со Святым Духом и, как христианское крещение, очищало от всякого греха, совершалось торжественно. Оно состояло в наложении рук и могло быть исполнено кем-либо из Совершенных, даже и женщиной, лишь бы лицо, совершающее его, не находилось в состоянии смертного греха; для выполнения обряда требовалось сослужение двух лиц. Этот способ принятия в церковь

---

¹ Tract. de modo procedendi contra Haereticos (Mss. Bibl. Nat. Coll. Doat, XXX, fol. 185 и след.).— Rainerii Saccon. «Samma».— E. Cunitz в «Beiträge zu den theol. Wissenschaften», 1852, т. IV, с. 30, 36, 85.

назывался инквизиторами *hereticatio*; обыкновенно, за исключением тех, кто желал вступить в число служителей церкви, к этому обряду прибегали лишь перед смертью; весьма возможно, что это обуславливалось боязнью преследований; но часто верующий, *credens*, присоединялся посредством обряда *la covenanta*, обязуясь принять *consolamentum* перед смертью; это обязательство должно было быть выполнено даже и в том случае, если умирающий был не в состоянии говорить и не мог отвечать на вопросы. Сам по себе обряд был несложен, но ему обыкновенно предшествовал продолжительный пост. Священнодействующий спрашивал вступающего: «Брат, желаешь ли ты принять нашу веру?» После многих коленопреклонений и благословений неофит отвечал: «Моли Бога обо мне, грешном, чтобы привел Он меня к благому концу и сделал из меня доброго христианина». На это священнослужитель отвечал: «Да услышит Господь Бог моление наше, и да соделает Он из тебя доброго христианина, и да приведет тебя ко благому концу. Отдаешь ли ты себя Богу и Евангелию?» Если от вступающего следовал утвердительный ответ, то его снова спрашивали: «Обещаешься ли ты, что отныне ты не будешь вкушать ни мяса, ни яиц, ни сыру, ничего животного, кроме водного и растительного; что не будешь говорить неправду, не будешь клясться, не будешь вести развратной жизни, не пойдешь один, если будешь иметь возможность найти спутника; что не отречешься от веры из боязни воды, огня или другого какого-либо наказания?» Если неофит давал требуемые от него обеты, то присутствовавшие склоняли колени, а священнодействующий накладывал ему на голову Евангелие и читал первую главу от Иоанна: «В начале бе Слово» и т. д., после этого он облакал его в священные одежды, и все присутствующие давали друг другу лобзание мира: мужчины целовались между собой, а женщины прикасались к локтю.

Эта церемония, при которой неофит давал обет вести чистую и безупречную жизнь, считалась символом отречения от Духа Зла и возвращения души к Богу. Если вступающий находился в браке, то требовалось обязательное согласие обоих супругов. Когда *hereticatio* совершалась на смертном одре, то обыкновенно она сопровождалась обрядом *endura*, или *privatio*. Священнодействующий спрашивал вступающего, желает ли он быть исповедником или мучеником; если он избирал последнее, то на уста ему накладывали подушку или салфетку (германские катары называли ее *Untertuch*) и в это время читали над ним известные молитвы. Если он выражал желание сделаться исповедником, то он три дня должен был провести без пищи, получая лишь немного воды для утоления жажды. Если он выздоравливал, то становился Совершенным. Среди катаров было распространено самоубийство, и нередко, чтобы лишить себя жизни, прибегали к обряду *endura*. Мучение, претерпеваемое перед смертью, освобождало, по мнению катаров, от мук загробного мира, и добровольное лишение себя жизни голодом, ядом, истолченным стеклом или открытием вен не было редкостью среди катаров; а родственники умирающего, со своей стороны, обыкновенно старались еще ускорить его конец, полагая, что этим они исполняют свой долг по отношению к нему.

Обряд сектантов, известный под именем *melioramentum* и называемый инквизиторами *veneratio*, имел в глазах последних большое значение, так как служил для них доказательством принадлежности к ереси. Когда верующий, *credens*, подходил к своему духовному лицу или прощался с ним, он трижды преклонял перед ним колени, говоря: «*Benedicite*», на что священнослужитель отвечал: «*Diaus vos benesiga*». Этим со стороны верующего выражалось уважение к Святому Духу, который, как думали, пребывал на священнослужите-

ле; об этом обряде часто упоминается в судебных процессах, так как он служил несомненным подтверждением виновности тех, кто совершал его¹.

Эти обряды, равно как наставления, даваемые при hereticatio, свидетельствуют о том, как сильна была у катаров тенденция аскетизма; и это было неизбежным последствием дуализма, лежавшего в основе их

---

¹ Raineri Saccon. «Summa». – Lib. Confess. Inquis. Albiens. (Mss. Bibl. Nat. fond. latin. 11, 847. – Coll. Doat. XXII, 208, 209; XXIV, 174; XXVI, 197, 259, 272. – Lib. Sent. Inquis., Tolos., с. 10, 33, 37, 70, 71, 76, 84, 94, 125, 126, 137–139, 143, 160, 173, 179, 199. – Bern. Guidon. «Pract. P.». IV, V Doat, т. XXX). – Landulf. Senior. «Hist. Mediol». II, 27. – Anon. Passaviens «Contra Waldens.», cap. 70. – Processus contra Valdenses («Archivio Storico Italiano», 1865, № 39, с. 57). – Описание обряда «hereticatio», сделанное нами по Rainerio Saccone, подтверждено в подробностях в свидетельских показаниях, данных перед тулузской инквизицией; отсюда очевидно, что оно было одинаково во всех катарских общинах. Doat, XXII, 224, 237 и след.; XXIII, 272, 344; XXIV, 71. См. также: Vaissete, III, «Preuves», 386, и Cunitz, «Beiträge», 1852, т. IV, с. 12–14, 21–28, 33, 60.

Обряд *endura* у катаров Лангедока изучал весьма тщательно известный Ш. Молинье («Annales de la Fac. des Lettres de Bordeaux», 1881, № 3). Этот обряд не всегда ограничивался тремя днями. Насколько строго соблюдали его, можно видеть из следующего примера: Бланш, мать Виталия Гильберта, пожелала, чтобы ее больной внук принял *consolamentum*, и не позволила его матери дать ему молока, что вызвало смерть ребенка. (Lib. Sentent. Inq. Tolos., с. 104). Теория Молинье, что этот обычай был относительно позднего происхождения, подтверждается отсутствием упоминаний о нем в служебнике катаров, опубликованном Куницем; с другой стороны, Аноним Пассауский и свидетельства, собранные во время пьемонтского процесса в 1388 году («Arch. Stor. loc. laud.»), подтверждают, что этот обряд существовал не только в Лангедоке.

В изречениях Петра Целлы (Doat, XXI, 295) приводится один случай, где *consolamentum* было произведено над лицом, находив-

учения. Так как все вещественное было создано Сатаной и было поэтому злом, то дух вел против него постоянную борьбу, и катары в своих молитвах просили Бога не щадить их тела, рожденного в грехе, но быть милостивым к их душе, заключенной в телесной оболочке, как в тюрьме (*No aias merce de la carn nada de corruptio, mais aias merce de l'esperit pausat en carcer*). Отсюда вытекало требование избегать всего, что вело за собой воспроизведение животной жизни. Чтобы подавлять плотские желания, катары три дня в неделю ели только хлеб и воду, исключая те случаи, когда они были в пути; кроме того, в году у них было три поста по сорок дней каждый. Браки также были запрещены, и лишь немногие еретики разрешали брак между девственными молодыми людьми и девственными девушками при условии, что они прекратят половые сношения после рождения первого ребенка. Более снисходительные дуалисты, безусловно запрещая брак для Совершенных, разрешали его простым верующим, но среди более строгих телесный брак заменялся духовным единением души с Богом, совершавшимся через обряд *consolamentum*. Катары были убеждены, что половое сношение было первородным грехом Адама и Евы, запрещенным

шимся в бессознательном состоянии, но затем выздоровевшим. Там же упоминается о молодых девушках, которые получили «perfectio» в очень молодых годах и носили священные одежды в течение определенного срока – два или три года (там же, с. 241, 244).

Когда в 1239 году Роберт де Бугр сжег в Монт-Вимере 183 катара, их вождь, известный под именем архиепископа «*de Moranis*», входя на костер, дал им «*consolamentum*» со словами: «Вы, получившие, таким образом, от меня отпущение грехов, получите спасение; один только я осужден, так как нет здесь никого выше меня, чтобы отпустить мне грехи» (*Alb. Trium Font. ann. 1239*).

плодом, посредством которого Сатана продолжает сохранять свою власть над людьми.

На показаниях перед судом Тулузской инквизиции в 1310 году об одном из наставников ереси было сказано, что он ни за какие блага мира не коснется женщины; в другом деле одна женщина показала, что ее отец, после того как над ним была совершена *hereticatio*, запретил ей прикасаться к нему, и она не нарушала этого запрещения даже у его смертного одра. Аскетизм катаров доходил до того, что им было запрещено употреблять в пищу все животного происхождения – мясо, яйца и молоко; исключение делалось только для рыбы¹. Осуждение брака, запрещение мяса и возбранение клятвы были главными внешними признаками, на которых основывались при привлечении к суду инквизиции. В 1229 году два видных тосканских катара, Петр и Андрей, публично в присутствии папы Григория IX отреклись от своих заблуждений; через два дня они торжественно засвидетельствовали искренность своего обращения, вкусив мяса перед соборанием епископов, что и отмечено в официальном протоколе².

---

¹ Потому, конечно, что рыбы размножаются *sine coitu*.

² S. Bernardi, «Serm.», LXVI, «in Cantic.», cap. 3– 7.– Ecberti Schonaug. «Serm.», I, V, VI, «Contra Catharos».– Bonacursi «Vit. Haeretic.».– Gregor. Fanens. «Disp. cathol. c. Haeretic.», cap. 1, 2, 11, 14.– Monetae «adv. Cath.», lib. I, cap. 1.– Cunitz, «Beitr. zu den theol. Wissenschaften», 1852, c. 14.– Radulf. Coggeshall. «Chron. Anglic.» (Bouquet, XVIII, 92, 93).– Evervini «Epist. ad S. Bern.», cap. 3.– Concil. Lombariens. ann. 1165.– Radulf. Ardent. T. I, p. II, hom. XIX.– Ermengaud. «contra Haer. opusc.».– Bonacursus, «contra Catharos» (Baluz et Mansi, II, 581– 586).– Alani de Insulis «contra Haeret.», lib. I.– Monetae «adv. Cath.», lib. IV, cap. VII, § 3.– Rainerii Saccon. «Summa».– Lib. Sentent. Inq. Tolos., c. 111, 115.– Coll. Doat, т. XXX, fol. 185 и след.; XXXII, fol. 93 и след.– Steph.

С течением времени столь широко распространенная ересь неизбежно должна была подразделиться. Среди итальянских катаров мы находим, с одной стороны, *Concorrezenses* (от места Конкоррецо близ Монца в Ломбардии) и с другой – *Vajolenses* (от Баньоло в Пьемонте), которые исповедовали видоизмененную форму дуализма; по их учению, Сатана был ниже Бога, который позволил ему создать мир и сотворить человека. *Concorrezenses* учили, что Сатана ввел в тело человека слегка согрешившего ангела, и они восстанавливали древнюю ересь традучианизма, утверждая, что все человеческие души произошли от этого бесплодного духа. *Vajolenses*, напротив, учили, что все души созданы Богом до сотворения мира и что они согрешили уже с того времени. Эти умозрения породили легенду, в которой Сатана является в роли правителя неба, обязанного собирать все хвалебные песни и псалмопения, которые ангелы должны были ежедневно возносить Богу. Восхотев сделаться равным Богу, Сатана похитил и сохранил для себя часть ангельских хвалебных песен; узнав об этом, Бог заменил Сатану архангелом Михаилом, а виновного с его участниками сверг. Тогда Сатана освободил часть земли от покрывавшей ее воды и создал Адама и Еву. Тщетно целых тридцать лет старался он вдохнуть в них души живые; наконец ему удалось сманить с неба двух сочувствовавших его делу ангелов, которые и вступили

---

de Borbone (d'Argentré, «Coll. judic. de novis error.», I, 1, 91). – Archiv. Fiorent. Prov. S. Maria Novella, Giugno 26, 1229.

Вскоре после основания инквизиции известный Иоанн Тейсейр, защищаясь пред судом инквизиции в Тулузе, сказал: «Я не еретик, так как имею жену, сплю с ней, имею детей, ем мясо, лгу, клянусь; я верующий христианин (Guil. Pelisso, «Chron.», изд. Молинье, 1880, с. 17). – См. также: «Sententiae» Петра Целлы (Doat, XXI, 223).

в тела Адама и Евы, а затем последовательно вселялись в тела Еноха, Ноя, Авраама и всех пророков, безуспешно ища себе спасения. Наконец, с приходом на землю Иисуса Христа их подвиг искупления окончился на Симеоне и Анне¹, и им было разрешено вернуться на небо. Души людей суть такие же падшие ангелы, проходящие длинный путь искупления.

Это верование было так распространено среди катаров, что привело их к учению о переселении душ, весьма сходному с подобным же учением буддистов, хотя и видоизмененному верованием, что сошествие на землю Иисуса Христа имело целью освобождение этих падших душ. Пока душа не становилась достаточно совершенной для того, чтобы вознестись к своему создателю как в Moksha или в поглощении в Браммы, она должна была пройти ряд последовательных существований. Но так как душа, для искупления своих грехов, могла входить в тела низших животных, то естественно, как в буддизме и браманизме, явился запрет убивать все живущее кроме насекомых и рыб. Катары, повешенные в Госларе в 1052 году, даже и у виселицы отказались резать цыпленка; в XIII веке это испытание считалось верным средством узнать еретика².

¹ Luc. III, 25–38.

² Rainerii Saccon. «Summa.» – Tocco. «L'Eresia nel medio aevo», стр. 75. – Gregor. Fanens. «Disput.», cap. IV. – Monetae «adv. Catharos», lib. I, cap. 1, 2, 4, 6. – Alani de Insulis «contra Haeret.», lib. I. – Ecberti Schonaug. «Serm.» I, XIII, contra Catharos. – Ermengaudi «contra Haeret. opusc.», cap. 14. – Millot, «Hist. Litt. des Troubadoures», II, 64. – Lib. Sentent. Inq. Tolosan., 84. – Gest. Episcop. Leodiens. lib. II, cap. 60, 61. – Stephani de Borbone (d'Argentré, «Collect. judic. de nov. Error.», I, I, 90. – Muratori, «Antiq. Ital. Diss.», LX.

Среди первых христиан учение о переселении душ находило много сторонников, так как им можно было объяснять кажущуюся несправедливость суда Бога. См.: Hieron. «Epist.», CXXX ad Demetriadem, 16.

Среди еретиков встречались редкие философские умы, которые сумели отрешиться от этих пустых умозрений и предвосхитили теорию современного рационализма. В глазах этих людей Природа заняла место Сатаны. Бог, создав мир, поручил его управление Природе, силе творческой и все уравнивающей. Даже произведение новых видов не есть действие Божественного промысла, а лишь проявление движения природы – эволюции, по современной терминологии. Эти натуралисты, как они себя называли, отрицали подлинность чудес; чудеса евангельские они старались объяснить, и объяснения их не менее правдоподобны, чем объяснение церкви; признавая, что природа управляет стихиями, они утверждали, что незачем обращаться к Богу с молитвой о ниспослании благоприятной погоды. Они оставили много сочинений, и один из их католических противников засвидетельствовал, насколько эти сочинения, в особенности «*Perpendicularium scientiarum*», были увлекательны; о последнем сочинении он говорит, что оно производило на читателей глубокое впечатление благодаря смешению в нем философских идей с удачно подобранными текстами Святого Писания¹.

Не касаясь слабых сторон учения дуализма, мы припомним, сколько впечатлительных и пылких умов доходило до толкований подобного рода, так как они живо чувствовали несовершенство человеческой природы и ясно видели противоречие между ею и созданным ими идеалом. Так, например, в 1560 году горячий реформатор Flacius Illyricus весьма близко подошел к мифам катаров и вызвал оживленные споры своим учением, что первородный грех не был простой случайностью, а вытекал из сущности человеческой природы. Он утвер-

---

¹ Lucae Tudensis, «*De altera Vita*», lib. III, cap. 2.

ждал, что в момент грехопадения человек совершенно и бесповоротно потерял образ и подобие Божие, что он стал подобием Сатаны, так как абсолютное добро изменилось в нем в абсолютное зло. Его друзья Musaeus и Judex вполне основательно доказывали ему, что это учение прямо вело к манихеизму¹.

Очень близко подходит также к манихеизму христианский аскетизм по своему отрицательному взгляду на плоть, которую он считает врагом души. «Многие, – пишет св. Франциск Ассизский, – согрешая или получая ущерб, обвиняют своего врага или своего соседа. Но это несправедливо, ибо всякий из нас имеет власть над своим врагом: единственный источник всякого греха – это наше собственное тело. Благословен раб, держащий в плену этого врага своего и стоящий на страже против его нападений; когда он ведет себя таким образом, ему не страшен никакой видимый враг». В другом месте св. Франциск заявляет, что тело его – самый страшный враг его и что он охотно отдал бы его демону².

По учению доминиканца Таулера, главы германских мистиков XIV века, человек, сам по себе, не что иное, как сосуд всякой скверны, существо, зачатое во зле и рожденное в грехе, могущее только внушать к себе отвращение; и этот взгляд разделяли даже те ученики Таулера, которые отличались редкой любовью и снисхождением к ближнему.

Так же далеко, как Манес или Будда, в своей ненависти к телу, этому источнику греха, идет Жан Жак Олье, основатель большой богословской школы в С.-Сюльписе. В своем «*Cathechisme du Chrethien pour la vie interieure*», который, насколько я знаю, и до сих

---

¹ См.: Herzog, «Abriss der gesammten Kirchengeschichte», III, 313.

² S. Francisci, «Admonit. ad. Fratres», № 9. Его же, «Apoph.», XXVII.

пор еще употребляется в С.-Сюльписской школе, он между прочим пишет следующее: «Я не удивляюсь, что вы говорите, что нужно ненавидеть свою плоть, что нужно питать отвращение к самому себе и что человек в своем настоящем виде должен быть презираем... Поистине, нет зла, нет такого бедствия, которые не должны бы упасть на него за его грешную плоть»¹. Спорить при подобных учениях о том, Бога или Сатану следует считать творцом такого отвратительного существа, как человек, значило бы спорить о словах. Заранее можно сказать, что творцом человека не мог быть всеблагий Бог, начало абсолютного добра.

Не было ничего привлекательного в учении катаров для людей чувственных, скорее, оно должно было отталкивать их, и если катаризм мог распространиться с поразительной быстротой, то объяснение этому факту нужно искать в недовольстве массы церковью за ее нравственное ничтожество и за ее тиранию. Хотя аскетизм, возводимый катарами в закон, и был совершенно неприменим в действительной жизни огромной массы людей, но нравственная сторона этого учения была поистине удивительна; и в общем основные его положения соблюдались в жизни строго, и остававшиеся верными церкви с чувством стыда и сожаления сознавались, что в этом отношении еретики стояли много выше их. Но, с другой стороны, осуждение брака, учение, что сношение между мужчиной и женщиной равносильно кровосмешению, и другие подобные преувеличения вызывали толки, что кровосмешение среди еретиков было обычным явлением; рассказывались небывалые истории о ночных оргиях, на которых сразу гасились все огни, а люди предавались свальному греху; а если после этого рождался

---

¹ Jundt, «Les amis de Dieu», Париж, 1879, с. 77, 229.— Ср.: Renan, «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», с. 206.

ребенок, то его держали над огнем, пока он не испускал дух, а потом из тела этого ребенка делали адские дары, обладавшие такой силой, что всякий, вкусивший их, не мог более выйти из секты.

До нас дошло много подобных рассказов, которые пускались в обращение с очевидной целью возбудить против еретиков народную ненависть; но не надо забывать, что инквизиторы, т. е. люди, знавшие лучше всех правду об еретиках, всегда утверждали, что все рассказы о тайном развороте катаров – пустая выдумка. Я перечитал много сотен судебных отчетов и приговоров и нигде не нашел даже намека на это, кроме нескольких следственных дел, веденных в 1387 году Фра Антонио Секко в альпийских долинах. Вообще же инквизиторы не тратили времени на розыски свидетельств в подтверждение заведомо ложных преступлений. «Если вы спросите еретиков, – пишет св. Бернар, – то окажется, что они самые лучшие христиане; в речах их вы не найдете ничего предосудительного, а дела их не расходятся со словами. Согласно своему нравственному учению, они никого не обманывают, никого не притесняют, никого не ударяют; щеки их бледны от постоянных постов, они не сидят сложа руки и трудами снискивают себе хлеб». Последнее заявление совершенно верно, так как катары, в большинстве случаев, были хорошие крестьяне и трудолюбивые работники, которые видели господствующее вокруг них зло и работали с надеждой на лучшее будущее. Богословы, состязавшиеся с ними, считали их невеждами и мужиками; во Франции они были известны под именем *Texerant* (ткачей), так как ересь особенно сильно распространялась среди этих скромных работников, монотонное занятие которых давало много свободного времени для размышлений. Но хотя масса катаров и была необразованна, их наставники были сведущие богословы, и у них была богатая

народная литература, всюду, к сожалению, бесследно погибшая, за исключением перевода Нового Завета и краткого служебника. Их глубокое знание Священного Писания засвидетельствовано Лукой, епископом тьюнским, который предупреждает христиан не вступать в богословские споры с катарами, если они не знают основательно Закона Божьего и не могут опровергнуть положений противника. Строгая нравственность катаров, насколько мы знаем, никогда не ослабевала; сто лет спустя после св. Бернара мы встречаем те же самые отзывы о нравственных достоинствах катаров, которые были высказаны в середине XIII века во Франции. Формула исповеди, которую они приносили в своих собраниях, показывает, насколько строго умели они предупреждать и подавлять суетность мысли и слова¹.

---

¹ Process. c. Vald. (Arch. Stor. Ital. 1865, № 38, 39).— «Summa c. haeret.» fratris Jacobi de Capitlis (Molinier «Études». c. 161).— S. Bern. «Serm. in Cant.», LXV, cap. 5; LXVI, cap. 1.— Gregor. Fanens. «Disput.», cap. 17.— Annon. Passav. «contra Wald.», c. 7.— Radulf. Coggeshall. «Chron. Anglic.» (D. Bouquet, XVIII, 93).— Concil. Remens. ann. 1157, c. 1.— Ecberti Schonaug. «c. Cath.» serm. I, cap. 1.— Cunitz, «Beitr. zu d. theol. Wiss.» 1852, IV, 4, 12–14.— Lucae Tudens. «de alt. Vita», lib. II, 9; lib. III, 5.— Lami, «Antich. Tosc.», c. 550.

По всей вероятности, катары уже в 1178 году имели переводы Нового Завета на народные языки; под этим годом записан диспут в Тулузе кардинала-легата с двумя катарскими епископами, совершенно не знавшими латинского языка, но весьма сведущими в Священном Писании (Roger. Hoveden. «Annal.» ann. 1178. См. также: Молинье, «Ann. de la Fac. des lettres de Bordeaux», 1883, № 3).

Аббат Иоахим подтверждает внешнюю порядочность катаров и говорит, что успеху их дела много содействовала развращенность духовенства (см.: Тоссо, «L'Eresia nel medio aevo», c. 403).

Рассказ о приготовлении даров из трупов младенцев, родившихся вне брака, был очень распространен и относился к разным сектам. В XI веке Пселль («de oper. Daem.») рассказывает это об евхитах; позднее это же рассказывалось в народных памфлетах о тамплерах и фратичеллях.

Но особенно страшна была для церкви способность катаров к соращению других в свою ересь; ни усталость, ни опасность не останавливали их. Их миссионеры ходили по всей Европе и всюду призывали к покаянию и обращению; их можно было встретить даже у подножий костров, на которых сжигались их братья. Наружно они выдавали себя за католиков и образцово соблюдали все церковные обряды, пока, заручившись доверием соседей, не начинали тайно трудиться над их обращением. Путешествуя, они раздавали свои листки, в которых не стеснялись извлекать выгоду даже из суеверий католичества; так, например, они сулили прощение грехов тем, кто будет читать листки и распространять их; или, например, выдавали себя за посланных от Самого Иисуса Христа и говорили, что их носят ангелы на крыльях своих. Рассказывают, что много католических священников перешли в ересь благодаря чтению этих листков, которые приносили им для прочтения их неграмотные прихожане; отсюда можно сделать грустный вывод о степени умственного развития духовенства той эпохи. Еще более достойный порицания прием был пущен в ход катарами Монку во Франции: они сделали образ Божьей Матери и нарисовали ее кривой и безобразной, говоря, что Иисус Христос, чтобы показать свое смирение, нарочно избрал Себе в матери такую безобразную женщину; затем они стали творить этим образом чудеса исцеления, притворяясь для этого больными; образ этот быстро прославился настолько, что многочисленные копии с него помещались повсюду в церквях и часовнях, пока еретики, к великому соблазну верных, не открыли своего обмана. Нечто подобное проделали и с распятием, у которого недоставало верхней перекладины и на котором ноги Спасителя были сложены крестом и при-

биты тремя гвоздями. Этот новый тип распятия вызвал много подражаний, пока, к великому смущению верных, не открылось, что он был сделан катарами в насмешку. В провинции Леон, как мы увидим ниже, были более наглые случаи обманов, которые также пользовались успехом¹.

Ревность к вере, доводившая усердие миссионеров до сумасшествия, проявлялась также в строгом соблюдении неофитами наставлений, преподанных им при вступлении их в ряды Совершенных. В этом отношении катары были вполне сходны с вальденсами. Инквизиция жаловалась, что ей с трудом удавалось добиться признания у простого верующего (*credens*), деревенская изворотливость которого часто торжествовала над искусством инквизиторов; но зато легко было обнаружить Совершенного, который никогда не говорил неправды и отказывался принести присягу. Один из инквизиторов не советует своим товарищам спрашивать у подозреваемого прямо: «Не катар ли ты?», так как ответом будет простое «да». Но если предложить Совершенному во имя его Бога сказать все, касающееся его, то он без утайки расскажет всю свою жизнь. Если принять во внимание, что эта откровенность вела на костер, то действительно интересно отметить, что ни одному инквизитору не приходила в голову мысль о нравственной высоте его жертв².

Мы с трудом можем представить себе, что, собственно, в учении катаров порождало энтузиазм и ревностное искание мученической смерти; но никакое другое веро-

---

¹ Ecberti Schonaug. «contra Cath.» serm. I, cap 2.— Caes. Heist. «Dial. Mir.» dist. V, cap. 18.— Luc. Tuden. «de alt. Vita», lib. II, cap. 9; lib. III, cap. 9, 18.

² Anon. Passav., c. 6.— Proc., c. Vald. (Arch. Stor. Ital., 1865, № 39, c. 57).

учение не может дать нам такого длинного списка людей, которые предпочитали бы ужасную смерть на костре вероотступничеству. Если бы было верно, что из крови мучеников рождаются семена церкви, то манихеизм был бы в настоящее время господствующей религией Европы. Во время первого преследования, о котором сохранились известия, а именно — во время преследования в Орлеане в 1017 году, тринадцать катаров из пятнадцати остались непоколебимы перед пылающими кострами; они отказались отречься от своих заблуждений несмотря на то, что им было обещано прощение, и их твердость вызвала удивление зрителей. Когда в 1040 году были открыты еретики в Монфорте и миланский архиепископ призвал к себе их главу Джерардо, то последний не замедлил явиться и добровольно изложил свое учение, счастливый, что ему представился случай запечатлеть свою веру ценой жизни. Катары, сожженные в Кёльне в 1163 году, произвели на всех глубокое впечатление тем радостным мужеством, с которым они встретили ужасную смерть. Когда они были уже в предсмертной агонии, то их глава Арнольд, по словам очевидцев, уже наполовину обгоревший, освободил руку и, протянув ее к своим ученикам, с невероятной кротостью сказал им: «Будьте тверды в вере вашей. Сегодня будете вы со святым Лаврентием». Среди этих еретиков была одна девушка поразительной красоты, возбудившая жалость даже у палачей; ее сняли с пылающего костра и обещали выдать замуж или поместить в монастырь; она сделала вид, что принимает предложение, и спокойно стояла, пока все ее товарищи не умерли мученической смертью; тогда она попросила своих сторожей показать ей прах «сворачивателя душ». Они указали ей тело Арнольда; тогда она вырвалась из их рук и, накрыв лицо платьем, бросилась на догоревшие останки своего учителя, чтобы вместе с ним сойти в преисподнюю. А еретики, открытые в это же время в Оксфорде, решительно отказались пока-

яться, повторяя слова Спасителя: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное». Осужденные на медленную и позорную смерть, они, предшествуемые своим вождем Герардом, весело шли к месту казни и громко пели: «Будьте благословенны, ибо люди гонят вас». Во время крестового похода против альбигойцев, когда был взят замок Минервы, крестоносцы предложили своим пленным на выбор – отречение или костер; нашлось до 180 человек, которые предпочли смерть, по поводу чего монах, повествующий об этом, замечает: «Без сомнения, все эти мученики дьявола перешли из временного огня в огонь вечный». Один хорошо осведомленный инквизитор XIV века говорит, что катары, если они не отдавались добровольно в руки инквизиции, всегда были готовы умереть за свою веру, в противоположность вальденсам, которые ради сохранения жизни не останавливались перед притворным отречением от ереси. Католические писатели из всех сил стараются уверить нас, что непоколебимая твердость в убеждениях у этих несчастных не имела ничего общего с твердостью христианских мучеников, но была просто ожесточением сердца, внушенным Сатаной; Фридрих II ставит катарам в вину их упорство, так как благодаря ему наказание, наложенное на виновных, не устрашало других¹.

---

¹ Rad. Glabri lib. III, c. 8. – Landulf. Senior. «Mediolan, Hist.» II, 27. – Caes. Heisterb. «Dial. Mirac.» dist. V, c. 19. – Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1163. – Guill. de Newburg. «Hist. Anglic.» lib. II, c. 13. – Guillel. Nangiac. ann. 1210. – Chron. Turon. ann. 1210. – Radulf. Coggeshall. «Chron. Anglic.» (D. Bouquet, XVIII, 93). – Bernard. Guidon «Practic.» P. IV (Doat, XXX). – S. Bernardi, «Serm. in Cantic.» LXV, c. 13. – Lucae Tudens. «de altera vita», lib. III, c. 21. – Constit. Sicular. lib. I, tit. 1.

Рассказ о молодой кёльнской девушке принимает несколько легендарную форму под пером Монеты, который переносит действие в Ломбардию (Cantu, «Eret. d'Italia», I, 88), но это лишь показывает, какое сильное впечатление производило мужество еретиков.

Вполне естественно, что манихеев обвиняли в поклонении дьяволу. Люди, сроднившиеся с повседневной церковной практикой, с покупкой всего просимого и желаемого ценой молитвы, вкладов и добрых дел, конечно, думали, что манихеи, признававшие Сатану творцом всего вещественного, призывали его, испрашивая себе земных благ. Земледелец не мог, например, просить Бога о даровании ему богатого урожая, но должен был молить об этом дьявола, которого считал создателем хлеба. Правда, была секта луциферриан (Luciferiani), которые боготворили Сатану, считая его братом Бога, несправедливо изгнанным с неба, и раздавателем земных благ; но эти сектанты, как мы увидим ниже, были близки к «Братьям Свободного Духа», которые сами произошли, по всей вероятности, от Ortlibenses. Мы не находим ни одного свидетельства, чтобы катары когда-либо поколебались в своей вере в Иисуса Христа или стремились к какому-либо иному благу, кроме единения с Богом¹.

Таково было верование, быстрое распространение которого по югу Европы, вполне понятно, испугало церковь. Какими бы ужасными ни казались нам средства, направленные к подавлению ереси, каким бы чувством сострадания ни проникались мы к несчастным жертвам убеждения, мы без всякого колебания можем утверждать, что при тех условиях вопрос о католицизме был также вопросом и о цивилизации и прогрессе. Если бы катаризм стал господствующей религией или даже религией, равноправной с католицизмом, то, несомненно, его вли-

---

¹ Radulf. Coggeshall. 1. c.— Pauli Carnot. «Vet. Aganon.» lib. VI, cap. III.— Campana, «Storia di San Pietro Martire», lib. II, c. 2, p. 57.— Fragn. adv. Haeret. (Mag. Bibl. Pat. XIII, 341).— Cp. Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1315.

яние было бы губительно. Если бы аскетизм, возводимый катарями в догмат в вопросе о половых сношениях, стал общим, то он неизбежно повлек бы за собой вымирание человеческого рода; а так как это явно нелепо, то весьма вероятно, что раньше, чем человечество примирилось бы с предстоящей ему гибелью и с идеей о возвращении всех изгнанных душ к их создателю Богу, брак был бы заменен свободным сожителем, что привело бы к разрушению идеи семьи. Осуждая видимый мир и вообще все вещественное как дело рук Сатаны, катаризм наносил тяжелый удар стремлению людей к улучшению внешних условий их существования; поэтому, если бы это верование распространилось среди большинства людей, оно привело бы Европу в дикое состояние первобытных времен. Проповедь катаров не была только восстанием против церкви, но и отрицанием человека перед природой. Подобное учение было осуждено уже в самом своем зародыше, и мы с трудом можем понять, как оно могло удерживаться так упорно и так долго хотя бы и пред лицом церкви, возбуждавшей к себе так много презрения и ненависти. Конечно, преследование вызывало экзальтацию и помогало катаризму находить себе последователей между энтузиастами и недовольными; но мы опять повторяем, что, если бы катаризм одержал победу и сохранился в своей первоначальной чистоте, он неизбежно погиб бы под давлением своих собственных основных заблуждений, и, кроме того, он породил бы жреческое сословие, не менее привилегированное, чем католическое духовенство, и на нем не замедлило бы отразиться развращающее действие человеческого честолюбия, этого неиссякаемого источника всякой неправды и всякого гнета.

Почва для восприятия катаризма была, по всей вероятности, подготовлена старым манихеизмом, продолжавшим жить отчасти кое-где в глуши. В 563 году собор в Брага в Испании счел нужным предать анафеме догматы манихеев, посвятив им семнадцать канонов. В первой половине VIII века в римской диоцезе всякому вновь посвященному епископу напоминали папское предостережение не принимать уроженцев Африки в монашеские ордены, так как опыт показал, что среди них много манихеев. У Муратори напечатана анафема на латинском языке, которая направлена против учения манихеев, и она, относясь к 800 году, свидетельствует, что в это время в Западной Европе были еще манихеи. Как мы уже упоминали, около 970 года Иоанн Цимисхий переселил павликиан во Фракию, откуда они очень быстро распространились по всему Балканскому полуострову. Когда в 1097 году крестоносцы, под начальством Богемунда Тарентского, прибыли в Македонию, они узнали, что все жители города Пелагонии были еретики; они остановились и после долгой осады взяли город, сровняли его с землей и перебили все его население. В Далмации павликиане основали приморский город Дугунтию (Trau), который стал местопребыванием одного из главных их епископов; в эпоху Иннокентия III число павликиан в славянских землях полуострова было огромно, они совращали местных жителей целыми толпами и причиняли папе немало хлопот. Даже тогда, когда катары стали очень многочисленны в Западной Европе, они не забывали, что главный стан их находился на правом берегу Адриатики. Там же под влиянием богомилов зародилась та форма дуализма, которая известна под именем конкоррецианизма, и катары

добровольно обращались к балканским епископам за разрешением возникавших между ними богословских недоразумений и споров¹.

Вскоре после водворения манихеев в Болгарии влияние их миссионеров сказалось и на Западе. Правда, от этой эпохи до нас дошло мало документальных известий, и нам часто приходится довольствоваться случайными указаниями; но если мы видим, что Герберт д'Аурильяк, избранный в 991 году реймским архиепископом, счел необходимым в своем исповедании веры заявить, что Сатана творит зло по своей доброй воле, что Ветхий и Новый Заветы имеют равное значение, что брак и употребление мяса в пищу разрешены, то мы вправе заключить из этого, что павликианское учение проникло уже на севере до Шампани и, по-видимому, катаризм свил здесь себе гнездо очень рано; по крайней мере, уже в 1000 году один крестьянин из деревни Вертю, по имени Летард, был уличен в распространении антисацердотального учения, очевидно манихейского происхождения; говорят, что он утопился в колодце, когда его обвинения были опровергнуты епископом Либурнием. Но замок Мон-Вимер, в окрестностях Вертю, долгое время оставался центром ереси. К этому же времени относится рассказ о равеннском грамматике Вильгарде, который по внушению злых духов, являвшихся ему в виде Вергилия, Горация и Ювенала, составил из латинских поэтов непогрешимое руководство к

---

¹ Concil. Bracarens. I, ann. 563, cap. I–XVII. Cp.: C. Bracarens. II, ann. 572, cap. LVII.– Lib. Diurn. Roman. Pontif. cap. III. Tit. 9, n. 3.– Murat. «Anecd. Ambros.» II, 112.– Guill. Tyrii lib. II, c. 13.– Innocent. PP. III «Reg.» II, 176; III, 3; V, 103, 110; VI, 140, 141, 212.– См. также любопытное письмо одного патарена у Matt., Paris, «Hist. Angl.» ann. 1243 (изд. 1644, с. 413).

жизни и распространял учение, во многом несогласное с верой. По всей вероятности, его учение в основе своей было манихейское; оно не могло быть слепым культом классических авторов, так как эта эпоха была чересчур уж груба, чтобы в ней мог стать популярным подобный культ; к тому же мы знаем, что Вильгард имел многочисленных учеников по всем городам Италии и что после осуждения их учителя Петром, архиепископом равеннским, они были частью сожжены, частью перебиты. Эта же ересь распространилась в Сардинии и Испании, где она была подавлена с невероятной жестокостью¹.

Немного позднее катары появляются в Аквитании, где они многих совратили в ересь, которая оттуда тайно распространилась по всему югу Франции. В 1017 году ее обнаружили даже в Орлеане при обстоятельствах, обративших на нее всеобщее внимание. Зараза была занесена туда пришедшей из Италии женщиной, которая совратила много видных лиц местного духовенства; они, с ревностью неофитов, стали распространять новое учение и необдуманно послали для этого в разные стороны проповедников, что и обнаружило их. Узнав об этом, король Роберт Благочестивый немедленно поспешил в Орлеан вместе с королевой Констанцией и созвал совет епископов, чтобы решить, какие принять меры к подавлению ереси. Признанные на допрос еретики исповедовали свою веру и заявили, что они скорее умрут, чем отрекутся от нее. Народ был так враждебно настроен против еретиков, что Роберт поставил королеву у дверей церкви, где происходило собрание, чтобы народ не разорвал еретиков, когда они будут входить в церковь. Но королева разделяла народную нена-

---

¹ Gerberti «Epist.» 187. – Radulphi Glabri lib. II, c. 11, 12. – Epist. Leodiens. ad Lucium PP. II (Martène, «Ampliss. Coll.» I, 776–8).

висть к еретикам и, когда их вели, ударила одного из них (своего духовника) палкой так сильно, что выбила ему глаз. Еретиков вывели за городские стены и там, пред пылающим костром, им предложили отречься от своих заблуждений; они предпочли смерть, и их мученический конец порастил всех присутствовавших. Все соvrащенные ими были разысканы и без всякой жалости сожжены. В 1205 году новый очаг ереси был открыт в Люттихе, но эти еретики проявили меньшую твердость и получили прощение, после того как отреклись от своих заблуждений.

Примерно в это же время появились еретики и в Ломбардии, в замке Монфорте, близ Асти; их безжалостно преследовали соседние сеньоры и епископы и сжигали повсюду, где находили. Около 1040 года архиепископ Миланский Эриберто, объезжая свою епархию, посетил Асти и, услышав рассказы об этих еретиках, пожелал посмотреть их. Они явились без всякого колебания, захватив с собой своего учителя Герардо и графиню Монфорте, которая также принадлежала к их секте; все горячо исповедовали свою веру, и Эриберто, в надежде обратить их, взял их с собой в Милан. Не думая оправдать надежд епископа, они, наоборот, старались распространять свою ересь между любопытными, стекавшимися толпами к их тюрьме; кончилось тем, что возбужденная чернь, вопреки воле епископа, вытащила их из тюрьмы и предложила им выбор между крестом и костром. Многие сдались, большинство же, закрыв лицо руками, бросилось в пламя. В 1045 году еретики появились в Шалоне; епископ Рожер обратился к люттихскому епископу Вазо с вопросом, что ему делать с ними и не следует ли ему обратиться к светской власти, чтобы погасить ересь в зародыше, пока она не охватила всего населения; добродушный Вазо ответил, что их

надо оставить на волю Бога, «ибо, – добавил он, – те, кого сегодня мир считает плевелами, быть может, когда наступит жатва, будут собраны Богом вместе с пшеницей». «Те, – писал он дальше, – кого мы считаем врагами Бога, могут быть помещены Им на небе выше нас». Вазо уже слышал, что еретики выделялись бледным цветом лица и что духовные судьи, воображая, что всякий бледный должен быть еретиком, отправили на тот свет огромное число добрых, но бледных католиков, и это заставило его быть осмотрительным в своем ответе.

Уже в 1052 году ересь появляется в Германии, где благочестивый император Генрих Черный перевешал много еретиков в Госларе. В последние годы XI столетия об еретиках слышно было мало, хотя о них поднимался в 1056 году вопрос в Тулузе, а в 1062 году в Базье; в 1200 году ересь охватила уже всю Ажанскую епархию¹.

---

¹ Ademari S. Cibardi «Hist.» lib. III, c. 49, 59. – Pauli Carnot. «Vet. Aganon», lib. VI, c. 3. – Frag. Hist. Aquitan. et Frag. Hist. Franç. (Pithoei «Hist. Franç. Script.» XI, 82, 84). – Radulf. Glabri «Hist.» III, 8; IV, 2. – Gesta Synod. Aurel. circa 1017 (d'Achery I, 604–6). – Chron. S. Petri Vivi. – Synod. Atrebat. ann. 1025 (Labbe et Coleti XI, 1177, 1178; Hartzheim, «Concil. German.», III, 68). – Landul. Sen. «Mediol. Hist.», II, 27. – Gesta Episcop. Leodiens. cap. 60, 61. – Hermann. Contract. ann. 1052. – Lamberti Hersfeldensis «Annal.» ann. 1053. – Schmidt, «Hist. des Cathares», I, 37. – Radulf. Ardent. T. I, P. II, Hom. 19.

Мнение, что бледный цвет лица указывает на принадлежность к ереси, не было новинкой во время Вазо. В IV веке бледность считали верным признаком аскетизма гностиков и манихеев – присциллиан (Sulpic. Severi «Dial.» III, cap. XI), и св. Иероним сообщает нам, что православные, бледные от постов и умерщвления плоти, нередко принимались за манихеев (Hieron «Epist. ad Eustoch.» c. 5). До самого конца XII в. бледность считалась признаком катализма (P. Cantor. «Cerb. abbrev.», c. 78).

В XII столетии зло стало распространяться по северу Франции. Покровителем еретиков считался граф Иоанн Суассонский; но, несмотря на это, суассонский епископ Лизиард захватил нескольких из них и первый применил к ним, в целях обнаружения их виновности, суд Божий, что стало впоследствии правилом. Один из осужденных, брошенный в воду, над которой было произнесено заклинание, всплыл на ее поверхности; сильно смущенный этим, епископ заключил их всех в тюрьму, а сам отправился на собор в Бовэ (1114 г.), чтобы посоветоваться с другими епископами. Но чернь не разделяла сомнений епископа: боясь, что добыча ускользнет из ее рук, она ворвалась в тюрьму и сожгла всех еретиков в отсутствие епископа; составитель хроники с похвалой отзываясь об этом проявлении благочестивой ревности.

В это же время новый очаг катаризма был открыт во Фландрии. Ересиарх, призванный епископом г. Камбрэ, открыто исповедовал свои убеждения, и его заперли в хижину, которую подожгли со всех сторон, где он и умер, славославя Бога. В этом случае чернь, по-видимому, была на стороне осужденного, так как она позволила его друзьям собрать его останки; и здесь-то обнаружилось, как много было у него сторонников, особенно среди ткачей. В это же время папа Паскаль II писал констанцскому епископу, что еретиков, вернувшихся в лоно церкви, следует принимать как друзей; отсюда мы можем заключить, что катаризм проник уже и в Гельвецию¹.

По мере удаления от XI века случаи обнаружения ереси становились более частыми. В 1144 году ее отмечают в Люттихе, в 1153 году – в Артуа, в 1157 году –

---

¹ Guibert. Novigent. «de vita sua», lib. III, cap. 17. – Schmidt, op. 1, I, 47. – Martène, «Thesaur.», I, 336.

в Реймсе, в 1163 году – в Везеле, где в то же время была сделана знаменательная попытка – свергнуть светский суд аббатства св. Мадлены. В 1170 году катаризм проявляется в Безансоне, а в 1180 году его снова обнаруживают в Реймсе. Последний случай представляет интересные и картинные подробности, сохраненные нам одним из действующих лиц драмы, неким Жерве де Тильбюри, бывшим в то время еще молодым каноником в Реймсе. Однажды после полудня он ехал верхом в свите своего архиепископа Гильома, как вдруг его внимание привлекла красивая девушка, работавшая одна в винограднике; недолго думая, он обратился к ней с любезными предложениями, но она отвергла их, говоря, что, если послушается его, будет бесповоротно осуждена. Такая строгая добродетель была очевидным признаком ереси, и архиепископ тут же приказал отвести девушку в тюрьму, по подозрению в катаризме (в это время только что окончилось безжалостное преследование катаров Филиппом Фландрским). Обвиняемая была допрошена архиепископом и назвала имя женщины, наставившей ее; последняя была немедленно схвачена и на допросе проявила такое знакомство со Священным Писанием, что ни у кого не осталось сомнения, что ее учил ответам сам Сатана. Сбитые с толку богословы отложили дело до другого дня; обе обвиняемые решительно отказались уступить, несмотря ни на угрозы, ни на обещания, и их единогласно приговорили к сожжению. Тогда старшая из женщин громко рассмеялась и сказала: «Судьи несправедливые и безумные! Неужели вы думаете, что сожжете меня на вашем огне? Не боюсь я вашего приговора, мне не страшен ваш костер!» И с этими словами она вынула из-под платья клубок ниток и, держа нитку за конец, бросила его за окно, громко при этом закричав:

«Возьми его!» Клубок взвился на воздух; женщина вылетела за ним из окна и пропала... Молодая девушка осталась и безропотно приняла смерть на костре.

В 1208 году катаризм появился в Бретани, именно в Нанте и С.-Мало¹.

Во Фландрии ересь пустила глубокие корни между промышленниками и мастерами, которые в это время сделали города центрами богатства и прогресса. В 1162 году реймский архиепископ Генрих, во время своего пребывания во Фландрии, составлявшей часть его провинции, нашел там широко распространившийся манихеизм. В эту эпоху в каноническом праве не было ясных и точных законов относительно ереси, и архиепископ, хотя и заключил еретиков в тюрьму, позволил им, однако, обратиться к папе Александру III, бывшему тогда в Турени. Папа проявил милосердие, к великому стыду архиепископа и брата его Людовика VII, которые советовали применить строгость и настаивали, чтобы обвиняемые за получение свободы уплатили огромный штраф – в 600 марок. Несомненно, папа вынес подобное решение потому, что ересь распространилась уже и в высших слоях общества; но, несмотря на милостивое отношение папы, преследование началось с такой силой, что многие еретики были вынуждены покинуть страну; позднее мы находим их в Кельне. Однако двадцать лет спустя зло оказалось еще более распространенным, и Филипп, герцог фландрский, впоследствии умерший в Палестине, вместе с реймским архиепископом Гильомом ревно-

---

¹ Epist. Leodiens. ad Lucium PP. II (Martène, «Ampl. Soll.» I, 776– 778).– Alex. PP. III «Epist. 2» (там же, II, 628).– Concil. Remens ann. 1157.– Hist. Monast. Vezeliacens., lib. IV, ann. 1167.– Saes. Heisterb. «Dial. Mirac.» dist. V, c. 18.– Radulf. Coggeshall. ubi supra.– Innocent. PP. III «Reg.» IX, 208.

стно преследовал еретиков. Современные свидетельства передают, что ересь была распространена среди всех сословий; были среди еретиков дворяне, крестьяне, духовные лица, солдаты, ремесленники, молодые девушки, замужние женщины и вдовы; много из них было сожжено, но зараза не была уничтожена¹.

Население германских стран стояло сравнительно в стороне от религиозного движения, хотя близкое соседство рейнских провинций и Франции вызывало отдельные случаи проявления ереси. От 1100 года до нас дошло известие о нескольких еретиках в Трире, которые, по-видимому, остались безнаказанными, хотя двое из них были священниками; в 1200 году в том же городе было снова обнаружено восемь человек еретиков, некоторые из них были преданы суду, но, пока тянулось дело, чернь захватила пленников в свои руки и тут же сожгла их. По-видимому, в Кельне в эту эпоху уже существовала правильно организованная катарская церковь, так как один из сожженных называется епископом. В 1163 году в Кельне были обнаружены восемь мужчин и три женщины, пришедшие сюда из Фландрии, где в это время свирепствовало гонение. Так как они держались в стороне от других и не ходили в церковь, то соседи их, католики, решили, что это еретики, схватили их и привели к епископу; они исповедовали свою веру и радостно пошли на костер. В это же время другие еретики были сожжены в Бонне. Вот и весь список еретиков, замученных в Германии в XII веке. Несомненно, заходили в немецкие страны миссионеры из Венгрии, Италии и Франции; они встречаются в

---

¹ Alex. PP. III «Epist.» 118, 122.— Vartior. «ad Alex. PP. III Epist.» № 16.— Annal Aquicinetens. Monast. ann. 1182, 1183.— Guill. Nangiac. ann. 1183.

Швейцарии, Баварии, Швабии и Саксонии, но число новообращенных ими было невелико¹.

Не более процветала ересь и в Англии. Вскоре после начала преследования во Фландрии, в 1166 году, были обнаружены в Англии тридцать человек, мужчин и женщин, по-видимому фламандцев, которые, убегая от благочестивого рвения Генриха Реймского, перебрались за море и выступили там с проповедью своего учения. Им удалось соблазнить только одну женщину, да и та отреклась на суде от своих заблуждений; сами же они остались непреклонны. Тогда Генрих, поглощенный ссорой с Бекетом и желавший подчеркнуть свою верность церкви, собрал под своим председательством собор епископов в Оксфорде, чтобы выяснить вопрос о религиозных воззрениях лиц, привлеченных к ответственности. Последние признались во всем и были присуждены к наказанию кнутом, заклеены знаком ключа на лице и изгнаны из страны. Какое значение Генрих II придавал этому делу, видно из того, что вскоре после этого на Кларендонском заседании он особым постановлением запретил принимать еретиков под страхом разрушения дома лица, принявшего их; в то же время он потребовал от шерифов присяги, что они будут строго соблюдать этот закон и потребуют подобную же присягу от всех управляющих имениями баронов, от всех рыцарей и от всех владельцев свободных земель; после падения Римской империи это был первый случай внесения закона против религиозных убеждений в сборник королевских указов.

---

¹ Histor. Trevirens. (d'Achery, II, 221, 222).— Alberic. Trium Font. «Chron.» ann. 1200.— Evervini Steinfeld. «Epist». (S. Bernardi «Epist.» 472.— Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1163.— Ecberti Schonaug. «contra Cathar.» serm. VIII.— Schmidt, I, 94—96.

Я уже не раз отмечал, с каким героизмом осужденные принимали наказание; то же было и теперь: обнаженные до пояса, безжалостно избитые плетями, заклеянные раскаленным железом, они были в суровую зиму изгнаны в деревню, где погибли все вместе, так как никто не хотел дать им приюта. Англия оказалась страной негостеприимной для ереси, и в течение долгого времени мы не находим в ней следов ереси. Только в конце столетия было обнаружено несколько еретиков в Йоркской провинции, а в начале следующего столетия было открыто несколько еретиков в Лондоне, из которых один был сожжен. Но, не принимая во внимание этих отдельных случаев, можно сказать, что католичество в Англии сохранилось в полной чистоте до самого появления Виклифа¹.

Италия, через которую болгарская ересь проникла на Запад, была, вполне естественно, сильно заражена ею; центром ереси считался Милан; отсюда выходили миссионеры, сюда приходили учиться пилигримы из западных стран; здесь же, наконец, впервые появилось несчастное название «патарены», под которым вскоре катары стали известны у всех народов Европы².

---

¹ Guill. de Newburg. «Hist. Anglic.» lib. II, c. 13.— Matt. Paris, «Hist. Anglic.» ann. 1166 (c. 74).— Raduif. de Diceto ann. 1166.— Radulf. Coggeshall. (D. Bouque, XVIII, 92).— Assises de Clarendon, art. 21.— Petri Blesens. «Epist.» 113.— Schmidt, I, 99.

² Сами себя еретики называли «Cathari», т. е. чистые. Имя патарены, по-видимому, появилось впервые в Милане в середине XI века, во время гражданских войн, возникших вследствие желания пап ввести celibat среди женатого духовенства Милана. В романских наречиях «pates» значит «старое белье»; тряпичники назывались в Ломбардии «Patari», и квартал в Милане, населенный ими, еще в XVIII веке назывался «Pattaria» или «Contrada de Pattari». Даже в начале XX века в итальянских городах встречались кварталы и улицы, которые носят это название (Schmidt, II, 279). Во время смут XI века паписты поддерживали тайные сно-

шения с населением квартала Pattaria, и поэтому их противники прозвали их патаренами, имя, которое они в конце концов присвоили и сами себе (Arnulf. Mediolanens. lib. III, cap. 11; lib. IV, cap. 6, 11. – Landulf, Jun. c. 1. – Willelmi Clusiens. «Vita Benedicti abbat, Clusiens.», c. 33. – Benzon, «Commen. de reb. Henrici IV», lib. VII, cap. 2). Так как осуждение папами браков духовных лиц считалось своего рода манихеизмом и так как приверженцы пап поддерживались тайными еретиками, учениками Герардо ди Монфорте, то это название, вполне естественно, было перенесено на ломбардских катаров, откуда оно распространилось по всей Европе. В Италии имя «Cathari», испорченное в «Gazzari», также было в ходу и означало еретиков; служители инквизиции назывались «Cazzagazzari», т. е. охотники за катарами, и сами принимали это насмешливое прозвище (Muratori, «Antiq. Diss.», LX, т. XII, с. 510, 616). Название «Cathari» сохранилось в немецком «Ketzer», что значит «еретик». По их происхождению из Болгарии их называли также «Bulgari», «Bugari», «Bulgri», «Bugres» (Matt. Paris, ann. 1238); последнее название сохранилось в позорном значении в Англии, Франции и Италии. Мы уже видели, что во Франции они назывались также «Texerant» или «Textores», потому что среди еретиков было много ткачей (ср. Doat, XXIII, 209–210). Имя «Speronistae», под которым они также были известны, происходит от имени Роберта Сперонского, епископа французских катаров в Италии (Schmidt, II, 282). Крестоносцы, познакомившиеся на Востоке с павликианами, принесли их имя в испорченной форме «Publikani» или «Popelicans». Кроме того, были у катаров и другие местные названия, а именно: «Piphili» или «Pifres» (Ecbert. Schon. «Sermi», I, с. 1), «Telonarii» или «Deonarii» (d'Achery, II, 560) и, наконец, «Boni Homines» или «Bons Hommes». Название «Albigenses», происходящее от имени города Альби, где еретики были очень многочисленны, впервые было употреблено в 1181 году Готфридом де Вижуа (Gaufridi Vosens. «Chron.» ann. 1181) и вошло во всеобщее употребление во время крестовых походов Раймунда Тулузского.

Различные секты, на которые разделялись катары, были известны под особыми именами – Albanenses, Concorrezenses, Bajolenses и т. д. (Rainerii Saccon. «Summa». Сп.: Muratori, «Dissert.» LX).

На официальном языке инквизиции XIII века слово «еретик» всегда значит «катар», вальденсы же называются своим именем. Обвиняемый допрашивался «super facto haeresis vel Valdesiae».

Папы, поглощенные войной с Империей и вынужденные часто покидать Италию, обращали мало внимания на еретиков в первой половине XII века, когда, однако, как мы знаем, их учение привлекало сторонников. В Орвието в 1125 году им удалось даже захватить на некоторое время власть в свои руки, но после кровопролитной борьбы католики низложили их. В 1150 году движение было поднято снова Диотесальви из Флоренции и Герардом из Массано; епископу удалось добиться их изгнания, но их место заняли две женщины, Милита из Монтемелано и Джулитта из Флоренции, их благочестие и любовь к ближним снискали им уважение духовенства и народа, пока в 1163 году не открылось, что они стояли во главе многочисленной группы еретиков. Многие из последних были сожжены или повешены, другие же изгнаны. Но в скором времени во главе движения стал Петр Ломбардский и образовал около себя многолюдную общину, в числе членов которой было много дворян. В конце столетия (1199 г.) был канонизован св. Петр Паренцкий, который был убит еретиками за то, что крайне сурово преследовал их.

Безуспешно в 1184 году папа Луций III, поддерживаемый Фридрихом Барбароссой, издал на Веронском соборе такой строгий эдикт против еретиков, каких до того времени еще не бывало. Он с негодованием рассказывает, как в Римини народ не допустил начальника города принести присягу, которую от него требовали; почему изгнанные незадолго перед этим из города патарены поспешили вернуться и спокойно зажили в нем. Папа грозил отлучить от церкви весь город, если его эдикт не будет исполнен в течение тридцати дней.

Эти эпизоды можно рассматривать как примеры борьбы, охватившей тогда многие города Италии. Крайнее политическое дробление этой страны делало почти

невозможным применение общих мер преследования. Подавленная в одном городе, ересь начинала процветать в другом, и лишь только гроза утихала, появлялись новые миссионеры и новые мученики. Вся Северная Италия, от подошвы Альп и до Папской области, была как бы усеяна гнездами еретиков, которые встречались даже и на юге, до самой Калабрии.

Когда в 1198 году на папский престол вступил Иннокентий III, то он тотчас же начал деятельно бороться против ереси. Упорство еретиков ярко обнаружилось в борьбе, вспыхнувшей тогда в Витербо – городе, где светский и духовный суд принадлежал папе. Напуганный успехами ереси, Иннокентий в марте 1199 года обратился к жителям Витербо с посланием, в котором подтверждались и усиливались наказания, определенные для тех, кто будет принимать еретиков или покровительствовать им. Но, несмотря на это, еретики в 1205 году произвели городские выборы и избрали представителем города одного отлученного от церкви. Негодование папы не знало границ. «Если бы, – писал он к жителям Витербо, – стихии сговорились уничтожить вас всех, без различия пола и возраста, предав вашу память на вечный позор, то и это наказание было бы для вас еще мало». Он приказал сместить новый муниципалитет, запретил исполнять его распоряжения, велел водворить обратно изгнанного епископа и строго соблюдать законы против ереси; если же в течение пятнадцати дней старый порядок не будет восстановлен, то жители соседних городов и замков должны поднять оружие и поступить с Витербо как с мятежным городом. Но действие этих грозных повелений было непродолжительно; через два года, в феврале 1207 года, в городе вспыхнули новые волнения, и только в июне того же года, когда Иннокентий сам прибыл в Витербо, все патарены удалились из города; папа

очистил город от заразы, разрушил все дома еретиков и конфисковал их имущество. В сентябре месяце он завершил эти меры, обратившись ко всем верным Папской области с эдиктом, которым предписывалось всем общинам внести в их местные законы новые мероприятия против еретиков, а должностные лица были обязаны дать присягу, что они будут наблюдать, под страхом самых тяжелых наказаний, за исполнением новых законов. Более или менее суровые меры, принятые в Милане, Ферраре, Вероне, Римини, Флоренции, Прато, Пьяченце, Фаэнце и Тревизо, показывают, как широко распространилось зло, как трудно стало бороться с ним и какую богатую пищу давало ему дурное поведение духовенства¹.

Но особенно сильной была борьба на юге Франции, где, как мы видели, почва более благоприятствовала развитию ереси. В начале XII века сопротивление открыто проявилось в Альби, где народ не допустил епископу Сикару и аббату из Кастр посадить в тюрьму упорствующих еретиков. В это же время Амелий Тулузский применил более кроткую меру, пригласив в свой город знаменитого Роберта д'Арбриссея, проповеди которого, как говорят, вернули многих в лоно церкви. В 1119 году под председательством Каликста II происходил в Тулузе собор, вынесший осуждение манихеизма; однако собор был вынужден ограничиться против них одним только отлучением от церкви. Замечательно, что Иннокентий II, изгнанный из Рима

---

¹ Schmidt, I, 63– 65.— Muratori, «Antiq. Diss» LX, 462– 3.— Pflugk-Hartung, «Acta Pontiff. Roman. ined.». T. III, № 353.— Raynald. «Annal.» ann. 1199, № 23– 25; ann. 1205, № 67; ann. 1207, № 3.— Lami, «Antich. Tosc.», c. 491.— Innoc. PP. III. «Reg.» I, 298; II, 1, 50; V, 33; VII, 37; VIII, 85, 105; IX, 7, 8, 18, 19, 166– 9, 204, 213, 258; X, 54, 105, 130; XV, 189; «Gesta» CXXIII.

антипапой Pier-Leone¹, собрав во время своего пребывания во Франции в 1131 году большой собор в Реймсе, не принял на нем никаких мер против еретиков; но как только он был восстановлен на римском престоле, то понял необходимость активной борьбы против ереси и на втором Латеранском соборе 1139 года издал эдикт, который интересен как первое датированное обращение к помощи светской силы. Катары не только отлучались от церкви, но светской власти предписывалось принимать меры как против них, так и против лиц, им покровительствовавших. Такое же постановление было сделано в 1148 году на Реймском соборе, запретившем кому бы то ни было пускать на свои земли еретиков, поселившихся в Гаскони, в Провансе или еще где-либо; не разрешалось даже давать еретикам временного пристанища; нарушение этого постановления влекло за собой отлучение от церкви и интердикт².

Когда папа Александр III был изгнан из Рима Фридрихом Барбароссой и антипапой Виктором³, то он прибыл во Францию и созвал большой собор в Туре. Собрание было огромное; в нем участвовало семнадцать кардиналов, сто двадцать четыре епископа (в том числе Фома Бекет) и сотни аббатов, не считая множества

---

¹ После смерти Гонория II 14 февраля 1330 года на папский престол были избраны кардинал-пресбитер Pietro Pierleoni и кардинал-диакон Григорий. Так как Pierleoni был еврейского происхождения (прадед его был евреем), то большая часть духовенства не хотела его признать, и он стал известен под именем антипапы Анаклета II; его же соперник принял имя папы Иннокентия II.

² Schmidt, I, 38.— Chron. Epist. Albig. (d'Achery, III, 572).— Udalr. Babenb. Cod. II, 303.— Concil. Tolosan. ann. 1119, с. 3.— Concil. Lateran. II. 1139, с. 23.— Concil. Remens. ann. 1148, с. 18.

³ Кардинал Октавий, принявший имя антипапы Виктора IV.

других духовных лиц и мирян. Собор прежде всего, как следует, предал анафеме антипапу, а затем обратил свое внимание на ересь, которая, зародившись в Тулузе, распространилась, подобно заразной болезни, по всей Гаскони, всюду поражая своим ядом верных чад церкви. Епископам этих стран было приказано предавать анафеме всех, кто дозволит еретикам селиться на своих землях или будет что-либо продавать им или сам покупать у них; исключенные таким образом из общения с людьми, они были бы вынуждены отказаться от своих заблуждений; князьям предписывалось заточать еретиков в тюрьмы, а имущество их конфисковать. Но состоявшийся через два года съезд в Ломбере (близ Альби) показал, как заблуждался папа, думая, что можно запереть еретиков в карантин. На этом съезде состоялся публичный диспут между представителями католической церкви и Bonshommes; на диспуте присутствовали Понс, архиепископ нарбоннский, несколько епископов и более сильных сеньоров, между прочим Констанция, сестра короля Людовика VII и супруга Раймунда Тулузского, Тренкавель из Базье, Сикар из Лотрека и много других. Почти все население Ломбера и Альби отозвалось на приглашение, и, несомненно, съезду этому придавали значение крупного государственного дела. Обе стороны избрали третейских судей. Ход диспута известен нам из многих католических источников; но для нас этот инцидент интересен потому только, что из него мы видим, что ересь уже ускользнула из власти местных церквей, что разум восторжествовал над насилием, что еретики несколько не скрывали своих убеждений и что католические богословы были вынуждены уступить своим противникам и согласиться делать ссылки только на Новый Завет. Бессилие церкви обнаружилось еще в том, что съезд, разбив все положения еретиков,

должен был ограничиться лишь запрещением дворянам Ломбера оказывать покровительство катарам. На следующий год на соборе в Кабестене Понс, архиепископ нарбоннский, доставил себе платоническое удовольствие, подтвердив заключения Ломберского съезда. Деморализация достигла таких размеров, что Понс не мог наказать нескольких монахов цистерцианского ордена за то, что они самовольно покинули монастырь и открыто стали жить с любовницами; архиепископ, видя свое бессилие, обратился, по-видимому безрезультатно, к Александру III¹.

Церковь была явно беспомощна; тот факт, что она, осуждая учение еретиков, не могла коснуться их самих, ясно свидетельствует, что у нее не было средств вести борьбу со столь сильным врагом. И дворяне, и простой народ не хотели быть ее орудием, а без их помощи все церковные проклятия были, конечно, пустыми словами. Катары поняли это, и через два года после съезда в Ломбере они, в 1167 году, созвали свой собор в С.-Феликсе-де-Караман, близ Тулузы. Председательствовать на соборе прибыл из Константинополя епископ Никита, их высшее духовное лицо; прибыли также делегаты и из Ломбардии. На этом соборе был осужден видоизмененный дуализм конкоррецианов и были избраны епископы на вакантные кафедры Тулузы, Валь-д'Арана, Каркассона, Альби и территории Франции к северу от Луары; на последнюю кафедру был избран Роберт Сперонский, позднее укrywшийся в Ломбардию, где он дал свое имя секте сперонистов. Кроме того, на этом соборе были

---

¹ Concil. Turon. ann. 1163, c. 4.— Concil. Lombardiense ann. 1165 (Harduin, VI, II, 1643—16520.— Roger de Hoveden. ann. 1176.— D. Vaissete, «Hist. gén. de Languedoc», III, 4.— Loewenfeld, «Epist. Pont. Roman. ined.», № 247 (Лейпциг, 1885).

избраны комиссары для разграничения Тулузской и Каркассонской епархий. Одним словом, все дело велось так, как будто это был собор независимой и признанной церкви, предназначенной заменить собой старую римскую церковь. И действительно, катарская церковь, опиравшаяся на любовь и уважение народа, чем не пользовалась церковь римская, могла тогда надеяться на возможность своего главенства¹.

Успех ее в последующее десятилетие был так велик, что действительно мог породить в ней самые широкие иллюзии. Раймунд Тулузский, вполне пользовавшийся властью независимого государя, заключил союз с Фридрихом Барбароссой, признал антипапу Виктора и его преемников и не обращал никакого внимания на папу Александра III, которого вся остальная Франция признавала законным папой. Ослабленная расколом церковь не могла энергично бороться с ересью. Но в 1177 году сила перешла на сторону папы, и Фридрих изъявил ему покорность. Раймунд по необходимости последовал за своим сюзереном (значительная часть его владений зависела от империи) и неожиданно для себя увидел, что он должен остановить распространение ереси; но, несмотря на его могущество, задача оказалась выше его сил. Большинство жителей его городов, независимых и привыкших к самовластию, были катары; многие из его рыцарей и сеньоров тайно или явно покровительствовали ереси; простой же народ презирал духовенство и уважал еретиков. Когда говорил проповедь еретик, то народ стекался толпами слушать его; если же на кафедру всходил католик, что бывало в то время довольно редко, то его с ядовитой улыбкой спрашивали, по какому праву учит он слову Божию? Раймунд, ведший постоянные войны со своими

---

¹ D. Bouquet, XIV, 448–450.— D. Vaissete, III, 4, 537.

могущественными вассалами и с такими сильными соседями, как короли Арагонии и Англии, не мог, конечно, согласиться на то, чтобы уничтожить добрую половину своих подданных; можно поэтому сомневаться в искренности его желания искоренить ересь; но что бы там ни было, а положение, в котором он очутился, весьма интересно, потому что в нем лежал зародыш тех неприятностей, которые выпали на долю его сына и внука и повлекли в конце концов падение его дома.

Решившись сохранить, по крайней мере, внешние приличия, Раймунд обратился за помощью к Людовiku VII и, вспомнив о том, как мощно Бернар подавил ересь генрихиан, обратился к его преемнику, Генриху Клервосскому, настоятелю ордена цистерцианцев. В своем обращении он в самых мрачных красках описал положение вещей в своих владениях: духовенство развращено; церкви пусты и в развалинах; таинства в презрении; дуализм торжествует над тринитаризмом. Как ни горячо было его желание стать орудием Божьего мщения, он чувствовал себя бессильным, так как все наиболее видные из его подданных перешли в ересь, то же сделала и вся лучшая часть простого народа. Духовных наказаний более не боялись; можно было добиться чего-нибудь положительного только силой. Если бы король согласился прибыть, то Раймунд провел бы его сам лично через всю страну и сам бы указал ему еретиков, заслуживающих наказания¹.

Английский король Генрих II, который, в своем положении герцога Аквитанского, был очень заинтересован в этом деле, только что заключил мир с королем Франции, и оба монарха постарались соединить свои силы и вместе пойти на помощь Раймунду.

---

¹ Roger. Hovedens. «Annal.» ann. 1178.— D. Vaissete, III, 46—7.

Со своей стороны, клервосский аббат написал Александру III, призывая его выполнить свою обязанность и подавить ересь, подобно тому как подавил он схизму. Самое меньшее, что мог, по его словам, сделать папа, это приказать своему легату, кардиналу Петру С.-Хризогонскому, остаться во Франции и вступить в борьбу с еретиками. Скоро, однако, рвение королей остыло, и вместо того, чтобы выступить со своими армиями, они ограничились тем, что послали посольство, в состав которого вошли кардинал-легат, архиепископы Нарбонны и Буржа, Генрих Клервосский и другие прелаты; в то же время они обратились с просьбой к графу Тулузскому, виконту Туреньскому и к дворянам оказать помощь посланным¹.

Если бы Раймунд был искренен, то он заслуживал бы не такой помощи. Короли решили предоставить свободу действия духовенству, и Раймунд был настолько благоразумен, что не пожелал истощать своих сил в борьбе со своими же подданными, тем более что в это время против него составлялся по наущению Альфонса II Арагонского заговор между дворянами Нарбонны, Нима, Монпелье и Каркассона. Охотно оказывая свое покровительство прелатам-миссионерам, он и не думал поддерживать их силой оружия. Когда они прибыли в Тулузу, то еретики толпой окружили их, встретили их свистом и ругали их лицемерами и вероотступниками. Генрих Клервосский утешает себя тем, что, если бы он и его спутники прибыли в Тулузу года на три позднее, не нашли бы там ни одного католика, который вышел бы к ним навстречу.

Были составлены и розданы миссионерам длинные списки еретиков; во главе стоял Петр Моран, очень

---

¹ Benedict. Petroburg. «Vita Henrici II», ann. 1178.— Alexandri PP. III, «Epist.», 395 (D. Bouquet, XV, 959—960).

богатый и влиятельный старик, пользовавшийся таким огромным уважением среди еретиков, что народ называл его Иоанном Евангелистом; ввиду этого его наметили первой жертвой преследования. Долго тянулось дело, пока удалось уличить его в ереси; но тогда, чтобы спасти свое состояние от конфискации, он отрекся от ереси и согласился перенести тяжелое и унижительное наказание: раздетого до пояса и жестоко бичуемого с двух сторон – епископом Тулузским и аббатом из С.-Сернена – его провели на глазах несметной толпы к алтарю собора св. Стефана, где ему объявили, что он должен предпринять на три года путешествие в Святую Землю, а до отъезда ежедневно подвергаться публичному бичеванию на улицах Тулузы; кроме того, ему приказали вернуть церкви все ее занятые им земли и отдать ей все нажитые процентами деньги и, наконец, обязали уплатить графу Тулузскому пятьсот фунтов серебра как выкуп за оставленные ему земли.

Эти энергичные меры произвели на всех большое впечатление, и множество катаров согласилось вернуться в лоно церкви; но что обращения эти были весьма неискренни, видно из того, что Моран, по возвращении из Палестины, был три раза избираем в синдики, и семья его оставалась непримиримым врагом католицизма; в 1234 году один старик, по имени Моран, был осужден как Совершенный, а в 1235 году другой Моран, бывший синдиком, был отлучен от церкви за то, что был против введения инквизиции. Огромный штраф, наложенный на первого Морана, сделал свое дело, возбудив в графе религиозное рвение; но и этого было мало, чтобы заставить его сделать невозможное. Когда легат решил уничтожить двух ересиархов – Раймунда де Бэмиака и Бернара Раймунда, катарских епископов Валь-д'Арана и Ту-

лузы, то он был вынужден дать им охранные листы, чтобы они согласились явиться к нему, и ограничился лишь отлучением их от церкви. Немного позднее, во время следствия против могущественного Рожера Тренкавеля, виконта Безье, посадившего в тюрьму епископа города Альби, легат не мог получить полного удовлетворения; правда, он отлучил Рожера от церкви, но епископ остался в тюрьме. Торжественно обставленное посольство вернулось во Францию, не сделав, по свидетельству хроник, ничего положительного; правда, оно добилось, что Раймунд Тулузский и его дворяне издали указ об изгнании еретиков, но указ этот остался мертвой буквой¹.

В сентябре того же 1178 года Александр III созвал третий Латеранский собор; в приглашении упоминалось о плевелах, которые заглушают пшеницу и должны быть вырваны с корнем. Собор собрался в 1179 году и отметил, что патарены открыто совращают верных по всей Гаскони, Альбигоие и графству Тулузскому; он призывал светскую власть силой заставить их отказаться от своих заблуждений и, как всегда, предавал анафеме еретиков и всех тех, кто давал им пристанище и оказывал покровительство; к еретикам были отнесены котерцы, брабансонцы, арагонцы, наварцы, а также баски и тривердинцы, к которым мы вернемся ниже. Затем собор принял другую, более внушительную меру, а именно — объявил крестовый поход

---

¹ Roger. Hovedens. «Annal.» ann. 1178.—Schmidt. I, 78.—Martène, «Thes.», I, 992.—Rob. de Monte, «Chron.» ann. 1178.—Benedict. Petroburg. «Vita Henrici II», ann. 1178.

Рожер Тренкавель из Безье не был еретиком (см.: D. Vaissete, III, 49), но обращение, которому подверг он епископа Альби, тем ярче показывает, с каким пренебрежением относились к церкви даже крупные католические сеньоры.

против христиан, и с этого времени церковь стала пользоваться и в своих частных распрях услугами этой всегда легко собираемой армии. Прощение всех грехов на два года было обещано всем, кто поднимет оружие на защиту святого дела; церковь брала их под свое покровительство и обещала вечное спасение всем, кто падет в борьбе за ее интересы; понятно, подобные обещания привлекли под знамена церковной рати массу воинов, на душе которых лежали всевозможные преступления и которые не требовали от церкви за свою службу ни копейки жалованья¹.

Вернувшись с собора, нарбоннский архиепископ Понс тотчас же опубликовал этот декрет, дополнив его анафемами и интердиктами против тех, кто вымогал с путешественников новые дорожные пошлыны, чем очень злоупотребляли феодальные сеньоры и на что, как мы увидим ниже, постоянно жаловались в делах с альбигойцами. Генрих Клервосский отказался занять беспокойную тулузскую кафедру, которая оставалась незанятой с конца 1178 года, но ему дали звание кардинала Альбано, и вскоре он послан, в качестве папского легата, проповедовать и вести крестовый поход. Благодаря своему красноречию он собрал значительные силы, во главе которых в 1181 году он вступил во владения виконта из Безье и осадил крепость Лавор, куда со многими видными патаренами скрылась дочь Раймунда Тулузского, виконтеса Аделаида. Современники сообщают нам, что Лавор был взят чудом и что повсюду во Франции были разные знамения, предвещавшие победу христиан. Роже из Безье поспешил смириться и клятвенно обещал не поддерживать более еретиков. Катарские епископы Раймунд де Бэмиак и Бернар Раймунд, которые были заключены в тюрьму, отреклись от

---

¹ Concil. Lateran. III, ann. 1179, c. 27.

ереси и получили хорошие приходы в Тулузе; много и других еретиков проявили раскаяние, но все они вернулись к своим заблуждениям, как только миновала гроза. Крестоносцы были созданы под знамена лишь на короткое время, и уже на следующий год кардинал-легат вернулся в Рим, в сущности не сделав ничего и только увеличив ожесточение в землях еретиков, опустошенных его войсками. Раймунд Тулузский в это время был поглощен безнадёжной войной с арагонским королем и, по-видимому, совершенно безучастно отнесся к крестовому походу¹.

Скажем теперь несколько слов о котерцах и брабансонцах, которых Латеранский собор признал еретиками наравне с катарами и с которыми нам не раз еще придется встретиться. Поддержка, оказываемая им Раймундом VI Тулузским, была причиной враждебного к нему отношения церкви не менее, чем его покровительство еретикам. Это были флибустьеры, предшественники тех сомнительных вольных банд, которые, в особенности в XIV веке, наводили ужас на мирных граждан и нанесли огромный вред цивилизации. Разнообразие названий, под которыми они были известны – брабансонцы, геннегаусцы, каталонцы, арагонцы, наварцы, баски и т. д. – показывает, как широко было распространено зло и как всякая отдельная провинция старалась отнести на счет соседей происхождение этих разбойничьих шаяк. Более обычные названия: Brigandi, Pilardi, Ruptarii, Mainatae и т. п. указывают на характер их занятий; названия же Cotarelli, Palearii, Triaverdins, Asperes, Vales открывают широкое поле

---

¹ Gaufridi Vosiens. «Chron.» ann. 1181.—Roberti Autissiodor. «Chron.» ann. 1181.—Alberici Trium Font. «Chron.» ann. 1181.—Guillel. Nangiac. ann. 1181.—Chron. Turon. ann. 1181.—D. Vaissete, III, 57.—Guillel. de Pod.—Laurent, c. 2.

для фантазии этимологов. Банды эти составлялись из лентяев, гуляк, разоренных войнами крестьян, беглых рабов, лишенных прав, бежавших из тюрем арестантов, развратных священников и монахов, и вообще из подонков общества, которые всплывали наверх благодаря постоянным волнениям, происходившим в ту эпоху. Сплоченные в более или менее многочисленные группы, люди эти открыто жили в стране, и если сеньорам представлялась надобность в военных силах на срок более продолжительный, чем законный срок обязательной службы вассалов, то они являлись по первому зову ко всякому, кто давал им жалованье или возможность безнаказанно грабить. Современные хроники полны жалоб на постоянные опустошения, производимые этими шайками, а церковные летописи отмечают, что их грабежи и разбои еще тяжелей ложились на церкви и монастыри, чем на феодальные замки и крестьянские хижины. Они издевались над священниками, которых называли «певцами», и одной из их любимых забав было забивать их палками до смерти, упрасывая при этом пропеть что-нибудь: «Спой нам, голубчик певец! Спой что-нибудь!» Святотатства их доходили до крайних пределов; они, например, украв дароносицу, открыто выбрасывали из нее Святые Дары и растаптывали их ногами. Народ смотрел на них хуже чем на еретиков и считал их атеистами. В 1181 году епископ г. Турнэ, Стефан, в сильных выражениях описал страх, испытанный им, когда он по поручению короля проезжал по Тулузскому графству, совершенно разоренному только что кончившейся войной между графом Тулузским и королем Арагонским. Страна представляла огромную пустыню, где встречались лишь разрушенные церкви и покинутые жителями деревни; на каждом шагу боялся он нападений разбойников и еще более страшных

шаек котерцев. По всей вероятности, под влиянием того, что на юге был объявлен против них крестовый поход одновременно с походом против еретиков, немного позднее объявили поход и против разбойничьих шаек центральной Франции. Окруженные у Шатодена, они в июле 1183 года потерпели страшное поражение, потеряв убитыми, по одним сведениям, 6000 человек, а по другим – 10 500; победители разделили между собой, кроме богатой добычи, пятьсот публичных женщин, бывших в разбойничьем стане. Хотя защитники порядка и называли себя миротворцами, *Rasiferi*, но тем не менее они особой кротостью не отличались; через две недели после победы у Шатодена они захватили шайку рыцарей большой дороги, и все 1500 человек были тут же повешены, а другим 80 пленникам выкололи еще глаза.

Но несмотря на все суровые меры, зло продолжало существовать, так как условия, его породившие, оставались в силе, и вечно воевавшие со своими соседями феодальные сеньоры постоянно нуждались в услугах этих наемников без веры и совести¹.

Неудача крестового похода 1181 года, по-видимому, надолго отняла у церкви энергию, и в течение четверти столетия ересь могла сравнительно свободно распространяться в Гаскони, Лангедоке и Провансе. Строго говоря, декрет папы Луция III, данный в Вероне в 1184 году, был первой попыткой основать инквизицию; но декрет этот не оказал непосредственного влияния; прав-

---

¹ Stephani Tornac. «Epist.» 92.—Gaufridi Vosiens. «Chron.» ann. 1183.—Gault. Mapes, «de Nugis curialium», dist. I, c. XXIX.—Guillelm. Nangiac. ann. 1183.—Rigord. «de Gest. Phil. Aug.» ann. 1183.—Guill. Brito, «de Gest. Phil. Aug.» ann. 1183.—Его же, «Philippidos», lib. 1, 726–745.—Grandes Chroniques, ann. 1183.—Du Cange svv. Cotarellus, Palearii.

да, в 1195 году папский легат, созвав в Монпелье местный собор, подтвердил необходимость строгого исполнения канонов Латеранского собора относительно еретиков и разбойников, имущество которых должно быть конфискуемо, а сами они обращаемы в рабство¹; но все эти постановления оставались мертвой буквой ввиду индифферентного отношения дворянства, распоряжения которого не пользовались никаким уважением. Быть может, взятие Иерусалима неверными в 1186 году также направило на Палестину сохранившийся религиозный жар, не оставив ничего на поддержание веры в самой Европе. Как бы то ни было, факт тот, что не было предпринято ни одного серьезного преследования ереси, пока энергичный Иннокентий III, испробовав без всякого успеха кроткие меры, не объявил смертельной войны против ереси.

Во время затишья Лионские Бедные по необходимости действовали заодно с катарами; рвение в деле обращения в ересь, бывшее сильным даже при преследованиях, теперь с отменой стеснительных условий проявилось во всей силе, не боясь более духовенства, небрежного к своим обязанностям и павшего духом. Еретики проповедовали и обращали в ересь, а священники думали только о том, как бы урвать часть причитающейся на их долю десятины и других доходов из алчных рук дворянства и у враждебно настроенных прихожан. Иннокентий III с прискорбием отмечает грустный факт, что еретики проповедовали и учили открыто, без всякой помехи. Вильгельм Тудельский сообщает, что еретики были полновластными хозяевами в округах Альби, Каркассона и Лорагэ (в Лангедоке) и что вся область между Бордо и Безье была заражена ересью. Готье Мане передает, что в Бретани совершенно не

---

¹ Lucii PP. III. «Epist.» 171.—Concil. Monspeliens. ann. 1195.

было еретиков, но зато их было много в Анжу, а в Аквитании и Бургундии число их было несметно. Гильом де Пюи-Лоранс говорит, что сатана мирно царствовал почти во всей Южной Франции; к духовенству относились с таким презрением, что священники скрывали тонзуру, а епископы были вынуждены посвящать без разбора всякого приходящего; страна была как бы проклята и производила только терния и волчцы, грабителей и разбойников, воров и убийц, прелюбодеев и ростовщиков. Цезарь Гейстербахский сообщает, что альбигойская ересь распространялась с такой поразительной быстротой, что в короткое время она охватила до тысячи городов, и если бы еретики не были перебиты верными, то вся Европа была бы охвачена ересью. Один немецкий инквизитор утверждает, что в Ломбардии, Провансе и в других странах было больше еретических богословских школ, чем истинно католических, что еретики вели публичные диспуты, на которые народ стекался толпами, что они проповедовали на площадях, полях, в домах и что никто не осмеливался остановить их, боясь их многочисленных и могущественных покровителей. Как мы уже видели, у еретиков были правильно организованные епархии; у них были не только мужские школы, но и женские, и однажды в одном женском монастыре все монахини перешли в катаризм, не бросив монастыря и не переменяв своей одежды¹.

Вот до какого состояния дошла церковь. Занятая усилением своей светской власти, она почти забыла о

---

¹ Innocent. PP. III, «Serm. de Tempore», XII.—Guill. de Tudela, c. II.—Gualt. Mapes, «de Nugis curial.» dist. I, c. XXX.—Guill. de Pod.-Laur. «Proem.»; срав. cap. 3, 4.—Caesar. Heisterb. dist. V, c. 21.—Stephani Tornacens. «Epist.» 92.—Anon. Passav. («Bibl. Mag. Pat». XIII, 299). —Schmidt, I, 200.

своих духовных обязанностях, и ее царство, основанное на духовных устоях, падало вместе с ними. Редко переживала церковь такое опасное положение, как то, в котором она находилась, когда тридцативосьмилетний Лотарио Конти надел папскую тиару. В своей вступительной речи он заявил, что его главной заботой будет уничтожение ереси, и, несмотря на свои бесконечные столкновения с императорами и королями, он до самой своей смерти оставался верен этой задаче. К счастью, он обладал всеми качествами, необходимыми для кормчего корабля св. Петра, несомого бурными ветрами через подводные скалы; правда, вел он его не всегда с достаточной мудростью, но всегда с неослабным мужеством и с непоколебимой верой в свою высокую миссию¹.

---

¹ Innocent. PP. III, «Serm. de Diversis», III.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ ПРОТИВ АЛЬБИГОЙЦЕВ

В конце XII века церковь поняла, что она сама подорвала свое положение и что поразительные успехи ереси в значительной степени зависели от небрежного отношения духовенства к своим обязанностям и от упадка его нравственности.

В своей речи при открытии большого Латеранского собора Иннокентий III не задумался бросить упрек в лицо собравшимся отцам. «В падении нравственности народа, — сказал он, — прежде всего виновато духовенство. От него все зло в христианском мире; вера гаснет, религия падает, свобода закована в цепи, правосудие попорчено ногами, еретики множатся, схизматики поднимают голову, неверные усиливаются, сарацины побеждают». Но попытка собора искоренить зло была безуспешна, и Гонорий III, видя свое бессилие, был вынужден повторить слова Иннокентия, справедливости которых никто не мог оспаривать.

Однако когда в 1204 году легаты, посланные Иннокентием к альбигойцам, обратились к нему с жалобой на прелатов, которых они не могли привести к порядку и распущенное поведение которых действовало соблазняющим образом на христиан и давало еретикам богатый материал для нападков на церковь, — то папа сухо посоветовал им заниматься своим прямым делом и не обращать внимания на сравнительные пустяки. Этот ответ дает прекрасное понятие о

политике церкви; даже энергичный Иннокентий отказался от задачи очистить авгиевы конюшни; легче, казалось, подавить волнение огнем и мечом¹.

Мы уже видели, с какой решительностью и с какой последовательностью приступил Иннокентий к подавлению ереси в Италии; не меньшую деятельность и энергию проявил он и по ту сторону Альп, причем нужно отдать ему должное: он всегда старался строго соблюдать правосудие и не смешивать виновных с невинными. Уже с давних пор провинция Невер была известна как страна наиболее зараженная. Мы уже упоминали о мятеже, поднятом катарами в 1167 году в Везеле, и о тех суровых мерах, которые, не уничтожив ереси в корне, положили конец ее открытому проявлению. В конце столетия оксерский епископ Гюг заслужил себе имя «Молота еретиков» благодаря той энергии и тем успехам, которыми были отмечены его преследования отпавших от церкви; и хотя он славился невероятной алчностью, полным игнорированием законов, деспотизмом в управлении епархией и жестокостью в уничтожении своих личных врагов, тем не менее его ревность к вере покрывала его многочисленные недостатки и дурные поступки. Он мало нуждался в напоминаниях Иннокентия, который в 1204 году побуждал его уничтожить ересь в его епархии. Безжалостно применяя конфискацию имущества, изгнание и костер,

---

¹ Innocent. PP. III, «Serm. de Diversis», VI; «Regest.» VII, 165; X, 54.—Honor. PP. III, «Epist. ad Archiep. Bituricens.» (Martène, «Ampl. Coll.» I, 1149—51).

В 1250 году епископ линкольнский Роберт Гростест прямо заявил Иннокентию V в Лионе, что причиной ереси, разъедающей церковь, было нравственное падение духовенства («Fascic. Reg. explet. et. fugiend.», II, 251, изд. 1690).

он сделал все что мог для искоренения ереси; но зло пустило уже глубокие корни и беспрестанно проявлялось то там то сям. Главным проповедником ереси был один отшельник, по имени Иеррик, живший в пещере близ Корбиньи; благодаря усилиям Фулька де Нейльи удалось взять его и сжечь на костре. Но катаризм пользовался успехом не только среди простых и бедных людей. В 1199 году декан Невера и аббат монастыря св. Мартина Неверского обратились к Иннокентию с жалобой на то, что их преследуют; ответ папы показывает одновременно и его желание дать им полную возможность защищаться, и запутанность духовного процесса в ту эпоху. Епископ Гюг был счастливее, когда выступил в 1201 году с обвинением другого видного лица, а именно рыцаря Эверара де Шатонеф, управляющего владениями графа Гервей Неверского. Папский легат Октавиан созвал в Париже собор, на который съехалось много епископов и богословов, чтобы судить Эверара; последний был осужден, главным образом, на основании свидетельских показаний самого же Гюга, предан светской власти и сожжен живым. Впрочем, ему отсрочили казнь, чтобы он мог дать отчет графу Гервей по управлению его владениями.

Его племянник Тьерри, такой же закоренелый еретик, бежал в Тулузу, где через пять лет сделался альбигойским епископом, к великой радости еретиков, залучивших в свои ряды французского вельможу. Главным центром ереси в Нивернэ был город Шаритэ. С 1202 по 1208 год жители этого города не раз обращались к суду Иннокентия, так как суд его был милостивее суда местных судилищ; и действительно, в решениях папы видно похвальное желание быть справедливым, но все это не привело ни к чему, и Шаритэ был одним из первых городов, куда в 1233

году оказалось нужным послать инквизитора. В Труа были в 1200 году сожжены восемь катаров, в том числе три женщины; в 1204 году было сожжено несколько еретиков в Брэне, в их числе был лучший французский художник той эпохи – Николя¹.

Другого рода опасность угрожала в 1199 году церкви Меца, где у вальденсов нашли французские переводы Нового Завета, Псалтыря, книги Иова и других книг Священного Писания, которые они изучали с невероятным прилежанием и отказались выдать приходским священникам; их дерзость дошла до того, что они осмелились утверждать, будто знают Священное Писание лучше своих духовных пастырей и имеют право искать утешение в его чтении. Дело было трудное, так как мирянам чтение Библии официально не было еще запрещено, а эти бедняки не были обвиняемы в принадлежности к какой-либо определенной ереси. Обратились к Иннокентию. Папа ответил, что нет ничего предосудительного в желании постигнуть Священное Писание, но что глубина его такова, что не всегда могут проникнуть в нее даже самые ученые люди; следовательно, это чтение выше разумения простых смертных. К населению Меца обратились с увещанием отказаться от своих чрезмерных притязаний понимать Библию и предложили им с должным почтением относиться к духовенству; при этом весьма прозрачно высказывалась угроза по адресу тех, кто не последует этому увещанию. А так как жители Меца продолжали по-старому усердно

---

¹ Roberti Autissiodor. «Chron.» ann. 1198–1201.–Hist. Episc. Autissiod (D. Bouquet, XVIII, 725–6, 729).–Petri Sarnens. «Hist. Albig.», c. 3.–Innocent. PP. III, «Reg.» II, 63, 99; V, 36; VI, 63, 239; IX, 110; X, 206.–Potthast, № 9152.–Alberic. Trium Fontium «Chron.» ann. 1200.–Chron. Canon. Laudun. ann. 1204 (D. Bouquet, XVIII, 713).

читать Библию, то, чтоб прекратить это, к ним послали аббата из Сито и двух других духовных лиц. Но эта миссия, по-видимому, не имела большого успеха: еретик, сожженный в 1230 году в Реймсе, имел французский перевод Библии, а у еретиков, сожженных в 1231 году в Трире, были переводы Библии на немецкий язык¹.

Но более всего, что вполне понятно, беспокоило Римскую курию прочное существование ереси на юге Франции. В 1195 году Раймунд VI Тулузский, 38 лет от роду, наследовал своему отцу; это был самый могущественный вассал во всей монархии, почти так же независимый, как сам сюзерен. Нарбоннское герцогство давало ему звание, первого светского пэра Франции; в то же время он был сюзереном, более или менее полновластным, маркизата Прованского, графства Венессенского, графств Сен-Жиля, Фуа, Комменжа и Родеза, равно как провинций Альбигойи, Виварэ, Жеводана, Велэ, Руерга, Керси и Аженуа. Даже в Италии он пользовался славой самого могущественного графа Европы, так как среди его вассалов было четырнадцать графов, и трабадуры в песнях называли его равным императорам:

Car il val tan qu'en la son valor

Auri' assatz ad un emperador.

Даже после потери большей части своих владений сын его, Раймунд VII, на Рождество 1244 года на блестящем съезде, бывшем при его дворе, пожаловал двумстам дворянам рыцарское звание. Благодаря своим брачным связям Раймунд VII находился в близ-

---

¹ Regest. II, 141, 142, 235. – Revue de l'Hist. des. Relig. mars, 1889, с. 245. – Gesta Treviror. с. 104.

ком родстве с королевскими домами Кастилии, Арагонии, Наварры, Франции и Англии. В 1196 году он вступил в четвертый брак, с Иоанной Английской, чтобы добиться выгодного союза с братом ее Ричардом; таким путем он избавляется от опасного врага, который, в качестве герцога Аквитании, сильно беспокоил его отца. Но этот союз с Ричардом оскорбил Филиппа-Августа, что позднее имело печальные последствия для Раймунда. Последовавшая почти в то же время смерть Альфонса II Арагонского освободила его от другого наследственного врага, обширные владения которого в Южной Франции, и еще более обширные притязания на нее, нередко угрожали Тулузскому дому полным падением. С преемником Альфонса, Петром II, Раймунд вступил в самые дружеские отношения, скрепленные в 1200 году браком с его сестрой Элеонорой, и помолвкой в 1205 году его юного сына Раймунда VII с дочерью арагонского короля, бывшей совсем еще ребенком. Филипп-Август, при своем вступлении на престол, оказывал ему такое дружеское расположение, которое, по-видимому, было для него прочным залогом мирного и благоденственного царствования.

Обезопасив себя, таким образом, от нападений внешних врагов, Раймунд мало обращал внимания на то, что папа Целестин III в 1195 году отлучил его от церкви за то, что он разорил С.-Жильское аббатство. Иннокентий III подтвердил это отлучение, но граф и на это не обратил никакого внимания. Сам он не был еретиком, но благодаря своей веротерпимости индифферентно относился к тому, что его подданные были еретиками; одни из его баронов придерживались ереси, другие снисходительно относились к верованиям, которые, отвергая притязания церкви, позволяли им грабить ее или, по крайней мере, не заботиться о ее

нуждах; так же смотрел на дело, несомненно, и сам Раймунд. Когда в 1195 году собор в Монпелье предал анафеме всех тех князей, которые не будут соблюдать за применением в отношении еретиков и немников постановлений Латеранского собора, то он и не подумал обратить на это внимание. У Раймунда совершенно не было религиозного фанатизма, и он поэтому не мог в угоду церкви восстанавливать против себя своих баронов, разорять свои собственные владения и подвергать себя вторжениям соседей, которые как волки стерегли его; он не мог, конечно, рисковать всем этим для того только, чтобы восстановить в своих владениях единство веры и сделать своих подданных послушными церкви, которая была славна только своей алчностью и нравственной распущенностью. Почти целое поколение наслаждалось веротерпимостью; страна отдыхала после длинного ряда войн, и простой здравый смысл подсказывал Раймунду, что ему следует идти по стопам отца. Окруженный одним из самых веселых и блестящих дворов Европы, любящий женщин, покровительствующий поэтам, несколько бесхарактерный, но боготворимый своими подданными, он, конечно, не мог согласиться с Римом, что главной его обязанностью было преследование своих подданных¹.

Состояние церкви во владениях Раймунда не могло, понятно, не вызывать негодования такого папы, как Иннокентий III. Один летописец того времени передает, что на несколько тысяч еретиков приходилось только несколько католиков; несомненно, это

---

¹ Villani «Chron.» lib. V, c. 90.—Diez, «Leben und Werke der Troubadours», 424.—Guill. de Pod. Laur. cap. 47.—Vaissete, изд. Privat, VIII, 538.—Petri Sarnensis «Hist. Albigenensis», c. 1.—Vaissete, изд. 1730, III, 101.

сообщение преувеличено, но из предшествующей главы мы видели, как быстро распространялась ересь. Состояние Тулузской епархии может показать, с каким недоверием относились тогда к церкви и как сильно отражалась на ее благосостоянии потеря ее духовного престижа. Епископ Фулькранд, умерший в 1200 году, жил, за неимением средств, в чисто апостольской нищете. Следующую ему часть десятинного налога забрали себе светские сеньоры и монастыри; приходские священники присвоили себе его премии; на его долю оставались лишь незначительные доходы от нескольких ферм и от общественной хлебной печи, которая принадлежала ему по феодальному праву. Крайняя нужда заставила его даже начать судебное дело против своего же капитула, чтобы добиться доходов хотя бы с одной пребенды и жить не впроголодь. При объездах своих приходов он был вынужден просить у сеньоров конвоя. Как ни плохо было место Фулькранда, однако после его смерти оно вызвало горячие и некрасивые споры, окончившиеся в пользу Раймунда Рабастана, архидиакона ажанского. Этот епископ был еще беднее своего предшественника и для увеличения доходов был вынужден прибегнуть к симонии; но когда он, чтобы покрыть издержки по процессу с одним из своих вассалов, Раймундом де Бопюи, распродал или заложил все, что оставалось еще в распоряжении Тулузской епископской кафедры, его лишили сана, назначив ему ежегодное содержание в тридцать тулузских ливров, чего было достаточно на кусок черного хлеба, и он остался вдвоем со злой служанкой. Его преемником был Фульк Марсельский, выдающийся трубадур, отрекшийся от мира и ставший аббатом Флорежа; он рассказывает, что, когда он сделался епископом, ему приходилось самому поить своих мулов, так как

у него некому было гонять их на ближайший водопой на Гаронну. Этот Фульк был человеком характера горячего и мстительного; впоследствии он опустошил свою диоцезу войной¹.

Зло постоянно росло, и легко уже было предвидеть возможность наступления такого момента, когда римская церковь совершенно потеряет средиземноморские провинции Франции. Но надо сказать к чести еретиков, что им вполне был чужд дух преследования. Понятно, хищные сеньоры стремительно отнимали у духовенства церковные имения и доходы и не задумывались грабить ленивых монахов и священников, число которых постоянно уменьшалось; но в общем катары, хотя и считали себя церковью будущего, никогда не прибегали к силе для распространения своего духовного господства. До-

---

¹ Guill. Nangiac. ann. 1207.—Vaissete, III, 128, 132.—Guill. de Pod.-Laur., с. 6, 7.—«Reg.» XIII, 115, 116.—Относительно состояния других епископских кафедр —Каркассон, Венс, Агд, Ош, Нарбонна, Бордо —см.: «Regest.», I, 194; III, 24; VI, 216; VII, 84; VIII, 76; XVI, 5.

Для библиографии Фулька, или Фульке, Марсельского, бывшего любимцем Раймунда V и ставшего самым непримиримым врагом Раймунда VI, см.: Paul Meyer, ap. Vaissete, изд. Privat. VII, 444. Данте помещает его в аду вместе с Куниццой (Cunizza), развратной сестрой Эццелина да Романо («Рай», IX); о нем передают, что, говоря однажды проповедь, он сравнил еретиков с волками, а верных с овцами. Тогда поднялся с места один еретик, которому Симон де Монфор велел выколоть глаза и отрезать нос и губы, и сказал: «Видали ли вы когда-нибудь волка, с которым поступили как с овцой?» На это Фульк возразил, что Монфор — прекрасная собака, хорошо искушавшая волка. Но о нем сохранились и другие, лучшие рассказы: встретив нищего еретика, он подал ему милостыню со словами, что подает на бедность, а не на ересь.—Chabaneau, ap. Vaissete, изд. Privat, X, 292.

вольствуясь возможностью проповедовать и обращаться в свою веру, они жили в полной дружбе со своими соседями-католиками; но церковь не могла мириться с подобным положением вещей. Она всегда полагала, что светская власть, не преследуя других верований, тем самым преследовала свое верование; да и в силу закона ее существования она не могла разделять с кем-либо свое господство над душами людей. В данном же случае положение было еще серьезнее, так как веротерпимость, на которую жаловалась церковь, грозила ей полным падением, и поэтому она считала себя вынужденной принять самые строгие меры не только в силу присваиваемых ею обязанностей, но и в силу простого инстинкта самосохранения.

Иннокентий III, вступивший на папский престол 22 февраля 1198 года, уже 1 апреля писал архиепископу Оша, жалуясь на успехи ереси и высказывания опасения относительно ее торжества. Этому прелату и его собратьям было предписано со всей строгостью налагать духовные наказания, а в случае надобности прибегать к содействию князей и народа. Не только еретики должны быть преследуемы и наказуемы, но нужно также принимать строгие меры против всех, кто имеет с ними сношения или подозревается в этом. Само собой разумеется, прелаты могли на это ответить только признанием своего бессилия. Иннокентий немного подождал и сам принял на себя инициативу: 21 апреля он послал во Францию двух комиссаров, Рэнье и Ги, с грамотами к прелатам, князьям, сеньорам и ко всему народу. Всем им предлагалось немедленно принять всевозможные меры, направленные к тому, чтобы отвратить от церкви опасность, которой ей угрожал рост катаров и вальденсов, совращавших народ подвигами показной люб-

ви к ближним и мнимой справедливости. Еретики, которые не захотят вернуться в лоно церкви, должны быть изгоняемы и лишаемы всего своего имущества; если светские власти откажутся применять эти меры или проявят небрежность в их применении, то на них должно налагать запрещение; если же они, наоборот, будут послушны и исполнительны, то давать им отпущение грехов, какое дается идушим на богомолье в Рим или на поклонение св. Иакову Компостельскому. Все же, кто будет иметь какие-либо сношения с еретиками, должны быть наказуемы как еретики. Только через шесть месяцев после этого папа уполномочил Рэнье уничтожить зло в корне, разрешив ему реформу церквей и восстановление в них порядка; очевидно, папа считал репрессии более важным делом.

В июле 1199 года власть Рэнье была еще более расширена, так как ему было дано звание папского легата, и следовательно, все должны были повиноваться ему и оказывать почтение как самому папе. Гильом, сеньор Монпелье, попросил между тем, чтобы к нему прислали легата для подавления ереси. Хотя Гильом и был глубоко верующий католик, но это проявление религиозной ревности было вызвано побочными мотивами: ему хотелось добиться узаконения своих детей от второй жены, тогда как не был признан законным его развод с первой. Иннокентий отказал ему в присылке легата, и рвение его охладело. В то же время легат показал, что он бессилен провести реформу церкви: он донес на двух очень высокопоставленных лиц, архиепископов Нарбонны и Оша, безнравственность и нерадение которых довели церковь в их провинциях до самого плачевного состояния; но процесс об удалении епископов тянулся десять или двенадцать лет. Понятно,

при таких условиях не могло быть и речи об общей реформе¹.

Можно даже сказать, что, по крайней мере в течение некоторого времени, отдельные попытки поднять церкви лишь ухудшали положение, так как прелаты, разъяренные, что так много полномочий дано непосредственным представителям Рима, отказывались принимать участие в борьбе с ересью. Одно время было даже опасение, что они пойдут заодно с еретиками против Святого Престола, чтобы оградить самих себя и подчиненное им духовенство от захвата Римом.

Летом 1202 года Рэнье захворал, и его заменили два цистерцианских монаха из Фонфруа – Петр де Кастельно и Рауль, которым удалось бесконечным рядом наказаний и угрозой городу мщением короля вырвать у магистрата Тулузы клятвенное обещание отречься от ереси и изгнать еретиков; в свою очередь, они поклялись, что льготы и свободы города будут неприкосновенны. Но едва успели они удалиться, как тулузцы забыли свои обещания. Ободренные этим мнимым успехом, монахи обратились с такой же просьбой к графу Раймунду и добились его согласия; но условия, при которых им пришлось действовать, показывают, что задача их была нелегкая. Когда они попросили архиепископа Нарбоннского сопровождать их к графу Тулузскому, то он не только отказал им, но даже не оказал никакой поддержки, и лишь с большим трудом добились они от него лошадей на дорогу. Епископ города Безье также отказался сопровождать их. Они обратились к нему с просьбой вызвать консулов Безье, чтобы они отреклись от ереси и поклялись защищать церковь;

---

¹ Regest., I, 92, 93, 94, 165, 395; II, 122, 123, 298; III, 24; V, 96; VII, 17, 75; VIII, 75, 106; IX, 66; X, 68; XIII, 88; XIV, 32, XVI, 5. – Vaissete, III, 117.

епископ не двинул пальцем и даже стал создавать всякие затруднения посланникам папы, и хотя в конце концов ему было сказано, что магистраты за свою неявку будут отлучены от церкви, он все же продолжал ничего не делать. А между тем ересь в Безье настолько процветала, что виконт должен был разрешить каноникам укрепить церковь св. Петра из боязни, чтобы еретики не захватили ее силой. По всей вероятности, епископ Безье был напуган неприятностями, постигшими его соседа, каркассонского епископа Беранже, который за то, что пригрозил своей пастве духовными карами, был изгнан ею из города, и всякое сношение с ним было запрещено под страхом крупного штрафа¹.

Дерзость еретиков вызвала на бой энергичного Иннокентия. Сестра могущественного графа де Фуа, Эсклармонда, вместе с пятью другими знатными дамами присоединилась к ереси на публичном собрании катаров, где присутствовало много знати и рыцарей. Было замечено, что на этом собрании только один граф не дал катарским священнослужителям еретического приветствия, известного под именем *veneratio*. В Каркассоне, под председательством короля арагонского, Петра Католика, состоялся большой, но безрезультатный публичный диспут между легатами и несколькими учеными еретиками. Положение было настолько безнадежно, что, по словам Иннокентия, только новый потоп мог очистить страну и подготовить ее к принятию новых людей².

---

¹ Petri Sarnens, c. 1, 17.—Vaissete, III, 129, 134–5; Preuves, 197.—Regest. VI, 242 – 3.

² Petri Sarnens, c. 3.—Vaissete, III, 133, 135.—Guillem. de Tudela, IV. Я цитирую эту поэму по изданию Фориеля (1837 г.). Стихотворный перевод, сделанный Мари-Лафон, вышел в 1868 году; критическое издание сделано П. Мейером.

Решившись испытать крайнее средство, папа назначил легатом «аббата аббатов», Арнольда Ситосского, начальника цистерианского ордена, человека энергичного, непреклонного поборника старого католицизма и одаренного редкой настойчивостью. В конце мая 1204 года Иннокентий предоставил чрезвычайные полномочия комиссии, составленной из Арнольда и монахов Фон-фруа. Прелаты зараженных ересью провинций получили строгие замечания, и им было приказано во всем повиноваться легатам, под страхом навлечь на себя гнев Святого Престола. Легатам было дано полномочие «разрушать повсюду, где были еретики, все, подлежащее разрушению, и насаждать все, подлежащее насаждению». Самостоятельность местных церквей была уничтожена одним росчерком пера: Рим объявил свою диктатуру.

Зная, что церковные запрещения потеряли всякое значение, Иннокентий решился прибегнуть к силе. Согласно инструкциям, данным легатам, всякий не раскаявшийся еретик должен быть передан в руки светской власти; сам он должен быть осужден на смерть, а имущество его конфисковано; сверх того, легаты должны были предложить Филиппу-Августу и его сыну, Людовику Львиное Сердце, если они будут помогать в подавлении ереси, полное отпущение грехов, как будто они совершили крестовый поход в Святую Землю; то же обещали всем сеньорам; даже и беспокойные элементы населения были побуждаемы к участию приятной перспективой богатой наживы, с одной стороны, и полного прощения грехов – с другой. Особой статьей легаты были уполномочены даже отменять все духовные наказания, которые полагались за насилие над личностью, если кто-нибудь провинится в этом при преследовании еретиков. В то же время Иннокентий писал Филиппу-Августу, убеж-

дая его поднять меч на волков, опустошавших стадо Господне. Если ему нельзя почему-либо идти самому, то пусть пошлет он своего сына или какого-нибудь опытного военачальника; но лишь бы он согласился применить на это власть, полученную им от неба. Папа признавал за ним право захвата и присоединения к своим владениям земель всех тех вельмож, которые откажутся помочь ему в его борьбе против еретиков¹.

Иннокентий поставил на карту все – и проиграл. Менее чем когда-либо желали прелаты, лишенные всякого авторитета, оказывать содействие легатам. Филипп-Август не тронулся обещанием земных и небесных благ, которыми его старались прельстить. Он уже имел отпущение грехов за крестовый поход и, по всей вероятности, находил, что оно не стоило принесенных им жертв; к тому же его недавние приобретения в Нормандии, Анжу, Пуату и Аквитании, сделанные на счет Иоанна Английского, поглощали все его внимание, и он мог бы легко потерять их, если бы в погоне за новыми завоеваниями создал себе новых врагов. Поэтому он воздержался отозваться на призыв папы.

Петр де Кастельно потерял всякую энергию и умолял, чтобы ему позволили вернуться в родное аббатство; но папа отказал ему, утешая, что Бог вознаградит его по его стараниям, а не по их успешности. Второе обращение к Филиппу-Августу в феврале 1205 года также осталось без всякого результата. Тогда в июне следующего года Иннокентий обратился к Петру Арагонскому и уступал ему все земли, которые он завоеует у еретиков; через год он предложил ему и все их имущество. Единственным следствием этих пере-

---

¹ Regest. VII, 76, 77, 79, 165.

говоров было то, что Петр захватил замок Эскюр, принадлежавший папе, но занятый катарами. Правда, положение дел в Тулузе наружно изменилось, и даже были вырыты кости нескольких людей, уличенных в ереси. Но эта пустая победа была тотчас же сведена на нет муниципалитетом, издавшем закон, воспрещающий возбуждать преследования против мертвых, которые не были обвинены еще при жизни, если только они не приняли посвящения в ересь (*haereticatio*) на одре смерти¹.

Однажды во время одного диспута, где катары, по обыкновению, одержали победу, епископ Тулузский Фульк спросил у Понса Родельского, рыцаря, известного своей мудростью и своей преданностью церкви, почему не изгоняет он из своих владений тех, кто явно исповедует ересь? «Как же мы можем это сделать? — возразил рыцарь. — Ведь мы учились с ними, ведь у нас есть среди них родные, и, наконец, мы все видим чистоту их жизни». Рвение богословов было бессильно обратить это расположение в дикуую ненависть, и мы охотно верим сообщению монаха из Во-Сернэ, что все почти местные сеньоры покровительствовали еретикам, искренне любили их и отстаивали их перед Богом и церковью².

Все, казалось, потеряно, когда один непредвиденный случай возбудил рвение и дал надежду приверженцам католицизма. В 1206 году, в середине лета, все три папских легата съехались в Монпелье и решили отказаться от своей миссии. Случайно в это же время прибыл в Монпелье, на обратном пути из Рима, испанский прелат, епископ Осмы Диего де Азеведо; в Риме он

---

¹ Regest. VII, 210, 212; VIII, 94, 97; IX, 103.—J. Havet, «L'Heresie et le bras seculier» («Bibl. de l'Ecole des Chartes», 1880, с. 582).

² Guill. de Pod.-Laur. c. 8.—Pet. Sarnens., с. 1.

*Освобождение альбигойцев, по приговору Каркассонской
инквизиции замурованных в стене
(С картины Laurens'a)*

тщетно умолял Иннокентия позволить ему отказаться от епископской кафедры и посвятить остаток дней своих на проповедь слова Божия среди неверных. Узнав о решении легатов, он приложил все силы, чтобы убедить их продолжить свою миссию; он посоветовал им отослать их блестящую свиту и отказаться от нынешней пышности, которой они себя окружали; он убеждал их идти на проповедь босыми и нищими, как апостолы. Легаты в конце концов согласились на это, но просили прелата, чтобы кто-нибудь, пользующийся авторитетом, показал им пример. Диего предложил себя. Он отослал всех своих спутников и оставил при себе только одного помощника, приора Доминика де Гузмана, который по дороге из Осмы в Рим обратил уже одного еретика в Тулузе. Арнольд вернулся в Сито, чтобы председательствовать на общем собрании ордена и набрать миссионеров; а два других легата вместе с Диего и Домиником начали свою новую деятельность в Карамане. Здесь они целую неделю вели диспуты с ересиархами Бодуэном и Тьерри, из которых последний, как мы уже упоминали, за несколько лет перед этим был изгнан из Нивернэ. По свидетельству современников, им удалось обратить весь простой народ, но владелец замка решительно отказался изгнать двух ученых еретиков¹.

Осень и зима прошли в подобных же беседах. В начале весны 1207 года Арнольд окончил свое собрание и набирал себе много добровольных помощников, среди которых было двенадцать аббатов. На лодках спустились они по Соне до Роны и пешком, без всякой свиты, выступили на поле своей новой деятельности. Здесь, разделившись на группы по два и по три, они, босые, разошлись в разные стороны и начали проповедовать по городам и весям; три месяца

---

¹ Pet. Sarnens., c. 3.

ходили они как настоящие апостолы и всюду на своем пути находили тысячи еретиков и единицы верных; обращения были редки, и к тому же они побуждали миссионеров еретиков лишь к более усиленной работе. При этом замечательно рельефно сказались кротость и терпимость катаров: ни один из монахов-проповедников не подвергся действительной опасности; а между тем это были люди, которые недавно еще вызывали к наиболее могущественным государям христианского мира и увещевали их уничтожить катаров огнем и мечом. Время от времени монахи, правда, жаловались на оскорбления, но никогда им не угрожало насилие, за исключением, быть может, случая с Петром де Кастельно, который, по-видимому, возбуждал к себе в Безье крайнюю ненависть. Несмотря на весьма широкие полномочия, которыми они были облечены, легаты были вынуждены обратиться к Иннокентию с просьбой, чтобы он разрешил им предоставлять право публичной проповеди достойным, по их мнению, лицам. Это свидетельствует, как ревностно в то время церковь стремилась ограничить право проповеди; и благоприятный ответ Иннокентия легату был одним из крупных событий века, так как он дал толчок движению, породившему могущественный орден св. Доминика¹.

Петр Кастельно покинул своих товарищей и отправился в Прованс восстанавливать мир между дворянами в надежде объединить их для дела изгнания еретиков. Так как Раймунд Тулузский отказался сложить оружие, бесстрашный монах отлучил его от церкви и наложил интердикт на его владения. В конце концов

---

¹ Pet. Sarnens., c. 3, 5.—Rob. Autissidor. ann. 1207.—Guill. Nangic. ann. 1207.—Guill de Pod.-Laur., c. 8.—Concil. Narbon. ann. 1208.—Regest. IX, 185.

он в самых резких выражениях бросил ему в лицо обвинение в клятвопреступлении и в разных других проступках. Раймунд терпеливо перенес эти упреки; а Петр между тем обратился к Иннокентию, чтобы тот санкционировал его решение. К Раймунду в это время с ненавистью относились все паписты, которые упрекали его в том, что, несмотря на свои неоднократные клятвы, он совершенно не преследует своих поданных еретиков. Хотя он и оставался по внешности католиком, тем не менее, его обвиняли в тайной принадлежности к ереси; говорили, что его всегда сопровождало несколько Совершенных, одетых в обыкновенное платье, и что при нем был всегда Новый Завет, чтобы в случае внезапной смерти над ним мог быть совершен обряд посвящения в ересь (*haereticatio*). Раймунд, говорили, открыто заявил, что он охотнее согласится стать последним нищим еретиком, чем быть католическим королем или императором; говорили, что он прекрасно знал, что, рано ли, поздно ли, его лишат владений за его покровительство еретикам, но что он был готов претерпеть за них все, даже смертную казнь. Все эти и многие другие слухи, снабженные преувеличенными рассказами о развратном поведении графа, распространялись ревностными монахами, лишь бы сделать имя его ненавистным; но совершенно не доказано, чтобы он, хотя он и был вполне индифферентен к вопросам веры, склонялся когда-либо к ереси или чтобы он когда-либо по собственной воле мешал легатам в их миссионерской деятельности. Они свободно могли обращать еретиков словом убеждения, но они не могли простить Раймунду, что он отказывался в угоду им залить свою страну кровью и предать ее огню и мечу¹.

---

¹ Pet. Sarnens., c. 3, 4.

Особой грамотой на имя Раймунда, от 29 мая 1207 года, Иннокентий подтвердил решение легата. В этой грамоте со всей страстностью отразилась та ненависть, которая накопилась против графа в течение долгих лет бесплодной борьбы с ним. Папа угрожал ему мщением Бога на том и на этом свете и писал, что отлучение от церкви и запрещение не могут быть сняты до тех пор, пока он не удовлетворит всех предъявленных к нему требований; если же он будет медлить, то он будет лишен областей, полученных им от церкви, а если и это не возымеет на него действия, то папа призовет всех христианских князей разделить между собой его владения, чтобы можно было навсегда очистить их от ереси. Соображения, приводимые папой в оправдание этих суровых мер, были лишь повторением старых сетований; положение вещей, на которое жаловался папа, было в течение двух поколений настолько нормальным состоянием Лангедока, что веротерпимость стала как бы признанной местным государственным правом. Далее Иннокентий ставил в вину Раймунду, что он продолжал воевать, несмотря на приказание легатов заключить мир, что он отказался приостановить военные действия на время праздника, что он не сдержал своей клятвы очистить свою страну от еретиков, что он нанес оскорбление христианской религии, допустив евреев на общественные должности, что он ограбил церковь и оскорбил нескольких епископов, что он продолжает пользоваться услугами наемных банд и что, наконец, он увеличил дорожные пошлины. Можно предполагать, что этот длинный обвинительный акт заключается в себе все пункты, которые, хотя бы несколько, возможно было обосновать и доказать¹.

---

¹ Regest, X, 69.

Некоторое время папа ждал результатов своих угроз и трудов своих миссионеров; но результаты были ничтожны. Раймунд, правда, заключил мир с дворянами Прованса, и отлучение было снято с него; но он по-прежнему оставался индифферентным в религиозных вопросах, а цистерцианские аббаты, обескураженные упорством еретиков, один за другим уходили и возвращались в свои монастыри. Легат Рауль умер; Арнольда Ситосского более важные дела отозвали в другое место; умер и епископ Азеведо – как раз в то время, как он собирался вернуться в Испанию. Но Азеведо оставил после себя во Франции пылкого Доминика, который посвятил свои силы на то, чтобы объединить вокруг себя нескольких ревностных людей, ядро будущего ордена проповедников; единственным представителем Рима оставался Петр Кастельно, пока Рауля не заместил епископ Консеранский.

Все средства были испробованы, и все они оказались безуспешны; оставалось только прибегнуть к помощи насилия, и Иннокентий со всей энергией отчаяния обратился к этому последнему средству. Чтобы привлечь на свою сторону Филиппа-Августа, он милостиво отнесся к недоразумениям, вызванным браком короля с Агнессой Меранской от живой его супруги Ингеборги Датской, с которой его развели епископы. Кроме того, он обратился к верным всей Франции и послал особые грамоты ко всем более могущественным сеньорам. Эти грамоты, отправленные 17 ноября 1207 года, патетически изображали успехи ереси и бесплодность всех усилий, направленных на обращение еретиков на путь истины; так как на них не действовали ни угрозы, ни кроткие увещания, не оставалось ничего иного, как обращение к вооруженной силе. Всем, кто откликнется на этот призыв, было обещано такое же отпущение грехов, как и кре-

стоносам, шедшим на освобождение гроба Господня. Церковь брала под свое покровительство земли тех, кто поднимет оружие на ее защиту, и уже обещала отдать земли еретиков. Всем заимодавцам новых крестоносцев предписывалось отложить взыскания по их долговым обязательствам, без права требовать за это время проценты на капитал, а духовным лицам, которые подняли бы оружие, разрешалось заложить свои доходы за два года вперед¹.

Действие этого страстного воззвания было такое же, как и предшествовавших. Иннокентий в продолжение нескольких лет возбуждал воинственный пыл Европы в пользу римского господства в Константинополе, и пыл этот, по-видимому, остыл на некоторое время. Филипп-Август сухо ответил, что его отношения с Англией не позволяют ему раздроблять силы, но что если ему будет гарантировано перемирие на два года, то он не будет иметь ничего против того, чтобы его бароны предприняли крестовый поход, и сам он готов поддерживать его в таком случае ежедневной выдачей 50 ливров в течение года.

Таково было положение вещей, когда неожиданный случай разом все изменил. Убийство легата Петра де Кастельно произвело такое же ужасное впечатление во всем христианском мире, как тридцать восемь лет перед этим убийство Бекета. Рассказы об этом трагическом происшествии настолько противоречивы, что в настоящее время невозможно восстановить подробности. Мы знаем, что Петр резко задевал за живое Раймунда в своих речах; знаем далее, что граф, испуганный грозящим ему крестовым походом, пригласил легатов на свидание в С.-Жиль, заранее обещая церкви сыновнюю покорность; наконец, мы знаем, что

---

¹ Pet. Sarnens., c. 3, 6, 7.—Reest. X, 149, 176; XI, 11.

во время совещания возникли разные затруднения, так как Раймунд не находил возможным выполнить требования легатов. По провансальской версии убийство Петра произошло следующим образом: он вступил в жаркий спор по вопросам религии с одним из придворных, который в пылу спора выхватил кинжал и убил его; Раймунд был очень огорчен этим грустным происшествием, и над убийцей был бы немедленно произведен суд, если бы ему не удалось бежать и скрыться у одного из своих друзей в Бокере. В совершенно ином виде было представлено дело в донесении, посланном тогда же в Рим епископами Консеранса и Тулузы, которые желали возбудить гнев Иннокентия против Раймунда. В донесении говорится, что после долгих и бесплодных рассуждений легаты заявили о своем желании уехать; тогда граф начал грозить им смертью, добавив, что он будет преследовать их на суше и на воде. Аббат С.-Жиля и горожане, не будучи в состоянии укротить гнев графа, дали легатам конвой, и им удалось благополучно достигнуть берега Роны, где они и расположились на ночь. На другой день, 16 января 1208 года, утром, когда легаты собирались переправиться через реку, к ним подошли два иностранца, из которых один пронзил Петра копьем; повернувшись лицом к убийце, Петр воскликнул: «Да простит тебе Бог, как я прощаю тебя!» Вместо того чтобы наказать виновного, Раймунд оказал ему покровительство, наградил его и посадил даже с собой за стол. К этому в донесении было добавлено, что Петр, умерший смертью мученика, несомненно проявил бы чудеса, если бы не помешало неверие народа. Этот рассказ был составлен лишь для подтверждения папского предания. Весьма возможно, что гордый и могущественный граф, раздраженный постоянными упреками и бесконечными угрозами, ска-

зал в минуту гнева что-нибудь лишнее, что и было поспешно исполнено не в меру ревностным слугой; верно также, что Раймунду никогда не удалось смыть с себя подозрения в участии в этом убийстве; но, с другой стороны, немало есть указаний на то, что сам Иннокентий никогда не верил в виновность графа¹.

Это преступление дало церкви значительное превосходство над врагами, и Иннокентий поторопился воспользоваться им в интересах церкви. 10 марта он разослал ко всем прелатам зараженных ересью провинций послания, в которых предписывалось каждое воскресенье и каждый праздник по всем церквям предавать анафеме «с колокольным звоном, над Евангелием и свечой» убийц Петра и их покровителей (понимать надо – Раймунда) и налагать запрещения на все места, оскверненные их присутствием. Все вассалы Раймунда были освобождены от принесенной ими присяги, и всякому желающему католику разрешалось свободно основываться в его владениях. Если он пожелает просить прощения, то в доказательство своего раскаяния он должен прежде всего уничтожить еретиков. Такие грамоты были посланы Филиппу-Августу и всем его главным баронам; папа красноречиво убеждал их поднять крест на спасение церкви; были посланы особые комиссары для переговоров о заключении перемирия на два года между Францией и Англией; одним словом, не было упущено ничего, лишь бы превратить в кровожадное рвение то ужасное впечатление, которое действительно произвело на всех святоотечественное убийство легата.

---

¹ Vaissete, изд. Privat, VIII, 557.—«Hist. du comte de Toulouse» (Vaissete, III, Pr. 3, 4).—Guill. de Pod.,—Laur., c. 9.—Pet. Sarnens., c. 9.—Rob. Autissidor. ann. 1209.—Guill. Nangiac. ann. 1208.—Regest. XI, 26; XII, 106.—Guill. de Tud., V.

Арнольд Ситосский поспешил созвать общее собрание своего ордена; на этом собрании было единогласно постановлено проповедовать крестовый поход. И вскоре множество монахов стало трудиться над тем, чтобы зажечь народные страсти, обещая по всем церквам и площадям Европы вечное спасение будущим крестоносцам¹.

И долго тлевшая искра вспыхнула ярким пламенем.

Чтобы понять, с какой силой разгорались в средние века народные страсти, мы должны помнить, как легко народы той эпохи поддавались впечатлению минуты и доходили до исступления, о котором у нас сохранилось лишь одно воспоминание. В то время как проповедовался этот крестовый поход, многие города и посады Германии наводнились женщинами, которые, не имея возможности удовлетворить свое религиозное рвение вступлением в ряды крестоносцев, раздевались и голые бегали по улицам и дорогам. Еще более ярким признаком умоисступления той эпохи является крестовый поход детей, которые тысячами бросали свои дома. По всей стране можно было видеть толпы детей, направлявшихся в Святую Землю без всякого предводителя или проводника; на вопрос, что они хотят делать, они отвечали просто, что идут в Иерусалим. Тщетно родители запирали своих детей на замок; они убегали и пропадали. Не многие из них вернулись домой, и вернувшиеся не могли ничем объяснить бесшеное желание, охватившее их.

Не нужно также упускать из виду других, менее возвышенных причин, привлекавших людей под знамена крестоносцев; немало было таких, которые искали случая пограбить да погулять; немало таких, ко-

---

¹ Regest. XI, 26, 28–33.—Arch. Nat. J. 430, № 2.—«Hist. du comte de Toul.» (Vaissete, III, Pr. 4).

которые желали снискать себе неприкосновенность крестоносцев. Мы встречаем, например, такой случай: один негодяй вступил в ряды крестоносцев, чтобы не платить долга, сделанного им на ярмарке в Лилле; но в самый последний момент он был задержан и выдан своему кредитору. Усмотрев в этом нарушение обещанной папой неприкосновенности личности крестоносца, Реймский архиепископ отлучил от церкви графиню Матильду Фландрскую и наложил запрещение на всю страну, чтобы добиться освобождения неисправного плательщика. Граф Овернский Ги совершил непростительное преступление, заключив в тюрьму своего брата епископа Клермонского, и был за это отлучен от церкви; но он получил полное отпущение грехов, лишь только выразил желание присоединиться к Господней армии. Понятно и без дальнейших пояснений, каков был состав армии, набранной подобным путем¹.

Были еще и другие мотивы, делавшие крестовый поход популярным. Между Северной и Южной Францией существовала старинная племенная вражда, увеличившаяся еще завистью жителей севера и их желанием закончить франкское покорение юга, которое так часто начиналось и никогда не доходило до конца. Духовные блага были обещаны те же, что и за поход в Святую Землю, хотя последний поход был несравненно дороже и опаснее; никогда еще райские блаженства не продавались так дешево. Все это предвещало успех походу. Более чем сомнительно, чтобы Филипп-Август открыто содействовал этому делу; но он предоставил своим баронам полную свободу

---

¹ Alberti Stadens. «Chrom.», ann. 1212.—Chron. Jacob von Konigshofen («Chron. d. deutschen Stadte», IX, 649).—Regest. XI, 234; XV, 199.

действий, а сам воспользовался обстоятельствами, чтобы устроить свое бракоразводное дело. Под предлогом натянутых отношений с королем Иоанном и императором Оттоном он отказался от личного участия; но в то же время он заявил папе, что никто не имеет права конфисковать владений Раймунда раньше, чем он будет обвинен в ереси, чего еще не было сделано; когда же он будет обвинен, то назначить наказание будет делом сюзерена, а не Святого Престола. Все это было вполне согласно с действующим законом, так как в судебную практику Европы не был введен еще принцип, что подозрение в принадлежности к ереси лишало подозреваемого всех прав; введению этого принципа много помогло дело Раймунда, так как церковь без всякого суда лишила его сначала владений, а уж потом сделала постановление о его низложении; королю оставалось только успокоиться. Но призванные церковью под знамя креста были не такие люди, чтобы остановиться перед чем-либо из уважения к законам. Прежде всего откликнулось несколько наиболее могущественных сеньоров того времени – герцог Бургундский, графы Невера, С.-Поля, Оксера, Монфора, Женевы, Пуатье, Фореза и много епископов; затем, позднее, прибыли сильные отряды немцев под предводительством герцогов Австрии и Саксонии и графов Бара, Юлиха и Берга. Шли из Бремена и из Ломбардии. Летописи сообщают, что даже и некоторые славянские князья шли с родины катаризма сражаться против него в странах, где он развился позднее всего. Верующих привлекали щедрые обещания вечного спасения, воинственных влекла рыцарская слава, и всех равно привлекала добыча; можно было надеяться, что армия крестоносцев, набранная среди рыцарей и среди подонков Европы, с корнем уничтожит преграду, ко-

торая в течение трех столетий разбивала все усилия церкви¹.

Пока собиралась гроза, Раймунд попытался предотвратить опасность. Сознавая всю серьезность положения, созданного убийством прелата, он был готов, чтобы удержать свою власть, пожертвовать своей честью и своими подданными. Он поспешно отправился к своему дяде, Филиппу-Августу, который дружески принял его и посоветовал ему покориться, запретив только обращаться за помощью к императору Оттону. Раймунд, бывший вассалом императора по своим заронским владениям, не послушался короля, — и это было крупной ошибкой с его стороны, так как он не получил ничего от Оттона и разошелся с королем. Узнав на обратном пути, что в Обена предстоит под председательством Арнольда собрание, он поспешил явиться туда в сопровождении своего племянника, молодого Раймунда Рожера, виконта Безье, и приложил все старания, чтобы доказать свою невиновность и заключить мир. Холодно отказались выслушать его и предложили ему обратиться в Рим. Виконт города Безье советовал ему бороться, но мужество Раймунда не соответствовало обстоятельствам. Дядя и племянник поссорились, и последний пошел войной на первого; Раймунд же в это время отправил послов в Рим узнать об условиях мира и просить о присылке новых легатов, так как прежние были очень дурно расположены к нему. Иннокентий потребовал, чтобы он в доказа-

---

¹ Guill. Briton. «Philippidos», VIII, 490–529.—Regest. XI, 156–159, 180–182, 231, 234.—Vaissete, III, Pr. 4, 96.—Vaissete, изд. Privat, VIII, 559, 563.—Pet. Sarnens., c. 10, 14.—Guill. de Tudela, VIII, LVI, CLIV.—Alberti Stadens. «Chron.» ann. 1210.—Caes. Heisterb. «Dial. Mirac.» dist. V, c. 21.—Reineri Monach. Leodiens. «Chron.» ann. 1210, 1213.—Chron. Engelhussii (Leibnitz, «Script. rer. Brunsw.» II, 1113).

тельство своего чистосердечного раскаяния передал в распоряжение церкви семь своих наиболее важных крепостей; только на этом условии соглашались выслушать его и, если он докажет свою невиновность, обещали ему прощение. Раймунд принял эти условия и оказал самый лучший прием новым представителям церкви, Мило и Феодосию; последние, в свою очередь, проявляли в отношении его такое дружеское расположение, что граф был искренне огорчен смертью Мило в Арле и был уверен, что в его лице он потерял своего защитника. Раймунд не знал, что легаты получили от папы тайные инструкции прельщать его радужными обещаниями, оторвать его от еретиков, а затем, когда крестоносцы одержат верх над катарами, поступить с ним по своему усмотрению¹.

Раймунд был грубо обманут этой вероломной и бессовестной политикой. Он передал Феодосию семь замков, и благодаря этому всякое сопротивление в будущем стало для него уже трудным. Консулы Авиньона, Нима и С.-Жилья присягнули в том, что не будут оказывать Раймунду повиновения, если он не подчинится без всяких оговорок всем будущим приказаниям папы. После этого он примирился с церковью на самых унижительных условиях. Новый легат Мило в сопровождении двадцати архиепископов и епископов прибыл в С.-Жиль, место предполагаемого преступления, и там 18 июня 1209 года все они расположились перед главным входом в храм. Раймунд предстал перед ними, раздетый до пояса, как кающийся грешник, и у мощей св. Эгидия поклялся во всем повиноваться церкви. Тогда легат взял эпитрахиль, петлей надел ее на шею Раймунда и ввел его таким образом в церковь; во время шествия его били прутьями по

---

¹ Guill. de Pod.-Laur., c. 13.—Vaissete, III, Pr. 4, 5. Regest. XI, 232.

спине и плечам. Пред алтарем ему было дано прощение. Толпа, собравшаяся посмотреть на унижение графа, была так многочисленна, что невозможно было выйти назад через двери. Раймунда заставили спуститься еще в склеп, где покоилось тело Петра де Ка-стельно, душа которого, как говорят, радовалась, видя унижение своего врага, которого с окровавленной спиной обвели вокруг гробницы...

С богословской точки зрения, условия, на которых Раймунд получил отпущение, не были чрезмерны, хотя церковь прекрасно знала, что он не мог их выполнить. Ему было приказано искоренить ересь, удалить всех евреев от занимаемых ими общественных должностей и распустить наемников; он должен был вернуть церк-вам то имущество, которое у них отняли, сделать до-роги безопасными, отменить произвольные дорожные пошлыны и свято соблюдать Мир Божий¹.

Ценой всех этих жертв Раймунд получил только разрешение принять участие в крестовом походе и присутствовать при покорении своей страны. Через четыре дня после отпущения грехов он торжественно получил из рук легата Мило крест и дал следующую клятву: «Во имя Всемогущего Бога! Я, Раймунд, герцог Нарбоннский, граф Тулузский и маркиз Прованский, клянусь пред святым Евангелием, что, когда придут в мои владения вожди крестоносцев, я буду во всем послушен им; не только в том, что касается их личной безопасности, но и во всем, что прикажут они в разумении своего блага и нужд их армий». В июле 1209 года Иннокентий, как всегда двуличный, написал Раймунду, поздравляя его с изъятием покорности и обещая за это ему небесные и земные бла-га; но тот же посланный привез грамоту и на имя

---

¹ Pet. Sarnens., c. 11, 12.—Regest. XII, post Epist. 85, 107.

Мило, которого папа убеждал действовать так, как он начал; и легат, узнав по слухам, что граф отправился в Рим, предупредил об этом своего повелителя, прося его не портить дела. «Что касается графа Тулузского,—писал он,—то это враг всякой правды и справедливости. Если он поехал к вам, чтобы получить обратно отданные им мне замки, как он хвастается, как о деле уже решенном, то не внимайте его речам, ловким только в злословии; но сделайте так, чтобы он, как он этого заслуживает, с каждым днем все сильнее чувствовал на себе тяжелую руку церкви. Выдав мне, по крайней мере, пятнадцать человек в залог своей клятвы, он уже преступил ее. Таким образом, он, очевидно, потерял всякое право как на Мельгейл, так и на семь крепостей, находящихся в моих руках. К тому же крепости эти настолько важны, что при поддержке баронов и простого народа, преданных интересам церкви, нам будет легко удерживать их за собой и выгнать его из страны, которую он осквернил своей скверной». Лицемер и пройдоха, писавший это письмо, был, по мнению Раймунда, его преданным другом и покровителем!

Ненависть Мило скоро дала себя почувствовать. Разрешение от грехов, купленное Раймундом столь дорогой ценой, было взято обратно; мало того, его отлучили от церкви, а на его владения наложили запрещение под тем предлогом, что он в течение тех шестидесяти дней, когда принимал участие в крестовом походе, не выполнил невозможного обязательства — не изгнал всех еретиков. Город Тулуза подвергся особой анафеме за то, что не выдал крестоносцам всех своих граждан, принадлежавших к ереси. Правда, немного позднее Раймунду отсрочили выполнение принятых им на себя обязательств до праздника всех святых; но уже было ясно, что его заранее осудили

и что только полное его падение могло удовлетворить неумолимых легатов¹.

Между тем крестоносцы собрались в таком числе, что никогда еще, как с радостью говорит Ситосский аббат, христианский мир не видел подобной армии; говорят, и быть может без особого преувеличения, что в состав ее входило до 20 000 всадников и до 200 000 пеших, считая крестьян и простолюдинов, и кроме того, два вспомогательных отряда, прибывших с Востока. Легатам было предоставлено право брать у местного духовенства столько денег, сколько они найдут нужным, требуя их под угрозой отлучения от церкви; равным образом и доходы мирян были предоставлены в распоряжение легатов, но лишь с той оговоркой, что легаты не могли принуждать их платить без согласия на то сеньоров. Располагая, таким образом, всеми богатствами Франции, а также имея в своем распоряжении неисчерпаемый источник доходов от продажи индульгенций, легаты легко могли содержать разноплеменную армию, к которой, при ее выступлении в поход, наместник Бога обратился со следующими словами: «Вперед, храбрые воины Христа! Спешите навстречу предтечам Антихриста и низвергните служителей ветхозаветного змия. Доселе вы, быть может, сражались из-за преходящей славы, сразитесь теперь за славу вечную. Вы сражались прежде за мир, сразитесь теперь за Бога. Мы не обещаем вам награды здесь, на земле, за вашу службу Богу с оружием в руках; нет, вы войдете в Царствие Небесное, и мы уверенно обещаем вам это!»²

---

¹ Regest. ubi supra; XII, 89, 90, 106, 107.

² Regest. XI, 230; XII, 97, 98, 99.—Guill. de Tudela, XIII.—Vaissete, III, Pr. 10. Прекрасный образчик того, как католические писатели искажают историческую истину, дал нам Лев XIII, который в офи-

Воспламененные этими словами, крестоносцы собрались 24 июня 1209 года в Лионе, и сюда же немедленно направился Раймунд, чтобы завершить свой позор, приняв на себя роль проводника враждебной армии. В залог он дал им своего собственного сына. Раймунда дружески встретили в Валансе, а затем он, под верховным начальством Арнольда, повел крестоносцев против своего племянника, виконта города Безье. Виконт выразил свою покорность легату, но последний отверг ее; тогда виконт поспешил укрепить свои крепости и поднять свои войска, чтобы остановить вторжение¹.

Нужно отметить, что эта война, носившая первоначально религиозный характер, принимала уже характер войны национальной. Покорность Раймунда и готовность виконта Безье выразить покорность лишили церковь благовидного предлога для враждебных действий; но жители севера горели нетерпением закончить завоевание, начатое еще за семь веков перед этим Хлодвигом, а население юга – и католики, и еретики – единодушно решило сопротивляться, не обращая внимания на то, что в начале кампании города и сеньоры дали многочисленные залогом своей верности. Между защитниками страны умолкли все религиозные распри, и редко мы слышим, чтобы верные сыны церкви оказывали крестоносцам поддержку, хотя они и могли бы приветствовать крестоносцев

циальном документе представил альбигойцев стремившимися разрушить церковь силой оружия; церковь, по словам папы, была спасена не оружием, а представительством Святой Девы, которую церковь привлекала на свою сторону благодаря изобретению доминиканцами в честь ее особых четок. – Leonis PP. XIII, Epist. Encyc. «Supremi Apostolatus» 1 sept. 1883 («Acta», III, 282).

¹ Pet. Sarnens., c. 15. – Guill. de Tud, XI, XIV. – Vaissete, III, Pr. 7.

как спасителей, пришедших избавить их от владычества катаров. Причиной этого было, с одной стороны, то, что катаризм никогда не проявлял тирании по отношению к католикам, а с другой, что юг Франции являл в эту эпоху почти единственный в средние века пример веротерпимости: чувство национального единства было здесь развито сильнее религиозного фанатизма. Этим объясняется, почему подданные Раймунда были так возмущены его малодушием; они постоянно убеждали его сопротивляться до последней капли крови и во всем и всегда выказывали верность как ему, так и его сыну до окончательного падения Тулузского дома.

Раймунд Рожер Безьерский укрепил свою столицу, а затем скрылся в более надежную крепость Каркассон, чем привел своих подданных в сильное уныние. Епископ Безьерский Регинальд находился в рядах крестоносцев, и когда они подошли к стенам города, легат поручил ему объявить городу, что он будет пощажён, если согласится изгнать или выдать еретиков, поименованных в списке. Но когда епископ вступил в город и обратился с этим предложением к наиболее видным жителям города, они единодушно отказали ему. Католики и катары были настолько хорошими согражданами, что не могли предавать друг друга. Они будут, ответили они, защищаться до последней капли крови, раньше чем их принудят пожрать собственных детей. Этот неожиданный ответ так рассердил легата, что он поклялся уничтожить город, не щадя ни пола, ни возраста, и не оставить камня на камне. В то время, как вожди армии советовались о предстоящей атаке, толпа следовавших за армией людей – безоружных, по свидетельству легатов, и лишь полагавшихся на Бога – ринулась на стены и завладела ими без ведома и приказаний начальников армии. Последняя кинулась за толпой, и легат

сдержал свое слово: произошла резня, почти беспримерная в летописях Европы. Ни одно живое существо – от грудного младенца и до дряхлого старика – не было пощажено. Говорят, что семь тысяч человек было избито в церкви святой Марии Магдалины, куда они скрылись, ища убежища. Сами легаты определяли число убитых приблизительно в 20 000, а достойные меньшего доверия летописцы дают цифру в четыре и пять раз большую. Один современник, ярый цистерцианец, сообщает нам, что к легату Арнольду обратились с вопросом, следует ли щадить католиков. Представитель папы, боясь, чтобы не ускользнули еретики, выдавая себя за католиков, дал следующий жестокий ответ: «Убивайте их всех; Бог там уж их разберет!» Все были вырезаны, все было разграблено и город сожжен; в этот жаркий июльский день заходящее солнце осветило лишь дымящиеся развалины и обуглившиеся трупы – жертву всесожжения, принесенную Богу любви и всепрощения, которого катары совершенно основательно могли считать началом зла.

В глазах истинных католиков этот успех был непреложным доказательством Божьего благоволения к их армии. Было немало и других чудес, которые укрепляли их в этом мнении: хотя они необдуманно и разрушили в окрестностях все мельницы, но хлеба всегда было в изобилии в их лагере, и стоил он дешево – тридцать хлебов продавались за денье. Было также замечено, что во время всей кампании ни ястреб, ни ворон и никакая другая хищная птица не носились над армией; и это было истолковано как выражение покровительства неба¹.

---

¹ Regest, XII, 108.–Pet. Sarnens. c. 16.–Vaissete, III, 168; Pr. 10, 11.–Guill. de Pod.-Laur., c. 13.–Guill. de Tud., XVI, XXIII, XXV.–Roberti Autissiodor. «Chron.» ann. 1209.–Caes. Heisterb. «Dial. Mirac.» V. 21.

Не менее благоприятствовали обстоятельства и небольшим отрядам крестоносцев, шедшим на соединение с главной армией. Один из отрядов, предводительствуемый виконтом Тюреньским и Ги Оверньским, после недолгой осады взял приступом почти неприступный замок Шаснейль. Гарнизон заключил с крестоносцами договор, и ему была дана свобода, но жители были предоставлены на волю победителей. Им предложили выбор между обращением и костром. Так как они отказались отречься от своих заблуждений, то все они были сожжены; обычное явление в этой войне. Другой отряд, шедший под начальством епископа города Пюи, взял выкуп с замков Коссада и С.-Антонина; за это он получил упрек в сребролюбии, и ему поставили в вину, что, сохранив жизнь еретикам, он сохранил зло. Такой страх объял всю страну, что, когда в замок Вильмюр явился беглец с известием, что приближаются крестоносцы и что с замком они поступят, как поступали в других местах, жители подожгли его, а сами бежали ночью. Бесчисленное множество крепостей сдалось без всякого сопротивления или было покинуто защитниками несмотря на то, что в них были большие запасы провизии и они были хорошо укреплены. Гористая страна, вся усеянная крепкими замками, была покорена в течение двух месяцев, хотя она могла бы легко бороться целые годы. Многолюдная Нарбонна ради своего спасения приняла невероятно жестокие законы против еретиков, уплатила крестоносцам крупную сумму денег и дала им в залог несколько укрепленных замков¹.

---

¹ Guill. de Tud., XIII, XIV.—Vaissete, III, 169, 170; Pr. 9, 10.

Не останавливаясь на развалинах Безье, крестоносцы, предводимые Раймундом, быстро двинулись к Каркассону, считавшемуся неприступной крепостью; здесь ожидал их Раймунд Роже. Через девять дней после разрушения Безье крестоносцы уже явились под стенами Каркассона и приступили к осаде. Первый пригород, защищенный весьма плохо, был взят и сожжен после безнадёжного сопротивления; второй пригород, хорошо укрепленный, оказал упорное сопротивление, но и он был в конце концов взят крестоносцами. Оставался теперь только город, взять который казалось очень трудно. По преданию, Карл Великий семь лет безуспешно осаждал его и взял его только благодаря чуду. Осаждавшие вступили в переговоры с виконтом; ему предложили свободно выйти из города в сопровождении одиннадцати лиц по его выбору, а город и все жители должны были остаться на волю крестоносцев. Мужественный виконт с негодованием отверг это предложение; но положение его становилось невыносимым: город был набит беглецами, пришедшими со всех окрестностей; лето было сухое, и не хватало воды; открылась эпидемия, уносившая ежедневно огромные жертвы. Горячо желая заключить почетный мир, Раймунд Роже дал заманить себя во вражеский лагерь, где его изменнически задержали как пленника; через несколько дней он умер, по официальным сведениям, от дизентерии; но иначе объяснял народ его внезапную кончину. Лишившись своего вождя, жители потеряли мужество; чтобы спасти город от полного разрушения, они согласились оставить все свое имущество, и им разрешили выйти только с одними их грехами – мужчинам в штанах, а женщинам в рубашках. Город был занят без сопротивления. На этот раз не

было поднято вопроса о религиозных убеждениях его жителей, и никто из них не был сожжен¹.

Осада Каркассона выводит в первый раз на сцену двух людей, с которыми нам придется еще не раз встречаться; это – Петр II Арагонский и Симон де Монфор. Они являются настолько типичными представителями двух противоположных направлений, столкнувшихся в этой борьбе, что на них необходимо остановиться.

Петр был сюзереном Безье и был связан с молодым виконтом узами самой тесной дружбы. Правда, он отказался прийти на помощь виконту, но, узнав о разрушении Безье, поспешил в Каркассон, чтобы выступить посредником и защитником своего вассала. Старания его не увенчались успехом, но с этого времени он уже не мог оставаться сторонним зрителем происходившего вокруг него.

Во всей Европе Петра считали идеалом южного рыцарства. Величественный по фигуре, он был первым знатоком рыцарских правил, и во всех битвах постоянно находился в первых рядах; с того страшного дня, когда у Лас Навас де Толоса было сломлено могущество мавров в Испании, он считался самым

---

¹ Regest. XII, 108; XV, 212.–Pet. Sarnens., c. 17.–Vaissete, III, Pr. 11–18.–Guill. de Tud., XXIV, XXXIII, XL.–Guill. Nangiac. ann. 1209.–Guill. de Pod.-Laur., c. 14.–A. Molinier, ap. Vaissete, изд. Privat, VI, 296.

Дом Вессет (III, 172), следуя Цезарю Гейстербахскому, передает, что 450 жителей Каркассона отказались отречься от ереси и что 400 из них были сожжены, а остальные повешены. Но отсутствие этого сообщения у лучше осведомленных современников лишает веры рассказ Цезаря Гейстербахского, тем более что он относит это событие к городу, называемому им Pulchravallis («Dial. Mirac.» dist. V, c. 21).

храбрым из всех королей и сеньоров¹. Изящный и храбрый, он, даже в ту эпоху легких нравов, считался чересчур распущенным. Щедрость его доходила до расточительности; он безумно любил внешний блеск и пышность, был со всеми любезен и великодушен в отношении врагов. Подобно своему отцу, Альфонсу II, он был трубадуром, и песни его вызывали тем больше похвал, что он сам щедро покровительствовал другим поэтам – своим соперникам. В довершение всего, его религиозная ревность была так сильна, что он гордился прозвищем *El catolico*. Эту ревность он засвидетельствовал не только беспощадным указом против вальденсов, о котором мы говорили в предшествующей главе, но и чрезвычайным преклонением перед Святым Престолом. В 1089 году его предок, Санчо I, отдал Арагонское королевство под особое покровительство пап, от которых его преемники должны были получать его при своем вступлении на престол и которым они должны были платить ежегодную дань в 500 *manus*. В 1204 году Петр II решил лично засвидетельствовать свою феодальную зависимость от папы; в сопровождении блестящей свиты он отплыл в Рим, где принес Иннокентию верноподданническую присягу и, кроме того, обещался преследовать еретиков. Он получил благословение папы, и папа собственноручно вручил ему скипетр, порфиру и другие знаки королевского достоинства. Но он немедленно с выражением самого глубокого почтения возложил все это на престол св. Петра, которому он принес в дар свое королевство, взамен чего получил меч из рук Иннокентия, причем обязался платить

---

¹ 16 июля 1212 года испанцы одержали у деревни Навас де Толоса (у южного склона Сьерра-Морены) решительную победу над маврами. – *Прим. ред.*

ежегодную дань и отказался от всех прав патронатства над церквями и бенефициями. Он был счастлив, что в награду за это получил титул Первого *Alferez*, т. е. знаменосца церкви, и привилегию для своих преемников короноваться архиепископом в Таррагонском соборе. Арагонские дворяне находили, однако, что все эти почести не стоили тех тяжелых налогов, которые явились следствием сумасбродств их повелителя; они сожалели также о потере патронатства и права раздавать бенефиции. Результатом их недовольства был союз, известный под именем *la Union*, который в течение нескольких поколений создавал большую опасность для преемников Петра. Жизнь Петра была менее похожа на жизнь монарха, чем на жизнь героя рыцарского романа. При подобных наклонностях ему трудно было не принять участия в войнах против альбигойцев, в которых к тому же он был заинтересован в силу своих прав на Прованс, Монпелье, Беарн, Руссильон, Гаскон, Комменж и Безье¹.

Совершенно другого характера был серьезный и положительный Монфор, который, как повсюду, отличился и при осаде Каркассона. Он был первым во время приступа на первый пригород; а когда был отбит приступ на второй пригород, то он, в сопровождении одного только оруженосца, под градом камней пошел спасать одного из крестоносцев, оставшегося во рву с переломленной ногой. Младший сын графа Эвре, потомка норманна Роллона, он по матери происходил от графа Лейчестера и рано уже приобрел

---

¹ Regest. VII, 229; XV, 212; XVI, 87.—Fran. Tarafae, «De reg. hisp.»—Lowenfeld, «Epist. pontif. ined.», p. 63.—Lafuente, «Hist. de Esp.» V, 492–5.—Mariana, «Hist. de Esp. XII, 2.—L. Marin. Siculi «De reb hisp.» lib. X.—Diez, «Troubad.»,—4–24.—Vaissete, III, 124.—Gest. Com. Barcenon., c. 24.

славу храброго воина и мудрого советника. Набожный до ханжества, он ежедневно выстаивал обедню, а беззаветная любовь к нему его супруги Алисы де Монморанси, по-видимому, подтверждает, что репутация его как человека целомудренного (качество, редкое в ту эпоху) была им вполне заслужена. В 1201 году он принял участие в крестовом походе Балдуина Фландрского. Когда во время продолжительной стоянки в Венеции крестоносцы продали свои услуги венецианцам и согласились разрушить Зару, то только один Монфор отказался от этого, говоря, что он пошел сражаться против неверных, а не против христиан. Вслед за этим он покинул армию, прибыл в Англию и с небольшим числом друзей переправился отсюда в Палестину, где с честью сражался за Крест Господен. Насколько иначе сложилась бы история Франции и Англии, если бы Монфор остался с крестоносцами и после взятия Константинополя! Несомненно, он и сын его, Симон Лейчестер, основали бы в Греции или в Фессалии независимые владения, и жизнь их прошла бы в легких войнах, безвестная и не замеченная историей.

В то время, когда проповедовали крестовый поход против альбигойцев, одним из горячих поборников его был цистерцианский монах Ги из Во-Сернэ, бывший с Монфором в Венеции; под его-то влиянием герцог Бургундский снова вступил в ряды крестоносцев.

Ги возил письма герцога к Монфору, в которых герцог всячески склонял его принять участие в походе. Прибыв в Рошфор, замок Монфора, Ги нашел графа в домашней часовне и изложил ему причину своей миссии. Монфор задумался, а потом взял псалтырь, открыл наугад и пальцем указал аббату на стихи 91-го псалма, прося его перевести их: «Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе охранять тебя на всех

путях твоих; на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею»¹. Усмотрев в этом перст Божий, Монфор поднял крест и уже более не опускал его. Мы увидим, что блестящая храбрость каталонского рыцаря была бессильна против хладнокровного мужества норманна, смотревшего на себя как на орудие в руках Бога².

После взятия Каркассона крестоносцы, по-видимому, решили, что их миссия была уже окончена; они уже отслужили сорок дней – срок, достаточный для получения отпущения грехов, и с нетерпением порывались домой. Легат же, естественно, полагал, что покоренная страна должна быть занята и устроена таким образом, чтобы в ней не могла более свить себе гнезда ересь. Прежде всего ее предложили герцогу Бургундскому, а затем графам Невера и С.-Поля; но все они были настолько благоразумны, что отказались, мотивируя свой отказ тем, что виконт Безье и без того наказан чересчур жестоко. Тогда была избрана комиссия из двух епископов и четырех рыцарей, под председательством Арнольда, чтобы решить, кому должны принадлежать завоеванные земли; единогласно, «явно по внушению Святого Духа», все семеро оставались на Монфоре. Зная его благоразумие, мы вправе думать, что его первый отказ был вполне искренен; видя, что просьбы не действуют, легат в конце концов прямо приказал ему от имени Святого Престола взять завоеванные земли. Монфор согласился, но при условии, что ему будет оказана поддержка в тех затруднениях, которые он предвидел. Обещание было

---

¹ Псал. XCI, 11, 12.

² Pet. Sarnens., c. 16–18.—Joann. Jperii. «Chron». ann. 1201.—Villchardouin, c. 55.—Alberic. Trium Font. ann. 1202.—Guill. de Tud., XXXV.

дано, но никто и не думал при этом о его исполнении. Граф Неверский, поссорившись с герцогом Бургундским, удалился почти тотчас же после взятия Каркассона, и за ним последовала большая часть крестоносцев. Герцог оставался еще некоторое время, но и он не замедлил отправиться восвояси. Монфор остался приблизительно с 4500 человек, преимущественно бургундцев и немцев, которым он должен был платить двойное жалованье¹.

Положение Монфора было опасное. В августе под свежим впечатлением побед легаты на собрании в Авиньоне предписали епископам потребовать от всех рыцарей, дворян и городских советов их епархий клятвенное обязательство уничтожить ересь. Подобная клятва была взята уже с города Монпелье и с других городов, которые боялись разделить судьбу города Безье. Но эти обязательства, данные под влиянием страха, были лишь пустой формальностью; не больше имело значения изъявление верноподданнических чувств, принесенное Монфору его новыми вассалами. Правда, он разграничил свои владения с владениями Раймунда, который обещал женить своего сына на дочери Монфора, и принял титулы виконта Безье и Каркассона; но Петр Арагонский отказался принять от него выражения подданничества; он тайно ободрял сеньоров, продолжавших сопротивляться в своих крепких замках, и обещал прийти к ним на помощь при первой возможности. Некоторые замки, уже изъявившие свою покорность, восстали снова; другие, занятые крестоносцами, были отняты у них прежними владельцами. Мало-помалу страна оправлялась от страха.

---

¹ Pet. Sarnens., c. 17 bis.—Vaissete, III, Pr. 19.—Regest. XII, 108.—Петр из Во-Сернэ говорит, что Монфор мог удержать при себе только тридцать рыцарей, но это, очевидно, гипербола.

Началась партизанская война; небольшие отряды, находившиеся на службе у Монфора, были взяты в плен, и вскоре его действительная власть не простиралась далее его копья; только с большим трудом удалось ему однажды уговорить гарнизон Каркассона не покидать города. Его положение считалось настолько опасным, что, отправляясь на осаду Терма, он едва нашел рыцаря, который согласился принять на себя начальство на время отсутствия.

Несмотря на все эти затруднения, ему удалось покорить несколько замков, упрочить свое господство в стране альбигойцев и распространить его на графство Фуа. Кроме того, он старался снискать расположение Иннокентия, который должен был утвердить его в новом звании и от которого он ждал помощи в будущем. Он требовал исправной уплаты церквам десятин и премий; всякий, над которым будет тяготеть отлучение от церкви в течение сорока дней, был обязан уплатить крупный штраф сообразно со своим имущественным положением; Рим за розданные им индульгенции должен получать ежегодно по три денье с дыма, собираемых в страшно опустошенной стране; сверх всего, сам граф обещал ежегодную дань в неопределенном размере.

Иннокентий ответил Монфору в ноябре месяце и выражал свою радость по поводу чудесных успехов, давших возможность вырвать пятьсот городов и замков из когтей ереси. Он милостиво принимал предложенную дань и подтверждал права Монфора на Безье и Альби, заклиная его неустанно трудиться над уничтожением ереси. Но, по-видимому, плохо зная о том, насколько было опасно положение Монфора, он извинялся перед ним, что не может прийти к нему на помощь; в свое оправдание папа ссылался на то, что к нему поступает масса заявлений из Палестины, в ко-

торых раздаются сетования, что средства, столь необходимые на нужды этой отдаленной страны, направляются на покорение еретиков в христианских землях. Папа ограничился тем, что заинтересовал делом Монфора императора Оттона и королей Арагонии и Кастилии, а также несколько городов и сеньоров, от которых нельзя было ждать действительной помощи. Архиепископам всей зараженной ересью области было предписано потребовать от подчиненного им духовенства части их доходов; войскам Монфора советовалось вооружиться терпением и не требовать уплаты жалования до будущей Пасхи. Эти указы и увещания папы сильно рисковали остаться мертвой буквой. Более плодотворной была идея Иннокентия совершенно освободить крестоносцев от платежа процентов по долгам. Но самой практичной мерой было предписание, данное папой всем аббатам и прелатам Безьерской, Нарбоннской, Тулузской и Альбигойской епархий удерживать в пользу Монфора все имеющиеся у них на хранении деньги упорствующих еретиков. С одной стороны, это показывает нам, какие дружеские отношения и какое взаимное доверие царили прежде в Южной Европе между еретиками и католическим духовенством; с другой стороны, мы видим отсюда, как понимал Рим самую элементарную честность¹.

Положение Монфора несколько улучшилось весной 1210 года, так как силы его увеличились с прибытием

---

¹ Concil. Avenion. ann. 1209.—D'Achery, «Spicil». I, 706.—Pet. Sarnens. c. 20—26, 34.—Vaissette, III, Pr. 20.—Guil. de Tud., XXXVI.—Regest. XII, 108, 109, 122—126, 129, 132, 136, 137; XII, 86.—Teulet, «Layettes», I, 340, № 899.—Путем странного толкования доминиканцы доказали, что послание Иннокентия, утверждающее за Монфором право на Альби, было подтверждением их ордена и доказательством, что Монфор принадлежал к нему! (Ripoll, «Bull. Ord. FF. Praedic.». T. VII, p. 1).

новых отрядов «пилигримов», как называли себя искатели приключений, принимавшие участие в войне против альбигойцев. Так как срок, который они отбывали по обету, был очень короток, то Монфор решил воспользоваться их присутствием, чтобы вернуть обратно потерянные области и приобрести еще что-нибудь. Мы не станем входить в подробности его многочисленных походов, которые обыкновенно кончались взятием замка, причем гарнизон его избивался, а не принимавшим участия в сражении предлагали выбор между подчинением Риму и костром. Сотни энтузиастов, имена которых до нас не дошли, предпочли мученическую смерть. Лавор, Миневр, Кассе, Терм свидетельствуют нам, как много может сделать зла человек человеку, как много может он вынести и претерпеть во славу Бога. Когда Миневр капитулировал, то Роберт Мовуазен, самый верный соратник Монфора, восстал против решения шадить еретиков, которые принесут раскаяние; легат Арнольд заметил ему на это, что он может не беспокоиться, так как, несомненно, обращений будет очень мало; и Арнольд был прав: за исключением трех женщин, все побежденные, как один человек, отказались купить жизнь ценой вероотступничества, и они избавили победителей от труда вести их на костер, так как сами с радостью бросались в пламя. Если иногда пилигримы весьма своеобразно выражали свою дикую ревность к вере, например, тем, что ослепляли монахов Больбонны и отрезали им уши и носы, то мы, при виде подобных зверств, не должны забывать, среди кого набирала в то время церковь своих воинов, и должны помнить, что она обеспечивала им неприкосновенность на том и на этом свете, что бы они ни творили¹.

---

¹ Guill. de Pad. Laurent. c. 17, 18.—Guill. Nangiac. ann. 1210.—Rob. Autissiod. Chron.» ann. 1211.—Vaissete, III, Pr. 29, 35.—Guill.

Раймунд, несомненно, воображал, что он очень ловко спасся за счет своего племянника, виконта Безье; но события скоро разочаровали его. Арнольд Ситосский клятвенно засвидетельствовал его падение, и Монфор не менее страстно желал расширить свои владения, чем восстановить католичество. Уже осенью 1209 года легат потребовал от граждан Тулузы, под угрозой запрещения и отлучения от церкви, выдачи его посланным всех тех, кого они объявили еретиками. Жители Тулузы утверждали, что среди них нет еретиков, что все внесенные в списки готовы засвидетельствовать свою невинность и что, наконец, Раймунд V, по их собственному настоянию, издал законы, направленные против еретиков; в силу этих законов они сожгли много еретиков и продолжают сжигать всех, кого открывают; к тому же они обратились по этому делу к папе. В это же время Монфор дал знать Раймунду, что, если он не удовлетворит требований легата, он силой принудит его к повиновению. Раймунд ответил, что он будет иметь дело непосредственно с папой, и тотчас же обратился к королю Филиппу-Августу и к императору Оттопу, в ответ от которых он получил лишь сладкие слова. Он имел больше успеха, когда прибыл в Рим, так как в нравственном отношении он стоял очень высоко; ни разу еще не была доказана его виновность в возводимых на него обвинениях; ни разу еще не был он судим; всегда оказывал он послушание церкви, всегда готов был подтвердить свою невинность, подвергшись принятому тогда процессу *purgatio canonica*; он перенес суровые наказания, как бы он был уже осуж-

---

de Tudela, XLIX, LXVIII, LXXI, LXXXIV.—Regest. XIV, 41.—Chron. Turon. ann. 1210.—Pet. Sarnens. c. 37, 52, 53.—Teulet, «Layettes», I, 371, № 968.

ден; ему дали разрешение грехов, как бы прощенному; наконец, он оказал важные услуги, сражаясь против своих старинных друзей, и вернул церквям все у них отнятое, насколько это было в его власти. Он горячо удостоверял свою невинность, просил суда и требовал возвращения своих замков.

Сначала Иннокентий был, по-видимому, тронут картиной несправедливостей, испытанных Раймундом, и перспективой грозящего ему падения; но это было недолго, и папа скоро вернулся к своей двуличной политике, которая до сих пор была так выгодна для него. Прежде всего он решил, что жители Тулузы были достаточно наказаны, и приказал снять тяготевшее на них отлучение от церкви; что же касается Раймунда, то он предписал архиепископам Нарбонны и Арля созвать собрание прелатов и дворян, чтобы судить Раймунда, как он сам того просит. Если явится там кто-нибудь, кто станет обвинять Раймунда в ереси и в соучастии в убийстве Петра де Кастельно, то должны быть выслушаны обе стороны и вынесено решение, которое следует представить в Рим, где и будет сделано окончательное постановление; если же обвинение не будет доказано вполне ясно, то на Раймунда следует наложить соответствующее покаяние, и только после этого можно будет признать его добрым католиком и вернуть ему его замки.

По внешности все это было довольно законно; но задняя мысль проступает в послании, написанном тогда же папой легату Арнольду. В этом послании папа горячо благодарит легата за все им сделанное и поясняет, что если ведение дела поручено теперь официально новому комиссару Феодосию, то это единственно для того, чтобы провести Раймунда; легат, писал папа, должен быть крючком, а Феодосий – наживкой. Чтобы лучше усыпить подозрения Раймун-

да, папа на последней аудиенции подарил ему богатый плащ и перстень со своего пальца¹.

Возвращение графа наполнило радостью сердца тулузцев: запрещение было снято, в скором времени должны были разрешиться все затруднения. Легат Арнольд, немедленно применившийся к наставлениям папы, сразу сделался приветливым и сердечным; в сопровождении Монфора он отправился к Раймунду и блестяще был принят в Тулузе; Раймунд, говорят, дал уговорить себя и уступил для резиденции легата городскую цитадель – Нарбоннский замок, который легат передал Монфору и взятие которого обратно стоило жизни тысяче людей. Раньше, чем исполнить предписание папы и снять запрещение, Арнольд потребовал от горожан уплаты тысячи тулузских ливров; когда ему была уплачена половина этой суммы, то он дал городу свое благословение; но так как уплата второй половины замедлилась, то он снова наложил на город запрещение, которое несчастным горожанам удалось впоследствии снять с большим трудом².

Один современник, фанатически преданный католической вере, передает, что Феодосий имел в Тулузе свидание с легатом для обсуждения вопроса, как лучше провести Раймунда. Дело было в том, что требовался благовидный предлог, чтобы обещание папы не было исполнено, так как Феодосий отлично знал, что Раймунд оправдается во взводимых на него обвинениях, и боялся, чтобы это не повлекло за собой падение веры. Проще всего было бы сослаться на то, что Раймунд не исполнил возложенной на него невы-

---

¹ Vaissete, III, Pr. 20, 23, 232–3.—Pet. Sarnens., c. 33, 34.—Guill. de Tud., XL, XLII, XLIII.—Regest. XII, 152–156, 168–171, 173–176.—Teulet, «Layettes», I, 368, № 968.

² Vaissete, III, Pr. 24–5, 234.—Guill. de Tud., XLIV.—Teulet, loc. laud.

полнимой задачи — не уничтожил ереси в своей стране. Но нужно было при этом замаскировать грубое вероломство. Раймунду назначили через три месяца день, когда он должен был явиться в С.-Жиль и оправдаться через *purgatio canonica* в обвинении в ереси и убийстве легата; при этом ему поставили на вид, не поскупившись на угрозы, его медленность в искоренении ереси. В назначенный день в сентябре 1210 года огромное множество прелатов и дворян собралось в С.-Жиль; явился и Раймунд со своими свидетелями, или *conjuratores*, в надежде, что наконец-то он примирится с церковью. Тщетная надежда. Ему холодно объявили, что от него не может быть принято оправдания, так как он открыто совершил клятвопреступление, не сдержав своих неоднократных клятвенных обещаний; а раз его клятва не имеет значения в делах второстепенных, то, само собой разумеется, ей нельзя доверять в таком серьезном деле, как обвинение в ереси и в убийстве легата; не большего доверия заслуживает и присяга его свидетелей.

У человека более твердого характера подобное возмутительное вероломство возбудило бы негодование, но Раймунд, подавленный внезапным падением своих иллюзий, разразился слезами, что было принято судьями как новое доказательство его испорченности, и почти тотчас же его отлучили снова от церкви. Но для соблюдения внешних приличий ему объявили, что благоприятные ему решения папы будут приведены в исполнение, когда он уничтожит ересь и всем своим поведением покажет себя достойным снисхождения. Очевидно, не провансальцу было тягаться с хитрым и лукавым Римом, который играл им как кошка с мышью. Иннокентий одобрял эту жестокую комедию, как это видно из письма его к Раймунду в декабре 1210 года. В этом письме папа высказывал сожаление, что

граф до сих пор еще не сдержал своего обещания уничтожить ересь, и предупреждал его, что если он не выполнит этого, то владения его будут отданы крестоносцам. Тот же курьер привез письмо и Монфору, которому папа жаловался на неаккуратное поступление налога в три денье с дыма; доказательство того, что и Иннокентий не упускал из вида денежных выгод, извлекаемых из преследования ереси. Увещения, посланные в то же время графам Тулузы, Комменжа и Фуа, а также Гастону Беарнскому, призывали их оказать помощь Монфору под угрозой обвинения их как соумышленников еретиков; все это показывает, что в уме папы все вопросы были уже предreshены и что Раймунд заранее был бесповоротно осужден¹.

Наконец Раймунд, несмотря на отсутствие проницательности, понял, что легаты добиваются только его падения. Если бы дворяне Лангедока соединились, то они, по всей вероятности, с успехом отражали бы спорадические нападения крестоносцев; но они были разрозненны, и их уничтожали поодиночке; а их законный повелитель, Раймунд, обманывался надеждами на примирение с церковью и бездействовал. Теперь нечего было думать о том, что ему будут возвращены его замки; он должен был скорее и лучше готовиться к неизбежной войне. Ввиду этого, а также для того, чтобы собрать вокруг себя своих подданных, он опубликовал условия, которые, по его словам, ему будто бы предложили на соборе в Арле, в феврале 1211 года. Согласно этим условиям, тяжелым и унижительным как для него, так и для народа, вся страна отдавалась под надзор легатов и Монфора и, таким образом, на всех жителей, като-

---

¹ Pet. Sarnens, c. 39.—Regest. XIII, 188, 189; XVI, 39.—Guill. de Tud., LVIII.—Teulet, «Layettes», I, 360, № 948.

ликов и еретиков, знатных и простых, накладывалось позорное клеймо рабства; Раймунда же обязывали на всю жизнь удалиться в изгнание в Святую Землю. Были предложены эти требования или нет, но опубликование их Раймундом возбудило гнев всего народа, который собрался около своего повелителя, готовый сопротивляться до последней капли крови¹.

Прилагая все усилия, чтобы отвратить от себя окончательное падение, Раймунд все же продолжал вести переговоры, из которых можно заключить, что упомянутые нами источники были апокрифичны. В декабре 1210 года мы видим его в Нарбонне, где он совещался с легатами, Монфором и Петром Арагонским; сделанные ему предложения были неприемлемы, и Петр в конце концов согласился признать Монфора своим вассалом по Безье. Немного позднее состоялось новое собрание в Монпелье, опять невыгодное для Раймунда, но выгодное для Монфора, который заключил договор с Петром Арагонским и получил от последнего в заложники его сына Иакова. Весной 1211 года Раймунд имел новое свидание с Монфором, осаждавшим в то время Лавор, и разрешил крестоносцам получать фураж из Тулузы, хотя он не мог помешать тулузцам послать вспомогательный отряд на помощь осажденным. Почти тотчас же после взятия Лавора, 3 мая 1211 года, Монфор вторгнулся в область Раймунда и взял несколько его зам-

---

¹ Единственным автором для этого странного документа является Guill. de Tudela (LIX, LX, LXI), которому следовали историки Тулузского графства (Vaissete, III, Pr. 30; ср.: 204 с. текста и 561 с. примечаний к Hardouin, VI, 1998). Хотя современные историки принимают этот документ, но я не могу признать его подлинным; мне кажется, что Раймунд сам составил этот текст, чтобы возбудить гнев своих подданных.

ков, по-видимому, без всякого объявления войны. Тогда Раймунд сделал последнюю и неудачную попытку добиться мира: он предложил Монфору и легату все свои владения, за исключением Тулузы, в залог того, что он исполнит все, что от него потребуют; он просил лишь о сохранении ему жизни и о признании за его сыном прав на наследство. Эти унижительные предложения были отвергнуты с презрением. Раймунд упал уже настолько, что, по-видимому, с ним перестали считаться; к тому же ждали в скором времени прибытия графа де Бар с многочисленной армией крестоносцев, услугами которых следовало как можно полнее воспользоваться в течение тех срока дней, которые они обязаны были отбыть в рядах армии. Осада Тулузы была решена.

Как только жители Тулузы узнали о предстоящей осаде, они немедленно отправили послов к крестоносцам просить пощады; при этом они указывали на то, что они помирились с церковью и принимали участие в осаде Лавора. Им ответили, что город будет осажден, если они не вышлют Раймунда и не поклянутся, что не будут иметь с ним сношений. Тулузцы, как один человек, отвергли эти предложения, забыли свои междоусобные распри и счета и приготовилась дать отпор. Первое серьезное поражение крестоносцы потерпели под стенами Тулузы, что служит прекрасным доказательством силы республиканских учреждений. Город был хорошо укреплен и снабжен сильным гарнизоном; граф Фуа и граф Комменжа прибыли по первому зову своего сюзерена. Граждане не только оставили городские ворота открытыми, но даже проделали бреши в стене, чтобы легче было гарнизону делать бешенные вылазки, производившие страшный урон среди осаждающих; последние отступили 29 июня под покровом ночи, оставив раненых

и больных и страшно опустошив окрестности. Дома, виноградники, сады, женщины и дети – все было уничтожено ими в порыве бешеной злобы. Монфор покинул место своего поражения и отправился опустошать земли графа Фуа.

Это мужественное отражение тулузцами незаконного вторжения было, вполне естественно, истолковано как преступное проявление расположения к ереси. Иннокентий снова отлучил Раймунда и его столицу от церкви за то, что они «преследовали» Монфора и крестоносцев¹. Ободренный этим успехом, Раймунд перешел в наступление, но оно не имело положительных результатов. Осада Кастельнодари окончилась поражением; равным образом кончались обыкновенно в пользу Монфора и следовавшие за нею сражения; военный талант Монфора проявился во всем своем блеске среди того трудного и опасного положения, в котором он очутился. По всему христианскому миру продолжали проповедовать крестовый поход, и войска Монфора часто пополнялись новыми отрядами пилигримов, приходивших на сорок дней послужить святому делу. Однако эта помощь была ненадежна, и армия, очень многочисленная сегодня, могла завтра уменьшиться до небольшой горсти людей, а их враги, хотя часто и превосходившие их по численности, никогда не отваживались на большое генеральное сражение; это была война осад и опустошений, веденная с обеих сторон с одинаковой жестокостью: пленников зачастую вешали, ослепляли и увечили. Ненависть и злоба росли по мере того, как Монфор расширял пределы своих владений и как отодвигались границы владений Раймунда. Измена Болду-

---

¹ Vaissete, III, Pr. 38-40, 234-5. - Guill. de Pod-Laur., c. 18. - Guill. de Tud., LXXX, LXXXIII. - Jeulet, "Layettes", I, 370, № 968; 372, № 975.

ина, побочного брата Раймунда, к которому последний всегда относился с подозрением и который, будучи захвачен при Монферране, присоединился перед осадой Тулузы к крестоносцам, нанесла чувствительный удар народному делу; отношение к этому жителей юга проявилось ярко в 1214 году, когда Болдуин был изменнически выдан Раймунду, тут же приказавшему повесить его, разрешив однако исповедаться и причаститься перед смертью¹.

В начале 1212 года аббат из Во-Сернэ в награду за проявленную им ревностность во время крестового похода получил епископскую кафедру в Каркассоне, а легат Арнольд был сделан нарбоннским архиепископом вместо умершего или смещенного за бездействие Беранже. Однако Арнольд не удовлетворился архиепископским званием и стал требовать себе герцогского титула, к великому неудовольствию Монфора, который хотя и был предан всецело церкви, тем не менее не имел ни малейшего желания уступать ей свои светские владения. Возникшее отсюда охлаждение было, по-видимому, причиной того, что Арнольд стал проповедовать новый крестовый поход по просьбе Альфонса IX Кастильского, которому угрожало нашествие мавров, подкрепленный новыми полчищами, прибывшими из Африки. Хотя Арнольд знал, что Монфор очень нуждался в войске, тем не менее, он во главе многочисленной армии крестоносцев перешел через Пиренеи и соединился с армиями королей Арагонии, Кастилии и Наварры. После взятия Калатравы французский отряд заявил, что он устал, и отказался идти дальше; но вечно неутомимый Арнольд остался с теми, кого мог удержать, и принял участие в знаменитой битве у деревни Навас де Толоза, где явивший-

---

¹ Pet. Sarnens., c. 75.—Guill. de Pod.-Laur., c. 23.

ся на небе крест поднял дух христиан и где, по свидетельству современников, было убито до 200 000 мавров¹.

Весна и осень 1212 года были свидетельницами почти непрерывного ряда успехов Монфора; владения Раймунда ограничивались только Монтобаном и Тулузой, причем последний город, переполненный беглецами, находился, в сущности, в осаде, так как засевшие в соседних замках крестоносцы производили набеги до самых городских стен. Монфор обратился через легатов в Рим с просьбой, чтобы папа признал за ним право на вновь завоеванные им земли. Иннокентий увидел тогда, к каким печальным последствиям привели успехи его же собственной политики; он вспомнил, что Раймунд, хотя его неоднократно призывали на суд, ни разу еще не был судим и не был обвинен, а между тем он был наказан потерей почти всех своих владений. Ответ папы поразил всех своей неожиданностью. «Граф, – ответил он, – был, правда, очень виноват перед церковью, почему он и был отлучен от нее, а владения его были предоставлены первому пришедшему; но потеря большинства их является уже наказанием, и не нужно забывать, что граф, подозреваемый в ереси и убийстве легата, ни разу еще не был осужден». Иннокентий выражал при этом удивление, почему также не были ни разу исполнены его приказания относительно того, что Раймунду должна была быть предоставлена возможность оправдаться. Без формального суда и без признания его виновным его владения не могли быть даны другому. Необходимо назначить над ним суд, так как иначе на церковь может пасть обвинение в обмане, потому что она продолжает пользоваться

---

¹ Pet. Sarnens., c. 60.–Vaissete, III, 271–2.–Rod. Tolet. «de Reb. Hispan.», VIII, 2, 6, 11.–Rod. Santii «Hist. Hispan», III, 35.

замками, данными ей только в залог. В заключение Иннокентий потребовал от легатов полного и точного отчета по делу Раймунда. Другое письмо, в том же духе, было послано Феодосию и епископу Риезскому; папа предписывает им не манкировать своими обязанностями, как они делали это до сих пор; ясный намек на их отказ Раймунду оправдаться согласно существующим законам. В это же время Иннокентий вел длинную переписку по поводу налога с дыма и принял от Монфора в подарок тысячу марок. Все это бросает невыгодный свет на Иннокентия как на честного и беспристрастного судью¹.

Феодосий и епископ Риезский дали ложный ответ. Они, по их словам, неоднократно вызывали Раймунда на суд, но он и не думал оправдаться в тех преступлениях, которые он совершил против некоторых прелатов и некоторых церквей (довольно странное обвинение ввиду тех преследований, которые Раймунд постоянно терпел от Монфора). В то же время, чтобы показать, что они считаются с приказаниями папы, они созвали собор в Авиньоне; но Авиньон был, должно быть, город нездоровый, так как многие прелаты отказались ехать туда; захворал также и Феодосий, поэтому собрание пришлось отложить. Новый собор был созван в Лаворе, укрепленном местечке, находившемся очень близко от Тулузы и бывшем в руках Монфора. По просьбе Петра Арагонского Монфор объявил перемирие на восемь дней, чтобы ничто не могло помешать собору².

Гордый своей недавней победой под Навас де Толоса, Петр считался в то время защитником веры, которого нельзя было игнорировать, да к тому же он

---

¹ Pet. Sarneus., c. 59–64.—Reg., XV, 102, 103, 167–76.

² Pet. Sarnens., c. 66.—Regest. XVI, 39.

выступал в качестве покровителя Раймунда и своих собственных вассалов. Его интересы в стране были настолько значительны, что он не мог оставаться безучастным зрителем образования такого могущественного владения, как владение Монфора. Завоеванные земли заселялись французами; в Пальме только что окончились заседания парламента по вопросу о введении в стране французского государственного строя; все, по-видимому, предсказывало полную перемену прежнего порядка. Петр уже послал посольство к папе с жалобой на действия легатов, которые он считал произвольными, несправедливыми и несогласными с интересами церкви. Он прибыл в Тулузу с твердым намерением действовать в пользу своего родственника, графа Раймунда. Приняв это решение, он заявил о верховных правах Арагонского дома над домом Тулузским, с которым недавно еще он так сильно враждовал¹.

Послы Петра получили от Иннокентия указ на имя Монфора, которому предписывалось восстановить все области, завоеванные не у еретиков, а Арнольду было приказано не мешать делу крестового похода против сарацинов и не затягивать обещаниями индულгенций войну в Тулузском графстве. Это вмешательство Иннокентия, поддержавшего Петра, произвело глубокое впечатление. Все высшее духовенство Лангедока было созвано на помощь в такую критическую минуту. Когда в январе 1213 г. в Лаворе собирався собор, Петр выступил с ходатайством, прося по отношению к лишенным имущества сеньорам скорее снисхождения, чем справедливости. Он представил акт формального отречения, подписанный

---

¹ Pet. Sarnens., c. 65.—Regest. XV, 212.—A. Molinier (Vaissete, изд. Privat, VI, 407).

Раймундом и его сыном и скрепленный городом Тулузой, и подобные же документы от Гастона Беарнского и графов Фуа и Комменжа; этими актами все названные лица уступали ему свои земли, свои права и юрисдикцию с тем, что он может применять ее по своему усмотрению, чтобы силой заставить население исполнять распоряжения папы, в том случае, если оно будет упорствовать. Он просил, чтобы им были возвращены отнятые у них земли, как только они оправдаются перед Церковью. Если окажется невозможным судить Раймунда, то Петр предлагал, чтобы он отрекся от своих прав в пользу сына; отец со своими рыцарями должен удалиться в Испанию или Палестину сражаться с неверными, а сын должен находиться под опекой, пока не заслужит доверия Церкви. В сущности это было то же самое, что Петр уже писал Иннокентию¹.

Не могло быть подчинения более полного, не могло быть дано более прочных ручательств. Все эти оговорки, если бы их приняли, повлекли бы за собой уничтожение еретиков; но собравшиеся в Лаворе прелаты находились всецело во власти своих страстей, своего честолюбия и злобы; они не могли забыть испытанных ими бедствий и зла; к тому же они боялись мщения, и эта боязнь делала их глухими ко всякому предложению, клонившемуся к восстановлению мира. Для их благоденствия и личной безопасности нужно было полное уничтожение Тулузского дома. На соборе, по своему званию легатов, председательствовали Феодосий и епископ Риезский; во главе местных прелатов стоял непреклонный Арнольд Нарбоннский. Все внешние формальности были строго соблюдены. Легаты, в качестве судей, спросили прелатов, представ-

---

¹ Regest. XV, 212; XVI, 42, 47.

лявших членов судилища, должно ли допустить Раймунда доказать свою невинность. Ответ, представленный в особой записке, был отрицательный, и не только потому, что Раймунд был клятвопреступник, но и потому, что в течение последней войны он совершил много новых преступлений, убивая нападавших на него крестоносцев; что же касается тяготевшего над ним отлучения от церкви, то оно, по мнению прелатов, могло быть снято только папой. Прикрываясь этим ответом, легаты дали знать Раймунду, что они не могут предпринять ничего без разрешения папы; а когда Раймунд просил у них сострадания и умолял их назначить свидание, ему холодно ответили что это будет для обеих сторон бесполезной тратой денег и времени. Оставалось еще дать ответ королю Петру. Это приняли на себя одни прелаты без легатов, чтобы иметь возможность сказать, что дела Раймунда не касаются их, так как он сам передал их в руки легатов; к тому же его поступки сделали его недостойным сожаления. Что касается трех других, замешанных в дело сеньоров, то на их злодеяниях остановились внимательно, а особенно на том, что они совершили великое преступление, защищаясь против крестоносцев; им объявили, что если они удовлетворят Церковь и получают от нее разрешение грехов, то их согласятся выслушать; но при этом благоразумно умолчали о том, каким путем можно получить разрешение грехов, и даже не потрудились упомянуть о предложениях Петра Арагонского. Мало того, Арнольд Нарбоннский, как легат, написал королю вызывающее письмо, угрожая ему отлучением от церкви за то, что он живет в мире с отлученными и заподозренными в ереси. Петр попросил перемирия до Троицына дня или, по крайней мере, до Пасхи, но ему отказали в этом под предлогом, что перемирие может отозваться дурно на

успехах крестового похода, который продолжали проповедовать во Франции с ревностью, невольно вызывающей подозрение относительно искренности указов Иннокентия в противоположном смысле¹.

Это было такой пародией на суд, что все надеялись, что папа, под влиянием могущественного Петра Арагонского, признает процесс недействительным. Феодосий и несколько епископов отправились в Рим с документами, рассчитывая пустить в ход свое личное вмешательство. Прелаты, участвовавшие на соборе, послали папе адрес, заклиная его не прерывать столь хорошо начатого им дела, но срубить дерево под самый корень. Раймунда они описывали в самых мрачных красках. Ловко было при этом упомянуто о том, как старался он получить помощь от императора Оттона и как помог ему однажды Савари де Молеон, наместник короля Иоанна в Аквитании; это было сделано с целью возбудить гнев папы против Раймунда, так как и Оттон, и Иоанн были нелюбимы в Риме. Утверждали даже, что Раймунд просил поддержки у мароккского султана, чем ставил в опасность само существование христианства. Но боясь, что всех этих наветов окажется недостаточно, епископы всех заинтересованных в деле епархий завалили Иннокентия своими посланиями, в которых они уверяли его, что мир и благоденствие шли по стопам крестоносцев, что религия и неприкосновенность личности были восстановлены в стране, раньше разоряемой разбойниками и еретиками, и что, если бы было сделано последнее усилие, и была бы разрушена Тулуза со своим несчастным искиадием, достойным сынов Содома и Гоморры, то верные имели бы теперь новую обетованную землю; но если Раймунд подни-

---

¹ Regest. XVI, 39, 42, 43.—Pet. Sarnens. c. 66.

мет голову, то снова наступит хаос, и Церкви будет лучше тогда искать себе убежища где-нибудь среди язычников. Во всех этих посланиях и обращениях не было сделано даже и намека на предложенные королем Петром ручательства, и он был вынужден, в марте 1213 года, послать непосредственно в Рим копии с актов отречения, данных привлеченными к ответственности сеньорами; все эти копии были засвидетельствованы архиепископом Таррагонским и его суффраганами¹.

Задача Феодосия и его товарищей оказалась труднее, чем они рассчитывали. Иннокентий торжественно объявил, что Раймунду должна быть дана возможность оправдаться, и что только по суду он может быть признан виновным; настоящие обращения к папе есть не что иное, как просьба, чтобы он отрекся от своих собственных слов. С другой стороны, из упорства, с каким отказывались возбудить дело, для него ясно, что обвинения, возбужденные против Раймунда с таким ожесточением, были лишены доказательств. В конце концов, он все же уступил, но та медленность, с которой он вынес свое решение (21 мая 1213 г.), показывает, что нелегко ему было принять его. До нас не дошли грамоты, посланные по этому поводу Иннокентием к легатам; быть может, зазрение совести не позволило ему внести их в свои *Regesta*. Он написал грозное послание Петру Арагонскому, приказывая ему перестать покровительствовать еретикам и грозя ему в противном случае новым крестовым походом. Полученные ранее Петром папские указы о восстановлении владений, принадлежащих не еретикам, были отменены, как неверно истолкованные; а графы Фуа, Комменжа и Наварры были

---

¹ Regest. XVI, 40, 43–47.

преданы на усмотрение Арнольда Нарбоннского. Город Тулуза мог получить прощение при условии, что согласится на конфискацию имущества и на изгнание всех тех, кого укажет епископ Фульк, непримиримый фанатик; никакой договор, никакое перемирие и никакое обязательство, заключенное с еретиками, не должны быть соблюдаемы. О Раймунде нигде не говорилось ни слова, и это мертвое молчание было грознее всякого жестокого обвинения: его существования совершенно не признавали, с ним не считались в тех серьезных вопросах, о которых шла речь¹.

В ожидании решения Рима по всей Франции энергично проповедовали крестовый поход. Людовик Львиное Сердце, сын Филиппа-Августа, со многими баронами вступил в ряды крестоносцев, и уже собирались привести в движение огромную армию, как вдруг Филипп-Август, задумав вторжение в Англию, остановил все приготовления, мешавшие его плану. С другой стороны, король Петр все еще находился в дружеских отношениях с Раймундом и его сеньорами, отлученными от церкви, а городской совет Тулузы присягнул ему в верности. Получив папский указ, он сделал вид, что он считается с ним, но не прекратил своих приготовлений к войне. Одним из действий Петра, дающих прекрасное представление о нем, как о человеке, и об эпохе, был сделанный им шаг, увенчавшийся к тому же успехом, в отношении папы Иннокентия, а именно: Петр просил его подтвердить буллу Урбана II (1095 г.), которой его королевство ставилось под особое покровительство Святого Престола, так что никто, кроме папы, не мог наложить на него интердикта. *Sirvente* одного анонимного трубадура показывает, как нетерпеливо ждали Петра в

---

¹ Pet. Sarnens. c. 66, 70.—Regesta, XVI, 48.

Лангедоке; его упрекают в медленности, его умоляют прийти, как доброго короля, чтобы собрать оброк с каркассонцев и положить предел наглости французов, да накажет их Бог!¹.

Разрыв был неизбежен. Петр Арагонский объявил войну Монфору как раз в тот момент, когда в распоряжении последнего было очень мало войска, и не приходили ожидаемые из Франции подкрепления; легат, посланный Иннокентием проповедовать крестовый поход в Палестину, направил на Святую землю все наличные силы. Петр оставил в Тулузе своих наместников, а сам вернулся в Испанию, чтобы набрать войско, он перешел Пиренеи и был радостно встречен всеми, кого покорил перед этим Монфор. Прежде всего он двинулся к замку Мюре в десяти милях от Тулузы, где Монфор оставил незначительный гарнизон, и соединился там с графами Тулузским, Фуа и Комменжа. Их соединенные силы представляли внушительную армию, хотя она далеко не достигала ста тысяч человек, как утверждают панегиристы Монфора². Петр привел из Испании приблизительно 1000 всадников; все три графа, лишённые большей части своих владений, не могли выставить больше этого, и их армия состояла только исключительно из тулузской милиции, т. е. из пехоты, совершенно неопытной в военном деле.

Осада Мюре началась 12 сентября 1213 года. Немедленно дали знать Монфору, находившемуся тогда в Фанжо, в 25 милях оттуда, и располагавшему не-

---

¹ Pet. Sarnens. c. 66–8.—Regesta, XVI, 87.—Raymond, «Lexique Ronan», I, 512–3.

² Pet. Sarnens. c. 69, 70.—Vaissete, III, note XVII.—A. Molinier (Vaissete, изд. Privat, VII, 256).

большой армией, в рядах которой было семь епископов и три аббата, присланных Арнольдом для переговоров с Петром. Несмотря на неравенство сил, Монфор пошел вперед, наспех собрав отряд; предварительно же он отправил в Каркассон сопровождавшую его графиню Алису; последняя, в свою очередь, убедила несколько отрядов крестоносцев присоединиться к ее мужу. В Больбонне, близ Савердена, Монфор остановился выслушать обедню; причетник Морен, впоследствии аббат в Памье, выразил Монфору свое удивление, что он с такой ничтожной горстью людей решается на сражение с таким знаменитым воином, как король Арагонский. Вместо ответа Монфор вынул из кармана перехваченное им письмо Петра к одной тулузской даме, в которой Петр писал, что только из любви к ней идет он изгнать французов из ее родины. На вопрос Морена, что он хочет этим сказать, Монфор воскликнул: «Что я хочу сказать? Бог поможет мне! И я очень мало боюсь человека, который из-за любви к женщине готов разрушить дело Божье!» Полный упования на Бога, норманн не сомневался, что он разобьет рыцарственного и изящного испанца.

На другой день Монфор вошел в Мюре, который был обложен только с одной стороны; враг, в надежде взять в плен самого вождя крестоносцев, свободно пропустил его. Епископы безуспешно старались вступить в переговоры с Петром. На другой день утром 13 сентября, крестоносцы, имевшие не больше тысячи всадников, бросились в атаку. Когда они проходили мимо епископа Комменжского, последний благословлял их, говоря, что он выступит свидетелем их на страшном суде Господнем, и что никто из тех, кто падет на поле брани, не будет томиться в чистилище за те преступления, в которых они уже покаялись на

исповеди или только думали покаяться. Прелаты и монахи собрались в церковь и молили Бога дать победу их воинам; говорят, что среди них был и святой Доминик, и что крестоносцы своей победой были обязаны, главным образом, его молитвам к Богородице.

Так как Монфор шел в противоположную сторону, то осаждавшие сначала подумали, что он покинул город, но скоро они были поражены, увидя, что он поворачивает, и поняли, что он сделал только обход, чтобы напасть на них на ровном месте. Граф Раймунд советовал встретить натиск под защитой повозок и осыпать крестоносцев градом метательных снарядов; но гордые каталонцы отвергли этот благоразумный совет как проявление трусости. Всадники беспорядочной толпой бросились вперед, оставив пехоту продолжать осаду. Петр, скорее храбрый рыцарь, чем опытный полководец, скакал впереди всех и наткнулся на два эскадрона крестоносцев, среди которых находились знаменитые рыцари Ален де Руси и Флоран де Вилль; узнав короля, они обрушились на него, выбили из седла и убили. Произведенное этим смятение обратилось в панику, когда Монфор во главе третьего эскадрона крестоносцев напал на каталонцев с фланга. Последние бросились в бегство, французы гнали их по пятам и убивали их без всякой жалости; но вдруг французы прекратили преследование и сразу повернули на лагерь, где пехота не знала еще о поражении кавалерии. Резня в лагере была невероятная; несчастные, которым удавалось ускользнуть, бросались в Гаронну, где многие утонули, не достигнув другого берега. Современники сообщают, что крестоносцы не потеряли убитыми и двадцати человек, тогда как их противники потеряли от пятнадцати до двадцати тысяч; весь мир, говорят, увидел в этой чудесной победе перст Божий, тем более, что в

последнее воскресенье августа месяца в Риме была совершена большая процессия, которой предшествовал двухдневный пост, чтобы испросить у неба успеха оружие католиков. Но король Иаков, со своей стороны, сообщает, что смерть его отца, повлекшая за собой поражение всей армии, была не делом чуда, но следствием известного порока короля Арагонии. Альбигойские дворяне, чтобы снискать его расположение, предложили ему своих жен и дочерей, и утром, в день сражения, он был так истощен, что не мог даже стоять на ногах во время обедни¹.

Располагая незначительной армией, Монфор не мог воспользоваться своей победой, и результаты ее были ничтожны. Жители Тулузы жаждали мира, но когда епископ Фульк потребовал от них двести человек заложников, они отказались дать более шестидесяти; а когда епископ согласился на это, то они взяли обратно свои слова. Монфор в это время совершил кровавый набег на графство Фуа и явился под стенами Тулузы; но скоро он был вынужден принять оборонительное положение. Нарбонна, куда он прибыл с самыми мирными целями, отказалась открыть ему городские ворота; то же произошло и в Монпе-

---

¹ Pet. Sarnens. c. 70–3.—Guill. de Pod. Laurent. c. 21, 22.—Guill Nangiac. ann. 1213.—Vaissete, III, Pr. 52–4.—Guill. de Tud. CXXV—CXL.—Zurita, «Añales de Aragon», lib. II, c. 63.—De Com. Barcenon. ann. 1213.—Bernard d'Esclot, «Cronica del Rey en Pere», c. 6.—Campana, «Storia di San Piero Martire», p. 44.—Tamburini, «Ist. dell'Inquisizione», I, 351–2.—«Comentarios del Rey en Jaime», c. 8 (Mariana, IV, 267–8).

Дон Иаков, в то время шестилетний ребенок, оставался еще заложником у Монфора, и, если верны каталонские хроники, ему с великим трудом удалось получить свободу, несмотря даже на приказания Иннокентия.—L. Marin. Sic. «De Reb Hispan». lib. X.—Regest., XVI, 171.

лье, и он молча должен был проглотить эти две пилюли. Положение его в течение зимы 1214 г. было очень критическое, но в это время дела приняли совершенно другой оборот. Запрещение проповедовать по Франции крестовый поход было отменено, и ожидали прибытия после Пасхи 100 000 новых пилигримов. Кроме того, прибыл новый легат, кардинал Петр Беневентский, снабженный от папы самыми широкими полномочиями, и принял в Нарбонне изъявление покорности от графов Тулузского, Фуа и Комменжа, от Эмерика, виконта Нарбоннского, и даже от города Тулузы. Все обещали изгнать еретиков и исполнить все требования Церкви, представив в этом все ручательства, которые от них будут потребованы. Раймунд передал легату даже все свои владения и обязался, если ему прикажут, удалиться в Англию или в другое место, пока ему не разрешат отправиться в Рим. Вернувшись в Тулузу, он жил там со своим сыном, как простой гражданин, в доме Давида де Роэ. Таким образом, были удовлетворены все требования Рима, после чего легат отпустил грехи всем, принесшим покаяние, и объявил их воссоединенными с Церковью.

Но если страна надеялась покорностью купить себе мир, то она жестоко ошиблась. Все это было только новым действием в старой трагикомедии, которую давно уже разыгрывали Иннокентий и его агенты. Легат просто-напросто хотел остановить жар Монфора в ту минуту, когда он казался слабее своих противников, и в то же время он хотел обманом удержать провинции от наступательных действий до прихода новых полчищ пилигримов. Монах-летописец удивляется этому благочестивому обману, проведенному с удивительной ловкостью и завершившемуся огромным успехом. Его идущее от сердца восклицание: «О, благочестивый обман! О, обманное благоче-

стие!» — дает нам ключ к тайнам итальянской дипломатии в сношениях с альбигойцами¹.

Хотя Филипп-Август и вел войну с королем Иоанном Английским и с императором Оттоном, однако, орды крестоносцев, жаждущих добычи и отпущения грехов, как поток, залили несчастные провинции юга. Первым их подвигом было взятие Мориака, и здесь мы впервые в течение этой войны находим достоверное упоминание о владельцах: семь этих сектантов было обнаружено среди пленных; они открыто и горячо заявили свои верования перед легатом и были сожжены при громком ликовании толпы. Монфор с обычной ловкостью воспользовался прибывшими подкреплениями, чтобы распространить свою власть на провинции Ажан, Керси, Лимузен, Руэрг и Перигор. Когда сопротивления были подавлены, легат созвал в июне 1215 г. прелатов на собрание в Монпелье; граждане не позволили Монфору войти в город, так что ему пришлось руководить прениями из монастыря Тамплиеров, находившегося за городской стеной; однажды его тайно провели в собрание; узнав об этом, народ приготовился напасть на него, когда его уводили окольными улицами. Собрание сместило Раймунда и выбрало на его место Монфора; Иннокентий, уведомленный об этом особым посольством, санкционировал решение собрания. Он объявил, что Раймунд был смещен за принадлежность к ереси; его жене была предоставлена вдовья участь и назначена пенсия в сто пятьдесят марок в год, гарантированная замком Бокер. Окончательное решение относительно покоренной области должно было состояться в будущем но-

---

¹ Pet. Sarnens. c. 74–8.—Regest. XVI, 167, 170–172.—Guill. de Pod. Laurent. c. 24, 25.—Vaissette, III, 260–2; Pr. 239–42.—Teulet, «Layettes», I, 399–402, № 1068–9, 1073.

ябре на большом Латеранском соборе, до того же времени ее отдали Монфору; епископам предписывалось оказывать ему помощь, а жителям – повиновение. Небольшая часть доходов была определена на содержание Раймунда.

Епископ Фульк вернулся в Тулузу, в которой он был полным хозяином под протекторатом легата, продолжавшего владеть Нарбонной и Тулузой; теперь вопрос шел о том, чтобы спасти эти города от алчности Людовика Львиного Сердца, который три года тому назад вступил в ряды крестоносцев, и которого ждали с часу на час. *Faidits*, как называли лишенных земель сеньоров и рыцарей, получили милостивое разрешение искать себе средства к жизни в стране под условием, что они никогда не будут проникать в замки и в укрепленные стенами города и будут путешествовать на маленькой лошадке, об одной шпоре и без оружия¹.

Победа при Бувине избавила Францию от угрожавшей ей большой опасности, и наследник престола мог свободно теперь выполнить свое желание. Людовик явился, окруженный знатной и блестящей свитой; он и его рыцари легко получили отпущение грехов за мирное пилигримство в течение сорока дней. Опасения, порожденные его приходом, быстро рассеялись. Он и не думал присоединять к французской короне ничего из завоеванного в предшествующие крестовые походы; его пребыванием воспользовались, чтобы упорочить за Монфором светскую инвеституру и получить приказание срыть стены двух главных очагов недовольства, Нарбонны и Тулузы. В обладание Тулузой

---

¹ Pet. Sarnens. c. 80–2. – Harduin. «Concil.», VII, II, 2052. – Innoc. PP. III. Rubricella. – Teulet, «Layettes», I, 410–16, №1099, 1113–16. – Guill. de Pod. Laurent. c. 24, 25.

вступил Ги, брат Монфора, и срыл ее стены. Архиепископ Нарбоннский Арнольд, менее занятый интересами Церкви, чем искательством герцогского титула, безуспешно протестовал против разрушения стен Нарбонны. Передавая Монфору владения Раймунда, Иннокентий сделал исключение для графства Мельгейль, над которым Церковь имела известные права; он продал графство епископу Магелоннскому, который должен был уплатить за него огромную сумму в 33 000 марок, кроме подарков служащим при папском дворе. Корона заявила свои права на это графство, но купля-продажа была уже совершена, и до самой революции епископы Магелонна и Монпелье носили титул графов де Мельгейль. Это была ничтожная часть огромной добычи, и Иннокентий поступил бы гораздо благороднее, если бы не погнался за нею¹.

Оба Раймунда, как говорят, удалились к английскому двору, где король Иоанн дал им 10 000 марок за принесенные ими ему верноподданнические чувства. Быть может, благодаря этой бестактности Раймунда, Филипп-Август и дал своему сыну разрешение предпринять крестовый поход и дать Монфору инвеституру на земли, попавшие, таким образом, под сюзеренное владычество английского короля². Между тем, внешние неприятности и внутренние беспорядки не позволили Иоанну выступить на защиту Раймунда ни в качестве союзника, ни в качестве сюзерена, и Раймунду пришлось терпеливо ждать большого собора, который должен был решить его участь; он мог надеяться, что там, по крайней мере, выслушают его, и он добьется справедливого суда, в котором ему так долго отказывали.

---

¹ Pet. Sarnens. c. 82.—Vaissete, III, 269; Pr. 56.

² Radulph. Coggeshall. ann. 1213.

В апреле месяце 1213 г. папа разослал приглашения на двенадцатый вселенский собор, на котором предстояло обсудить вопрос об отнятии Св. Земли у неверных, о церковной реформе, о злоупотреблениях в Церкви, об искоренении ереси и об умиротворении душ. Программа занятий была составлена предварительно, и прелатам было дано два с половиной года на выработку ответов. Собор открылся в заранее назначенный день, 1 ноября 1215 г., и честолюбие Иннокентия было приятно польщено, когда он открыл и выступил в качестве председателя на самом блестящем собрании, какое когда-либо видел католический мир. Занятие Константинополя франками дало на этот раз возможность соединить представителей восточной и западной Церкви; патриархи Константинопольский и Иерусалимский присутствовали на соборе как смиренные служители св. Петра; здесь были представители всех монархов, чтобы отстаивать интересы своих повелителей; сюда съехались все выдающиеся богословы, чтобы в случае надобности давать объяснения по спорным вопросам канонического права; высшего духовенства собралось больше, чем на бывших раньше соборах; кроме патриархов, были 71 митрополит, 412 епископов, более 800 аббатов и приоров и бесчисленное множество уполномоченных от прелатов, которые не могли явиться лично¹. Двести лет потребовалось, чтобы Европа могла собрать свои духовные силы на соборе, подобном тому, который когда-то происходил в базилике Константина. Здесь мы видим яркий пример того, как мощно Церковь уравнивала центробежные силы народов: никакая власть мира не могла бы собрать собора, подобного тому, какой созвал в Латеране верховный глава

---

¹ Chron. Fossae Novae, ann. 1215.

римской церкви. Если бы не было центральной власти, проявлявшей себя с таким блеском, то судьба современной цивилизации была бы совершенно другая.

Графы Тулузы, Фуа и Комменжа прибыли в Рим до открытия собора; здесь к ним присоединился молодой Раймунд; чтобы не попасться в руки агентам Монфора, он должен был из Англии перебраться во Францию и пройти эту страну в одежде купеческого приказчика. В длинном ряде бесед с Иннокентием они жаловались ему на свое дело и сильно тронули папу. Говорят, что на этот раз на их сторону стал Арнольд Нарбоннский, поссорившийся с Монфором; но другие прелаты, для которых это было вопросом чуть ли не жизни и смерти, с такой горячностью оговаривали Раймунда и такими мрачными красками нарисовали картину катастрофы, грозящей Церкви, что Иннокентий, после недолгого размышления, решил ничего не делать в пользу гонимых сеньоров. Представителем Монфора был брат его Ги. Лишь только открылся собор, как обе стороны обжаловали свое дело. Решение отцов было вынесено сейчас же и, как и следовало ожидать, — в пользу борца за веру. В приговоре, объявленном Иннокентием 15 декабря 1215 г., указывалось на те усилия, каких стоило Церкви очиститься от ереси Нарбоннскую провинцию, и отмечалось, что после этого в стране водворился мир и спокойствие; далее в приговоре говорилось, что Раймунд был признан виновным в ереси и грабежах, почему и был лишен власти, которой злоупотреблял, и осужден проводить остальную жизнь в покаянии и в оплакивании своих грехов; ему была обещана ежегодная пенсия в 400 марок, если он будет послушен Церкви. Жене его оставлялись земли, следуемые на ее вдовью часть; по желанию она могла получить их стоимость. Все покоренные крестоносцами области,

включая сюда Тулузу, гнездо ереси, и Монтобан, были переданы Монфору, которого превозносили как первого борца за веру. Те же владения Раймунда, которые не были еще покорены, отдавались Церкви, которая должна была вернуть их – все или часть – молодому Раймунду, если он по достижении совершеннолетия окажется достойным этого. Что касается графа Раймунда, то его дело решено в окончательной форме; отныне Церковь называла его только «бывшим графом», *quondam comes*. Решения, принятые по отношению графств Фуа и Комменжа, ограничивали, по крайней мере, в этом направлении, притязания графа Монфора; но для местного дворянства они были не особенно благоприятны¹.

Высшее судилище Церкви сказало свое слово. Но это судилище потеряло часть своего владычества над душами верхних, и решение его не только никого не успокоило, но послужило призывом к восстанию. Юг Франции с нетерпением ждал, что, наконец-то, будет заглажен длинный ряд несправедливостей; когда же надежда эта не оправдалась, то возбужденный до иступления народ понял, что спасти его может только вооруженное сопротивление. Если Монфор воображал, что его завоевания надолго и прочно утверждены за ним решением Латеранского собора, если он придавал большое значение принесенной им верно-подданической присяге Филиппу-Августу, то он показал одно, – как мало знал он тех людей, с которыми имел дело. Во Франции он, понятно, был героем дня, и путешествие его для принесения присяги ко-

---

¹ Guill. de Tud. CXLII.–Vaissete, III, 280–1; Pr. 57–63.–Teulet, «Layettes», I, 420, № 1132.–Pet. Sarnens. c. 83.–D'Achery, I, 707.–Molinier, «L'Ensevelissement du Conte de Toulouse», Анжер, 1885, с. 6.

ролю было настоящим триумфальным шествием: народ толпами стекался взглянуть на борца за веру; духовенство во всех городах встречало его крестным ходом, и кто мог прикоснуться лишь к краю его одежды, тот считал себя уже счастливейшим из смертных¹.

Молодой Раймунд имел в это время только 18 лет, но годы несчастий закалили его; он отличался изяществом и благородством манер и, говорят, произвел очень выгодное впечатление на Иннокентия. Папа, отпуская его, благословил его и дал ему благой совет: никогда не брать ничего чужого, но защищать свое (*res de l'autrui non pregas; lo teu, se degun lo te vol hostar, deffendas*). Молодой человек не замедлил последовать совету папы, но он понял его по-своему. Часть родовых земель Тулузского дома, сохраненных для него под охраной Церкви, находилась к востоку от Роны; вот здесь в начале 1216 г. на возвратном пути из Рима остановились отец с сыном, чтобы сделать эту местность базисом своих действий. Немного спустя Раймунд старший отправился в Испанию набирать войско; жители Марселя, Авиньона и Тараскона поднялись как один человек по зову своего сеньора и горели нетерпением двинуться на французов; к громам и молниям, метаемым Церковью, они оставались равнодушны и были готовы пожертвовать и имуществом, и жизнью. Отныне роли главных действующих лиц этой великой драмы переходят к городам и к горожанам: битва идет, с одной стороны, между тяжелым феодализмом Севера, а с другой – между городскими общинами Юга, наполовину республиканскими, которые борются за свое существование. Религиозный вопрос отодвинулся на второй план, тем более, что сами религиозные идеи в то вре-

---

¹ Pet. Sarnens. c. 83.

мя были еще очень смутны. При осаде замка Бокера пришлось возводить окопы против приведенных Монфором вспомогательных отрядов, и домовый священник Раймунда обещал вечное спасение всякому, кто будет работать на траншеях, и весь город вышел на работу в надежде получить отпущение грехов; никто не думал, что Раймунд и все находящиеся с ним отлучены от церкви; вера в отпущение грехов была так сильна, что не обращали внимание на то, от кого исходило разрешение¹.

Перед лицом этой новой опасности Монфор проявил свою обычную энергию; но счастье изменило ему, и историки Церкви высказывают предположение, что он падал под тяжестью отлучения, произнесенного против него неукротимым Арнольдом Нарбоннским, которого он оскорбил в споре о герцогском титуле. Монфор не обратил никакого внимания на это отлучение и продолжал ходить к обедне, а между тем он с глубоким уважением относился всегда к духовным наказаниям, когда они налагались на его противников. Вынужденный после кровопролитных битв покинуть Бокер, он, полный гнева, двинулся на Тулузу, которая намеревалась призвать обратно своего прежнего сеньора. Он сжег несколько городских кварталов, но горожане забаррикадировали улицы и на каждом шагу оказывали сопротивление его войскам. Кончили тем, что заключили договор: Монфор согласился пощадить город, потребовав с него огромную контрибуцию в 30 000 марок; но разрушил все остатки укреплений, сравнял рвы и обезоружил жителей. Несмотря на отлучение, он все еще пользовался весьма сильной поддержкой Церкви. Иннокентий III умер 20 июля 1216 г.; его преемник, Го-

---

¹ Guill. de Tudela, CLIII–VIII.—Guill. de Pod. Laur. c. 27–8.—Vaissette, III; Pr. 64–66.—Pet. Sarnens. c. 83.

норий III, продолжал его политику, и новый легат, кардинал Бертран де С.-Жан и де С.-Поль, был, если это возможно, еще более решительным, чем его предшественники, в деле подавления всеми мерами восстания против Рима. Снова стали проповедовать крестовый поход. В начале 1217 г. Монфор во главе армии крестоносцев и небольшого отряда, присланного ему на помощь королем Франции, перешел Рону и вторгнулся в области, оставленные молодому Раймунду. Но он был неожиданно отозван известием, что восстала Тулуза, что она встретила с выражениями искренней радости Раймунда VI, пришедшего с испанскими войсками, что графства Фуа и Комменж со всем местным дворянством присоединились к Тулузе и приветствовали своего старого сеньора, и что, наконец, весьма опасно положение графини Монфор в Нарбоннском замке, расположенном вне города и охраняемом небольшим гарнизоном. В сентябре 1217 г. началась вторая осада города, жители которого так горячо стремились свергнуть иноземное иго; впрочем, быть может, мы видим здесь мужество отчаяния, если верить современникам, сообщающим, что кардинал-легат приказал крестоносцам перебить всех, не щадя ни пола, ни возраста. Город не был укреплен, и дети и женщины день и ночь работали над его укреплением. Тщетно писал Гонорий грозные послания и любезные увещания королям Арагонии и Франции, молодому Раймунду, графу де Фуа, гражданам Тулузы, Авиньона и Марсея; тщетно постоянно давала возобновленная с неослабной силой проповедь крестового похода новые подкрепления осаждающим. Осада тянулась девять долгих месяцев, и бешеные атаки и бешеные вылазки сменялись в ней длинными периодами затишья, когда редели ряды крестоносцев. Ги, брат Монфора, и Амори, его старший сын, были серьезно ранены. Тяжелое положение главнокомандующего де-

лалось еще тяжелее благодаря постоянным придирам легата, который вечно колол ему глаза неудачами и упрекал его в нерешительности и в незнании дела. На другой день Иванова дня (1218 г.) Монфор, утомленный физически и нравственно, отказавшись сделать вылазку, наблюдал за переделкой своих машин; в это время камень, брошенный из метательного снаряда, которым, по тулузскому преданию, управляли женщины, нанес ему смертельный удар; его шлем был разбит, и он упал мертвым. Велика была скорбь верных по всей Европе, когда разнесся слух о мученической смерти знаменитого борца за Христа, нового Маккавея, оплота веры, защитника религии. Он был погребен в Верхнем Брюйере, принадлежавшем монастырю Доль, и чудеса, проявленные на его гробнице, свидетельствовали, как приятны были Богу его жизнь и смерть. Но нашлись, конечно, и такие люди, которые объясняли его внезапную смерть в тот самый момент, когда его успехи, казалось, были навеки упрочены тем, что, стремясь удовлетворить свое личное честолюбие, он стал слабо преследовать ересь¹.

Если нужны другие доказательства огромного военного таланта Монфора, то можно указать на то, как скоро после его смерти, когда власть перешла к его сыну и преемнику Амори, рушилось все, созданное им с таким трудом. Даже и во время осады его обая-

---

¹ Pet. Sarnens. c. 83–6.—Guill. de Pod. Laur. c. 28–30.—Vaiss. III, 271–2; Pr. 66–93.—Guill. de Tud. CLVIII–CCV.—Raynald. «Ann». ann. 1217, № 52, 55–62; ann. 1218, № 55.—Marténe, «Ampl. Coll.» I, 1129.—Annal. Waverl. ann. 1218.—Bern. Iterii «Chron.» ann. 1218.—Chron. Lemov. ann. 1218.—Guill. Nang. ann. 1218.—Chron. Turon. ann. 1218.—Robert. Autissiod. «Chron.» ann. 1218.—Chron. S. Taurin. Ebroicens. ann. 1218.—Chron. Ioann. Iperii ann. 1218.—Chron. Laudun. ann. 1218.—Chron. S. Petri Vivi Senon. append. ann. 1218.—Alberici Trium Fontium «Chron.» ann. 1218.

ние было так велико, что сам могущественный Журден де л'Иль Журден подчинился ему, как герцогу Нарбоннскому и графу Тулузскому, и дал ему в заложники Жеро, графа Арманьяка и Фезансака, Роже-ра, виконта Фезансакэ, и других дворян. Припомним еще, что в феврале месяце 1218 г. жители Нарбонны, боясь Монфора, отказались принять участие в восстании. Смерть Монфора послужила сигналом к освободительному движению. Повсюду, где французские гарнизоны не были очень сильны, народ поднялся, перебил завоевателей и призвал своих старых вождей. Гонорий признал Амори наследником прав его отца, обрек на изгнание обоих Раймундов, предоставил Филиппу-Августу двадцатую часть церковных доходов, чтобы побудить его к новому крестовому походу, и обещал полное отпущение грехов всем, кто примет в нем участие. Безуспешно Людовик Львиное Сердце, в сопровождении кардинала-легата Бертрана, двинул на юг прекрасную армию пилигримов, среди которых было тридцать два графа и двадцать епископов. Крестоносцам удалось дойти до Тулузы, но третья осада не была удачнее двух первых, и Людовику пришлось вернуться домой, не добыв себе славы, и ограничиться лишь резней в Марманде, где было перебито до 5000 мужчин, женщин и детей. Невероятная жестокость крестоносцев и их животное сластолюбие, не щадившие ни жизни мужчин, ни чести женщин, очень сильно способствовали тому, что всюду они встречали упорное сопротивление. Одна за другой крепости, еще занятые французами, были отбиты у них, и весьма немногим завоевателям удалось удержаться в стране. Новый легат, Конрад, попытался в 1220 г. основать воинствующий орден Рыцарей Веры Христовой, но он не принес никакой пользы. Отлучение от церкви и лишение прав

наследства, объявленные папой в 1221 г., также не произвели никакого впечатления; и когда Людовик в том же году предпринял новый крестовый поход, получив от Гонория на покрытие издержек двадцатую часть церковных доходов, то он повел свою набранную на эти деньги армию против Англии и, несмотря на протесты папы и короля, захватил Рошель¹.

Доведенный от отчаяния Амори в начале 1222 г. предложил Филиппу-Августу взять себе все его владения и все его права; в то же время он просил Гонория поддержать это его предложение. 14 мая Гонорий написал письмо королю Франции, убеждая его, что это единственное средство спасти Церковь. Еретики, прятавшиеся в пещерах и горах, когда в стране хозяйничали французы, толпами стали стекаться после изгнания завоевателей, и всеобщая ненависть к иностранцам благоприветствовала их религиозной пропаганде. Церковь стала поистине национальным врагом, и мы вполне верим данному нам Гонорием описанию печального положения католицизма в Лангедоке. Там открыто проповедовалась ересь; еретические епископы дерзко выступали против католических прелатов, и можно было опасаться, что скоро вся страна будет охвачена заразой.

Несмотря на все эти доводы, подкрепляемые двадцатой частью церковных доходов и полнейшим отпу-

---

¹ Teulet, «Layettes», I, 454, № 1271; p. 461–2, № 1279–80; p. 466, № 1301; p. 475, № 1331; p. 551, № 1435; p. 518, № 1656.—Vaissette, III, 307, 316–7, 568; Pr. 98–102.—Raynald. «Annal.» ann. 1218, № 54–57; ann. 1227, № 44, 45.—Arch. Nat. J. 430. № 15, 16.—Guill. de Pod. Laur. c. 31, 33.—Guill. Nang. ann. 1219–1220.—Bern. Iter. «Chron.» ann. 1219.—Rob. Autissiod. «Chron.» ann. 1219.—Chron. Laud., Chron. Andrens., Alb. Trium Fontium Chron. ann. 1219.—Marténe, «Thesaur.» I, 884.—Rymer, «Foedera» I, 229.

щением всех грехов, Филипп оставался глух к словам папы и не собрался в крестовый поход; а когда Амори обратился с тем же предложением к Тибо де Шампань, то король ответил последнему, что он советует ему откликнуться на зов Амори, но ответил в таких выражениях, которые были равносильны запрещению. Если ему угодно начать дело на свой риск и страх, то король желает ему полного успеха, но сам он не может помочь ему ничем, и равным образом не может освободить его от обязанностей вассала ввиду своих натянутых отношений с Англией. В июне месяце настала очередь молодого Раймунда обратиться к Филиппу-Августу, своему сеньору и родственнику; Раймунд просил у него милости и в самых почтительных выражениях умолял его вмешаться в дело, чтобы примирить его с Церковью и вернуть ему, таким образом, отнятое у него право на наследство¹.

По всей вероятности, Раймунд предпринял этот шаг ввиду своего плохого здоровья; он и умер вскоре после этого в августе 1222 г. Раймунд еще в 1218 г. подписал свое духовное завещание; в нем он делал вклады в монастыри Тамплиеров и Госпитальеров в Тулузе, выражал желание вступить в последний орден и быть погребенным среди его монахов. В самый день своей смерти он два раза молился в церкви Дорэды, но предсмертная агония была очень непродолжительна, и он уже лишился языка, когда аббат из С.-Сернена пришел дать ему последнее напутствие. Случившийся при этом госпитальер бросил на умирающего свой плащ с крестом, чтобы дать своему монастырю право похоронить графа на своем клад-

---

¹ Vaissete, III, 319; Pr. 275, 276.— Raynald. «Annal.» ann. 1222, № 44–47.— Guill. de Pod. Laur. c. 47.— Teulet, «Layettes», I, 546, № 1537.

бище, но горячий приходский священник из С.-Сернена сдернул плащ, и над телом умирающего вспыхнул жаркий спор: аббат во все горло предъявлял свои права на труп, так как смерть произошла в его приходе; на крик его собрался народ, и он запретил ему давать хоронить тело покойного. Этот спор над бренными останками графа Тулузского тем противнее, что Церковь запретила предавать их земле, так как покойник был ее врагом. Тело оставалось непогребенным, несмотря даже на все хлопоты Раймунда VII после его примирения с Церковью, желавшего, чтобы душе его отца было дано вечное успокоение; ни к чему не привели и данные, собранные следственной комиссией, назначенной в 1247 году папой Иннокентием IV, хотя свидетельства ста пятидесяти лиц подтвердили, что Раймунд VI был самый благочестивый и милостивый из людей, и что он был всегда весьма послушным слугой Церкви. Полтора-два года останки Раймунда находились в распоряжении крысы монастыря Госпитальеров, и, когда они уже пропали, то череп сохранялся еще, по крайней мере, до конца XVII века как редкий памятник старины¹.

После смерти отца Раймунд VII воспользовался благоприятными обстоятельствами, и Амори снова, в декабре месяце, был вынужден предложить свои права Филиппу-Августу, который снова отказался от них. В мае 1223 года блеснула слабая надежда, что король Франции предпримет крестовый поход; легат Конрад де Порто и епископы Нима, Агда и Лодева писали ему из Безье, указывая на жалкое положение страны, где города и замки ежедневно открывали ворота еретикам. Король вступил по этому поводу в

---

¹ Guillelmi de Pod. Laur. c. 34.— Vaissette, III, 306, 321–4.— Molinier, «L'ensevelissement de Raymond VI».

переговоры с Раймундом, и дело подвинулось настолько вперед, что Гонорий писал своему легату, чтобы он позаботился об интересах епископа Вивье, когда состоится ожидаемое соглашение. Ввиду постоянных успехов ереси и индифферентизма Филиппа-Августа, казалось, что надо где-либо в другом месте искать основ для умиротворения. Нужно сказать, что деятельность болгарского антипапы чрезвычайно воспламенила катаров: еретики из Лангедока шли к нему на поклонение и возвращались ревностными миссионерами; его наместник, Каркассонский епископ Бартеlemi, называвший себя в подражание римским папам слугой слуг Бога, не мало и не без успеха трудился над распространением своих верований. Амори и Раймунд заключили перемирие, после чего легат созвал 6 июля 1223 года собор в Сансе, и все надеялись, что этот собор внесет умиротворение. Собор был перенесен в Париж, так как на нем пожелал присутствовать Филипп-Август; король, по-видимому, возлагал на этот собор большие надежды, так как, несмотря на мучившую его лихорадку, он поспешно отправился в свою столицу; но 14 июля он умер дорогой в Медон. Надежды Раймунда рушились: смерть короля делала собор бесполезным и сразу изменила все положение вещей¹.

Хотя Филипп-Август засвидетельствовал свое расположение к Монфору, оставив ему по духовному завещанию 30 000 ливров, тем не менее, он весьма благоразумно воздержался от всякого компрометирующего шага и решительно отверг предложения Амори. Но в своей прозорливости он предвидел, что после его смерти духовенство приложит все старания,

---

¹ Vaisset, III, Pr. 276, 282.— Teulet, «Layettes», I, 561, № 1577.— Raynald. «Annal.» ann. 1222, № 48.— Matt. Paris, ann. 1223, p. 219.

чтобы втянуть его сына Людовика в крестовый поход, и что королевство останется в руках женщины и ребенка. Несомненно, только из желания предотвратить эту опасность, он так упорно стремился присутствовать на соборе, не обращая внимания на болезнь. Его предчувствия скоро оправдались: уже в сам день коронации Людовик дал легату обещание предпринять крестовый поход; Гонорий из всех сил подстрекал его, и в феврале 1224 года Людовик принял от Амори условное отречение от всех его прав на Лангедок. Таким образом, Раймунд очутился теперь лицом к лицу с самым сильным противником, королем Франции¹.

Положение было полно новых и непредвиденных опасностей. Не проходило месяца, чтобы Амори, доведенный до последней крайности, не покидал нескольких замков из тех, которые остались еще у него; жалование солдатам он платил из денег, оставленных ему в наследство Филиппом-Августом. Вскоре он навсегда покинул страну, для которой он и отец его были бичом Божьим. Теперь перед Раймундом, вместо этого истощенного бесконечной войной врага, стоял пылкий молодой человек, располагавший огромными средствами, накопленными Филиппом-Августом в течение долгого царствования, и сгоравший нетерпением отомстить за старое поражение под стенами Тулузы. Уже в феврале он написал грамоту к гражданам Нарбонны, благодарил их за верность и обещал через три недели после Пасхи войти в страну во главе армии крестоносцев, чтобы присоединить к короне все земли, утраченные Тулузским домом. В то же время Людовик не хотел быть опрометчивым:

---

¹ Alberici Trium Font. «Chron.» ann. 1223.— Guil. de Pod. Laur. c. 34.— Vaissette III, Pr. 290.— Raynald. «Annal.» ann. 1223, № 41—45.— Teuelt, «Layettes», II, 24, № 1631.

он поставил непременным условием своего выступления, чтобы Церковь гарантировала королевству внешний и внутренний мир, чтобы крестовый поход проповедовался под условием такого же отпущения грехов, как походы в Св. Землю, чтобы те из его вассалов, которые откажутся пойти с ним, были отлучены от Церкви, чтобы епископ Буржа был назначен легатом вместо де Порто, чтобы ему заранее были обещаны земли Раймунда, его союзников и всех, кто будет сопротивляться крестоносцам, чтобы Церковь давала ему ежегодную субсидию в 60 000 парижских ливров, и чтобы, наконец, ему была дана полная свобода оставаться или вернуться¹.

Людовик заранее решил, что эти условия будут приняты, и продолжал свои приготовления; а Раймунд между тем прилагал все возможные старания, чтобы отвести грозу. Генрих III Английский замолвил за него слово у папы Гонория, и Раймунду посоветовали смириться перед Римом и послать туда послов; щедрость последних произвела, по-видимому, благоприятное впечатление на служителей курии. Гонорий ответил ему милостивым посланием и обещал в качестве легата прислать Романо, кардинала С.-Анджело, чтобы он уладил дела; королю же Людовику он дал знать, что Фридрих II сделал такие выгодные предложения в случае завоевания Святой Земли, что нужно все принести в жертву этому великому плану, и что продажа индульгенций на пользу чего-либо другого в настоящее время не может быть никоим образом разрешена. К этому папа добавлял, что если король Франции будет продолжать угрожать Раймунду, то последний не замедлит изъявить перед ним свою покорность. В то же время были посланы

---

¹ Vaissete, III, Pr. 285, 291–3.— *Gesta Ludovici*, VIII, ann. 1224.

особые предписания Арнольду Нарбоннскому, которому приказывалось совместно с другими прелатами оказывать давление на Раймунда и добиться от него приемлемых условий.

Людовик, справедливо возмущенный этой двуличной политикой, во всеуслышание объявил, что он умывает руки, и дал знать папе, что римская курия может сама устраиваться с Раймундом по своему усмотрению, что он не вмешивается в богословские вопросы, но что его права должны быть приняты во внимание, и что он не позволит вводить новых поборов. На Парижском парламенте 5 мая 1224 года легат объявил недействительными индульгенции, выданные за поход против альбигойцев, и признал Раймунда добрым католиком; со своей стороны, Людовик дал объяснение, из которого видно, насколько он был возмущен поведением Церкви по отношению к нему. Во всяком случае, его военные приготовления не пропали даром: он воспользовался ими, чтобы отнять у Генриха III значительную часть английских владений на французской территории¹.

Грозу, по-видимому, отклонили. Теперь оставалось только договориться об условиях умиротворения страны; Раймунд был близок к окончательному падению, и от него нельзя было ожидать препятствий. 2 июня, в день св. Троицы, он, сопровождаемый своими первыми вассалами, встретился в Монпелье с Арнольдом и епископами и торжественно заявил, что будет во всех своих владениях сохранять и поддерживать католическую веру; что он изгонит

---

¹ Rymer, «Foedera», I, 271.— Vaissette, III, 339–40; Pr. 283.— Raynald. «Annal.» ann. 1224, № 40.— Gesta Ludov. VIII, ann. 1224.— Chron. Turon. ann. 1224.— Guill. Nang. 1224.— Epist. sec. XIII, t. I, № 249 (Monum. Hist. German.).

из них всех еретиков по указанию Церкви; что он конфискует все их имущество, а их самих подвергнет телесному наказанию; что он установит мир и распустит банды наемников; что он восстановит права и привилегии Церкви; что он уплатит 20 000 марок в возмещение убытков Церкви и на удовлетворение Амори при условии, что последний откажется от своих притязаний и выдаст все документы, подтверждающие их. Если этого мало, то он готов всецело подчиниться Церкви; эта оговорка была сделана ввиду его вассальных отношений к королю. Эти условия были скреплены графом де Фуа и виконтом города Безье. Чтобы доказать свою искренность, Раймунд восстановил старого врага своего отца, Феодосия, на епископской кафедре в Агде, которую некогда занимал бывший легат, и с которой он был согнан; он возвратил также церквям разное имущество, утраченное ими.

Предложения Раймунда были переданы в Рим на одобрение папы. Первый ответ Гонория позволяет думать, что они были приняты благосклонно; он изъявил свое согласие на то, чтобы 20 августа собрался собор для их ратификации. Но когда собор собрался в Монпелье, Амори в отчаянии обратился к епископам с просьбой, умоляя их не губить плодов побед. “Король Франции, – говорил он, – всякую минуту готов взять на себя его дело, бросить же его – значит произвести соблазн и унижить вселенскую Церковь”. Епископы не обратили никакого внимания на эту просьбу и взяли с Раймунда и его вассалов клятву на условиях, определенных раньше, лишь с оговоркой, что по вопросу о вознаграждении Амори нужно подождать решения папы, и что Раймунд и его вассалы подчинятся всем приказаниям Церкви, которые не будут оскорбительны для короля и императо-

ра. Раймунд согласился на все и в подтверждение представил залог¹.

Чего еще могла желать Церковь? Правда, Раймунд торжествовал победу над нею и над всеми посланными на него крестоносцами; но, взамен этого, он приносил ей такую полную повинную, какую только могли предложить его отцу в минуту его самого безнадёжного положения. В это самое время в Капель-Сарассене состоялся публичный диспут между католическими священниками и духовными катаров; это являлось новым доказательством веры еретиков в успех своего дела и показывало, что нужно было идти на компромиссы, если хотели остановить развитие ереси. Не менее знаменательным было собрание катаров, состоявшееся немного позднее в Пиессане, где с согласия тулузского еретического епископа, Гильберта де Кастр, была образована новая Разесская епископия из части Тулузской и Каркассонской епархий.

Однако превратностям и неожиданностям не предвиделось конца. Когда в октябре месяце прибыли в Рим послы Раймунда, чтобы получить папскую санкцию, то они столкнулись там с Ги де Монфором, которого король Франции уполномочил выступить против них. Значительное число епископов Лангедока думало, что мир не обязывает их возвращать земли, присвоенные ими в смутное время, и поэтому в их интересах было утверждать, что Раймунд был еретик до мозга костей. Гонорий уклонялся от ответа до начала 1225 года, когда он послал во Францию кардинала Романо с полными правами легата и с инструкциями, в

---

¹ Vaissete, III; Pr. 284, 296.— Vaissete, изд. Priv. VIII, 804.— Baluz. «Conc. Narbonn.», 60–64.— Gesta Ludovici VIII, ann. 1224.— Concil. Montispeulan. ann. 1224 (Harduin. VII, 131–33).— Grandes Chron. ann. 1224.— Guill. Nangiac. ann. 1224.

которых говорилось, что он должен действовать на Раймунда угрозами и настоять на перемирии между Францией и Англией, чтобы дать Людовику полную свободу действий. В том же духе писал папа королю, а Амори он послал денег при грамоте, долженствовавшей поднять его энергию. Данное им в одном из его писем описание Лангедока показывает, на чьей стороне он в сущности стоял: «Страна железа и меди,— писал он,— ржавчину которой можно уничтожить только огнем»¹.

После многих совещаний с Людовиком и с главными сеньорами и епископами легат созвал народное собрание в Бурже в ноябре 1225 года. Туда явился и Раймунд, униженно прося отпущения грехов и примирения с Церковью; он снова предлагал представить оправдание своим действиям и соглашался подчиниться всем требованиям Церкви и восстановить в своих землях безопасность и повиновение Риму. Что касается ереси, то он не только соглашался искоренить ее, но даже неотступно просил легата объехать поочередно все его города и исследовать в них верование жителей, ручаясь, что все отступающие от католичества будут строго наказаны, и что всякий упорствующий город будет образумлен. Сам он готов дать полный и подробный отчет во всякой ошибке, которую могут ему приписать, и готов подвергнуть испытанию свою преданность Церкви. С другой стороны, Амори предъявил декреты папы Иннокентия, осуждающие Раймунда VI и передающие его земли Симону Монфору с согласия короля Филиппа-Августа. После долгих споров в соборе легат решил, чтобы каждый архи-

---

¹ Vaissete, III, Pr. 284–5.— Schmidt, I, 291.— Coll. Doat, XXIII, 269–70.— Rymer, «Foedera», I, 273, 274, 281.— Raynald «Annal.» ann. 1225, № 28–34.— Teulet, «Layettes», II, 47, № 1694.

епископ обсудил это дело отдельно со своими суффраганами и дал бы ему письменный ответ, который немедленно будет представлен папе и королю. Все это, под страхом отлучения от церкви, должно было обсуждаться в глубокой тайне¹.

Один случай из истории собора в Бурже прекрасно рисует характер отношений между Римом и местными церквями, а также характер того католического учреждения, на суд которого приглашали являться еретиков, милостиво грозя им костром и виселицей. Когда собор рассмотрел все текущие дела, легат разрешил уполномоченным капитулов вернуться домой, но удержал епископов. Удаленные, таким образом, уполномоченные тотчас же заподозрили какой-то обман; посоветовавшись между собой, они отправили к легату уполномоченных, присланных митрополитами, чтобы поставить легата в известность, что по имеющимся у них сведениям у него есть специальные грамоты римской курии, объявляющие принадлежащими навсегда папе доходы с двух пребенд в каждой епархии или аббатстве и с одной пребенды с каждой монастырской церкви. Они именем Бога заключали легата не делать такого соблазна, ручаясь, что король и его бароны будут сопротивляться до последней капли крови, и что это может привести Церковь к падению. Припертый, таким образом, к стене, легат предъявил имевшиеся у него грамоты и высказал мнение, что исполнение просьб папы избавит римскую Церковь от обвинений в алчности, положив предел требованиям и поднесениям подарков. Делегат Лиона спокойно возразил на это, что они не хотят лишиться друзей в Риме и очень охотно будут давать им взятки; другие возражали, что этой мерой среб-

---

¹ Chron. Turonens. ann. 1225.— Matt. Paris, ann. 1225, c. 227–9.

ролюбие не будет уничтожено, и что, наоборот, новые богатства лишь увеличат алчность римлян и вызовут новые опасные для самого Рима осложнения; третьи, наконец, заметили, что доходы, таким образом представленные курии, будут превышать даже доходы самого короля, и благодаря им члены курии сделаются настолько богаты, что правосудие чересчур вздорожает; кроме того ясно, как Божий день, что многочисленные лица, которым папа поручит соби- рание доходов, будут отличаться невероятным лихо- имством и заберут такой контроль над выборами ка- питулов, что, в конце концов, все будет поставлено в полную зависимость от Рима. В заключение они ка- тегорически объявили легату, что в интересах само- го Рима отказаться от подобного проекта, так как дав- ление, раз оно будет повсеместно, неизбежно вызовет и общее восстание. Легат, видя, что сопротивление невозможно, согласился обойти молчанием эти гра- моты, и добавил, что и он, со своей стороны, не со- гласен с ними, но не успел высказать этого, так как получил грамоты уже после прибытия во Францию. Смелый проект, с помощью которого римская курия рассчитывала забрать в свои руки контроль над все- ми аббатствами королевства, провалился, благодаря единомышленной оппозиции архиепископов. Еретики смело могли считать себя вправе держаться подаль- ше от подобной Церкви¹.

---

¹ Chron. Turonens. ann. 1225.— Matt. Paris, ann. 1225, с. 227–8.— Возможно, что составители хроники несколько преувеличили, так как в грамотах Гонория говорится только об одной пре- бенде в каждой епископии и коллегиальной церкви (Martène, «Thesaur.», I, 929). Впрочем, требования Рима были только отсро- чены. В 1380 г. Карл Мудрый жаловался, что почти все бенефи- ции Франции принадлежали кардиналам, которые доходы с них уносили в Италию, так что церкви приходили в упадок, аббатства

Никто не зал, к каким заключениям пришли архиепископы на своих тайных совещаниях, но конечный результат был ясен, раз папа и король решились вмешаться. В довершение несчастий Раймунда умер архиепископ Нарбоннский Арнольд, сделавшийся в последнее время его задушевым другом, а на его место был назначен Петр Амиель, один из самых смертельных врагов Раймунда. Все громко и открыто говорили, что никакой почетный мир для Церкви несовместим с поддержкой Раймунда, и что необходимо предоставить Людовику десятую часть духовных доходов, если он изъявит готовность предпринять священную войну. Но король, при всем своем легкомыслии и алчности, не решался помериться силами с экзальтированными патриотами юга, пока у него были враждебные отношения с королем Англии. Поэтому он настаивал, чтобы Гонорий запретил Генриху III угрожать французской территории в течение крестового похода. Когда Генрих получил папские грамоты, он с увлечением готовился к походу на помощь своему брату Ричарду Корнуэльскому; но его советники убедили его не мешать Людовику впутаться в такое трудное и дорогое предприятие; один из них, Вильгельм Пьерпон, считавшийся ученым астрологом, предсказал, что Людовик обязательно или потеряет жизнь, или потерпит полное поражение. Между тем были получены новые известия от Ричарда, который сообщал, что обстоятельства стали благоприятны ему; Генрих успокоился и, несмотря на то, что незадолго перед

были заброшены, сиротские приюты и приюты для престарелых не выполняли своего назначения, во многих местах богослужения прекратились, и церковные земли оставались без обработки. Чтобы помочь этому злу, он взял себе все эти доходы и приказал употреблять их согласно с их назначением (там же, I, 1612).

этим он заключил союз с Раймундом, он согласился на предложения папы. Чтобы вернее обеспечить успех крестовому походу, Церковь запретила все частные войны до его окончания¹.

В эпоху, о которой мы говорим, религиозный вопрос сделался только предлогом к продаже индульгенций и к взиманию церковных налогов. Если Раймунд до сих пор не начал еще энергично преследовать своих подданных еретиков, то это вполне понятно: угрожаемый нашествием внешних врагов, он не мог, будучи в здравом рассудке, оторвать от своего дела целое множество людей, в поддержке которых он сильно нуждался. Но он показал себя готовым на все, лишь бы примириться с Церковью, и он даже убеждал легата ввести Инквизицию в его владениях. Среди волнений, потрясавших юг, доминиканцы могли бы увеличить свое влияние и оставаться в землях Раймунда; когда их соперники, францисканцы, явились в Тулузу, то Раймунд принял их весьма любезно и помог им основаться в стране. В этот самый год (1225) прибыл во Францию св. Антоний Падуанский, наиболее почитаемый святой ордена после св. Франциска. Антоний пришел проповедовать против ереси; в Тулузе его красноречие вызвало такое горячее преследование еретиков, что он получил прозвище «Неутомимого Молота Еретиков». Надвигавшаяся война была более, чем все ей предшествовавшие, национальной: все силы севера, предводимые королем и Церковью, двинулись на истощенные провинции, сюзереном которых был Раймунд. Нет ничего удивительного, что он всеми мерами старался отклонить надвигавшуюся опасность: он отлично понимал, что

---

¹ Matt. Paris, ann. 1226, p. 229.— Vaissette, III, 349.— Kymer, «Foed.», I, 281.— Martène, «Coll. nov.», p. 104; «Thes.», I, 931.

ему одному придется отражать ее. Правда, его самый крупный вассал, граф де Фуа, оставался верен ему; но второй за ним по значению, граф де Комменж, заключил частный договор и шел против него вместе с королем Франции; вступил в коалицию и граф Провансский в то самое время, когда Иаков Арагонский и Нупьес Санчо де Руссильон, боясь Людовика, запретили своим подданным оказывать помощь еретикам¹.

Дело организации крестового похода велось крайне энергично. В заседании парламента, происходившего в Париже 28 января 1226 года, сеньоры послали королю адрес; они обещали ему свою помощь до последнего конца. Людовик начал крестовый поход с условием, что имеет право окончить его во всякое время, и его примеру последовали почти все епископы и бароны, хотя многие из них, как сообщают современники, сделали это против воли, считая несправедливым нападать на верного сына Церкви, который на соборе в Бурже предложил все возможное с его стороны. Амори и дядя его Ги отказались от всех своих прав в пользу короля; крестовый поход проповедовался по всей стране, и, как обыкновенно, всем крестоносцам давалось отпущение грехов; легат ручался, что обещанная на пять лет десятая часть церковных доходов будет не менее 5000 ливров в год. Единственным пятном, омрачавшим светлый горизонт, было открытие, что папа Гонорий послал грамоты и легатов к баронам Пуату и Аквитании, приказывая им в течение месяца восстановить свои верноподданнические отношения к Англии, не обращая внимания на присягу, данную ими в противопо-

---

¹ Waddingi «Annal. Minorum», ann. 1225, № 14.— Viassete, III, Pr. 305, 318.— Teulet, «Layettes», II, 75, № 1758; 79, № 1768; 90, № 1794.

ложном смысле. Это странное поведение можно объяснить только тем, что Раймунд или Генрих III поднесли ему убедительные подарки. Людовик также поспешил прибегнуть к этому испытанному средству и благодаря своей щедрости добился того, что папские грамоты были скрыты. Когда это препятствие было устранено, то состоялось новое собрание 29 марта; на этом собрании Людовик приказал своим вассалам собраться в Бурже 17 мая в полном вооружении и быть готовыми оставаться на юге до тех пор, пока он сам будет там. Ограничение срока службы сорока днями, что так часто вырывало у Монфора плоды победы, не должно было более мешать достижению окончательной победы¹.

В назначенный день рыцари всего королевства собрались около своего повелителя в Бурже; но до выступления нужно было разрешить много вопросов. Бесконечное число аббатов и делегатов от капитулов осадили короля, умоляя его не доводить национальной церкви до состояния рабства и не требовать с нее назначенной папой десятины; они обещали добровольно удовлетворить его нужды в деньгах. Король отказал им, и они разошлись по домам, проклиная в душе и короля и крестовый поход. В это время легату с трудом удалось отослать домой детей, женщин, стариков, нищих и немощных, которые желали вступить в ряды крестоносцев. Он заставил их под присягой сказать, сколько у них было денег; из этой суммы он большую часть удержал у себя, а их выпустил, разрешив их от обета, — новый, косвенный способ продажи разрешения грехов, ставший вскоре

---

¹ Vaissete, III; Pr. 300, 308–14, — Teulet, «Layeites», II, 68–9, № 1742–3. — Matt. Paris, ann. 1226, c. 229. — Chron. Turonens. ann. 1225, 1226.

Людвиг IX Святой, король Франции.
 (1226–1270)

обычным и очень доходным. Не менее выгодные сделки устраивал с крестоносцами и Людовик: он отпускал за хорошие деньги тех из них, которые не искали славы или боялись опасностей войны. Он заставил также графа де ла Марша отослать к Раймунду его юную дочь Иоанну, помолвленную с сыном графа, и сохранил ее, как мы увидим ниже, для более почетного брачного союза. Много стекло в Бурже нарбоннских сеньоров, спешивших показать свою верность и засвидетельствовать свои верноподданнические чувства; а, главным образом, затем, чтобы посоветовать королю не проходить через их страну, разоренную войной, но двинуться по течению Роны по направлению к Авиньону; Людовик, для которого это было безразлично, милостиво исполнил их желание¹.

Людовик выступил из Лиона во главе блестящей армии, в которой, как говорят, одних конных было до 50 000 человек. Он наводил на всех ужас, и многие вассалы и города Раймунда спешили изъявить покорность², и уже до начала военных действий дело графа казалось проигранным. Но, однако, когда армия подошла к Авиньону, и когда Людовик решил пройти через город, горожане, испугавшись этого, заперли городские ворота и предложили королю беспрепятственно пропустить армию вокруг города. Разгневанный этим, король, хотя Авиньон и был в числе его ленных владений, решил осадить город. В течение десяти лет отлученный от церкви город считался гнездом вальденсов, и поэтому кардинал-легат Романо пригласил крестоносцев оружием уничтожить ересь. Но дело оказа-

---

¹ Chron. Turonens. ann. 1226.— Teulet, «Layettes», II, 72, № 1751.

² Ним, Нарбонн, Каркассон, Альби, Безье, Марсель, Кастр, Пюилоранс, Авиньон.

лось трудным. С 10 июня приблизительно по 10 сентября граждане отчаянно защищались, нанося осаждающим крупный урон. Раймунд опустошил все окрестности и зорко смотрел, чтобы не провозились в город съестные припасы. Появилась эпидемия, и тучи мух переносили заразу с мертвых на живых. В довершение всего в лагере возникли раздоры. Петр Моклер Бретонский сердился на Людовика за то, что он помешал браку его с Иоанной Фландрской, которой папа дал развод, и он образовал тайный союз с Тибо де Шампань и графом де ла Марш, которых подозревали в сношениях с врагом. Тибо после сорокадневной службы покинул самовольно армию, вернулся в Шампань и стал укреплять свои замки. Казалось, что столь блестяще начатый крестовый поход был близок к концу, но как раз в это время осажденные, доведенные до последней крайности, неожиданно согласились сдаться на капитуляцию. Если принять во внимание нравы и обычаи эпохи, то нужно признать легкими условия, предложенные им Людовиком. Они должны были дать удовлетворение королю и Церкви и уплатить значительный выкуп; городские стены были разрушены, и триста укрепленных домов сравнены с землей. Легат поставил им нового епископа Николая де Корби, который издал законы, направленные к подавлению ереси. Сдача Авиньона пришлась для Людовика замечательно вовремя: через несколько дней разлилась Дюранса, и лагерь его неминуемо был бы затоплен¹.

---

¹ Matt. Paris, ann. 1226.—Teulet, «Layettes», II, 71, 78, 81, 84, 85, 89, 90, 91, 648–9.—Guill. de Pod. Lauren. c. 35.—Vaissete, III, 354, 364.—Chron. Turon. ann. 1226.—Guill. Nang. ann. 1226.—Gesta Ludovici VIII, ann. 1226.—Город Ажан, по-видимому, остался верным Раймунду (Teulet, II, 82).

От Авиньона Людовик двинулся на запад, всюду получая изъявления покорности от городов и сеньоров. Он находился уже в нескольких милях от Тулузы. Оставалось, по-видимому, только разрушить этот очаг ереси, чтобы Раймунд пал бесповоротно, а крестоносцы покрыли бы себя славой; но вдруг Людовик неожиданно повернул на север. Ни одна хроника не дает нам объяснений этого странного движения; без сомнения, оно было вызвано дурным санитарным состоянием армии и, быть может, первыми проявлениями болезни, которая 8 ноября пресекла в Монпансье жизнь короля, чем исполнилось пророчество Мерлина: *In ventris monte morietur leo pacificus*, но народная молва обвиняла Тибо де Шампань в отравлении короля. Европа же вся полагала, что это отступление крестоносцев было вызвано крупными военными потерями, о которых только молчали. Людовик рассчитывал вернуться на следующий год и оставил в покоренных городах и замках гарнизоны под главным начальством Гумберта де Боже, дав ему помощником Ги де Монфора. Их подвиги были ничтожны: они сожгли только порядочное число еретиков, конечно, для того, чтобы сохранить за войной ее священный характер¹.

Раймунд, спасшийся как бы чудом от неминуемой гибели, не стал терять даром времени и отвоевал часть своих земель. Смерть Людовика совершенно изменила положение дел, и некоторое время, по крайней мере, ему нечего было бояться. Правда, тринадцатилетний Людовик IX был немедленно коронован в Реймсе, а регентство было предоставлено его матери Бланш Кастильской; но крупные бароны волновались,

---

¹ *Gesta Ludovici VIII*, ann. 1226.— *Matt. Paris*, ann. 1226.— *Chron. Turon.* ann. 1226.— *Guill. de Laurent.* c. 36, 38.— *Alberti Stadens.* «*Chron.*» ann. 1226.— *Vaissete*, III, 363.

и заговор, родившийся под стенами Авиньона, продолжал существовать. Бретань, Шампань и Марш демонстративно воздержались от участия в коронационных торжествах, медлили принести присягу на верность и завязали сношения с Англией. Однако уже в начале 1227 года заговорщики разошлись, и регентша то ласками, то милостями привлекла их одного за другим на свою сторону; с Генрихом III было заключено кратковременное перемирие, и виконт де Туар и непосредственные опасности были устранены.

Вступивший 19 марта 1227 года на папский престол Григорий IX, принял под свое покровительство регентшу и ее сына на том основании, что они обязались вести войну против ереси; но посылка время от времени вспомогательных отрядов из Франции к Боже имела, по-видимому, одну только цель – оправдать взимание десятинного налога. Четыре больших провинции, Реймс, Руан, Санс и Тур, отказались платить этот налог, и легату пришлось разрешить регентше захватить церковные земли, чтобы получить с церкви требуемые деньги.

Раймунд продолжал борьбу с переменным счастьем. На соборе, бывшем в Нарбонне великим постом 1227 года, были отлучены от Церкви все, не сохранившие присягу на верность Людовику; это служит доказательством того, что народ всюду, где можно было сделать это без большого риска, вернулся к своему старому повелителю. Приказывая епископам строго разыскивать еретиков и предлагая светским властям наказывать их, тот же собор отметил, что даже и в занятых французами землях преследование еретиков значительно ослабло¹.

---

¹ Chron. Turonens. ann. 1226, 1227. – Martène, «Ampliss Coll.» I, 1210–13. – Potthast, «Regesta», 7897, 7920. – Viassete, III, Pr. 323–5. – Guill. Nangiac. ann. 1227. – Guil. de Pod. Laurent. c. 38. – Matt. Paris, ann. 1228. – Martène, «Thes.» I, 940. – Concil. Narbonens. ann. 1227,

В 1227 году война тянулась без решительных результатов. Боже, подкрепленный Петром Амиелем Нарбоннским и Фульком Тулузским, занял после ожесточенной осады замок Бесед, гарнизон которого был перебит; а еретический диакон Жеро де Мотт и его товарищи были сожжены. Владелец замка, Пеган де Бесед, был объявлен *faidit* и главой еретиков; сожжен же он был только в 1233 году Раймунд вернул Кастель-Сарассен, но не мог помешать крестоносцам опустошить всю страну вплоть до стен Тулузы. Новый год застал обе стороны жаждущими мира. У регентши Бланш было много причин желать его заключения. Вельможи Аквитании находились в переписке с Генрихом III, который все еще не терял надежды вернуть обширную территорию, отнятую Филиппом-Августом у английской короны. Крупные бароны ссорились и враждовали между собой, и поэтому часть королевства постоянно находилась на военном положении. Получение десятины становилось все более трудным. С другой стороны, и Раймунд не переставал просить мира, и была некоторая надежда укрепить за короной богатое наследство Тулузского дома, так как единственной наследницей Раймунда была незамужняя дочь Иоанна. Брак этой наследницы с одним из младших братьев Людовика IX, с передачей им и их наследникам владений графа, мог мирным путем принести те же политические выгоды, как и крестовый поход. Что же касалось религиозных вопросов, то от искренне благочестивого Раймунда, который тысячу раз показывал свою готовность при-

---

can. 13–17.— Vaissette, изд. Priv. VIII, 265. Письмо санского архиепископа и шартрского епископа от 1227 г. с обещанием оказать королю денежную поддержку за крестовый поход против альбигойцев сохранились в Национальном Архиве Франции. J. 428, № 8.

менить суровые меры, можно было ожидать их удовлетворительного разрешения.

Григорий IX был очень рад положить конец войне, начатой Иннокентием двадцать лет тому назад. Уже в марте 1228 года он написал Людовику IX, убеждая его заключить мир, следуя советам легата, уполномоченного во всем помогать ему. И первые предложения Раймунду были сделаны от имени легата через аббата Грансельва. В основу переговоров было положено сватовство; это подтверждается письмом папы от 23 июня, в котором он уполномочивает Романо устранить препятствие к браку, заключавшееся в кровном родстве сторон, если брак Иоанны с одним из братьев Людовика даст стране мир. Другое послание папы от 21 октября, призывавшее прелатов снова проповедовать крестовый поход против альбигойцев, по-видимому, указывает на то, что Раймунд в чем-то упорствовал, и надо было оказать на него давление. Чтобы вернее добиться успеха, французские войска начали страшно опустошать его владения. Наконец, в декабре 1228 года Раймунд уполномочил аббата Грансельва принять все предложения Тибо де Шампань, игравшего роль посредника. Совещание произошло в Мо в присутствии консулов Тулузы, и предварительные условия были подписаны в январе 1229 года.

Великий четверг 12 апреля 1229 года был знаменательным днем окончания этой долгой войны. Перед главным входом собора Парижской Богоматери Раймунд смиренно подошел к легату и просил присоединить его к Церкви; босой и в одной рубашке, как кающийся грешник, он был подведен к алтарю; в присутствии высшего духовенства и высших сановников государства ему было дано отпущение грехов, и было снято отлучение, тяготевшее над его товарищами. После этого он в качестве пленника был помещен в

Лувре и оставался там как заложник, пока его дочь и пять из его замков не были вручены королю, и пока не было разрушено пятьсот туазов тулузских городских стен¹.

Эти условия были суровы и унижительны. В королевском манифесте, где был опубликован договор, было представлено, что Раймунд, следуя указаниям легата, просил у Церкви и короля не суда, а милости. Он дает присягу всеми силами преследовать еретиков, их единомышленников и тех, кто дает им пристанище; он не должен щадить ни самых близких своих родных, ни друзей, ни вассалов. Все должны быть наказаны в самое короткое время, а для обнаружения еретиков должна быть основана инквизиция, наказ которой должен выработать легат. На нужды этого судилища Раймунд соглашался уплачивать по две марки за каждого совершенного, который будет схвачен в течение первых двух лет, и по одной марке по истечении этого срока. В отношении других еретиков он обещался всецело подчиниться всем приказаниям легата или папы. Его бальи, или местные судьи, должны быть все добрыми католиками без всякой тени подозрения; он будет защищать Церковь, всех ее членов и все ее привилегии; он будет подкреплять решения духовных судов, подвергая конфискации имущество всякого, кто будет оставаться отлученным от Церкви в течение года; он восстановит все церковные имения, отнятые у церквей с самого начала смут, и уплатит 10 000 серебряных марок за разграбленные имущества частных лиц; он будет требовать

---

¹ Bernard. Guidon. «Vita Gregor. PP. IX» (Murat S. R. I. III, 570–1).– Guill. de Pod. Laurent. c. 38, 39.– Teulet, «Layettes», II, 144, № 1980.– Potthast, «Regesta», 8150, 8216, 8267.– Raynald. «Annal.» ann. 1228, № 20–4.– Martène, «Thes.» I, 943.– Vaissete, III, 377–8; Pr. 326–9, 335.

правильной уплаты десятины; в виде особого штрафа он должен внести пять тысяч марок в пять монастырей, которые ему будут указаны, затем шесть тысяч марок на укрепление замков, которые король займет в обеспечение интересов Церкви, и, наконец, от трех до четырех тысяч марок на содержание в Тулузе в течение десяти лет двух магистров богословия, двух докторов канонического права, шести учителей грамматики и свободных искусств. Его покаяние будет состоять в том, что тотчас же по получении отпущения грехов он вступит в ряды крестоносцев и не позднее, как через два года, отправится на пять лет в Палестину. Несмотря на неоднократные напоминания, Раймунд никогда не исполнил этой епитимии, а когда в 1247 году он стал, наконец, готовиться к отъезду, смерть навсегда оставила его в родной стране. Народ же должен был принести присягу, повторяемую каждые пять лет, в силу которой каждый обязывался всеми средствами преследовать еретиков, их сообщников и всех, кто будет давать им приют; кроме того, все должны оказывать содействие Церкви и королю, если будет начато преследование ереси.

Когда, таким образом, были обеспечены интересы Церкви и религии, брак Иоанны с одним из братьев короля был признан проявлением особой благосклонности к Раймунду. Не задумываясь, признали его лишенным всех владений, но король милостиво давал ему область старой Тулузской епархии с тем, что после его смерти она переходит к его дочери и к зятю; таким путем это наследство было упрочено за королевским домом. Кроме того, Раймунду были даны Ажан, Руэрг, Керси (за исключением Кагора) и часть Альбигойи с тем, что эти земли после его смерти переходят к его дочери, минуя законного наследника; обширные же пространства, заключенные между герцогством Нарбоннским и графствами Велэ, Жеводан,

Вивье и Лодев, король оставлял себе. Маркизат Прованский (владение Империи по ту сторону Роны) был отдан Церкви. Таким образом, Раймунд потерял две трети своих владений. Кроме того, он должен был разрушить укрепления Тулузы и тридцати других замков без права когда-либо возводить на их место новые; он должен был передать королю восемь других укрепленных замков и ежегодно в течение пяти лет выдавать ему на их содержание по 1500 марок; он должен был принять энергичные меры против своих упорствующих вассалов, в частности против графа де Фуа, который, увидав себя покинутым, согласился в том же году на унижительный мир. Была объявлена всеобщая амнистия, и были восстановлены в своих правах *faidits*, или лишенные своего звания рыцари, за исключением, разумеется, еретиков. Далее Раймунд обязывался обеспечить общественное спокойствие и изгнать навсегда грабителей больших дорог (*routiers*), к которым в течение уже полутора столетий Церковь относилась с особой ненавистью. Все вассалы Раймунда и весь народ его должны были скрепить эти условия своей присягой и обязаться свято выполнять их; сверх всего, если в течение сорока дней после объявления он не исполнит какого-либо из принятых им обязательств, то все предоставленные ему земли переходят к королю, его подданные освобождаются от всяких обязательств по отношению к нему, а сам он, как и прежде, подвергается отлучению от Церкви¹.

Права, которые, таким образом, присваивал себе король на земли Раймунда, основывались, с одной стороны, на завоеваниях его отца, а с другой – на уступ-

---

¹ Harduin. «Concil.», VII, 165–72. – Vaissette, III, 375; Pr. 329–35; 340–3. – Teulet, «Layettes», II, 147–52; № 1991–4; p. 154–7, № 1998–99, 2003–4. – Guill. de Pod. Laurent. c. 47.

ках, сделанных Амори, который, через несколько дней после заключения договора, сделал новую – третью уступку, по которой уступал королю все без остатка, а себя самого передавал на его милость, чтобы не быть совершенно ограбленным. В награду за это ему было дано право на пожизненное звание коннетабля, место которого за смертью Матье де Монморанси освободилось годом позднее. В 1237 году он имел неблагоразумие снова предъявить свои права; принял титул герцога Нарбоннского, сделал безуспешную попытку завладеть Дофинэ в силу прав на него своей жены и захватил графство Мельгейль. Возбешенный этим, Григорий IX наложил на него епитимию и велел присоединиться к отправлявшимся в Св. Землю крестоносцам. Амори подчинился, и Григорий решил выдать ему, после его отъезда, три тысячи марок из сумм, собранных с крестоносцев за разрешение от данного ими обета идти в Св. Землю. Уплата этих денег была возложена на Сансскую провинцию и на земли самого Амори. Амори отправился в 1238 году, но злой рок продолжал преследовать его; в 1241 году он попался в плен к сарацинам и был выкуплен Григорием за 4000 марок, взятых из того же источника. Умер он в том же году в Отранте на обратном пути из Палестины, окончив, таким образом, жизнь, полную самых неожиданных превратностей и почти непрерывных неудач¹.

---

¹ Martène, «Ampliss. Coll.» I, 1225.– Vaissete, III, 375, 412.– Teulet, «Layettes», II, 155, № 2000.– Raynald. ann. 1237, № 31.– Rob. de Monte «Chron.» ann. 1238.– Potthast, «Regesta», 10469, 10516–17, 10563, 10579, 10666, 10670, 10996.– Cp. Berger, «Les registres d'Innocent IV» № 2763–69.

Относительно сумм, собранных в Англии в 1230 г. от продажи крестоносцам освобождения их от обета, см. Matt. Paris, ann. 12346 с. 276.

Некогда могущественный Тулузский дом пал окончательно; имевший более обширные владения, чем сам король, граф Тулузский дошел до такого состояния, что с ним никто уже не считался, хотя в 1234 году Григорий IX и Фридрих II, уступая просьбам Людовика IX, вернули ему Прованс, по всей вероятности, в награду за его ревностное преследование еретиков. Раймунд не занимал уже первого места среди шести светских пэров Франции, а был низведен на четвертое. Парижский договор оправдал возлагавшиеся на него надежды. Иоанне Тулузской и предназначенному ей супругу, брату Людовика, Альфонсу было в 1229 году по девять лет. Свадьба их состоялась в 1237 году, и когда в 1249 году умер Раймунд, они унаследовали все его земли. В 1271 году они умерли один за другим, не оставив после себя наследников; тогда Филипп III завладел не только графством Тулузским, но и всеми землями, которыми Иоанна считала себя вправе распорядиться по духовному завещанию; таким образом, власть короны распространилась на весь юг Франции, и ему пришлось испытать все ужасы и всю тяжесть столетней войны. Невольно напрашивается вопрос: неужели во время перипетий этой войны Тулузский дом не мог бы стать независимым и основать королевство, совершенно однородное по населению? Если этого не случилось, то только потому, что религиозный фанатизм, вызванный ересью катаров, позволил капетингам при поддержке папства свести на нет в XIII в. Тулузский дом.

Если такая слабая монархия, как Франция во время детства Людовика IX могла предъявить Раймунду столь тяжелые и унижительные требования, то это случилось только благодаря тому, что споры с Церковью довели Раймунда до полного нравственного одиночества; и ему не могли помочь ни верность его

подданных, ни мужественное сопротивление, которое он проявлял в длинном ряде нападений. Церковная анафема, тяготевшая над ним, парализовала его действия и лежала на нем постоянным проклятием. Согласно государственному праву той эпохи он был вне закона; даже защищаясь, он совершал преступление, и единственным средством для него войти в общество людей было примириться с Церковью. Утомление и упадок духа сломили, в конце концов, его мужество. Но все же прав Бернард Ги, говоря, что один только тот пункт, в котором говорится о правах королевского дома на Тулузу, мог бы показаться чересчур тяжелым даже и в том случае, если бы Раймунд был взят королем в плен на поле битвы¹.

Многое можно было бы привести в оправдание Раймунда, если бы он нуждался в нем. Родившись в 1197 году, он был еще ребенком, когда гроза разразилась над головой его отца; вступив в сознательный возраст, он увидел свою страну добычей жестоких рыцарей севера, наведших на него бродячие орды людей, столь же жадных до добычи, как и до индульгенций. В течение двадцати лет несчастное население, остававшееся верным ему, не знало ни минуты покоя. Только чудом во время последнего крестового похода население избежалось от полного истребления, а будущее его рисовалось в самых мрачных красках, так как римская Церковь могла наводнить юг новыми полчищами мародеров под сенью креста. Понятно, он не мог быть преданным сыном той Церкви, которая была для него всегда мачехой, но, тем не менее, еретиком он не был. Если он предпочитал скорее терпеть ересь среди своих подданных, чем казнить их через десятого, то, с

---

¹ Bern. Guid. «Vita Gregor. PP. IX» (Muratori, «Script. Rer. Ital.» III, 572).

другой стороны, он мог спросить себя, должна ли эта веротерпимость быть куплена ценой спасения всего народа? Ему представлялся выбор между двумя политиками: одна из них требовала частичной жертвы, другая – полной. Первая, очевидно более благоразумная, согласовалась с природным инстинктом самосохранения. Раз он принял известное решение, он неизменно держался его и сознательно работал над уничтожением ереси, хотя не раз и вмешивался, когда ревность преследователей-инквизиторов грозила вызвать волнения. В общем, Раймунд был вполне сыном своего времени; если бы он стал выше окружающих его, то он мог бы прославиться как мученик, но народ его от этого ничего не выиграл бы.

Борьба веротерпимости против тенденции преследования была поднята и проиграна. После такого красноречивого предупреждения, как падение двух Раймундов, нечего было опасаться, что явятся новые владетельные князья, которые проявят терпимость к еретикам. Церковь, призвав на помощь себе государство, поторопилась извлечь выгоду из общей победы, и вскоре среди тех, кто так долго мешал ей, открыла свои действия Инквизиция. Можно удивляться, что Европа так единодушно признала законным и необходимым подобное превышение власти, зная недостатки и пороки духовенства. Но это факт, и факт этот свидетельствует о таком крайнем извращении религии Христа, что необходимо несколько остановиться на изучении движения, которое одно могло сделать возможным невозможное на первый взгляд.

Глава V

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Церковь далеко не всегда считала своей первой обязанностью бороться против несогласных с ней при помощи, и накладывать на них молчание во что бы то ни стало. В простых общинах апостольских времен верные были связаны между собой узами любви; дух учения того времени прекрасно выразился в обращении апостола Павла к Галатам: «Братья! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным. Носите бремена друг друга и таким образом исполните Закон Христов»¹.

Иисус заповедал своим ученикам прощать их братьям семьдесят семь раз, и в то время, когда писал апостол Павел, учение Христа было еще настолько свежо, что не могло быть погребено под массой обрядов и догматов, в которых мертвящая буква душит живой смысл. Великие вечные идеи христианства удовлетворяли горячее чувство верных. Догматическое богословие со своими бесконечными хитросплетениями и метафизическими тонкостями еще не родилось; не была еще создана даже его терминология. Надо было еще извлечь путем индукции из выраже-

---

¹ Ап. Павла «Послание к Галатам», VI, 1, 2.

ний, проскользнувших у писателей, трактовавших совсем о других предметах, те бесчисленные догматы веры, которые провозглашала догматика; надо было еще создать их путем дословного толкования поэтических метафор Священного Писания.

Испытываешь чувство истинного облегчения, когда от тонкостей, почти недоступных человеческому разуму, обращаешься к полным глубокого смысла словам апостола Павла к Тимофею: «Отходя в Македонию, я просил тебя пребыть в Ефесе и увещевать некоторых, чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословиями бесконечными, которые производят больше споры, чем Божие назидание в вере. Цель же увещания есть любовь от чистого сердца, и доброй совести, и нелицемерной веры»¹. Тех, кто находил удовольствие в этих бесконечных спорах, апостол Павел называет «желающими быть законоучителями, но не разумеющими ни того, что говорят, ни того, что утверждают»², и дает следующий совет своему любимому ученику: «От глупых и невежественных состязаний уклоняйся, зная, что они рождают ссоры»³. И часть Ебионистов была согласна с апостолом Павлом, говоря: «Чистое и непорочное благочестие перед Богом и Отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира»⁴.

Но уже было брошено семя, которое должно было дать богатую жатву злых дел и бедствий. Сам апостол Павел не допускает уже, чтобы отклонялись от учения, приносимого им: «Но если бы даже мы или

---

¹ Св. апост. Павла «Первое послание к Тимофею», I, 3, 4, 5.

² Там же, I, 7.

³ Св. апост. Павла «Второе послание к Тимофею», II, 23.

⁴ Соборное послание св. апост. Иакова, I, 27.

Ангел с неба стал благовествовать нам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема»¹. В другом месте апостол Павел говорит, что он предал Сатане Именей и Александра, «дабы они научились не богохульствовать»². Быстрое развитие религиозной нетерпимости уже ясно видно в угрозах Апокалипсиса, направленных против вероотступников и еретиков Семи церквей. Богословие не могло создаться без того, чтобы не выдвинуть целого ряда вопросов, на которые у евангелистов не дано ответа. В пылу спора богословы до того преувеличивали рассматриваемые ими вопросы, что ставили в зависимость от них даже само существование христианства. Люди стали искренне верить, что их противники не могут считаться христианами, так как они расходятся с ними в некоторых второстепенных вопросах, касающихся обрядности или учения, или в некоторых догматических тонкостях, уловить которые мог только изощренный ум схоластика. Когда Квинтилла начал учить, что крещение можно совершать и без воды, то Тертуллиан воскликнул, что отныне между ними нет ничего общего, что они поклоняются разным Богам и Христос их не одинаков. Ересь донатистов, причинившая так много несчастий, была вызвана вопросом об избираемости одного только епископа. Когда Евтихий в пылу обличения учений Нестория дошел до смешения двух естеств в Иисусе Христе, уверенный, что он поддерживает учение друга своего св. Кирилла, он неожиданно для себя был уличен в предосудительной ереси. Его возражения против тонкой риторики Евсевия из Дорилеи показывают, что он не понимал тонкого различия между *substantia* и *subsistentia* – ро-

---

¹ Св. апост. Павла «Послание к Галатам», I, 8.

² Св. апост. Павла «Первое послание к Тимофею», I, 20.

ковая ошибка, стоившая жизни тысячам людей. Таким образом, в течение первых шести веков в то время, когда человеческая пытливость разбирала бесконечные проблемы о земной жизни и о жизни будущего века, непрерывно возникали новые вопросы, вызывавшие ожесточенные споры. Люди, занимавшие высокое положение в церкви, могли давать силу закона своим мнениям и оставались, конечно, вполне верными католичеству; менее же сильные были объявлены отпавшими от католичества, и деление между верными и еретиками с каждым веком становилось заметнее¹.

И не только богословская нетерпимость, не только гордость человеческой мысли или ревность по чистоте веры возбуждали эти пагубные страсти. Богатство и власть имели обаяние в глазах даже епископа и священника, и чем шире с течением времени распространялись пределы церкви, тем более ее богатства и сила становились в зависимость от послушания стада. Самым опасным мятежником являлся пылкий теоретик, высказавший сомнения относительно догматической правильности мнений лица высшего, чем он, в церковной иерархии; и если ему удавалось собрать около себя учеников, то он становился душой восстания, которое легко могло превратиться в настоящую революцию. Там, где еретиков было достаточно много, чтобы образовать свою особую общину, они не обращали никакого внимания на то, что их отсекали от церкви; решения духовных судов были бессильны против убеждений изуверов. Результатом было то, что этих сектантов стали преследовать с большей жестокостью, чем самых закоренелых преступников. Как бы ни была ничтожна первоначальная причина раскола, как бы ни была чиста и горяча вера

---

¹ Tertull. «De Baptismo», c. 15.— Concil. Chalcedon. Act. 1.

разошедшихся с церковью, уже одно то, что они отказались склониться перед признанным авторитетом, являлось таким крупным преступлением, перед которым казались ничтожными все другие грехи и которое, так сказать, сводило к нулю все добродетели и все благочестие, которые могли проявить виновные. Даже сам св. Августин в той горячей восторженности, с которой донатисты переносили мученическую смерть и даже искали ее, не находил ничего такого, что могло бы смягчить его отвращение к ним. Если бы они имели в своем сердце Христа, то их самоотречение заслуживало бы похвалы; но они действовали по внушению Сатаны, как евангельские свиньи, которых нечистый дух увлек на дно озера. Даже мученический венец, принятый во имя Христа, не может спасти схизматиков и еретиков от вечного огня, где они будут жариться вместе с Сатаной¹.

Однако дух преследования так сильно противоречил учению Христа, что он не мог восторжествовать без предварительной долгой и сильной борьбы, следы которой мы находим в творениях первых отцов церкви. Тертуллиан горячо защищает свободу совести. «Навязывать религию,— пишет он,— дело, совершенно противоречащее религии; никто не добивается вынужденных силой выражений преданности, и Бог любит только тех, кто ищет Его от чистого сердца». Но, когда споры с гностиками возбуждали воинственный пыл Тертуллиана, ему не трудно было находить во Второзаконии и Числах подходящие тексты в подтверждение того положения, что упорство должно быть побеждаемо не словом убеждения, а силой оружия. Святой Киприан учит, что мы должны

---

¹ Augustin. «Epist.» 185 ad Bonifac., c. III, 12.— Cyprian. «de Unit. Eccles.»— C. 3 Extra, V, 7.

стараться сделаться пшеничными колосьями, а плевелы мы должны оставлять на волю Бога, и он приравнивает к святотатцу того, кто, присваивая себе права Бога, разыскивает и вырывает плевелы; но в то же время сам Киприан, не задумываясь, отсекал от церкви всех не согласных с ним и обрекал их на вечную гибель; другими словами, применял к ним единственную форму преследования, практиковавшуюся в его время. В сущности, было вполне естественно, что церковь, сама еще гонимая, защищала принцип веротерпимости, а тот факт, что даже и тогда дух нетерпимости стремился пробиться наружу, мог бы заранее показать миру, чего ждать ему от церкви, когда она получит материальную возможность навязывать свое учение сопротивляющимся. Но, однако, Лактанций, последний из отцов еще гонимой церкви, говорил, что вера не должна быть навязываема силой, что убийства и благочестие не имеют ничего общего между собой. Он добавляет, что никого не следует принуждать силой оставаться в лоне церкви, так как Богу не нужны те, в ком нет истинного благочестия¹.

Торжество нетерпимости стало неизбежным с того дня, когда христианство сделалось государственной религией; но дух нетерпимости, однако, развивался медленно, и мы вправе заключить отсюда, что сильно еще чувствовалось противоречие между духом Евангелия и духом преследования. Как только догматы православия были утверждены на Никейском соборе, Константин сейчас же пустил в ход авторитет государства, чтобы установить единство учения. Все священники еретиков

---

¹ Tertull. «Apolog.», с. XXIV; «Lib. ad Scapulam»; II, «adv. Gnosticos Scorpiaes», II, III.— Cyprian. «Epist. 54 ad Maximum»; «de Unit. Ecclesiae»; «Epist. 4 ad Pomponium», с. 4, 5.— Firm. Lactant. «Div. Instit.» V, 20.

и схизматиков были лишены преимуществ и неприкосновенности, которыми пользовалось духовенство; места их собрания были отобраны в пользу церкви, и им были запрещены как публичные, так и частные собрания. Интересно отметить, что эти распоряжения исполнялись с самой неутомимой энергией в то время, когда свободно существовали еще по всей империи языческие храмы и когда беспрепятственно отправлялось языческое богослужение. Хотя учителя церкви и думали, что их главная обязанность заключается в том, чтобы не допускать распространения учений, казавшихся губительными для церкви, они все же не решались доводить нетерпимость до крайних ее логических выводов и добиваться единства церкви ценой крови. Но, по-видимому, они уже подумывали об этом, так как император Юлиан прямо заявляет, что он никогда не видал диких зверей, который были бы столь кровожадны, как большинство христиан в отношении своих единоверцев. Константин, под страхом смерти предписал выдачу всех арианских книг, но, по-видимому, никто не был приговорен за это к смерти. В конце концов император, утомленный постоянными спорами, приказал св. Афанасию допускать всех христиан, без различия сект, до посещения храмов; но старания императора-миротворца были бессильны против возрастающей бури догматических споров. Сообщают, что Валенций в 370 году предал смерти восемьдесят духовных лиц православного исповедания, пожаловавшихся ему на насилие ариан; правда, это не было казнью по суду, но префекту Модесту было дано тайное приказание заманить указанных лиц на корабль и сжечь его в открытом море¹.

---

¹ Lib. XVI Cod. Theod. tit. V, 1, 2.— Sozomen, «Hist. Eccles.», I, 21; II, 20, 22, 30; III, 5.— Socrat, «Hist. Eccl.», I, 9; IV, 16.— Ammian. Marcell. XXII, 5.

Впервые применение смертной казни за принадлежность к ереси произошло в 385 году, и вызванный этим повсюду ужас показывает, что все отнеслись к казни как к отвратительному новшеству. Приписанные Присциллиану гностические и манихейские умозрения вызвали то исключительное отвращение, которое церковь всегда питала к ересям этого рода; но когда он, осужденный тираном Максимум в Трире, был подвергнут пытке и предан казни с шестью своими учениками, а остальные были сосланы на острова по ту сторону Бретани, то по всей Европе раздался громкий крик негодования. Из двух епископов, преследовавших Присциллиана, Итация и Идация, один был прогнан со своей кафедры, а другой сам удалился на покой. Святой Мартин Турский, сделавший все зависевшее от него, чтобы помешать этому жестокому решению, отказался иметь общение не только с этими епископами, но и с теми, кто находился с ними в сношениях. Хотя он в конце концов и уступил, чтобы испросить помилование для нескольких людей, за которых он просил у Максима, а также для того, чтобы помешать тирану преследовать последователей Присциллиана в Испании¹, все же он, несмотря на то что к нему сходил ангел-утешитель, был страшно огорчен и даже утверждал, что на некоторое время лишился силы изгонять бесов и излечивать недужных².

---

¹ Говорили, что их можно узнать (как позднее катаров) по бледному цвету лица.

² Sulp. Sev. «Hist. Sacr.», II, 47–51; ejusd. «Dial.», III, 11–13. — Prosp. Aquitan. «Chron.» ann. 385–6. — Св. Мартин не мог предвидеть, что со временем, в деле Лютера, папа выставит казнь Присциллиана как пример, достойный подражания; тот же папа, несмотря на то что св. Амвросий отлучил от церкви Максима, не задумался поста-

Если церковь не решалась еще проливать кровь, то она уже не стеснялась прибегать ко всем другим средствам, чтобы доставить торжество установленной религии. В начале V века св. Иоанн Златоуст учит, что ересь должна быть подавляема, что на уста еретиков должно быть накладываемо молчание, что они должны быть поставлены в такое положение, чтобы не могли совращать других, и что, наконец, их тайные сборища не должны быть допускаемы; но при всем том он добавляет, что к ним не следует применять смертной казни. Около того же времени св. Августин умоляет префекта Африки не предавать донатистов смертной казни; ибо, говорит он, если будут преследования, то ни один священник не решится выдать донатиста, так как он предпочтет умереть сам, чем быть причиной смерти другого. Однако Августин одобрил императорские законы, согласно которым донатисты изгонялись, подвергались штрафам, лишались церквей и права делать духовные завещания; в утешение их он говорил им, что Богу не угодно, чтобы они умерли в несогласии с единой кафолической церковью. «Если,— говорил он,— принуждают челове-

---

вить его среди «*veteres ac pii imperatores*» (Epist. Adriani PP. VI, nov. 15, 1522, ap. Luther, Opp. T. II, fol. 538a).

Опубликованные Schepss'ом труды Присциллиана («*Priscilliani quae supersunt*», Вена, 1889), по-видимому, доказывают, что его так называемая ересь была просто клеветнической выдумкой его врагов, Итация и Идация, и что казнь его тем более гнусна, что она ни на чем не была основана. Но сам Присциллиан проявляет крайнее ожесточение, которым были полны все богословские споры того времени; защищая себя, он обвиняет Итация в магии и волшебстве и заявляет, что его следовало бы предать смерти — «*sed etiam gladio persequendus est*» (Ibid., p. 24).

ка удалиться от зла и сотворить благо, то это не принуждение, а проявление христианской любви», а когда несчастные схизматики возражали, что вера не должна быть никому навязываема, то он заявлял, что это верно в принципе, но что грех и неверие должны быть наказуемы¹.

Мало-помалу все сомнения были устранены, и люди нашли нарочитые доводы, чтобы дать свободу своей ненависти и злобе. Пылкий св. Иероним, когда гнев его был возбужден Вигилансом, отрицавшим поклонение мощам, выразил свое удивление, что епископ не сокрушил тела этого дерзкого еретика, чтобы спасти его душу, и утверждал, что благочестие и ревность во славу Бога ни в коем случае не могут считаться жестокостью. В другом месте он говорит, что строгость есть только известная форма самой искренней любви к ближнему, так как, наказывая тело, мы спасаем душу от вечной гибели. Через шестьдесят два года после казни Присциллиана и его единомышленников, вызвавшей такое содрогание, папа Лев I, когда ересь снова проявилась в 447 году, не только одобрил действия тирана Максима, но даже объявил, что если сохранять жизнь последователям подобной, достойной осуждения, ереси, то это будет нарушением Божеских и человеческих законов. Таким образом, решительный шаг был сделан, и церковь окончательно была призвана всеми средствами искоренять ересь. Нельзя не видеть влияния духовенства в появлении целого ряда императорских указов, начиная с эпохи Феодосия

---

¹ Chrysostomi «in Matth. Homil.» XLVI, c. 2; cp. Homil. de Anathem., c. 4.— Augustini «Epist. 100 ad Donat.», c. 2; «Epist. 132 ad Marcellinum»; «Epist.» 105, c. 13; «Enchirid.», c. 72; «C. litt. Petilian.», lib. II, c. 83.

Великого, которыми упорство в ереси наказывалось смертью¹.

Эволюции, поворотные пункты которой мы отмечаем, в значительной степени благоприятствовала ответственность, которая падала на церковь вследствие ее тесных связей с государством. Когда она могла добиться от монарха издания указов, осуждающих еретиков на изгнание, ссылку, каторгу и смерть, она думала, что Бог дал в ее руки силу, которой отнюдь не следует пренебрегать. В то же время она с непоследовательностью, свойственной человеку, утверждала, что не является ответственной за казни, назначаемые законом, и что руки ее никогда не обагрялись кровью. Епископ Итаций отказался сам выступить в деле Прициллиана в качестве обвинителя, а выставил вместо себя одно светское лицо; ниже мы увидим, что к подобным же уверткам прибегала и инквизиция, но неискренность в этом случае очевидна для всякого. В обширном сборнике императорских указов, присуждающих еретиков ко всевозможным лишениям прав и к разным наказаниям, ревностное духовенство могло находить доказательство того, что государство само считало своим первым долгом заботу о сохранении веры в ее чистоте. Но если только государство или кто-либо из представителей власти проявляли хотя бы незначительное послабление в отношении еретиков, то немедленно выступала на сцену церковь и показывала свое жало. Так, например, африканская церковь неоднократно требовала вмешательства светской вла-

---

¹ Hieronym. «Epist. 109 ad Ripar.»; «Conn. in Naum», 1, 9.— Leonis PP. I. «Epist. 15 ad Turribium».— Lib. XVI. Cod. Theodos. Tit. V, 9, 15, 34, 51, 56, 64.— «Const. 11, 12, cod.» Lib. I. Tit. V.— «Novell. Theod.» II, tit. VI.— Pauli Diac. «Hist.» lib. XVI.— Basilicon lib. I, tit. 1—33.

сти для уничтожения последователей учения Евтихия; Пелагий I, понуждая Нарцисса силой подавить ересь, счел нужным успокоить честного солдата, доказывая ему, что предупреждение или наказание греха не есть преследование, а проявление любви. Это стало общим учением церкви, и св. Исидор Севильский ясно формулировал его, сказав, что долг князей не только в том, чтобы быть самым верными церкви, но и в том, чтобы поддерживать веру в ее чистоте, применяя к еретикам все средства, доступные им. Печальные результаты этого учения, постоянно повторяемого, проходят красной нитью через всю историю церкви занимающей нас эпохи. Ереси уничтожались одна за другой без всякого снисхождения, включительно до костра, который был принят на Константинопольском соборе, при патриархе Михаиле Оксисте, как мера наказания для богомоллов.

Нужно, однако, сказать, что и сами еретики, когда им представлялся к этому случай, также применяли приемы своих противников. Преследование верных церкви вандалами арийцами в Африке при Гензерихе было вполне достойно господствующей церкви; а когда Гуннерих наследовал своему отцу и император Зенон отверг его предложения относительно взаимной веротерпимости, король вандалов довел свою ревность к вере до самых ужасных пределов. Было также непродолжительное преследование арианами верных церкви и в Аквитании при Еврике, короле визиготском. Но все же нужно сказать, что вообще ариане, готы и бургунды, давали достойный подражания пример веротерпимости. Обращение этих народов отмечено немногими случаями жестокости, если не считать мимолетного восстания, происшедшего в Испании при Левигильде в 585 году; но это восстание носило скорее политический, чем религиозный

характер. Последующие же католические монархи издавали законы, карающие изгнанием и конфискацией за каждое уклонение от церкви; у варваров мы находим один только пример подобного законодательства. Французские Меровинги, по-видимому, никогда не преследовали своих подданных ариан, которых было много в Бургундии и Аквитании; обращение их происходило последовательно и, судя по всему, мирным путем¹.

До этого времени латинская церковь принимала слабое участие в преследовании, так как население Запада было менее, чем население Востока, восприимчиво к изобретению и усвоению еретических учений. После падения Западной Империи латинская церковь предприняла крупную работу, которая надолго поглотила всю ее энергию и за которую она заслуживает признательность всего мира: она направила свои силы на обращение и просвещение варваров. Вновь обращенные не были такими людьми, чтобы пускаться в туманные умозрения; они принимали религию, которую им приносили, признавали без всяких рассуждений все догматы и, несмотря на свою грубость и дикость, доставляли не много забот охранителям истинной веры. Вполне естественно, что при подобных условиях дух преследования

---

¹ Cod. Eccles. African., c. 67, 93.— Augustin. «Epist. 185 ad Bonifac.», c. 7.— Eiusdem, «C. Cresc.», III, 47.— Possidii «Vita August.» 12.— Leonis PP. I «Epist.» 60.— Pelagii PP. I «Epist.» 1, 2.— Isidori Hispalens. «Sentent.» lib. III, c. LI, 3–6.— Balsamon, «in Photii Nomocanon», tit. IX, c. 25.— Victor. Vitens «de Persec Vandal.» lib. VII.— Victor. Tunenens. «Chron.» ann. 479.— Sidon. Apollin. «Epist.», VII, 6.— Isidor. «Hist. de Reg. Gothorum», c. 50.— Pelayo, «Heterodoxos Españoles», I, 195.— Leg. Wisigoth. lib. XII, tit. II, 1, 2; tit. III, 1, 3 (cp. Fuero Juzgo, cod. loco.).

угас. Клавдий Туринский, уничтоживший в своей епархии все иконы, не подвергся наказанию за свое иконоборство. Феликсу Ургельскому простили адоптианизм, и, несмотря на его явную неискренность, его снова присоединили к церкви; правда, ему не дали уже его старую епископскую кафедру, но он мог спокойно жить в Лионе целых пятнадцать или двадцать лет; тайно он оставался при своих убеждениях, и после его смерти в его бумагах нашли полное изложение еретического учения. Не видим мы также, чтобы прибегали к насилию, когда архиепископ Лейдрад обратил двадцать тысяч каталонских учеников Феликса; главный среди них, Елипанд, архиепископ Толедский, сохранил даже свою кафедру, хотя ничто не показывает, чтобы он отрекся от своих заблуждений. Когда монах Готшалк открыто проповедовал в Италии, Далмации, Австрии и Баварии свое еретическое учение о предопределении, то Рабан Майнцский ограничился тем, что созвал собор, который в присутствии Людовика Германика осудил его учение. Но собор не наложил на него никакого наказания, а отправил его к его епископу, Гинкмару Реймскому, который, с согласия Карла Лысого, признал Готшалка на соборе в Чьерси в 849 году неисправимым еретиком. В то время настолько не привыкли еще присуждать еретиков к телесным наказаниям, что собор, приговорив Готшалка к розгам, счел нужным объяснить, что это не что иное, как простое бичевание, установленное Агдским собором для тех монахов, которые нарушили бы устав св. Бенедикта, отправившись странствовать без разрешительных грамот своего епископа. Если Готшалка заключили в тюрьму, то это только для того, как было сказано, чтобы он не распространял своей ереси. Законы Карловингов были

весьма мягки к еретикам: их только приравнивали к язычникам, к евреям и к обесчещенным людям и подвергали известным, предусмотренным законом, ограничениям¹.

В X веке Западная Европа находилась как бы в умственном оцепенении, что, конечно, мало благоприятствовало развитию ересей, требующему известного напряжения умственных сил. Церковь, единолично господствуя над спящей совестью, сложила заржавленное оружие преследования и разучилась владеть им. В 1018 году епископ Бурхардт составил свой сборник канонического права, и в нем нет даже упоминаний о еретических мнениях и о наказаниях за них, если не считать нескольких забытых канонов, опубликованных еще в 305 году Ельвирским собором относительно вероотступников, вернувшихся в идолопоклонство. Даже введение догмата о пресуществлении было встречено совершенно безучастно; только через двести лет после Готшалка Беранже Турский подверг это учение сомнению, но так как он не был создан для мученического венца, то легко уступил и отказался от своих взглядов. Более горячая вера катаров, начавших в XI столетии возму-

---

¹ Mag. Bib. Pat. IX, II, 875.— Chron. Turon. ann. 878.— Concil. Ratisbou. ann. 792.— C. Francfortiens. ann. 794.— C. Romanum. ann. 799.— C. Aquisgrau. ann. 799.— Alcuini «Epist.» 108, 117.— Agobardi lib. «adv. Felicem», c. 5, 6.— Nic. Anton. «Bib. Vet. Hispan.» lib. VI, c. II, № 42–3 (cp: Pelayo, «Heterod. Españ.» I, 297, 673 и сл.).— Hincmari Remens. «de Praedestinat.» II, c. 2.— Annal. Bertin. ann. 849.— Concil. Carisiacens, ann. 849 (cp: C. Agathens. ann. 506, c. 38).— Cap. Car. Mag. ann. 789, c. 44.— Capitul. Add. III, c. 90.— Насколько незначительно было ограничение прав евреев в эпоху Карловингов, см.: Reginald Lane Poole, «Illustrations of the history of medieval thought» (Лондон, 1884, c. 47).

щать стоячие воды католической религии, потребовала более решительных действий; но даже и в отношении этих внушавших отвращение еретиков церковь с трудом только согласилась прибегнуть к строгости. Это было для нее совершенно новое дело; она боялась стать в противоречие со своим собственным учением, которое проповедовало кротость и любовь к ближнему, и нужно было проявление народного фанатизма, чтобы пробудить ее от бездеятельности. Преследование, имевшее место в Орлеане в 1017 году, было делом не церкви, а короля Роберта Благочестивого; немного позднее были зажжены костры в Милане, но народом и даже против воли архиепископа. Церковь так мало была подготовлена к своим новым и ужасным обязанностям, что когда в 1045 году были открыты в Шалоне несколько манихеев, то епископ Роже обратился к Льежскому епископу Вазо с запросом, что с ними делать и нужно ли предать их в руки светской власти для наложения на них наказания; добродушный Вазо ответил на это, что не следует лишать их жизни, так как Бог, их Создатель и Хранитель, проявил к ним Свое долготерпение и милость. Биограф Вазо, каноник Ансельм, горячо осуждает казни, бывшие в Госларе в 1052 году при Генрихе III, говоря, что, если бы Вазо был там, он восстал бы против этого, подобно св. Мартину в деле Присциллиана. Той же кротостью отличалось поведение св. Арнольда Кёльнского около 1060 года: несколько человек, несмотря на неоднократные приказания, продолжали есть Великим постом молоко, масло и сыр; архиепископ разрешил им действовать по их усмотрению, добавив, что истинно твердые в вере не могут духовно оскорбляться различием в пище. Еще в 1144 году Льежская церковь радовалась, что ей с Божьей помощью удалось вырвать большую часть уличенных и

осужденных катаров из рук неистовавшей толпы, которая хотела их сжечь. Спасенных разместили по городским монастырям и послали к папе Луцию II запрос, как поступить с ними¹.

Мы не станем останавливаться на случаях, приведенных в предшествующей главе, которые показывают, насколько колеблющимся было в эту эпоху отношение церкви к ереси; не было ни определенного взгляда, ни установившегося правила; то строго преследовали еретиков, то относились к ним снисходительно; все зависело от характера прелата, ведшего дело. Теодвин, преемник Вазо по кафедре в Льеже, писал в 1050 году французскому королю Генриху I, убеждая его наказать всех единомышленников Беранже Турского и не слушать их объяснений. Эти колебания от строгости к прощению отразились в замечаниях св. Бернара, сделанных им по поводу событий в Кельне в 1145 году, когда чернь, увлеченная ревностью к вере, несмотря на сопротивление духовенства, схватила катаров и сожгла их живыми. Он утверждает, что еретики должны быть обращаемы убеждениями, а не силой; если же они продолжают упорствовать, то нужно прекратить с ними всякое общение; одобряя ревность жителей Кельна, он не хвалит их поступка; но он допускает, что светская власть обязана мстить за окорбления, наносимые Богу ересью, и, забывая, какой опасности подвергается человек, когда он начинает считать себя орудием Божьего гнева, он приводит следующие слова апостола Павла: «Начальник есть Божий слуга, тебе на добро; если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрас-

---

¹ Burchardi «Decret.» lib. XIX, c. 133–4.— Gesta Episcop. Leodiens. lib. II, c. 60, 61.— Hist. Andaginens. Monast. c. 18.— Martène, «Ampliss. Coll.» I, 776–8.

но носит меч: Он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое»¹.

Папа Александр III явно склонялся к прощению, когда в 1162 году отказался судить присланных к нему реймским архиепископом катаров, сказав, что лучше простить виновных, чем предать смерти невинных. Даже еще в конце XII столетия Петр Кантор утверждал, что апостол приказал избегать еретиков, а не убивать их², и он указывал, как непоследовательно строго карать самые незначительные отступления от веры и оставлять безнаказанными самые возмутительные преступления против нравственности.

Так же неопределенным был взгляд на вопрос о том, каким наказаниям подвергать еретиков; мы уже неоднократно видели примеры того, что еретиков то сжигали живыми, то приговаривали к тюремному заключению; потребовалось много времени, чтобы на этот счет были выработаны точные и определенные правила. Даже в 1163 году Александр III, стараясь на Турском соборе остановить грозные успехи манихеизма в Лангедоке, ограничился лишь тем, что предложил светским князьям заключать еретиков в тюрьму, а их имущество подвергать конфискации; и, однако, в Кельне в том же году катары были приговорены к сожжению на костре специально посланными судьями. В 1157 году Реймский собор постановил клеймить еретикам лица раскаленным железом; то же наказание определил в 1166 году и Оксфордский собор. Первые мероприятия Иннокентия III против альбигойцев в 1199 году ограничивались изгнанием и кон-

---

¹ Св. апост. Павла «Послание к Римлянам», XIII, 4.

² Dom. Bouquet, IX, 497–8.— Bernardi «Serm. in Cantica», LXIV, c. 8; LXVI. c. 12.— Alex. PP. III «Epist.» 118, 122.— Pet. Cantor. «Verb. abbrev.», c. 78, 80.

фискацией; он ни словом не намекает на более тяжелые наказания; да и указанные им могли заменяться такой легкой епитимью, как путешествие на поклонение святыням Рима или Компостеллы¹.

Но по мере того как разгоралась борьба, наказания становились более жестокими; однако, даже сам Симон де Монфор в кодексе, опубликованном в Памье 1 декабря 1212 года, не присуждает еще еретиков к сожжению, хотя в этом же году в Страсбурге было сожжено восемьдесят еретиков. Мы уже упоминали, что Петр II Арагонский, к стыду своему, первый ввел в свод законов эдиктом 1197 года эту варварскую форму наказания. Пример его не скоро нашел подражателей. Оттон I в своей конституции 1210 года ограничивает наказание еретиков изгнанием их из империи, конфискацией их имущества и разрушением их домов. Фридрих II в своем знаменитом статуте 22 ноября 1220 года, которым преследование еретиков было введено в государственное право Европы, ограничился по отношению к ним конфискацией имущества и признанием их вне закона; последнее, впрочем, равнялось, в сущности, смертной казни, так как ставило жизнь еретика в зависимость от каприза первого встречного. В своей конституции марта 1224 года он пошел дальше и постановил, чтобы еретики предавались смертной казни или через сожжение, или через вырывание языка, предоставив суду право выбора того или другого наказания. И только в своей Сицилийской конституции 1231 года Фридрих сделал обязательным сожжение на костре; этот вид казни

---

¹ В Компостелле имеется собор в честь св. апостола Иакова, патрона всей Испании, тело которого, по преданию, было в 829 году погребено в Компостелле, откуда и название города – *Santiago de Compostella*. – *Прим. ред.*

особенно часто практиковался в неаполитанских владениях императора. Равеннский эдикт, изданный в марте 1232 года, определяет смертную казнь за принадлежность к ереси, но не указывает ее вида; зато Кремонский эдикт, изданный в мае 1238 года, распространил сицилийский закон на всю империю и сделал, таким образом, костер законным наказанием за ересь по всей империи. Позднее такое же постановление мы находим в *Sachsenspiegel* и в *Schwabenspiegel*, в муниципальных законах Северной и Южной Германии. В Венеции с 1249 года дож, вступая в управление, давал присягу сжигать всех еретиков. В 1255 году король Кастильский, Альфонс Мудрый, назначил сожжение на костре за переход из христианства в магометанство или иудейство. Во Франции законодательство, принятое Людовиком Святым и Раймундом Тулузским для выполнения постановлений договора 1229 года, хранит глубокое молчание относительно рода наказания, хотя в это время костер уже вошел во всеобщее употребление. И только в 1270 году, когда Людовик Святой издал свои *Etablissements*, мы находим впервые прямую статью, осуждавшую еретиков на сожжение живыми, хотя выражения, в которых упоминает о ней Бомануар, показывают, что этот обычай уже издавна вошел в употребление. Англия, которая почти не знала ереси, зажгла костры позднее: статья *de haeretico Comburendo* была установлена статутом только в 1401 году, когда восстание лоллардов причинило беспокойство одновременно и церкви, и государству¹.

---

¹ Concil. Turon. ann. 1163, с. 4.— Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1163.— Concil. Remens. ann. 1157, с. 1.— Guill. de Newburg, «Hist. Angl.» II, 15.— Innocent. PP. III «Regest.» I, 94, 165.— Contre le Franc-Alleu sans tiltre, Paris, 1629, с. 215 и след.— Н. Mutii «Chron.» ann.

Однако этот жестокий обычай – сжигать еретиков живыми – не был создан положительным законом; законодатель принял только ту форму мщения, в которой в ту эпоху народная грубость находила себе удовлетворение; примеры этого приведены нами в предшествующей главе. Еще в 1219 году в Труа был схвачен чернью сумасшедший, утверждавший, что он Святой Дух; его увязали в ивовую корзину, обложили хворостом и сожгли. Нелегко определить происхождение этой казни; быть может, его надо искать в языческом законодательстве Диоклетиана, осудившего манихеев на сожжение. Ужасная смерть мучеников в эпоху преследо-

---

1212.– Boehmer, «Reg. Imp.» V, 110.– Muratori, «Antiq. Ital.» Diss. LX (t. XII, 447).– Hist. Diplom. Frid. II. T. II, 6–8, 422–3; IV, 301; V, 201.– Constit. Sicul. I, tit. 1.– Treuga Henrici (Boehlau, «Nove Constit. Dom. Alberti», Weimar, 1858, с. 78; cp. Boehmer, «Regest.» V, 700).– Sachsenspiegel, II, XII.– Schwabenspiegel, cap. 116, № 29; cap. 351, № 3 (изд. Senckenb.).– Archivio de Venezia, Cod. ex Brera, № 277. El Fuero real de España, lib. IV, tit. 1, ley 1.– Isambert, «Anc. loix franç.» I, 230–33, 257.– Hard. «Concil.» VII, 203–8.– Établissements, I, 85.– Livres de justice et de Plet, I, tit. III, 7.– Beaumanoir, «Cout. du Beauvoisis», XI, 2; XXX, 11.– 2 Henry IV, c. 15 (cp. Pike, «Hist. of crime in England» I, 343–4, 489).

Правда, Bracton («De leg. Angliae», lib. III tract. II, cap. 9, 2) и Horne (Myrror of justice, cap. I, 4; cap. 22, cap. IV, 14) говорят, что за вероотступничество, ересь и колдовство присуждали к костру; первый из них даже упоминает о случае сожжения живым по решению Оксфордского суда одного духовного, перешедшего в иудейство; но это наказание не было обычным и принятым действующими законами; оно было применено лишь благодаря влиянию законоведов, увлеченных римской судебной практикой и приравнявших измену Богу измене государю. Молчание Britton'a (cap. VIII) и Флеты (la Fleta) (lib. I, с. 21) показывает, что этот вопрос не имеет практического значения.

вания христианства, по-видимому, внушала, если не оправдывала, применение подобных же наказаний в отношении еретиков; нередко сжигали колдунов в силу императорских указов, и Григорий Великий приводит случай, когда толпа, ослепленная религиозной ревностью, сожгла одного такого несчастного. Так как ересь считалась одним из наиболее тяжелых преступлений, то желание, общее и духовным и мирянам, покарать ее казнью, как можно более строгой и ужасной, нашло подходящим костер. К тому же при существовавшем тогда способе толкования Священного Писания не трудно было найти в нем указание на казнь через сожжение. В Евангелии Иоанна мы читаем: «Кто не пребудет во мне, извергется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь; и они сгорают»¹. Буквальное толкование текстов Священного Писания было таким частым источником заблуждений и преступлений, что нечего удивляться и подобному толкованию данного места. Толкование, подтвержденное декретом Луция III, предписавшего отдавать еретиков в руки светской власти для наложения на них наказания, ссылается на текст из Евангелия Иоанна и на императорское законодательство, а затем торжественно заключает, что смерть на костре является наказанием, вполне подходящим еретикам, «согласным с божескими и человеческими законами, а также с общепринятой практикой». И не следует думать, что из жалости еретиков удушали раньше, чем сжигали; люди, посвятившие свою жизнь на служение инквизиции, категорически заявляют, что виновный должен быть сожжен живым в присутствии наро-

---

¹ Евангелие от Иоанна XV, 6.

да; они добавляют, что можно сжечь население целого города, если он является притоном еретиков¹.

Как ни были неопределенны в продолжение XI и XII веков отношения церкви к ереси, церковь никогда не сомневалась в том, как должна относиться к ней светская власть. Очень древний обычай, основанный на идее благоприличия, запрещал духовному лицу принимать участие в приговоре, влекущем за собой смерть или увечье; духовное лицо не должно было даже присутствовать в комнате пыток, где осужденных клали на кобылу. Это отвращение к крови и к страданиям было доведено до крайних пределов в эпоху самых кровавых преследований. В то время когда тысячи людей были преданы смерти в Лангедоке, Латеранский собор 1216 года восстановил старые каноны, запрещавшие духовным лицам произносить смертные приговоры или присутствовать при казнях. Они не имели права даже делать ни одной хирургической операции, требовавшей применения огня или железа. В 1255 году собор в Бордо запретил им даже писать или диктовать бумаги, относящиеся к смертным приговорам. Церковь так глубоко чувствовала, какое сильное пятно наносит пролитие крови, что предписывала подвергать особому обряду очищения храм или кладбище, где случайно была пролита кровь; в этом отношении шли так далеко, что священники не должны были допускать заседаний

---

¹ Caesar. Heisterb. «Dial. Miracul». Dist. V, c. 33.— Mosiac. et Roman. Legg. Collat Tit. XV, 3 (Hugo, 1465).— Const. 3 Cod. IX, 18.— Cassiodor. «Var.» IV, XXII, XXIII.— Gregor. PP. I, Dial. I, 4.— Gloss. Hostiensis in Cap. «ad abolendam», № 11, 13 (Eymerici «Direct Inquisit.», 149–150); cp. Gloss. Joan. Andreae (ibid., p. 170–1).— Repertorium Inquisitorum s. v. «Comburi» (изд. Valent. 1494; изд. Venet. 1588, p. 127–8).

судов в церквах, так как судьи могли вынести смертный приговор. Если бы опасение принимать участие в составлении приговоров, осуждавших на смерть и пытки, было искренне, то церковь заслуживала бы от нас глубокого уважения, но это было только хитрой уловкой, чтобы снять с себя ответственность за известные поступки. При преследовании ереси духовный суд не выносил смертных приговоров; он ограничивался признанием обвиненного еретиком, после чего он его отпускал, т. е. предавал в руки светской власти, лицемерно при этом заклиная ее отнестись к нему снисходительно, пощадить его жизнь и не проливать его крови. Чтобы понять это воззвание к милосердию и снисхождению, нужно вспомнить, как смотрела церковь на обязанности светской власти. Инквизиторы облекли в форму закона, что всякий, даже только подозреваемый в недостаточно энергичном преследовании преступлений, касающихся вопросов внутреннего убеждения, сам совершал преступление, равное ереси, и заслуживал такого же наказания¹.

Как только успехи ереси приняли угрожающие размеры, были возобновлены указы Льва и Пелагия. Уже в начале XII столетия Гонорий Отенский провозгласил, что необходимо прибегать к мечу светских властей в отношении тех, кто, противясь слову Божию, будет упорно отказываться слушаться церкви. В сбор-

---

¹ Concil. Autissiod. ann. 578, с. 33.— C. Matiscon. II ann. 585, с. 19.— C. Toletan. XI, ann. 675, с. 6.— C. 30 Decreti P. II, Caus. XXIII, Quaest. 8.— C. Lateran. IV, ann. 1215, с. 18.— C. Burdegalens. ann. 1255, с. 10.— C. Budens. ann. 1268, с. 11.— C. Nugaroliens. ann. 1303, с. 13.— C. Baiocens. ann. 1300, с. 34.— Lib. Sent. Inq. Tolosan. 208.— Bernard. Guidonis «Practica» (Mss. Bib. Nat. Coll. Doat, T. XXX, fol. 1 и сл.).

никах канонического права Ивеса и Грациана указания на отношения церкви к еретикам очень малочисленны, но зато очень много положений об обязанностях светского монарха в деле искоренения ереси и о послушании его в этом отношении предписаниям церкви. Фридрих Барбаросса подтвердил это учение, заявив, что меч дан ему для того, чтобы он поражал им врагов Христа; он сослался на это в 1159 году, чтобы оправдать свои враждебные отношения к Александру III и свою помощь антипапе Виктору IV. Второй Латеранский собор 1139 года предписывает всем владетельным лицам приводить еретиков к послушанию; а третий Латеранский собор 1179 года набожно заявляет, что церковь не жаждет крови, но что она обращается за помощью к светской власти, потому что люди, чтобы избежать телесных наказаний, готовы принять исцеление души. Мы уже видели, что первоначально все эти воззвания не производили большого впечатления. Позднее, отчаявшись добиться от светских князей добровольной помощи, церковь сделала шаг вперед и взяла на себя всю ответственность за наказания, как телесные, так и духовные, признанные необходимыми для подавления ереси. Декрет Луция III, изданный на так называемом Веронском соборе 1184 года, обязывал всех светских суверенов давать в присутствии епископа присягу, что они точно и пунктуально будут исполнять все духовные и гражданские законы против ереси. Всякий отказ, даже всякое упущение должны быть наказуемы отлучением от церкви, потерей власти или ограничением ее; если же вопрос шел о городах, то они должны были быть изолированы и лишены всякого общения с другими¹.

---

¹ Honor. Augustod. «Summ. Glor. de Apost.», c. 5.— Ivon. «Decret.» IX, 70–79.— Gratiani «Decret.» P. II, Caus. XXIII, 9, 5.—

Таким образом, церковь силой старалась заставить светских князей выступить на путь преследования, и, раз приняв подобное решение, она стала неумолимой. Всякая нерешительность в деле преследования влекла за собой отлучение от церкви, а если это не действовало, то церковь не задумывалась предоставлять первому встречному авантюристу владения не покоряющегося ей князя. Неужели подобное чудовищное вмешательство духовной власти должно было сделаться государственным законом? Вот вопрос, возникший в эпоху крестовых походов против альбигойцев. Как разрешили его, мы уже знаем. Раймунд лишился своих владений только потому, что он не желал строго поступать с еретиками; а сын его получил те земли, которые еще у него оставались, как новую инвеституру. Торжество церкви и нового учения было полное.

Церковь дала почувствовать всем облеченным властью, без различия их социального положения, что занимаемые ими места были, в сущности, должностями всемирной теократии, в которой все интересы были подчинены одной главной обязанности – поддерживать чистоту веры. Гегемония Европы принадлежала Священной Римской империи, где император при короновании посвящался в низший разряд священнослужителей и обязывался предавать анафеме всякую ересь, которая могла бы угрожать церкви. Давая ему кольцо, папа говорил ему, что это символ возлагаемой на него обязанности уничтожать ересь; опоясывая его мечом, папа говорил, что меч этот вручается ему на избиение врагов церкви. Фридрих II

Radevic. «de Gest. Frid. I», lib. II, c. 56.— Concil. Lateran. II ann. 1139, c. 23.— Concil. Lateran III ann. 1179, c. 27 (cp. Conc. Tolosan. ann. 1119, c. 4; Conc. Remens. ann. 1148, c. 18; Conc. Turonens. ann. 1163, c. 4).— Lucii PP. III, «Epist.», c. 171.

заявлял, что он получил императорское достоинство для того, чтобы поддерживать и распространять веру. В булле Климента VI, подтверждающей избрание Карла IV, при перечислении обязанностей императора на первом месте стоят распространение веры и уничтожение ереси; небрежность короля Венцеслава в подавлении ереси Виклефа была признана достаточным основанием для его низложения. Богословы утверждали как непреложную истину, что императорская власть перешла от греков к немцам единственно для того, чтобы дать в руки церкви могущественное оружие. Принципы, примененные в деле Раймунда Тулузского, были внесены в каноническое право, и всякий суверен, князь или сеньор, должен был знать, что его земли будут отданы на разграбление, если он, несмотря на напоминания, будет колебаться преследовать ересь. В таком же положении были и все светские должностные лица. Тулузский собор 1229 года постановил, что всякий балый, проявивший недостаточно рвения в преследовании ереси, должен быть лишен имущества и права избрания на общественные должности. В 1244 году Нарбоннский собор объявил, что если кто-либо из светских судей промедлит в деле подавления ереси, то он должен считаться единомышленником еретиков и подвергнуться равному с ними наказанию; это постановление было распространено и на тех, кто упустит благоприятный случай схватить еретика или только не придет на помощь задержавшим его. Обязанность преследовать еретиков была возложена на всех, начиная от императора и кончая последним крестьянином, под угрозой всех духовных и телесных кар, какими располагала церковь XIII века¹.

---

¹ Böhmer, «Regest. Imp.» V, 86.— Innoc. PP. III «Regest de Negot. Rom. Imp.» 189.— Muratori «Antiq. Ital.» diss. III.— Hartzheim,

Эти идеи, прямо или замаскированно, были введены в государственное право Европы. Фридрих II принял их в своих жестоких указах против ереси, откуда они проникли в сборники гражданского и феодального права и даже в местное законодательство. Так, например, в 1228 году, согласно Веронским статутам, всякий начальник города, при своем вступлении в должность, дает присягу изгонять из города всех еретиков; в *Schwabenspiegel*, кодексе, имевшем значение во всей Южной Германии, говорится, что суверен, если он окажется небрежным в преследовании еретиков, должен быть лишен всех своих владений и что если он не предаст сожжению всех тех, кого передаст ему духовный суд как еретиков, то он должен быть сам наказан за ересь.

Церковь зорко наблюдала за тем, чтобы это узаконение не оставалось мертвой буквой. Она настояла на том, чтобы жестокие указы Фридриха читались и объяс-

---

«Concil. German.» III, 540.— Cod. Epist. Rodolphi I, Auct. II, 375–7 (Лейпциг, 1806).— Theod. Vrie, «Hist. Concil. Constant.» lib. III, dist. 8; lib. VII, dist. 7.— Thom. Aquin. «de Princ. Regim.» lib. I, c. XIV, lib. III, c. X, XII–XVIII.— Lib. V, Extra. Tit. VII, c. 13, 3.— Conc. Tolosan. ann. 1229, c. 5.— Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 15, 16.— Zanchini, «de Haeret.» c. V.— Beaumanoir, «Coutumes du Beauvoisis», XI, 27.— См. также речь епископа г. Лоди во время осуждения Яна Гуса (Von der Hardt, III, 5).

Об обязанности князей и всех светских чиновников под страхом быть обвиненными в неисполнении своего долга и подвергнуться преследованию за ересь говорится подробно в «Summa de casibus conscientiae» (lib. II, LVIII, art. 4); это сочинение Actesanus'a, написанное в 1317 году, оставалось настольной книгой до самой Реформации.

Трактат «De principum Regimine», хотя и не весь принадлежит св. Фоме Аквинату, авторитетно излагает теорию отношений духовенства к обязанностям светского управления. См.: Poole, «Illustration of the History of Medieval Thought», p. 240.

нялись в высшей юридической школе в Болонье как основное положение законоведения и чтобы они были внесены в каноническое право. Ниже мы увидим, что папы неоднократно приказывали вносить эти указы в сборники законов городов и государств; на обязанности инквизитора лежало требовать их исполнения от всех должностных лиц под страхом отлучения нерадивых от церкви. Но даже и само отлучение, лишавшее судью власти и компетенции, не избавляло его от обязанности наказывать еретиков по требованию епископа или инквизитора. Раз это так, то ясно, что просьба инквизиторов перед светскими судьями о снисхождении к жертвам, передаваемым светской власти и обреченным на костер, была пустой формальностью, порожденной желанием духовенства не принимать открыто участия в произнесении смертных приговоров. Но с течением времени это лицемерие было несколько забыто; так, например, в феврале 1418 года Констанцкий собор постановил, что все, кто будет отстаивать гуситизм или считать Яна Гуса и Иеронима Пражского за святых, должны быть причислены к еретикам и сожжены живыми — *runiantur ad ignem*. Утверждать, что обращения инквизиторов к снисхождению светских властей были искренни, что вся ответственность за смерть еретика падала на судью, а не на инквизитора, как это делают современные защитники инквизиции, значит искажать историю и подтасовывать факты. Мы живо представляем себе, с какой улыбкой удивления услышали бы Григорий IX или Григорий XI рассуждения графа Жозефа де Местра, утверждающего, что ошибочно думать, чтобы когда-нибудь какой-либо католический священник был причиной смерти одного из своих ближних¹.

---

¹ Post. Const. 4. Cod. lib. I, tit. V.— Post. lib. Feudorum.— Lib. juris civilis Veronae c. 156.— Schwabenspiegel, изд. Senckenb. cap. 351; изд.

И не только внушали христианам, что их главная обязанность способствовать уничтожению ереси, но даже их заставляли без всякого зазрения совести доносить на еретиков властям, вопреки всяким Божеским и человеческим побуждениям. Узы крови не служили оправданием тому, кто скрывал еретика: сын должен был доносить на отца; муж являлся виноватым, если не выдавал свою жену на ужасную смерть. Преступная принадлежность к ереси уничтожала все узы, соединяющие людей; детям внушали, что они

Schilt. c. 308.— Potthast, «Reg.» 6593.— Innoc. PP. IV. Bull. «Cum adversus», 5 jun. 1252; Bull. «Ad aures», 2 apr. 1253; 31 oct. 1243; 7 jul. 1254.— Bull. «Cum fratres», maii 9, 1252.— Urbani IV Bull. «Licet ex omnibus», 20 mart. 1262, § 12.— Wadding. «Annal Minor», ann. 1258, № 7; ann. 1260, № 1; ann. 1261, № 3.— C. 6 Sexto V, 2, c. 1, 2 in Septimo V. 3.— Von der Hardt, t. IV, p. 1519.— Campana, «Vita di San Piero Martire» p. 124.— J. de Maistre, «Lettres, à un gentilhomme russe sur l'Inquisition espagnole», изд. 1864, p. 17—18, 28, 34.

Один писатель XIII столетия выставил то же положение, что и Ж. де Местр, но с еще большей силой. «Наш папа,— пишет он,— никого не убивает и не приказывает никого убивать; но закон убивает тех, кого папа разрешает убить; они убивают сами себя, совершая поступки, за которые должны быть убиты» (Gregor. Fanens. «Disput. Cathol. et Patar.» ap. Martène, «Thes.» V, 1741).

Больше исторической истины в словах одного доминиканца-фанатика, писавшего в 1782 году Приведя текст из «Второзакония» (XIII, 6—10), он заявляет, что приказание предавать смертной казни тех, кто совращает верных, почти дословно сходно с подобным же законом святой инквизиции; далее текстами Священного Писания он доказывает, что сожжение приятно Богу и что огонь единственно верное средство, чтобы очистить пшеницу от плевел (Lob- und Ehrenrede auf die heilige Inquisition, Вена, 1782, с. 19—21).

Обращение к милосердию, сделавшееся позднее недостойным лицемерием, было от чистого сердца предписано Иннокентием III по отношению к виновным в подлоге духовным лицам, лишенным сана и переданным светским судам.— С. 27. Ext. V, 40.

должны покидать своих родителей; даже таинство брака не могло соединить верную католичеству женщину с мужем-еретиком. Не больше значения имели и частные обязательства. Иннокентий III напыщенно объявляет, что, согласно канонам, не надо соблюдать слова, данного тому, кто сам не соблюдает верности Богу. Никакая клятва молчания не имела значения, если дело касалось ереси, ибо «тот, кто верен в отношении еретика, неверен в отношении Бога». Вероотступничество, говорит епископ Лука Тудельский, величайшее преступление; вследствие этого если кто клятвенно обещал не выдавать этого ужасного проступка, то он все же должен объявить об ереси и покаяться в клятвопреступлении, уверенный, что ему будет дано прощение греха ввиду его ревности к вере¹.

Таким образом, колебание в вопросе об отношениях церкви к еретикам, проявленное ею в XI и XII веках, совершенно пропало в XIII веке, когда церковь вступила с еретиками и сектантами в смертельную борьбу. Нет более речи ни о снисхождении, ни о милосердии. Святой Раймунд Пеннафортский, компилятор декреталий Григория IX, высший авторитет своего времени, допускает в принципе, что еретик должен быть отлучен от церкви, а имущество его конфисковано, но если этого окажется недостаточно, то к нему должны быть применены самые суровые наказания, какими только располагает светская власть. Всякий, вера которого покажется сомнительной, должен считаться еретиком; то же относится и к схизматикам, которые, принимая все догматы религии, не оказывают римской церкви должного повиновения. И те и

---

¹ Urbani PP. II «Epist.» 256.— Zanchini, «de Haeret.» c. XVIII.— Innoc. PP. III «Regest.» XI, 26.— Lucae Tudens. «de altera Vita», II, 9.

другие должны быть силой приведены в лоно католической церкви; в оправдание применения к упорствующим смертной казни приводится библейский рассказ о Корее, Дафане и Авироне¹.

Святой Фома Аквинат, высокий авторитет которого затмил всех его предшественников, с неумолимой точностью устанавливает следующие правила. Еретикам не должно быть оказываемо никакого снисхождения. Церковь в своем милосердии дважды обращается к ним с увещаниями; если они и после этого продолжают упорствовать, то они должны быть выданы светской власти и изъяты из общества людей посредством смертной казни. В этом проявляется даже бесконечное милосердие церкви, ибо изменить веру, от которой зависит жизнь души, гораздо большее преступление, чем делать фальшивые монеты; и если фальшивомонетчиков приговаривают к смерти, то гораздо больше оснований казнить еретика, раз только он уличен в своем преступлении.

Однако церковь в своем милосердии всегда готова принять с распростертыми объятиями еретика, даже много раз изменявшего вере; она готова наложить на него покаяние, чтобы дать ему, таким образом, возможность снискать жизнь вечную; но кротость к одним не должна исключать строгости к другим. Так, всякий еретик, кающийся в своих заблуждениях и от-

---

¹ S. Raymundi «Summae» lib. I, tit. V, 2, 4, 8; tit. VI, 1.— Таково было учение церкви. Zanghino Ugolini в свое перечисление ересей включает и небрежность в соблюдении папских декреталий, так как в этом сказывается неуважение к папской власти («Tract. de Haeret.» с. II). Этот труд был напечатан в Риме в 1568 году иждивением папы Пия V с примечаниями кардинала Кампеджи; в 1579 году он был перепечатан с добавлениями, сделанными Симанка (Simauca). Мои ссылки сделаны на копию XV века, хранящуюся в Национальной Библиотеке, лат. рукоп. № 12532.

рекающийся от них в первый раз, должен быть подвергнут покаянию, и ему должна быть оставлена жизнь; но если он снова впадет в ересь, то хотя на него и можно наложить покаяние, чтобы спасти его душу, но он тем не менее должен быть казнен смертью. Вот прямое и откровенное изложение политики церкви, которой она следовала всегда и неуклонно¹.

Но не одни живые чувствовали на себе тяжелую руку церкви; не избегали ее гнева также и мертвые. Не могли допустить мысли, чтобы человек, скрывший свое беззаконие и умерший смертью христианина, спал могильным сном на освященной земле и чтобы за него возносились молитвы верных; он не только избежал заслуженного наказания, но его имущество, подлежавшее конфискации в пользу церкви и государства, незаконно перешло к его наследникам, и его следовало отобрать от них. Для возбуждения загробных процессов имелись превосходные основания. В предшествующую эпоху в церкви часто поднимался вопрос, можно ли предавать отлучению от церкви души умерших со всеми последствиями, которые это наказание влекло за собой в земной и в загробной жизни. С эпохи св. Киприана обычай отлучать мертвых от церкви сделался всеобщим, и в 382 году св. Иоанн Златоуст выступил против частого применения этого наказания, видя в этом безрассудное вмешательство человека в суд Божий. В 432 году Лев I стал на точку зрения св. Иоанна Златоуста, а в конце V столетия Геласий I и Римский собор санкционировали это мнение; но этот вопрос был снова поднят на пятом Вселенском соборе 553 года в Константинополе; нужно было выяснить, могла ли церковь предать анафеме Феодорита Кирского, Ибаса Едесского и

---

¹ S. Thom. Aquinat. «Summae» sec. Q. XI, art. 3, 4.

Феодора Мопсуестского, умерших за сто лет перед этим; большинство отцов собора не соглашалось с этим; тогда Евтихий, человек очень начитанный в Священном Писании, напомнил, что благочестивый царь Иосия не только предал смерти бывших в живых языческих жрецов, но и вырыл кости умерших раньше. Этот довод был признан неопровержимым, и анафема была произнесена, несмотря на протесты папы Вигилия, который упорно оставался при своем мнении. Остроумная ссылка Евтихия, до того времени совершенно неизвестного, была принята Константинопольским патриархом, и Вигилий был принужден подписаться под анафемой. В 618 году Севильский собор признал, что церковь не имеет права осуждать мертвых, но в 680 году шестой Вселенский собор в Константинополе широко предавал анафеме всех, и мертвых, и живых, раз только он признавал их еретиками.

В 897 году Стефан VII счел себя вправе вырыть тело своего предшественника папы Формоза, умершего за семь месяцев перед этим; тело покойного притащили за ноги и посадили перед собранием, созванным для суда над ним; так как он был признан виновным, то у трупа отрезали два пальца правой руки и бросили его в Тибр, откуда он был случайно выловлен и снова погребен. В следующем году новый папа, Иоанн IX, отменил весь этот суд и объявил, что никто не должен быть судим после смерти, так как всякому обвиняемому должна быть предоставлена возможность говорить в свое оправдание. Но это не помешало в 905 году Сергию III снова вырыть из земли тело Формоза, велеть облачить его в папские одежды и посадить на трон. После нового и торжественного обвинения несчастный труп был обезглавлен, у него были отрезаны три остальные пальцы правой руки, и он был брошен в Тибр. Но несправедливость этого мщения ста-

ла очевидной для всех, когда плававшие по волнам Тибра останки папы были выловлены какими-то рыбаками и перенесены в собор св. Петра, причем статуи святых склонились и приветствовали их.

Около 1100 года св. Ивон Шартрский, первый канонист своего времени, категорически заявил, что власть церкви вязать и разрешать ограничена пределами этого мира; что мертвые, находясь вне человеческого суда, не могут быть осуждаемы, и что не могут быть лишаемы погребения те, кто не был осужден при жизни. Но по мере того, как ереси множились, и по мере того, как разгоралась страстная ненависть, возбуждаемая упорством еретиков, духовенство содрогалось от мысли, что кости еретиков могут осквернять церковную ограду и кладбище и что они, вознося молитвы за умерших, невольно предстательствуют и за виновных. Был найден ловкий выход. Веронский собор 1184 года, которому следовали многие папы и соборы, официально отлучил от церкви всех еретиков; а по старому учению церкви, всякий отлученный, если он не попросит отпущения грехов в течение года, осуждался бесповоротно; следовательно, все еретики, которые умерли без последнего напутствия и не отреклись от ереси, уже сами себя осудили и не имели права на погребение на освященной земле. Хотя их и нельзя было отлучить от церкви, — так как это было уже *ipso facto*, — однако их можно было предать анафеме. Если же, по недоразумению, они были погребены как христиане, то, как только обнаружилась ошибка, их следовало вырыть и сжечь; следствие, установливавшее их виновность, было простым расследованием их поступков, а не обвинением; а карательные меры вытекали сами собой. Это правило было введено не без борьбы, как это видно, между прочим, из послания Иннокентия III от 1207 года к аббату и монахам монастыря св. Ипполита в Фаенце, которые, несмотря на

приказания легата, отказались вырыть тело известного еретика Оттона, погребенного на монастырском кладбище, и не обратили внимания на наложенный на них интердикт. Чтобы привести их к повиновению, Иннокентий был вынужден пригрозить им более строгими мерами наказания. Но с течением времени обычай вырывать тело еретика вошел во всеобщее употребление; было признано, что великий грех предать погребению тело еретика или его покровителя, столь великий, что даже невольно виновный в нем мог получить прощение только в том случае, если собственноручно выроет тело. Ниже мы увидим, что дела о мертвых играли видную роль в деятельности инквизиции¹.

Влияние этого учения и его применения на практике ясно отразилось на императоре Фридрихе II. Полуитальянец по происхождению и итальянец до мозга костей по воспитанию, он был свободомыслящим философом.

---

¹ Cypriani «Epist.» 1.— Chrysost. «Hom. de anathemate.» — Leon. PP. I «Epist.» 108, c. 2.— Gelasii PP. I «Epist.» 4, 11.— Concil. Roman. II ann. 494.— Evagrii «Hist. eccl.» lib. IV, c. 38.— Vigilius «Constit. de tribus capitulis».— Facundi «Epist. in defens. trium capit.» — Concil. Constantinopol. II ann. 553, collat. VII.— Concil. Hispalens. II ann. 618, c. 5.— Concil. Constantinopol. III ann. 680, t. XII.— Jaffé, «Regest.» 303.— Synod. Rom. ann. 898 c. 1.— Chron. Turonens (Martène, «Ampliss. Coll.» V, 978–80).— Ivon Carnotens. «Epist.» 96; ejusd. «Panorm.» lib. V, c. 115–123.— Lucii PP. III Epist. 171.— Lib. V extr. tit. VII, c. 13.— Gratian. «Decret.» II Caus. XI. Q. III. c. 36, 37, 38.— F. Pegnae «Comment. in Eymerici Direct. Inquis.» 95.— Innocent. PP. III «Reg.» IX, 213.— Lib. III Extra Tit. XXVIII, c. 12.— Lib. V in Sexto Tit. I, c. 2.— Eymeric. «Direct. Inquis.», 104.

Доказательства pro и contra см.: Estevan de Avila, «De censuris ecclesiasticis», Лион, 1869, c. 37–40. Когда приходилось отпускать грехи отлученному от церкви уже после его смерти, то его не надо было вырывать из могилы, чтобы бичевать его останки: достаточно было нанести удары по могиле!

Обвинение Григория IX, что Фридрих был тайным последователем Магомета, и предание, что он в тесном кружке называл Моисея, Иисуса и Магомета тремя лжеучителями, явно противоречат одно другому, но они показывают, что Фридрих давал повод к подобным нареканиям. В то же время этот человек, который, по словам папы Григория, причащался только для того, чтобы показать свое пренебрежение к отлучению от церкви, был настолько умным политиком, что не мог не понимать, что нельзя царствовать над христианским народом, не выказывая горячей ревности в деле истребления еретиков. Он добился коронации в соборе св. Петра 22 ноября 1220 года ценой указа, составившего эпоху в истории преследований. Во время торжественного коронования Гонорий прервал обедню, чтобы провозгласить анафему на все ереси и на всех еретиков, подразумевая при этом и монархов, законы которых затрудняли уничтожение еретиков. Фридрих всегда оставался верным принятой им на себя, таким образом, миссии и, быть может, тем более верным, что, убежденный в необходимости церковной реформы, он лелеял мечту о чем-то вроде калифата, где духовный и светский мечи будут оба в его руках. Но как бы то ни было, он, несмотря на его ссоры с папами, наполнявшими все его царствование, делался еще более неумолимым по отношению к еретикам; как раз в то время, когда Григорий IX трудился над учреждением инквизиции, Фридрих имел смелость убеждать его проявить больше рвения в деле защиты веры и указывал ему на себя как на пример, достойный подражания!¹

---

¹ Hist. Diplom. Fridr. II Introd. p. CDLXXXVIII, CDXCVI; II, 6–8, 422–3; IV, 409–11, 435–6; V, 459–60.— Fazelli, «De reb. sic.» dec. II, lib. VIII.— Alberic. Tr. Font. «Chron.» ann. 1228.— Raynald. «Annal.» ann. 1220, № 23.— Rich. de S. Germano, «Chron.» ann. 1223.

Ужасная жестокость и дикая ревность, причинявшие в течение нескольких веков, во имя Иисуса Христа, невероятные несчастья всему человечеству, были объясняемы и оправдываемы довольно различно. Известные фанатики вольнодумства видели в этом только жажду крови или самолюбивое стремление к господству; философы искали этому объяснение в учении об исключительном спасении; по их учению, лица, пользующиеся авторитетом, имели право преследовать упорствующих в их собственных интересах и препятствовать им увлекать других на путь вечной гибели. По учению другой школы, все объясняется пережитком очень древнего понятия о круговой ответственности членов рода; это понятие, перейдя в христианское учение, раскладывало на всех часть прегрешения перед Богом за то, что они не старались истребить виновных. Но побудительные причины, заставляющие людей действовать, очень сложны, и их нельзя объяснить каким-либо одним предположением; если это верно в применении к отдельной личности, то тем более это верно в данном случае, когда речь идет о всем христианском обществе — о духовенстве и мирянах. Не подлежит сомнению, что народ не менее своих духовных пастырей горел желанием возвести еретика на костер; в равной степени не подлежит сомнению, что люди самой святой доброты, самого высокого ума, одушевленные самым чистым желанием добра ближнему, исповедующие религию любви и милосердия, проявляли страшную жестокость, когда дело касалось ереси, и были готовы подавить ее самыми бесчеловечными наказаниями. Св. Доминик и св. Франциск, св. Бонавентура и св. Фома Аквинат, Иннокентий III и Людовик Святой были, каждый в своем роде, людьми, которыми человечество может гордиться; и между тем они столько же щадили еретиков, сколько Эц-

целино да Романо кровь своих личных врагов. Подобными людьми не руководили ни желание выгоды, ни жажда крови, ни стремление к власти, но одно только желание выполнить свой долг; выполняя его в той форме, какую мы видим, они являлись лишь выразителями общественного мнения, как оно проявлялось с XIII по XVII век.

Чтобы это понять, мы должны помнить, что цивилизация той жестокой эпохи во многом отличалась от современной. Страсти были более сильны, убеждения – более пылки, пороки и добродетели – более рельефны. Воинственный дух господствовал повсюду; люди полагались более на силу руки, чем на силу слова, и обыкновенно хладнокровно смотрели на страдания им подобных. Дух промышленности, который оказал такое сильное влияние на смягчение современных нравов, был еще только в зародыше¹. Суровые уголовные законы средних веков показывают, как мало у человека того времени было развито чувство жалости. Колесование, четвертование, котел с кипятком, костер, зарывание живыми в землю, сдирание кожи – вот обыкновенные приемы, с помощью которых криминалисты того времени старались предотвратить повторение преступлений; видом ужасных мучений они рассчитывали обуздать население, еще мало доступное внутренним движениям. По англосаксонскому закону полагалось, что если женщина-рабыня будет поймана в воровстве, то восемьдесят рабынь

---

¹ М. John Fisque показал различие между воинственным и промышленным духом и осветил теорию коллективной ответственности в своем превосходном труде «Excursion of an Evolutionist, Essays» VIII и IX.

Теория круговой поруки прекрасно выражена в следующих словах Zanghino: «Quia in omnes fert injuriam quod in divinam religionem committatur» («Tract. de Haeros.», с. XI).

должны принести каждая по три полена и сжечь виновную; сверх того, они должны были заплатить штраф. Во всей средневековой Англии костер был обычным наказанием за покушение на жизнь феодального владельца. В «Coutumes d'Arques», дарованных С.-Бертенским аббатством в 1231 году, говорится, что если сообщницей вора была его любовница, то она должна быть зарыта в землю живой; в случае же ее беременности казнь откладывалась до ее разрешения от бремени. Император Фридрих II, самый блестящий монарх своего времени, приказал сжечь живыми в своем присутствии взятых в плен мятежников, и говорят даже, что он приказал заключить их в железные сундуки, чтобы продлить их мучения. В 1261 году Людовик Святой отменил применение статьи Турэнского обычного права, по которому отрубали руку слуге, укравшему у своего господина хлеб или горшок вина. В Фрисландии поджигатель, совершивший свое преступление ночью, сжигался живым; по древнегерманскому праву, убийцу и поджигателя колесовали. Во Франции женщин часто сжигали или зарывали живыми за самые ничтожные преступления; евреев же вешали там за ноги между двух диких собак, а фальшивомонетчиков бросали в котел с кипятком. В Милане итальянская изобретательность придумала тысячи способов разнообразить и протягивать пытки. Carolina, или уголовный кодекс Карла V, опубликованный в 1530 году, представляет отвратительный сборник казней, в котором говорится об ослепленных, искалеченных, исколесованных, разорванных раскаленными щипцами и о сожженных живыми. В Англии вплоть до 1542 года отравителей бросали в котел с кипятком, как это видно из дела Руса и Маргариты Дэви; государственная измена каралась повешением и четвертованием, а домашняя – котром; последнему наказанию подверглась в 1726 году в Тибурне Екатерина Гайес за убийство мужа. По закону

Христиана V Датского, опубликованному в 1683 году, виновным в богохульстве вырезали язык, а затем их обезглавливали. Еще в 1706 году в Ганновере сожгли живым пастуха по имени Захарий-Георг Флагте за делание фальшивых денег. Снисхождение нашего времени к преступникам, доходящее иногда до слабости, явление весьма недавнее. Законодатели прежнего времени так мало, в общем, занимались вопросом о страданиях человека, что вырезанием языка или выкалыванием глаз было квалифицировано *felonie* в Англии только в XV веке, а с другой стороны, уголовный закон был настолько суров, что еще в царствование Елизаветы кража гнезда соколов считалась как *felonie*. Недавно еще, в 1833 году, один девятилетний ребенок был приговорен к повешению за то, что, разбив оконное стекло, украл на четыре су красок. Я думаю, из приведенных мной примеров ясно видно, что строгость наказаний возрастала, начиная с XIII века, и этот регресс цивилизации я склонен приписать пагубному влиянию инквизиции на уголовный суд Европы¹.

---

¹ Ademari S. Cibardi «Hist.» lib. III, c. 36. – Dooms of Aethelstan, III, VI (Thorpe, I, 219). – Bracton. lib. III. Tract. I, c. 6. – Legg. Villae de Arkes, § 26 (D'Achery, III, 608). – Hist Diplom. Frid. II «Introduct.» p. CXCVI; IV, 444. – Godefrid. S. Pantal. «Annal.» ann. 1233. – Fazelli, «de Rebus Sic.» decad. II, lib. VIII, 442. – Isambert, «Anc. Loix Franç.» I, 295. – Legg. Opstalbom. § 3, 4. – Treuga Henrici c. 1224 (Behlau, «Nov. Constitut. Dom. Alberti», Веймар, 1858, c. 76–7). – Registre criminel du Châtelet de Paris, passim (Париж, 1861). – Beaumanoir, «Coutumes de Beauvoisis», c. 30, № 12. – Antiqua ducum Mediolanens. Decreta, c. 187, 188 (Mediolani, 1654). – Legg. Capital. Caroli V, c. 103–197 (Goldast, «Constitut. Imp.» III, 537–55). – London Athenaeum mar. 15, 1873, p. 338. – R. Christian. V «Jur. Danic.» art. 7. – Willenburgi «de Except. et Poenis cleric.» 41 (Jenae, 1740). – 5 Henri IV, c. 5. – Descr. of Britaine, Bk. III, c. 6 (Holinshed's «Chronicles» изд. 1577, I, 106). – London Athenaeum, 1885, № 3024, p. 466.

Привыкшие, таким образом, к зрелищу самых зверских казней, люди вдобавок смотрели на ересь не только как на преступление, а как на мать всех преступлений. Ересь, говорит епископ Лука Тудельский, оправдывает, если проводить между ними параллель, неверие евреев; скверна ее очищает мерзкое безумие Магомета; грязь ее делает невинными даже Содом и Гоморру. Все, что есть наиболее худшего в каком-либо преступлении, кажется невинным в сравнении с мерзостью ереси. Менее витиеватый, но одинаково напыщенный, Фома Аквинат со свойственной ему поразительной логикой доказывает, что ересь более всех преступлений отделяет человека от Бога, что она – преступление по преимуществу, и наказания за нее должны быть самые тяжелые. В конце концов духовенство стало так чувствительно к малейшей тени ереси, что Стефан Палеч Пражский перед Констанцским собором объявил, что верование, в тысяче пунктов католическое и в одном пункте ложное, должно считаться еретическим. Человек, уличенный в ереси и рапространявший ее, казался самым дьяволом, ловящим души людей, чтобы погубить их вместе со своей, и ни один католик не сомневался, что еретик был непосредственным и действительным орудием Сатаны в его вечной борьбе против Бога. Ужас, какой вызывало все это в умах людей, мы можем представить себе только тогда, когда дадим себе отчет в силе влияния, производимого на человека страшным средневековым эсхатологизмом с его ужасными картинами вечных мучений и казней¹.

---

¹ Lucae Tudens. «de alt. Vita», lib. III, c. 15.– Thom. Aquinat. «Summa», Sec. Q. X. Art. 3, 6.– Von der Hardt, t. I, p. XVI, 829.– Nic. Eymeric. «Direct. Inquis.» praefatio.

Мы уже видели, что церковь колебалась, что она не сразу пришла к заключению, которое возобладало в XIII веке; и это может служить нам доказательством, что одной идеи о круговой поруке, об ответственности всех за одного перед Богом недостаточно для объяснения развития духа преследований. Несомненно, чернь, вырывая еретиков из рук священников и бросая их в огонь, действовала под влиянием этой идеи; но само духовенство действовало под влиянием других стимулов. Если оно сделалось безжалостным, то только благодаря успехам и упорству еретиков. В тот момент, когда явилось опасение, что церковь может пасть перед тайными сборищами Сатаны, народы и священники поняли, что им, как на войне, нужно защищаться от легионов Ада. Чудесным образом Бог приготовил церковь к этой великой задаче: она получила верховную власть над светскими князьями и могла рассчитывать на их повиновение. Ответственность ее возросла одновременно с ростом ее могущества; она была ответственна не только за настоящее, но и за души бесчисленных поколений будущего. В сравнении с ужасными последствиями, к которым вела ее кротость, какое значение могли иметь страдания нескольких тысяч упрямцев, которые, глухие к проповеди покаяния, шли соединиться со своим повелителем Дьяволом несколько раньше срока?

Мы должны также иметь в виду характер, какой принимало христианство по мере последовательного развития своего богословия. Ловкие вожди церкви знали слова Спасителя: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, а исполнить»¹. Они также знали из Священного Писания, что Иегова радовался уничтожению врагов

---

¹ Евангелие от Матфея, V, 17.

своих; они читали, как Саул, избранный Израилем в цари, был наказан Богом за то, что пощадил Агага Амаликитянина, и как пророк Самуил разрубил Агага в куски перед Вечным¹; они читали, что Бог приказал вырезать всех идолопоклонников хананеян и что это было исполнено без всякого милосердия; читали они, что Бог повелел Илии убить четыреста пятьдесят служителей Ваала, и многое тому подобное. Они не могли понять, чтобы кротость по отношению к отрицающим истинную веру не была открытым неповиновением Богу. В их глазах Иегова был Богом, Которого можно было умиловать только жертвами. Само учение об Искуплении вытекало из той идеи, что род человеческий мог быть спасен лишь ценой самой ужасной жертвы, какую мог только придумать ум человеческий, ценой казни одного из лиц Святой Троицы. Христиане поклонялись Богу, который добровольно подверг Себя самой мучительной и позорной казни, и во всем христианском мире спасение душ зависело от ежедневного воспоминания этой жертвы во время обедни. Людям, впитавшим в себя подобные верования, легко могло казаться, что самые жестокие наказания, наложенные на врагов Божьей церкви, были ничто сами по себе и что кровь жертв с радостью принималась Тем, Кто приказал избить всех хананеян, без различия пола и возраста.

Это направление еще более увеличилось с развитием аскетизма. Вся агиология поучала, что земную жизнь следует презирать, что небесной жизни можно достигнуть презрением удовольствий и подавлением всех телесных потребностей человека. Изнурение и умерщвление плоти было самым верным путем в рай, и всякий грех должен быть искуплен доброволь-

---

¹ Первая книга Царств, XV, 32, 33.

но наложенным покаянием. Это учение приводило к двум последствиям. С одной стороны, обеты фанатиков – целомудрие, пост, отшельничество – доводили прямо до сумасшествия, как это показывают частые случаи самоубийства в строгих монастырях и одержания бесами, носившие эпидемический характер¹. Когда читаешь рассказы об аскетических подвигах святого мученика Петра, о его постах, бдениях, самобичеваниях и т. п., то невольно приходишь к мысли, что он был сумасшедший; в нем ясно видны признаки умственной ненормальности, и из него должен был сделаться опасный маньяк, когда чувства его были возбуждаемы каким-либо религиозным вопросом. С другой стороны, люди, которые обуздывали, таким образом, обуревавшие их страсти и суровыми мерами заставляли молчать свою мятущуюся плоть, не были способны живо чувствовать мучения тех, кто отдавал себя во власть Сатаны и кого только костром можно было спасти от вечного огня адского. Если же случайно в сердцах их сохранялось еще чувство жалости и они страдали при виде мучений своих жертв, то они могли думать, что они совершают подвиг аскетизма и покаяния, подавляя в себе чувства, порожденные человеческой слабостью. В глазах всех людей жизнь была мгновением в сравнении с вечностью, и все человеческие интересы меркли перед главной обязанностью – спасти стадо и не допускать зараженных овец до общения с другими. Сама любовь к ближним побуждала без всякого колебания прибегать к

---

¹ Galton, «Inquiries into human faculty», 66–8. – Caes. Heisterb. «Dial. Mirac.» dist IV. Пагубное влияние аскетизма на умы людей замечается уже с IV века; св. Иероним совершенно верно замечает, что нередко аскеты более нуждались во враче, чем в священнике (Hieron. «Epist.» CXXV, c. 16).

крайним мерам, чтобы выполнить дело спасения, выпавшее на ее долю.

Искренность людей, бывших орудием инквизиции, и их глубокое убеждение, что они трудились во славу Бога, подтверждаются, между прочим, тем, что обыкновенно их поощряли к деятельности дарованием индульгенций, как за паломничество в Святую Землю. Кроме нравственного удовлетворения по поводу исполненного долга это была единственная награда их за их тяжелый труд, и они вполне удовлетворялись ею¹.

Если же мы хотим убедиться, что жестокость к еретикам могла уживаться в сердце человека с безграничной любовью к людям, то нам достаточно вспомнить доминиканского монаха Фра Джованни Скио де Виченца. Глубоко пораженный ужасным положением Северной Италии, которую раздирали не только междоусобные распри одного города с другим и дворян с горожанами, но и раздоры между членами одного и того же семейства – гвельфами и гибелинами, он всецело отдался проповеди мира. В 1233 году благодаря его красноречию враждовавшие партии в Болонье сложили оружие и вчерашние враги в каком-то радостном экстазе всепрощения простили друг другу все обиды. Впечатление, произведенное его речью, было настолько сильно, что городской совет просил его исправить по своему усмотрению городские законы. Не меньший успех имел он в Падуе, Тревизе, Фельтре и Беллуно. Сеньоры Камино, Романо, Конильяно, Сан-Бонифачио, республики Брешии, Виченцы, Вероны и Мантуи избрали его третейским судьей и поручили ему пере-

---

¹ Martène, «Thes.» V, 1817, 1820. – Urbani PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 20 mart, 1262, § 13. – Clem. PP. IV. Bull. «Prae cunctis mentis», 23 feb. 1266 (Arch. de l'Inq. de Carc., Doat, XXXII, 32).

смотреть их законы. В долину Пакара, близ Вероны, созвал он огромное собрание народов Ломбардии, и вся толпа, увлеченная его вдохновенным словом, как голосом с неба, провозгласила общий мир. А между тем этот самый человек, достойный ученик Великого Учителя Божественной любви, не задумался, получив в свои руки власть в Вероне, сжечь на городской площади шестьдесят мужчин и женщин, принадлежавших к лучшим фамилиям города, которых он осудил как еретиков. Спустя двадцать лет мы находим его во главе болонского отряда в крестовом походе, поднятом Александром IV против Эццелина да Романо¹.

При таком настроении умов фанатиков, даже более кротких и любящих, невозможно было требовать от них большего сострадания к мучениям еретиков, чем к мучениям Сатаны и его демонов, осужденных на вечные муки ада. Если справедливый и всемогущий Бог жестоко отомстил тем из своих творений, которые оскорбили Его, то не человеку осуждать Божеское правосудие; наоборот, он должен смиренно следовать примеру своего Создателя и радоваться, если представляется случай пойти по Его стопам. Суровые моралисты той эпохи утверждали, что христианин должен находить удовольствие в созерцании мучений грешника. Пятьсот лет перед этим Григорий Великий подтвердил, что счастье избранных в райских селениях было бы неполно, если бы они не могли бросать своих взоров за пределы рая и радоваться при виде страданий их братьев, пожираемых вечным огнем. Это представление о блаженстве избранных было общераспространенным, и церковь старалась поддерживать его. Петр Ломбардский, «Мысли» (*Sententiae*) которого, опубликованные

---

¹ Tamburini, «Storia generale dell'Inquisizione», I, 362–5, 561.–Chron. Veronens. ann. 1233 (Muratori, «Script. rer. italic». VIII, 26–7).

в середине XII века, были приняты в школах как высший авторитет, цитируя св. Григория, останавливается на том счастье, которое должны испытывать избранные при виде несказанных бедствий осужденных. Даже кроткий мистицизм св. Бонавентуры не мешает ему разделять этот дикий взгляд. Легко понять, что в эпоху, когда все мыслящие люди были воспитаны в подобных понятиях и считали своим долгом распространять их среди народа, никакое чувство сострадания к жертвам не могло отвлечь даже наиболее сострадательных от самых ужасных кар правосудия. Уничтожение еретиков было делом, которое не могло не радовать верных, хотя бы они оставались простыми зрителями, и тем более должны были они радоваться, если их внутреннее убеждение или общественное положение налагало на них высокий долг преследования. Если же, несмотря на все это, в души их закрадывалось сомнение, то схоластическое богословие быстро уничтожало его, поучая, что преследование есть проявление любви к ближнему и чрезвычайно полезно для тех, против кого оно возбуждается¹.

Правда, не все папы были похожи на Иннокентия III, не все инквизиторы – на Фра Джованни. Очень часто играли здесь видную роль эгоистические и корыстные мотивы, подобно тому, как играют они во всех делах человеческих; и действия даже лучших из них, несомненно, внушались, сознательно или нет, гордостью и честолюбием не менее, чем чувством

---

¹ Gregor. PP. I «Homil. in Evang.» XL, 8. – Pet. Lomb. «Sentent». lib. IV, dist. 50, § 6, 7. В подтверждение своего положения Петр Ломбардский приводит даже выдержку из св. Иеронима, но она имеет совершенно другой смысл (Hieron. «Comment. in Isaiam», lib. XVIII, c. LXVI, vers. 24). – S. Bonavent. «Phaetreae», IV, 50. – S. Thomae Aquinat. «Contra impugn. relig.» cap. XVI, § 2, 3.

долга перед Богом и людьми. Не нужно также упускать из виду, что религиозное восстание угрожало мирским благам церкви и привилегиям ее членов; сопротивление, которое встречало всякое новшество до известной степени, по крайней мере, объясняется желанием удержать эти преимущества. Конечно, это желание низменно и эгоистично, но не надо забывать, что в XIII веке могущество и богатство церковной иерархии были уже издавна признаны государственным правом Европы. Вожди церкви считали своей священной обязанностью сохранять унаследованные ими права и бороться за их удержание против смелых врагов, учение которых стремилось ниспровергнуть то, что они считали основанием социального строя. Какую бы симпатию ни чувствовали мы к претерпевшим страшные мучения вальденсам и катарам, мы должны признать, что падение их было неизбежно; оставаясь беспристрастными, мы должны одинаково оплакивать ослепление преследователей и мучения преследуемых.

Мы не можем умолчать еще об одном мотиве, более низменном и грязном, который возбуждал деятельность инквизиции и зажигал дикий фанатизм; я говорю о конфискациях имущества, которые повсюду были обычным наказанием еретиков. К этому вопросу мы вернемся ниже, не останавливаясь на нем в настоящей главе.

Редко человек остается верен до конца своим принципам, и преследователи XIII века сделали уступку человеколюбию и здравому смыслу, оказавшуюся роковой для вдохновлявшей их теории. Для полного оправдания своей теории они должны были бы распространять свой неумолимый прозелитизм и на всех нехристиан, которых отдавала им в руки судьба; однако неверные, не просвещенные светом истины, как,

например, евреи и сарадины, не были принуждаемы переходить в христианство; даже детей их нельзя было крестить без согласия родителей, так как это казалось противоречащим элементарной справедливости и опасным для чистоты веры. Конечно, часто в пылу гонений, воздвигаемых против евреев, упускали из виду этот принцип, как, например, во время резни 1391 года, когда тысячам евреев был предложен выбор между смертью и купелью. Верно также, что благодаря новой непоследовательности эти вынужденные обращения, как мы увидим ниже, имели в виду сделать жертвы подсудными церкви, которая могла судить только присоединенных к ней через таинство крещения¹.

---

¹ S. Thomae Aquinat. «Summ.» Sec. Q. X. art. 8, 12.— Zanchini, «de Haeres.» c. II.

Глава VI

НИЩЕНСТВУЮЩИЕ МОНАХИ

Не насилие было самым действенным оружием в борьбе церкви за восстановление почвы, утраченной ее служителями. Правда, высшее духовенство полагалось почти исключительно на строгость и пыталось подавить открытое восстание, заставляя ловко действовать соединенные силы народного суеверия и княжеского честолюбия; но этого было мало, чтобы упорочить успех, возбудить к себе снова доверие и снова снискать уважение народа. Подобное возрождение не могло быть делом суетных и сребролюбивых епископов. На самых низших ступенях церковной иерархии стояли люди, видевшие яснее и имевшие более высокие идеалы; они знали все трещины здания и в своей скромной среде искали средства заделать их. И этим людям церковь обязана своим спасением более, чем Иннокентиям и Монфорам. Энтузиазм, с которым всюду встречали их призыв, показывает, как сильно чувствовалась в народных массах потребность в церкви, которая более соблюдала бы заветы своего Божественного Основателя.

Не надо думать, что истинно благочестивые католики не замечали нравственной испорченности духовенства и что время от времени не делались попытки провести церковную реформу; они делались даже теми, кого испугала бы одна мысль не только

об открытом восстании против церкви, но и о тайном несогласии с ней. Смелые слова св. Бернара, Героха фон Рейхерсперга и Петра Кантора свидетельствуют, что нравственная распущенность священников и прелатов глубоко чувствовалась и что к ней относились с суровой критикой, в известных пунктах, конечно, строго католической. Когда Петр Вальдо принял на себя добровольную миссию воссоздать евангельскую церковь, он не думал не только разрушать, но и опровергать существующий порядок вещей. Он был как бы приневолен к этому тем упорством, с которым его ученики обращались непосредственно к Священному Писанию, и тем естественным страхом, который испытывает консерватизм перед энтузиазмом, легко могущим сделаться опасным. В конце XII столетия явился другой апостол, непродолжительная деятельность которого некоторое время внушала надежды, что удастся без насилия провести полную реформу в жизни как народа, так и духовенства, и что эта реформа осуществит наконец те прекрасные обещания, которые церковь дала человечеству.

Фульк из Нейллы был неизвестный священник, мало образованный и очень презиравший школьную диалектику, но глубоко убежденный, что забота о душах людей обязывает его на тяжелый подвиг проповеди веры. Пораженный его ревностью, Петр Кантор выхлопотал для него у Иннокентия III разрешение проповедовать публично. Первый успех не оправдал ожиданий, но скоро опыт и навык открыли ему дорогу в сердца людей, и легенда объясняет внезапное торжество его проповеди наитием Святого Духа, давшим ему, кроме того, и дар творить чудеса. Говорили, что он возвращал слух глухим, зрение слепым, крепость ослабленным; но он знал свой час и часто отказывал

давать исцеления, говоря, что не настало еще время и что возвращенное здоровье вовлечет исцеленного только в новые грехи. Хотя народ и считал его святым, *Saint homme*, но он не был аскетом; в эпоху, когда умерщвление плоти считалось неизбежным спутником святости, с удивлением видели, что он с удовольствием ел все, что ему давали, и не соблюдал канунов праздников. К тому же он был страшно вспыльчив и легко посылал к Сатане в когти тех, кто отказывался слушать его, и все были убеждены, что эти несчастные осуждены на скорую смерть. Тысячи грешников стекались слушать его и вступали на путь лучшей жизни, где, впрочем, вели себя не особенно строго. Он так успешно обращал на путь истины падших женщин, отрекавшихся под влиянием его проповеди от мира, что исключительно для них был основан в Париже монастырь св. Антония. Много также катаров обратил он силой своего слова; и только благодаря ему удалось открыть в пещере в Корбиньи известного ересиарха из Нивернэ, Феррика, и сжечь его живым. Особенно строго относился он к распущенности духовенства; в Лизье он своими нападками так возбудил против себя духовенство, что его посадили в тюрьму и заковали в цепи; но это не помешало ему, одаренному даром творить чудеса, освободиться без всякой посторонней помощи и удалиться из города. Нечто подобное случилось с ним в Кане, где его схватили приспешники Ричарда Английского, надеясь этим угодить своему повелителю, которого могла затрагивать грубая откровенность проповедника. Фульк предупредил Ричарда, чтобы он поторопился выдать замуж своих трех дочерей, иначе с ним случится несчастье; король ответил, что Фульк солгал, что он прекрасно знает, что у него нет дочерей; на это апо-

стол возразил, что у Ричарда есть три дочери: первую зовут Гордостью, вторую – Скупостью, третью – Слостолюбием. Но с Ричардом трудно было препираться на словах; он собрал весь свой двор и, торжественно сообщив слова Фулька, добавил: «Мою Гордость я отдаю тамплиерам, мою Скупость – цистерцианцам, а мое Слостолюбие – всем вообще прелатам».

Фульк потерял несколько в общественном мнении из-за того, что сблизился с Петром де Руаси, который, проповедуя нищету, собрал огромные богатства и был сделан каноником в Шартре, где вскоре занял пост канцлера. Но все же он сделал бы многое, если бы папа Иннокентий III, более занятый завоеванием Святой Земли, чем пробуждением душ, не обратился к нему в 1198 году с просьбой проповедовать крестовый поход. Фульк принялся за это с обычным своим рвением; и только благодаря ему Болдуин Фландрский и другие князья подняли крест; утверждали даже, что он собственноручно возложил священный символ на одежды 200 000 пилигримов, преимущественно останавливаясь на бедных, так как богатых он не считал достойными этого. Таким образом, Восточная Латинская Империя, явившаяся результатом крестового похода, в значительной степени была созданием Фулька. Злые языки, но, конечно, без всякого основания, утверждали, что он припрятал огромные суммы, собранные благодаря его увлекательному красноречию; достоверно одно, что христиане, сражавшиеся в Палестине, никогда не получали столько денег и так кстати, как при Фульке, когда им понадобилось восстановить стены Тира и Птолемаиды, разрушенные землетрясением. Умер Фульк в Нейльи в мае 1202 года, в то самое время, когда выступили в поход крестоносцы, которых он должен был сопро-

вождать; все свое имущество он завещал пилигримам. Если бы он прожил долее и не отступил со своего прямого пути, то, несомненно, своей честностью и своим увлекательным красноречием он добился бы прочных и продолжительных успехов¹.

Совершенно другим человеком, чем Фульк, был каталонец Дурандо из Хуески. Несмотря на указы Альфонса и Петра и на преследования, вальденская ересь пустила в Арагонии глубокие корни. Дурандо был одним из вождей этих еретиков и принял участие в собеседовании, состоявшемся в 1207 году в Памье в присутствии графа де Фуа, между вальденсами, с одной стороны, и епископами Осмы, Тулузы и Консеранса – с другой. Возможно, что св. Доминик также был там; а так как между этими двумя людьми было много общего, то явилось предание, что обращение Дурандо (единственный результат собеседования) было вызвано красноречием св. Доминика. Дурандо был настолько горячо верующий, что он не мог успокоиться на одном своем личном спасении, и отныне он посвятил себя обращению заблудшихся душ. Он не только писал различные трактаты против ереси, но и составил проект основания ордена, который служил бы образцом нищеты и отречения и все-

---

¹ Chron. Laudunens. ann. 1198.– Ottonis de s. Blasio «Chron.» (Urstisius I, 223 sq.).– Joann. de Flissicuria (D. Bouquet, XVIII, 800).– Rob. Autissiodor. «Chron.» ann. 1198, 1202.– Rog. Hoveden. «Annal.» ann. 1198, 1202.– Rigord. «de Gest. Phil. Aug.» ann. 1195, 1198.– Guill. Brit. «de Gest. Phil. Aug.» ann. 1195.– Grandes Chron. ann. 1195, 1198.– Jacob. Vitriens. «Hist Occid.» c. 8.– Radulph. de Coggeshall. ann. 1198, 1201.– Chron. Cluniac. ann 1198.– Chron. Leodiens. ann. 1198, 1199.– Alberic. T. Font. «Chron.» ann. 1198.– Geoffr. de Villehardouin, c. 1.– Annal. Aquicinctin. Monast. ann. 1198.– Joann. Iperii «Chron.» ann. 1201–1202.

цело посвятил бы себя делу проповеди и распространения веры; орден этот должен был сражаться с еретиками тем самым оружием, которое много помогло еретикам отвратить людей от чрезмерно богатой и суетной церкви. Отдавшись этой идее, он начал действовать между своими бывшими единоверцами и многих из них обратил как в Испании, так и в Италии. В Милане сто катаров согласились вернуться в лоно церкви с условием, что им будет возвращено здание, построенное ими для школы и разрушенное по приказанию архиепископа. Дурандо с тремя своими спутниками явился к папе Иннокентию III, который удовлетворился его исповеданием веры и одобрил его план. Большинство членов новой корпорации составилось из духовных лиц, уже раньше истративших все свое имущество на добрые дела. Отрекаясь от мира, они давали обет жить в самом строгом целомудрии, спать на голых досках, за исключением случаев болезни, молиться семь раз в день и соблюдать свои особые посты, кроме установленных церковью. Нищета возводилась в основное правило; никто не должен был думать о завтрашнем дне; никто не должен был принимать подарков золотом или серебром, разрешалось лишь принимать самое необходимое из пищи и одежды. Одежда была избрана белого или серого цвета с сандалиями, чтобы отличаться от вальденсов. Более ученые должны были посвящать свое время проповеди среди верных и обращению еретиков, причем они обязывались не выставять на вид пороков духовенства; не получившие же достаточно образования должны были заниматься физическим трудом, чтобы уплатить церкви все десятины, премии и приношения, которые она требовала. Кроме всего этого, забота о бедных должна была быть одной из самых главных обязанностей нового ордена;

один богатый мирянин из епархии Эльна предложил построить им церковь и приют на пятьдесят кроватей, а также раздать одежду нуждающимся¹. Они представляли за собой право избрания своего начальника и ни в каком случае не могли быть подсудны суду прелатов.

Этот устав Бедных Католиков – как они сами называли себя в отличие от Лионских Бедных или вальденсов – заключал в себе в зародыше все то, что позднее было принято св. Домиником и св. Франциском. Это было началом или, по крайней мере, первым абрисом великих нищенствующих орденов; это была плодотворная идея, развитие которой дало поразительные результаты. Если трудно допустить, чтобы св. Франциск в Италии заимствовал свою идею у Дурандо, то более чем вероятно, что св. Доминик во Франции знал об этом движении и оно привело его к мысли создать Братьев-проповедников по образцу Бедных Католиков. Хотя обстоятельства более благоприятствовали первым шагам Дурандо, чем св. Доминика или св. Франциска, но, тем не менее, неудача его попытки сказалась скоро. Уже в 1209 году он основал общины в Арагонии, Нарбонне, Безье, Узесе, Каркассоне и Ниме; но прелаты Лангедока отнеслись к нему с недоверием, и все, тайно или явно, стали во враждебные к нему отношения. Появились доносы по поводу присоединения обращенных еретиков; жаловались, что обращения были мнимые, и что вновь обращенные не оказывали церкви должного уважения и не соблюдали церковных обрядов. Крестовый поход уже начался, и казалось, что легче уничтожить, чем убеждать; кроткие приемы, проповедуемые Дурандо и его братией, были

---

¹ Pet. Sarnens. c. 6– Guill. de Pod. – Laur., c. 8.– Innocent. PP. III. «Regest.» XI, 196–7; XII, 17.

просто смешны в эту эпоху возбужденных страстей и насилия. Безуспешно было обращение Дурандо к Иннокентию, безуспешно папа, рассмотревший его проект, с проницательностью государственного чело- века брал его под свое верховное покровительство и писал послание за посланием к прелатам, приказыва- вая им оказывать поддержку Бедным Католикам и напоминая им, что заблудшихся овец должно с радо- стью принимать в лоно церкви, что души людей дол- жны быть привлекаемы кротостью и любовью и что, наконец, не следует обращать внимания на мелочи. Папа оказал даже Дурандо особое благоволение, раз- решив светским членам его ордена не поднимать ору- жия против христиан и не давать присяги на светс- ких судах, насколько это совместимо с правосудием и с правами сюзеренов. Все было бесполезно. Стра- сти и ненависть, возбужденные Иннокентием в Лан- гедоке, стали настолько остры, что он не мог уже обуздать их. Бедные Католики исчезли в волнах бури, и после 1212 года о них почти не упоминается; а в 1237 году Григорий IX предписал доминиканскому провинциалу в Таррагоне реформировать их и заста- вить принять устав одного из утвержденных мона- шеских орденов. Послание Иннокентия IV от 1247 года к архиепископу Нарбонны и епископу Эльна за- прещает Бедным Католикам проповедовать. Итак, ког- да они хотели отдать свои силы на дело, которому они посвятили себя, на них спешили наложить мол- чание. Другим было суждено воспользоваться всеми последствиями замечательно практичного проекта Дурандо¹.

---

¹ Innocent. PP. «Regest.» XI, 98; XII, 67, 69; XIII, 63, 78, 94; XV, 90, 91, 92, 93, 96, 137, 146.— Ripoll. «Bull. Ord. FF. Praedic.» I, 96.— Berger, «Reg. d'Innoc. IV», № 2752.

Св. Доминик, основатель Доминиканского ордена
(1170–1221)

Совершенно иной успех имел Доминго де Гузман, которого римская церковь чтит как самого великого и самого счастливого из своих подвижников:

Della fede cristiana santo atleta,
Benigno a'suoi e a'nemici crudo –
E negli sterpi eretici percosse
L'impeto suo più vivamente quivi
Dove le resistenze eran più grosse¹.

Он родился в 1170 году в Каларуэге в Старой Кастилии от родителей, которых доминиканцы любят выводить из царского рода. Святость его была так велика, что она отразилась даже на его матери, св. Хуанне де Ага; поднимался даже вопрос о причислении и его отца к лику святых. Его родители были погребены вместе в монастыре Сан Педро де Гумиель, но около 1320 года инфант Хуан Мануэль Кастильский перенес тело Хуанны в основанный им доминиканский монастырь Сан-Пабло де Пенафьель; тогда аббат монастыря Гумиель, Фра Джеронимо Орозко, перенес останки дон Феликса де Гузман в скрытое место, чтобы и они не сделались предметом неуместного почитания. Даже купель в форме раковины, в которой крестили св. Доминика, стала предметом особого поклонения набожных испанцев; в 1605 году Филипп III приказал перенести ее из Каларуэги в Вальядолид, откуда ее перенесли в Мадрид, в королевский монастырь св. Доминика, и стали употреблять для крещения членов королевского дома².

Десять лет учения в университете в Паленции сделали из Доминика ученого богослова, и он во всеору-

---

¹ Vante, «Paradiso», XII.

² Bremonda «de Guzmana stirpe S. Dominici», Roma, 1740; 11, 12, 127, 133, 288.

жию выступил на миссионерскую деятельность, которой посвятил всю свою жизнь. Вступив в капитул в Осме, он вскоре занял там место субприора, и в этом звании встретили мы его сопровождающим своего епископа, который с 1203 года немало потрудился в качестве миссионера в Лангедоке. Биографы Доминика сообщают, что особый случай во время его первого путешествия натолкнул его на путь апостольской деятельности: во время этого путешествия ему пришлось остановиться в доме одного тулузского еретика, и он посвятил всю ночь на его обращение; первый успех, а равно неожиданное открытие, что зло распространилось очень широко, определили его деятельность. Когда в 1206 году епископ Диего отослал свою свиту, а сам остался проповедовать Евангелие, то он удержал при себе одного только Доминика, а когда умирающий Диего отправился домой в Испанию, то Доминик остался в Лангедоке и сделал его ареной своей плодотворной деятельности¹.

Предание рисует Доминика одним из главных орудий падения альбигойской ереси. Несомненно, он сделал все, что мог сделать на его месте человек для дела, которому он посвятил свою душу; но, насколько известно из истории, его влияние было почти незаметно. Монах из Во-Сернэ упоминает о нем только один раз и то как о спутнике епископа Диего, а эпитет, который он при этом прилагает к нему, *vir totius sanctitatis*, есть не что иное, как обычный способ выражения среди духовенства той эпохи. Он был в числе тех, кому легат, с соизволения папы Иннокентия, разрешил в 1207 году проповедовать; то же подтверждается выданным им и дошедшим до нас от-

---

¹ Bern. Guid. «Tract. Magist. Ord. Praedicat.» ann. 1203–6. – Nic. de Trivetti, «Chron.» ann. 1203–9.

пущением грехов, в котором он сам называет себя каноником Осмы и *praedicator minimus*; скромность его положения видна из того, что данная им индульгенция была представлена на утверждение легата Арнольда, простым уполномоченным которого был Доминик. Этот документ и еще разрешение, выданное им одному тулузскому гражданину поместить в своем доме еретика, являются единственными свидетельствами его миссионерской деятельности. Но его организаторский талант уже проявился в основании монастыря в Пруйле. Одним из наиболее действенных средств, при помощи которых еретики распространяли свое учение, было основание бесплатных учебных заведений для бедных девушек из хороших семей; чтобы их побить их же собственным оружием, Доминик выработал около 1206 года проект подобного заведения для католиков и осуществил его при помощи Фулька Тулузского. Пруиль сделался скоро огромным и богатым монастырем, который гордился тем, что он был колыбелью доминиканского ордена¹.

О следующих восьми годах жизни Доминика нам ничего не известно. Несомненно, он неустанно работал над выполнением своей миссии, развивая в себе качества, которые впоследствии сослужили ему столь хорошую службу: ловкость в словопрениях, знание людей и мощь, которую дает сосредоточение всех духовных сил на одной сознательно избранной задаче; но в диких оргиях крестовых походов он не принимал никакого участия. Мы можем смело отверг-

---

¹ Pet. Sarnens. c. 7.— Innoc. PP. III, «Regest.» IX, 185.— Paramo, «de orig. offic. S. Inquis.» lib. II, tit. 1, c. 2, § 6, 7.— Nic. de Trivetti «Chron.» ann., 1205.— Chron. Magist. Ord. Praedic. c. 1.— Bern. Guis. «Hist. Fundat. Convent.» (Martène, «Amp. Coll.» VI, 439).

нута как пустые сплетни рассказы о том, что он последовательно отказывался от епископий Безье, Консеранса и Комменжа, а также рассказы о тщетно проявленных им чудесах среди закоренелых катаров. Исторические сведения о нем начинаются снова после того, как сражение при Мюрэ разрушило все надежды графа Раймунда, и казалось, что наступило торжество католичества и открылось широкое поле для мирного обращения еретиков. В 1214 году ему шел уже сорок пятый год, и он был в полном расцвете своих сил, но им ничего еще не было сделано такого, что предвещало бы его будущую славу. Лишенные сверхъестественных украшений, дошедшие до нас свидетельства о нем рисуют его человеком вдумчивым, решительным, глубоко убежденным, ревностным в деле распространения веры и в то же время невероятно добрым и замечательно привлекательным. Ярким доказательством того, какое сильное впечатление производил он на своих современников, служит то, что почти все приписываемые ему чудеса приносят людям одно благо; таковы – воскрешения мертвых, исцеления больных и обращения еретиков не страхом наказания, а убеждением в том, что он говорил от имени Бога. Рассказы о его постоянных аскетических подвигах могут быть преувеличены; но если только верить рассказам агиологии о его добровольных бичеваниях, то, не колеблясь, следует допустить, что Доминик был к себе так же строг, как и к другим. Понятно, это не обязывает нас верить легенде о том, что святой, будучи еще ребенком, постоянно падал с кровати, предпочитая, в своем раннем аскетизме, голые доски пола мягкой перине постели. Страдают также невинным преувеличением картины его постоянных бичеваний и его неустанных бдений, причем, когда того настоятельно требовала

плоть, он отдыхал на полу или в углу церкви, где проводил ночи на молитве; преувеличены и рассказы о его почти непрерывных молитвах и нечеловеческих постах. Но, несомненно, много верного в легендах о его беспредельной доброте и о его любви к ближнему; будучи еще студентом, он во время голода продал все свои книги, чтобы помочь несчастным, окружавшим его со всех сторон; если бы Господь не остановил его, он продал бы в рабство самого себя, чтобы выкупить у мавров одного пленника, о котором очень горевала его сестра. Справедливы ли, или нет эти рассказы, но они прекрасно раскрывают тот идеал, который его непосредственные ученики хотели воссоздать в нем¹.

Последние годы Доминика были свидетелями быстрого всхода семян, посеянных им во время долгих лет его предшествующей скромной и трудовой жизни. В 1214 году Петр Селла, богатый гражданин Тулузы, решил присоединиться к Доминику и отдал ему свой прекрасный дом близ Нарбоннского замка, чтобы он обратил его в центральный пункт своей апостольской деятельности, и этот дом более столетия служил главным местопребыванием инквизиции. Еще несколько ревностных людей примкнуло к Домини-

---

¹ Lacordaire, «Vie de S. Dominique», 124.— Nic. de Trivetti «Chron.», ann. 1203.— Jac. de Voragine, «Legenda Aurea», изд. 1480, fol. 88-b, 90-a.

Так как св. Франциск получил стигматы, то и доминиканцы, в свою очередь, утверждали, что св. Доминик удостоился особого благоволения. Когда открыли его гробницу, то из нее, по их словам, распространилось райское благоухание на всю страну; оно было настолько сильно, что руки, прикоснувшиеся к святым мощам, сохранили его в течение многих лет.— Prediche del Beato Fra Giordano de Rivalto, Флоренция, 1831, I, 47.

ку, и они начали вести монашеский образ жизни. Тулузский епископ, фанатик Фульк, предоставил им шестую часть десятинных доходов, чтобы они могли приобретать книги и другие предметы, необходимые им для их собственного обихода, а также для обучения тех, которых они предназначали, главным образом, к деятельности проповедников. Попытка Дурандо из Хуески в это время потерпела уже полную неудачу. Доминик, который не мог не знать об этой попытке, понял, несомненно, причины ее неуспеха и знал, как избежать подобной же участи. Но необходимо отметить, что в его первоначальном проекте нет ни слова о применении силы. Еретики Лангедока, беспомощные, были распростерты у ног Монфора, представляя легкую добычу для хищников; но в проекте Доминика говорилось только о мирном обращении; Доминик видел обязанность церкви в том, чтобы наставлять и убеждать, — обязанность, которой она так долго и так полно пренебрегала¹.

Все взоры были тогда обращены на Латеранский собор, которому предстояло решить участь Южной Франции. Фульк, отправляясь в Рим, захватил с собой Доминика, чтобы получить от папы утверждение новой монашеской общины. Иннокентий, как гласит предание, колебался; недавняя неудача в деле Дурандо сделала его несколько недоверчивым к начинаниям энтузиастов; собор запретил основание новых монашеских орденов и постановил, что в будущем религиозное рвение должно находить себе удовлетворение в существующих монашеских общинах. Но колебания Иннокентия были рассеяны сновидением: он видел во

---

¹ Nic. de Trivetti «Chron.» ann. 1215.— Bernardi Guidonis «Tract. de Magist. Ord. Praedic.» (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 400).— Hist. Ordin. Praedic. c. 1 (там же, 332).

сне, что Латеранская Базилика пошатнулась и уже была готова упасть, когда какой-то человек, в котором он узнал смиренного Доминика, поддержал ее своими сильными плечами. Убеденный теперь, что здание церкви должно быть поднято человеком, ревности которого он не признал, Иннокентий одобрил его план с условием, что Доминик и его братия примут устав одного из существующих орденов¹.

Вернувшись, Доминик собрал свою братию в Пруиль. Последняя состояла тогда из шестнадцати человек, пришедших с разных сторон горизонта – из Кастилии, Наварры, Нормандии, Северной Франции, Лангедока, Англии и Германии: поразительное доказательство могущества церкви, стиравшей и уничтожавшей все национальные различия перед религиозным идеалом. Эта монашеская община, набожная и преданная воле Божьей, приняла устав регулярных каноников св. Августина, к которым принадлежал Доминик, и избрала аббатом Матвея Гальского (*le Gaulois*); он был первым и последним, носившим это звание, так как внутреннее устройство ордена в его дальнейшем развитии изменилось в том направлении, чтобы одновременно обеспечить ему единство и свободу действий. Орден делился на провинции, и каждая из них находилась в ведении своего провинциального приора; все приоры зависели от одного генерала. Все должности были избирательными, и были выработаны правила для заседаний собраний или капитулов, как провинциальных, так и общих. Всякий монах был обязан буквально во всем повиноваться своему старшему. Как солдат на действительной службе, он мог быть во всякое время послан на дело, раз того требовал интерес церкви или

---

¹ Nic. de Trivetti, loc. cit. – Chron. Magist. Ord. Praed. c. 1. – Bern. Guid. loc. cit. – Concil Lateran. IV, c. XIII. – Harduin. «Concil.» VII, 83.

ордена. Братья действительно были как бы воины рати Христовой; они не обрекали себя, как монахи других орденов, на созерцательную жизнь за стенами монастыря; наоборот, они должны были жить среди мирян, и их готовили к этому; они хорошо умели убеждать других, были сведущи в богословии и риторике и готовы на все решиться и все перенести в интересах воинствующей церкви.

Имя братьев-проповедников, под которым они стали известны, они получили совершенно случайно. Во время Латеранского собора, когда Доминик был в Риме, папе Иннокентию понадобилось послать ему записку. Он приказал своему секретарю начать ее словами: «Брату Доминику и его спутникам»; потом, подумав, он приказал написать: «Брату Доминику и проповедникам, которые с ним»; в конце концов, после нового размышления, он написал: «Наставнику Доминику и братьям-проповедникам». Это название крайне обрадовало их, и они тотчас же присвоили его¹.

Интересно, что обета бедности не было в первоначальном уставе ордена. Первым толчком зарождения ордена было дарование Селлы и предоставление епископом Фульком части десятинных доходов; немного спустя после образования ордена Доминик не задумался принять от Фулька три церкви, одну в Тулузе, другую в Памье и третью в Пюилорансе. Стараясь объяснить это, историки ордена говорят, что основатели его желали ввести бедность в свой устав, но побоялись, чтобы подобное новшество не вызвало препятствий со стороны папы при утверждении устава. Но так как Иннокентий уже раньше одобрил

---

¹ Hist. Ordin. Praedicat. c. 1, 2, 3.— Chron. Magist. Ordin. Praedic. c. 1.— Bernard. Guidonis «Tract. de Magist. Ord. Praedic.» (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 332–4, 400).

обет бедности в проекте Дурандо, то это объяснение теряет всякое значение, и мы вправе верить тем легендам, где Доминик рисуется строго запрещающим своей братии употребление денег. С другой стороны, мы знаем, что уже в 1217 году братья вступили в спор с агентами Фулька по вопросу о десятинных доходах и настаивали, чтобы все церкви, насчитывающие не менее шести причастников, были признаны приходскими и обложены этим налогом. Только позднее, когда успех францисканцев показал могущественное обаяние бедности, этот обет был принят и доминиканцами на общем собрании 1220 года, а в основные правила ордена он был внесен только собранием 1228 года; отныне было строго запрещено братьям-проповедникам приобретать земли или арендные статьи, предписывалось не просить никогда ни у кого денег и вменялось всякому брату в «великое прегрешение» хранение при себе вещи, которую иметь ему было воспрещено. Орден скоро стянул с себя эти стеснения, но сам Доминик в этом отношении служил примером крайней строгости. Он умер в Болонье в 1221 году на постели брата Монета и в его одежде, так как своей постели у него не было, а его единственная одежда изнасилась до нитки. Когда в 1220 году был принят обет бедности, то все имения, которые не были необходимы для удовлетворения насущных потребностей ордена, были переданы монастырю Пруиля, о котором мы упоминали выше¹.

---

¹ Bernard. Guidon. «Tract. de Ordin. Praedic.» (Martène, VI, 400, 402–3).– Ejusd. «Hist. Fund. Convent. Praedic.» (ibid., 446–7).– Hist. Ordin. Praedic. c. 9.– Nic de Trivetti «Chron.» ann. 1220, 1228.– Chron. Magist. Ordin. Praedic. c. 3.– Constit. Frat. Praedic. ann 1228, Dist. I, c. 22; II, 26, 34 («Archiv. für Literatur und Kirchengeschichte», 1886, c. 209, 222, 225).

Св. Франциск Ассизский
 (1182–1226)

Теперь ордену недоставало только папского утверждения. За этим отправился в Рим сам Доминик. Иннокентий умер раньше его приезда; но новый папа, Гонорий III, вполне разделял взгляд Доминика, и 21 декабря 1216 года была получена санкция Святого Престола. Вернувшись в 1217 году в Тулузу, Доминик поспешил разослать своих учеников. Одни из них пошли в Испанию, другие – в Париж, третьи – в Болонью; сам Доминик вернулся в Рим, где, благодаря благоволению к нему папского двора, он приобрел много учеников. Те, кто отправился в Париж, встретили там самый радужный прием: им отдали монастырь св. Иакова, где они основали знаменитый Якобинский монастырь, существовавший до уничтожения ордена революцией. Причина, почему так сильно стремились поступать в орден и миряне, и духовные, без различия положения, объясняется рассказами о преследованиях, которым подвергались со стороны злого духа первые братья монастыря св. Иакова. Их постоянно преследовали то грозные, то соблазнительные видения; они были вынуждены даже дежурить поочередно по ночам один около другого. Во многих из них вселился дьявол, и они сошли с ума. Великой помощницей была им Святая Дева, чем и объясняется обычай доминиканцев читать «*Salve Regina*» после повечерия; это было подвигом благочестия, и, говорят, не раз во время пения видели, как Она витала над ними в сиянии света. При таком душевном настроении люди были готовы и сами перенести всякое страдание и подвергнуть тому же других в надежде на вечное спасение¹.

---

¹ Nic. de Trivetti «Chron.» ann. 1215, 1217, 1218.— Chron. Magist. Ord. Praedic. c. 2.— Hist. Ordin. Praedic. c. 1, 5.— Bern. Guidon. «Tract. de Magist. Ord. Praedic.» (Martène, VI, 401).— Hist. Convent. Parisiens. Frat. Praedic. (ibid., 549–50).

В наш план не входит следить за подробностями удивительного распространения ордена по всем странам Европы. Когда в 1221 году Доминик, в качестве генерала, председательствовал на втором общем собрании ордена в Болонье, через четыре года после посылки учеников из Тулузы, орден уже насчитывал шестьдесят монастырей и был разделен на восемь провинций – Испания, Прованс, Франция, Англия, Германия, Венгрия, Ломбардия и Романья. В том же году последовала смерть Доминика, но дело его стояло прочно, и смерть его не задержала движения могущественной машины, им построенной и пущенной в ход. Повсюду самые образованные люди эпохи надевали на себя доминиканскую рясу; повсюду пользовались они уважением и почетом. Папство скоро оценило их заслуги, и мы вскоре уже встречаем их среди выдающихся деятелей курии. В 1243 году ученый Гуго Вьенский первый из доминиканцев был избран в кардиналы; а в 1276 году доминиканцы с радостью увидели своего брата Петра из Тарентезы на престоле св. Петра под именем папы Иннокентия V.

Однако тот факт, что канонизация Доминика последовала не скоро после его смерти, показывает, что он произвел на современников не такое сильное впечатление, как уверяют его ученики. Он умер в 1221 году, и лишь 3 июля 1234 года папская булла причислила его к лику святых. Его великий соратник, или, вернее, соперник, Франциск, умерший в 1226 году, был канонизирован уже через два года, в 1228 году; молодой францисканец Антоний Падуанский умер в 1231 году, а был канонизирован в 1233 году; 12 апреля 1252 года был убит доминиканец св. мученик Петр, 31 августа был поднят вопрос о его канонизации, и не прошло года после его смерти (25 марта 1253 г.), как он был уже признан святым. Тот факт,

что между смертью и канонизацией Доминика прошло тринадцать лет, показывает, по-видимому, что его выдающиеся заслуги были оценены не скоро¹.

Если францисканцы в конце концов совершенно или почти слились с доминиканцами, то это произошло благодаря обстоятельствам, которые со всех сторон настоятельно требовали их совместной деятельности; но вначале цель, преследуемая каждым из орденов, была настолько же различна, насколько были различны характеры их основателей: св. Доминик был тип деятельного и опытного миссионера, а св. Франциск был идеал аскета-созерцателя, просветленный беспредельной любовью и неутомимым служением на пользу ближнего.

Джованни Бернардоне родился в 1182 году и был сыном богатого купца в Ассизе, который предназначал его к коммерческой деятельности. Побывав со своим отцом во Франции, молодой человек вернулся оттуда с таким прекрасным знанием французского языка, что друзья прозвали его Francesco. Опасная болезнь, которую он выдержал, когда ему было двадцать лет, резко изменила его характер: выздоровев, он совершенно перестал предаваться рассеянной жизни, какую вел раньше в кругу молодежи, и всего себя посвятил делам благотворительности, чем, быть может не без основания, заслужил себе

---

¹ Bern. Guidon. «Tract. de Magist.» (Martène, VI, 403–4). – Ejusd. «Hist. Convent. Praedic.» (ib. 459). – Nic. de Trivetti «Chron.» ann. 1221, 1243, 1276. – Hist. Ordin. Praedic. c. 7. – Mag. Bull. Roman. I, 73, 74, 77, 94.

В статистических сведениях, представленных доминиканцами в 1337 году Бенедикту XII, всей братии насчитывалось до 12 000 (Preger, «Vorarbeiten zur einer Geschichte der deutschen Mystik» в «Zeitschrift für d. historische Theologie», 1869, c. 12).

славу тронувшегося умом. Горячо желая восстановить прошедшую в ветхость церковь св. Дамиана, он украл массу вещей у своего отца и продал их в Фолиньо вместе с лошадей, на которой привез их. Раздраженный отец его, убедившись, что сын твердо решил идти своей избранной дорогой, привел его к епископу, чтобы он перед ним отрекся от наследства. Франциск от всего сердца исполнил это, а чтобы сделать свое отречение более полным, он снял с себя все одежды, за исключением власяницы, которую носил для умерщвления плоти. Чтобы прикрыть его наготу, епископ должен был подарить ему старый плащ одного крестьянина¹.

Отныне Франциск повел скитальческую жизнь нищего, которая, впрочем, давала ему такие доходы, что на собранную им милостыню он мог восстановить четыре пришедшие в упадок церкви. Все мысли его были направлены к одному – трудиться для собственного спасения, терпя добровольно принятое на себя нищенство и служба ближним вообще, прокаженным в частности; но слава о его святости распространялась быстро, и блаженный Бернард де Квинтавалле обратился к нему с просьбой, чтобы он взял его с собой. Отшельник сначала не хотел иметь товарища; но чтобы узнать волю Бога, он трижды открыл Евангелие и попал на следующие три текста, которые сделались основным правилом великого францисканского ордена:

«Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною»².

---

¹ Bonaventurae «Vita S. Francisci», c. 1, 2, № 1–4.

² Евангелие от Матфея, XIX, 21.

«Не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прощения у Него»¹.

«Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мной, отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мною»².

Франциск повиновался воле Бога и принял посланного Им ему спутника. Вскоре присоединились к ним и другие, и в конце концов образовалась группа из восьми человек. Тогда Франциск объявил, что настал час идти в мир проповедовать Евангелие, и они разошлись по двое во все стороны горизонта. Когда они сошлись снова, то к ним добровольно присоединились еще четверо; тогда Франциск выработал им устав, и все двенадцать, как говорит францисканское предание, чтобы получить признание от папы, явились в Рим, где в это время заседал Латеранский собор. Когда Франциск в одежде нищего предстал перед папой, то папа, возмущенный, приказал выпроводить его вон, но ночью явилось к нему видение, заставившее его призвать к себе этого нищего. Советники папы были сильно против него, но красноречие и серьезная убежденность Франциска увлекли папу; устав был одобрен, и братьям было разрешено идти проповедовать слово Божье³.

---

¹ Ibid. VI, 8.

² Ibid. XVI, 24.

³ S. Bonaventurae, c. II, III. Этот рассказ, несомненно, прикрашен внесением в него фактов из позднейшей истории развития общины. В первое время совершенно не было речи о том, что братия должна бросить свои обычные занятия; наоборот, им рекомендовалось заниматься ремеслами и зарабатывать себе пропитание личным трудом; к прошению же милостыни им разрешалось прибегать только в случае крайней нужды. См. первоначальный устав в том виде, как его восстановил проф. Карл Мюллер, «Die Anfänge d. Minoritenordens», Фрейбург-в-Брейсгау, 1885, с. 186.

Братья еще колебались: посвятить ли себя созерцательной жизни отшельников, или всецело отдать великому делу евангельской проповеди, которое открывалось перед ними. Они удалились в Сполето и долго там совещались, не приходя ни к какому заключению, пока видение свыше не положило конца их колебаниям; и францисканский орден, вместо того чтобы заглухнуть в нескольких пустынных местах, сделался одной из наиболее могущественных организаций христианского мира. Однако заброшенная хижина, где они совещались по возвращении в Ассиз, не предвещала их будущего блеска. С какой быстротой рос орден, мы можем заключить из следующего отдельного факта: когда в 1221 году Франциск созвал первое общее собрание ордена, то число присутствующей братии было от трех до пяти тысяч, причем среди них был один кардинал и несколько епископов; а когда на общем собрании 1260 года, под председательством Бонавентуры, произвели новое разделение ордена, то он был разделен на тридцать три провинции и три викариата, всех настоятельств было в нем сто восемьдесят два. Это устройство можно понять на примере Англии, образовавшей особую провинцию, в которой было в 1256 году восемь настоятельств с 49 монастырями и с 1242 монахами. К этому времени орден проник уже до крайних пределов так называемого тогда цивилизованного мира и даже в окрестные страны¹.

Минориты, или меньшие братья, как они сами из скромности называли себя, настолько отличались по

---

¹ Bonavent. «Vita Franç.» c. IV, № 10.— Frat. Jordani «Chron.» («Anal. Franciscani» I, 6. Quaracchi, 1885).— Waddingi «Annal. Minorum», ann. 1260, № 14.— Th. de Eccleston, «de Adventu Minorum», collat. 2.

своим задачам от всех существовавших в церкви монашеских орденов, что первые ученики, посланные св. Франциском в Германию и Венгрию, были встречены там дурно и изгнаны оттуда как еретики. Во Франции их приняли за катаров, так как строгость их жизни напоминала строгость Совершенных. Их спрашивали, не альбигойцы ли они, а они, не зная, что это значит, не могли дать ответа, и на них продолжали смотреть подозрительно, пока духовные власти не запросили о них папу Григория III. В Испании пятьсот миноритов умерли мученической смертью. Иннокентий только словесно одобрил их орден; так как он умер, то надо было сделать какой-либо решительный шаг, чтобы оградить братьев от преследований. Поэтому Франциск составил новый устав, более сжатый и менее строгий, чем первый, и представил его Гонорию. Папа одобрил его, сделав, однако, в нем некоторые изменения, но Франциск отказался менять что-либо в своем уставе, говоря, что все пункты его не выдуманы им, а продиктованы самим Иисусом Христом, и что слова Христа не могут быть изменяемы. Отсюда ученики его заключили, что их устав написан по вдохновению свыше; и это верование стало настолько сильным, что устав удержался без всякого изменения, даже и в букве, хотя, как мы увидим ниже, дух его изменялся не раз благодаря хитросплетениям папских казуистов¹.

Этот устав очень прост, в сущности это не что иное, как краткое толкование клятвы, которую давал

---

¹ Frat. Jordani «Chron.» («Anal. Francisc.» I, 3).— S. Francisci «Colloq.» IX.— Lib. Conformitatum, lib. I, Fruct. 9 (изд. 1513 г., fol. 77a).— Potthast, «Reges.» № 7108. — К. Мюллер пролил много света на весьма темный вопрос о деталях устава (Die Anfänge d. Minoritenordens).

всякий брат в удостоверение того, что он будет жить по Евангелию – в послушании, в целомудрии и в нищете. Всякий, желавший вступить в орден, должен был прежде всего продать свое имущество и разделить его между бедными; если это было невозможно, то достаточно было одного желания сделать это. Всякий мог иметь две рясы, но обязательно из грубой материи, и их нужно было чинить и штопать до последней возможности; обувь могли носить только те, кто совершенно не мог без нее обойтись. Все должны были странствовать пешком, за исключением случаев болезни или крайней необходимости. Никто не должен был брать денег, ни сам лично, ни через третье лицо; только министры (имя, которое давалось главным провинциалам) могли брать деньги, имея в виду уход за больными и покупку одежд, в особенности в странах с суровым климатом. Работа строго предписывалась всем способным к физическому труду; но вознаграждение за нее не должно было брать деньгами, а лишь предметами, необходимыми трудящимся и их братьям. Оговорка, требующая полной нищеты, произвела, как мы увидим ниже, раскол в ордене, и потому ее стоит привести дословно: «Да не имеют братья ничего собственного, ни домов, ни земель, ни иного чего, и да живут в миру, как странники и паломники, питаясь милостыней во имя Бога. Несть стыда в этом, ибо Сам Господь наш Иисус Христос явился в мир нищим. Очищенные нищетой, вы, братья, унаследуете Царствие Небесное и будете там царствовать. Обладая этим, вы ничего не должны желать иного под небом». Глава ордена, или генерал-министр, выбирался провинциальными министрами, которые могли и сместить его во всех случаях, когда этого требовали общие интересы ордена. Разрешения на проповедь давались генералом, но никто из

братьев не имел права проповедовать в епархии без разрешения на то местного епископа¹.

Вот и весь устав; конечно, в нем нет ничего такого, что могло бы предвещать, какие огромные результаты даст его исполнение. Но прочное господство над страстями мира дал францисканцам тот дух, который вдохнул в них их основатель. Никто со времени Иисуса Христа не воплотил так полно в себе идеала христианства, как св. Франциск. Среди крайних проявлений его аскетизма, граничивших порой с безумием, ярким блеском сияли любовь и христианское смирение, с которыми он посвящал себя на служение несчастным и отвергнутым, которыми в эту грубую эпоху мало кто интересовался. Церковь, поглощенная своими мирскими интересами, забыла думать о тех своих обязанностях, на которых зиждилось ее господство над душами, и нужно было крайнее самопожертвование, которое проявил Франциск, чтобы призвать человечество к пониманию своего долга. Так, например, из всех несчастий той эпохи, вообще богатой ими, величайшим несчастьем было быть прокаженным, быть пораженным Богом болезнью омерзительной, неизлечимой и заразной; быть тем, кому было запрещено всякое сношение с людьми и кто, выпущенный из больницы за сбором милостыни, должен был давать знать о своем приближении ударами двух палок или трещоткой, чтобы жители, предупрежденные этим шумом, могли избежать соприкосновения с зараженным; на этих-то людей, внушавших всем отвращение и ужас, пролились преимущественно безграничная любовь и беспредельное милосердие св. Франциска. Он желал, чтобы братья его ордена следовали его примеру, и когда какой-нибудь знатный или простолюдин просил принять

---

¹ B. Francisci, «Regul.» II.

его в орден, ему говорили, что от него прежде всего потребуют смиренного служения прокаженным в устроенных для них больницах. Сам св. Франциск не задумывался спать в больницах, не обращая внимания на опасные язвы прокаженных и не боясь подавать им лекарства и облегчать им как телесные, так и душевные страдания. В пользу прокаженных он сделал даже исключение из правила, запрещавшего братьям брать милостыню деньгами. Однако в своем смиренномудрии он запретил своим ученикам выводить в народ «братьев христиан», как он называл прокаженных. Однажды брат Иаков привел к церковь одного прокаженного, страшно изуродованного болезнью; Франциск высказал ему за это свое порицание; потом, упрекая себя в том, что больной мог принять это замечание за выражение презрения к нему, он попросил брата Петра Катанского, в то время генерал-министра ордена, наложить на него покаяние, какое он выберет сам. Петр, высоко почитавший его, не мог ему отказать; и тогда Франциск объявил, что он будет есть с одного блюда с прокаженным. На другой день за обедом прокаженный сел за стол, и братья содрогнулись, увидя, что Франциск стал есть с одного блюда с больным, причем последний брал пищу, которую с ним разделял святой, пальцами, сочившимися гноем и кровью¹.

Конечно, подобным историям нельзя верить безусловно, но в сущности это не имеет большого значения; если даже это только простые легенды, то уже одно возникновение их показывает, какое сильное впечатление производил Франциск на своих учеников, и трудно было преувеличить силу подобного идеала в ту грубую и жестокую эпоху. Достоверно только то, что францисканцы всегда были в первом ряду,

---

¹ Lib. Conformitatum lib. II, Fruct. 5, fol. 155b.

когда приходилось ходить за больными, что они работали в больницах в чумные эпидемии и что средневековая медицина своими скромными, впрочем, успехами в лечении больных много обязана их просвещенному рвению. Говорят, что любовь Франциска распространялась в равной мере на животных, на насекомых и птиц, которых он обыкновенно называл братьями и сестрами¹. Все дошедшие до нас рассказы о нем и о его непосредственных учениках отличаются нежностью и самоотречением; в них повсюду подтверждается совершенство смирения и терпения, господство над страстями и неутомимое стремление подавить все, что делает человека несовершенным, и воспроизвести идеал, завещанный нам Христом. При такой точке зрения было недалеко до мнимых богохульств книги «О сходстве жизни бл. Франциска с жизнью Господа нашего Иисуса Христа», которые отличаются своими почти забавными крайностями. Конечно, мы можем смеяться над нелепостью некоторых параллелей, встречающихся в этой книге, и они могут показаться нам только оскорбительными, когда они, лишенные всего, что их ослабляло, даются в «Алькоране францисканцев». Мы можем сомневаться в подлинности следов у святого язв Христовых, которым маловерное поколение поверило лишь после многих чудес и многих папских булл. Мы можем думать, что Сатана являлся менее злым, чем обыкновенно, безнадежно стараясь соблазнить или напугать святого и постоянно показываясь ему в виде льва или дракона. Но все же, несмотря на кричащие нелепости в культе св. Франциска, мы видим, какое глубокое впечатление производили его добродетели на его учеников, создавших даже рассказ о видении, в

---

¹ Sorores meae hirundines...

котором небесный трон Люцифера, стоящий рядом с престолом Всевышнего, явился пустым... и сохраненным для Франциска¹.

Гордости и жестокости своего времени он противопоставлял смирение и терпение. «Высшая радость, — говорил он, — состоит не в том, чтобы творить чудеса, излечивать недужных, изгонять бесов, воскрешать мертвых; она также не в науке, не в знании всех вещей и не в увлекательном красноречии, она — в терпении, с которым переносятся несчастья, обиды, несправедливости и унижения». Не придавая никакого значения своим добродетелям, он смиренно признается, что он не жил согласно со своим уставом, и в оправдание приводит свою слабость и свое невежество. Последователи Франциска довели до полного абсурда эту страсть к самоунижению. Так, например, Джакомо Бенедеттоне, более известный под именем Джакопоне да Тоди, автор гимна, *Stabat Mater*, был выдающийся юрист; убитый смертью своей горячо любимой жены, он вступил в орден и в течение десяти лет притворялся идиотом, чтобы набожно радо-

---

¹ Bonaventurae «Vita S. Franç.» c. 8.— Lib. Conformitatum lib. I, Fruct. 1, fol. 13-a; lib. III, Fruct. 3, fol. 210-a.— Thomae de Eccleston, «de Adventu Minorum», Coll. XII.— Alex. PP. IV. Bull. «Quia longum», ann. 1259.— Wadding. ann. 1256, № 19.— Mag. Bull. Roman. I, 79. 108.— Potthast, «Reg.» 10308.— См. также красноречивый отзыв о францисканцах М. J. S. Brewer'a в его предисловии к «Monumenta Franciscana».

В 1496 году Парижский университет осудил как ересь попытки францисканцев отождествить св. Франциска с Иисусом Христом (D'Argentré, «Coll. Judic. de nov. Error.» I, II, 318).

Когда доминиканцы заявили, что св. Екатерина Сиенская имела следы язв Христовых, то папа Сикст IV издал в 1475 году запрещение изображать св. Екатерину со следами язв, оставив право на них за одним св. Франциском (Martène, «Ampliss. Coll.» VI, 1386).

ваться побоям и всевозможным оскорблениям, которые сыпались на подобных людей¹.

Повиновение предписывалось и налагалось до полного отречения от своей воли. Масса легенд свидетельствует, до какой степени первые ученики подчинялись один другому и своим старшим. Когда в 1224 году францисканцы были впервые посылаемы в Англию, то Григорий, провинциальный министр Франции, спросил брата Вильгельма д'Эссеби, желает ли он идти туда. Вильгельм ответил, что он не знает, желает ли он этого или нет, так как у него не своя воля, а воля министра, и поэтому он желает всего того, что желает министр, чтобы желал он. Нечто аналогичное рассказывают под 1222 годом о двух францисканцах из Зальцбурга. Это слепое повиновение создало в ордене дисциплину, которая страшно увеличила его значение для церкви, когда он сделался орудием в руках пап. Особенно убеждал Франциск своих братьев всецело посвятить себя на служение Риму, и францисканцы образовали армию, которая сыграла в XIII веке ту же роль, что иезуиты в XVI².

У св. Франциска не было и в помыслах, чтобы братья жили в праздности и занимались прошением милостыни, и мы уже видели, что устав в ясных выражениях предписывает им работу. Это предписание нашло себе самых строгих исполнителей. Так, например, третий ученик св. Франциска, блаженный Эгидий, снискивал себе пропитание самыми тяжелыми

---

¹ S. Francisc. «de Perfecta Laetitia»; ejusd. «Epist.» XI, XV.—Waddingi «Annal.» ann. 1298, № 24–40.—Cantu, «Eretici d'Italia» I, 128.

² Lib. Conform. lib. I, Fruct. 8, fol. 47.—Thom. de Eccleston, «Collat.» 1.—Frat. Jordani «Chron.», c. 27 («Anal. Francisc.» I, 10).—S. Franç. «Collat. Monasticae», coll. 20.

работами, какова, например, переноска дров; и он строго всегда соблюдал правило – брать за труд не деньгами, а предметами первой необходимости. Когда он зарабатывал больше, чем было нужно ему на кусок насущного хлеба, то он излишки раздавал нищим, предоставляя Богу заботу о завтрашнем дне. Было необходимо, чтобы в эту эпоху, когда классовые различия были так сильны, нашелся кто-нибудь, кто на собственном примере возвел бы достоинство ручного труда в христианскую догму. Св. Бонавентура уже в течение семнадцати лет стоял во главе самой могущественной в то время организации христианского мира, когда в 1273 году его избрали кардиналом, а между тем посол, привезший ему известие об его избрании, застал его за мытьем посуды после скромного монастырского обеда; и святой отказался принять посла, пока не кончит своего дела, а кардинальская шапка, которую привезли ему, висела пока на дереве¹.

Таким образом, целью св. Франциска и его последователей было подражание простому образу жизни Иисуса Христа и апостолов; особенно горячо стремились они к достижению идеала бедности. «Так как Иисус и его ученики, – говорили они, – не имели ничего собственного, то и истинный христианин, следуя их примеру, должен отказаться от всякой собственности». Конечно, он мог иметь пищу, одежду, кров и книги религиозного содержания, но всякая другая собственность строго запрещалась, и забота о завтрашнем дне должна была казаться грехом христианину, полагающемуся на Бога.

Как протест против алчности церкви эти доктрины имели известное значение, но они были доведены до

---

¹ Waddingi «Annal.» ann. 1262, № 3, 4, 8; ann. 1273, № 12.

крайности, до признания бедности благом в самой себе, даже более, величайшим благом из всех благ. «Братья, – говорил Франциск, – знайте, что бедность – главный путь к вечному спасению, она – мать смиренномудрия, корень совершенства. Кто желает достигнуть совершенной нищеты, тот должен отречься не только от мудрости мира, но и от занятия науками, дабы, отказавшись от всего, что имеет, он мог нагим предать себя в руки Распятого. Поэтому поступайте как нищие и строите себе маленькие хижины, чтобы жить в них не как у себя дома, а как в доме чужого, подобно странникам и пилигримам». Его молитва Спасителю, чтобы Он даровал ему благодать бедности, весьма интересна в своей величавой нелепости. Он называет бедность госпожой, царицей добродетелей, для которой сошел Иисус на землю, чтобы вступить с ней в брак и породить от нее всех сынов совершенства. Он всю Свою жизнь оставался неизменно верен ей и на ее руках испустил дух Свой на кресте. Она одна только обладает печатью, чтобы отмечать избранных, пошедших путем совершенства. «Даруй мне, Иисусе, никогда не иметь на земле ничего собственного и поддерживать свою плоть в крайней нищете на счет подаяний других». Этому болезненно неумеренному стремлению к нищете Франциск оставался верен всю жизнь; на одре смерти он разделся донага, чтобы умереть, не имея ничего. Бедность была тем краеугольным камнем, на котором он воздвиг здание своего ордена. Но как мы увидим ниже, стремление сохранить это сверхчеловеческое совершенство породило раскол, давший инквизиции массу жертв, ересь которых заключалась только в том, что они строго следовали наставлениям своего учителя¹.

---

¹ S. Francisc. «Collat. Monast.» coll. 5. – Ejusd. «pro Paupertate obtinenda Oratio». – Lib. Conform. lib. III. Fruct. 4, fol. 215-a.

При всем этом в душе Франциска было так много доброты, что он не мог впасть в уныние; «тихую радость» он считал добродетелью и неустанно проповедовал ее своим ученикам. В глазах его грусть была одним из самых смертоносных орудий Сатаны, тогда как радость была благодарностью христианина Богу за благодеяния, которые Он проливает на свои создания. Это было даже одной из отличительных черт братьев в первые времена ордена. В простом и спокойном рассказе Экклестона об их прибытии в Англию (1224 г.) мы читаем, как девять братьев прибыли в Дувр, не зная, что они будут делать завтра, и нас глубоко трогает картина их рвения, их упования на Бога, их терпения, их невозмутимого благодушия среди лишений и разочарований, их неустанной деятельности на удовлетворение телесных и душевных потребностей заброшенных чад церкви. Подобные люди были истинными апостолами, и если бы орден продолжал идти по пути, намеченному его основателем, то он оказал бы неисчислимые услуги человечеству¹.

Нищенствующие монахи вносят большое нововведение в старое представление о монашестве. Прежнее монашество было чисто эгоистическим стремлением отдельного индивида к личному спасению; человек отказывался от всех обязанностей и от всякой ответственности, налагаемых жизнью. Правда, в свое время монахи оказали миру большие услуги; выходя из своих уединенных пустынь, они разносили по диким еще странам христианство и цивилизацию. Таковы были св. Галль, св. Колумб, св. Виллиброд и их спутники. Но это время давно

---

¹ S. Francisc. «Colloq.» 27.— Th. de Eccleston, «de Adventu Minorum», collat. 1, 2.

прошло, и монашество с течением времени впало в состояние гораздо худшее, чем его первоначальный эгоизм.

Нищенствующие монахи явились в христианстве как бы откровением. Было немало людей, готовых отречься от всех прелестей жизни и пойти по стопам апостолов, чтобы обращать грешников и неверных, будить заснувшую совесть, наставлять темных и нести всем спасение; одним словом, было немало людей, готовых безвозмездно делать то, чего не делала церковь за тысячи привилегий и за несметные богатства. Странствующие пешком по всей Европе под палящими лучами солнца или под холодным ветром, отвергающие подавание деньгами, с благодарностью принимающие черствый кусок хлеба, часто переносящие голод с молчаливым смирением перед волей Бога, не заботящиеся о завтрашнем дне, неустанно занятые делом спасения душ от когтей Сатаны, стремящиеся поднять человека над мелочными дразгами повседневной жизни, всегда приходящие на помощь людям в их слабостях и вносящие в их мрачную душу небесный свет,— вот в каком виде предстали первые доминиканцы и францисканцы перед людьми, привыкшими видеть в духовном лице человека суетного, алчного, чувственного, думающего только об удовлетворении своих желаний. И нет ничего удивительного, что подобное явление в значительной степени содействовало возрождению в людях веры в христианство, столь сильно пошатнувшейся; нет ничего удивительного, что оно распространило по всему христианскому миру надежду на близкое возрождение церкви — надежду, которая давала терпение переносить ее лихоимство и помешала вспыхнуть всеобщему восстанию, которое изменило бы характер современной цивилизации.

Нет ничего удивительного также и в том, что народ окружал нищенствующих монахов любовью и поклонением, что народная благотворительность так щедро одаряла их, что можно было опасаться за сохранение их основного обета бедности, и что люди, проникнутые искренним убеждением, стремились в их ряды. Самые высокие и благородные умы могли видеть в образе нищенствующего монаха осуществление их лучших стремлений. Всякий раз, когда в XIII веке человек поднимался над своей средой, его почти наверняка можно найти в одном из нищенствующих орденов. Раймунд де Пеннафорте, Александр Гальский, Альберт Великий, св. Фома Аквинат, св. Бонавентура, Роджер Бэкон, Дунс Скот – вот имена, которые достаточно ясно показывают, что наиболее богато одаренные люди стремились найти свой идеал в орденах Доминика или Франциска. Бесполезно говорить, что они не находили его там, но одно их присутствие в этих орденах показывает, какое впечатление производили нищенствующие монахи на лучшие умы своего времени, и объясняет, почему эти ордены так быстро приобрели такое огромное влияние. Даже сам Данте не может отказать им в своем удивлении:

L'un fu tutto serafico in ardore,
L'altro per sapienza in terra fue
Di cherubica luce uno splendore¹.

Организаторские таланты Франциска и Доминика сказались еще в создании терциариев. Благодаря этому установлению люди могли, не отрекаясь от мира, вступать в различные братства, помогать им в их тру-

---

¹ Dante, «Paradiso», XI.

дах, разделять с ними славу и увеличивать их влияние. Мы находим следы ордена *Crucigeri*, или Крестоносцев, составленного из мирян, объединенных на защиту церкви, и возводившего себя ко временам св. Елены, матери царя Константина; этот орден был восстановлен в 1215 году на Латеранском соборе; но нигде мы не видим, чтобы он принес какие-либо услуги церкви. Хотя Франциск был плохой диалектик и неважный ритор, однако он обладал красноречием, проникавшим в сердца слушателей; однажды проповедь его произвела такое глубокое впечатление, что все население города, где он был, – мужчины, женщины и дети – умоляли принять их в орден. Так как это было совершенно невозможно, то он выработал устав, который позволял лицам обоего пола, не выходя из мира, последовать спасительному учению и присоединиться к ордену, который, в свою очередь, обещал им свое покровительство. Из ограничительных обязательств, налагаемых этим уставом на его последователей, самым значительным было запрещение прибегать к оружию, за исключением тех случаев, когда приходилось поднимать его на защиту римской церкви, христианской веры и своих собственных земель. Проект был одобрен папой в 1221 году; официальным названием нового установления было «Братья и Сестры Покаяния», но в народе оно стало известно под именем Третьего Ордена Миноритов или францисканцев. Подобную же общину создал Доминик, дав ей более вызывающее название – «Милиция Иисуса Христа». Эта идея была замечательно плодотворна: она в известной мере позволила реорганизовать церковь, уничтожив часть преград, отделявших мирян от духовных; она дала огромную силу нищенствующим орденам, привлекая в их ряды множество ревностных и серьезных людей наряду с теми, кото-

рые под влиянием менее возвышенных побуждений искали их протекции и желали пользоваться плодами их влияния. Терциариев того и другого вида мы находим во французском королевском доме, где и Людовик Святой, и Екатерина Медичи принадлежали к Третьему Ордену св. Франциска¹.

Чтобы понять значение и объем этих движений, мы должны помнить, насколько впечатлительны были люди того времени и как легко поддавались они увлечениям минуты. Читая рассказ о том, что Бертольд Ратисбонский часто проповедовал перед толпой в шестьдесят тысяч человек, мы понимаем, какую страшную силу держали в своих руках те, кто мог говорить перед такими массами, господствуя над их настроением, причем массы эти слепо и горячо стремились выйти из того несчастного положения, которое стало их уделом. Безотчетные вспышки энтузиазма, время от времени загоравшиеся в течение XIII века и перемещавшие центр Европы, свидетельствуют о духовном пробуждении общества от глубокого и продолжительного сна. Умы, дотоле безмолвные и никем не руководимые, стали задаваться вопросом: неужели жизнь, полная тяжелых страданий, жизнь без всякого луча надежды на лучшее была всем, чего можно было ждать от Евангелия? Церковь не сделала серьезной попытки к проведению в себе внутренней реформы и к подъему уважения к себе среди масс. Крайнее стремление к чему-то новому, к чему-то никому не известному зарождалось в сердцах и, как ка-

---

¹ Philip. Bergomat. «Supplem. Chronic.» lib. XIII, ann. 1215.— Bonavent. «Vita S. Francisci», c. IV, № 5; c. XI.— Regula Fratrum Sororumque de Poenitentia.— Potthast, «Reg.» № 6736, 7503, 13073.— Chron. Magist. Ordin. Praedicat., c. 2, 9.— Raynald. «Annal.» ann. 1233, № 40.— Nicolai PP. IV Bull. «Supra Montem», ann. 1289.

кая-то эпидемическая болезнь, распространялось по деревням и весям и из страны в страну. Мы видим в Германии и Франции новый крестовый поход детей, которых Григорий IX приветствовал, говоря, что они дают достойный подражания пример взрослым, столь мало думающим о защите от неверных колыбели человечества и веры¹.

Самым грозным и знаменательным проявлением этого всеобщего внутреннего беспокойства, этого раздражительного энтузиазма было восстание крестьян, восстание первых бродячих банд, известных под именем *Pastoureaux*. По всей вероятности, ни в одну эпоху всемирной истории положение низших классов общества не было печальнее и беспросветнее, чем в эпоху, изучаемую нами; ужасный афоризм феодального права, предоставлявшего виллану жаловаться на притеснявшего его сеньора только одному Богу, — *mes par notre usage n'a-il entre toi et ton vilein juge fors Dieu* — в короткой фразе резюмирует все унижение и всю беспомощность большей части населения. Никогда, должно быть, человеческое достоинство не унижалось в такой отвратительной форме, как в знаменитом *jus primaе noctis*. С горькой иронией трувер Рутбеф говорит, что Сатана считает душу простолудина чересчур низкой даже для ада; но, с другой стороны, нет для нее места и на небе, и она, таким образом, не находит себе пристанища даже на том свете после земной жизни, полной лишений. Во многих отношениях интересна и поучительна церковь, которая проповедовала всеобщее братство и в то же время должна была являться посредницей между сеньором и его подданным и заслуживать за это признательность несчастного раба; на деле было всегда наоборот, он все-

---

¹ Chron. Augustens. ann. 1250. — Matt. Paris, ann. 1252.

гда относился к ней с ненавистью, и когда обездоленные и несчастные поднимали свои восстания, они, разорвав свои оковы, в первую голову обрушивались на церковь¹.

Неожиданно на Пасхе 1251 года появился таинственный проповедник, известный под именем Венгра, человек уже немолодой, одно появление которого вызывало в народе страх и поклонение. Он никогда не разжимал одной руки, и в ней, как он говорил, он носил рукописание, данное ему самолично Божьей Матерью и содержавшее в себе Ее наставления. Некоторые говорили, что в молодости он перешел в магометанство и долгое время жадно пил из зараженного источника магии в Толедо, пока не получил от самого Сатаны поручения увлечь на Восток безоружное население Европы, чтобы сделать, таким образом, христианский мир легкой добычей Вавилонского повелителя. Вспоминали крестовый поход детей и утверждали, что этот же человек, силой своих колдований, обезлюдил тогда так много домов, толкая детей массами на верную смерть от голода и холода. Огромного роста, бледный, одаренный красноречием, увлекавшим толпу, говорящий свободно на французском, немецком и латинском языках, новый апостол пустился в путь, проповедуя по городам и селам против богатых и сильных, которые спокойно смотрели, что Святая Земля остается в руках неверных и что добрый король Людовик IX томится в неволе в Египте. Себялюбие и честолюбие дворян вывели Бога из терпения; чтобы спасти святые места и

---

¹ Pierre de Fontaines, «Conseil», ch. XXI, art. 8.— Le Grand d'Aussy, «Fabliaux», II, 112–3.— Существование «jus primae noctis» оспаривали, но без достаточного основания. См.: Н. Ch. Lea, «Célibat sacerdotal», 2-е изд., с. 354.

благочестивого короля, Бог обратился к бедным и униженным, к безоружным и не имеющим предводителей. Слова эти слушались с удовольствием, в особенности когда в них затрагивалось духовенство. Нищенствующие ордены состоят из бродяг и лицемеров; цистерцианцы заботятся только о деньгах и землях; бенедиктинцы – гордецы и обжоры; каноники думают только о мирских благах и об удовлетворении плотских вожделений; епископы и их подчиненные заняты только тем, как бы выжать побольше денег, и для этого они не останавливаются ни перед каким обманом. Когда же речь заходила о Риме и папском дворе, то оратор не находил достаточно сильных слов для их обличения. Народ, ненависть и презрение которого к духовенству были безграничны, с удовольствием слушал эти речи и горячо присоединялся к движению, которое обещало ему, так или иначе, перемену всего строя. Пастухи бросали свои стада, земледельцы – свои плуги, не слушая приказаний своих сеньоров, и, безоружные, спешили по стопам Венгра, не думая о завтрашнем дне и не спрашивая о том, кто накормит их.

Не было также недостатка в людях, которые, занимая высокое положение и увлекшись общим возбуждением, воображали, что Бог проявит чудеса на пользу бедных и угнетенных, так как сильные мира не сумели оказать им помощи. Даже сама королева Бланш, мечтая спасти сына из плена, относилась одно время благосклонно к этому движению. Оно росло и достигло таких размеров, что в нем насчитывалось более ста тысяч человек, выступавших под сенью пятидесяти хоругвей, являвшихся эмблемой их будущих побед. Естественно, подобное восстание привлекало не одних только мирных и скромных людей. Едва это движение приняло размеры, обеспечи-

вающие неприкосновенность его участникам, как к нему примкнули все элементы беспорядка, которых было немало в ту эпоху, таковы *ruptarii* и *ribaldi*, сыгравшие столь видную роль в альбигойских войнах. Они сбежались отовсюду, неся с собой ножи и кинжалы, сабли и топоры и придавая этому огромному полчищу еще более страшный вид. Не трудно понять, что насилия проявились тотчас же, так как виновность высших классов перед остальными была в то время настолько вопиющая, что неизбежно вызывала во время смут кровавые расправы.

11 июня 1251 года эта толпа вступила в Орлеан, вопреки воле епископа, но к удовольствию народа, хотя богатые горожане и заперлись благоразумно в своих жилищах. Все обошлось бы мирно, если бы один горячий студент университета не прервал проповеди Венгра и не уличил бы его в обмане; студент был тут же убит одним из присутствовавших; немедленно вспыхнули беспорядки; *pastoureaux* в неистовстве кинулись на орлеанское духовенство, разбивали дома духовных лиц, сжигали их книги, одних убили, а других бросили в Луару. Знаменательное явление: народ, как сообщают нам, смотрел на это как безучастный зритель. Епископ и все, кто успел скрыться от гнева толпы, бежали ночью и тотчас же предали город отлучению, чтобы наказать население за соучастие. Узнав об этом, королева Бланш воскликнула: «Бог свидетель, что я думала, что эти люди в своей простоте и святости возьмут Святую Землю! Но это какие-то обманщики, и да будут они отлучены и уничтожены!» Они были в самом деле отлучены, но раньше, чем их постигла анафема, они успели дойти до Буржа, где в одной ссоре был убит Венгр; тотчас же *pastoureaux* рассеялись и наводнили всю страну своими шайками. Пробудившиеся от своего столбняка, власти начали

преследовать и без всякой жалости избивать их как бешеных собак. Немногочисленные беглецы, достигшие Англии, подняли там до пятисот крестьян, но судьба их была такова же; говорили, что главный помощник Венгра был захвачен на судне на Гаронне в тот самый момент, когда он пытался скрыться, и что при нем, кроме «волшебного порошка», были найдены бумаги, писанные арабскими и халдейскими письменами, в которых Вавилонский владыка обещал ему поддержку.

Квази-религиозный характер этого восстания ясно виден из поведения его вождей, которые разыгрывали роль епископов, благословляли народ, кропили его святой водой и даже совершали браки. Благосклонным приемом, который *pastoureaux* встречали повсюду, они были прежде всего обязаны своим враждебным отношениям к духовенству; новое доказательство глубокой ненависти народа к церкви и подтверждение мнения высшего духовенства, что с эпохи Магомета ни одна более серьезная опасность ни разу еще не угрожала христианству¹.

Еще более ярко выразилось духовное настроение народа в первом появлении флагеллантов. В 1259 году все население Перузы совершенно неожиданно и неизвестно почему было охвачено какой-то острой манией покаяния. Зараза пошла дальше, и скоро вся Северная Италия оказалась полна десятков тысяч кающихся. Дворяне и крестьяне, молодые и старые, даже пятилетние

---

¹ Matt. Paris ann. 1251 (с. 550–2).— Guill. Nangiac. ann. 1251.— Amalrici Augerii «Vit. Pontif.» ann. 1251.— Bern. Guid. «Flor. Chronic.» (D. Bouquet, XXI, 697).— Подобное и не менее крупное движение произошло в 1309 году (Chron. Corn. Zanflet, ann. 1309); другое, более значительное,— в 1320 году (Guill. Nangiac. Contin. ann. 1320.— Grandes Chron. V, 245–6.— Amal. Auger. «Vit. Poutif». ann. 1320).

дети попарно расхаживали повсюду в торжественных процессиях, обнаженные до пояса, с плачем моля Бога о милосердии и бичуя себя до крови ремennыми плетями. Женщины из скромности подвергали себя бичеванию дома; но мужчины, не обращая внимания на суровую зиму, день и ночь ходили по городам; предшествуемые священниками с крестами и хоругвями, направлялись они в церкви и падали ниц перед алтарями. По словам современника, долины и горы оглашались воплями грешников, взывающих к Богу, музыка и светские песни умолкли повсюду. Народом овладела какая-то лихорадка раскаяния. Ростовщики и воры возвращали незаконно ими нажитое; преступники исповедовали свои преступления и отказывались от порочного образа жизни; двери темниц открывались, и узники свободно выходили из них; убийцы сами на коленях предавали себя в руки родственников убитых ими, и эти родственники со слезами целовали их; старые счета были забыты, и изгнанники вернулись домой. Повсюду царило божественное всепрощение, и люди, казалось, горели небесным огнем. Движение охватило даже рейнские провинции и через Германию проникло в Богемию; но все туманные, порожденные им надежды рассеялись, ибо движение это окончилось так же быстро, как быстро началось, и, кроме того, оно было признано еретическим. Гумберт Паллавичино прибег к решительным мерам, чтобы не допустить флагеллантов в Милан; как только он узнал об их приближении, он приказал поставить вдоль дороги триста виселиц, и несчастные при виде их свернули с дороги¹.

---

¹ Monach. Paduan. lib. III, ann. 1260.— Chron. F. Francisci Pipini ann. 1260.— Gesta treviror. archiep. c. 268.— Closener's Chronik («Chron. d. deutschen Städte», VIII, 73, 104).— Lami, «Antichita Toscane», 617.— Verri, «Storia de Milano» I, 264.

И вот, среди населения, переживавшего подобные духовные эмоции и стремившегося улучшить как-нибудь свою судьбу, выступили нищенствующие монахи, чтобы забрать в свои руки страшное религиозное возбуждение эпохи, — и беспримерно быстрое распространение их было неизбежно.

Все благоприятствовало им. Папский двор скоро увидел в них более действенное, чем все прежние, средство — подчинить во всех христианских землях церковь и народ непосредственно Святому Престолу, уничтожить независимость местных прелатов, сломить светских врагов папства и завязать тесную связь между народом и наместником св. Петра. Им были предоставлены всевозможные привилегии и льготы, и, наконец, Григорий IX и Иннокентий IV целым рядом булл от 1240 и 1244 годов сделали их совершенно независимыми от местных церковных властей. Древний канон гласил, что отлучение от церкви или анафема могли быть сняты только тем, кто наложил их; этот канон был изменен в пользу нищенствующих монахов. Не только епископы должны были давать разрешение всякому просящему доминиканцу или францисканцу, за исключением настолько важных случаев, когда только один Святой Престол мог дать разрешение, но и всем иорам и начальникам орденов было предоставлено право слагать со своих братьев любое духовное наказание, которому они могли быть подвергнуты. Эти чрезвычайные меры были направлены к тому, чтобы совершенно изъять их из подсудности духовному суду; члены каждого ордена были ответственны только перед своими высшими, и в своих бесконечных странствиях по всей Европе они могли отныне подрывать могущество и влияние местных духовных властей, противопоставляя им всемогущество Рима, непосредственными представителями которого они являлись.

Но, конечно, эта независимость была достигнута постепенно. Папские грамоты 1229 и 1234 годов, предписывая им относиться с почтением и с послушанием к своим епископам и разрешая епископам судить тех братьев, которые будут злоупотреблять своим исключительным правом проповеди в целях наживы, показывают, что уже рано стали раздаваться жалобы на их захваты и что Рим был далек еще от мысли сделать их независимыми от церковных властей. Но раз стали на противоположную точку зрения, то ее скоро довели до крайности, и ряд узаконений, относящихся к орденам, был закончен Бонифацием VIII в 1295 и 1296 годах целой серией булл, которые окончательно освобождали нищенствующих монахов от подсудности суду епископа, одни только статуты ордена должны быть применяемы к ним, несмотря ни на какие положения канонического права. В это же время повторением буллы *Virtute conspicuos*, более известной под именем *Mare Magnum*, папа кодифицировал и подтвердил привилегии, дарованные его предшественниками нищенствующим орденам¹.

Изъятие нищенствующих монахов от подсудности местным судам, кроме суда их собственного ордена, порождало бесконечные беспорядки во всем христианском мире. Так, например, когда в 1435 году легаты Базельского собора отправлялись в Брюнн, чтобы уладить соглашение с гуситами, то их пригласили в Вену, чтобы они наложили молчание на одного францисканца, наглые речи которого вызывали со-

---

¹ Potthast. «Reg.» № 8324, 8326, 9775, 10905, 11169, 11296, 11319, 11399, 11415.— Ripoll. I, 99.— Matt. Paris. ann. 1234 (с. 274–6).— Waddingi «Annal.» 1295, № 18.— Mag. Bull. Roman. I, 174.— Ripoll. II, 40.

блази; но им понадобилось много труда, чтобы доказать ему, что они, представители собора, имели право приказывать ему.

Прибыв в Брюнн, они застали все население в страшном возбуждении: доминиканский провинциал соблазнил монахиню своего ордена, и она только что родила; против же провинциала не было принято никаких мер. Предосторожности, принятые легатами перед началом разбора этого дела, показывают, насколько они сами считали свою задачу трудной и опасной. Однако они приговорили виновного к лишению сана и к заключению на всю жизнь в тюрьму на хлеб и на воду; но нигде не видно, чтобы приговор этот был приведен в исполнение, и, по-видимому, он, подобно многим другим, остался только на бумаге¹.

Как бы то ни было, но отныне Святой Престол имел в своем распоряжении собственную армию, набираемую и содержимую верными, защищенную от нападений даже самого духовенства и всецело преданную интересам Рима. В 1241 году Григорий IX дал братьям право свободно жить среди отлученных и принимать от них содержание и пищу. Таким образом, они могли проникать всюду и служить тайными лазутчиками даже во владениях тех, кто был враждебно настроен против папства. Никогда человеческая изобретательность не создавала более грозной армии, ибо монахи были полны ревности и глубоко убеждены в правоте своего дела, и, кроме того, окружавший их ореол высшей святости повсюду обеспечивал им расположение и поддержку народа

---

¹ Aegidii Carlerii «Lib. de Legation.» (Monum. Concil. general. saec. XV, t. 1, c. 544–8, 553, 555, 557, 563–6, 572, 577, 587, 590, 595).

и давал им большое преимущество в их постоянных стычках с местными церквами¹.

Сила новой армии в борьбе Святого Престола с его светскими врагами подверглась испытанию в продолжительной борьбе пап с Фридрихом II, самым опасным врагом, какого когда-либо встречал еще Рим. В 1229 году все францисканцы были изгнаны из Неаполитанского королевства, так как их считали папскими лазутчиками, возмущавшими подданных императора. В 1234 году мы встречаем их в Англии собирающими деньги для папы на продолжение борьбы; прибегая ко всем средствам, — одних убеждая, других запугивая, — они собрали на острове огромные суммы и многих довели до полной нищеты. Когда Григорий на Пасху 1239 года отлучил императора от церкви, то он сообщил это отлучение при длинном перечне преступлений Фридриха францисканским приорам и поручил им читать его, под звук колокола, во все воскресные и праздничные дни. На это отлучение, которое легко могло возбудить против него общественное мнение, император ответил новым указом об изгнании. Когда Лионский собор в 1244 году низложил его, то объявить это решение по всем городским площадям было поручено доминиканцам, причем всем, кто будет их слу-

---

¹ Potthast «Reg.» № 11040, 11041. — Значение нищенствующих монахов для папского господства прекрасно видно на деле францисканца Иоанна Саррацина, уличенного Парижским университетом в 1429 году в том, что он открыто учил, что вся церковная юрисдикция исходит исключительно от папы. Он был вынужден признать, что эта юрисдикция была дана Богом в различной степени духовной иерархии и что авторитет соборов исходил не от папы, а от Святого Духа и церкви (D'Argentré, «Coll. Judic. de nov. Error.», I, II, 227).

шать, было обещано отпущение грехов на сорок дней, а братьям, которые подверглись бы преследованию, было обещано полное прощение всех грехов. Немного позднее мы видим их в той роли, которую в якобитской Англии и в других местах сыграли иезуиты, а именно – в роли устроителей заговоров и сеятелей смут. Фридрих всегда утверждал, что заговор на его жизнь в 1244 году был делом францисканцев, которые, будучи посланы проповедовать тайно крестовый поход против него в его же собственных землях, подняли дух его врагов, предсказывая его близкую смерть. Когда папе разными интригами удалось в 1246 году избрать вместо Фридриха Римским королем Генриха Распа Тюрингенского, то Иннокентий IV обратился к францисканцам с кратким циркуляром, убеждая их воспользоваться всеми обстоятельствами на защиту интересов нового монарха и обещая отпущение грехов тем, кто придет к нему на помощь. В 1248 году братья обоих орденов были снова посланы, как тайные шпионы папы, сеять смуты среди подданных Фридриха. Император, всегда любивший нищенствующих и покровительствовавший им, горячо жаловался на это и ответил на это вероломство дикой жестокостью. Доминиканец Симон де Монтесаркуло, заключенный в тюрьму, был подвергнут одной за другой восемнадцати пыткам, и Фридрих дал знать своему зятю, графу де Казерте, что всякий брат, который будет идти против его политики, должен быть сжигаем, а не лишь изгоняем, как прежде. Однако нищенствующие монахи продолжали проповедовать крестовый поход против Фридриха, а после его смерти – против его сына Конрада. Говорят, что Эццелино да Романо, императорский наместник в Тревизане, в течение тридцатилетнего

своего правления предал смерти до шестидесяти францисканцев¹.

Мало-помалу нищенствующие монахи начали замещать епископов, когда приходилось сообщать народу папские распоряжения или приводить их в исполнение. В поисках за бежавшими они представляли как бы сеть невидимой полиции, охватившую всю Европу и готовую на все. Раньше, когда поступала в Рим жалоба на злоупотребления или на поведение какого-либо прелата, составляли комиссию из двух-трех епископов или местных аббатов и поручали ей произвести следствие и представить отчет или реформировать ту церковь или тот монастырь, где было обнаружено злоупотребление. Вскоре эти важные обязанности стали поручаться одним только нищенствующим монахам, через которых папская власть давала себя чувствовать во всех епископских дворцах и во всех аббатствах Европы. Неоднократно жаловались они на непосильную работу, которую налагал на них их верховный глава, и не раз давались им обещания облегчить их труд; но они были чересчур полезны, и от услуг их отказываться было невыгодно.

Один случай может показать нам, насколько еще сходно было состояние церкви XIII века с отмеченным нами состоянием ее в XII столетии и как трудна была зачастую задача нищенствующих монахов. В 1259 году два соискателя добивались кафедры Трирского архиепископа; в течение двух лет, к великой выгоде курии, дело их разбиралось в Риме, пока папа

---

¹ Richard. de S. Germano. «Chron.» ann. 1229, 1239.— Pthast, «Reg.» № 10725, 13360.— Ripoll. I, 158, 172.— Hist. Diplom. Frid. II, t. VI, 405, 699–701, 710–711.— Waddingi «Annal.» ann. 1246, № 4; ann. 1253, № 35–6.— Martène, «Ampliss. Coll.» I, 1192.— Barbarino de Mironi, «Hist. Eccles. di Vicenza», II, 73.

Александр VI не устранил их обоих. Декан Меца, Генрих фон Фистиген, под каким-то благовидным предлогом отправился в Рим и, пообещав уплатить огромные долги, сделанные там двумя соперниками, получил от папы назначение на вакантную архиепископскую кафедру. Когда он вернулся, то оказалось, что омофор удержан в обеспечение уплаты принятых им на себя долговых обязательств; не дожидаясь его, он вступил в отправление обязанностей архиепископа, посвятил себе викария в Меце и предпринял ряд военных походов, во время которых он опустошил аббатство св. Матфея, а несчастных монахов сжег живыми. Эти подвиги, в связи с неплатежом долгов, вынудили Урбана IV поручить в 1261 году епископам Вормса и Шпейера и аббату Роденкирка произвести следствие над архиепископом, обвиненным в симонии, клятвопреступлении, убийстве, святотатстве и других преступлениях. Архиепископ осыпал их деньгами, и они успокоились. Тогда в 1262 году папа обратился к двум францисканцам провинции Трира, Вильгельму и Рорику, поручив им начать и окончить следствие под угрозой отлучения от церкви. Эта угроза напугала всех трирских францисканцев. Настоятель францисканцев и приор доминиканцев, более разумные, чем покорные, запретили несчастным уполномоченным приступать к делу, пригрозив им тюрьмой. Они были счастливы, что им подобру-поздорову удалось бежать в Мец. Тогда францисканский провинциал решился послать в Рим делегатов с просьбой, чтобы дело было отложено или поручено другим. Их выслушали в полном собрании курии, в присутствии самого Урбана и генерала ордена Бонавентуры, и папа зло ответил им: «Если бы я послал двум из ваших братьев две епископии, то они жадно схватили бы их. Вы исполните необходимое во сла-

ву Бога и церкви». Бесполезно входить во все подробности этого печального дела, тянувшегося до 1272 года и отмеченного всевозможными обманами, подлогами, насилиями и кражами¹. Достаточно сказать, что Вильгельм и Рорик, вынужденные приняться за это дело, вели его беспристрастно, что римская курия во время процесса выжала из несчастной епархии огромную сумму в тридцать три тысячи марок и что следствие не помешало в 1273 году архиепископу Генриху присутствовать на коронации Рудольфа Габсбургского и иметь при себе блестящую свиту в тысячу восемьсот вооруженных людей.

Нетрудно понять, что эта роль следователей, связанная нищенствующим монахам, вызвала столкновение между новыми орденами и старым строем, который они стремились изменить. Впрочем, это было одним из незначительных поводов к антагонизму, проявившемуся в скором времени. Гораздо более серьезной причиной к несогласиям было предоставление нищенствующим монахам права проповеди и исповеди. Мы уже видели, что епископы тщательно охраняли свое право проповедовать и что до выступления святого Доминика дело проповеди находилось в полном забросе. Немного более была подготовлена церковь к делу исповеди, которое вменил ей в обязанность Латеранский собор, возложивший исповедь на приходское духовенство. Ленивые и чувственные, всецело поглощенные увеличением своих доходов, священники не заботились о душах своих прихожан и в то же время не допускали никакого посторонне-

---

¹ Potthast, «Reg.» № 7380, 8027, 8028, 10343, 10363, 10364, 10365, 10804, 10807, 10906, 10956, 10964, 11008, 11159.— Martène, «Thes.» V, 1812.— Hist. Diplom. Frid. II, T. III, 416.— Gest. Archiep. Trevir., c. 190—271.

го вмешательства, которое могло бы сократить их доходы. В многолюдном Монпелье была всего только одна церковь, где можно было исповедоваться; в 1213 году городские консулы жаловались Иннокентию III и просили его разрешить еще четырем или пяти церквям принимать исповедников. В Иперне, имевшем до двухсот тысяч жителей, еще в 1247 году было только четыре приходские церкви. Если воинствующая церковь желала выполнить свои обязанности, если она желала пользоваться уважением народа, то ей прежде всего нужно было излечиться от подобных зол¹.

В начале своей деятельности св. Доминик пользовался правом, предоставленным папой легатам Лангедока, давать разрешения проповедовать; эти разрешения, само собой разумеется, не зависели от епископов; но в уставе 1228 года было обусловлено, что никто из братии не может проповедовать в епархии без согласия местного епископа и что проповедник ни в коем случае не должен выставлять на вид пороки духовенства. Св. Франциск питал самое глубокое уважение к существующему духовенству; он говорил, что если бы ему встретились одновременно священник и ангел, то он поцеловал бы руку священника, а ангелу сказал бы: «Подожди, ибо руки, которые я лобызаю, держат Бога Слово и в них есть что-то сверхъестественное». В его уставе было также предусмотрено, что никто из братии не должен проповедовать в епархии против воли епископа. Так как епископы не имели никакого желания оказывать радушный прием пришельцам, то папа Гонорий III снизошел до обращения к ним с просьбой о разрешении доминиканцам проповедовать и о принятии в

---

¹ Martène, «Ampliss. Collect.» I, 1146–9. – Innoc. PP. III «Regest.» XV, 240. – Berger, «Registres d'Innocent IV», № 2712.

то же время мер к образованию проповедников из среды бывшего духовенства и к поднятию среди него богословского образования. Присвоение нищенствующими монахами обязанностей приходских проповедников началось с разрешения монахам служить повсюду обедни на переносных алтарях. Это разрешение встретило известное противодействие, но тем не менее было введено, и когда в 1227 году Григорий IX ознаменовал свое вступление на папский престол предоставлением обоим орденам права проповедовать, исповедовать и отпускать грехи повсеместно, то странствующие монахи, вопреки своим уставам, мало-помалу захватили в свои руки все приходы и взяли на себя все заботы о душах людей, к великому неудовольствию местного духовенства, которое всегда горячо отстаивало те свои права, из которых оно извлекало свои главные доходы и на которых зиждилось его влияние. Поднялись жалобы, шумные и упорные. Иногда папы соглашались выслушивать их, но чаще они отвечали ни них решительным подтверждением нововведений¹.

---

¹ Constit. Frat. Praedicat. ann. 1228, Dist. II, cap. 32, 33 («Arch. für. Litt. und Kirchengeschichte», 1886, с. 224).— Innoc. PP. III. «Regest.» IX, 185.— S. Francis. «Orac.» XXII.— Ejusd. «Regul Sec.» с. 9.— Stepan. de Borbone (D'Argentré, «Collect. judic. de nov. Error.», I, I, 90–1).— Bern. Guidon. (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 530).— Potthast. «Regest.» № 6508, 6542, 6654, 6660, 7325, 7467, 7468, 7480, 7890, 10316, 10332, 10386, 10629, 10630, 10657, 10990, 10999, 11006, 11299, 15355, 16926, 16933.— Martène, «Thesaur.» I, 954.— Conc. Narbonn. ann. 1227, с. 19.— Baluze, «Concil. Gall. Narbonn.» app., с. 156–9.

Было мало прелатов, подобных Роберту Гростесту, епископу Линкольнскому, который писал Иордану и Эллису, генералам обоих орденов, прося их прислать ему братьев, так как, писал он, спархия его очень велика и ему нужны помощники в деле проповеди и исповеди.— «Fasc. rer. expetend. et fugiend.». II, 334–5 (изд. 1690 г.).

Еще более увеличивало поводы к столкновениям то обстоятельство, что миряне повсюду оказывали самый лучший прием пришельцам и предпочитали их своим священникам. Горячность их проповеди и слава их святости привлекали народ толпами и к кафедре, и к исповедальне. Благодаря опытности они были несравненно более ловкими руководителями душ, чем их нерадивые соперники из белого духовенства, и народ думал, что наложенная ими епитимья более приятна Богу, а данное ими отпущение грехов более действенно. Духовенство утверждало, что они были обязаны своим успехом даваемым ими индульгенциям; но монахи не без основания возражали на это, что миряне приглашают их как к себе, так и к своим женам, главным образом потому, что приходские священники – пьяницы и развратники.

Прибывая куда-нибудь, брат сейчас же ставил свой переносной алтарь на один день. Его проповедь была увлекательна; кающиеся толпились около исповедальни; тогда он оставался еще на несколько дней, а иногда поселялся навсегда. Если местность была населенная, то к нему присоединялись другие братья. Благочестивые люди щедро одаривали их; они строили скромную часовню, затем монастырь и, наконец, целый ряд зданий, которые затмевали приходскую церковь и привлекали к себе верных. Мало того, умирающие в последние минуты жизни облакались в рясу нищенствующих монахов, завещали свое тело братьям и делали их своими наследниками; отсюда возникали новые ссоры, обострившиеся все более и более и напоминавшие ссоры хищников над падалью. В Пампелуне в 1247 году несколько покойников оставались долгое время непогребенными из-за горячих споров между канониками и францисканцами. Согласились делить бренные останки, и доля приходских священ-

ников колебалась в пределах от половины до четверти; но это соглашение дало только повод к новым прекланиям. Всякий раз, когда дело доходило до явного разрыва, папа, хотя и желал избежать скандала, почти всегда решал дело в пользу монахов, и духовенство со смешанным чувством гнева и страха видело, как оно постепенно делалось жертвой захвата. В 1268 году в Голландии и в Гельдерне вспыхнуло народное восстание; опьяненные первым успехом мятежники выработали программу реформ, где было решено перебить всех дворян, прелатов и монахов, за исключением нищенствующих и нескольких приходских священников, нужных для совершения таинств. Говоря по правде, духовенство сделало некоторые усилия, чтобы подняться до высоты новых пришельцев, но привычка к лени была очень сильна и только немногие исправлялись. Уже в предшествующее столетие белое духовенство горько жаловалось на то влияние, которое оказало на монашество основание и развитие ордена цистерцианцев. Оно даже внесло горячий протест на третий Латеранский собор в 1179 году, говоря, что приходским священникам грозит полная нищета. На этот раз захват был много опаснее и инстинкт самосохранения побуждал духовенство к энергичной защите. Нужно было, чтобы возникла борьба за главенство между местными церквями, с одной стороны, и папством с его новой милицией – с другой; консервативная партия проявила при этом много ловкости в выборе поля военных действий¹.

---

¹ Brev. Hist. Ord. Praedic. (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 357). – Extrav. Commun. lib. III, tit. VI, cap. 8. – Concil. Nimociens. ann. 1298, c. 17. – Constit. Joann. archiep. Nicos. ann. 1321, c. 10. – Conc. Avenion. ann. 1326, c. 27; ann. 1337, c. 32. – C. Vaurens. ann. 1368, c. 63, 64. – Epist. saec. XIII, T. I, № 437 («Monum. Germ. Hist.»). – Berger, «Les Registres

Парижский университет был тогда центром схоластического богословия. Будучи космополитического характера, он мало-помалу стал пользоваться уважением всей Европы благодаря длинному ряду выпущенных им знаменитых магистров, уроженцев всех концов Европы. Его считали оплотом католичества. Во всякой епархии были его старые ученики, которые с сыновней любовью смотрели на свою Alma Mater. Когда в Париж прибыли первые доминиканцы, чтобы основать там свой монастырь, то университет оказал им радушный прием и принял их в свою ученую корпорацию. Но совершенно неожиданно в один прекрасный день возник спор из-за таких пустяков, что ясно видно, насколько уже были натянуты отношения между духовенством и нищенствующими монахами. Университет всегда ревностно охранял свои привилегии, среди которых не последнее место занимало право суда над студентами. Один из студентов был убит, а многие были ранены в драке со стражей. Представленное магистратом объяснение было найдено неудовлетворительным, и было решено закрыть университет; но профессора-доминиканцы, Bonushomo и Elias, продол-

---

d'Innocent IV», № 1875–8, 3252–5, 3413.— Ripoll. I, 25, 132–3, 153–4; II, 61, 173; VII, 18.— Matt. Paris, ann. 1234, с. 276; ann. 1235, с. 286–7; ann. 1252, с. 616.— Potthast, «Reg.» № 8786-a, 8787–9, 10052.— Trithem. «Annal. Hirsaug.» ann. 1268.— Concil. Biterrens. ann. 1233, с. 9.— C. Arelatens. ann. 1234, с. 2.— C. Albiens. ann. 1254, с. 17, 18.— S. Bonavent. «Libell. Apologet.» Quaest. 1.— Abbat. Joachimi «Concordiae», V, 49.— Подробности отвратительных ссор из-за умирающих и умерших захватывающим образом сказались в попытке посредничества, предпринятой Бонифацием VIII в 1303 году, между духовенством Рима и нищенствующими (Ripoll. II, 70).— Постоянные ссоры по поводу этого были одной из главных жалоб францисканцев-спиритуалов (Hist. Tribulationum в «Arch. f. Litt. und. Kirchengesch.», 1886, с. 297).

жали свои лекции; им приказали прекратить чтение, а студентам запретили посещать их аудиторию. Они пожаловались папе, но папа оставил их жалобу без удовлетворения; а когда университет возобновил свои занятия, то им предложили дать присягу, что они будут строго соблюдать университетский устав, за исключением тех случаев, когда он не согласуется с уставом их ордена; они, со своей стороны, поставили условием, чтобы два профессора богословия были назначаемы из доминиканцев. После двухнедельных бесплодных пререканий их изгнали; тогда парижские провинциалы обоих нищенствующих орденов вступились в это дело и апеллировали в Рим, и Иннокентий IV предложил университету отказаться от своих требований. Загорелась открытая борьба¹.

Университет не хотел принимать полумер. Он соглашался поставить нищенствующих монахов в условия, одинаковые с теми, в которых находились и другие ордены, и рассчитывал, что, лишив нищенствующих монахов привилегий, которые делали их столь опасными, он получит признательность епископов и духовенства. Прежде всего для этого надо было привлечь на свою сторону Рим, а это было вопросом только денег. Студенты, полные энтузиазма, обложили себя данью и образовали фонд, предназначенный на покрытие расходов по сношениям с римской курией. Главой оппозиционной партии был Вильгельм де Сент-Амур, пользовавшийся одинаковым уважением как профессор и как про-

---

¹ Alex. PP. Bull. «Quasi lignum vitae.» – Waddingi «Annal.» ann. 1255, № 2. – Dupin, «Bibl. des auteurs ecclés.» t. X, c. VII.

О неподсудности студентов светскому суду см.: Berger, «Rag. d'Innoc. VI», № 1515. – Molinier («Guill. Bernard de Gaillac», Париж, 1884, с. 26) дает прекрасную картину преподавания доминиканцев в рассматриваемую нами эпоху.

поведник, человек образованный, красноречивый и непреклонный в своих убеждениях. Его послали в Рим, и Иннокентий был близок к тому, чтобы согласиться с ним, что уставы нищенствующих орденов должны привести души людей к вечной гибели. Вообще папа был покровителем монахов; он утвердил и даже расширил их привилегии, но в данную минуту он был недоволен ими. Доминиканцы прогневали его тем, что тайно приняли в свой орден его любимого двоюродного брата, которого он предназначал для светской карьеры; кроме того, они возбудили против себя недовольство другого папского двоюродного брата, которому они отказались продать кусок земли в Генуе под постройку крепости-замка, который доминировал бы над всем городом. В июле и в августе 1254 года Иннокентий издал несколько грамот, благоприятных нищенствующим орденам и направленным против университета, а 21 ноября он издал буллу *Etsi animarum*, известную среди нищенствующих монахов под именем «Страшной буллы», которой всем монашествующим орденам запрещалось допускать в свои церкви в воскресные и праздничные дни прихожан других церквей; они не имели права исповедовать без особого на то разрешения приходских священников; они не должны были говорить проповедей в своих церквях перед обедней, чтобы не отвлекать молящихся от их приходских церквей; наконец, они не должны были проповедовать в этих церквях, когда там проповедовали сами епископы или кто-либо по их поручению¹.

---

¹ Waddingi «Annal.» ann. 1254, № 4, 5; ann. 1255, № 3. – Brev. hist. ord. Praed. (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 356–7). – Potthast, «Reg.» № 15562. – Matt. Paris, ann. 1253, с. 590.

Вильгельм де Сент-Амур получал бенефиции. Недовольный каноникатом в Бове и одной церковью с приходом, он получил в 1247 году от Иннокентия нужное разрешение на другой приход. – Berger, «Les Registres d’Innocent IV», 3188.

Эта булла была поистине ужасна, так как она одним ударом уничтожала здание, воздвигнутое целой стольких трудов и лишений. Ввиду подобного бедствия доминиканцы не ограничились тем, что подняли на ноги самых знаменитых представителей своего ордена, но обратились за помощью к самому небу. Каждому брату было приказано ежедневно после утрени читать семь псалмов и литании Святой Деве Марии и св. Доминику. Одному брату, когда он предавался этим благочестивым занятиям, явилось видение: пред ним предстала Святая Дева, просящая за доминиканцев своего Сына, и он услышал следующие слова: «Вонми им, Сын мой, вонми им!» По-видимому, Иисус послушался, ибо, хотя мы и можем сомневаться в справедливости доминиканского предания, что Иннокентий был разбит параличом именно в тот самый день, когда он подписал свой *crudelissimum edictum*, но несомненно, что он умер 7 декабря, т. е. через шестнадцать дней после этого; рассказывали, что один благочестивый римлянин видел тогда в сонном видении, как душу Иннокентия приняли два разгневанных святых – Доминик и Франциск. Кардинал д'Альбано, по злобе на орден посовествовавший папе эти преступные меры, имел неосторожность похвастаться, что он поставил нищенствующих монахов ниже епископов, причем добавил, что он надеется поставить их со временем ниже самого последнего священника; тотчас же в его доме упала балка и убила его до смерти. Мы, быть может, не в праве обвинять доминиканцев, что они помогли случаю в этих несчастных событиях; но как ни странно думать, что молитвами можно убить папу и кардинала, они не без гордости утверждают, что после этих событий фраза «Берегись доминиканс-

ких литаний: они производят чудеса!» стала общераспространенной¹.

Смерть Иннокентия была спасением для монашествующих орденов. Благодаря ловкости римского префекта, который, мало полагаясь на Святого Духа, урезал содержание отцов конклава, новый папа был избран уже через две недели после смерти Иннокентия. Александр IV был всецело на стороне нищенствующих. Когда генерал францисканцев, Иоанн Пармский, по обычаю, явился к нему с просьбой назначить одного из кардиналов «покровителем» ордена, то папа отказал ему, сказав, что, пока он жив, орден не будет нуждаться в другом покровителе, кроме его самого. Назначение им доминиканца Раймунда де Пеннафорте и францисканца Руфино папскими капелланами показало, как охотно подчинялся он влиянию нищенствующих орденов. 31 декабря, через десять дней после своего избрания, он обратился к обоим орденам с грамотами, прося их молитв и предстательства за него перед Богом; в тот же день особой энцикликой он отменил “ужасную буллу” Иннокентия и признал ее не имеющей силы².

Заранее можно было сказать, что теперь дело университета проиграно; и действительно, 14 апреля 1255 года вышла булла *Quasi lignum vitae*, которая решала спор в пользу доминиканцев. Но Вильгельм де Сент-Амур, вернувшись в Париж, решил продолжать войну. Он и его друзья начали громить нищенствующих с высоты своих кафедр. Они остерегались называть их по имени, но намеки их были очень прозрачны; они говорили то о фарисеях и публиканах,

---

¹ Waddingi «Annal.» ann. 1254, № 3; ann. 1255, № 5.— *Brevis Historia* (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 357).— Martène, «Thes.» I, 1059.

² Waddingi «Annal.» ann. 1254, № 20; ann. 1255, № 1.— Ripoll. I, 266–7.

то о людях, о которых предсказывал пророк, что они введут царство антихриста. Новые, говорили они, и непредвиденные опасности угрожают церкви. Сатана понял, что он ничего не достигнет, посылая еретиков, которых легко уничтожить; теперь он изменил образ действий и выступает под видом бледного апокалиптического коня, под видом братьев-лицемеров, которые, притворяясь святыми, колеблют и разрывают церковь. Преследование, которое воздвигнут эти лицемеры, будет ужасно и превзойдет все виденные миром преследования...

Вильгельм не упустил и другого представившегося ему оружия. В 1254 году появилось сочинение под заглавием «Введение в Вечное Евангелие», которое было приписано францисканскому генералу Иоанну Пармскому. Между францисканцами действительно было много склонных к мистицизму, который уже начинал тогда сказываться. Сочинения аббата Иоахима Флорийского, которые были извлечены из забвения и стали изучаться, предсказывали, что в 1260 году падет существующий в церкви и в государстве порядок вещей, Евангелие Христа будет заменено новым, и нищенствующие монахи станут на место духовной иерархии. «Введение в Вечное Евангелие» привлекало внимание всего образованного мира и давало Вильгельму такой богатый материал для нападок, что он не мог им не воспользоваться.

Университет не уступал. Тщетно Александр метал буллу за буллой против упорствующих, грозя им всевозможными наказаниями; тщетно в конце концов обратился он к Людовику Святому, ища поддержки светской власти. Парижское духовенство, очень довольное случаем увеличить временную непопулярность нищенствующих, громило их со всех кафедр и даже нападало на них, пуская в ход удары и угрозы; дошло до того,

что монахи почти не решались выходить на улицу и выпрашивать свое дневное пропитание. Не обращая внимания на то, что папа просил короля посадить Вильгельма в тюрьму, последний издал памфлет *De periculis novissimorum temporum*, в котором он горячо излагал основания своих взглядов на нищенствующую братию. Он доказывал в нем, что папа не имел права преступать заветы пророков и апостолов и что последние были бы уличены в заблуждениях, если бы был ниспровергнут существующий в церкви порядок и было бы разрешено проповедовать и исповедовать бродягам-лицемерам и лжепророкам. Все, живущие нищенством, – лжецы, льстецы, клеветники, воры и враги правосудия. Всякий, утверждающий, что Иисус был нищим, отрицает, что он был Мессия; это – ересиарх, разрушающий основы всей христианской веры. Здоровый и сильный человек совершает святотатство, когда берет от бедных милостыню на свои личные нужды; если церковь позволила это монахам, то она впала в ошибку, которую нужно скорее исправить. Епископы обязаны очистить свои епархии от этих святош; они легко могут сделать это, и если они этого не делают, то на их головы падет кровь тех, кто погибнет вследствие их небрежения.

Св. Фома Аквинат и св. Бонавентура возражали на эти ядовитые нападки. Первый в трактате *Contra impugnantes religionem* доказал с искусством тонкого схоластика, что братья имели право поучать, проповедовать, исповедовать и жить, не работая; он опроверг обвинения, направленные против их нравственности и их захватов, а также взгляд на них как на предтеч антихриста. Он старался также установить, что они имели право бороться с клеветщиками на них, искать защиту в судах и даже, в случае надобности, охранять себя оружием и карать своих преследовате-

лей. Бонавентура в своем трактате *De paupertate Christi* утверждал, что пример Христа является решительным доказательством в пользу бедности и нищеты, а в своих *Libellus apologeticus* и *Tractatus quia fratres minores praedicant* он воспользовался приемом противника и откровенно и энергично раскрыл недостатки, пороки, грехи, разврат и упадок белого духовенства. Еретики, видя, как крупные представители церкви раскрывают подноготную друг про друга, могли считать и себя вправе на это, а верные имели полное основание задаваться вопросом, может ли подобное, белое или черное, духовенство привести их к спасению?

Эта словесная война не дала положительных результатов, и разрешение кризиса пришло с другой стороны. Как только появилось сочинение Вильгельма, то Людовик Святой предствил экземпляры его папе Александру; со своей стороны, университет послал в Рим депутацию с Вильгельмом во главе просить об осуждении «Вечного Евангелия». На защиту своих орденов выступили Альберт Великий и Бонавентура; возник горячий спор. «Вечное Евангелие» и «Введение» в него были осуждены с некоторыми оговорками особой комиссией, собравшейся в июле 1255 года в Ананьи; с другой стороны, булла *Romanus pontifex* объявила 5 октября 1256 года, что книга Вильгельма де Сент-Амура полна лжи, обмана и соблазна, что она гнусна и зла. Было приказано сжечь ее перед курией и перед университетом; все экземпляры должны были быть доставлены и уничтожены в течение недели, и всякий, кто стал бы защищать изложенное в них, приравнивался к мятежникам. Посланные Людовиком Святым и университетом делегаты были принуждены подписаться под этим решением и признать за нищенствующими право проповедовать, исповедовать и жить милос-

тыней на счет других. Отказался подписаться один только Вильгельм. Мало того, Александр предложил всем профессорам и проповедникам воздерживаться от нападков на нищенствующих и отказаться от обидных слов, произнесенных по их адресу, под угрозой потери, в случае неисполнения этого, своих бенефиций. Но этот последний указ исполнялся очень слабо¹.

Победа нищенствующих монахов была полная. Университет с проклятиями смирился перед неодолимой силой папства, и только один Вильгельм де Сент-Амур остался непреклонным, ни в чем не уступая, ни от чего не отказываясь. В ту самую минуту, когда он собирался вернуться во Францию в августе 1257 года, папа Александр запретил ему возвращаться туда и навсегда запретил ему выступать в качестве учителя. Страх, наводимый им, был так велик, что папа с нарочным послал письмо Людовику Святому, прося его закрыть мятежному богослову въезд в пределы королевства. Но, несмотря на это, Вильгельм продолжал вести переписку со своими старыми товарищами и поддерживать в Парижском университете постоянный дух недовольства. Тщетно Александр запретил иметь с ним сношения; его никто не слушал; а нищенствующие монахи, состоявшие преподавателями в университете, были предметом злых шуток и эпиграмм, которые быстро распространились повсюду; в Вербное воскресе-

---

¹ Ripoll. I, 289, 291, 296, 298, 301, 306, 308, 311, 312, 320, 322, 324, 333, 334, 336, 342, 345, 350.— Matt. Paris ann. 1255, c. 611, 616.— Waddingi «Annal.» ann. 1255, № 4; ann. 1256, № 20–37.— Fasciculus rerum expetend. II, 18 и сл. (изд. 1690).— Mag. Bull. Roman. I, 112.— D'Argentré. «Coll. judic. de nov. error.» III, 170 и сл.— Guill. Nangiac. «Gesta S. Ludov.» ann. 1255.— Grandes Chroniques, I, V, 373–4.— Bern. Guidon. «Chron.» (Bouquet, XXI, 698).

ные 1259 года педель университета Гильо Пикардийский прервал проповедь св. Фомы Аквината чтением возмутительного пасквиля против нищенствующих монахов. Но с течением времени озлобление улеглось, и последним актом этой ссоры было послание папы Александра от 3 декабря 1260 года, уполномочивавшее парижского епископа дать отпущение всем тем, у кого имелись списки сочинения Вильгельма, с условием, чтобы они выдали их на сожжение. Вильгельм же продолжал жить в изгнании до 1264 года, когда папа Климент IV разрешил ему вернуться в Париж. Здесь он поторопился написать новое сочинение на старую тему и послал его папе в 1266 году; но за это время, в 1265 году, Климент успел выказать свое расположение к нищенствующим буллой, которая нарочито подтверждала их независимость от епископов. Как и можно было ожидать, папа отбросил книгу Вильгельма, как зараженную ядом от первого труда. Вильгельм умер в 1272 году, ни разу не изменив своим убеждениям, и был с почестью погребен в своей родной деревне Сент-Амуре; но и до сего времени он является еретиком в глазах простодушных доминиканцев и францисканцев¹.

В 1623 году в Констансе вышло собрание сочинений Вильгельма, но доминиканцы пользовались таким влиянием у Людовика XIII, что в угоду им он запретил это издание. Все экземпляры были отобрааны; частное лицо за хранение у себя экземпляра подвергалось штрафу в 3000 ливров, а книгопродавец за

---

¹ Ripoll. I, 346, 348, 349, 352–3, 372, 375–9. – Waddingi «Annal.» ann. 1256, № 38; ann. 1257, № 1–4, 6; ann. 1259, № 3–6; ann. 1260, № 10. – Clement. PP. IV Bull. «Virtute conspicuos», 1265. – Dupin, «Bibl. des auteurs ecclés.» t. X, c. VII.

продажу одного экземпляра подвергался смертной казни¹!

В 1269 году один францисканец, имя которого осталось неизвестным, снова поднял погасший спор, напав на книгу Вильгельма. Геральд д'Аббевиль, считающийся со св. Фомой Аквинатом, св. Бонавентурой и Робертом Сорбоннским одним из четырех наиболее славных богословов эпохи, ответил отрицанием учения о бедности и выступил с защитой принципа собственности. Св. Бонавентура выступил тогда против него со своей *Apoloigia Pauperum*, представляющей горячий панегирик бедности, и францисканские анналисты с радостью сообщают, что Геральд, уничтоженный логикой своего противника и пораженный мщением Бога, лишился умственных способностей, был разбит параличом и умер ужасной смертью от проказы².

Захват нищенствующими монахами всего в свои руки возбудил против них общую и глубокую вражду всего духовенства, которое боялось не только за свои привилегии, за свои богатства и за свой авторитет, но понимало также, что новая папская милиция окончательно подчинит его Риму и лишит его последней независимости. Эти выскочки не побоялись вступить в борьбу с могущественным и всеми уважаемым Парижским университетом, с этим, по словам папы Александра, лучезарным солнцем, распростра-

---

¹ Mosheim, «de Beghardis», 27.— Сочинение «*Pericula novissimorum temporum*» было, однако, перепечатано с двумя ре-
чами С.-Амура в «*Antilogia Parae*» Вольфганга фон Вейссенбурга
(Базель, 1555). Было еще два издания, сделанных в Лондоне; одно
в 1688 году, а другое в 1690 году в издании Brown'a «*Fasciculus
rerum expetendarum et fugiendarum*».

² Bonaventurae «*Apol. Pauper.*» Resp. I, c, 1.— Waddingi «*Annal.*»
ann. 1269, № 6–8.

няющим по всему миру свет чистой науки, с этим телом, порождающим славных ученых, которые просвещают христианство и поддерживают католическую веру. Они нашли, с кем вступить в прения; борьба была продолжительная и горячая, но, благодаря могущественной поддержке папы, победа осталась за нищенствующими. Если уж сам Парижский университет, опирающийся на симпатии прелатов всего христианского мира, потерпел неудачу, то другим нечего было рассчитывать на успех; надо было склониться перед этими пришельцами, о которых папа, запрещая епископам принимать сторону университета, говорил, что это были «золотые фиалы, наполненные сладким благоуханием»¹.

Но все же время от времени проявлялась оппозиция, хотя уже и осужденная заранее. Булла Климента IV от 1268 года, запрещающая архиепископам и епископам рассуждать о привилегиях, предоставленных нищенствующим, показывает, что вражда не угасла и только ждала удобного случая, чтобы снова выйти наружу. Даже в самом отдаленном углу Испании, в Леоне и в Галисии, германдада епископов и аббатов отмечает в 1283 году как одну из обязанностей союза борьбу против усиления доминиканцев и францисканцев и против несправедливостей, наносимых ими постоянно как монастырям, так и белому духовенству. Германдада нередко старалась не допускать постройки новых монастырей нищенствующих орденов или заставить их удалиться от притеснений, но в результате она всегда навлекала на себя грозный гнев папы. Блеснул было луч надежды, когда на папский престол вступил умный и образованный Иоанн XXI; но его нелюбовь к нищенствующим со-

---

¹ Ripoll. I, 338.

кратила его жизнь, как раньше жизнь Иннокентия IV. Через восемь месяцев после его вступления на престол св. Петра на него обрушилась дворцовая крыша, и благочестивые летописцы орденов заклеили его память как память еретика и чародея.

Около 1284 года толкование некоторых новых уступок, сделанных Мартином IV, снова подняло антагонизм. Поднялась вся галликанская церковь. Реймский архиепископ для обсуждения вопроса собрал в 1287 году поместный собор; он в горячих выражениях напомнил тщетные усилия духовенства разрешить дело мирным путем, напомнил невыносимые захваты, чинимые монахами, и нестерпимые оскорбления, наносимые ими как духовенству, так и мирянам, и указал на необходимость просить помощи Рима. Все знали, что подобное обращение требует больших расходов, но все епископы согласились дать на это пять процентов своих доходов, а аббаты, приоры, деканы, капитулы и приходские церкви жертвовали на это по одному проценту от своих доходов. Благочестивый францисканец Салимбен говорит, что таким путем было собрано 100 000 турецких ливров и что эти деньги пошли на подкуп папы Гонория IV. В Великую пятницу 1287 года должна была выйти его булла, запрещающая нищенствующим монахам проповедовать и исповедовать. Они были в отчаянии. Но если раньше, во время Иннокентия IV, их спасли молитвы доминиканцев, то на этот раз им помогли молитвы францисканцев. В ночь на среду десница Господня покарала Гонория, в четверг он умер, и нищенствующие были снова спасены. Борьба, однако, продолжалась до тех пор, пока Бонифаций VIII не отменил в 1298 году буллы Мартина IV, хотя и тогда церкви не было дано успокоения. Не более счастлив был и Бенедикт XI, жаловавшийся, что спор этот подобен

гидре, у которой вечно отрастают новые головы, сколько бы их ни рубить. В 1323 году Иоанн XXII признал еретическим учение Иоанна де Пуальи, утверждавшего, что исповедь у братьев не имеет никакого значения, так как всякий-де должен исповедоваться у своего приходского священника.

В 1351 году духовенство снова поднялось против нищенствующих. Весьма возможно, что самоотвержение братьев во время чумы, когда священники позорно прятались, а братья одни ухаживали за больными и напутствовали умирающих, подняло еще более их престиж в глазах народа и захваты их стали шире. Как бы то ни было, к папе Клименту VI явилась огромная депутация кардиналов, епископов и несметного числа священников, прося его или уничтожить нищенствующие ордены, или, по крайней мере, сократить их привилегии; они просили папу запретить нищенствующим проповедовать и исповедовать, а также брать себе деньги за похороны, что очень обогащало их и очень сокращало доходы приходского духовенства. Нищенствующие не удостоили депутатов своим ответом, и за них ответил сам папа, заявивший, что утверждение просителей, будто нищенствующие монахи бесполезны для церкви, совершенно неверно и что, наоборот, они приносят церкви огромные услуги. «Если вы, — продолжает Климент, — заставите их замолчать, то о чем сами-то вы будете говорить народу? О смирении? Но ведь вы — первые гордецы, вы высокомерны и гонитесь за внешним блеском! О бедности? Но ведь вы так жадны до денег, что вам мало было бы церковных доходов всего мира! О целомудрии?.. Но об этом я лучше уж помолчу: Бог видит дела каждого человека и знает, сколько из вас предается сладострастию. Вы ненавидите нищенствующих и запираете перед ними двери домов своих, боясь, чтобы они не увидели ва-

шей жизни, а сами при закрытых дверях прокучиваете свои доходы в компании прихлебателей и бездельников. Если пошло на правду, но нечего вам жаловаться, что нищенствующие получают часть имущества тех покойников, которых они напутствовали на смертном одре в то время, как вы позорно бежали; нечего плакаться, что они тратят эти деньги на сооружения, служащие только во славу Бога и церкви, а не мотают их на кутежи и удовольствия. И обвиняете вы нищенствующих только потому, что не живете так, как они, что большинство из вас ведет жизнь суетную и пустую».

После такой филиппики из уст папы, которого самого св. Бригитта обвиняла в распущенности и разврате, не оставалось ничего иного, как покориться. Однако прелаты не замолчали; несколько лет спустя Ричард, архиепископ Армагский, громил с церковной кафедры в Лондоне нищенствующих, которые, в свою очередь, обвиняли его перед Иннокентием VI в ереси. В 1357 году он произнес в свою защиту речь, в которой без зазрения совести отделял их; но дело о нем тянулось бесконечно долго, и он умер в 1360 году в Авиньоне, не дождавшись никакого решения. В 1373 году францисканский настоятель в Сиракузах просил Григория XI выдать ему засвидетельствованную копию с буллы Иоанна XXII против заблуждений Иоанна де Пуальи, так как белое духовенство Сицилии оспаривало право нищенствующих исповедовать. В 1386 году Зальцбургский собор в резких выражениях обличал соблазн, вызванный почти во всех приходах вторжением этих странствующих братьев, которые сеяли ссоры и служили дурным примером; далее собор постановил, что на будущее время они не имеют права проповедовать и исповедовать без разрешения епископа и без особого приглашения местного священника. В 1393 году Майнцский архи-

епископ Конрад II прекратил на время преследование вальденсов и особым эдиктом объявил, что нищенствующие суть волки в овечьей шкуре, и запретил им исповедовать. С другой стороны, францисканец магистр Иоанн Говельский публично утверждал в 1408 году, что священники не имеют права проповедовать и исповедовать, что это могут только братья; но Парижский университет скоро заставил его отказаться от своего положения¹.

Казалось, что спору не будет конца. В 1409 году нищенствующие жаловались, что священники называют их ворами и волками и требуют, чтобы всякий, исповедовавшийся у них, шел вторично на исповедь к своему приходскому священнику; таким образом,

---

¹ Clement. PP. IV Bull. «Providentia», ann. 1268.— Memorial Historico Español, 1851, t. II, 96.— Ripoll. I, 341, 344.— Ptol. Lucens. «Hist. Eccles.» lib. XXIII, c. 21, 24–5.— Henr. Steronis «Annal.» ann. 1287, 1299.— Annal. Dominican. Colmariens. ann. 1277.— Waddingi «Annal.» ann. 1291, № 97; ann. 1303, № 32.— Concil. Valent. ann. 1255.— Concil. Ravennat. ann. 1259.— Martène, «Ampl. Coll.» II, 1291.— Concil. Remens. ann. 1287.— Salimbene, «Chron.», 371, 378–9.— Guill. Nangiac. ann. 1298; ejusd. «Continuat.» ann. 1351.— Revelat. S. Brigittae lib. VI, c. 63; cp. lib. 1, c. 41.— C. 2 Extravagant. Commun. III, VI.— C. 1. Ejusd. V, 7.— Ripoll. II, 92–3.— P. de Herenthals «Vit. Ioann. XXII» ann. 1233.— Martène, «Thes.» I, 1368.— C. 2 Extravagant. Commun. V, III.— Alph. de Spina, «Fortalicium Fidei» fol. 61-a (изд. 1494).— Hecker, «Epidemics of the Middle Ages» (перев. Babington'a).— Fascic. Reg. expet. et fugiend. II, 466 (изд. 1490 г.).— Theiner, «Monum. Hibern. et Scotor.» № 634, c. 313.— Cosentino, «Archiv. Stor. Siciliano», 1886, c. 336.— Concil. Salisburgens. ann. 1368, c. 8.— Gudeni, «Cod. Diplom.» III, 603.— D'Argentré, «Coll. judic. de nov. Error.» I, II, 178.

Во время чумы в Монпелье из 140 доминиканцев осталось в живых только семь; в Марселе умерли все 160. Смертность среди францисканцев определялась в 124 434 человека, но цифра эта явно преувеличена.— Hoffmann, «Gesch. d. Inquisition», II, 374–5.

как указывали они, возобновлялось лжеучение Иоанна де Пуальи, осужденное Иоанном XXII. Александр V, сам францисканец, ответил на их челобитную буллой *Regnans in excelsis*, которая грозила, что будут наказуемы как еретики все те, кто будет придерживаться подобного учения или будет утверждать, что на исповедь у нищенствующего монаха надо предварительно испрашивать согласие приходского священника. Но папство во время Великого Раскола перестало быть страшным. Парижский университет горячо вступил в спор и, подстрекаемый Жаном Жерсоном, отказался принять эту буллу, заставил доминиканцев и кармелитов публично отречься от нее и изгнал не согласившихся на это францисканцев и августинцев. Жерсон не задумался выступить против буллы с публичной проповедью и в своей речи указал четырех гонителей церкви: тиранов, еретиков, нищенствующих и антихриста. Это далеко нелестное сближение не могло успокоить умы; но на этот раз спор погас среди крупных вопросов, поднятых Констанцским и Базельским соборами. Последний собор даже высказался против нищенствующих и осудил очень распространенное в народе верование, что всякий, умерший в одежде францисканца, оставался в Чистилище не более года, так как св. Франциск ежегодно сходит в Чистилище и выводит в Рай души тех, кто на земле последовал за ним. Но когда папство вернуло себе былое значение, оно снова употребило его на пользу своих любимцев. В 1446 году Евгений IV опубликовал новую буллу *Gregis nobis crediti*, в которой осуждались учения Иоанна де Пуальи, а в 1453 году Николай V подтвердил это буллой *Provisionis nostrae*. Эта булла была в 1456 году сообщена Парижскому университету, но он не принял ее и объявил, что она подложная, что она нарушает мир и ниспровергает

иерархическое чиноподчинение. Калликст III продолжал борьбу, и так как университет упорствовал и постановил не принимать в число своих членов братьев, которые будут признавать эту буллу, то он обратился, но безуспешно, к королю Людовику XI. Правда, в 1458 году один вальядолидский священник, не признававший за нищенствующими монахами права на отправление обязанностей священника, был вынужден публично отречься от своего мнения в своей же соборной церкви; но борьба все продолжалась, порождая в Германии такие скандалы, что архиепископы Майнцский и Трирский совместно со многими епископами и герцогом Баварским были принуждены обратиться по этому поводу к Святому Престолу. Была назначена комиссия из двух кардиналов и двух епископов, чтобы выработать условия соглашения, которое было подписано обеими сторонами и в 1480 году было утверждено Сикстом IV. Священники не должны были учить, что прихожане могут не посещать обеден в своих приходских церквях по воскресным и праздничным дням; за это им давалось право исповедовать и отпускать грехи. И священники, и братья одинаково не должны были оказывать давления на мирян в вопросе о месте погребения; обе стороны должны были перестать оскорблять и оговаривать друг друга в своих речах. Внесение этого соглашения в канонический закон показывает, какое значение придавали ему, видя в нем залог прочного мира для всей католической церкви. Когда в 1484 году были осуждены в Париже лжеучения Жана Лалле, то к числу их было отнесено возобновление учения Иоанна де Пуальи и утверждение, что Иоанн XXII не имел права объявлять его еретическим. Однако на Латеранском соборе 1515 года епископы приложили все усилия, чтобы добиться отмены

исключительных привилегий нищенствующих монахов. Ввиду отказа их принять участие в голосовании им обещали удовлетворить их требование, но Лев Х тянул дело, и в следующем году было заключено новое соглашение, выражения которого показывают, с каким презрением смотрели нищенствующие на епископов. Заступничество, оказанное им при этом случае, мало сдерживало их, так как в 1519 году Эразм в письме к Майнцскому архиепископу, кардиналу Альберту, отзывался о них следующим образом:

«Мир стонет от тирании нищенствующих, которые, будучи телохранителями Святого Престола, настолько в то же время многочисленны и могущественны, что страшны даже самому папе и князьям. Когда папа поддерживает их, то он выше Бога, но когда он им не нравится, то власть его – одна мечта»¹.

Нужно сказать правду, доминиканцы и францисканцы совершенно не имели высоких добродетелей, которыми отличались их основатели. Лишь только ордены стали распространяться, как уже появляются лжемонахи, смеющиеся над обетом бедности и пользующиеся проповедью как источником для грязных доходов. В 1233 году Григорий IX был вынужден строго напомнить главному капитулу доминиканцев, что бедность, проповедуемая орденом, должна быть действительной, а не притворной. Постоянное

---

¹ D'Argentré, «Collec. Judic. Nov. Error». I, II, 180–4, 242, 251, 340, 347, 352, 354, 356. – Religieux de S. Denis, «Hist. do Charles VI», lib. XXIX, c. 10. – Gersoni «Sermo contra Bullam Mendicantium». – Alph. de Spina, «Fortal. Fidei», fol. 61 (изд. 1494). – C. 2 Extravagant. I, 9. – Ripoll III, 206, 256, 268. – Waddingi «Annal.» ann. 1457, № 61. – H. Cornel. Agrippae «Epist.» II, 49. – Raynald. «Annal.» ann. 1515, № 1. – Consil. Lateran. Sess. XI (Hard. IX, 1832). – Erasmi «Epist. 10», lib. XII (изд. 1642 г., с. 585–6).

употребление папами братьев в качестве политических лазутчиков, естественно, отвлекало их от их духовных обязанностей, привлекало в их среду людей честолюбивых и беспокойных и, наконец, наложило на эти ордены светский характер, совершенно противоположный их первоначальной идее. Кроме того, братья более других подвергались искушениям. Ведя бродячий образ жизни, они были вне всякого контроля, они были подсудны только своим начальникам и подчинялись законам только своего ордена; все это увеличивало и делало опасной более чем когда-либо общую всему духовенству неприкосновенность¹.

«Ангельская религия» (*Religio seraphica*) францисканцев уже по одному тому, что стремилась к почти сверхчеловеческому идеалу, была подвержена всем печальным превратностям человеческой слабости. Это обнаружилось еще при жизни св. Франциска, который сложил с себя обязанности генерала ордена вследствие злоупотреблений, которые начали проявляться; причем он заявил, что он согласился бы оставаться генералом ордена, если бы братья следовали по указанному им пути. Столкновения между теми, кто вступал в орден по убеждению, и теми, кто вступал в него из честолюбия, были неизбежны. Св. Франциску не нужно было быть пророком, чтобы предсказать на смертном одре близкие соблазны, междоусобные распри и преследование тех, кто не пожелает разделять заблуждения. Это предчувствие исполнилось с поразительной точностью, равно как и другое предсказание святого – о том, что скоро наступит день, когда орден будет настолько обесчещен, что членам его будет

---

¹ Potthast, «Reg.» № 8326, 9172, 11299. – Martène, «Thesaur.» V, 1816, 1820.

стыдно показываться среди народа. Преемник Франциска Илия сильно подвинул развитие ордена, но в направлении, противоположном тому, которое было дано ему первоначально. Самый ловкий и хитрый политик Италии, он увеличил влияние и деятельность францисканцев до таких пределов, что нарушения устава, ставшие очень частым явлением, так сильно смутили более строгих из братии, что они принудили Григория IX сменить Илию, который принял после этого сторону Фридриха II и был отлучен от церкви.

Не в природе человека отказываться от богатств, которые так щедро со всех сторон притекали в орден, что братья прибегали ко всем тонкостям диалектики, чтобы согласовать обладание несметными богатствами с предписанным уставом отрицанием всякой собственности. Убогие хижины, в которых приказывал жить св. Франциск, обратились в великолепные дворцы, которые воздвигались по всем городам и как бы соперничали своим блеском с богатыми соборами и роскошными аббатствами, окружавшими их. Св. Бонавентура, занявший в 1257 году пост генерала ордена после Иоанна Пармского, прекратил на время спор с Вильгельмом де С.-Амуром и разослал по своим провинциалам энциклику, в которой он жаловался на пренебрежение и отвращение, которое питали к ордену. Он приписывал это ненасытной жажде ордена к богатству, праздности многих из его членов; их порочной жизни, невоздержанности странствующих братьев, являвшихся бременем для принимавших их и оставлявших по себе память о скандалах, вместо того чтобы являться примером добродетелей; их назойливому попрошайничеству, делавшему их более страшными, чем разбойники больших дорог; сооружению ими богатых

дворцов, которые разоряли их друзей и вызывали нападки врагов; недостойному поведению проповедников и исповедников; алчной погоне за посмертными вкладами и за доходами от похорон, что вызывало страшное недовольство среди духовенства; и, наконец, вообще невозможному их поведению, которое неизбежно должно было охладить благотворителей. Очевидно, энергичные нападки де С.-Амура и жалобы духовенства были небезосновательны; но это суровое послание было бесплодно, и через десять лет Бонавентура был вынужден повторить его в выражениях еще более резких. На этот раз он особенно остановился на том отвращении, которое вызывало в нем наглое бесстыдство некоторых братьев, которые в своих речах к мирянам нападали на недостатки духовенства, производя, таким образом, соблазны и разжигая ссоры и озлобление. Он заканчивал свою энциклику следующими словами: «Бесчестная и низкая ложь – проповедовать полную нищету и в то же время ни от чего не отказываться; на народе просить милостыню, как нищий, а дома у себя утопать в роскоши». Но упреки св. Бонавентуры не изменили дела, и борьба внутри ордена продолжалась и дошла до того, что были признаны еретиками те, кто строго следовал уставу, как мы увидим это ниже на истории францисканцев спиритуалов и Fraticelli (фратичеллы).

В следующем столетии францисканы и доминиканцы одинаково дали волю своим светским вожделениям. Св. Бригитта в своих «Откровениях», признанных церковью внушенными свыше, прямо говорит, что эти монахи, «вопреки их обету нищеты, собрали несметные богатства, что они думают только о том, как бы увеличить их, что они одеваются так же роскошно, как епископы, и что многие из них щеголяют та-

кими украшениями и драгоценностями, которых не носят самые богатые из мирян»¹.

Таково было развитие нищенствующих орденов в их сложных отношениях к церкви. Но их широкая деятельность не ограничивалась защитой Святого Престола и возрождением религиозного чувства, благодаря чему они на некоторое время сумели снискать Риму обоготворение народов. Одним из побочных занятий, которому они посвящали часть своей энергии, было миссионерство, и на этом поприще они дали достойные примеры иезуитам, их преемникам в XVI и XVII столетиях. Среди беспрерывных трудов св. Франциска видное место занимает обращение неверных. Он намеревался посетить Марокко в надежде обратить в христианство короля Мирамолина и уже прибыл в Испанию, но болезнь заставила его вернуться назад. Через тринадцать лет после своего обращения он совершил путешествие в Сирию, чтобы обратить в христианство вавилонского владыку, несмотря на то что в это время шла война с сарацинами. Захваченный в плен в неприятельском лагере, он со своими спутниками, закованный в цепи, был приведен к владыке и изъявил готовность, в подтверждение истины своих верований, подвергнуться испытанию огнем. Владыка предложил ему богатые подарки, но он отверг их и был отпущен на свободу. Ученики его следовали его примеру. Ни расстояние, ни опасность никогда не останавливали их миссионерской деятельности. В этом отношении между ними и доминиканцами шло благодород-

---

¹ S. Francis. «Collat. Monast.» Collat. XXI, XXV.— Ejusd. «Prophet.» XIV, XV; «Epist.» 6, 7.— Pet. Radulphii «Hist. Seraph. Relig.» lib. I, fol. 177–8.— Th. de Eccleston «de Adv. Minorum» Collat. XII.— Waddingi «Annal.» ann. 1253, № 30.— S. Bonaventurae «Opp.» изд. 1584 г., т. I, 485–6.— Matt. Paris. ann. 1243 (с. 414).— S. Brigittae «Revelat.» lib. IV, с. 33.

ное соревнование, так как и св. Доминик начертал широкий план миссионерской деятельности. С 1225 года мы находим миссионеров обоих орденов в Марокко. В 1223 году францисканцы были посланы для обращения дамасского султана Мирамолина, калифа и вообще народов Азии. В 1237 году стараниями доминиканцев были воссоединены с церковью якобиты Востока; они же подвизались среди несториан, грузин, греков и других схизматиков Леванта. Такие же индульгенции, как крестоносцам, давались и тем, кто отправлялся в эти опасные миссии, где лишения и климат не были единственными страшными врагами. Девяносто доминиканцев приняли мученическую смерть от куманов в восточной Венгрии в то время, когда там хозяйничали орды Чингисхана. После отступления татар доминиканцы снова принялись за свою миссию и обратили толпы куман, трудясь в то же время среди катаров Боснии и Далмации, где еретики сожгли их два монастыря и убили многих из них.

Булла Александра IV от 1258 года дает нам понятие о размерах миссионерской деятельности францисканцев; она адресована к братьям в землях сарацин, язычников, греков, болгар, куман, эфиопов, сирийцев, иберийцев, алан, катаров, готов, зихоров, руссов, якобитов, нубийцев, несториан, грузин, армян, индийцев, московитов, татар, мадьяр, а также к миссионерам среди христиан, плененных турками. Каким бы странным с географической точки зрения ни казался этот перечень, он свидетельствует о том, как широко распространялась деятельность энергичных и самоотверженных братьев. Среди татар успехи их были вначале очень значительны, сам великий хан принял крещение, а общее число обращенных было так велико, что потребовалось назначить епископа, чтобы образовать из них общину; но хан отступил от веры, миссионеры были перебиты, и тому же подверглись мно-

гие из обращенных. Миссионерство среди армян ознаменовалось обращением царя Гайка, вступившего в орден под именем брата Иоанна. Это не был единственный францисканец царской крови: св. Людовик Тулузский, сын Карла Хромого Неапольского и Провансальского, отказался от предложенной ему отцом короны, чтобы сделаться францисканцем. Быть может, с меньшим доверием следует относиться к рассказу доминиканцев о том, что восемь миссионеров проникли в 1316 году в империю владыки Иоанна Абиссинского и основали там настолько прочную церковь, что полвека спустя там можно было организовать инквизицию, во главе которой был поставлен брат Филипп, сын одного из вассальных царьков владыки Иоанна. В своем рвении он напал, вооруженный духовным и мирским оружием, на другого местного царька, бывшего двоеженцем, и был изменнически умерщвлен последним 4 ноября 1366 года; его мученическая смерть и его святость были засвидетельствованы многочисленными чудесами. С чувством законной гордости вспоминают францисканцы, что члены их ордена сопровождали Христофора Колумба в его втором путешествии, горя нетерпением начать духовное завоевание Нового Света¹.

---

¹ Bonavent. «Vita S. Francisci», с. 9.— Lacordaire, «Vie de S. Dominique», 182–3.— Potthast. «Regest.» № 7249, 7490, 7537, 7550, 9130, 9139, 9141, 10350, 10383, 10421, 11297.— Raynald. «Annal.» ann. 1233, № 22, 23; ann. 1237, № 88.— Hist. Ordin Praedic. с. 8 (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 338).— Chron. Magist. Ordin Praedic. с. 3 («ibid.» 350–1).— Waddingi «Annall.» ann. 1258, № 1; ann. 1278, № 10, 11, 12; ann. 1284, № 2; ann. 1288, № 3, 36; ann. 1289, № 1; ann. 1294, № 12; ann. 1492, № 2; ann. 1493, № 2–8.— Rodulphii «Hist. Seraph. Relig.» lib. I, fol. 120.— Paramo, «De orig. offic. S. Inquisit.», 238.

В 1246 году Иннокентий IV получил крайне любезное письмо от Эдесского правителя Мелик-эль-Мансур-Нассира, который выражал, между прочим, сожаление, что незнание языков поме-

Но нас занимает другое специальное поле деятельности нищенствующих; это – обращение и преследование еретиков, инквизиция, которую они сделали своим орудием. Она должна была неизбежно попасть в их руки, как только бессилие старых духовных судов сделало необходимым создание нового учреждения. Открыть еретика и доказать его вину было нелегко; для этого нужно было иметь специальную подготовку, именно ту самую, которую старались дать своим адептам ордены, подготавливая их к деятельности проповедников и исповедников. Не связанные с местом, воины Креста Господня, готовые по первому знаку идти на самый край света, всей душой преданные Святому Престолу, они были незаменимыми слугами папской инквизиции, которой суждено было постепенно заменить собой епископский суд и привести в подчинение местные церкви.

Мнение, что Доминик был основателем инквизиции и первым генерал-инквизитором, неразрывно связано с католической традицией; его подтвердили все историки ордена и все панегиристы инквизиции; оно было санкционировано Сикстом V в булле *Invictarum*, а чтобы устранить всякое сомнение, приводят буллу Иннокентия III, возлагающую на Доминика обязанности генерал-инквизитора. Но мы можем сказать, что ни одно церковное предание не покоится на более шатком основании. Несомненно, Доминик лучшие годы своей жизни посвятил борьбе с еретиками; вполне достоверно также, что он, как и все остальные ревностные миссионеры того времени, если не удавалось ему убедить еретика, с радостью являлся у пылающего костра; но в

шало ему вступить в богословский диспут с доминиканцами, присланными для его обращения. – Berger, «*Registres d’Innocent IV*», № 3031.

этом он не отличался от других фанатиков, и он не сделал никакой особой попытки организовать правильное преследование. Впрочем, с 1215 года, когда он положил первое основание своего ордена, он исключительно и с таким увлечением занялся им, что отказался от своей долго лелеянной мечты окончить дни свои миссионером в Палестине. Мы увидим ниже, что только через десять лет после его смерти можно говорить о папской инквизиции как о правильном учреждении. Видное участие в этом преемников Франциска объясняет возникновение связанной с его именем легенды, которой можно придавать такую же веру, как и другому утверждению историка ордена, по словам которого более ста тысяч еретиков было обращено учением, заслугами и чудесами святого¹.

Не менее страдает преувеличением и легендарным характером утверждение, что организация ин-

---

¹ Campana, «Vita di S. Piero Martire», 257.— Juan de Mata, «Santoral de S. Domingoy S. Francisco», fol. 13.— Zurita, «Añales de Aragon», lib. II, c. 63.— «Ricchinii Proem. ad Monetam», dissert. I, c. XXXI.— Paramo «De origin. Offic. S. Inquis». lib. II, tit. II, c. 1.— Pegnae «Comment. in Eymeric.», 461.— Chron. Magist. Ord. Praedic. c. 2 (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 348).— Monteiro, «Historia da S. Inquisition», P. I, liv. I, c. XXV, XLVIII.

Интересно для характеристики более мягких нравов XIX века познакомиться с работой ученого и ревностного доминиканца Лакордера («Vie de S. Dominique»), вышедшей в 1842 году и старающейся доказать, что Доминик не был причастен к жестокостям инквизиции; а за сто лет перед этим не менее ученый доминиканец Риккини ставил в особую честь святому ее основание. Но после Лакордера произошла реакция, и аббат Дуэ (Douais) решительно, опираясь на авторитет Сикста V, утверждает, что «св. Доминик получил от папы полномочия основать инквизицию после 1209 года» («Sources de l'Histoire de l'Inquisition» в «Revue des questions historiques», 1 октября 1881 г., с. 400).

квизиции и ее упрочение было делом одного ордена. Буллы Григория IX, на которые ссылаются в подтверждение этого, суть не что иное, как частные послания папы, адресованные к известным доминиканским провинциалам; в этих грамотах папа просит их послать хорошо подготовленных братьев проповедовать против ереси, допрашивать еретиков и преследовать распространителей ереси. Иногда подобным же образом доминиканцам поручали вести судебные процессы против еретиков в отдельных провинциях; при этом папа просит епископов извинить это вторжение в их права, оправдываясь тем, что братья очень хорошо умеют убеждать отпавших и что у епископов так много разнообразных обязанностей, что им некогда обратить все свое внимание на это дело. В сущности, Рим никогда не возлагал официально на доминиканцев инквизиторских обязанностей; не было также, говоря строго, никакого официального постановления об учреждении инквизиции. Доминиканцы были только наиболее подходящим и лучше подготовленным орудием для розыска скрывающихся еретиков, тем более что их главной обязанностью была проповедь и обращение. Когда же обращение отступило на второй план, а на первый план стало преследование, то не менее полезными оказались и францисканцы, которые разделили с доминиканцами сомнительную честь и все труды по организации инквизиции.

Впрочем, всякий раз, как того требовали обстоятельства, не задумывались возлагать инквизиторские обязанности и на любое духовное лицо. Так, например, уже в 1258 году папа назначил инквизиторами в Альби двух каноников Лодева; ниже мы увидим, с какой дикой энергией отправлял в конце четырнадцатого

века Петр Целестинский обязанности папского инквизитора от берегов Балтийского моря до Штирии¹.

Несомненно, что первые инквизиторы, получившие это имя, были из доминиканцев. Когда, после заключения договора между Раймундом Тулузским и Людовиком Святым, серьезно принялись за уничтожение альбигойской ереси, то епископские суды оказались не в силах выполнить эту задачу, и были посланы доминиканцы, которые должны были работать под руководством епископов. Понемногу в руки доминиканцев перешло дело борьбы с ересью и на севере Франции. В 1232 году их рекомендовали Таррагонскому архиепископу в Арагонии как людей, опытных в деле розыска еретиков. Формально ведение расследований было поручено им в 1249 году. Вскоре юг Франции был разделен между ними и францисканцами; доминиканцам была поручена западная часть, а францисканцам – графство Венессен, Прованс, Форкалькье и имперские земли в провинциях Арль, Э и Эмбрен. В Италии, после нескольких столкновений между двумя орденами, Иннокентий IV в 1254 году предоставил доминиканцам Ломбардию, Романью, Тревизо и Геную, а центральная часть полуострова была отдана францисканцам; в Неаполе в это время инквизиция не была еще введена. Но это распределение не всегда строго соблюдалось, и мы находим иногда францисканских инквизиторов в Милане, Романьи и Тревизе. В Германии и в Австрии, как мы увидим ниже, инквизиция никогда не пускала глубоко корней, но, поскольку она была там, она находи-

---

¹ Gregor. PP. IX Bull. «Ille humani generis», 22 apr., 1233.– Potthast, «Reg.» № 9143, 9152, 9153, 9155, 9386, 9388, 9995, 10362.– Innoc. PP. IV Bull. «Inter alia», 20 oct. 1248 (Baluze et Mansi, I, 208).– Arch. de l'Inquis. de Carcassonne (Coll. Doat, XXXI, fol. 21).– Archives de l'Evêché d'Albi (там же, XXXI, 255).

лась в руках доминиканцев; францисканцы же действовали только в Далмации и Богемии¹.

Иногда оба ордена работали совместно. В 1237 году францисканец Этьен де Сен-Тибери был присоединен к доминиканцу Гильому Арно в Тулузе, в надежде, что репутация относительной кротости, которой славились францисканцы, смягчит отвращение населения к новому учреждению. В апреле 1238 года Григорий IX назначил провинциалов обоих орденов в Арагонии инквизиторами этого королевства; то же и в том же году сделал он и в Наварре. В 1255 году францисканский настоятель Парижа был, вместе с доминиканским приором, поставлен во главе французской инквизиции; в 1267 году оба ордена посылают инквизиторов в Бургундию и Лотарингию; в 1311 году два доминиканца и один францисканец совместно являются инквизиторами в Равенне. Но все же казалось более благоразумным строго разграничить юрисдикцию обоих орденов, чтобы предотвратить страшную вспышку взаимной ненависти, которая росла между ними со дня на день; эта ненависть началась уже давно, и обе стороны только искали случая, чтобы удовлетворить ее, не стесняясь в средствах, что грозило церкви крупным скандалом и большой опасностью. Так, например, в 1266 году горячая ссора возникла между доминиканцами Марсе-

---

¹ Concil. Narbonn. ann. 1235.— Concil. Biterrens. ann. 1233; ann. 1246.— Concil. Albiens. ann. 1254, c. 17, 18.— Martène «Thes.» V, 1806, 1808–10, 1817, 1819–20.— Ripoll. I, 38.— Aguirre, «Concil. Hispan.» VI, 155–6.— Raynald. «Annal.» ann. 1233, № 40, 59 sq.— Waddingi «Annal.» ann. 1246, № 2; ann. 1254, № 7, 8; ann. 1257, № 17; ann. 1259, № 3; ann. 1277, № 10; ann. 1286, № 4; ann. 1288, № 14–16.— Rodulphii «Hist. Seraph. Relig.» lib. I, fol. 126b.— Potthast, «Reg.» № 9386, 9388, 9762, 9766, 9993, 10052, 11245, 15304, 15330, 15069.

ля и францисканцем – инквизитором этого города. Раздор распространился по всему Провансу – в Форкалькье, Авиньоне, Арле, Бокере, Монпелье и Каркассоне; повсюду они публично проповедовали друг против друга и возводили друг на друга всевозможные обвинения. Многочисленные послания Климента IV показывают, что папа был принужден вмешаться в дело; он запрещает на будущее время инквизиторам пользоваться своей властью для взаимных преследований, хотя бы виновность одной из сторон и была вполне очевидной; это свидетельствует, что во время этой борьбы пользовались всеми средствами, предоставляемыми инквизицией. Но, по-видимому, это запрещение соблюдалось не особенно строго, так как два столетия спустя, в 1479 году, Сикст IV был снова принужден запретить инквизиторам привлекать к суду членов соперничавшего с ними ордена. Как ревностно охраняли они границы своих территорий, прекрасно видно из спора, возникшего в 1290 году по поводу Тревиза. Эта территория принадлежала доминиканцам, но в течение многих лет обязанности инквизитора исполнял в ней францисканец Филипп Банаккорсо. Когда в 1289 году он получил епископскую кафедру в Тренте, доминиканцы, считавшие, что инквизиторские обязанности в Тревизе были возложены на них, возмутились, когда их передали опять францисканцу брату Бонаджункта. Ломбардский инквизитор, доминиканец брат Пагано, и его викарий, брат Вивиано, зашли так далеко в своем сопротивлении, что в Вероне вспыхнули серьезные беспорядки; в дело должен был вмешаться Николай IV, наказавший виновных лишением навсегда права отправления их обязанностей. Еретики, конечно, с удовольствием смотрели, как их преследователи занимались преследованием друг друга.

Вражда между двумя орденами была настолько сильна, что Климент IV считал необходимым определить, чтобы между их владениями постоянно находилась нейтральная полоса, по крайней мере в 3000 футов; распоряжение это вызвало целый ряд всевозможных недоразумений. Возникли даже споры о праве на место в процессиях и при погребениях, и в 1423 году Мартин V признал это право за доминиканцами. Ниже мы увидим, какое важное значение имела эта непримиримая вражда в истории развития средневековой церкви¹.

Мы показали, что в обществе XIII века, поглощенном своими личными делами, не было силы более деятельной, как в хорошем, так и в дурном отношении, чем нищенствующие ордены. Но в общем они, быть может, принесли добро тем, что бесспорно отсрочили взрыв революции, к которой Европа не была еще подготовле-

---

¹ Mss. Bibl. Nat. «Coll. Doat.» XXI, 143; XXXII, 15.— Matt. Paris, «Hist. Angl.» ann. 1243 (с. 414).— Guill. de Pod.-Laur., с. 43.— Raynald. «Annal.» ann. 1238, № 51.— Harduin «Concil.» VII, 1319.— Paramo, «De orig. Inq.» 244.— Waddingi «Annal.» ann. 1238, № 6, 7; ann. 1266, № 8; ann. 1277, № 10; ann. 1291, № 14.— Potthast, «Reg.» № 16132.— Sixti PP. IV Bull. «Sacri Praedicatorum», 26 julii 1479.— Martène, «Thes.» II, 346, 353, 359, 451.— Ripoll. II, 82, 164, 617, 695.

Беспорядки в Марселе показывают, каким покровительством пользовались всегда нищенствующие монахи. Два духовных лица, давшие по наущению доминиканцев ложную присягу против инквизитора, были приговорены к пожизненному тюремному заключению, лишению сана и бенефиций; епископ, принявший их присягу, был временно отстранен от исполнения своих обязанностей и лишен права суда; но братья, подкупившие их дать ложные показания, были признаны невиновными, принесли унижительные извинения и были отправлены в другую провинцию (Martène, 1. с.).

Был поднят вопрос о том, кто был брат Филиппо Бонаккорсо, доминиканец или францисканец? Wadding (1. с.) приводит буллу от 1277 года, где он назван францисканцем; но другая булла (Coll. Doat. XXXII, fol. 155) выставляет его доминиканцем.

на. Хотя их первоначальное самоотречение и было добродетелью весьма редкой и весьма хрупкой и не могло долго оставаться в своей чистоте и неприкосновенности, но все же, несмотря на то что нищенствующие монахи быстро спустились до уровня окружавшего их общества, смело можно сказать, что труды их и их старания не пропали даром. Они напомнили людям некоторые забытые ими евангельские истины и научили их понимать свои обязанности в отношении своих ближних. Легендарное предание того и другого ордена показывает, до какой степени они ценили и прославляли свои собственные заслуги. Пока, гласит это предание, св. Доминик и св. Франциск ожидали еще апробации Иннокентия III, одному святому человеку было виднее, что Спаситель размахивал тремя стрелами, желая разрушить мир. На вопрос Святой Девы, зачем Он желает сделать это, Он ответил: «Мир полон гордости, алчности и сладострастия; Я очень долго терпел, теперь же хочу разрушить его своими стрелами». Святая Дева пала на колени и просила Его за людей; но мольбы Ее остались тщетными, пока Она не открыла Своему Сыну, что у Нее есть два верных служителя и что они научат мир Его закону. Тогда Христос пожелал увидеть этих двух поборников веры, и Она показала Ему Доминика и Франциска, и гнев Его улегся.

Благочестивый автор этого рассказа не предвидел, конечно, что в 1627 году Урбан VIII будет вынужден лишить нищенствующих монахов Кордовы их неприкосновенности и подчинит их суду епископов, в надежде помешать этим соблазнять им своих духовных дочерей, злоупотребляя таинством покаяния¹.

---

¹ Anon. Cartus. «de Relig. Orig.», c. 309 (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 68).— Lib. Conformitatum, lib. I, fruct. II, fol. 16b.— Mss. Bibl. Bodleian. Arch. S. 130.

Глава VII

УСТАНОВЛЕНИЕ ИНКВИЗИЦИИ

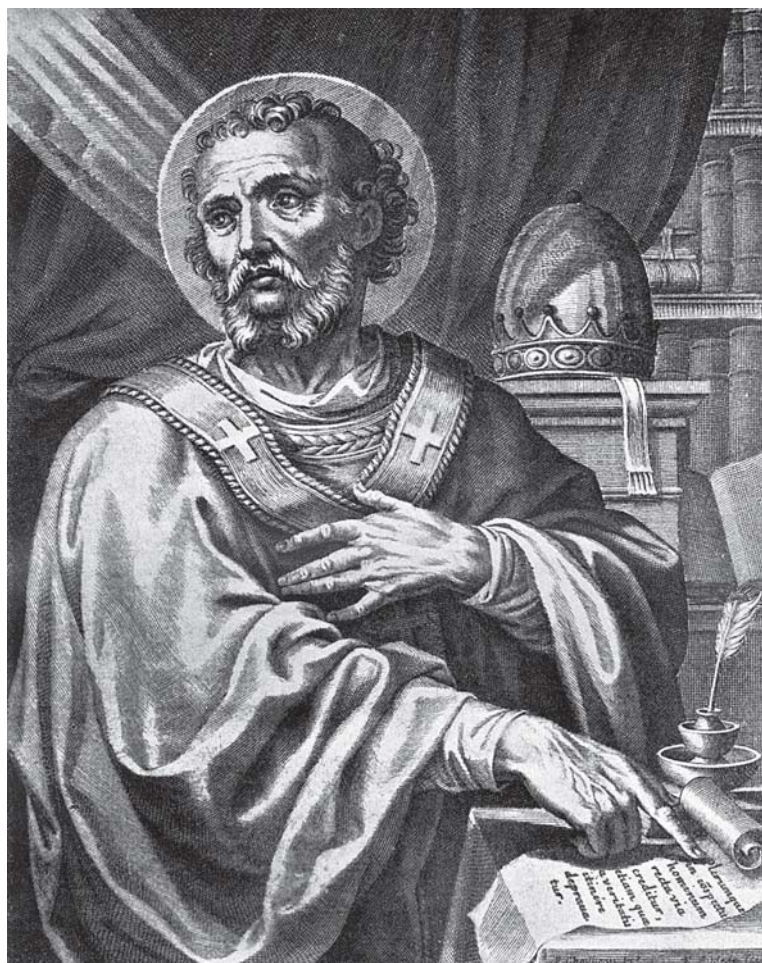
Постепенная организация инквизиции была естественным результатом эволюции социальных сил, действие которых мы только что рассмотрели. Альбигойские крестовые походы положили конец открытому сопротивлению, но число еретиков не уменьшалось, только было труднее обнаруживать их, так как они стали тщательнее скрываться. Торжество грубой силы увеличило ответственность церкви, в то время как ее бессилие обнаружилось в чрезвычайном распространении ереси в течение XII века. Мы уже видели, как неумело местные прелаты пытались ответить на новые запросы, обращенные к их ревности. В принципе, раз есть основание предполагать скрытое преступление, в процессе имеется три определенных момента: обнаружение виновного, доказательство его виновности и, наконец, его наказание. Труднее всего было раскрыть и доказать преступление ереси, и когда развитие ее принимало угрожающие размеры, то те духовные лица, которым следовало подавить ее, должны были провести дело через эти три неизбежные ступени.

Епископы, погруженные, по большей части, в свои мирские интересы, ожидали, пока народная молва не указывала им на отдельного человека или на целую

группу людей, как на зараженных ересью. Когда виновность подозреваемого лица была выяснена, то редко находили внешние доказательства его вины, ибо, за исключением тех случаев, где многочисленность отпавших делала невозможным применение репрессий, сектанты всюду очень старательно исполняли все обряды религии; с другой стороны, духовенство, мало сведущее в богословии, обыкновенно было не в состоянии добиться признания у людей, привыкших к размышлению и более развитых, чем оно.

К счастью, пытка еще не применялась в судебной практике; но дикое применение ордалий, к которым так часто прибегали, показывает, насколько духовенство чувствовало себя бессильным перед лицом своих новых обязанностей. Даже сам св. Бернар одобрил эту меру, а Реймский собор 1157 года узаконил применение ее в тех случаях, где подозревалась ересь. Отдельные, более просвещенные отцы церкви относились к ней скептически, и Петр Кантор приводит много примеров в доказательство ее несправедливости. Одна бедная женщина, обвиненная в катаризме, была лишена пищи, пока на исповеди у декана она не убедила его в своей невинности и не получила от него совета подвергнуться испытанию раскаленным железом, но она выиграла только то, что подвергла себя дважды действию огня: сначала раскаленного железа, а потом костра. Тому же Суду Божьему был подвергнут собранием епископов один добрый католик, навлекший на себя подозрение своей бедностью и бледностью; он отказался от испытания, настаивая, чтобы епископы доказали ему, что человек, искушая Бога, не совершает смертного греха. Это желание несчастного было принято как непреложное доказательство его принадлежности к ереси, и он без долгих околичностей

BEATUS GREGORIUS PAPA,
ET VITÆ MERITIS HONORANDUS, ATQUE
IN ETHICIS ASSERTIONIBUS MERITO,
PENE CUNCTIS PRÆFERENDUS

Gene. Tolet. viii. ca.

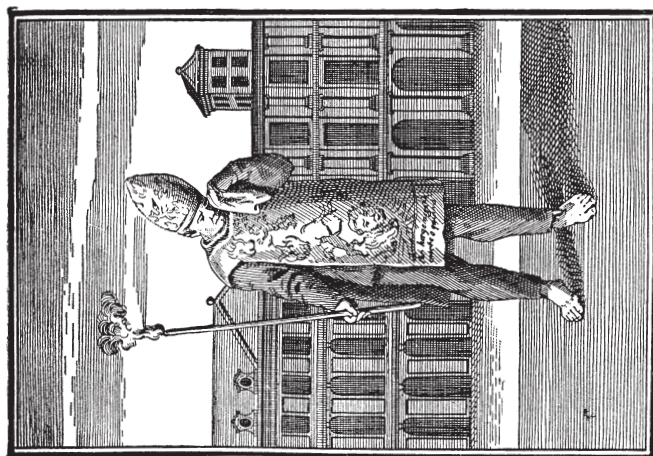
*Папа Григорий IX.
(1227–1241)*

был передан в руки светских властей и сожжен живым. Но мало-помалу, благодаря знакомству с римским правом, этот судебный прием потерял уважение в глазах церкви; Иннокентий III официально запретил его в 1212 году, когда епископ страсбургский, Генрих Веринген, применил его, чтобы уличить огромное число еретиков. Латеранский собор 1215 года, следуя примеру Александра III и Луция III, запретил лицам духовного звания участвовать в каком-либо Божьем Суде. Невежественные прелаты были поставлены в крайнее затруднение: как же узнать правду, не прибегая к Суду Божьему? В 1170 году Безансонский епископ дал характерный пример того, как современная ему юрисдикция пользовалась одновременно силами и Неба и Ада. В его епархии проявилось несколько еретиков, творивших чудеса. Он, как говорят, был человек образованный, но, тем не менее, чтобы рассеять свои сомнения относительно пришельцев – святые они или еретики – обратился к одному духовному лицу, очень сведущему в некромантии, и поручил ему узнать истину от Сатаны. Хитрый духовный сумел обмануть черта и добиться от него чистосердечного признания, и, таким образом, он узнал, что пришельцы были его слугами. Тотчас у них отобрали помогавшие им амулеты, и народ, сначала стоявший за них, без всякой жалости бросил их в огонь¹.

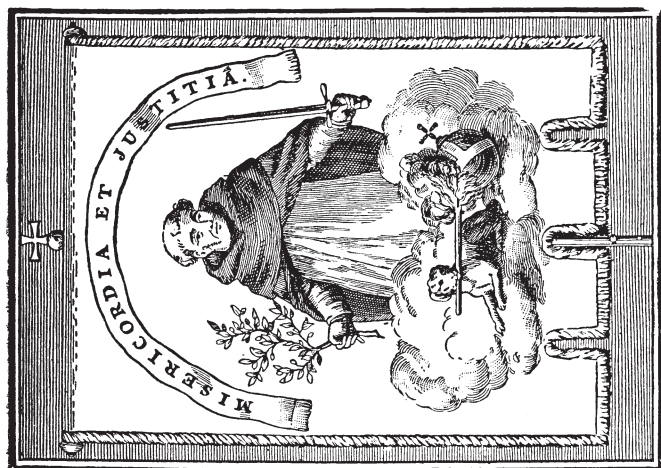
Когда не прибегали к сверхъестественным способам раскрытия истины, то судопроизводство было

---

¹ S. Bern., «Serm.» LXVI in Cantic. c. 12. – Hist. Vizeliacens. lib. IV. – Concil. Remens, ann. 1137, c. 1. – Caesar. Heisterb. «Dial. Mirac.» III, 16, 17; V, 18. – Guibert. Noviogent. «de vita sua» lib. III, c. 18. – Pet. Cantor. «Verb. abbrev.» c. 78. – Innoc. PP. III «Reg.» XIV, 138. – Alex. PP. III «Epist.» 74. – C. 8. Extra V. XXXIV. – Conc. Lateron. IV, c. 18.

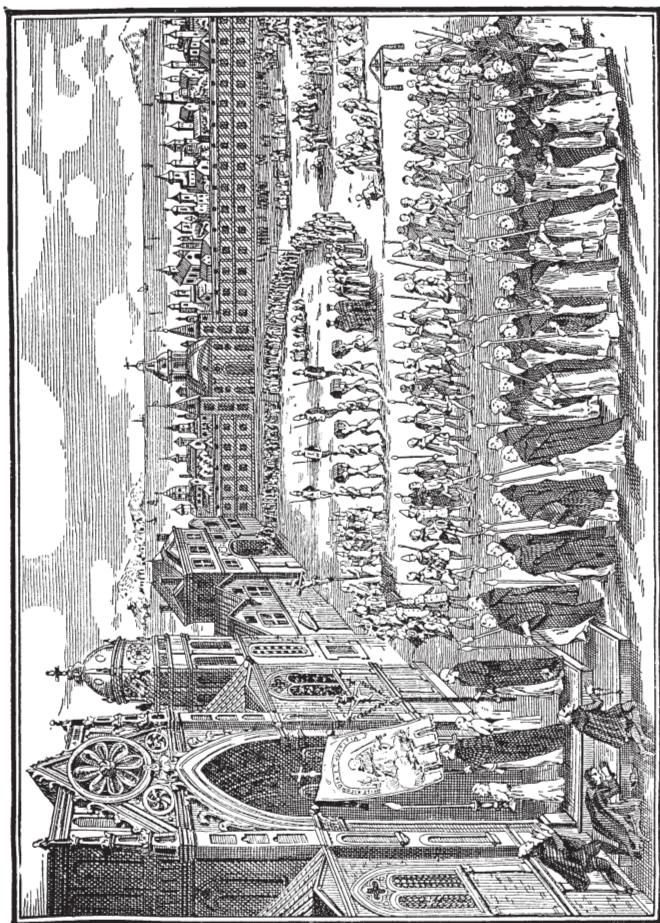
Осужденный в «санбенто»
(«Евр. Энциклопедия»)

Знамя инквизиции
(«Евр. Энциклопедия»)

чересчур сложно, чтобы дать действительный результат, ввиду того, что зло было сильно распространено, и виновных было очень много. В 1204 году реймский архиепископ Ги для суда над несколькими открытыми в Ренне еретиками призвал графа Роберта, двоюродного брата Филиппа-Августа, графиню Иоланду и много других светских и духовных лиц; все несчастные были приговорены к сожжению. В 1211 году, когда неверский епископ Гуго обвинил в катаризме рыцаря Эверара де Шатонеф, легат Октавиан собрал для суда над ними в Париже архиепископов, епископов и профессоров университета, которые и вынесли обвинительный приговор. Все это еще осложнялось высшим и всемирным судом Рима, который давал людям богатым и ловким возможность бесконечно затягивать дело и часто жить безнаказанно. Так, например, в 1211 году один каноник из Лангра, обвиненный в ереси, был призван местным епископом на собрание богословов, чтобы они испытали его. Хотя с него взяли клятву, что он явится, и хотя он дал даже ручательство в этом, он не явился и был осужден заочно после трех дней ожидания. Вдруг он явился в Рим и заявил папе Иннокентию, что его заставили поклясться и представить поручителей уже после того, как он обратился к суду Святого Престола. Папа отослал его к Санскому архиепископу, к Неверскому епископу и к магистру Роберту де Корзон, которые должны были испытать его католичество. Через два года, в 1213 году, мы снова находим его в Риме, причем он объяснял, что в назначенный час он побоялся явиться перед судьями, так как народ был настолько возбужден против еретиков, что сжигал не только виновных, но и подозреваемых. Он просил защиты папы и права подвергнуться *purgatio canonica* в Риме. Иннокентий снова отправил его об-

*Инквизиционная процессия
(«Евр. Энциклопедия»)*

ратно, предписав прелатам дать ему охранный лист и заботиться о его безопасности до тех пор, пока не будет рассмотрено его дело. Не представляет особого интереса узнать, был ли он виновен или невинен, был ли он осужден или оправдан, но случай с ним прекрасно показывает, что практиковавшаяся тогда система мешала действительному подавлению ереси¹.

Даже тогда, когда удавалось установить виновность, скала наказаний представляла ту же неопределенность. По делу катаров, которые в 1144 году соznались в своих убеждениях в Льеже, и которых с трудом удалось спасти от ярости толпы, духовные власти обратились к Луцию III с вопросом, как поступить с виновными? Подозреваемые в ереси, схваченные в 1162 году во Фландрии, были отосланы на суд Александра III, бывшего тогда во Франции; но папа отослал их к Реймскому архиепископу. Гильом, аббат Везелэ, пользовался правом неограниченного суда; однако, в 1167 году, имея в своих руках несколько еретиков, которые признались в ереси, он встретил такие затруднения, что обратился к собравшейся толпе с вопросом, какое наказание наложить на виновных? Единодушный крик: «Сожги их!» был ему ответом, и это решение было тотчас же приведено в исполнение; один из несчастных отрекся от своих заблуждений и был подвергнут испытанию водой, которое было для него неблагоприятно; после чего, несмотря на громкие крики народа, требовавшего, чтобы его сожгли, он был публично наказан кнутом и изгнан. В 1114 году Реймский епископ, обнаружив несколько еретиков при помощи испытания

---

¹ Chron. Landunens. Canon. ann. 1204 (D. Bouquet, XVIII, 713).— Chronolog. Roberti Autissiodor. ann. 1201.— Innoc. PP. III «Reg.» XIV, 15; XVI, 17.

водой, отправился на собор в Бове, чтобы выяснить, какому наказанию следует их подвергнуть; во время его отсутствия народ, боясь, что епископы помилуют их, разбил тюрьму и сжег узников¹.

Не следует, однако, думать, чтобы церковь совершенно не располагала средствами для подавления ереси, которое она считала одной из своих обязанностей. В начале карловингского возрождения предписания папы Захарии св. Бонифацию показывают, что единственное судопроизводство, допускаемое в то время, состояло в том, что созывался собор, и виновный отсылался в Рим, чтобы там его судили уже окончательно. Просветительная политика Карла Великого применила все судебные приемы, которые могли бы поддержать в империи порядок и безопасность; в его правительственной системе епископам было дано видное место. Им было поручено строго возбранять, совместно со светскими чиновниками, все суеверия и пережитки язычества, постоянно объезжать свои епархии, производя расследования по всем преступлениям, оскорбляющим Бога; таким образом, в их руках сосредоточилась значительная часть судебной власти, хотя они постоянно оставались в этом отношении в зависимости от государства. Во время волнений, которые сопровождали распад империи, когда феодалная система развивалась на развалинах монархии, епископы мало-помалу освободились от всякой зависимости от короны и, кроме того, приобрели широкие права и огромную власть в пределах канонического права, считавшегося тогда выше гражданского или муниципального закона. Таким образом,

---

¹ Martène, «Ampl. Coll.» I, 776–8. – Alex. PP. III, «Epist.» 118, 122; Varior. ad Alex. III, «Epist.» 16. – Hist. Vizeliacens. lib. IV. Guibert. Naviogent. 1. c.

образовались духовные суды, которые были в каждой епископии и которые пользовались исключительной судебной властью в области, постоянно расширявшейся. Естественно, заблуждения в деле веры подлежали их ведению и могли быть судимы только ими¹.

Устройство и функционирование этих судов получили сильный толчок благодаря изучению римского права со второй половины XII века. Знание составляло такую исключительную привилегию духовенства, что вначале было очень мало людей не духовного звания, которые были бы способны проникнуть в тайны Кодекса и Дигест. Еще во второй половине XIII в. Рожер Бекон жалуется, что гражданский адвокат, даже совершенно незнакомый с каноническим правом и богословием, имел гораздо более шансов на успех, чем богослов; и он с горечью восклицает, что церковь управляется адвокатами к великому ущербу христианского мира. Таким образом, еще задолго до того, как феодальные и сеньориальные суды испытали на себе влияние римского права, оно глубоко видоизменило принципы и приемы духовного судопроизводства. Старый архидьякон уступил свое место, не без проклятий, епископскому судье, известному под именем консисторского или ординарного, который обыкновенно был доктором *utriusque juris*, права канонического и права гражданского; результаты этой перемены сказались скоро, и духовное судопроизводство стало значительно выше грубого феодального и

---

¹ Hartzheim, «Concil. German.» I, 76, 85–6. – Capit. Car. Mag. ann. 769, c. 6; capit. II, ann. 813, c. 1. – Gratiani «Decret.» P. I, dist. X. – В другом месте я показал, как благодаря Лже-Декретиам развивалась духовная юрисдикция Церкви во время анархии, которой отмечен конец империи карловингов. См. Lea, «Studies in Church History» 2-е изд., c. 81–7, 326–339.

обычного права. Кроме того, скоро около этих епископских судов съютилось множество адвокатов из лиц духовного звания, которые зачастую были менее скромны, чем рьяны по отношению к своим клиентам; в их лице средние века впервые ознакомились с представителями сословия присяжных поверенных¹.

По примеру гражданского процесса, процесс уголовный заключал в себе три момента действия: *accusatio*, *denunciatio*, *inquisitio*. В *accusatio* выступал обвинитель, который нес на себе официальную ответственность и подвергался в случае неуспеха *talio*. *Denunciatio* была официальным делом государственного чиновника, как, например, *testis synodalis* или архидьякон, который созывал суд и просил его разобрать дело против обнаруженных им виновных сообразно с долгом, налагаемым на него его служебными обязанностями. В *inquisitio* консисторский судья вызывал на суд подозреваемое лицо, подвергая его, в случае надобности, предварительному заключению; обвинение, или *capitula inquisitionis*, предъявлялось ему, и его допрашивали по этому поводу с тем ограничением, что ничто, непричастное обвинению не могло быть введено в него позднее для увеличения его вины. Если обвиняемый не признавался в своем преступлении, судья приступал к допросу свидетелей, и хотя их допрашивали в отсутствии обвиняемого, тем не менее, ему сообщали их имена и их показания; он, в свою очередь, мог вызвать своих свидетелей, и его адвокат мог свободно защищать его всеми средствами, включая сюда аргументы, возражения

---

¹ S. Bernardi «de Consideratione», lib. I c. 4.— Rogeri Bacon «Op. Tert.» c. XXIV.— Pet. Blesens. «Epist.» 202.— Concil. Rotomag. ann. 1231, c. 48.— Относительно того, как быстро приняла Церковь римское право, см. собрание декреталий Александра III, «post. Concil. Lateran.».

и апелляции. Наконец, судья выносил свое решение; если виновность была сомнительна, он приговаривал к *purgatio canonica*, т. е. к присяге в подтверждение невиновности, приносимой вместе с обвинителем определенным числом лиц, равных ему по положению, число которых определялось сообразно с характером и тяжестью преступления. Когда осуждение было установлено следственным процессом, то наказание было всегда более легкое, чем в случае обвинения или доноса. Не видели опасности в судопроизводстве, в котором судья был в то же время и обвинителем; вообще человек должен был считаться виновным, пока судья не мог расследовать его дела, и было недостаточно, если его виновность подтверждалась небольшим числом лиц или его личными врагами, или людьми, недостойными доверия. Важно вспомнить эти справедливые правила епископской юрисдикции в то время, когда мы подходим к изучению новых методов, которые инквизиция не побоялась установить на подобном фундаменте¹.

В теории существовала также общая система розыска или постоянного следствия для раскрытия всяких преступлений, в том числе и ереси. Так как применение этой системы породило инквизицию, то нам следует остановиться на ней. Идея правильного розыска нарушителей закона была свойственна как гражданскому, так и каноническому суду. Хотя в римском праве и не существовало должности государственного прокурора, но проконсул должен был разыскивать виновных и наказывать их; в 202 году Септимий Север выделил преследование христиан из этого официального розыска. *Missi Dominici* Карла Великого были чиновниками, обязанными объезжать империю, собирая справки о всех случаях беспорядка,

---

¹ Fournier, «Les officialités du moyen-âge», Париж, 1880; с. 256 и сл., 273–1. – Cap. 19, 21, § 1, 2, Extra V. 1.

преступления, несправедливости, и они имели право суда как над мирянами, так и над духовными. Принимая жалобы и обвинения, они имели четыре заседания в год и имели право оправдывать и наказывать всех без различия положения. Этот институт сохранялся наследниками Карла Великого до тех пор, пока стоял твердо авторитет императорской власти; после капетингской революции, как только династия стала располагать правом суда за узкими пределами своего феодального владения, она приняла аналогичную систему *inquisitorum*, которые должны были контролировать действия чиновников и наблюдать за исполнением законов. Та же идея сказалась в разъездных судьях Англии – самое позднее с 1166 года, с эпохи Кларендонских Заседаний; следствия, к которым приступали в эту эпоху против тех, кто казался подозрительным в глазах населения, породили систему *Grand Jury*, прототип папской инквизиции в первоначальном ее виде. Те «инквизиторы и расследователи», которых мы находим в 1228 году в Вероне, и которых государство употребляло для раскрытия и наказания богохульников, имели тот же характер. Еще более полную аналогию мы находим в сардинских *Jurados* XIV в., как назывались в каждом округе избранные и принесшие присягу жители, обязанные разведывать о преступлениях, находить виновных и представлять их на суд¹.

---

¹ Fr. 13, Dig. I (Ulpian). – Allard, «Hist. des persécutions» Париж, 1885; стр. III. – Capit. Car. Mag. I. ann. 802; III. ann. 810; III. ann. 812. – Capit. Ludov. Pii V. VI. ann. 819; ann. 823. с. 28; Capit. Wormatiens. ann. 829. – Caroli Calvi Capit. apud. Carisiacum ann. 857; Edict. Pistens. ann. 864. – Carolomanni Capit. ann. 884. – Guill. Nangiac. Gest. S. Ludov. ann. 1255 (D. Bouquet, XX, 394, 400). – Du Cange, s. v. «Inquisitores». – Les. Olim, T. III, 169, 181, 211, 231, 358, 471, 501, 522, 529, 616. – Assisae de Clarendon, § 1 (Stubbs, «Select. Charters», 137; ср. с. 25. – Stubbs, «Constitutional. History» I, 99–100, 313, 530, 695–6. – Lib. Juris Civilis Veronae, с. 171 (изд. 1728 г., с. 130). – Carta de Logu, cap. XVI (изд. 1805 г., с. 30–2).

Церковь, вполне естественно, усвоила эту систему. Мы только что видели, что Карл Великий приказывал епископам старательно объезжать их епархии, разыскивая преступления; по мере роста компетенций духовных судов, увеличивалась эта следственная обязанность, и, по крайней мере, номинально, получила правильное устройство. Уже с начала X века мы видим практику (ложно предписываемую папе Евтихиану), которой позднее подражала инквизиция. Когда прибывал в приход епископ, то все население должно было собраться на местный приходский сход; тогда он избирал из числа людей зрелого возраста и заведомой честности нескольких, которые на святых мощах давали клятву открыть без страха и лицепрятия все, что они знали или могли узнать впоследствии, касающееся преступлений или злодеяний, требующих следствия. Эти *testes synodales* стали правильно функционирующим институтом церкви – по крайней мере, в теории, – и был составлен длинный вопросный лист для руководства епископов при их выборе, чтобы никакое отступление не могло ускользнуть от проницательности инквизиции.

Но эти благоразумные и хорошо обдуманые меры оставались благодаря небрежности епископов мертвой буквой. Когда Линкольнский реформатор, епископ Роберт Гростест, в 1246 году, по наущению францисканцев, приказал произвести общее расследование относительно нравственности жителей его епархии, то эффект был неожиданный, так как ясно обнаружилось, насколько забыли о самом институте.

Архидиаконы и деканы созвали дворян и простолюдинов и испытывали их под присягой согласно с каноническими предписаниями; но эта процедура породила такие соблазны, что король Генрих III был вы-

нужден вмешаться и приказал своим бальи прекратить ее¹.

Таким образом, церковь на бумаге обладала хорошо составленной организацией для раскрытия и испытания еретиков. Ей не хватало только способных исполнителей; и успехи ереси до эпохи альбигойских крестовых походов показывают, до чего епископы, поглощенные заботой об увеличении своих доходов, оставляли в небрежении свои прямые обязанности. Тщетно целый ряд пап, следовавших один за другим, делали попытки возбудить их ревность по мере того, как росла смелость еретиков. От имени собрания прелатов, которые в 1184 году присутствовали в Вероне при совещании Луция III и Фридриха Барбароссы, папа, уступая настояниям императора и с одобрения епископов, издал декреталий, и если бы он исполнялся точно, то он повлек бы за собой учреждение епископской, а не папской инквизиции. Кроме обязательной для всех суверенов присяги помогать церкви в преследовании ереси, было приказано всем архиепископам и епископам посещать – лично или через своих архидьяконов или других духовных лиц – раз или два в год все те приходы, где было малейшее подозрение в существовании ереси; они должны были заставить дать клятву двух или трех людей хорошей репутации, или, в случае надобности всех жителей, что они выдадут всякого подозреваемого в ереси или при-

---

¹ Reginon. «de Eccles. discip» lib. II, c. 1–3. – Burchardi «Decret.» lib. I, c. 91–4. – Gratiani «Decret.» P. II, c. XXXV. Q. VI, c. 7. – C. 7, Extra II, XXI. – Matt. Paris, ann. 1246 (изд. 1644 г., с. 480).

О продолжительных и бесплодных усилиях Церкви провести систему testes synodales см. Бенедикта XIV «de Synodo dioecesana» lib. IV, cap. III. Еще в 1590 г. С. Торрибо старался определить их обязанности на своих епархиальных синодах Лима (Haroldus, «Lima Limata», Roma, 1673, с. 290).

надлежащего к тайному обществу, или живущего иначе, чем большинство верных. Прелат должен был призвать к себе указанных ему таким образом людей и, если они не могли оправдаться, наказать их по своему усмотрению. Равным образом все те, кто откажется дать присягу вследствие излишней щепетильности, должны быть осуждены *ipso facto* и наказаны как еретики. Упорствующие еретики, отказывающиеся отречься и вернуться в лоно церкви после должной епитимии, а также те, которые снова впадут в заблуждение после того, как отрекутся от него, должны быть преданы в руки светской власти, чтобы получить заслуженное ими наказание. Во всем этом не было ничего нового; хотели лишь воскресить существующие учреждения и сделать попытку напомнить епископам об их обязанностях. Но важный шаг был сделан, когда папа в отношении ереси отменил все изъятия от епископского суда и подчинил епископам привилегированные монашеские ордены, которые зависели непосредственно от Рима. Кроме того, покровители ереси были объявлены неправоспособными быть адвокатами или свидетелями, равно как отправлять какую-либо общественную должность¹.

Мы уже видели, что это усилие совершенно разбилось о бездеятельность епископов. Но дело обстояло так, что, ввиду общего индифферентизма светских властей, даже и рвение их осталось бы без всякого результата. Когда епископ из Кастеляно писал Луцию III, что катары многих сворачивали в Венеции, и спрашивал его инструкций, то папа ограничился тем, что посоветовал ему накладывать епитимии на тех, кого он мог бы воссоединить с церковью, и брать с них письменное обязательство, что в случае их нового отпадения имущество их будет подвергнуто конфискации. Что касается упорствующих, то он

---

¹ Lucii PP. III «Epist.» 171.

должен публично отлучить их и постараться убедить дожа и народ не посещать их, преследовать их и разделить их имущество между верными. Но всего этого было мало для возбуждения епископов; оружие ржавело в их ленивых руках, и число еретиков росло и множилось, так что, в конце концов, Рим был вынужден, чтобы не потерять своей власти, призвать верных к оружию. Но он понял, что грубой победы мало, если он в то же время не организует преследования на новых принципах. В то время как Монфор и его банды угрожали еретикам, в Авиньоне собрался в 1209 году собор под председательством папского легата Гуго и принял целый ряд мер, которые, в сущности, суть не что иное, как подтверждение тех мер, которые предписал за двадцать пять лет перед этим папа Луций III. Существенное изменение заключалось в том, что допускалось вмешательство священников, которые в каждом приходе должны были быть присоединяемы к мирянам, *testes synodales*, или к местным расследователям ереси. Эта система, утвержденная в 1215 году, собором в Монпелье, вызвала многочисленные преследования и сооружения многих костров. Когда в 1215 году собрался Латеранский собор, чтобы утвердить, по-видимому, обеспеченные за церковью победы, инструкции Луция III были подтверждены в том же смысле. Надеялись обеспечить их точное исполнение, решив, что все епископы, которые будут небрежно исполнять свои обязанности в этом отношении, будут смещены и замещены другими, более способными бороться против ереси¹.

---

¹ Concil. Avenionens. ann. 1209, c. 2.— Concil. Monspessul. ann. 1215, c. 46.— Collect. Lipsiens. Tit. liv. cap. 2 (Friedberg, «*Quinque compilat. antiquae*», 204).— Douais, «*Les sources de histoire de l'Inquisition*», в «*Révue des questions historiques*», 1-е окт., 1881 г., c. 401.— Concil Lateran. IV, c. 2.

Эта угроза высшего в христианском мире собора не оказала желательного действия. Правда, то там, то сям появлялись фанатики вроде Фулька Тулузского или Генриха Страсбургского, которые все свои силы клали на подавление ереси, но большинство прелатов оставалось небрежным, как и прежде, и мы не находим следа, чтобы постарались инквизицию из теории перевести на практику. Нарбоннский собор 1227 года предписал всем епископам назначить в каждой епархии *testes synodales*, чтобы разыскивать еретиков и других отпавших и доносить о них епископским чиновникам; но прелаты собора, удовлетворившись этим проявлением энергии, разошлись по домам и предоставили вещи их естественному ходу. Мы и без свидетельства современника Луки Тьюи знаем, что большинство епископов относилось безразлично к ереси, а другие обращали ее в источник доходов. Когда их упрекали в бездеятельности, они отвечали: «Как осуждать людей, которые не уличены в преступлении и не признаются в нем»? Не более успеха имел собор в Безье 1234 года, когда он приказал приходским священникам составлять списки подозреваемых и строго наблюдать за ними¹. Апатию светского духовенства ничто не трогало.

Образовывая по временам нечто вроде инквизиции легатов, папы старались оправдать это индифферентизмом епископов. По мере того, как юрисдикция пап расширилась под влиянием системы Григория VII, легат сделался очень полезным орудием, чтобы дать почувствовать могущество папы во внутренних делах епархии. Являясь прямыми и полномочными представителями наместника Бога, легаты несли с собой и

---

¹ Concil. Narbon. ann. 1227, c. 14.— Lucae Tudens. «De altera vita» c. 19.— Concil. Biterr. ann. 1234, c. 5.

представляли высшую власть Святого Престола в самых отдаленных углах христианского мира. Было неизбежно, чтобы в один прекрасный день их употребили для возбуждения вялого преследования. Мы уже видели, какую роль они играли в делах альбигойцев, начиная с эпохи Генриха Ситоского и до эпохи кардинала Романо. При отсутствии всякого правильного судопроизводства ими пользовались даже в специальных случаях, чтобы выставить невежество местных прелатов; так, например, в 1224 году Гонорий III приказал Гильдесгеймскому епископу Конраду представить на суд легата Чинтио, кардинала Опорто, Генриха Миннеке, приора монастыря С.-Марии в Госляре, которого епископ держал в тюрьме по подозрению в ереси. А в Тулузе, после Парижского договора 1229 года, был дан самый замечательный пример совместной деятельности легата и епископа – свидетельство неясности, которая господствовала еще относительно роли, перешедшей к инквизиции. В июле граф Раймунд, примирившийся с церковью, возвратился в свои владения в сопровождении кардинала-легата Романо; он должен был обеспечить себе исполнение договора и распустить шайки «пилигримов», которые мстили за свое разочарование, уничтожая посевы и создавая в стране голод. В сентябре в Тулузе собрался собор, на который явились все прелаты Лангедока и большая часть наиболее влиятельных баронов. Этот собор принял канон, опять предписывавший всем архиепископам, епископам и независимым аббатам применять на практике систему *testes synodales*; но не видно, чтобы это постановление было исполнено. Однако по настоянию легата и Фулька Тулузского, сам собор превратился в трибунал инквизиции. Был открыт совершенный катар Гилльем де Солье, который, будучи обращен, был восстановлен в своих правах, чтобы он мог быть свиде-

телем против своих прежних собратьев; со своей стороны, Фульк проявил ревность, разыскивая повсюду других свидетелей. Все присутствовавшие епископы посвятили свои силы допросу их, а затем послали Фульку их письменные показания, так что, говорят нам, огромная работа была окончена в самое короткое время. Было выяснено, что еретики обещали друг другу хранить тайну, и что от них почти ничего нельзя было узнать; но некоторые из них, более богобоязненные, забежали вперед и принесли сознание; тогда, чтобы быть воссоединенными с церковью, они, по существующей практике, должны были сказать все, что знали про других еретиков. Таким образом, было собрано очень много свидетельств, которые легат стал изучать, чтобы сделать постановление относительно обвиняемых; взяв дело, он из Тулузы перебрался в Монпелье. Небольшое число более смелых отпавших пыталось защищаться юридически и просило сообщить им имена свидетелей; для этого они даже последовали за легатом в Монпелье. Но последний, ссылаясь на то, что хотели предать смерти доносчиков, ловко увернулся, представив обвиняемым общий список всех свидетелей, так что несчастные были вынуждены покориться, не имея возможности защищаться. После этого легат отправился в Оранж на другой сбор и оттуда сообщил Фульку приговоры, которые были объявлены обвиняемым, собранным для этого в церкви св. Иакова. Все следственное дело было отвечено легатом в Рим из боязни, чтобы оно не попало в руки людей мстителей и не вызвало насилий против свидетелей. На самом деле многие свидетели, которых только подозревали, были немного позднее перебиты¹.

---

¹ Potthast, № 7260.— Concil. Tolosan. ann. 1229, c. 1, 2.— Guill. de Pod. Laur. c. 40.— Guil. Pelisso, «Chron.» (изд. Molinier, c. 16).

Все это показывает, насколько епископская или легатская инквизиция были неудобны, даже в самых энергичных руках, насколько это судопроизводство было неправильно и неопределенно. В последующие годы мы находим несколько примеров употребления *testes synodales*, как, например, на соборе в Арле в 1234 году, на соборе в Туре в 1239 году, на соборах в Безье в 1246 году и в Альби в 1254 году, а равным образом в грамоте Альфонса де Пуатье, который в 1257 году убеждал епископов учредить этих свидетелей согласно канонам Тулузского собора. За эти же годы встречаются также и отдельные случаи инквизиции легатов. В 1237 году инквизиторы Тулузы действовали с полномочиями легатов, как уполномоченные легата Иоанна Виенского; когда в том же году население Монпелье просило помощи папы в борьбе против ереси, то последний послал Иоанна Виенского, поручив ему строго расследовать дело. Равным образом не были приняты во внимание права епископов в 1239 году, когда Григорий IX предписал тулузским инквизиторам следовать указаниям его легата. Однако само воспоминание об этих обязанностях легатов скоро так совершенно забылось, что в 1351 году флорентийские власти просили папского легата взять обратно жалобу, предъявленную им против аббата камальдульцев, так как-де республика никогда не допускала, чтобы ее граждане судились по таким обвинениям кем-либо другим, кроме инквизиторов. Когда в 1257 году инквизиторы Лангедока жаловались на инквизиторскую ревность Авиньонского епископа, легата Зона, то Александр IV решил, что его легат не имел никакого права действовать так за пределами своей епархии¹.

---

¹ Concil. Arelatens. ann. 1234, c. 5.— Concil. Turonens. ann. 1239, c. 1.— Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 1.— Concil. Albiens. ann. 1254, c. 1.— Archives de l'Inq. de Carcassonne (Coll. Doat, XXX, 250).— Vaissete,

Общественное мнение господствующих классов Европы требовало, чтобы ересь была, во что бы то ни стало, уничтожена; и, однако, когда кончилось открытое сопротивление, желанная цель, казалось, была дальше, чем когда-либо прежде. Епископ и легат не были способны обнаруживать еретиков, прикрывавшихся плащом верности католичеству; а когда случайно открывалось гнездо еретиков, то консисторский судья обыкновенно не был ни достаточно подготовлен, ни достаточно ловок, чтобы вырвать признание у тех, которые выставляли себя совершенно во всем согласными с учениями Рима. При отсутствии открытой вражды к церкви, было довольно трудно раскрыть тайные мысли сектантов; для этого нужны были специально подготовленные люди, единственным делом которых было бы исследование чужих убеждений; так как необходимость в этом становилась все более настоятельной, то два новых фактора помогли разрешению задачи.

Первым фактором была организация нищенствующих орденов, особенно пригодных на работу, которая была не под силу епископским судам. Учреждение этих орденов казалось вмешательством Провидения, пожелавшего дать для церкви Христа оружие, которого у нее недоставало. Раз была признана необходимость специальных и постоянных судов, исключительно назначенных для подавления ереси, то казалось естественным, чтобы они были совершенно изъяты из-под влияния местных страстей и личных счетов, которые могли погубить невинного, или из-под влияния местной протекции, которая могла оказать покровитель-

---

III, Priv. c. 385–6.—Raynald. «Annal.» ann. 1237, № 32.— Archives de France, J. 430, № 19, 20.— Archivio di Firenze, «Riformagioni», cl. V, fol. 80.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 239).

ство виновному. Если, сверх всего, следователями и судьями являлись люди, специально подготовленные для раскрытия и обращения еретиков, если они бесповоротно отреклись от мира, если, наконец, они не могли обогащаться и были нечувствительны к приманкам мирских наслаждений, то, казалось, беспристрастное и строгое выполнение ими своих обязанностей было гарантировано. С одной стороны, действительно, надо было охранять чистоту веры; с другой – можно было рассчитывать, что здесь не будет ни давления, ни бесполезных жестокостей, вызываемых частными интересами и личной местью. Огромная популярность монахов обеспечивала им со стороны населения усердное содействие, на какое не могли рассчитывать епископы, обыкновенно находившиеся во враждебных отношениях со своими духовными чадами, а также и с могущественными баронами и сеньорами, поддержка которых была необходима. Конечно, нищенствующие ордены были особенно преданы папству, и они сделали из инквизиции могущественное орудие для увеличения влияния Рима и для уничтожения последних остатков независимости местных церквей. Но если эти соображения помогли в течение времени расширению их деятельности, то совершенно невероятно, чтобы они руководили учреждением в начале его. Таким образом, в глазах общества XIII века, устройство инквизиции, врученной в руки доминиканцев и францисканцев, казалось естественным и даже неизбежным лекарством против зол, которые тяготели над этой эпохой.

Другим фактором, способствующим успехам церкви в предпринятой ею задаче преследования, было светское законодательство против ереси, которое начало тогда облекаться в определенную форму. Мы уже видели, что в Англии и в Арагонии в XII веке появлялись отдельные эдикты, направленные против

ереси; но весь их исторический интерес заключается только в том, что они показывают отсутствие уголовного кодекса. Фридрих Барбаросса не сделал ничего, чтобы привести в исполнение правила, опубликованные Луцием III в Вероне в 1184 году, хотя они и были санкционированы императором. Действие обычного права, принятого Монфором в 1212 году в Памье, естественно прекратилось одновременно с его непродолжительным господством. Правда, были некоторые попытки законодательства относительно еретиков, когда в 1194 году император Генрих VI предписал конфисковать их имущество, накладывать на них суровые наказания, разрушать их дома и подвергать крупным штрафам общины и отдельных лиц, если они не будут содействовать их задержанию; но тот факт, что в 1210 году эти предписания были снова подтверждены Оттоном IV, показывает, что они скоро были забыты. Некоторые дошедшие до нас от той эпохи эдикты свидетельствуют о неправильном и случайном характере мероприятий светской власти против ереси. Так, например, в 1217 году Нуньез Санчо де Росельон постановил, что еретики должны стоять вне закона; в 1228 году Иаков I Арагонский последовал его примеру, что может служить доказательством, что эта мера была нововведением. С другой стороны, статуты Пиньероля 1220 года ограничиваются лишь наложением штрафа в десять су на всякое заведомо вальденское помещение. За несколько дней до своей смерти Людовик VIII, король французский, предписал за ересь конфискацию имущества и лишение всех прав, а государственные чиновники получили приказание непосредственно карать всех тех, кто будет уличен в ереси. По действовавшим в 1227 году статутам Флоренции епископ во всех случаях преследования ереси должен был действовать

совместно с подестатом, что было серьезным ограничением автономии епископских судов. В Милане в 1228 году были приняты новые законы по настоянию папского легата Готфрида: все еретики должны быть изгнаны из пределов республики, дома их должны быть разрушены, имущество конфисковано, личность их поставлена вне закона; более или менее крупному штрафу подвергался всякий, кто дал бы им пристанище. Для розыска еретиков, которых должны были допрашивать и судить архиепископ и подестат, была учреждена полусветская, полудуховная инквизиция; причем подестат должен был в десятидневный срок предавать смертной казни всех, кто будет уличен в ереси. В Германии в 1231 году вышло постановление Генриха VII, определявшее судьбу имений, конфискованных у еретиков; аллодиальные владения могли быть переданы их наследникам, что, как мы увидим ниже, противоречило всему последующему законодательству¹.

Чтобы создать и пустить в ход стройную систему преследования, надо было сломить центробежную тенденцию средневекового законодательства, которое рельефнее всего сказалось в свободной Наварре, где всякий сколько-нибудь значительный город имел свой собственный *fuego*, где почти всякий дом имел свой обычай. Иннокентий III попытался на Латеранском соборе 1215 года обеспечить единство целым рядом суровых постановлений, определявших положение церкви в отношении еретиков, а также обязанности

---

¹ Lami, «Antichità Toscane», с. 484, 504, 524.— Muratori, «Antiq. Ital.» Diss. LX (т. XII, с. 447).— D'Achery «Spicil.» III, 558, 598.— Charvaz, «Origine dei Valdesi», Турин, 1838, app. № XXII.— Isambert. «Anc. Loix Franç.» I, 228.— Corio, «Hist. Milanese», ann. 1228–9.— Hist. Diplom. Fridr. II, т. III, с. 446.

светской власти, которая должна была уничтожать их под угрозой обвинения в вероломстве. Это составило даже особую главу в каноническом праве, но вследствие полного отсутствия деятельной помощи светских властей, все эти предписания долгое время оставались мертвой буквой. Ожесточенному врагу церкви, Фридриху II, было предназначено судьбой уничтожить в большей части Европы особенности местных законов и отдать население на усмотрение соглядатаев, которых папы находили нужным посылать к нему. Он нуждался в расположении Гонория III, чтобы быть коронованным в 1220 году; а когда произошел неизбежный разрыв, то в его интересах было снять с себя обвинение в ереси, которое так часто бросали ему, и поэтому он проявлял особое рвение в преследовании еретиков, хотя, несомненно, что, если бы он был свободен в действиях, благодаря своему философскому индифферентизму терпел бы всякое верование, которое не было бы опасным для его власти¹.

В ряду указов, вышедших с 1220 по 1239 год, Фридрих II опубликовал подробный и безжалостный кодекс преследования, основанный на канонах Латеранского собора. Те, которых только подозревали в ереси, должны были по распоряжению церкви подвергнуться *purgatio* под страхом лишения гражданских прав и изгнания из пределов Империи; если они находились в подобном положении в течение года, то их осуждали как еретиков. Все еретики, без различия их учений, были вне закона; раз они были осуждены церковью, их следовало выдать светским властям для того, чтобы их сожгли живыми. Если из страха перед смертью они отступали от своих верований, то их следовало заклю-

---

¹ De Lagrèze, «La Navarre Française» I, XXI; II, 6.— Conc. Lateran. IV, c. 3 (C. 13 Extra V. VII).

чить в тюрьму на всю остальную жизнь и наложить на них епитимию; если же они снова впадали в свои заблуждения, то их нужно было предать смерти, так как их обращение было неискренне. Все имущество еретиков подлежало конфискации, и их законные наследники лишались права наследования. Их дети до второго поколения признавались неспособными занимать какую-либо должность, если они не заслуживали прощения, сделав донос на своего отца или на какого-либо еретика. Все верующие, соумышленники, покровители, защитники или ходатаи еретиков подлежали вечному изгнанию, их имущество подвергалось конфискации, а их дети разделяли участь детей еретиков. Защищавшие заблуждения еретиков должны были рассматриваться как еретики, если только они не меняли своего поведения после предупреждения. Дома еретиков и тех, кто давал им пристанище, должны быть разрушены и более не возобновляемы.

Хотя свидетельство еретика не принималось в судах, но было сделано исключение, если его показания были направлены против другого еретика. Всякий, облеченный государственной властью, чиновник или магистрат, должен был давать присягу, что он будет работать на уничтожение тех, кого церковь признает еретиками, под страхом потери власти. Если светский сеньор, призванный церковью изгнать еретиков из своих владений, не исполнит этого в течение более чем одного года, то его земли может занять всякий первый католик, который, после того как изгонит из них еретиков, может спокойно владеть ими, не нарушая прав сюзерена, при условии, что не будет идти против него.

Когда была учреждена папская инквизиция, Фридрих в 1232 году поторопился предоставить в распоряжение инквизиторов все силы государства; они имели

право требовать вмешательства чиновников, чтобы схватить тех, кого они признавали еретиками, и держать их под арестом до произнесения приговора, по которому виновных следовало предать смерти¹.

Это ужасное законодательство было принято церковью с большой радостью, и в отличие от прежних не осталось мертвой буквой. Коронационный эдикт 1220 года был послан Гонорием в болонский университет, чтобы его читали и объясняли при изучении права. Он был внесен в утвержденный сборник феодального права, и его самые суровые предписания стали отныне частью гражданского кодекса. Ряд последующих эдиктов Фридриха был обнародован папами при помощи булл, которые приказывали всем государствам и всем городам внести навеки эти законы в их местные кодексы. Наблюдение за этим было возложено на инквизиторов, которые должны были также брать с чиновников и магистратов присягу, что они будут руководствоваться этими эдиктами, и отлучать

---

¹ Hit. Diplom. Frid. II. T. II, 4–6, 422 t. IV, 6–8, 299–302; t. V, 201, 279–80. Коронационный эдикт, послуживший основанием для всего последующего законодательства, был отредактирован папской курией и за две недели до церемонии отослан епископу-легату Тускулума с приказанием получить императорскую скрепу и вернуть этот документ, чтобы можно было обнародовать его от имени императора в церкви св. Петра (Raynald. «Annal.» ann. 1220, № 19. – Hist. Diplom. I. II, 880). Для духовенства той эпохи было вопросом жизни, чтобы Церковь толкнула светских монархов на путь самого сурового преследования.

Несомненно, признание эдиктами Фридриха II еретиков стоящими вне закона позволило Инквизиции признать в принципе, что еретик мог быть ограблен всяким и во всякое время, и что грабитель мог присвоить себе все его имущество при том условии, само собой разумеется, чтобы он сам не был служителем святого трибунала («Tract. de Inquisitione», Doat. XXXVI).

их в случае отказа дать присягу. Когда в 1222 году магистраты города Риети приняли законы, шедшие вразрез с законами Фридриха, то Гонорий предписал, чтобы виновные были немедленно смещены; в 1227 году население Римини оказало сопротивление, но было принуждено смириться; в 1253 году некоторые ломбардские города колебались, но их посетили инквизиторы Иннокентия IV, и они были скоро выведены на правый путь; в 1254 году Асти принял эдикты, как нераздельную часть своего местного законодательства; 10 сентября 1225 года его примеру последовал Комо; даже в 1335 году при пересмотре флорентинских законов эти эдикты пользовались еще уважением. Наконец, они были внесены в последние добавления к *Corpus juris* как основные положения канонического закона, и, по крайней мере, номинально, они не отменены и до сего времени¹.

Таким образом, значительная часть Европы от Сицилии до Северного моря узнала костер; не замедлили последовать благому примеру и западные страны. Одновременно с Парижским трактатом 1229 года вышел от имени малолетнего Людовика IX королевский

---

¹ Hist. Diplom. Fridr. II. T. II, 7.— Post. Lib. Feudorum.— Post constt. IV. XIX Cod. I, V.— Innoc. PP. IV. Bull. «Cum. adversus», 1243, 1252, 1254; Bull. «Orthodoxal» 27 apr. 14 maii 1252.— Alex. PP. IV Bull. «Cum. adversus» 1258.—Ejusd. Bull. «Cupiente» 1260.— Clement. PP. IV. Bull. «Cum. adversus», 1265.— Wadding. «Annal. Minor.» ann. 1261. № 3; ann. 1289. № 20.— Urbani PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 1262, § 12.— Epistt. saeculi XIII, № 191 (Monum. Hist. German.).— Eymerici «Direct. Inquis.» изд. Pegnae, 1607, c. 302.— Innoc. PP. IV. Bull. «Ad Aures», 2 apr. 1253.— Sclopis, «Antica Legislazione del Piemonte», 440.— Bernardi Comens. «Lucerna Inquisit.» s. v. «Executio», № 3. Archivio di Firenze, «Reformagioni», classe II, dist. I. № 14.— Potthast, № 7672.— C. 2 in Septimo, V. 3.

указ, обещавший церкви в ее борьбе с еретиками помощь королевских чиновников. В землях которые остались в руках графа Раймунда, колебания его политики порождали многочисленные жалобы; наконец, в 1234 году он был принужден обнародовать с согласия прелатов и баронов устав, выработанный фанатиком Раймундом дю Фога Тулузским, в который вошли все пункты закона Фридриха, и который установил конфискацию имущества всякого, кто, вопреки призыву церкви, откажется помочь схватить или заключить в тюрьму еретика. В сборниках и юридических сочинениях последней половины XIII века мы находим эту систему уже вполне установившейся, как закон общий для всей страны; в 1315 году Людовик Сварливый распространил действие эдиктов Фридриха на всю Францию¹.

В Арагонии Иаков I эдиктом запретил всем еретикам проникать в его владения, несомненно, ввиду массы беглецов, приходивших из Лангедока, где в это время (1226 г.) был с крестоносцами Людовик VIII. В 1234 году он совместно со своими прелатами редактировал целый ряд законов, касающихся учреждения самой суровой епископской инквизиции при поддержке королевских чиновников; в них мы впервые находим изданное светской властью запрещение переводить Библию на народный язык. Все, у кого имелись переводы Ветхого и Нового Завета *in romancio*, должны были в течение восьми дней принести их к епископам для сожжения; тем же, кто не исполнит этого, грозило подозрение в ереси. Таким образом, за исключением остальной части Пиренейского полу-

---

¹ Isambert, «Anc. Loix, Franç.» I, 230–33; III, 126.– Harduin. «Concil.» VII, 230–8.– Guil. de Pod. Laur. c. 42.– «Etablissement», liv. I, c. 85, 123.– «Livres de Justice et de Plet» liv. I, tit. III, § 7.

острова и народов севера, где ересь никогда не пускала своих корней, все христианские государства подчинились церкви в деле подавления ереси; и когда была учреждена инквизиция, то соблюдение этого законодательства было одной из главных обязанностей инквизиторов, бдительность которых должна была гарантировать его полное и неуклонное применение¹.

В Италии в эту переходную эпоху ревность к вере или простое соревнование были причиной многочисленных попыток основания светской инквизиции. В Риме в 1231 году Григорий IX составил ряд правил, которые были опубликованы от имени римского народа сенатором Аннибальдо. На сенатора возлагалась обязанность арестовывать всех тех, на кого укажут ему как на еретиков, если донос на них будет сделан инквизитором или просто добрым католиком; наказание должно было быть приведено в исполнение через 8 дней после осуждения. Из их имущества, подвергавшегося конфискации, треть следовала свидетелю, треть сенатору и треть предназначалась на восстановление городских стен. Всякий дом, где им дали бы приют, должен быть разрушен, а место его обращено под свалку нечистот. С верующими поступали как с еретиками; соумышленники, покровители и т. п. лишались третьей части своего имущества, которое шло на сооружение стен. Всякий, кто не доносил на известного ему еретика, подвергался штрафу в двадцать лир; сенатор, который небрежно исполнял закон, подвергался штрафу в двести марок, и лишался права зани-

---

¹ Archives Nat. de France, J. 426, № 4.— Martène, «Ampl. Coll.» VII, 123–4.— Bernard Guidon. «Practica» P. IV (Coll; Doat, XXX).— Clement. PP. IV. Bull. «Prae cunctis», 23 febr. 1266.— Тулузский собор уже в 1229 г. запретил мирянам иметь Св. Писание даже на латинском языке (Concil. Tolos. ann. 1229, с. 14).

мать государственные должности. Чтобы оценить всю тяжесть этих штрафов, мы должны вспомнить о бедственном положении Италии той эпохи, о скудости повседневной жизни, о редкости благородных металлов, засвидетельствованной отсутствием золотых и серебряных украшений на одежде того времени. Не удовольствовавшись тем, что эти суровые правила были обнародованы на месте, Григорий IX разослал их копии ко всем архиепископам и владетельным князьям Европы с приказанием применять их на практике в их владениях, где в течение некоторого времени они служили основанием для судопроизводства инквизиции. В Риме преследование еретиков удалось превосходно, и верные могли радоваться при виде многочисленных пылающих костров. Ободренный успехом, папа издал Декреталий, легший в основание всего последующего инквизиционного законодательства, в силу которого осужденные еретики должны были передаваться в руки светской власти для получения примерного наказания; те, кто возвращался в лоно церкви, подвергались пожизненному тюремному заключению, и всякий, узнавший о малейшем проявлении ереси, должен был доносить о нем духовным властям, под страхом отлучения от церкви¹.

В то же время Фридрих II, желавший, насколько возможно, ограничить влияние Рима в своих Неаполитанских владениях, возложил там дело преследования на чиновников короны. В своих Сицилийских Конституциях, изданных в 1231 году, он приказал

---

¹ Raynald., «Annal.», ann. 1231, № 13, 18.— Ripoll., I, 38.— Ricobaldi Ferrar, «Hist. Imp.» ann. 1234.— Paramo, «de orig. Offic. S. Inq.», 177.— Richardi de S. Germano, «Chron.» ann. 1231.— С. 15 Extra V, VII (в этом каноне noluerint, очевидно, ошибка — вместо voluerint).— Hartzheim, «Concil. German.» III, 540.

тщательно разыскивать «еретиков, скрывавшихся во мраке». Те, на кого падет даже самая ничтожная тень подозрения, должны быть задерживаемы и испытываемы духовными лицами, а кто окажется хоть в чем-нибудь несогласным с католической религией, должны были, в случае упорства, идти на костер, которого, по-видимому, они сами искали. Всякий, кто осмелится вступить за них, испытает на себе гнев императора. Если мы примем во внимание, что это законодательство исходило от императора-вольнодумца, то мы поймем, как велика была тогда сила общественного мнения, бороться с которым не осмелился даже Фридрих II; и он не ограничился одними пустыми угрозами, так как тотчас же последовал длинный ряд преследований. Два года спустя, император писал Григорию, жалуясь, что всего этого недостаточно, и ересь ширится и извещал его, что он предписал судье каждого округа предпринять расследование в сотрудничестве с некоторыми прелатами. Епископам он вменял в обязанность объезжать их епархии в сопровождении, если понадобится, специально назначенных для этого судей. В каждой провинции два раза в год происходили заседания главного суда, на которых ересь каралась наравне с другими преступлениями. Однако Григорий был далек от того, чтобы поздравить Фридриха с учреждением правильного преследования; наоборот, он ответил ему, что ревность его идет по ложному пути, так как он карает своих личных врагов и скорее сжигает добрых католиков, чем еретиков¹.

Среди этих неопределенных и неправильных усилий, направленных к подавлению ереси, Святому

---

¹ Constit. Sicular., lib. I. Tit. I.— Hist. Diplom. Fridr. II. T. IV, 1, 35, 444.— Rich. de S. Germano, «Chron.», ann. 1233.— Giannone, «Istoria civile di Napoli», lib. XVII, c. 6; XIX, c. 5.

Престолу было естественно вмешаться и постараться найти однообразную систему для выполнения этой великой задачи; можно только удивляться, что он поздно взялся за это, и что в начале своего вмешательства он действовал крайне неуверенно и робко.

В 1226 году попытались положить предел быстрому распространению катаризма во Флоренции тем, что арестовали еретического епископа Филиппа Патернона, диоцеза которого простиралась от Пизы до Ареццо. Согласно законам Флоренции, его судили вместе архиепископ и подестат. Но он прервал суд, отрекшись от своих заблуждений, и был выпущен на свободу. Однако вскоре он снова отпал от католичества и сделался еще более нетерпимым катаром. В 1227 году один обращенный еретик пожаловался на это вероотступничество Григорию IX, и папа, только что вступивший на престол Святого Петра, поторопился исправить зло, назначив следствие, которое можно рассматривать как первый случай папской инквизиции. Послание, датированное 20 июня 1227 года, уполномочивало приора доминиканского монастыря Санта-Мария-Новелла, Джованни ди Салерно, совместно с одним из братьев и каноником Бернардо возбудить против Патернона и его приверженцев судебное дело и заставить их отречься; в случае их упорства они должны были действовать согласно с канонами Латеранского собора и, если понадобится, пригласить себе на помощь духовных и мирян епископий Флоренции и Фиезоле. Таким образом, папа не задумался вторгнуться в юрисдикцию епископа Флоренции; но с другой стороны, он не мог применить другого законодательства, кроме канонов Латеранского собора. Папским уполномоченным удалось захватить епископа Патернона, но его силой отбили его друзья, и

он скрылся, оставив епархию своему преемнику Торселло¹.

Бр. Джованни сохранял папское полномочие до самой своей смерти, когда его заменил другой доминиканец Альдобрандино Кавальканти. Но их юрисдикция была еще крайне неопределенна, так как в июне 1229 года аббат из С.-Миниато представил к папе в Перузу двух ересиархов, Андрея и Петра, которые были вынуждены публично отречься в присутствии папского двора; в 1234 году мы неоднократно видим, что Григорий IX лично вмешивается, отпускает обвиненного на поруки и посылает частные указы действующему инквизитору. Но все же инквизиция уже принимала определенную форму, так как немного позднее было открыто много еретиков, из которых некоторые были сожжены живыми (судебные дела сохранились до нашего времени в архивах аббатства С.-Мария-Новелла). Несомненно также, что еще не думали об основании постоянного учреждения, как это видно из выработанных в 1233 году епископом Ардинго статутов преследования, одобренных Григорием и внесенных по его приказанию в сборник статутов Флоренции. Епископ выступает там еще представителем церкви в деле преследования и нет никакого намека на инквизиторов. Подестат был обязан задержать всякого, на кого укажет ему епископ, и покарать его через восемь дней после того, как епископ вынесет осуждение; другие пункты взяты из эдиктов Фридриха II. Брат Альдобрандино, по-видимому, придавал больше значения проповеди, чем преследованию; но вообще, во всех скрепленных им документах он не называет себя инквизитором, и нужно сказать, что его усилия помешать распространению ереси, были столь же безрезультатны, как и уси-

---

¹ Lami, «Antichità Toscane», 493–4, 509–10, 546.

лия епископа Ардинго. В 1235 году, в то время, как проект правильной инквизиции по всей Европе облекался в плоть, Григорий назначил доминиканского провинциала в Риме инквизитором своей обширной области, охватывавшей Сицилию и Тоскану; но эта область оказалась, по-видимому, чересчур обширной, и в 1240 году мы видим город Флоренцию в ведении брата Руджиери Кальканьи. Это был человек, очень расположенный расширить свои prerogative и усилить свою власть; но только в 1243 году он назвал себя впервые *Inquisitor Domini Papae in Tuscia*. В решении, постановленном им в 1245 году, он именуется инквизитором епископа Ардинго и папы и гордится данным ему от епископа поручением. В делопроизводстве этой эпохи еще сильно сказывается рудиментарный характер инквизиции. Под признанием 1244 года подписались только два *fratì*, имени инквизитора под ним не имеется. От 1245 года одни решения дошли до нас, подписанные одним Руджиери, тогда как в других делах он действовал совместно с епископом Ардинго. Можно сказать, что он был истинным творцом инквизиции во Флоренции, когда в 1243 году он объявил свой суд независимым от С.-Мария-Новелла, избрав членами своего суда двух или трех выдающихся братьев монастыря и употребив общественных нотариусов для ведения письменных протоколов делопроизводства¹.

Из предыдущего видно, как постепенно развивалась инквизиция. Это не было установление, зрело задуманное и систематически основанное, но медленный процесс эволюции, которому помогли элементы,

---

¹ Lami, op. cit., 511, 519–22, 528, 531, 543–4, 546–47, 554, 557, 559.— Archiv. de Firenze, prov. S. Maria Novella 1227, Giugn. 20; 1229, Giugn. 24; 1235, Agost. 23.— Ughelli, «Italia Sacra», III, 146–7.— I, 69, 71.

неизбежные тогда для достижения намеченной цели. Когда Григорий, познав тщетность надежд, возлагавшихся на ревность епископов, сделал попытку применить часть светского законодательства против ереси, то братья-проповедники были самым подходящим орудием для выполнения его замысла. Ниже мы увидим, как попытка, предпринятая впервые во Флоренции, была повторена в Арагонии, Лангедоке и в Германии; сравнительный успех, которым увенчалась эта попытка, вызвал, как естественное последствие, устройство постоянной и общей инквизиции.

Некоторые историки утверждали, что инквизиция родилась 20 апреля 1233 года, когда были подписаны две буллы Григория, поручающие доминиканцам дело преследования ереси; но апологетический тон, с которым папа обращается к прелатам, показывает, что он считал их мало расположенными перенести вмешательство в их власть; с другой стороны, характер его наставлений свидетельствует, что он не давал себе ясного отчета о последствиях этого нововведения. В действительности, ближайшей задачей папы, казалось, было скорее наказание священников и других духовных, которые, согласно очень многочисленным жалобам на них, способствовали еретикам, научая их, как лучше отвечать, как скрыть свои истинные верования и притвориться католиком. Подтвердив необходимость подавить ересь и упомянув о божественном установлении братьев-проповедников, посвятивших свои силы на распространение семян добра и на уничтожение плевел, Григорий так заканчивает свое обращение к епископам: «Видя, что вы поглощены вихрем забот и что с трудом можете дышать под гнетом тяготящих вас тревог, мы находим полезным облегчить ваше бремя, чтобы вы могли легче переносить его. Поэтому мы решили послать братьев-проповедников к еретикам Франции и со-

седних провинций и умоляем и убеждаем вас во имя уважения, которое питаете вы к Святому Престолу, дружески принять их, хорошо обходиться с ними, помогать им вашим благорасположением и вашими советами, и вашей поддержкой, дабы они могли хорошо выполнить свою задачу». Другая булла обращается «к приорам и братьям ордена проповедников, инквизиторам». Упомянув о сыновьях погибели, защищающих ересь, она продолжает следующим образом: «Вот поэтому во всех местах, где вы будете проповедовать, вы уполномочиваетесь – в случае если грешники, несмотря на предупреждение, будут продолжать защищать ересь – навсегда лишать духовных их бенефиций и преследовать их и всех других судом безапелляционно, призывая на помощь светскую власть, если в этом встретится надобность, и прекращая их упорство, если нужно, посредством безапелляционного наложения на них духовных наказаний»¹.

Предоставляя, таким образом, всем доминиканским проповедникам полномочия легатов и право безапелляционного суда, папа поступал опрометчиво. Это только раздражало духовенство, как мы увидим ниже при изложении положения дел в Германии. Скоро Григорий применил более практическую меру. Немного спустя после опубликования булл в апреле 1233 года, он поручил провинциальному приору Тулузы указать хорошо подготовленных братьев, чтобы проповедовать в епархии крестовый поход и преследовать судом еретиков, сообразно с новыми статутами. Хотя во всем этом и было еще некоторое смешение власти, но Григорий основал систему, которая

---

¹ Ripoll I, 45, 47. – C. 8, § 8, Sexto V. 2. – Gregor. PP. XI Bull. «Ille humani generis», «Licet ad capiendos». – Potthast, № 9143, 9152, 9235. – Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 21, 25).

осталась незыблемой основой инквизиции, а именно: предоставление провинциалу права назначать известных братьев, подготовленных к выполнению своей задачи, которые в пределах их провинций должны были пользоваться данной им Святым Престолом властью в деле розыска и испытания еретиков. Сообразно с этим решением, провинциал назначил братьев Петра Селлу и Гильема Арно, труды которых мы изложим в следующей главе. Таким образом, инквизицию, как правильную организацию, можно считать уже установленной, хотя нужно отметить, что эти первые инквизиторы в официальных документах именуют себя облеченными легатскими полномочиями, а не папскими. Не было еще вопроса о создании общего и постоянного установления, как это, например, видно из жалобы Сансского архиепископа на вторжение инквизиторов в его провинцию, на что Григорий ответил грамотой от 4 февраля 1234 года, которой отменял свои распоряжения по этому предмету и намекал, что архиепископ мог бы в будущем обратиться за помощью к доминиканцам, если бы он подумал, что их большая опытность в борьбе против еретиков может помочь ему в его намерениях¹.

Около того же времени Григорий писал епископам Нарбонны, грозя им своим гневом, если они не будут

---

¹ Potthast, № 9263; cp. № 9316, 9388.— Guill. de Pod. Laur. c. 43.— Coll. Doat, XXI 143, 153.— Ripoll. I, 66.

Сам Гильем Арно обыкновенно называл себя действующим в качестве легата, иногда же уполномоченным доминиканским провинциалом. Во многих решениях, касающихся сеньоров Ниора в феврале и марте 1236 г., он действует совместно с архидьяконом Каркассона, причем оба пользуются полномочиями легата. Очевидно, в эту эпоху не было еще правильной инквизиции (Coll. Doat, XXI, 160, 163, 165, 166).

налагать на еретиков заслуженных наказаний; но в этом послании нет даже намека на инквизицию. 1 октября 1234 года архиепископ Нарбонны, Петр Амиель, заставил верных дать клятву, что они будут доносить на всех еретиков или лично ему, или его подчиненным, как будто бы он не знал еще о существовании специальных инквизиторов; даже когда эти последние получили поручение действовать, их власть и их ответственность, их обязанности и права оставались совершенно неопределенны и не выяснены. Так как в них видели простых епископских помощников в отправлении старой судебной практики против ереси, то естественно, что епископы возлагали на них все дела этого рода, раз они возникали. И, действительно, многие вопросы, касающиеся мер против еретиков, были разрешены не только по римским статутам Григория от 1231 года, но также согласно канонам Тулузского собора 1229 года и соборов Безье и Арля 1234 года, которые занимались лишь тем, чтобы поднять и организовать епископскую инквизицию; но, тем не менее, постоянно являлись на практике новые затруднения относительно разных мелочей, и чувствовалась настоятельная потребность какого-либо кодекса, чтобы сделать преследование действительным. Отсрочка на несколько лет инквизиции по просьбе графа Раймунда задержала эту кодификацию; но, когда инквизиция возобновила свои действия в 1241 году, надобность стала настоятельной, и все вообще были того мнения, что ожидаемый кодекс должен был выйти с одобрения епископов. Мнения, представленные в 1241 году Гильемом Арно, показывают, что не только епископ тулузский Раймунд был в качестве заседателя, но что в частности было спрошено мнение архиепископа Нарбоннского.

Чтобы определить главные принципы, которыми должна была руководствоваться инквизиция, в 1243

и 1244 годах созвали в Нарбонне большое собрание от трех провинций – Нарбонны, Арля и Э; длинный ряд канонов, принятых по этому случаю, стал уставом инквизиторской деятельности. Эти каноны были адресованы: «Нашим любимым и верным сынам о Господе Иисусе Христе, братьям-проповедникам и инквизиторам». Епископы выражаются осторожно в следующих словах: «Мы пишем вам эти вещи не потому, что хотели бы связать ваше мнение, ибо неприлично ограничивать свободу, предоставленную вашему благоразумию, формулами или правилами иными, чем исходящими от Святого Престола; но мы желаем придти на помощь вам в вашем самопожертвовании, согласно с указаниями, полученными нами от Святого Престола, чая, что вы, несущие на себе наши тяготы, должны находить у нас помощь и совет от чистого сердца». Несмотря на эти умиленные выражения, общий тон послания вполне повелительный как в определении юрисдикции, так и в указаниях относительно того, как поступать с еретиками. Вещь достойная внимания, что, передавая полностью другим наблюдение за их словесным стадом, эти добрые пастыри ревностно оставляли за собой выгоды, которые рассчитывали извлечь из преследований. Они, в сущности, говорят новым инквизиторам: «Вы должны воздерживаться от участия в денежных наказаниях и штрафах, как для поддержания чести вашего ордена, так и потому, что вы будете поглощены вашими занятиями». Тщательно охраняя, таким образом, свои финансовые интересы, епископы отказывались от другого важного, не менее прибыльного, дела, от права суда и приведения в исполнение решений. Решения этой эпохи провозглашались от имени инквизиторов, хотя, если в них принимал участие епископ или другое важное

лицо, что случалось часто, их упоминали как членов суда¹.

Передача инквизиции древней епископской юрисдикции по делам еретиков неизбежно делала отношения между епископами и инквизиторами очень щекотливыми. Новое учреждение не могло основаться иначе, как ценой многочисленных столкновений, которые вызывают колебания политики, направленной в разные эпохи к определению и урегулированию их отношений. В Италии епископская независимость была уничтожена давно и епископы не могли серьезно помешать присвоению их юрисдикции. В Германии князья, епископы с завистью смотрели на пришельцев и никогда не позволяли им прочно и навсегда основаться в стране. Во Франции, и в особенности в Лангедоке, хотя прелаты и были более независимы, чем в Италии, распространение ереси требовало деятельности и бдительности, много превышавших их силы, и они оказались вынужденными принести в жертву часть своих прерогатив, чтобы избежать более тяжелой обязанности неуклонно исполнять свои функции. Во всяком случае, они уступили не без борьбы, следы которой можно видеть в ряде усилий, направленных к тому, чтобы установить *modus vivendi* между различными судилищами.

Мы только что видели, что инквизиторы сначала позволяли себе постановлять решения от своего имени, не упоминая епископов. Это присвоение епископской юрисдикции представляло очень крупное новшество, которое не могло быть продолжительным; так, почти тотчас же кардинал-легат Альбано писал через Нарбоннского архиепископа инквизиторам, чтобы

---

¹ Vaissete, III. Pr. 364, 370–1. – Concil Tolosan. ann. 1229. – Concil. Biterrens ann. 1234. – Concil. Arelatens. ann. 1234. – Concil. Narbonn. ann. 1244 – Coll. Doat, XXI, 143, 155, 158.

они не осуждали еретиков и не накладывали епитимий без санкции епископов. Это распоряжение пришлось повторить и сделать его более точным; в том же смысле был решен этот вопрос в 1246 году на соборе в Безье, где епископы уступили штрафы, которые должны были служить на издержки инквизиции, и выработали другой ряд подробных указаний для руководства инквизиторов, «охотно уступая смиренным просьбам, с которыми вы к нам обратились». В течение некоторого времени папы продолжали считать епископов ответственными за подавление ереси в их епархиях и, следовательно, истинным источником правосудия. В 1245 году Иннокентий IV, разрешая инквизиторам изменять или смягчать приговоры, оговорился, что это должно быть с согласия епископа. В 1246 году он предписал епископу Ажана тщательно наблюдать за ересью, согласно правилам, утвержденным кардинал-легатом Альбано, и давать индульгенции с тем же правом, каким пользовался инквизитор. В 1247 году он говорит об епископах как о настоящих судьях ереси, предписывая им без усталы работать над обращением грешников раньше, чем вынести решение, влекущее за собой смерть, пожизненную тюрьму или паломничество за моря; даже в случаях упорствующих еретиков они должны внимательно обсудить с инквизитором или с другими сведущими лицами вопрос, требуют ли спасение грешника и интересы веры, чтобы приговор был вынесен или его можно отложить.

Несмотря на эти указания, мы не находим в решениях Бернара Ко с 1246 по 1248 год никаких следов вмешательства епископов. Очевидно, существовали антагонизм и зависть. В 1248 году Валанский собор был вынужден заставить епископов объявлять и исполнять решения инквизиторов под угрозой, что им

будет запрещен вход в их собственные церкви,— доказательство, что решения постановлялись без участия епископов, и что епископы не были склонны приводить их в исполнение. В 1249 году Нарбоннский архиепископ жаловался папе, что инквизитор Петр Дюран и его товарищи отпустили грехи, без его ведома, рыцарю Петру Кугунгаму, который был уличен в ереси; в ответ на это Иннокентий тотчас же отменил все судопроизводство. На деле власть миловать считалась принадлежащей одному только Святому Престолу, и мы находим в эту эпоху много примеров, где Иннокентий передавал эту власть епископам с оговоркой или без нее, действовать в согласии с инквизиторами. В конце концов, этот вопрос был разрешен принятием принципа оставления в каждом решении права за вынесшим его изменить его, увеличить, смягчить и отменить¹.

Так как инквизиторы в 1246 году ждали еще, чтобы епископы оплачивали их расходы, то они, по крайней мере в теории, называли себя простыми помощниками епископских судов. Кроме того, епископы должны были возводить тюрьмы для заключения обращенных, и хотя они и избавились от этой обязан-

---

¹ Vaissete, III, 452.— Concil. Biterrens. ann. 1246.— Berger, «Les Registres d'Innocent IV», № 2043, 3867, 3868.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 68, 74, 75, 77, 80, 152, 182).— Potthast, № 12744, 15805.— Mss. Bib. Nat. fonds latin № 9992.— Conc. Valentin. ann. 1248, c. 10.— Baluz. «Concil. Narbonn», app. c. 100.

Система, принятая соборами Лангедока, сделалась общей. В 1248 г. Иннокентий IV приказал архиепископу и инквизитору Нарбонны послать в копиях правила их судопроизводства провинциалу Испании и Раймунду Пеннафорте, чтобы они применялись и на полуострове (Baluz et Mansi I, 208); их каноны часто приводятся в руководствах средневековой инквизиции.

ности, которую принял на себя король, тем не менее, собор, бывший в Альби в 1254 году под председательством папского легата Зона Авиньонского, постановил, чтобы эти тюрьмы находились под наблюдением епископов. Тот же собор выработал целый ряд подробных указаний относительно того, как поступать с еретиками. Это было последнее проявление епископской власти в этом вопросе, так как все последующие постановления исходили уже непосредственно от Святого Престола. Даже такой опытный преследователь, как Бернар Ко, который в своих решениях совершенно игнорировал юрисдикцию епископов, признавал в 1248 году, что он подчинен епископам, спрашивая мнения Гильема Нарбоннского, на что архиепископ ответил не только советами, относящимися к специальным случаям, но и общими указаниями. В 1250 и 1251 годах этот архиепископ энергично, на свой собственный счет, занимался инквизицией и наказывал еретиков без участия папских инквизиторов. В брево Иннокентия IV в 1251 году имеется намек на проект, впоследствии оставленный, передать все подобные дела в руки епископов. Несмотря на все эти проявления реакции, пришельцы продолжали расширять свою деятельность ценой борьбы, о которой мы можем, ввиду отрывочности наших сведений, только догадываться, но напряженность которой должна была возрастать, благодаря враждебным отношениям белого духовенства к нищенствующим. Хотят видеть попытку спасти их авторитет от грозившей ему опасности в предложении, сделанном в 1252 году епископами Тулузы, Альби, Ажана и Карпантра: они предлагали уступить всю власть инквизиторов доминиканцам, которых изберут комиссары Альфонса де Пуатье при условии, что во всех решениях будут спрашивать их мнения, обещая при этом соблюдать во всех случаях правила, установленные инквизицией.

Этот вопрос об участии епископов в решениях был предметом продолжительных споров. Если бы на прежние предписания, признававшие это право вмешательства, не смотрели с презрением, то Иннокентий IV не был бы вынужден в 1254 году подтвердить, чтобы осуждения на смерть или на пожизненное тюремное заключение не постановлялись без согласия епископа. В 1255 году он приказал епископу и инквизитору совместно обсудить все темные места законов против еретиков и установить также легкие наказания, в виде лишения должностей и бенефиций. Это признание епископской юрисдикции было отменено Александром IV, который после некоторых размышлений сделал инквизиторов независимыми, освободив их от обязанностей советоваться с епископами, даже и в тех случаях, когда дело шло об еретиках, упорствующих и уличенных в своем преступлении (1257 г.). Он повторил то же решение в 1260 году, после чего последовала реакция. В 1262 году Урбан IV составил подробный наказ, которым он снова подтвердил необходимость совещаний с епископами во всех тех случаях, когда приговор влек за собой смертную казнь или пожизненное заключение; в том же духе высказался в 1265 году Климент IV. Но, по-видимому, эти распоряжения были отменены каким-либо последующим актом или просто вышли из употребления, так как в 1273 году Григорий X, упомянув об отмене Александром IV совещаний, предписал, чтобы инквизиторы, постановляя приговоры, советовались с епископами или их доверенными так, чтобы епископский авторитет всегда имел участие в столь серьезных решениях. До этой эпохи инквизиция рассматривалась, по-видимому, только как временная мера, вызванная исключительными потребностями, и всякий папа при своем вступлении опубликовывал ряд булл, подтверждающих власть инквизиторов. Но ересь

была на редкость упорна; население приняло новое учреждение, польза которого выразилась во многом и вне пределов охранения веры; на него начали смотреть как на существенный элемент церковной организации, и поэтому оно стало пользоваться почти слепым уважением. Решение Григория относительно согласия епископа и инквизитора во всех случаях тяжелых осуждений осталось отныне в силе. Ниже мы увидим, что, когда Климент V попытался воспрепятствовать скандальным злоупотреблениям инквизиторской властью, он искал средства в незначительном расширении прав наблюдения и ответственности епископов, подражая в этом подобной же попытке, сделанной Филиппом Красивым. Но во всех тех случаях, когда между епископом и инквизитором существовали дружеские отношения, эта незначительная гарантия, даваемая обвиняемому; сводилась на нет, так как один давал другому право действовать от его имени; известны случаи, когда епископ действовал как уполномоченный инквизитора, и наоборот. Вопрос о том, мог ли один из двух без содействия другого постановить оправдательный приговор, много занимал канонистов, и разные авторитеты высказывались и за, и против; но, по-видимому, большинство склонялось к утвердительному решению¹.

---

¹ Concil. Biterrens. ann. 1246.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 156; XXX, 107–9; XXXI, 149, 180, 216). Vaissete, III, Pr. 479, 496–7.— Martène, «Thesaur.», I. 1045.— Ripoll. I, 194.— Innoc. PP. IV. Bull. «Licet. ex omnibus», 30 mai 1254.— Concil. Albiens. ann. 1254,— c. 24.— Alex. PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 20 jan. 1257; ejusd. Bull. «Ad Capiendum», ann. 1257.— Clement. PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 17 sept. 1265.— Gregor. PP. X, Bull. «Prae cunctis mentis», 20 apr. 1273.— Lib. Sent. Inq. Tolosan. pass.— C. 17. Sexto V. 2. Eymeric. Direct. Inq., c. 580.— Albert. Repert. Inq. s. v. «Episcopus».— Zanchini «Tract. do Haeret», XV.— Isambert. II, 747.— Pegnae, «Comment. in Eymeric.», c. 578.

Право надзора епископов значительно увеличилось, по крайней мере, в Италии в отношении важного финансового вопроса, когда в 1288 году Николай IV предписал, что все суммы, получаемые от штрафов и конфискаций, должны передаваться в руки людей, избранных с согласия епископа и инквизитора, и что они могут расходоваться только с разрешения епископа, которому должен представляться подробный отчет в них. Это было серьезным ограничением независимости инквизиторов; но мера эта продержалась недолго. Епископы скоро стали злоупотреблять своим правом надзора, требуя себе часть добычи под предлогом, что они сами вели расследования. Бенедикт XI в 1304 году положил конец этому непристойному спору, отменив постановления своего предшественника. Епископам было запрещено требовать отчетов; отныне инквизиторы должны были представлять их только в папскую канцелярию или особым уполномоченным папы¹.

Если, таким образом, были вполне понятны колебания в упорядочении щекотливых отношений между надлежащими судебными властями, то в отношениях инквизиции к обществу не было неопределенности. Уже в самые первые годы, когда инквизиция находилась в эмбриональном состоянии, она оказала такие услуги, подчиняя ересь светским законам, что со всех сторон желали дать ей прочную организацию, чтобы она могла еще деятельнее помогать раскрытию и наказанию религиозных преступлений. Смерть Фридриха II (1250), унеся главного врага папства, дала последнему возможность присвоить себе и подтвердить к своей выгоде суровые эдикты этого императора.

---

¹ Wadding. «Annal. Minorum» ann. 1288, № 17.— с. Extrav. Commun. VIII.

Вследствие этого Иннокентий IV 15 мая 1252 года разослал ко всем владетельным лицам Италии свою знаменитую буллу *Ad extirpanda*, устанавливавшую систематическое преследование как существенный элемент социального строя каждого государства и каждого города, хотя плохо определенный круг действий епископов, инквизиторов и монахов свидетельствует, насколько их относительные области были еще слабо разграничены. Всем начальникам исполнительной власти было приказано изгонять еретиков, приравненных к колдунам. Всякий, открывший еретика, мог завладеть его личностью и его имуществом. Всякий главный магистрат, через три дня после вступления в свои служебные обязанности, должен был избрать, по указанию своего епископа и двух монахов от каждого нищенствующего ордена, двенадцать добрых католиков при двух нотариусах и двух или более служащих, вся обязанность которых заключалась бы в задержании еретиков, в конфискации их имущества и в выдаче их епископу или его викариям. Их содержание и расходы по их поездкам должны были оплачиваться государством; их свидетельство принималось без присяги; никакое свидетельство не имело силы против единогласного свидетельства троих из них. Они несли свои обязанности в течение шести месяцев; по истечении этого срока они могли быть оставлены снова; во всякое время они могли быть устранены и смещены по просьбе епископа и монахов. Третья часть поступлений от штрафов и конфискаций следовала им по праву; они были освобождены от всякой службы, несовместимой с их обязанностями; никакой закон, существующий или могущий выйти, не мог помешать их деятельности. Глава светской власти должен был командировать к ним, по их просьбе, своего заседателя или рыцаря; всякий житель должен был под угрозой крупного штра-

фа оказывать им содействие, если бы они попросили его. Когда эти следователи или инквизиторы посещали часть области, подчиненной их юрисдикции, их должен был сопровождать уполномоченный монарха, избранный ими самими или епископом. Прибыв в город или деревню, этот уполномоченный должен был призвать трех людей, пользовавшихся хорошей репутацией, или даже всех окрестных жителей и принудить их под присягой указать всех еретиков или указать их имущество, или лиц, у которых происходят тайные сборища, и которые живут не так, как вообще все верные. Государство должно было задерживать всех подозреваемых, заключать их в тюрьмы, препровождать их под надежным конвоем к епископу или инквизитору и в течение пятнадцати дней, согласно с эдиктами Фридриха, приводить в исполнение всякое решение, вынесенное по обвинению в ереси. Кроме того, светская власть была обязана по простому требованию применять пытку к тем, кто откажется выдать всех известных ему еретиков. Если при задержании оказывалось какое-либо сопротивление, то была ответственна вся община, и она должна была платить огромный штраф, если она в течение трех дней не выдаст всех принимавших участие в возмущении. Исполнительная власть должна была еще приказать составить четыре списка тех, кто был объявлен обесчещенным или приговорен к изгнанию за ересь; один из них должен был три раза в год читаться публично, второй должен был быть передан епископу, третий – доминиканцам, а четвертый – францисканцам. Она также должна была наблюдать за тем, чтобы дома были разрушены через десять дней после произнесения решения, и следить за поступлением штрафов в течение трех месяцев. Те, кто был не в состоянии уплатить, заключались в тюрьму и держались там, пока за них не вносили требуемого штрафа.

Доход от штрафов, от смягчений наказаний и от конфискаций разделялся на три части: одна шла городу, другая – лицам, которым было поручено следствие, третья – епископу и инквизиторам, которые должны были употреблять ее на преследование еретиков.

Самые серьезные меры были приняты, чтобы эти суровые предписания исполнялись повсюду со всей строгостью. Они должны быть внесены навсегда во все сборники местных статуты, наряду со всеми законами, которые папа мог бы опубликовать впоследствии, под угрозой отлучения от церкви чиновников, которые отказались бы это сделать, и наложения интердикта на города. Владетели, власти и их чиновники должны были давать присягу на соблюдение этих законов под страхом отлучения от должности. Всякая попытка изменить эти законы была преступлением, виновный в котором карался вечным лишением доброго имени, штрафом и изгнанием; всякая небрежность в их исполнении наказывалась, как клятвопреступление, вечным позором, штрафом в двести марок и подозрением в ереси, что влекло за собой потерю должности и лишение навсегда права на какое-либо другое место. Всякое лицо, облеченное властью, в продолжение десяти дней со дня вступления в свои обязанности, должно было избрать, по указанию епископа или нищенствующих, трех добрых католиков, которые под присягой брали бы на себя обязанность расследовать действия его предшественника и возбудить против него преследование за всякое уклонение от повиновения. Кроме всего этого, всякий подestat, в начале и в конце своего правления, должен был распорядиться о чтении булл в публичных местах, указанных епископом и инквизиторами, и изъять из книги статуты все законы, которые могли быть в противоречии с ней. В то же время Иннокен-

тий разослал инструкции инквизиторам, приказывая им под страхом отлучения от церкви настоять на внесении этой буллы и эдиктов Фридриха в статуты всех городов и государств. Немного позднее он им предоставил опасную привилегию толковать, совместно с епископом, все пункты местных законов, относящиеся к ереси.

Все эти предписания не были, как это может показаться с первого взгляда, горячечным бредом больного ума. Дело идет о законодательстве положительном, практическом, зрело обдуманном и утвержденном, ввиду строго намеченной политической цели. Состояние общественного мнения той эпохи прекрасно характеризуется тем фактом, что столь деспотические меры были приняты без всякого сопротивления.

В 1254 году Иннокентий IV сделал в булле некоторые незначительные изменения, внушенные опытом. В 1255, 1256 и 1257 годах Александр IV пересмотрел буллу, разрешил некоторые возникшие сомнения и остановился на необходимости назначить повсюду следователей для расследования действий уходящих со службы магистратов. В 1259 году он переиздал буллу в своем сборнике. В 1265 году Климент IV снова опубликовал ее с некоторыми изменениями, из которых главное состояло в том, что он прибавил слово «инквизиторы» там, где Иннокентий указывал только на епископов и монахов, показывая, таким образом, что за это время инквизиция сделалась преимущественным орудием для преследования еретиков. В следующем году он подтвердил указ, данный Иннокентием инквизиторам, повелевавший внести во все сборники статутов, под страхом отлучения и интердикта это и все предшествующие его указания. Это показывает, что в некоторых местах было оказано сопротивление, но незначительное число приме-

ров, которые можно привести в подтверждение этого, свидетельствует, что огромное большинство городов подчинялось безропотно. В 1256 году Александр IV узнал, что власти Генуи проявляли какую-то злую волю; он дал им пятнадцать дней срока для прекращения оппозиции, под угрозой духовного наказания и интердикта. Так же поступил он в 1258 году с магистратами Мантуи. С другой стороны, тот факт, что булла оставалась внесенной в статуты Флоренции до пересмотра их в 1355 году, ясно показывает, что указы папы точно исполнялись более ста лет¹.

В Италии эти меры доставили инквизиции прекрасно организованный и оплачиваемый государством состав служащих, который сделал из нее установление, превосходно вооруженное для выполнения своих задач. Мы не знаем, было ли приложено папами старание к

---

¹ Innoc. PP. IV. Bull. «Ad. extirpanda», ann. 1252 (Mag. Bull. Roman. 1, 91).– Ejusd. Bull. «Orthodoxae», 1252 (Ripoll. I, 208, cp. VII, 28).– Ejusd. Bull. «Ut commissum», 1254 (Ibid. I. 258).– Ejusd. Bull. «Volentis», 1254 (Ibid. I, 251).– Ejusd. Bull. «Cum venerabilis», 1253 (Mag. Bull. Roman. I. 93–4).– Ejusd. Bull. «Cum in constitutionibus», 1254 (Pegnae app. 19).– Alex. PP. IV. Bull. «Cum secundum», 1255 (M. B. R. I. 106).– Ejusd. Bull. «Exortis in agro», 1256 (Pegnae app., c. 20).– Ejusd. Bull. «Exortis in agris», 1256 (Ripoll. 297).– Ejusd. Bull. «Delecti filii», 1256 (Ripoll. I, 312).– Ejusd. Bull. «Cum. vos», 1256 (Ripoll. I, 314).– Ejusd. Bull. «Felicis recordationis», 1257 (M. B. R. I. 106).– Ejusd. Bull. «Implacida», 1257 (M. B. R. I. 113).– Ejusd. Bull. «Implacida», 1258 (Potthast. № 17302).– Ejusd. Bull. «Ad. extirpanda», 1259 (Pegnae app., c. 30).– Clement. PP. IV. Bull. «Ad. extirpanda», 1265 (M. B. R. I. 148–51).– Ejusd. Bull. «Ad. extirpanda», 1226 (Pegnae app., c. 43).– Archivio di Firenze, Riformagioni, Classe II, Distinzione 1, № 14.– Около 1330 г. Бернар Ги (Practica P. IV.– Coll. Doat, XXX) упоминает предписания буллы Иннокентия IV, как составляющие часть привилегий итальянских инквизиторов.

применению их булл в других странах; но если были попытки, то они окончились неудачей, так как по ту сторону Альп эти предписания никогда не имели силы. Впрочем, это было неважно, пока закон, консервативный дух руководящих классов и благочестие монархов шли рука об руку, чтобы облегчить повсюду и во всем задачу инквизиторов. Согласно Парижскому трактату все государственные чиновники были обязаны содействовать инквизиции и задерживать еретиков; все мужчины старше четырнадцати лет, все девушки и женщины старше двенадцати лет должны были приносить присягу, что будут доносить на виновных епископам. Нарбоннский собор 1229 года привел в исполнение все эти решения. Собор в Альби в 1254 году поместил инквизиторов среди тех, кому нужно было доносить на еретиков; он угрожал церковным запрещением всем светским сеньорам, которые пренебрегли бы обязанностью помогать инквизиции и приводить в исполнение ее приговоры к смертной казни или к конфискации. Всякий инквизитор имел при себе королевские грамоты, уполномочивающие его обращаться ко всем государственным чиновникам чтобы они содействовали ему, сопровождали его и помогали ему во время его поездок. В одной записке, помеченной 1317 годом, Бернар Ги говорит, что инквизиторы, снабженные этими грамотами, легко получают содействие бабьи, сержантов и других чиновников, как королевских, так и сеньюральных, без которых они не могли бы достигнуть крупных результатов. И не только во Франции дело обстояло так, ибо Эмерик, писавший в Арагонии, сообщает нам, что первым действием инквизитора, по получении полномочия, было представить его королю и главному начальнику и просить у него открытые листы, заявляя при этом, что они согласно канонам должны ему дать таковые, если желают избежать многочисленных

наказаний, налагаемых буллами *Ad abolendam* и *Ut inquisitionis*. Затем он должен представить эти листы чиновникам и заставить их поклясться, что они будут во всем повиноваться тем приказаниям, которые он даст им во время исправления своих обязанностей. Итак, все могущество государства было предоставлено в распоряжение святой инквизиции. Более того, всякое частное лицо было обязано оказывать ей свое содействие; всякое уклонение грозило ему отлучением от церкви как соумышленника ереси, а эта мера могла через год навлечь на него обвинение в ереси со всеми своими страшными последствиями. Таким образом, частные лица, как и государство, волей или неволей становились помощниками инквизиции¹.

Право отменять все законы, которые мешали свободному действию инквизиции, одинаково применялось по обе стороны Альп. Когда в 1257 году Александр IV с негодованием узнал, что Мантуя приняла некоторые статуты, противоречащие абсолютизму инквизиции, он немедленно приказал архиепископу Мантуе исследовать дело и уничтожить все, что мог-

---

¹ Bernard. Guidon. «Gravamina» (Coll. Doat, XXX, 90 и сл.).— Concil. Narbonn. ann. 1229 c. 1, 2.— Concil. Albiens. ann. 1254 c. 3, 5, 8.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat. XXX, 110–111, 127; XXXI, 250).— Vaissete, III. Pr. 528–9, 536.— Arch. di Napoli, Registro 6, lett. D, fol. 180.— Eymerici «Direct. Inquis.» 390–1, 560–1.— Bernardi Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).

Иногда инквизитору было довольно трудно получить королевские жалованные грамоты. Когда в 1269 г. францисканцы Бертран де Рош и Понс де Рив были назначены инквизиторами в Форкалькье, они были вынуждены отправиться сначала в Палермо, где находился тогда Карл Анжуйский, и где он вручил им грамоты к своему сенешалю и к другим своим чиновникам (4 августа 1269 г.).— Arch. di Napoli, Registro 6, lett. D, fol. 180. Cp. Registro 20, lett. B, fol. 91.

ло бы помешать или задержать действия святого трибунала. В случае сопротивления он должен был отлучить магистратов от церкви, а на город наложить интердикт. В 1275 году Урбан IV распространил повсюду применение этого распоряжения, взятого из буллы *Ad extirpunda*, и оно было введено в канонический закон как выражение бесспорных прав церкви. Таким образом, инквизиция становилась настоящей хозяйкой законодательства всех стран, которое она могла изменить по своему усмотрению; и не вина церкви, если какой-нибудь пылкий монарх, вроде Филиппа Красивого, осмеливался, воспользовавшись случаем, подвергнуть себя божественному мщению, защищая права своих подданных¹.

По эту сторону Альп не было принято, как в Италии, что расходы инквизиции должны были падать на государство, но королевская щедрость широко заботилась об этом; к тому же расходы на инквизицию не были велики. Доминиканские монастыри давали ей у себя место для заседаний, а государственные чиновники были обязаны, как мы уже видели, оказывать ей все услуги, в которых она нуждалась. Расходы на постройку и содержание тюрем покрывались из королевской, а не епископской казны. От 1317 года мы узнаем, что в течение восьми лет король истратил 630 турецких ливров на содержание одной только тулузской тюрьмы, и что он также правильно платил тюремщикам. Сверх всего, инквизиторы имели право во всякое время пригласить в помощь себе экспертов, которые не могли отказать им в освещении дела. Все научные силы королевства были обязаны прежде всего бороться против

---

¹ Mag. Bull. Roman. I, 118.— C. 9 Sexto V. I.— Zanchini, «Tract. de Haeret.» c. XXXI.— Cp. EymERICI, «Direct. Inq.», 561.— Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Statutum».

ереси и были бесплатно предоставлены к услугам инквизиции; ей, равным образом, должны были повиноваться и миряне, и прелаты¹.

Что власть, предоставленная, таким образом, инквизиции, была реальна, а не проблематична, видно из дела Капелло ди Киа, могущественного сеньора римской провинции, который навлек на себя подозрение в ереси, был осужден, приговорен к изгнанию и подвергся конфискации всего имущества (1260). Так как он отказался покориться, то инквизитор, брат Андрей, призвал на помощь жителей соседнего города Витербо; они, послушные ему, выставили целую армию, во главе которой инквизитор осадил Капелло в его замке Колле-Казале. Капелло благоразумно перевел свое имущество на имя знатного римлянина Пьетро-Джакомо Сурди, и благочестивое предприятие витербцев было остановлено указом сенатора Рима, запретившего насилие над имуществом доброго гражданина-католика. Тогда в дело вмешался Александр IV, приказавший Сурди отказаться от участия в тяжбе, так как права его на владения замком не имеют никакой силы; в то же время он приказал сенатору не мешать делу и горячо благодарил витербцев за ревность и храбрость, с которыми они явились к услугам брата Андрея. На деле же, последний только применил на практике власть, которую Цангино считал неразрывной с обязанностями инквизитора, а именно – открыто поднимать войну против еретиков и против ереси².

---

¹ Bernard. Guidon. «Gravamina» Doat. XXX, 107–9). – Alex. PP. IV. Bull. «Cupientes», 15 apr. 1225; ejusd. Bull. «Exortis in agro», 15 mar. 1256.

² Pegnae «Append. ad Eymeric.» 37–8. – Zanchini, «Tract. de Haeretic.» c. XXXVII.

В этих почти безграничных пределах власти инквизиторы, по большей части, действовали бесконтрольно и безответственно; даже папский легат не должен был вмешиваться в их дела или разведывать о ереси в пределах их компетенции. Их нельзя было отлучить от церкви за преступление по службе, и представитель Святого Престола не мог даже временно отстранить их от должности. Если же и случалось подобное, то отлучение или отстранение от должности не имели никакого значения, если они не были сделаны без особого полномочия папы. В 1245 году инквизиторы получили право прощать своих в чем-либо провинившихся слуг; с 1261 года они могли взаимно оправдывать друг друга за все действия по инквизиции; а так как у каждого инквизитора был подчиненный, всегда готовый оказать ему эту услугу, то он, благодаря этому, был совершенно неуязвим. Наконец, инквизиторы освобождались от всякого повиновения своим провинциалам и генералам; им даже было запрещено получать от них бумаги, касающиеся их служебной деятельности; они были обезопасены от всякой попытки подорвать их кредит при курии, так как им дано было исключительное право отправляться в Рим во всякое время, когда им вздумается, и оставаться там, сколько захотят, несмотря даже на запрещение провинциала или главных капитулов. Первоначально их полномочия прекращались со смертью папы, от которого они их получали, но с 1267 года эти полномочия были объявлены постоянными¹.

---

¹ Arch. Nat. de France J. 431, № 23.— Innoc. PP. IV. Bull. «Devotionis», 2 maii 1245 (Coll. Doat, XXXI, 70).— Berger, «Reg. d'Innoc. IV», № 1963.— Ripoll. I. 132; II. 504, 610, 644.— Alex. PP. IV. Bull. «Ut. negotium», 5 mart. 1261.— Urban. PP. IV. Bull. «Ut negotium» 4 aug. 1262.— Mag. Bull. Roman. I. 116, 120, 126, 139,

Вопрос о несменяемости инквизиторов находился в прямой связи с вопросом об их подчиненности или об их независимости и вызывал много противоречивых постановлений. Так как первоначально право из назначения принадлежало провинциалам, то естественно, они же удаляли и замещали их после совещания с «видными» членами ордена. В 1244 году Иннокентий IV издал указ, что провинциалы и генералы нищенствующих орденов имели полное право смещать, увольнять и замещать всех членов их орденов, которые несли инквизиторские обязанности, даже и в тех случаях, когда они получили полномочие от папы. Двенадцать лет спустя, колеблющаяся политика Александра IV вызвала со стороны инквизиторов серьезную попытку добиться полной независимости. В 1256 году он утвердил за провинциалами право смещения инквизиторов; в июле 1257 года он отнял у них это право, а 9 декабря того же года снова признал его за ними буллой *Quod super nonnullis*, которая много раз была подтверждена как им, так и его преемниками. Последующие папы давали противоречивые указы, пока, наконец, Бонифаций VIII не высказался за право смещения; но инквизиторы добились того, что это право могло быть применяемо только посредством правильного судебного процесса, т. е. на прак-

---

267, 420.— C. 10. Sexto V. 2.— Potthast № 13057, 18389, 18419, 19559.— Bern. Guidon. Practica» P. IV (Doat, XXX).— Eymeric. «Direct. Inquis.» 136–7.

Интересно отметить, что вопрос о том, кончается ли полномочие инквизитора со смертью папы, давшего его, был еще спорным в 1290 г., когда он был разрешен Николаем IV буллой «*Ne aliquo*» (Potthast, № 23302) в смысле его непрерывности. В предшествовавшую эпоху Александр IV, возлагая на себя тиару (1255 г.), считал нужным возобновить полномочия такого выдающегося инквизитора, как Райнерио Сакконе (Ripoll. I. 275).

тике оно сводилось к нулю. Правда, согласно реформам Климента V, отлучение от церкви, снять которое мог только папа, налагалось на инквизиторов *ipso facto* за три рода преступлений: 1) за незаконные преследования, вызванные дружбой, личной враждой или алчностью, и за небрежность в преследовании, исходящую из тех же мотивов; 2) за вымогательство денег и 3) за конфискацию церковных имуществ в виде наказания за проступки духовного лица; но эти меры, против которых энергично протестовал Бернар Ги, указывали только отношение курии и не имели практического значения¹.

Францисканцы старались привести своих инквизиторов к повиновению, давая им полномочия на определенный срок. Так, например, в 1320 году генерал ордена Михаил ди Чезена определил его в пять лет – срок, который, по-видимому, долгое время оставался в силе; мы видим, например, что в 1375 году Григорий XI обратился к генералу францисканцев с просьбой оставить в должности римского инквизитора брата Габриеля ди Витербо ввиду его выдающихся заслуг. В 1439 году обязанности инквизитора Флоренции были возложены на брата Франческо да Микеле, чтобы отнять полномочия у брата Джакопо делла Биада; отсюда ясно, что назначения продолжали делаться на определенный срок, хотя Евгений IV в 1432 году предоставил генералу францисканцев Гильельмо ди Казале полное право назначать

---

¹ Coll. Doat, XXXI, 73; XXXII, 15, 105.–Alex. PP. IV. Bull. «Odore suavi», 13 maii 1256; ejusd. Bull. «Catholicae fidei», 15 jul. 1257; ejusd. Bull. «Quod. super nonnullis», 9 dec. 1257; ejusd. Bull. «Meminimus», 13 apr. 1258.–Clem. PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 30 sept. 1265.–C. 1, 2, Clementin. V. 2.–Bern. Guid. «Gravam» (Doat, XXX, 114).–Innec. PP. VI. Bull. «Odore suavi», 9 jun. 1355 («Bulario de la Orden de Santiago», T. III, fol. 550 in Archiv. Nacion. de Espana).

и устранять инквизиторов. Доминиканцы, по-видимому, не применяли этого способа; мало того, все подобные меры были не в состоянии установить подчинение и дисциплину ввиду постоянного вмешательства Святого Престола, которое всегда можно было вызвать при известном умении. Инквизиторские полномочия беспрестанно давались папой, и, по-видимому, их в таком случае мог отобрать только один папа. Но даже если этого и не было, то на практике не имело большого значения, что папы признавали в теории за провинциалами право смещать, так как они всегда были готовы вмешаться в дело и решить его по-своему. В 1323 году Иоанн XXII дал брату Пьеро ди Перуджиа, инквизитору Ассиза, грамоты, которые заранее ограждали его против возможности отрешения от должности или перемещения. В 1339 году был поднят вопрос об известном Джованни ди Борго, перемещенном генералом францисканцев и возвращенном на старое место Бенедиктом XII. Еще более роковым для поддержания порядка было дело Франциско ди Сала, которого назначил провинциал Арагонии, а его преемник – устранил. После этого папа Мартин V в 1419 году восстановил Франциско ди Сала, признав его к тому же несменяемым. Однако в 1439 году Евгений IV, а в 1474 году Сикст IV подтвердили постановления Климента IV, согласно которым инквизиторы могли быть перемещены как генералами, так и провинциалами. В 1479 году Сикст IV распорядился, чтобы все жалобы, возбуждаемые инквизиторами, направлялись к генералу их ордена, за которым было признано право наказывать и перемещать их¹.

---

¹ Wadding, ann. 1323; № 17; ann. 1327, № 5, ann. 1339, № 1; ann. 1347, № 10, 11; ann. 1375, № 30; ann. 1432, № 10, 11; ann. 1474, № 17–19. – Archivio di Firenze, Prov. del. Convento di S. Croce, 26 ott. 1439. – Ripoll. II. 342–44, 570–1. – Sixti PP. IV. Bull. «Sacri», 16 jul. 1479, § 11.

Естественным следствием этого противоречивого законодательства было то, что инквизиторы являлись ответственными перед своими начальниками как монахи, но не как инквизиторы; в качестве последних они давали отчет только папе и утверждали, что их могут сместить только в случае доказанной неспособности выполнять свою задачу вследствие старости, болезни или невежества. Что касается их викариев и их подчиненных, то они полагали, что последние были подсудны только им одним; всякая попытка провинциала устранить одного из этих подчиненных, являясь действием, направленным против правильного хода инквизиции, должна была вызывать подозрение в ереси. И нелегко, конечно, было вмешиваться в дела людей, столь страшно вооруженных и воодушевленных духом решимости. Горячность, с которой Эмерик разбирает этот вопрос, дает возможность догадываться о пылкости, с которой велась борьба, шедшая непрерывно между провинциалами и инквизиторами. Злоупотребления и беспорядки, вызванные подобным положением вещей, вынудили Иоанна XXIII вмешаться и объявить, чтобы инквизиторы во всем были подчинены своим старшим и во всем слушались бы их. Но Великий Раскол подорвал авторитет папы, и Иоанна XXIII мало кто слушал. После восстановления единства в Констанце в 1418 году Мартин V поторопился подтвердить распоряжения своего предшественника. К сожалению, ненасытная алчность римской курии, всегда готовой соблазниться на деньги, ставила роковое препятствие к установлению дисциплины; к тому же те, кто был назначен прямо папой, не могли высказывать подчинения старшим членам своего ордена¹.

---

¹ Eymeric., 540–9, 553.— Arch. di Firenze, Prov. del Conv. di S. Croce, 16 apr. 1418.

Заметки Эмерика свидетельствуют, что инквизитор не должен был стесняться преследовать своего старшего. Его юрисдикция была на деле почти беспредельна, так как угроза в подозрении в ереси тяготела, равным образом, и на великих мира сего, и на малых. В угоду инквизиции было даже отменено право убежища в церквях, и даже сама неприкосновенность нищенствующих орденов не защищала их от ее юрисдикции. В теории короли были также подсудны ей; но Эмерик благоразумно замечает, что если в деле замешано подобное лицо, то лучше обратиться к папе и ждать его указаний. Было одно лицо, которое избегало тирании инквизиции. Епископский сан сохранил еще значительную часть своего прежнего огромного престижа, часть достаточную, чтобы оградить от нападений инквизитора, если последний, по крайней мере, не представлял особых, данных *ad hoc*, папских грамот. Если вера епископа казалась подозрительной, то инквизитор был обязан тщательно собрать все доказательства и представить их на рассмотрение Рима. В 1327 году Иоанн XXII сделал еще новое исключение, вызванное заносчивостью инквизитора Сицилии, Матье де Понтины, который осмелился отлучить от церкви Гильома де Бале, архидьякона города Фрежюса, папского капеллана и представителя Авиньонской курии в Кампании и Приморской провинции. Разгневанный папа опубликовал декреталий, воспрещающий всем судьям и инквизиторам нападать на должностных лиц и нунциев Святого Престола, если они не получают на это особых полномочных грамот. Смелость Матье де Понтины хорошо показывает самомнение и самонадеянность членов инквизиции. С другой стороны, тот факт, что миряне обыкновенно называли их: «Ваше Монашеское Величество», указывает, какое сильное

впечатление производили на умы масс их неограниченное всемогущество и безответственность¹.

Если епископы ускользали от суда инквизиции, то они никоим образом не освобождались от повиновения инквизиторам. В грамоте о назначении, получаемой последними от папы, говорилось, что архиепископы, епископы, аббаты и все остальные прелаты должны сообразоваться с их приказаниями во всем, что касалось задачи инквизиции под страхом отлучения от церкви, отрешения от должности и интердикта. Повелительный и высокомерный тон, с которым отдавали инквизиторы свои приказания епископским служащим, показывает, что это не было пустой формальностью. Несмотря на то, что папа, обращаясь к епископу, называл его «уважаемым братом», а обращаясь к инквизитору, называл его «дорогим сыном», инквизиторы считали себя, как прямых уполномоченных Святого Престола, выше епископов, и если лицо было одновременно вызываемо епископом и инквизитором, то оно должно было сначала явиться по вызову последнего. Инквизитору должны были повиноваться как самому папе, и епископ не мог уклониться от этого. Это входило в политику пап, так как инквизитор был подходящим орудием для приведения епископов в подчинение. Так, например, в 1296 году Бонифаций VIII, предписывая епископам уничтожить некоторых отшельников и нищенствующих, не получивших санкции церкви, одновременно послал копии со своей буллы инквизиторам с приказанием следить

---

¹ Eymerici «Direct. Inquis.», c. 559.— Greg. PP. X. Bull. 20 apr. 1273 (Martène, «Thes.» V. 1821).— Zanchini, «Tract. de Haeret.», c. VIII.— Johann. PP. XXII. Bull. «Ex parte vestra», 3 jul. 1322 (Wadding. III. 291).— C. 16 Sexto V. 2.— C. 3. Extrav. Commun. V. 3.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat. XXXVII, 204).

за исполнением его предписания епископами и доносить ему о небрежных.

Однако, несмотря на то, что инквизиторы завоевали себе столь высокое положение, инквизиция служила ступенью на епископскую кафедру. Подобные функции давали людям честолюбивым огромное влияние, которым они постоянно злоупотребляли, чтобы продвинуться выше по иерархической лестнице. Между первыми инквизиторами мы встречаем брата Альдобрандино Кавальканти во Флоренции, который сделался епископом в Витербо, а преемник его, брат Руджiero Кальканьи, в 1245 году был вознагражден за свои услуги епископской кафедрой в Кастро. Я ограничусь одной Флоренцией; ее инквизитор брат Андреа да Перуджиа, был сделан епископом в 1343 году, а его преемник брат Пиетро ди Аквила, в 1346 году возведен в сан епископа в Сантанджело деи Ломбарди; на его место инквизитором был назначен брат Микеле ди Лапо; а в 1350 году сеньория ходатайствовала перед папой о назначении его епископом Флоренции.

Инквизиторское служение давало также возможность возвышения и в самом ордене, и это не упускалось из виду. Так, например, в списке доминиканских провинциалов Саксонии за вторую половину XIV столетия три брата, занимавшие один за другим эту должность с 1369 по 1382 годы – Вальтер Керлингер, Герман Гельстед и Генрих фон Альбрехт – были раньше инквизиторами¹.

---

¹ Pegnae «App. ad Eymeric.», c. 66–7. – Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXII, 143. 147). – Eymeric. «Direct. Inq.» 537–8. – Albert. «Repert. Inq.» изд. 1494, s. v. «Delegatus». – Franz Ehrle, «Archiv. fur Litteratur und Kirchengeschichte», 1886, c. 158. – Lami, «Antichità Toscane», c. 583. – Archivio di Firenze, Riformagioni, classe V, № 129, fol. 46, 62–70. – Martène, «Ampl. Coll.» VI, 344.

Не следует думать, что это грандиозное здание, которое так долго давило христианский мир, могло быть воздвигнуто без сопротивления, несмотря на все покровительство пап и королей. Когда мы перейдем к детальному изучению истории инквизиции, то встретим многочисленные примеры народных сопротивлений, безжалостно и быстро подавленных. Конечно, чтобы решиться поднять свой голос против инквизиции, как бы ни было жестоко и ненавистно ее поведение, надо было отличаться особым мужеством. По правилам канонических законов, всякий, кто препятствовал инквизитору в его деятельности или подстрекал к этому других, *ipso facto*, подвергался отлучению от церкви; по истечении года его уже на законном основании объявляли еретиком, без всяких лишних церемоний передавали в руки светской власти и сжигали без суда и без надежды на снисхождение. Ужасная власть, предоставленная, таким образом, инквизитору, становилась еще более грозной, благодаря растяжимости понятия «преступление, выражавшееся в противодействии инквизиции»; это преступление было плохо квалифицировано, но преследовалось оно с неослабной энергией. Если смерть освобождала обвиненных от мщения церкви, то инквизиция не забывала их, и гнев ее обрушивался на их детей и внуков. Во время процесса брата Бернара Делисье в 1319 году было решено, что он виновен в сопротивлении инквизиции, так как несколько расширил власть агентов, избранных городом Альби, чтобы принести жалобу папе Клименту V на действия епископа и инквизитора¹.

Если бы епископы действовали единодушно, они, конечно, могли бы отстоять свою юрисдикцию от этих посягательств и сохранить свое духовное стадо

---

¹ Mss. Bibl. Nat. fonds latin, № 4270, fol. 146, 165.

от ужасов, которые обрушились на него. К несчастью, прелаты не умели действовать сообща. Одни из них были мрачными фанатиками, которые с радостью приветствовали инквизицию и оказывали ей свое содействие; другие оставались индифферентны; третьи, наконец, а таких было большинство, поглощенные светскими занятиями и спорами, были скорее даже рады, что их избавили от тяжелых обязанностей, заниматься которыми у них не было ни охоты, ни времени. Ни один из них не решался поднять голос против учреждения, которое по мнению всех благочестивых душ, отвечало самым настоятельным потребностям эпохи. Неизбежная зависть епископов сказалась только в том, что некоторые из них тщетно хлопотали о том, чтобы предоставленные нищенствующим обязанности были возложены на них. Мы видим известную ревность в преследовании еретиков при помощи старой системы синодальных свидетелей на Турском соборе 1239 года, на соборе в Безье в 1246 году, в Альби в 1254 году. Собор в Лилле в 1251 году сделал более решительный шаг, чтобы вернуть утраченную почву, не только приказав епископам заниматься расследованиями в их епархиях, но и потребовав от инквизиции выдачи всех ее архивов епископским судьям. Так как это ходатайство собора не было удовлетворено, то собор Альби 1254 года сделал другую, столь же бесплодную попытку, потребовав представления копий с этих документов. Немного позднее 1250 года один инквизитор жаловался, что еретики воспрянули духом и стали более наглыми, благодаря тому, что инквизиторы подвергались вечно нападкам, обвинялись в небрежности, в лени и неумении отличать невинных от виновных. «Эти наговоры, — продолжал инквизитор, — исходят от светских и духовных судей, которые кричат о своей готовности искоренить ересь, но на деле охотно дают

себя подкупать или склоняются тайно на сторону ереси, так как среди еретиков у них есть родственники или друзья». Этот пример показывает, на что обращали внимание соперничающие судьи, и какими недружелюбными были отношения между старой и новой организацией¹.

На захваты инквизиторов епископы обыкновенно отвечали тонкими кляузами, которые, будучи перенесенными на усмотрение Святого Престола, разрешались всегда в самом благоприятном для монахов смысле. В 1330 году инквизитор Генрих де Шамэ жалуется Иоанну XXII, что Магелонский епископ мешает его деятельности в Монпелье, ссылаясь на известные папские привилегии, которые были даны ему; в своем ответе папа приказывает ему заниматься своим делом, не обращая внимания на возражения епископа. В 1441 году архиепископ Нарбоннский и все его викарии обратились с жалобой к Евгению IV на чрезмерные требования инквизиции и просили его отложить всякое окончательное решение, пока он не получит подробностей. Папа не стал ждать, но ответил, что инквизитор их уже обвинил в том, что они мешают его деятельности, что главнейшей обязанностью его, папы, в отношении церкви, является истребление ереси, и что самое верное средство снискать его расположение – это содействовать инквизиции; это учреждение создано для того, чтобы снять с епископов часть лежащей на них тяжести, и папа был бы крайне недоволен, если бы увидел, что на него делаются нападки. Чтобы показать свое желание восстановить согласие, инквизитор должен был взять назад свою жалобу, но все воз-

---

¹ Concil. Turonens. ann. 1239, c. 1. – Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 1. – Conc. Albiens., ann. 1254 c. 1, 21. – Conc. Insulan. ann. 1251, c. 2. – Tract. de Paup. de Lugduno (Martène, «Thes.» V. 1793).

бужденные епископами жалобы, само собой разумеется, должны быть признаны неосновательными. Очевидно, во всех жалобах подобного рода епископам приходилось считаться с очень сильным противником. В начале Великого Раскола инквизиторы должны были приносить подобную феодальной присягу папе, от которого они получали полномочия, а также и его преемникам: очевидное доказательство, что папы смотрели на инквизицию как на орудие для удовлетворения своих честолюбивых замыслов и личных интересов¹.

Народы Севера были чересчур удалены от центра ереси, чтобы на них распространилась язва в то время, когда верховное главенство папы укреплялось инквизиторами из нищенствующих орденов. Ни на Британских островах, ни в Дании, ни на Скандинавском полуострове эдикты Фридриха II не получили применения. Когда в 1277 году Роберт Кильверби, Кентерберийский архиепископ, и оксфордские магистры раскрыли известные заблуждения, происходящие из аверроизма, когда в 1286 году архиепископ Пекгем осудил ересь Ричарда Крапуеля, и когда в 1368 году архиепископ Лангем объявил еретическими тридцать схоластических усмотрений, то не было законов, чтобы покарать эти заблуждения, хотя законоведы и пытались ввести костер как карательную меру, и хотя она и была применена Оксфордским собором уже в 1222 году по отношению к одному духовному, перешедшему в иудейство. Ниже мы увидим, что в деле тамплиеров потребовалось вмешательство папской инквизиции, чтобы добиться осуждения. Но даже и тогда она настолько противоречила духу английских установлений, что не могла акклиматизироваться в Англии и погибла вскоре после своего вве-

---

¹ Arch. de l'Inq. de Carcassonne (Doat, XXXV, 85, 184).— Ripoll. II, 297, 311; III, 135.

дения. Когда появился Виклеф и за ним последовали лолларды, то идея, господствовавшая в Англии относительно взаимных отношений церкви и государства, была уже такова, что никому и в ум не пришло обращаться в Рим за специальным судом, чтобы подавить эти новые опасности. Статут 25 мая 1382 года уполномочивает короля при помощи его шерифов задерживать бродячих проповедников Виклефа, равно как покровителей и последователей ереси, и заключать их в тюрьму до тех пор, пока они не будут оправданы «*selonc reson et la ley de seinte esglise*»; в июле следующего года королевские грамоты предписывали оксфордским властям учинить расследование относительно еретических направлений в университете. Слабость короля Ричарда II дала лоллардам возможность сделаться весьма опасной политической и религиозной партией; но революция, возведшая Генриха IV на престол, ослабила их положение.

Новая династия нуждалась в помощи церкви и постаралась поскорее заслужить ее расположение. В 1240 году королевский указ, скрепленный парламентом, осудил Соутре на костер; затем статут *De haeretico* впервые установил смертную казнь как нормальное наказание за ересь в Англии. Этот же статут запрещал проповедь всем, кроме тех, кто имел на это право *ex officio*; он запрещал распространение еретических учений и книг; он уполномочивал епископов хватать уклонившихся и содержать их в тюрьме, пока они не будут оправданы или не откажутся от своих заблуждений; наконец, он предписывал епископам в течение трех месяцев со дня ареста разобрать дело подозреваемых. В случае более легких преступлений епископы могли наложить по своему усмотрению тюрьму и штраф; последний поступал в пользу королевского казначейства. В вопросе об упорной ереси или о возвращении в ересь,

что по каноническим законам влекло передачу виновного в руки светской власти, единственными судьями были епископы и их уполномоченные; когда осужденного передавали светскому суду, то шериф графства или мэр и сержанты ближайшего города должны были сжечь его на высоком месте в присутствии народа. Генрих V продолжал идти этим путем, и закон 1414 года установил по всему королевству вид инквизиции полусветской, полудуховной, действие которой особо облегчала английская система великих расследований. При таком законодательстве костры умножились, и лоллардизм был быстро подавлен. В 1533 году Генрих VIII отменил закон 1400 года, но полностью сохранил законы 1382 и 1414 годов, а равным образом и сожжение на костре для упорствующих еретиков и рецидивистов. В это время всегда опасное вмешательство политики в религию и обратно сделало из костра настоящее *instrumentum regni*. Одной из первых мер Эдуарда VI была отмена этого закона, а равно и законов 1382 и 1414 годов и всего жестокого законодательства шести пунктов (*Six Articles*). С реакцией, наступившей при Филиппе и Марии, суровые законы против ереси снова входят в употребление. Едва испанский брак был заключен, как угодливый парламент возобновил законы 1382, 1400 и 1414 годов, и в последующие годы зажглось много костров по стране. Но парламент Елизаветы поторопился отменить все законодательство Филиппа и Марии, а также и все старые законы, которым они дали силу; но, тем не менее, закон *De haeretico comburendo* сделался нераздельной частью английского закона, и только в 1677 году Карл II отменил его и постановил, что духовные суды, в случаях атеизма, богохульства, ереси, схизмы и других преступлений против религии, могли только присуждать к отлучению от церкви, отрешению от должности, разжалованию и к другим церковным наказаниям, за исключением смерт-

ной казни. В Шотландии смертная казнь была отменена позднее, чем в Англии; последнее преследование за ересь в пределах Британских островов имело место в 1687 году, когда в Эдинбурге был повешен молодой человек 18 лет от роду, студент-медик по имени Экенхид (Aikenhead)¹.

В Ирландии воинствующий францисканец, епископ Оссори, Ричард Ледред вел продолжительную борьбу с мнимыми еретиками, с леди Алисой Кителер, обвиненной в колдовстве, и с ее сообщниками. В Ирландии так мало были знакомы с законами, касающимися ереси, что гражданские чины сначала отказались, даже с негодованием, принести присягу, предписанную канонами, на то, что они будут содействовать инквизиторам в их работе; но, в конце концов, Ледред заставил их подчиниться и сжег в 1325 году несколько обвиненных. Но позднее, ввиду крайне враждебного отношения к нему наиболее видных жителей острова, он был сам обвинен в ереси и должен был бежать, и только в 1354 году он мог спокойно снова поселиться в своей епархии, хотя еще в 1335 году папа Бенедикт VII писал Эдуарду III, сожалея, что в Англии отсутствует такое полезное учреждение, как инквизиция, и убеждал его поддержать благочестивого епископа Оссори в его борьбе с еретиками, которую представлял при этом в сильно преувеличенном

---

¹ D'Argentré, «Collect. Judic.» I, 1, 185, 234.— Harduin. «Concil.» VII. 1065–8, 1864.— Capgrave's «Chronicle», ann. 1286.— Nic. Trivetti «Chron.» ann. 1222 (d'Achery III, 188).— Bracton. lib. III Tit. II, cap. 9, § 2.— Myrror of Justice, cap. I, § 4; cap. II, § 22; cap. IV, § 14.— 5 Rich. II. c. 5.— Rymer's «Foedera», VII. 363, 447, 458.— 2 Henr. IV. c. 15.— Concil. Oxoniens. ann. 1408. c. 13.— 2 Henr. V. c. 7.— 25 Henr. VIII, c. 14.— 1 Edw. VI. c. 12, § 3.— 1 Eliz. c. 1, § 15.— 29 Car. II. c. q.— «London. Athen.» may 31, 1873; nov. 29, 1884.

виде. Даже сам дублинский архиепископ Александр был обвинен, как покровитель ереси, в 1347 году, так как восстал против насилий Ледреда; его преемник, архиепископ Иоанн, получил в 1351 году указ принять самые строгие меры к наказанию тех, кто бежал из Осори и искал убежища в его епархии¹.

Когда волнения, поднятые гуситами, приняли опасный оборот, и явилось опасение, чтобы ересь не распространилась на севере, Мартин V в 1421 году уполномочил шлезвигского епископа назначить францисканского монаха Николая Жана инквизитором Дании, Норвегии и Швеции; но мы не находим следов его деятельности в этих странах, и можно сказать, что там инквизиция никогда не имела реального существования².

Так как дело обращения схизматиков и еретиков в средние века находилось исключительно в руках доминиканцев и францисканцев, то основанные ими церкви всегда были устроены так, чтобы охранять в чистоте веру вновь обращенных. Таким путем инквизиция основалась в Азии и в Африке. Брат Раймунд Марциус почитается основателем инквизиции в Тунисе и Марокко. В 1370 году Григорий XI назначил инквизитором на Востоке брата Иоанна Галла, который совместно с братом Илией Малым, как уверяют, насадил инквизицию в Армении, Грузии, России и Валахии; Верхняя Армения была обязана этим благодеянием брату Бартоломею Понко. По смерти брата Галла, Урбан VI около 1378 года предписал генералу доминиканцев назначить трех инквизиторов,

---

¹ Wright, «Proceedings against Dame Alice Kyteler», Camden Soc. 1843.— Wadding. «Annal.» ann. 1317, № 56; ann. 1335, № 5—6.— Theiner, «Monum Hibern. et Scotor.» № 531—2, с. 269, № 570—1, с. 286; № 599, с. 299.

² Wadding. «Annal.» ann. 1421, № 1.

одного – в Армению и Грузию, другого – в Грецию и Татарию, третьего – в Россию и Валахию. В 1389 году один из них, брат Андрей де Каффа, получил разрешение взять себе помощника для своей огромной области, Греции и Татарии. В XIV веке, по-видимому, инквизитор считался неперменным членом всякой религиозной миссии. Даже в сказочной эфиопской империи владыки Иоанна в Абиссинии была, как говорят, основана инквизиция доминиканцем Св. Панталеоне, и другая в Нубии братом Бартоломео де Тибули, который считается здесь святым. Нельзя не отдать должного бескорыстному рвению людей, посвятивших себя распространению Евангелия среди варваров, и охотно допускают, что основанные ими инквизиции были сравнительно безвредны, так как они не руководствовались ужасными эдиктами Фридриха II и Людовика Святого¹.

Остатки Иерусалимского королевства узнали безрассудную ревность инквизитора раньше, чем пали окончательно. По словам Николая IV, первого папы из францисканцев, неудачи войны зародили там семена ереси и иудейства, и в 1290 году он предоставил своему легату Николаю, патриарху Иерусалимскому, полное право назначить там инквизиторов в согласии с провинциалами нищенствующих. Это было исполнено, но несколько запоздало: взятие Акры (19 мая 1291 г.) окончательно изгнало христиан из Св. Земли и положило конец недолгому существованию сирийской инквизиции. Она была, однако, восстановлена в 1375 году Григорием XI, который уполномочил францисканского провинциала в Св. Земле ввести должность инквизитора в Палестине, Сирии и Египте, чтобы бороться со

---

¹ Paramo, c. 252–3. – Monteiro, «Historia da Santo Inquisição», P. I. lib. I, c. 59. – Ripoll. II, 299, 310; III, 9, 110.

стремлениями к вероотступничеству, которое проявляли христианские паломники, всегда многочисленные в этих странах¹.

Не нужно думать, что торжество инквизиции над епископами предоставило ей исключительное право преследования. Обычная епископская юрисдикция оставалась неприкосновенной. В 1240 году тулузский епископ и его приор вели без инквизиции расследование по вопросу ереси сеньоров Ниора. Ревностные епископы часто действовали совместно с инквизиторами при допросах еретиков, а также и самостоятельно производили расследование. Так, например, в 1299 году в Альби целый ряд процессов был рассмотрен епископом, иногда совместно с каркассонским инквизитором Николаем д'Аббевилем, иногда совместно с тулузским инквизитором Бертраном Клермонским, иногда совместно с ними обоими. Вначале, как мы видели, инквизитор был только помощником епископа, и последний нисколько не был освобожден от своих обязанностей по уничтожению ереси. Иногда епископы сами назначали инквизиторов, чтобы действовать продуктивнее; имена подобных инквизиторов, действовавших от имени нарбоннских архиепископов, мы находим в документах 1251 и 1325 годов. Кроме того, ничто не мешало ревностному епископу получить от папы полномочия инквизитора, как, например, сделал это каркассонский епископ Гильем Арно, который, будучи епископом, стоял с 1249 по 1255 год во главе

---

¹ Wadding. «Annal.» ann. 1290, № 2; ann. 1375, № 27, 28.— Достойно замечания, что в Иерусалимском латинском королевстве ересь была, по-видимому, подсудна светскому трибуналу; рыцарь-еретик имел право быть судимым равными себе (Assises de Jérusalem, Haute Cour, с. 318; изд. Kausler, Штуттгарт, 1838, с. 367–8).

каркассонского трибунала и действовал с такой энергией, которой могли бы позавидовать доминиканцы¹.

Однако, было трудно, чтобы епископы и инквизиторы, действуя совместно, не пришли к столкновению. Вскоре стали утверждать, что некоторые епископы, чтобы спасти своих друзей от рвения инквизиторов, преследовали их перед своим собственным трибуналом. Чтобы положить предел этим недоразумениям, Урбан IV в 1262 году уполномочил инквизиторов вести все дела по своему усмотрению, не справляясь о том, рассматриваются ли эти дела епископами или нет? Это предписание было со знаменательными добавлениями подтверждено Климентом IV в 1265 и 1266 годы. В 1273 году Григорий X провозгласил этот же принцип, вошедший в практику церкви и в каноническое право; было решено, что и епископы и инквизиторы могли одновременно и независимо рассматривать одно и то же дело, сообщая время от времени друг другу результаты делопроизводства. Для постановления решения требовалось их согласие; в случае же разногласия дело должно было быть передано на решение папы. Но даже и тогда, когда епископ один вел дело, подсудное его суду, он только с согласия инквизитора мог вынести окончательное решение².

---

¹ Trésor des Chartes du Roi en Carcassonne (Doat, XXI, 34–49). – Lib. Confess. Inquis. Albiae (Mss. Bib. Nat. fon lat. 11847). – Archives Nat. de France, J. 431, № 22–29. – Vaissette III, 446. – Coll. Doat, XXVII. 161. – Molinier, «L’Inquis. dans le Midi de la France», Париж, 1880, с. 275–6.

² Mag. Bull. Roman. I. 122. – Wadding «Annal.» ann. 1265, № 3. – Arch. de l’Inquis. de Carcass. (Coll. Doat, XXXII, 32). – Martène «Thesaur.» 1818. – C. 17, Sexto V. 2. – C. 1 Extrar. Comm. V. 3. – Eymeric. «Direct. Inquis.» с. 539, 580–1. – C. 1, § 1, Clement. V. 3.

Булла Урбана (1262 г.) в сущности тождественна с буллой 1264 г. «Prae cunctis», которая была напечатана Бутариком в труде «S. Louis et Alphonse de Toulouse» с. 443 сл.

Одно время ставили вопрос, не отменяет ли совершенно юрисдикцию епископов в отношении ереси предоставление папой инквизитору права действовать в той же епархии. Один из самых выдающихся юристов той эпохи, Ги Фукуа, рассматривал этот вопрос в своих «*Quaestiones*», бывших долгое время авторитетом для трибуналов инквизиции, и дал на него утвердительный ответ; однако, сделавшись под именем Климента IV папой, Ги в упомянутых нами выше буллах 1265 и 1266 годы показал, что он изменил свой взгляд; также и Григорий X ясно заявил, что епископская юрисдикция остается неприкосновенной. Однако доктора канонического права продолжали сомневаться в этом, и в течение некоторого времени епископская юрисдикция в отношении ереси почти ни в чем себя не проявляла. Было мало прелатов более деятельных, чем Буржский архиепископ Симон, который в продолжение 1284–1291 годов не один раз посетил епархии Миди, Альби, Родеза, Кагора и др.; но в отчетах об этих посещениях нет нигде упоминания о расследованиях по делам ереси, если не считать дела 1285 года, в котором он заставил ростовщиков Гурдона поклясться, что они не считают себя таковыми, хотя ростовщичество было подсудно инквизиции только тогда, когда оно превращалось в ересь, благодаря притязанию ростовщиков считать свое занятие законным. Но около 1298 года Бонифаций VIII придал новую силу юрисдикции епископов, и мы видим, какое тогда произвел волнение между своими духовными чадами епископ Альби, Бергард де Кастане, своей строгостью по отношению к еретикам. Вскоре после этого Климент V, желая положить конец жестокостям инквизиции, расширил функции епископов; глоссаторы утверждали, что инквизиторы нисколько не освобождали епископов от обязанности бороться против ереси, и что папа мог сместить епископа, если он будет пренеб-

регать этой обязанностью; но, тем не менее, Бернар Ги уже после появления Климентин заявляет, что неудобно, чтобы епископский судья вызывал к себе лиц, о которых уже ведется дело инквизицией. Но если, с одной стороны, власть епископа была ограничена тем, что он должен был прийти к соглашению с инквизитором раньше, чем преследовать кого-либо, то с другой – она возросла благодаря предоставленному епископу праву вызывать свидетелей и обвиняемых, бежавших в другие епархии. Подобная неопределенность положения сильно затрудняла епископов; их усилия обеспечить себе часть в штрафах и конфискациях не приводили ни к чему; им отвечали, что с них и их подчиненных достаточно получаемых ими доходов. Гениальным схоластикам удалось путем логических умозаключений устранить это возражение относительно епископов, когда они действовали лично сами; но оно оставалось в силе относительно лиц, подчиненных епископу, и последние тяготились нести все расходы, тогда как инквизиция, по крайней мере, в Италии, имела контроль над конфискациями и не давала никаких отчетов епископу¹.

---

¹ Vaissete, III, 515. – Archidiaconus. Gloss. sup. c. 17, 20 Sexto V. 2. Harduin. VII. 1017–19. – C. 17, 19 Sexto V. 2. – C. 1. Clement. V. 3. – Concil. Melodun. ann. 1300, № 4. – Bernard. Guidon. «Hist. Conv. Albiens.» (Bouquet, XXI, 767). – Albert. «Repert. Inquis.» s. v. «Episcopus». – Guid. Fulcod. «Quaest.» I. – Ripoll. I. 512; VII. 53. – Joan. Andreae Gloss. sup. c. 13, § 8 Extra. V. VII. – Eymerici, «Direct. Inquis.» 626, 637, 650. – C. 1 Extrav. commun. V. 3. – Bernard. Guidon. «Practica» P. IV. (Doat, XXX). – Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Bona haereticorum».

Уже с 1257 г. инквизиция распространила свою юрисдикцию на ростовщичество, считавшееся видом ереси (Alex. PP. IV. Bull. «Quod super nonnullis [Arch. de l'Inquis. de Carcass. Doat, XXXI, 244]; булла эта часто повторялась. См. Raynald. «Annal.» ann. 1258, № 23; Potthast «Reg.» № 17745, 18396; Eymeric. «Direct. Inquis.» изд.

В первую четверть XIV столетия при господстве законов Бонифация VIII и Климента V епископская инквизиция неизбежно должна была возродиться. Даже в Италии провинциальный Миланский собор, бывший в Бергамо в 1311 году под председательством архиепископа Гастона Торриани, создал полную систему инквизиции по образцу папской. Возраставшее могущество Висконти, враждебных папству, парализовало доминиканцев, и была сделана энергичная попытка заменить их. Было поручено настоятелю приходской церкви или монастыря каждого города избрать людей, исключительной задачей которых было

Pegnae, с. 133. Ср. с. 8, § 5 Sexto V. 2). Лионский собор 1274 г. (can. 26, 27), касаясь ростовщичества, говорит, что это преступление должно караться епископскими судьями. Виенский собор 1311 г. предписал инквизиторам преследовать людей, утверждающих, что ростовщичество не грех (с. 1, § 2, Clementin. V. 5); но каноны этого собора были опубликованы только в 1317 г., и этим можно объяснить то обстоятельство, что Astexanus, писавший в том же году, говорит, что инквизиторы не должны заниматься вопросом о ростовщичестве («Summa de casibus conscientiae», lib. II, tit. LVIII, art. 8). Около конца столетия ему последовал Эмерик («Direct. Inquis.», с. 106), который не советует инквизиторам отвращаться от своей прямой цели и направлять свое внимание на дела этого рода. Цангино возводит в правило, что человек может быть известным ростовщиком, богохульником и прелободеем, не будучи еретиком; но если он, кроме этого, проявляет презрение к религии, не посещая богослужений, не принимая причастия, не соблюдая постов и других предписаний церкви, то на него падает подозрение в ереси, и инквизиторы могут преследовать его (Zanchini, «Tract. de Haeret.» с. XXXV).

Мы увидим, что ростовщичество сделалось очень выгодным полем деятельности для инквизиции в эпоху, когда уменьшение ереси лишило ее законной области. Так как это преступление было подсудно светским судам (см. Vaissete, IV, 164), то не было никакого основания подводить его под духовную юрисдикцию.

бы разыскивать еретиков; эти люди должны были пользоваться привилегиями и неприкосновенностью доминиканских инквизиторов. Всем гражданам, начиная с сеньора и до последнего крестьянина, было предложено оказывать помощь по первому зову. Некоторые дела, бывшие в Безье, Памье и Монпелье в 1319 и 1320 годы, показывают нам, что епископские суды в это время действовали энергично, то при участии инквизитора в качестве ассесора, то при совместной работе папского и епископского инквизиторов. В 1322 году один из епископских инквизиторов, представитель епархии Ока, вступил в спор даже с самым Бернаром Ги по поводу одного арестованного, предъявив на него свои права. Когда в 1319 году знаменитый противник инквизиции, брат Бернар Делисье, подвергся суду за то, что мешал ее деятельности, то Иоанн XXII назначил по этому поводу специальную комиссию из архиепископа Тулузы и епископов Памье и С.-Папуля; один из самых опытных инквизиторов той эпохи, Жан де Бон Каркассонский, выступил при этом в качестве обвинителя, а не судьи¹.

В Германии примерно в то же время произошла внезапная вспышка епископской деятельности в преследованиях, поднятых страсбургским епископом и кельнским архиепископом против бегардов. Это привело почти к открытой борьбе между духовенством и доминиканцами по делу магистра Эккарта, основателя мистической немецкой школы, из которой вышли Сузо и Таулер. Весь орден с гордостью смотрел на него как на самого выдающегося своего члена; он успешно преподавал богословие в парижском универ-

---

¹ Coll. Doat, XXVII. 7; XXXIV. 87.— Concil. Bergamens. ann. 1311, Rubr. 1.— Mss. Bibl. Nat. Coll. Moreau, 1274, fol. 72.— Lib. Sentent. Inq. Tolosan. 26, 282, 351–2.

ситете; в 1303 году, когда вся Германия была разделена на две провинции, он был первым провинциальным приором Саксонии; в 1307 году генерал назначил его викарием Чехии; в 1326 году он преподавал богословие в доминиканской школе в Кельне, и тогда-то его заподозрили в причастии к ереси бегардов, против которых велось жестокое преследование. Его мистицизм приближался к их пантеизму, и весьма возможно, что бегарды пытались прикрыться громким именем Эккарта. На общем собрании в 1325 году раздавались жалобы, что в Германии некоторые члены ордена излагали народу на его языке учения, которые могли привести к заблуждениям; расследование по этому поводу было поручено приору Анжера Жервезу. Около этого же времени Иоанн XXII назначил профессора кельнской доминиканской школы, Николая Страсбургского, инквизитором Германии и поручил ему расследовать верования и труды братьев. Немного спустя архиепископ, возбужденный борьбой с бегардами, назначил двух комиссаров для рассмотрения дела Эккарта. Николай Страсбургский сам был склонен к мистицизму; все делало его снисходительным к обвиняемым, и он в июле 1326 года оправдал Эккарта. Это решение не понравилось епископским инквизиторам, одним из которых был францисканец, и они начали собирать свидетельства против Эккарта. После шестимесячного расследования они 14 января 1327 года попросили Николая (на что имели полное право) сообщить им делопроизводство. Николай явился в сопровождении десяти монахов не с тем, чтобы выказать повиновение вызову комиссаров, а с тем, чтобы торжественно заявить свой протест против всего их дела и потребовать себе *apostoli*, или апелляционные грамоты к папе, ссылаясь на то, что доминиканцы не были подсудны епископской инкви-

зиции, и что сам он был назначенный папой инквизитор с неограниченной властью. Правда, в 1184 году Луций III подтвердил неприкосновенность монашеских орденов в делах ереси; но доминиканский орден был основан позднее.

Епископские инквизиторы поторопились ответить и в тот же день возбудили дело против самого Николая, который тотчас же послал жалобу папе. Кроме того, они вызвали на 31 января Эккарта, но он явился еще 24-го в сопровождении многочисленных приверженцев и с негодованием выразил свой протест, жалуясь на медленность дела, марающего его имя, тогда как его можно было окончить шесть месяцев тому назад; он добавил при этом, что против него пользовались свидетельствами доминиканцев, замаранных разными преступлениями. Эккарт потребовал *apostoli* и определил 4 мая последним сроком подачи жалобы в Рим. Епископские инквизиторы по закону имели тридцать дней срока для ответа на это требование.

Чтобы показать, насколько его имя пострадало от всего этого дела, он сделал 13 февраля один незаконный с юридической точки зрения шаг, позволивший утверждать, что он сам отрекся от своих заблуждений. После произнесения проповеди в доминиканской церкви он велел прочесть бумагу, в которой он оправдывал себя перед народом от возбужденных против него обвинений в ереси, отрицая, что он говорил, что будто бы его мизинец сотворил все, или что в душе существовало несозданное и несоздаваемое начало. По истечении тридцатидневного срока, 22 февраля, инквизиторы архиепископа отказали Эккарту дать *apostoli*. Немного спустя, утомленный этим долгим делом, он умер, но орден пользовался достаточным влиянием у Иоанна XXII для того, чтобы добить-

ся перенесения всего дела в Авиньон. Там поведение архиепископа было признано правильным, и 27 марта 1329 года было вынесено решение, признавшее в учении Эккарта 17 еретических пунктов и 11 подозрительных. Хотя приписанное ему отречение и спасло его тело от вырятия и сожжения, но, тем не менее, этот приговор вполне оправдывал архиепископа, и на один раз старый порядок взял верх над новым. Было объявлено, что ересь Эккарта была доказана как расследованием (инквизицией) архиепископа, действовавшего вполне законно, так и расследованием, произведенным после этого в Авиньоне по распоряжению папы. Это решение тем более знаменательно, что в это время Иоанн XXII имел серьезное основание заискивать перед доминиканцами, так как вел ожесточенную борьбу против Людовика Баварского и против недовольной партии францисканцев¹.

---

¹ W. Preger, «Meister Eckart und die Inquisition», Мюнхен, 1869.— Denifle, «Archiv für Litteratur und Kirchengeschichte», 1886, с. 616, 640.— Raynald. ann. 1329, № 70–2.— Gust. Schmidt, «Papstliche Urkunden und Regesten», Гилл., 1886, с. 223.— Ср. Eumeric. «Direct. Inquis.», с. 453 и сл.

Власть Инквизиции над имевшими специальные привилегии нищенствующими орденами в разные эпохи была различна. Суд над ними был предоставлен ей в 1254 г. буллой Иннокентия IV «Ne commissum vobis» (Ripoll. I. 252). Лет через двести Пий II предоставил суд над францисканцами их собственному генерал-министру. В 1479 г. Сикст IV золотой буллой «Sacri praedicatorum» (§ 12) запретил инквизиторам преследовать членов другого нищенствующего ордена (Mag. Bull. Roman. I. 420). Вскоре после этого Иннокентий VIII запретил всем инквизиторам судить францисканцев; но с развитием лютеранства эта мера показалась опасной, и в 1530 г. Климент VII уничтожил все изъятия буллой «Cum Sicut» (§ 2) и сделал всех монахов подсудными Инквизиции (Mag. Bull. Roman. I. 681). Это было подтверждено в 1562 г. Пием IV в булле «Pastoris

Епископская инквизиция получила признание церкви. Парижский собор 1350 года говорит о преследовании еретиков как о главной обязанности епископа; он дает инструкции епископским судьям, определяющие их права арестовывать подозреваемых и обращаться к светским властям с теми же требованиями, как и инквизиция. Одно бреве Урбана V в 1363 году относится к одному рыцарю и пяти дворянам, заподозренным в ереси и находившимся в то время под стражей у каркассонского епископа; папа приказал судить их епископу или инквизитору, или обоим совместно, но чтобы приговоры были представлены ему. В 1423 году каркассонский инквизитор прибыл в Альби, где велел принести присягу двум нотариусам и нескольким подчиненным ему лицам, которые должны были действовать от его имени; затем он приказал собрать некоторые свидетельские показания по делу, которое он вел, и заставил свидетелей поклясться, что они будут хранить все в тайне, пока не будет извещен обвиняемый. Епископ Альби пожаловался на это как на вмешательство в его юрисдикцию. Он заявил, что должностные лица имели право приносить присягу только в присутствии его судьи или представителя последнего; наложенное на свидетелей обязательство хранить в тайне их показания, добавлял епископ, могло только помешать его собственному расследованию, так как

---

aeterni» (Eymeric. «Direct. Inquis.» Append. c. 127; Pegnae, «Comment.», c. 557).

Вопрос о том, имел ли право епископ возбуждать против инквизитора дело по обвинению его в ереси, был спорным и, по всей вероятности, никогда не был разрешен на практике. Эмерик утверждает, что епископ сам не имеет права вести дело, а должен передать его папе; но Пегна в своих «Комментариях» приводит крупных авторов, смотревших на это дело иначе (Eymeric., *op. cit.*, c. 558–9).

лишало его свидетельских показаний, в случае если он сам примется за это дело. Этот протест показывает те столкновения и то соперничество, которые неизбежно вызывались существованием двух параллельных юридических факторов. В настоящем случае посредником был избран каркассонский епископ; инквизитор признал себя виновным и отменил свои действия, и было публично объявлено о последовавшем примирении.

Однако, несмотря на это и подобные ему столкновения, на практике, в конце концов, установился *modus vivendi*. Писавший в 1375 году Эмерик представляет нам почти всегда епископа и инквизитора действующими совместно и не только в постановке решения, но и во всем деле; он, по-видимому, старается доказать, что инквизиция нисколько не нарушала епископской юрисдикции и не освобождала епископа от его обязанностей. Столетьем позднее Ширенгер, рассматривая юрисдикцию инквизиции с точки зрения инквизитора, приходит почти к тому же выводу; и в папских указах, дававшихся инквизиторам, обыкновенно делалась оговорка, что они не должны ничем нарушать инквизиционной юрисдикции епископских судей. Но, благодаря обычной небрежности служащих епископа, инквизиторы часто вторгались в их область, и жалобы на эти вторжения раздавались постоянно до наступления реформации¹.

---

¹ Concil. Parisiens. ann. 1350, c. 3, 4.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXV, 132).— Arch. de l'Evêché d'Albi (Doat, XXXV, 187).— Eymerici, «Direct. Inquis.», c. 529.— Sprengeri «Mall. Maleficar.» P. III. Q. 1.— Ripoll. II. 311, 324, 351.— Cornel. Agrippae «de Vanitate Scientiarum», cap. XCVI.

Однако булла Николая V, обращенная к инквизитору Франции в 1451 г., по-видимому, ставила его деятельность в полную независимость от епископа (Ripoll. III. 301).

С технической точки зрения не было никакой разницы между инквизицией епископов и папы. Правосудная система делопроизводства, взятая епископскими судами из римского права, была оставлена; епископов уполномочивали и даже побуждали следовать инквизиционной системе, которая представляла жалкую карикатуру суда. Поэтому, излагая историю этого учреждения, нет никакой надобности делать различие между двумя ее ветвями; на действия той и другой надо смотреть как на вызванные одними и теми же стремлениями, одними и теми же методами и стремившиеся к одной цели одинаковыми средствами¹.

Однако папская инквизиция ввиду огромной задачи, предложенной ее разрешению, была гораздо ответственнее, чем епископская. Как бы ни был энергичен епископский судья, его труды были обособлены, временны и несистематичны; папская же инквизиция, наоборот, покрыла всю континентальную Европу сетью судов, в которых заседали люди, не имевшие других занятий. Их деятельность была не только непрерывна, как действие законов природы, но и постоянна; эти два обстоятельства отнимали у еретиков надежду выиграть время и скрыться, переходя из одной страны в другую. Своими прекрасно составленными регистрами инквизиция образовала настоящую международную полицию в ту эпоху, когда взаимные сношения между народами были еще чрезвычайно слабы. Руки инквизиции были длинны, память ее непогрешима; и мы без труда понимаем, какой мистический ужас внушала инквизиция благодаря, с одной стороны, таинственности, окружавшей ее деятельность, а с другой – бла-

---

¹ С. 17 Sexto V. 2. – См. «Modus examinandi haereticos», напечатанный Гретсером (Mag. Bibl. Patrum. XIII, 341) и составленный для немецкой епископской инквизиции.

годаря своей сверхъестественной бдительности. Если она хотела вести дело публично, то она призывала всех верных и приказывала им схватить какого-нибудь ересиарха, обещая за это вечное блаженство на том свете и соответственное вознаграждение на этом; всякий священник того прихода, где мог скрываться обвиняемый, должен был повторять вызов, чтобы его слышали все прихожане. Если предпочитали вести дело тайно, то для этого были шпионы и специальные низшие служащие. История всякой еретической семьи за время нескольких поколений могла быть всегда извлечена на свет из архивов разных судов инквизиции. Одна удачная поимка, сопровождавшаяся признанием, вырванным пыткой, могла раскрыть следы сотен людей, считавших себя до того времени в безопасности; и каждая новая жертва давала новый ряд разоблачений. Еретик жил как бы на вулкане, который во всякое время мог начать извержение и поглотить его. Во время ужасного преследования, поднятого против францисканцев-спиритуалов в 1317 и 1318 годы, много сострадательных людей помогало беглецам, смело являлось у костра и утешало, как могло, новых мучеников. Некоторые францисканцы, зная, что их подозревают, бежали и переменили имя; другие остались в тени, и все уже думали, что дело их позабыто. Вдруг в 1325 году какой-то неожиданный случай (по всей вероятности, признание какого-либо узника) навел инквизицию на их след. Человек двадцать несчастных было заключено в тюрьму, где они просидели год или два; здесь, отрезанные от всего мира, они пали духом, сознались постепенно в своих преступлениях, наполовину уже позабытых, и подверглись духовным наказаниям. Еще поучительнее дело Гильельмы Маза де Кастр, потерявшей в 1302 году мужа. В минуты тоски по мужу она слушала двух вальденских миссионе-

ров, поучения которых укрепляли ее. Они были у нее только два раза, и то ночью, так что она имела полное право говорить, что никогда их не видала. Через двадцать пять лет безупречной строго католической жизни ее в 1327 году потребовала каркассонская инквизиция; она созналась в своем, один только раз бывшем, нарушении веры и принесла покаяние. Таким образом, святой трибунал не забывал ничего и ничего не прощал. Он останавливался на всех мелочах. В 1325 году одна женщина по имени Манента Роза была приведена на каркассонский трибунал как еретичка-рецидивистка; поводом к преследованию послужило то, что ее видели, после того как она отреклась от ереси спиритуалов, разговаривающей с одним подозреваемым человеком, и что она переслала через него два су одной больной женщине, также находившейся под подозрением¹.

Бежать было бесполезно. Приметы бежавших еретиков немедленно рассылались по всей Европе. Об арестах подозрительных людей трибуналы сообщали один другому, и несчастная жертва направлялась в ту страну и в тот город, где ее показания могли принести большую пользу, раскрыв других виновных. В 1287 году среди арестованных в Тревизе еретиков было несколько пришедших из Франции, и французские инквизиторы тотчас потребовали их к себе, в особенности одного из них, бывшего епископом катаров. Папа Николай IV немедленно приказал тревизскому инквизитору отослать их во Францию, но предварительно выпытать у них все, что возможно. В глазах людей папская инквизиция была всеведущей, всемогущей и вездесущей².

---

¹ Coll. Doat, XXXVII, 7; XXIX, 5.

² Coll. Doat, XXX, 132; XXXII, 155.

Иногда, правда, польза, приносимая этим учреждением, ослаблялась ссорами, особенно порождавшими взаимной ненавистью францисканцев и доминиканцев. Я уже упоминал о недоразумениях, возникших на этой почве в Марселе в 1266 году и в Вероне в 1291 году. Этот недостаток единодушия сказался также в 1327 году, когда был арестован в Провансе хорошо известный спиритуал Петр Тренкавель, бежавший из каркассонской тюрьмы, а также тоже бежавшая из тюрьмы дочь его, Андрея. Очевидно, они подлежали суду того трибунала, от которого они скрылись бегством; но францисканский инквизитор Прованса, брат Михаил, отказался выдать их, и каркассонский трибунал был вынужден обратиться с жалобой к Иоанну XXII, который приказал Михаилу немедленно выдать своих пленников. Но если принять во внимание несовершенство человеческой природы, то нельзя не согласиться, что недоразумения подобного рода происходили сравнительно редко¹.

Чтобы справедливо управлять столь могущественной организацией, от которой зависели жизнь и благосостояние миллионов людей, надо было иметь почти сверхчеловеческую мудрость и добродетель. Каков же был идеал людей, которым было поручено текущее дело св. трибунала? Наиболее опытный инквизитор своего времени, Бернар Ги, заканчивает свои подробные инструкции относительно делопроизводства некоторыми общими советами, касающимися поведения и характера инквизитора. По его словам, инквизитор должен быть деятелен и энергичен в своем рвении к истинной вере, в деле спасения душ и истребляя ереси. Он должен оставаться всегда спокойным и невозмутимым среди всяких неприятностей и недоразуме-

---

¹ Coll. Doat, XXXV, 18.

ний. Он должен быть деятелен физически, так как привычка к лени ослабляет всякую энергию. Он должен быть бесстрашен и не бояться даже смерти, но, не отступая ни перед какой опасностью, он не должен безрассудно идти ей навстречу. Он должен быть недоступен просьбам и подходам тех, кто будет стараться привлечь его на свою сторону; но в то же время сердце его не должно быть бесчувственным, и он не должен отказывать в отсрочках и в смягчении наказания, принимая во внимание обстоятельства и место. Он не должен быть слабым и искать любви и популярности, так как это может дурно отразиться на его деле. В сомнительных вопросах он должен действовать осмотрительно и не давать легко веры тому, что кажется вероятным, но часто бывает неверно. Он не должен отбрасывать упрямо противоположное мнение, так как часто кажущееся на первый взгляд невероятным оказывается впоследствии истиной. Он должен внимательно расспрашивать и выслушивать и тщательно расследовать, чтобы терпеливо осветить все дело. Когда он выносит смертный приговор, то выражение лица его может свидетельствовать о его сожалении, чтобы не казалось, что он действует под влиянием гнева и жестокости, но приговор его должен оставаться неизменным. Если он накладывает денежное наказание, то лицо его должно сохранять строгое выражение, чтобы не подумали, что он действует из алчности. Пусть в его взгляде проглядывают всегда любовь к правде и милосердие, чтобы не думали, что его решения вынесены под влиянием алчности или жестокости¹.

---

¹ Bern. Guidon. «Practica P. IV ad finem» (Doat, XXX). Тот же портрет совершенного инквизитора я нашел в рукописи «Tractatus de Inquisitione» (Doat, XXXVI).

Для точной оценки трудов инквизиции и ее влияния мы должны теперь несколько подробно изучить ее методы и ее судопроизводство. Только таким образом мы будем в состоянии понять вполне ее деятельность, так как те уроки, которые извлечем мы из этого расследования, имеют, быть может, наиболее серьезное значение среди всего, чему она может научить нас.

Глава VIII

УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ

Мы уже видели, что церковь поняла, что словом убеждения нельзя остановить распространение ереси. Проповеди Св. Бернара, Фулька из Нейльи, Дурандо де Хуеска, Св. Доминика, Св. Франциска отличались самым горячим красноречием; все эти проповедники, надеясь убедить и вернуть в лоно церкви отпавших, давали пример самого высокого самоотречения; но их старания потерпели неудачу; тогда церковь прибегла к силе и без всякой пощады применила ее.

Первым следствием этой новой церковной политики было то, что еретики начали скрываться. Тогда, чтобы пожать плоды своей победы, церковь нашла нужным организовать правильное преследование в целях раскрытия и уничтожения спрятавшихся еретиков. Для этого были употреблены нищенствующие ордены; учрежденные первоначально с целью борьбы с заблуждениями словом и примером, они скоро стали агентами немилосердной репрессии.

Устройство инквизиции было настолько же просто, насколько целесообразно в достижении цели. Она не стремилась поражать умы своим внешним блеском, она парализовала их террором. Она оставила светским прелатам богатые одежды, величественную пышность богослужения, блестящие процессии и длинный ряд служителей. Инквизитор носил скромную рясу своего ордена; в город входил он или один, или

сопровожаемый несколькими вооруженными слугами, которые составляли его личную стражу и были исполнителями его приказаний. Главной ареной его деятельности были стены здания святого трибунала, откуда он рассылал свои приказы и распоряжался судьбой целых народов, окруженный молчанием и таинственностью, в тысячу раз более внушительными, чем внешнее величие епископов.

О плодотворной работе, а не о внешности, заботилась инквизиция. Это было здание, воздвигнутое людьми серьезными, решительными, всецело преданными одной идее; людьми, которые знали, чего они хотят, и отбрасывали с презрением все, что могло помешать их деятельности.

Вначале, как мы видели, инквизиторами были простые монахи, выбираемые один за другим, чтобы преследовать еретиков и выяснять степень их виновности. Их деятельность, естественно, ограничивалась пределами провинций нищенствующих орденов, из которых каждая охватывала большое число епископий, провинциалы которых назначали инквизиторов. Хотя на главный город провинции с его монастырем ордена и с его тюрьмами стали скоро смотреть как на резиденцию инквизиции, но все же инквизитор был обязан постоянно находиться в разъездах и собирать народ в разных местах, как делали это раньше епископы при своих пастырских объездах, обещая, кроме того, отпущение грехов на время от двадцати до сорока дней всем тем, кто являлся на его призыв. Правда, инквизиторы Тулузы вначале основались в этом городе и вызывали к себе всех, кого хотели допрашивать, но этот порядок вызвал такие жалобы, что в 1237 году легат Иоанн Виенский приказал самим инквизиторам выезжать на места. Следствием этого был их выезд в Кастельнодари, где народ встретил их враждебно, так как заранее условились не

выдавать никого; тогда они перебрались в Пюилоранс; сюда они прибыли, никем неожиданные, и могли благодаря этому собрать много свидетельских показаний. Убийства, происшедшие в Авиньоне в 1242 году, показали, что эти расследования на местах не всегда были безопасны; тем не менее, их продолжали предписывать и кардинал Альбано в 1234 году, и собор 1246 года в Безье. В 1247 году Иннокентий IV уполномочил инквизиторов в случае опасности вызывать еретиков и свидетелей в какое-либо безопасное место, но личные объезды остались по-прежнему в силе: в Италии они предписывали буллами *Ad extirpanda*; о них, как о чем-то, вошедшем в обычай, говорит современный немецкий инквизитор; в Северной Франции в 1278 году брат Симон Дюваль созывал народ на местах; в 1330 году Бернар Ги говорит о них как об исключительной привилегии инквизиции, а около 1375 года Эмерик описывает этот порядок как установившийся уже исстари¹.

Нельзя представить что-либо более действительное, чем эти объезды. С течением времени, когда была усовершенствована система шпионов и служителей (*familiars*), они стали менее обычны; но в первые годы инквизиции они принесли ей огромные

---

¹ Gregor. PP. IX. Bull. «Ille humani generis» 20 mai 1236 (Eymer. «App.», с. 3).— Vaissete, III, 410–11.— Guill. Pod. Laur., с. 43.— Concil. Biterr. ann. 1246, app. с. 1.— Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXI, 5).— Raynald. ann. 1243, № 31.— Innoc. PP. IV. Bull. «Quia sicut», 13 nov. 1247 (Potthast, «Reg.» 12766.— Doat, XXXI, 112).— Ejusd. Bull., «Ad extirp.» § 31.— Anon. Passaviens. (Mag. Bib. Pat. XIII, 308).— Doctrina de modo procedendi (Martène, «Thes.» V, 1809–11).— Alex. PP. IV Bull., «Cupientes», 4 mart. 1260 (Mag. Bull. Rom. I, 119).— Ripoll. I, 128.— Guill. Pelisso, «Chron.», изд. Molinier, с. 27.— Bernardi Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).— Eymeric. «Direct. Inquis.», с. 407–9.— Mss. Bib. Nat. fond. lat., № 14930, fol. 220.

услуги. За несколько дней до своего прибытия инквизитор извещал духовные власти, чтобы они в назначенное время созвали народ, обещая известные индульгенции тем, кто явится. Часто инквизиторы добавляли при этом, что не явившиеся будут подвергнуты отлучению; но это было с их стороны превышением власти, и подобные отлучения признавались не имеющими силы. К собранному таким путем населению инквизитор обращался с речью о чистоте веры; затем он требовал всех жителей известного района явиться к нему в течение шести или десяти дней и сообщить ему все, что им известно относительно лиц, виновных в ереси или подозреваемых в этом, также относительно лиц, говоривших что-либо несогласное с догмами веры или ведущих жизнь, отличную от жизни большинства верных. Всякий, кто не повиновался этому приказанию, подвергался *ipso facto* отлучению от церкви, которое мог снять только один инквизитор; а повиновение давало индульгенцию на три года.

В то же время инквизитор провозглашал «срок милосердия», продолжительностью от пятнадцати до тридцати дней, в течение которого всякий добровольно явившийся еретик получал снисхождение, если он сознавался в своих заблуждениях, отрекался от них и давал подробные сведения о своих единоверцах. Это снисхождение иногда было полным, иногда же оно обуславливало только отмену более суровых мер наказания, каковы: смерть, тюрьма, конфискация и изгнание. Впервые сведения об этой милости, ограниченной определенным сроком, мы находим до 1235 года. В 1237 году один виновный отделался, благодаря этому, легкой епитимьей; ему приказали совершить два небольших паломничества, уплатить инквизиции штраф в десять ливров *morlaas* — «во имя любви к Богу», и в

течение всей своей остальной жизни помогать ежедневно одному нищему. По окончании «срока милосердия» никому не давалось прощения; во время этой отсрочки инквизитор должен был сидеть дома, всегда готовый принимать признания и доносы; длинные ряды вопросов были выработаны уже заранее, чтобы облегчить ему допрос являвшихся. Еще в 1387 году брат Антонио Секко в деле еретиков вальденских долин начал с того, что вывесил по церквям Пиньероля объявление, что всякий, кто в течение восьми дней сам донесет на себя или донесет на других, избавится от всякого публичного наказания, за исключением случаев ложной клятвы, данной перед инквизицией. Все, кто отказывался явиться, отлучались от церкви¹.

Бернар Ги утверждает, что этот порядок ведения дел был очень плодотворен не только потому, что он вызывал много обращений, но и потому, что он доставлял указания на многих еретиков, которые остались бы неизвестными: всякий кающийся был обязан указывать всех, кого он знал или подозревал. Особенно настаивал он на ведении подобного расследования, когда дело шло о том, чтобы схватить Совершенных катаров, которых, благодаря их обыкновенно скрытной жизни, могли выдать только лица, пользующиеся их доверием. Легко представить себе, какой ужас охватывал общину, когда в ней неожиданно появлял-

---

¹ Guill. Pod. Laur. c. 43.— Vaissete, III, 402, 403, 404; Pr. 386.— Raynald. «Annal.» ann. 1243, № 31.— Concil. Narbonn. ann. 1244. c. I.— Concil. Bitter. ann. 1246, append., c. 2, 5.— Angeli de Clavasio «Summa angel.» s. v. «Inquisitor» § 9.— Arch. de l'Inq. de Carcass. circa 1245 (Doat, XXXI, 5).— Guid. Fulcod. Quaest. II.— Bern. Guid. «Practica» P. IV (Doat, XXX).— Eymerici «Direct. Inquis.» 407–9.— Practica super Inquis. (Mss. Bib. Nat. fond. lat. № 14930, fol. 227–8).— Archivio Storico Italiano, 1865, № 38, c. 16–17.

ся инквизитор и начинал собирать доносы. Никто не мог знать, какие толки ходили о нем; никто не мог знать, к чему прибегнут личная вражда и фанатизм, чтобы скомпрометировать его перед инквизитором. И католики, и еретики имели равное основание волноваться. Человек, который почувствовал склонность к ереси, не имел уже более ни минуты покоя при мысли, что слово, сказанное им мимоходом, могло быть сообщено инквизитору его близкими и его самими дорогими друзьями; под влиянием этой мысли он уступал перед чувством страха и выдавал другого из боязни не быть выданным самому. Григорий IX с гордостью вспоминает, что в подобных случаях родители выдавали своих детей, дети – своих родителей, мужа – жен, жены – мужей. Мы смело можем верить Бернару Ги, что всякое разоблачение вело за собой новые, пока, в конце концов, вся страна не покрывалась невидимой сетью; он добавляет при этом, что многочисленные конфискации, бывшие следствием этой системы, также играли здесь видную роль¹.

Ареной этих предварительных действий обыкновенно являлся монастырь того ордена, к которому принадлежал инквизитор, если в данной местности был такой монастырь, или дворец епископа, если таковой был в городе. В других случаях занимались церкви или муниципальные здания, так как все власти, и светские, и духовные, были обязаны оказывать всякое, зависевшее от них, содействие. Тем не менее, у каждого инквизитора была своя главная квартира, где он должен был хранить показания обвинителей и признания обвиняемых; туда также уводил он под конвоем, который обязаны были давать ему светские власти, арестованных, которых, по его мнению, надо

---

¹ Bern. Guidon. loc. cit. – Ripoll. I, 46.

было держать при себе; что же касается других, то он ограничивался тем, что приказывал им явиться к нему в определенный день, потребовав от них предварительно поручительства.

В первое время местом заседания судилища был монастырь нищенствующих; общественная же или епископская тюрьма была к услугам инквизитора для размещения его арестованных. Со временем были выстроены специальные здания, снабженные одиночными камерами и темницами¹, где несчастные всегда находились под наблюдением своих будущих судей. Здесь же обыкновенно происходило судебное разбирательство, хотя иногда оно имело место и во дворце епископа, особенно если этот последний был ревностен и работал вместе с инквизитором.

Сначала не было надобности в определении минимального возраста инквизитора; провинциал мог выбрать любого из членов своего ордена. По-видимому, были часты случаи назначения молодых неопытных людей, так как Климент V, в своей реформе инквизиции, определил минимальный возраст инквизитора в сорок лет. Бернар Ги протестовал против этого, указывая на то, что часто более молодые люди были способны к выполнению инквизиторских обязанностей, и что не требовалось известного возраста для епископов и их викариев, а они, между тем, пользовались инквизиторской властью. Тем не менее, изданное правило осталось в силе. В 1422 году тулузский провинциал назначил инквизитором в Каркассон 32-летнего брата Раймунда Лилльского; хотя он и был утвержден генералом ордена, но все же обратились

---

¹ Одиночная камера, устроенная вдоль стены, называлась «*murus*», в противоположность собственно темнице, называвшейся «*carcer*».

к Мартину V, который предписал официальному Але произвести расследование и, если брат будет признан достойным, то сделать для него исключение из канона Климента¹.

По большей части, дела велись одним инквизитором, но иногда их было двое. Ведший дело инквизитор обыкновенно имел помощников, которые производили следствие и снимали предварительный допрос; он мог просить провинциала дать ему столько помощников, сколько находил нужным, но не имел права сам выбирать их. Иногда в том случае, когда епископ горел желанием преследования, он самолично выступал в роли помощника инквизитора; чаще же им являлся приор местного доминиканского монастыря. Там, где государство несло издержки по содержанию инквизиции, по-видимому, был известный контроль за числом помощников инквизитора; так, например, в Неаполе в 1269 году Карл Анжуйский давал инквизитору только по одному помощнику².

Эти помощники заменяли инквизитора во время его отсутствия и, таким образом, слились с комиссарами, ставшими существенным элементом инквизиции. Уже с XII в. установилось, что уполномоченный Рима, облеченный судебной властью, мог передоверять свои права другому лицу; в 1246 году собор в

---

¹ C. 2. Clement. V. III.— Bern. Guidon. «Gravam.» (Doat, XXX, 117–128).— Ripoll. II, 610.— В 1431 г. Евгений IV сделал исключение, назначив инквизитором одно лицо 36 лет (Ripoll. III, 9).

² Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 4.— Molinier, c. 129, 131, 281–2.— Hauréau, «Bernard Délicieux», 28.— Waddingi «Annal.» ann. 1261, № 2.— Urbani PP. IV. Bull. «Ne catholicae fidei», 26 oct. 1262.— Bern. Guidon. «Practica», P. IV (Doat, XXX).— Eymerici «Direct. Inquis.», 557, 577.— Archivio di Napoli, Mss. Chiocarello. T. VIII; ibid. Registro 6, Lett. D, f. 35.

Безье дал инквизитору право назначать вместо себя уполномоченного всякий раз, когда он находил нужным произвести расследование на месте, куда не мог отправиться сам лично. Иногда давались особые поручения; так, например, Понс де Порнак, инквизитор Тулузы, уполномочил в 1276 году доминиканского приора из Монтобана расследовать дело Бернара де Сольгак и, запечатав, переслал допрос к нему.

Провинции инквизиторов были настолько обширны, что приходилось разделять работу, в особенности в первое время, когда еретики были очень многочисленны и требовали целую армию следователей. Но право назначать полномочных комиссаров было признано за инквизитором законом, по-видимому, только в 1262 году Урбаном IV, а в конце столетия потребовалось подтверждение этой привилегии со стороны Бонифация VIII. Эти комиссары или викарии отличались от помощников тем, что их назначал и увольнял лично сам инквизитор. Как мы уже говорили, они сделались существенным элементом инквизиции и вели дела в местностях, весьма удаленных от главного судилища. Если инквизитор был в отсутствии или был занят, то один из них мог временно заместить его; инквизитор мог также назначить себе викарного. После реформ Климента в 1317 году эти комиссары, как и их начальники, не могли быть моложе сорока лет. Они были облечены полной инквизиторской властью, они могли вызывать, арестовывать и допрашивать свидетелей и подозреваемых, они могли даже прибегать к пытке и приговаривать к тюрьме. Вопрос, имеют ли они право приговаривать к смертной казни, был спорный, и Эмерик держится того мнения, что это право должно принадлежать только одному инквизитору; но как мы увидим ниже, на деле Жанны д'Арк и вальденсов Арраса, что это ограничение соблюдалось далеко не всегда. Упомянем еще, что в отличие от инквизиторов

комиссары не имели права назначать вместо себя уполномоченных¹.

Позднее, время от времени выступает еще другой член суда инквизиции, носящий звание советника. В 1370 году каркассонская инквизиция считала себя вправе назначать трех советников, которые были освобождаемы от всяких местных налогов. В одном документе 1423 года этим лицом является не доминиканец, а лицензиат прав. Несомненно, подобный советник был крайне полезен судилищу, хотя его официальное положение было неопределенно. Цангино говорит нам, что в общем инквизиторы были совершенно незнакомы с законами. В большинстве случаев это не имело значения, так как судопроизводство было в высшей степени произвольно, и редко обвиненный решался жаловаться на решение; но случалось, что жертвы инквизиции проявляли упрямство, тогда она нуждалась в советах лица, знакомого с законами и с налагаемой ими ответственностью. Эмерик всякому комиссару советует оградить себя содействием скромного адвоката, чтобы избежать ошибок, которые могут повредить инквизиции, вызвать вмешательство папы и, быть может, лишить его места².

---

¹ C. 11, 19, 20 Extra I. 29. Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 3.— Coll. Doat, XXV, 230.— Urbani PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 20 mar. 1262.— Guid. Fulcod. «Quaest.» IV.— C. 11 Sexto v. 2.— C. 2. Clement. V, 3.— Bernardi Guid. «Practica», P. IV (Doat, XXX).— Eymerici «Direct. Inq.», c. 403–6.— Zanchini «Tract. de Haeret.» c. XXX.

Непонятно, почему в 1276 г. ломбардские инквизиторы, брат Никколо да Кремона и брат Даниелэ Жуссано, собрали в Пиаченце экспертов для решения вопроса, имеют ли они право или нет назначать делегатов; вопрос был разрешен в отрицательном смысле (Campi, «Dell'Historia Ecclesiastica de Piacenza», P. II, c. 308–9).

² Archives de l'Evêché d'Albi (Doat, XXXV, 136, 187).— Zanchini, «Tract. de Haeret.» c. XV.— Eymerici «Direct.», c. 407.

Так как глубокая таинственность была существенной чертой всех судебных дел инквизиции, как только упорочилось ее положение, то сделалось общим правилом, что показания и свидетелей, и обвиняемых делались обязательно в присутствии двух беспристрастных людей, не принадлежащих к инквизиции, но приносивших клятву хранить в тайне все, что услышат. Инквизитор мог для этого пригласить любое лицо по своему усмотрению. Преимущественно такими представителями общества бывали лица духовного звания, обыкновенно доминиканцы, «люди скромные и религиозные», которые должны были вместе с нотариусом подписать протокол показаний и удостоверить его правильность. Хотя об этом и не говорится ничего в наказах собора в Безье 1246 года, но показания, дошедшие до нас от 1244 года, свидетельствуют, что это уже вошло в обычай. Частое подтверждение этого правила рядом последовательных пап, и тот факт, что оно было внесено в канонические законы, показывают, что ему придавали большое значение как средству помешать нарушению справедливости и придать всему судопроизводству вид беспристрастного. Но и в этом, как и во всем, инквизиторы переделали закон в свою пользу и, не стесняясь, отбрасывали все ничтожные ограничения, которые папы ставили их могуществу.

В 1325 году один священник по имени Петр де Торнамир, обвиненный в принадлежности к францисканцам-спиритуалам, был приведен умирающим перед каркассонской инквизицией. Инквизитор был в отъезде. Его заместитель и нотариус в присутствии трех мирян стали брать показания, но обвиняемый умер до окончания допроса; когда он уже лишился дара слова, вошли два доминиканца и, не посмотрев на то, что показания не были закончены, скрепили их, подписавшись под ними. На основании этого непра-

вильного суда было поднято преследование против умершего священника; но этим были затронуты интересы наследников, которые желали спасти имущество от конфискации. Спор тянулся тридцать два года, и когда в 1357 году инквизитор попросил собрание экспертов утвердить приговор, двадцать пять юристов высказались против, и только двое – оба доминиканца – защищали его. Немного позднее Эмерик объяснил своим братьям, как обходить это правило, когда оно было стеснительно: достаточно было в конце протокола допроса засвидетельствовать присутствие двух достойных доверия лиц, после прочтения показаний допрашиваемому.

Никто из посторонних не имел права присутствовать на суде; исключение делалось в течение нескольких лет только в Авиньоне, где около половины XIII в. представители магистратуры временно добились для себя и нескольких сеньоров права присутствовать при судоговорении. В других же местах повсюду несчастные, защищавшие перед судьями свою жизнь, были всецело в руках инквизитора и его креатур¹.

Состав судилища дополнялся нотариусом, видным и весьма уважаемым должностным лицом средних веков. Все судопроизводство инквизиции, все вопросы и ответы записывались; всякий свидетель и всякий обвиняемый были обязаны удостоверить правильность своих показаний, когда они прочитывались им

---

¹ Coll. Doat, XXII, 273 сл. – Innoc. PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 30 mai 1254. – Bern. Guidonis «Practica», P. IV (Doat, XXX). – Clem. PP. IV. Bull. «Prae Cunctis», 23 feb. 1266. – C. 11, § 1 Sexto V. 2. – Concil. Biterr. ann. 1246, c. 4. – Alex. PP. IV. Bull. «Prae Cunctis», 9 nov. 1256. – Archiv. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXIV, 11). – Molinier, «L'Inquis. dans le midi de la France», c. 219, 287. – Eymerici «Direct. Inq.», c. 426.

в конце допроса, и приговор основывался исключительно на показаниях, добытых таким путем. Обязанность нотариуса была очень тяжелой, и иногда в помощь ему приглашались писцы; но он был обязан лично скреплять все документы. Текущие дела судилища давали груду бумаг; их все надо было переписать для архивов; кроме того, различные инквизиции постоянно обменивались копиями со своих дел, так что работы было много. Инквизитор мог и здесь потребовать бесплатной помощи любого подходящего для этого лица; но было опасно доверять ведение всех этих бумаг людям, не получившим специальной подготовки. В первое время можно было потребовать услуг любого нотариуса, преимущественно кого-нибудь из доминиканцев, кто был раньше нотариусом; если не было под руками ни одного нотариуса, то вместо него можно было взять двух «скромных» людей. Подобная замена, к которой прибегали инквизиторы во время своих разъездов, часто вызывала затруднения. В городах, где происходили постоянные заседания инквизиции, нотариусом было определенное и получавшее жалование должностное лицо. Когда Климентом V была сделана попытка реформы, то было предписано, чтобы этот нотариус давал присягу перед епископом и перед инквизитором. На это возражал Бернар Ги, указывая на то, что часто непредвиденные условия дела требуют увеличения числа нотариусов, и что в тех местах, где не было общественных нотариусов, их обязанности должны исполняться компетентными лицами; часто, добавляет он, случается, что виновные вдруг сознаются, но если их показания не будут тотчас же записаны, то они берут назад свои слова и начинают искажать истину. Странная вещь – инквизитор не имел права назначать нотариуса! «Он может, – говорит Эмерик, – предложить

папе трех или четырех лиц, но назначение зависит только от папы. Этот порядок вызывает такое недовольство среди местных властей, что инквизитор делает умнее, если удовлетворится нотариусами епископов или нотариусами светских магистратов»¹.

Огромная масса документов, порожденная этими бесчисленными руками, составляла предмет особой заботы; ее значение было оценено с самого начала. В 1235 году был поднят вопрос о сознаниях раскаивающихся, и их стали тщательно записывать в особые специальные книги. Вскоре это вошло во всеобщий обычай; инквизиторам было приказано сохранять все судопроизводство от первого вызова в суд до приговора вместе со списком тех, кто дал присягу защищать веру и преследовать ересь. Этот указ неоднократно повторялся; кроме того, было предписано, чтобы со всех документов снимались копии, и чтобы одна из них помещалась в безопасном месте или передавалась епископу. Книга Приговоров тулузской инквизиции, за период времени от 1308 по 1323 год, напечатанная Лим-

---

¹ Bern. Guid. «Practica», P. IV (Doat, XXX). – Urbani PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», ann. 1262, § 6, 7, 8 (Mag. Bull. Rom. I, 122). – C. 1, § 3 Clement. V. 3. – Coll. Doat, XXX, 109–110. – Eymerici «Direct. Inq.», c. 550.

Какое видное значение придавали нотариусам и вопросу об их числе, видно из папских привилегий, касающихся нотариусов. Так, например, 27 ноября 1295 г. Бонифаций VIII разрешил Лионскому архиепископу назначить пять нотариусов; 22 января 1296 г. он позволил епископу аррасскому назначить трех, а епископу амьенскому двух (Thomas, «Registres de Boniface VIII», I, № 640 bis 660, 678 bis).

В 1286 г. французский провинциал жаловался Гонорию IV на малочисленность нотариусов в королевстве, и папа разрешил ему назначить еще двух (Ripoll. II, 16).

борхом, кончается перечнем 636 осужденных, расположенных в алфавитном порядке и распределенных по месту жительства; против каждого имени сделана ссылка на страницу, где оно упоминается, и краткое указание на наложенное на каждого наказание, а равно на все в нем последовавшие изменения. Таким образом, если должностному лицу нужно было собрать сведения о жителях какого-нибудь поселка, то он сразу мог узнать, кто из жителей находился в подозрении, и какое решение было принято относительно него. Первый попавшийся пример из этой книги показывает, насколько точны и подробны были первоначальные списки. В 1316 году была приведена на суд одна старуха; было обнаружено, что в 1268 году, т. е. почти полвека тому назад, она отреклась от ереси и была воссоединена с церковью. Так как это увеличивало ее вину, то несчастная была приговорена провести остаток дней своих в тюрьме и оковах. Таким путем с течением времени инквизиция собрала огромный запас справок, которые не только увеличивали ее могущество, но и делали ее предметом ужаса всего мира. Так как имущество потомков еретиков подлежало конфискации, и так как их можно было всегда признать неполноправными, то тайны семейств, столь тщательно хранимые в архивах инквизиции, давали ей возможность, когда она это находила нужным, уничтожать тысячи невинных.

Вдобавок она особенно ловко умела раскрывать предосудительные деяния предков тех, кто имел несчастье возбудить против себя ее недовольство, а по временам и ее алчность. В 1306 году во время волнений в Альби, когда королевский судья (вигье), или губернатор, стал на сторону народа, инквизитор Жофруа д'Абли опубликовал, что он нашел в списках, что дед судьи был еретиком, и что, следовательно, его внук не имеет права занимать эту должность. Таким образом,

все, не только живые, но и мертвые, были в полном распоряжении инквизиции¹.

Стремление подделывать списки, когда нужно было поразить врага, было весьма сильно, и враги инквизиции не задумывались утверждать, что это проделывалось частенько. Брат Бернар Делисье, говоря от имени всего францисканского ордена в Лангедоке, в одном документе от 1300 года заявляет, что эти списки не только не заслуживают доверия, но что на них вообще смотрят как на подложные. Ниже мы увидим, что эти слова не были лишены основания. Народное недоверие увеличивалось еще благодаря тому обстоятельству, что всякое лицо, имевшее у себя документы, относящиеся к судопроизводству инквизиции или к преследованию еретиков, подлежало отлучению от церкви. С другой стороны, те, спокойствию которых эти списки угрожали, стремились их уничтожить, и известны многочисленные случаи, направленные к этому. Уже в 1235 году граждане Нарбонны, возмущившись против инквизиции, уничтожили ее реестры и книги. Указ, изданный в 1254 году собором в Альби, о снятии копий с дел инквизиции и о помещении их в безопасное место, был, несомненно, вызван другой попыткой уничтожить архивы, сделанной в 1248 году еретиками Нарбонны: во время собрания епископов в этом городе было совершено нападение на двух лиц, несших дела, в которых были и списки еретиков; оба они были убиты, а документы сожжены. Около 1285 года в Каркассоне консулами города был раскрыт

---

¹ Guill. Pelisso «Chron.», изд. Molinier, 28.— Concil. Narbonn. ann. 1244, с. 6.— Concil. Biterren. ann. 1246, с. 31, 37.— Concil. Albiens. ann. 1254, с. 21.— Alex. PP. IV. Bull. «Licet vobis», 7 dec. 1255; ejusd. Bull. «Prae cunctis», 9 nov. 1255, 13 dec. 1255.— Lib. Sent. Inq. Tolosan. 198–9.— Coll. Doat, XXXIV, 104.

заговор, в котором участвовало несколько высокопоставленных духовных лиц, с целью уничтожения архивов инквизиции. Заговорщики подкупили одного из слуг инквизиции, Бернара Гаррика, который согласился сжечь архивы, но заговор был раскрыт, и заговорщики наказаны. Один из них, адвокат по имени Гильем Гаррик, около тридцати лет томился в тюрьме и был судим лишь в 1321 году¹.

Не менее грозными были и самые скромные служители инквизиции. Таковы были сторожа, рассыльные, шпионы, *bravi*, известные под общим именем слуг – *familiaries*, все они наводили ужас на население. Служба их не была безопасна и не привлекала к себе людей честных и мирных; но зато она сулила тысячи выгод людям потерянным и бродягам. Они не только наслаждались неподсудностью светским судам, что было у них общего со всеми служителями церкви, но благодаря особому праву, предоставленному Иннокентием IV в 1245 году инквизиторам, отпускать своим слугам все грехи, они были неподсудны даже и духовным судам. Кроме того, всякое оскорбление, оказанное служителям инквизиции, рассматривалось как действие, мешающее правильному ходу работ инквизиции, и почти приравнялось к ереси; если кто-нибудь осмеливался оказывать сопротивление при нападении этих людей, то виновный предавался суду того судилища, которому принадлежал нападавший. Поставленные таким образом в исключительное положение, они могли делать с незащищенным народом все, что угодно, и легко представить себе, какие вымогательства творили они безнака-

---

¹ Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXIV, 123). – Ripoll. I, 356, 396. – Vaissette, III, 406; Pr. 467. – Coll. Doat. XXXI, 105, 149. – Molinier, 35. – Bern. Guid. «Hist. Conv. Carcass.» (D. Bouquet, XXI, 743). – Lib. Sent. Inquis. Tolosan., 282.

занно, угрожая арестами и доносами в то время, когда попасть в руки инквизиции было величайшим несчастьем как для верного католика, так и для еретика¹.

Этот общественный бич сделался еще более грозным, когда служителям инквизиции было разрешено носить оружие. Убийства в провинции Авиньона в 1242 году, убийство Петра Мученика и другие подобные инциденты оправдывали с внешней стороны желание инквизиторов иметь вооруженных стражников; к тому же розыск и поимка еретиков нередко были сопряжены с опасностью. Но все же удивительно было предоставлять привилегию носить оружие людям, на которых не простиралось действие закона. В эту бурную эпоху ношение оружия было строго запрещено во всех мирных общинах. Уже с XI века оно было запрещено в Пистойе; в 1228 году – в Вероне; в Болонье только рыцари и врачи имели право носить оружие и держать при себе одного вооруженного телохранителя. В Милане указ Иоанна Галеаса 1386 года запрещает ношение оружия, но позволяет епископам вооружать служителей, живущих под одной с ними кровлей. В Париже постановлением 1288 года было запрещено ношение отточенных ножей, шпаг и тому подобного оружия. В Бокере указ 1320 года грозит различными наказаниями, в том числе отнятием руки, всякому, кто будет носить оружие; исключение было сделано для путешественников: им разрешалось иметь шпаги и кортики. Эти законы принесли огромную пользу цивилизации, но они были сведены почти на нет, когда инквизитор получал право вооружать, кого ему угодно, и, кроме того, ограждать

---

¹ Paramo, «De orig. offic. S. Inquis.», 102.— Pegnae «Comment. in Eymeric.», 584. Arch. de l'Inq. de Carcass. (Coll. Doat, XXXI, 70; XXXII, 143).

своих слуг привилегиями и неприкосновенностью святой инквизиции¹.

В 1249 году скандалы и злоупотребления, происковавшие от неограниченного числа слуг и писцов инквизиции, которые угнетали и обирали народ, вызвали негодующее послание Иннокентия IV, потребовавшего, чтобы их число соответствовало действительной надобности в их услугах. В тех странах, где инквизиция содержалась за счет государства, злоупотребления подобного рода не находили себе места. Так, в Неаполе Карл Анжуйский ограничил число вооруженных слуг отдельного инквизитора тремя. Когда Бернар Ги протестовал против реформ Климента V, он указал на контраст между Францией, где инквизиторы зависели от светских властей и были вынуждены довольствоваться несколькими служителями, и Италией, где они пользовались почти неограниченной свободой. Действительно, в Италии инквизиция была независима и жила на свои собственные средства, так как получала часть от штрафов и конфискаций. Климент V запретил бесполезное увеличение числа служителей и злоупотребление правом носить оружие, но его благие усилия не увенчались успехом. В 1321 году Иоанн XXII упрекал ломбардских инквизиторов за то, что они вызвали беспорядки и волнения в Болонье, так как вооруженными слугами были у них отъявленные висельники, которые

---

¹ Statuta Pistoriensia, c. 109 (Zachariae «Anecd. Med. Aevi», 23). – Lib. juris civilis Veronae, ann. 1228, c. 104, 183 (Верона, 1728) – Statut. criminal. communis Bononiae, изд. 1525 г., fol. 38 (ср. Barbarano de Mironi, «Hist. eccles. di Vicenza», II, 69). – Antiqua Ducum Mediolan. Decreta (изд. 1654 г., с. 95). – Statuta Criminalia Mediolani, Bergomi, 1594, cap. 127). – Actes du Parl. de Paris, I, 257. – Vaissete, изд. Privat. X, Pr. 610.

совершали убийства и угнетали жителей. В 1337 году папский нунций, архиепископ Эмбрана Бертран, лично убедился, что разрешения, даваемые инквизитором на ношение оружия, были причиной волнений во Флоренции и угрожали безопасности горожан; и он запретил ему иметь при себе более двенадцати вооруженных слуг, поручившись, что светские власти в случае надобности окажут ему помощь при поимке еретиков; но, тем не менее, девять лет спустя, новый инквизитор, брат Пьеро ди Аквила, был обвинен в том, что он продал разрешение носить оружие более чем двумстам пятидесяти лицам, что давало ему около тысячи флоринов золотом ежегодного дохода и нарушало общественную безопасность. Тогда был издан новый закон, ограничивавший число вооруженных слуг инквизитора шестью; епископ Флоренции мог иметь двенадцать, епископ Фиезоле – шесть, но все они должны были носить на видном месте отличительные знаки своего господина. Однако торговля правом ношения оружия была настолько прибыльна, что флорентийский кодекс 1355 года прибег к другой мере, чтобы прекратить это злоупотребление: всякое лицо, схваченное с оружием, хотя бы и заявлявшее, что оно получило право на его ношение, подвергалось изгнанию из республики, и ему запрещалось в течение года жить ближе 50 миль от города; причем от него требовалось поручительство. Даже сам подestat не мог разрешить ношение оружия под угрозой обвинения в клятвопреступлении и штрафа в 500 ливров. Это законодательство нарушало привилегии церкви и дало повод к одной из жалоб Григория IX, когда он в 1376 году отлучил республику от церкви. Когда в 1378 году Флоренция должна была покориться, то одним из условий, предложенных ей, было предоставление папскому комиссару права вычеркнуть

из книги статуты все те законы, которые он признает неудобными. Однако инквизиторская милиция вела себя так, что в 1386 году пришлось прибегнуть к другому средству для ее ограничения: двум епископам и инквизитору было запрещено иметь вооруженных слуг, которые должны были бы платить налог и быть внесенными в списки граждан; тех, кому они давали разрешение на ношение оружия, правители города объявляли их слугами, и это объявление не должно было возобновляться ежегодно особой грамотой. Это правило, ограничивавшее зло, было оставлено и при пересмотре кодекса в 1415 году.

Несомненно, аналогичная борьба, следов которой не сохранилось в истории, происходила в это время в большей части итальянских городов, стремившихся охранять мирных жителей от наемных убийц инквизиции. Необходимость в этом чувствовалась даже в Венеции, где, однако, инквизиция зависела от государства, которое благоразумно сохранило свои права, взяв на себя издержки по содержанию этого установления. В августе 1450 года великий совет большинством четырнадцати голосов против двух, признал, что инквизитор сделал злоупотребление, продав двенадцати лицам право ношения оружия для своей охраны, так как он, согласно с древним обычаем, должен довольствоваться четырьмя вооруженными слугами. Но через шесть месяцев, в феврале 1451 года, это законодательство было изменено по просьбе генерал-министра францисканского ордена; инквизитору было разрешено иметь до двенадцати слуг, при условии удостоверения полиции, что они действительно употребляются на нужды инквизиции. Но Эмерик все же находит, что все подобные ограничения незаконны, и что всякая светская власть, мешающая служителям инквизиции носить оружие, «препятствует ее деятельности» и должна рассматри-

ваться как соучастница ереси. Со своей стороны, Бернар Ги полагает, что только инквизитор может определить число нужных ему слуг, и Цангино соглашается, что ограничение их числа – преступление, которое инквизитор должен обуздывать по своему усмотрению¹.

В предшествующей главе я упоминал о праве, столь часто заявляемом и применяемом, а именно о праве отменять все местные статуты, неблагоприятные инквизиции, а также об обязанности, наложенной на всех светских должностных лиц, являться по первому требованию на помощь инквизиции. Это право было настолько общепризнано и было так полно проведено в жизнь, что инквизиция стала выше даже государства, все средства которого были к ее услугам. Присяга в послушании, которую инквизитор мог потребовать от любого должностного лица, не была пустой формальностью: всякий, кто отказывался дать ее, подвергался отлучению от церкви, а это, в случае упорства, влекло за собой обвинение в ереси, а в случае смирения – унижительное покаяние. Если небрежно относившиеся к своим обязанностям инквизиторы не требовали иногда этой присяги, то другие смотрели на это, как на свою главную обязан-

---

¹ Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 81). – Archivio di Napoli, Mss. Chiocarello T. VIII; Registro 13. Lettre A, fol. 64; Reg. 6, Lettre D, fol. 35. – Coll. Doat. XXX, 119–20. – C. 2 Clement. V. 3. – Johann. PP. XXII. Bull. «Exegit ordinis», 2 maii, 1321. – Archiv. di Firenze, Riformagioni, Archiv. Diplom. XXVII, LXXVIII–IX; Riform. Classe II, Distinz. 1, № 14. – Villani, Cronica, lib. XII, c. 58. – Archivio di Venezia, Misti. Cons. X. vol. XIII, 192; vol. XIV, 29. – Eymeric. «Direct. Inq.» 374–5. – Bern. Guidon. «Practica», P. IV. (Doat, XXX). – Zanchini «Tract. de Haeret.» c. XXXI. – Urbani PP. IV Bull. «Licet ex omnibus», 1262 (Mag. Bull. Rom. I, 123). – Bernardi Comens. «Lucerna Inquisit.» s. v. «Inquisitores», № 14. – См. также Farinacii «de Haeresi Quaest.» 182, № 89–94.

ность. Бернар Ги на всех своих аутодафе торжественно требовал этой присяги от всех королевских чиновников и местных городских властей, и когда в мае 1309 года королевский сенешаль провинций Тулузы и Альбигойи, Жан де Мокошэн, отказался принести присягу, ему скоро дали понять его ошибку, и он немедленно смирился. В 1329 году Генрих де Шамэ, инквизитор Каркассона, обратился к Филиппу Валуа с просьбой подтвердить привилегии инквизиции; король ответил указом, в котором объявлял, что все герцоги, графы, бароны, сенешали, прево, уездные и земские судьи, кастеляны, пристава и другие судебные чины обязаны повиноваться инквизиторам и их комиссарам; они должны арестовывать и содержать в тюрьме всех еретиков и подозреваемых в ереси и, равным образом, давать по первому требованию инквизиторам, их комиссарам и гонцам, в пределах своей судебной власти, пропуски, помощь и покровительство во всем, что касается задач инквизиции.

Когда общественный чиновник медлил оказать действие, то тотчас же он подвергался наказанию. Так, в 1303 году вице-подестат Бонрико ди Буска отказался дать людей представителям миланской инквизиции и тотчас же его приговорили к штрафу в сто имперских су, которые он должен был уплатить в пять дней. Даже тогда, когда должностное лицо было отлучено от церкви и поэтому становилось неспособным, от него можно было потребовать повиновения приказаниям инквизитора, но ему давали понять, что, несмотря на это, в других случаях он все же не имеет права исполнять своих обязанностей¹.

---

¹ Concil. Albiens. ann. 1254, c. 7.— Eymeric. «Direct. Inquis.» 392—402.— Gloss. Hostiens. super. cap. «Excommunicamus», «moneamus».— Gloss. Joann. Andreae sup. eod. loc.— Lib. Sent. Inq. Tolosan. 1, 7, 36,

Далее инквизиция в большей или меньшей степени пользовалась услугами всего католического населения, особенно духовенства. Всякий, под страхом быть причисленным к числу покровителей ереси, должен был выдавать еретиков; он должен был также сам задерживать еретиков, как узнал это на своем горьком опыте Бернар де С.-Женэ в 1242 году, когда попал под суд тулузской инквизиции за то, что не задержал, когда мог это сделать, известных еретиков, и был приговорен к епитимии посетить святыни Пюи, С.-Жиля и Компостелла. Кроме того, приходские священники были обязаны, когда от них требовалось, высылать своих прихожан на суд и объявлять все приговоры отлучения от церкви. Они были обязаны наблюдать за кающимися и ручаться, что наложенные на них епитимии ими выполнены. Правильная система местной полиции, внушенная древним институтом синодальных свидетелей, была уничтожена собором 1246 года в Безье; инквизитор был уполномочен назначать в каждом приходе священника и одного или двух мирян, на обязанности которых лежало разыскивать еретиков, посещать дома, в особенности уединенные места их собраний, следить за исполнением епитимий и различных приговоров инквизиции. Практическое руководство, составленное в эту эпоху,

---

39, 292.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat. XXVII, 118).— Isambert, «Anc. Loix Franç.» IV, 364—5.— Ogniben Andrea, «I Guglielmiti del Secolo XIII», Перуза, 1867, с. 111.— Alex. PP. IV. Bull. «Quaesivistis», 28 maii, 1260.

Должность бальи во Франции покупалась, но сам бальи перепродавать ее не мог, и поэтому понятно, что всякий бальи боялся потерять свою должность в случае неповиновения требованиям инквизиторов.— Statuta Ludov. IX. ann. 1254, с. XXV—VII (Vaissette изд. Privat, VIII, 1349).

предписывает инквизиторам повсюду учреждать подобную полицию. Чего же еще желать? Все средства страны как общественные, так и частные, были к услугам инквизиции¹.

Огромное значение в устройстве инквизиции имело то собрание, на котором решалась участь обвиняемого. В принципе инквизитор не мог вынести единоличного приговора. Мы уже видели, как после различных колебаний было признано необходимым участие епископов. Но так как инквизиторы не обращали внимания на это ограничение их власти, то Климент V признал не имеющими значения и силы все приговоры, постановленные ими одними; однако, чтобы избежать медленности в делах, папа разрешил, чтобы согласие епископов давалось письменно, если по истечении восьми дней нельзя было устроить совещания. Судя по несколькими дошедшим до нас образчикам этих письменных мнений, они были чрезвычайно кратки и не могли служить серьезной помехой произволу инквизиторов. Но, тем не менее, Бернар Ги горько жалуется на это прозрачное стеснение, потому что прежде закон об епископском участии совершенно не соблюдался; в оправдание своих замечаний, он указывает на то, что один епископ в течение двух с лишним лет задержал объявление приговора по делу нескольких лиц его епархии, а из-за другого пришлось на шесть месяцев отсрочить торжественное аутодафе. Сам он до шепетильности строго соблюдал все правила как раньше, так и после указов Климента, и в протоколах тех аутодафе, которые он совершал в Тулузе, всегда тщательно отмеча-

---

¹ Zanchini «Tract. de Haeret.» c. 5.— Coll. Doat, XXI, 126, 308.— Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).— Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 18.— Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 34.— Practica super Inquisit (Mss. Bibl. Nat. fonds. lat. № 14930, fol. 223—4).

лось присутствие епископов или их представителей из епархии, откуда были обвиненные. Но рядом с этим мы видим Бернара Ги, принимающим делегацию епископов Кагора, С.-Папуля и Монтобана, которые предоставили ему право заменить их на аутодафе 30 сентября 1319 года. Это бывало довольно часто, и инквизиторы беспрестанно выносили приговоры, пользуясь властью, предоставленной им епископами; так было, например, при преследовании вальденсов Пьемонта в 1387 году; то же было и в 1474 году в процессе колдуний Канавеза. Бывали также случаи давления инквизитора на епископов; так, например, в 1318 году в начале преследования францисканцев-спиритуалов епископы Нарбоннской провинции были вынуждены согласиться на сожжение нескольких несчастных, так как инквизитор пригрозил им, что донесет на них папе, ревность которого в деле преследования была всем хорошо известна¹.

Так как в первое время при назначении инквизиторов более принималась во внимание их ревность к вере, чем их знания, и так как обыкновенно они были очень невежественны, то вскоре нашли нужным прибавить к ним для постановления решения людей, изучивших гражданские и канонические законы; эта наука была в ту эпоху, благодаря сложности законов, настолько трудна, что требовала для своего изучения целой жизни. Инквизиторам было дано право приглашать сведущих людей, чтобы с ними вместе рассматривать показания, и чтобы пользоваться их советами

---

¹ C. 1, § 1, Clement. V. 3.— Eymeric. «Direct. Inq.», 580.— Coll. Doat, XXXI, 57.— Bern. Guidon, «Practica» P. IV (Doat, XXX).— Coll. Doat, XXX, 104.— Lib. Sent. Inq. Tolosan. passim, особенно c. 208–10.— Ibid. 300.— Archiv. Stor. Ital. № 38, c. 26, 99.— *Curiosità di storia subalpina* (1874), 215.

при вынесении приговора. Приглашенные не имели права отказываться трудиться бесплатно, хотя инквизитор и мог, если находил нужным, оплачивать их труд. Но, по-видимому, присутствие почетных граждан при обвинении важных еретиков имело целью скорее увеличить торжественность совещания, чем дать помощь судьям; так, например, в 1237 году при осуждении Аламана Роэ Тулузского в совещании принимали участие епископ тулузский, аббат из Муасака, доминиканские и францисканские провинциалы и много почетных граждан. Действительно, огромное число дел, рассмотренных лангедокской инквизицией в течение первых лет ее существования, исключает, по-видимому, возможность серьезного совещания, в котором принимали бы участие советники со стороны, тем более, что уже вошло в обычай группировать обвиняемых, участь которых была решена и объявлялась в *Sermo*, или в торжественном *Auto da fe*. Однако внешняя форма соблюдалась, и в 1247 году при постановлении приговора Бернардом Ко и Жаном де С.-Пьер по делу семи еретиков-рецидивистов было отмечено, что приговор вынесен после совещания «со многими прелатами и другими видными людьми». Совещание назначалось на пятницу, так как *Sermo* всегда происходило по воскресеньям; заседателями должны были быть юристы и нищенствующие монахи, назначенные инквизитором, который определял и их число. Они клялись над евангелием сохранять тайну и судить по совести, следуя внушениям Бога; затем инквизитор читал им доклад по каждому делу, опуская иногда имена обвиняемых, и они произносили одно из следующих решений: «Епитимия по усмотрению инквизитора»; «Осужденный должен быть заключен в тюрьму или выдан светской власти». Посреди стола, вокруг которого сидели судьи,

лежало евангелие, чтобы, как говорили, их приговор был вдохновляем Богом, и чтобы перед глазами у них было высшее правосудие¹.

Можно предполагать, что по большей части это судопроизводство было чисто формальным. Во-первых, инквизитор мог представить всякое дело так, как он сам понимал его, а во-вторых, обыкновенно созывали так много сведущих людей, что детальное изучение дела было совершенно невозможно. Так, например, каркассонский инквизитор Генрих де Шамэ, собрал 10 декабря 1328 года в Нарбонне на совещание сорок два каноника, юриста и сведущих людей, которым предстояло заседать вместе с ним и с судьей епископского суда; в течение имевшихся в его распоряжении двух дней это многочисленное собрание рассмотрело тридцать четыре дела, откуда ясно, что рассмотрело оно их довольно поверхностно. Только в двух делах мнения разделились, да и то в вопросах третьестепенной важности. 8 сентября 1329 года тот же инквизитор заседал в Каркассоне в другом собрании, на котором было сорок семь человек сведущих людей; сорок дел разобрали в два дня. Но не всегда дело шло так гладко. Из Нарбонны Генрих де Шамэ перешел в Памье, где 7 января 1329 года он собрал тридцать пять сведущих людей с тулузским епископом во главе. С первых же дней много дел было от-

---

¹ Alex. PP. IV. Bull. «Cupientes», 15 ap. 1255.— Ejusd. Bull. «Prae cunctis» 9 nov. 1256.— Urbani PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», § 10, 1262 (Mag. Bull. Rom. I, 122).— Bern. Guid. «Practica» P. IV (Doat, XXX).— Zanchini «de Haeret.» c. XV.— Bern. Comens. «Lucerna Inquisitor s. v. Advocatus».— Coll. Doat, XXI, 143; XXVII, 156–62, 232; XXXI, 139.— Doctrina de modo procedendi (Martène, «Thes.» V, 1795).— Tractatus de Inquis. (Doat, XXXVI).— Mss. Bibl. Nat. fon. lat. № 14930, fol. 205.

ложено; возникли горячие споры, и, по-видимому, должны были голосовать постановление. С другой стороны, всех еретиков, так называемых верующих, соединяли в одну группу, и оптом приговаривали к тюрьме, предоставив инквизитору определить условия заключения для каждого из них отдельно. Подобный прием показывает, что эти суды, многочисленные по составу и не продолжительные по времени заседаний, были фиктивны. Отметим еще, что последнее упомянутое нами собрание сочло также нужным установить правила относительно наказания лжесвидетелей.

19 мая 1329 года тридцать пять сведущих людей собралось в Безье по приглашению того же Генриха де Шамэ. Дело шло об одном францисканском монахе Петре Жульене. Все признали, что он снова впал в раскол, но многие настаивали на снисхождении. После долгих пререканий инквизитор распустил их до вечера и просил во время перерыва отыскать предлог к снисхождению. Вечером возобновились споры, и дело было отложено под предлогом, что не известно, сколько времени может присутствовать епископ при разборе дела о лишении монаха его звания. Наконец экспертам предложили, под страхом отлучения от церкви, изложить свои мнения на письме; мнения разделились: одни требовали простой епитимии, другие – выдачи виновного светской власти. После этого собрание было распущено, и было сделано новое совещание с несколькими более выдающимися его членами; на этом совещании решили обратиться за советом в Авиньон, Тулузу или Монпелье и произвести новое расследование на аутодафе в Каркассоне. Достаточно сказать, что не пришли ни к чему¹.

---

¹ Coll. Doat, XXVII, 118, 140, 156, 162.

Мы не станем повторять, что инквизиторы, строго соблюдая формы, всегда считали себя вправе действовать по усмотрению. В приговорах, вышедших после протоколов совещаний, часто встречаются имена осужденных, о которых на суде не было и речи; например, после собрания в Памье, проявившего редкую инициативу, вынесли приговор, осудивший пять покойников, из которых только о двоих говорилось на суде. Тогда же Эрмессенда, дочь Раймунда Монье, была приговорена за лжесвидетельство к *muris largus*, т. е. к простому тюремному заключению; но инквизитор заменил это наказание, подвергнув ее *muris strictus*, т. е. тюремному заключению в ножных оковах. Вопрос о том, должен ли инквизитор безусловно следовать принятым решениям, был спорный; Эмерик решал его в утвердительном смысле, но Бернард Комский положительно утверждает, что решения эти не имеют никакого значения¹.

Признанная законом необходимость совещаний с епископами объясняет нам происхождение *Sermo generalis*, или аутодафе. Было ясно, что невозможно собирать всех судей для каждого отдельного случая; дела соединились, и время от времени устраивалось торжество, долженствовавшее навести ужас на еретиков и утвердить верных в вере. В первую эпоху инквизиции во Флоренции в 1245 году, когда инквизитор Руджери Кальканьи и епископ Ардинго ревностно действовали совместно, и когда еще не прибегали к помощи сведущих людей, еретиков судили и казнили ежедневно, то поодиночке, то группами в два или три человека; но уже тогда начали собирать народ в соборе, где и читали решение, снабжая его нужными толкованиями. Дошедший до нас отрывок реестра решений Бернара из Ко и

---

¹ Coll. Doat, XXVII, 118, 131, 133.— Eymeric, «Direct. Inq.», 630.— Bern. Comens. «Lucerna Inquisit. s. v. Advocatus».

Жана де С.-Пьер в Тулузе за время с марта 1246 года по июнь 1248 года также свидетельствует об отсутствии внешних формальностей. Аутодафе или *Sermones* совершались в немногочисленные дни перерывов – в мае 1246 года таких дней было пять, – и часто дело здесь шло только об одном или двух еретиках, что исключает участие в деле епископа, тем более, что имя его никогда не упоминалось в приговоре; но всегда отмечается присутствие нескольких местных судей как гражданских, так и духовных, и церемония происходила обыкновенно в притворе церкви С.-Сернена, хотя иногда отмечают и другие места, например, городскую ратушу (два случая); отсюда ясно, что божественная литургия не составляла еще части торжества¹.

С течением времени церемония становится более внушительной, и происходит она по воскресеньям, причем в этот день были запрещены всякие другие проповеди; воскресенье Рождественского поста и дни больших праздников были исключены. С высоты всех кафедр священники приглашали народ присутствовать на торжестве и заслужить, таким образом, сорокадневное отпущение грехов. В центре церкви воздвигалось нечто вроде сцены; там помещались кающиеся, окруженные духовными и светскими чиновниками. Инквизитор произносил речь, после которой представители светской власти приносили присягу в повиновении, и торжественно провозглашалось отлучение от церкви всех, кто так или иначе помешает действиям святого трибунала. Затем нотариус прочитывал на народном языке показания, спрашивая после каждого из них у обвиненного, чистосердечно ли оно дано им; впрочем,

---

¹ Lami, «Antichità Toscane», 557–9. – Coll. Doat, XXXI, 139. – Mss. Bib. Nat. fon. lat. № 9992. – Alex. PP. IV. Bull. «Prae cunctis», § 15, 9 nov. 1256.

с этим вопросом обращались только к тем, кто был действительно «кающимся» и не мог произвести скандала, уличив их во лжи. На утвердительный ответ обвиненного его спрашивали, хочет ли он раскаяться или, упорствуя в ереси, погубить и тело и душу? Он выражал желание принести покаяние, и тогда читалось отречение, которое он повторял слово за словом; после этого инквизитор объявлял, что с него *ipso facto* снимается отлучение от церкви, и обещал ему снисхождение, если он будет впредь вести себя согласно с тем решением, которое будет ему объявлено. Кающиеся следовали один за другим, начиная с менее виновных; к концу прибегались те, кого нужно было «освободить», т. е. предать в руки светской власти; торжественное объявление приговора над ними происходило на площади, где для этого воздвигался особый помост; вызывалось это заботой, чтобы храм Божий не был осквернен объявлением приговора, влекущего за собой пролитие крови; из того же побуждения это откладывалось на будни. Но казнь всегда происходила на другой день, дабы дать время осужденным покаяться, чтобы души их не попали из огня временного в огонь вечный. Тщательно заботились о том, чтобы они не обращались к народу, боясь, что заявления их о своей невинности могут вызвать нежелательные проявления сочувствия¹.

Не трудно представить себе, какое впечатление производило на умы это ужасное торжество, на которое, по приказанию инквизиции, стекались все великие и сильные страны, чтобы смиренно присягнуть в повиновении и присутствовать свидетелями отправ-

---

¹ Eymeric. «Direct. Inquis.», 503–12.— *Doctrina de modo Procedendi* (Martène, «Thes.» V 1795–6).— *Tract. de Paup. de Lugduno* (lib. 1792).— *Lib. Sent. Inquis. Tolosan.* 1, 6, 39, 98.

ления своих обязанностей высшей властью, державшей в своих руках земную и загробную жизнь человека. Большое аутодафе, совершенное в апреле 1310 года Бернаром Ги в Тулузе, тянулось с воскресенья 5 числа по четверг 9-го. Сначала смягчили епитимии, наложенные на некоторых достойных прощения кающихся; затем двадцать лиц были присуждены носить кресты и совершить паломничества; шестьдесят пять лиц было приговорено к пожизненному заключению в тюрьме, из них трое в оковах; и, наконец, восемнадцать человек были переданы в руки светской власти и сожжены живыми. На аутодафе в апреле 1312 года пятьдесят одного человека присудили носить кресты и восемьдесят шесть заключили в тюрьму; конфисковали имущество десяти покойников, после того как было объявлено, что они заслужили тюремное заключение; вырыли и сожгли тридцать шесть трупов; пятерых человек передали светской власти и сожгли живыми, и пять человек осудили заочно. Вера, проявлявшая себя подобными жертвоприношениями, понятно, могла возбуждать не любовь, а только один ужас. Иногда случалось, что какой-нибудь упорный еретик нарушал порядок торжества. Так, например, в 1309 году знаменитый ученый катар Амиель де Перль громко исповедовал свое неправоверие, а когда его осудили, то он наложил на себя *endura*, отказавшись от пищи и питья. Боясь, что жертва ускользнет из его рук, Бернар сократил процедуру и устроил для него специальное ауто. Подобный же случай произошел в 1313 году Петр Раймунд, верующий катар, на аутодафе 1310 года отрекся и был воссоединен с церковью. Осужденный на тюремное заключение, он, сидя в одиночной камере, раскаялся в своей слабости. Нравственные мучения несчастного были настолько сильны, что он, в конце концов, громко заявил, что

снова вернулся к ереси, что он желает жить и умереть катаром и жалеет только об одном, что не может подвергнуться обряду еретикации. Он наложил на себя *endura* и после шести дней поста видел уже желанный конец; но ревностные служители Бога любви поторопились осудить его и устроить маленькое аутодафе для него и еще нескольких других, чтобы не лишать костра его добычи¹.

Сколько твердости требовалось от катаров, чтобы в течение целого столетия противостоять подобной организации, бывшей к тому же в руках людей энергичных и неутомимых! Как велика была духовная сила вальденсов, уничтожить которых так и не удалось! Для еретика не было никакой надежды найти спасение даже в бегстве, так как инквизиция бодрствовала повсюду. Схватывали по подозрению чужеземца, выясняли, откуда он родом, и посылали гонцов на место его рождения, и оттуда местная инквизиция высылала о нем все нужные справки; тогда, смотря по обстоятельствам, его судили на месте или пересылали на родину, так как всякий суд инквизиции мог судить не только жителей своего округа, но и иностранцев. Когда бежал Джакопо делла Киуза, один из убийц св. Петра Мученика, распоряжения о его поимке были разосланы повсюду, до Каркассона включительно. Но все же время от времени возникали затруднения. Когда инквизиция не получила еще окончательного устройства, Иаков I Арагонский жаловался на тулузского инквизитора, Бернара Ко, что он вызывал к себе его подданных, и Иннокентий (без особенного, впрочем, успеха) предписал прекратить это злоупотребление. Иногда два судилища вызывали одного и того же обвиняемого; относительно этих случаев Нарбоннский

---

¹ Lib. Sent. Inquis. Tolosan., c. 37, 39, 93, 99, 175, 178–9.

собор 1244 года решил, что обвиняемого судит тот инквизитор, который первый возбудил дело. Но если принять во внимание соперничество между доминиканцами и францисканцами, то нельзя не удивляться, что так мало возникало споров в самой инквизиции. Когда возникали подобные споры, то всеми мерами старались их подавить; если смотреть издали, то получается такое впечатление, что религиозная ревность горячо борется против ереси, не вынося в народ соблазнов внутренних раздоров¹.

Несколько примеров покажут нам, с какой неукротимой энергией совершала инквизиция свое дело. Под владычеством Гогенштауфенов обе Сицилии были местом прибежища для массы еретиков, бежавших от строгостей лангедокской инквизиции. Фридрих II, безжалостный, когда находил это выгодным для себя, не был воодушевлен, подобно инквизиции, яростью постоянных преследований. После его смерти борьба Манфреда против папства облегчила, несомненно, участь еретиков; но когда Карл Анжуйский овладел королевством, на правах вассала Рима, французские инквизиторы поспешили за ним; уже через семь месяцев после казни Конрадина, 31 мая 1269 года, Карл разослал циркулярные грамоты ко всем знатым и ко всем магистратам, объявляя им, что скоро придут лично сами инквизиторы Франции или пришлют своих уполномоченных, чтобы за-

---

¹ Lib. Sentent. Inq. Tolos. 252–4.— Mss. Bibl. Nat. fon. lat., 11847 ad finem.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 83, 94–5).— Guid. Fulcod. Quaest. V.— Alex. PP. IV. Bull. «Cupientes», 4 mart. 1260.— Urbani PP. IV. Bull. «Lecet. ex. omnibus», § 11, 1262.— Ejusd. Bull. «Prae cunctis», 2 aug. 1264.— C. 2. Sexto V, 2.— Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).— Zanchini «Tract. de Haeret.» c. VIII.— Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 20.— Eymeric. «Direct. Inquis.» 461–5.

брать бежавших еретиков, и он приказывал своим подданным оказывать им по первому требованию всякое содействие. Юрисдикция инквизитора была в сущности настолько же личная, насколько и местная, и куда бы он ни являлся, он всегда оставался облеченным судебной властью. Когда в 1359 году несколько евреев, обратившихся в христианство, а затем снова вернувшихся в иудейство, бежало из Прованса в Испанию, то Иннокентий VI уполномочил провансальского инквизитора, Бернара де Пюи, преследовать их, задержать, осудить и наказать всюду, где он найдет их, причем он мог требовать помощи от светской власти; одновременно с этим папа писал королям Арагонии и Кастилии, чтобы они оказывали Бернару всякое содействие¹.

Арно Изарн, пятнадцатилетний юноша, был приговорен в 1309 году в Тулузе, после двухлетнего тюремного заключения, носить кресты и совершить известные паломничества; вся вина его состояла лишь в том, что раз, по приказанию отца, он преклонился перед еретиком. Более года носил он видимые знаки своего позора, но потом, так как они мешали ему искать пропитание, он снял их и получил место перевозчика на Гарроне между Муасаком и Бордо. В своем невежестве он считал себя в безопасности; но полиция инквизиции бодрствовала над ним. Вызванный на суд в 1312 году он побоялся явиться, несмотря на убедительные просьбы отца, который обнадеживал его возможностью снисхождения. В 1315 году его отлучили заочно от церкви; на следующий год он был объявлен еретиком и осужден на аутодафе 1319 г. В 1321 году Бернар Ги распорядился заключить его

---

¹ Archivio di Napoli, Registro 3, Lett. A, foll. 64.— Waddingi «Annal.» ann. 1359, № 1–3.

в тюрьму в Муасаке, но по дороге он бежал, был пойман и приведен в Тулузу. Хотя за все это время он не был уличен ни в чем еретическом, тем не менее его неповиновение инквизиции было признано достойным смертной казни; но ему оказали снисхождение, осудив его в 1322 году на пожизненное заключение в тюрьму на хлеб и на воду. Таким образом, инквизиция не только повсюду закидывала свои сети, но и не брезговала самой скромной добычей¹.

В 1255 году доминиканский монах Александрии, Николло да Верчелли, сознался своему сублиприору в некоторых еретических верованиях и был немедленно изгнан. Тогда он вступил в соседний цистерцианский монастырь, но, боясь преследований инквизиции, тайно перебрался в один монастырь по ту сторону Альп; но немедленно Александр IV разослал грамоты ко всем цистерцианским аббатам, ко всем архиепископам и епископам, предписывая им схватить несчастного и выслать его к ломбардскому инквизитору Райнерио Сакконе².

Единственно, чего не доставало инквизиции — это главы, которому слепо подчинялись бы все подвластные ему и который единолично направлял бы ход машины. Папа не хотел брать на себя подобной роли; ему надо было иметь рядом с собой другое лицо, которое исполняло бы обязанности генерал-инквизитора. Нужда в этом стала ощущаться уже рано, и в 1262 году Урбан IV стремился удовлетворить ее, приказав всем инквизиторам направлять их донесения к Каетану Орсини, кардиналу С.-Никколо in carcere Tulliano, сообщать ему о всех препятствиях, которые встретятся им при выполнении их обязанностей, и во всем руководствоваться

---

¹ Lib. sentent. Inq. Tolosan. 350–1.

² Ripoll. I, 285.

с его наказами. Кардинал Орсини сам считал себя генерал-инквизитором и старался подчинить непосредственно себе суды инквизиции. 19 мая 1273 года он приказал итальянским инквизиторам облегчить инквизиторам Франции труд по переписыванию показаний как хранившихся в их архивах, так и могущих быть в будущем. Постоянный переход катаров и вальденсов из Франции в Италию давал огромное значение этим показаниям, и французские инквизиторы уже просили у него высылки копий с показаниями, данными перед судами Италии; но чрезвычайная растянутость этих документов делала задачу невероятно долгой и дорогой, и даже сами выражения грамоты кардинала показывают, что он не рассчитывал на ее исполнение. Мы не знаем, были ли делаемы дальнейшие попытки, чтобы привести в исполнение этот грандиозный проект, который страшно увеличил бы могущество инквизиции; но уже одно его появление свидетельствует, что Орсини очень серьезно относился к своим обязанностям и стремился к действительной централизации. Другая его грамота, помеченная 24 мая 1273 года, написанная к инквизиторам Франции, свидетельствует, что в течение известного времени наказы служителям инквизиции исходили от него¹.

До нас не дошло других сведений о его деятельности; но его вступление в 1277 году на папский престол, под именем Николая III, указывает, быть может, на то, что он, благодаря своей деятельности, достиг значительного могущества. Когда он назначил на освободившееся после его избрания в папы место ге-

---

¹ Ripoll. I, 434.— Pegnae «Comment. in Eymeric.» 406–7.— Waddingi «Annal. Regest. Nich. PP. III», № 10.— Arch. de l'Inq. de Carass. (Doat, XXXII, 101).— Raynald. ann. 1278, № 78.— Mss. Bibl. Nat. fond. lat. № 14930, fol. 218.

нерал-инквизитора своего племянника, кардинала Латино Малевбранка, то, по-видимому, он хотел сохранить этот пост за своей фамилией, чтобы быть уверенным в своей личной безопасности. Малевбранка был деканом собора кардиналов. Его влияние сказалось в 1294 году, когда он положил конец долгому конклаву, добившись избрания пустынника Петра Морроне в папы под именем Целестина V; но он не пережил непродолжительного первосвященства последнего, а гордый Бонифаций VIII нашел бесполезным и неудобным этот опасный пост. Он оставался незанятым, пока Климент VI не восстановил его для Гильома, кардинала С.-Стефано in monte Celio, который проявил свою ревность приказанием сжечь многих еретиков. После его смерти не было более генерал-инквизиторов, и вообще этот институт не оказал никакого влияния на развитие инквизиции¹.

---

¹ Parano «de Orig. offic. S. Inquis.», 124–5. – Waddingi «Annal.» ann. 1294, № 1. – Milman «Latin Christianity», IV, 487.

Глава IX

СУДОПРОИЗВОДСТВО ИНКВИЗИЦИИ

Судопроизводство епископских судов, о котором была речь в одной из предшествующих глав, было основано на принципах римского права; какие бы ни были на практике злоупотребления, суд в теории был справедливым и подчинялся строго определенным правилам. С инквизицией все это исчезло. Чтобы уяснить себе ее юридические приемы, нужно составить себе понятие о том, как понимал инквизитор свои отношения к обвиняемым, которых приводили к нему на суд. В качестве судьи он охранял веру и карал оскорбления, нанесенные ересью Богу. Но он был более чем судья; он был духовник, боровшийся за спасение душ, влекомых заблуждением в вечную гибель. Эта двойственная роль давала ему гораздо большую власть, чем та, которой пользовались светские судьи, тем более, что он стремился выполнить свою святую миссию, не стесняясь в выборе средств. Если виновный надеялся на какое-либо снисхождение за свое преступление, простить которое было нельзя, то он прежде всего должен был выказать полнейшее повиновение духовному отцу, который заботился о спасении его от мук ада. Когда обвиняемый являлся перед судилищем, то прежде всего от него требовали присяги, что он будет повиноваться церкви, что будет правдиво отвечать на все вопросы, которые будут ему предлагаемы, что выдаст всех известных ему

еретиков и что выполнит всякую епитимию, которую могут наложить на него; если он отказывался дать подобную присягу, то он этим сам себя объявлял изобличенным и закаменелым еретиком¹.

Обязанность инквизитора отличалась от обязанности обыкновенного судьи еще тем, что он должен был не только установить факты, но и вывести самые сокровенные мысли и душевные мнения своего пленника. В сущности, для инквизитора факты были лишь признаками, которые он мог, по своему усмотрению, принимать во внимание или нет. Преступление, которое он преследовал, было преступлением духовным, и как бы ни были преступны в уголовном отношении действия виновных, они не подлежали его юрисдикции; поэтому, например, убийцы Петра Мученика были судимы не как убийцы, а как сторонники ереси

---

¹ Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 5, 103).— Zanchini, «Tract. de Haeret.» c. IX.

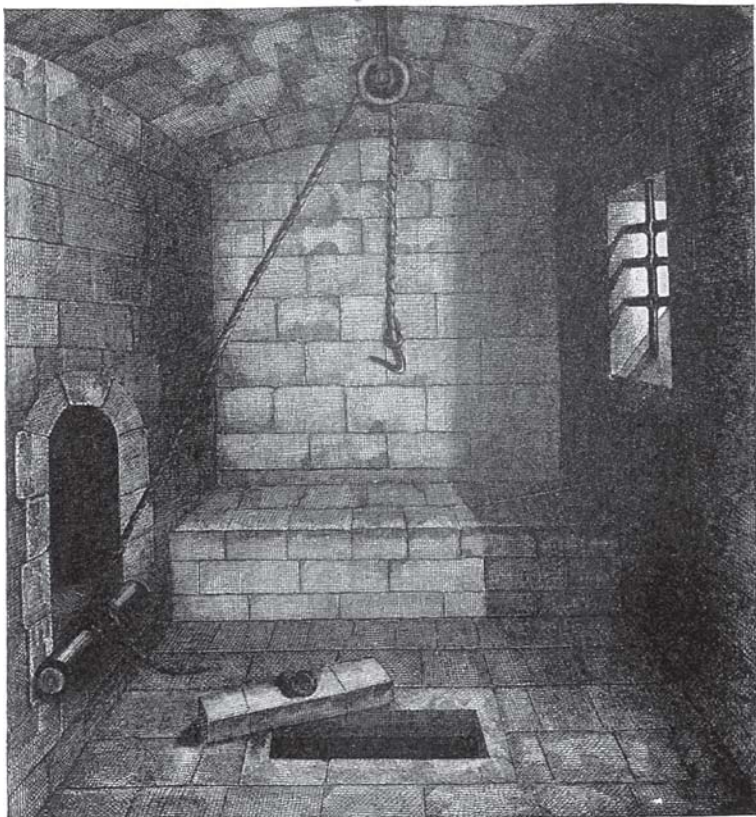
По-видимому, инквизиция к северу от Альп требовала в предварительной присяге от обвиняемого лишь обещания говорить правду (Eumeric., 421). В Италии она была такова, как мы привели к тексту. Со времени процессов против Гильельмитов в Милане в 1300 г. обвиняемые должны были, кроме того, вносить залог в размере от 10 до 50 имперских ливров в обеспечение того, что они не нарушат присяги, и передавать все свое имущество инквизитору, но этот штраф не освобождал их от духовного наказания. Такова была, по моему мнению, практика ломбардской инквизиции.— Ogniben Andrea, «I Guglielmiti del secolo XIII», Перуза, 1867 г., с. 5–6, 13, 27, 35, 37 и сл.

Во время некоторых процессов о колдовстве, бывших в Пьемонте в 1474 г., эта присяга усиливалась угрозой отречения от церкви и «tratti di corde», т. е. пыткой, известной под именем «strappado», которую применяли от десяти до двадцати пяти раз. Кроме того, взыскивали крупный штраф.—P. Vayra, «Curiosità di storia subalpina», 682, 693.

и противники инквизиции. Ростовщик был подсуден суду инквизиции только тогда, когда он подтверждал или доказывал своими действиями, что он не считает ростовщичество преступлением. Колдун был подсуден инквизиции только в том случае, если из его поступков было видно, что он более полагается на могущество демонической силы, чем на Бога, или в том случае, если он проповедовал ложные идеи относительно таинств. Цангино передает нам, что он присутствовал при суде над одним священником, который жил с наложницей; он был наказан не за безнравственное поведение, а за то, что ежедневно служил обедню, будучи нравственно осквернен, и в свое оправдание ссылался на то, что он думал, что облачение в священные одежды очищает от всякой скверны. Простое сомнение считалось своего рода ересью, и одной из задач инквизитора было убедиться в том, что религиозные убеждения верных были тверды и непоколебимы¹. Внешние поступки и слова не имели никакого значения; обвиняемый мог аккуратно ходить к обедне, мог щедро жертвовать на церкви, исповедоваться и причащаться и, тем не менее, быть еретиком в глубине своего сердца. Приведенный на суд инквизиции, он мог исповедовать полное подчинение решениям Святого Престола, мог проявить самую строгую верность католичеству, мог выразить готовность без спора подписать все, что от него потребуют, и, однако, быть тайным катаром или вальденсом, который заслуживает костра. Конечно, немногие еретики имели мужество открыто исповедовать свою веру перед судилищем, и нелегко было добросовестному судье, горячо желавшему уничтожить лисиц, расхищающих вертоград Господен, раскрыть тайники сердца; и мы не можем удив-

---

¹ Zanchini, «Tract. de Haeret.» с. II.

Камера пыток (XIV век).

(«Atlas der Kulturgeschichte», Brockhaus)

ляться поэтому, что он спешил сбросить с себя оковы правильного судопроизводства, которые, не допуская его до незаконных действий, могли бы сделать тщетными все его старания. Еще меньше можем мы удивляться тому, что фанатическая ревность, произвол, жестокость и ненавистная алчность участвовали в создании системы, ужасы которой нельзя передать словами. Только одна наука могла беспристрастно

Судебная камера (XV век).

(«Atlas der Kulturgeschichte», Brockhaus)

разрешить проблемы, ежедневно представлявшиеся инквизиторам; слабые люди, принужденные стремиться к определенной цели, неизбежно пришли к практическому выводу, что лучше принести в жертву сто невинных, чем упустить одного виновного.

Таким образом, из трех форм возбуждения уголовного преследования – обвинение, донос и розыск – последняя, естественно, из исключения обратилась в

правило и в то же время утратила те свои стороны, которые до известной степени парализовали ее опасное действие. Если являлся формальный обвинитель, то инквизитор должен был предупредить его, что ему угрожает *talio*, если он выступит самолично; с общего молчаливого согласия эта форма возбуждения уголовного преследования была устранена под предлогом, что она вызывала пререкания, т. е. давала обвиняемому возможность защищаться. В 1304 году инквизитор, брат Ландульфо, наложил штраф в сто пятьдесят золотых унций на город Реате за то, что, обвинив официально одного человека в ереси, город не мог доказать своего обвинения. Таким образом, выступление в роли открытого обвинителя было сопряжено с реальной опасностью, и инквизиция не преминула дать это почувствовать. Донос был менее подвержен критическому разбору, так как тогда инквизитор действовал *ex officio*; но он не был обычен, и с самых первых дней основания инквизиции розыск стал почти исключительной формой возбуждения дела¹.

---

¹ Eymeric. «Direct. Inquis», 413–41. – Archivio di Napoli, Reg. 138, lett. F, fol. 105.

Чтобы понять различие между судопроизводством инквизиции и судопроизводством светских судов, достаточно указать на практику последних в Милане в первую половину XIV в. Обвинитель, возбуждая уголовное обвинение, был обязан дать подписку и представить полное ручательство, что в случае недоказанности обвинения он безропотно понесет должное наказание и вознаградит убытки обвиняемого; в противном случае его подвергали тюремному заключению до окончания дела. Приговор же судья был обязан вынести в течение трех месяцев. Приступая к расследованию, судья предупреждал об этом обвиняемого. Последний имел право взять себе защитника и потребовать сообщения имен свидетелей и их показаний. Начав дело, судья, под страхом штрафа в 50 ливров, должен был окончить его в течение тридцати дней. –

Все меры, гарантирующие обвиняемого, были, как мы увидим ниже, не только отменены, но на обвиняемого уже заранее смотрели как на виновного. В 1278 году один опытный инквизитор принимает за правило и выставляет всеобщим обычаем, что в областях, сильно подозреваемых в ереси, нужно вызывать на суд всякого отдельного жителя, нужно требовать от него отречения от ереси и подвергать его подробно допросу о нем самом и о других, – допросу, малейшая неоткровенность в котором должна была позднее привести к ужасным наказаниям, которые полагались для впавших снова в ересь. Большие расследования, произведенные в 1245 и 1246 годы под руководством Бернара Ко и Жана де С.-Пьер, показывают, что это не было лишь простым теоретическим выводом. В протоколах говорится о 230 допросах жителей маленького городка провинции Авиньона, о 100 допросах в Фанжо и о 420 допросах в Мас-С.-Пуэльес¹.

Никто, достигший того возраста, в котором, по мнению церкви, он был ответствен за свои поступ-

---

«Statuta criminalia Mediolani, e tenebris in lucem edita», Bergami, 1594 г., с. 1–3, 153.

Правда, под влиянием инквизиции светские суды перестали соблюдать эти разумные меры, ограждавшие правосудие; но здесь следует вспомнить, какая глубокая таинственность окружала судопроизводство и какими бесконечными отсрочками и нарушениями элементарной справедливости отличался суд инквизиции. Часто раздавались жалобы на то, что дурной пример судов инквизиции портил светский суд. В 1329 г. консулы Безье жаловались Филиппу Валуа, что его судьи не охраняют интересов обвинителей и принуждают их к удовлетворению обвиняемых в случае недоказанности обвинения; король тотчас же распорядился прекратить это «злоупотребление». – Vaissete, изд. Privat, X. Pr. 687.

¹ Doctrina de modo procedendi (Martène, «Thesaur.», V, 1805). – Molinier, «L'inquisition dans le midi de la France», 186–7.

ки, не мог отказаться от обязанности давать показания перед инквизитором. Соборы Тулузы, Безье и Альби, предписывая требовать клятву отречения от всего населения, определили этот возраст в четырнадцать лет для мужчин и двенадцать для женщин; другие ограничивались объяснением, что дети должны быть достаточно развиты, чтобы понимать значение присяги; третьи считали ответственными всех, начиная с семилетнего возраста; наконец, некоторые определяли предельный возраст в девять с половиной лет для девочек и в десять с половиной для мальчиков. Правда, в латинских землях, где законное совершеннолетие наступало только в двадцать пять лет, никто моложе этого возраста не мог быть вызван на суд; но это препятствие обходили легко: назначали опекуна, под прикрытием которого несовершеннолетнего пытали и казнили; и когда нам говорят, что нельзя было подвергать пытке кого-либо моложе четырнадцати лет, то нам дают возможность составить себе представление о минимальном возрасте, когда человек делался ответственным по обвинению его в ереси¹.

Отсутствие считалось неявкой и только увеличивало заранее предполагаемую виновность новым и непростительным прегрешением; кроме того, на практике неявка считалась равной сознанию. Даже еще раньше, чем возник вопрос об учреждении инквизиции, процесс розыска вошел в судебную практику духовных судов; так, например, Иннокентий III низложил епископа Кура на основании свидетельств, собранных его ко-

---

¹ Concil. Tolosan. ann. 1229, c. 10.— Concil. Biterrens., ann. 1244, c. 31.— Concil. Albiens. ann. 1542, c. 5.— *Modus examinandi haereticos* (Mag. Bib. Partum XIII, 341).— Joann. Anreae «Gloss. sup.», c. 13. Sexto V, 2.— Pegnae «Comment. in Eymeric.», 490.— Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. vv. «Minor», «Torturae» № 33.

миссарами *ex parte*, так как епископ, несмотря на неоднократные вызовы, не являлся к ним. Какое огромное значение придавали этому правилу, ясно из того, что Раймунд де Пеннафорте внес его в каноническое право, чтобы доказать, что, в случаях неявки, показаний, добытых розыском (*inquisitio*), было достаточно для обвинения без *litis contestatio*, т. е. без речей со стороны обвинения и защиты. Поэтому вполне последовательно, что если одна из сторон не являлась на суд, после того, как был объявлен вызов о явке в ее приходскую церковь и прошел законный срок, то не задумываясь выносили обвинительный приговор *in absentia*; отсутствие обвиняемого благочестиво замещалось «присутствием Бога и Евангелия» в тот момент, когда читался приговор. На деле неявка уже оправдывала обвинение. Фридрих II в своем эдикте 1220 года объявил, следуя Латеранскому собору 1215 года, что всякий подозреваемый, который не докажет своей невиновности в течение года, должен быть осужден как еретик; это постановление было распространено и на отсутствующих, которые подлежали осуждению через год после отлучения их от церкви, безразлично, были ли собраны или нет доказательства против них. Факт, что человек оставался в течение года отлученным от церкви, не стараясь снять с себя отлучения, рассматривался как ересь, отрицающая таинства и не признающая за церковью права вязать и разрешать; некоторые из власть имеющих были настолько суровы в этом отношении, что собор в Безье грозил карой за ересь всем, кто остался бы отлученным от церкви в продолжение сорока дней. Не считались даже с принятым законом двенадцатимесячным сроком, ибо инквизиторы, вызывая на суд отсутствующих, вызывали их не только затем, чтобы они являлись в суд, а и затем, чтобы они очистились в определенный срок; лишь только истек этот срок, обвиняемый превращал-

ся в виновного. Однако в подобных случаях редко предавали осужденного в руки светской власти; обыкновенно инквизиция удовлетворялась тем, что приговаривала к пожизненной тюрьме тех, кого нельзя было обвинить в каком-либо другом преступлении, кроме уклонения от суда, хотя бы они, попав в ее руки, и соглашались покориться и дать отречение¹.

Даже в могиле нельзя было скрыться. Не обращали внимания, что грешник предстал уже перед судом Всевышнего; вера должна быть отомщена его осуждением, и религиозное чувство верных должно было быть удовлетворено его наказанием. Если он заслуживал только тюрьмы или другого легкого наказания, то ограничивались тем, что вырывали его кости и бросали их на ветер; если же его ересь заслуживала костра, то останки его торжественно сжигались. Его потомкам и наследникам, на которых со всей своей тяжестью обрушивались конфискация всего имущества и ограничение личных прав, предоставлялось какое-то подобие защиты. Беспощадное рвение, проявлявшееся в этих посмертных процессах, ясно сказалось в деле Арманно Понджилупо Феррарского, из-за останков которого в течение тридцати двух лет

---

¹ C. 8. Extra, II, 14.— Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 19.— Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 8; Append., c. 14.— Guid. Fulcod. Quaest. VI.— Coll. Doat, XXI, 143.— Eymeric. «Direct. Inq.», 382, 495, 528–31.— Lib. Sentent. Inq. Tolosan. 175, 367–74.— Zanchini «Tract. de Haeret.» c. II, VIII, IX.— Mss. Bib. Nat. fon. lat. № 14930, fol. 221.— Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. vv., «Contumax», «Convincitur».— Concil. Lateran. IV, ann. 1215, c. 28.— Hist. Diplom. Frid. II. T. II, 4.— Concil. Albiens. ann. 1254, c. 28.— Alex. PP. IV Bull. «Consultationi vestrae», 28 maii 1260.— C. 13. Extra V. 38 (cp. Concil. Trident. Sess. 25 «de Reform.» c. 3).— Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXI, 83).— Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Procedere», № 10.

спорили епископ и инквизитор Феррары; победа в 1301 году осталась на стороне инквизиции. И в этом отношении церковь не руководствовалась определенными предписаниями, как это узнали на собственном горьком опыте наследники и потомки Герарда Флорентийского; в 1313 году инквизитор, брат Гримальдо, возбудил и довел до конца обвинение против их предка, умершего в 1250 году¹.

Суд инквизиции был страшно опасен, так как обвинитель в нем был одновременно и судьей. Когда это было первоначально введено в духовные суды, то увидели, что необходимо принять серьезные меры для предотвращения могущих быть злоупотреблений. Опасность становилась еще более грозной, когда судьей выступал полупомешанный фанатик, заранее уже видевший во всяком схваченном еретика, которого во что бы то ни стало следует уличить и осудить. Не меньше было опасности, когда судьей был просто алчный человек, искавший наживы в штрафах и конфискациях. Тем не менее церковь проповедовала учение, что инквизитор был духовный и беспристрастный отец, который в своих заботах о спасении душ не мог быть стесняем никакими правилами. Всекие мероприятия, которые ограждали интересы обвиняемых, и необходимость которых в самых обыденных юридических процессах была признана вековым опытом, были умышленно устранены в делах, где речь шла о жизни и добром имени обвиняемых, где судьба их в течение трех поколений ставилась на карту. Не задумываясь, разрешали «в интересах веры» всякий сомнительный вопрос. Инквизитор был уполномочен и подготовлен к тому, чтобы суд его был ко-

---

¹ Muratori, «Antiquit. Ital. Dissert.» 60.— Zanchini «Tracr. de Haeret.» с. XXIV, XL.— Lami, «Antchità Toscane», 497.

роток; он не стеснялся формой, не позволял, чтобы ему мешали юридические правила и хитросплетения адвокатов; он, насколько возможно, сокращал судопроизводство, лишая обвиняемого самой обыкновенной возможности сказать слово в свою защиту, он не давал ему права на апелляции и отсрочки. Ни на одной стадии судебного процесса невозможно было достигнуть законного заключения путем упущения формальностей, которые выработал вековой опыт, чтобы помешать беззаконию, и чтобы дать судье почувствовать всю тяжесть ответственности¹.

Если бы судопроизводство было публично, то гнусность этой системы была бы, без сомнения, ослаблена; но инквизиция облакала дело глубокой тайной даже после произнесения приговора; она была готова поразить умы толпы позднее, развертывая перед ней ужасные торжества аутодафе. Если не приходилось делать объявления об отсутствующем, то даже вызов на суд человека, только подозреваемого в ереси, делался тайно. О том, что происходило после явки обвиняемого перед судилищем, знали немногие «скромные» люди, избранные судьей и давшие присягу хранить все в тайне; даже сведущие люди, призванные дать свое заключение о судьбе обвиненного, были обязаны сохранять молчание. С таким же тщанием сохранялись тайны этого мрачного судилища; мы знаем от Бернара Ги, что выдержки из протоколов мог-

---

¹ Alex. PP. IV. Bull. «Prae cunctis» § 11, 9 nov. 1256.— Ejusd. Bull. «Curientes», 10 dec. 1257; 4 mart. 1264.— Urbani PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», ann. 1262 (Mag. Bull. Rom. I. 122).— Ejusdem Bull. «Prae cunctis», 2 aug. 1264.— Clement. PP. IV Bull. «Prae cunctis», 23 feb. 1266.— C. 20 Sexto V. 2.— Joann. Andreae «Gloss. sup. eod.» — C. 2. Clement. V. 11.— Bernardi Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).— Eymeric. «Direct. Inquis.» 583.

ли сообщаться только в исключительных случаях и с крайней осторожностью. Парамо, этот странный схоластик, утверждающий, что первым инквизитором был Бог, и что образцом инквизиторского судопроизводства было осуждение Адама и Евы, победоносно замечает, что Бог судил их втайне, дав, таким образом, пример для инквизиции, и она должна поэтому избегать хитрых уловок, в которых виновные могли бы искать спасения, действуя, что весьма возможно для них, по внушению хитрого Змия. Бог не созывал свидетелей потому только, что виновные сознались; и Парамо ссылается на высшие юридические авторитеты, что добровольного признания Адама и Евы достаточно для оправдания наложенного на них наказания. Эта нелепость, полная богохульства, может вызвать у нас улыбку, но она также вызывает в нас грустные мысли, так как дает понятие о том, как смотрели сами инквизиторы на свои обязанности, уподобляя себя Богу и приписывая себе безответственное могущество, которое благодаря людским страстям обратилось в орудие гнета и беззакония. Судопроизводство инквизиции, происходившее при плотно закрытых дверях и свободное от всяких законных формальностей, было, по свидетельству Цангинно, вполне произвольным. Ниже нам представится много случаев отметить, как пользовались инквизиторы своей безграничной властью¹.

---

¹ Doctrina de modo procedendi (Martène, «Thesaur.» V, 1811–12).— Concil. Biterren. ann. 1246, Appen. c. 16.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 156, 162, 178).— Bern. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 102).— Ejusd. «Practica» (Doat, XXIX, 94).— Eymeric. «Direct. Inquis.» 631–33.— Jacob. Laudens. «Orat. ad Concil. Constant.» (Von. der Hardt III, 60).— Paramo, «De orig. offic. S. Inquis.», 32–3.— Zanchini, «Tract. de Haeret.» c. IX.

Обыкновенно ход инквизиционного процесса был следующий. Указывали инквизитору на отдельное лицо как на подозреваемое в ереси, или имя его было произносимо каким-либо задержанным при его признаниях; приступали к негласному расследованию и собирали все возможные свидетельства на его счет; затем его тайно требовали явиться в суд в такой-то день и час и брали с него поручительство; если казалось, что он намеревается бежать, его неожиданно арестовывали и держали под арестом до дня явки на суд. По закону вызов в суд должен был повториться до трех раз, но это правило не соблюдалось. Когда преследование было основано на народной молве, то в качестве свидетелей вызывали первых попавшихся, и когда количество догадок и пустых слухов, раскрашенных этими свидетелями, боявшимися навлечь на себя обвинение в сочувствии к ереси, казалось достаточным для возбуждения мотивированного дела, то неожиданно наносили удар. Таким образом, обвиняемого осуждали уже заранее; на него смотрели как на виновного уже по одному тому, что его вызывали на суд. Единственным средством спастись было для него признать все собранные против него обвинения, отречься от ереси и согласиться на всякую епитимию, которую могли бы наложить на него. Если же при наличии свидетельств против него он упорно отрицал свою виновность и настаивал на своей верности католичеству, то он превращался в нераскаянного, закоренелого еретика, который должен быть выдан светской власти и сожжен живым. Итак, все судопроизводство было крайне просто, и один инквизитор XV века прекрасно охарактеризовал его, придя к выводу, что обвиняемого не следует отпускать на свободу, взяв с него поручительство. “Если, – говорит он, – кто-либо сознается в ереси и не приносит рас-

каiania, то его следует подвергнуть пожизненному тюремному заключению, если он отрицает свою виновность и будет уличен во лжи свидетельскими показаниями, то он, как закоснелый, должен быть выдан светской власти и казнен”¹.

По многим основаниям, однако, инквизитор старался, если возможно, добиться сознания. Во многих случаях – несомненно, в большинстве – свидетельские показания, достаточные по точному смыслу для

---

¹ Eymeric. «Direct. Inq.», 413, 418, 423–4, 461–5, 521–4. – Zanchini. «Tract. de Haeret.», c. IX. – Bernardi Comens. «Lucerna Inquis. s. v. Impoenitens.» – Albertin. «Repert. Inquis. s. v. Cautio».

Противоположность между этим судопроизводством и светским судом ясно отмечена в грамоте, данной Альфонсом де Пуатье городу Озону (в Оверни) около 1260 года. Всякий обвиненный в преступлении на основании слухов, ходивших в народе, мог оправдаться, принеся присягу, которую должен был подтвердить один законный соприсяжник, если только не было на лицо истца или обвинителя; никто без своего согласия не мог быть судим инквизиционным судом. – См. также Chassaing, «Spicilegium Brivatense», Париж, 1886, стр. 92.

Это последнее предписание осуждает постепенное вторжение в светские суды инквизиционного судопроизводства, которое особенно привлекало судей ленивых и склонных к произволу. Но им пренебрегали и старались держать его под сукном, как свидетельствует грамота, данная в 1276 году Иаковом II Арагонским своим подданным Майорки. Он обещает, что впредь никогда не будет применяться инквизиционное судопроизводство без предварительного извещения об этом заинтересованного лица; последнее может потребовать присягу от всех свидетелей, и ему должна быть дана полная возможность защищаться. – Villanueva, «Viage literario», XXII, 318. Но даже и в этой смягченной форме арагонцы отказывались принять инквизиционное судопроизводство и просили, чтобы его применяли только в отношении королевских чиновников, виновных в преступлениях по службе; во всех же остальных случаях необходимо заявление обвинителя. – «Observantiae regni Aragonum», 1662 fol. 24, 37.

мотивировки подозрения, были все же крайне неопределенны и крайне неясны, чтобы можно было основывать на них обвинение. Всякий пустой слух, всякое необдуманное слово принимались к сведению; малейший предлог получал большое значение, когда инквизитор доказал его важность, и когда он влек за собой штрафы и конфискации, столь прибыльные для веры. Даже и в том случае, если свидетельства были убедительны, другие не менее веские соображения заставляли инквизитора «обработать» своего пленника, добиться, чтобы он сознался и предал себя на милость судей. За исключением редких случаев, когда еретики с презрением смотрели на своих судей, признание сопровождалось всегда изъявлением обращения и раскаяния. Таким образом, не только вырывали душу из когтей сатаны, но вновь обращенный должен был еще показать свое чистосердечие и выдать всех известных ему еретиков и всех подозреваемых им в ереси, прокладывая, таким образом, новые пути для дальнейшего преследования.

Бернар Ги, цитируя одного из своих предшественников, красноречиво замечает, что если внешние доказательства были недостаточно ясны, то душа инквизитора страшно мучилась. И, действительно, с одной стороны, его мучила совесть, если он наказывал подозреваемого, который не сознался и не был уличен в преступлении; с другой — он страдал еще сильнее, зная по опыту ловкость этих людей, если они, благодаря своей хитрости, ускользали к великому вреду веры от заслуженного наказания. Успех в подобных случаях делал их более смелыми и в то же время более опытными на будущее время, а миряне возмущались бессилием инквизиции: ведь над ней ловко надсмеялись невежественные люди; над ней, которой толпа приписывала такое всевидение, над

ней, от которой не мог ускользнуть ни один еретик! Отсюда ясно, что выявление виновных затрагивало инквизиторское самолюбие.

В другом месте Бернар Ги настаивает на том, что обращение еретиков имеет огромное значение для веры не только потому, что они должны при этом выдать своих единомышленников и указать их пристанища и места тайных сборищ, но и потому, что те, кто попадал в руки инквизиции, были более расположены сознать свои заблуждения и вернуться в лоно истинной церкви. Уже в 1246 году собор в Безье отметил пользу, приносимую подобными обращениями, и призывал инквизиторов не щадить для этого своих трудов. Все писатели инквизиции единогласно заявляют, что выдача единомышленников – необходимое доказательство чистосердечного обращения. Кающийся еретик, не соглашавшийся на подобную измену, тщетно стал бы просить присоединения к церкви и снисхождения; отказ его выдать своих друзей и близких принимался как доказательство того, что он не раскаялся, и его немедленно выдавали в руки светской власти; здесь было то же, что в римском праве, где обратившийся манихей подлежал смертной казни, если он продолжал вращаться среди манихеев и не выдавал их. Практическая польза этого ужасного требования ясно выразилась в деле Сорины Риго, сознавшейся в Тулузе в 1254 году; ее сознание дополнялось перечнем имен 169 человек, выданных ею, с указанием их места жительства.

Некто Гильем Сикред из Тулузы отрекся от ереси и был воссоединен с церковью в 1262 году; спустя пятьдесят лет, в 1311 году, он был у смертного одра своего брата, над которым был совершен обряд еретикации; Гильем тщетно противился этому, но доносчиком не выступил. Возникло дело; от Гильема потре-

бовали объяснений причин его молчания; он объяснил, что ему не хотелось вредить своим племянникам, которым угрожала конфискация. За это его подвергли пожизненному заключению в тюрьму! Доносы были так важны для инквизиции, что она требовала их и обещаниями, и угрозами. Бернар Ги говорит, что те, кто является добровольно и выказывает свою ревность, выдавая других, должны получать не только полное помилование, но и вознаграждение от прелатов и князей. Выдача только одного Совершенного гарантировала безнаказанность и, быть может, вдобавок еще и награду¹.

Горячее стремление инквизитора добиться признания, кроме приведенных нами мотивов, основывалось еще на желании успокоить свою совесть. Когда дело шло об обычном преступлении, то судья обыкновенно мог удостовериться, что оно действительно совершено, раньше, чем возбудить против отдельного лица преследование за убийство или воровство. Во многих случаях, и даже в большинстве, инквизитор не мог быть вполне уверен, имеется ли перед ним преступление. На известного человека падало подозрение в том, что он был в дружбе с людьми, которые впоследствии оказались еретиками; подавал им милостыню или помогал им еще чем-либо и даже присутствовал на собрании еретиков; но все это не мешало ему быть искренним католиком, и, равным

---

¹ Bernard Guidon. «Practica» P. IV, V. (Doat, XXX).—Concil. Biterrens. ann. 1246, Append. c 16.—Tractat. de Paup. de Lugdun. (Martine, «Thesaur.», V, 1791—4).—Anon. Passaviens. (Mag. Bib. Pat. XIII, 308).—Const. XVI. Cod. I, V.—Molinier, «L'inquis. dans le midi de la France», 240.—Lib. Sent. Inq. Tolosan., 147.—Epist. Petri Card. Alban. (Doat, XXXI, 5).—Bern. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 114).

образом, он мог, не выдавая себя ничем, быть закоснелым еретиком. Тот факт, что он лично исповедовал католичество, не имел никакого значения, так как опыт показал, что большинство еретиков было готово подписаться под чем угодно, и что преследование научило их скрывать свои верования под личиной строгого католичества. Таким образом, вопрос о сознаниях получил огромное значение, и для достижения его напрягали все силы и не стеснялись в выборе средств. Вымогательство признаний стало, так сказать, центром судебной процедуры инквизиции, и мы должны остановиться на этом как потому, что сказали выше, так и потому, что этот прием оказывал огромное и печальное влияние на всю юридическую систему Центральной Европы в течение целых пяти столетий.

Наиболее простым способом добиться признания был, естественно, допрос обвиняемого. Инквизитор подготавливался к нему, сопоставляя и изучая все противоречивые показания, тогда как узник оставался в полном неведении о собранных против него уликах. Умение вести допрос было главным достоинством инквизитора, и некоторые опытные братья составили руководства для начинающих, в которых содержались длинные ряды вопросов, назначенных для еретиков различных сект. Здесь мы видим, как развивалось и передавалось от одного к другому особого рода тонкое искусство, состоявшее, по большей части, в умении расставлять сети обвиняемым, ставить их в тупик и в противоречие с самим собой. Уже в первое время учреждения инквизиции консулы Нарбонны жаловались консулам Нима, что инквизиторы при допросах прибегают к диалектике, полной софизмов, подобно тому, как это делают учащиеся на схоластических диспутах; а в то же время (это было бы смешно, если бы не было грустно) ветераны инкви-

зиции жаловались на двоедушие своих жертв, выставляли их лукавство, их иногда удачные усилия не обвинить самих себя; все это старались объяснять тем, что недобросовестные священники учили еретиков давать уклончивые ответы по вопросам веры¹.

Один опытный инквизитор составил для руководства своим преемникам образец допроса еретика и показал, какие извороты и увертки могут они встретить со стороны тех, кто не заявлял открыто о своих заблуждениях. Полвека спустя Бернар Ги воспроизвел этот примерный допрос в своих «Practica». Мы приведем его здесь как характерный пример того, что ежедневно происходило, когда подготовленный длинными годами учения инквизитор сталкивался с темным крестьянином, инстинктивно боровшимся за свою жизнь и за свои убеждения.

«Когда приводят еретика на суд, то он принимает самонадеянный вид, как-будто бы он уверен в том, что невинен. Я его спрашиваю, зачем привели его ко мне. С вежливой улыбкой он отвечает, что он ожидает от меня объяснений этого».

«Я.— Вас обвиняют в том, что вы еретик, что вы веруете и учите несогласно с верованием и учением Святой церкви».

«Обвиняемый (поднимая глаза к небу с выражением энергичного протеста).— Сударь, вы знаете, что я невиновен, и что я никогда не исповедовал другой веры, кроме истинной христианской».

---

¹ Bernard. Guidon. «Practica» P. V. (Doat, XXX).— Modus examinandi haereticos (Mag. Bib. Pat. XIII, 342).— Tract. de Paup. de Lugdun. (Martune, «Thes.», V, 1793–4.— Mss. Vatic. № 8668 (Ricchini, «Prolog. ad Monetam», p. XXIII).— Anon. Passav. (Mag. Bib. Pat. XIII, 301).— Molinier, «L'inquis. dans le midi de la France», 234.— Alex. PP. IV Bull. «Quod super nonnullis», § 10, 15 dec. 1258.

«Я.— Вы называете вашу веру христианской, потому что считаете нашу ложной и еретической. Но я спрашиваю вас, не принимали ли вы когда-либо других верований, кроме тех, которые считает истинными римская церковь?»

«Обв.— Я верую в то, во что верует римская церковь, и чему вы публично поучаете нас».

«Я.— Быть-может, в Риме есть несколько отдельных лиц, которые принадлежат к вашей секте, которую вы считаете римскою церковью. Когда я проповедую, я говорю многое, что у нас общее с вами, например, что есть Бог, и вы веруете в часть того, что я проповедую; но в то же время вы можете быть еретиком, отказываясь верить в другие вещи, которым следует верить».

«Обв.— Я верую во все то, во что должен верить христианин».

«Я.— Эти хитрости я знаю. Вы думаете, что христианин должен верить в то, во что веруют члены вашей секты. Но мы теряем время в подобных разговорах. Скажите прямо: веруете ли вы в Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого?»

«Обв.— Верую».

«Я.— Веруете ли вы в Иисуса Христа, рождающегося от Пресвятой Девы Марии, страдавшего, воскресшего и восшедшего на небеса?»

«Обв. (быстро) — Верую».

«Я.— Веруете ли вы, что за обедней, совершаемой священнослужителями, хлеб и вино божественной силою превращаются в тело и кровь Иисуса Христа?»

«Обв.— Да разве я не должен верить в это?»

«Я.— Я вас спрашиваю не о том, должны ли вы верить, а веруете ли?»

«Обв.— Я верую во все, чему приказываете верить вы и хорошие ученые люди».

«Я.— Эти хорошие ученые принадлежат к вашей секте; если я согласен с ними, то вы верите мне, если же нет, то не верите».

«Обв.— Я охотно верую, как вы, если вы поучаете меня тому, что хорошо для меня».

«Я.— Вы считаете в моем учении хорошим для себя то, что в нем согласно с учением ваших ученых. Ну, хорошо, скажите: верите ли вы, что на престоле в алтаре находится тело Господа Нашего Иисуса Христа?»

«Обв. (резко).— Верую этому».

«Я.— Вы знаете, что там есть тело, и что все тела суть тела нашего Господа. Я вас спрашиваю: находящееся там тело есть ли истинное тело Господа, рождающегося от Девы, распятого, воскресшего, восшедшего на небеса и т. д.»?

«Обв.— А вы сами верите этому»?

«Я.— Вполне».

«Обв.— Я тоже верю этому».

«Я.— Вы верите, что я верю; но я вас спрашиваю не об этом, а о том, верите ли вы сами этому?»

«Обв.— Если вы хотите перетолковывать все мои слова по-своему, а не понимать их просто и ясно, то я не знаю, как еще говорить. Я человек простой и темный и убедительно прошу вас не придирайтесь к словам».

«Я.— Если вы человек простой, то и отвечайте просто, не веляя в стороны».

«Обв.— Я готов».

«Я.— Тогда не угодно ли вам поклясться, что вы никогда не учили ничему несогласному с верою, признаваемой нами истинной».

«Обв. (бледнея).— Если я должен дать присягу, то я готов поклясться».

«Я.— Я вас спрашиваю не о том, должны ли вы дать присягу, а о том, хотите ли вы дать ее».

«Обв.— Если вы приказываете мне дать присягу, то я присягну».

«Я.— Я не принуждаю вас давать присягу, ибо вы, веря, что клясться запрещено, свалите грех на меня, который принудил бы вас к нему; но если вы желаете присягнуть, то я приму вашу присягу».

«Обв.— Для чего же я буду присягать, раз вы не приказываете этого».

«Я.— Для того, чтобы снять с себя подозрение в ереси».

«Обв.— Без вашей помощи я не знаю, как приступить к этому».

«Я.— Если бы мне пришлось приносить присягу, то я поднял бы руку, сложил бы пальцы и сказал бы: Бог — мой свидетель, что я никогда не следовал ереси, никогда не верил тому, что несогласно с истинной верой».

«Тогда он бормочет, как будто не может повторить слов, и делает вид, что говорит от имени другого лица, так что, не принося настоящей присяги, он в то же время хочет показать, что дает ее. В других случаях он обращает присягу в своего рода молитву, например: «Да будет мне свидетелем Бог, что я не еретик»; и если его после этого спрашивают: «Поклялись ли вы?», то он отвечает: «Разве вы не слышали»? Прижатый к стене, он обращается к милосердию судьи и говорит ему: «Если я согрешил, то я согласен показаться; помогите мне смыть с себя несправедливое и недобросовестное обвинение». Но энергичный инквизитор не должен позволять останавливать себя подобным образом, он должен неуклонно идти вперед, пока не добьется от обвиняемого сознания в заблуждениях или, по меньшей мере, открытого отречения под присягой, так что, если позднее обнаружится, что он дал ложную клятву, то его можно будет, не подвергая но-

вому допросу, предать в руки светской власти. Если обвиняемый соглашается клятвенно подтвердить, что он не еретик, то я говорю ему следующее: «Если вы собираетесь дать присягу для того, чтобы избежать костра, то ваша присяга меня не удовлетворит, ни десять, ни сто, ни тысяча, ибо вы взаимно разрешаете друг другу известное число клятв, данных в силу необходимости. Кроме того, если я имею, против вас, как думаю, свидетельства, расходящиеся с вашими словами, ваши клятвы не спасут вас от костра. Вы только оскверните вашу совесть и не избавитесь от смерти. Но если вы просто сознаетесь в ваших заблуждениях, то к вам можно будет отнестись с снисхождением». Я видал людей, которые, уstraшенные этою речью, приносили признание»¹.

Этот же инквизитор приводит наглядный пример того, как искусно простые люди умели обходить хитрые вопросы самых изощренных ищек святого трибунала. Одна простая служанка в течение нескольких дней увертывалась от расспросов самых избранных следователей, и она избегла бы их рук, если бы на ней не нашли кости только что сожженного еретика; по словам одной из своих подруг, собиравшей с ней вместе кости мученика, она сохранила эту кость как святыню. Но инквизитор не говорит ничего о том, сколько миллионов добрых католиков, доведенных до безумия бесчестной игрой, жертвой которой они сделались, сбитых с пути тонкостями схоластического богословия, не умевших отвечать на ехидные вопросы, напуганные ужасами костра в случае их заперательства, в отчаянии сознавались в преступлении, которое с такой самоуверенностью приписывалось

---

¹ Tract. de Paup. de Lugduno (Martine, «Thesaur.», V, 1792).—
Ср. Bernard. Guidon. «Practica» P. V (Doat, XXX).

им, и подтверждали искренность своего обращения оговорами своих соседей, лишь бы искупить свои мнимые прегрешения конфискацией имущества и пожизненной тюрьмой.

Случалось, однако, что невиновность или хитрость обвиняемого торжествовала над всеми усилиями инквизитора; но в этом случае в распоряжении инквизитора оставались еще другие средства. Здесь мы касаемся самой возмутительной страницы этой истории...

Людская непоследовательность в своих столь разнообразных проявлениях никогда не выставлялась в таком печальном свете, как в наставлениях ветеранов святого трибунала молодым братьям, заступавшим на смену им. Наставления эти передавались только посвященным, и поэтому они отличаются большой откровенностью. Знакомые из долгого опыта со всем, чем можно тронуть человеческое сердце; наученные не только раскрывать все тонкости словопрений, но и искать и находить самые чувствительные пункты, чтобы затронуть совесть; безжалостно налагающие самые ужасные телесные и умственные страдания, то в сырой тюрьме, где держали несчастного целыми годами, то более острыми муками застенка, то, наконец, холодным воздействием на естественные привязанности; то дающие без всякого зазрения совести надежду; то пугающие; прибегающие с цинизмом безразлично ко всем уловкам обмана и лжи в отношении несчастных, предварительно истощенных голодом, — эти люди давали советы, которые кажутся исходящими от демонов, ликующих, когда они в своем безграничном могуществе удовлетворили свою страстную злобу над беззащитными, несчастными жертвами. И в то же время среди всех этих ужасов ярко светится убеждение, что они трудятся за дело Бога. Никакой труд не тяжел для них, когда они могут спасти душу от вечной по-

гибели; ничто не кажется им возмутительным, когда они могут довести слабого человека до сознания его прегрешений и до смытия их чистосердечным раскаянием; их терпение беспредельно, если они могут избегнуть осуждения невинного. Вся эта словесная борьба между судьей и обвиняемым, все эти обманы, все эти телесные и душевные пытки, столь жестоко пускаемые в ход, чтобы вырвать признание, не были, однако, направлены только к тому, чтобы дать инквизиции лишние жертвы; инквизитора поучали одинаково серьезно, одинаково добросовестно относиться и к упорствующим, против которых имелись веские доказательства, и к подозреваемым, преступление которых только предполагалось. В первом случае они стремились спасти душу, которой грозила вечная гибель за гордое упорство; во втором случае они стремились спасти духовное стадо, не пуская на свободу больную овцу, которая могла бы заразить других. Для жертвы было безразлично, какими мотивами руководился его преследователь, так как обдуманная жестокость часто бывает более хладнокровной и более рассчитанной, более неумолимой и более действительной, чем гнев и ярость; но беспристрастный историк должен помнить, что, если многие инквизиторы были ограниченные люди, которые, не задумываясь, отдавались рутине, заменявшей им призвание, если многие из них были алчные и кровожадные тираны, которые действовали исключительно под влиянием честолюбия или личных интересов, то были и другие, и много таких других, которые думали, что они выполняют высокую и святую задачу, отправляя на костер нераскаянного еретика или спасая, при помощи невыразимо подлых средств, из когтей Сатаны душу, которую он считал уже своею. Их учили, что лучше дать ускользнуть виновному, чем наказать невинного, и вследствие этого

им нужны были или прямые свидетельства, или признания. За неимением прямых улик совесть судьи требовала от него применения всего возможного, чтобы вырвать признание у жертвы. Виноват был не он, а система, орудием которой он был¹.

Средства, которыми располагал инквизитор, чтобы вынудить признание, можно разделить на две категории – обман и пытка; последняя состояла из всевозможных физических и нравственных мук.

Менее жестоким средством, чтобы вызвать признание у обвиняемого, было следующее. Следователь должен был считать уже установленным тот факт, который ему следовало еще доказать, и должен был расспрашивать о разных мелких подробностях, например, спрашивать обвиняемого, сколько раз исповедовал он ересь, или в какой комнате своего дома принимал он еретиков. При этом инквизитору рекомендуется во время допроса перелистывать дело, как будто он справляется в нем, а потом резко объявить обвиняемому, что он говорит неправду, что дело было вот так-то и так-то; он может также взять первую попавшуюся бумагу и сделать вид, что он читает в ней «все, что может ввести обвиняемого в обман»; или еще он может сказать ему, что известные ученые его секты примешали его к делу в своих показаниях. Чтобы сделать эту ложь более действительной, было приказано тюремщикам входить в доверие заключенных, выказывать к ним сочувствие и сожаление, убеждать их скорее сознаться, так как инквизитор-де человек мягкий, который отнесется к ним снисходительно. Затем инквизитор должен был заявить, что у него есть неоспоримые доказательства, и

---

¹ *Practica super Inquisitione* (Mss. Bil. Nat. fon. lat. № 14930, fol. 221).

что, если бы обвиняемый пожелал сознаться и назвать тех, кто ввел его в заблуждение, то его тотчас освободили бы. Более хитрая уловка состояла в том, что с заключенным обращались кротко, а не сурово; подсылали к нему в камеру испытанных агентов снискать его доверие и побудить его к признанию обещаниями снисхождения и заступничества. В удобный момент являлся лично сам инквизитор и подтверждал эти обещания, мысленно говоря, что все, что делается для обращения еретиков, есть акт милосердия, что епитимия есть проявление любви к ближнему и духовное лекарство, и когда несчастный просил снисхождения за свои разоблачения, то его успокаивали, говоря, что для него будет сделано гораздо больше, чем он просит¹.

При такой организации, естественно, шпионы играли видную роль. Испытанным агентам, проникавшим в камеру заключенного, было приказано вести его от признания к признанию, пока они не получат достаточно материала для его обвинения, так, чтобы он этого не заметил. Передают, что обыкновенно для этой цели употреблялись обращенные еретики. Один из них отправлялся к обвиняемому и говорил ему, что его обращение было притворное; в один прекрасный день, после целого ряда бесед, он приходил к нему позднее обыкновенного, и дверь за ним запиралась засовом. Тогда впотьмах завязывался откровенный разговор, а сзади двери в тени скрывались свидетели и нотариус, которые подслушивали все слова жертвы. Всегда, когда это было возможно, пользовались услугами товарищей по заключению, которые и

---

¹ Tract. de Paup. de Lugduno (Martine, «Thes.» V. 1793).— Eymeric. «Direct. Inquis.», 433— 4.— Modus examinandi haereticos (Mss. Bib. Pat. XIII, 344).

Орудия пытки.
(«Atlas der Kulturgeschichte», Brockhaus)

получали известное воздаяние за эти услуги. В приговоре по делу некоего Карма, 17 января 1329 года, виновного в самых гнусных деяниях колдовства, в перечне смягчающих вину обстоятельств говорится, между прочим, что будучи в тюрьме с несколькими еретиками, он способствовал вызвать у них признания и открыл многие тайны, доверенные ими ему, к великому благу инквизиции, которая надеялась и еще извлечь из них многое.

Но применялись также одновременно с этим и жестокие меры. Уличенный или только подозреваемый в ереси лишался прав. Тело его отдавалось на благоусмотрение церкви, и если самое мучительное физическое страдание могло принудить его признать свое заблуждение, то не останавливались ни перед каким мучением, чтобы спасти его душу. Среди чудес св. Франциска, которые вызвали его канонизацию, приводят рассказ об известном Пьетро Ассизском; он был заключен в Риме в тюрьму по обвинению в ереси и передан в руки епископа Тоди, который, желая обратить его, заключил его в оковы и посадил в темную камеру на хлеб и воду. Доведенный, таким образом, муками до раскаяния, он, обливаясь слезами, воззвал к св. Франциску накануне праздника в честь его памяти. Тронутый его ревностью, святой явился и приказал заключенному выйти. Цепи упали, и двери тюрьмы растворились; но несчастный так обезумел, что уцепился за дверь и начал громко кричать; на его крики прибежали тюремщики, тотчас же явился в тюрьму и благочестивый епископ; он преклонился перед божественной силой и послал папе разбитые оковы, как свидетельство чуда. Еще поразительнее случай, приводимый Ниддером, как происшедший в бытность его профессором венского университета. Один священник, впавший в ересь, был ввергнут в

тюрьму своим епископом; самые выдающиеся богословы, трудившиеся над его обращением, признавались, что он был не менее их силен в диалекте. Полагая, что муки просвещают разум, они, в конце концов, приказали крепко привязать его к столбу. Вережки, впивавшиеся в мясо, вызывали такие мучения у несчастного, что, когда они пришли к нему на другой день, он настойчиво умолял их, чтобы его развязали и сожгли. Они бесстрастно отказали ему и оставили его привязанным еще на двадцать четыре часа. К концу этого времени пытки и истощение сломили его упрямство; он смиренно отрекся от заблуждений, удалился в монастырь Полит и вел там после этого примерную жизнь¹.

Понятно каждому, что инквизиция не задумываясь прибегала к энергичным мерам, чтобы сломить упорство заключенного, который отказывался сознаться или отречься. Если надеялись достигнуть цели, играя на его семейной привязанности, то допускали к нему в камеру жену и детей, слезы и убеждения которых могли склонить его. После угроз прибегали к ласкам. Заключенного выводили из его смрадной тюрьмы и помещали в удобной комнате, где его хорошо кормили и где с ним обращались с видимой добротой в расчете, что его решимость ослабнет, колеблясь между надеждой и отчаянием. Искусный в уменье действовать на сердце человека, инквизитор последовательно применял все приемы, которые могли дать ему победу в неравной борьбе против несчастного, выданного ему без всякой защиты. Одним из наиболее действительных приемов была медленная пытка бесконечными отсрочками разбора дела. Арестованный, который

---

¹ Wadding. «Annal. ann.» 1228, № 45.— Nideri «Formicar.» lib. III, c. 10.

отказывался признаться, или признания которого казались неполными, отсылался в свою камеру, и ему предоставлялось размышлять в уединении и в темноте. За исключением некоторых редких случаев, инквизиция не дорожила временем: она могла ждать. После многих недель или месяцев наступал, наконец, день, когда заключенный просил выслушать его снова; если его ответы были опять неудовлетворительны, его снова запирали, и он мог, таким образом, целые годы и даже десятки лет терпеть предварительное заключение. Если только смерть не освобождала его, он почти всегда сдавался; все авторы единогласно признают благотворное, хотя и медленное, действие одиночного заключения. Только этим – иначе трудно понять – можно объяснять страшную медленность многих процессов инквизиции. Часто бывало, что между первым допросом заключенного и окончательным решением протекало три, пять или десять лет; у нас есть даже примеры еще более долгих отсрочек. Бернальда, жена Гильема де Монтегю, была заключена в тюрьму в Тулузе в 1297 году и в том же году принесла признание, но в действительности она была приговорена к тюрьме только на аутодафе 1310 года. Я уже упоминал о Гильеме Гаррике, которого привели в Каркассон для дачи показаний в 1321 году после почти тридцатилетнего тюремного заключения. На аутодафе 1319 года в Тулузе был осужден известный Гильем Салавер, который дал недостаточные признания в 1299 году и новые в 1316 году; он держался так стойко, что Бернар Ги, побежденный, наконец, его упорством, отпустил его, приказав ему только в виде епитимии носить кресты, приняв во внимание его двадцатилетнее заключение. На этом же аутодафе было осуждено десять несчастных, которые скончались в тюрьме; двое из них дали свои первые призна-

ния в 1305 году, один – в 1306, двое – в 1311 и один – в 1315 году. Этот ужасный прием не практиковался ни одним другим судилищем. Гильем Салавер был одним из участников в беспорядках в Альби в 1299 году; многих привлеченных по этому делу судили почти немедленно и осудили епископ Бернар де Кастене и каркассонский инквизитор Николай д'Аббевиль; но некоторым досталась более жестокая участь – заключение без всякого суда. Обратились к папе, и Климент V написал в 1310 году епископу и инквизитору, назвав по имени десять несчастных, среди которых было несколько уважаемых граждан Альби, которые сидели в тюрьме в ожидании суда восемь лет и более; некоторые из них сидели прикованными цепью в тесных и темных камерах. Папа приказал немедленно произвести над ними суд; его не послушали, и в следующей своей грамоте он упоминает, что несколько заключенных уже умерло, и снова повторяет свое приказание решить судьбу оставшихся в живых. Еще раз инквизитор, действовавший только по-своему, ослушался. В 1319 году кроме Гильема Салавер, двое других – Гильем Кальвери и Изарн Колли – были выведены из темницы и отреклись от признаний, вызванных у них пытками. Кальвери и Салавер попали на ауто, торжественно совершенное в Тулузе в том же году. Мы не знаем, какому наказанию подвергся Колли, но в отчетах королевского комиссара Арнольда д'Ассали о конфискациях 1322–23 гг. упоминается собственность некоего *Isarnus Colli condemnatus*, так что его конечная судьба не подлежит сомнению. В аутодафе 1319 года выступают также имена двух граждан Корда Дуранда Буаса и Бернара Уврие (уже скончавшихся), признания которых помечены 1301 и 1300 годами; несомненно, они принадлежали к тому же разряду несча-

стных, которым приходилось терзаться в безвыходном отчаянии десятки лет¹.

Когда хотели ускорить результаты, то ухудшали положение узника настолько, что оно становилось прямо невыносимым. Как мы увидим ниже, тюрьмы инквизиции были вообще невероятными конурами, но всегда была возможность, если это было в интересах инквизитора, сделать их еще более ужасными. *Durus carcer et arcta vita* – положение узника на цепи, полумертвого от голода, в яме без воздуха – считалось прекрасным средством добиться сознания. Ниже мы увидим пример этого жестокого обращения, которому подвергся в 1263 году один свидетель, когда старались уничтожить могущественный дом графов Фуа. Отмечали, что соответственное уменьшение пищи ослабляло волю настолько же, насколько и тело, и узник делался менее способным устоять перед угрозами смерти, сменяемыми обещаниями снисхождения. Достаточно сказать, что голод считался одним из дозволенных законом и особенно действенных средств, чтобы привести к соглашению свидетелей и обвиняемых. В 1306 году после официального следствия папа Климент V объявил, что узники обыкновенно были вынуждаемы приносить признания це-

---

¹ Eymeric. «Direct. Inq.» 514, 521.– Concil. Biterr. ann. 1246, App. c. 17.– Innoc. PP. IV. Bull. «Illius vicis», 12 nov. 1247.– Lib. confess. Inq. Albiens. (Mss. Bib. Nat. fon. lat. 11847).– Bern. Guid. «Practica» P. V (Doat, XXX).– Doctrina de modo procedendi (Martine, «Thes». V, 1795).– Moliniir, «L’Inq. dans le midi de la France», 330.– Arch. de l’Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 7090.– Lib. Sentent. Inq. Tolosan. 22, 76, 102, 118–50, 158–62, 184, 216–8, 220–1, 228, 244–8, 266–7, 282–5.– Arch. de l’Inq. de Carcass. (Doat. XXXIV, 89).– Arch. de l’hôtel. de ville d’Albi (Doat. XXXIV, 45).– Coll. Doat. XXXIV, 189.

лым рядом мук, которым их подвергали в тюрьме, таковы: лишение постели, лишение пищи и пытка¹.

Можно удивляться, что инквизиторы, имея в своем распоряжении так много понудительных средств, находили нужным прибегать к более грубым и простым орудиям застенка. Употребление кобылы и дыбы затрагивало, к тому же так грубо, не только основные принципы христианства, но и все традиции церкви, что применение этих средств инквизицией для распространения и восстановления веры представляет одну из самых печальных аномалий этой мрачной эпохи. Я в другом месте отметил уже, с какой твердостью церковь восставала против пытки; в грубый XII век Грациан заявляет, считая это принятым положением канонического права, что ни одно признание не должно быть вынуждено муками. Кроме того, за исключением вестготов, варвары, создавшие государства современной Европы, не знали пытки, и их законодательные системы развились независимо от этого чудовищного обычая. И только тогда, когда римские законы стали пользоваться уважением, и когда Латеранский собор 1215 года запретил ордалии, законоведы стали чувствовать необходимость прибегнуть к пытке как к быстрому способу расследования. Более древние примеры, найденные мною, содержатся в Веронском кодексе 1228 года и в Сицилийских Конституциях Фридриха 1231 года, но в обоих случаях пытка применялась с оговорками и после зрелого размышления. Даже сам Фридрих в своих жестоких эдиктах 1220 и 1239 гг. не упоминает о ней; согласно с

---

¹ Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 57).— Vaissete, III. Pr. 551— 3.— Tract. de Paup. de Lugduno (Martine, «Thes.» V, 1787).— Joann. Andreae «Gloss. sup.» c. I, Clement. V, 3.— Bernar. Guidon. «Practica», P. V (Doat, XXX).— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXIV, 45).

Веронским декретом Луция III, он для людей, подозреваемых в ереси, предписывает обычную меру *purgatorium canonicum*. Но идея о пытке пошла быстрыми шагами в Италию. Когда в 1252 году Иннокентий IV издал свою буллу *Ad extirpanda*, он одобрил применение пытки для раскрытия ереси. Однако вполне законное уважение к старинным предубеждениям не позволило церкви уполномочить лично инквизиторов или их помощников применять пытку в отношении подозреваемых; было поручено светским властям принуждать всех захваченных еретиков признаться и выдать своих соумышленников, прибегая для этого к пыткам, которые должны были щадить жизнь и целостность тела, «подобно тому, как воры и разбойники должны признаться в своих преступлениях и назвать своих соучастников». Оставшиеся в силе церковные каноны запрещали лицам духовного звания принимать в этом участие и даже присутствовать при пытке, так что, если увлеченный ревностью инквизитор, приходил посмотреть на страдания своей жертвы, он должен был очиститься раньше, чем снова приступит к отправлению своих обязанностей. Это не соответствовало политике инквизиции. Быть может, вне Италии, где пытка была еще почти неизвестна, инквизиция встречала какие-либо затруднения в своем стремлении обеспечить себе в этом содействие государственных чиновников; она всегда и повсюду жаловалась на усложнение судопроизводства, которое нарушало полную тайну, необходимую для ее действий. Так, в 1256 году, четыре года спустя после буллы Иннокентия IV, Александр IV лицемерно устранил затруднение, дав инквизиторам и их помощникам право взаимно отпускать друг другу грехи и взаимно условиться относительно разрешения за «неправильности». Это разрешение, неоднократно подтверждаемое, рассматривалось как уст-

Пытка.

(«Mystères de l'Inquisition», C.-V. de Féreal)

раняющее всякое препятствие: отныне непосредственно сам инквизитор и его помощники могли подвергать подозреваемого пытке. В Неаполе, где инквизиция была слабо организована, до конца XIII века она употребляла в качестве заплочных мастеров государственных чи-

новников, в других местах ими являлись сами инквизиторы и их помощники. Даже в самом Неаполе в 1305 году брат Томасо д'Аверса употреблял самые дикие пытки в отношении францисканских спиритуалов, а когда он увидел, что этими мерами нельзя довести их до самообвинения, то он прибег к гениальному средству: он в течение нескольких дней не давал есть одному из самых молодых братьев, а затем дал ему изрядное количество крепкого вина; когда несчастный опьянел, то было уже нетрудно заставить его признаться, что и он, и его сорок товарищей были все еретиками¹.

Пытка сокращала трату времени, и не приходилось долго держать обвиняемого под арестом; это был скорый и действительный прием, чтобы добиться желаемых признаний, и он скоро приобрел себе расположение инквизиции, тогда как светский суд медлил применить его. В 1260 году в грамоте, данной Альфонсом де Пуатье городу Озону, специально говорится, чтобы обвиняемые, каково бы ни было возводимое на них преступление, отнюдь не подвергались пытке. Это ясно показывает, что пытка медленно входила в употребление. В 1291 году Филипп Красивый счел нужным ограничить злоупотребление;

---

¹ Lea, «Superstition and Force», 3-е изд. 1878 г., 419–20.— Lib. Jur. Civ. Veron. ann. 1228, c. 75.— Constis. Sicular. Lib. I, tit. 27.— Frid. II. Edict. 1220, § 5.— innoc. PP. IV. Bull. «Ad. extirpanda», 26.— Concil. Autissiodor. ann. 578, c. 33.— Concil. Matiscon. II ann. 585, c. 19.— Alex. PP. IV. Bull. «Ut negotium» 7 julii 1258 (Doat, XXXI, 196); Ejusd Bull. «Ne inquisitionis», 19 apr. 1259.— Urbani PP. IV. Bull. «Ut negotium», 1260, 1262, (Ripoll. I, 430; Mag. Bull. Rom. I, 132).— Clement. PP. IV. Bull. «Ne inquisitionis», 13 jan. 1266.— Bern. Guidon. «Practica». P. IV (Doat, XXX).— Pegnae «Comment. in Eymeric.», 593.— Archivio di Napoli, Mss. Chioccarello, T. VIII.— Historia Tribulationum («Arch. für Litt. und Kirchengesch.», 1886, стр. 324).

в своих грамотах сенешалю Каркассона он упоминает о недавнем введении пытки инквизицией, причем следствием этого явились осуждения невинных, и по всей стране распространились ропот и уныние. Он не мог вмешиваться во внутренние дела святого трибунала, но он смягчил зло, запретив производить аресты по одному простому требованию инквизиторов. Как можно было предвидеть, эта мера была только паллиативом; безразличное отношение к человеческим страданиям росло по привычке, и злоупотребления этим позорным приемом расследования стали только хуже и чаще. Когда крики отчаяния населения понудили Климента V назначить следствие по поводу беззаконий каркассонской инквизиции, то кардиналы, посланные в этот город в 1306 году, были предварительно уведомлены, что пытки, которым подвергались обвиняемые, были настолько ужасны, что заставляли искать смерти; и, действительно, в документах следствия пытка упоминается как прием совершенно обычный. Но нужно отметить, что в дошедших до нас отрывках судопроизводства инквизиции упоминания о пытке чрезвычайно редки. Вероятно, чувствовали, что упоминанием о пытках ослабляли до известной степени значение добытых свидетельских показаний. Так, в делах Изарна Колли и Гильема Кальвери, о которых мы уже упоминали, говорится, что они отреклись от своих показаний, данных под пыткой; но в протоколах, содержащих эти показания, нет никаких указаний на применение пытки. В 636 приговорах, занесенных в тулузский список с 1309 по 1323 год, единственное упоминание о применении пытки мы встречаем в деле Кальвери, тогда как есть много примеров показаний, данных осужденными, уже лишившимися надежды на спасение; очевидно, все эти показания были даны под пыткой. В эту эпоху тулузская инквизиция находилась

в руках Бернара Ги, который горячо настаивал на пользе пытки как верном средстве заставить говорить не только обвиняемых, но и свидетелей; и трудно сомневаться, чтобы он сам лично не прибегал к ней¹.

Следствие, назначенное Климентом в 1306 году, привело к попытке произвести реформу, которая в 1311 году была одобрена Вьенским собором; но Климент со своей обычной нерешительностью откладывал издание канонов, принятых собором, до самой своей смерти, и они были изданы только в октябре 1317 года его преемником Иоанном XXII. Среди злоупотреблений, которые он думал сократить, было злоупотребление пыткой; для этого он предписал, чтобы она применялась только с согласия епископа, если с ним можно было снестись в течение восьми дней. Бернар Ги протестовал, говоря, что этим создаются препятствия для деятельности инквизиции, и предложил заменить редакцию папы другой, совершенно ничего не значащей и гласившей, что пытка может быть применяема только «после зрелого и серьезного размышления»; но его протест не имел успеха, и правила Климента сделались и остались законом для церкви².

Но инквизиторы вообще очень мало привыкли к дисциплине и не могли долго мириться с подобным ограничением их привилегий. Правда, неповиновение

---

¹ Chassaing, «Spicil. Brivatense», 92.— Vaissette, IV. Pr. 97— 8.— Archives de l'Hotel de ville d'Albi (Doat, XXXIV, 45 sq.).— Lib. Confess. Inq. Albiens. (Mss. Bib. Nat. f. lat. 11847).— Lib. Sent. Inq. Tolosan. 46— 78, 132, 169— 74, 180— 2, 266— 7.— Bern. Guidon. «Practica» P. IV, V (Doat, XXX).

² C. 1, § 1, Clement. V. 3.— Bern. Guid. «Gravamina» (Doat, XXX, 100, 120).— Eymeric. «Direct. Inquis.», 422.— Zanchini, «Tract. de Haeret.», c. XV.

лишало их суд законной силы, и несчастный, перенесший ужасные пытки, примененные без согласия епископа, мог обратиться с жалобой к папе; но это вряд ли удовлетворило бы его за перенесенные муки; кроме того, до Рима было далеко, и большинство жертв инквизиции было очень бедно и беспомощно, чтобы прибегать к этой призрачной защите. В «Practica» Бернара Ги, написанных, по всей вероятности, около 1328–30 гг., говорится только о совещаниях с экспертами, а не с епископами. Эмерик придерживается Клементин, но его указания, касающиеся вопроса, как поступать в случае нарушения этих правил, свидетельствует, что нарушения эти были очень часты; что касается Цангино, то он смело утверждает, что этот канон должен быть толкуем как разрешающий пытку с одобрения епископа или инквизитора. В течение известных судебных процессов против вальденсов Пьемонта в 1387 года, если обвиняемый не сознавался на первом допросе, то надписывали, что «инквизитор остался недоволен»; узнику давали двадцать четыре часа срока на дополнение своих показаний; во время перерыва его подвергали пытке, чтобы ослабить его волю; затем на другое утро, если он оказывался послушным, отмечали, что признание было сделано без пытки и не в застенке. Кроме того, тонкие схоластики разъяснили, что Климент говорил вообще о пытке, а не упомянул именно о свидетелях; отсюда заключили, что пытка свидетелей – самое вопиющее злоупотребление инквизиции – была оставлена на усмотрение инквизиторов; в конце концов, это было принято, как правило. Еще шаг и признали, что обвиняемый, после того, как был уличен свидетельскими показаниями или признался сам, становился, в свою очередь, свидетелем по вопросу о виновности своих друзей, и что, следовательно, его можно было подвер-

гать сколько угодно пытке, чтобы добиться от него разоблачений. Да даже тогда, когда соблюдались правила Климента, восьмидневный срок, предписанный ими, давал инквизитору возможность действовать по своему усмотрению, раз истек установленный срок¹.

Всеми признавалось, что свидетелей можно подвергать пытке, если будет видно, что они скрывают правду; но законоведы расходились в мнениях относительно того, при каких условиях оправдывалось применение пытки в отношении обвиняемого. Очевидно, если только не было прочного основания полагать, что имеется дело с еретиком, применение подобного способа розыска не находило себе оправдания. Эмерик говорит, что, когда имеется два свидетеля против обвиняемого, человек, пользовавшийся хорошей репутацией, может быть подвергнут пытке; тогда как человек дурной репутации может быть прямо осужден и подвергнут пытке на основании показаний одного свидетеля. Цангино, со своей стороны, утверждает, что показаний одного уважаемого лица достаточно, чтобы приступить к пытке, какой бы репутацией ни

---

¹ Eymeric. «Direct Inq.», 453– 5. – Bern. Guidon. «Practica» P. V (Doat, XXX). – Zanchini, «Tract. de Haeret.», c. IX, XIV. – Processus contra Waldenses («Arch. storico italiano», § 38, стр. 20, 22, 24 сл.). – Pauli de Leazariis, «Gloss. sup.», c. 1, Clement. V, 3. – Silvest. Prieriat. de Strigimagar. «Mirand.», lib. III, c. 1. – Bern. Comens. «Lucerna Inquis.» s. vv. «Jejunia», «Torture».

Что правила Климента на практике скоро вышли из употребления, видно из того, что в 1506 году Карл III Савойский, в виде особой привилегии, добился от Юлия II, чтобы инквизиторы не заключали в тюрьму и не осуждали никого без согласия судей епископского суда; в 1515 году Лев X предписал даже, чтобы они давали свое согласие и на арест. – Sclopis, «Antica Legislazione del Piemonte», 484.

пользовался обвиняемый; Бернард Комский доходит до того, что заявляет, что для этого достаточно «народной молвы». Со временем были выработаны подробные инструкции для руководства инквизиторов по этому вопросу; но их считали бесполезными, так как окончательное решение было предоставлено усмотрению судьи. Само собой разумеется, немного нужно было, чтобы оправдать применение этого усмотрения, так как законоведы считали достаточным поводом, если обвиняемый на допросе проявлял страх, запинаясь или менял выражения своих ответов, хотя бы против него и не существовало никаких свидетельских показаний¹.

Правила, принятые инквизицией для применения пытки, были впоследствии усвоены светскими судами всего христианского мира и поэтому заслуживают внимательного рассмотрения. Эмерик, указания которого по этому вопросу разработаны лучше и подробнее других, по крайней мере, в нашем распоряжении нет лучших, признает, что этот вопрос вызывает большие затруднения, разрешение которых неопределенно. Пытка должна была быть умеренная, и при этом должно тщательно избегать пролития крови; но как нужно понимать «умеренность» в этом деле? Некоторые узники были настолько слабы, что при первом обороте блока, сознавались во всем, что от них требовали; другие же были настолько упорны, что готовы были претерпеть все, и добиться правды от них было невозможно. Из тех, кто уже подвергался подобному опыту, одни могли сделаться более выносливыми, другие – более слабыми, ибо руки некото-

---

¹ Eymeric. «Direct. Inq.», 480, 592, 614. – Zanchini, «Tract. de Haeret.», c. IX. – Bernardi Comens. «Lucerna Inquis», s. vv. «Indicium», «Torturae», № 19, 25.

рых становились более твердыми, но у большинства они навсегда делались более слабыми. В общем, взгляд судьи был исключительным правилом, которое играло здесь роль.

По закону, должны были присутствовать и епископ, и инквизитор. Узнику показывали орудия пытки и убеждали признаться. Если он отказывался, его раздевали и скручивали веревками, затем снова убеждали говорить, обещая ему снисхождение во всех тех случаях, где было можно его применить. Это часто достигало желательного эффекта, и мы в праве думать, что действительность пытки не столько вытекала из ее непосредственного действия, сколько от страшного ужаса, который внушала она множеству слабых душ. Но если угрозы и увещания не достигали цели, то пытку применяли с постепенно возрастающей жестокостью. Если обвиняемый продолжал упорствовать, то приносили новые орудия пытки и предупреждали жертву, что они один за другим будут применены к ней; если же и после этого несчастная жертва не ослабевала, то ее развязывали и назначали на другой или третий день продолжение пыток. По правилу пытка могла применяться только один раз; но это предписание, как вообще все те, которые были направлены в пользу обвиняемого, легко обходилось; достаточно было приказать не повторить, а лишь продолжить пытку; и, как бы ни был велик перерыв между двумя последовательными действиями, почтенные казуисты могли продолжать их бесконечно. Можно было также заявить, что добыты новые свидетельские показания, и что они требуют для полного освещения новых пыток. Если старания инквизиторов продолжали разбиваться об упрямство жертвы, то ее подвергали тем же или еще более тяжелым пыткам. В тех случаях, когда не добивались ничего после мучений, найденных судьями достаточными, по мне-

нию некоторых авторов, следовало отпускать несчастных на свободу с удостоверением, что за ними не найдено никакой вины; другие же думали, что их следует оставлять в тюрьме. Процесс Бернара Делисье в 1319 году показывает нам другое хитросплетение, чтобы обойти запрещение повторных пыток; расследователи могли во всякий момент следствия приказать применить пытку, чтобы удовлетворить их любознательность по одному пункту и бесконечно продолжать ее ради осуждения соприкасающихся пунктов.

Всякое признание, добытое в застенке, должно было быть потом подтверждено. Обыкновенно пытка применялась до тех пор, пока обвиняемый не выражал желания сознаться; тогда его развязывали и вносили в соседнюю залу, где выслушивали его признания. Если же признание было сделано в комнате пыток, то его после читали узнику и спрашивали его, правдиво ли оно? Существовало, правда, правило, предписывавшее перерыв в двадцать четыре часа между пыткой и признанием или подтверждением признания, но обыкновенно это не исполнялось. Молчание считалось знаком согласия. Продолжительность молчания определялась судьями, которые должны были принимать во внимание возраст, пол и физическое или нравственное состояние узника. Во всех случаях признание записывалось в протокол с отметкой, что оно сделано добровольно, без угроз и принуждения. Если обвиняемый отрекался от своего признания, то его можно было снова подвергнуть пытке, которая являлась лишь продолжением прежней (заботливо говорят нам), за исключением случая, когда решали, что он уже был «достаточно» подвергнут пытке.¹

---

¹ Eymeric. «Direct. Inq.», 480– 2.– Mss. Bib. Nat. fonds lat. № 4270, fol. 101, 146.– Responsa Prudentum (Doat, XXXVII,

Отречение от признаний возбуждало трудный вопрос, который вызвал среди законоведов разногласия и на практике не привел к однообразному решению. Оно ставило инквизитора в скверное положение, и ввиду характера средств, применяемых для получения признаний, оно должно было быть частым явлением: поэтому нужно было принимать строгие меры для его предупреждения. Некоторые писатели различают признания, сделанные добровольно, от признаний, полученных под пыткой или под угрозами; но это различие на практике не принималось во внимание. Наиболее мягкое мнение высказано Эмериком; он говорит, что если пытка была применена в «достаточной мере», то обвиняемый, который упорно отрекается, должен быть отпущен на свободу. Но это мнение единичное. Другие требуют, чтобы обвиняемый был принужден «отречься от своего отречения» повторением пытки. Третьи, наконец, удовлетворяются утверждением, что отречение представляет «помеху деятельности инквизиции», и что поэтому его должно карать отлучением от церкви, которому равным образом должны подвергнуться и нотариусы, которые помогали составлению отречений. В общем полагали, что признание правдиво, а отречение – клятвопреступление, свидетельствующее,

---

83 сл.). – Bern. Comens. «Lucerna Inquis.» s. vv. «Confessio», «Torturae».

Как тщательно скрывали инквизиторы средства, употребленные ими для того, чтобы вынудить признания, ясно видно из дела Гильема Салавера 1303 года. Его заставляют заявить, что признание, сделанное им в предшествовавшем году, «esse veram, non factam vi tormentorum, amore, gratia, odio, timore, vel favore alicujus, non subornatus nec inductus minis vel blanditiis, sed seductus per aliquem, nec amens, nec stultus, sed bona mente» (Mss. Bib. Nat. fonds latin, № 11847). Следовательно, Салавер принадлежал к разряду тех жертв, которых, как мы увидим ниже, пытали без всякой пощады.

что обвиняемый нераскаянный еретик и рецидивист, которого без всяких дальнейших разговоров следует выдать светским властям. Правда, в деле Гильема Кальвери, осужденного в 1319 году Бернаром Ги за отречение от своих признаний, обвиненный получил пятнадцатидневную отсрочку, чтобы отказаться от отречения; но это была добрая воля инквизитора. Строгость, с которой обыкновенно судили, засвидетельствована заметкой Цангино. «Если, – говорит он, – человек сознался и отказался от своих слов и, отпущенный на свободу с наложением на него епитимии, станет публично утверждать, что он был вынужден к сознанию страхом, то на него надо смотреть как на нераскаявшегося ертика, которого следует сжечь как рецидивиста». Ниже, когда мы будем говорить о мучениях, которым были подвергнуты тамплиеры, мы увидим, насколько это замечание было важно. Другим щекотливым вопросом был тот случай, когда взятое обратно признание затрагивало третьи лица; в этом случае, по мнению самых снисходительных, следовало или оставить в силе это признание, или, по крайней мере, наказать сделавшего его как лжесвидетеля. Так как ни одно признание не считалось достаточным, если не были названы имена соучастников, то инквизиторы, не смотревшие на отрекшихся как на рецидивистов, могли утешиться, присудив их к пожизненному тюремному заключению за лжесвидетельство¹.

Усовершенствованное и дополненное таким образом судопроизводство инквизиции было спокойно за

---

¹ Eymeric. «Direct. Inquis.», 481. – Bern. Comens. «Lucerna Inquis.» s. vv. «Confessio», «Impoenitens», «Torturae», № 48. – Responsa Prudentum (Doat, XXXVII, 83 сл.). – Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 126; XXXII, 251). – Lib. Sentent. Inq. Tolosan., 266–7. – Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XXIII.

свою жертву. Ни один обвиняемый не мог ускользнуть, когда судья уже заранее решил осудит его. Форма, в которую облеклось это судопроизводство в светских судах, была менее произвольна и менее действительна. Однако сэр Джон Фортескю, канцлер Генриха IV, имевший тысячи случаев наблюдать ее во время своего изгнания, говорит, что она отдавала жизнь каждого человека на волю его врага, который мог подкупить двух неизвестных свидетелей для поддержания его обвинения¹.

---

¹ Fortescue. «De laudibus legum Angliae», с. XXVIII.

Глава X

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ

В предшествующей главе мы отметили стремление инквизиционного суда принять характер поединка между судьей и обвиняемым. Это печальное явление было плодом системы и вытекало из задачи, возложенной на инквизитора: хотели, чтобы он проник в сердце человека, чтобы он выведал все сокровенное. Его профессиональная гордость не менее, чем ревность по вере, побуждала его показать всеми средствами, что он не даст провести себя несчастным, приведенным к нему на суд.

Свидетельским показаниям в этой борьбе вообще не придавали большого значения, если только они не давали повода к задержанию и преследованию или не были средством для устрашения. С этой целью собирали самые незначительные слухи, даже исходившие от заведомого клеветника, так как его можно было всегда освободить от явки на суд¹. Настоящим местом поединка была совесть заключенного; признание его было наградой победы. Но, тем не менее, стоит остановиться на том, какова была практика инквизиции в отношении свидетельских показаний; мы видим здесь, как предвзятое решение вести все «в интересах веры» породило суд, хуже которого никогда не

---

¹ Bernardi Comens. «Lucerna Inquisit.» s. vv. «Infamia», «Inquisitores», № 7.

изобретал человек, и как привело оно к обычным последствиям — к возмутительному беззаконию. Люди, без сомнения, честные во всех других отношениях, совершенно просто и вполне откровенно создавали правила, шедшие в разрез с принципами элементарной справедливости; и это дает нам полезный урок, показывая, как унижительно действует фанатизм, со-вращающий и развращающий даже наиболее даровитых и наиболее здравомыслящих людей.

Регулярные духовные суды отнюдь не послужили примером в этом отношении. Их судопроизводство, основанное на гражданском праве, признавало и применяло правила последнего относительно свидетельских показаний и обязывало обвинителя подтвердить свое обвинение. В своих наказах относительно катаров Иннокентий III напоминал местным властям, что самое сильное подозрение не есть еще доказательство, и что его одного недостаточно для осуждения в столь серьезном деле; это правило было внесено в канонические законы, но для инквизиторов оно сделалось только поводом для вымогательств признаний силой. Нижеследующие слова Бернара Ги показывают, до какой степени инквизиторы считали себя свободными от всякого ограничения: «Обвиняемые не должны быть осуждены, если только они не сознаются или не будут уличены свидетелями; конечно, при этом надо сообразоваться не с обычными законами, как при других преступлениях, а с частными узаконениями и привилегиями, предоставленными инквизиторам святым престолом, ибо есть много такого, что свойственно одной только инквизиции¹.

---

1 Fournier. «Les officialités au moyen-âge», 177– 8.— С. 14 Extra II. 23.— Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).

Уже почти в самом начале деятельности святого трибунала была сделана попытка определить, в чем состояло проявление ереси. Перечисляя различные указания касательно этого вопроса, Нарбоннский собор 1244 года заключает их заявлением, что достаточно, если обвиняемый будет уличен в том, что «он выказывал доверие еретикам или считал их добрыми людьми» (*bos homes*). Добытые свидетельские показания были настолько же ничтожны и неосязаемы, как и те факты, которые желали подтвердить ими. Просматривая многотомные серии допросов и показаний, сохранившиеся в архивах инквизиции, мы видим, что свидетелям не только предоставляли право, но их даже убеждали говорить все, что взбредет им на ум. Огромное значение придавали народной молве и общественному мнению; для его подтверждения принимали на веру все слова свидетеля, даже основанные на личном предубеждении, на сплетнях, на пустых слухах или бессмысленной болтовне. Все, что могло повредить обвиняемому, жадно разыскивалось и тщательно записывалось. Когда в 1240 году старались разорить сеньоров Ниора, то из ста восьмидесяти допрошенных свидетелей едва нашелся один, который мог бы подтвердить, как очевиден какой-либо факт, говорящий против обвиняемых. В 1254 году Арно де Монреаль был объявлен «подозреваемым в ереси» за то только, что навещал свою мать и помогал ей в нужде после совершения над нею обряда еретикации; против него нельзя было сказать ничего другого, но и этого было достаточно, так как Арно был обязан донести на свою мать, чтобы ее сожгли живой. В конце концов, возвели в правило, что муж и жена, зная, что один из них исповедует ересь, должны донести об этом в течение года; в противном случае они становились соучаст-

никами и без дальнейшего расследования осуждались как еретики¹.

Конечно, добросовестный инквизитор не обманывал себя относительно того, что он вертится в заколдованном кругу, но он заглушал голос совести, убеждая себя, что он может открыть ясные признаки ереси. У авторов мы находим длинный перечень этих признаков. Так, например, в деле катаров достаточно было показать, что обвиняемый «преклонялся перед Совершенным, просил у него благословения, ел или сохранял благословенный им хлеб, по доброй воле присутствовал при еретикации, принял соvenansa, чтобы воссоединиться с еретиками на смертном одре и т. п. Отличительными признаками вальденсов считалось следующее: исповедоваться у человека, не получившего от католического епископа права вязать и разрешать грехи, и подчиняться наложенной им епитимии; молиться по обычаю вальденсов, преклоняя колена на скамью; присутствовать на вальденском богослужении; принять от вальденского священника благословения или освященный хлеб. Все это легко было каталогизировать, но, кроме этого, было много сомнительных случаев, вызывавших крупные разногласия.

Собор, бывший в Альби в 1254 году, постановил, что посещение дома заведомого еретика изменяло простое подозрение в сильное; а от Бернара Ги мы узнаем, что некоторым инквизиторам для осуждения было достаточно таких факторов, как посещение еретиков, подача им милостыни, указание им дороги и т. п. Но сам Бернар, соглашаясь с Ги Фукуа, не разделяет этого мнения, «ибо – говорит он – че-

---

¹ Concil. Narbonn., ann. 1244, c. 29. – Tresor des chartes du roi en Carcassone (Doat, XXI, 34). – Molinier, «L'inquis. dans le midi», 342. – «Livres de Justice et de Plet», liv. I. tit. III, § 7.

ловек может делать все это из дружбы или из-за платы». «Сердце человека – добавляет он – глубоко, и трудно проникнуть в него», но инквизитор старается довольствоваться тем, что все, чего нельзя истолковать в пользу обвиняемого, должно рассматривать в неблагоприятном для него смысле. Безуспешно стали бы мы искать в целом ряде вопросов хотя бы один вопрос относительно верований обвиняемого. И это весьма знаменательно. Всю свою энергию инквизитор употреблял на то, чтобы получить показания касательно его внешних поступков. Отсюда естественно вытекало, что почти все представлялось на благоусмотрение инквизитора, и что окончательное решение зависело от его настроения более, чем от доказательств виновности или невиновности подсудимого. Достаточно одного примера, чтобы видеть, от каких шатких улик зависела жизнь человека. В 1234 году флорентийский купец в Париже, Аккурсио Альдобрандини, познакомился с несколькими иностранцами, с которыми он не раз беседовал и которым потом из простой вежливости кланялся при встрече; однажды он даже дал их слуге десять су. Когда он узнал, что его новые знакомые – еретики, он увидел, что погиб, так как поклоны его им могли быть истолкованы как выражение почитания, *veneratio*, а это было главным признаком ереси. Он поспешил в Рим и представил все дело Григорию IX, который потребовал от него залог и поручил епископу Флоренции произвести расследование о предках Аккурсио. Следствие, произведенное кардиналами Остии и Пренесте, дало самые благоприятные результаты; Аккурсио отделался епитимией, наложенной на него папским духовником Раймундом Пеннафорте, и Григорий запретил парижским инквизиторам преследовать его.

При подобной системе самый набожный католик ни одной минуты не мог чувствовать себя в безопасности¹.

Несмотря на все эти усилия разрешить неразрешимое, было неизбежно, что в большинстве случаев только одно признание обвиняемого могло удостоверить факт; поэтому, чтобы избежать печальной случайности оправдать тех, от кого нельзя было добиться признания, измыслили новое преступление – «подозрение в ереси». Это открывало широкое поле для бесконечных тонкостей, которыми с увлечением занимались ученые юристы, делавшие из своей мнимой науки достойную соперницу схоластического богословия. Начали с того, что стали различать три степени подозрения – легкое, сильное и тяжелое; глоссаторы с увлечением трудились над определением количества и качества свидетельских показаний, обусловливавших одну из трех степеней подозрения, причем заранее принималось, что окончательное решение этого вопроса на практике зависело от благоусмотрения судьи. Нам теперь, конечно, покажется странным, как могло правосудие карать человека, против которого не было ни одной положительной улики, карать по одному только подозрению; но в глазах инквизитора было несправедливостью перед Богом и перед людьми отпустить безнаказанным человека, католицизм которого находился под сомнением. Это учение, как и многие другие, принятые инквизицией, проникло в уголовное право всех стран и в течение многих столетий искажало его².

---

¹ Concil. Albiens. ann. 1254, c. 27. – Guid. Fulcod. «Quaest.», IX. – Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX). – Lib. Confess. Inq. Albiens. (Mss. Bib. Nat. fonds lat., 11847). – Ripoll I. 72.

² Eymeric. «Direct. Inquis.», 376– 81. – Zanchini «Tract. de Haeret.», c. III.

Обыкновенно признавали, что для осуждения человека, пользующегося хорошей репутацией, необходимы два свидетеля, хотя некоторые инквизиторы требовали большего числа. Однако, если можно было опасаться, что обвинение не состоится по недостатку свидетелей, то вопрос разрешался инквизитором всецело по его усмотрению; признавали, что если нельзя было вызвать двух свидетелей для подтверждения одного и того же факта, то достаточно было двух свидетелей, которые могли бы засвидетельствовать два однородных факта. Если же был всего один свидетель, то все равно обвиняемый подвергался *purgatio canonica*. Если свидетель отказывался от своего первого показания, бывшего благоприятным обвиняемому, то первое показание не принималось во внимание; но если показание было неблагоприятно, то уже отречение не имело значения¹.

Теми же соображениями руководствовались при допущении свидетелями людей, пользовавшихся дурной репутацией. Римское право отвергало показания соучастников, и это правило было усвоено церковью. В лжедекретах говорится, что не должны быть допускаемы в качестве обвинителей еретики, лица подозреваемые в ереси, отлученные от церкви, убий-

---

¹ Archidiaconi «Gloss. super.», с. XI, § 1 Sexto V. 2.— Joann. Andreae «Gloss. super.», с. XIII, § 7. Extra V. 7.— Eymeric. «Direct. Inquis.», 445, 615— 16.— Guid. Fulcodii «Quaest.» XIV.— Zanchini «Tract. de Haeret», с. XIII, XIV.— Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).

Если в светских судах свидетель подтверждал невиновность обвиняемого, а потом отказывался от своих слов; то имеющим значение считалось первое показание, а второе не принималось во внимание, в делах же ереси принимались во внимание только те свидетельские показания, которые были неблагоприятны обвиняемому.— Ponzinibii «de Lamiis» с., 84.

цы, воры, колдуны, гадатели, грабители, прелюбодеи, лжесвидетели и верующие в предсказания и волхования. Но когда церковь начала преследовать еретиков, все эти благоразумные ограничения были забыты. Уже с эпохи Грациана стали, если дело шло об ереси, допускать в качестве свидетелей еретиков и людей опороченных. Эдикты Фридриха II лишали еретиков права выступать свидетелями, но они допускались свидетелями против других еретиков. Однако этот вопрос возбуждал некоторое сомнение, как это видно по легатской инквизиции, бывшей в Тулузе в 1229 году; один обращенный еретик, Гильем Соллье, был восстановлен в своих правах для того, чтобы имели значение его показания против его бывших единоверцев. Еще в 1260 году Александр IV был вынужден успокаивать французских инквизиторов, уверяя их, что они, не задумываясь, могут пользоваться свидетельскими показаниями еретиков. Но вскоре уже этот принцип был принят повсеместно, был внесен в каноническое право и утвержден практикой. И, действительно, если бы дело обстояло иначе, то инквизиция была бы лишена одного из наиболее плодотворных приемов для раскрытия и преследования еретиков. Мало того, отлучение от церкви, клятвопреступники, опороченные, ростовщики, публичные женщины и все, кто по уголовным законам той эпохи был лишен права выступать в качестве свидетелей, имели законное право показывать против еретиков; и только смертельная вражда оставалась законным поводом для отвода свидетелей¹.

---

¹ C. 17 Cod. IX. II (Honor. 423).— Pseudo-Julii Epist. II, c. 18 (Gratiani «Decret.» P. II, caus. V. Q. 3, c. 5.)— Pseudo-Eutychiani Epist. ad Episcopos Siciliae.— Gratiani «Comment. in Decret.» P. II, caus. II. Q. 7, c. 22; caus. VI. Q. 1, c. 19.— Hist. Diplom. Fridr. II. T. IV, 299—

Согласно действовавшему уголовному закону государств Италии никто не мог быть свидетелем моложе двадцати лет; но в делах о ереси допускались показания и более молодых людей, и эти показания, хотя и не законные, признавались достаточными для оправдания пытки. Во Франции, по-видимому, возраст не был так строго определен, и решение этого вопроса, как и многих других, предоставлялось на усмотрение инквизитора. Ввиду того, что собор в Альби определил, что семилетние дети должны посещать церковь и знать «Верую», «Отче Наш» и «Богородицу», мы вправе заключить, что не допускались показания лиц моложе этого возраста. В протоколах инквизиции возраст свидетелей указывается редко; однако я отметил одно дело 1244 года об открытии целого гнезда еретиков Монсегюра, где свидетелем выступает десятилетний мальчик Арман Оливье. Он признался, что стал верующим катаром с того времени, как достиг сознательного возраста, и, таким образом, он являлся ответственным как за себя, так и за других. Его показания против отца и сестры и против других было принято всерьез; он назвал по имени шестьдесят человек, бывших год тому назад на проповеди катарского епископа. Невероятная память столь юного свидетеля, по-видимому, никому не по-

---

300.— Guill. Pod. Laur., c. 40.— Alex. PP. IV. Bull. «Consuluit», 6 maii 1360, (Doat, XXXI, 205); ejusdem Bull. «Quod super nonnullis», 9 dec. 1257; 15 dec. 1258.— c. 5. Sexto V. 2.— C. 8. § 3. Sexto V. 2.— Conc. Biterrens. ann. 1246, c. 12.— Jacob. Laudun. «Orat. in Conc. Constant.» (Von der Hardt, III, 60).— Mss. Bib. Nat. f. lat., 14930, fol. 221.— Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XI, XIII.— Eymeric. «Direct. Inq.», 602— 6.— По английским законам той эпохи преступники и их соучастники не могли быть свидетелями даже в деле государственной измены (Bracton, Lib. III, tract. II, cap. 3, № 1).

казалась подозрительной, и показания ребенка были решающими для всех поименованных им несчастных, которые, по его словам, подходили под благословение своего духовного вождя¹.

Жены, дети и слуги обвиняемых не могли свидетельствовать в их пользу; но если их показания были неблагоприятны обвиняемым, то их принимали с удовольствием и даже считали особенно вескими. В таком же положении были и свидетели еретики, показания которых, как мы видели, принимались только в том случае, если они были направлены против обвиняемых. Одним словом, единственным поводом к отводу свидетеля была личная ненависть; если свидетель был смертельным врагом заключенного, то допускали, что его показания скорее вызывались личной ненавистью, чем ревностью к вере, и его отводили. Когда дело шло о покойнике, то показанию священника, исповедовавшего и напутствовавшего его, не придавали значения; но если тот же священник свидетельствовал, что покойник признался ему в ереси, отрекся от нее и получил разрешение, то кости его не вырывались и не сжигались, но его наследники должны были подвергнуться штрафу или конфискации, которым подвергся бы он при своей жизни².

Само собой разумеется, никто не мог отказаться выступить в качестве свидетеля; никакая привилегия,

---

¹ Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Testis», № 14.— Concil. Albiens. ann. 1254, c. 18.— Coll. Doat, XXII, 237 сл.

По германскому феодальному закону свидетели моложе 18 лет не допускались.— «Saechsishes Lehenrechtbuch», c. 49 (Daniels. Берлин, 1863 г., стр. 113).

² EymERIC. «Direct. Inquis.» 611— 13.— Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 255.— Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 14.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat., XXXI, 149).

никакой обет, никакая присяга не освобождали от этой обязанности. Если свидетель не желал или колебался давать показания, то рядом с залом суда находился застенок, к орудиям которого прибегали для убеждения свидетелей еще свободнее, чем для убеждения обвиняемых. Полагали, что их применение устраняло всякое сомнение относительно искренности показаний, и только благодаря инквизиции это ужасное злоупотребление продержалось так долго в уголовном праве всей Европы. В своем фанатическом стремлении добиться всех возможных указаний на еретиков инквизиторы не уважали даже тайны исповеди. Священникам было приказано требовать от исповедующихся сообщений всего, что они знали об еретиках и о людях, сочувствующих ереси. Тайну исповеди нарушить открыто было неудобно, и поэтому желательного результата достигали косвенным путем. Если исповедник узнавал что-либо, касающееся ереси, то он должен был остановиться на этом и приложить все усилия, чтобы убедить кающегося донести об этом подлежащим властям; если же его убеждение оставалось тщетным, то он должен был, не называя имен, посоветоваться с людьми «опытными и богобоязненными» и спросить их, как ему поступить в данном случае. Не трудно догадаться, чем кончались подобные совещания, так как уже один тот факт, что в подобном деле приходилось обращаться за советами, показывает, что тайна исповеди не считалась неприкосновенной¹.

Ересь, естественно, считалась таким грехом, отпустить который мог только один папа, а не заурядный

---

¹ Guid. Fulcod. «Quaest.», VIII.— Pegnae «Comment. in Eymeric.», 601.— Zanchini «Tract. de Haeretic.», с. XIII.— Doctrina de modo procedendi (Martine, «Thesaur.», V, 1802).

исповедник. Так, например, один альбигоец из Реальмона, почувствовав угрызения совести после посещения тайного собрания катаров, отыскал какого-то францисканца и исповедовался перед ним; монах наложил на него обычную епитимию, состоявшую из незначительных паломничеств и некоторых других актов покаяния¹. Но когда несчастный вернулся, инквизиция его схватила, судила и заключила в тюрьму, а выполненная им епитимия была признана не имеющей значения.

После этого беглого очерка отношений инквизиционного суда к свидетельским показаниям мы безусловно верим тем законоведам, которые говорили, что осуждение за ересь выносилось легче, чем за какое-либо другое преступление. Инквизиторов учили, что достаточно самого легкого показания – *robatur quis haereticus ex levi causa*. Но как ни отвратительна эта система, были в ней и еще более темные стороны: самым гнусным в инквизиции было то, что обвиняемому не сообщали имен свидетелей, выступавших против него.

В обыкновенных судах, даже если дело возбуждалось в порядке сыска, обвиняемому сообщали имена свидетелей и их показания. Мы знаем, что когда в 1229 году легат Романо производил розыск в Тулузе, обвиняемые следовали за ним до самого Монпелье, умоляя его сказать им имена свидетелей; кардинал признал их желание законным, но ограничился только тем, что показал им длинный список всех свидетелей, привлеченных следствием, сказав в свое оправдание, что боится подвергнуть опасности жизнь свидетелей от руки уличенных ими. Правда, подобное опасение имело основание: инквизиторы и лето-

---

¹ Vaissete, IV, 41.

писцы приводят несколько случаев убийств на этой почве; например, их было шесть в Тулузе за время с 1301 по 1310 год. Подобные случаи понятны, и, быть может, боязнь дикой расправы могла бы принести пользу и обуздать недобросовестность доносчиков. Но тот факт, что церковь систематически ссылалась в свое оправдание на это ничтожное обстоятельство, ясно показывает, что она понимала, что нарушает правосудие, и стыдилась этого, так как ни в каких других уголовных делах не принималось подобной предосторожности. Уже в 1244 и 1246 годах соборы в Нарбонне и Безье запрещают инквизиторам каким бы то ни было способом выдавать свидетелей, мотивируя это «благоразумным желанием» Святого Престола. Когда Иннокентий IV и его преемники вырабатывали правила инквизиционного судопроизводства, то запрещение объявлять имена свидетелей из боязни подвергнуть их опасности иногда подтверждалось, а иногда отменялось. Когда же Бонифаций VIII внес в каноническое право статью об умолчании имен свидетелей, то он особенно убеждал епископов и инквизиторов действовать в этом отношении сознательно и осмотрительно, не скрывать имен свидетелей, если их сообщение не представляло для них опасности, и открывать их по миновании опасности, если таковая была. В 1299 году римские евреи жаловались Бонифацию, что инквизиторы скрывали от них имена обвинителей и свидетелей. Папа положил резолюцию, что евреи, хотя и очень богатые, были беззащитны, и поэтому их не следовало подвергать притеснению и несправсудию, каким был процесс, вызвавший их жалобу. Они, в конце концов, добились своего, но это, без сомнения, обошлось им не дешево. Но в общем инквизиторы не обращали ни малейшего внимания на убеждения Бонифация подобно тому, как со-

боры в Нарбонне и Безье не обратили внимания на подобные же инструкции кардинала Альбано. Хотя в руководствах для инквизиторов обыкновенно и упоминается условие грозящей опасности, но, тем не менее, в инструкциях относительно ведения процесса всегда признается как обязательное правило, что заключенный не должен знать имен свидетелей обвинения. Уже в эпоху Ги Фукуа скрывание имен свидетелей практиковалось, по его словам, повсеместно; одно рукописное руководство, почти современное Ги, отмечает этот обычай как общее правило; позднее Эмерик и Бернард Комский говорят, что случаи, где не было опасности для свидетелей, очень редки, что опасность для них велика, если обвиняемый богат и могуществен, но она еще больше, если он беден и если его друзьям нечего терять. Очевидно, Эмерик считает удобнее прямо отказывать в сообщении имен, чем прибегать к приему добросовестных инквизиторов, следовавших примеру кардинала Романо. Этот прием состоял в том, что предъявляли имена свидетелей, выписав их предварительно на особый лист в таком порядке, что невозможно было узнать, кто из них что показал, или их перемешивали с именами других лиц так, что защита никоим образом не могла отделить имен свидетелей. Время от времени принимали систему, несколько менее незаконную, но столь же действительную; она состояла в том, что часть свидетелей приносила присягу в присутствии обвиняемого, а остальные допрашивались в его отсутствии. Так, например, в 1319 году во время процесса Бернара Делисье из сорока восьми свидетелей, показания которых упоминаются в протоколе допроса, только шестнадцать принесли присягу в его присутствии; а в отчете по делу Яна Гуса (1414 г.) говорится, что в известный момент пятнадцать свидетелей

было введено к нему в камеру и что они там в его присутствии принесли присягу¹.

Отказ в сообщении имен свидетелей был только первым шагом; вскоре, по крайней мере, в некоторых процессах, стали держать в тайне и свидетельские показания. Обвиняемого судили тогда на основании данных, которых он не видел, и которые исходили от неизвестных ему свидетелей. Так как за обвиняемым, в принципе, не признавали никаких прав, то инквизитор мог без зазрения совести позволять себе все, что, по его мнению, могло послужить интересам веры. Так, например, если свидетель обвинения брал свои слова назад, то это держалось в тайне от обвиняемого, так как это могло бы сделать его защиту более смелой; но в то же время судье рекомендует-ся иметь это в виду при вынесении приговора. Заво-та инквизиции о безопасности свидетелей заходила так далеко, что инквизитор мог, если находил это

---

¹ Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Probatio», № 3.— Archidiaconi «Gloss. sup.», c. XI, § 1 Sexto V. 2.— Guill. Pod. Laur., c. 40.— Bern. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 102).— Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 22.— Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 4, 10.— Arch. de l'Inq. de Carc. (Doat. XXXI, 5).— Innoc. PP. IV. Bull. «Cum negotium», 9 mart. 1254; ejusd. Bull. «Ut commissum», 21 jun. 1254.— Alex. PP. IV. Bull. «Licet vobis», 7 dec. 1255; ejusd. Bull. «Prae cunctis», § 6, 9 nov. 1256; ejusd. Bull. «Super ezirtirpatione», § 9, 1258.— Clem. PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 17 sept. 1265.— Ejusd. Bull. «Prae cuuctis» 23 feb. 1266.— Guid. Fulcod. Quaest. XV.— Mss. Bib. Nat. f. lat., № 14930, fol. 221.— C. 20, Sexto V. 2.— Digard, «Reg. de Boniface VIII», t. II, 412. № 3063.— Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).— Responsa Prudentum (Doat, XXXVII).— Eymeric. «Direct. Inquis.» 450, 610, 614, 626, 627; cp. Pegnae «Comment.», 627— 8.— Mss. Bib. Nat. f. lat., № 4270.— Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Nomina».— Mladenovic «Relatio» (Palacky, Documenta Joannis Hus», 252— 3).

нужным, отказать обвиняемому в выдаче копии свидетельских показаний. Свободный от всякого надзора и судивший на практике безапелляционно, инквизитор, по своему усмотрению, устранял или отменял все законы, охранявшие интересы защиты, когда этого, по его мнению, требовали интересы веры¹.

Эта таинственность, освобождавшая свидетелей и обвинителей от всякой ответственности, вызывала массу злоупотреблений, и видное место среди них занимало низменное побуждение, дававшее полную возможность удовлетворять наветами свою личную ненависть. Даже без специального намерения повредить своему ближнему, несчастный, воля которого была разбита мучениями и пыткой, мог в минуту своего запоздалого раскаяния раскрасить свою историю, внося в нее имена всех своих знакомых и заявив, что они бывали на тайных собраниях и при еретикациях. Несомненно, задача инквизиции значительно осложнялась вследствие покровительства, которое она оказывала доносчикам и еретикам; это сделало ее орудием и пособницей бесконечного числа лжесвидетелей. Инквизиторы прекрасно сознавали эту опасность и часто принимали против нее меры предосторожности: они предупреждали свидетеля о наказаниях, налагаемых за ложную присягу, вперед заставляли его дать согласие подчиниться им и тщательно допрашивали, чтобы узнать, не подкуплен ли он. Время от времени встречается добросовестный судья, в роде Бернара Ги, который старательно разбирается в свидетельских показаниях, сравнивает их и рассматривает противоречия, показывающие, что, по крайней мере, одно из них ложно. Мы знаем два таких слу-

---

¹ Responsa Prudentum (Doat, XXXVII).— Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Tradere».— Zanchini «Tract. de Haeret.», c. IX.

Пытка

(«Mystures de l'Inquisition», C.-V. de Fűrűal).

чая из его практики – от 1312 и от 1316 гг.; особенно интересен первый случай.

Некто Понс Арно явился без всякого вызова и обвинил своего сына Петра в том, что он пытался совершить над ним еретикицию, когда он, как думали, находился при смерти. Сын отрицал это обвинение. Бернар выяснил, что в указанное время Понс не был

болен, и что в местности, указанной отцом, никогда не было еретиков. Имея в руках эти справки, он заставил обвинителя сознаться, что он выдумал всю эту историю с целью погубить сына. Этот случай делает честь инквизитору, но в то же время он прекрасно показывает, какими тенетами была опутана тогда жизнь всякого человека. Подобный же случай произошел в 1329 году в Каркассоне, где инквизитор Генрих де Шамэ раскрыл настоящий заговор, направленный на жизнь невинного; ему удалось заставить пятерых лжесвидетелей сознаться в их преступлении. Хотя лжесвидетельство каралось очень строго, но, тем не менее, оно становилось все более частым, так как раскрытие его делалось все более трудным. В немногочисленных дошедших до нас документах упоминается о шести лжесвидетелях (из них два священника и один духовный), осужденных в 1323 году на аутодафе в Памье; четверо были осуждены в Нарбонне в декабре 1328 года; один – в Памье через несколько недель после этого; еще четверо – опять в Памье в январе 1329 года и еще семь (в том числе один нотариус) – в Каркассоне в сентябре того же года. По этим данным мы можем заключить, что если бы архивы инквизиции были доступны нам в их полном объеме, то список лжесвидетелей был бы ужасающе длинен, и мы открыли бы огромное число юридических ошибок в тех делах, где лжесвидетели не были уличены вовремя. Нам совершенно излишне узнать от Эмерика, что свидетели часто сговаривались погубить невинного; но мы можем не разделять его убеждения, что тщательное расследование позволяло инквизитору всегда обнаружить обман. Куда еще дальше может идти логика инквизиции, чем в афоризме Цангини, утверждающего, что свидетель, отрекшийся от своего неблагоприятного обвиняемому по-

казания, должен быть наказан как лжесвидетель, но что его показание, тем не менее, должно быть сохранено и иметь решающее влияние на приговор¹?

С лжесвидетелем, если его уличали, поступали так же строго, как с еретиком. Ему на спину и на грудь пришивали по два длинных куса красного сукна в форме языков, и в течение всей остальной жизни он был осужден носить эти знаки позора; по воскресеньям, во время обедни, его выставляли на показ народу на особых подмостках перед церковными дверями и обыкновенно подвергали пожизненному тюремному заключению. В 1322 году некто, по имени Гильем Мор, был осужден за то, что в сообществе с другими лицами подделал бумаги инквизиции, которые давали ему возможность вызывать неповинных людей по обвинению в ереси и угрозами вымогать с них деньги; его присудили носить на спине и груди красные листы, вместо обычных красных языков. Но, впрочем, наказания были не одинаково строги. Лжесвидетели, осужденные в Памье в 1323 году, не были приговорены к тюремному заключению; а зато в 1328 году четверо лжесвидетелей в Нарбонне были признаны особенно виновными, так как они были подкуплены личными врагами обвиняемого: их приговорили к пожизненному тюремному заключению на хлеб и на воду в ножных и ручных оковах. Совещание экспертов, бывшее в Памье на аутодафе в январе 1329 года, постановило, что лжесвидетели должны не только подвергаться тюремному заключению, но и возмещать убытки, причиненные ими обвиняемым. Этот

---

¹ Lib. Confess. Inq. Albiens. (Mss. Bib. Nat. f. lat., № 11847).— Lib. Sentent. Inq. Tolos., 96– 7, 180, 393.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 118, 133, 140, 149, 178, 204– 16).— Eymeric. «Direct. Inq.», 521.— Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XIV.

старинный принцип talio был еще более широко применен в 1518 году Львом X, предписавшим испанской инквизиции выдавать в руки светской власти тех лжесвидетелей, которым удалось бы нанести существенный ущерб своим жертвам. Выражения, употребляемые папой, показывают, что случаи лжесвидетельства были еще часты. Цангино свидетельствует, что в его время не было еще определенного законом наказания, и лжесвидетели наказывались «по усмотрению инквизитора»: новый пример тенденции, пронизавшей все инквизиционное судопроизводство,— ставить как можно меньше стеснений трибуналам, давать им неограниченную власть и возлагать всю надежду на Бога, во имя и во славу которого они трудились, чтобы Он просветил их при выполнении ими их миссии¹.

---

¹ Lib. Sentent. Inq. Tolosan. 297, 393.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 119, 133, 140, 241).— Pegnae «Comment. in Eymeric.», 625.— Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XIV.

Глава XI

ЗАЩИТА

Из сказанного выше видно, что святая инквизиция особенно ограничивала права защиты и ставила ей всякие затруднения. Все предварительное следствие велось в тайне и не сообщалось обвиняемому. Дело его было уже предрешено раньше его ареста; его могли допрашивать, убеждать сознаться, держать целые годы в тюрьме и подвергать пыткам раньше, чем он узнавал, какие именно улики имелись против него. И только тогда, когда у него было вырвано сознание или когда инквизитор терял всякую надежду на это, ему сообщали имевшиеся против него показания, причем имена свидетелей обыкновенно умалчивались. Эта ужасная система представляет полную противоположность с просвещенной заботой избежать малейшей несправедливости, которая вдохновляла епископские суды той же эпохи. Согласно канонам Латеранского собора, касающимся компетенции консисторских судей, «обвиняемый должен был присутствовать при расследовании его дела, если оно не велось в его отсутствии по причине его неявки; ему предъявлялись все жалобы, чтобы он мог дать на них свои объяснения; имена свидетелей, равно как и их показания, должны были быть обнародованы, и должны были быть допущены все законные отводы, «так как сохранение имен в тайне могло возбуждать кле-

вету, а отказ в отводе мог бы открыть широкое поле для деятельности лжесвидетелей»¹.

Как резко отличалось от этого положение обвиняемого по подозрению в ереси, который заранее всегда считался виновным! Инквизитор думал не о том, чтобы избежать несправедливости, а о том, чтобы заставить обвиняемого сознаться в своем прегрешении и умолять о воссоединении его с церковью. Чтобы легче этого добиться, систематически низвели до *minimum* все преимущества защиты.

Правда, собор 1246 года в Безье постановил, чтобы обвиняемому широко была предоставлена возможность защиты, включая сюда необходимые судебные сроки, возможность отводов и право опровержения; эти правила были направлены к тому, чтобы уменьшить произвол, которым уже тогда отличалась деятельность инквизиции, но на них никто не обратил ни малейшего внимания. Первоначально таинственность позволяла судье делать все, что, по его мнению, было нужно; а потом, чтобы сделать произвол еще более абсолютным, обвиняемого лишили права иметь защитника. В то время, как и теперь, сложность и сбивчивость законных формальностей ставила всякого, пришедшего в соприкосновение с судом, в необходимость обращаться к помощи опытного и сведущего юриста. Это так ясно понимали все, что в епископских судах часто давали бедным бесплатного защитника. В хартии, дарованной в 1212 году Симоном де Монфором его новым провинциям, говорится, что правосудие будет всегда бесплатным, и что неимущие истцы будут пользоваться безвозмездно юридической помощью. То же находим и в испанских законах той эпохи. Раз право на защиту признавалось в делах сравнительно незначительных, то ка-

---

¹ Concil. Lateran. IV, ann. 1215, c. 8.

залось чудовищным лишать его тех, кто боролся за свое существование перед трибуналом, где обвинитель был в то же время и судьей; и церковь вначале несколько колебалась, но она добилась своего путем обхода. Декреталий Иннокентия III, внесенный в каноническое право, запрещал адвокатам и актуариусам оказывать содействие еретикам и лицам, сочувствующим ереси, а также выступать вместо них в судах. Это запрещение, которое по мысли папы, несомненно, относилось только к заведомо закоснелым еретикам, было вскоре распространено на людей, только подозреваемых, которые боролись единственно из-за того, чтобы доказать свою невиновность. Соборы Валанса и Альби в 1248 и в 1254 годах, предупреждая инквизиторов против адвокатских уловок, многозначительно напоминали им постановление канонического права, толкуя, что его следует применять к адвокату, который осмелился бы защищать еретика. Эта точка зрения стала настолько господствующей, что Бернар Ги, не задумываясь, признает сочувствующими ереси адвокатов еретиков; а мы знаем, что всякий, объявленный сочувствующим ереси, признавался по закону еретиком, если в течение года не удовлетворял инквизитора. Если мы прибавим к этому постоянно повторяемые напоминания инквизиторам вести дела, не обращая внимания на законные формальности и на крючкотворство адвокатов, если вспомним предупреждения, постоянно даваемые нотариусам, что редактирование отречения от признания делало их единомышленниками еретика, — то поймем, что не было никакой надобности официально лишать обвиняемых помощи адвоката. Эмерик подчеркивает, что обвиняемый имеет право взять себе защитника, и что препятствие ему в этом является законным поводом к апелляции; но в то же время он утверждает, что инквизитор может возбудить преследование против адвоката или

нотариуса, выступившего защитником еретика. Столетием раньше в одном рукописном руководстве предписывалось инквизиторам преследовать, как сочувствующих ереси, адвокатов, которые взяли бы на себя защиту еретиков; причем добавляется, что если этими защитниками явятся лица духовного звания, то их следует лишать навсегда бенефиций. Все это постепенно перешло в известный принцип канонического права, что адвокат еретика должен быть отрешаем от своих обязанностей и отмечаем навсегда пятном позора. Неудивительно поэтому, что, в конце концов, инквизиторы приняли за правило запрещать адвокатам выступать в судах инквизиции.

Однако эта несправедливость смягчалась тем обстоятельством, что обращение к помощи адвоката могло быть столь же опасно для обвиняемого, как и для его защитника. Инквизиция имела право пользоваться всеми справками, какие только можно собрать; она могла вызвать адвоката в качестве свидетеля, заставить его выдать ей имевшиеся у него документы и узнать от него все, что было сказано между ним и его клиентом. Впрочем, все эти соображения представляют лишь теоретический интерес, так как сомнительно, чтобы какой-нибудь адвокат решился выступать на суде инквизиции. Какой ужас наводил этот суд, прекрасно видно из следующего случая. В 1300 году францисканский провинциал поручил брату Бернару Делисье выступить в качестве защитника памяти Кастель Фабри. Каркассонский инквизитор Николай д'Аббевиль грубо отказал ему в аудиенции, и Бернар во всем городе не мог найти ни одного нотариуса, который осмелился бы помочь ему написать законный протест; все боялись ареста и преследований, если выступят в чем-либо против грозной тирании инквизитора. Бернару пришлось ждать целых

двенадцать дней, пока по его зову не прибыл из отдаленного города нотариус, чтобы выполнить простую формальность! Местные должностные лица имели полное основание бояться гнева Николая: несколько лет перед этим он, не задумываясь, посадил в тюрьму нотариуса, осмелившегося написать жалобу королю Франции от имени жителей Каркассона¹.

Организаторы святого трибунала прекрасно знали, чего хотели, закрывая двери перед тонкостями и искусством защиты; по общему признанию, она могла прибегать только к одному – отводу свидетелей обвинения. Как мы уже видели, свидетель мог быть отведен в случае смертельной вражды к обвиняемому; но, чтобы вражда была признана таковой, необходимым условием было пролитие крови, или, по крайней мере, ссора между сторонами должна была быть настолько крупной, чтобы могла вызвать кровопролитие. Так как в этом была вся надежда защиты, то мы поймем, насколько жесток был почти общепринятый обычай скрывать от обвиняемого имена свидетелей обвинения. Несчастному приходилось на удачу называть имена лиц, которые могли ухудшить его положение. Если он указывал на кого-либо из свидетелей как на своего личного вра-

---

¹ Concil. Biterrens. ann. 1246, append. c. 8. – Concil. Campinacens. ann. 1238 c. 14. – Contre le France-Alleu sans Titre, Paris, 1629, стр. 216. – Fuero Real de Espana, lib. I, tit. IX, leg. 1. – Fournier, «Les officialit̃s...», 289. – C. 11 Extra V. 7. – Concil. Valentin. ann. 1248, c. 11. – Concil. Albiens. ann. 1254 c. 23. – Bern. Guid. «Practica» P. IV (Doat, XXX). – Eymeric. «Diect. Inquis.» 446, 452, 565, 568. – Angeli de Clavasio, «Summa angelica» s. v. «Haereticus», § 20. – Mss. Bib. Nat. f. 1., № 14930, fol. 220. – Bernardi Comens. «Lucerna Inquisitor.» s. vv. «Advocatus», «Defensor». – C. 13 § 7, Extra V. 7. – Alex. PP. IV. Bull. «Cupientes», 4 mart. 1260. – Arch. de l'Inq. de Carcassone (Doat, XXXIV, 123). – Vaissete, IV. 72.

га, то его допрашивали о причинах вражды; инквизитор рассматривал мотивы ссоры и решал, достаточны ли они или нет для отвода свидетеля. Добросовестные законоведы, вроде Ги Фукуа, и инквизиторы, вроде Эмерика, высказывали желание, чтобы судьи сами осведомлялись относительно свидетелей и устраняли тех, кем, по-видимому, руководила ненависть; но большинство старалось лишить несчастных той последней соломинки, за которую хватается утопающий. Одна из их хитрых уловок состояла в том, что они в конце допроса, как бы без всякого умысла, спрашивали у обвиняемого, не имеет ли он таких озлобленных врагов, которые стали бы показывать ложно против него; если, пойманный врасплох, он отвечал отрицательно, то для него не была уже более возможной никакая дальнейшая защита. В других случаях обвиняемому предъявляли самого враждебного ему свидетеля и спрашивали, знает ли он его; отрицательный ответ лишал его возможности ссылаться в будущем на личную вражду. Обвиняемому обыкновенно никогда не позволяли вызывать своих свидетелей, за исключением того случая, когда требовалось установить враждебные отношения кого-либо из его обвинителей. В силу признанной законом фикции предполагали, что инквизитор, рассматривал вопрос всесторонне и одинаково соблюдал интересы как защиты, так и обвинения. Но мы, заканчивая с этим вопросом, можем сказать, что если обвиняемому не удавалось угадать имен своих врагов и опровергнуть их показания, то осуждение его было неизбежно¹.

---

¹ Guid. Fulcod. «Quaest.» XV.—Eymeric. «Direct. Inquis.» 446, 450, 607, 610, 614.—Zanchini «Tract. de Haeret.» c. IX, XII.—Litt. Petri Albanens (Doat, XXXI, 5).

В делах каркассонской инквизиции за период времени с 1249 по 1258 год. Молинье нашел два случая, где обвиняемому уда-

Во время господства варварского обычая *roepae fortis et durae* в Англии заключенного, который отказывался подтвердить свою виновность или невиновность, душили до смерти, так как не могло быть судебного разбирательства там, где не было ни признания, ни отрицания. Конечно, прием этот был очень жесток, но он был внушен твердым чувством справедливости, принципом, что самый последний негодяй должен был иметь возможность установить свою невинность. Инквизиционная система была гораздо хуже: если обвиняемый отказывался говорить в свою защиту, то все равно судопроизводство шло своим порядком; этот отказ признавался равным отказу явиться на суд; и, еще лучше, в нем видели акт признания и обвиняемого немедленно выдавали в руки светской власти на сожжение. Но нужно оговориться, что подобные случаи были редки, так как пытка развязывала языки заключенным¹.

Мы приведем несколько примеров, чтобы показать, до какой невероятной простоты было доведено судопроизводство инквизиции, благодаря отсутствию адвокатов и страшному стеснению защиты.

19 июня 1252 года был вызван каркассонской инквизицией П. Морре; его спросили, желает ли он защищаться от возведенных против него обвинений? В свою защиту он мог сказать только одно, что у него есть враги, и назвал пятерых. Очевид-

---

лось добиться вызова своих свидетелей. В одном случае Виланьер выставил двух свидетелей, подтвердивших его *alibi*; в другом – Гильем Негр представил грамоту о воссоединении его с церковью и о выполнении им епитимии. В обоих случаях защита выиграла дело («L’Inquis. dans le Midi», 346).

¹ Coll. Doat. XXXI, 149. – Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Taciturnitas».

но, он не угадал одного из своих обвинителей, так как ему дали после этого прочесть показания обвинения и три раза спросили, не имеет ли он добавить чего-нибудь. Он ответил отрицательно, и дело кончилось постановлением решения 29 января. Два года спустя, в 1254 году, там же в Каркассоне известный Бернар Понс был более счастлив, так как ему удалось верно угадать, назвав своим смертельным врагом собственную жену, и до нас дошло последующее за сим расследование о характере вражды супругов. Было допрошено три свидетеля, которые все под присягой показали, что жена Понса была дурная женщина; один показал, что она была поймана мужем в прелюбодеянии; другой – что муж побил ее за это; третий – что он недавно еще слышал, как она желала смерти своему мужу, чтобы выйти за некоего Пюг Оле (Pug Oler), и говорила, что согласилась бы быть прокаженной, лишь бы это случилось. Хотя этого, по-видимому, было достаточно, однако Понсу, как кажется, не удалось избежать наказания. В сущности обвиняемый, пытавшийся защищаться, имел так мало надежды на успех, что часто он в самом начале уже отказывался от защиты. 26 августа 1252 года в Каркассоне Арно Фабри отказался получить предложенную ему инквизитором копию показаний свидетелей, говоривших против него. Часто в приговорах находим мы выражение, устанавливающее тот факт, что осужденный имел возможность защищаться, но отказался от этого; отсюда ясно, что подобные отказы не были исключением¹.

---

¹ Registre de l'Inq. de Carcass. (Mss. Bib. Nat. f. lat. nouv. acquis. 139, f. 33, 44, 620). – Practica super Inquisitione (Mss. Bib. Nat. f. lat. № 14930, fol. 212).

В случае возбуждения дел против умерших на суд для защиты покойника вызывались его дети или его наследники. Оглашением по церквям вызывали на суд всякого заинтересованного в деле, владел ли он имуществом покойного или еще по чему-либо. В третьем оглашении объявлялось, что если никто не явится в назначенный день, то все равно будет вынесен приговор. Так, например, в 1327 году каркассонский инквизитор Жан Дюпра приказывает священникам всех церквей в диоцезах Каркассона, Нарбонны и Алэ объявлять о данном деле во время обедни всякое воскресенье и всякий праздник до дня разбора дела и прислать ему нотариальное удостоверение того, что оглашение производилось правильно. В приговорах по делам об умерших всегда тщательно отмечаются эти предварительные оглашения. Но, несмотря на это притворное стремление сохранить справедливость, суды над мертвыми были не меньшей каррикатурой на правосудие, чем суды, жертвой которых являлись живые. На ауто, бывшем в Тулузе в 1309 году, было осуждено четверо покойников; в одном случае никто не явился на суд, а в трех других явившиеся наследники отказались от всякой защиты. В деле Кастель Фабри, о котором мы уже упоминали выше, наследники явились, так как имущество покойника было велико; но инквизитор, Николай д'Аббевиль, лишил их всякой возможности сказать что-либо в защиту. В деле Петра де Тормамира наследникам удалось, в конце концов, добиться отмены приговора, ввиду крупных нарушений закона при ведении дела, но для этого потребовалось тридцать два года упорной борьбы, причем все это время имущество покойного находилось под секвестром. Иногда в делах об еретикации на одре смерти дети ссылались на *pop compis*, что в принципе считалось допустимым, но так

как подтвердить это могли только люди безукоризненные, с точки зрения католицизма, и посторонние семейству умершего, то, понятно, лишь очень редко подтверждалась ссылка наследников¹.

На практике никто, попав в руки инквизиции, не мог рассчитывать на спасение; в теории он имел право, как и в других судах, отвести своего судью, не решаться на это было крайне опасно, и мы вполне верим Бернарду Комскому, что этого никогда не бывало на деле. Нельзя было оправдываться невежеством, так как, по словам Бернара Ги, невежда должен разделить осуждение своего господина, Отца Лжи. Того, кто упорно отрицал приписываемую ему вину и даже выражал готовность исповедовать веру и во всем повиноваться церкви, считали закоренелым и нераскаянным еретиком, недостойным снисхождения. Самоубийство в тюрьме считалось не раскаянием, а сознанием в своем преступлении. Правда, сумасшествие или опьянение могли быть признаны обстоятельствами, смягчающими слова еретиков, если обвиняемый сердечным сокрушением искупал свою вину; но при всяком положении дела он прежде всего должен был склониться перед заключением, к которому пришел инквизитор *ex parte*, а в противном случае его выдавали светским властям².

---

¹ Concil. Biterrens. ann. 1246, append. c. 18.— *Doctrina de modo procedendi* (Martine, «Thes.» V. 1813).— Coll. Doat, XXVII, 97–98; XXIX, 27; XXXIV, 123; XXXV, 61; XXXVIII, 166.— Lib. Sentent. Inq. Tolos. 33–4.— Molinier, «L'Inquis, dans le Midi de la France», 287.— Alex. PP. IV. Bull. «Olim ex parte», 24 sept; 13 oct. 1258; Urbani PP. IV. Bull. «Idem», 21 aug. 1262 (Mag. Bull. Rom. I. 117).

² Bernardi Comens. «Lucerna Inquisit.» s. v. «Recusatio».— Bern. Guid. «Practica» P. IV (Doat, XXX).— Zanchini «Tract. de Haeret.» c. II, VII.— Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 26.— Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 9. Eymeric. «Direct. Inquis.» 572.

Слова Бернара Делисье были святой истиной, когда он в присутствии Филиппа Красивого и его двора заявил, что если бы святые Петр и Павел были обвинены в преклонении (*adoratio*) перед еретиками, и инквизиция возбудила бы против них преследование, то они никоим образом не могли бы оправдаться. Спрошенные о вере, они ответили бы, как магистры богословия и отцы церкви; но когда им сказали бы, что они преклонялись перед еретиками, и они спросили бы: «Перед какими?», то им назвали бы нескольких известных в стране людей, не дав никаких объяснений. Если бы они попросили указаний на время и место, то им не дали бы их, и если бы они спросили имена свидетелей, то не услышали бы ни одного. «Каким же образом, – вскричал Бернар, – могли бы святые апостолы говорить в свою защиту, особенно при том условии, что всякого, явившегося к ним на помощь, сейчас же обвинили бы в сочувствии ереси»? Все это безусловно верно. Жертва была связана путами, вырваться из которых ей было невозможно, и всякая попытка освободиться от них еще только хуже затягивала узлы¹.

В теории, правда, можно было в случае медленности или неправильности судопроизводства жаловаться на святую инквизицию папе, как на епископа митрополиту; но эту жалобу нужно было принести раньше объявления приговора, который был окончательным. Это право обжалования могло иметь некоторое сдерживающее влияние на епископов, когда на них еще лежала инквизиторская юрисдикция. Но когда стали действовать инквизиторы, то от их доброй воли зависело принять или отвергнуть *apostoli*, т. е. грамоты о направлении дела папе; другими словами, они могли по своему усмотре-

---

¹ Mss. Bib. Nat. f. lat. № 4270, fol. 139.

нию выбирать из них подтверждающие это или, наоборот, отрицающие; первые допускали апелляцию, вторые оставляли дело в руках инквизитора, если папа не требовал его официально. Но это, понятно, бывало очень редко, и вся эта процедура, благодаря своей сложности, была доступна людям только очень хорошо осведомленным в законах. Обвиняемый, вроде магистра Эккарта, которого поддерживал весь доминиканский орден, мог прибегнуть к ней, хотя в результате Иоанн XXII отнесся к нему не лучше, чем кельнский архиепископ. Когда в 1323 году парижский инквизитор, брат Морис, обвинил в ереси Партенэ, одного из самых влиятельных вельмож Пуату, и Карл Красивый заключил его в Тампль, то он принес жалобу на Мориса, ссылаясь на личную ненависть последнего. Король Карл под усиленной охраной отправил его к папе Иоанну XXII в Авиньон. Сначала папа отказался принять жалобу, но потом, уступая настояниям друзей Партенэ, он согласился назначить несколько епископов заседателями при инквизиторе и, благодаря этому, после долгих мытарств Партенэ был освобожден. Подобные случаи, понятно, были редким исключением; совершенно иная была участь людей бедных и незнатных, которые наполняли темницы инквизиции и выступали на ее аутодафе. Руководства для инквизиторов не стесняются поучать их коварным и мошенническим уловкам, при помощи которых они могли бы обойти все попытки подать на них жалобу, когда это было вызвано нарушением правил с их стороны¹.

---

¹ Pegnae «Comment. in Eymeric.», 675.— Zanchini «Tract. de Haeret.», с. XXIX.— Eymeric. «Direct. Inq.», 453— 5. Grandes Chron. ann. 1323.— Guill. Nangiac. Contin. ann. 1323.— Chron. de Jean de S. Victor. Contin. ann. 1323.— Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. vv. «Appellatio», «Exceptio» № 2.

Пытка.

(Гравюра XV века, перепод. в «*Richter und Rechtspflege in der deutschen Vergangenheit*» F. Heinemann)

Но был, однако, целый ряд других случаев, где папа мог вмешаться в дело, ибо Святой Престол был проникнут самодержавным духом и не признавал для себя никаких законов. Курия всегда была жадна до денег, а кроме Италии она не имела нигде доли в кон-

фискациях. Поэтому понятно, что богатые люди, все состояние которых было поставлено на карту, соглашались разделить его с папским двором, лишь бы добиться его всемогущего вмешательства. Уже в 1245 году епископы Лангедока жалуются Иннокентию IV, что многие еретики, благодаря подобной уловке, ускользают от наказания. Грамоты папских духовников давали неприкосновенность не только тем, кто попал под суд, но и тем, кто опасался вызова в суд, тем, кто был отлучен от церкви за уклонение от суда, и тем, кто был уже осужден. Я нашел много случаев подобного вторжения Святого Престола в дела Святого Трибунала; один из них прекрасно показывает, на чем основывали и чем оправдывали подобное вмешательство. Грамотами от 28 декабря 1248 года папский духовник Альгезиус предписал освободить без конфискации имущества тех заключенных инквизицией в тюрьму, которые сознались в ереси; одним из мотивов этого были их щедрые пожертвования на пользу Святой Земли. Нет ничего удивительного, что иногда инквизиторы возмущались против этого, и раз один из них дал курии хороший урок. В 1249 году несколько жителей Лиму, осужденных на ношение крестов и на тяжелые епитимии, получили от Иннокентия IV указ, равнявшийся частичному помилованию; тогда инквизиторы, чтобы показать свое презрение к этому указу, дали этим людям полное прощение; тогда Иннокентий поспешил восстановить обвинительный приговор, так что все труды несчастных пропали даром. Более скромным было вмешательство в 1255 году Александра IV в дело Эмерика де Брессоль де Кастель-Сарразен, осужденного за еретические поступки, совершенные тридцать лет тому назад. Он объяснил, что уже исполнил большую часть наложенной на них епитимии, но что закончить ее ему меша-

ют преклонный возраст и бедность; в ответ на это ходатайство папа разрешил инквизиторам смягчить оставшееся наказание, заменив его делами благочестия. В 1298 году Бонифаций отменил основанное на законе ограничение прав внуков и правнуков некоего Клаваджеммы из Милана, принявшего еретикуцию на смертном одре; им были возвращены развалины их разрушенного дома, но конфискованное имущество возвращено им не было. Знаменательный случай произошел в 1371 году, когда Григорий XI разрешил каркассонскому инквизитору выпустить на свободу Бидона де Пюи-Гильема, приговоренного к пожизненному тюремному заключению и принесшего раскаяние; свое вмешательство папа мотивировал тем, что никакая другая власть не могла смягчить наказания¹.

Но ввиду того, что папское вмешательство противоречило закону и было исключением, его не стоит принимать во внимание при рассмотрении впечатления, производимого действиями инквизиционного судопроизводства. Впечатление это было таково, что осуждение в той или иной форме считалось неизбежным. В реестре каркассонской инквизиции за период времени с 1249 по 1258 год записано около 200 дел, и нет ни одного случая, чтобы заключенный был выпущен из тюрьмы как невиновный. Правда, в протоколе допроса Ализаи Дебакс (Alizaps Deбах) от 27 марта 1249 года, мы находим следующую заметку: «Она не была допрошена вторично, так как ее признали виновной», но это кажущееся исключение уничто-

---

¹ Vaissete, III, 462; Pr. 447.— Coll. Doat, XXXI, 152, 169, 283; XXXII, 69; XXXV, 134. Potthast № 10292, 10311, 10317, 18723, 18895.— Ripoll, I, 287.— Coll. Doat, XXXV, 134.— Digard, «Reg. de Boniface VIII», t. II, стр. 121, № 2577.

жается второй заметкой: «Cruce signata est», показывающей, что она была осуждена на ношение крестов, которые должны были свидетельствовать о непогрешимости святой инквизиции. Если против человека не было никаких улик, и он отказывался признаться в возводимом на него прегрешении, то его держали в тюрьме столько времени, сколько было угодно инквизитору; наконец, если поводом к его обвинению была косвенная улика, и подозрение было легкое, то он мог быть отпущен на свободу с внесением залога и под условием стоять у дверей инквизиции от завтрака до обеда и от обеда до ужина, ожидая, не явится ли нового против него свидетельства, и не будет ли инквизитор в состоянии доказать его виновность, наперед признанную несомненной. К северу от Альп было общим правилом, что никто не должен был быть оправдан. Если обвинение совершенно падало, то инквизиционный суд мог только вынести вердикт: «Обвинение не доказано»; указывали только факт, что улики не подтвердились, но не говорили, что за данным человеком не было никакой вины. Инквизиторам приказывалось никогда не объявлять никого невиновным, так как это могло бы служить помехой, если бы впоследствии на основании новых обвинений возникло дело. Однако возможно, что в Италии в XIV веке это правило не соблюдалось, так как Цангино дает формулу объявления обвиняемого невиновным, основанную — знаменательная вещь — на том, что свидетельские показания были даны по злобе¹.

Климент V признал подобную систему несправедливой, как это ясно из того, что он внес в каноничес-

---

¹ Molinier, «L'Inquisition dans le midi», 332–3. — Responsa Prudentum (Deat, XXXVII. — Bern. Guidon. «Practica» P. V (Doat, XXX). — Eymeric. «Direct. Inquisit.», 474. — Zunchiai «Tract. de Haeret», c. XII.

кое право разьяснение, из выражений которого видно, что инквизиторы в ущерб интересам верных злоупотребляли в применении предписаний, направленных к защите веры; он запрещает им судить несправедливо, действовать лицепрятно, руководиться ненавистью или алчностью, грозя за это *ipso facto* отлучением от церкви, снять которое может только Святой Престол. Бернар Ги горячо опровергал эти обвинения, тождественные, по его словам, с теми, которые к великому прискорбию святой инквизиции, возводили еретики на Святой Трибунал. «Обвинение невинного в ереси, — добавляет он, — достойно строгого осуждения, но возводить клевету на святую инквизицию совершенно иное дело. Несмотря на опровержение обвинений, направленных против нее, канон Климента дает им обоснование и наполняет радостью еретиков». Если еретики, как говорит Ги, действительно радовались, то напрасно они радовались, так как инквизиция шла своим путем, и благонамеренные усилия Климента не увенчались успехом¹.

Признание подозрения виной значительно облегчало инквизиции возможность не выносить оправдательных приговоров. Эта практика взята была из кодексов варваров, по которым обвиняемый должен был доказать свою невинность или через ордалии, или через *purgatorio* (по английской терминологии *wager of law*), т. е. он должен был представить определенное число друзей, которые вместе с ним подтвердили бы под присягой, что обвинение было недобросовестно. Эдиктом Фридриха II предписывалось, что подобным образом должны были доказать свою невинность подозреваемые в ереси, если этого тре-

---

¹ С. 1. Clement. V. 3.— Bern.-Guidon «Gravamina» (Doat, XXX, 112).

бовала церковь; в противном же случае они лишались покровительства закона; если на них было наложено это наказание, и тяготело оно над ними в течение года, то их с полным правом осуждали как еретиков. Это узаконивание значительно отягчало подозрение в ереси и тщательно соблюдалось.

Подозрение могло возникнуть разными путями, но особенно порождала его общественная молва. Достаточно было не принести в определенное время клятвенного отречения от ереси, наложенного на всех жителей Лангедока, достаточно было упустить случай донести на еретика, достаточно было иметь у себя еретические сочинения. Такое широкое толкование, данное понятию о преступлении, вызвало тысячи новых осложнений. Вальденсы учили, что не нужно лгать, клясться, прелюбодействовать, что всякому надо воздать должное, что следует ходить в церковь, платить десятину и другие налоги в пользу духовенства. Следовало ли рассматривать как подозреваемых в ереси, тех, кто слушался этих мудрых наставлений и соблюдал их? Этот вопрос был предложен инквизитору, и он, обсудив его, ответил утвердительно: подобные люди должны считаться подозреваемыми в ереси и подвергаться *purgatio*. Герсон давал себе ясный отчет в затруднениях, которые вызывала на практике теория обвинения по подозрению; он советует всегда иметь ввиду, насколько разнообразны бывают обычаи в разные времена и в разных местах и т. п.; но инквизиция не останавливалась на подобных мелочах. Было легче считать подозреваемых виновными, принять три степени подозрения (легкое, сильное и тяжелое), подвергать подозреваемых наказанию и объявлять неспособными не только подозреваемых, но и их потомков. В конце концов, даже отказались дать определение каждой из трех степеней по-

дозрения и предоставили на усмотрение инквизитора в каждом отдельном случае определять степень подозрения. Эмерик толкует, что подозреваемые – это еще не еретики, что их нельзя осуждать наравне с последними, и что на них следует налагать более легкое наказание, за исключением случаев тяжелого подозрения. Но в самых словах его заключается самое жестокое осуждение всей этой системы; как, спрашивается, мог обвиняемый снять с себя «тяжелое» подозрение, если он не мог выставлять свидетелей? Обвиняемый мог совершенно не быть еретиком; но если он отказывался отречься от ереси и дать удовлетворение, т. е. если он, другими словами, отказывался косвенно сознаться в своей мнимой вине, то его следовало выдать в руки светской власти; если он сознавался и просил воссоединить его с церковью, то его следовало заключить в тюрьму на всю его остальную жизнь¹.

В случае легкого или сильного подозрения обвиняемый должен был доставить несколько лиц, которые вместе с ним клятвенно подтвердили бы его невиновность. Эти лица (соприсяжники) должны были принадлежать к одному с ним сословию, знать его лично и прежде всего принести клятву в том, что они всегда считали его хорошим католиком, а потом, что

---

¹ Hist. Dipl. Frid. II. T. II, p. 4. – Concil. Tolosan. ann. 1229, c. 18. – Concil. Albiens. ann. 1254, c. 16. – Concil. Tarraconens. ann. 1242. – Eymeric. «Direct. Inq.». 367– 8, 380– 4, 494– 5, 500. – Concil. Biterrens. ann. 1246, «append.» c. 31, 36. – Zanchini «Tract. de Haert.», V, VI, XX. – Doctrina de modo procedendi (Martine, «Thes.» V, 1802. – Gersonis «de Protestatione», consid. XII. – Bernardi Comens. «Lucerna Inquisit.» s. v. «Praesumptio», № 5. – Isambert, «Anc. Loix Franzaies», IV, 364. – Cp. Cornel. Agrippa, «De Vanitate Scientiarum», cap. XCVI. Ponzibii «de Lamiis», cap. 88.

они считают вполне искренней его клятву в своей невинности. Число их менялось по усмотрению инквизитора и сообразно со степенью подозрения, оно колебалось между тремя и двадцатью—тридцатью и даже более. Если дело шло об иностранцах, которые никого не знали, то инквизитор должен был довольствоваться малым. Эта соприсяга не была пустой формальностью, и, как обыкновенно, все было направлено против обвиняемого. Если ему не удавалось доставить назначенное число соприсяжников или если он не успевал сделать это в течение годичного срока, то применялся закон Фридриха II, и обыкновенно его приговаривали к костру как еретика; некоторые инквизиторы, правда, признавали, что это было лишь косвенной, а не прямой уликой, и что подозреваемый мог избежать костра, раскаявшись и отрекшись от заблуждений, чтобы после этого подвергнуться пожизненному тюремному заключению. Если же обвиняемому удавалось обелить себя путем соприсяги, то его все равно не объявляли невинным. В случае, если подозрение, падавшее на него, признавалось тяжелым, его имели право наказать; даже в том случае, если подозрение было легкое, уже один тот факт, что он попал в число подозреваемых, навсегда накладывал на него пятно бесславия. С интересной непоследовательностью, которая характеризовала все судопроизводство инквизиции, обвиняемого заставляли отречься от ереси, после того, как он установил свою невиновность; это отречение хранилось в его деле, и если впоследствии против него снова возникало обвинение, то тот факт, что он ускользнул от первого обвинения, считался доказательством его виновности. Если *purgatio* было вызвано легким подозрением, то в случае нового обвинения на него налагалось более тяжелое наказание; если же подозре-

ние было тяжелым, то на обвиняемого смотрели как на рецидивиста, не заслуживающего снисхождения, и его выдавали без суда в руки светской власти. Применение этого беззакония на практике особенно интересно, так как в нем отразился дух инквизиции. Так как этот порядок был чересчур строг, то к *purgatio* прибегали сравнительно редко, и Цангини, говоря об этом, замечает, что этот обычай не пользуется широким распространением; но, тем не менее, стоит вспомнить один случай его применения: в 1336 году в Ангермюнде инквизитор Иордан потребовал доказательства своей невинности соприсягой от целого ряда лиц, обвиненных в таинственной луциферианской ереси; четырнадцать человек, мужчин и женщин, не могли выставить нужного числа соприсяжников, и все они были сожжены живыми¹.

Во всех тех случаях, когда обвиняемому разрешалось присоединиться к церкви, от него обязательно требовали отречения от ереси. Было несколько формул отречения, смотря, во-первых, по тому, какое было подозрение, легкое, сильное или тяжелое, а во-вторых, смотря по тому, сознался ли и раскаялся ли обвиняемый. Обряд совершался публично, на аутодафе, за исключением редких случаев, каковы, например, те, в которых обвиняемыми являлись духовные лица, вид которых мог вызвать возмущение в народе; часто отречение сопровождалось денежным штрафом, гарантировавшим соблюдение обвиняемым на-

---

¹ Concil. Tarraconens. ann. 1242.— Eymeric. «Direct. Inq.», 376–8, 475–6.— Bern. Comens. «Lucerna Inquis». s. v. v. «Practica», «Purgatio».— Albertini «Repertor. Inquis.» s. v. «Deficiens».— Gregor. PP. XI. Bull. «Excommunicamus», 20 aug. 1229.— Zanchini «Tract. de Haeret.» c. VII, XVII.— Martini «App. ad Mosheim, de Beghardis», 537.

ложенных на него обязательств. Самым главным пунктом отречения было то, что кающийся отрекался от ереси вообще, в частности от той ереси, в которой его обвиняли. После этого в случае нового заблуждения его можно было всегда, без всякого суда, выдать в руки светской власти, если только отречение не было вызвано легким подозрением. Понятно, что подобное отречение от ереси *in genere* было необходимо, так как в противном случае отрекшийся от катаризма мог впасть в ересь вальденсов, и его нельзя было бы судить как рецидивиста. На деле подобная перемена религиозных убеждений не могла иметь места, но тот факт, что инквизиторы предвидели ее возможность, показывает нам, насколько они заботились о внешней форме, и как мало они думали о том, что мы называем справедливостью.

Какое важное значение придавали акту отречения, хорошо видно из одного дела тулузской инквизиции 1310 года. Сибилла, жена Бернара Борелля, была вынуждена сознаться и отречься в 1305 году; но так как она продолжала соблюдать еретические обряды, то ее вторично арестовали в 1309 году, и она снова созналась. Как еретичка-рецидивистка она бесповоротно подлежала сожжению, но, к ее счастью, в архивах Св. Трибунала не могли найти ее первого отречения, и, хотя все остальное дело 1305 года сохранилось, тем не менее, ее судили как привлеченную в первый раз и приговорили только к пожизненному тюремному заключению¹.

В тех случаях, когда подозреваемые в ереси доказывали свою невиновность путем соприсяги, отрече-

---

¹ Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 6, 12.— Muratori, «Antiq. Ital.» Dissert. LX.— Doctrina de modo procedendi (Martune, «Thïs.», V, 1800— 1).— Eymeric. «Direct. Inquis.», 376, 486— 7, 492— 8.— Lib. Sentent. Inquis. Tolos., 67, 215.

ние, естественно, не заключало в себе сознания. Но при обвинении в ереси, на основании свидетельских показаний, от обвиняемого раньше, чем его допускали до отречения, требовалось признание в том, в чем его обвиняли. Отрицание вины считалось признаком закоснелости и в силу этого влекло за собой костер; признание было обязательным условием допущения до отречения. В обыкновенных случаях, где применялись пытки, признание давалось почти всегда; но бывали исключительные случаи, выходящие из ряда повседневных, где, как, например, в деле Яна Гуса, пытка не была применяема, и где обвиняемый отрицал все возводимые против него улики; и если мы хотим понять все последствия дел подобного рода, то не должны забывать, что отречению должно было всегда предшествовать признание.

Глава XII

ПРИГОВОР

Карательные функции инквизиции были основаны на фикции, которую необходимо выяснить, чтобы можно было впоследствии дать справедливую оценку известной части деятельности Св. Трибунала. По теории в задачу инквизиции не входило налагать наказания; миссия ее была в том, чтобы спасти души заблудших, направить их на путь спасения и наложить епитимии на тех, кто вступал на этот путь, подобно тому, как делал это исповедник в отношении своих духовных детей. Ее приговоры не были, как приговоры светского суда, мщением общества виновным; они не имели также своей целью при помощи внушаемого ими страха помешать распространению преступления; они имели ввиду лишь благо заблудших душ, очищение или искупление их от грехов.

В этом духе обыкновенно говорят сами инквизиторы о своей обязанности. Когда они приговаривали несчастного к пожизненной тюрьме, то обычной формулой, после того как судопроизводство Св. Трибунала было строго определено, было простое повеление виновному предать себя тюремному заключению и посадить себя на хлеб и на воду, что представляло епитимию; затем ему объявляли, что он не должен выходить из тюрьмы под страхом отлучения от церкви и признания его клятвопреступником и нераскайвшимся еретиком. Если ему удавалось бежать, то в

приказе о выдаче его он выставлялся безумцем, отвергшим спасительное лекарство и презревшим вино и елей, которыми хотели уурачевать его раны...¹

В принципе число наказаний, которые мог наклады-
вать инквизитор, было весьма ограничено. Он никогда
не приговаривал к смертной казни, но просто лишал
покровительства церкви закоренелого и нераскаявшегося
грешника или рецидивиста, новое падение которого
показывало, что нельзя было полагаться на его раская-
ние. За исключением Италии, инквизитор никогда не
подвергал конфискации имущества еретика, но лишь
констатировал наличие преступления, которое по
светским законам лишало виновного права владеть соб-
ственностью. Самое большее, что мог наложить инкви-
зитор, – это штраф в виде епитимии, причем деньги
шли на добрые дела. Суд его был судом только духов-
ным; он судил грехи и предписывал духовные врачева-
ния, следуя внушению евангелия, которое всегда лежа-
ло раскрытым перед ним. Такова была, по крайней
мере, теория, и ее не нужно упускать из виду, если мы
хотим понять многое из того, что иначе показалось бы
нам нелогичным и непоследовательным, в особеннос-
ти в вопросе о свободе действий инквизитора в отно-
шении кающихся. Судья человеческой совести, он не
был связан никакими законами, никакими правилами;
вызванные им были в точном смысле слова в его пол-

---

¹ Guid. Fulcod. «Quaest.», XIII, XIV. – Ripoll. I, 254. – Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXI, 139). – Arch. de l'Inquis. d'Albi (Doat, XXXV, 69). – Lib. Sent. Inq. Tolos., 32. – Eymeric., «Direct. Inquis.», 435, 646. – Zanchini, «Tract. de Haeret.», c. XX.

Хотя в приговорах Бернара Ко от 1246– 8 гг. тюремное заклю-
чение считается епитимией, способ выражения более решите-
лен, чем в позднейшем судопроизводстве (Mss. Bib. Nat. fon. lat.,
9992).

ном распоряжении, и никакая сила, кроме Св. Престола, не могла изменить ни одной йоты в его приговоре¹.

Следствием такой свободы действий инквизитора иногда являлось прощение там, где мы его совсем не ожидаем. Так было, например, в деле об убийстве св. Петра Мученика. Один из наемных убийц, Пьетро Бальзамо, известный под именем Карино, был захвачен на месте преступления, и побег его из тюрьмы вызвал в Милане целую революцию, но, когда он был снова схвачен и принес раскаяние, его простили и разрешили вступить в доминиканский орден, где он мирно скончался с ореолом блаженного (*beato*). И хотя церковь не разрешила оказывать ему открытое поклонение, но, тем не менее, он был в 1505 году, под именем блаженного Ацерино, изображен среди святых доминиканцев на хорах церкви во имя св. мученика Эвсторджио. По-видимому, ни один из убийц не был казнен, и главный подстрекатель к преступлению, Стефано Конфалониере д'Алиате, еретик и известный покровитель еретиков был заключен пожизненно в тюрьму только в 1295 году, через сорок три года, после длинного ряда отречений и новых падений. То же было и немного позднее, когда по делу убийства инквизитора францисканца Петра да Брачьано был доставлен миланскому инквизитору, Райнерио Сакконе, Манфред ди Сесто, вооруживший убийц. Он сознался в своем преступлении и в других проступках на пользу ереси, но ему было только приказано явиться к папе и ожидать от него наложения епити-

---

¹ Arch. de l'ÿvkcñ d'Albi (Doat, XXXV, 69).— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 232).— Concil. Narbonn. ann. 1234, c. 5.— Concil. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 29.— Eymeric. Direct. Inq., 506— 7.— Zanchini, «Tract. de Haeret.», c. XVI.— Guid. Fulcod. «Quaest.» XV.

мии; но так как он выказал презрительное неповиновение, то Иннокентий IV приказал магистратам всей Италии задержать его и заключить в тюрьму, где бы он ни попался¹.

Однако, это учение, представлявшее церковь любящей матерью, которая с болью в сердце наказует в их же интересах своих детей, послужило лишь к тому, чтобы сделать большую часть действий инквизиции более безжалостными. Сопротивлявшиеся ее благодетельным усилиям становились виновными в неблагодарности и непослушании, темного пятна которого ничто не могло изгладить. Это были отцеубийцы, недостойные снисхождения; и если их бичевали, то им же еще оказывали этим особую милость. Мы уже видели, как мало инквизитор в своих стремлениях открыть и направить на путь истины еретиков обращал внимания на человеческие страдания; он не давал права предполагать, что он будет более мягким, имея дело с больными душами, ищущими от него отпущения грехов и духовного наказания; только кающийся, принесший сознание в своем преступлении и раскаявшийся в нем, являлся перед трибуналом, чтобы принять надлежащее наказание; все же остальные предавались в руки светской власти.

Настолько неосновательна была эта теория, видно из того, что юридические права инквизиции распространялись не на одних только еретиков, добровольно отступивших от догматов церкви. Защитники ереси и люди, сочувствовавшие ей, все, кто давал еретикам пристанище, милостыню или покровительство, все, кто упускал случай донести на них властям или

---

¹ Tamburini, «Istoria dell'Inquiz.» I, 492– 502.— Bern. Corio, «Hist. di Milano», ann. 1252.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 204).— Ripoll, I, 244, 280, 389.

задержать их,— все эти люди, как бы ни была известна их преданность католицизму, навлекали на себя подозрение в ереси. Если подозрение было тяжелое, то оно приравнивалось к ереси; если же это было сильное или легкое, то все же, как мы видели, оно было опасно. Цангино учит, что если еретик раскаивается, если он исповедует свои грехи священнику, если на него будет наложена епитимия, и он получит отпущение грехов, то он, несомненно, может освободиться от ада и омыть свои грехи в глазах Бога, но он не должен избежать земного наказания и предается в руки инквизиции. А последняя не любила упускать своей добычи. Признавая действительность таинства покаяния, она, чтобы устранить возможную от этого помеху, запретила священникам принимать исповедь от еретиков, предоставив их епископам и инквизиторам. Не является ли это еще новым и поразительным доказательством того, что поведение св. Инквизиции шло в разрез с ее учением¹.

Епитимии, обыкновенно налагаемые инквизицией, не были очень разнообразны. Прежде всего они заключались в подвигах благочестия, таковы: чтение молитв, посещение храмов, строгое исполнение обрядов, посты, хождения по святым местам, пожертвования на дела благотворительности, и вообще во всем, что имел право наложить духовник на входящих к нему кающихся. Этого было достаточно в случаях не особо важных прегрешений. Затем шли роенае confusibiles епитимии унижительные и позорные, из которых наиболее тяжелой было ношение

---

¹ Concil. Tarraconens. ann. 1242.— Innoc. PP. IV. Bull. «Noverit universitas», 1254 (Mag. Bull. Rom. I, 103).— Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).— Eymeric. «Direct. Inquis.», 368— 72, 376— 8.— Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XXXIII.

желтых крестов на одежде; и, наконец, самое суровое наказание, какое могла наложить св. Инквизиция – *murus* или тюрьма. Конфискация, как я уже оговорился, была лишь побочным наказанием и зависела, наравне с костром, от светских властей. Кроме того, соборы в Нарбонне и Безье предписывают изгнание из родины на время или навсегда, но, по-видимому, эта мера наказания применялась так редко, что на ней не стоит и останавливаться; но все же она упоминается в наиболее древних приговорах и фигурирует среди духовных наказаний, подвергнуться которым изъявили согласие раскаявшиеся еретики¹.

Ересь была столь тяжелым преступлением, что ее нельзя было загладить ни сердечным сокрушением, ни возвратом к добру. Хотя церковь объявляла, что она с радостью принимает в свои материнские объятия заблудших и раскаявшихся, но, тем не менее, обратный путь к ней был труден для виновного, и грех его мог быть смыт только ценой епитимий, достаточно суровых, чтобы свидетельствовать об искренности его обращения. Еще до основания инквизиции, около 1208 года, св. Доминик, бывший в то время в распоряжении легата Арно, обратил одного катара, по имени Понс Рожер, и наложил на него епитимию, текст которой дошел до нас. Она дает нам ясное представление о том, что считала церковь обязательным условием воссоединения в то время, когда она пускала в ход все средства, чтобы привлечь к себе еретиков, и не прибегала еще, кроме исключительных случаев, к насилию. Подряд три воскресения кающийся должен был являться обнаженным до пояса, и священник должен был бичевать его от городских

---

¹ Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 3. – Concil. Biterrens. ann. 1246, append. c. 28. – Coll. Doat, XXI, 200. – Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 9992.

ворот Тревиля до дверей церкви; он должен навсегда отказаться от мяса, яиц и сыра, кроме дней Пасхи, Пятидесятницы и Рождества Христова; а в эти дни, наоборот, он должен был вкушать все это, в доказательство своего отречения от заблуждений манихеизма. Два раза в год, по сорок дней каждый раз, он должен был воздерживаться от рыбы; три дня в неделю он не должен есть ни рыбы, ни масла, ни пить вина и соблюдать строгий пост, если позволят его здоровье и род занятий. Он должен носить монашеское одеяние с изображением маленького крестика на каждой груди. Если возможно, он ежедневно должен ходить к обедне, а по праздникам и к вечерне; семь раз в день он должен читать часы и, кроме того, десять раз днем и двадцать раз ночью «Отче Наш». Он должен соблюдать самое полное целомудрие. Ежедневно он должен отчитываться перед священником, который должен следить за соблюдением всего предписанного грешнику; и такой образ жизни он должен вести до тех пор, пока легат не найдет возможным освободить его от епитимии. Всякое нарушение епитимии превращает его в клятвопреступника и еретика, которого должно изгнать из общества верных¹.

Мы видим на этом примере, сколько различных видов епитимии мог соединять воедино духовный отец по своему усмотрению. Таким же характером отличался очень снисходительный приговор, вынесенный в 1258 году каркассонским инквизитором против Раймунда Мария, который признался в разных еретических поступках, совершенных лет 30–40 перед этим, и на основании этого и других соображений подлежал снисхождению. Мы встречаемся здесь также с заме-

---

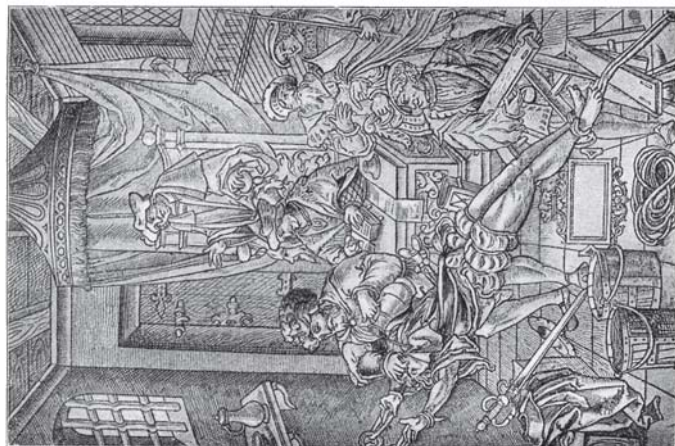
¹ Paramo, «De orig. Offic. S. Inquis.» lib. II, Tit. I, c. 2, § 6.—Martine, «This.», I, 802.—Coll. Doat, XXXI, 1.

ной дел благочестия уплатой известной суммы денег. Раймунд должен был поститься с пятницы после Михайлова дня (29 сентября) до Пасхи и не должен был никогда есть мяса по пятницам, но он мог заменить этот пост уплатой каждый раз одного денье бедному. Ежедневно семь раз он должен читать «Pater Noster» и «Ave Maria». В течение трех лет он должен посетить святыни св. Марии де Рош-Амур, св. Ру д'Алискан, св. Эгидия де Воверт, св. Вильгельма де Дезер, св. Иакова Компостельского и отовсюду доставить удостоверения от настоятелей. Взамен других епитимий он должен дать шесть турецких ливров епископу Альби на построение часовни. Он должен ходить к обедне, по крайней мере, всякое воскресенье и каждый праздник и в эти дни воздерживаться от всякой работы. Другая подобная же епитимия была наложена на одного картезианца из Лубатьера, обвиненного в принадлежности к францисканцам-спиритуалистам. Он должен был не выходить из аббатства в течение трех лет и все это время не говорить ни слова, кроме крайне исключительных случаев. В продолжение целого года в присутствии всей братии он ежедневно должен был исповедовать, что Иоанн XXII есть истинный папа, и что повиновение ему обязательно; кроме того, он должен был наложить на себя некоторые особые посты и повторять известные места из литургии и псалтыри. Подобные епитимии могли разнообразиться до бесконечности по желанию инквизитора¹.

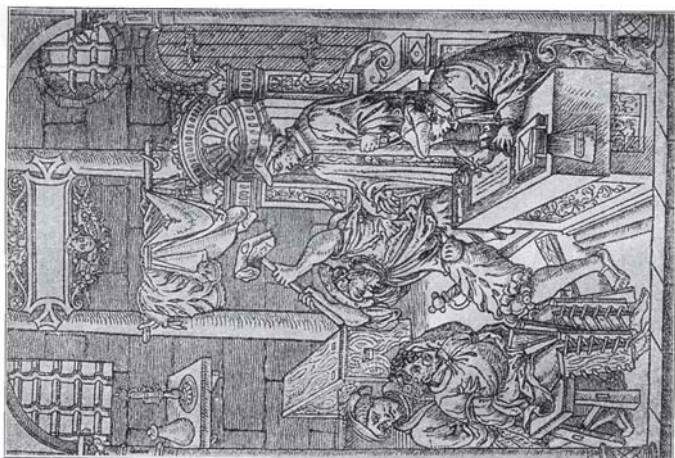
Во всем приведенном нами нет упоминаний о бичевании; но оно было столь обычным условием епитимии, что часто оно подразумевалось, когда предписывались паломничества и посещение церквей. Мы уже видели,

---

¹ Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 255).— Coll. Doat, XXVII, 136.

*Допрос, сопровождаемый пыткой водой.
(Со старинной гравюры)*

*Пытка посредством «испанских сапог».
(Со старинной гравюры)*

что Раймунд Тулузский был подвергнут бичеванию, и, как ни противна кажется нам эта мера, мы не должны забывать, что в глазах людей той эпохи она не заключала в себе ничего унижительного. Соборы в Нарбонне и Безье в 1244 и 1246 гг., а также собор в Таррагоне, в 1242 году упоминают о бичевании как о наказании, принадлежащем к разряду легких, налагаемых на добровольно обращающихся и кающихся в течение срока милосердия. Но все же наказание это было далеко не легкое. Кающийся, обнаженный, насколько позволяли благопристойность и температура, всякое воскресенье во время обедни, между Апостолом и Евангелием, подходил к священнику с розгой в руке, и священник наносил ему частые удары на глазах у всех верных. Поразительная интермедия среди божественной литургии! В первое воскресенье каждого месяца кающийся должен был после обедни обходить все дома, где он видел еретиков, и получать там такие же удары розгой; он должен был в том же одеянии, т. е. полуголый, сопровождать все торжественные процессии и получать удары при каждой остановке и по окончании. Если даже город находился под запрещением или он сам был отлучен от церкви, он должен был все равно выполнять епитимию, которая длилась столько времени, сколько было угодно инквизитору, длилась часто до самой смерти несчастного; один только инквизитор мог положить ей конец. До нас дошло решение Бернара Ги от 1330 года, дарующее прощение кающимся, которые, благодаря своему терпению и покорности в тюрьме, заслужили уменьшение наложенного на них наказания; почти тождественные решения встречаются и раньше, после организации инквизиции¹.

---

¹ Concil. Tarraconens. ann. 1242.— Concil. Narbonn. ann. 1241, c. 1.— Concil. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 6.— Bern. Guidon. «Practica» (Doat. XXIX, 54).— Mss. Bib. Nat. fon. lat. № 14930, fol. 214.

Паломничество считалось одной из самых легких форм наказания; но это только сравнительно с другими: идти на поклонение святым местам надо было пешком, а число этих мест было обыкновенно так велико, что обход их всех требовал нескольких лет жизни, в течение которых семья кающегося могла умереть с голоду. Один из самых умеренных инквизиторов, Петр Селла, часто между другими паломничествами предписывал паломничества в Компостель и Кэнтербери с многочисленными остановками в попутных церквях; в одном случае паломничество в Компостель было предписано более чем девятидесятилетнему старцу за то только, что он разговаривал с еретиками. Хотя гостеприимство, оказываемое путникам многочисленными монастырями и облегчало эти путешествия, но все же паломничества были и опасны, и утомительны. Но хождения по святым местам были так обычны в срение века и так часто налагались при обыкновенных епитимиях, что инквизиция естественно должна была налагать их. В ту эпоху человек так заботился о спасении своей души, что в Рим, по свидетельству современника, во время юбилея 1300 года ежедневно приходило до 20 000 богомольцев, и поэтому кающийся, который отделался одними хождениями по святым местам, мог думать, что с ним поступили очень милостиво¹.

Паломничества, налагаемые инквизицией, делились на два разряда – большие и малые. В Лангедоке в случае больших паломничеств назначались Рим, Компостель, Кэнтербери и Кельн, а в случае малых – девятнадцать местных святынь Парижа и Булони. За какие преступления накладывались они, видно из пригово-

---

¹ Coll. Doat, XXI, 222.– Waddingi. «Annal.» ann. 1300, № 1.– ср. Molinier, «L’Inquis. dans le midi», 400– 1.

ра, вынесенного Бернаром Ги в 1322 году по делу трех обвиняемых, вся вина которых состояла в том, что лет 15 или 20 тому назад они видели вальденских наставников в домах своих родителей, не зная, что это за люди. Чтобы загладить это прегрешение, кающиеся должны были посетить в течение трех месяцев семнадцать святых мест между Бордо и Виенной и, согласно обычаю, принести из каждого места удостоверение о том, что они там были. В данном случае сделана оговорка, что они не должны носить крестов, и я думаю, что это избавляло их от бичевания, которому подвергались при первом появлении в церкви все кающиеся, отмеченные крестами. Под 1308 год мы встречаем один случай, когда осужденный был освобожден от хождений по святым местам ввиду его преклонного возраста и слабости; ему заменили их посещением два раза в год всех церквей в самой Тулузе. Подобные примеры снисхождения так редки в практике инквизиции, что их нельзя обойти молчанием¹.

В первое время деятельности инквизиции назначалось паломничество в Палестину, куда кающиеся должны были идти в качестве крестоносцев. Легат Романо налагал эту епитимию на всех подозреваемых в ереси; но, когда преследование охватило весь Лангедок, число этих подневольных крестоносцев стало так велико, что стали опасаться, как бы они не исказили веры даже на ее родине. В 1242 или 1243 году папа запретил вербовать крестоносцев среди еретиков; а в 1246 году собор в Безье предоставляет на усмотрение инквизитора разрешение вопроса, должны ли кающиеся лично нести службу за морем или посылать вместо себя вооруженного человека, или сражать-

---

¹ Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXVII, 11). – Lib. Sentent. Inq. Tolosan., стр. 1, 310–1.

ся за веру против еретиков или сарацин ближе к своему дому. Также по своему усмотрению инквизиторы могли определять срок службы, который обыкновенно был от двух до трех лет и в исключительных случаях от семи до восьми. Отправившиеся в Святую Землю должны были принести удостоверения, скрепленные патриархом Иерусалима или Акры. Когда после долгих отсрочек граф Раймунд начал готовиться к выполнению своего обета отправиться в Святую Землю, то он получил в 1247 году от папы Иннокентия IV буллу, разрешавшую архиепископу Оха и епископу Ажана заменить паломничеством за море временное ношение крестов и тюремное заключение и даже епитимии, наложенные на всю жизнь, если инквизитор, наложивший их, согласится на это. В следующем году эта мера была распространена и на владения графа Монфора, благодаря чему мы опять встречаем много кающихся в рядах крестоносцев. До нас дошло поучение, данное инквизиторами Каркассона 5 октября 1251 года в церкви святого Михаила тем, кто носил кресты и кто кончил носить их; их приглашают сдержать слово и отплыть при первом случае в Святую Землю. В реестре каркассонской инквизиции часто встречаются приказания кающимся принять участие в крестовом походе. Печальные результаты похода Людовика Святого и падение Иерусалимского королевства вывели из обычая эту форму епитимии, хотя время от времени ее продолжали еще накладывать. Еще в 1321 году Гильем Гаррик был осужден отправиться при первом случае в Святую Землю и оставаться там, пока инквизитор не призовет его обратно; в случае законных препятствий (он был очень стар и изможден тридцатилетним тюремным заключением) он мог послать вместо себя здорового вооруженного человека; но если он не сдела-

ет этого и не отправится сам, то ему грозило пожизненное тюремное заключение. Этот приговор представляет нам, кроме того, редкий пример изгнания, так как Гильему было приказано, если он пошлет в Святую Землю вместо себя другого, избрать себе определенное местожительство и оставаться там, сколько заблагорассудится инквизитору¹.

Эти наказания не затрагивали ни социального положения, ни репутации кающегося. Не таково было, на первый взгляд, несравненно более легкое осуждение носить кресты. Это было прежде всего наказание унижительное, *roena confusibilis*. Мы видели, что уже в 1208 году св. Доминик приказал еретикам носить на груди два маленьких крестика как знамение их греха и раскаяния. Каким-то противоречивым кажется, что символ искупления, который с гордостью носили крестоносцы и воинствующие ордены, превратился для обращенных почти в непереносимое наказание; но после того, как церковь стала употреблять его как видимый знак греха и позора, люди охотно предпочли бы ему всякую другую опалу. Два маленьких крестика св. Доминика превратились в две больших холщевых нашивки шафранного цвета, перекладины которых были в 2 1/2 дюйма шириной, в 2 1/2 фута высотой и в 2 фута длиной; один крест нашивался на спине, другой на груди; иногда, впрочем, ограничивались одним крестом на груди. Если во время своего процесса обращенный давал ложную присягу, то сверху прибавляли вторую поперечную пе-

---

¹ Wadding. «Annal.» ann. 1238, № 7.— Concil. Narbonn. ann. 1244 c. 2.— Concil. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 26, 29.— Berger. «Les Registres d'Innocent IV», №№ 3508, 3677, 3866.— Coll. Doat, XXXI, 17.— Vaissete, III, Pr. 466.— Mss. Bib. Nat., fon. lat., noun. acquis., 139, fol. 8.— Molinier, «L'Inquis. dans le Midi», 408— 9.— Lib. Sentent. Inq. Tolos., 284— 5.— Coll. Doat, XXI, 185, 187, 217.

рекладину; если он был Совершенный, то нашивался третий крест на шапке. В других случаях узник, отпущенный на поруки, должен был носить молот. Мы уже говорили о красных языках, нашиваемых на лжесвидетелей, и о листах, которые носили подделыватели документов, но было еще много других знаков унижения, до которых мог додуматься инквизитор. Эти клейма кающийся должен был носить как дома, так и вне его, и должен был заменять их новыми, когда они приходили в ветхость. Во второй половине XIII века отправлявшимся в крестовый поход за море разрешалось снять эти кресты на время похода с условием снова нашить их по возвращении. В начале деятельности инквизиции это унижительное наказание обыкновенно ограничивали сроком от одного год до восьми лет; но впоследствии наказание это накладывалось постоянно на всю жизнь, хотя инквизитор имел право всегда сложить его ввиду хорошего поведения кающегося. Так, например, на аутодафе 1309 года Бернар Ги разрешил Раймунде, жене Этьена Го, снять кресты, носить которые она была осуждена лет сорок перед этим Понсом де Пуайэ и Этьеном де Гатин¹.

Нарбоннский собор 1229 года предписал ношение крестов всем обращенным, которые добровольно отреклись от ереси, как доказательство того, что они питают отвращение к своим прежним заблуждениям. По-

---

¹ Conc, Biterrens. ann. 1246, Append. c. 26.— Lib. Sentent. Inq. Tolos. 8, 13, 130, 228.

В Италии кресты, по-видимому, делались из красного сукна (Archiv. di Firenze, Prov. S. Maria Novella, 31 oct. 1327).— В XIII в. есть отдельное упоминание о другой роена confusibilis, состоявшей в том, что кающийся носил деревянный воротник. Она упоминается в Шаритэ, в 1233, но другого подобного примера не встречается (Ripoll, I, 46).

видимому, эту епитимию находили тяжелой, и делались попытки освободиться от нее, так как статуты Раймунда от 1234 года и собора в Безье того же года грозят конфискацией имущества тем, кто откажется носить эти видимые знаки позора или будет скрывать их. Другие соборы, подтверждая это постановление, распространили его на всех, кто воссоединится с церковью. Валанский собор 1248 года постановил, что послушники без всякого сожаления должны быть припущены заглаживать свою вину, а в случае повторения ее с ними должно быть поступлено как с бежавшими из тюрьмы, и к ним должны быть применены все те наказания, которым подлежат нераскаявшиеся еретики. В 1251 году один кающийся, собираясь отплыть в крестовый поход, решил, что может снять с себя кресты раньше выступления в поход; за это он попал под суд, ему присудили всякое первое воскресенье каждого месяца приходить в Каркассон босиком, в одной рубашке и штанах и обходить все городские церкви, подвергаясь бичеванию; и это наказание должно было продолжаться до тех пор, пока он не сядет на корабль¹.

Эти суровые меры показывают, до чего невыносимо было ношение крестов. Петр Селла приговаривал к этому наказанию только за тяжелые преступления и всегда на определенное число лет; позднее это наказание стали применять при каждом случае и на всю жизнь. Несчастный кающийся был предметом всеобщих насмешек, и ему было очень трудно зарабатывать себе дневное пропитание. В первые времена инквизиции,

---

¹ Concil. Narbonn. ann. 1229. c. 10. – Statut. Raymondi ann. 1234 (Hardouin, VII, 205). – Concil. Biterrens. ann. 1234, c. 4. – Concil. Tarraconens. ann. 1242. – Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 4. – Concil. Valentin. ann. 1248, c. 13. – Concil. Albiens. ann. 1254, c. 4. – Mss. Bib. Nat., fon. lat., nouv. acquis., 139, fol. 2.

когда большинство населения Лангедока состояло из еретиков, и когда людей, отмеченных крестами, было так много, что даже боялись их появления в Палестине, то собор в Безье в 1246 году счел нужным объяснить населению, чтобы оно оказывало хороший прием кающимся; он запретил насмехаться над ними и отказываться от сношений с ними, так как, пояснил собор, наглядное выражение покаяния должно у всех верных вызывать чувство удовлетворения и служить поводом к приветствию. Но хотя кающиеся и находились под особым покровительством церкви, тем не менее, она настолько ревностно проповедовала ненависть к ереси, что не могла смягчить отношений массы к тем, которых она клеймила. В 1252 году каркассонская инквизиция вызвана на суд Раймунду Манифасье за то, что она сняла с себя кресты; она оправдывалась, говоря, что ее плащ изорвался, и что она не могла сделать нового за неимением средств; что же касается креста на пелеринке, то его запретила носить ей хозяйка, давшая ей новую пелеринку без креста. Более поучителен случай с Арнольдом Изарном, о котором мы уже упоминали: промучившись год, он увидел, что ему не заработать себе куска хлеба с этими знаками унижения¹.

Инквизиция прекрасно понимала, что положение кающихся было ужасно, и иногда она милостиво облегчала его. Так, например, в 1250 году в Каркассоне было разрешено Петру Пельга снять кресты на время поездки во Францию. Бернар Ги свидетельствует, что молодым девушкам часто разрешалось снимать кресты, так как с ними они не могли выйти замуж. В одном из образцов его «Practica», касающихся освобождения кающихся от ношения крестов, пере-

---

¹ Coll. Doat, XXI, 185 и след. – Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 6. – Molinier, «L'Inquis. dans le Midi», 412. – Lib. Sent. Inq. Tolosan. 350.

числяются разнообразные мотивы, обыкновенно применявшиеся в этом случае: преклонный возраст или слабость (несомненно потому, что старик или больной не могли заставить молчать насмешников), или наличность у кающегося семьи, которую нужно кормить, или дочерей, которых нужно выдать замуж. Еще более внушительны формулы воззваний, угрожающие преследованием за помеху действиям инквизиции и осуждением на ношение крестов всем, кто будет издеваться над кающимся, будет гнать их или мешать им следовать их призванию; но бесплодность этих обращений засвидетельствована указами светским властям, которым предписывалось искоренять подобные злоупотребления. В конце концов, подобные напоминания сделались обязательной частью всех аутодафе. Все это показывает, что ношение креста, этой эмблемы христианства, было одним из самых тяжелых наказаний. Санбенито позднейшей испанской инквизиции происходит от наплечника с крестами шафранного цвета, который надевали на приговоренных к тюремному заключению, когда в известные праздники их выставляли у дверей церкви, чтобы их ужасный вид и унижение поучали народ¹.

В первое время возникновения инквизиции вопрос о том, могут ли инквизиторы налагать штрафы, был спорным. Обет бедности, даваемый нищенствующими монахами, которым было поручено святое дело инквизиции, еще не пришел в забвение, и трудно было примириться, видя, как они богатеют благодаря законному или незаконному применению своей почти без-

---

¹ Molinier, op. cit. 404, 414–15. – Bernard. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 115). – Ejusd. «Practica», P. II (Doat, XXIX, 75). – Arch. de l'Inq. de Carcass (Doat XXXVII, 107, 135, 149). – Eymerici «Direct. Inq.», 496–99.

границной власти. Мы уже приводили приговор от 1237 года, которым некто Понс Гримоарди, добровольно обратившийся, был присужден уплатить инквизитору десять ливров *morlaas*. В 1245 году приговор, вынесенный во Флоренции неутомимым инквизитором Руджиери Кальканьи, показывает, что штрафы стали там обычным наказанием. И не без основания Нарбоннский собор 1244 года в своих инструкциях инквизиторам предписывает им не приговаривать к денежным наказаниям как в интересах доброго имени ордена, так и ввиду того, что им надлежало выполнить много другого. Сам орден чувствовал, что эти замечания справедливы. Так как инквизиторы, по крайней мере, в теории не вышли еще из-под надзора своих старших, то провинциальный капитул в Монпелье в 1242 году пытался применить на деле правила ордена и запретил монахам налагать на будущее время штрафы и взыскивать наложенные ранее. Но на это постановление мало обратили внимания, как это видно из буллы Иннокентия IV от 1245 года, в которой папа, желая сохранить доброе имя инквизиторов, повелевает, чтобы штрафы получались двумя лицами, избранными епископом и инквизитором, с тем, чтобы они шли на постройку тюрем и на содержание заключенных. Чтобы согласоваться с буллою Иннокентия IV, собор в Безье в 1246 году отменил постановление Нарбоннского собора и постановил, чтобы штрафы шли на тюрьмы и на покрытие необходимых расходов инквизиции. Несомненно, епископы охотно приняли это постановление, чтобы не платить из своего кармана тех издержек, которые проистекали из их епископской юрисдикции. В современном наставлении инквизиторам назначение штрафных денег определялось в указанном смысле, но злоупотребления не замедлили возникнуть, и уже в 1249 году Иннокентий IV жестоко упрекал инквизи-

торов за их лихоимство к ущербу обращенных, к стыду Св. Престола и к соблазну верных. По-видимому, этот упрек не оказал желанного действия, так как в 1251 году папа совершенно запретил инквизиторам накладывать штрафы во всех тех случаях, когда можно было наложить другое наказание. Но инквизиторы добились отмены этого запрещения и присвоили право накладывать денежные наказания по своему усмотрению. Суммы, собранные таким путем, само собой разумеется, должны были идти на добрые дела, подразумеваемая под этим и расходы св. Инквизиции; а так как все деньги поступали в руки лично инквизиторам, то, вероятно, их не тратили на посторонние нужды, а расходовали «благоприлично, не вызывая соблазна среди мирян», как советовал это Эмерик. В приговорах, вынесенных братом Антонио Секко по делу крестьян вальденских долин в 1387 году, осуждение на ношение крестов обыкновенно сопровождалось штрафом от 5 до 10 флоринов золотом, уплачиваемых инквизиции «на покрытие расходов по делу». Государство попыталось было получить себе часть этих денег, но его притязания были отвергнуты собранием экспертов, созданным в Пиаченце в 1276 году ломбардскими инквизиторами, братом Никколо да Кремона и братом Даниелэ да Джуссано. Первый тулузский инквизитор Петр Селла накладывал денежные наказания, назначение которых было более разумно: кроме паломничеств и других наказаний, осужденный обязывался содержать на свой счет, несколько лет или целую жизнь, священника или одного бедного из своей страны¹.

---

¹ Vaissette, III. Pr. 386.— Lami, «Antichità Toscana», 560.— Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 17.— Innoc. PP. IV. Bull. «Quia te», 19 jan. 1245 (Doat, XXXI, 71).— Molinier. po. cit. 23, 390.— Concil. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 27.— Practica super Inquis. (Mss. Bit. Nat. ton. lat.,

В позднейшую эпоху выставляли на вид, что штраф принципиально не допустим, так как, если обвиняемый – еретик, то все его имущество должно быть конфисковано, если же он невиновен, то он не должен быть наказан. На это инквизиторы возражали, что кроме еретиков есть еще сторонники и защитники ереси, люди, вся вина которых состояла в том, что они произнесли неосторожное слово; на этих людей можно было и даже следовало накладывать штрафы. Таким образом, злоупотребление осталось, так как оно было выгодно для инквизиции¹.

От штрафов нельзя отделять замену наложенных наказаний уплатой известной суммы. Мы уже говорили, как был распространен и прибылен обычай «слагать» с крестоносцев обеты; неминуемо аналогичное злоупотребление должно было запятнать и отношение церкви к кающимся, которых инквизиция передавала ей в руки. Скоро было найдено оправдание, а именно, что деньги, собранные таким образом, должны идти на дела благочестия, а какое дело было более благочестивым, чем удовлетворение нужд тех, кто ревностно трудился над сохранением веры в ее чистоте. Примером здесь служил Св. Престол. Мы уже видели, что в 1248 году папский духовник Альгизий приказал от имени Иннокентия IV освободить десять заключенных, сознавшихся в ереси, на том основании, что они пожертвовали крупные суммы на Св. Землю. В том же году Иннокентий

№ 14930, fol. 222).– Onnoc. PP. IV. Bull. «Cum a quibusdam», 14 maii 1249 (Doat, XXXI. 81, 116).– Coll. Doat, XXXIII, 198.– Ripoll. I, 194.– Eymerici «Direct. Inq.», 648– 9, 653.– Zanchini «Tract. de Haeret.». c. XIX, XX, XLI.– Archiv. Storico Italiano, № 38, стр. 27, 42.– Campi, «Dell. Hist. Eccles. de Piacenza», P. II, 309.– Coll. Doat, XXI, 185 и след.

¹ Bernardi Comens. «Lucerna Inquisit.» s. v. «Poenam».

официально разрешил Альгизию сложить наказание нескольким еретикам без согласия инквизиторов, и он предоставил полное право архиепископу Оха заменить «благотворительностью» духовные наказания, наложенные на воссоединенных с церковью еретиков. В это время Раймунд готовился к крестовому походу, и предлог был хороший. Еретики желали только одного – спасти свою жизнь ценой имущества, и проект обещал хорошие доходы. Ввиду этого в 1249 году Альгизий был послан в Лангедок с широкими полномочиями заменять наложенные инквизиторами наказания штрафами, предназначенными на нужды церкви и Св. Земли, и раздавать все необходимые разрешения грехов, не обращая внимания на привилегии инквизиции. Не трудно догадаться, что инквизиторы не замедлили последовать доброму примеру. В известных нам случаях обыкновенно определяется, на какое благочестивое дело должны пойти деньги; так, например, в 1255 году тулузские инквизиторы отменили наказания, наложенные ими на двенадцать главных граждан Лавора, под условием, чтобы они внесли известную сумму на сооружение храма, который впоследствии стал кафедральным собором этого города; в 1258 году они то же сделали и в пользу церкви в Нажаке. Мосты были предметом общественного пользования, и поэтому постройка мостов была подведена под растяжимое понятие «благочестивых дел». В 1310 году в Тулузе Матье Эйшар был освобожден от ношения крестов и от паломничеств под условием денежного взноса сорока турских ливров на постройку моста на Тоннесе. В формуле подобных мировых сделок, составленной Бернаром Ги, говорится, что помилование, сложение паломничеств или других духовных наказаний допускаются при уплате 40 ливров на постройку известного моста или известной церкви, или «на дела благочестия по нашему усмотрению». Последняя

оговорка показывает, что деньги, вносимые взамен наказания, не всегда шли на общественные дела. Так, например, до нас дошли бумаги нарбоннского инквизитора от 1264 года, который дал прощение Гильему де Пюи ввиду пожертвования им 150 турецких ливров на пользу инквизиции. Величина этих сумм показывает, как сильно желали кающиеся покончить дело миром, и как велика была у инквизиторов власть вымогать деньги. Если инквизитор был человеком честным, то он мог, конечно, устоять против соблазна; но если это был человек алчный, то он пользовался почти безгранично легкой возможностью вымогать деньги у несчастных, беззащитных жертв. Эта система сохранилась до последних дней инквизиции. Во время Николая V брат Мигель, инквизитор арагонский, смертельно оскорбил несколько видных сановников, действуя согласно инструкциям папы; они за это схватили его и продержали девять месяцев под замком. Это было возмутительное нападение на инквизицию. В 1458 году Пий II приказал архиепископу Сарагоссы выкопать кости одного из виновных и послать их в Рим на суд; но он добавил при этом, что архиепископ по своему усмотрению может заменить это наказание штрафом на нужды войны против турок и переслать эти деньги в папскую канцелярию. Само собой разумеется, что смертный приговор законным путем никогда не мог быть выкуплен деньгами¹.

Когда кающийся умирал, не исполнив своей епитимии, то случай для подобных сделок был особо благо-

---

¹ Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 152). – Arch. Nat. de France, J. 430, № 1 – Berger, «Les Registres d'Innoc. IV», № 4093. – Vaissette, III, 460, 462. – Molinier, op. cit., 173, 283–4, 391, 396–7. Lib. sent. Inq. Tolos., 40. – Bern. Guidonis «Practica» (Doat, XXIX, 83). – Coll. Doat, XXXI, 292. – Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXV, 192). – Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XIX.

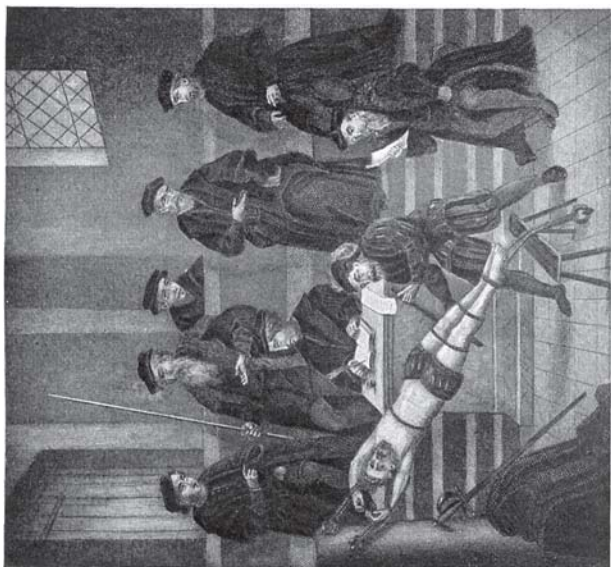
приятен. Смерть не освобождала людей от инквизиции и отнюдь не смягчала ее преследований. На практике здесь могло быть различие между теми, кто умирал, смиренно выполняя свою епитимию, но не успев довести ее до конца, и между теми, кто добровольно не захотел подчиниться ей; но по букве закона невыполнение духовного наказания влекло за собой обвинение в ереси безразлично как для живого, так и для мертвого. Так, например, в 1329 году каркассонская инквизиция приказала вырыть и сжечь кости семи лиц, которые, не исполнив наложенных на них епитимий, умерли в ереси; это естественно влекло конфискацию их имущества и грозило их потомкам, кроме разорения, еще известными ограничениями прав, о которых мы говорили выше. Соборы Нарбонны и Альби предписали инквизиторам требовать удовлетворения от наследников тех, кто умер до суда, если они должны были быть осуждены на ношение крестов, а также от наследников тех, кто сознался и был осужден, но умер раньше, чем мог начать или выполнить епитимию. Ги Фукуа высказывает предположение, что в подобном случае кающийся попадает в Чистилище, и он приходит к выводу, что с его наследников ничего не следует требовать; но его авторитет должен был клониться перед более прибыльным учением соборов, и современное руководство предписывало инквизиторам требовать «приличного удовлетворения». Есть что-то особенно отталкивающее в той алчности, с которой преследовали за пределами могилы тех, кто смиренно сознался, раскаялся и был принят в лоно Матери-церкви; но инквизиция не знала жалости и отбирала все до последнего гроша. Так, например, инквизитор Каркассона предписал пятилетнее паломничество в Св. Землю некоему Жану Видалю; но он умер, не успев выполнить этого. 21 марта 1252 года его наследники, вызванные на суд, показали под при-

сягой, что все имущество покойного равнялось 20 ливрам, и дали залог, что во всем признают решение инквизитора. Последнее было объявлено в августе, и от наследников было потребовано 20 ливров, т. е. все состояние покойного. А вот другой случай. Раймунд Барбайра умер, не совершив нескольких паломничеств, к которым, равно как и к ношению крестов, он был присужден. Опись его имущества показала, что у него были следующие вещи: кровать, одежда, шкаф, несколько голов скота и 4 су; все перешло к его родным. И вот 7 марта 1256 года инквизитор потребовал от наследников этого убогого имущества уплаты 40 су к Пасхе, взяв с них поручительство. Подобные случаи освещают ярким светом дух и приемы инквизиции, а также тот гнет, которым давила она несчастное население, предоставленное на ее произвол. Даже в том случае, если дело шло только о предполагаемых сторонниках ереси, которые не были еретиками, их наследники все равно должны были подчиняться всякому денежному наказанию, которое было бы наложено на умерших¹.

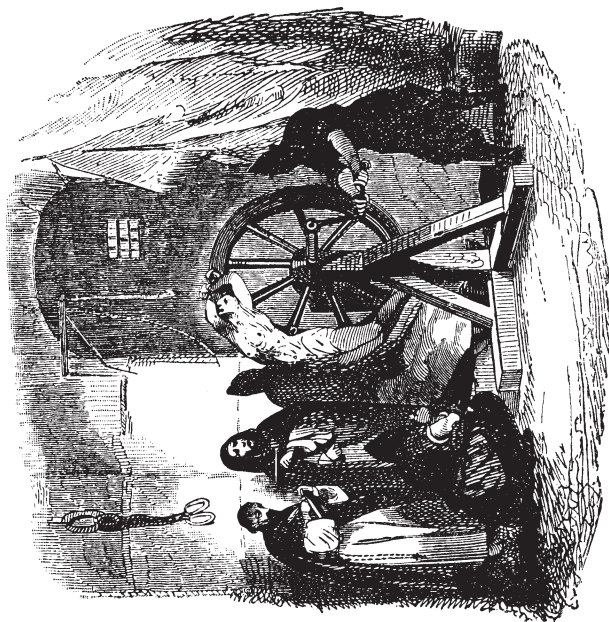
Другим, более законным, источником доходов, но также породившим крупные злоупотребления, был обычай требовать залоги. Последние, конечно, могли быть оставлены обвиняемыми и служили, таким образом, незаконным поводом к смягчению наказания. Этот обычай вошел в употребление с первых дней инквизиции и применялся в течение всего судопроизводства от первого вызова на суд до объявления окончательного решения и даже после, так как

---

¹ Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 236).— Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 19.— Concil. Albiens. ann. 1254, c. 25.— Guid Fulcod. «Quaest.» VII.— Practica super Inquist. (Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 14930, fol. 221— 2).— Molinier, po. cit., 365, 392.— Bern. Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Inquisitores», № 18.

Пытка.

(«Atlas der Kulturgeschichte», Brochhaus)

Пытка.

(Mystères de l'Inquisition», C.-V. de Fürst)

случалось, что заключенных освобождали под условием, что они явятся по первому требованию, и в виде гарантии они вносили залог. Обращенный, получивший прощение после отречения от ереси, также должен был внести залог, обещаясь не впадать более в заблуждения. Так, например, в 1234 году один знатный миланец Лантельмо был обязан внести 2000 ливров, а за двух флорентийских купцов друзья внесли 2000 серебряных марок. В 1244 году бароны из Флоренции обещали, уплатив залог в 1000 ливров, повиноваться приказаниям церкви; в 1252 году некто Гильем Рожер обязался, внося в обеспечение 100 ливров, отплыл с первым кораблем в Св. Землю и оставался там три года. Гарантия всегда требовалась денежная, и инквизитору было запрещено принимать ее из рук еретиков, вина которых влекла полную конфискацию всего имущества; но это правило соблюдалось плохо, и часто находили друзей обвиняемого, которые вносили за него требуемый залог. Оставленный залог должен был поступать в пользу инквизитора иногда непосредственно, иногда при посредстве епископов, и идти на покрытие расходов инквизиции. Обыкновенная форма залога предоставляла в распоряжение инквизитора все имущество заинтересованного лица и имущество двух поручителей, каждого порознь и обоих вместе; по общему правилу к залогу можно было прибегнуть всегда, кроме тех случаев, когда обвинение было очень тяжелое, или когда преступник не мог предоставить никакого залога¹.

---

¹ Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 17.— Conc. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 15.— Innoc. PP. IV. Bull. «Cum venerabilis», 29 jan. 1253; Bull. «Cum per nostras», 30 jan. 1253; Bull. «Super extirpatione», 30 maii 1254.— Alex. PP. IV. Bull. «Super extirpatione» 13 nov. 1258; 20 sept. 1259; Bull. «Ad. audientiam», 23 jan. 1260.— Berger, «Les

Невозможно было, чтобы эти разные уловки набивать карманы, торгуя приговорами инквизиции, не породили почти повсеместно растления. Чтобы получить разрешение на внесение залога, нужно было заручиться согласием инквизитора, производство которого было окружено такой таинственностью, что он ничем не рисковал, назначая цену за свою снисходительность. Если принять во внимание, что всякий, перешедший семилетний возраст, мог подвергнуться подозрению в ереси, что было неизгладимым пятном, которое мог наложить один простой вызов в суд, то нетрудно понять, какая широкая арена раскрывалась алчности инквизитора, его фискалов и слуг. Мы располагаем большим числом достоверных свидетельств того, что инквизиторское могущество часто бывало средством для вымогательств и шантажа. В 1302 году Бонифаций VIII писал доминиканскому провинциалу в Ломбардии, что до него дошли прискорбные жалобы на францисканских инквизиторов Падуи и Виченцы, виновных в том, что они вымогали огромные суммы у мужчин и женщин и подвергали их тысяче притеснений. Папа наивно прибавляет, как увеличивающее их вину, то обстоятельство, что они не употребляли своих незаконных доходов ни на пользу Св. Трибунала, ни на пользу римской церкви, ни на пользу своего ордена; отсюда можно заключить, что частенько закрывали глаза на эти вымогательства, раз прибыль распределялась разумно. Бонифаций поручил

Registres d'Innoc. IV», № 3904.— Ripoll, I. 69, 71, 223—4, 247.— Lami, «Antichità Toscane», 576.— Mss. Bib. Nat., fon. lat., nouv. acquis. 139, fol. 43.— Eymerici «Direct. Inq.», 638.— Zanchini «Tract. de Haeret.» c. XIX.— Bern. Guid. «Practica» P. V. (Doat, XXX).— Albert. «Repert. Inq.» s. v. «Cautio».— Право вносить залог, за исключением случаев уголовного обвинения, было официально признано светским судом, См., например, Isambert, «Anc. loix Franç.», III, 57.

Ги, епископу Сента, произвести расследование, и так как жалобы подтвердились, то он приказал провинциалу заместить виновных доминиканцами¹. Эта перемена не облегчила участи несчастных притесняемых, ибо уже в следующем году юрисконсульт Падуи, Маскате де Мосчери, обратился к папе Бенедикту и жаловался ему на нового инквизитора, доминиканца бр. Бенигно, который возбудил против него дело с единственной целью сорвать деньги. В 1304 году Бенедикт был вынужден сделать серьезное внушение инквизиторам Падуи и Виченцы ввиду доходивших до него жалоб по делам добрых католиков, которых бессовестно преследовали при помощи лжесвидетелей. Понятно теперь, почему строгие францисканцы жаловались, что инквизиторы из их ордена путешествовали по стране на лошади, а не ходили босые пешком, как это предписывалось их уставом. В эту же эпоху раздавались подобные жалобы и на доминиканцев Лангедока. Нелегко было сдвинуть Рим с места, но, наконец, расследование, назначенное Климентом V, убедило его, что обвинения были вполне справедливы. На Виенском соборе 1311 года папа велел принять каноны, внесенные в *Corpus Juris*, выражения которых говорят довольно ясно о том, что народы, отданные во власть инквизиции, знали чересчур хорошо, что инквизиция часто пользовалась своим могуществом для вымогательства денег с невинных и за деньги оставляла на свободе виновных. В наказание за подобные проступки Климент предлагал отлучение от церкви *ipso facto*; Бернар Ги находил это чересчур жестоким, ибо отлучение от церкви уничтожило бы все

---

¹ Только в 1477 году Сикст IV по просьбе дожа Андрея Вендрамино отменил декрет Бонифация и назначил инквизитором в Падую и Виченцу францисканца Джованни до Клуджиа (Archivio Vaticano, Sixto IV, Reg. T. I, fol. 108).

деяния провинившегося – как добрые, так и дурные. Но результат не оправдал ни надежд папы, ни опасений инквизитора: инквизиторы продолжали богатеть, а народ стонать от их тирании. В 1338 году папа был вынужден приступить к расследованию по поводу возмутительного торга, заключенного городом Альби, уплатившим каркассонскому инквизитору крупную сумму денег за то, чтобы он выпустил на свободу нескольких граждан, обвиненных в ереси. В 1337 году Бенедикт XII приказал своему нунцию в Италии Бертрану, архиепископу Эмбрена, проверить жалобы, которые неслись со всех мест полуострова на вымогательство инквизиторов, на их продажность, на их преступную снисходительность. Нунцию было дано право отстранять от службы; и из того, как он воспользовался этим правом, видно, какие глубокие корни пустило уже зло. Однако действие подобных мер было непродолжительно.

В 1346 году Флорентинская республика возмутилась против своего инквизитора Петро ди Аквила, которого она обвиняла в различных проступках и, между прочим, в вымогательстве. Он бежал и отказался явиться во время следствия, хотя ему и предлагали охранный лист. Один только свидетель показал под присягой 66 случаев вымогательства; согласно частной записке, дошедшей до нас, суммы, незаконно взимаемые, колебались от 25 до 1700 флоринов; сумма огромная для той эпохи; а так как в то время во Флоренции не было еретиков, то инквизитор обогатился так быстро на делах о ростовщиках и невольного богохульства. Что касается ростовщичества, то примером в этом, по словам Альваро Пелайо, служили тосканские епископы, которые раздавали под проценты церковные деньги; но инквизитор опасались касаться прелатов. Что касается богохульства, то мы знаем от Эмерика, с какой радостью находил он ересь в про-

стой божбе. Без сомнения, Боккачьо имел ввиду бр. Петра, описал флорентинского инквизитора, который, подобно всем своим собратьям, имел глаза рыси, чтобы открывать ересь богатых, и который содрал огромную сумму с одного гражданина, виновного в том, что он сказал, что у него такое прекрасное вино, что и сам бы Христос не отказался выпить. Случай, бывший в 1403 году, с Марией дю Канек, менялой в Камбрэ, показывает как ловко инквизиция, когда число еретиков стало ничтожно, умела изыскивать средства, искажая самые незначительные поступки. Вызванная на епископский суд, она без всякой задней мысли высказала мнение, что ее неудобно допрашивать под присягой по делу против ее собственного корыстолюбия и ее собственной чести. За это она подверглась преследованию со стороны уполномоченного инквизитора Николая Перонского и была присуждена к различным наказаниям, в том числе к прекращению своего торгового дела на девять лет и к уплате 80 золотых крон «в возмещение расходов»¹.

Строгость, с которой толковались каноны против лихоимства, рельефно выразились в деле, представленном парижскому университету в 1490 году. Было

---

¹ Molinier, op. cit., 299–302. – Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXIV, 5). Быть-может, стоит отметить, что Риполь, печатая эту буллу Бонифация VIII (т. II, 61), благоразумно опустил подробности преступлений, совершенных инквизиторами. – Grandjean, «Reg. de Benoit XI», №№ 169, 509. – Chron. Girardi de Fracheto Contin. ann. 1303 (D. Bouquet, XXI, 22–3). – Articuli Transgressionum («Archiv fur Litt. und Kirchengeschichte», 1887, стр. 104. – С. 1. § 4, с. 2. Clement. V. 3. – Bernardi Guid. «Gravamina» (Doat, XXX, 118–9). – Coll. Doat, XXXV, 113. – Rippoll. VII, 58. – Alvar. Pelag. «De Planet. Eccles.», lib. II, art. VII. Eymerici, «Direct. Inq.», 332. – Decamerone, Giorn. I. Nov. 6. – Arch. administr. de Reims, III, 641.

спрошено мнение богословского факультета об одном контракте, согласно которому одна церковь купила за триста ливров ежегодный доход в двадцать ливров, доставляемый известными землями, с правом потребовать назад покупную цену, предупредив за два месяца, тогда как частное соглашение признавало за землевладельцем право выкупа в течение девяти лет. Отсюда один из многочисленных процессов, к которым прибегали, когда развились промышленность и торговля, чтобы обойти запрещение ссуды под проценты. Этот контракт оставался в силе двадцать шесть лет раньше, чем подвергся подозрению, и был представлен на рассмотрение университета. Была назначена комиссия из двенадцати докторов, которые обсудили вопрос и решили одиннадцатью голосами против одного, что контракт этот лихвенный, и что ежегодные платежи должны быть рассматриваемы как частичные платежи покупной суммы¹.

Злоупотребления инквизиции были неискоренимы. Корнелий Агриппа ручается, что инквизиторы имели обыкновение заменять телесные наказания штрафами и даже налагать ежегодный оброк за свою снисходительность. Во время его пребывания в Миланской республике в 1515 году он был свидетелем волнения, вызванного хищничеством этих людей, которые вымогали огромные суммы у женщин благородного происхождения; когда мужья раскрыли все дело, то инквизиторы с трудом ускользнули живыми².

Я остановился на этой стороне характера инквизиции, так как на нее мало обращали внимания, несмотря на всю массу зол и страданий, причиненных ею. Костер похитил сравнительно мало жертв. Как ни

---

¹ D'Argentrй, «Collect. Judic. de nov. Error.», I. II. 323.

² Cornel. Agrippa, «De vanitate scientiar.», cap. XCVI.

были ужасны мрачные тюрьмы, куда инквизитор запирал своих мучеников, инквизиция гораздо более внушала страха и отчаяния постоянной угрозой лишения имущества, которая, как Дамоклов меч, висела над головой всех и каждого. Не сегодня – завтра она могла довести до нищеты любое семейство. Редко жертвы осмеливались кричать, еще реже крики их доходили по назначению; но до нас дошло достаточно отдельных случаев, чтобы мы могли представить себе; до какой степени Святой Трибунал, только благодаря своему могуществу грабить, стал бичом отданного в его власть населения. Рано уже поняли богатые люди, что благоразумнее для них было заручиться расположением людей, столь грозно вооруженных. В 1244 году доминиканский капитул Кагора был вынужден вмешаться; он приказал инквизиторам отнюдь не позволять братьям брать подарки и подношения, которые подрывали доброе имя их ордена; но эти сомнения скоро были забыты, и мы видим, что такой возвышенной души человек, как Эмерик, утверждает, что инквизиторы могут принимать приношения, хотя они и могут отказаться, за исключением особых случаев, от подношений, делаемых людьми, приведенными на их судилище. Так как инквизиция представляла свои отчеты только папской канцелярии, то ее служителям нечего было бояться ни расследований, ни доносов. Им нечего даже было бояться и гнева небесного, так как уже сами их служебные обязанности обеспечивали им полное отпущение всех грехов, в которых они исповедовались и раскаивались. Защищенные, таким образом, от всего как на этом, так и на том свете, они действовали, как хотели, и никакое угрызение совести не смущало их духа¹.

---

¹ Molinier, op. cit. 307. – Eymerici. «Direct. Inq.», 650, 685.

Только одно чисто светское наказание входило в компетенцию инквизиции: указание домов, подлежащих уничтожению, как оскверненных ересью. Происхождение этого странного обычая нелегко раскрыть. По римскому императорскому закону здания, в которых с согласия владельца собирались еретики, должны были быть конфискуемы и поступать в пользу церкви; но между тем, лишь только ересь стала грозной силой, мы видим, что разрушение домов предпринималось светскими властями чрезвычайно единодушно. Первый пример этого закона я встретил под 1166 годом: *Assises de Clarendon* предписали сносить все дома, где еретики находили приют. Подобный же указ был издан императором Генрихом VI в 1194 году (Пратский эдикт), Оттоном IV в 1210 году, Фридрихом II в 1232 году (Равеннский эдикт), который дополнил, таким образом, свой коронационный эдикт 1220 года, где это предписание было упущено. Оно было уже внесено в Веронский кодекс 1228 года для всех тех случаев, когда владельцы дома в недельный срок не удалят из дома своих жильцов еретиков. Через несколько лет мы находим его в статутах Флоренции, и оно фигурирует в папских буллах, определяющих судопроизводство инквизиции. Во Франции Тулузский собор 1229 года постановил, что всякий дом, в котором был принят еретик, подлежал разрушению, и граф Раймунд в 1234 году дал этому постановлению силу закона. Оно, естественно, вносилось в узаконения последующих соборов, которые вырабатывали права инквизиторского суда, и было принято Людовиком Святым. По-видимому, только в одной Кастилии это предписание не соблюдалось, благодаря, конечно, непосредственному влиянию римского права на ее законодательство; в «*Partidas*» говорится, что дома, давшие пристанище еретикам, должны быть про-

сто переданы церкви. Но повсюду их разрушали, и место, на котором они были построены, считалось проклятым и должно было служить для свалки нечистот; однако материалы, оставшиеся от ломки, могли быть употреблены на благотворительные цели, если только в приговоре инквизиции не говорилось об их окончательном истреблении. Этот приговор препровождался приходскому священнику, который был обязан объявлять его во время обедни подряд три воскресенья¹.

Во Франции королевские чиновники, ведавшие конфискацией, в конце концов, начали протестовать против разрушения частной собственности, иногда очень крупной, так как оно распространялось как на замок вельможи, так и на хижину крестьянина. В 1329 году каркассонский инквизитор, Генрих де Шамэ, добился от Филиппа Валуа подтверждения правила и в том же году на ауто, происходившем в сентябре, он имел удовольствие приказать разрушить четыре дома и одну ферму, над владельцами которых был совершен перед смертью обряд еретикации. Но спустя полстолетия между представителями короля и инквизиторами Дофинэ возник спор по этому поводу, результаты которого были совершенно иные. Карл V, посоветовавшись предварительно с папой, опубликовал 19 октября 1378 года указы, в силу которых разрушение недвижимости, как карательная мера, было отменено.

---

¹ Const. V. VIII, § 3, Cod. I, V.— Assis. Clar. art. 21.— Lami, «Antich. Toscane», 124.— Hist. Dopl. Frid. II, t. IV, 299—300.— Lib. Jur. Civ. Venonae c. 156.— Alex. PP. IV. Bull. «Ad extirp.» § 21.— Conc. Tolos. ann. 1229, c. 6.— Stat. Raym. ann. 1234 (Hard. VII, 203).— Vaiss. III. Pr. 370—1.— Conc. Biterr. ann. 1246, Append. c. 35.— Concil. Albiens. ann. 1254, c. 6.— Ыtablissements, I. 36.— Siete Partidas, P. VII. Tit. XXVI, 1.5.— Bern. Guidon. «Practica» Doat. (XXIX, 89) — Lib. Sent. Inq. Tolos. 4, 80, 81, 168.

Таким же образом выразился дух независимости и в Северной Германии: «Sachsenspiegel» предписывает, что ни один дом не должен подвергнуться разрушению, за исключением того случая, когда там будет совершено изнасилование женщины. В Италии обычай продолжал существовать, так как там конфискации производились не в пользу князей; но признали, что владелец мог сохранить свой дом, если он не знал о том, что им пользовались для дурного дела. Но юристы все еще спорили относительно запрещения навсегда строить новый дом на этом месте; одни утверждали, что непрерывное владение земельным участком католиков в течение 40 лет давало ему право на постройку на этом участке нового дома; другие же настаивали на том, что действие приговора инквизиции распространялось навсегда и не могло быть отменено. Со временем инквизиторы присвоили себе право давать разрешения на возведение построек на проклятых участках, и они извлекли отсюда крупные доходы, хотя, конечно, нелегко им было оправдать подобные разрешения¹.

Другое светское наказание может служить примером почти неограниченной власти инквизиторов в выборе наказаний. Когда в 1321 году город Корд, долгое время бунтовавший против своего епископа и своего инквизитора, выразил покорность, то Бернар Ги и Жан де Бон наложили на него следующее наказание: выстроить часовню определенной величины в честь святого Петра Мученика, святой Цецилии, святого Людовика и святого Доминика и поставить над алтарем деревянные или каменные статуи всех этих

---

¹ Isambert, «Anc. loix franз.», IV, 364; V, 491. – Rippoll, I, 252. – Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 248). – Sachsenspiegel. Buch. III, Art. I. – Zanchini «Tract. de Haeret.» c. XXXIX, XL.

святых; чтобы довершить унижение города, портал приказали украсить статуями епископа и двух инквизиторов; все было приказано окончить в течение двух лет под страхом штрафа в 500 турецких ливров, которые должны были удвоиться по истечении новой двухлетней отсрочки. Население Корда поторопилось выстроить часовню, но колебалось почтить статуями своих гонителей; через двадцать семь лет, в 1348 году, городские власти были вызваны тулузской инквизицией, и им пришлось дать залог в обеспечение немедленного окончания портала и постановки статуй инквизиторов¹.

Самая суровая кара, которую могли наложить сами инквизиторы, было тюремное заключение. Согласно учению инквизиции, это, в сущности, не было наказанием, но средством для кающегося получить, подвергнув себя посту на воде и хлебе, отпущение своих прегрешений; в то же время постоянный бдительный надзор удерживал его на правом пути и не допускал его заразить все стадо. Само собой разумеется, это духовное наказание налагалось только на обратившихся. Мятущийся еретик, упорствовавший в своем непослушании, упрямо отказывавшийся сознаться в ереси и твердивший о своей невиновности, не мог быть подвергнут этому духовному наказанию; его передавали в руки светской власти, т. е. — в руки палача².

В силу буллы Григория IX «*Excommunicamus*» от 1229 года всех тех, кто будучи задержанным, отказывался от заблуждений из страха смерти, следовало подвергать пожизненному заключению. Почти одновременно предписал то же и Тулузский собор,

---

¹ Lib. Sent. Inq. Tolosan., 280.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXV, 122).

² Zanchini. «Tract. de Haeret.», с. X.

добавив, что нужно помешать обратившимся против воли совращать других. Равеннский эдикт Фридриха II 1232 года усвоил это правило и дал ему на долгое время значение закона. Арльский собор 1234 года обратил внимание на постоянное возвращение к ереси обращенных силой и предлагал епископам строго наблюдать за тем, чтобы к ним применялось пожизненное тюремное заключение. В то время еретики-рецидивисты не считались еще погибшими безвозвратно и их не передавали светской власти, но навсегда запирали в тюрьму¹.

Зародившаяся Инквизиция нашла это правило уже прочно установившимся и применила его с неумолимой энергией, которую она вносила во все свои служебные действия. Это, говорили, была особая милость по отношению к людям, потерявшим всякое право на снисхождение. Исключений здесь не допускалось. Нарбоннский собор 1244 года точно объявил, что, если нет особой папской индульгенции, не следует никогда мужа щадить ради жены, жену – ради мужа, отца – ради детей, единственным кормильцем которых он был; ни возраст, ни болезнь не должны были влиять на смягчение приговора. Всякий, кто не являлся в течение срока милосердия, чтобы сознать-

---

¹ Gregor. PP. IX. Bull. «Excommunicamus», 28 aug. 1229. – Concil. Narbonn. ann. 1229, c. 9. – Hist. Diplom. Fridr. II, T. IV, 300. – Concil. Arelat. ann. 1234, c. 6. – Vaissete, III. Pr. 314.

Булла Григория IX, внесенная в каноническое право, осуждает на пожизненное тюремное заключение тех, кто *redire noluerint* (С. 15, § 1, Extra V. VII); но последнее слово, очевидно, ошибка вместо *voluerint*, так как упорствующие еретики выдавались светской власти. В изданном немного позднее Равеннском эдикте Фридриха II говорится, что пожизненное тюремное заключение обращенных согласно с канонами церкви.

ся и выдать своих единомышленников, должен был подвергнуться этому наказанию, которое всегда должно быть пожизненным. Устрашенные деятельностью инквизиторов, пропустившие определенный срок, являлись толпой, умоляя, чтобы их воссоединили с церковью. Ввиду широкого распространения ереси в Лангедоке эта толпа стала так велика, что епископы заявили о невозможности для них кормить такую массу заключенных и даже о невозможности найти достаточно камней и извести для сооружения для них тюрем. Тогда было предписано инквизиторам отсрочить до решения папы заключение обращенных, кроме предупреждения случаев закоснелости в грехах, вероотступничества и бегства. По-видимому, Иннокентий IV не был склонен к снисхождению, так как в 1246 году собор в Безье предписал заключать в тюрьму всех, пропустивших срок, советуя, впрочем, смягчать наказание в тех случаях, когда оно грозило смертью родителям или детям. Таким образом, тюрьма сделалась обычным наказанием для всех, за исключением упорствующих еретиков, которые сжигались. Одним только решением, объявленным в Тулузе 19 февраля 1237 года, было приговорено к этому наказанию от двадцати до тридцати кающихся, которых пришлось временно запереть в частные дома, пока не освободились для них места в тюрьме. В отрывке книги решений тулузской инквизиции за время с 1246 по 1248 год, содержащем сто девяносто два дела (в том числе сорок три заочных решения), наказание всегда одно и то же – тюрьма. Сто двадцать семь лиц были осуждены на пожизненное тюремное заключение, шесть на десять лет, шестнадцать на неопределенный срок, как заблагорассудится церкви; только несколько позднее стали согласоваться с решением Нарбоннского собора и приговаривать всегда на всю

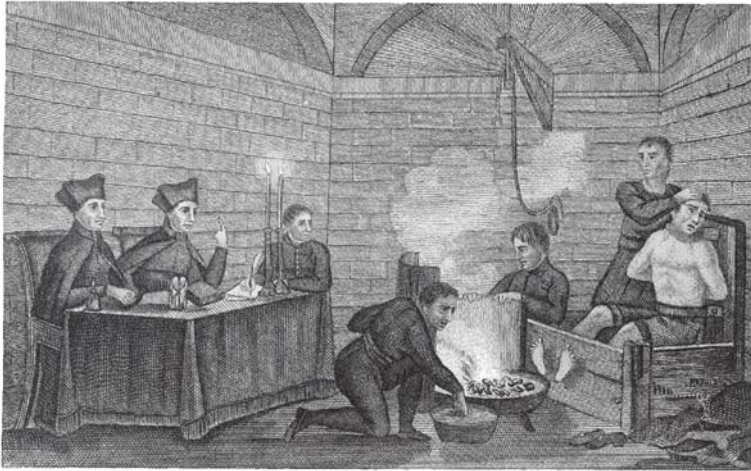
жизнь. С течением времени здесь стали делать некоторые смягчения, так как не все инквизиторы были такого закала, как Бернар Ко, ставший в то время во главе тулузской инквизиции; но до самого последнего времени пожизненная тюрьма осталась духовной карой по преимуществу, несмотря на то, что декреты Фридриха и каноны Тулузского и Нарбоннского соборов считались применены только к тем, кто отрекся «чистосердечно» уже после преследования¹.

Из дошедших до нас приговоров позднейшей эпохи часто трудно понять, почему один виновный приговорен к тюрьме, а другой за то же преступление отпущен на свободу с обязательством носить кресты. Быть может, делали различие между теми, кто обращался с радостью, и теми, кто обращался по принуждению. Вот пример, показывающий, с какой жестокостью такой человек, как Бернар Ги, принадлежавший к числу наиболее просвещенных инквизиторов, мог применять ужасный закон, которым вооружила себя церковь. Некто Петр Раймунд Доминик, вызванный на суд в 1309 году, бежал и был отлучен от церкви; осужденный в 1315 году, как уклонившийся от суда еретик, он в 1321 году явился добровольно, выговорив себе сохранение жизни. Его еретические поступки не представляли ничего особенного, и в оправдание своей неявки он ссылался на то, что на руках у него была жена и семеро детей, которые могли бы умереть без него с голоду; и все же он был заключен пожизненно в тюрьму.

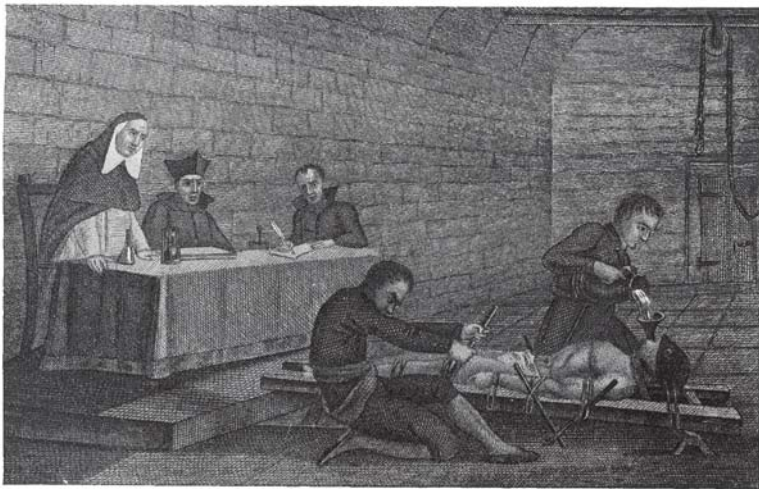
Суровый Бернар Ко не всегда был столь жестокосерден. В 1246 году он осудил на пожизненное

---

¹ Concil. Tarracon. ann. 1242.— Concil. Narbonn. ann. 1246, c. 9, 19.— Concil. Biterr. ann. 1246, Append. c. 20.— Coll. Doat, XXI, 152.— Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 9992.— Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).

Пытка.

(«Histoire abrégée de l'Inquisition d'Espagne», Llorente)

Пытка.

(«Histoire abrégée de l'Inquisition d'Espagne», Llorente)

тюремное заключение Бернара Саббатье, еретика-рецидивиста, но ввиду того, что отец виновного, больной и престарелый, был хорошим католиком, сыну было разрешено остаться при отце до его смерти и кормить его своими трудами, под условием ношения крестов¹.

Было два вида тюремного заключения: строгое (*muris structus, durus* или *arctus*) и смягченное (*muris largus*). Но в обоих случаях заключенный получал только хлеб и воду, содержался в одиночной камере и не мог ни с кем иметь сношений из боязни, чтобы его не совратили другие или он других. Впрочем, последнее правило соблюдалось не строго, ибо около 1306 года Жофруа д'Абли отмечает как злоупотребление посещения заключенных духовными и мирянами обоего пола. Допускались свидания супругов, если они оба были заключены или даже если только один из них содержался в тюрьме. В конце XIV века Эмерик допускает, что можно разрешать свидания с заключенными ревностным католикам, но он запрещает свидания женщинам и простому народу, так как, добавляет он, обращенные очень склонны к возврату в ересь, очень способны заражать других и вообще кончают костром².

Лица, подвергнутые простому аресту, *muris largus*, могли, если вели себя хорошо, выходить на короткое время в коридоры, где им удавалось иногда обменяться несколькими словами и входить в сношение с внешним миром. Кардиналы, посетившие тюрьму Каркассона и предписавшие меры, смягчающие ее строгости, приказали оказывать снисхождение людям старым и

---

¹ Lib. Sent. Inq. Tolos., passim, 347–9. – Eymerici «Direct. Inq.» 507. – Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 9992. – Practica super Inquisit. (Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 14930, fol. 222).

² Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXIII, 143). – Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 23, 25. – Eymerici «Direct. Inquis.», 507.

слабым. Заключенный в *murus strictus* содержался в ножных оковах в узкой и темной камере; часто он был прикован еще к стене. Это наказание налагалось на тех, преступные деяния которых носили характер со-блазна, или на тех, кто нарушал присягу, дав неполное признание; но это всецело зависело от усмотрения инквизитора. Я встретил под 1328 год случай, где еретик был приговорен к *murus strictissimus*, в ручных и ножных оковах. Когда виновные принадлежали к монашескому ордену, то обыкновенно наказание хранилось в тайне, и осужденный заключался в тюрьму монастыря своего ордена; для этого при монастырях обыкновенно имелись одиночные камеры, где условия содержания были не лучше, чем в епископских тюрьмах. Жанна, вдова де ла Тур, монахиня из Леспенасс, причастная к ересьям катаров и вальденсов и нарушившая присягу при принесении сознания, была приговорена в 1246 году к одиночному заключению в тюрьме при своем монастыре; никто не должен был проникать к ней, никто не мог ее видеть, пищу передавали ей через нарочно устроенную форточку. Это была могила живых, известная под именем *in pace*¹.

---

¹ Arch. de l'Hôtel de Ville d'Albi (Doat, XXXIV, 45).— Bern. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 100).— Lib. Sent. Inq. Tolos. 32, 200, 287.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 136, 156).— Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 9992.

Суровость тюремного заключения в монастырях, называемого *in pace* или *vade in pacem*, была такова, что подвергшиеся ей быстро умирали в агонии отчаяния. В 1350 г. тулузский архиепископ просил короля Иоанна велеть смягчить суровость заточения, и король вследствие этого издал указ, в силу которого настоятель монастыря был должен два раза в месяц навещать и утешать заключенного; последнему же, кроме этого, предоставлялось право просить, чтобы два раза в месяц его навещали монахи. Это не-

Когда не заботились о том, чтобы проявлять строгость по отношению к заключенным, то она неизбежно уменьшилась. Так, например, из разных отдельно рассеянных в различных делах заметок мы видим, что узники поддерживали довольно частые сношения как между собой, так и с внешним миром; однако, страже предписывалось не допускать никаких сношений, которые могли бы ожесточить сердца заключенных или отвратить их от полного признания¹.

Само тюремное начальство не заботилось о том, чтобы облегчить участь заключенных. Сеньоры, имевшие судебную власть, и города, обязанные содержать тюрьмы, смотрели на них как на тяжелое бремя. Когда попадал в тюрьму должник, то, хотя закон ограничивал его задержание сорока днями и предписывал давать ему приличный стол, однако, все это обыкновенно игнорировалось, так как чем хуже содержали его, тем больше он старался заплатить долг и выйти скорее на свободу. Виновным же узникам давали только хлеб и воду; если они умирали от истощения, то меньше было расходу. Заключенный, имевший деньги и друзей, мог, конечно, добиться лучшего обращения; но для еретиков это было почти невозможно, так как имущество их было конфисковано, и было опасно всякое малейшее проявление участия к ним².

значительное смягчение грубых обычаев показалось столь позорным доминиканцам и францисканцам, что они обратились к папе Клименту VI с просьбой восстановить старый порядок. Папа отказал им.— Chron. Bardin. ann. 1350 (Vassete IV, Pr. 29).

Английский закон той же эпохи запрещает заковывать узников в цепи (Bracton, Lib. III. Tract. I, cap. 6).

¹ Lib. Sent. Inq. Tolos. 102, 153, 231, 252–4, 301.— Muratori, «Antiq. Dissert.» LX (T, XII 519).— Bern. Guid. «Practica» P. V (Doat, XXX).— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 7).

² Beaumanoir, «Coutumes Beauvoisis», cap. 51, № 7.— G. B. de Lagrizze, «La Navarre française», II, 339).

Огромное число узников, вследствие энергичных действий инквизиции Лангедока, выдвинуло трудный вопрос о постройке и содержании новых тюрем. В принципе, эта обязанность падала на епископов, бездеятельность которых в отношении еретиков была выкуплена энергией монахов; епископы на Тулузском соборе в 1229 году соглашались с этим с той оговоркой, что содержание богатых еретиков должно падать на тех, кто пользовался доходами с их конфискованных имуществ. Однако это бремя стало настолько тяжело, что на Нарбоннском соборе 1244 года они предложили употреблять на сооружение и содержание тюрем кающихся, которые, не будь нового папского декрета, отправились бы с крестоносцами в Св. Землю. Следовало опасаться, говорили они, чтобы «прелаты не были чересчур обременены неимущими обращенными и не оказались бы не в состоянии содержать их ввиду их многочисленности». Два года спустя в Бёзье они заявили, что постройка и содержание тюрем должны ложиться на тех, кто пользовался доходами от конфискаций, и что можно было прибавить к этому штрафы, налагаемые инквизиторами. Это было довольно основательно; но монахи иначе смотрели на это. В 1249 году Иннокентий IV снова подтвердил, что это дело епископов; он поставил им в упрек, что они не выполняют своих обязанностей, и предписал им быть более исполнительными. Наконец, в 1254 году собор в Альби окончательно решил, чтобы владельцы конфискованных имений уделяли на помещение и содержание своих предшественников по владению, а если еретики окажутся без всяких средств, то чтобы города или сеньоры, на земле которых они были захвачены, пополняли расходы и были обязаны нести их под страхом отлучения от церкви. Но, тем не менее, ответственность епископов была столь очевидна, что

некоторые ревностные инквизиторы возбуждали вопрос о преследовании их за небрежность в деле постройки тюрем, как людей сочувствующих ереси; но Ги Фукуа благоразумно советует не прибегать к этому, а рекомендует передавать все подобные дела на обсуждение Св. Престола¹.

Можно представить себе, насколько было тяжело положение заключенных, когда их гонители и грабители торговались о том, кому из них давать им хлеб и воду. Святой Людовик, сюзерен территорий, уступленных по Парижскому трактату, извлекавший широкой рукой доходы от конфискаций, признал, что эти доходы налагали на него известные обязательства. В 1233 году он взял на себя содержание тюрем в Тулузе, Каркассоне и Безье. В 1246 году он приказал своему сенешалю передать в распоряжение инквизиторов подходящие тюрьмы в Каркассоне и Безье и доставлять заключенным их ежедневную порцию хлеба и воды. В 1258 году он предписал своему каркассонскому сенешалю немедленно окончить начатые тюрьмы; он прекрасно знает, что прелаты и бароны, на землях которых были захвачены еретики, должны обеспечить их содержание, но, чтобы избежать неприятных осложнений, он соглашается принять все расходы на счет королевского казначейства, без возврата их впоследствии сеньорами. После смерти Альфонса и Жанны Тулузских, в 1272 году, все области, где свирепствовала инквизиция, за малым изъятием все конфискованные

---

¹ Concil. Tolosan. ann. 1229. c. 11.— Concil. Valentin. ann. 1234, c. 5.— Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 4.— Coll. Doat, XXXI, 157.— Concil. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 23, 27.— Innoc. PP. IV. Bull. «Cum sicut», 1 mart. 1249 (Doat, XXXI, 114).— Concil. Albiens. ann. 1254, c. 24.— Guid. Fulcod. «Quaest.» X.

имущества перешли к королю Франции; с этого времени содержание тюрем, включая сюда и жалование тюремщикам, легло на корону, за исключением, быть может, Альби, где епископ, имевший свою часть в добыче, участвовал, по-видимому, и в расходах. Среди просьб Генриха де Шамэ, удовлетворенных Филиппом Валуа в 1329 году, была, между прочим, следующая: чтобы инквизиционная тюрьма в Каркассоне была отремонтирована королем, и чтобы все, имеющие часть в конфискованных имуществах, приняли в этом участие *pro rata*. Согласно этому, сенешаль насчитал на графа де Фуа 302 ливра 11 су и 9 денье; граф отказался уплатить ему эту сумму и обжаловал королю; чем кончилось это дело, неизвестно. Из одного постановления Парижского парламента в 1304 году явствует, что субсидия от короля на пищу каждого заключенного достигала трех денье в день, — суммы, по-видимому, достаточной, хотя Жак де Полиньяк, заведывавший каркассонской тюрьмой и наказанный за растрату, тратил на это восемь денье. Этот крупный расход не послужил прецедентом, и в 1337 году мы снова находим тот же расход в три денье в день. Расходы по содержанию подвергнутых предварительному заключению и ожидавших суда, по-видимому, производила сама инквизиция, по крайней мере, в том случае, если у обвиняемого не было имущества, из которого можно было бы брать на его содержание. Однако мы знаем, что в 1458 году в Утрехте содержался в епископской тюрьме один бедный заключенный, который зарабатывал себе пропитание ткачеством. В Италии, где конфискованное имущество делилось на три части, инквизиция сама производила расходы и не нуждалась в князьях. В Неаполе, действительно,

пользовались королевскими тюрьмами, но для заключения в них требовался королевский указ¹.

Хотя нормальным рационом заключенных были хлеб и вода, тем не менее, инквизиция позволяла своим узникам получать извне другую пищу, вино и деньги; об этом так часто упоминается, что это можно считать прочно установившимся обычаем. Сбор производился между тайными приверженцами ереси, и цель его была улучшить положение лишенных свободы братьев; и если мы вспомним, какой опасности подвергали они себя, то мы не можем не удивляться бескорыстному самоотвержению тех, кто решался протягивать руку гонимым².

При постройке тюрем, естественно, старались сократить расходы и экономить место, нисколько не заботясь о здоровье и удобствах их подневольных жильцов. Папские инструкции гласили, что они должны состоять из маленьких темных камер, каждая для одного арестанта; условия содержания должны быть очень суровы, но не опасны для жизни заключенного. Сделанное Молинье описание Башни Инквизиции в Каркассоне, служившей инквизиторской

---

¹ Molinier. op. cit. 435.— Vaissete, III. Pr. 536.— Vaissete, изд. Privat. VIII, 1206.— Arch. de l'Hôtel de ville d'Albi (Doat, XXXIV, 45).— Bern, Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 100).— Isambert. «Anc. loix. Franç.» IV, 364.— Vaissete, изд. Privat, X, Pr. 693–4, 813–14.— Les. Olim, III, 148.— Hauriiau, «Bernard D'ilicieux», 19.— Frédyricq, «Corpus document. inquisit. neerland.» I, 339.— Archivio di Napoli, Reg. 113, Lett. A, fol. 385; Reg. 154. Lett. C. fol. 85; Mss. Chioccarelli, T. VIII.

² Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII. 14, 16). Muratori «Antiq. Dissert.» LX (T. XII, 500, 507, 529, 535).— Lib. Sentent. Inq. Tolosan. 252–4, 307.— Tract. de Haeres. Paur. de Lug. (Martine, «This.», V, 1786).

тюрьмой, показывает, что указания Рима в данном случае соблюдались свято. Это было ужасное место, состоявшее из небольших камер без воздуха и света, где в течение долгих лет несчастные кающиеся влачили невыразимо печальную жизнь, гораздо худшую, чем короткая агония костра. В этой юдоли печали они были предоставлены всецело на произвол тюремщиков; жалоб их никто никогда не слушал; если заключенный жаловался на какой-либо акт насилия, то его даже клятвенное показание устраняли с пренебрежением, тогда как всякое слово тюремных служителей принималось на веру. Инструкции, данные в 1282 году братом Жанном Галандом, инквизитором Каркассона, тюремщику Раулю и его жене Бертранде, проливают яркий свет на тюремные порядки. Им грозят бесповоротным увольнением, если впредь они будут ссужать заключенных деньгами или получать от них подарки, если они будут присваивать себе деньги или вещи умерших, если они будут позволять заключенным отворять первую дверь, если они будут есть вместе с ними, если они будут употреблять тюремных служителей на разные услуги или посылки, если они будут играть с ними или будут позволять им играть друг с другом и т. д.¹

Несомненно, если заключенный имел деньги, то он мог заручиться расположением честного Рауля; но приведенная нами инструкция обходит молчанием одно из самых возмутительных злоупотреблений, ложившихся темным пятном на тюрьмы; мы говорим о присвоении смотрителями денег и пищи, присылаемых заключенным их друзьями. Естественно,

---

¹ *Practica super. Inquis.* (Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 14930. fol. 222).— Molinier, op. cit. 449.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXII, 125; XXXVII, 83).

всевозможные обманы вырастали как грибы на этой глубоко зараженной почве. В 1304 году Уголино Полиньяк, смотритель королевской тюрьмы в Каркассоне, был судим за то, что присваивал себе часть королевской субсидии, и за то, что целые годы сохранял в списках имена умерших и клал себе в карман деньги, передаваемые им их друзьями; но свидетельские показания были признаны недостаточными для его осуждения. Кардиналы, которым немного позднее Климент V поручил произвести следствие о злоупотреблениях инквизиции в Лангедоке, вкратце указали на обычные обманы, заставив назначенных ими новых тюремщиков поклясться, что они будут давать заключенным всю пищу, которая им следует от короля, а также ту, которую присылают им их друзья – объявление, подтвержденное декретами Климента V. Донесения кардиналов свидетельствуют, какое ужасное впечатление произвели на них обнаруженные ими факты. В Каркассоне они совершенно отобрали заведывание тюрьмой от инквизитора Жоффруа д'Абли и передали его епископу; они приказали немедленно восстановить камеры верхнего этажа, чтобы можно было перевезти туда престарелых и слабых. В Альби они освободили закованных в кандалы заключенных, предписали осветить камеры и в месячный срок выстроить более лучшие. Не меньше были недовольны они порядками и в Тулузе. Повсюду раздавались жалобы на скудость пищи, на отсутствие кроватей, на частое повторение пыток. Реформы кардиналов, главным образом, были направлены к тому, чтобы разграничить ответственность епископа и инквизитора, без соглашения которых не могли последовать осуждения на тюремное заключение; всякий из них должен был назначать своего тюремщика, у каждого тюрем-

щика должны быть ключи от всех камер, и он должен был поклясться, что никогда не будет говорить с заключенным, иначе как в присутствии своего товарища.

Эти паллиативные меры, одобренные папой Климентом, не могли принести большой пользы. Бернар Ги горько жаловался, что папа опозорил инквизицию, объявив во всеуслышание, что были мошенничества и насилия во внутренней жизни ее тюрем, и он заранее утверждал, что новые правила неприменимы. Хотя правила эти весьма слабо ограничивали произвол инквизиторов, мы можем быть уверены, что они соблюдались недолго. Через несколько лет Бернар Ги в своих «Practica» признает, что право заключить кого-либо в тюрьму принадлежит исключительно инквизитору; он с презрением приводит одно только заглавие канона Климента и тотчас ссылается, как-будто она продолжала еще действовать, на буллу Климента IV, которая предоставляла все права инквизитору и не упоминала об епископе. А в конце столетия Эмерик находил каноны Климента незаслуживающими быть внесенными в его работу, говоря, что их нигде не соблюдают ввиду их неприменимости. Однако около 1500 года Бернард Комский признавал, что указу Климента можно следовать, когда речь идет о тюремном заключении после решения суда; но он признает, что только один инквизитор может наблюдать за тюрьмой и ее жителями до и во время суда¹.

---

¹ Les Olim, III, 148.— Arch. de l'Hotel de ville d'Albi (Doat, XXXIV, 45).— Bern. Guidon. «Gravam.» (Doat, XXX, 105–8).— Ejusd. «Practica», P. IV, c. 1.— Eymeric. «Direct. Inq.», 587.— Bern. Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Carcer».

Место из «Practica», на которое сделан намек, находится в одной рукописи в Bibl. Nat. fon. lat., № 14579, fol. 258. В рукописи,

При подобных тюремщиках довольно частые побег из тюрьмы были, вероятно, делом подкупа; иногда даже удавалось убежать закованным заключенным. Но чаще всего конец их страданиям приносила смерть, вызываемая ужасной грязью, в которой им приходилось гнить. Смертность в этих тюрьмах была огромна. Однако некоторые выдерживали целые годы, и до нас дошло дело одной женщины, которую милостиво выпустили на свободу под условием ношения крестов после того, как она тридцать пять лет просидела в тулузской тюрьме. В аутодафе мы часто встречаем приговоры, по делам заключенных, умерших до окончания процесса. На ауто в 1300 году упоминается десять лиц, умерших уже после того, как они сознались в ереси, но раньше решения их дела; в ауто 1319 года было восемь подобных случаев. Каркассонская тюрьма была, по-видимому, почти также смертоносна, как и тулузская. В ауто 1325 года имеются приговоры по делу четырех умерших; в ауто 1328 года – пяти; по этим данным мы можем представить себе, в каком ужасном санитарном состоянии были тюрьмы¹.

Тюрьма, вполне естественно, была мерой наказания, которую чаще всего применяли инквизиторы. В записи приговоров Бернара Ги, охватывающей его

напечатанной Дуэ (Париж, 1885 г., стр. 179), нет упоминания о Клементинах.

В 1325 г. епископ Оссори Ричард Ледред воспользовался кауоном Клементин, чтобы присвоить себе право надзора над Вильямом Утлоу (Outlaw), которого он арестовал в замке Килькенни как покровителя колдунов (епископской тюрьмы, по-видимому, не было). – Wright's «Proceedings against Dame Alice Kyteler», Camden Soc., 1843, стр. 31

¹ Lib. Sent. Inq. Tolos., 8, 13, 14, 19, 25, 26, 29, 158–62, 246–8, 255–61. – Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 7, 131; XXVIII, 164).

деятельность с 1308 по 1322 гг., приводится 636 обвинительных приговоров, распределяющихся следующим образом:

Лица, выданные светской власти и сожженные живыми	40
Останки умерших, вырытые и сожженные	67
Осужденные к тюремному заключению	300
Вырытые останки лиц, которые были бы присуждены к тюремному заключению	21
Осужденные на ношение крестов	138
Осужденные на паломничества	16
Изгнание в Св. Землю	1
Беглецы	36
Осуждение Талмуда	1
Дома, подлежащие разрушению	16

636

Эта таблица, без сомнения, дает точное представление о том, какое наказание накладывалось сравнительно чаще.

Нужно еще отметить одну особенность инквизиторских приговоров: они всегда оканчивались стереотипным выражением, оставлявшим за инквизитором право по произволу изменять, смягчать, увеличивать и возобновлять наказание. Уже в 1244 году Нарбонский собор предписал инквизиторам оставлять всегда за собой это право, и с течением времени это вошло в неизменное правило. В 1245 году Иннокентий IV предоставил инквизиторам, действовавшим совместно с епископами, право изменять наложенное наказание. Обыкновенно эти изменения приговоров делались при участии епископа, но Цангини учит, что его согласие было существенно только в том случае, если дело шло о лицах духовного звания. Однако инквизитор не мог сложить наказания; эта привилегия принадлежала одному только папе: ересь была таким

неизгладимым преступлением, что только представитель Бога обладал властью снять это пятно¹.

Право смягчения наказания применялось часто; им пользовались, чтобы добиться от кающихся более точных показаний, как доказательства их чистосердечного раскаяния, а, быть может, также и для того, чтобы чрезмерно не наполнять тюрем. Так, например, в списке приговоров Бернара Ги мы находим 119 случаев освобождения из тюрьмы с условием носить кресты; из этих 119 освобожденных 51-му были впоследствии сняты и кресты. Кроме того, там же имеется 87 случаев осуждения на ношение крестов, причем этим осужденным было дано прощение. Подобным милосердием отличалась не одна тулузская инквизиция. В 1328 году одним постановлением были освобождены двадцать три заключенных в Каркассоне; тюрьма была заменена им ношением крестов, паломничествами и другими духовными подвигами. А в 1329 году в Каркассоне же благодаря смягчению приговора были освобождены из тюрьмы десять кающихся, и между ними барон де Монреаль; их обязали пожизненно носить желтые кресты и совершить двадцать одно паломничество, причем они должны были посетить святыни, отстоящие одна от другой так далеко, как Рим, Компостель, Кэнтербери и Кельн. Они должны были всю свою последующую жизнь, каждое воскресенье и каждый праздник, являться с розгами к священнику, совершающему литургию, и получать от него спасительные удары в присутствии верных; кроме того, они должны были принимать участие во всех процессиях и подвергаться бичеванию на конечном пунк-

---

¹ Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 7. – Innoc. PP. IV. Bull. «Ut commissum» 20 jan. 1245 (Doat, XXXI, 68.) – Vaissete, III. Pr. 468. – Concil. Biterrens. ann. 1246, Append., c. 20. – Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XXI, XXXVIII.

те. При подобных условиях жизнь была невыносимой, и смерть являлась освободительницей¹.

Как в приговорах обвинительных так и в этих, смягчающих наказание, оставлялось за инквизитором право изменения и восстановления наказания с указанием или без указания оснований к тому. Раз инквизиция наложила на человека свое клеймо, она никогда не выпускала своей добычи, и ее высшее милосердие равнялось ехеат освобожденного каторжника. Никогда не выносила она помилования. Собор в Безье 1246 года и Иннокентий IV в 1247 году объявили инквизиторам, что в тех случаях, когда они освобождали заключенного, они должны были предупредить его, что при первом поводе к подозрению он будет наказан без всякой жалости, и должны были оставить за собой право заключить его снова в тюрьму без всякого суда и следствия, если этого требовали интересы церкви. Эти условия сохранялись в обрядниках и предписывались руководствами. Кающийся должен был знать, что свобода, предоставленная ему, всецело зависит от усмотрения и произвола судьи, который во всякое время мог велеть отвести его в тюрьму и заковать в цепи; в своем клятвенном отречении он ручался своей личностью и всем своим имуществом, что явится по первому зову. Если Бернар Ги в своем «*Formularium*» приводит текст милостивого решения, слагающего всякое личное наказание и все ограничения прав наследников обвиненного, то тут же он заключает, что эту формулу не надо никогда употреблять или во всяком случае, очень редко.

Когда дело было выдающейся важности, например, поимка видного ученого еретика, то инквизиторы могли обещать полное и совершенное помилование его

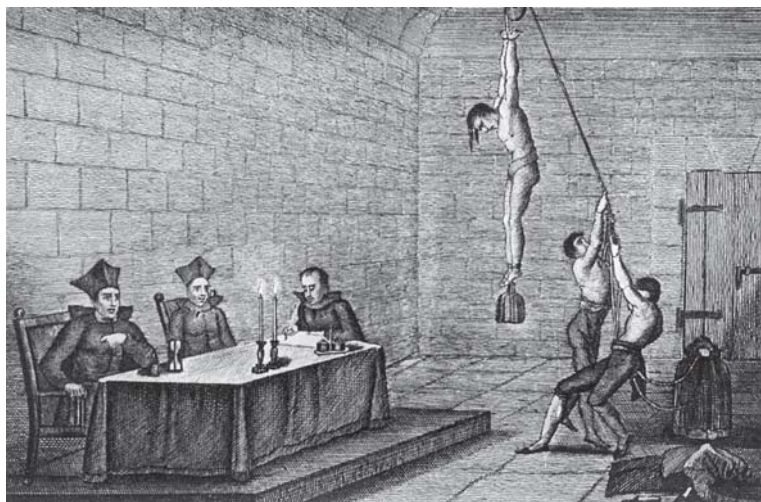
---

¹ Arch. de l'Inquis. de Carcass (Doat, XXVII, 2, 192).

Пытка.

(«Histoire abrégée de l'Inquisition d'Espagne», Llorente)

Пытка.

(«Die Tortur. Geschichte der Folter im Kriminalverfahren aller Völker und Zeiten», Fr. Helbing)

ученикам, если они выдадут его; но приятно заметить здесь, что эти обещания почти никогда не производили желаемого эффекта. Если были наложены особые духовные епитимии, то инквизитор мог, по их выполнении, объявить кающегося искупившим свой грех; но это никоим образом не уничтожало оговорки, сделанной в первоначальном приговоре. Снисходительность инквизиции никогда не доходила до прощения; она удовлетворялась тем, что давала отсрочку, *dum bene se gesserit*, и человек, над которым был уже раз поставлен приговор, мог всегда ожидать, что его позовут и снова подвергнут или прежнему, или еще более тяжелому наказанию. Вся жизнь его отныне принадлежала молчаливому и таинственному судье, который мог разбить ее, не выслушав его оправданий, не объяснив причин. Он навсегда отдавался под надзор инквизиционной полиции, состоявшей из приходского священника, монахов, духовных лиц и всего населения, которым приказывалось доносить о всяком упущении, сделанном им в исполнении наложенной на него епитимии, о всяком подозрительном слове или действии — за что он *ipso facto* подвергался ужасным наказаниям как еретик-рецидивист. Ничего не было легче для личного врага, как уничтожить подобного человека, и сделать это было тем легче, что доносчик знал, что имя его будет сохранено в тайне. Мы вполне справедливо жалеем жертвы костра и тюрьмы; но было ли их положение более печально, чем участь множества мужчин и женщин, ставших рабами инквизиции, после того, как она пролила на них свое лицемерное милосердие? Вся жизнь их была сплошным беспокойством, и не было у них надежды на отдых¹.

---

¹ Lib. Sentent. Inq. Tolosan. 40, 118, 122, 137, 139, 146, 147.— Bern. Guidon. «Practica» (Doat, XXIX, 85).— Ejusd. P. V (Doat,

Даже смерть жертв инквизиции не отнимала у нее оружия. Мы уже не раз говорили о вырытии праха тех, кого современная смерть, казалось, отдала уже на суд Божий. Если обвиняемый умирал после признания и раскаяния, то он все равно должен был понести то наказание, которое понес бы, оставаясь в живых; и вырытие тела из земли заменяло заключение в тюрьму; с другой стороны, наследники его должны были подвергнуться легкой епитимии, которую можно было заменить деньгами. Но если обвиняемый умирал, не принеся сознания, и если были указания на его ересь, то он попадал в число нераскаившихся еретиков, останки его выдавались в руки светской власти, а имущество конфисковалось. Последнее обстоятельство выясняет, почему подобные казни были так часты, как мы это видели в приведенной нами таблице. Добавим еще, что если светские власти колебались вырыть тело, то их принуждали к этому угрозой отлучения от церкви¹.

Такую же ярость испытывали на себе и потомки несчастных. Измена, по римскому праву, наказывалась с неумолимой жестокостью, и постановления этого права постоянно приводятся защитниками канонического права как прецеденты для наказания ереси, с замечанием, что изменять Богу в тысячу раз ужаснее, чем государю. Быть может, было естественно, что духовное лицо в своем рвении защи-

---

XXX).— Concil. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 21, 22.— Vaissete, III. Pr. 467.— *Practica super Inquisit.* (Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 14930, fol. 222, 224).— Pegnae «*Comment. in Eymeric.*», 509.— Zanchini «*Tract. de Haeret.*», c. XX.

¹ Concil. Arelatens. ann. 1234, c. 11.— Concil. Albiens. ann. 1254, c. 26.— *Lib. Sent. Inq. Tolosan.*, 162–7, 203, 246–7, 251–2.— Zanchini «*Tract. de Haeret.*» c. XXVII.

щать царствие Божие, следовало примеру римских императоров и даже шло дальше, и это может объяснить, если не оправдать, многие гнусные, противные черты инквизиционного суда. В Кодексе Юстиниана наказание за измену увеличивалось постановлением, в силу которого дети виновного признавались не имеющими права занимать общественные должности и наследовать по боковой линии. Тулузский собор 1229 года объявил не имеющими права избрания на должности даже тех из еретиков, кто обратился добровольно; естественно, что после этого Фридрих II применил к ереси римский закон и распространил его действие и на внуков виновного. Это увеличение наказания как остаток от узаконений Фридриха было весьма охотно принято церковью. Однако Александр IV в булле 1257 года, много раз повторявшейся его преемниками, пояснил епитимию; Бонифаций VIII пошел дальше и отменил ограничение прав для внуков с материнской стороны. Измененный, таким образом, закон Фридриха сохранился в каноническом праве¹.

Инквизиция так сильно нуждалась в содействии светских чиновников, что до известной степени ее можно извинить, что она старалась лишать права службы тех, кто мог бы иметь известную симпатию к еретикам. Но так как не было установлено никакой давности, чтобы остановить ее в ее процессах против мертвых, то нельзя было остановить и ее наступательные действия в отношении наследников

---

¹ Const. 5. Cod. IX. VIII.— Concil. Tolosan ann. 1229, c. 10.— Hist. Diplom. Fridr II. T. IV, 8, 302.— Innoc. PP. IV. Bull. «Ut commissum», 21, jun. 1254.— Alex. PP. IV. Bull. «Quod super nonnullis» 9 dec. 1257 (Doat, XXXI, 244).— Raynald. ann. 1258, № 23.— Potthast, №№ 17745, 18396.— Eymerici «Direct. Inq.» 123.— C. 15, Sexto V. II.

еретиков. Архивы инквизиции сделались, таким образом, источником бесчисленных притеснений, направленных против тех, кто давно или недавно имел связь с еретиком. Никто не мог быть спокоен, что в один прекрасный день не откроют или не сфабрикуют какого-нибудь свидетельского показания против кого-либо из его родителей или предков, давно уже сошедших в могилу; этого было бы достаточно, чтобы навеки разбить его карьеру. В 1288 году Филипп Красивый писал каркассонскому сенешалю, что Раймунд Виталь Авиньонский, исполняющий в этом городе обязанности нотариуса, внук еретика Роже Изарна, сожженного на костре, и поэтому сенешаль должен отправить его в отставку. В 1292 году сержант королевской армии, Гиро д'Отрив, подвергся следствию по подобному же поводу; Гильем де С.-Сейн, инквизитор Каркассона, доставил королевскому прокурору документы, из которых было видно, что отец и мать Гиро в 1256 году сознавались в ереси; а дядя его, Раймунд Карбоннель, был сожжен в 1276 г. как совершенный еретик. В этом случае к королевской власти прибегли, чтобы она отрешила чиновника от должности; но учение инквизиции предоставляло и самому инквизитору право удалить со службы любое лицо, отец или дед которого был еретиком или сторонником ереси. Поэтому, когда кающийся выполнял наложенную на него епитимию, то дети его часто из предосторожности брали об этом официальное удостоверение, которое впоследствии давало им возможность получить службу. В отдельных случаях инквизитор имел право снимать с наследников еретиков тяготевшее над ними ограничение гражданских прав; но, как и в вопросе об епитимии, это было лишь отсрочкой наказания, которую во

всякое время можно было отменить по первому подозрению о симпатиях к ереси¹. Благодаря этому бывали и такие случаи, что потомки еретиков занимали даже духовные должности; мы знаем об одном монахе из Ключни, который слушал лекции в Париже в то время, как его родители были осуждены за ересь; он утверждал, что ничего не знал об их заблуждениях и обратился к папскому духовнику с просьбой принять его в монахи; и приору было предложено постричь его, если его жизнь и поведение свидетельствуют, что он достоин этого. Если кто-либо был посвящен в священники и получил бенефицию до осуждения своих родителей, то закон не имел обратной силы².

В основе всех приговоров инквизиции лежал приговор об отлучении от церкви, на котором, если можно так сказать, зиждилось все ее могущество. В теории духовные наказания, налагаемые инквизицией, были тождественны с теми, при посредстве которых всякое облеченное властью духовное лицо могло лишить человека вечного спасения; но духовенство так осквернилось, что анафема в устах священника, которого не боялись и не уважали, потеряла, по крайней мере, в рассматриваемую эпоху, в значительной степени свое значение. Наоборот, духовные наказания инквизиции были оружием в руках небольшого числа людей, избранных за их энергию, и никто не мог без-

---

¹ Eymeric. «Direct. Inq.», 571.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXII, 156).— Regist. Curiae. Franciae de Carcassonne (Doat, XXXII, 241).— Bern. Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Inquisitores», № 19.— Lib. Sentent. Inq. Tolosan. Index.— Waddingi «Regest. Nich. PP. III», № 10.

² «Formulary of the Papal Penitentiary». Philadelphie, 1892, Rubr. XLI, XLII.

наказанно относиться к ним без уважения; к тому же светские власти были обязаны изгонять всякого как еретика или сторонника ереси, кого отлучит от церкви инквизитор, и конфисковать его имущество. Не без основания инквизиторы хвалились, что их проклятие по четырем причинам могущественнее проклятия остального духовенства: они могли заставить светскую власть признать отлученного вне закона; они могли принудить ее конфисковать его имущество; они могли осудить как еретика любого, который оставался отлученным в течение года; и, наконец, они могли отлучить всякого, кто стал бы поддерживать сношения с отлученным. Таким образом, инквизиция добилась, чтобы беспрекословно слушались ее призыва и подчинялись налагаемым ею наказаниям. Для приведения в исполнение своих приговоров она пользовалась услугами светской власти; она устраняла вне законы и статуты, которые противоречили ее судопроизводству; она подтверждала, что царствие Божие, представляемое ею на земле, было выше царств земных. Из всех отлучений самым страшным было отлучение инквизитора, и самые отчаянные не решались бравировать им, так как они знали, что за это им грозило в близком будущем ужасное мщение¹.

---

¹ Ripoll, I, 208, 394. – Tractatus de Inquisitione (Doat, XXXVI). – Bern. Guidon. «Practica», P. IV (Doat, XXX). – Eymerici «Direct. Inquis.» 360–1.

Глава XIII

КОНФИСКАЦИЯ

Хотя конфискация, как мы покажем сейчас, лишь в слабой степени была прямым делом инквизиции, однако, граница была здесь скорее номинальная, чем действительная; ведь в сущности даже там, где инквизитор не объявлял конфискации, она сама собой вытекала из его приговора. Поэтому она представляла одно из самых страшных наказаний, применение которого зависело от власти инквизитора, и на ней стоит остановиться более подробно.

Конфискация была предусмотрена в римском праве. Правда, императорские эдикты против еретиков, при всей их жестокости, не доходили до того, чтобы косвенно наказывать невиновных; даже тогда, когда присуждались к смертной казни ненавидимые всеми манихеи, их имущество не подвергалось конфискации, если их наследники не были наравне с ними еретиками. Дети, оставшиеся верны религии, наследовали своему отцу-еретику, который, в силу своей ереси, не мог ни лишиться их наследства, ни оставить духовного завещания. Иначе обстояло дело при обыкновенных преступлениях. Всякое осуждение к ссылке или к каторжным работам в рудниках влекло за собой конфискацию, хотя жена осужденного могла потребовать себе вдовью часть и все, полученное ею в дар до совершения преступления; то же могли сделать и дети, освободившиеся от *patria potestas*. Все осталь-

ное принадлежало фиску. В случаях оскорбления величества или измены виновный мог быть осужден даже после смерти; тогда его имущество подвергалось конфискации, так как оно переходило в фиск с того момента, когда было задумано преступление. Эти законы Восточной Римской империи представляли арсенал, откуда заимствовали папы и короли, чтобы сделать преследование ереси привлекательным и выгодным¹.

Король Рожер, занимавший сицилийский престол в течение первой половины XII века, по-видимому, первый применил римский закон, предписав конфискацию имущества всех тех, кто отпал бы от католической веры – все равно в восточное православие, магометанство или иудейство. Но церковь не снимет с себя упрека в том, что она ввела это во все законодательства Европы как наказание за преступления в вопросах внутреннего убеждения. Большой Турский собор, бывший в 1163 году под председательством Александра III, предписал всем светским князьям заключать еретиков в тюрьму, а имущество их конфисковать. Луций III, грозя еретикам конфискациями, попытался в своих Веронских декреталиях 1184 года повернуть в пользу церкви все конфискуемые имущества. Одним из первых действий Иннокентия III, в его двойной роли светского князя и главы церкви, было издание эдикта к своим Витербским подданным, в котором, между прочим, говорится следующее:

«Мы повелеваем, чтобы в областях, подчиненных нашему светскому суду, имущества еретиков подвергались конфискации; что касается остальных стран, то мы повелеваем, чтобы эта мера применялась свет-

---

¹ Const. 13, 15, 17 Cod. I. V; 2, 3, 4, 7, 8, 9, Cod. IX. XLIX; 5, 6, Cod. IX, XLIX; 5, 6 Cod. IX. XIII.

скими князьями под страхом наложения на них духовных наказаний. Имуущества еретиков, отрекающихся от ереси, не будут возвращены им, если только не будет благоугодно кому-нибудь сжалиться над ними. По закону виновные в оскорблении величества наказуются смертью и имущество их конфискуется, лишь из милости детям их оставляется жизнь; равным образом, и с гораздо большим основанием, должны быть отсечены от Христа и лишены имущества те, кто уклоняется от веры и оскорбляет Сына Божьего, так как гораздо больше вины посягать на величие Божье, чем на величие земного владыки”¹.

Этот декреталий, внесенный в каноническое право, имеет огромное значение, так как он резюмирует все учение церкви относительно наказания еретиков. По примеру римского закона об оскорблении величества имущество еретика признается утраченным им с момента проявления им ереси. Если он отрекался от своих заблуждений, то имущество ему возвращалось только в виде особой милости. Когда духовные суды объявляли кого-либо еретиком в настоящем или прошедшем времени, то конфискация делалась, так ска-

---

¹ Const. Sicular. lib. I, tit. 3.— Concil. Turon. ann. 1163, c. 4.— Lucii PP. III. Epist. 171.— Innoc. PP. III Regest. II, 1.— Cap. 10 Extra V. 7.

По всей вероятности, имения Петра Морана Тулузского были конфискованы в 1178 г. в пользу графа на основании Турского канона; Морану было позволено выкупить их, внеся штраф в 500 серебряных ливров (Ruger. Hoveden. «Annal.», ann. 1178).

Декрет Альфонса II Арагонского против вальденсов, изданный в 1194 г. (Pegnae «Comment. 39 in Eumeric.», 281, распространяет конфискацию и на покровителей ереси, но мы не находим следов применения этого декрета, равно как и последующих канонов Жеронского собора 1197 г. (Aguirre, V. 102–3). То же можно сказать об эдиктах Генриха VI, изданных в 1194 г. и повторенных Оттоном IV в 1310 г. (Lami, «Antich. Toscane», 484.

зять, сама собой; наложение запрещения на имущество было на обязанности светской власти, и только от нее одной зависело пощадить имущество виновного, применив к нему снисхождение, равнявшееся подарку. Ничего из изложенного нами не следует упускать из виду, если мы хотим верно понять некоторые подробности, которые часто истолковывались неверно.

Декреталий Иннокентия подтверждает, кроме того, тот факт, что в начале борьбы против ереси церковь встречала, главным образом, в вопросе о конфискациях препятствие в том, чтобы убедить или понудить светские власти выполнять свои обязанности, присваивая себе имущества еретиков. В этом состояло одно из главных преступлений Раймунда VI Тулузского, которое потребовало столь долгого искупления, как объяснил ему это Иннокентий в 1210 году. Его сын избег этого упрека. В статутах 1234 года, согласно с указом Людовика VIII от 1226 года и Людовика IX от 1229 года, он объявил конфискацию имущества не только еретиков, но всех тех, кто тем или иным способом покровительствовал еретикам и отказывался содействовать их поимке. Однако его политика не всегда согласовывалась с его законами, и не раз являлась необходимость возбуждать его рвение. Позднее, когда пропала всякая опасность вооруженного сопротивления, князья в общем стали проявлять большую ревность в деле увеличения своих скудных доходов при помощи конфискации, и законодательство всей Европы освятило принцип ограбления еретиков. Но тем не менее церковь иногда находила нужным поощрять ревность грабителей и повторять по адресу снисходительных или небрежных свои наставления и обычные угрозы¹.

---

¹ Innoc. PP. III. Regest. XII, 154, (Cap. 26 Extra V. XI).— Isambert, «Anc. loix franç.» I, 228, 232.— Harduin. VII, 203–8.— Vaissette, III,

Отношение инквизиции к конфискованным имуществам в разные эпохи и в разных странах было различно. Во Франции был общепринят принцип римского закона: право на собственность, раз вина была установлена, переходило фиску; инквизитор там ничем не пользовался; он только устанавливал степень виновности известного лица и предоставлял государству все дальнейшие действия. Так, например, Ги Фукуа рассматривает вопрос о конфискациях как стоящий совершенно вне функций инквизитора, который самое большее может или дать совет светским властям, или вмешаться, чтобы выговорить снисхождение; впрочем, он признает, что не подлежит конфискации на законном основании имущество только тех,

---

Pr. 385.— Concil. Albiens. ann. 1254, c. 26.— Innoc. PP. IV. Bull. «Cum fratres», ann. 1252 (Mag. Bull. Roman. I, 90).

Конфискация в средние века была обычным источником бюджета. В Австрии со времен Альфреда измена влекла за собой потерю жизни и имущества (Alfred's Dooms 4.— Thorpe I. 63); и это двойное наказание оставалось в законе до 1870 г. (Low and Pullings. «Dict. of English history, 469). Во Франции убийство, лжесвидетельство, измена, человекоубийство и насилие карались смертью и конфискацией (Beaumanoir, «Coutumes de Beauvoisis», XXX, 2–5). По германскому феодальному праву человек мог потерять свой лен вследствие разных преступлений; но различали, если преступление было совершено против сеньора, то лен переходил к нему; если же было совершено простое преступление, то он переходил к наследникам виновного (Feudor. lib. I. Tit. XXIII–XXIV). В Наварре конфискация применялась в случае самоубийства, убийства, измены и даже нанесения побоев и ран, если покушение было совершено в местности, где жили королева и дети короля. До нас дошло дело о конфискации имущества одного человека за то, что он ударил другого в Олите, местности, расположенной в одной миле от Тафаллы, где случайно в это время находилась королева (G. B. de Lagrèze, «La Navarra française», II, 335).

кто является по доброй воле и сознается раньше, чем успели собрать против него какие-либо улики. Согласно со сказанным приговоры французской инквизиции вообще не упоминают совсем о конфискации, хотя мы случайно знаем несколько случаев, встречающихся в судебных отчетах, где земельные владения были проданы в пользу фиска, тогда как в приговоре не было на то прямого указания. В осуждениях, вынесенных против отсутствующих и умерших, иногда указывалось на конфискацию, как будто государство в этом случае нуждалось в указании; но практика в этом отношении была неодинакова. В приговоре, который 24 ноября 1241 года объявили Гильем Арно и Этьен де С.-Тибери по делу двух отсутствовавших, их имущество оставлялось законным наследникам. В реестре Бернара Ко (1246–1248), с одной стороны, находим тридцать два случая заочных решений, где конфискация указана в приговоре, а с другой — девять совершенно однородных, где о ней ничего не говорится. Приговор каркассонской инквизиции от 12 декабря 1328 года по делу о пяти умерших, которые были бы приговорены к тюрьме, если бы остались живы, кончается словами: “*Et consequenter bona ipsorum dicimus confiscanda*”, тогда как приговор от 24 февраля 1325 года, касающийся четырех покойников, не имеет подобного заключения.

В сущности, строго говоря, признавали, что инквизитор не имел права накладывать конфискацию без разрешения фиска; обычай оказывать снисхождение тем, кто являлся добровольно и признавался, был основан на уступке, сделанной по этому поводу в 1235 году Раймундом Тулузским инквизиции Лангедока. Тотчас как лицо, подозреваемое в ереси, вызывалось на суд или подвергалось задержанию, светские власти накладывали секвестр на его имущество и сообщ-

щали об этом его должникам. Несомненно, когда состоялось осуждение, инквизитор извещал о нем кого следовало; но в общем эти извещения, по-видимому, не отмечались в архивах Св. Трибунала, хотя одно древнее руководство отмечает среди обязанностей инквизитора обязанность наблюдать за тем, чтобы конфискация была произведена. Позднее, в 1328 году в протоколе одного собрания экспертов в Памье упоминается присутствие Арно Ассали, королевского прокурора в Каркассоне; отсюда можно заключить, что в это время данный чиновник уже присутствовал обыкновенно на совещаниях, чтобы быстро узнать решение, которое вызывало его вмешательство¹.

В Италии определенное правило в этом отношении установилось нескоро. Буллой Иннокентия IV от 1252 года предписывалось властям Ломбардии, Тревизо и Романии конфисковать имущество всех отлученных от церкви как еретиков, или как помощников, или сторонников еретиков, чем признавалось, что право конфискации принадлежало светской власти. Но в скором времени папе удалось присвоить себе часть добычи, даже за пределами церковной империи, как это видно из булл «Ad extirpanda» Иннокентия IV и Александра IV, и с этого времени инквизиция

---

¹ Guid. Fulcod. «Quaest.» XV.— Coll. Doat, XXI, 154; XXXIII, 207; XXXIV, 189; XXXV, 68.— Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 9992.— Coll. Doat, XXVIII, 131, 164.— Resp. Prudentum (Doat, XXXVII, 83).— Grandes Chroniques, ann. 1323.— Les Olim. T. I, 556.— Guill. Pelisso «Chron.», изд. Molinier, с. 27.— Practica super Inquisit. (Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 14930, fol. 224).— Coll. Doat, XXVII, fol. 118.

Когда в 1460 г. французская инквизиция, в то время почти угасшая, возродилась для преследования колдунов Арраса, конфискация, как наказание, применялась часто.— Mém. de Jacques du Clerc. liv. IV, ch. 4.

получила прямой интерес в этих грабежах. Таким образом, более или менее индифферентное отношение французских судов не нашло себе подражателей по другую сторону гор. На практике были бесчисленные отклонения. Цангино сообщает, что раньше конфискации объявлялись в папской области духовными судьями, а в других местах светскими властями; но что в его время (около 1320 г.) это по всей Италии зависело от юрисдикции епископских и инквизиторских судов, так что светские власти ничего об этом не знали. Он добавляет, что конфискация в случае ереси предписывается законом, и что инквизиторы не в праве отменить ее за исключением случаев добровольного обращения и с согласия епископа. Однако, хотя преступление *ipso facto* уже влекло за собой конфискацию, привести ее в исполнение можно было лишь после постановления по этому делу приговора. Вот почему в обвинительных актах, исходящих от итальянской инквизиции, конфискация предписывалась официально, и светские власти предупреждались не вмешиваться, если только их не просили об этом¹.

Уже с первых времен в некоторых городах итальянские инквизиторы выражали желание не только предписывать, но и контролировать конфискации. Около 1245 года флорентийский инквизитор Руджиери Кальканьи осуждает как еретика-рецидивиста одного катара по имени Диотайути и налагает на него штраф в сто лир. Руджиери уведомляет о получении этой суммы, которая должна быть передана папе или употреблена на пропаганду веры; в то же время он уступает остальное имущество еретика его жене Джакобе, показывая этим, что он считает себя как бы соб-

---

¹ Coll. Doat, XXXI, 175.— Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XVIII, XXV, XXVI, XLI.— Archivio Storico Italiano, № 38, c. 29.

ственником всего имущества Диотайути. Однако это не привилось, так как в 1283 году мы встречаем постановление подестата города Флоренции, по смыслу которого инквизитор брат Соломон да Лукка извещал, что вдова Рувиноза, только что скончавшаяся, умерла, оставаясь еретичкой, и что ее имущество должно быть конфисковано; почему подестат приказывает наложить арест на ее имущество и продать его, а вырученные деньги распределить сообразно с папскими постановлениями. Но с течением времени инквизиторы становятся полными хозяевами всего получаемого от конфискаций. В 1327 году муниципальные власти Флоренции передают доминиканцам один конфискованный дом, и в документе точно обозначается, что эта передача состоялась с согласия инквизитора. Даже в Неаполе король Роберт в 1324 году предписал инквизиторам уплатить 50 унций золота из доли, приходившейся на его часть из конфискаций, приору церкви Св. Доминика в Неаполе на ее окончательную отделку¹.

В Германии Вормский сейм (1321 г.) показывает, что в понятиях феодального общества ересь смешивалась с изменой, так как он устанавливает, что аллодиальные земли и личные владения осужденного поступают его наследникам, а ленные поместья переходят в пользу сюзерена. Если он был рабом, то его имущество поступало во владение его господина; но из общей суммы удерживали расходы по приведению в исполнение казни на костре и судебное вознаграждение сеньора-судьи. Два года спустя, в 1323 году, Майнцский собор восстал против несправедливости

---

¹ Lami, «Antichità Toscane», 560, 588–9.— Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XXVI.— Arch. di Firenze, Prov. S. Maria Novella, nov. 18, 1327.— Archivio di Napoli, Regist. 253. Lett. A. fol. 63.

(давно уже, как и в других местах, появившейся в Германии) смотреть на всякого обвиняемого как на преступника и поступать с его имуществом как с имуществом осужденного. Он постановил, чтобы имущество обвиняемых оставалось неприкосновенным до окончания суда, и грозил отлучением от церкви всякому, кто до этого времени захватил бы это имущество или купил бы его. Однако, когда император Карл IV сделал попытку ввести инквизицию в Германии (1369 г.), то он принял итальянский обычай и приказал третью часть конфискованного имущества отдавать инквизиторам¹.

Невозможно точно определить степень вины, влекшей за собой конфискацию. Даже в тех государствах, где инквизитор номинально не имел никакой доли в конфискации, верховная власть, которой он располагал относительно обвиняемого, на деле делала его полным хозяином его имущества, и сообщение им своего приговора светским властям равнялось безапелляционному решению. Весьма вероятно, что приемы изменялись сообразно с эпохами и характером различных инквизиторов. Мы видели, что Иннокентий III предписывал конфискацию во всех случаях ереси; но не легко было точно определить, в чем состояла ересь. В статутах Раймунда конфискация постигла не только еретиков, но и сторонников ереси. Собор в Безье в 1233 году настаивал, чтобы она применялась и против обратившихся и воссоединенных с церковью, которые были осуждены на ношение крестов; соборы же в Безье 1246 года и Альби 1254 года требовали ее применения во всех тех случаях, когда инквизиторы присуждали к тюрьме. Однако в приговоре от 19 февраля 1237 года,

---

¹ Hist. Diplom. Frid. II. T. III, 466.— Kaltner, «Konrad von Marburg und die Inquisition», Прага, 1882, с. 147.— Mosheim, «de Beghardis», 347.

которым инквизиторы Тулузы приговорили от двадцати до тридцати кающихся к пожизненной тюрьме, имеется только угроза конфискацией в случае, если кающиеся не выполнят наказания. В конце концов, юристы условились признавать тюремное заключение как условие, достаточное для конфискации имущества.

Людовик Святой пошел даже дальше. Когда в 1259 году он смягчил свой указ 1229 года, то он предписал конфисковать имущество не только тех, кто был приговорен к тюрьме, но и тех, кто не являлся по вызову, и тех, в домах которых были обнаружены еретики; его чиновники должны были узнать от инквизитора до окончания суда, заслуживает ли обвиняемый тюрьмы, и в случае утвердительного ответа наложить арест на его имущество. Впоследствии святой король решил, чтобы наследники восстанавливались во владении имуществом в тех случаях, когда еретик заявил готовность обратиться раньше вызова инквизиции, или когда он вступил в монашеский орден и мирно кончил там свои дни. Эти оговорки, которые казались проявлением высшей снисходительности, показывают, насколько широко применялась повсеместно конфискация, и с какой неумолимой жестокостью был прилагался принцип, что одно ничтожное проявление ереси лишало человека права собственности. Даже в конце XV века было общим правилом, что конфискация была вполне законна, тогда как возврат имущества воссоединенному с церковью еретику являлся актом милосердия, требовавшего особого мотивированного постановления¹.

---

¹ Harduin. VII, 203.— Concil. Biterrens. ann. 1233; c. 4; ann. 1246, Append. c. 5.— Concil. Albiens. ann. 1254, c. 26.— Coll. Doat, XXI, 151.— Guid. Fulcod. «Quaest.» XV.— Isambert, «Anc. loix Franç.», I, 257.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 263).— Bernardi Comens. «Lucerna Inquisit.» s. v. «Filii».

Делая вывод из всего сказанного, мы можем заключить, что заточение в тюрьму обратившегося и воссоединенного с церковью влекло за собой конфискацию имущества, а так как пожизненная тюрьма была обычной формой духовного наказания, то и конфискация была обычным явлением. Возможны, однако, и исключения. Десять заключенных, уже довольно долгое время томившихся в тюрьме (некоторые четыре и более года), но щедрыми пожертвованиями на Св. Землю купивших себе свободу, были выпущены в 1248 году Иннокентием IV. Это означает, что они или их друзья должны были располагать еще крупными средствами, если только необходимые деньги не были добыты посредством заклада имущества, подлежащего возвращению. Равным образом, когда в 1248 году был присужден к тюрьме Бернаром Ко некто Аламан де Роэ, приговором предписывались уплата анньюитета известному лицу и вознаграждение за грабежи, в которых он оказался виновным; отсюда ясно, что у него оставалось некоторое имущество. Но так как в течение десяти лет он находился в бегах, и приговор был заочный, надо думать, что эти деньги были собраны с его имущества, конфискованного государством.

Подобные исключения, более мнимые, чем действительные, могут быть объяснены, и все судопроизводство инквизиции, вместе взятое, очень ясно показывает, что тюрьма и конфискация были нераздельны. Иногда даже в приговорах относительно умерших говорится, что они признаны достойными тюремного заключения с единственной целью: лишить их наследников права наследования. Правда, в позднейшую эпоху Эмерик, рассматривающий эти вопросы мимоходом, как будто они не касались инквизитора, выражается так, что можно подумать, что конфискация применялась только тогда, когда еретик не раскаивался и не отрекался

ся от ереси до вынесения приговора; но Пегна, комментатор Эмерика, ясно показывает, что это ошибка. Цангино признает установившимся фактом, что ересь влечет за собой потерю имущества, но он добавляет, что денежные наказания не могут быть налагаемы, потому что осужденный терял все свое имущество, хотя можно было в этом отношении оказать ему снисхождение с согласия епископа; но простое подозрение в ереси не должно влечь за собой конфискации¹.

В первом порыве своего рвения преследователи подвергали конфискации все. Но в 1237 году Григорий IX признал, что приданое жен-католичек должно в известных случаях оставаться неприкосновенным, а в 1247 году Иннокентий IV возвел в правило, что приданое должно возвращаться женам и не должно подвергаться конфискациям, хотя ересь и не обуславливала развода. Людовик Святой принял это правило в 1258 году. Однако оно было подчинено крупным ограничениям; так как по каноническому праву жена не могла ничего требовать назад, если во время своего выхода замуж она знала об ереси своего мужа, продолжала жить с ним и, наконец, если не донесла об этом в законный сорокадневный срок после обнаружения ереси мужа. А так как дети лишались права на наследство, то жена еретика сохраняла свое приданое только при жизни, а после ее смерти оно поступало в фиск².

---

¹ Archives le l'Inq. de Carcassonne (Doat, XXXI, 152).— Berger, «Registres d'Innoc. IV», № 1844.— Mss. Bib. Nat. fon. lat. № 9992.— Lib. Sentent. Inq. Tolos. 158–62.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 98).— Eymerici «Direct. Inquis.», 663–5.— Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XVIII, XIX, XXV.

² Archives de l'Eveché de Béziers (Doat, XXXI, 35).— Potthast, № 12743.— Isambert. op. cit., I, 257.— C. 14 Sexto V. 2.— Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XXV.— «Livres de Justice et de Plet». Liv. I, Tit. III, § 7.

Хотя конфискация в принципе была делом государства, однако, распределение добычи не подчинялось раз и навсегда определенному правилу. До организации инквизиции, когда были сожжены в Страсбурге вальденсы, имущество последних было поровну распределено между церковью и светскими властями. Луций III, как мы видели, пытался присвоить церкви исключительное право на доходы от конфискаций. В церковных областях эта монополия была понятна, и Иннокентий IV в своей булле *Ad extirpanda* 1252 года проявил свое бескорыстие, предназначив всю добычу грабежа на поощрение дальнейших преследований: одна треть была предоставлена местным властям, одна треть – служителям инквизиции, а остальное – епископу и инквизитору с тем, чтобы они употребляли эти деньги исключительно на розыск еретиков. Эти предписания были сохранены Александром IV и Климентом IV в позднейших редакциях этой буллы. Невостребованные залоги переходили полностью в руки инквизитора. Но вскоре пришли к убеждению, что приведенное нами выше правило распространялось только на независимые государства Италии, так как Александр IV в 1260 году приказал инквизиторам Рима и Сполето продать конфискованные у еретиков имущества и вырученные деньги передать самому папе; а в следующем 1261 году Урбан IV получает 320 ливров, вырученных от конфискаций в Сполето¹.

Со временем как в церковной области, так и в остальной Италии установился обычай распределять выручку от конфискаций между общиной, инквизици-

---

¹ Hoffmann, «Geschichte der Inquisition», II, 370. – Lucii PP. III. Epist. 171, Innoc. PP. IV. Bull. «Ad extirpanda», § 34. – Ejusd. Bull. «Super extirpatione», 30 maii 1254 (Ripoll, I, 247). – Alex. PP. IV. Bull. «Discretionis» (Mag. Bull. Rom. I, 120). – Potthast, № 18200.

ей и папской канцелярией; епископы, по словам Бенедикта XI, присваивали себе часть, которая полагалась им на преследование ереси, и, таким образом, хотя и косвенно, принимали участие в хищничестве. Один флорентийский документ 1283 года показывает нам, что эта система была в то время уже введена, а другие акты от следующего пятидесятилетия свидетельствуют, что республика имела обыкновение назначать уполномоченных на предмет получения от ее имени конфискованных имуществ. В 1319 году город Флоренция пожертвовал свою часть за десять лет вперед на построение церкви Santa Reparata. Суммы, получаемые таким образом, должны были достигать крупных размеров; в 1299 году инквизиторы заявили республике, что Св. Трибунал нуждается в деньгах на уплату жалованья служащим и ходатайствует о разрешении помещать в недвижимость суммы, которые следуют инквизиции, дабы обеспечить будущность дела. Это ходатайство было удовлетворено в размере до тысячи ливров с условием, чтобы Св. Трибунал не касался части, следуемой городу. Эта оговорка показывает, как мало верили в честность инквизиторов, и есть основание думать, что недоверие это было обосновано. В эту эпоху храм всецело попал в руки торгашей, и им было почти невозможно оставаться честными тогда, когда преследование, как мы это видим в предшествующей главе, стало прибыльной аферой. Горячий поборник истины, францисканец Альваро Пелайо, епископ Сильвы, писавший в 1335 году, горько упрекал своих братьев, несших инквизиторские обязанности, за злоупотребления, которые они позволяли себе с деньгами, следуемыми Св. Трибуналу. Он открыто говорил, что распределение доходов, предписанное папой, обыкновенно не соблюдалось; инквизиторы захватывали себе все, тра-

тили доходы от конфискации на себя лично или раздавали их своим родственникам.

Случайно в архивах Флоренции сохранилось несколько документов, подтверждающих это обвинение. По-видимому, в 1343 году Климент VI получил доказательства того, что инквизиторы Флоренции и Лукки обманывали папскую канцелярию относительно причитающейся на ее долю третьей части штрафов и конфискации; вследствие этого он послал *primicerio* Лукки, Пьетро ди Витале, приказ вернуть задержанные деньги и возбудить преследование против виновных. Чем кончилось дело, мы не знаем, но, по-видимому, папа немного выиграл. На место одного из воров был назначен Пьетро ди Аквила, очень уважаемый францисканец; но через два года он так усвоил приемы своей профессии, что был вынужден обратиться в бегство, вследствие преследования *primicerio* и республики, которые обвиняли его в растрате денег¹.

В Неаполе, под владычеством Анжуйского дома, с первого дня установления инквизиции Карл Анжуйский обеспечил за собой исключительное право на конфискации с такой же быстротой, как короли Франции. Уже в марте 1270 года он пишет своим агентам в Принчипато Ультра, что в Беневенте только что сожгли трех еретиков, имущество которых надо описать. Тем не менее, в 1290 году Карл II приказал, чтобы штрафы и конфискации распределялись на три части; одна в пользу королевского фиска, другая – на пропаганду веры и третья – на инквизицию. Исключение было сделано для феодальных владений, кото-

---

¹ Nich. PP. IV. Bull. «Habet vestrae», 3 oct. 1290. – Raynald. ann. 1438, № 24. – Lami, «Antichità Toscane», 558–9. – Alv. Pelag. «de Planctu Eccles.» lib. II, art. 67. – Archivio di Firenze, Riformagioni, Classe V, № 110; Classe XI, Distinz. 1, № 39.

рые должны были идти короне или их непосредственному сюзерену¹.

В Венеции соглашение 1289 года между сеньорией и Николаем IV, которым республика признавала введение инквизиции, оговаривало, что все доходы Св. Трибунала будут находиться в распоряжении государства; и, по-видимому, это постановление соблюдалось. В Пьемонте конфискации делились между государством и инквизицией, пока во второй половине XV века Амедей IX не присвоил их все фиску, предоставив инквизиции лишь оплату расходов по ведению дела².

В других государствах Италии папская курия скоро нашла, что ее часть стала недостаточной; она нашла это с того времени, как ей не стало нужным покупать себе, через уступку третьей части добычи, содействия светской власти. Законоведы не согласны между собой относительно времени, когда это произошло, но несомненно, в первой четверти XIV столетия церкви удалось присвоить себе все доходы от конфискаций, которые равномерно делились между инквизицией и папской канцелярией. Насколько хищнически черпали из этого доходного источника, ясно видно из одного происшествия, случившегося в Пизе в 1304 году инквизитор Анджелло да Реджио осудил одного умершего гражданина, Лотерио Бонамичи, и конфисковал его имущество, часть которого была отдана им, а другая была продана за цену, найденную курией низкой. После этого Бенедикт XI, приказав

---

¹ Arch. di Napoli, Reg. 9, Lett. C, fol. 90; Regist. 51, Lett. A, fol. 9; Reg. 98, Lett. B. fol. 13; Reg. 113, Lett. A, fol. 194; Mss. Chiocorelli, t. VIII.

² Albizio, «Risposto al P. Paolo Sarpi», 25.— Sclopis, «Antica Legislazione del Piemont», 485.

епископу Остии не наказывать инквизитора, предписал ему по своему усмотрению применять духовные наказания при розысках новых владельцев проданных имений, чтобы отобрать их у них. Наконец в 1438 году Евгений IV великодушно предоставил епископам часть, следуемую курии, чтобы возбудить их ревность против еретиков. Там, где епископ был в то же время светским владыкой, конфискации должны были также распределяться между инквизицией и им. Бернард Комский, писавший в 1500 году, утверждает, что все доходы от конфискаций по закону принадлежат инквизитору, который может ими распоряжаться по своему усмотрению; но тут же он замечает, что этот вопрос темен и неясен ввиду противоречий между папскими определениями и судебной практикой в разных странах¹.

В Испании было принято за правило, что, если еретик был лицом духовного звания или светским вассалом церкви, то церковь получала его конфискованное имущество; в противном случае оно поступало светскому сеньору².

---

¹ Zanchini «Tract. de Haeret.», с. XIX, XXVI, XLI. Cp. Pegnae «Comment. in Eymeric.», 659. — Grandjean, «Reg. de Benoît XI» № 299. — Raynald. ann. 1438, № 24. — Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Bona haereticorum», № 6, 8. — Уже в 1387 г. в приговорах Антонио Секко относительно вальденсов альпийских долин говорится, что конфискации должны исключительно идти в пользу Инквизиции (Archiv. Storico Italiano, № 38, с. 29, 36, 50).

Надо сказать к чести Бенедикта XI, что в 1304 г. он поручил брату Симону, инквизитору Рима, возвратить имущества, неправильно конфискованные его предшественниками, и смягчить наложенные ими наказания, если он найдет их чересчур суровыми (Grandjean, № 1174).

² Alonsi de Spina «Fortalicii Fidei», lib. II, consid. XI (fol. 74, изд. 1594 г.).

Эта манера грабить несчастные жертвы преследования особенно отвратительна тем, что пример подавала здесь сама церковь; и пример этот, до известной степени, может послужить извинением государствам, которые следовали ему там, где имели достаточную власть. Понуждения, необходимые в первое время, чтобы побуждать светских князей конфисковать имущество их подданных еретиков, скоро стали излишними; это была в полном смысле слова добыча, и никогда стремление людей извлечь себе пользу из несчастья себе подобных не достигало таких размеров.

В Лангедоке инквизиция вначале пыталась присвоить себе доходы от конфискаций, чтобы употребить их на постройку и содержание тюрем; но успеха она не имела. В феодальной системе конфискации должны были поступать в пользу сеньора верховного судьи. Быстрое распространение королевской юрисдикции во Франции в течение второй половины XIII в. окончилось тем, что сделало короля почти исключительным обладателем конфискованных имений. Вначале, впрочем, раздавались жалобы из-за раздела добычи. После Парижского трактата 1229 года Людовик Святой, раздавая лены в землях, только что присоединенных к короне, по-видимому, хотел разрушить Гордиев узел; сохранив за собой конфискацию имущества еретиков. Вскоре оказалось, что он был счастливо вдохновлен. Маршалы де Мирпуа, члены фамилии искателей приключений, пришедшей с Монфором, потребовали себе движимое имущество всех еретиков, захваченных на их землях, даже в том случае, если это имущество находилось во владениях короля; требование их было отвергнуто Парижским парламентом 1269 года. Епископы потребовали все имения еретиков, которые находились в юридической от них зависимости, и на Лилльском соборе (в Венессенском графстве) 1251 года

грозили отлучением от церкви всякому, кто будет оспаривать у них эти имения. Насколько эти притязания были мало основательны, выяснилось из соглашения, заключенного в 1229 году, с благословения легата Романо, между епископом Безье и королем; право короля на конфискованное имущество было признано неоспоримым, и епископы выговорили себе только то, что, если бы эти имения были ленными, или если бы король вновь уступил их, они были бы подчинены сеньориальным правам епископа; если же, наоборот, король сохранил их, то епископ должен получить лишь некоторое удовлетворение за свои сюзеренные права. Это свидетельствует о недовольстве, строго говоря, вполне законном, так как после того, как ленные владения еретиков были приобретены короной, епископы-сюзерены почувствовали себя оскорбленными в их рвении преследования ереси.

Были сделаны различные попытки, чтобы примирить интересы в этом, постоянно возрождавшемся вопросе о конфискованных имениях. В 1234 году король заключил сделку, в силу которой он обязывался в течение года и одного дня отказаться от всех имуществ, конфискованных в его пользу. Собор 1246 года в Безье принял по этому поводу особый канон, но на него не обратили должного внимания, и, наконец, в 1255 году Людовик Святой согласился, что все земли, подчиненные епископу и подвергшиеся конфискации, должны быть разделены на две равные части, причем за епископом признавалось право в течение двух месяцев выкупить королевскую часть за цену, определенную третьими лицами; если это право не было использовано, то король мог через год и один день передать эти земли другому лицу на условиях, аналогичных тем, на которых владел его предшественник, и за ту же плату; но признали, что все

движимое имущество должно перейти к короне. Подобное соглашение могло только способствовать быстрому росту земельной собственности, зависевшей от епископов. Мы видели, что перед крестовыми походами тулузские епископы были бедны как апостолы; в течение следующего столетия вся страна обеднела, города терпели страшную нужду, а, между тем, когда в 1317 году Иоанн XXII выделил шесть новых епископий из тулузской епархии, то он выставил мотивом этого огромные доходы епископа, доходившие до 40 000 турских ливров в год; и это в то время, когда епархия потеряла почти половину своей территории, благодаря тому, что Бонифаций VIII образовал епархию Памье¹!

Особенно деятельны и ловки в этой сатурналии грабежа и хищничества оказались епископы Альби.

---

¹ Mss. Bib. Nat. fon. lat. № 14930, fol. 224.— «Livres de Justice et de Plet», liv. I, tit. III, § 7.— Vaissete, III, 391.— Les Olim, I, 317.— Mss. Bib. Nat. fond. alt. № 11847.— Concil. Insulan. ann. 1251, c. 3.— Teulet. «Layettes», II, 165.— Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 4.— Vaissete, изд. Privat, VIII, 975.— Baluz, «Concil. Narbonn.» Append. 96–9.— Coll. Doat, XXXV, 48. Cp. Berger, «Reg. d’Innoc. IV» № 1543–4, 1547–8.— Vaissete, IV, 170.— Baudoun, «Lettres ined. de Philippe le Bel», Париж, 1886 г., с. XI.

Вопреки чувству справедливости, которое обыкновенно проявлял Людовик Святой, он далеко не был равнодушен к приобретениям, на которые его современники смотрели как на справедливые. В 1246 г. произошла своего рода *razzia*, направленная против евреев Каркассона, которых заключили в тюрьму. В июле Людовик писал своему сенешалю, что он хочет извлечь из этих евреев как можно больше денег, поэтому их должно держать крайне строго; и в то же время король просит сообщить ему, какую сумму можно выжать с них. В августе он пишет, что предложенная ими сумма чересчур мала, и поручает сенешалю вымучить с них столько, сколько можно.— Vaissete. изд. Privat., VIII, 1191–2.

Воспользовавшись смутной эпохой войны, они присвоили себе разные права, в том числе право верховного суда и конфискации, что вызвало тянувшиеся целых тридцать лет споры между ними и представителями короны. Они проявили чрезвычайное рвение в деле преследования еретиков, что было не менее прибыльно для их кармана, чем полезно для веры. В 1247 году епископ Бертран получил от Иннокентия IV особые инквизиторские полномочия, несомненно, для того, чтобы укрепить за собой светские права, и в следующем году он сделал блестящие дела, продавая осужденным и раскаявшимся еретикам смягчение наказаний. Эта торговля была очень прибыльна, но незаконна; и, когда в 1253 году Альфонс де Пуатье задумал обогатиться этим путем, его открыто остановили архиепископ Нарбонны и епископ Тулузы, заявившие, что подобные злоупотребления соблазняют верных и угрожают падением религии. Наконец, чтобы покончить с требованиями епископа относительно конфискованных имений, Людовик Святой в декабре 1264 года заключил соглашение с Бернаром де Комбрэ, занимавшим кафедру в Альби, которое было тотчас же утверждено Урбаном IV. Прелату полагалась половина имений, конфискованных в его епархии; часть короля в недвижимых имениях переходила к епископу, если они не были отчуждены в течение года, и поступала в его полную собственность, если они не были проданы в течение трех лет. Вот почему в прокурорских отчетах по Каркассонскому округу все конфискованные в Альби имущества делились между королем и епископом. Хотя часть епископа в наличных деньгах с Иванова дня 1322 года по Иванов день 1323 года достигала только ста шестидесяти ливров, но бывали годы, когда епископы получали гораздо больше. В 1300 году

епископ Бернар де Кастане великодушно уступал доминиканской церкви в Альби свою часть в имениях двух граждан, Гильема Эмерика и Жана де Кастане, осужденных после смерти; эта часть была более тысячи ливров. Не трудно догадаться, что сделки с короной порождали многочисленные конфликты. Безусловно Филипп Красивый в 1307 году настаивал на соблюдении соглашений и на возврат захваченных имений. В 1316 году епископ Альби потребовал себе недвижимые имущества, которые не были проданы в течение трех лет; на это требование прокурор Арно Ассали ответил, что он не мог произвести продажи по законным и уважительным причинам; наконец, сенешаль Эмерик де Крозо нашел, что действительно прокурор не мог продать, и что права короны остались неприкосновенными¹.

Но коллективный грабеж, дававший огромную практику адвокатам, порождал не одни подобные вопросы. Процесс, начатый епископами Родеза из-за некоторых земель, конфискованных у еретиков и поступивших во владение короны, тянулся тридцать лет и, наконец, перешел в парижский парламент, который просто прекратил все дело на том основании, что лица, поддерживавшие права короны, не имели необходимых для этого полномочий. Другой процесс между королем и Элеонорой де Монфор, графиней Вандомской, из-за имущества Жана Бодье и Раймунда Кальвери тянулся почти так же долго и был не менее запутан; конфискация была произведена в 1300 году, в 1327 году

---

¹ A. Molinier (Vaissete, изд. Privat, VII, 284–9; VIII, 919).— Coll. Doat. XXXIV, 131, 135, 189; XXXV, 93.— Urbani PP. IV Epist. 62 (Martène, «Thesaur.», II, 94).— Bern. Guidon. «Hist. Conv. Albiens.».— Vaissete, III. Pr. 467, 500.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 143, 146).

процесс все еще тянулся и кончился компромиссом только в 1335 году¹.

Не все прелаты были так алчны, как епископы Альби, из которых один жалуется еще в 1328 году, что жертвы прибегают к разным хитрым уловкам, чтобы сохранить для своего семейства кусок хлеба; но князья и их предствители были безжалостны, если можно было чем-либо поживиться. Я уже говорил, что лишь только подозреваемый вызывался инквизицией, как на его имущество накладывался секвестр, и его должников уведомляли, чтобы они уплатили королю все должные ими суммы. Карл Анжуйский ввел этот прием в Неаполе, и королевский указ об аресте шестидесяти девяти еретиков в 1269 году приказывал равным образом отобрать их имущество в пользу короля. Чиновники уже заранее были так убеждены, что суд окончился осуждением обвиняемых, что часто они не дожидались окончания дела, но уже раньше производили конфискацию. Это злоупотребление восходит и к первым дням инквизиции. В 1237 году Григорий IX жаловался на него и запретил его, но без всякого успеха; в 1246 году собор в Безье снова осудил это злоупотребление, сделав оговорку только на тот случай, если подсудимый сознательно примкнет к заведомым еретикам. Когда в 1259 году Людовик Святой смягчил суровые приемы конфискации, он косвенно запретил поспешное наложение ареста на имущество, предписав своим чиновникам во всех тех случаях, когда обвиняемый не был присужден к тюрьме, допускать его или его наследников ходатайствовать о снятии секвестра; но если налицо имелось подозрение в ереси, то имущество могло быть возвращено только при усло-

---

¹ C. Molinier, «L'Inquis. dans le Midi», 101.— Les Olim. III, 1126–9, 1440–2.— См. также I, 920.

вии представления залога, в обеспечении того, что оно перейдет в государство в случае, если в течение пяти лет подозрение в ереси будет доказано; до того же времени оно не могло быть отчуждено. Однако продолжали по-старому производить предварительные конфискации, так что Бонифаций VIII счел нужным внести в каноническое право новое запрещение этого хищничества. Но и из этого не вышло никакого толка. Инквизиция настолько распространила идею, что всякий обвиняемый виновен, и что из ее рук нельзя было выскользнуть, что чиновники считали себя вне всякой опасности, действуя по простому подозрению.

Из разных источников мы знаем один подобный случай, бывший, несомненно, не единственным. Во время преследования в Альби в 1300 году известный Жан Бодье был допрошен в первый раз 20 января; он не сознался ни в чем. На втором допросе 5 февраля он признался в ереси и 7 марта был осужден; но его конфискованное имущество было продано уже 29 января, т. е. не только до окончания суда, но и до признания обвиняемого. Гильем Гаррик, обвиненный в участии в заговоре, составленном с целью уничтожения списков инквизитора в Каркассоне (1284 г.), был осужден только в 1319 году, но уже в 1301 году граф Фуа и королевские чиновники спорят из-за обладания его конфискованным замком де Монтейра¹.

Донесение Жана д'Арси, сенешаля Руэрга, Альфонсу де Пуатье около 1253 года красноречиво свидетель-

---

¹ Arch. de l'Évêché d'Albi (Doat, XXXV, 83).— Les Olim., I, 556.— Archivio di Napoli, Regist. 4, Lett. B, fol. 47.— Arch. de l'Évêché de Béziers (Doat, XXXI, 35).— Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 3.— Isambert, «Anc. loix Franç.» I, 257.— C. 39 Sexto V. 2.— Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 11847.— Coll. Doat, XXXV, 68.— Molinier, «L'Inq. dans le Midi», 102.— Vaissete изд. Privat, X. Pr. 370, след.

ствуется о том, с какой страшной алчностью производилось это хищение. Епископ Родеза вел ожесточенную борьбу против еретиков и передал в руки светской власти в Нажаке некоего Гуго Парера, которого сенешаль тотчас же приказал сжечь живым; его конфискованное имущество превышало 1000 турецких ливров. Но д'Арси, узнав, что епископ вызвал на суд в Родез еще шесть других граждан Нажака, поспешил в епископский город, чтобы не допустить ущерба интересов своего повелителя. Епископ сказал ему, что эти шесть лиц — еретики, и что он выручил от конфискации их имущества 100 000 су в пользу графа; но с согласия членов своего суда он просил сенешаля оставить часть имущества в пользу детей обвиняемых; усердный слуга графа отказал епископу в этой просьбе. Тогда епископ, которому дали дурной совет, не взирая на права графа, попытался избежать конфискации, приговорив еретиков к разным легким епитимиям. Но сенешаль, не мешкая, наложил арест на имущество, после чего он дал из него некоторые крохи кающимся и их детям, что не помешало ему, как писал он в своем донесении, заполучить до тысячи ливров; он кончает свой рапорт советом графу, что, если он не желает быть обманутым, ему надо назначить кого-нибудь наблюдать за действиями епископа. Со своей стороны, епископы жаловались, что чиновники Альфонса позволяли еретикам, беря с них взятки, сохранять за собой часть имущества и осуждали на костер несчастных, совершенно этого не заслуживавших, с единственной целью захватить их имущество. Эти гнусные злоупотребления сделались настолько невыносимыми, что в 1254 году чиновники Альфонса, в том числе Ги Фукуа, попытались прекратить их, издав общее правило; но трудно было устранить эти безобразия, вытекавшие из самого характера института. Несмотря на свою жадность,

Альфонс соглашался делить свою добычу с теми, благодаря которому она добывалась; мы знаем много примеров его щедрости, бескорыстие которой, впрочем, весьма сомнительно. В 1268 году он предоставил инквизиции ежегодный доход в 100 ливров от конфискованных имуществ одного еретика; в 1270 году он повелевает построить часовню на деньги подобного же происхождения¹.

Понятно, хищники прикладывали особое старание, разыскивая повсюду, что бы конфисковать. Список конфискаций, произведенных каркассонскими прокурорами за время с 1302 по 1313 год, дошел до нас в рукописи; мы видим из него, с каким тщанием разыскивали должников осужденного даже в том случае, если дело шло о нескольких су. В деле богатого заключенного Гильема де Фенас потребовалось от восьми до десяти лет, чтобы подвести актив, причем было 859 должников, из которых один был должен всего пять денье. С другой стороны, никогда не поднимали вопроса об уплате долгов обвиненного; таким образом, применяли принцип, в силу которого еретик не мог законным образом делать долги, и без зазрения совести обирали его должников. Вельможи настаивали, что суммы, должные одним из их вассалов, должны были поступать в их пользу, но Филипп Валуа решил в 1329 году, что, когда долги должны были уплачиваться по месту жительства еретика, то сумма должна поступать в королевскую казну, а вассальные отношения должников не должны быть принимаемы при этом во внимание. Другой пример отвратительной алчности хищников находим мы в процессе, ко-

---

¹ Boutaric, «Saint Louis et Alphonse de Poitiers», Париж, 1870 г., с. 455–6. – Douais, «Les sources de l'hist. de l'Inquis.» в Rev. des quest. histor., oct. 1881, с. 436. – Coll. Doat, XXXII, 51, 64.

торый в 1302 году рассматривался в парижском парламенте. По смерти рыцаря Гильема Прюнеля и его жены Изабеллы опека над сиротами, естественно, должна была перейти к их ближайшему родственнику, рыцарю Бернару де Монтеские; но последний несколько лет перед этим был сожжен как еретик, и имения его конфискованы. Сенешаль Каркассона заявил, что имущество наследников представляло посмертное приобретение Бернара, и поэтому наложил на него арест. Но племянник, другой Бернар де Монтеские, обжаловал это решение и добился его отмены¹.

Не менее энергично разыскивались и отчужденные имения. Так как согласно с римским законом вероломство шло совместно с ересью, то еретик не мог совершать актов, и всякая продажа, всякий дар, сделанные им, считались не имеющими законной силы даже и в том случае, если отчужденный предмет перешел после этого через несколько рук. Владелец должен был выдать его без всякого вознаграждения, если только стоимость самого акта передачи не заключалась в имениях еретика. В 1272 году Карл Анжуйский писал из Неаполя своему вигье и его помощнику в Марселе, уведомляя их, что некая Мария Роберта раньше, чем ее присудили к тюрьме за ересь, продала дом; им предписывалось отобрать его, продать с аукциона и сообщить о том, сколько выручать. Так как они не исполнили этого приказа, то их сместили и назначили новых чиновников, которым Карл повторил свои приказания, обязав их исполнить их под личной ответственностью. В то же время он написал своему сенешалю, чтобы он понаблюдал за ис-

---

¹ Arch. de l'Évêché d'Albi (Doat, XXXIII, 201–72). – Coll. Doat, XXXV, 93. – Les Olim, II, 111.

полнением этого дела, которому он придавал огромное значение¹.

Жестокость этих хищничеств еще более увеличилась вследствие безжалостного способа, которым они производились. Лишь только арестовывали кого-нибудь по подозрению в ереси, как сейчас накладывали секвестр на его имущество, и оно поступало государственным чиновникам, которые могли вернуть ему его только в том маловероятном случае, если доказательства его вины будут признаны недостаточными. В опись вносилось все – до домашней утвари и наличной провизии включительно². Таким образом, был ли он виновен или нет, но семейство его выбрасывалось на улицу, осужденное на голодную смерть или вынужденное обращаться к другим за помощью; а рассчитывать на подобную помощь было очень трудно, так как оказавший ее легко мог навлечь на себя преследование и обвинение в сочувствии еретику. Единственной причиной этих мучений было судопроизводство!

В этом безумном вихре хищений исполнители не упускали, конечно, случая нагреть себе руки. В 1304

---

¹ Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Bona haereticorum». – Archidiacon. Gloss. sup. c. 19 Sexto V. 2. – Arch. di Napoli, Regist. 15. Lett. C, fol. 77, 78.

Английский закон относительно измены имел также обратную силу, и все отчуждения, сделанные после преступления, считались недействительными (Bracton, lib. III, tract. II, cap. 13, № 8).

В Испании магистр Иаков де лас Сейес в своих «Flores de las Leyes», посвященных Альфонсу X, устанавливает как правило простой справедливости, что конфискованные имущества должны поступать со всеми лежащими на них долгами («Memorial historico español», 1851 г., т. II, с. 219).

² Coll. Doat, XXXII, 309, 316.

году Иаков де Полиньяк, бывший в течение двадцати лет смотрителем инквизиционной тюрьмы в Каркассоне, вместе с несколькими другими чиновниками, ведавшими конфискацией, был уличен в присвоении себе целого ряда имений, в том числе одного замка, нескольких ферм, виноградников, садов и много движимости; их всех присудили вернуть королю все незаконно присвоенное¹.

Приятно от этих ужасов перейти к делу, возбуждавшему большой интерес во Фландрии в эпоху, когда деятельность инквизиции в этой стране стала столь ничтожной, что о конфискациях почти совсем забыли. Епископ Турнэ и викарий инквизиции осудили в Лилле известное число еретиков, которые были сожжены живыми. Они конфисковали их имущество, объявив движимость принадлежащей церкви и инквизитору, а остальное — фиску. Городские власти Лилля смело вмешались и заявили, что одна из вольностей их города обуславливала, что ни один из граждан не может быть одновременно лишен жизни и имущества. Затем от имени детей одной из жертв они обратились с жалобой к папе. Советники сюзерена, Филиппа Доброго Бургундского, потребовали предоставленные ему права на все конфискованное имущество, тогда как духовенство требовало восстановления правила о возврате движимости осужденного. Так как этот спор, где были заинтересованы три стороны, грозил перейти в долгий и дорогой, то согласились предоставить дело на усмотрение самого герцога. Последний с редким благоразумием, при всеобщем одобрении, примирил стороны в 1430 году: он решил, что постановление о конфискации не имеет силы, и что имущество осужденных должно перейти к их наследникам; он умыш-

---

¹ Les Olim, II, 147.— Doat, XXVI, 253.

ленно добавил, чтобы права церкви, инквизиции, города и государства не нарушались ненарушаемыми при всяком подобном случае, который, впрочем, нельзя предвидеть. Но в 1460 году во время ужасного преследования колдунов Арраса герцог проявил меньше бескорыстия; движимое имущество несчастных было присоединено к богатствам епископа, а их недвижимое имущество было конфисковано в пользу фиска, несмотря на заявления города, основанные на признанных за ним привилегиях¹.

Эти массовые конфискации не только навлекали жестокие и незаслуженные бедствия на тысячи женщин и беззащитных детей, доведенных до нищенства, но они настолько парализовали общественную жизнь и повседневные сношения между собой людей, что трудно себе даже представить. Нельзя было поручиться ни за одну сделку. Ни один заимодавец, ни один покупатель не мог быть уверен в правоте того лица, с которым имел дело; мало того, кроме утраты права на владение в случае ереси, почти неограниченное право возбуждать процессы против умерших через много лет мешало всякому быть уверенным в завтрашнем дне и спокойно пользоваться своим благоприобретенным или унаследованным имением.

Давность относительно требований римской церкви была установлена в теории только столетия, считая при этом не со дня совершения преступления, а со времени его раскрытия. Хотя некоторые юрис-

---

¹ Archives generales de Belgique, Papiers d'État, V, 405.— Mém. de Jacques du Clercq, liv. IV, ch. 4, 14.

В Аррасе хартия 1335 г., подтвержденная Карлом V в 1369 г., защищала горожан от конфискации в случае осуждения за преступление надлежащим судом.— Duverger, «La Vauderie dans les États de Philippe le Bon», Appas, 1885 г., с. 60.

ты полагали, что дело против покойников могло быть поднимасемо в течение пяти лет со дня их смерти, другие, однако, утверждали, что для этого нет срока, и практика инквизиции показывает, что последнее мнение пользовалось большим уважением. В обыкновенных случаях церковная давность определялась в сорок лет; но, чтобы сослаться на нее, нужно было, чтобы собственник имения мог установить, что он никогда не подозревал прежнего владельца в ереси, и что он умер, пользуясь репутацией ничем не замаранного католика. В противном случае право на владение являлось спорным¹.

Мы уже видели, что дела против покойников были пародией суда: защита там была невозможна, и конфискация неизбежна. Дело Герардо Флорентинского показывает, насколько легко могли семьи разоряться вследствие подобных обвинений. Герардо был человек богатый и могущественный, принадлежал к одному из лучших и древнейших родов и был консулом в 1218 году. Тайный еретик, он на смертном одре между 1246 и 1250 гг. подверг себя обряду еретикации. Казалось, об этом уже забыли, когда в 1313 году инквизитор Флоренции, брат Гримальдо, возбудил преследование против его памяти и выиграл тяжбу. Последовало осуждение, которое распространилось на его детей и внуков; все они были лишены имуще-

---

¹ С. 6, 8, 9, 14, Sexto XII. 26.— Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Bona haereticorum».— Eymerici «Direct. Inquis.», 570–2.— Zanchini «Tract. de Haeret.» c. XXIV.— J. F. Ponzinib. «de Lamiis», c. 76.

Как ни был в эту эпоху строг английский закон против измены, но, по крайней мере, он преследовал изменника только живого; если же он умирал раньше, чем был осужден, то имущества его не трогали (Bracton, Lib. III, Tract, II, cap. 13, № 17).

ства и подверглись ограничению прав как потомки еретика. В эпоху, когда подобные возмутительные вещи приветствовались как яркое свидетельство благочестивого рвения, никто не мог быть уверенным в завтрашнем дне; бедные и богатые одинаково жили под вечным страхом ограбления¹.

Несколько иной, но столь же поучительный пример дает нам дело Жеро де Пюи-Жерме. Его отец был осужден за ересь при Раймунде VII Тулузском, который великодушно вернул конфискованные имения. Но двадцать лет спустя после смерти Раймунда ревностные агенты Альфонса отобрали их снова. Тогда Жеро обратился с жалобой к Альфонсу, который назначил расследование, но мы не знаем, чем окончилось это дело².

И не только все то, что еретик отсудил, отнималось у новых владельцев, но долги, заключенные им, залого

---

¹ Lami, «Antich. Tosc.», 497, 536–7.— Правда, когда в 1335 г. каркассонский инквизитор Генрих Шамэ послал в римскую курию свидетельские показания, данные против восемнадцати уже умерших лиц, обвиняемых в еретических поступках, совершенных между 1284 и 1290 гг., то папа ответил, что не следует придавать значения противоречивой болтовне лиц, повторявших слова, сказанные много лет тому назад. Относительно этих же самых лиц уже было раньше сделано три расследования, не давшие никаких результатов, и папские советники полагали, что нужно прекратить дело.— Vaissete, изд. Privat, IX, 401.

В 1247 г. Гильем Пьер де Вентру жаловался Людовику Святому, что каркассонский сенешаль захватил имущество, перешедшее к нему от матери, так как его дед через семнадцать лет после своей смерти был обвинен в ереси. Подобный факт много говорит относительно способа применения этой системы. Людовик Святой приказал расследовать дело и донести ему.— Vaissete, изд. Privat, VIII, 1196.

² Vaissete, изд. Privat, VIII, 1641.

и другие его обязательства не имели значения. Даже когда Людовик Святой ослабил ужасы конфискаций в Лангедоке, он мог сделать только одно — чтобы займодавцы получали удовлетворение по долгам, сделанным еретиком и ранее первого проявления ими ереси; обязательства же, сделанные после этого проявления ереси, дату которого определить точно было почти всегда невозможно, не подлежал и удовлетворению. Так как никто не мог поручиться за правоверие своего соседа, то, понятно, до какой степени были стеснены и парализованы самые простые сделки — и это в ту эпоху, когда в Европе промышленность и торговля только еще начинали развиваться. Инквизиция не только задушила умственные стремления XIII века, но также могущественно остановила и материальный прогресс. Это вместе с ужасами преследования способствовало уничтожению многообещавшей цивилизации Южной Франции и перенесению в Англию и Голландию, где инквизиция относительно не пользовалась большим влиянием первенства в торговле и промышленности, проложившего дорогу богатству, могуществу и свободе¹.

Просвещенные итальянские города в эпоху зарождавшегося благосостояния обеспокоились, испугавшись удара, грозящего им от инквизиции. Во Флоренции думали найти спасение, требуя от продавца земли предоставления гарантии против возможности инквизиторской конфискации; обыкновенно эта гарантия представлялась в виде третьей части, которую также

---

¹ Zanchini «Tract. de Haeret.», с. XXVII. — Isambert, «Anc. loix franç.». I, 257. Однако до нас дошло одно дело от 1269 г., где кредитор двух еретиков обращается к Альфонсу де Пуатье с просьбой уплатить ему из имущества осужденных; Альфонс приказал произвести расследования об обстоятельствах, при которых дана была ссуда. — Vaissete, изд. Privat, VIII, 1682.

могли прекрасно отобрать. Это в сущности было заменой одного зла другим; и скоро поняли, что подобное положение вещей невыносимо. Республика торжественно обратилась к Мартину V, перечислив, какие печальные недоразумения произошли уже и произойдут еще благодаря конфискациям имений еретиков, перешедших в руки верных католиков. Папа принял сторону республики и особой буллой от 22 ноября 1283 года приказал флорентинским инквизиторам на будущее время воздерживаться от подобных конфискаций¹.

Князья, получавшие выгоду от конфискаций, сознавали, что они были обязаны нести на себе издержки инквизиции; их личный интерес был настолько значителен, что побуждал их поддерживать учреждение, столь выгодное для их фиска. В теории было бесспорно, что епископы должны были нести расходы по борьбе с ересью; инквизиторы Лангедока вначале старались добиться от них необходимых средств, настаивая, чтобы, по крайней мере, денежные наказания в виде штрафов, наложенные в целях употребления их на дела благотворительности, шли на вознаграждение нотариусов и канцелярских служителей инквизиции. Но эти хлопоты были безуспешны, так как, по словам Ги Фукуа (Климент IV), руки епископов были цепки и кошельки туги. В Северной и Центральной Италии благодаря штрафам и конфискациям инквизиция вела свои расходы широко. В Венеции государство оплачивало расходы и получало доходы. В Неаполе государи из Анжуйского дома первоначально усвоили такое же отношение; они брали себе конфискованные имущества, но заботились о содержании заключенных и, кроме того, платили каждому инкви-

---

¹ Lami, «Antich. Toscane», 593.— Arch. di Firenze, «Reformagioni», classe V, № 110.

зитуру *augustal*, т. е. четверть унции золота, ежедневно на его личные расходы, на его товарища, на нотариуса и на трех его слуг с их лошадьми. Эти деньги взимались с неапольских таможенных пошлин, которыми были обложены железо, смола и соль; приказы об уплате обыкновенно делались на шесть месяцев, по прошествии которых должны были возобновляться; но часто бывали большие просрочки, и инквизиторы не без основания жаловались на это, хотя королевским чиновникам грозил штраф в случае промедления. Однако я нашел одну бумагу, адресованную в 1272 году инквизитору брату Маттео ди Кастелламаре, по которой ему предоставлялось вознаграждение за целый год, с уплатой за шесть месяцев вперед. Когда в 1290 году Карл II произвел, согласно указам папы, раздел добычи от конфискаций, он, однако, продолжал принимать участие в расходах инквизиции, хотя и в несколько меньших размерах. 16 мая 1294 года он написал платить брату Бартоломео ди Аквила ежедневно по четыре *tarenì* (одна тридцатая часть унции золота), а 7 июля того же года он назначил на личное содержание инквизитора по пяти унций в месяц¹.

Во Франции в первое время мы видим некоторую неопределенность. Право епископов было настолько ясно, что они не могли отказываться от несения, по крайней мере, части расходов. До установления инквизиции эта обязанность состояла почти исключительно в содержании обратившихся заключенных. На

---

¹ Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 14930, fol. 228.— Guid. Fulcod., «Quaest.», III.— Archiv. di Napoli, Reg. 6, lett. B, fol. 35; Reg. 10, lett. B, fol. 6, 7, 96; Reg. 11, lett. C, fol. 40; Reg. 13, lett. A, fol. 212; Reg. 51, lett. A, fol. 9; Reg. 71, lett. M, fol. 382, 385, 440; Reg. 98, lett. B, fol. 13; Reg. 113, lett. A, fol. 194; Reg. 253, lett. A, fol. 63; Mss. Chioccorelli, t. VIII.

Турском соборе епископы согласились содержать заключенных, если у них не было собственных средств; но содержание тех заключенных, имущество которых подверглось конфискации, должно было падать на князей, получавших барыши от конфискации. Это постановление, равно как и сделанное позднее, в 1254 году, собором Альби, произвело запутанность и мало применялось. Статуты Раймунда в 1234 году вошли в мельчайшие подробности по вопросу о конфискациях, но не сделали ничего относительно снабжения новой инквизиции необходимыми средствами. Вопрос оставался открытым.

В 1237 году Григорий X жалуется, что королевские чиновники не платят ничего на содержание заключенных, имущество которых они конфисковали. Когда в 1246 году собрался на собор Безье, то кардинал-легат д'Альбано напомнил епископам, что они обязаны давать деньги согласно с решением собора в Монпелье, протоколы которого до нас не дошли. Это было неприятно добрым епископам; как мы уже видели, они требовали, чтобы тюрьмы строились иждивением тех, кто получал доходы от конфискаций, и предлагали на содержание тюрем и инквизиторов употреблять штрафные деньги. Но Людовик Святой не мог допустить, чтобы богоугодное дело пало по недостатку средств; в 1248 году он берет на себя все расходы инквизиции во всех землях короны; мы уже видели выше, как он взял на себя расходы по содержанию тюрем и заключенных. В 1246 году он приказал сенешалю Каркассона выдавать инквизиторам ежедневно по десять су из доходов от конфискаций. Можно думать, что Раймунд не особенно охотно принял на себя содержание института, которому он всячески мешал, пока мог бороться за спасение своих подданных; но когда в 1249 году ему наследовали Жанна и Альфонс де Пуатье, последний,

человек алчный и коварный, нашел для себя выгодным возбуждать рвение тех, которые обогащали его своими грабежами. Он не только оплачивал расходы определенных трибуналов, но также приказал своим сенешалям заботиться о нуждах инквизиторов и их служителей во время их поездок по его владениям. Заботливость его простиралась на все мелочи. В 1268 году Гильем де Монтрейль, инквизитор Тулузы, уведомляет его, что он пригласил нотариуса с платой ему шести денье в день и одного служителя по четыре денье в день; Альфонс немедленно приказывает платить эти деньги от его имени. Не менее жадный до денег, Карл Анжуйский находил время, среди своих многочисленных отлучек в Италию, наблюдать за тем, чтобы его сенешали в Провансе и в Форкалькье принимали участие в расходах инквизиции, следуя тем же принципам, которыми руководствовался король в своих владениях¹.

Как ни велик был доход фиска благодаря деятельности инквизиторов, последние, однако, иногда представляли его себе в преувеличенном виде и позволяли себе расходы, которые казались чрезмерными тем, кому приходилось оплачивать их. Уже в 1242 и 1244 гг., когда князья не сделали еще запасов для Св. Трибунала, и когда епископы еще энергично отстаивали

---

¹ Concil. Tolosan. ann. 1229, с. 9.— Concil. Albiens. ann. 1254, с. 24.— Harduin. VII, 415.— Arch. de l'Évêché de Béziers (Doat, XXXI, 35).— Concil. Biterrens. ann. 1246, с. 22.— D. Bouquet, T. XXI, 262, 264, 266, 278 и след.— Vaissete, изд. Privat, VIII, 1206, 1573.— Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 250).— Archivio di Napoli, Regist. 20, lett. B, fol. 91.

Как тщательно требовал Альфонс доходов от конфискаций, видно из одного его письма к своему сенешалю Иакову де Буа, от которого он требует отчета (25 марта 1268 г., Vaissete, изд. Privat, VIII, 1274).

штрафные деньги, роскошь и сумасбродство некоторых инквизиторов навлекали на них порицание их же собственного ордена, как свидетельствуют это провинциальные капитулы доминиканцев, бывшие в Монпелье и Авиньоне. Конечно, было несправедливо упрекать в этом всех инквизиторов, но несомненно, что многие из них заслуживали порицания, и что они располагали множеством средств, законных и незаконных, чтобы добывать себе деньги. Интересно бы знать, например, как мог Бернар Ко, председательствовавший до самой смерти (1252 г.) в тулузском трибунале, будучи доминиканцем, следовательно, не имея права иметь личную собственность, как мог он, спрашиваем мы, делать щедрые пожертвования на монастырь Ажана, основанный в 1249 году? Даже самому Альфонсу де Пуатье надоели, в конце концов, требования тех, которые столь хорошо удовлетворяли его жажду к деньгам. В конфиденциальном письме от 1268 году он жалуется на огромные расходы, произведенные инквизиторами Тулузы, Понсом де Пуайе и Этьеном де Гатин; он поручал своему агенту убедить их перебраться в Лувр, где, надеялись, они будут скромнее. Альфонс предлагал им Лаворский замок или любой другой, который мог бы служить одновременно и тюрьмой; хитрый князь писал им, что желая дать им возможность расширить свою деятельность, он готов дать им обширный замок¹.

Любопытные данные о расходах инквизиции за 1322–1333 гг. мы находим в счетах Арно Ассали, прокурора Каркассона и Безье, по счастью дошедших до нас. Из доходов от конфискации прокурор опла-

---

¹ Molinier, «L'Inquis. dans le Midi», 308.— Bern. Guidon. «Fundat. convent. Praedicat.» (Martène, «Thesaur.», VI, 481).— Boutaric. «S. Louis et Alphonse de Poitiers», 456–7.

чивал все расходы инквизиции – содержание заключенных, розыск свидетелей, преследование беглецов, расходы по аутодафе, включая сюда угощение экспертов и сукно шафранного цвета для крестов кающимся. Мы узнаем из этого же источника, что жалование инквизитора достигало ста пятидесяти ливров в год, и что уплачивалось оно очень неаккуратно. Брат Отберт, назначенный великим постом 1316 года, не получал ничего до 1322 года, когда вследствие бумаги короля Карла Красивого ему уплатили разом жалование за шесть лет, т. е. 900 ливров. Хотя в эту эпоху число конфискаций начало падать, все же оно было еще значительно. Ассали за год получил 2219 ливров 7 су и 10 денье; расходы же его за это время, считая довольно крупные судебные расходы и уплату сразу большой суммы Отберту, достигли 1168 ливров 11 су и 4 денье, так что короне осталось чистых 1050 ливров¹.

Бесспорно, что преследование, как нечто правильное и постоянное, всецело опиралось на конфискации; только они одни поддерживали это горячее рвение к вере, которое медленно угасало, когда иссякали доходы. Когда катары исчезли под ударами Бернара Ги, началось все возрастающее падение инквизиции. Другие еретики – спиритуалы, дольцинисты, фратичелли – были нищие, которые отрицали всякую ответственность; вальденсы были бедные крестьяне или пастухи; самое большое, что изредка давало хорошую наживу, были колдун или ростовщик; тем не менее,

---

¹ Coll. Doat, XXXIV, 189. – В 1317 г. доходы были гораздо меньше. До нас дошла квитанция королевского казначея в Каркассоне, Лотаря Бланка, выданная Ассали 24 сентября 1317 г.; чистый доход, за вычетом жалования чиновников и других расходов, равнялся 495 ливрам 6 су 11 денье.

еще до 1337 года обязанность бальи по делам конфискаций за ересь в Тулузе была довольно-таки прибыльная, и желающих занять ее находилось много; за предшествующий год она дала 640 ливров 10 су¹.

Неудача первой попытки ввести инквизицию во Франш-Конте совершенно ясно показывает, что религиозное рвение было тесно связано с желанием заполучить имение ближнего. Герцог Бургундский Иоанн представил в 1248 году Иннокентию IV, что вальденская ересь распространяется по Безансонской провинции, и просил папу приостановить зло. Не хотел ли Иоанн нести расходов или жатва давала плохой сбор, мы не можем сказать; но только монахи, посланные в Бургундию, просили, чтобы их отозвали, говоря, что, благодаря отсутствию средств, их усилия остаются бесплодными. Александр IV в 1255 году благосклонно удовлетворил их просьбу. Тем же объясняется неудача попыток основать инквизицию в Португалии. Когда в 1376 году Григорий XI предписал лиссабонскому епископу назначить францисканца инквизитором в королевство, то он постановил, чтобы назначенное лицо получало в год 200 флоринов золотом, распределяемых между епископскими кафедрами пропорционально их платежам на папский двор. Ответом на предписание папы было полное бездействие, проистекавшее только от нежелания епископов нести новые расходы; то же можно сказать и в объяснение неудачи Бонифация IX, когда он назначил брата Винчен-та лиссабонского инквизитором Испании и возложил его содержание на местных прелатов².

---

¹ Doat, XXXV, 79, 100.— Vaissete, изд. Privat, 705, 777, 783.

² Potthast, № 13000, 15995.— Monteiro, «Historia da Santo Inquisição», p. I, lib. II, c. 34, 35.

Самая циничная попытка покрыть расходы инквизиции была сделана императором Карлом IV, когда он старался в 1369 году прочно основать инквизицию в Германии. Еретиков было мало, и они были бедны; конфискация их имущества сулила ненадежное содержание ревностному Керлингеру и его товарищам. Ниже мы увидим, как без всякого суда были конфискованы дома неповинных ни в чем бегардов и бегинов, чтобы дать помещения для инквизиторов и их тюрем; города были приглашены получить часть от этих насилий: этим надеялись привлечь расположение народа. Но все разбилось о непобедимое отвращение, которое внушала в Германии инквизиция народу и прелатам¹.

Эмерик, писавший в Арагонии около 1375 года, говорит, что вопрос о содержании инквизиции обсуждался уже давно, но никогда не был точно разрешен. Наиболее распространенным среди духовенства было мнение, что тяжесть содержания инквизиции должна была падать на светских князей, которые пользовались доходами от конфискаций, а, следовательно, должны были нести и известные обязанности; но в наши дни, с грустью замечает Эмерик, мало уже упорствующих еретиков, еще менее еретиков-рецидивистов, и почти нет еретиков богатых, так что князья, не получая больших доходов, мало расположены производить расходы. Следовало бы найти другую комбинацию, но все предлагаемые наталкиваются на неприятные и серьезные возражения; и по этому поводу Эмерик жалуется, что столь полезное и столь необходимое для христианского мира учреждение так не обеспечено в завтрашнем дне².

---

¹ Mosheim, «de Beghardis», 356–63.

² Eymeric. «Direct. Inquis.», 652–3.

Пока Эмерик сетовал, вопрос представлялся в самом прозаическом виде. Еще в 1337 году в отчеты тулузского сенешальства вносятся расходы на аутодафе на поддержание недвижимых имений инквизиции, на жалование инквизитору и его помощникам и на содержание заключенных. Но беспорядок и бедность, бывшие следствием Столетней войны, скоро вычеркнули из бюджета эти статьи расхода. В 1375 году Григорий XI убеждал короля Сицилии Фридриха разрешить инквизитору взять конфискованные имения, чтобы дело спасения душ не нуждалось в средствах. Одновременно он сделал энергичную попытку уничтожить вальденсов, число которых размножилось в Дофинэ. Нужно было строить новые тюрьмы, нужно было кормить массу заключенных, и папа повелел отнести этот расход на счет прелатов, благодаря небрежности которых усилилась ересь. Но, хотя он грозил упорствующим отлучением от церкви, однако, кошельки епископов оставались закрытыми, и вскоре инквизитор потребовал часть конфискованных имуществ, мотивируя это требование полным отсутствием средств на содержание своего трибунала. Королевские чиновники настаивали на удержании всего конфискованного, и возник горячий спор, который был доведен до короля Карла Мудрого. Последний вошел в соглашение со Св. Престолом и в 1378 году опубликовал указ, которым он сохранял за собой все доходы конфискации и назначал инквизитору ежегодное содержание в 190 турских ливров (то же, что получали трибуналы Тулузы и Каркассона), из которых должны были оплачиваться все расходы инквизиции; при этом король добавлял, что, если эта сумма не будет уплачиваться правильно, то инквизитор имеет право брать эти деньги сам лично из конфискованных имуществ. Во время ужасных беспорядков, вызванных безумием Карла VI, этот

Аутодафе.

(С картины в Национальной Галерее в Мадриде)

договор перестали соблюдать. В 1409 году Александр V предоставил на решение своего легата вопрос, должен ли инквизитор Дофинэ получать по триста флоринов золотом в год, уплату которых возложить на евреев Авиньона, или по десяти флоринов в год с каждого епископа своей обширной провинции, или, наконец, возложить содержание инквизитора и его людей во время их пребывания в отдельной епархии на епископа этой епархии. Но внешняя война и внутренние междоусобия вскоре уничтожили все источники доходов. В 1432 году эмбренский инквизитор брат Петр Фабри, будучи вызван на Констанцский собор, ответил, что он не может явиться, так как, с одной стороны, у него много дела с вальденсами, а с другой – он совершенно не имеет средств на поездку. «Я никогда, – добавил он, – не беру ни одного су у церкви Божьей и не получаю ниоткуда никакого жалованья»¹.

Конечно, было бы несправедливо говорить, что скупость и жажда к грабежу были главными двигателями инквизиции; но нельзя отрицать, что эти низкие страсти играли видную роль. Вспомним только о жалобах, во имя интересов фиска, на неприкосновенность, обещанную тем, кто сознается в течение срока милосердия; вспомним об ответе Бернара Ги, указывавшего на то, что кающиеся должны выдавать своих соумышленников и что, следовательно, индульгенция должна идти в пользу фиска. Все занимавшиеся преследованием всегда имели ввиду материальную выгоду². Не заинтересованная материально инквизиция не пережила бы первой вспышки фана-

---

¹ Vaissete, изд. Privat, X. Pr. 791–2, 802. – Raynald. ann. 1375, № 26. – Wadding. ann. 1375, № 21, 22; 1409, № 13. – Isambert, «Anc. liox franç.» V. 491. – Martène, «Ampliss. Coll.», VIII, 161–3.

² Bernard. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).

тизма, породившего ее; она могла бы существовать только в течение одного поколения, а затем исчезла бы и возродилась бы снова с возрождением ереси; и катаризм, против которого не было бы систематического и долгого преследования, мог бы избежать полного уничтожения. Но в силу законов о конфискации еретики сами сделались виновниками своего падения. Алчность и фанатизм подали друг другу руку и в течение целого столетия были сильными двигателями жестокого, непрерывного и неумолимого преследования, которое выполнило свои планы и прекратилось только за отсутствием жертв.

Глава XIV

КОСТЕР

Смертная казнь, как и конфискация, была мерой, которую в теории инквизиция не применяла. Ее дело было употребить все усилия, чтобы вернуть еретика в лоно церкви; если он упорствовал или если его обращение было притворным, ей нечего было с ним более делать. Как не католик, он не подлежал юрисдикции церкви, которую он отвергал, и церковь была вынуждена объявить его еретиком и лишить своего покровительства. Первоначально приговор был только простым осуждением за ересь и сопровождался отлучением от церкви или объявлением, что виновный не считается более подсудным суду церкви; иногда добавлялось, что он передается светскому суду, что он отпущен на волю – ужасное выражение, обозначавшее, что окончилось уже прямое вмешательство церкви в его судьбу. С течением времени приговоры стали пространнее; часто уже начинает встречаться замечание, поясняющее, что церковь ничего не может более сделать, чтобы загладить преступления виновного, и передача его в руки светской власти сопровождается следующими знаменательными словами: *debita animadversione puniendum*, т. е. «да будет наказан по заслугам». Лицемерное обращение, в котором инквизиция заклинала светские власти пощадить жизнь и тело отпавшего, не встречается в

старинных приговорах и никогда не формулировалось точно¹.

инквизитор Пегна не задумывается признать, что это воззвание к милосердию было пустой формальностью, и объясняет, что к нему прибегали только с той целью, чтобы не казалось, что инквизиторы согласны на пролитие крови, так как это было бы нарушением канонических правил. Но в то же время церковь зорко следила за тем, чтобы ее резолюция не толковалась превратно. Она поучала, что не может быть и речи о каком-либо снисхождении, если еретик не раскается и не засвидетельствует своей искренности выдачей всех своих единомышленников. Неумолимая логика св. Фомы Аквината ясно установила, что светская власть не могла не предавать еретиков смерти, и что только вследствие своей безграничной любви церковь могла два раза обращаться к еретикам со словами убеждения раньше, чем предать их в руки светской власти на заслуженное наказание. Сами инквизиторы нисколько не скрывали этого и постоянно учили, что осужденный ими еретик должен быть предан смерти; это видно, между прочим, из того, что они воздерживались произносить свой приговор над ним в пределах церковной ограды, ко-

---

¹ Coll. Doat, XXI, 143.— Mss. Nat., fon. lat., № 9992.— *Doctrina de modo procedendi* (Martène, «Thes.», V, 1807).— Lami, «Antich. Toscare», 557, 559.— Lib. Sentent. Inq. Tolos., 2, 4, 36, 208, 254, 265, 289, 380.— Eymeric. «Direct. Inquis.» 510–512.— *Debita animadversio* точно определено Анджоло да Киаватто (1485): *Ista animadversio est poena ignis de consuetudine, licet de jure sit poena mortis* («Summa angelica» s. v. «Haereticus», § 16).— Бернард Комский говорит так: «*Poena animadversionis est poena quae evertit animam a corpore*» («Lucerna Inquis.» s. v. «Executio», № 4). Церковь никогда не обманывала себя в этом отношении.

торуую осквернило бы осуждение на смертную казнь, а произносили его на площади, где происходило последнее действие ауто-да-фе. Один из их докторов XIII века, цитируемый в XIV веке Бернаром Ги, так аргументирует это: «Цель инквизиции – уничтожение ереси; ересь же не может быть уничтожена без уничтожения еретиков; а еретиков нельзя уничтожить, если не будут уничтожены также защитники и сторонники ереси, а это может быть достигнуто двумя способами: обращением их в истинную католическую веру или обращением их плоти в пепел, после того как они будут выданы в руки светской власти». В следующем столетии брат Алонзо де Спина замечает, что ранее, чем осудить их на уничтожение, нужно дважды обращаться к ним с предупреждениями, чтобы они, добавляет он, по крайней мере, не грозили спокойствию церкви, в каковом случае их следует уничтожать без промедления и следствия.

Проникнутые подобными учениями, светские власти, естественно, верили, что, сжигая еретиков, они исполняли лишь приказание инквизиции. В предписании, данном 9 ноября 1431 году Филиппом Красивым Бургундским своим чиновникам относительно того, чтобы они повиновались брату Кайтейзену, назначенному инквизитором Лилля и Камбрэ, говорится, что на их обязанности лежит наказывать еретиков, «как предпишет это инквизитор и согласно обычаю». В отчетах королевских прокуроров упоминаются издержки по приведению в исполнение казней в Лангедоке, как статья расходов инквизиции, относимых на счет доходов от конфискаций; и это не было согласно с обычной практикой уголовного суда, расходы которого относились на счет прямых доходов, но это были меры, принятые за счет инквизиции, простыми исполнителями решений которой являлись королевские чи-

новники. Шпренгер, не стесняясь, говорит о жертвах, «которые он приказал сжечь» — *quas incinerari fecimus*. И, действительно, церковь полагала, что сжечь еретика было вполне благочестивым делом, и она давала отпущение грехов всем тем, кто приносил дрова для костра, принимая, таким образом, на себя всю ответственность за казнь и раздавая сокровища «заслуг Иисуса Христа», чтобы возбудить ярость простого народа. Говорить, что церковь не была ответственна за эти жестокости,— чисто современный парадокс. Еще в XVII веке ученый кардинал Альбицио, отвечая брату Паоло по вопросу о контроле над инквизицией Венецианской республики, выразился следующим образом: «инквизиторы во всех процессах обыкновенно выносят окончательный приговор, и если это смертный приговор, то он непосредственно и обязательно приводится в исполнение дожем и сенатом»¹.

---

¹ Pegnae, «Comment. XX in Eymeric.», 124.— Tract. de Paup de Lugd. (Martène, «Thès.», V, 1792).— S. Thom. Aquinat, Summ. Sec. Q. XI, art. 3.— Eymeric. «Direct. Inquis.» 510—12.— Tract. de Inquis. (Doat, XXX).— Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).— A. de Spina «Fortalic. Fidei», изд. 1494 г., fol. 76a.— Mss. Bib. Nat., fonds Moreau, № 444, fol. 10. Cp. Archiv. di Napoli, Reg. 6, lett. D, fol. 39; Reg. 13, lett. A, fol. 139.— Coll. Doat, XXXIV, 189.— «Malleus maleficarum», P. II, Q I, c. 2.— Formulary of the papal penitentiary, Филадельфия, 1892, Rubr. XLII.— Jac. a Graffiiis, «Decis. aureae cassum conscientiae», P. II, lib. II, cap. 19, № 53.— Albizio, «Risposto al P. Paolo Sarpi», 30.

Григорий IX не стеснялся утверждать, что Церковь была обязана проливать кровь еретиков. В бреве от 1234 г., адресованном санскому архиепископу, он говорит: «*Nec enim decuit Apostolicam Sedem in oculis suis, cum Madianita coeunte Judeo, manum suam a sanguine prohibere, ne si secus ageret non custodire populum Israel... videretur.*» — Ripoll, I, 66.

Генрих Калтейзен был знаменитым доктором богословия и был впоследствии инквизитором в Кельне (Nider. Formicar. V, VIII).

Мы уже видели, что церковь была ответственна за жестокий закон, осуждавший еретиков на смерть, и что она властно вмешивалась, когда нужно было отменить какой-нибудь светский закон, который мог бы помешать точному и скорому исполнению наказания. Рядом с этим она принимала суровые меры против городских магистратов, когда они, по ее мнению, слабо или небрежно действовали при приведении в исполнение приговоров инквизиции. Общим распространением пользовалось в ту эпоху мнение, что, поступая так, она исполняла свои наиболее высокие и прямые обязанности. Бонифаций VIII только формулировал установившийся на практике обычай, внося в каноническое право напоминание светским властям, под угрозой отлучения от церкви, чтобы все, кого выдаст им инквизиция, подвергались быстрому и справедливому наказанию. Инквизиторам же было приказано возбуждать судебное преследование против упорствующих чиновников; но им предписывалось всегда говорить об «исполнении закона» без упоминания о характере наказания; цель здесь была одна — избежать «неправильности», хотя все знали, что единственным наказанием за ересь, к которому присуждала церковь, была смерть на костре. Даже в том случае, если светский сановник был отлучен от церкви и не имел права по закону отправлять своих обязанностей, он все же должен был карать еретиков, и эта обязанность считалась самой высшей его обязанностью. Нашлись даже писатели, которые утверждали, что если инквизитор будет вынужден сам привести приговор в исполнение, то, исполняя его, он не допустит «неправильности»¹.

---

¹ C. 18 Sezto V. 2.— Concil. Albiens. ann. 1254, c. 22. Eymeric. «Direct. Inquis.», 372, 562.— Pegnae «Comment. in Eymeric.», 564.— Guid. Fulcod. «Quaest.» X.— Alex. PP. IV. Bull. «Ad audientiam», 1260

Нечего было думать, чтобы после подобных неоднократных указов светская власть проявила отвращение к исполнению своей ужасной обязанности. Ученики церкви чересчур глубоко проникли в душу, чтобы там могло зародиться малейшее сомнение в законности репрессии. Как мы уже видели выше, законы всех государств Европы присуждали еретиков к сожжению живыми, и даже свободные республики Италии признавали в лице инквизитора судью, приговоры которого подлежали слепому исполнению. Даже сам Раймунд Тулузский в благочестивом порыве, предшествовавшем его смерти, в 1249 году приказал сжечь живыми в Берлеже, близ Ажана, восемьдесят еретиков, которые сознались в его присутствии, и он не дал им даже времени отречься от ереси. Если судить по современным этому приговорам Бернара Ко, то, весьма вероятно, что, если бы эти несчастные были судимы инквизитором, никто из них не был бы осужден на костер как не раскаявшийся. Столь же знаменательным в этом отношении является обвинение, возбужденное маршалом де Мирпуа против сенешаля Каркассона за то, что последний посягнул на права маршала, предав костру тех его подданных, которых инквизиция признала еретиками. В 1269 году Парижский парламент нашел, что жалоба Мирпуа справедлива, вследствие чего 18 марта 1270 году сенешаль разрешил, в восстановление его прав, торжественно передать ему останки семи мужчин и трех женщин из его подданных, только что сожженных в Каркассоне; если бы оказалось невозможным отыскать или установить

(Eymeric. Append. 34).— Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).— Alex. PP. IV Bull. «Quaesivisti», 1260 (Ripoll, I, 393).— Wadding. «Annal.» ann. 1288, № 20.— Zanchini «Tract. de Haeretic.», c. XVIII.— Fortalicii Fidei, fol. 74b.— Bern. Comens. «Luc, Inquis.» s. v. «Executio», № 1, 8.

подлинность этих останков, то вместо них должны были быть выданы десять мешков, наполненных соломой. Дело невероятное, но эта отвратительная церемония действительно состоялась через два дня, и память о ней сохранилась в нотариальном документе. Но хотя фамилия де Леви де Мирпуа гордилась титулом Маршалов Веры (Maréchaux de la Foi), все же трудно допустить, чтобы их рвение в данном случае было проявлением кровожадного фанатизма: в действительности сеньор верховный судья более всего заботился здесь о ненарушимости своих судебных прерогатив.

Подобный же спор возник в 1309 году, когда граф де Фуа выявил свои права на сожжение ересиарха катара Иакова Отье и одной женщины по имени Гильельма Кристоля, осужденных Бернаром Ги и бывших его подданными; но королевские чиновники поддерживали права своего повелителя, и вследствие этого возникла тяжба, тянувшаяся еще в 1326 году Равным образом тянулся долгий спор и в Нарбонне между виконтом и архиепископом о их юрисдикции, и когда последний в 1319 году с согласия инквизитора Жана де Бон отпустил на волю трех еретиков, то он заявил свои права на их сожжение. Община, выступившая представителем виконта, заявила протест, и спор был разрешен только представителем короля, который вмешался и сам окончил все дело; но хотя он и заявил предусмотрительно, что он не думает таким образом нарушать права той или другой стороны, однако, архиепископ продолжал восставать против того, что он считал посягательством на свои права¹.

Если, однако, по той или другой причине светские власти не решались предать казни еретика, то тотчас

---

¹ Guill. Pod. Laur., cap. 48.— Les Olim, I, 317.— Vaissette, изд. Privat, VIII, 674. Pr. 484, 659.— Baluz. et Mansi, II, 257.

всей силой своей власти вмешивалась церковь, чтобы привести их к повиновению. Так, например, после того как первое сопротивление в Тулузе было сломлено, и была восстановлена инквизиция, инквизиторы в 1237 году осудили как еретиков десять мужчин и женщин; консулы и вигье отказались «принять» осужденных, конфисковать их имущество и «поступить с ними, как принято поступать с еретиками», другими словами – отказались сжечь их живыми. Немедленно, предварительно посоветовавшись с епископом, с аббатом из Ма, с прево С.-Этьена и с приором монастыря Дорад, инквизиторы торжественно в соборном храме С.-Этьена отлучили от церкви упорствующих чиновников. В 1288 году Николай IV жаловался на небрежность и на нежелание, проявленные во многих городах светскими властями, уклонявшимися от приведения в исполнение приговоров инквизиции; папа повелел отлучить виновных от церкви и отстранить их от должности, а также наложить интердикт на их городские общины. В 1458 году в Страсбурге бургомистр Ганс Драхенфельс и его товарищи отказались сначала сжечь гуситского миссионера Фридриха Рейзера и его служанку Анну Вейлер; но церковь подавила их сопротивление и заставила их исполнить приговор. Тридцать лет спустя, в 1486 году городские власти Брешии отказались сжечь несколько колдунов и колдуний, осужденных инквизицией, требуя, чтобы им позволили рассмотреть дело. Это вполне понятное желание было признано возмущением. Гражданские юристы, правда, пытались доказать, что светские власти имеют право ознакомиться с делом, но инквизиторам удалось устранить это притязание. Иннокентий VIII не замедлил объявить, что желание городских властей Брешии оскорбительно для веры, и приказал отлучить их от церкви, если они в шестидневный срок не казнят осужденных; всякий муниципаль-

ный закон, противоречивший этому, был объявлен недействительным и не имеющим силы. Более серьезная борьба произошла в 1521 году, когда инквизиция направила все свои силы на то, чтобы очистить епархии Брешии и Бергама от колдуний, которые, как думали, наслали заразу. Инквизитор и судьи епископского суда энергично повели дело против этих несчастных, но вмешалась сеньория Венеции и обратилась к папе Льву X, который поручил своему нунцию в Венеции пересмотреть процесс. Последний передал свои права епископу Юстинополиса, который в сопровождении инквизитора и епископских судей явился в брешианскую Валькамонику, где было много воображаемых еретиков, и нескольких из них осудил на выдачу светским властям. Недовольный этим судом, сенат Венеции запретил губернатору Брешии приводить самому в исполнение эти приговоры, допускать их исполнение другими и платить судебные издержки; он должен был переслать все дело в Венецию и обязать епископа Юстинополиса явиться в сенат, что и было исполнено. Негодование папы не знало границ. Он в энергичных выражениях подтвердил инквизитору и епископским судьям, что они имели полное и неограниченное право над виновными, что их приговоры должны быть исполнены без всяких пересмотров и расследований, и что у них было полномочие заставить признавать их права, так как они могли наложить на послушников любое духовное наказание. Но в ту эпоху уже веял дух непокорства, а Венеция никогда не отличалась послушанием в отношении Св. Трибунала. Ниже мы увидим, как упорно Совет Десяти отстаивал свое положение и с беспримерной смелостью подтвердил верховность своей юридической власти¹.

---

¹ Vaissete, III, 410.— Wadding. «Annal.» ann. 1288, № XIX.— Hoffmann, «Gesch. der Inquisition», II, 391.— Bern. Com. «Luc.

Сказанное нами дает нам возможность по достоинству оценить следующие слова одного из новых католических историков инквизиции: «церковь не принимала никакого участия в телесном наказании еретиков. Все несчастные, которые погибли, были только наказаны за свои преступления, будучи осуждены королевскими судьями. История сохранила память о неистовствах, совершенных еретиками Болгарии, гностиками и манихеями, и к смертной казни были лишь присуждаемы уголовные преступники, сознавшиеся в насилиях, убийствах и грабежах. С равной снисходительностью поступали с альбигойцами..; католическая церковь оплакивала всякий акт возмездия, как бы ни был дерзок вызов, кинутый этими крамольными толпами».

Вот как пишется история по заказу! На самом же деле церковь с таким остервенением повелевала сжигать еретиков, что 18-й пункт обвинения в ереси, предъявленного Яну Гусу на Констанцском соборе, ставил ему в вину, что в своем трактате *De Ecclesia* он учил, что ни одного еретика не следует выдавать светской власти для предания его смертной казни. Сам Гус в своей защитительной речи допускает, что еретика, которого нельзя покорить кротостью, должно подвергнуть телесному наказанию; а когда прочли то место его книги, где те, кто предает еретика, отрицающего свою виновность, в руки светских судей, сравниваются с книжниками и фарисеями, предавшими Иисуса Христа Пилату, то святое собрание разразилось криками протеста, и среди негодующих го-

---

Inquis.» s. v. «Executio», № 6.— Innoc. PP. VIII. Bull. «Dilectus fillius», 1486 (Pegnae «App. ad Eymeric.», 84).— Leo PP. X. Bull. «Honestis», 1521 (Mag. Bull. Rom., I, 617).— Albizio, «Risposto al. Paolo Sarpi», 64–70.

лосов раздавался голос кардинала Петра д'Айльи, громко кричавшего: «Поистине, люди, редактировавшие эти пункты, были очень снисходительны, так как писания этого человека возмутительны»¹.

Постоянно повторяемое учение церкви глубоко убедило лучших ее членов, что сжечь еретика было актом очевидной справедливости, и что требование снисходительного отношения к еретикам является ересью, достойной самого строгого осуждения. Даже сам канцлер парижского университета Герсон не понимал, что можно иначе поступать с теми, кто упорно держался заблуждений, хотя и в таких вопросах, которые теперь не считаются догматами веры². Факт тот, что церковь не только определяла виновность и предписывала наказание, но она сама выдумывала преступление. Как мы увидим ниже, при Николае IV и Целестине V строгие францисканцы считались хорошими католиками; но когда Иоанн XXII объявил еретическим учение, что Спаситель жил в полной нищете, он переместил францисканцев в ряды врагов церкви, которых светские власти были обязаны отправлять на костер, под угрозой быть самим причисленными к еретикам.

Таким образом, все были согласны, что еретиков следовало сжигать; это мнение было плодом воспитания, данного церковью поколениям средних веков. Еретиком считался всякий, кто исповедовал еретическое верова-

---

¹ Rodrigo, «Historia verdadera de la Inquisition», Мадрид, 1876 г., I, 176–7. [Не надо думать, что подобные вещи печатаются только в Испании. Аббат Дуэ, сделавшийся в 1899 г. епископом, писал в 1881 г. («Rev. des quest. histor.», t. XXX, с. 400): «Да, поистине Церковь по отношению к еретикам всегда заботилась о справедливости и милосердии»!— С. Рейнах].— Von der Hardt, IV, 317–8.

² Von der Hardt, III, 50–1.

ние, защищал его и отказывался отречься от него; для подобного человека, упорствующего и закоренелого, было одно только ужасное наказание – костер. Но инквизитор не торопился с этим. Оставим в стороне заботу о возможном спасении души; обращенный, выдающий своих соумышленников, был более полезен для церкви, чем обугленный труп; поэтому не жалели усилий, чтобы добиться отречения. Опыт показал, что фанатически настроенные люди часто жаждали мучений и желали скорой смерти на костре; но инквизитор не должен был являться исполнителем их желаний. Он знал, что первый пыл часто уступал действию времени и мучений; поэтому он предпочитал держать упорствующего еретика, одинокого и закованного, в тюрьме в течение шести месяцев или целого года; к нему допускались лишь богословы и законоведы, которые должны были действовать на его ум, или его жена и дети, которые могли склонить его сердце. И только тогда, когда все усилия не приводили ни к чему, его «выпускали на волю»; но даже и после этого казнь откладывалась на день, чтобы он мог отречься, что, впрочем, случалось редко, так как не уступившие до этого времени обыкновенно не поддавались никаким убеждениям. Но если в последнюю минуту упорство еретика уступало, и он выражал желание раскаяться, то признавалось, что его обращение было вызвано страхом, и его оставляли в тюрьме до самой смерти. Нельзя было не принять отречения, сделанного даже на костре, хотя относительно этого не было определенных правил. Эмерик рассказывает о бывшем в Барселоне случае при сожжении трех еретиков; один из них, священник, сломленный ужасным страданием, когда уже одна сторона тела его совсем обгорела, закричал, что он желает отречься; его сняли с костра и приняли от него отречение; но спустя четырнадцать лет узнали, что он продолжает оставать-

ся еретиком, и что даже совращает других; тогда его поспешно сожгли¹.

Не раскаявшийся еретик, предпочитавший мученическую смерть вероотступничеству, не был единственной жертвой костра. Светское законодательство установило это наказание за ересь, и предоставило церкви определить, что надо подразумевать под ересью; и скоро понятие ереси чрезвычайно расширилось. Там, где доказательства признавались достаточными, отказ сознаться лишь увеличивал вину; громкое заявление о своей принадлежности к католической церкви несколько не помогало обвиняемому: его все равно, несмотря на его нежелание, признавали еретиком. Если два свидетеля показывали под присягой, что они видели кого-нибудь преклоняющимся перед Совершенным, то этого было достаточно: несчастный погиб. В таком же положении находились не явившиеся по вызову инквизиции и отказывавшиеся принести присягу. Даже тогда, когда не было ни одного доказательства, простое подозрение само собой превращалось в ересь в том случае, если подозреваемый не мог обелить себя, вызвав людей, которые согласились бы принять вместе с ним присягу, и в таком положении он оставался в течение года. В случае тяжелого подозрения отказ принести присягу превращал подозреваемого через год в еретика. Еретиком также, и достойным костра, считался тот, кто отказывался от исторгнутого у него признания. Одним словом, костер заполнял все недостатки инквизиционного судопроизводства. Это

---

¹ Concil. Arelatens. ann. 1234, c. 6.— Concil. Tarraconens. ann. 1242.— Concil. Biterrens. ann. 1246, append. c. 17.— Bern. Guidon. «Practica», P. IV (Doat, XXX).— Eymeric. «Direct. Inquis.», 514—16.— Anon. Passaviens. c. IX (Mag. Bib. Pat. XIII, 308). — Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XVIII.— Lib. Sentent. Inq. Tolosan., 6.

был высший аргумент, *ultima ratio*, и хотя до нас дошло немного примеров казней, мотивированных только что указанными причинами, но не подлежит сомнению, что угрозы, так обоснованные, были очень полезны на практике, и что внушаемый ими ужас вырывал много признаний как искренних, так и ложных из уст тех, кто без этого оставался бы нем¹.

Была еще другая категория случаев, которая сильно занимала инквизиторов и в которой их судопроизводство устанавливалось крайне медленно. Толпы вынужденных к раскаянию насилем, темницей или страхом костра наполняли тюрьмы и страну, и в глубине сердца люди эти продолжали оставаться по-прежнему еретиками. Выше я упоминал о бывшей всегда настороже полиции святой инквизиции, упоминал о правильно организованном шпионстве за обращенными, свобода которых в сущности была условной и обрекала их на положение поднадзорных; и неизбежно число рецидивистов (или считаемых таковыми) было очень многочисленно. Даже в тюрьмах было невозможно изолировать всех заключенных, и часто раздаются жалобы на волков в овечьей шкуре, которые совращают товарищей по заключению. Человек, торжественное обращение которого было признано ложным, не мог больше никогда внушить к себе доверия; это был неисправимый еретик, обратить которого церковь потеряла всякую надежду; всякое снисхождение к нему вело его только к окончательной гибели: его требовал костер. Однако надо сказать в похвалу инквизиции,

---

¹ Concil. Narbonn. ann. 1244, с. 26.— Concil. Biterrens. ann. 1246, App. с. 9.— Eymeric. «Direct. Inquis.» 376–7, 521–4.— Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 9992.— Lib. Sent. Inq. Tolosan., 379–80.— Zanchini «Tract. de Haeret.», с. XXIII.

что она нескоро ввела в практику ужасную теорию о рецидивистах, изложенную нами.

Уже в 1184 году Веронский декрет папы Луция III предписывал, что всякий еретик-рецидивист, т. е. впавший после отречения в ту же ересь, должен выдаваться светским судам даже без нового допроса. Равеннский эдикт Фридриха II 1232 года предписывает предавать смерти всех, кто, впад снова в ересь, показал этим, что его обращение было притворным, с целью избежать наказания за ересь. В 1244 году Нарбоннский собор упоминает о большом числе подобных случаев и, следуя указаниям Луция III, повелевает предавать виновных в руки светской власти без нового суда. В 1233 году Григорий IX ограничивается осуждением рецидивистов, число которых, по его словам, было огромно, на пожизненное тюремное заключение. Одним приговором от 19 февраля 1237 году инквизиторы Тулузы присудили к пожизненной тюрьме семнадцать еретиков-рецидивистов. На соборе в Таррагоне в 1242 году Раймунд де Пеннафорте указывает на различие в мнениях по этому вопросу и высказывается за тюремное заключение; в 1246 году собор в Безье, подтверждая аналогичные предписания, заявляет, что они согласны с заветами апостолов. Бывало даже, что строгость не заходила особенно далеко. В 1242 году Петр Селла ограничился тем, что предписал паломничества и ношение крестов, а в одном случае, бывшем в 1245 году во Флоренции, брат Руджиери Кальканьи наложил на виновного лишь незначительный штраф¹.

---

¹ Lucii PP. III. Epist. 171.— Hist. Diplom. Frid. II. IV, c. 300.— Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 11.— Gregor. PP. IX. Bull. «Ad capiendas» (Vaissete, III. Pr. 364).— Epist. Saecul. XIII, № 514 (Mon. Germ. Hist.).— Ripoll, I, 55.— Concil. Tarracon. ann. 1242.— Doctrina de modo procedendi (Martène, «Thes.», V, 1800).— Concil. Biterrens. ann. 1246, App. c. 20.— Coll. Doat, XXI, 148, 292.— Lami, «Antich. Tosc.», 560.

Но что делать с массой неискренне обратившихся? Этот вопрос сильно смущал и заботил церковь. Как всегда, затруднение сначала было решено так, что это дело предоставили на усмотрение инквизиторов. В ответ на вопрос ломбардской инквизиции кардинал Альбано около 1245 году предоставил инквизиторам накладывать наказания, которые они найдут нужным. В 1248 году Бернар Ко с подобным вопросом обратился к нарбоннскому архиепископу; в ответ он получил, что согласно апостольским наставлениям всех тех, кто вторично возвращается в лоно церкви со смирением и покорностью, можно карать пожизненным тюремным заключением, но мятущиеся должны быть выдаваемы в руки светской власти. На практике в этом отношении проявлялись то кротость, то строгость; но с удовольствием можно отметить, что в значительном большинстве случаев инквизиторы более склонялись к милосердию. Даже такой ревностный инквизитор, как Бернар Ко, не злоупотреблял свободой действий, предоставленной в этом отношении инквизиторам. В реестре приговоров за 1246–8 гг. имеется шестьдесят еретиков-рецидивистов, из которых никто не был приговорен более чем к тюрьме, причем некоторые не были даже приговорены к пожизненной тюрьме. Такой же сравнительной снисходительностью отличаются приговоры, вынесенные в следующее десятилетие как названным Бернаром, так и другими инквизиторами. Однако, за исключением одного, все руководства для судопроизводства инквизиции, относящиеся к этой эпохе, учат, что рецидивистов надо выдавать в руки светской власти, притом без всякого суда; отмеченное нами исключение составляет одно компилятивное руководство, по которому возвращение в ересь карается то пожизненной тюрьмой, то костром. Рецидивист-ростовщик подвергался менее суровому наказанию.

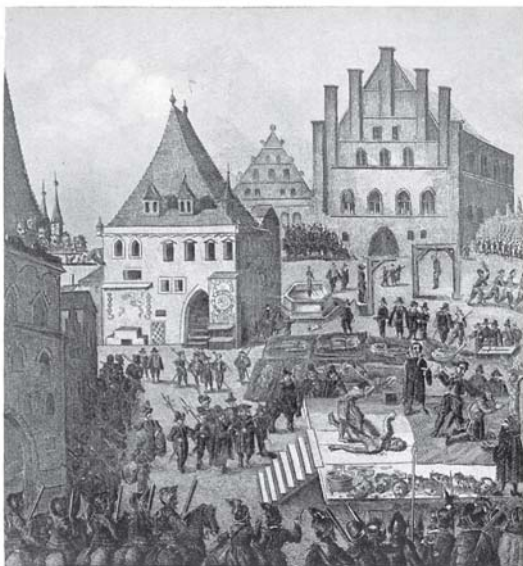
Факт тот, что в Лангедоке, согласно Парижскому трактату, клятвенное отречение приносилось каждые два года всеми мужчинами старше четырнадцати лет и всеми женщинами и девушками старше двенадцати лет; поэтому всякое проявление ереси было там, строго говоря, возвратом в ересь; и это, быть может, объясняет нерешительность инквизиторов Тулузы¹. Очевидно, невозможно было, не выслушивая объяснений, шить всех, в первый раз заподозренных в ереси!

Товарищ, впоследствии преемник Бернара Ко, Жан де С.-Пьер, следовал его примеру и всегда присуждал рецидивистов к пожизненному заключению. Это правило соблюдалось и после смерти Бернара, последовавшей в 1252 году, когда к Жану присоединился Рено Шартрский; брат Рено с ужасом узнал, что светские судьи не обращали внимания на снисходительные приговоры и сжигали несчастные жертвы без всякого милосердия; в свое оправдание гражданские власти ссылались на то, что иначе не удастся очистить страну от еретиков, и что снисходительность поведет к усилению ереси. Рено понял, что он не может, как его предшественники, закрывать глаза на подобную жестокость, и уведомил Альфонса де Пуатье, что он решил представить дело на разрешение папы, и просил его, чтобы до получения ответа из Рима он охранял заключенных от грубого насилия светских чиновников².

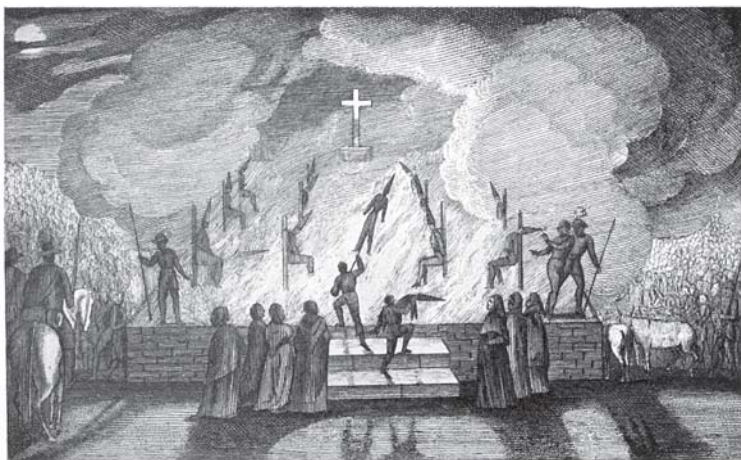
---

¹ Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 5, 139, 149).— Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 9992.— Martène, «Thes.», I, 1045.— Vaissete, III. Pr. 479.— Molinier, «L'Inq. dans le Midi», 387–8, 418.— Anon. Pasaviens. (Mag. Bib. Pat. XIII, 308).— Tract. de Paup. de Lugd. (Martène, «Thes.» V, 1791).— Doctrina de modo procedendi (ib. V, 1807).— Practica super Inquisit. (Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 14930, fol. 206, 212, 213, 222, 223).— Concil. Biterrens. ann. 1246, App. c. 33.

² Boutaric, «S. Louis et Alphonse de Poitiers», 453–4.

*Казнь еретиков в Праге (17 век).
(«Atlas der Kulturgeschichte», Brockhaus)*

*Аутодафе еретиков in effigie и костей умерших еретиков.
(«Histoire abrégée de l'Inquisition d'Espagne», Llorente)*

Ответ папы до нас не дошел, но мы можем думать, что глава римской церкви скорее одобрил жестокость чинowników Альфонса, чем кротость Рено, так как около этого времени Рим прямо предписал выдавать всех рецидивистов в руки светской власти; точную дату этого постановления выяснить, впрочем, мне не удалось. В 1254 году в очень серьезном случае повторного рецидива в Милане Иннокентий IV ограничился тем, что приказал разрушить дома виновных еретиков и наложить на них публичные епитимии; но уже в 1258 году Александр IV говорит о выдаче рецидивистов в руки светской власти, как о прочтно установившемся обычае; быть может, это было даже следствием запроса Рено. Это жестокое решение Рима, по-видимому, поразило инквизиторов, которые в течение нескольких лет не переставали спрашивать Св. Престол, как можно согласовать это решение с повсюду принятым положением, что церковь никогда не отказывает приходящим к ней и, как мать, принимает заблудших овец. На это отвечали с характерным лицемерием, что церковь нисколько не закрыта для рецидивистов, принесших раскаяние, так как они могут получить святое причастие даже и на костре, но все же и раскаяние не может избавить их от смерти. Мотивированное таким образом папское решение было внесено в канонические законы и попало в «Summa» св. Фомы Аквината. В подобных случаях обещание дать причастие в последнюю минуту вносилось в приговор, и жертву всегда сопровождали на костер священнослужители, старавшиеся спасти ее душу. Впрочем, инквизитору советуют лично не проявлять при этом особой ревности, опасаясь, не без основания, что вид его может вместо того, чтобы смягчить осужденного, лишь ожесточить его¹.

---

¹ Ripoll, I, 254.— C. 4 Sexto V. 2.— Potthast, № 17845.— S. Thom. Aquin. «Sec. Q. XI. Art. 4.— Eymeric. «Direct. Inquis.», 331, 512.— Lib. Sent. Inq. Tolos. 36.— Zanchini «Tract. de Haeretic.», c. XVI.

Хотя инквизиторы в этом отношении продолжали действовать по собственному усмотрению, и хотя они не отправляли всех рецидивистов на костер, но, тем не менее, достоверно, что мнимое или действительное преступление возвращения в ересь стало с этого времени наиболее частым поводом к смертной казни. Еретики, жаждавшие мученического венца, были сравнительно редки, но было много слабых духом людей, которые не могли искренне отречься от заблуждений, раз они полюбили их, и которые, избегнув смерти, надеялись, что теперь они сумеют лучше скрывать свое преступление против церкви¹.

Все это придало новое значение желанию строго законно определить понятие преступления возврата к ереси и вызвало тысячу споров и тонких схоластических измышлений. Явилась необходимость определить с некоторой точностью, когда виновный не мог быть даже заслушан, а также определить степень его виновности по первому и второму преступлению, совокупность которых оправдывала его осуждение как не раскаявшегося еретика. Там, где сама виновность была так часто неуловима и неосвязаема, задача измерить и определить ее была, конечно, не из легких.

Бывали случаи, когда при первой судимости обвиняемый оставался только под подозрением без всяких улик, и казалось жестоким осуждать человека на смерть за второе преступление, когда он не был уличен в первом. Недоумевая над разрешением этого вопроса, инквизиторы обратились к папе Александру IV, который дал им вполне определенный ответ. Если подозрение было тяжелое, ответил он, то следовало, «допуская своего рода законную фикцию»,

---

¹ Lib. Sent. Inq. Tolos. 2–4, 22, 48, 63, 76, 81–90, 122, 142, 150, 196–7, 230, 232, 287–8.

рассматривать его как законное доказательство виновности обвиняемого, и поэтому обвиняемый должен быть осужден. Если же подозрение было легкое, то обвиняемого следует наказать более строго, чем наказываются за преступление в первый раз, но не применять к нему полностью наказаний, наложенных для рецидивистов. Кроме того, для установления вторичного преступления требовались более слабые доказательства: достаточно было, если обвиняемый вступил в сношения с еретиком или выказал ему какое-либо дружеское расположение. Это постановление неоднократно подтверждалось Александром и его преемниками с настойчивостью, которая показывает, как много возникало недоразумений на этой почве; но, в конце концов, осуждение рецидивистов было внесено в каноническое право и стало ненарушимым законом церкви. Все авторы, кроме Цангино, единогласно говорят, что в подобных случаях не может быть ни малейшего снисхождения¹.

Возникали также затруднения по поводу прегрешений менее серьезных. Так, например, задавались вопросом, как следует поступать с сочувствующими ереси в случае вторичного их обвинения. Нарбоннский собор 1244 году полагал, что их следует отсылать к папе, чтобы он разрешил их грехи и наложил на них епитимию; но такая процедура была признана чересчур сложной. В средний период истории инквизиции все писатели, в том числе и Бернар Ги, не предписывая выдачи виновного светской власти, предлагают

---

¹ Alex. PP. IV. Bull. «Quod super nonnullis», 9 dec. 1257, 15 dec. 1258, 10 jan. 1260.— Urban. PP. Bull. «Quod super nonnullis», 21 aug. 1262.— Can. 8 Sexto V. 2.— Bern. Guidon. «Practica», P. IV (Doat, XXX).— Eymeric. «Direct. Inquis.», 331.— Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Relapsus».— Zanchini «Tract. de Haeretic.», c. XVI.

налагать на него тяжелую епитимию, чтобы навести на других спасительный страх. Но в XIV в. Эмерик полагает, что сочувствующий, привлеченный во второй раз, должен без всякого суда быть выдаваем в руки светской власти; строго по закону так же должно было поступать с теми, кто попадался снова после публичного обвинения в ереси; но это казалось столь жестоким, что Эмерик предложил представлять все подобные случаи на утверждение Святого Престола¹.

Был еще другой разряд преступников, которые очень беспокоили инквизиторов, и для которых было очень трудно установить однообразные правила; это те, кто убегал из тюрьмы или небрежно исполнял наложенную на них епитимию. По теории чистосердечно обратившимися считались те кающиеся, которые с радостью принимали епитимию как единственную надежду для них на вечное спасение; но, не выполняя после этого епитимии, они показывали или то, что их обращение было неискренне, или то, что их неустойчивая душа снова впала в старые заблуждения. Поэтому уже с самого начала на них смотрели как на рецидивистов. Валансский собор 1248 года постановил, чтобы сначала их милостиво усовещевали, после чего, если они продолжали оказывать неповиновение, с ними следовало поступать как с закоренелыми еретиками; это решение вносилось даже иногда в приговор, причем тем, кто стал бы небрежно исполнять епитимию, грозили наказанием, определенным для клятвопреступников и не раскаявшихся еретиков; и, однако, еще в 1260 году Александр IV, по-видимому, затруднялся издать особое

---

¹ Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 13.— *Doctrina de modo procedendi* (Mart. «Thes.», V, 1802–8).— Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).— Eymeric. «Direct. Inquis.», 386.

правило для этих случаев и неопределенно говорит об отлучении от церкви, о новом наложении наказания и об обращении, в случае надобности, к помощи светской власти. Около этого же времени Ги Фукуа высказывается за смертную казнь, считая, что подобная небрежность служит признаком закоснелой ереси; но Бернар Ги считал это чрезмерным и советовал предоставлять виновных на усмотрение инквизитора. Наиболее частыми преступлениями этого рода были самовольное снятие желтых крестов и побег из тюрьмы; первое, насколько я знаю, никогда не наказывалось смертью, хотя и влекло за собой довольно строгие наказания, чтобы отбить у кающихся охоту делать это. Что касается побега из тюрьмы, то инквизиторы последнего периода инквизиции считали это преступлением уголовным: бежавший из тюрьмы был еретик-рецидивист, и его следовало сжечь живым без всякого суда. Некоторые законоведы держались того убеждения, что обратившийся, если он не выдал всех известных ему еретиков, поклявшись сделать это, был рецидивист; Бернар Ги находил еще это преувеличенным. Решительный отказ выполнить епитимию, естественно, считался признаком упорной ереси и вел прямо на костер. Впрочем, эти случаи были редки, так как епитимия накладывалась только на тех, кто уже сознался и желал присоединиться к церкви; однако мы знаем, что во второй половине XV в. была сожжена живой одна женщина, которая отказалась выполнить епитимию, наложенную на нее картагенской инквизицией¹.

---

¹ Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 13.— Concil. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 33.— Concil. Valentin. ann. 1248, c. 13.— Arch. de l'Évêché d'Albi (Doat, XXXV, 69).— Alex. PP. IV. Bull. «Ad audientiam», 1260 (Mag. Bull. Rom. I, 118).— Guidon. Fulcod. «Quaest.» XIII.— Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).— Lib. Sentent. Tolosan., 177,

Несмотря на это широкое применение смертной казни, я убежден, это число жертв, погибших на костре, гораздо меньше, чем обыкновенно думают. Факт сжигания умышленно человека только за то, что он верит иначе, чем мы, представляется такой драматической жестокостью и так поражает ужасом, что, в конце концов, в нем стали видеть существенную черту деятельности инквизиции. Но необходимо помнить, что среди других наказаний, налагаемых ее приговорами, костер был сравнительно менее употребителен. Большинство документов этой мрачной эпохи страданий до нас не дошло, и мы не можем теперь установить статистику; но если бы они сохранились, то я думаю, что мы были бы поражены встретить так мало случаев наказания сожжением среди других более или менее жестоких наказаний. Надо остерегаться по этому поводу от преувеличений, столь обычных у большинства писателей. Никто, конечно, не заподозрит Дом Бриалья в легкомыслии или предвзятом мнении, и, однако, в предисловии к XXI т. своего «*Recueil des Historiens des Gaules*» (стр. XXIII) он приводит, как достоверное, утверждение, что Бернар Ги за время своей инквизиторской деятельности в Тулузе (1308–1323 гг.) отправил на костер 637 еретиков; но, как мы уже видели, это только общая цифра его решений за данное время, а смертных приговоров было только сорок, не считая шестьдесят семь приговоров вырытия и сожжения останков умерших еретиков. Еще другой пример. Ни один из инквизиторов не прославился так своей энергией и деятельностью, как Бернар Ко, который бо-

---

199, 350, 393.— Mss. Bib. Nat., fon. lat., nouv. acquis. № 139, fol. 2.— Eymerici «*Direct. Inquis.*», 643.— Zanchini «*Tract. de Haeretic.*», с. X.— Bern. Comens. «*Lucerna Inquis.*» s. v. «*Fuga*», № 5.— Albertini, «*Repertor. Inquisit.*» s. vv. «*Deficiens*», «*Impoenitens*».

ролся с ересью, когда она была во всей своей силе. Бернар Ги называет его молотом еретиков и человеком святым и полным Бога, «удивительным по своей жизни, удивительным по своему образованию и удивительным по уничтожению ереси». Он при жизни еще творил чудеса, а в 1281 году, через двадцать восемь лет после его смерти, тело его было найдено сохранившимся, за исключением кончика носа (очевидный признак его чистоты и святости). Подобного человека нельзя заподозрить в снисходительности к еретикам,— между тем, в списке его решений за 1246—1248 гг. нет ни одного случая, не считая заочных решений, где он выдал бы виновного в руки светской власти. Конечно, осужденные заочно могли быть сожжены светской властью, но на практике они могли спасти себя, выразив покорность, чему мы имеем в данном списке поразительный пример. Самым опасным еретиком в Тулузе был Аламан де Роэ. Он принадлежал к одной из самых знатных фамилий города, давшей еретической церкви много приверженцев; сам Аламан, думали, был у еретиков епископом. В 1229 году легат Романо приказал ему отправиться с крестоносцами в Св. Землю; он клятвенно обещал исполнить это, но не сделал ничего. В 1237 году первые инквизиторы, Гильем Арно и Этьен де С.-Тибери, снова занялись им; он деятельно покровительствовал еретикам, распространял ересь, грабил, ранил и убивал священников и лиц духовного звания. На этот раз его осудили заочно. Его признали *faudit*, лишенным прав, живущим насилием и грабящим католиков. Нельзя было представить себе другой случай более тяжелой и закоренелой ереси и упорного нежелания явиться на суд. Однако, когда 16 января 1248 года он, спустя двадцать лет после первого своего обращения, сознав свои заблуждения, рас-

каялся, его приговорили лишь к пожизненному тюремному заключению¹.

На деле, как мы уже говорили, инквизиторы более добивались обращений, разоблачений и конфискаций, чем увеличения числа мучеников. Костер, зажигаемый время от времени, поддерживал в населении ужас, который считали спасительным. Бернар Ги, отправив в течение пятнадцати лет сорок человек на костер, уничтожил последние проявления катаризма, нанес удар вальденсам и подавил неуместное рвение францисканцев-спиритуалов. Действительным оружием Св. Трибунала, притом оружием страшным, были грязные тюрьмы, массовые конфискации, унижительные епитимии и, наконец, невидимая полиция, благодаря которой она парализовала ум и сердце всякого, кто имел несчастье раз попасть в ее руки.

Скажем теперь несколько слов о самой казни. Когда собиралась толпа смотреть предсмертную агонию мучеников, то старались не выказать никакой к ним жалости, чтобы не смягчить фанатизма зрителей. Винового не удушали раньше, чем поджигали дрова, как это практиковалось в позднейшей испанской инквизиции; порох еще не был изобретен, и поэтому не прибегали еще к менее человеческому приему, применявшемуся впоследствии,— обвязывать шею жертвы мешком с порохом, чтобы сократить ее мучения, когда пламя охватит ее. Несчастливого привязывали живым к столбу, возвышавшемуся над грудой дров настолько высоко, чтобы верные могли видеть все действия ужасной трагедии. Святые люди сопровождали его до полудней минуты в надежде вырвать, если возможно, душу его из когтей

---

¹ Bern. Guidon. «Fund. conv. raedicat.» (Martène, «Thes.» VI, 481–3).— Coll. Doat, XXI, 143, 146.— Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 9992.— Molinier, «L'Inquist. dans le Midi», 73–4.

дьявола; если он не был рецидивистом, он мог еще в последнюю минуту спасти свое тело. Но и в этих окончательных приготовлениях мы видим пример той крайней непоследовательности, с которой церковь пыталась сделать вид, что на нее не падает ответственность в этих убийствах. Монахам, сопровождавшим несчастную жертву, строго запрещалось убеждать ее умереть без сопротивления, или взойти твердым шагом по лестнице, ведущей на эшафот, или мужественно отдать себя в руки палача, ибо, давая подобные советы, они могли ускорить ее конец и допустить, таким образом, «неправильность». Назидательное и уместное зазрение совести людей, уже совершивших юридическое убийство. Обыкновенно казнь совершалась в праздничный день, чтобы могло собраться больше народа, и чтобы зрелище было поучительнее; из боязни, чтобы жертва не вызвала в собравшихся чувства жалости или симпатии, на нее накладывалось молчание¹.

Второстепенные подробности известны нам из отчета одного свидетеля казни Яна Гуса в Констанце в 1415 году. Несчастный должен был стать между двух вязанок хвороста, и его крепко привязали веревками к толстому столбу; веревки охватывали его вокруг лодыжек, колен, пахов, талии и подмышками; на шею ему надели цепь. Затем заметили, что он повернулся лицом к востоку, а так как это было неприлично для еретика, то его повернули лицом к западу. Он был обложен до самого подбородка связками хвороста и соломы. После этого граф палатин Людовик, наблюдавший за исполнением казни, подошел к эшафоту вместе с констанцским прево и в последний раз предложил Гусу отречься. Когда он отказался, они

---

¹ Eymerici «Direct. Inquis.», 512.— Tract. de Paup. de Lugd. (Martène, «Thesaur.», V, 1792).

отошли и ударили в ладони, что было знаком для исполнителей казни поджечь костер. Когда огонь пожрал все, то приступили к возмутительному делу окончательного уничтожения обуглившегося трупа; его разорвали на части и перебили кости, а затем остатки и внутренности снова бросили в огонь.

Когда можно было опасаться, чтобы присутствовавшие не сохранили остатков мученика, как, например, при казнях Арнольда Брешианского, некоторых францисканцев-спиритуалов, Гуса, Савонаролы, то после того, как огонь погасал, тщательно собирали пепел и бросали его в проточную воду¹.

Есть что-то забавное и ужасное в контрасте между этим крайним проявлением человеческой злобы и бесстрастным счетом издержек, который представлялся светской власти. В отчетах Арно Ассали мы находим подробную запись расходов по сожжению четырех еретиков в Каркассоне 24 апреля 1323 года

Дрова	55 су 6 денье
Хворост	21 су 3 денье
Солома	2 су 6 денье
4 столба	10 су 9 денье
Веревки	4 су 7 денье
Палачу по 20 су с головы	80 су

Немного более двух ливров на каждого сожженного еретика².

Если еретик умирал до совершения над ним казни, и если делалось постановление о вырытии его тела или костей, то церемония сожжения их была, конеч-

---

¹ Mladenowic Narrat. (Palacky, «Monument. J. Huss», II, 321–4). – Landucci, «Diar. Fiorent.», 178.

² Coll. Doat, XXXIV, 189.

но, менее торжественна, но не упускали ничего, чтобы сделать ее ужасной. До нас дошел от 1237 года рассказ одного современника, Гилье́ма Пелиссона, о том, как было вырыто в Тулузе много трупов людей знатных и других покойников. Их кости и разложившиеся трупы тащили по улицам, причем впереди шел глашатай и кричал: «*Qui aytal fara, aytal perira*» («всякий, кто поступит так, так вот и погибнет»), затем они были сожжены «во славу Бога, Блаженной Девы Марии, Его Матери и блаженного Доминика, их служителя». Эта процедура, несмотря на то, что была довольно дорога, сохранялась во все время существования инквизиции. Из отчетов Арно Ассали от 1323 года мы видим, что вырыть кости трех еретиков, купить для них мешок, купить веревки, чтобы завязать мешок, нанять двух лошадей дотащить мешок до площади и купить дрова для костра — стоило 5 ливров 19 су 6 денье¹.

Костер служит инквизиции еще для того, чтобы очищать страну от «заразительных и еретических» сочинений; это было начало цензуры, занявшей впоследствии видное место в деятельности инквизиции. Обычай сжигать неприятные книги восходит к глубокой древности. Император Константин, как мы видели, требовал под страхом смертной казни выдачи его агентам всех арианских сочинений. В 435 году Феодосий II и Валентиниан III приказали сжечь все книги несториан; другой закон грозил смертью всем, кто не выдаст сочинений манихеев. Юстиниан осудил *secunda editio*, что по определению глоссаторов означало Талмуд. В последующую затем эпоху варварства этот прием подавлять заблуждения человеческого ума, понятно, приме-

---

¹ Guillem. Pelisso, «Chron.», изд. Molinier. 45.— Coll. Doat, XXXIV, 189.

нялся мало; однако, в 680 году король вестготов Эриг запретил евреям читать книги, несогласные с христианской верой, между прочим, Талмуд. Когда человеческий ум пробудился, то прибегли к более энергичным мерам. Когда в 1210 году парижский университет был взволнован заблуждениями Амори, то был издан приказ сжечь сочинения его товарища, Давида де Динан, а также «Физику» и «Метафизику» Аристотеля. Мы уже упоминали о сожжении переводов Св. Писания Иаковом I Арагонским, о канонах Нарбоннского собора 1229 году, запретивших мирянам иметь Св. Писание, и о сожжении сочинения Вильгельма де С.-Амур: «De periculis». Книги евреев, в особенности Талмуд, благодаря своим богохульственным намекам на Спасителя и Св. Деву, вызывали к себе особую ненависть, и церковь не щадила усилий, чтобы уничтожить их. В середине XII в. преподобный Петр ограничился тем, что изучал Талмуд и предал публичному осуждению некоторые странные фантазии этой любопытной амальгамы высокого и смешного. Но его прием чисто-го диалектика не подходил к горячему темпераменту XIII в., который более сурово начал преследовать неверующих, и преследование литературы евреев шло наряду с преследованием литературы альбигойцев и вальденсов. Это преследование было вызвано одним обращенным в христианство евреем, по имени Николай де Рупелла, который около 1236 года обратил внимание Григория IX на богохульство, заключающееся в еврейских книгах, в особенности в Талмуде. В июне 1239 года Григорий писал королям Англии, Франции, Наварры, Арагонии, Кастилии и Португалии, а также прелатам этих королевств, приказывая, чтобы в субботу будущего поста, когда все евреи будут в своих синагогах, все книги их были схвачены и выданы нищенствующим монахам. До нас дошел отчет расследования, вызван-

ного в Париже арестом этих книг. Здесь мы видим, как легко было найти в книгах евреев достаточное число мест, оскорбительных для благочестивого ума, хотя раввины, решившиеся выступить на защиту своих книг, и старались растолковать их в совершенно другом смысле и оспаривали существование кощунственных отзывов о христианском Мессии, о Св. Деве и о святых. Дело тянулось много лет, и приговор был вынесен только 13 мая 1248 года, и тотчас же парижане имели счастье видеть, как было сожжено четырнадцать возов книг, а затем еще шесть. Но Талмуд продолжал существовать. В 1255 году Людовик Святой снова приказал в своих инструкциях сенешалям Нарбоннской провинции уничтожить все экземпляры Талмуда, а также всех книг, содержащих богохульства. В 1267 году Климент IV предписал таррагонскому архиепископу заставить короля Арагонии и его сеньоров, под страхом отлучения от церкви, распорядиться о том, чтобы евреи выдали инквизиторам Талмуд и другие книги. Книги, в которых не будет обнаружено богохульства, должны быть возвращены, а остальные должны быть опечатаны и спрятаны в надежное место. Альфонс Мудрый Кастильский показал, что он достоин своего прозвища, если правда, как говорят, что он приказал перевести Талмуд, чтобы все могли судить о его заблуждениях.

Пассивное сопротивление евреев сделало все эти усилия бесплодными. В 1299 году Филипп Красивый заявляет о постоянном увеличении числа экземпляров Талмуда и приказывает своим судьям помогать инквизиторам в деле их уничтожения. Через десять лет, в 1309 году, в Париже были публично сожжены четыре воза еврейских книг. Бесполезность всех этих мер ясно сказалась в решении, произнесенном Бернаром Ги на аутодафе в 1319 году. Под влиянием инквизиторов королевские чиновники снова принялись за тща-

тельные розыски и собрали все экземпляры Талмуда, которые они могли захватить. Специалисты в еврейском языке, приглашенные по этому поводу, внимательно рассмотрели содержание; затем, после долгих споров между инквизиторами и законниками, было решено, чтобы эти книги, нагруженные на два воза, были провезены по улицам Тулузы; королевские чиновники должны были громко возглашать, что эти книги подлежат уничтожению за находящиеся в них богохульственные отзывы об Иисусе Христе, о Пресв. Деве Марии, Его Матери, и о христианстве; после этого их следовало торжественно сжечь. Это единственный пример сожжения книг за все время деятельности Бернара Ги; и тот факт, что в 1319 году понадобились две телеги, чтобы свезти осужденные книги, показывает, что это был результат долгих и систематических розысков. Но вообще этот инквизитор придавал большое значение уничтожению этой еврейской литературы; так, например, одна формула его сборника предписывает всем священникам подряд три воскресения приказывать выдавать инквизиции, под страхом отлучения от церкви, все еврейские книги, в том числе и «Talamuz». Поход против этой книги продолжался долго. В следующем, 1320 году, Иоанн XXII приказал отбирать его и сжигать. В 1409 году это было подтверждено Александром V. Известно всем, какой спор вызвал Талмуд в эпоху Возрождения, но, несмотря на все усилия гуманистов, во главе которых стояли Пфефферкорн и Рейхлин, было решено уничтожить Талмуд. В 1554 году Юлий III подтвердил указ инквизиции; евреям было приказано под страхом смерти выдать все книги, где встречаются богохульственные отзывы о Христе; это папское предписание было внесено в каноническое право и остается в нем до сих пор. Цензура инквизиции не ограничивалась борьбой про-

тив заблуждений евреев; но деятельность ее в других литературных областях удобнее рассмотреть в другом месте¹.

В заключение не лишнее будет бросить беглый взгляд на то, как отразились на церкви методы инквизиции.

Методы, изобретенные и одобренные инквизицией, произвели на церковь самое печальное действие. Епископские суды применяли их к еретикам, а вскоре нашли, что насилие и произвол дают такие блестящие результаты, что их распространили и на все дела, подсудные епископским судам. Уже в 1317 году Бернар Ги говорит о пытке как о явлении, обычном в духовных судах, и, возражая против стеснений Клементин, задается вопросом, почему стеснять еписко-

---

¹ Sozomen. «Н. Е.», II, 20.— Const. Vi; XVI, § 1. Cod. I. 5.— Auth. Novell. CXLVI, с. 1.— Concil. Tolitan. XII, ann. 681, cap. IX.— Rigord. «de Gest. Phil. Aug.» ann. 1210.— Petri Venerab. «Tract. contra Judaeos», с. IV.— D'Argentré, «Collect. Judicior. de nov. Erroribus», I, I, 132, 146–56, 349.— Potthast, № 10759, 10767, 11376.— Ripoll, I, 487–88.— Pelayo, «Heterodoxos Espanoles», I, 509.— Coll. Doat, XXXVII, 125, 246.— Harduin. «Concil.» VII, 485.— S. Martial. «Chron.» ann. 1309 (Bouquet, XXI, 813).— Lib. Sentent. Inq. Tolos., 273–4.— Bern. Guidon. «Practica» (Doat, XXIX, 246).— Raynald. ann. 1320, № 23.— Wadding. ann. 1409, № 12.— C. 1 in Septimo V. 4.

В парижском осуждении 1248 г. поименован только Талмуд, хотя в отчете упоминается комментарий Соломона из Труа и одно сочинение, по-видимому, «Toldos Jeschu», та история Христа, которая вызвала столь сильное негодование картезианца Рамона Марти в его «Pugio Fidei», а также негодование последующих христианских писателей (ср. Wagenseil, «Tela ignea Satanae», Altdorf, 1681). Никто не может, читая эту странную историю Христа, написанную с еврейской точки зрения, не задаться вопросом, как дошел до нас хотя бы один экземпляр подобного пасквиля.

пов в применении пытки к еретикам, тогда как они свободно могут применять ее к другим обвиняемым¹?

Привыкнув, таким образом, к безжалостному суду, церковь становилась все более и более жестокой и грубой, все менее и менее христианской. Самые худшие папы XII и XIII столетий не решились бы опозорить мир поступком, подобным тому, в котором Иоанн XXII проявил свою ненависть к епископу Кагора, Гуго Герольду. Иоанн был сыном простого работника из этого города, и весьма возможно, что он питал к Гуго старинную ненависть; факт тот, что, сделавшись папой, он немедленно и яростно обрушился на своего врага. 4 мая 1317 года несчастный прелат был в Авиньоне лишен звания и осужден на пожизненное заключение в тюрьму. Но этого Иоанну было мало. Под предлогом, что Гуго устроил покушение на жизнь папы, его выдали в руки светской власти и в июле того же года с него живого содрали кожу, протащили по улицам и сожгли на костре².

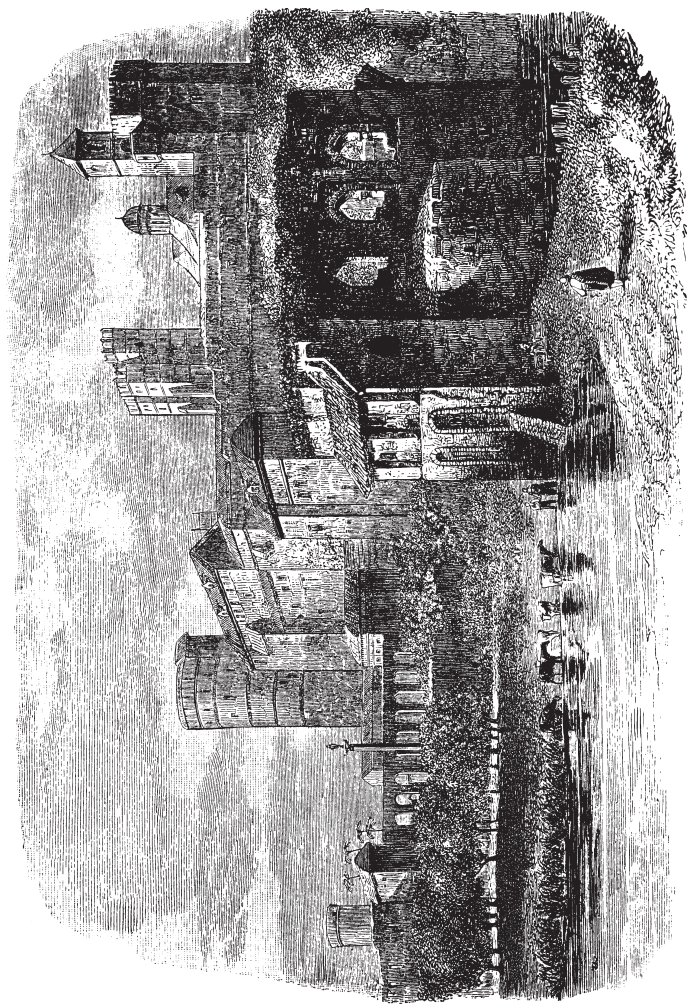
Дело зашло так далеко, и привычка к зверскому насилию настолько вкоренилась, что встречаются самые высокопоставленные прелаты, которые сводили свои счета с жестокостью, которой устыдилась бы шайка разбойников. В 1385 году шесть кардиналов были обвинены в заговоре против Урбана VI; взбешенный папа велел схватить их, когда они выходили из консистории, и бросить в заброшенный водоем в замке Носера, где находилась его резиденция; этот водоем был так узок, что кардинал ди Сангро, человек толстый и высокий, не мог там даже протянуться. К несчастным были применены методы, введенные в употребления

---

¹ Bern. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 101).

² Extrav. Commun. lib. V. Tit. VIII, c. 1.— Amalrici Augerii, «Vit. Pontif.» ann. 1316–17.— Bern. Guidon. «Vita Joann. XXII».

инквизицией. Их мучили голодом, холодом, червями, и в то же время люди папы побуждали их сознаться, обещая прощение. Когда они отказались, то подвергли пытке епископа Аквилы, который не вынес страданий и оговорил остальных. Последние продолжали отрицать свою вину и также подверглись пытке. От кардинала ди Сангро удалось получить только одно сознание, что он страдает заслуженно за все то зло, которое он причинил, по приказанию папы Урбана, архиепископам, епископам и другим прелатам. Когда дошла очередь до кардинала Венеции, то папа поручил дело старому пирату, которого он назначил приором ордена св. Иоанна в Сицилии, приказав ему мучить несчастного до тех пор, пока он, папа, не услышит его стонов. Пытка тянулась с утра до обеда; а папа в это время прогуливался по саду под окном застенка, громко читая бревиарий, так что звуки его голоса напоминали палачу о приказании мучить жертву. Но тщетно пират прибегал и к дыбе и к кобыле; несмотря на преклонный возраст и болезнь жертвы, у нее не удалось вырвать никакого крика, кроме «Христос страдал за нас!» Обвиненные сидели в своей ужасной тюрьме до тех пор, пока Носера не была осаждена Карлом из Дураццо; папе удалось бежать, захватив с собой свои жертвы. Во время бегства ослабленный пыткой епископ Аквилы, сидевший на плохой лошаденке, не мог поспевать; рассерженный этим, папа приказал убить епископа и бросить труп его на дороге без всякого погребения. Другие кардиналы, менее счастливые, были морем отправлены в Геную и заключены в такую грязную тюрьму, что городские власти, тронутые жалостью, просили оказать им снисхождение. Англичанин кардинал Адам Астон был выпущен на свободу благодаря энергичному вмешательству Ричарда II, а остальные исчезли загадочным образом. По

ТЮРЬМА В СЕВИЛЬЕ.
(«Mysteres de l'Inquisition», С.-V. de Fereol)

одним сведениям, папа велел отрубить им головы, по другим — их повезли морем в Сицилию и по дороге потопили; а третья версия передает, что их зарыли живыми во рву, наполненном негашенной известью, выкопанном в папской конюшне. Соперник Урбана, известный под именем Климента VII, был не менее его кровожаден. Когда он был еще легатом Григория XI и назывался кардиналом Робертом Женевским, то он стоял во главе дорожных грабителей, чтобы поддерживать папские территориальные притязания. Самым крупным его подвигом была ужасная резня в Чезене; для его характеристики можно вспомнить угрозу, с которой он обратился к жителям Болоньи: «омыть руки и ноги в их крови». Таково было обратное влияние инквизиции на церковь, породившую ее для борьбы с еретиками. Когда Бернабо и Галеаццо Висконти заставляли пытать и сжигать на медленном огне духовных лиц, то жестокость их не была оригинальной: они только следовали примеру церкви¹.

Еще более губительно сказалось влияние инквизиции на светском судопроизводстве. Оно сказалось в то время, когда старый порядок вещей уже падал, когда уже начинали выходить из употребления старые варварские обычаи: ордалии, судебные поединки и денежные пени; когда под влиянием римских законов вырабатывалось новое право, и когда юрисдикция феодального сеньора быстро поглощалась все увеличивающейся юрисдикцией короля. Вся судебная система европейских государств была на пути полного изменения, и счастье бу-

---

¹ Theod. a Niem «de Schismate», lib. I, c. 42, 45, 48, 50, 51, 52, 56, 57, 60.— Gobelin, «Personae Cosmodrom. Act.», VI, c. 78.— Chronik des J. von. Königshofen (Chron. der deutschen Städte, IX, 598).— Raynald. ann. 1362. № 13; 1372, № 10.— Poggii «Hist. Florentin.» lib. II. ann. 1736.

дущих поколений зависело от характера новых учреждений. И если при этой реформе были почти исключительно приняты худшие заблуждения императорского судопроизводства, а именно инквизиционный процесс и пытка; если были устранены все гарантии римского права против злоупотреблений, и допускались всякие беззакония; если, наконец, эти возмутительные приемы привились и в течение пяти столетий оставались отличительной чертой уголовного судопроизводства Европы, то мы без всякого колебания можем объяснить это только тем, что все это получило высокую санкцию церкви. Поддерживаемые ею, эти приемы проникли всюду, куда проникла инквизиция. Наоборот, большинство народностей, не испытавших инквизиции, сохранило свои прадедовские обычаи и самостоятельно развило их, вводя, таким образом, новые обычаи, которые нам кажутся, конечно, очень суровыми, но где мы, по крайней мере, не встречаем, к счастью, жестоких мер, которыми отличалось уголовное судопроизводство в странах, знакомых с инквизицией.

Это, быть может, самое ужасное зло среди многих других, порожденных инквизицией: до конца XVIII в. в большей части Европы инквизиционное судопроизводство, развившееся в целях уничтожения ереси, сделалось обычным методом, применявшимся в отношении всех обвиняемых. В глазах светского судьи обвиняемый был человеком, стоящим вне закона, виновность его всегда предполагалась, и из него надо было во что бы то ни стало, хитростью или силой, вырвать признание. Так же относились и к свидетелям. Узник, сознавшийся под пыткой, подвергался новым пыткам, чтобы он выдал «других преступников», которых он мог знать. Равным образом, инквизиция ввела в обычный суд преступление «подозрения»; если не удавалось обличить обвиняемого в

преступлении, которое приписывалось ему, то его можно было наказать как подозреваемого, причем наказание предоставлялось усмотрению судьи. Как назвать всю эту, порожденную инквизицией, систему, которая до последнего столетия отдавала несчастных и беззащитных на произвол жестоких судей? Она кажется настоящим изобретением дьявола, и сэр Джон Фортескью не преувеличивал, называя ее «Дорогой ада»¹.

---

¹ Fortescue, «de Laudibus Legum Angliae», cap. XXII. Еще в 1823 г. один суд на Мартинике осудил человека на пожизненные каторжные работы, так как на него пало «тяжелое подозрение» в том, что он колдун (Isambert, «Anc. loix francaises», XI, 253.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ИЕЗУИТЫ

От переводчика	7
Предисловие автора	8
Введение	10
<i>Глава I. Основатель .....</i>	<i>103</i>
<i>Глава II. Возникновение Общества Иисуса .....</i>	<i>143</i>
<i>Глава III. Победное шествие Общества Иисуса по Европе .....</i>	<i>184</i>
<i>Глава IV. Завоевания Общества Иисуса в языческих странах .....</i>	<i>282</i>
<i>Глава V. Распространение и организация Общества Иисуса в апогей его могущества .....</i>	<i>352</i>
<i>Глава VI. Упадок, возрождение и реорганизация ордена .....</i>	<i>391</i>

ИНКВИЗИЦИЯ

Происхождение и устройство

<i>Глава I. Церковь .....</i>	<i>445</i>
<i>Глава II. Ересь .....</i>	<i>525</i>
<i>Глава III. Катары .....</i>	<i>572</i>
<i>Глава IV. Крестовые походы против альбигойцев .....</i>	<i>628</i>
<i>Глава V. Преследование .....</i>	<i>738</i>
<i>Глава VI. Нищенствующие монахи .....</i>	<i>788</i>

<i>Глава VII. Установление инквизиции .....</i>	878
<i>Глава VIII. Устройство инквизиции .....</i>	969
<i>Глава IX. Судопроизводство инквизиции .....</i>	1008
<i>Глава X. Свидетельские показания .....</i>	1056
<i>Глава XI. Защита .....</i>	1076
<i>Глава XII. Приговор .....</i>	1099
<i>Глава XIII. Конфискация .....</i>	1161
<i>Глава XIV. Костер .....</i>	1207

Научно-популярное издание

Генрих Бемер

Иезуиты

Генри Чарлз Ли

Инквизиция

Главный редактор *Н.Л. Волковский*

Редактор *И.А. Задоя*

Технический редактор *И.В. Бuzдалева*

Компьютерная верстка *О.И. Орлов, Е.А. Трефилов*

Налоговая льгота – общероссийский классификатор
продукции ОК–005–93, том 2, 953000 – книги, брошюры

Изд. лиц. № 064346 от 09.12.95

Подписано в печать 11.01.99. Формат 84×108/₃₂

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 39,0.

Усл. печ. л. 60,27. Тираж 5000

ООО “Издательство ПОЛИГОН”

199119, С.-Петербург, а/я 80.